This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4353.50.2

Harvard College
Library

FROM THE BEQUEST OF

SUSAN GREENE DEXTER

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

Digitized by Google

Slav 4353.50.2

HARVARD COLLEGE
Jan 7, 1931
LIBRARY
Dexter Fund

Артистич. заведеніе А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

Digitized by Google

АЛЧУЩІЕ.

РОМАНЪ

ВЪ ПЯТИ КНИГАХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Весна была въ самомъ разгарѣ.

Сначала шли безпрерывно теплые дожди; потомъ они смѣнились ясными, почти знойными днями. Снѣга стаяли быстро, дороги подсохли. Даже на тѣневыхъ откосахъ холмовъ и канавъ не оставалось и слѣдовъ снѣжныхъ подушекъ, а виднѣлись залегшія въ глубокихъ уголкахъ тонкія, точно вылитыя изъ стекла, узорчатыя, какъ кружево, пленки льда. На поляхъ и лугахъ показались рѣдкіе зеленые побѣги: кое-гдѣ мелькали бѣлыя звѣздочки первыхъ, быстро расцвѣтающихъ и быстро гибнущихъ цвѣтовъ, качавшихся на водянистыхъ, жиденькихъ стебелькахъ. Только лѣса стояли еще обнаженными, хотя издали казалось, что и они мѣстами приняли красноватые и зеленоватые оттѣнки. Лѣсная почва пестрѣла то группами сбившихся вмѣстѣ бурыхъ, желтоватыхъ и почти красныхъ прошлогднихъ листьевъ, то кочками вѣчно зеленыхъ мховъ, то стоячими гладкими и блестѣвшими на солнце, какъ зеркала, лужами воды. Повсюду уже слышался суетливый немолчный гомонъ прилетавшихъ птицъ, и если при ослѣпительномъ блескѣ солнца не легко было прослѣдить за ними глазами, то слухъ уже отчетливо могъ уловить эти звуки весны.

Въ одинъ изъ такихъ ясныхъ, безоблачныхъ дней, часу въ шестомъ вечера, по дорогѣ къ барской усадьбѣ села Ломовскаго ѣхали два экипажа, не то кареты, не то коляски, съ спущенными передками, со стеклами по бокамъ. Потрескавшаяся и заскоруалая рыжеватая кожа, старинныя высокія рессоры, тяжелыя, въ родѣ телѣжныхъ, колеса, дребезжанье гаекъ, все говорило о долголѣтней службѣ грузъ-

Digitized by Google

ныхъ колымагъ. Въ одной изъ повозокъ, менѣе обремененныхъ поклажей, помѣщались господа—худощавый, невысокій ростомъ, бѣлокурый мужчина лѣтъ пятидесяти съ небольшимъ, очень полная, очень крупная женщина съ черными, какъ смоль, волосами, посеребренными немного сѣдиной, и дѣвушка лѣтъ двадцати пяти, высокая, стройная, нѣсколько худощавая, съ античнымъ профилемъ, съ блѣднымъ лицомъ и такая же брюнетка, какъ мать. Это были новые владѣльцы Ломовскаго, Ѳеодоръ Романовичъ, Антонина Аркадьевна и Анна Ѳеодоровна Ломовы. Въ другомъ возкѣ, утопая въ цѣлой массѣ дорожныхъ вещей, подушекъ и узловъ, находились слуги, толстая старуха лѣтъ шестидесяти пяти съ большимъ широкимъ лицомъ, съ узенькимъ, прорѣзаннымъ морщинами лбомъ, съ заботливо сжатыми тонкими губами, и степенный, худощавый старикъ, чисто выбритый, съ гладко приглаженными волосами, можетъ-быть, тѣхъ же лѣтъ, можетъ-быть, нѣсколько постарше, чѣмъ его спутница. И на господахъ, и на слугахъ были если не дурные, то далеко не модные, сильно заношенные, сильно потертые наряды, какіе встрѣчаются у бережливыхъ бѣдняковъ. Къ обоимъ экипажамъ снаружи было привязано не мало узловъ, сакъ-вояжей, чемодановъ, корзинъ. Все это было старое, потертое, порыжѣвшее, разнокалиберное, точно набранное гдѣ попало, купленное «по случаю». Судя по внѣшности, трудно было предположить, что это ѣдутъ владѣльцы довольно крупнаго имѣнія, а не захудалая чиновничья семья, переселяющаяся подкормиться на новое «мѣсто».

О скоромъ пріѣздѣ господъ въ усадьбу мѣстные крестьяне знали уже задолго, и, можетъ-быть, именно потому появленіе ихъ не произвело въ селѣ впечатлѣнія неожиданности. Впрочемъ, если бы ихъ и не ждали, то едва ли кого-нибудь особенно заинтересовалъ бы ихъ пріѣздъ: господа были «чужіе», никому не знакомые, не связанные никакими старыми воспоминаніями или новыми дѣловыми отношеніями съ селомъ. Мало того, эти новые сосѣди крестьянъ вступали во владѣніе довольно большими землями и, по всей вѣроятности, должны были заняться исключительно сельскимъ хозяйствомъ, тогда какъ ломовцы въ послѣднія десять лѣтъ совсѣмъ отбились и отъ своей собственной истощенной и скупой земли, втянувшись волей-неволей въ фабричную работу и въ отхожіе промыслы. Во время проѣзда экипажей черезъ село только нѣсколько любопытныхъ бабъ высунулось изъ оконъ и выбѣжало за ворота, заслышавъ

Digitized by Google

громыханье и дребезжанье колесъ, да нѣсколько встрѣчныхъ мужиковъ, поровнявшись на дорогѣ съ повозками, привычнымъ движеніемъ сняли шапки. Въ нѣкоторыхъ взглядахъ, въ нѣкоторыхъ фразахъ, правда, случайныхъ и незначительныхъ, было даже что-то недружелюбное, что-то недовѣрчивое. Къ новымъ, еще незнакомымъ людямъ всегда относятся именно такъ. Кое-гдѣ, при видѣ новопріѣзжихъ, послышались не то враждебныя, не то ироническія замѣчанія.

— Сала наживать пріѣхали!

— Самъ-то, сказывалъ Шершовъ, крутенекъ. Какъ бы шеи себѣ не вывихнулъ.

— Извѣстно, голодный волкъ зубы скалитъ.

Потомъ шли разсказы, отрывочные и немногословные, какъ мѣсяцъ или два тому назадъ новый баринъ, пріѣзжавшій осматривать свою усадьбу, сцѣпился съ бывшимъ старшиною Шершовымъ, грозя, безъ всякой видимой причины, согнуть послѣдняго въ бараній рогъ и сослать туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ и воронъ костей не заноситъ.

— Изъ-за чего вышло-то все?

— Кто ихъ разберетъ! Только Шершовъ-то толстое брюхо,—не скоро его согнешь.

— Покланяться какъ бы не пришлось. Что въ томъ, что вороненкомъ наскакивать умѣетъ, склевать-то силенки не хватитъ.

Въ экипажахъ тоже шли невеселыя бесѣды. Господа говорили по-французски, смотря въ окна кареты.

— Да это цѣлый фабричный городъ, а не село,—апатично замѣтила жена, смотря равнодушными глазами на высокія, сѣрыя и красныя зданія ситцевой и миткалевой фабрики, на винокуренный заводъ, на дома разныхъ управляющихъ и смотрителей фабрики и завода, на больницу и школу для фабричныхъ.

Дѣйствительно это былъ цѣлый городокъ, сложенный и сколоченный, казалось, безъ всякаго плана, на скорую руку и какъ бы на короткій срокъ. Груды досокъ, бревенъ и кирпича, оставшіяся отъ построекъ или приготовленныя для новыхъ сооруженій, говорили о его недавнемъ возникновеніи. Тѣмъ не менѣе, все здѣсь было уже загрязнено, закопчено, неряшливо.

— Это и не село, а вертепъ господъ Тарасовыхъ и компаніи,—поспѣшно отвѣтилъ мужъ съ проніей въ голосѣ.— Село ты сейчасъ увидишь, остался одинъ поворотъ, потомъ мость, а тамъ и Ломовское.

Digitized by Google

Экипажъ свернулъ въ правую сторону, далѣе проѣхалъ по мосту, грузно стуча по шаткимъ доскамъ, и наконецъ, въѣхалъ въ главную улицу деревни. Въ самомъ началѣ, поближе къ фабрикамъ, село очень походило на маленькій уѣздный городокъ, съ небольшой старой церковью, съ погостомъ, тянувшемся за нею вдоль обрывистаго берега почти всегда безводной рѣченки, съ довольно широкою площадью передъ церковью, съ нѣсколькими новыми и просторными деревянными домами школы, волостного правленія, постоялаго двора; но дальше шли уже не дома, а избы, лачуги, развороченныя клѣти, какое-то запустѣніе.

— Это какія-то руины!—сказала брезгливо Ломова, смотря на полуразрушенныя крыши и ворота, на разбитыя окна, заткнутыя тряпками и заклеенныя бумагой, на груды земли, навоза и соломы, приваленныя снизу къ стѣнамъ избъ.

— Плоды эмансипаціи!—горячо и желчно отвѣтилъ баринъ, жестикулируя руками.—Результаты освобожденія рабовъ! Господа были тираны, кровопійцы! Теперь лучше!.. Посмотрѣлъ бы я, какъ бы у меня посмѣлъ мужикъ довести свое жилье до такого состоянія!.. Зато взгляните вонъ на этотъ домъ. Это, изволите видѣть, жилище бывшаго старшины Шипова или Ширшова, какъ его тамъ зовутъ. У него, изволите видѣть, «не хуже господъ», какъ онъ выражается.

Ломовъ въ минуты сильнаго раздраженія начиналъ говорить женѣ, дочери и сыну «вы», тутъ же сбиваясь на обычное «ты».

Барыня мелькомъ взглянула въ окно экипажа на сторонѣ мужа и сдѣлала едва замѣтную презрительную гримасу.

— Двухъэтажный домъ возвелъ, расписалъ его всѣми цвѣтами радуги, цвѣты на окнахъ поставилъ, какъ же не баринъ!—продолжалъ мужъ скороговоркой, волнуясь, захлебываясь и кипятясь.—Вѣроятно, оранжереи дяди разграбилъ. Тутъ вѣдь воръ на ворѣ и вора погоняетъ! Еще бы! Гдѣ же взять денегъ. Безъ господской палки отбились отъ работы, а господа-земцы выжимаютъ послѣдніе соки!.. Ты теперь видишь, что я не преувеличивалъ, говоря объ этомъ притонѣ нищихъ? И среди этого народа, съ этимъ народомъ придется хозяйничать, работать.

Онъ сталъ все такъ же скороговоркой и съ захлебываніемъ говорить о предстоящихъ трудностяхъ хозяйства. Рабочихъ придется нанимать—давай задатки, дашь задатки—жди, что ихъ пропьютъ и тебя надуютъ, судись по новымъ судамъ; ра-

Digitized by Google

бочій наймется, но безъ лошади, безъ земледѣльческихъ орудій; все нужно завести самимъ; отъ нищихъ нечего ждать, чтобы у нихъ были лошади и земледѣльческія орудія; изволь самъ держать десятки лошадей и заводить орудія. Гдѣ деньги на это? Первое время придется только сидѣть сложа руки, отдавать все въ аренду, т. е. позволять себя грабить. Жить въ деревнѣ и не обрабатывать земли! Мило? Это тоже, что поѣхать въ театръ и просидѣть въ буфетѣ.

— Но ты еще не видала главнаго—нашего дома,—замѣтилъ мужъ, перебивая, по обыкновенію, самъ себѣ.—Это чемоданъ, это ящикъ, это гробъ, но не домъ. Какая-то длинная двухъэтажная казарма, окруженная вмѣсто сада скернымъ лѣсомъ. Верхній этажъ точно въ гостинницѣ—коридоръ и два ряда отдѣльныхъ комнатъ...

— Но вѣдь прежде на домѣ былъ бельведеръ,—медленно начала Ломова, прищуривъ глаза и какъ бы стараясь пробудить въ памяти давно забытый ею образъ барскаго дома.

— Да, и бельведеръ на домѣ былъ, и терраса въ садъ была, и съ боковъ были колоннады. Все уничтожено, разрушилось, раскрадено, исчезло. Да что-жъ мудренаго, если даже заборъ сада, выходившій въ поле, и тотъ разобранъ и пропалъ! Говорятъ, дядя уничтожилъ и бельведеръ, и колоннады, и террасу за ветхостью. Прекрасно. Вѣрю. Ну, а заборъ у сада—это онъ же уничтожилъ? Ужъ они бы лучше и домъ разобрали. Что церемониться, теперь все можно дѣлать безнаказанно! Изъ-за этого забора мнѣ и пришлось поговорить съ этимъ... Шишкинымъ, что ли... съ этимъ бывшимъ старостой, потомъ старшиною. Я сказалъ ему, что я заставлю мужиковъ построить мнѣ новый заборъ. А эта бестія осмѣлился, какъ мнѣ передавали, сказать, что, можетъ-быть, я хочу, чтобы и домъ они новый построили. Каково? Ну, да что-жъ! Построятъ! Кланяться въ ноги будутъ, чтобы только позволилъ построить! Они думаютъ, что они свободные люди, такъ они и грабить могутъ. Нѣтъ, я еще потягаюсь съ ними.

Ломовъ говорилъ громко и быстро, сильно жестикулируя, ерзая на своемъ мѣстѣ. Его звонкій, немного крикливый голосъ рѣзалъ слухъ. Сразу можно было угадать, что это человѣкъ, страдающій печенью, желчный, не привыкшій съ дѣтства ни сдерживаться, ни покоряться. Холодный и сдержанный тонъ его жены, дышавшій, казалось, почти апатіей, составлялъ рѣзкій контрастъ съ его горячностью. Но въ ея холодности было нѣчто болѣе страшное—какая-то непреклонная,

Digitized by Google

непоколебимая твердость. Только въ высшихъ слояхъ общества развиваются такія натуры, такіе характеры, способные съ невозмутимымъ спокойствіемъ отправиться на балъ или въ оперу, отдавши чуть не смертный приговоръ признанному ими виновнымъ человѣку.

Третья личность, сидѣвшая въ экипажѣ, хранила гробовое молчаніе: она точно застыла у окна въ одномъ положеніи и безучастно смотрѣла на мелькавшіе передъ нею виды, не поворачивая головы, не слѣдя взглядомъ ни за чѣмъ. Казалось, она спала съ открытыми глазами. Только разъ она вздрогнула и сдвинула плотнѣе брови, когда отецъ неожиданно проговорилъ:

— А вонъ туда, вправо, дорога къ Борису Николаевичу Иволгину... Онъ вѣдь въ трехъ верстахъ отъ насъ живетъ...

— Да развѣ онъ навсегда здѣсь поселился?—спросила жена.

— Какъ же, у сестры живетъ. Ужъ, вѣрно, завтра же завернетъ къ намъ. Это хорошо, что онъ здѣсь. Все же живой человѣкъ...

Молодая дѣвушка приняла еще болѣе суровое, почти враждебное выраженіе лица, точно при имени Иволгина въ ея груди пробудились и злоба, и ненависть. Но она молчала попрежнему и попрежнему смотрѣла въ окно, ничего не замѣчая, ничѣмъ не интересуясь. Можетъ-быть, ей было бы легче вовсе не смотрѣть на мелькавшія передъ нею картины, но тогда ей, волей-неволей, пришлось бы видѣть кривлянья отца, втянуться въ разговоръ. Она предпочитала изъ двухъ золъ меньшее. Въ ея головѣ и теперь мелькали мысли: «Когда же онъ кончитъ? Когда перестанетъ двигаться?» Порою ей казалось, что, слыша его возгласы, она сама дѣлаетъ гримасы, дѣлаемыя имъ. Она такъ хорошо изучила ихъ, онѣ такъ часто разстраивали ей нервы.

Въ возкѣ, гдѣ находились слуги, царствовало молчаніе, прерываемое только изрѣдка ворчливыми фразами. Старики-слуги—мужъ и жена—разругались еще съ утра въ этотъ день и теперь дулись другъ на друга.

Когда мужъ, Степанъ Потапычъ, начиналъ что-нибудь говорить, жена, Марѳа Власьевна, раздражительно прикрикивала на него:

— Молчалъ бы, пьяная твоя рожа!

Когда разговоръ начинался ею, онъ коротко и съ степеннымъ видомъ замѣчалъ:

— Запилила!

Digitized by Google

И отворачивался къ окну, отплевываясь на брань жены.

Такъ жили они уже больше сорока пяти лѣтъ. Онъ пилъ запоемъ въ сокрушеніи и въ злобѣ на себя, за свое «малодушество», то-есть за это самое пьянство; она пилила и ѣла его, какъ ржа желѣзо, за то же самое. Тѣмъ не менѣе, они жили, какъ примѣрные супруги, никогда не разлучаясь, никогда не измѣняя другъ другу. Она огрызалась на людей, осуждавшихъ его, и не безъ гордости говорила, что «онъ пьяный стоитъ десяти трезвыхъ»; онъ, въ свою очередь, степенно останавливалъ людей, называвшихъ ее сварливой бабой, и наставительно говорилъ, что «не сварливая она, а сердцемъ до всего горячая». Это, впрочемъ, не мѣшало имъ, когда они оставались одни, обмѣниваться любезностями въ родѣ слѣдующихъ: «умъ-то ты послѣдній пропилъ, пьяные твои глаза»,—«смотри, не совсѣмъ еще догрызла меня, змѣя подколодная, еще погрызи». Когда же онъ переставалъ пить, она вдругъ дѣлалась кроткою и покорною, смотрѣла съ подобострастіемъ ему въ глаза, какъ будто извиняясь въ чемъ-то и прося о чемъ-то, а онъ, серьезный и сконфуженный, ходилъ потупившись и вздыхалъ тяжелыми вздохами, точно кающійся грѣшникъ, и чѣмъ сокрушительнѣе становились вздохи, тѣмъ ближе были дни запоя. Эти два человѣка родились, выросли и состарѣлись въ семьѣ Ломовыхъ и были вѣрными рабами своихъ господъ даже тогда, когда сдѣлались вольными людьми...

Когда экипажи остановились у крыльца господскаго дома, длиннаго, желтаго, двухъэтажнаго зданія съ облупившейся штукатуркой, изъ перваго экипажа съ легкостью молодого человѣка выскочилъ Ломовъ и помогъ выйти женѣ и дочери.

Жена бросила мимолетный холодный взглядъ на неприглядное строеніе и презрительно пожала плечами.

— Хорошъ?—спросилъ ее мужъ, уловивъ ея взглядъ.

— Даже хуже, чѣмъ я предполагала,—отвѣтила она.

Господа, встрѣченные на подъѣздѣ конторщикомъ среднихъ лѣтъ, изъ мѣщанъ, съ просаленными прямыми волосами, старикомъ-садовникомъ, съ заскорузлыми и узловатыми, какъ корни деревьевъ, руками, служившимъ и за сторожа дома, и какой-то рябой бабой, съ пестрымъ и большимъ, какъ чалма, повойникомъ на головѣ, съ отвислыми грудями, точно перерѣзанными высоко подвязаннымъ холщевымъ передникомъ, въ короткой синей юбкѣ и въ стоптанныхъ мужскихъ сапогахъ, не то кухаркой, не то поломойкой, прошли въ просторныя сѣни, приказавъ на ходу вносить

Digitized by Google

вещи. Едва успѣли слуги выйти изъ своего возка, какъ на господскомъ дворѣ, точно изъ земли выросли, появились какіе-то подростки—мальчуганъ и дѣвочка, лохматые, оборванные, босоногіе. Не спрашивая ихъ, кто они и откуда, Марѳа Власьевна прикрикнула на нихъ:

— Чего глазѣете? пошли таскать вещи!

Дѣти тотчасъ же принялись за дѣло, какъ за веселую игру....

Господа уже осматривали свое жилище.

Внутри домъ производилъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ снаружи, хотя отъ него пахло нежилымъ помѣщеніемъ, несмотря на сильно натопленныя печи. Стѣны гостиной, залы, кабинета, спальни, портретной галлереи были мѣстами лишены обоевъ, мѣстами облупились, тѣмъ не менѣе почти вездѣ сохранилась мебель, старинная, тяжеловѣсная, съ потемнѣвшими бронзовыми украшеніями и вылинявшей штофной обивкой. Нѣкоторые предметы были неудобны, некрасивы, но сдѣланы въ строгомъ стилѣ, говорили о заботливомъ выборѣ, не напоминали мѣщанской обстановки, купленной порознь и случайно. Хозяйка дома даже пріостановилась въ желтой гостиной, залюбовавшись мебелью.

— Это мило! Стиль временъ имперіи. Нужно будетъ впослѣдствіи только подновить.

И, едва замѣтно усмѣхнувшись, она прибавила по-французски:

— Разбираютъ заборы, а это уцѣлѣло! Это капиталъ!

Мужъ нервно передернулъ плечами.

— Вѣрно, показалось, что это не годится на дрова!

Они проходили изъ комнаты въ комнату и дошли до портретной галлереи. Это было довольно длинное помѣщеніе съ большими венеціанскими окнами, съ узкими простѣнками. Въ простѣнкахъ висѣли какіе-то старинные потемнѣвшіе медальоны, на противоположной окнамъ стѣнѣ красовались старинные портреты. Холодные и равнодушные глаза хозяйки дома остановились на этихъ потемнѣвшихъ изображеніяхъ мужчинъ въ напудренныхъ парикахъ, во французскихъ кафтанахъ, шитыхъ золотомъ, съ жирными бритыми подбородками, съ лицами въ формѣ грушъ, узкими вверху, широкими внизу, и дамъ въ такихъ же парикахъ, съ румяными лицами, съ ямками на щекахъ, съ глупыми круглыми глазами, съ обнаженными до послѣдней степени полными шеями и грудями, съ длинными и прямыми, какъ латы, лифами, въ фижмахъ. На нѣкоторыхъ изъ портре-

Digitized by Google

тонъ были изображены дѣти въ костюмахъ и позахъ жеманныхъ балетныхъ танцовщицъ и танцовщиковъ, приготовившихся къ танцамъ, съ шарфами изъ газа въ рукахъ, съ застывшими на лицахъ неестественными улыбками. Заходившее солнце ярко озаряло эту комнату, выходившую на западъ, на просторный дворъ, уже заросшій кое-гдѣ побѣгами молодой травы, застроенный по сторонамъ конюшнями, кладовыми, сараями, службами. Свѣтлые лучи скользили по этимъ неподвижнымъ лицамъ и какъ бы оживляли ихъ. Хозяйка дома задумчиво всматривалась въ нихъ, когда ея мужъ замѣтилъ ей:

— Странная манера была прежде писать портреты больше натуральной величины. Зачѣмъ?

Она очнулась, отвернулась отъ портретовъ и своимъ обычнымъ холоднымъ тономъ отвѣтила:

— Крупнѣе сами люди были...

Потомъ, обратясь къ конторщику, почтительно слѣдовавшему за господами походкой шакала, она сказала:

— Я думаю, вещи внесли? Прикажите тамъ, чтобы позаботились о чаѣ.

Конторщикъ подобострастно нагнулся, неловко тряхнувъ масляной головой, и пробормоталъ:

— Въ одинъ моментъ-съ!

Это былъ худой, изжелта-блѣдный, высокій человѣкъ съ жидкими прямыми волосами, приглаженными и блестѣвшими, какъ атласный колпакъ, съ рѣденькой бородой, съ узенькими, смиренно потупленными и суетливо бѣгавшими глазками, не то желтоватыми, не то зелеными.

— Какая подлая рожа, — сказалъ Ломовъ послѣ его ухода.—Хамъ!

Жена равнодушно пожала плечами.

— Какой-нибудь семинаристъ или мѣщанинъ.

Мужъ проговорилъ, снова горячась и волнуясь:

— Не знаю. Предвижу только, что этотъ господинъ Аквилоновъ одинъ изъ шайки мерзавцевъ, грабившихъ имѣніе при дядѣ и еще болѣе послѣ его смерти. Его придется разсчитать при первой возможности и послать къ чорту.

Она опять пожала плечами.

— Зачѣмъ? Для чего спѣшить? Теперь ему будетъ выгоднѣе оберегать наши интересы. Онъ и будетъ ихъ оберегать. Эти люди за деньги готовы служить каждому. Было бы на что купить.

Они, разговаривая, дошли до столовой, гдѣ уже пригото-

Digitized by Google

взяли все для чая. Жена отдавала спокойнымъ и холоднымъ тономъ приказанія прислугѣ, задавала вопросы коротко, ясно. Старая служанка отвѣчала ей отрывисто и рѣзко; старый слуга говорилъ съ нею подобострастнымъ тономъ, точно провинившись въ чемъ-то и извиняясь передъ нею. Ломовъ между тѣмъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и отъ времени до времени, вспомнивъ то или другое, выходилъ къ приказчику, горячился и волновался, закуривая папиросу за папиросой.

Скорѣй маленькій, чѣмъ высокій по росту, худой и костлявый, подвижной и нервный, съ походкой ловкаго кавалериста, немного раскачивающагося на ходу, на слегка скривленныхъ ногахъ, онъ производилъ по фигурѣ и манерамъ впечатлѣніе молодого человѣка, если бы замѣтная лысина на затылкѣ и помятость лица, некрасиваго, скуластаго, татарскаго типа, изрѣзаннаго морщинами, обросшаго густо бѣловатой, точно пакля, коротко подстриженной бородой, не говорили, что это человѣкъ далеко не молодой и при томъ много пережившій. О много пережитомъ говорило и лицо его жены. Болѣзненная полнота этого лица, признаки малокровія, морщинки около глазъ и рта, мелкія черты, прорѣзавшія ея лобъ, почти не пощадили и не оставили слѣдовъ былой красоты. Особенно поражали ея выцвѣтшіе, мутные, когда-то бывшіе черными, глаза: смотря на нихъ, можно бы было подумать, что она только-что плакала; объ этомъ говорили припухшія вѣки, краснота, порѣдѣвшія и какъ бы слипнувшіяся рѣсницы, отвисшая въ видѣ мѣшковъ кожа подъ глазами. Это впечатлѣніе являлось тѣмъ болѣе страннымъ, что выраженіе лица было холодно, спокойно и надменно. Такая женщина, повидимому, была неспособна плакать.

Когда подали самоваръ, Ломова, закуривъ уже вторую папиросу, заварила чай, нарѣзала булку и потомъ принялась за разливанье чая.

— Мамка, позови Нину, — обратилась она къ Маремѣ Власьевнѣ.

Старуха когда-то кормила барыню, ея сестеръ и братьевъ и ее съ тѣхъ поръ всегда звали въ домѣ мамкой.

— Сказано! Чего еще звать! — рѣзко отвѣтила старуха, таская черезъ столовую груды вещей, выгружаемыхъ изъ разныхъ узелковъ.

Ѳеодоръ Романовичъ на минуту остановился передъ женой.

Digitized by Google

— Кстати! Что съ Ниной? — спросилъ онъ. — Молчитъ, дуется.

Жена нетерпѣливо пожала плечами, сердясь, что онъ самъ не можетъ ничего понять, что ему все нужно объяснить.

— Ты полагаешь, что ей можетъ быть весело?

— Но все же... Этотъ видъ, это молчаніе... Это, наконецъ, раздражаетъ нервы... Точно приговоренная къ смерти...

Жена взглянула на него унижающимъ, презрительнымъ, почти враждебнымъ взглядомъ. Господи, какъ онъ глупъ!

— А ты думаешь, она приговорена къ жизни... къ радостямъ, къ счастію?..

— Все же можно бы и не афишировать своихъ чувствъ.

Онъ замолчалъ, заходилъ по комнатѣ, поворачиваясь на каблукахъ.

Но онъ быстро раздражался и быстро забывалъ причины раздраженія. Черезъ минуту онъ говорилъ уже о другомъ.

— Я увѣренъ, что не пройдетъ и недѣли, какъ кузина Бетси прилетитъ къ намъ, — проговорилъ онъ, продолжая ходить по столовой. — Теперь всѣ прилетятъ, даже не ожидая твоего визита.

По лицу жены скользнула гримаса-улыбка, конвульсивнымъ движеніемъ тронувшая едва замѣтно одинъ край верхней губы.

— Гдѣ же такъ долго ждать!.. Кстати: я больна и никуда не могу выѣзжать... Не забудь этого... Пожалуйста, не забудь!

Онъ не спросилъ ее, почему она не можетъ выѣзжать. Они старались какъ можно меньше говорить объ этомъ. У нея были три перемѣны старыхъ заношенныхъ платьевъ, у него было двѣ пары какихъ-то куцыхъ лѣтнихъ пиджаковъ и такихъ же брюкъ и жилетовъ.

Мужъ подошелъ къ столу, отпилъ немного чаю, закурилъ еще папиросу и, опять заходивъ по комнатѣ, заговорилъ:

— Да, еще годъ, можетъ-быть, два и все снова войдетъ въ свою колею. Урокъ былъ страшенъ, но, по крайней мѣрѣ, прошелъ не даромъ. Теперь я знаю свою силу. Мнѣ иногда кажется, что я сдѣланъ изъ желѣза, изъ стали. Поставить бы другого на мое мѣсто, изъ новыхъ, изъ фразеровъ...

Въ столовой раздался рѣзкій хриплый голосъ мамки, проносившей вещи:

— Ниночка приказали сказать, что не желаютъ чаю. Голова разболѣлась. Хотятъ започивать.

Digitized by Google

Марѳа Власьевна, грузно шагая, исчезла въ другой комнатѣ. На минуту въ столовой воцарилось молчаніе. Вдругъ хозяйка подняла голову, точно очнувшись отъ сна.

— Иволгинъ... Ты его видѣлъ нынче здѣсь... Что онъ изъ себя представляетъ?

— То-есть какъ? — спросилъ съ недоумѣніемъ мужъ. — Возмужалъ, сталъ почти красавцемъ...

Она нетерпѣливо перебила его:

— Ахъ, не то... Бѣденъ? богатъ? служитъ?

— Какъ тебѣ сказать: кажется, не богатъ, не бѣденъ. У него вѣдь это трудно узнать—не придаетъ значенія деньгамъ, точно милліонеръ, а поглядишь на образъ его жизни — кажется, что съ гроша на грошъ перебивается. Впрочемъ, вѣроятно, онъ сводитъ концы съ концами, не нуждаясь въ службѣ. Онъ вѣдь докторъ. Но лѣчитъ, кажется, больше изъ любви къ искусству, съ меньшею братьею возится. Все еще тотъ же фантазеръ, какимъ былъ и тогда, когда мы знали его въ Петербургѣ...

Жена почти не слушала мужа и, въ раздумьи, какъ бы про себя, замѣтила:

— Что у нихъ вышло съ Ниной, что онъ вдругъ пересталъ тогда бывать у насъ?..

— Съ Ниной? Я думаю, что у него ничего и не могло выйти съ ней. Она, вѣроятно, и не обращала вниманія тогда на какого-то студента...

— Она, да; но онъ обращалъ на нее вниманіе... Это бросалось въ глаза... Потомъ вдругъ оборвалъ знакомство... Впрочемъ, у него тамъ были какія-то утраты.

Мужъ вдругъ точно что-то сообразилъ и разсмѣялся:

— Ужъ ты не помышляешь ли о ихъ бракѣ?

Она сдѣлалась совершенно серьезна.

— О, это было бы счастье для Нины!.. Я боюсь и думать о томъ, что ее ждетъ... Умри мы — и она нищая. Все вѣдь достанется не ей...

И, повернувъ голову, не давъ времени мужу что-нибудь возразить, она спросила:

— Ты ничего не узналъ передъ отъѣздомъ новаго о Ромѣ?

Онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Новаго? что же можетъ быть новаго? Сидитъ въ тюрьмѣ...

— Скоро ли кончится его дѣло?

— Не знаю... Тамъ все тайны, изъ каждой мухи дѣла-

Digitized by Google

отъ слона... А между тѣмъ очень важно знать, что будетъ... Отъ этого будетъ зависѣть все... Если и не все, то многое. Черезъ мѣсяцъ или черезъ полтора пріѣдетъ Наташа. Если бы его выпустили къ этому времени, если бы удалось его женить на ней, имѣнье сразу можно было бы поставить.

Онъ сталъ развивать свои планы, сильно занимавшіе его въ послѣднее время.

— У нея капиталъ небольшой, какія-то жалкія сорокъ тысячъ, но все же это капиталъ. Такъ взять его на имѣніе нельзя. Выйдетъ замужъ за Рому, тогда дѣло другое—имѣніе же достанется послѣ насъ ему и ей. Это будетъ не новый долгъ, а просто деньги пойдутъ на ихъ же пользу.

— Да, хорошо, если бракъ состоится,—замѣтила вскользь жена.

Она не вѣрила въ осуществимость этихъ мечтаній.

— Отчего ему не состояться? Что можетъ помѣшать?—загорячился Ломовъ.—Они оба молоды, еще въ дѣтствѣ ихъ называли женихомъ и невѣстой...

— Развѣ мы ихъ знаемъ?—перебила жена Ломова раздражительнымъ тономъ.—Нынѣшнія поколѣнія институтокъ не прежнія. И тамъ эти идеи, самостоятельные взгляды. Къ тому же Наташа такъ плохо воспитана, не выдержана... А Рома—чѣмъ онъ сдѣлался теперь?—по ея верхней губѣ опять скользнула горькая судорожная усмѣшка. — Сынъ, а родители не знаютъ, что это за человѣкъ!.. Онъ, какъ хамелеонъ, мѣняется съ каждымъ днемъ. О, что это за поколѣніе, переживающее въ годъ то, чего не переживали мы въ десятки лѣтъ.

— Это все напускное, проходящее. Два года тюрьмы отрезвятъ отъ многаго хоть кого,—сказалъ мужъ.

— Отрезвятъ, да; но отъ чего? Какія еще новыя бури поднимутся въ душѣ?

Она задумалась о сынѣ, какъ задумываются надъ рѣшеніемъ трудной задачи, сложной загадки, темной шарады.

Когда-то душа ея сына казалась ей открытой книгой, гдѣ на бѣлыхъ чистыхъ листахъ она могла написать, что ей угодно—свои заповѣди, свои молитвы, свои правила. Теперь эта душа была для нея темнымъ лѣсомъ, окутаннымъ непроглядной ночью, гдѣ можно было заблудиться, погибнуть, не дождавшись отвѣта, отклика, сочувствія. Когда-то она однимъ взглядомъ покоряла эту упрямую и настойчивую душу; теперь эта душа не тронулась бы даже отъ слезъ,—отъ ея слезъ. Она почти машинально провела ру-

Digitized by Google

кою по глазамъ и стиснула зубы, боясь расплакаться. Она стыдилась слезъ; она не плакала при людяхъ, даже при мужѣ. А одна — ей было жутко даже вспомнить, сколько плакала она одна въ послѣднія девять лѣтъ.

— Вещи разобраны. Надо разложить по мѣстамъ. Я же не знаю, куда,—отрывисто доложила Марѳа Власьевна.

— А?—отозвалась Ломова.—Да, вещи! Сейчасъ!

Она поднялась изъ-за стола, обратилась къ мужу:

— Я не знаю, гдѣ тутъ гардеробная. Есть шкапы, шифоньеры?

— Въ нижнихъ комнатахъ есть одинъ платяной шкапъ да двѣ шифоньерки,—отозвалась за барина служанка. — И того много...

Барыня пропустила мимо ушей это замѣчаніе и пошла указывать, куда положить вещи.

Ломовъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ конторщикъ еще помогалъ Степану Потапычу разбирать посуду, разныя мелочи, выспрашивая о дѣлахъ и характерахъ господъ, надолго ли они думаютъ остаться въ имѣніи, есть ли у барина въ столицѣ мѣсто, свой домъ. Онъ выспрашивалъ тихо, вкрадчиво, мимоходомъ; съ простодушной миной и глуповатымъ выраженіемъ глазъ простяка, Степанъ напускалъ важности: развѣ господа даютъ отчетъ слугамъ; сколько захотятъ, столько и поживутъ; на что господину мѣсто, если и такъ можно жить; домъ—извѣстно, есть домъ, не на улицѣ же они жили. При входѣ Ломова Аквилоновъ поднялся торопливо съ полу, подобострастно вытянулся.

— Какъ же-съ съ наймомъ рабочихъ, выше высокоблагородіе?—началъ онъ. — Нынче позапоздали маненько. Теперь время дорого, подговорить зараньше надо кого слѣдуетъ...

— Что-жъ дѣлать, что-жъ дѣлать! Нынче такъ ужъ и запишемъ, что пропащій годъ,—отвѣтилъ баринъ.

Приказчикъ донималъ его вопросами о работахъ и рабочихъ и въ прошлый его пріѣздъ въ деревню на недѣлю, и сегодня уже второй разъ заговаривалъ объ этомъ.

— Прежде всего нужно осмотрѣться, принять все, просмотрѣть отчеты, бумаги. Я не люблю начинать дѣла, не вникнувъ сначала во все. Я лучше потеряю годъ, чѣмъ примусь за дѣло кое-какъ...

— Это-съ вѣрно, только какъ же такъ... нельзя же землю такъ оставить...

— Ничего не получимъ нынче, будущій годъ вдвое

Digitized by Google

дастъ,—уклончиво отвѣтилъ Ломовъ. — Завтра утромъ мы обсудимъ все. Я встаю рано.

Приказчикъ откланялся, попятившись къ дверямъ.

Баринъ посмотрѣлъ, какъ слуга разбираетъ вещи. Степанъ замѣтилъ что-то насчетъ необходимости привести въ порядокъ людскія и найти кого-нибудь для скотнаго двора, для конюшни. Ломовъ, ничего не отвѣтивъ, круто повернулъ въ другія комнаты, прошелъ въ спальню. Его, вѣчно легкомысленнаго, быстро переходящаго отъ раздраженія къ беззаботности, начинало забавлять его положеніе. Оно не было предвѣстіемъ голода и холода. Онъ сознавалъ, что онъ, владѣлецъ большого имѣнія, теперь можетъ всегда вывернуться, и это сознаніе вызывало на его лицо самодовольную улыбку. Безденежье казалось ему «приключеніемъ». Это только разнообразитъ монотонность жизни.

— Это становится нѣсколько забавнымъ,—обратился онъ съ усмѣшкой къ женѣ.—Аквилоновъ говоритъ о сельскихъ работахъ, Степанъ говоритъ о скотномъ дворѣ, о конюшняхъ. На все нужно денегъ, денегъ, денегъ,—а ихъ нѣтъ!

Жена, взволнованная разборкой привезеннаго гардероба, столоваго и постельнаго бѣлья, видомъ всѣхъ этихъ прорѣхъ и заплатъ, грубымъ замѣчаніемъ мамки, что нужно нанять прачку, такъ какъ лохань изъ прачечной выходитъ не будетъ при такомъ маломъ запасѣ бѣлья, упавшимъ голосомъ спросила мужа:

— Но неужели нельзя будетъ удержать хоть часть выкупныхъ денегъ и остатковъ отъ доходовъ за прошлые годы?

— А господинъ адвокатъ?—желчнымъ тономъ отвѣтилъ мужъ и увлекся, заговорилъ быстро съ захлебываніемъ.— Онъ вѣдь какъ разъ всѣ эти деньги долженъ получить. Еще въ долгу у него будемъ... И то одолженіе сдѣлалъ, велъ дѣло на свой страхъ, за двадцать процентовъ велъ; намъ на содержаніе добывалъ деньги... Алтынники, жидовское племя! Новые суды ввели, расплодили краснобаевъ, стригутъ всѣхъ и каждаго. Торговался со мной, представлялъ мнѣ, что онъ одолженіе дѣлаетъ мнѣ! Рискуетъ для меня временемъ и деньгами. Безспорное дѣло, а онъ рисковалъ! Я при старыхъ судахъ въ передней бы принялъ того, кто мнѣ это дѣло велъ бы; я бы ему подачку за трудъ далъ, сколько мнѣ вздумалось бы, а тутъ—благодѣтели!

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь и съ удивленіемъ, почти съ испугомъ взглянулъ на жену. Казалось, онъ увидалъ что-то

Digitized by Google

новое, непонятное. Онъ стояла спиной къ нему у окна, лицомъ къ потемнѣвшему уже саду. Онъ разсмотрѣлъ ясно, какъ вздрагиваютъ ея плечи, онъ услышалъ безплодно сдерживаемыя всхлипыванья. Съ минуту онъ не довѣрялъ своимъ глазамъ, своему слуху. Она—плачетъ! Наконецъ онъ ее окликнулъ:

— Ты больна? Тебѣ дурно?

Она прерывающимся голосомъ, не поворачиваясь къ нему, досадливо проговорила:

— Оставь, оставь!.. Пройдетъ!..

Но это не проходило; это все усиливалось. Ей сдавливало горло, перехватывало дыханіе. У нея дрожали руки, подламывались ноги. Она давно уже не плакала такъ, какъ теперь. Она плакала всегда одна, безъ свидѣтелей, безъ него; ей было стыдно показать хоть кому-нибудь, что она страдаетъ отъ матеріальныхъ лишеній, отъ недостатковъ; ей хотѣлось показать всѣмъ и каждому, что она выше этихъ «мелочей»; теперь она даже не могла дождаться для слезъ той минуты, когда она останется одна. Она опустилась на стулъ, не успѣвая утирать слезы.

Растерявшійся мужъ торопливо пошелъ за водой, принесъ ее женѣ, началъ что-то скоро-скоро говорить. «Это съ дороги. Давно не путешествовала, сидѣла девять лѣтъ, почти не выходя изъ дому. Всегда онъ говорилъ, что это сидѣнье не доведетъ до добра»... Ее еще болѣе раздражали его слова. Онъ ей говорилъ, что не слѣдуетъ сидѣть, что надо выходить, но онъ никогда не объяснялъ ей, куда выходить, въ чемъ. Теперь ей хотѣлось все это высказать ему. Но ее душили слезы, а онъ продолжалъ ораторствовать. «Нервы у нея разстроились и притомъ деревенскій воздухъ сильно вліяетъ. Здѣсь нервы быстро окрѣпнутъ. Здѣсь они отдохнутъ». Онъ походилъ на мальчугана, не понимающаго глубокаго значенія серьезнаго горя—горя взрослаго человѣка. Онъ вынесъ все то же, что вынесла она, но вынесъ это, суетясь, бѣгая, капризничая, кипятясь, на людяхъ; она выносила все сидя дома, безмолвно, думая, скрывая все отъ всѣхъ. Онъ могъ бы теперь понять причину этихъ слезъ, но онъ не понялъ ее, приписывая все путешествію, разстройству нервовъ, деревенскому воздуху. Онъ даже нашелъ опредѣленіе свойства этого воздуха.

— L'air de la campagne est trop âpre!

Она же все продолжала рыдать; среди этихъ рыданій онъ услышалъ поразившее его мелодраматическое восклицаніе:

Digitized by Google

— Алчущіе... среди голодныхъ!..

Она, пересиливъ себя, желая только прекратить болтовню, заговорила отрывисто, сбивчиво, торопливо.

Девять лѣтъ она терпѣла нужду, почти нищету. Молчала, плакала потихоньку, въ четырехъ стѣнахъ. Было о чемъ плакать! Попасть послѣ роскоши въ безысходную бѣдность, нежданно, негаданно, внезапно. Видѣть, какъ сынъ изъ милаго ребенка превратился въ какого-то волчонка. Потомъ изъ приличнаго юноши превратился въ какого-то санкюлота. Дальше вмѣсто блестящей карьеры попалъ въ тюрьму, заподозрѣнный въ участіи въ злодѣйствахъ гнусныхъ соціалистовъ. А дочь? Одна изъ первыхъ свѣтскихъ красавицъ, очутившаяся чуть не послѣ перваго бала почти на мостовой. Она, мать, видѣла, какъ исходило кровью сердце этой гордой дѣвушки. Когда она одна стала искать хоть какихъ-нибудь развлеченій, когда она стала ходить къ какимъ-то новымъ знакомымъ, когда она стала посѣщать верхи французскаго театра—мать не противорѣчила ей, не удерживала ее, но... О, онъ и не знаетъ, сколько безсонныхъ ночей провела она, мать, боясь, что ея дочь падетъ! Развѣ мужчины могутъ понять эти тревоги матери! А потомъ переворотъ въ характерѣ дочери: дѣвушка вдругъ заперлась въ четырехъ стѣнахъ, какъ бы ушла въ себя, какъ бы замерла. Съ чего? Что случилось съ нею на сторонѣ? Не была ли она влюблена? Въ кого? Не въ Иволгина ли? Недаромъ онъ пересталъ ходить къ нимъ. Недаромъ Нина поблѣднѣла, узнавъ, что Иволгинъ живетъ въ двухъ шагахъ отъ Ломовскаго. Затѣмъ этотъ процессъ изъза доставшагося имъ наслѣдства, униженіе передъ какимъ-то адвокатомъ, жидкомъ: сознаніе, что все спасеніе, вся судьба въ его рукахъ. А мысль, что, выигрывая процессъ, они пускаютъ кого-то по-міру, что эти люди будутъ проклинать ихъ, громко повсюду, что ихъ назовутъ ворами чужого наслѣдства? Она все это передумала одна, дома, молча, когда онъ, мужъ, бѣгалъ, обивалъ чужіе пороги, хлопоталъ, срывалъ злобу мелкими дрязгами, бранью, стычками съ людьми. И вотъ, процессъ выигранъ, имѣніе въ ихъ рукахъ и они...

— О, пойми, что я боюсь, боюсь, что мы пріѣхали сюда умереть, только умереть!.. Тамъ, въ Петербургѣ, мнѣ все казалось, что въ послѣднюю минуту, роковую минуту откликнется кто-нибудь изъ родныхъ, изъ близкихъ, изъ нашего круга. Вѣдь не звѣри же эти люди? Они не помогли, они

Digitized by Google

отшатнулись отъ насъ. Да, это такъ. Но въ крайнемъ случаѣ, на краю пропасти, они помогли бы, могли бы помочь. Что значатъ для нихъ десятки, сотни, тысячи рублей!.. А здѣсь...

У нея опять оборвался голосъ; она опять сквозь рыданія повторила ту же фразу:

— Пришли искать спасенія у нищихъ... алчущіе... среди голодныхъ!..

II.

Анна Ѳеодоровна, пріѣхавъ съ отцомъ и съ матерью въ доставшееся имъ по наслѣдству имѣніе, даже мелькомъ не полюбопытствовала взглянуть на обстановку барскаго дома, гдѣ отнынѣ ей приходилось провести, можетъ-быть, многіе годы. Она равнодушно и разсѣянно прошла въ предназначенную для нея комнату, ничѣмъ не интересуясь, ни на что не обращая вниманія. Хорошо или дурно было тутъ—ей было все равно. Птицѣ все равно, деревянная или золотая у нея клѣтка.

Дорогу молодой дѣвушкѣ къ ея комнатѣ указала рябая баба въ мужицкихъ сапогахъ, встрѣтившая господъ у крыльца. Та же баба указала дорогу въ эту комнату мамкѣ, прежде всего поспѣшившей, торопливо перерывая въ чемоданахъ, достать постельное бѣлье для барышни. Молодая дѣвушка чувствовала легкую головную боль, даже не боль, а тяжесть въ головѣ, и потому хотѣла скорѣй лечь. Когда она сказала о своемъ намѣреніи мамкѣ, та, натягивая на подушки чистыя наволочки и взбивая ихъ съ ожесточеніемъ, точно теребя и нашлепывая кого-то провинившагося, отвѣтила своимъ рѣзкимъ тономъ:

— Чего и дѣлать тебѣ здѣсь, какъ не спать! Завезли молодого человѣка въ трущобу, и—живи тутъ!

И еще съ большимъ ожесточеніемъ она начала колотить по подушкамъ широкой ладонью, укладывая ихъ на постель.

— Хоть бы постель-то приличную припасли, а то на!—двуспальную бабушкину кровать такъ и оставили для молодой дѣвушки. Срамъ!

Ея кулаки начали со злобой тыкать перину съ боковъ. Ея узенькій лобъ весь собрался въ мелкія складочки, губы озабоченно сжались, крупныя ноздри широко раздувались. Кажется, въ эту минуту было не безопасно подвернуться ей подъ руку. Анна Ѳеодоровна попробовала усмѣхнуться.

— Не все ли равно, мамка, на какой кровати спать,—

Digitized by Google

замѣтила она. — Спала и на диванахъ... въ чужихъ домахъ...

— Ну, и спала на диванахъ, и на стульяхъ могла бы спать,—отрывисто проговорила старуха:—а это не резонтъ молодой барышнѣ бабушкину кровать назначать. Тутъ, поди, всѣ твои тетки да дядья порожались. А ты дѣвушка!

Потомъ, вдругъ оборвавъ рѣчь, мамка махнула рукой.

— Ну, да что теперь отъ нашихъ ума спрашивать. Совсѣмъ одурѣли. Никакихъ порядковъ нѣтъ! Тоже въ имѣніе на житье собрались, ничего не справивши, ничего не приготовивши, точно, прости Господи, нищіе на богомолье... Въ Питерѣ дыры свои всѣмъ показывали и сюда незаштопанными ихъ понесли. Вотъ, молъ, смотрите, добрые люди. Тоже здѣсь вѣдь сосѣди есть, сродственники, вонъ и тетенька Елизавета Андреевна тутъ въ десяти верстахъ живетъ, и Иволгинъ, Борисъ Николаевичъ, рукой подать поселился.

Анна Ѳеодоровна въ это время, ходя задумчиво по комнатѣ, медленно разстегивала лифъ чернаго шерстяного платья. Ее теперь все тѣснило, все давило, какъ разнемогающагося человѣка. При упоминаніи мамкою имени Иволгина, она сдвинула брови и, прерывая воркотню старухи, спросила коротко:

— Готова, мамка, постель?

— Готова, готова!—отвѣтила мамка и заботливо спросила:—чайку-то не принести ли тебѣ сюда?

— Нѣтъ. Устала я. Скорѣе усну безъ чаю,—отвѣтила Анна Ѳеодоровна.

— Ну, спи! Христосъ съ тобой!—проговорила Марѳа Власьевна, совершая въ воздухѣ крестное знаменіе по направленію къ молодой барышнѣ, и, вздохнувъ, вышла изъ комнаты.

Анна Ѳеодоровна медленно подошла къ двери и замкнула ее на ключъ, какъ бы боясь, что кто-нибудь еще ворвется смутить ея покой. Потомъ она подошла къ окну и хотѣла спустить занавѣски, но тотчасъ же раздумала. Зачѣмъ! Отведенная ей комната находилась во второмъ этажѣ. Передъ окнами тянулся запущенный садъ, чернѣя еще голыми вѣтвями. Она замедлила на нѣсколько минутъ у окна, смотря безцѣльно въ пространство: нерасчищенный садъ походилъ на погостъ или показался ей такимъ. «Въ фамильномъ склепѣ на кладбищѣ», мелькнуло въ ея умѣ. Она обернулась назадъ, окинула глазами комнату: низенькая,

Digitized by Google

просторная, съ грузною мебелью въ сухомъ стилѣ первой имперіи, комната ей тоже показалась похожей на могильный склепъ, а большая, краснаго дерева кровать съ золотыми украшеніями, съ тяжелымъ пологомъ показалась катафалкомъ подъ балдахиномъ. На минуту вниманіе молодой дѣвушки остановилось на этихъ украшеніяхъ. Въ изголовьи и въ ногахъ доски краснаго дерева у кровати заканчивались съ боковъ четырехугольными, плоскими, черными колонками, суживавшимися книзу. Внизу изъ этихъ колонокъ выходили плотно сдвинутыя человѣческія ноги темно-зеленаго цвѣта съ легкой бронзировкой. Въ верху колонокъ были сдѣланы точно такіе же женскіе бюсты. Отъ этихъ бюстовъ шли длинныя золоченыя крылья, сходившіяся на красномъ деревѣ кровати съ крыльями такихъ же бюстовъ, находившихся на другомъ концѣ досокъ. Анна Ѳеодоровна отвернулась и почти съ раздраженіемъ увидала, что тѣ же своеобразныя каріатиды съ распростертыми золочеными крыльями находятся на всей мебели. Въ разстроенномъ воображеніи опять прошли образы церкви, гроба... Скорѣе лечь, уснуть, забыться.

Ломова стала раздѣваться медленно, устало, какъ человѣкъ совсѣмъ ослабѣвшій, больной. По привычкѣ она подошла къ туалету, помѣщавшемуся между оконъ, и испугалась, взглянувъ на себя: она была блѣдна, какъ мертвецъ...

Она была еще молода: ей было всего двадцать шесть лѣтъ. Но ее вывезли «въ свѣтъ» девять лѣтъ тому назадъ, и слѣды этихъ девяти лѣтъ уже лежали на ея лицѣ. Она была еще красавицей, но, при взглядѣ на нее, невольно приходила мысль: «она, должно-быть, была очень хороша», точно теперь она была уже не хороша. Такіе типы, какъ ея типъ, вообще, быстро развиваются, быстро увядаютъ. Высокая, стройная, съ черными волосами, съ черными бровями, съ черными глазами, съ античнымъ профилемъ, съ манерами гордой царицы, она по усвоенной безсознательно привычкѣ смотрѣла строгой, величавой, серьезной. Когда-то блескъ глазъ, горячій румянецъ полненькихъ щекъ, яркій пурпуръ губъ, безпечная улыбка придавали этому лицу невыразимую прелесть.

Теперь малокровная блѣдность кожи, отсутствіе свѣжести, едва замѣтныя морщинки около большихъ близорукихъ глазъ, складочка между бровями, часто сдвигавшимися отъ привычныхъ думъ, что-то неуловимое, но бросающееся въ

Digitized by Google

глаза говорило, что она уже жила, и прежде всего въ этомъ лицѣ бросалась въ глаза не его красота, а его строгость, его сухость и то, что «она уже жила». Жила! Развѣ рядъ невзгодъ жизнь? «Неужели это начало конца?»—мысленно спрашивала она себя, стоя въ раздумьи передъ зеркаломъ съ безсильно опустившимися руками. Остаться здѣсь, похоронить себя заживо, умереть въ этомъ фамильномъ склепѣ, не живши такъ, какъ бы хотѣлось? Ея молодая, ослѣпительно бѣлая грудь тяжело поднималась отъ волненія. Она безсознательно провела рукой по лбу, какъ бы ощущая боль отъ нахлынувшихъ думъ, очнулась, направилась къ постели. Откинувъ одѣяло и простыню, она сѣла на кровать, сбросила сапожки, чулки и, продолжая глядѣть въ пространство, снова что-то перебирала въ умѣ. Казалось, она забыла, зачѣмъ она сѣла на постель. Кто бы могъ сказать девять лѣтъ тому назадъ, что она дойдетъ до такого состоянія безнадежности, отчаянія, озлобленія на всѣхъ и на все?

Девять лѣтъ тому назадъ ее вывезли на первый балъ.

— Ты будешь царицей нынѣшняго сезона,—говорила ей мать.

— Въ ней что-то восточное, цыганское,—говорили одни.

— Нѣтъ, это греческая богиня,—говорили другіе.

— Да у нея же вовсе не горбатый носъ,—возразилъ кто-то.

— Что вы говорите,—со смѣхомъ сказали ему:—да когда же вы видѣли Венеръ и Діанъ съ горбатыми носами?

Одни удивлялись ея глазамъ, то сверкавшимъ огнемъ, то мягкимъ, какъ бархатъ. Другіе замѣчали, что они никогда не видали такой бѣлизны лица у брюнетокъ. Всѣ заглядывались на ея открытыя впервые для публики шею, плечи, грудь, руки. Казалось, это тѣло обнажили теперь именно потому, что какъ разъ настала пора, когда его стоило выставить на показъ. Она почти не присѣла во весь вечеръ—гвардейцы, флигель-адъютанты, камеръ-пажи, камеръ-юнкера, все это вертѣлось около нея.

Возвращаясь домой, она, утомленная, чувствуя легкое головокруженіе, спрашивала мать, похожи ли на этотъ балъ придворные балы.

— Все то же; увидишь когда-нибудь,—равнодушно отвѣтила мать, какъ говорятъ о пустякахъ, не стоящихъ разговоровъ.

А черезъ мѣсяцъ... о, она запомнила всю эту сцену, воз-

Digitized by Google

вѣстившую начало ихъ испытаній. Отецъ пріѣхалъ домой и, точно готовясь сообщить неожиданную радость безъ всякихъ приготовленій, влетѣлъ въ гостиную со словами:

— Все погибло, мы разорены!

Онъ проговорилъ эту фразу съ какимъ-то пошло легкомысленнымъ драматизмомъ, точно актеръ, проникнувшійся не трагизмомъ изображаемаго положенія, а своимъ умѣніемъ произносить громкія фразы.

Мать поднялась съ мѣста и, по обыкновенію, сдержанная и холодная замѣтила:

— Какія глупости ты говоришь, и что за тонъ!

Сказавъ это, она хотѣла даже выйти изъ комнаты, разсерженная пошлой выходкой мужа, но онъ заговорилъ дальше скороговоркой, жестикулируя, горячась:

— Не глупости, когда все продадутъ съ молотка, когда не останется ни гроша! Ты думаешь, нынче станутъ церемониться съ нами? Сегодня уже въ газетахъ есть публикація о продажѣ имѣнія, а внести процентовъ не изъ чего! Ирецкій городской банкъ лопнулъ еще на прошлой недѣлѣ, но это бы ничего, если бы Русовъ не пустилъ въ себя пулю, а онъ мало того, что втянулъ меня въ банкъ, но вѣдь я былъ поручителемъ за него на сотню тысячъ... Кажется, еще больше, чѣмъ на сотню...

Мать уже не спѣшила уйти. Она стояла, какъ статуя, машинально опираясь концами пальцевъ о столъ; ея рука дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Кажется, больше!.. ему кажется!—съ горькой ироніей, почти съ судорожнымъ смѣхомъ прошептали ея побѣлѣвшія губы.

Она презирала, почти ненавидѣла его въ эту минуту. Это чувство на мгновеніе подавило въ ней даже чувство страха передъ будущимъ.

Отецъ загорячился.

— Ахъ, не все ли равно, больше или меньше? Что значитъ тутъ цифра? Сто, двѣсти, триста тысячъ—дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что мы нищіе...

Онъ опять быстро заговорилъ, замахалъ руками, мелькая по комнатѣ, какъ назойливо жужжащая осенняя муха.

Въ эту минуту она, Анна Ѳеодоровна, увидала, что мать точно поскользнулась и стала опускаться все ниже, ниже, вся побѣлѣвшая, съ закрывшимися глазами, инстинктивно ища въ воздухѣ рукою опоры! Дочь въ ужасѣ бросилась къ матери съ крикомъ:

Digitized by Google

— Воды! воды!

Отецъ тоже растерялся, забѣгалъ, продолжая что-то говорить, безсвязно, безцѣльно...

Съ этого дня уже никто не говорилъ въ домѣ не только о придворныхъ балахъ, но и о балахъ вообще...

Какъ случилось это разореніе?

Ѳеодоръ Романовичъ Ломовъ кончилъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ и былъ кавалеристомъ. Вслѣдствіе этого онъ считалъ себя человѣкомъ большого свѣта, аристократомъ. Онъ былъ богатъ, и потому никто не разубѣждалъ его въ этомъ. Маленькій, вертлявый, разбитной, онъ носилъ въ своемъ кругу кличку «Фи-фи». Можетъ-быть, эта кличка выражала въ уменьшительной степени его имя; можетъ-быть, эта кличка произошла отъ привычки Ломова слишкомъ часто повторять съ презрительными гримасами: «fi!» Онъ былъ, повидимому, любимъ всѣми. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ онъ. Вообще, онъ отличался тѣмъ, что вѣрилъ твердо во многое; онъ вѣрилъ, что онъ чистокровный аристократъ, такъ какъ онъ случайно воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, служилъ въ кавалеріи, былъ богатъ; онъ вѣрилъ, что онъ душа своего общества, такъ какъ его безконечная болтовня часто вызывала смѣхъ; онъ вѣрилъ, что онъ лучшій наѣздникъ и знатокъ лошадей въ Россіи; онъ вѣрилъ, что онъ очень уменъ, что онъ можетъ говорить обо всемъ; онъ вѣрилъ, что выше круга его знакомыхъ нѣтъ ничего, и что въ этомъ кругу онъ первый. Это дѣлало его бойкимъ, развязнымъ, довольнымъ собой, всѣмъ окружающимъ. Его состояніе оцѣнивали въ полмилліона; жилъ онъ такъ, какъ можетъ жить человѣкъ, имѣющій не одинъ милліонъ, а нѣсколько. Жить иначе, считать и разсчитывать онъ называлъ мелочничествомъ, мѣщанствомъ. Видя ежегодные дефициты, онъ досадливо жаловался, что съ отмѣной крѣпостного права земля стала давать мало доходовъ и ни разу не подумалъ, что у него, съ теченіемъ времени, стали слишкомъ велики расходы.

— Вы совершенно правы, — замѣтилъ ему однажды въ обществѣ одинъ изъ его собесѣдниковъ:—доходы съ имѣній ничтожны именно потому, что мы все еще считаемъ Россію по старой географіи страной земледѣльческой...

Ломовъ, услыхавъ, что онъ «совершенно правъ», увлекся милымъ собесѣдникомъ, объяснившимъ ему, что Россія— страна промышленная, и что промышленность нуждается въ

Digitized by Google

капиталахъ, а капиталы могутъ явиться только при развитіи банковъ.

Собесѣдникъ Ломова оказался молодымъ человѣкомъ, говорящимъ горячо и увлекательно, мало того, онъ оказался очень скромнымъ, развивая свои взгляды, прибавлялъ: «какъ вы изволили замѣтить», «какъ вы справедливо выразились». Ломову онъ понравился, и они сошлись.

Это былъ первый «разночинецъ», котораго узналъ Ломовъ. До этой поры онъ вращался въ своемъ военномъ кружкѣ, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ однокашниками Пажескаго корпуса, встрѣчался только съ тѣми изъ штатскихъ, у кого были титулы или званія камеръ-юнкеровъ и камергеровъ. Все это была молодежь, прожигавшая жизнь и мотавшая деньги въ ожиданіи той поры, когда придется осѣсть, пристроиться чрезъ бабушекъ и тетушекъ къ виднымъ и выгоднымъ мѣстамъ, сколачивая и выжимая, гдѣ можно, деньги для кутежей иного поколѣнія. Новый знакомый Ломова — Русовъ былъ сыномъ бывшаго крѣпостного, потомъ кабатчика, далѣе желѣзнодорожника и банковскаго дѣльца. Ѳеодоръ Романовичъ даже изумился, узнавъ чрезъ нѣсколько времени родословную Русова, точно онъ предполагалъ прежде, что дѣти кабатчиковъ иначе ходятъ, говорятъ, одѣваются, чѣмъ люди его округа. Правда, сначала Фи-фи отзывался о Русовѣ нѣсколько снисходительно, съ конфузливыми оговорками, тономъ покровительства: «онъ все же милый малый»; «какъ бы то ни было, но онъ благовоспитанъ»; «ему дѣлаетъ честь, что онъ сталъ выше своей среды». Но мало-по-малу онъ сталъ даже чувствовать если не благодарность къ Русову, то необходимость въ Русовѣ. Тотъ всегда находилъ способъ сдѣлать такъ, что у Ломова доходъ увеличивался вдвое и втрое. Имѣніе заложилось, и деньги пошли въ Ирецкій банкъ; банкъ давалъ баснословные проценты, гораздо болѣе земли. Самъ Русовъ съ компаніей завелъ какой-то заводъ обработки отбросовъ. Ломову стоило только поставить бланки на нѣсколькихъ векселяхъ Русова, учтенныхъ Ирецкимъ городскимъ банкомъ, чтобы снова получить нѣсколько тысячъ дохода. Былъ даже такой періодъ въ жизни Ломова, когда вопреки своему основному убѣжденію, что старое дворянство—это все, онъ, увлеченный возрастаніемъ своихъ доходовъ, сталъ легкомысленно говорить:

— Что вы ни говорите, а возникающее у насъ tiers état дастъ извѣстный толчокъ Россіи; у этого люда есть русская смѣкалка, что-то такое въ родѣ практическаго нюха.

Digitized by Google

Особенно пріятно было то, что Русовъ не напоминалъ какого-нибудь скряги-барышника, а держалъ себя вполнѣ джентльменомъ, зналъ толкъ въ лошадяхъ, говорилъ хорошо по-французски, держалъ пари на скачкахъ, имѣлъ грума, содержалъ кокотку и былъ щедръ, какъ чистокровный аристократъ, бросая деньги въ ресторанахъ низко кланявшейся ему прислугѣ. Съ такимъ человѣкомъ было не стыдно идти рука объ руку.

И все это рухнуло разомъ: крахъ Ирецкаго банка и попытка Русова на самоубійство, тѣсно связанные между собой, поставили Ломова въ безвыходное положеніе,—у него не только не было возможности заплатить проценты по заложенному имѣнію, но на шеѣ еще было поручительство по векселямъ Русова на сто тысячъ... а можетъ-быть, и больше, какъ онъ говорилъ самъ.

Эта была обыкновенная, будничная исторія разоренія «глупца», какъ всѣ стали называть теперь Фи-фи. Кто же когда-нибудь принималъ его серьезно, этого жалкаго Фи-фи? Онъ, бѣдный, всегда былъ крайне недалекъ. Всѣмъ теперь вспомнились разныя глупости, сказанныя имъ. Это вызывало сдержанныя улыбки, иногда невольные взрывы смѣха. Теперь, видя его въ штатскомъ платьѣ, всѣ находили даже не безъ удивленія, что онъ сталъ ниже ростомъ, а его развинченныя кавалерійскія манеры дѣлали его просто комичнымъ. Прежде за всѣ его смѣшныя и странныя выходки его называли «эксцентрикомъ», теперь за нихъ же называли «шутомъ гороховымъ»...

Но у этого шута были жена, дочь, сынъ.

Неожиданный ударъ совершенно различно отозвался на мужѣ и женѣ.

Онъ долженъ былъ выйти въ отставку, но, тѣмъ не менѣе, полный глубокой вѣры въ себя, не упалъ духомъ и рѣшился искать мѣста по гражданской службѣ. Онъ сталъ обивать пороги вліятельныхъ знакомыхъ, оставаясь тѣмъ же говоруномъ, тѣмъ же недальновиднымъ человѣкомъ, какъ будто все шло по-старому и всѣ оставались прежними людьми. Жена замкнулась съ семьей въ маленькой квартиркѣ въ Колтовской, стыдясь показаться кому-нибудь на глаза, боясь сожалѣній, униженій, толковъ. Но, и замкнувшись отъ всѣхъ, она краснѣла отъ сознанія своего паденія и позора и испытывала каждый разъ чувство униженія, слыша отъ мужа, что ему отказываютъ въ мѣстѣ, что его не принялъ тотъ или иной изъ знакомыхъ. Мужъ не сразу понялъ свою новую

Digitized by Google

роль; жена чутьемъ угадала, какъ теперь смотрятъ на него. Хотя внезапно настигнувшее Ломова несчастіе не измѣнило его нисколько, хотя онъ былъ такъ же говорливъ, подвиженъ, горячъ, какъ прежде, но одни изъ его знакомыхъ стали говорить, что онъ надоѣдливъ, другіе просто стали говорить, что Фи-фи непроходимо глупъ. Лица, у которыхъ онъ искалъ мѣста, замѣчали, послѣ его ухода, въ своемъ кругу, что въ ихъ министерствахъ еще нѣтъ мѣстъ для «говорильныхъ машинъ». Мало того, нѣкоторыя лица чуть не съ возмущеніемъ разсказывали о томъ, что Ломовъ говорилъ: «мы—аристократы». Какой же онъ аристократъ? Какой-то Ломовъ, провинціальный дворянинъ, сынъ дослужившагося до генеральскаго чина помѣщика, величаетъ себя аристократомъ? Надо быть такимъ шутомъ, какъ онъ, чтобы вообразить что-нибудь подобное! Ломова не знала, не слышала этихъ толковъ, но предчувствовала, угадывала, какъ начали смотрѣть на ея мужа. Онъ сталъ раздражать своею болтовнею и ее; онъ и ей сталъ казаться — она стыдилась въ этомъ сознаться самой себѣ—глупымъ. Что же мудренаго, если и посторонніе находятъ его такимъ? Ломовъ хотя и не сознавалъ перемѣны въ отношеніяхъ людей къ нему, но, не получая мѣста, не заставая дома старыхъ пріятелей, слыша повсюду неизвѣстныя ему прежде возраженія, незамѣтно для себя, становился желчнымъ, раздражительнымъ, рѣзкимъ. На него кое-гдѣ даже стали какъ-то подозрительно коситься, слыша его фрондерскія выходки противъ правительства, за отношенія послѣдняго къ «намъ, старымъ дворянамъ», какъ говорилъ онъ, не замѣчая, что надъ нимъ смѣются. Почему онъ разоренъ? Потому, что его имѣніе было заложено не въ опекунскомъ совѣтѣ, а въ частномъ банкѣ. Какъ можно было допустить подобные банки, разоряющіе дворянъ? Или не понимаютъ, что главная и единственная сила — старое дворянство? Онъ произносилъ эти фразы, сильно жестикулируя, съ пѣной у рта, захлебываясь отъ волненія. Про него стали говорить, что онъ не только глупый, но и опасный человѣкъ. Наконецъ, онъ уже становится слишкомъ безцеремоннымъ, является вездѣ въ какихъ-то пиджакахъ, по-домашнему, не соблюдая самыхъ обыкновенныхъ правилъ приличія. По его развязности никто не могъ предполагать, что эти пиджаки были все, что у него осталось отъ платья...

Правда, не всѣ старые знакомые такъ безучастно относились къ Ломовымъ.

Digitized by Google

Одни все собирались навѣстить Антонину Аркадьевну, и удерживало ихъ отъ этого одно соображеніе:

— Это посѣщеніе страшно тяжело отзовется на ней. Говорятъ, они живутъ въ какой-то трущобѣ. О, если бы хоть немного поправились ихъ дѣла, чтобы можно было, не шокируя ихъ, заѣхать къ нимъ...

И эти люди не заглядывали къ Ломовымъ, успокаивая себя тѣмъ, что они это дѣлаютъ изъ деликатности.

Другіе помышляли помочь семьѣ, доставивъ Ломову, хотя онъ глупый и пустой малый, какое-нибудь мѣсто, но не торопились сдѣлать это, очень вѣрно разсуждая:

— Надо только подождать, когда кончатся его дѣла по Ирецкому банку, по конкурсу Русова, когда выяснится все. А то еще—кто его знаетъ—можетъ-быть, его, бѣдняка, впутали въ какія-нибудь грязныя сдѣлки...

И эти доброжелатели ждали конца безконечнаго дѣла, досадуя, что они не могутъ ничѣмъ быть полезными пострадавшей семьѣ. Въ этихъ случаяхъ даже поддерживать сношенія неловко, мало ли какая грязь можетъ всплыть наружу. Не напрашиваться же въ свидѣтели на судѣ въ качествѣ друзей и знакомыхъ?

Нѣкоторое время семья жила, закладывая спасенныя отъ крушенія, то-есть украденныя у кредиторовъ вещи, золотыя бездѣлушки, брильянты. Наконецъ, не стало и ихъ. Въ то же время наступили сроки платежа процентовъ за эти заложенныя вещи. Приходилось добывать деньги на уплату этихъ процентовъ или видѣть гибель этихъ вещей за ничто. Но что значили эти бездѣлушки послѣ потери всего состоянія? О, очень много! Каждую изъ этихъ пропадавшихъ вещей Антонина Аркадьевна оплакивала въ своей спальнѣ, точно это были послѣдніе хоронимые ею друзья. Утрата этихъ вещей отзывалась на ней сильнѣе утраты всего состоянія. Такъ отзываются на человѣкѣ мелкія царапины, когда онѣ касаются сильно пораненнаго мѣста. Послѣ тяжелой внутренней борьбы, Ломова рѣшилась, наконецъ, выйти изъ своего угла, рѣшилась прибѣгнуть къ помощи одной изъ вліятельныхъ дальнихъ родственницъ, бывшей камеръ-фрейлинѣ. Ломова знала, что старуха и зла, и суха, тѣмъ не менѣе она пошла именно къ ней. Ей было не такъ тяжело объясняться со старухой, какъ было бы тяжело говорить съ женщинами, равными ей по лѣтамъ, по прежнему ея положенію въ свѣтѣ. Попытка оказалась неудачною. Озлобленная старая дѣва высказала Ломовой все то, что послѣдняя

Digitized by Google

покуда только угадывала. «Фи-фи дать мѣсто? Вотъ тоже идея! На что онъ годенъ? Развѣ только на то, чтобы онъ кого-нибудь заговорилъ до смерти? Всегда онъ былъ глупъ, глупымъ и остался». Ломова попробовала замѣтить, не безъ горечи, что прежде никто не считалъ, кажется, ея мужа глупымъ. «Прежде! прежде! Кормилъ всѣхъ, такъ что же было и разбиратъ, глупъ онъ или не глупъ? Обѣды и у глупцовъ, и у умныхъ могутъ быть одинаково вкусны. Ихъ вѣдь не господа, а повара готовятъ! И потомъ въ его конской службѣ ума и не требовалось. Слава Богу, не государствомъ управлялъ, а на плацъ-парадахъ гарцовалъ. Причемъ тутъ умъ?» Ломова пробовала замѣтить, что имъ нужна помощь, что они на краю пропасти. Старая дѣва разсердилась еще сильнѣе, заговорила еще болѣе желчно. «Имъ нужна помощь, да кому же не нужна помощь? Это нынче-то, когда всѣ обнищали! Вонъ жена Теофиля Худаго башлыки стала вышивать по заказу «для этихъ дѣвицъ», чтобы только не умереть съ голоду съ мужемъ, такъ какъ пришлось за сынка, бѣжавшаго за границу, заплатить долги. А юный князь Шаховъ женился на столѣтней, кажется, вдовѣ милліонера Дурдина, чтобы спастись отъ долгового отдѣленія... Да что говорить о другихъ! Она сама вотъ не можетъ нынче ѣхать за границу. Они на краю пропасти, а она на краю могилы! Это поопаснѣе! Что-жъ, дастъ ей кто-нибудь на путешествіе? У каждаго свои нужды, каждый о себѣ заботится...» Когда Ломова возвращалась домой, въ ней чувствовался полный упадокъ силъ. Въ головѣ былъ какой-то хаосъ, она точно теперь только поняла свое положеніе. Прежде она это угадывала, теперь ей это сказали громко. Имъ не на что надѣяться, нечего ждать. И зачѣмъ она унижалась? О, лучше умереть, чѣмъ идти еще куда-нибудь. Да, она и не пойдетъ никуда, и умретъ такъ, не прося никого, не кланяясь никому. Пусть потомъ, когда она умретъ, всѣ узнаютъ, что она вынесла. Въ ней пробудилось желаніе, чтобы это случилось скорѣе, чтобы скорѣе всѣ узнали это.

Она не помнила, какъ она добрела домой.

Вернувшись къ себѣ, она сѣла у окна въ какомъ-то полубезчувственномъ состояніи. Мимо нея нѣсколько разъ прошмыгнула, хлопая дверями и стуча тяжелыми башмаками, мамка. Узенькій лобъ старухи былъ сморщенъ, губы сжаты, большія ноздри раздувались. Она видимо была сильно озабочена. Шмыгая по комнатѣ, мамка искоса, какъ бы вопросительно

Digitized by Google

взглядывала на Ломову: та не шевелилась, ничего не замѣчала, безцѣльно смотря въ окно на улицу. Тамъ какіе-то оборванные мальчишки играли въ бабки у противоположнаго забора; изрѣдка мимо дома торопливо проходили мастеровые, покрытые копотью и грязью, держа въ грязныхъ рукахъ селедку, колбасу, краюхи хлѣба; порой шагали крупными мужскими шагами бабы, таща корзины съ бѣльемъ, мѣшки со щепками. Она ничего не видала и только изрѣдка вздрагивала при глухомъ, короткомъ стукѣ бабокъ о заборъ. Наконецъ Марѳа Власьевна остановилась передъ барыней.

— Что-жъ, такъ сегодня безъ обѣда и будемъ? — спросила она отрывисто.

Антонина Аркадьевна очнулась.

— У меня ничего нѣтъ,—отвѣтила она упавшимъ голосомъ.

— Ничего нѣтъ! ничего нѣтъ! — передразнила ее мамка, точно глумясь на нею.—Дяденькѣ Петру Васильевичу отписала бы, вотъ и было бы. Голова, что ли, отвалится отъ поклона?

Ломова слегка махнула безнадежно рукой.

— Развѣ онъ дастъ! Онъ десятокъ лѣтъ уже не переписывается съ нами.

— Еще бы переписываться!—загорячилась мамка.—Сами обидѣли старика да ждете, чтобы онъ переписывался. Вамъ же онъ добра желалъ, когда журилъ, что деньги бросаете на вѣтеръ. Такъ слушать не хотѣли. Намъ, молъ, никто не указъ! Привыкъ Ѳедоръ Романовичъ своимъ умомъ жить. А вотъ по дяденькиному и вышло.

Ломова вздохнула. Все это она знала и безъ мамки.

— Такъ что же ты и толкуешь...

— А все же поклониться надо, потому что кромѣ его ужъ никто не поможетъ, — продолжала мамка, говоря съ Антониной Аркадьевной тѣмъ тономъ, какимъ она наставляла ее въ дѣтствѣ. — Ѳедоръ Романовичъ все ходилъ не по что, принесъ ничего. Съ этого не разживешься! Или такъ съ голоду и погибать? Никого не удивишь этимъ...

Марѳа Власьевна вдругъ опять повысила тонъ:

— Ты о дѣтяхъ-то подумай! Ты взглянула бы на Ниночку. Похудала-то она какъ? А Ромушка на что похожъ сталъ? Развѣ онъ теперь барское дитя? Вонъ вчера стала я его перчатки стирать—въ тазу и остались... Мать, а про своихъ дѣтей не думаешь! Да я бы всѣ пороги обила, ко всѣмъ бы толкнулась...

Digitized by Google

Ломова даже не сердилась за эти безцеремонные упреки мамки.

— Я была сегодня у Елены Дмитріевны, — отвѣтила она.—Знаю я теперь, чего ждать отъ родныхъ и знакомыхъ...

— Нашла къ кому идти!—вспылила старуха.—Елена-то Дмитріевна сама въ каретѣ визиты дѣлаетъ, да булками изъ булочной насыщается отъ скаредности, чтобы дома обѣда не готовить. На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ. А ты къ ней вздумала идти...

Ломова, не слушая, продолжала:

— Да и Ѳедоръ Романовичъ всѣхъ обходилъ. Нигдѣ ничего.

Мамка злобно плюнула.

— А жрать у насъ всѣ умѣли! Псы голодные!

И потомъ опять повторила:

— Къ дяденькѣ-то Петру Васильевичу все же отпиши. Непремѣнно отпиши. Не погибать же такъ, въ самомъ дѣлѣ, съ голоду. Вонъ Ниночка сегодня спрашиваетъ: «что ты, мамка, готовишь?» А я ничего не готовлю... нечего мнѣ готовить!.. Ты объ этомъ подумала ли, сидя-то у окна?..

Напоминаніе о голодѣ воскресило въ умѣ Антонины Аркадьевны мысль, что они и точно погибнутъ не сегодня, такъ завтра съ голоду. О, тогда всѣ вспомнятъ о нихъ, поймутъ весь ужасъ ихъ положенія.

— И погибнемъ,—тихо сказала она:—прежде чѣмъ отвѣтъ отъ дяди получимъ—погибнемъ.

— Ну, чего закаркала, прости, Господи!—раздражительно сказала мамка. — Погибнемъ! погибнемъ! Не голодала, потому такъ и говоришь. Нѣтъ, какъ животы подведетъ, сама стонать станешь! Маленькою еще была, такъ, бывало, пять минутъ опоздаешь тебѣ грудь дать — кричать начнешь... Туда же голодать теперь вздумала. А сидѣньемъ своимъ ты, точно, ничего не высидишь. Ко всѣмъ толкаться надо, донимать всѣхъ надо: дай, молъ, дай! Теперь вотъ ты отпиши дяденькѣ-то только. Слышишь, непремѣнно отпиши.

Мареа Власьевна даже кулакомъ по столу постучала, точно угрожая Ломовой.

Потомъ она опять застучала башмаками, опять захлопала дверями. Ея грубый, ворчливый голосъ уже слышался на кухнѣ, и въ отвѣтъ на ея воркотню раздавались степенныя замѣчанія Степана Потаповича.

— Чего ты шумишь, баба, бѣлены, что ли, объѣлась; ужо пугнутъ тебя господа: здѣсь не прежнее дѣло—стѣны-то тонкія. Взяла въ самомъ дѣлѣ власть...

Digitized by Google

— А ты молчи, ты дѣлай свое дѣло,—огрызалась Марѳа Власьевна.—Вотъ Ѳедоръ Романовичъ придетъ, такъ самому тебѣ чтобъ не досталось...

Часа черезъ два вернулся Ломовъ, усталый, но по обыкновенію возбужденный, говорливый, волнующійся. Онъ тоже не принесъ ничего.

— Да, я теперь только узналъ людей! Это мало того, что безсердечные люди, въ нихъ даже простой порядочности нѣтъ. И это наше дворянство, лучшія наши силы! На кого же надѣяться! Въ комъ искать истиннаго рыцарства?

И онъ разразился цѣлымъ потокомъ рѣчей на эту тему, нанизывая слова, не заботясь о логикѣ. Ломова горько усмѣхнулась, даже не сердясь, что онъ такъ пошлъ и глупъ.

— Да, мы теперь только узнали людей,—замѣтила она:— но и они, кажется, въ свою очередь только теперь узнали насъ.

И она разсказала о своемъ визитѣ къ старой родственницѣ. Въ ея голосѣ впервые послышалась ѣдкая горечь. Она, казалось, издѣвалась теперь надъ мужемъ, надъ собою, надъ своими прежними самообманами, надъ своими старыми симпатіями.

— Впрочемъ, Елена Дмитріевна всегда такъ выражалась,—закончила она свой разсказъ:—только ея тонъ, ея выраженія принимались прежде съ иными чувствами...

По ея лицу скользнула опять усмѣшка:

— Да, измѣнились не они, а мы...

Въ эту минуту раздался обычный торжественный возгласъ Степана:

— Кушать подано

Ломова подняла въ недоумѣніи голову. Казалось, она услышала какую-то совершенно непонятную фразу. Ломовъ, ничего не замѣчая, заторопился:

— Да, да, отлично! Я сильно проголодался! Еще бы, столько ходилъ.

Онъ торопливо развинченной походкой пошелъ въ другую комнату; Ломова прошла въ кухню.

— Мамка, откуда ты взяла?

— Да ужъ садись, садись, не украла, слава Богу! Полиція не придетъ описывать твоего обѣда!—отрывисто отвѣтила старуха, шумно двигая на плитѣ сковороду съ жарящимся и шипящимъ въ маслѣ картофелемъ.

Антонина Аркадьевна молча прошла въ столовую и сѣла за столъ. Ломовъ налилъ рюмку водки, выпилъ ее и заку-

Digitized by Google

силъ кускомъ хлѣба съ аппетитомъ усталаго и проголодавшагося человѣка. Жена смотрѣла почти съ презрѣніемъ на мужа. Ѣстъ, пьетъ, даже не спросивъ: откуда все это? гдѣ достали денегъ? О, онъ всегда былъ такимъ, и всегда она страдала, сознавая это и не признаваясь въ этомъ даже себѣ самой.

Ломовы обѣдали и на слѣдующій день, и на третій, и на четвертый...

Антонина Аркадьевна испытывала въ эти дни странное чувство тревоги: ей все казалось, что она обѣдаетъ въ послѣдній разъ въ жизни. Пообѣдаемъ сегодня, а завтра не будетъ ничего, начнется голодъ, смерть.

— Мамка, гдѣ ты берешь? Въ долгъ? — наконецъ пристала она къ Марѳѣ Власьевнѣ.

— Такъ тебѣ и дадутъ въ долгъ! — коротко отвѣтила старуха. — Слава Богу, прошло время, когда всѣ совали, только бери! Попробуй теперь! Я-то ужъ пробовала. Дали, какъ же, держи карманъ, чтобы не просыпалось... А ты сиди теперь съ упованіемъ на Бога да жди отвѣта отъ дяденьки Петра Васильевича. Не пришлетъ — еще пиши, продохнуть не давай!..

Ломова ничего не поняла изъ этого отвѣта, но не настаивала болѣе на разспросахъ. Ей стало теперь какъ-то лѣнь, не нужно, не для чего знать болѣе, чѣмъ она знала. Ну, берется обѣдъ откуда-то и прекрасно. Не будетъ его — наступятъ голодъ, смерть. Обѣдая ежедневно, она переставала вѣрить, что точно наступятъ голодъ и смерть, тѣмъ не менѣе она все чаще и чаще стала развлекать себя представленіемъ этихъ ужасовъ. Когда она погибнетъ, тогда узнаютъ люди, что она пережила, перестрадала. Апатичная, какъ бы застывшая, она однажды сѣла къ окну и стала машинально искать въ рабочемъ столикѣ папиросъ. Ихъ не оказалось. Это сильно смутило ее. Антонина Аркадьевна прежде не курила. Но въ тяжелые дни послѣ разоренія она какъ-то случайно взяла разъ въ ротъ папиросу и закурила—она даже сама не сознавала, для чего—зубъ, что ли, разболѣлся, и она не знала, чѣмъ успокоить боль, или просто такъ безъ мысли, безъ цѣли закусила кончикъ папиросы, какъ могла бы закусить кончикъ карандаша, ручку отъ стального пера. Тѣмъ не менѣе ей стало тогда легче, у нея слегка закружилась голова, стало немного холодно, какъ передъ легкимъ обморокомъ, мысли приняли какое-то другое направленіе, мелькнули какія-то туманныя мечты и на-

Digitized by Google

жды, возникавшія и разсѣивавшіеся, подобно дыму. Прежде она никогда не мечтала, ни на что не надѣялась—во время богатства все нужное являлось само собою, безъ мечтаній о немъ; во время разоренія безвыходность положенія подавила все свѣтлое и слугивала мечты. Куря впервые папиросу, Ломова точно въ какомъ-то полуснѣ начала смутно думать, что, можетъ-быть, все еще поправится, все тяжелое еще пройдетъ. Мало ли переворотовъ дѣлается въ жизни. И когда все это пройдетъ—всѣ снова придутъ къ ней. Какія выраженія будутъ у этихъ людей, когда она взглянетъ на нихъ холоднымъ, пристальнымъ взглядомъ? По ея губамъ скользила улыбка презрѣнія къ людямъ. Куреніе вошло въ привычку... Теперь, когда въ карманѣ не было ни гроша, когда семья кормилась на невѣдомыя средства, Ломовой было совѣстно попросить мамку о папиросахъ, а между тѣмъ томила какая-то безотчетная тоска безъ нихъ. Тревожная, она поднялась съ мѣста, прошла въ другую комнату, вернулась снова назадъ, опять стала рыться въ столѣ. Она, какъ бы въ полуснѣ, шарила вездѣ, въ столѣ, въ комнатѣ, въ карманахъ мужниной одежды, не запала ли куда-нибудь случайно хоть одна папироса. Ихъ не было.

— Чего ты шаришь-то, да вчерашняго дня ищешь, а не скажешь, что папиросъ нѣтъ! — вдругъ раздался голосъ мамки.—Ахъ, люди тоже, языкъ отсохнетъ сказать.

И черезъ нѣсколько минутъ передъ Ломовой лежала четверка табаку и гильзы.

— Набивай сама, все развлеченіе будетъ, — отрывисто сказала мамка.

Ломова даже засмѣялась отъ радости, и въ то же время на ея глаза навернулись слезы. Она до крови закусила губы, чтобы скрыть эту радость, эти слезы. На минуту ей стало противно, что она привыкла курить. Точно пьянство! Она отвернулась къ окну. И въ то же время, желая успокоится, она быстро стала распечатывать табакъ, чтобы скорѣе набить хоть одну папиросу...

Дядя же Петръ Васильевичъ все не отвѣчалъ. Ломова написала ему второе письмо. Ее охватывалъ страхъ: что если онъ не поможетъ. Старикъ былъ самодуръ. Жилъ безвыѣздно въ своемъ имѣніи Ломовскомъ, съ тѣхъ поръ какъ его единственный сынъ оставилъ Россію, принялъ католичество и женился за границей на какой-то авантюристкѣ. Дядя приглашалъ Ломовыхъ переѣхать къ нему: этимъ онъ отчасти показать сыну, что онъ отрекся отъ него и усыно-

Digitized by Google

вилъ своего племянника. Но Ломовы отказались отъ переѣзда къ дядѣ. Можетъ-быть, они боялись деревенской скуки; можетъ-быть, они сознавали, что имѣніе старика слишкомъ ничтожный призъ за требуемую имъ жертву. Во всякомъ случаѣ сами они говорили, что они вовсе не желаютъ похищать права у законнаго наслѣдника, вовсе не хотятъ пользоваться его ошибками. Объ этомъ они говорили вездѣ и всюду, просто и скромно, но съ полнымъ сознаніемъ благородства своего поступка. Дядя разссорился съ ними, напророчивъ имъ, что они все промотаютъ. Сношенія порвались. Они слышали о немъ только, что онъ сильно состарился, что у него въ домѣ живетъ маленькая родственница его жены Наташа Сорина, что въ этомъ домѣ почти единственными близкими людьми являются сосѣди старика-самодура, какіе-то Вѣра Николаевна и Михаилъ Михайловичъ Иволгины. Захочетъ ли старикъ теперь откликнуться на просьбу обѣднѣвшихъ родственниковъ? Не отплатитъ ли онъ имъ теперь за то, что они обрекли его на одинокую старость? Что тогда? Страхъ передъ неудачею усилился еще болѣе отъ странной тишины, наступившей въ домѣ; мамка вдругъ перестала стучать башмаками, хлопать дверьми, громыхать посудой и присмирѣла. На ея лицѣ со сморщеннымъ узенькимъ лбомъ, съ поджатыми губами, съ раздувающимися ноздрями, появилось такое выраженіе, точно она въ чемъ-то провинилась и не смѣетъ сознаться въ своей винѣ. Выходя на кухню, Ломова нерѣдко заставала ее сидящею у стола съ опущенными въ безсиліи на колѣнки руками, съ тупымъ уставленнымъ въ пространство взглядомъ. Антонина Аркадьевна спрашивала ее тревожно о здоровьи.

— Что мнѣ дѣлается!—отрывисто отвѣчала мамка.

Казалось, она сердилась на себя за то, что ей ничего не дѣлается.

Съ тѣмъ же вопросомъ обращалась Ломова и къ мужу мамки и получила такой же отвѣтъ:

— Что ей дѣлается!

Степанъ Потановичъ произносилъ это хмуро, потому что въ это время ему житья не было отъ жены.

День и ночь пилила его теперь Марѳа Власьевна за то, что онъ непутящій человѣкъ, дармоѣдъ, аспидъ, кровопивецъ, пропойца. Пилила его она за то, что будь онъ «путящимъ» человѣкомъ, могъ бы онъ на офиціантскую должность поденно ходить и грошъ зарабатывать, да домой приносить. Сколько людей такъ хлѣбъ добываютъ. А онъ, дармоѣдъ,

Digitized by Google

сидитъ на шеѣ у господъ, ихъ же хлѣбъ ѣстъ, и никакой отъ него пользы имъ нѣтъ. Ей крайне заманчивою казалась эта картина: онъ бы получалъ поденно на плохой конецъ рубль, приносилъ бы этотъ рубль домой и—господа были бы сыты. Чѣмъ заманчивѣе казались ей эти картины, тѣмъ нещаднѣе было пиленье. Вѣдь его только отпусти—онъ все пропьетъ, что заработаетъ, одежду пропьетъ. И если бы человѣкъ-то неумѣлый, Богомъ обиженный былъ, такъ нѣтъ, все умѣетъ, десятерыхъ трезвыхъ за поясъ заткнетъ, другого-то такого не скоро и сыщешь. А отпусти его—всѣ кабаки возликуютъ! Еще бы не возликовать, когда у Степана Потапыча завелись деньги! Видя, что эти мечты не сбыточны, мамка въ одинъ прекрасный день отпросилась постирать бѣлье для хозяйки дома. Ужъ очень та ее просила: нигдѣ поденщицы не могли найти, а работа къ спѣху. Нынче вѣдь бѣда съ поденщицами. Богъ знаетъ, что за народъ. Обѣдъ же и Степанъ сготовитъ. Слава Богу, не учить его. Ее отпустили. Она стирала день, два, три, возвращаясь домой поздно вечеромъ, въ промокшей одеждѣ, съ сбившимися въ работѣ сѣдыми волосами, съ красными съ бѣловатымъ налетомъ, сморщившимися отъ стирки концами пальцевъ.

Наконецъ, Ломова замѣтила ей:

— Да что же это ты, мамка, все стираешь? Неужели у хозяйки столько бѣлья накопилось?

Мамка растерялась. У нея забѣгали глаза, точно ища, куда бы спрятаться. Она непривычно покорнымъ извиняющимся тономъ, какъ сильно провинившійся человѣкъ, проговорила:

— Ужъ ты извини меня, все у меня подобралось... все, какъ есть...

Ломова тутъ только поняла весь смыслъ происходившаго въ послѣдніе три мѣсяца: ее кормила служанка на свои сбереженія; теперь она рѣшилась кормить господъ на свой поденный трудъ. Антонина Аркадьевна разрыдалась. Мамка и растерялась, и разсердилась.

— Глупая, глупая, ну, чего ты! Ахъ, ты Господи! Что я на воровскія деньги, что ли, тебя кормила? Слава Богу, у тебя же нажила! Полно! Ниночка еще, храни Господи, узнаетъ. И безъ того молодому человѣку не сладко, а тутъ... Ахъ, какая ты, право!

И въ припадкѣ какой-то давно забытой нѣжности, не зная, какъ утѣшить Ломову, она сунула ей въ руки папиросу.

Digitized by Google

— Ну, покури, на! Ахъ, ты дурочка моя, дурочка!

И она провела рукой по головѣ Ломовой, опустившейся въ безсиліи на стулъ, приниженной, пристыженной. Когда-то, въ давно былые дни, мамка съ этими же словами, поспѣшно разстегивая рубашку, давала ей, Антонинѣ Аркадьевнѣ, свою обильную молокомъ грудь, когда дѣвочка начинала плакать. Ломова машинально взяла папиросу, а Марѳа Власьевна торопливо, какъ будто внезапно пріободрившись и помолодѣвъ, пошла изъ комнаты, говоря:

— Погоди, погоди, ужо дяденька Петръ Васильевичъ пришлетъ пособіе, и все пойдетъ ладно... Голенькій-то охъ, а за голенькимъ-то Богъ!..

Антонина Аркадьевна сидѣла съ растерянным, недоумѣвающимъ и оторопѣлымъ выраженіемъ на лицѣ, сдѣлавшимся на минуту почти глуповатымъ. Казалось, произошло нѣчто такое, чего она не могла понять, осилить. Сначала ее точно пришибло, потомъ почувствовалась тупая боль въ сердцѣ. Въ это мгновеніе она пережила, можетъ-быть, больше, чѣмъ въ долгіе годы жизни. Въ умѣ воскресло все прожитое: ея отношенія къ людямъ, ихъ отношенія къ ней, разсказы мужа о старыхъ знакомыхъ, свиданіе съ родственницей, старой дѣвой, и этотъ подвигъ «глупой» мамки...

Ломова подняла глаза, и ея взоръ встрѣтился съ глазами Христа—Онъ сурово изъ-подъ терноваго вѣнца глядѣлъ на нее изъ угла со стѣны. Она, точно очнувшись отъ сна, вздрогнула.

— Господи, до чего я дошла!—тихо прошептала она.

Она торопливо встала, заходила по комнатѣ, говоря почти вслухъ: «нѣтъ, это не можетъ такъ продолжаться. Это надо кончить!» Казалось, она на что-то рѣшилась, что-то придумала. Она машинально, по привычкѣ, подошла къ столу, набила папиросу, продолжая повторять: «Это надо кончить! Это не можетъ такъ продолжаться!» И, закуривъ папиросу, присѣвъ снова къ окну, заглядѣлась на улицу. Тамъ было все то же: проходили рабочіе, тащились съ ношами бабы, играли въ бабки ребятишки. Подъ вліяніемъ этой картины, видѣнной и вчера, и третьяго дня, ея мысли приняли обычное теченіе, ровное, спокойное. Черезъ полчаса она удивилась бы, если бы ее спросили, что съ ней случилось. Ничего не случилось. Что же могло случиться... Все то же...

Дядя Петръ Васильевичъ, наконецъ, откликнулся. Онъ писалъ коротко и рѣзко, тономъ ворчливаго старика: «Я никогда не помогъ бы вамъ, но ваша непрошенная заступ-

Digitized by Google

ница, Вѣра Николаевна, говоритъ, что это варварство оставлять васъ въ бѣдѣ. Она и Наталку подучила хныкать и клянчить за васъ. Ну, и поблагодарите ихъ, если мои гроши спасутъ васъ отъ чего-нибудь. Многаго не дамъ; все равно въ прокъ не пойдетъ. Просуществовать можете и на то, что посылаю». Онъ прислалъ пятьсотъ рублей и обѣщалъ высылать по сто рублей въ мѣсяцъ. Семья вздохнула: теперь можно было жить, бѣдно, съ расчетомъ, но не голодая.

Всѣ эти событія, со всѣми мелочными, надрывающими душу подробностями, вспоминались теперь Аннѣ Ѳеодоровнѣ. Не было такой мелочи въ домѣ, которой бы не знала она: помощи мамки, неудачныя попытки отца найти мѣсто, тайныя слезы матери за дощатой перегородкой, разрывъ семьи съ младшимъ братомъ Анны Ѳеодоровны, все это пережила въ душѣ молодая дѣвушка. Отъ этихъ воспоминаній или просто отъ того, что въ комнатѣ стало холоднѣе, по тѣлу молодой дѣвушки пробѣжала дрожь. Она поспѣшила улечься въ постель и закутаться въ одѣяло. Пролежавъ такъ съ полчаса съ закрытыми глазами, она повернулась на спину, снова открыла глаза, откинула одѣяло, чувствуя теперь, что все ея тѣло горитъ, и тяжело вздохнула, закинувъ руки подъ голову. Сонъ бѣжалъ отъ нея. Прошлое длиннымъ рядомъ образовъ и картинъ продолжало развертываться въ воображеніи...

III.

Аннѣ Ѳеодоровнѣ вспоминалось теперь ея собственное положеніе, ея жизнь въ эти годы нужды и отчаянія...

Сначала ее, избалованную, самолюбивую, гордую, охватилъ приливъ негодованія на отца за его глупое разореніе. Потомъ онъ началъ бѣгать по городу, обивать пороги у знакомыхъ, говорить дома много и глупо о своихъ неудачахъ. Тогда онъ показался ей жалкимъ, безпомощнымъ, достойнымъ, можетъ-быть, презрѣнія, но не ненависти, не злобы. Такою же показалась ей мать, опустившая руки, упавшая духомъ. По цѣлымъ часамъ мать просиживала иногда у окна, смотря безцѣльно на улицу, не шевелясь, не измѣняя позы. Потомъ, пробужденная отъ этого сна, съ открытыми глазами, какимъ-нибудь шумомъ, она торопливо бралась за бумагу, гдѣ лежали гильзы, табакъ и вата, закуривала одну папиросу, закусивъ ее зубами, и набивала остальныя, одну за одной, закуривала другую,

Digitized by Google

третью, не выпуская ихъ изо рта даже тогда, когда ей приходилось отвѣчать на вопросы мамки или дочери. О чемъ она думала? Богъ вѣсть. Можетъ-быть, о своихъ прежнихъ знакомыхъ, о ихъ забывчивости. Можетъ-быть, о томъ, что они еще придутъ. Какъ знать! Эти два существа—отецъ и мать—заслуживали только сожалѣнія, и озлобленное чувство молодой дѣвушки стало искать другихъ виноватыхъ. Виноватые нашлись: это былъ «свѣтъ».

Всѣ обирали ихъ, жили, пили и ѣли на ихъ счетъ прежде; всѣ оттолкнули ихъ потомъ. Отъ скуки она много читала: теперь ей вдругъ стали понятны озлобленіе и пессимизмъ Байрона, сарказмы и иронія Гейне, мрачные крики гордаго Прометея Гёте, все, гдѣ слышались крики протеста и проклятій. Скитанія Чайльдъ Гарольда, желчныя пѣсни Гейне о томъ, что ему помогъ одинъ только другъ—онъ самъ, ядовитый разсказъ его о судьбѣ графини фонъ-Гульдефельдъ, какъ ей подавали руку коронованныя особы и какъ потомъ онѣ же говорили, что отъ нея пахнетъ чеснокомъ, все это стало и близко, и дорого ей. Она была не глупа и прежде, теперь ея умъ сталъ развитѣе, разностороннѣе, ядовитѣе. Ища утѣшенія, она нашла его въ гордомъ бравированіи, въ пренебрежительномъ отношеніи ко всему и всѣмъ, что старалось унизить ее и показать свое превосходство надъ нею. Но это бездѣятельное бравированіе, этотъ безмолвный протестъ въ душѣ ничѣмъ не отличались сначала отъ того, къ чему пришла и ея мать. Этимъ сидѣньемъ со своею безпомощной злобой въ четырехъ стѣнахъ никого не удивишь. У нея была натура еще не уходившаяся, живая, страстная, требовавшая движенія, дѣятельности; она еще не успѣла, какъ ея мать, утомиться отъ тревогъ и верченія въ бѣличьемъ колесѣ свѣтской жизни, утомляющей не менѣе, чѣмъ утомляетъ рабочая жизнь. Всматриваясь теперь въ себя и съ презрѣніемъ глумясь надъ собою, она говорила въ душѣ: «и я не лучше ихъ встрѣтила горе, и я опустила руки». Съ энергіей самолюбиваго человѣка, сознавшаго, что падать духомъ постыдно, она заявила, что она будетъ давать уроки. Отецъ и мать изумились, оскорбились. Какъ, она будетъ бѣгать по урокамъ? Она сама не знаетъ, что она выдумала! Она должна бы помнить, что она Ломова! Молодая дѣвушка насмѣшливо улыбалась. Ломова? А кто Ломовы? Обнищавшіе дворяне—и только. Отчего же ей не давать уроковъ? Что же, милостыню просить лучше? Да,

Digitized by Google

но все же, какъ же трепаться по улицамъ на уроки? А милостыню на улицахъ же придется собирать? Что за мысли! Вотъ дѣла поправятся, ей не нужно будетъ работать. Поправятся? Развѣ кто-нибудь вѣритъ этому? Кажется, пора прямо взглянуть на вещи: исхода нѣтъ, если они будутъ сидѣть сложа руки. Она заговорила какимъ-то новымъ тономъ, раздражительно, съ иронiей, высокомѣрно относясь къ отцу, къ матери. Они смутились, растерялись. Мать, въ сущности, почти не протестовала; протестовалъ главнымъ образомъ отецъ, говоря безъ конца все, что навертывалось на языкъ: «трепаться по мостовымъ», «это надо предоставить стриженнымъ дѣвицамъ», «кажется, въ фамилiи Ломовыхъ не было еще этихъ гермофродитовъ въ юбкахъ». Но и ему пришлось согласиться съ тѣмъ, что надеждъ на лучшее нѣтъ. Тогда возникъ вопросъ: какъ преподавать безъ диплома? Она была образована блестяще, ей давали уроки извѣстнѣйшiе преподаватели, но она училась дома, нигдѣ не держала экзаменовъ. На что были они нужны прежде? Теперь они необходимы. Пришлось наводить справки, какъ это дѣлается, гдѣ экзаменуются. Ломовы ничего не знали, что касалось практической жизни.

Когда она впервые пошла на экзамены, отецъ сказалъ ей:

— Возьми Степана.

Она пожала плечами.

— Ты думаешь, что я и на уроки буду ходить въ сопровожденiи лакея?

Она пошла одна. Ей было жутко и хорошо, точно она совершала великiй подвигъ: она идетъ по улицѣ, пѣшкомъ отправляется въ незнакомое мѣсто; она смотрѣла не безъ гордости на встрѣчавшихся людей, и, казалось, была убѣждена, что они удивляются ей...

На экзаменахъ она показала всю серьезность своей подготовки, и когда кто-то изъ экзаменаторовъ сдѣлалъ ей комплиментъ послѣ экзамена, она отвѣтила:

— А вы думали, что свѣтскiя дѣвушки неспособны учиться?

Она смотрѣла на этого экзаменатора немного сверху внизъ: вѣроятно, это какой-нибудь поповичъ, выучившiйся на мѣдныя деньги. Ее учили лучшiе профессора и одинъ инспекторъ классовъ, пріѣзжавшiй къ нимъ разъ въ недѣлю, получалъ двѣсти рублей въ мѣсяцъ за свои несложныя обязанности и за свое громкое въ ученой литературѣ имя.

Digitized by Google

Когда получилось письмо отъ дяди Петра Васильевича, отецъ замѣтилъ ей:

— Ну, теперь ты обойдешься и безъ уроковъ! Я всегда говорилъ, что дѣла поправятся, что погибнуть мы не можемъ.

Онъ заговорилъ пространно и горячо о томъ, что они, Ломовы, не какіе-нибудь Иваны, не помнящіе родства, что такія фамиліи не погибаютъ такъ скоропостижно. Онъ все еще вѣрилъ, что ихъ фамилія что-нибудь значитъ. Дочь еще слишкомъ молода и только поэтому такъ «упала духомъ» отъ случайнаго несчастія, а онъ очень хорошо зналъ, что все это «проходящія неудовольствія».

Она прервала потокъ его рѣчей холоднымъ тономъ:

— Да, теперь я могу спокойно посѣщать курсы!

Отецъ пришелъ въ ужасъ. Посѣщать курсы, гдѣ учатся всякія... жидовки даже? Бѣгомъ по улицамъ на лекціи? Что же, она хочетъ быть синимъ чулкомъ? Стриженной барышней? Не воображаетъ ли она, что это храмъ науки? Это просто разсадникъ торгашества, прикрывающагося флагомъ образованія: подъ этимъ флагомъ удобнѣе спекулировать, набивать на себя цѣну.

Она опять коротко прервала его:

— Мнѣ нужно думать о будущемъ, потому что я всегда могу остаться на мостовой и, можетъ-быть, не приму милостыни, поданной съ такимъ предисловіемъ, съ какимъ подалъ вамъ ее Петръ Васильевичъ...

Она сама не знала, что ее тянуло болѣе всего на курсы: желаніе ли узнать еще болѣе, вполнѣ подготовиться къ педагогической дѣятельности или просто желаніе бѣжать изъ дома, гдѣ все ее пригнетало, гдѣ томило однообразіе, гдѣ было такъ пусто послѣ ихъ прежней жизни. Она шла на курсы, какъ идутъ на поиски приключеній; впередъ манитъ что-то неизвѣстное, какія-то преувеличенныя наслажденія, какія-то преувеличенныя опасности, въ душѣ ощущается страстное любопытство въ ожиданіи новизны, поднимается сладостная гордость отъ сознанія, что идешь на новый путь и—не боишься, то-есть боишься—и идешь съ смѣлымъ видомъ.

Эта жажда чего-то новаго и неизвѣданнаго была обманута: на курсахъ она услышала на лекціяхъ давно знакомое ей; среди курсистокъ она увидала по большей части самыхъ обыкновенныхъ, трудолюбивыхъ дѣвушекъ, учащихся въ надеждѣ на пріобрѣтеніе знаній и на будущіе

Digitized by Google

заработки, немного озабоченныхъ, немного сухихъ, ее поразили будничность этого мірка, его прозаичность, его однообразіе. Въ сущности нѣтъ ничего скучнѣе и однообразнѣе типа хорошихъ работницъ, когда не знаешь ихъ закулисной, душевной жизни. Это что-то въ родѣ солдатъ на плацъ-парадѣ: чѣмъ они дисциплинированнѣе, тѣмъ они лучше дѣлаютъ свое дѣло и тѣмъ неинтереснѣе кажутся они, какъ отдѣльныя личности. Но въ святую святыхъ попадаютъ только избранные и то послѣ извѣстнаго искуса.

Если что-нибудь и привлекало ея вниманіе здѣсь, такъ это то, чего она еще не видала прежде: нѣкоторые женскіе типы, выдѣлявшіеся особенно своею свободою въ разговорахъ и въ манерахъ, или вульгарностью своего обращенія и взглядовъ на жизнь. Къ этимъ личностямъ, бросавшимся въ глаза яркостью чисто внѣшнихъ чертъ, носившихъ на себѣ слѣды иныхъ слоевъ общества, чѣмъ ея кругъ, она присматривалась болѣе всего, иногда думая съ горькой иронической усмѣшкой: «и я сдѣлаюсь такой, если останусь безъ отца и матери,—жить въ меблированной комнатѣ, бѣгать по урокамъ, толковать о скаредности нанимателей и тупости учениковъ, покупать по дорогѣ на ужинъ сайки и колбасу, крутить папиросу, слюня бумажку, пить и ѣсть почти на ходу и къ ночи валиться на кое-какъ постланную постель, утомясь отъ ходьбы, отъ работы, отъ сутолоки нищенской жизни».

При этихъ думахъ она съ той же улыбкой вспоминала, какъ одна курсистка, разсказывая ей объ этой жизни, полной труда, лишеній, обмановъ и мелкихъ житейскихъ дрязгъ и грязи, замѣтила:

— Все это, голубушка, какъ и сама жизнь, одно прохвостничество!

Эта вульгарная фраза долго вертѣлась въ ея головѣ; она даже заставила «товарку» повторить эту фразу. Никогда она не смотрѣла еще на жизнь съ такой «практической точки зрѣнія», никогда не додумывалась до такого радикальнаго опредѣленія жизни. Теперь, то шутливо, то серьезно, она повторяла иногда мысленно эту фразу и улыбалась горькой улыбкой.

Когда курсы были пройдены, экзамены сданы окончательно, она почти со страхомъ подумала: «что же дѣлать дальше?» Давать уроки! Бѣгать и унижаться изъ-за гроша? Тратить силы и здоровье? А на что ей эти силы и здоровье? Не для замужества ли? Развѣ она выйдетъ когда-

Digitized by Google

нибудь замужъ? За кого? Ужъ не за студента ли какого-нибудь? А если на замужество нечего разсчитывать, то что же дѣлать, какъ жить? Чтобы найти отвѣты на эти вопросы, ей нужно было воспитываться снова, въ другихъ условіяхъ, въ другой средѣ. Ея прошлое воспитало ее только къ роли жены богача и къ блеску въ обществѣ. Теперь объ этомъ было смѣшно и думать. Ее опять томила тоска, однообразіе, безцѣльность домашней жизни. Ужъ не идти ли на какіе-нибудь другіе курсы, чтобъ только не сидѣть безъ дѣла дома, чтобы обманывать себя ученьемъ.

Еще будучи на курсахъ, она стала посѣщать верхи французскаго театра. Ей было и любопытно, и жутко, когда ее впервые потащили туда какія-то «товарки». Добравшись до парадиза, она думала, что упадетъ въ обморокъ или расплачется. Тамъ въ театрѣ и въ бель-этажѣ она знала всѣхъ представителей «свѣта». Правда, она уже нѣсколько лѣтъ не видала ихъ, но она еще узнавала ихъ лица, казалось, слышала ихъ голоса, угадывала смыслъ ихъ рѣчей. А вокругъ нея, точно въ ульѣ, стоялъ немолчный шумъ: тутъ лились толки о закулисныхъ дѣлахъ, объ актерахъ и актрисахъ, о кокоткахъ и содержателяхъ кокотокъ, сплетни и дрязги, волновавшія этотъ тѣсно-сплоченный и знающій всю подноготную другъ друга мірокъ. Тутъ перемывались бока всѣмъ этимъ посѣтителямъ партера и бель-этажа. Такой-то далъ пощечину такому-то, такая-то на содержаніи у такого-то, такой-то торгуетъ собой, а такой-то разорился до тла. И ко всему этому пристегивались громкіе титулы, крупные чины. Фамиліи, называвшіяся въ былыя времена въ ихъ домѣ съ уваженіемъ, теперь протаскивались по грязи, привязывались къ позорному столбу съ надписью: развратники и грабители. «Все это, какъ и сама жизнь, одно прохвостничество», мелькало въ головѣ Анны Ѳеодоровны, и ея лицо озарялось улыбкою. Чего же ей смущаться, робѣть? Развѣ она не презираетъ этихъ людей за ихъ отношеніе къ ея семьѣ? Развѣ она не выше ихъ? Она не пала духомъ, не умерла, нашла силы учиться, подготовить себя къ дѣятельности? Да, она будетъ жить трудомъ и будетъ глядѣть гордо на этихъ тунеядцевъ. На минуту ей захотѣлось встрѣтить кого-нибудь изъ нихъ, взглянуть имъ прямо въ лицо, сдѣлать холодные глаза, если они вздумаютъ поклониться ей,—и потомъ съ высокомѣрнымъ видомъ отвернуться, «не узнавъ ихъ». Тѣмъ не менѣе, она не пошла въ фойэ,

Digitized by Google

осталась наверху, только стала веселѣе, развязнѣе. Ей захотѣлось слышать какъ можно больше шельмованій этихъ людей, хотѣлось жадно всмотрѣться во всю грязь ихъ закулисной жизни, хотѣлось насмѣяться надъ ними злорадным смѣхомъ.

Затѣмъ она была еще и еще въ театрѣ, сошлась съ дамами парадиза, занимавшимися сплетнями о свѣтскихъ красавицахъ и свѣтскихъ франтахъ. Къ каждой фамиліи приклеивался особый позорный ярлыкъ. «А, такъ вотъ они какіе,» — повторяла она. Чѣмъ грязнѣе были они, тѣмъ легче становилось ей.

Она даже не замѣчала, какимъ пугливымъ тономъ спрашивала ее дома мать:

— А ты опять сегодня въ театръ? Ночи темны теперь.

— Что-жъ, что темны! Я-жъ не одна возвращаюсь, сюда есть попутчики. Или переночую гдѣ-нибудь.

И она отправлялась въ театръ, откуда она иногда шла ночевать къ подругѣ въ меблированную комнату или возвращалась домой въ сопровожденіи кого-нибудь изъ случайныхъ знакомыхъ по театру, найдя по дорогѣ «попутнаго» или, какъ она выражалась, «безкорыстнаго» извозчика на Петербургскую сторону.

Мать не протестовала: она мысленно говорила, что эти спектакли для Нины то же, что для нея папиросы. Разъ привыкнувъ къ этому, нельзя отвыкнуть, когда нѣтъ другой отрады. Иногда мать плакала въ ея отсутствіе тихо, въ уголку, одиноко. О чемъ? О положеніи дочери? О томъ, чтобы Богъ сохранилъ ея дѣвочку? О себѣ, быть-можетъ? Какъ знать. Эти слезы вошли въ привычку, давали облегченіе; онѣ оканчивались куреньемъ папиросъ, какимъ-то полусознательнымъ состояніемъ, какимъ-то тупымъ оцѣпенѣніемъ, но не протестами. Да, мать не протестовала, потому что она уже относилась ко всему съ безучастной апатіей. Не протестовалъ и отецъ, потому что онъ почти не жилъ дома, втянувшись въ рысканье по дѣламъ, по чужимъ домамъ, повсюду, гдѣ еще слушали его болтовню. Протестовалъ только Иволгинъ...

Лицо Анны Ѳеодоровны вспыхнуло румянцемъ и приняло суровое выраженіе при воспоминаніи объ Иволгинѣ. Этотъ человѣкъ не сдѣлалъ ей никакого зла. Онъ, можетъ-быть, даже желалъ ей добра и только добра. Ей даже казалось, что онъ былъ влюбленъ въ нее. Тѣмъ не менѣе, именно о немъ она думала съ чувствомъ обиды, съ краской стыда

Digitized by Google

на лицѣ. Теперь ей казалось даже, что для нея ненавистно Ломовское болѣе всего потому, что тутъ рядомъ живетъ *онъ*, этотъ человѣкъ; ей будетъ трудно встрѣтить его, не опустивъ въ смущеніи глазъ. Этотъ стыдъ, это смущеніе вызывали и теперь румянецъ на ея щеки...

Шесть лѣтъ тому назадъ въ одинъ изъ петербургскихъ институтовъ привезли изъ Ломовскаго Наташу Сорину. Привезла ее Вѣра Николаевна Иволгина. Помѣстивъ дѣвочку въ институтъ, она сдѣлала визитъ Ломовымъ—и просила Антонину Аркадьевну не забывать дѣвочку. У дѣвочки не было никого изъ близкихъ въ Петербургѣ. Въ то же время Вѣра Николаевна передала Ломовой извѣстную сумму денегъ отъ дяди Петра Васильевича на расходы для дѣвочки. Съ этой поры Антонина Аркадьевна стала иногда ѣздить съ дочерью къ Наташѣ, и въ одно изъ такихъ посѣщеній застала у дѣвочки молодого человѣка, брата Вѣры Николаевны, Бориса Николаевича Иволгина. Это былъ молодой студентъ съ роскошными бѣлокурыми волосами, здоровякъ, съ открытымъ выраженіемъ лица. Антонина Аркадьевна выразила сожалѣніе молодому человѣку, что его сестра не познакомила ихъ раньше, и пригласила его бывать у нихъ. Онъ черезъ двѣ недѣли сдѣлалъ Ломовымъ визитъ, и оказалось, что онъ уже случайно познакомился прежде съ сыномъ Ломовымъ, съ Ромой. Гдѣ и какъ произошло это знакомство, онъ не сказалъ, но онъ и Рома сошлись сразу, несмотря на значительную разницу лѣтъ. Иволгинъ былъ старше Ромы лѣтъ на пять, на шесть.

Странное чувство испытала Анна Ѳеодоровна съ первой встрѣчи съ этимъ человѣкомъ. Онъ глядѣлъ на нее такъ прямо, съ такимъ нескрываемымъ любопытствомъ, что ей становилось неловко; иногда она сдвигала съ неудовольствіемъ брови при этихъ взглядахъ, и онъ, самъ смущаясь, потуплялъ глаза. Въ другой обстановкѣ, при другихъ условіяхъ она сказала бы, что онъ влюбился въ нее. Можетъ-быть, она не безъ остроумія сравнила бы его съ провинціалами, останавливающимися съ разинутыми ртами передъ поразившими ихъ въ столицѣ произведеніями искусства. Весьма можетъ статься, что во всемъ этомъ была бы доля правды. Но теперь это ей показалось «безцеремонностью какого-то студента». Не будь она бѣдна, онъ не посмѣлъ бы и думать о ней. Онъ былъ крайне простъ въ обращеніи, и эта простота показалась ей тоже обидною; онъ зналъ, что они живутъ только благодаря заступничеству его сестры передъ

Digitized by Google

дядею Ломовыхъ; онъ зналъ, что въ тяжелыя минуты Ломовы уже два раза выхлопатывали черезъ его сестру дополнительныя вспомоществованія отъ дяди; вотъ причина его развязности. Иногда ей самой становилось досадно, что она не можетъ почему-то относиться къ этому человѣку, какъ ко всѣмъ остальнымъ, то-есть ровно, спокойно, немного свысока. Она пробовала такъ относиться къ нему, но изъ этого не выходило ничего, онъ мягко и осторожно, съ какой-то почти женственной деликатностью, принижалъ ее—да, именно принижалъ ее. Чѣмъ? Она сама не могла бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Принижалъ ее своею сдержанностью, своимъ добродушіемъ, своимъ серьезнымъ взглядомъ на вещи, своею простотою. Какъ-то инстинктивно она не рѣшалась похвалиться передъ нимъ своими «подвигами», своимъ презрѣніемъ къ «свѣту», своими простыми привычками. Ей такъ и казалось, что онъ не выразитъ никакого удивленія и скажетъ, что это все такъ естественно въ ея положеніи. Но мало того, что онъ не высказывалъ удивленія передъ ней, онъ еще попробовалъ, правда, осторожно давать ей совѣты.

— Главная бѣда въ томъ,—замѣтилъ онъ ей однажды:— что воспитаніе въ вашемъ кругу не даетъ ничего...

Она засмѣялась.

— Вы находите, что я ничего не знаю?

Онъ сконфузился, но, тѣмъ не менѣе, продолжалъ:

— О, знаете, можетъ-быть, даже и очень много, но не знаете главнаго: жизни. Жизнь—это все. Свѣтскихъ дѣвушекъ, по-старому, но, тѣмъ не менѣе, вѣрному сравненію, приравнивали къ роскошнымъ тепличнымъ растеніямъ. Вынесите подобное растеніе вдругъ на воздухъ, и оно погибнетъ.

Она опять обратилась къ помощи шутки, сердясь на его глупость и нахальство.

— Значитъ, вы пророчите мнѣ гибель?.. Благодарю.

Онъ просто отвѣтилъ ей:

— Вы говорите то, чего не думаете и не можете думать. Я не пророчу вамъ гибели, но предупреждаю отъ нея.

Онъ посмотрѣлъ на нее такъ серьезно, что у нея отпала охота шутить. Осталось только одно раздраженіе на непрошеннаго совѣтника. Онъ же продолжалъ говорить, не замѣчая, что сердитъ ее. Она много знаетъ, много училась, но ей надо поближе познакомиться съ русской жизнью, съ русской литературой.

— Въ нашемъ образованіи, даже и не «свѣтскомъ», по

Digitized by Google

большей части, это составляетъ грустный пробѣлъ,— говорилъ онъ. — Къ несчастью, петербуржцы не могутъ пополнить этотъ пробѣлъ даже личными наблюденіями. Петербургъ не Россія, а только россійская канцелярія гражданскихъ и военныхъ дѣлъ. Мы, провинціалы, хоть по личному знакомству, знаемъ извѣстные уголки Россіи, если не всю Россію, а петербуржцы и того не знаютъ...

И какъ всегда, осторожно, немного конфузясь и стѣсняясь, онъ развивалъ свои взгляды на то, что при обычномъ петербургскомъ образованіи люди дѣлаются чѣмъ-то въ родѣ насвистанныхъ птицъ, поютъ все съ чужого голоса, никогда не дорастаютъ до права называться русскими людьми. Говоря это, онъ не давалъ ей даже возможности вспылить, такъ какъ онъ искренно и съ какимъ-то особеннымъ одушевленіемъ замѣчалъ, что съ ея способностями и ея любознательностью этотъ пробѣлъ такъ легко пополнить. Разъ, правда, она попробовала загорячиться и сама же смутилась при его простодушномъ вопросѣ:

— Развѣ вы не переносите правды? Впрочемъ, у васъ въ свѣтѣ ее не говоритъ никто...

Она загорячилась еще сильнѣе,—наговорила что-то такое, что напомнило ей ея отца, и сама же разсердилась на себя, сконфузилась за себя.

А Ивлгинъ дружески замѣтилъ:

— Ну, полноте! Зачѣмъ сердиться. Какъ-нибудь въ спокойную минуту подумайте объ этомъ и вы убѣдитесь, что я правъ! Сгоряча можно сказать много несправедливаго.

Она чуть не заплакала отъ злости, такъ какъ она уже сознавала, что она наговорила много не только несправедливаго, но и нелѣпаго. Онъ это понялъ, онъ не пропустилъ ни одной глупой фразы, онъ только съехидничалъ и не сказалъ настоящаго слова. А кто довелъ ее до высказыванія нелѣпостей? Онъ самъ. Еще бы! Читаетъ ей наставленія! Ей никто никогда не читалъ наставленій. Она никому не давала на это права. И зачѣмъ онъ смотритъ на нее такими пристальными взглядами, точно хочетъ что-то прочитать въ ея душѣ? Зачѣмъ такъ дружески пожимаетъ ея руку, когда она вовсе не давала ему права быть ея другомъ?—Хочетъ быть ей полезнымъ, помочь ей. Развѣ она его объ этомъ просила?

Онъ оскорбилъ ее даже и тѣмъ, что посовѣтовалъ ей съѣздить на лѣто къ дядѣ Петру Васильевичу. Тамъ ей будетъ хорошо. Наташа, его сестра и зять, самъ Петръ Ва-

Digitized by Google

сильевичъ будутъ рады ей. Она увидитъ хоть уголокъ Россіи, хоть немного ознакомится съ народомъ. Она холодно отвѣтила, что она не привыкла жить въ чужихъ домахъ. Онъ удивился даже. Сначала не понялъ ничего. Потомъ засмѣялся, сообразивъ дѣло. Да, это она по-петербургски смотритъ! Въ провинціи, въ деревнѣ люди живутъ еще по-старому, не считаютъ куска хлѣба, не видятъ въ гостящемъ у нихъ человѣкѣ нахлѣбника, погостить у кого-нибудь тамъ не означаетъ «жить въ чужомъ домѣ». Это мелочничество еще не вошло въ плоть и кровь жителямъ деревни. Она вся раскраснѣлась: «ужъ это не ее ли онъ называетъ мелочницей? Неотесанный грубіянъ». Когда же она наотрѣзъ отказалась ѣхать въ деревню, онъ проговорилъ:

— Вы даже и представить не можете, что бы я далъ, чтобы все это сложилось иначе.

Онъ былъ разстроенъ и блѣденъ, какъ никогда.

Ужъ точно, не былъ ли онъ въ нее влюбленъ? Какой-то студентъ! Да, наконецъ, развѣ влюбленные могутъ такъ злить любимыхъ дѣвушекъ?

Ей припомнилось теперь, какъ однажды она среди праздной болтовни разсказывала ему о парадизѣ французскаго театра, о посѣщающихъ его личностяхъ, о ходящихъ тамъ сплетняхъ. Она была въ самомъ веселомъ настроеніи духа, она даже снизошла до того, что говорила съ Иволгинымъ, какъ съ добрымъ пріятелемъ. Вдругъ онъ прервалъ ее словами:

— Все это худосочные плоды петербургскаго бездѣльничанья и бездомничества. Нѣтъ своего излюбленнаго дѣла, нѣтъ своего завѣтнаго очага, вотъ и бѣгутъ въ театръ...

Она перебила его, раскраснѣвшаяся, оскорбившаяся, точно онъ хотѣлъ задѣть ее лично.

— Я думаю, въ театръ не потому ходятъ,—сказала она своимъ высокомѣрно холоднымъ тономъ.—Искусство — это такое высокое наслажденіе...

— Развѣ тутъ дѣло въ искусствѣ?—проговорилъ онъ невозмутимо.—Вы сами же разсказываете объ этой бѣготнѣ за актерами, объ этой враждѣ между собою разныхъ поклонницъ того или другого изъ нихъ. При чемъ же тутъ искусство? Это просто пошлое заигрываніе съ мужчинами, а не поклоненіе таланту. Вы, конечно, слишкомъ молоды и неопытны и потому еще обманываетесь насчетъ настоящаго смысла этихъ восторговъ. Но повѣрьте, что тутъ вмѣсто всѣхъ возвышенныхъ чувствъ, царитъ только одна неряшливая разнузданность.

Digitized by Google

И смотря ей прямо въ глаза, онъ мягко съ какой-то особенной увѣренностью добавилъ:

— Вѣдь вы, наслаждаясь игрою артиста, не вздумаете побѣжать къ подъѣзду актеровъ, чтобы на улицѣ поаплодировать мужчинамъ? Вѣрьте мнѣ, что для этого нужна уже извѣстная нравственная беззастѣнчивость, нужна потеря извѣстной доли дѣвическаго цѣломудрія.

Она стиснула зубы и въ ея глазахъ вспыхнулъ злой огонекъ. Иволгинъ и не подозрѣвалъ, что онъ нанесъ ей оскорбленіе, что она уже бѣгала къ подъѣзду актеровъ, чтобы подстеречь ихъ во время разъѣзда.

Этой обиды она не простила ему, и чѣмъ яснѣе сознавала она потомъ, что онъ былъ правъ, тѣмъ болѣе злое чувство поднималось въ ней за эту обиду.

Съ этой минуты она вела какую-то глухую борьбу съ Иволгинымъ и, странное дѣло, при каждой ихъ стычкѣ онъ блѣднѣлъ, какъ полотно, точно испытывая физическую боль отъ ея нападокъ, насмѣшекъ, дерзостей. Да, а зналъ ли онъ, что испытала она, когда онъ однажды, взволнованный, блѣдный, почти съ страдальческимъ выраженіемъ на лицѣ, въ отвѣтъ на ея крупную дерзость, тихо замѣтилъ:

— О, вамъ, должно-быть, очень тяжело живется!

Ей казалось, что ее ударили хлыстомъ. Она почти крикнула ему:

— Вы не имѣете никакого права вмѣшиваться въ мою жизнь!

— Я это знаю,—такъ же тихо и почти безнадежно отвѣтилъ онъ.

Вспоминая теперь этотъ періодъ своей жизни, Анна Ѳеодоровна вздрогнула, какъ бы охваченная холодомъ. Она провела рукой по лбу и торопливо повернулась въ постели, снова кутаясь въ простыню и одѣяло. Ей хотѣлось скорѣе уснуть и не вспоминать болѣе ничего. Должно-быть, уже поздно? Въ домѣ все стихло, точно въ могилѣ. Да это и есть могила ея будущаго. Здѣсь ей уже нечего ждать, не на что надѣяться.

Но сонъ все бѣжалъ отъ ея глазъ, и въ воспоминаніи проходили новыя картины; она сознавала, что сколько бы лѣтъ она ни прожила, она не забудетъ ихъ, не вычеркнетъ ихъ изъ своей памяти.

Среди знакомыхъ по парадизу особенно полюбила Анну Ѳеодоровну одна «генеральша»,—такъ называла себя Марья Осиповна Хрущева. Она была вдовой статскаго совѣтника,

Digitized by Google

но, тѣмъ не менѣе, обижалась, если ей не писали на письмахъ «ея превосходительству». Это была маленькая слабость, не отражавшаяся, впрочемъ, ничѣмъ на ея отношеніяхъ къ людямъ. Трудно было встрѣтить человѣка менѣе заносчиваго, болѣе покладистаго. Это была женщина лѣтъ пятидесяти, средняго роста, полная, но еще довольно стройная, съ еврейскимъ типомъ лица. Несмотря на свои годы, она была подвижною, юркою, оживленною, веселою личностью. Во время спектаклей трудно было опредѣлить, гдѣ она сидитъ: она появлялась и въ бель-этажѣ и въ парадизѣ, и въ партерѣ. Ея слащавый, хотя и рѣзкій отъ природы голосъ раздавался вездѣ, расточая комплименты и любезности, ея бѣгающіе глазки любезничали со всѣми знакомыми, ея улыбка служила отвѣтомъ на всѣ вопросы даже тогда, когда она хорошенько не слышала этихъ вопросовъ. Если что портило Марью Осиповну, такъ это ея носъ, походившій на клювъ хищной птицы и не гармонировавшій съ остальными частями ея румянаго, а можетъ-быть, подрумяненнаго лица, мягкаго и добродушнаго, какъ лицо нѣсколько плутовато-безхарактерной личности. Сама о себѣ она говорила, что она простой и до глупости добрый человѣкъ, все хочетъ услужить каждому, не умѣетъ сердиться и даже иногда не сразу соображаетъ, когда ее оскорбляютъ: сообразитъ уже послѣ, махнетъ рукой и проститъ. Услужливость ея испытала и Анна Ѳеодоровна: познакомившись съ молодой Ломовой, генеральша сразу нашла ей уроки въ одномъ богатомъ купеческомъ домѣ. Анна Ѳеодоровна очень обрадовалась этому предложенію: уроки были выгодны, они давали ей возможность не брать у отцу и матери ничего на себя. Она должна была учить двухъ дѣвочекъ французскому и англійскому языкамъ и проводить съ ними четыре раза въ недѣлю по два, по три часа въ день. Это было не трудно, а между тѣмъ это вполнѣ обезпечивало ее. Ей давно уже нужно было пополнить гардеробъ. Она была очень благодарна Хрущевой, тѣмъ болѣе, что Хрущева любезно замѣтила ей, что она сущій кладъ, а не учительница: здѣшнія француженки и англичанки, по большей части, только практически знаютъ свой языкъ, она же знаетъ въ совершенствѣ и теорію; кромѣ того въ семьѣ ученицъ стѣснялись взять учительницу, говорящую только по-французски или по-англійски, такъ какъ въ домѣ никто порядочно не знаетъ этихъ языковъ. Далѣе Хрущева оказала ей еще одну услугу: однажды Ломова пріѣхала въ театръ и не нашла ни своихъ обычныхъ спутни-

Digitized by Google

ковъ, ни знакомыхъ «товарокъ»; ѣхать домой приходилось одной, ночь была съ мятелью, темная. Анна Ѳеодоровна впервые струсила. Она хотѣла-было уѣхать до конца спектакля, но Марья Осиповна любезно предложила ей ночевать у нея. Хрущева жила въ «двухъ шагахъ», въ Казанской. Предложеніе было любезно, ѣхать домой было жутко, Ломова согласилась на предложеніе.

Въ этотъ день она была первый разъ у Хрущевой.

Хрущева содержала меблированныя комнаты. У нея лично были хорошенькій залъ и уютная спальня. Эти двѣ комнаты походили на бонбоньерки: дешевенькій шелкъ, сусальное золото, олеографическіе голенькіе амурчики на стѣнахъ, бисквитныя Фрины въ соблазнительныхъ позахъ, все было нарядно, ново, какъ бы вчера принесено съ рынка. Прислуга, молодая, франтоватая, была ловка и весела, можетъ-быть, даже излишне кокетлива и развязна. Отъ всего вѣяло здѣсь какимъ-то довольствомъ и душевнымъ миромъ. Всѣ были точно на пиру въ праздникъ. Всѣ улыбались, какъ бы желая сказать: «и еще говорятъ, что жизнь не хорошая штука».

Весело болтая съ Анной Ѳеодоровной, хозяйка напилась чаю, потомъ пригласила дѣвушку въ спальню. Здѣсь для Ломовой уже была приготовлена постель.

— Видите, какъ хорошо, что у меня двѣ кровати на случай. Вотъ и пригодилась вторая для васъ,—съ улыбкой сказала Хрущева.—У меня вѣчно кто-нибудь ночуетъ. Люблю, когда можно кого-нибудь пригрѣть. И скучно одной спать.

Когда Ломова стала раздѣваться, Марья Осиповна залюбовалась ея косой. Удивительные волосы: черные, шелковистые, густые, длинные. Потомъ она также залюбовалась ея шеей, плечами, грудью, предлагая ей ночную кофту. Хрущева не удержалась и провела рукой по этимъ обнаженнымъ плечамъ, Ломова даже сконфузилась, точно ее обнаженнымъ тѣломъ любовалась не женщина, а посторонній мужчина. Наконецъ, осматривая ее, хозяйка замѣтила на ея вискѣ маленькій прыщикъ.

— Ахъ, душа моя, присыпьте это на ночь пудрой,—сказала она и заторопилась подать съ туалетнаго столика пудру.

— Зачѣмъ же!—возразила Анна Ѳеодоровна, краснѣя.

— Нѣтъ, нѣтъ! Бѣда, когда у дѣвушки пойдутъ эти прыщички... Ахъ,—вздохнула она:—это вѣрный знакъ, что пора замужъ. Ce sont des boutons d'amour!

Digitized by Google

Анна Ѳеодоровна постаралась засмѣяться, чтобы скрыть смущеніе.

— Если это и прыщики любви, то безпредметной,— отвѣтила она шутливо.

Генеральша опять вздохнула.

— Въ этомъ-то и бѣда!

И тотчасъ же стала говорить, что такъ нельзя жить. Надо выѣзжать, бывать въ обществѣ. Зачѣмъ же губить красоту и молодость? Люди живутъ только разъ; что прошло, того не вернешь! Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, никогда не вернешь молодости и красоты! Вотъ хоть бы къ ней ѣздила она, Анна Ѳеодоровна. У нея, у генеральши Хрущевой, собирается по пятницамъ хорошее общество. Ея племянники по мужу, Хрущевы, гвардейцы. Одинъ поручикъ, другой штабсъ-капитанъ. Не богатые, но милые молодые люди. Потомъ бываетъ у нея извѣстный художникъ Зеленовъ, талантливый пьянистъ Дивовъ, изъ французскаго театра и изъ французской колоніи кое-кто. Все народъ милый, хорошо образованный и très distingué. Все несчастіе Ломовой, что ея родители вышли по неволѣ изъ своего круга. Ей надо завести своихъ знакомыхъ, войти въ новый кругъ общества. Нельзя же на всю жизнь остаться внѣ общества.

Утромъ Анна Ѳеодоровна не могла отказаться отъ завтрака, а къ завтраку явились молодые Хрущевы.

Это были стройные, смазливые, бѣлокурые юноши въ военныхъ мундирахъ, съ тальями дѣвушекъ, съ лицами вербныхъ херувимовъ. Тетка похлопала ихъ обоихъ по румянымъ щекамъ; они оба поцѣловали на лету ея руку въ ладонь. Видно было, что ей пріятно ихъ баловать, что имъ пріятно ея баловство. Она отрекомендовала ихъ Ломовой; они раскланялись одинъ, какъ другой. Въ головѣ Анны Ѳеодоровны мелькнула мысль: «точно близнецы». Эта мысль тотчасъ же смѣнилась другой: «я ихъ гдѣ-то видѣла». Она стала припоминать, ничего сразу не вспомнила, потомъ ей вдругъ пришли въ голову слова матери про нѣсколькихъ молодыхъ военныхъ: «комнатныя украшенія». Да, это были хорошенькія, какъ болванчи изъ парикмахерской, щеголеватыя, какъ франты на модныхъ картинкахъ, граціозныя, какъ балетные плясуны, «комнатныя украшенія».

Они заговорили разомъ:

— Мы слышали о васъ отъ тети...

И разомъ смолкли, сконфузившись. Порознь у нихъ вышло бы это гладко.

Digitized by Google

Анна Ѳеодоровна подумала: «совсѣмъ мальчики» и постаралась ободрить ихъ, заговорила съ ними любезно и просто объ училищѣ, объ ихъ службѣ, о театрѣ, о томъ, о чемъ можно было заговорить съ незнакомыми и очевидно конфузливыми «вчерашними кадетами». Они ободрились, расхрабрились и стали наперебой жаловаться, какъ трудно служить въ столицѣ безъ капитала: «чуть не съ голоду приходится умирать». Вотъ у нихъ одинъ на купчихѣ богатой успѣлъ жениться, ну, тому хорошо. Одинъ тоже стихи умѣетъ писать, такъ ему платятъ по сколько-то со строчки, за каждую строчку, сколько бы ни писалъ. Тоже на это талантъ нуженъ и, говорятъ, не всегда печатаютъ. Въ карты, конечно, иные умѣютъ счастливо играть — это не хорошо, не честно. Мундиръ марать не приходится. Да и пострадать за это можно. Конечно, если въ академію идти, тогда хорошо. Но тамъ конкуренція большая, много надо заниматься. Они говорили по-дѣтски, сбиваясь и обрываясь, иногда останавливая другъ друга словами: «дай мнѣ сказать». Видно было, что они говорили о самомъ больномъ мѣстѣ своего существованія. Ломова спросила, зачѣмъ же они служатъ въ столицѣ. Какъ зачѣмъ? въ провинціи вовсе карьеры не сдѣлаешь. Теперь за армейца богатая не пойдетъ. И какое общество въ провинціи? Тамъ еще хуже, совсѣмъ обурбонишься, а карманная чахотка та же. Одни въ арміи уроками прирабатываютъ, другіе какимъ-нибудь постороннимъ трудомъ занимаются, у иныхъ жены ведутъ торговлю, имѣютъ магазины, право! Что-жъ, если жизнь дорога, а на шеѣ жена и дѣти. Тоже безъ этого вѣкъ не прожить.

Марья Осиповна подала одному изъ нихъ билетъ въ кресла:

— Сегодня во французскомъ театрѣ, — сказала она. — Сухарева будетъ въ ложѣ бель-этажа.

И, обращаясь къ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, она прибавила:

— Продюизирую моихъ мальчиковъ! Сухарева — вы видали ее въ театрѣ, жена банкира, — страстно желаетъ познакомиться съ Мишей.

Миша покраснѣлъ.

— Только ужъ очень она дурна. Точно опара, и носъ точно руль концомъ вверхъ...

Тетка вздохнула.

— Что-жъ дѣлать!.. У нея дочь растетъ...

И, обращаясь къ Ломовой, прибавила:

Digitized by Google

— Ахъ, нынче только черезъ барынь и можно составить карьеру.

Анна Ѳеодоровна слегка улыбнулась: она помнила, что въ ихъ кругу тоже вертѣлись такіе юноши, приглашаемые для счету и потомъ дѣлавшіе нерѣдко выгодныя партіи.

Затѣмъ явился художникъ Зеленовъ — длинноволосый и небрежно, но не безъ шику одѣтый, въ бархатномъ пиджакѣ и большомъ батистовомъ галстукѣ, господинъ съ козлиной бородой, съ легкой лысиной на затылкѣ, съ немного помятымъ лицомъ. Онъ небрежно пожалъ руку хозяйки, кивнулъ головой офицерамъ и раскланялся съ Анной Ѳеодоровной, говоря, что онъ имѣлъ удовольствіе видѣть ее въ театрѣ. Это былъ разбитной и бывалый человѣкъ, поистаскавшійся и за границей, и на родинѣ въ веселыхъ кружкахъ, зашибавшій крупные куши портретами хорошенькихъ дамъ и «офицерскими жанрами», какъ онъ называлъ свои акварели нецензурнаго свойства.

Въ два часа Анна Ѳеодоровна собралась домой, и генеральша, цѣлуя ее на прощанье, сказала ей:

— Вы видѣли нѣкоторыхъ изъ моихъ друзей и, надѣюсь, не будете дичиться нашего общества...

Потомъ она шепнула:

— А Зеленовъ просто безъ ума отъ вашей красоты. Онъ говоритъ, что онъ теперь только и будетъ писать, что итальянокъ! Удивительно способный человѣкъ, и денегъ, денегъ сколько зашибаетъ—просто невѣроятно!

Какъ вполнѣ порядочная женщина, Хрущева сама сдѣлала визитъ къ Ломовымъ. Она отыскала еще одинъ урокъ Аннѣ Ѳеодоровнѣ и поспѣшила пріѣхать по этому случаю. Ломовы нашли ее вполнѣ приличною, хотя нѣсколько «натянутою и чопорною». Она дѣйствительно держала себя на этотъ разъ какъ на иголкахъ и все жеманно повторяла: «простите, я не свѣтская женщина», «мы, люди средняго круга», «я, какъ женщина застѣнчивая». Шокировала Ломовыхъ одна ея физіономія, этотъ типъ еврейки съ характернымъ носомъ, съ характерными глазами на выкатѣ. Только въ концѣ визита это обстоятельство сгладилось. Она заговорила о ранней смерти своего мужа; онъ «вѣрно былъ бы министромъ, такъ какъ двое изъ его подчиненныхъ занимали уже еще недавно министерскія мѣста». Потомъ она замѣтила, «что ей было особенно трудно жить послѣ его смерти, такъ какъ у нея здѣсь нѣтъ родныхъ— она француженка, родилась на югѣ Франціи и въ Россію

Digitized by Google

попала почти ребенкомъ». У Ломовыхъ отлегло отъ сердца: «все же не жидовка! Тамъ, въ Марселѣ и около Ниццы, есть такіе типы!»

Ломовы такъ свыклись съ тѣмъ, что дочь выѣзжаетъ одна, что не удерживали ее, когда она разъ вечеромъ собралась къ Хрущевой въ пятницу. Общество генеральши ничѣмъ не изумило Анну Ѳеодоровну; она встрѣтила здѣсь тѣхъ же племянниковъ Хрущевой, того же художника Зеленова, тѣхъ же барышень и мужчинъ изъ парадиза, знакомыхъ ей по виду, по мимолетнымъ разговорамъ. Кто они: приказчицы, конторщики? не все ли равно, благо они прилично держатъ себя. Правда, здѣсь всѣ держали себя нѣсколько свободно, плоско шутили, громко смѣялись, пѣли, играли; но Анну Ѳеодоровну уже не поражала нѣкоторая свобода манеръ: недаромъ она нѣсколько лѣтъ вела самостоятельную жизнь. Художникъ Зеленовъ не отходилъ отъ нея весь вечеръ и все говорилъ, что онъ когда-нибудь напишетъ итальянку съ Ломовой. Она отшучивалась, говоря, что она не умѣетъ позировать. Онъ вынулъ записную книжечку и сразу набросалъ черты ея лица. Всѣ удивились сходству, начали кричать «bravo!» Онъ шутливо замѣтилъ, пряча записную книжечку въ карманъ, что теперь его итальянка будетъ у него на сердцѣ. Повидимому, всѣ были веселы, но въ сущности чувствовалось что-то такое, какъ будто никто не зналъ, что дѣлать, что говорить: попоютъ, поиграютъ, смолкнутъ, опять примутся пѣть и чувствуется, что все это не то, что нужно. Чего же имъ нужно? Только въ одиннадцать часовъ Анну Ѳеодоровну заинтересовало новое появившееся лицо. Это была невысокаго роста, вертлявая особа лѣтъ двадцати двухъ на видъ. Ея черные вьющіеся около лба волосы были заплетены въ одну висѣвшую косу съ синими и красными лентами на концѣ. На ней былъ надѣтъ «малороссійскій костюмъ», то-есть сплошь вышитая русскими узорами узкая юбка, такая же рубашка съ рукавами изъ разноцвѣтныхъ кружевъ. Это было, можетъ-быть, красиво, но скорѣе напоминало арлекина, чѣмъ малороссіянку. Она вбѣжала въ комнату съ звонкимъ восклицаніемъ:

— Чаю, чаю, голубушка Марья Осиповна! Устала адски и прямо изъ театра! Не успѣла даже смыть румянъ. «Ахъ, если бы вы знали, крестная, какъ васъ любитъ ваша воспитанница!» Это изъ «Искорки». Сейчасъ ее изображала.

Она говорила скоро, смѣясь и душа въ объятіяхъ Хру-

Digitized by Google

щеву, уже хлопотавшую у чайнаго стола. Потомъ она обернулась къ гостямъ:

— Pardon! Я ни съ кѣмъ не поздоровалась.

Она стала по-товарищески крѣпко пожимать и трясти руки присутствующихъ.

— Миша, хотите сѣмечекъ? — обратилась она къ Хрущеву-младшему. — Нѣтъ? Ну, и не надо. Это у меня отъ пьесы осталось.

Потомъ, обратясь къ Ломовой, она проговорила:

— Простите, насъ не представили! Представляюсь сама: любительница, алчущая ангажемента, Софья Васильевна Меликова. О васъ я слышала. Вы Анна Ѳеодоровна Ломова? Да? угадала?

Ломова утвердительно наклонила голову.

— Но какъ вы узнали?

— О, Марья Осиповна умѣетъ рисовать словами портреты.

И опять она уже обратилась къ братьямъ Хрущевымъ:

— Сдѣлайте мнѣ кто-нибудь тартинку. Голодна я, какъ сорокъ тысячъ братьевъ не могутъ быть голодны. Это изъ «Гамлета», но говоритъ не Офелія.

Хрущевы, раскраснѣвшіеся, съ масляными глазами, бросились приготовлять тартинки, толкая другъ друга у стола. Черезъ минуту они оба несли на тарелкахъ отъ чайнаго стола приготовленныя ими тартинки. Софья Васильевна приказала поставить тарелки на столъ и подставила свои руки къ губамъ молодыхъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ не просто поцѣловалъ ея руку, а точно впился въ нее губами. Она засмѣялась.

— Дѣтка, кто же такъ цѣлуетъ руки у дамъ.

И принялась ѣсть, продолжая болтать о спектаклѣ, о закулисныхъ исторіяхъ, вертясь непосѣдливо на стулѣ. Она не была красавицей, но это было вызывающее личико съ большими глазами, съ измѣнчивыми улыбками, съ свѣжимъ румянцемъ, замѣтнымъ даже подъ легкимъ слоемъ гримировки. Ея болтовня сразу оживила общество. Не допивъ еще чаю, не докончивъ тартинокъ, она уже что-то декламировала, потомъ запѣла малороссійскую пѣсню подъ аккомпанементъ Хрущева-младшаго и на половинѣ пѣсни оборвала пѣніе, воскликнувъ:

— Миша, что же вы мнѣ не сказали, что я не допила чаю.

Только въ часъ разошлись гости. Ломова осталась но-

Digitized by Google

чевать у Хрущевой. Передъ сномъ разговорились о Меликовой.

— Бросила мужа два года тому назадъ, бѣдная бабенка,— замѣтила Хрущева.

— Какъ? Она замужняя?—удивилась Ломова.

— Да. А вы и не знали? Впрочемъ, что же я говорю! Откуда вамъ знать! Да, замужняя. Выскочила за какого-то докторишку; онъ день денской у больныхъ, пріѣдетъ домой, отъ него вѣчно хлоромъ и мертвецами пахнетъ. Ну, и не сошлись, и ушла отъ него. Еще бы! Ей каждую ночь покойники снились. Право! Это онъ придетъ, ляжетъ, а ей сейчасъ и снятся трупы, трупы и трупы! Какая же тутъ можетъ быть любовь? Одно отвращеніе. Ну, а тоже и послѣ было не легко бабенкѣ. Господи, какъ нуждалась, какъ нуждалась! И то сказать: барышня, воспитаніе домашнее, ничего не умѣетъ дѣлать! Отецъ у нея богатъ былъ сначала, наворовалъ, только послѣ подъ судъ попалъ и обнищалъ. Тогда она и замужъ отъ голода выскочила. Нечего сказать, на радость: бѣжать опять пришлось, опять голодать стала. Не будь этотъ случай, что ко мнѣ она попала, такъ и погибла бы. Я какъ познакомилась съ ней и говорю: «да что же вы не сдѣлаетесь артисткой. Личишко смазливое, манеры бойкія, голосъ чистый. Какъ-никакъ, а хлѣбъ зарабатывать надо». Теперь главное: умѣть хлѣбъ зарабатывать. Времена тяжелыя. Ну, и выступила она на сцену въ загородномъ театрѣ. Три мѣсяца протрубила, получая по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ, а теперь вотъ уже третій мѣсяцъ по сто рублей платятъ. За рожицу главнымъ образомъ. Тоже кое-какіе посторонніе доходы есть, помимо жалованья. Кое-что изъ своихъ вещей теперь повыкупила, со мной поквиталась. Она вѣдь у меня живетъ.

— А мужъ?

— Что-жъ мужъ! у него больные, практика.

Хрущева вздохнула.

— Ахъ, женская доля, женская доля! Вотъ ужъ именно не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. Бѣжала отъ тирановъ отца и матери, натолкнулась на какого-то брата милосердія съ запахомъ мертвецкой, ушла отъ него... Если бы все разсказывать, такъ слеза прошибла бы, столько натерпѣлась! Да и теперь — хорошо ей, получаетъ порядочно, будетъ получать больше, такъ опять бѣда — характеръ у нея женскій. Слабость это женская ее губитъ: у нея все выпросить можно. И не то, чтобы это отъ доброты,

Digitized by Google

а отъ слабости, отъ нашей женской слабости. Подъѣдетъ къ ней кто-нибудь, ну—и отдастъ все...

Хрущева вѣроятно разсказывала бы и еще что-нибудь, но Ломова уже спала.

Еще два-три такихъ вечера провела въ зиму Анна Ѳеодоровна у Хрущевой, вынося отсюда каждый разъ одно сознаніе, что все это пошловато, вульгарно и, въ концѣ концовъ, нестерпимо скучно и однообразно. Даже ухаживанія молодыхъ Хрущевыхъ за Меликовой, даже ухаживанія Зеленова за самой Ломовой выражались въ однѣхъ и тѣхъ же фразахъ, въ однихъ и тѣхъ же проявленіяхъ: Миша присасывался къ ручкѣ Меликовой, и она говорила: «Дѣтка, кто же такъ цѣлуетъ руки у дамъ»; Зеленовъ зачерчивалъ уже третій разъ лицо Ломовой и en face, и въ три четверти, и въ профиль въ свою записную книжку и заявлялъ, что «итальянка теперь у него на сердцѣ».

Въ настроеніи всѣхъ чувствовалось все то же сознаніе, что это все не то, что нужно. Перемѣнъ не было никакихъ.

Если бы она, Ломова, всмотрѣлась тогда попристальнѣе во все, она увидала бы, что шаги впередъ дѣлались, что отношенія становились безцеремоннѣе, что комплименты дѣлались развязнѣе. Но пошлость тѣмъ и страшна, что окруженный ею человѣкъ не сразу понимаетъ, гдѣ грань между нею и полною нравственною распущенностью, цинизмомъ. Тутъ, что вчера еще смущало его, то сегодня дѣлается безразличнымъ, пропускается мимо глазъ, мимо ушей; отъ чего сегодня коробитъ, то завтра вызоветъ, можетъ-быть, снисходительную улыбку. Въ эту житейскую грязь люди погружаются такъ же незамѣтно, какъ увязаетъ незамѣтно колесо въ обыкновенную грязь — увязаетъ понемногу, постепенно, до того, что уже нельзя и вытащить его изъ нея.

Наставала весна, но еще санная дорога была не дурна. Ломова собралась къ Хрущевой, приглашавшей ее усиленно въ эту пятницу. Когда она пріѣхала къ Маріѣ Осиповнѣ, Зеленовъ, особенно оживленный и суетливый въ этотъ вечеръ, часовъ въ девять предложилъ съѣздить на тройкахъ за городъ. Всѣ согласились разомъ. Поколебалась только Ломова. Но и ей очень хотѣлось проѣхаться на тройкѣ. Она еще никогда не испытывала именно этого удовольствія. Но какъ же быть въ ресторанѣ? Что скажутъ отецъ и мать, если они узнаютъ? Почему-то ей вспомнился

Digitized by Google

тогда Иволгинъ: какую нотацію онъ прочелъ бы ей, узнавъ объ этой поѣздкѣ... И она разомъ согласилась. Неужели она дѣлала это тогда на зло ему? По крайней мѣрѣ, соглашаясь ѣхать, она думала о томъ, какъ она потомъ разскажетъ объ этой поѣздкѣ Иволгину, какъ онъ поблѣднѣетъ, какъ скажетъ ей, что она рискуетъ собой. Она отвѣтитъ ему: «кажется, я имѣю право располагать собой». Но, можетъ-быть, она ошиблась, можетъ-быть, она ѣхала только потому, что любопытство, стремленіе увидѣть хоть что-нибудь новое взяли верхъ надъ всѣми остальными соображеніями. Жажда какихъ-то приключеній вошла въ привычку.

Къ десяти часамъ пріѣхали двѣ тройки, но всѣ чего-то ждали. Наконецъ, въ комнату влетѣла Меликова въ бальномъ костюмѣ, съ короткими рукавами и декольтированнымъ лифомъ.

— Не опоздала? — спросила она. — Я ужъ такъ валяла свою роль, лишь бы поспѣть! Даже не переодѣлась. Ничего, накину сверху суконную кофточку подъ шубку.

Очевидно она знала о готовящейся поѣздкѣ на тройкахъ. Ломова не остановилась мысленно на этой мелочи.

Всѣ стали собираться, начались суматоха, говоръ, смѣхъ. Вертлявыя, смазливыя горничныя Хрущевой хлопотали около одѣвающихся господъ, развязно смѣясь и шутя, понимая, куда и зачѣмъ ѣдутъ господа, и сознавая, что въ эту ночь и онѣ будутъ вполнѣ свободны. Ломова чувствовала себя хорошо: эти сборы, эта толкотня въ прихожей, это быстрое сбѣганіе съ лѣстницы, это усаживаніе въ тройки, переговоры всѣхъ вдругъ, все это было не обычно, не буднично. Наконецъ, ямщики подобрали вожжи, крикнули: «эхъ, вы, голубчики», и тройки полетѣли, взрывая размягшій снѣгъ, иногда обрызгивая сидящихъ грязною водою.

— Въ первый разъ на тройкахъ? — спросилъ Зеленовъ Ломову.

— Да!—отвѣтила она.

— Хорошо?

— Очень.

Въ нее брызнуло водой, и она отклонилась въ сторону Зеленова.

— Что сердечко замираетъ?—спросилъ онъ тихо.

Она разсмѣялась.

— Что это вы такія сладкія слова и такимъ сладкимъ голосомъ произносите?

Digitized by Google

— А вы не любите сладкихъ словъ? Что же вы любите? Бурныя страсти?

Она отшутилась.

— Теперь я люблю ѣзду на тройкѣ.

— И только?

— И только.

Онъ вздохнулъ.

Они уже неслись по Невѣ съ зычными криками ямщиковъ: «бе-ре-гись!» Вдругъ тройка нырнула и разомъ поднялась изъ большой выбоины. Всѣ подскочили, всѣхъ обдало водой. Раздался дружный смѣхъ всей компаніи. Зеленовъ придержалъ Ломову, чтобы охранить ее отъ паденія. Она слегка отстранила его.

— Выпадете!

— Не бойтесь!

— Съ непривычки легко.

Она промолчала, стараясь отодвинуться подальше отъ него, чувствуя, что его колѣнка жметъ ея колѣнку. Ее немного смутили и этотъ пошлый разговоръ, и эта близость Зеленова. Но она старалась успокоить себя, что вѣдь это все въ обычаѣ въ этомъ кругу. Въ передней тройкѣ раздавался визгъ и смѣхъ Меликовой и братьевъ Хрущевыхъ. Кто-то попробовалъ тамъ запѣть. Одинъ изъ братьевъ привсталъ и крикнулъ:

— Господа, вы заснули?

Зеленовъ тоже приподнялся и крикнулъ:

— Блаженствуемъ въ тишинѣ!

И потомъ подзадорилъ ямщика:

— Что они надъ нами тѣшатся? Обгоняй!

Началась перегонка съ гиканьемъ, хохотомъ, визгомъ. У Ломовой слегка кружилась голова. Было жутко и хорошо.

Тройки быстро пронеслись по Петербургской сторонѣ, по Каменному острову, по Новой Деревнѣ и наконецъ остановились у Ливадіи. Компанія съ шумомъ повыскакала изъ саней, вся запляпанная круглыми пятнами грязи, быстро сбросила верхнюю теплую одежду въ прихожей, поднялась по лѣстницѣ, встрѣчаемая поклонами прислуги, здоровалась съ нѣсколькими сонно бродившими тутъ, подобно ждущимъ добычи шакаламъ, цыганами и цыганками, какъ со знакомыми. Было очевидно, что пріѣхавшее общество было здѣсь «дома». Ломову на минуту охватилъ какой-то безотчетный страхъ. Она была среди знакомыхъ людей, среди нихъ она бывала уже не разъ; тѣмъ не менѣе, здѣсь ей было страшно

Digitized by Google

быть въ ихъ обществѣ. Почему? Она не могла дать себѣ отчета. Ей даже стало досадно на себя. «Начиталась романовъ съ приключеніями», посмѣялась она надъ собою и подняла голову съ видомъ человѣка, желающаго увѣрить не только другихъ, но и себя въ томъ, что онъ ничего не боится.

Все общество поднялось по лѣстницѣ и направилось въ небольшую отдѣльную гостиную. Нѣсколько мужчинъ отправилось распоряжаться въ буфетъ, дамы поправляли свои туалеты у зеркала, расправляя примятыя кружева и взбивая волосы. Меликова съ голыми руками и съ голыми плечами какъ-то особенно рѣзала глаза. Ломова съ дѣтства привыкла видѣть декольтированныхъ дамъ и дѣвицъ въ своемъ кругу, но теперь эта одна декольтированная женщина среди другихъ, довольно скромно одѣтыхъ женщинъ, производила на нее странное впечатлѣніе: ей было стыдно смотрѣть на нее. Аннѣ Ѳеодоровнѣ казалось, что глаза всѣхъ мужчинъ смотрятъ исключительно на это голое тѣло. Кто-то замѣтилъ Меликовой, что она можетъ простудиться. Она отвѣтила, что кофточка «шерститъ» и обратилась къ Хрущеву-младшему:

— Дѣтка, взгляни, какъ натерла плечи.

Онъ наклонился, пожирая глазами ея раскраснѣвшіяся плечики. Она засмѣялась, видя, какъ онъ низко наклонилъ свою голову.

— Что это ты вдругъ близорукимъ сталъ?

Она ударила его пальчикомъ по носу

— Младенчикъ!

Ломову какъ-то особенно передернуло, точно она впервые видѣла обращеніе Меликовой съ Хрущевымъ. И почему она имъ говоритъ «ты». Вѣдь они знакомы семь-восемь мѣсяцевъ? Прежде это не приходило ей въ голову. Она досадливо подумала, что все это смущаетъ ее вслѣдствіе этого декольтированнаго платья. И что тутъ необыкновеннаго? Носятъ же тысячи женщинъ такія платья на балахъ, въ театрахъ? Этихъ полунагихъ женщинъ и дѣвицъ обнимаютъ въ танцахъ мужчины; они волей-неволей еще ближе разсматриваютъ это женское тѣло, кружась по заламъ. Кого же это смущаетъ? Кто считаетъ это развратомъ?

Въ это время принесли вино, фрукты, пирожное и приборъ для чая. Мужчины, возвратившіеся изъ буфета, нѣсколько раскраснѣлись. Оставшіеся съ дамами воскликнули:

— Э, да вы ужъ побывали въ буфетѣ. Что-жъ мы-то, господа, зѣваемъ?

Digitized by Google

И четверо еще не ходившихъ въ буфетъ мужчинъ направились туда. Марья Осиповна стала угощать дамъ, хлопоча около чая, осматривая получистые стаканы на свѣтъ. Зеленовъ предложилъ Ломовой рюмку бѣлаго вина. Она, отказываясь, постаралась улыбнуться, чтобы не выдать своего тревожнаго настроенія.

— Да это же дамское вино. Его не только дѣвушки,— дѣти могутъ пить,—сказалъ Зеленовъ.

Отъ него пахнуло запахомъ водки. Его выцвѣтшіе глаза замаслились, щеки покрылись пятнами румянца. Ломова опять пересилила себя и опять отказалась, улыбаясь.

— О, кто не любилъ—тотъ наполовину былъ несчастнымъ, а кто не вкушалъ винограднаго сока—тотъ и совсѣмъ не зналъ, что значитъ счастье!—проговорилъ Зеленовъ.

«Господи, какъ онъ сегодня пошлъ»,—мелькнуло въ головѣ Анны Ѳеодоровны.

Онъ былъ и всегда такимъ. Но прежде это ее забавляло; теперь это ее тревожило.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались звуки фортепіано. Тамъ уже игралъ таперъ.

— Господа, танцовать, танцовать!—скомандовалъ старшій Хрущевъ, волчкомъ влетая въ комнату.

Всѣ захлопали въ ладоши. Хрущева большими глотками спѣшила допить чай и горстями пихала себѣ въ ротъ сладкое печенье. Она боялась и опоздать къ танцамъ, и оставить недопитымъ и недоѣденнымъ что-нибудь на столѣ.

Зеленовъ обратился къ Ломовой.

— Позвольте пригласить васъ на кадриль.

Она вздрогнула, и ея лицо приняло брезгливое выраженіе.

— Нѣтъ... здѣсь... я не стану.

Это озадачило его.

— Да позвольте, зачѣмъ же вы пріѣхали? Веселиться? Да? Ну, и будемъ веселиться. Что же вы такъ-то будете сидѣть? Вы всѣхъ обидите. Не будете вы танцовать, и никто не будетъ...

— Я не мѣшаю другимъ.

— То-есть какъ же это? Если вы считаете невозможнымъ танцовать здѣсь, то и другія... или вы хотите сказать, что другимъ можно, а нельзя только вамъ?

Онъ говорилъ обидчивымъ тономъ, вступаясь за своихъ пріятелей и пріятельницъ.

— Мы, кажется, здѣсь въ своемъ кругу всѣ равны... Если вы смотрите такъ брезгливо на наше...

Digitized by Google

— Вы меня не поняли,—начала она, смущенная его придирчивымъ выговоромъ.

— Нѣтъ-съ, я васъ понялъ...

Онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ.

— Ахъ, Анна Ѳеодоровна, пока молоды, до тѣхъ поръ и нужно ловить минуту веселья! Сбросьте вы съ себя всѣ эти: что скажутъ, что подумаютъ! А ну ихъ, пусть думаютъ и говорятъ, что хотятъ! Начихать намъ на нихъ! Такъ? Идемте!

Она нехотя, съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ смутной тревоги, поднялась съ мѣста. Ей было уже страшно отказываться, противорѣчить. Она какъ-то подозрительно смотрѣла на всѣхъ, точно спрашивая себя: «вѣдь они, кажется, еще не пьяны? кажется, они ведутъ себя еще прилично?» Зеленовъ, вполнѣ довольный собой, что онъ «обломалъ ей крылья», какъ онъ мысленно говорилъ себѣ, началъ напѣвать въ полголоса:

— Лови, лови часы любви!..

Дальше онъ не могъ вспомнить и, вдругъ оборвавъ пѣніе, проговорилъ:

— Ну, и чортъ съ ними!

Понемногу онъ хмелѣлъ. Его клонило ко сну. Поѣздка по холоду утомила.

Начались танцы.

— Смотрите, смотрите, какъ наша Маріонъ задуваетъ,— проговорилъ Зеленовъ, пріободряясь и стряхивая дремоту.

— Какая Маріонъ?—спросила Ломова.

— Да наша старушка Божія, Марья Осиповна. Въ былыя времена тоже дала себя знать. О-о! Недаромъ карьеру составила и въ генеральшахъ теперь числится. Ея превосходительство госпожа статская совѣтница Марья Осиповна Хрущева! Шутка ли! Вѣдь ни съ чего начала... Дѣвчонкой еще соблазнили и привезли въ Россію. Потомъ по танцъ-классамъ мужчинъ ловила.

Ломова широко открыла глаза и даже чуть-чуть, какъ бы въ испугѣ, отодвинулась отъ Зеленова.

— Я васъ не понимаю, что вы говорите,—сухо сказала она.

— То-есть это какъ же?—глупо улыбаясь, проговорилъ онъ.—Вы же бываете у Маріонъ, знаете сами, вѣрно, прошлые грѣшки нашей старушенціи? Да она и теперь не прочь погрѣшить. Веселая бабенка, даромъ что стара. Недаромъ любитъ молодежь пристраивать. Дѣвчоночекъ-горничныхъ

Digitized by Google

держитъ для удобства жильцовъ. Промыселъ тоже! Вотъ своему Мишкѣ сосватала банкиршу Сухареву, а Сашка по ея милости у вдовы адмирала Русина свой человѣкъ. Альфонсики! Жить надо! Ну, да они утѣшаются, увиваясь за Соничкой...

Ломова совсѣмъ смолкла. У нея кружилась голова. Она радовалась, что кадриль кончалась. Скорѣй бы только уйти отъ этого пьянаго человѣка. Куда? Къ кому? Всѣ уже казались ей теперь пьяными. Зеленовъ продолжалъ говорить, дѣлаясь все болѣе и болѣе развязнымъ:

— Сегодня у нихъ ушки на макушкѣ отъ того, что Соничка декольтировалась. Раскраснѣлись, какъ вареные раки. И вѣдь что смѣхъ: оба втюрились въ нее и не ревнуютъ. Каковы молодцы? Истинно братскія отношенія. Впрочемъ, что-жъ, молоды, люби, сколько влѣзетъ.

Онъ вздохнулъ.

— Это мы только съ вами канитель тянемъ.

Анна Ѳеодоровна поднялась съ мѣста, охваченная страхомъ, точно этотъ все болѣе и болѣе хмелѣвшій человѣкъ показался ей способнымъ на все. Зеленовъ тоже поднялся вслѣдъ за нею, говоря что-то о недолговѣчности молодости, о быстро проходящихъ счастливыхъ годахъ, о необходимости ловить золотое время.

По залу пронеслось приглашеніе.

— Зеленовъ, Зеленовъ, вальсъ съ Марьей Осиповной.

— Ну васъ къ чорту! У меня свои дѣла!—отозвался онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вальсъ!—кричали гости.

— А, черти! Ну, сейчасъ, сейчасъ!—согласился Зеленовъ и проговорилъ Ломовой:—Безъ любви, барышня, не прожить, никакъ не прожить... Я вотъ сейчасъ вамъ эту философію объясню... Сами спасибо скажете...

Анна Ѳеодоровна уже не слушала его и направилась къ сосѣдней комнатѣ. Она хотѣла переступить ея порогъ и остановилась въ дверяхъ. Тамъ, въ этой комнатѣ, недалеко отъ стола, заставленнаго опустѣвшими бутылками, чайными принадлежностями, фруктами, валявшимися рюмками, сидѣлъ на креслѣ Александръ Хрущевъ, держа на колѣняхъ Меликову. Она со смѣхомъ запрокинула голову назадъ и вырывалась изъ его объятій, а между тѣмъ Михаилъ Хрущевъ наклонился надъ нею и цѣловалъ ея шею. Всѣ трое звонко хохотали.

Ломова съ минуту не могла сдѣлать ни шагу ни впередъ, ни назадъ, охваченная стыдомъ, близкая къ обмороку, при-

Digitized by Google

слонившаяся къ двери. Стыдъ за себя, чувство обиды, омерзѣніе къ происходившей передъ нею сценѣ душили ее. Братья Хрущевы, наконецъ, замѣтили ее.

— А, это вы, Анна Ѳеодоровна! — весело воскликнулъ Александръ Хрущевъ.—А мы пари съ Сонички выиграли и получаемъ выигранное.

— Ха-ха-ха!—раздался смѣхъ Михаила Хрущева.—По пятидесяти поцѣлуевъ выиграли на брата. Счастье!

Ломова уже очнулась, пришла въ себя, повернулась и, не слушая, что ей говорятъ, пошла въ залъ. Тамъ раздавался оглушительный хохотъ и аплодисменты. Она нервно вздрогнула. Ей на минуту показалось, что это смѣются надъ нею, что это аплодируютъ ей! Она даже не замѣтила, что въ кружкѣ людей плясала русскую Марья Осиповна, размахивая платочкомъ въ воздухѣ. Въ дверяхъ Ломову, шатаясь, нагналъ Зеленовъ.

— Куда вы? Что съ вами?—спросилъ онъ.

— Оставьте меня,—прошептала Ломова.

— Да вамъ что надо? Дурно вамъ? Въ дамскую уборную идете? Я васъ провожу.

— Оставьте меня, говорю я вамъ!—повторила она.

— Да вы же ходовъ здѣсь не знаете, наткнетесь на такой спектакль, что въ вѣкъ не забудете!

Онъ засмѣялся пьянымъ смѣхомъ и пошатнулся.

— Здѣсь нравы свободные. Кути во всю!

Онъ хотѣлъ взять ее за руку. Его изношенное лицо, съ красными пятнами, съ жидкой бородкою походило на лицо Сатира. Она вырвала свою похолодѣвшую руку.

— Идите прочь!—почти крикнула она, оттолкнувъ его.

Онъ удержался о стѣну и обозлился.

— Ну, такъ и плевать!—пробормоталъ онъ съ грубостью пьянаго человѣка.

Она быстро, спотыкаясь, уже спускалась съ лѣстницы. Внизу спорили какіе-то два лакея въ засаленныхъ фракахъ, съ измятыми салфетками подъ мышками.

— Чай я подавалъ, а деньги ты получалъ.

— А ты нешто у своего стола стоялъ? Ишь ловкачъ.

— Гдѣ выходъ?—спросила Ломова.

— Дальше! дальше!—махнули они руками, не обращая на нее вниманія, и снова принялись спорить:

— Ты, небось, вчера тоже не у своего стола стоялъ?

— А господа-то чьи были? Они изъ твоихъ подлыхъ рукъ и ѣсть не станутъ! Немытое рыло!

Digitized by Google

— Самъ помойся!

— Мою шубку... сапожки,—прерывистымъ голосомъ говорила Ломова, стоя среди прислуги, находившейся у верхняго платья.

— Нумерокъ вашъ!—проговорилъ слуга.

— У меня нѣтъ нумера... Вотъ, возьмите...

Она сунула рубль въ руки слуги.

— Вы наверху были съ господиномъ Зеленовымъ?

— Да... да...

Слуга началъ разыскивать ея вещи.

— Экипажъ прикажете позвать?—спросилъ другой слуга.

— Нѣтъ... я здѣсь... тутъ...

Ломова чувствовала, что ее душатъ слезы. Она одѣлась, пошла, спотыкаясь, съ лѣстницы. Сзади ея начались толки:

— Не поладили...

— А ничего изъ себя...

— Новенькая видно...

— Привыкнетъ!

Потомъ кто-то изъ слугъ началъ разсказывать:

— Нѣтъ, намеднись вотъ такъ исторія была, до полиціи дѣло дошло...

Ломова вышла изъ воротъ Ливадіи и очутилась въ непроглядномъ мракѣ. Заколоченныя на зиму дачи, безобразные палисадники и заборчики, тощія, лишенныя листьевъ деревья, проѣзжая дорога, канавка около пѣшеходной дорожки у дачъ, мостики со скамьями на канавкѣ, все это смутно чернѣло во тьмѣ. Только мѣстами въ этой тьмѣ далеко одинъ отъ другого мерцали фонари. Ихъ слабый и тусклый свѣтъ едва пробивался сквозь грязныя стекла и не озарялъ ничего, а только исполнялъ службу маяковъ, указывая направленіе пути. Тающій снѣгъ, покрытый тонкими корочками льда, проваливался подъ ногами Ломовой; она ощущала, что брызги воды доходили до ея чулокъ, что ея платье волочилось по мокрому снѣгу, по грязи, по лужамъ, но у нея не было силъ поднять его, оправиться. Ея руки висѣли безпомощно, ноги едва двигались, она шаталась, а передъ нею была тьма и тьма. Такъ ли она шла? Не надо ли свернуть куда-нибудь? Когда же она придетъ домой? А что если кто-нибудь нападетъ на нее? Ограбитъ, оскорбитъ? При мысли объ оскорбленіи у нея вдругъ начало судорожно перехватывать дыханіе, грудь дышала прерывисто, какъ бы стараясь набрать побольше воздуха, рыданья начали душить ее. Она прислонилась безъ силъ къ

Digitized by Google

какому-то палисаднику, точно пьяная. Черезъ нѣсколько минутъ она очнулась, собрала всѣ силы, пошла снова, попадая въ грязь, оступаясь на каждомъ шагу. Ей казалось, что дорогѣ не будетъ конца.

Только у Строгановскаго моста ей попался извозчикъ...

IV.

Анна Ѳеодоровна, точно подъ вліяніемъ электрическаго тока, поднялась на постели, сѣла и устремила въ пространство широко открытые глаза. Ея грудь тяжело и прерывисто поднималась отъ волненія. Ее и теперь охватывалъ ужасъ при одномъ воспоминаніи объ этой ночи. Она, говорившая когда-то о придворномъ балѣ, какъ о чемъ-то очень будничномъ, дошла до того, что тащилась пѣшкомъ, по грязи, ночью, одна изъ какого-то загороднаго ресторана, оскорбленная, осмѣянная полупьяной толпой развратныхъ шалопаевъ. Что бы ни произошло съ нею въ будущемъ, она не вычеркнетъ изъ памяти этого позора. И она была не какой-нибудь бездомной сиротою: у нея были отецъ и мать. Она почувствовала къ нимъ въ ту ночь уже не сожалѣніе, не презрѣніе, почти вражду.

Что такое ея отецъ? Говорильная машина, болтающій языкъ. Ни о чемъ не думаетъ серьезно, ничего не чувствуетъ глубоко, ничего не дѣлаетъ разумно, ни до чего не добивается упорно, а только говоритъ, говоритъ и говоритъ. За говореньемъ о своемъ положеніи забылъ самую сущность этого положенія—положеніе жены и дѣтей. А мать? Ходячая бездушная и холодная надменность, нашедшая только одно средство въ бѣдѣ—бездѣятельное будированіе на всѣхъ и на все. Она пальца о палецъ не стукнула, когда случилась бѣда, она заперлась отъ всѣхъ, какъ бы застыла въ своемъ углу, какъ бы замерла въ своемъ негодованіи на всѣхъ. Что они должны были дѣлать? Анна Ѳеодоровна не могла бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Ее просто возмущало, что они ничего не сдѣлали, чтобы выйти изъ бѣды и дать ей средства жить попрежнему. А отношенія ихъ къ ней? Когда у нея, у Анны Ѳеодоровны, поднялись какія-то смутныя стремленія выбиться какъ-нибудь изъ тяжелаго положенія, убѣжать изъ скучной и однообразной обстановки своего угла, они—отецъ и мать—сказали ей: «какъ? ты хочешь трепаться по улицамъ, ходя на уроки?» Отецъ выразилъ это многословно, мать коротко, но ни онъ, ни она не подсказали ей другого исхода, не удер-

Digitized by Google

жали ее отъ этого выхода, и вотъ она, не знающая жизни, людей, пошла «трепаться по улицамъ». Отецъ за безконечнымъ говореньемъ даже какъ будто и не зналъ, что она треплется по улицамъ; мать знала, что дочь не бываетъ дома, ходитъ одна, но только безмолвно будировала, можетъ-быть, плакала въ тишинѣ—не больше. Можетъ-быть, если бы они серьезнѣе отнеслись къ этому вопросу, если бы они сумѣли руководить ею, она сдѣлалась бы учащейся и учащей дѣвушкой, а не вступила бы на скользкій путь искательницы приключеній. Ей было омерзительно и въ то же время обидно сознавать, что она дошла только до этой роли, когда другія по тому же пути шли къ серьезному развитію. Она не сошлась ни съ одной серьезной дѣвушкой, потому что именно подобныя личности менѣе всего способны безпричинно бросаться въ объятія первой встрѣчной. Быстро возникающія и скоро проходящія сближенія почти всегда бываютъ слѣдствіемъ нравственной распущенности и неряшливости. Кто сразу всѣмъ и каждому открываетъ свои объятія, послѣ того не лишнее осматривать свои карманы, все ли въ нихъ цѣло, и свое платье, не осталось ли на немъ грязныхъ пятенъ. Двухъ-трехъ серьезныхъ, занимающихся дѣвушекъ узнала близко и Ломова. Но и онѣ показались ей мало интересными, какъ мало интереснаго представляли ей и курсы со своимъ однообразнымъ трудомъ, со своими однообразными типами работницъ, и она, въ свою очередь, не сумѣла привязать къ себѣ этихъ дѣвушекъ, увидавшихъ въ ней обыкновенную барышню, учащуюся не то отъ скуки, не то отъ безденежья. Тогда-то она попала въ среду постоянныхъ посѣтительницъ верховъ театра и окунулась въ этотъ омутъ грязи, сплетенъ, поклоненія красавцамъ-актерамъ, исканія приключеній...

На другой день послѣ возвращенія съ пикника, она, не спавшая всю ночь, была нездорова, ее знобило, у нея болѣла голова, она куталась въ большой вязаный платокъ. Она сидѣла въ своей комнатѣ, снова передумывая, переживая все, что произошло въ послѣдніе годы. Она только теперь видѣла, что она уходила въ какую-то тину все глубже и глубже, не сознавая этого, теряя возможность удержаться на поверхности этой грязи. Ей вспоминались мелочи: двусмысленныя сплетни парадиза о томъ, кто съ кѣмъ живетъ, какая актриса у кого на содержаніи, какой актеръ пользуется у тѣхъ или у другихъ женщинъ успѣхомъ; она принимала участіе въ сборѣ на вѣнокъ одному актеру въ пику

Digitized by Google

другому, не за игру, не за талантъ, а такъ, потому что онъ любимецъ извѣстнаго кружка; раза три ее затащили знакомыя женщины къ подъѣзду актеровъ ждать, когда выйдетъ этотъ любимецъ, и когда онъ вышелъ, раздались жидкіе женскіе аплодисменты и такія же жидкія женскія «браво»; потомъ знакомство съ Хрущевой, съ отставной кокоткой, съ посредницей между мужчинами и дамами; безсознательно разыгрываемая роль готовящейся продаться дѣвушки, осматриваемой зоркимъ взглядомъ комиссіонершею въ спальнѣ; слова о прыщикѣ, вскочившемъ на лицо, и вздохи о томъ, что пора «замужъ»; наконецъ, этотъ пикникъ. Все это было не паденіе, но хуже паденія—пошлость, грязь, тина. И отецъ, и мать не удержали ее, не разъяснили ей всего этого! О, да развѣ они что-нибудь понимаютъ, жалкіе и пустые люди! Она съ горечью вспоминала то время, когда никто не считалъ ихъ такими. Толпа язычниковъ склоняетъ колѣни и пресмыкается во прахѣ передъ стоящими на пьедесталахъ идолами; стащите ихъ въ грязь и разбейте, и она увидитъ, что это пустыя, ничтожныя куклы. Но что же будетъ она, Анна Ѳсодоровна, дѣлать дальше? Сидѣть въ четырехъ стѣнахъ съ этими людьми? Слушать консервативную болтовню отца, глядѣть на невѣдомое никому и никого не пугающее будированіе матери? Къ чему она сама стремится? Къ богатству, къ блеску, къ роскоши? Но все это недостижимо теперь. Другихъ же стремленій, желаній, идеаловъ у нея нѣтъ. Откуда имъ было взяться? Какъ же она перенесетъ муки бѣдности? И нѣтъ никого, никого, кто бы хоть поддержалъ ее разумнымъ словомъ, успокоилъ ласкою.

Ей вдругъ вспомнился Иволгинъ.

Она уже не думала теперь дразнить его разсказомъ о катаньи на тройкѣ. Она даже боялась именно того, что онъ откуда-нибудь узнаетъ объ этомъ. Это вѣдь будетъ его торжество, онъ вѣдь говорилъ, что пошлость та же тина, что она засасываетъ. У него не хватитъ даже такта скрыть свое торжество. О, никогда не доставитъ она ему удовольствія гордо поднять голову и сказать: «вѣдь я васъ предостерегалъ». Но откуда же ему узнать? Не играетъ же онъ роли шпіона? Нѣтъ, на это-то онъ не способенъ, онъ честный человѣкъ. Безтактный, но честный. Неужели онъ точно влюбленъ въ нее? Она сощурила глаза и задумчиво вглядывалась въ пространство, какъ бы ища отвѣта. Почему она раньше не вдумывалась въ это? Зачѣмъ же? Развѣ онъ

Digitized by Google

ей пара? Какой-то студентъ! Въ голову пришелъ разсказъ Хрущевой о Меликовой: «мужъ придетъ домой, ляжетъ, а ей снятся трупы, трупы и трупы». Анна Ѳеодоровна, сердясь на это воспоминаніе, сдвинула брови... Все же Иволгинъ, провинціалъ, скромный по вкусамъ простякъ, не пара ей. А кто же ей пара! Кто вообще видитъ ее? Она пожала плечами съ горькой усмѣшкой. Никто, никто не видитъ ее здѣсь. Да, но если онъ ее любитъ, ей будетъ легко хоть съ нимъ отвести душу. Онъ не глупъ, онъ серьезенъ, онъ добръ...

И вечеромъ пришелъ Иволгинъ. Впервые его приходъ пробудилъ въ душѣ Анны Ѳеодоровны что-то въ родѣ радостнаго чувства. Иволгинъ протянулъ ей дружески руку и, взглянувъ ей въ лицо, заботливо спросилъ:

— Что съ вами, Анна Ѳеодоровна? Вы больны! на себя не похожи.

Она вся точно съежилась отъ этихъ словъ, и ее охватило холодомъ. Чувство радости смѣнилось чувствомъ опасенія, что онъ все узнаетъ. Ни за что, ни за что она не скажетъ ему ничего.

Она отвѣтила равнодушнымъ тономъ:

— Я совершенно здорова!

Онъ тревожно, въ волненіи, продолжалъ допрашивать:

— Такъ значитъ что-нибудь случилось? Какія-нибудь новыя непріятности, огорченія? Ради Бога, скажите!

Отъ этихъ настойчивыхъ допросовъ, она, какъ будто улитка отъ чьего-нибудь прикосновенія, уходила все болѣе и болѣе въ свою раковину. Передъ ея глазами уже стоялъ не другъ, а шпіонъ, желающій проникнуть въ ея душу, выѣдать все хотя бы насильно.

— Я же вамъ говорю, что ничего не случилось,—отвѣтила она раздражительно.—Что же можетъ случиться?

Онъ вздохнулъ, огорченный ея несообщительностью, и тихо сказалъ:

— Если бы вы знали, какъ я волнуюсь и боюсь за васъ...

— За меня?

По ея лицу скользнула насмѣшливая улыбка. Ей хотѣлось замаскировать свое волненіе.

— Да... Вы вѣдь сами не знаете, въ какой средѣ вы вращаетесь...

Она уже была блѣдна, какъ полотно. Онъ задѣлъ за самое больное мѣсто ея души.

Digitized by Google

— Вчера, не далѣе какъ вчера, я слышалъ толки...

Она, охваченная страхомъ, дрожащая отъ волненія, смущенная нелѣпой мыслью, что онъ уже все знаетъ, остановила его надменнымъ взглядомъ.

— Избавьте меня, Борисъ Николаевичъ, отъ грязи сплетенъ. Если вы способны унижаться до нихъ, то я привыкла стоять немного выше этого.

Онъ, взволнованный, хотѣлъ что-то продолжать еще, но въ комнату вошла Антонина Аркадьевна. Анна Ѳеодоровна воспользовалась удобной минутой и вышла. Съ этого дня она почти не говорила съ Иволгинымъ, избѣгая его, встрѣчая его ледяными взглядами.

Но у нея былъ еще братъ...

При мысли о братѣ глаза Анны Ѳеодоровны заискрились теперь гнѣвомъ. Если она презирала отца и мать, если она гордо и холодно оттолкнула Иволгина, то къ брату она чувствовала иногда чуть не ненависть. Они разошлись уже давно, разошлись потому, что онъ, прежде чѣмъ она, понялъ отца и мать. Въ его ссорѣ съ ними она приняла ихъ сторону и отвернулась отъ брата. Правда, тогда она, отвернувшись отъ него, просто называла его еще безъ всякой злобы «своенравнымъ мальчишкой», «дерзкимъ грубіяномъ». Потомъ настало иное время—иныя отношенія, не простая холодность, не простое отчужденіе, а открытая вражда, почти ненависть къ брату. Это чувство было тѣмъ жгучѣе, чѣмъ яснѣе сознавала она, что правота была не на ея сторонѣ. Онъ нанесъ лично ей не мало кровныхъ обидъ, не забываемыхъ оскорбленій. Все, что Иволгинъ въ качествѣ посторонняго говорилъ ей мягко и осторожно о скользкомъ пути, о нелѣпомъ воспитаніи свѣтскихъ дѣвушекъ, о болѣе серьезныхъ взглядахъ на жизнь, Романъ повторялъ ей рѣзко и грубо, какъ можетъ говорить только родной братъ, пользующійся правомъ обращаться на «ты», не обязанный смягчать выраженій, привыкшій браниться и чуть не драться съ сестрою съ поленъ изъ-за игрушекъ. Иволгина она могла остановить на полусловѣ однимъ взглядомъ, братъ на каждое ея слово отвѣчалъ десятью. Отъ Иволгина она могла уйти въ другую комнату, братъ безъ спросу слѣдовалъ въ эту другую комнату. Она не забыла, не простила этого. Эта враждебность была обоюдною, равноправною.

Но случилось событіе, измѣнившее характеръ вражды.

Въ одинъ прекрасный день Ломовы получили извѣстіе,

Digitized by Google

что дядя Петръ Васильевичъ скоропостижно скончался. Это произошло какъ разъ въ то время, когда Анна Ѳеодоровна, надломленная унизительными событіями памятной ночи, засѣла дома, отказавшись не только отъ посѣщеній театра и Хрущевой, но даже отъ уроковъ. Она боялась, что и въ тѣхъ домахъ, гдѣ она давала уроки, всѣ знали, въ какомъ кругу она вращается, какую роль она играетъ. Извѣстіе о смерти дяди Петра Васильевича было истиннымъ праздникомъ для семьи. Всѣ точно сошли съ ума, не нашли въ себѣ силъ даже для того, чтобы скрыть свою радость, чтобы соблюсти внѣшнія приличія. Не только Ѳеодоръ Романовичъ говорилъ безъ передышки, шагая по комнатѣ, о томъ, что теперь конецъ всѣмъ испытаніямъ, не только Антонина Аркадьевна подняла голову и торжественно говорила, что «еще есть Богъ, есть справедливость», но и сама Анна Ѳеодоровна не могла скрыть радостнаго волненія: теперь ей не нужно бѣгать по урокамъ, думать о будущемъ, дрожать передъ призракомъ грозящей ей нищеты. Теперь она, можетъ-быть, выйдетъ замужъ за человѣка ихъ круга, она во всякомъ случаѣ попадетъ въ прежнюю среду. Тамъ нѣтъ этихъ прозаично-скучныхъ типовъ скромныхъ муравьевъ въ юбкахъ, несущихъ молча съ терпѣніемъ святыхъ крестъ будничнаго труда; тамъ нѣтъ этихъ узко, практично и грубо откровенныхъ дѣльцовъ, видящихъ въ жизни «одно прохвостничество» и старающихся сорвать «съ лихой собаки хоть шерсти клокъ»; тамъ даже пошлость и развратъ приглажены и принаряжены при помощи дрессировки, воспитанія, такта...

Въ эти дни радостнаго волненія, когда въ домѣ бывалъ ежедневно приглашенный Ломовымъ молодой присяжный повѣренный Александръ Александровичъ Ардальоновъ, внезапно явился въ семью Романъ Ѳеодоровичъ Ломовъ, братъ Анны Ѳеодоровны. Онъ кончилъ курсъ въ Правовѣдѣніи и наперекоръ отцу и матери поступилъ въ университетъ.

— Дядя Петръ Васильевичъ умеръ, — торопливо сообщила ему мать.

— А, царство ему небесное!—отвѣтилъ онъ.

И тотчасъ же, сообразивъ что-то, серьезно замѣтилъ:

— Однако, что же вы будете дѣлать? Это новый ударъ.

Мать не могла удержаться отъ улыбки.

— Мы же единственные наслѣдники!

Сынъ поднялъ на нее вопросительный взглядъ, ничего не понимая.

Digitized by Google

— Какъ единственные наслѣдники? У дяди былъ женатый сынъ, были внучата.

Антонина Аркадьевна пожала плечами.

— Сынъ, перешедшій въ католичество, женившійся по обрядамъ католической церкви на авантюристкѣ! Какія же права имѣютъ его дѣти? Правда, вдова и дѣти здѣсь, хлопочутъ о признаніи ихъ правъ. Но это же нелѣпость.

Романъ загорячился.

— Вы, кажется, не то говорили, когда дядя приглашалъ васъ поселиться у него. Вы не разъ говорили, что вы именно потому не поѣхали къ нему, чтобы не отнимать правъ у его законныхъ наслѣдниковъ.

Ломова сдвинула брови.

— Ты говоришь глупости. Мы не желали становиться между дядей и его сыномъ, но послѣдняго теперь нѣтъ на свѣтѣ...

— Такъ есть его дѣти, и, конечно, ихъ положеніе не изъ веселыхъ...

— Ну, и наше не радостно!—сорвалось съ языка Анны Ѳеодоровны.

— Ахъ, что ты говоришь!—воскликнулъ братъ, повернувъ къ ней голову.—Мало ли на свѣтѣ нищихъ, да не грабятъ же они другихъ!

— Ты забываешься!—остановила его мать.

— Я это говорю не вамъ,—отрывисто отвѣтилъ онъ.—Вамъ въ ваши годы, можетъ-быть, вполнѣ естественно не брезгать никакими средствами въ безвыходномъ положеніи, а она еще слишкомъ молода, чтобы видѣть все спасеніе въ грабежѣ другихъ.

И, заходивъ въ волненіи по комнатѣ, онъ спросилъ мать:

— Но неужели же дядя не оставилъ никакихъ распоряженій. Положимъ, онъ почти выжилъ изъ ума въ послѣдніе годы; но все же...

Мать смутилась на минуту отъ этого вопроса и уклончиво отвѣтила:

— Всякія распоряженія будутъ незаконны...

Сынъ по тону, по выраженію лица матери сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— А такъ намъ нужно еще оспаривать и волю покойнаго дяди, нужно еще перешагнуть и черезъ это! Что-жъ, теперь брезгливость не къ мѣсту. Себя приходится спасать... Только смотрите, чтобы не забрызгать себя грязью безъ барыша...

Digitized by Google

Началась бурная, неприличная сцена. Романъ коснулся самаго больного мѣста вопроса. До этой минуты всѣ старались не говорить о томъ, что, получая наслѣдство, они пускаютъ по-міру другихъ. Всѣ дѣлали видъ, что никакихъ осложненій въ этомъ дѣлѣ нѣтъ. Никто не задавалъ себѣ вопроса, какъ бы они поступили въ данномъ случаѣ во дни своего богатства. Щепетильность, брезгливость, великодушіе прошлаго времени, все это было утрачено въ годы лишеній. Теперь было не время разбирать средства, какими можно было снова разбогатѣть. Въ головѣ было одно сознаніе, что бѣдными они не могутъ остаться. Остаться бѣдными—значитъ обречь себя на гибель.

У Петра Васильевича Ломова былъ дѣйствительно женатый сынъ; у этого сына были дѣйствительно дѣти. Но этотъ бракъ не былъ признанъ законнымъ, эти дѣти считались незаконными. Правда, старикъ оставилъ завѣщаніе, но развѣ онъ могъ завѣщать родовое имѣніе незаконнымъ внучатамъ? Можно ли было не воспользоваться этой счастливой случайностью обнищавшей семьѣ Ѳеодора Романовича Ломова.

Когда Романъ заговорилъ объ этихъ несчастныхъ обираемыхъ наслѣдникахъ, Анну Ѳеодоровну на мгновенье охватилъ паническій страхъ. Что если въ самомъ дѣлѣ признаютъ права этихъ наслѣдниковъ? Дяди Петра Васильевича уже нѣтъ, и значитъ семья лишится даже ежемѣсячной субсидіи въ сто рублей. Настанутъ голодные дни. Нѣтъ, нѣтъ, довольно они бились и такъ.

Она не удержалась и снова рѣзко замѣтила брату.

— Что ты заботишься о другихъ, когда мы сами такіе же нищіе!

Онъ обернулся къ ней съ горящимъ взглядомъ.

— Стыдись! Такъ молода, а уже сердца нѣтъ...

И насмѣшливо, точно нанося ей удары, добавилъ:

— Или боишься, что нельзя будетъ по театрамъ рыскать!.. Привыкла трепаться по улицамъ.

У нея перехватило дыханіе отъ злобы. Даже Антонина Аркадьевна вышла изъ терпѣнія и рѣзко замѣтила сыну:

— Пожалуйста, безъ пошлыхъ сценъ! Ты здѣсь не у своихъ студентовъ!

Онъ не унимался.

— Если я дѣлаю сцены, какъ вы говорите, такъ это потому, что мнѣ обидно за сестру. Она могла бы..

Сестра перебила его:

Digitized by Google

— Я была бы рада, если бы ты забылъ, что я существую на свѣтѣ!

— Да, тогда не отъ кого было бы выслушивать правду...

— Не правду, а лакейскія грубости...

Она встала, чтобы уйти; онъ послѣдовалъ за нею. Въ другой комнатѣ, оставшись глазъ на глазъ съ ней, онъ, точно пощечину, швырнулъ ей въ лицо новое оскорбленіе:

— Я не хотѣлъ говорить при матери всего! До чего ты дошла? Съ тебя пишутъ купающихся женщинъ.

Она вскрикнула:

— Какъ ты смѣешь!

— Что, какъ я смѣю? Пройди по Невскому, во всѣхъ окнахъ эстампныхъ магазиновъ красуются уже фотографіи съ картины: «Купающаяся итальянка». Тутъ не можетъ быть сомнѣній, что это писано съ тебя. На-дняхъ мы съ Иволгинымъ увидали эту картину господина Зеленова на выставкѣ. Мы остолбенѣли. Вѣдь это пощечина! Это позоръ! До чего ты пала, что какой-нибудь Зеленовъ пишетъ съ тебя этихъ нагихъ женщинъ...

Она, инстинктивно ища опоры, блѣдная, съ широко открытыми глазами, съ раскрытымъ ртомъ, прислонилась къ стѣнѣ. Въ ея глазахъ все кружилось и прыгало.

— Ты бы хоть то подумала, что это узнаетъ весь Петербургъ, что это можетъ убить отца и мать...

Онъ горячо и взволнованно, скороговоркою, напоминавшей манеру его отца, говорилъ ей еще что-то. Она не знаетъ, что именно. Да и на что ей было знать его мнѣнія, его соображенія, когда она знала самый фактъ. Довольно было одного его, чтобы дойти до отчаянія. Потомъ братъ вышелъ изъ комнаты. Это вывело ее изъ оцѣпенѣнія. Когда она очнулась, брата уже не было.

— По-го-ди!.. По-слу-шай!.. — прерывисто крикнула она, желая оправдаться, желая снять хоть въ его глазахъ это позорное обвиненіе.

Она рванулась впередъ. Но братъ уже былъ на улицѣ...

Что испытала она въ этотъ день, это трудно представить. Ей казалось, что дѣйствительно «весь Петербургъ» смотритъ на эту «купающуюся итальянку» и говоритъ: «Это Ломова! Анна Ѳеодоровна Ломова!» Что дѣлать? Сказать отцу, матери, искать защиты, преслѣдовать Зеленова? Боже мой, развѣ это возможно! Она сама позволяла зачерчивать ему свой портретъ. Онъ ей говорилъ, что теперь «итальянка лежитъ у него на сердцѣ». И гдѣ это дѣлалось? У извѣстной от-

Digitized by Google

ставной кокотки въ домѣ, у женщины, знакомящей молодыхъ мужчинъ и барышень. Нѣтъ, нѣтъ, надо молчать. Молчать? Но развѣ ея не узнаютъ? Вѣдь узналъ же ее Иволгинъ? При воспоминаніи объ Иволгинѣ кровь бросилась ей въ голову. О, низкій, низкій человѣкъ! Это онъ указалъ брату на картину, онъ съ злорадной улыбкой сказалъ: «посмотри, до чего пала твоя сестра». Онъ бѣсится, что она не обращаетъ на него вниманія, что она не замѣчаетъ его любви? Любви? Да развѣ такіе люди умѣютъ любить? Шпіонъ! Нашелъ средство мстить!

Она машинально вошла въ другую комнату. Ее кто-то окликнулъ. Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и почти съ ужасомъ увидала передъ собой Бориса Николаевича. Она быстро отвернулась отъ него и пошла къ дверямъ. На минуту ее охватилъ стыдъ: онъ, Иволгинъ, смотритъ на нее и сравниваетъ съ той женщиной на картинѣ.

— Анна Ѳеодоровна, что съ вами? вы уходите отъ меня?— остановилъ ее Иволгинъ взволнованнымъ голосомъ.

Тогда ее начала душить злоба. Онъ еще говоритъ съ нею, спрашиваетъ ее. Она остановилась на порогѣ и окинула его взглядомъ.

— Не вы должны удивляться, а я — тому, что вы еще рѣшаетесь ходить къ намъ!

Онъ поблѣднѣлъ и съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на нее. Что съ нею? За что, наконецъ, она сердится?

— Я васъ не понимаю!

— Не понимаете?—почти крикнула она.—Не понимаете? Осмѣливаетесь позорить меня и еще хотите, чтобы васъ принимали.

Онъ взволновался еще болѣе, поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ.

— Что вы говорите! Я? васъ позорю! О, Господи!

— Сейчасъ былъ здѣсь мой братъ и все сказалъ мнѣ...

— Вашъ братъ... братъ...—повторялъ растерянно Борисъ Николаевичъ.

Потомъ онъ вдругъ вспомнилъ о картинѣ.

— О, если вы говорите объ этой проклятой картинѣ, то я точно виноватъ. Да, да, виноватъ!.. Я съ Ромой увидалъ ее. Онъ узналъ васъ. Мнѣ надо было оспаривать его, разубѣдить, увѣрить, что это не вы! Но вѣдь это было невозможно... невозможно... Это сходство, подпись Зеленова... Я не спалъ всю ночь, придумывая, что дѣлать. Но что же я могу? Протестъ, дуэль? Развѣ можно раздувать скандалъ? И по какому праву...

Digitized by Google

Она опять смѣрила его гнѣвными глазами...

— Такъ вы еще смѣете и теперь настаивать, что это я? Вы смѣете!

Онъ растерялся, пробормоталъ:

— Но это же очевидно... Зеленовъ былъ съ вами...

Она презрительно, точно мысленно давая ему пощечину, взглянула на него.

— Ни слова болѣе. Или вы ждете сами скандала?

Онъ что-то хотѣлъ еще сказать, но она уже была за дверью.

Онъ вышелъ, шатаясь, какъ пьяный.

Въ этотъ же день она получила отъ него письмо. Она разорвала его, не читая. Братъ попробовалъ заговорить съ нею объ Иволгинѣ, говоря, что послѣдній слегъ. Она оборвала его на полусловѣ:

— Не смѣй никогда произносить при мнѣ имени этого низкаго человѣка!

Братъ вспылилъ, назвалъ ее бездушной кокеткой, ничтожной женщиной; на него самого посыпались эпитеты дерзкаго мальчишки, наглеца. Тѣмъ не менѣе, Иволгинъ болѣе не появлялся въ домѣ...

У нея теперь было одно желаніе: скорѣй уѣхать въ имѣніе, въ это наслѣдственное имѣніе, въ эту глушь, далекую отъ Петербурга. Не думалось даже о вступленіи въ прежній кругъ. Прежде всего нужно было уѣхать отсюда, гдѣ всѣ видѣли ее на этой картинѣ, выставленную на показъ. А вдругъ внучата дяди добьются своихъ правъ? Что если они выиграютъ процессъ. На минуту ей вспомнилось, что братъ сказалъ, что они грабятъ голодныхъ. Голодныхъ! Да развѣ они-то не голодные? Они хуже голодныхъ: они опозоренные люди. О, хоть бы черезъ трупы пришлось перешагнуть, то и тогда не нужно останавливаться. Или тѣ, или они должны погибнуть. Ей вспомнились слова брата: «у тебя сердца нѣтъ». А у него есть? И вдругъ ей пришло въ голову, что вѣдь имѣніе перейдетъ собственно къ нему. Это родовое имѣніе достанется Ѳеодору Романовичу, а потомъ перейдетъ къ нему, къ ея брату. Она только будетъ жить въ имѣніи, въ усадьбѣ у брата. Его не могутъ даже лишить этого наслѣдства. Правда, отецъ можетъ заложить, продать имѣніе при жизни. Она усмѣхнулась. И прокутить, разбросать деньги, какъ онъ уже сдѣлалъ это однажды. Нѣтъ, его надо, во что бы то ни стало, удерживать отъ этого, надо хлопотать, чтобы онъ не закладывалъ, не продавалъ ничего, чтобы онъ не

Digitized by Google

дѣлалъ ни гроша долгу... и «чтобы все послѣ смерти отца досталось чистымъ брату», закончила она съ ненавистью въ душѣ...

Начались тревожные дни опасеній, что права прямыхъ наслѣдниковъ будутъ признаны, что бракъ ихъ отца будетъ признанъ недѣйствительнымъ. Нашлись вліятельныя лица, хлопотавшія о признаніи этого брака законнымъ. Эти опасенія разсѣивалъ только Ардальоновъ, милый, ловкій адвокатъ, уже успѣвшій нажить имя и состояніе. Какъ ни не любилъ Ломовъ всѣхъ этихъ «проходимцевъ» и «выскочекъ», уже близко знакомыхъ ему по дѣламъ Иреңкаго банка и завода Русова, тѣмъ не менѣе всѣ надежды возлагались на этого выскочку. Онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ дѣла, что даже не только хлопоталъ о дѣлахъ семьи, но доставалъ ваймы денегъ для Ломовыхъ, такъ какъ имъ нечѣмъ было жить до окончанія дѣла.

На семью обрушился, между тѣмъ, новый ударъ: Романа Ѳеодоровича взяли по политическому дѣлу въ домъ предварительнаго заключенія. Антонина Аркадьевна поднимала глаза къ небу съ гордой покорностью преслѣдуемой судьбою царицы. Ѳеодоръ Романовичъ горячился безъ конца, говоря пустыя фразы о позорѣ и проклятіи, о лишеніи сына наслѣдства. Анна Ѳеодоровна иногда останавливалась на мысли—что будетъ, если брата лишатъ всѣхъ правъ? не перейдетъ ли имѣніе потомъ къ ней? Иногда эти злыя мысли проясняли ея лицо. Иногда оно дѣлалось отъ нихъ еще мрачнѣе. Она то глубоко стыдилась ихъ, то оправдывала себя передъ самой собою тѣмъ, что «братъ самъ виноватъ во всемъ». Въ душѣ шла глухая борьба добра и зла съ полнымъ сознаніемъ, что эта борьба есть признакъ нравственнаго паденія.

Но дѣло брата приняло хорошій оборотъ. Въ судѣ говорили, что его выпустятъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ былъ взятъ по недоразумѣнію, ни въ какихъ заговорахъ не участвовалъ, держали его еще до разныхъ послѣднихъ справокъ о немъ, а главное, его товарищахъ. Дѣло по наслѣдству тоже кончалось, и въ семьѣ начали говорить о томъ, какъ ѣхать въ имѣніе, какъ устроить дѣла. Нужно было многое закупить, обновить, починить. Только теперь Ломовы увидали, какъ они «оборвались», «обносились». Изъ выкупныхъ суммъ и доходовъ съ имѣнія почти все приходилось отдать Ардальонову. Чѣмъ же жить, какъ хозяйничать?

— Вотъ если бы Рома могъ жениться на Наташѣ,— какъ-то замѣтилъ Ломовъ.

Digitized by Google

И въ его горячей головѣ развился мгновенно цѣлый планъ. У Натали было сорокъ тысячъ. Она, конечно, будетъ жить у нихъ, у Ломовыхъ. Гдѣ же ей больше жить? Она и росла въ Ломовскомъ. Она выйдетъ весной изъ института, Рому выпустятъ изъ тюрьмы. Они могутъ пожениться. Вотъ и поправятся дѣла. Надо употребить всѣ усилія, чтобы этотъ бракъ состоялся. Безъ него придется путаться въ долгахъ, закладывать имѣніе.

Эти толки рѣзали ножомъ по сердцу Анну Ѳеодоровну. Она даже не выдержала и замѣтила разъ отцу:

— Ты, кажется, даже и забылъ, какое пятно наложилъ на нашу семью онъ?

Отецъ изумился. Онъ уже забылъ, что онъ чуть не проклялъ сына. Онъ сознавалъ только то, что этотъ сынъ давалъ ему теперь возможность для выгодной сдѣлки.

— Ты, Нина, дѣвушка, и потому не понимаешь, какія случайности бываютъ въ жизни мужчинъ, въ молодости,— наконецъ, нашелся онъ.—Это увлеченіе, это проступокъ, согласенъ, но мы живемъ въ такое время, когда у всѣхъ [illegible] у всѣхъ напряжены нервы, всѣ мечутся [illegible] можно попасть въ домъ шулера, увлечься азартной игрой, завтра можно скомпрометировать себя [illegible] съ [illegible] ея красотой. Я не [illegible] Рому, но я [illegible] его. О, отлично понимаю [illegible] я самъ [illegible] я самъ [illegible] на какіе порядки! [illegible] темпераментомъ, характеромъ [illegible] онъ—Ломовъ! онъ не можетъ смотрѣть [illegible] но...

И онъ говорилъ [illegible] фразы о порядкахъ, о негодованіи, о [illegible] чувствѣ.

Въ это [illegible] «И все это [illegible] тысячъ!»... [illegible] ты теперь не [illegible] Она [illegible] въ сердцѣ, [illegible] ненавистная [illegible] съ [illegible] что [illegible] тутъ...

И [illegible] въ [illegible]

дуть теперь ухаживать, будутъ остерегаться раздражать его, такъ какъ именно онъ своею женитьбою можетъ окончательно поправить матеріальное положеніе отца и матери. Ея лицо опять разгорѣлось отъ волненія. Ей казалось, что вотъ-вотъ явится онъ, ея братъ, и скажетъ:

— Здѣсь все мое, а ты здѣсь приживалка!

И даже не съ кѣмъ душу отвести: единственная знакомая семья здѣсь — Иволгины, ея враги, его друзья... А кто ей мѣшалъ сдѣлаться ихъ другомъ? Она упала на подушки и залилась слезами, чувствуя, что ее душитъ горькое сознаніе ложности, безысходности ея положенія...

Недолгая мгла весенней ночи между тѣмъ уже рѣдѣла. Гдѣ-то далеко запѣлъ вѣстникъ утра, пѣтухъ, на его голосъ откликнулся другой, третій. Началась перекличка. Въ незавѣшанныя окна блеснули первые лучи румяной зари...

Digitized by Google

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

О Ломовыхъ нѣкоторое время говорилъ «весь Петербургъ», то есть всѣ скучающіе и ищущіе развлеченій праздные люди...

Салонные вѣстовщики и вѣстовщицы объѣздили всѣхъ своихъ знакомыхъ, разнося слухи о внезапномъ разореніи Ломовыхъ. Объ этой новости говорили горячо день-другой и перестали. Тѣ же, а можетъ-быть, и другіе вѣстовщики и вѣстовщицы принесли въ салоны потомъ и другое извѣстіе о внезапномъ полученіи Ломовыми наслѣдства. Эта вѣсть приковала вниманіе общества нѣсколько сильнѣе, такъ какъ полученіе наслѣдства сопровождалось процессомъ, но, наконецъ, не стали говорить и о ней. Такъ говорятъ въ Петербургѣ о новой оперѣ, о послѣднемъ бенефисѣ въ Михайловскомъ театрѣ, о холерѣ въ Меккѣ, о землетрясеніи въ Америкѣ, о данной кѣмъ-то кому-то пощечинѣ. Новости смѣняются, какъ картинки въ китайскомъ фонарѣ, одна другою; ни одна изъ нихъ не оставляетъ серьезнаго впечатлѣнія, но чѣмъ ихъ больше, чѣмъ больше въ нихъ скандала и пикантности, тѣмъ веселѣе и разнообразнѣе зимній сезонъ. Ими наполняется вся жизнь бездѣльничающаго люда. Между двумя извѣстіями, касавшимися Ломовыхъ, прошло девять лѣтъ. Какъ пережились Ломовыми эти годы, что вынеслось семьею въ эти годы—объ этомъ никто не заботился, этимъ никто не интересовался. Связь «свѣта» съ Ломовыми обуславливалась только ихъ широкой жизнью. Когда Ломовы разорились—отъ нихъ быстро отшатнулись всѣ; когда они выиграли процессъ и получили наслѣдство—ихъ уже нельзя было найти въ Петербургѣ, такъ какъ они тотчасъ же уѣхали въ свое имѣніе. Для самихъ же Ломовыхъ въ этихъ девяти

Digitized by Google

годахъ сосредоточилась вся жизнь: все, что было до этой поры, отошло на послѣдній планъ; все, что могло произойти послѣ, должно было отнынѣ носить слѣды этого времени. Счастье, подобно здоровью, иногда исчезаетъ и забывается, какъ смутный сонъ; несчастіе, какъ тяжелый недугъ, всегда оставляетъ неизгладимые слѣды. Ломовы узнали эту истину не изъ прописей, а изъ жизненнаго опыта. Во всемъ Петербургѣ это сознавалъ теперь только одинъ человѣкъ. Онъ послѣ двухлѣтняго ареста выходилъ изъ дома предварительнаго заключенія.

Это былъ Романъ Ломовъ...

Весь Петербургъ былъ залитъ яркимъ свѣтомъ солнца. Конецъ весны напоминалъ самое жаркое лѣто. Зной былъ нестерпимый, и небо какъ бы побѣлѣло, накалившись отъ жара. Въ воздухѣ не было ни малѣйшаго движенія. Дома, мостовая, тротуары, все было раскалено. Асфальтъ на тротуарахъ размякъ и подавался подъ ногами пѣшеходовъ. Улицы затихли и какъ бы замерли на время. Рѣдкіе пѣшеходы шли, обливаясь потомъ, вяло и лѣниво, инстинктивно стараясь дѣлать поменьше движеній. Чувствовалось, что ихъ одежда липла къ тѣлу, смоченная потомъ. Извозчичьи лошади плелись шажкомъ, мѣстами точно облитыя водой, или стояли понуро, полудремотно жмурясь на солнце и нервно вздрагивая въ полуснѣ. Выйдя въ эту пору изъ тюрьмы и попавъ на улицу, Ломовъ почувствовалъ, что отъ этого солнца, отъ этого воздуха у него закружилась голова, все завертѣлось передъ его глазами, и онъ на нѣсколько минутъ остановился у стѣны, какъ пьяный, ищущій опоры. Онъ почти два года не былъ на улицѣ. Въ головѣ хаотически проносились обрывками болѣзненныя мысли. «Радоваться ли свободѣ? Не лучше ли было бы такъ и сгнить въ этой могилѣ? На что жить, когда нѣтъ ни привязанностей, ни надеждъ, ни грёзъ, ни способности къ самообману?» Еще вчера онъ давалъ себѣ слово замедлить въ тюрьмѣ, если ему объявятъ свободу, а сегодня онъ чуть не запрыгалъ отъ радости, когда ему объявили, что онъ можетъ идти... Чему обрадовался? Развѣ онъ жаждетъ жизни? Жить, ни на что не надѣясь, ни во что не вѣря,—развѣ это значитъ жить? Эти мысли прошли въ головѣ, какъ бредъ, какъ что-то безсознательное.

Отъ этого близкаго къ обмороку состоянія его пробудилъ заунывный, однозвучный голосъ, распѣвавшій гдѣ-то вверху, въ воздухѣ. Ломовъ поднялъ, какъ бы пробуждаясь отъ тя-

Digitized by Google

желаго сна голову: у одного изъ домовъ подъ самой крышей сѣлъ на легкой доскѣ малиръ; обмакивая въ ведро, привѣшенное къ доскѣ, большую кисть, онъ водилъ этой кистью по стѣнѣ, протяжно и тоскливо напѣвая:

«Чуже-даль-няя сто-ронка, чуже-даль-ня сто-ро-на».

Это была не пѣсня, это было хватающее за сердце безсознательное повтореніе одной и той же засѣвшей въ душѣ фразы, точно продолжительный стонъ. Вдругъ пѣніе оборвалось громкими словами пѣвца:

— Чортъ, дрыхнешь! Отдай веревку!..

Внизу на тротуарѣ что-то зашевелилось. Бѣлобрысый, вихластый мальчуганъ въ грязной синей рубахѣ, смокшей отъ поту, только что начавшій прилаживать онучу къ разутой ногѣ, приподнялся и сталъ передергивать веревку. Малиръ наверху спустился нѣсколько ниже, крикнувъ:

— Довольно!

Мальчуганъ снова укрѣпилъ веревку внизу и сѣлъ на обрубокъ бревна, придерживавшій ее, принявшись равнодушно опять прилаживать онучу къ разутой ногѣ. Вверху опять послышалось протяжное:

«Чуже-даль-няя сто-ронка, чуже-даль-ня сто-ро-на».

Этой маленькой сценки было достаточно, чтобы въ головѣ Ломова вспыхнули, какъ пламя, мысли о его позорной слабости, о выносливости народа, о необходимости борьбы съ враждебными обстоятельствами, если хочешь что-нибудь сдѣлать въ жизни. Онъ вдругъ точно воскресъ подъ напоромъ отвлеченныхъ, можетъ-быть, вычитанныхъ гдѣ-нибудь въ книжкѣ идей, какъ будто оживленный электрическимъ токомъ. Онъ отдѣлился отъ стѣны и зашагалъ впередъ, повторяя мысленно, что нужно бороться съ жизнью, не сдаваться безъ боя, побѣдить или пасть.

За минуту передъ тѣмъ, это былъ человѣкъ съ полнымъ упадкомъ силъ, теперь это былъ человѣкъ съ страшно возбужденными нервами. Такіе переходы повторялись у него постоянно. Но и въ упадкѣ силъ, и въ нервномъ возбужденіи сказывалась одна и та же болѣзненность.

Онъ зашагалъ по направленію къ набережной Невы, торопясь скорѣе на Петербургскую сторону, гдѣ онъ долженъ былъ провести въ домѣ дальней родственницы Иволгиныхъ день или два—какъ придется, смотря по обстоятельствамъ—до отъѣзда въ деревню. Его уже ожидала тамъ Вѣра Николаевна Иволгина, пріѣхавшая въ Петербургъ отчасти по

Digitized by Google

своимъ дѣламъ, отчасти за Наташей Сориной. Она привезла когда-то дѣвочку въ институтъ, и ей же приходилось взять ее обратно изъ института.

Невысокій ростомъ, стройный, тонкій въ кости, съ маленькими барскими руками и ногами, онъ былъ подвиженъ, какъ его отецъ, но гораздо граціознѣе послѣдняго. Его изжелта блѣдное лицо было не особенно правильно, но съ перваго взгляда на него онъ казался просто красавцемъ съ шапкой густыхъ, вьющихся черныхъ волосъ, съ вьющейся бородкой и усиками, съ тонкими бровями, съ длинными густыми рѣсницами, съ большими, быстро разгорающимися темно-сѣрыми глазами. Только всмотрѣвшись въ него, можно было замѣтить неправильность его нѣсколько толстаго носа, чрезмѣрную страстность губъ, конвульсивныя гримасы, проскальзывавшія по его лицу во время увлеченія чѣмъ-нибудь и крайнюю порывистость, лихорадочность движеній. Расшатанные жизнью нервы давали себя знать. Нужна была извѣстная привычка къ нему, чтобы говорить съ нимъ спокойно, такъ неожиданно вскакивалъ онъ съ мѣста во время разговоровъ, начиналъ быстро ходить по комнатѣ, внезапно снова садился. Въ сущности трудно было угадать, нужно ли говорить съ нимъ сидя, нужно ли ходить съ нимъ по комнатѣ во время бесѣды, такъ порывисты и непредвидѣнны были переходы отъ сидѣнья къ ходьбѣ и обратно. Онъ даже и не ходилъ, а метался по комнатѣ, если былъ возбужденъ сущностью бесѣды, а возбудить его могла всякая бесѣда, такъ какъ онъ все сводилъ тотчасъ же на общіе вопросы. Частныхъ вопросовъ для него не существовало. Сказать ему о какомъ-нибудь голодающемъ юношѣ—значило поднять вопросъ о положеніи учащейся молодежи, о спросѣ на трудъ интеллигентной силы, о пролетаріяхъ умственнаго труда; разсказать ему объ ушедшей отъ мужа женѣ—значило натолкнуть его на женскій вопросъ, на положеніе семьи, на происхожденіе проституціи. Въ этомъ сказывалась наслѣдственность: его отецъ тоже кипятился, подобно ему. Но говореньe отца было средствомъ для успокоенія всякихъ душевныхъ невзгодъ, говореньe же сына, наоборотъ, поднимало въ душѣ цѣлыя бури и дѣлало его еще болѣе несчастнымъ. Отецъ, казалось, выбалтывалъ все накипѣвшее въ душѣ, чтобы освободиться отъ этого бремени: сынъ же какъ будто только яснѣе сознавалъ и глубже чувствовалъ всякія неправды, высказавъ ихъ громко, обсудивъ ихъ вслухъ. Отсюда, можетъ-быть, происходило то, что когда по тону

Digitized by Google

его собесѣдниковъ вы угадывали, что и эти люди—дѣти нашего многоговорящаго вѣка—любятъ иногда поговорить въ свободный часъ «о матеріяхъ важныхъ»,—по его тону вы не безъ нѣкотораго недоумѣнія и страха угадывали, что онъ рѣшаетъ вопросы «жизни и смерти». Это была не простая привычка говорить—это была болѣзненная нервность страстной и безъ того натуры, нажитая въ теченіе тяжелыхъ лѣтъ....

Прошлое вставало теперь въ его памяти, по мѣрѣ того, какъ онъ проходилъ отъ Александровскаго моста къ Троицкому по набережной Невы, мимо цѣлаго ряда барскихъ домовъ. Почти въ каждомъ онъ былъ въ дѣтствѣ. Одѣтаго, какъ куколку, его привозили сюда въ модныхъ экипажахъ бонны, гувернеры, мать, отецъ. Кругомъ него слышался восторженный шопотъ:

— Что за прелесть Рома!

Мать не жалѣла ничего, чтобы сдѣлать его предметомъ удивленія и восторга; къ этому сводились всѣ ея стремленія. Онъ граціозно шаркалъ ножкою, съ изысканной вѣжливостью отвѣчалъ на вопросы по-французски, по-нѣмецки, по-англійски. Его лицо выражало серьезность, сознаніе своего достоинства.

— Дрессированная собачонка!—съ презрительной улыбкой пробормоталъ онъ.

Потомъ модные костюмы смѣнились мундирчикомъ правовѣда.

— Такой крошка и уже правовѣдъ!—восклицали знакомые.

Мать съ небрежной гордостью говорила:

— Онъ знаетъ гораздо больше, чѣмъ требуютъ тамъ!

Всходя на Прачешный мостъ, онъ мелькомъ взглянулъ въ сторону, на то блѣдно-зеленоватое зданіе, куда такъ часто онъ подъѣзжалъ на своихъ пони. Еще совсѣмъ мальчишка, онъ смотрѣлъ уже на всѣхъ свысока. Его уже занимали важные вопросы, въ родѣ вопроса о томъ, что кто-то изъ ихъ училища срамитъ ихъ мундиръ, ѣздя въ «конкѣ», или о томъ, гдѣ прилично и гдѣ неприлично служить, кончивъ курсъ. Онъ очень серьезно досадовалъ, что его отдали не въ лицей, такъ какъ ему хотѣлось быть «дипломатомъ». Эти воспоминанія пробудили въ немъ что-то въ родѣ отвращенія къ самому себѣ, къ «тогдашнему» самому себѣ.

Заворачивая на Троицкій мостъ, онъ вспомнилъ, какимъ

Digitized by Google

стыдомъ была полна его душа, когда онъ впервые свернулъ на этотъ мостъ пѣшкомъ, сказавъ товарищу, шедшему съ нимъ: «мнѣ сюда, мы уже перебрались на дачу, на острова». Товарищъ удивился: «неужели онъ идетъ пѣшкомъ на острова?» «Нѣтъ, онъ немного хочетъ прогуляться, потомъ поѣдетъ». Онъ тогда лгалъ; его семья была уже разорена, и они жили въ захолустьѣ въ Колтовской, на Петербургской сторонѣ, близъ Ждановки. Тогда онъ сознался бы легче, что онъ сдѣлался воромъ, чѣмъ въ томъ, что онъ сталъ чуть не нищимъ. Вспоминая это, онъ сознавался теперь передъ самимъ собою, что въ то время онъ пошелъ бы на всякую сдѣлку, лишь бы не быть нищимъ. Но онъ былъ еще слишкомъ малъ, чтобы его взялъ кто-нибудь на содержаніе или чтобы кто-нибудь ввѣрилъ ему могущія быть раскраденными деньги. Не будь онъ тогда ребенкомъ, онъ могъ бы сдѣлаться продажнымъ мужчиною, или воромъ. Такихъ продажныхъ мужчинъ и воровъ, гордо поднимающихъ голову передъ оборванцами, можно вѣдь встрѣтить на каждомъ шагу въ обществѣ. Нравственнаго закона, нравственныхъ чувствъ у него еще не было. Вмѣсто какихъ бы то ни было нравственныхъ правилъ, въ немъ было развито тогда только сознаніе, что «это не принято въ нашемъ кругу», «такъ неприлично себя держать», «что скажутъ объ этомъ», «какъ я покажусь въ такой одеждѣ». Его даже не пріучили любить кого-нибудь, что-нибудь, кромѣ самого себя и своего блестящаго положенія.

Въ эту роковую пору жизни онъ впервые смутно понялъ, что онъ не любилъ даже отца и мать, что онъ былъ какъ бы чужой для нихъ. Ихъ внезапное разореніе пробудило въ немъ не жалость къ нимъ, а злобу на нихъ, точно они обокрали его. Сердце, не умѣвшее любить, и дѣтскій умъ, не умѣвшій серьезно мыслить, не подсказали ему ничего, кромѣ того, что у него отняли его пони, его комфортъ, его удовольствія. Несчастія отца и матери онъ не понялъ. Онъ долго и упорно останавливался все на одной и той же мысли: «намъ все досталось отъ дѣда, а отецъ съ матерью все промотали; это мнѣ должно было достаться, а они все промотали». Онъ вдругъ сталъ рѣзокъ съ отцомъ и съ матерью сталъ непочтителенъ къ нимъ, дѣлалъ имъ сцены, по-дѣтски капризно, по-дѣтски нелѣпо.

Въ другое время они сдержали бы его однимъ словомъ, однимъ взглядомъ:

— Что съ тобой? ты забываешься!

Digitized by Google

Теперь было не до того, теперь у нихъ у самихъ разливалась желчь, портились характеры, терялось умѣнье владѣть собою. Это было страшное время пробужденія отъ свѣтлаго сна къ горькой отвратительной дѣйствительности.

Сначала между сыномъ и родителями были только мелкія столкновенія изъ-за пустяковъ. Мать, привыкшая видѣть сына изящнымъ красавчикомъ, замѣчала ему:

— На что похожи твои руки? Точно гусиныя лапы?

— А вы бы спросили, есть ли у меня перчатки,—рѣзко отвѣчалъ онъ.

— У тебя карманы и петли оборваны,—говорила мать.— Это неряшливость!

— Пригласите портного, а меня шить не учили,—отвѣчалъ онъ.

Отецъ какъ-то заговорилъ о товарищахъ Ромы: «что дѣлаетъ такой-то, какъ поживаетъ такой-то?»

Рома отрывисто отвѣтилъ:

— Почему я знаю, развѣ между нами теперь есть что-нибудь общее? Я радъ, когда я могу не встрѣчать ихъ, не говорить о нихъ, не думать о нихъ.

Отецъ по обыкновенію загорячился: «онъ, Рома, забываетъ, что они люди одного круга, что ему придется идти рука съ рукой съ этими людьми, что ихъ надо придерживаться». Сынъ въ свою очередь тоже загорячился и сказалъ:

— Я не такъ глупъ, чтобы не понимать нравственныхъ пощечинъ, и не такъ низокъ, чтобы превратиться въ пресмыкающееся.

Онъ былъ еще юнъ, но зналъ уже громкія слова, особенно на французскомъ языкѣ. Онъ ужъ читалъ классическія французскія драмы и видѣлъ въ театрѣ современныя французскія мелодрамы. Ему иногда казалось, что онъ герой изъ драмы Фелье «Le roman d'un jeune homme pauvre».

Все это были мелкія мальчишескія выходки барчонка, злившагося на необходимость ходить пѣшкомъ, оставаться безъ перчатокъ, смотрѣть на болѣе широкую жизнь товарищей.

Теперь Романъ Ломовъ вспоминалъ объ этой порѣ съ отвращеніемъ, съ гадливостью, сознавая, что именно въ то время, когда онъ говорилъ, что онъ еще не сдѣлался пресмыкающимся, онъ могъ дойти до всякаго нравственнаго паденія за удобства жизни. Дошелъ же онъ до того, что едва доучившимся, едва кончившимъ курсъ мальчишкою на-
[illegible] съ горя въ какомъ-то захолустномъ кабачкѣ на Вы-

Digitized by Google

боргскомъ трактѣ, около Лапского шоссе. Съ горя! Съ какого? Онъ шелъ по Каменноостровскому проспекту, а его обгоняли экипажъ за экипажемъ, несущіеся на острова, въ Аркадію, въ разные облагороженные кабаки. Онъ въ измятой коломянковой одеждѣ шелъ съ тоскою въ сердцѣ, куда глаза глядятъ, и очутился гдѣ-то въ простомъ загородномъ трактирчикѣ. Когда онъ пришелъ домой блѣдный, съ мутными глазами, мать воскликнула:

— Отъ тебя пахнетъ водкой и пивомъ?

— Мнѣ не на что пить шампанское,—съ цинизмомъ отвѣтилъ онъ.

Произошла дикая сцена взаимныхъ упрековъ. Потомъ онъ не разъ возвращался въ такомъ видѣ, но сценъ уже не происходило: онъ снѣшилъ улечься и заснуть; мать запиралась въ свою спальню и плакала. Онъ началъ не только пить, отъ времени до времени, но погрязать въ дешевомъ разратцѣ. Можетъ-быть, въ этомъ сказывалась неудовлетворенная дома потребность любви, ласки, нѣжности.

По его тѣлу пробѣгала теперь первая дрожь при этихъ воспоминаніяхъ. Его охватывалъ страхъ при мысли, что все это можетъ снова повториться. Излѣчился ли онъ окончательно отъ этого въ послѣдніе два года страшнаго искуса, полнаго воздержанія?

Подъ напоромъ тяжелыхъ думъ онъ прибавилъ шагу. Онъ входилъ теперь въ Александровскій паркъ. Видя вездѣ лежащихъ, сидящихъ или спящихъ на травѣ людей, пьяныя физіономіи гуляющихъ съ горя или бездѣлья мастеровыхъ и отекшія физіономіи оборванныхъ падшихъ женщинъ, пришедшихъ сюда съ голоду, слыша то тамъ, то тутъ площадныя любезности, дѣласмыя другъ другу этими людьми, и такія же ругательства, вылетающія изъ устъ этихъ людей, Рома съ горькой улыбкой вспомнилъ, что именно въ этомъ жалкомъ пріютѣ голоднаго и холоднаго уличнаго разврата онъ сдѣлалъ первый шагъ къ перерожденію.

Разъ онъ въ лѣтнія вакаціи вышелъ изъ дому и прошелъ въ паркъ какъ-то безсознательно, безцѣльно, одиноко, спасаясь изъ дома отъ праздной болтовни отца, отъ праздная молчанія матери. Онъ былъ одѣтъ въ потертое платье, но въ формѣ. Въ паркѣ онъ сѣлъ на скамью, разсѣянно смотря на людей, лежавшихъ на травѣ, на лысыхъ скатахъ крутыхъ береговъ рѣчки, огибающей крѣпость, на солдатика, тоскливо ходящаго взадъ и впередъ по валу за рѣчкою, подъ открытымъ небомъ, съ ружьемъ на плечѣ, быть-можетъ, съ тяжелыми

Digitized by Google

... семьѣ. Мастеровые ... шатаясь по парку, ... въ орлянку или для ... къ ларю съ папиросами ... мелочи, сѣрныя спички, ... въ какія-то неопредѣленныя ... не замѣтилъ, что на ... какой-то бѣлокурый молодой ... поднималась по направленію ... женщина съ тяжелой ношей бѣлья ... съ лицомъ какъ бы изъ желтаго ... очевидно, одѣта въ одно ситцевое ... безъ бѣлья; за ея мокрую юбку ... четырехъ, тоже босая, тоже въ ... скоро-скоро лепетала на неразборчивомъ ... Ломовъ смотрѣлъ на эту медленно ... вдругъ ребенокъ, заговорившись, ... кубаремъ внизъ. Въ ту же минуту, ... испуга, юноша, сидѣвшій рядомъ ... сорвался съ мѣста и бросился внизъ подни... Ломовъ видѣлъ, какъ онъ поднялъ плачущую ... платокъ, отеръ ей лицо, отряхнулъ ея ... уговаривая ее, сунулъ ей что-то въ руку. ... ребенка къ матери. Послѣдняя остановилась ... своей ношею наверху откоса и ждала, тяжело ... духъ, какъ бы пользуясь возможностью передохнуть. ... было спокойно и равнодушно, какъ лицо мертвеца. ... съ ребенкомъ, юноша выпустилъ руку дѣвочки. Она уже не плакала и только терла кулачкомъ свои голубые глазки, потягивая носикомъ воздухъ. Ухватившись снова за юбку матери, она тихо, точно по секрету, залепетала:

— Пряникъ купи...

Исхудалая женщина усмѣхнулась.

— Ишь чего захотѣла... Хлѣба нѣтъ, а пряниковъ просишь.

— Баринъ далъ, — опять залепетала дѣвочка тѣмъ же тономъ по секрету.

— Шлепковъ бы надо тебѣ надавать, а не пряниковъ, — отвѣтила мать, но сердясь, равнодушнымъ тономъ усталаго человѣка. — Ну, пойдемъ!

... проходя къ ларю съ съѣстными припасами мимо молодого человѣка, почти не глядя на него, женщина на ходу ...

Digitized by Google

— Балуете дѣвчонку!..

Ломовъ невольно обратилъ вниманіе на своего сосѣда. Это былъ довольно высокій и плотный юноша, съ густыми русыми волосами, съ здоровымъ цвѣтомъ лица, съ открытымъ взглядомъ голубыхъ глазъ. Такъ смотрятъ нерѣдко деревенскіе парни изъ хорошихъ семей, во взглядѣ что-то дѣтски застѣнчивое, въ улыбкѣ что-то женственное, во всей физіономіи много здоровья и бодрости, въ манерахъ есть угловатость, но она не лишена своеобразной граціи. Теперь юноша сидѣлъ, немного раскраснѣвшись и точно сконфузившись, глядя куда-то въ пространство помимо людей, какъ человѣкъ, сознающій, что надъ нимъ могутъ посмѣяться.

— Вы очень любите, вѣрно, дѣтей?—невольно спросилъ его Ломовъ.

Юноша точно упалъ съ неба на землю: казалось, онъ и не подозрѣвалъ, что онъ былъ на народѣ, что его слышали и видѣли. Онъ вдругъ нахмурился и отрывисто проговорилъ.

— Нервы порасшатались, ну, и сентиментальничаешь!

И точно желая оправдать себя, заторопился объяснить.

— Изъ нашего дома поденщица... ребенка даже негдѣ и не на кого оставить... А сама въ злой чахоткѣ, обречена на смерть...

На минуту онъ оборвалъ рѣчь. Потомъ искоса смущеннымъ взглядомъ окинулъ невзрачную одежду Ломова и какъ будто успокоился. Вѣроятно, сообразилъ, что этому можно говорить о бѣднякахъ. Не засмѣется. Доставъ изъ кармана портсигаръ и закуривая папиросу, онъ спросилъ:

— А вы тоже изъ учащихся?

— Правовѣдъ,—отвѣтилъ Ломовъ.

— Какъ-съ?—съ наивнымъ изумленіемъ спросилъ юноша и снова оглядѣлъ Ломова.

Ломовъ улыбнулся. Юноша вдругъ сконфузился, видя, что отъ вниманія Ломова не ускользнуло это осматриванье его одежды. Какъ пойманный врасплохъ школьникъ, онъ сталъ торопливо объяснять:

— Я удивился, что вы не въ формѣ... У васъ вѣдь тамъ форма?.. Да, да, конечно...

Ломовъ разсмѣялся.

— Какъ же можно въ формѣ сюда ходить! Неприлично!

И тутъ же добавилъ:

— А съ другой стороны она цѣлѣе будетъ...

Ему вдругъ захотѣлось похвастать своею бѣдностью пе-

Digitized by Google

родъ этимъ человѣкомъ; онъ уже нерѣдко щеголялъ этимъ, такъ какъ не могъ щеголять ничѣмъ другимъ.

— Я вѣдь тоже не богаче вонъ этого люда...

— Ну-у! — протянулъ юноша, отрицательно качая головой.—Гдѣ нашему брату сравнивать себя съ ними... Учимся мы для своего удовольствія — значитъ еще не ницше... Вы еще ребенокъ почти и не знаете, что за жизнь этого люда...

И, вдругъ сдѣлавшись совершенно серьезнымъ, онъ заговорилъ объ этой бѣдности, проводящей здѣсь иногда цѣлые дни, не имѣя ни работы, ни угла. Онъ оживился, сдѣлался краснорѣчивымъ. Онъ только третій годъ въ столицѣ, пріѣхалъ сюда изъ провинціи, его все здѣсь интересуетъ, нравы, положеніе учащейся молодежи, горе бѣдноты. Въ провинціи все иное. Бѣдность есть и тамъ, но не такая, иныя формы. Тамъ еще здоровье есть у людей и выносливость. Иногда сердце щемитъ здѣсь при видѣ этой худосочной голи. Если бы, кажется, были деньги, всѣмъ бы помогъ. Только на сорокъ рублей въ мѣсяцъ не разгуляешься, особенно при неумѣніи жить, когда въ полмѣсяца прожившь то, что надо тянуть мѣсяцъ.

— Пряники, видно, часто покупаете дѣтямъ?—пошутилъ Ломовъ, немного изумленный откровенностью провинціала.

Юноша сердечно замѣтилъ:

— Да безъ этого, голубчикъ, и жизнь не была бы красна!

Ломова поразилъ задушевный тонъ этихъ словъ.

— Я вѣдь немножко теля,—пояснилъ шутливо и добродушно юноша:—ласковое теля. Мать души во мнѣ не чаетъ, сестренки чуть не за отца меня считаютъ... Я вотъ и здѣсь нынче заболтался въ Питерѣ, потому что одна сестренка больна въ институтѣ. На лѣто я къ старшей сестрѣ ѣду съ ними, ну, а теперь позадержался здѣсь. Слава Богу, на выздоровленье у нея пошло..

Простота, сердечность, мягкость этого юноши сразу расположили Ломова въ его пользу, хотя ему и показалось страннымъ и непривычнымъ, какъ это человѣкъ такъ вдругъ разоткровенничался съ первымъ встрѣчнымъ. Ломовъ еще никогда не встрѣчался съ подобными людьми, съ юными провинціалами на чужой сторонѣ.

Когда они оба встали, чтобы идти, оказалось, что они живутъ почти по сосѣдству.

— Заходите ко мнѣ,—сказалъ Ломову юноша.—Я вотъ тутъ живу...

Digitized by Google

— Ну, а вы ко мнѣ, — отвѣтилъ Ломовъ. — Нашъ домъ вонъ тамъ... съ зелеными ставнями...

Эта случайная встрѣча скоро забылась Ломовымъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, Ломовъ немного смутился, увидавъ этого юношу входящимъ къ нимъ въ домъ. Онъ немного поморщился: кто этотъ юноша — кто его знаетъ; какъ онъ послѣ стольнихъ мѣсяцевъ вспомнилъ о немъ и зачѣмъ пришелъ—непонятное дѣло. Пріятное впечатлѣніе, оставленное имъ тогда, изгладилось; осталось одно сознаніе, что это «господинъ съ улицы». Тѣмъ не менѣе Ломовъ, по привычкѣ, усвоенной съ дѣтства, съ любезной улыбкой всталъ ему навстрѣчу. Юноша въ недоумѣніи остановился на порогѣ.

— Вы какъ здѣсь?—наивно спросилъ онъ.

Ломовъ усмѣхнулся.

— Это же наша квартира,—отвѣтилъ онъ.

— Вотъ-то не ожидалъ!—воскликнулъ гость.

— Да развѣ вы не ко мнѣ шли?

— Я къ госпожѣ Ломовой.

— Это моя мать.

— Ну, значитъ, судьба быть знакомыми. Позвольте отрекомендоваться: Борисъ Николаевичъ Иволгинъ. Мы вѣдь не весь [по сказали другъ другу даже своихъ фамилій. Сказали: «я вонъ тамъ живу», «а я вотъ тамъ, въ домѣ съ зелеными ставнями»,—и разошлись...

Онъ дружески пожалъ руку Романа и объяснилъ, что онъ познакомился съ его матерью въ институтѣ у Наташи. Романъ присмотрѣлся теперь къ его приличному виду, къ его умѣнью говорить. Онъ держалъ себя, какъ человѣкъ изъ порядочнаго общества, даже его курчавые волосы на этотъ разъ были откинуты очень красиво со лба, и Романъ Ломовъ только теперь вполнѣ разсмотрѣлъ нѣжное и красивое лицо здороваго блондина съ голубыми глазами. Иволгинъ представился Ѳеодору Романовичу.

— Вы изъ саратовскихъ? — спросилъ Ѳеодоръ Романовичъ.

— Я самъ изъ Орла, а въ Саратовской губерніи у моего дяди имѣніе,—отвѣтилъ Иволгинъ.

— Вы въ самомъ Орлѣ жили?—спросилъ Ѳеодоръ Романовичъ.

— Нѣтъ, пока отецъ былъ живъ, въ своемъ имѣніи больше жилъ,—отвѣтилъ Иволгинъ.—А теперь вся семья около сестры Вѣры пріютилась. Мы немножко черезъ мѣру

Digitized by Google

любимъ другъ друга и какъ-то не умѣемъ жить врозь. Сестра и замужемъ за однимъ изъ родственниковъ, за своимъ троюродным братомъ.

— А я думалъ, что это именно ваше имѣніе подлѣ Ломовскаго.

— Да оно и было мое. Но я сестрѣ Вѣрѣ его отдалъ. Ей нужнѣе. Она меня только содержитъ, пока совсѣмъ на ноги встану. Впрочемъ, если бы вышелъ неудачникомъ, уголъ всегда нашелся бы. Навѣрное не выгнали бы. Наша семья немножко «сердечкины»...

По его лицу скользнула мягкая улыбка. Ему, видимо, было пріятно сознавать и сознаться въ томъ, что они «сердечкины», какъ онъ выражался.

— Немножко изъ чувствительныхъ: сердца просторныя, печени вовсе нѣтъ,—пояснилъ онъ.

Ѳеодоръ Романовичъ немного загорячился: у нихъ печени нѣтъ; вѣрно, не приходилось сталкиваться съ дѣйствительною жизнью; нужно пожить въ этой жизни, тогда и печень скажется, и желчь заговоритъ. Въ нашемъ обществѣ нѣтъ и не можетъ быть людей съ здоровой печенью, безъ желчи. Оно злитъ и бѣситъ на каждомъ шагу. Все въ немъ надо бы вверхъ дномъ перевороти, камня на камнѣ не оставить. Иволгинъ выслушалъ весь этотъ бурный потокъ рѣчей и сдержанно согласился:

— Да, мы лично на подножномъ кормѣ все жили...

Но по его лицу скользнула едва замѣтная тѣнь, точно онъ не договорилъ чего-то такого, что на минуту сжало его сердце.

Ѳеодоръ Романовичъ, обрадовавшійся возможности поговорить съ новымъ человѣкомъ, продолжалъ все болѣе и болѣе горячиться, высказывая всѣ ужасы, происходящіе у насъ. Фрондерство у него въ то время уже вошло въ плоть и въ кровь. Особенно ужасно, когда человѣкъ падаетъ — изъ богача дѣлается бѣднякомъ, во вчерашнихъ друзьяхъ находитъ враговъ, вмѣсто хлѣба получаетъ камень. Тутъ вполнѣ можно узнать, каковы у насъ люди, чего стоитъ наше общество. Какъ вотъ въ такомъ положеніи не явиться печени, какъ въ такомъ положеніи не разлиться желчи.

— Ну, въ такомъ положеніи ужъ не до печени и не до желчи,—осторожно замѣтилъ Иволгинъ: —въ такомъ положеніи работа такъ умаетъ, что будешь думать только объ отдыхѣ да снѣ. Когда корабль гибнетъ, всякіе недуги забываются передъ вопросомъ: «какъ спастись?..»

Digitized by Google

Ѳеодоръ Романовичъ опять закипятился, доказывая «молодому человѣку» его неопытность, его незнаніе жизни. Въ чемъ же онъ находитъ несчастіе, если не въ этомъ переходѣ отъ богатства къ бѣдности, если не въ этомъ разочарованіи въ людяхъ? Это, и только это истинное бѣдствіе. Иволгинъ все тѣмъ же спокойнымъ и мягкимъ тономъ замѣтилъ:

— Мнѣ всего страшнѣе кажется семейный разладъ... когда нѣтъ точки опоры даже у себя въ домѣ, у своего очага... Тутъ и при богатствѣ люди бѣгутъ на сторону и въ какой-нибудь крестьянской средѣ доходятъ до разоренія, до опусканія рукъ...

Ѳеодоръ Романовичъ опять затараторилъ. Это пустяки. Ну, дружна семья, согласна, а если ѣсть нечего, что тогда изъ ея согласія? Что въ ея согласіи, если видишь общественное зло, разложеніе общества, если разочаровываешься во всемъ и во всѣхъ?

Онъ говорилъ много и спутанно, сбиваясь и захлебываясь: Иволгинъ уже не возражалъ ему и молчалъ съ разсѣяннымъ видомъ. Антонина Аркадьевна нѣсколько разъ пыталась прервать мужа, краснѣя за него, за эти изліянія, но попытки остановить его оказывались тщетными. Рома, между тѣмъ, начиналъ злиться, что отецъ завладѣлъ гостемъ; ему хотѣлось самому поговорить съ этимъ человѣкомъ, повыспросить его о многомъ. Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, что привлекаетъ его къ этому человѣку, тѣмъ не менѣе его влекло къ нему. Но Ѳеодоръ Романовичъ не выпускалъ изъ рукъ своей жертвы: онъ цѣлый вечеръ ораторствовалъ и горячился передъ «свѣжимъ человѣкомъ».

Послѣ чаю, Рома пошелъ провожать гостя, отправляясь въ училище. Онъ не выдержалъ и замѣтилъ:

— Досадно, что намъ не удалось поговорить...

Иволгинъ добродушно улыбнулся.

— Ну, въ другой разъ поговоримъ у меня...

И довольно мягко спросилъ Ломова:

— И вашъ отецъ таки-таки ничего и не дѣлаетъ, только говоритъ?

Ломовъ вспыхнулъ. Его смутила эта простая откровенность. Иволгинъ тотчасъ же поспѣшно проговорилъ:

— Вы меня простите! Онъ вашъ отецъ, вамъ это непріятно. Но... онъ самъ же жаловался на свое положеніе...

Онъ продолжалъ совсѣмъ сердечнымъ тономъ:

— Я гожусь вамъ въ старшіе братья и потому опытнѣе

Digitized by Google

васъ. Въ прошлый разъ тамъ, въ паркѣ, я уловилъ въ вашемъ собственномъ тонѣ нотку, показавшую мнѣ, что вы сердитесь на свою бѣдность...

— А развѣ этому нужно радоваться? — строптиво перебилъ Рома.

— Нѣтъ, не то... Но вы сердитесь и только?.. Это же дѣлаетъ и вашъ отецъ... Этимъ нельзя спастись ни отъ чего... можно сдѣлать только изъ жизни адъ...

Они поравнялись съ домомъ, гдѣ жилъ Иволгинъ.

— Вотъ и мое гнѣздо,—сказалъ Борисъ Николаевичъ.— Заходите какъ-нибудь ко мнѣ, я буду очень радъ...

Они простились.

Впервые въ эту ночь Романъ Ломовъ болѣе серьезно задумался о своей семьѣ, о себѣ, о выходѣ изъ тяжелаго положенія. Иволгинъ точно пробудилъ его отъ умственной спячки, далъ толчокъ его мозгу въ извѣстномъ направленіи...

Вспоминая о прошломъ, Романъ ясно сознавалъ, что въ то время онъ былъ обязанъ всѣмъ своимъ дальнѣйшимъ умственнымъ развитіемъ Иволгину. Юношѣ иногда въ тѣ дни Иволгинъ казался необыкновеннымъ человѣкомъ, чѣмъ-то недосягаемымъ. Въ сущности это былъ довольно обыкновенный человѣкъ по уму и способностямъ, но онъ былъ добръ, простъ, трезвъ. Отъ него самого и отъ образа его мыслей вѣяло счастливымъ завиднымъ здоровьемъ провинціала, сына деревни, ребенка изъ хорошей семьи. Подъ его вліяніемъ Романъ увидалъ, что стыдиться бѣдности глупо, что помочь себѣ въ нуждѣ, сидя сложа руки, нельзя, что заботиться о томъ, что скажутъ другіе, можно только тогда, когда дѣлаешь подлость, что кичиться ему вовсе нечѣмъ, такъ какъ въ сущности самый послѣдній чернорабочій и нужнѣе, и полезнѣе его, однимъ словомъ, онъ уразумѣлъ массу прописныхъ истинъ, но именно этихъ-то истинъ онъ и не зналъ прежде, хотя, можетъ-быть, и читалъ ихъ гдѣ-нибудь случайно. Подъ его же вліяніемъ онъ сдѣлался добрѣе, сталъ нѣсколько юмористически смотрѣть на свои мелкія невзгоды и на сѣтованія семьи, понялъ, что его сестра поступаетъ прекрасно, стремясь подготовиться къ труду, но что она, бѣдная, впадаетъ въ ошибку, сходясь по неопытности со всякими людьми. Вообще Иволгинъ все чаще и чаще говорилъ съ Романомъ о сестрѣ послѣдняго и иногда, заговоривъ о ней, ласкалъ Рому, какъ ребенка. Можетъ-быть, въ эти минуты, любуясь имъ, положивъ руку

Digitized by Google

на его плечо, онъ, Иволгинъ, воскрешалъ въ своей памяти черты этой дѣвушки. Юнона смутно угадывалъ любовь Бориса къ Нинѣ и, боготворя его, сердился на нее за то, что она не понимаетъ, не стоитъ этого человѣка. Именно въ эту пору Рома узналъ, что значитъ дружба, любовь, поэзія— цѣлый міръ неизвѣстныхъ ему прежде ощущеній, чувствъ, радостей...

Охваченный этими воспоминаніями, онъ дошелъ до дома, гдѣ когда-то жилъ Иволгинъ, гдѣ ждала его теперь Вѣра Николаевна Иволгина. Онъ позвонилъ, ему отперли двери, и черезъ нѣсколько минутъ его уже обнимали и цѣловали, какъ вернувшагося послѣ долгой разлуки родного, двѣ женщины. Одной было лѣтъ сорокъ пять, другой едва ли минуло восемнадцать лѣтъ. Это были Вѣра Николаевна Иволгина и Наташа Сорина.

II.

Въ домѣ, куда вступилъ Романъ Ломовъ, ему было знакомо все, начиная съ маленькой и толстой старушки хозяйки въ ея неизмѣнной ситцевой блузѣ на кокеткѣ, съ сѣдыми волосами, не покрытыми ничѣмъ и закрученными сзади въ маленькій узелокъ, и кончая допотопными слугами, мамками, нянъками, лакеями. О нихъ старушка, обращавшаяся ко всѣмъ на «ты», говорила мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ: «это, голубчикъ, все мои крѣпостные и дворовые, идти имъ некуда, вотъ они у меня и живутъ», а они, казалось, не умирали только ради того, чтобы не огорчить «матушку-барыню».

Старушка Анисья Гавриловна Аносова была вдовою заслуженнаго генерала изъ декабристовъ. По мѣсту рожденія москвичка, дочь старой дворянской семьи, жившей въ ладу съ народомъ уже потому, что средствъ было много и безъ лишнихъ поборовъ, притѣсненій и вымогательствъ, Анисья Гавриловна получила довольно серьезное образованіе, какимъ отличались въ то время нѣкоторыя изъ женщинъ ея круга. Доброта и снисходительность человѣка, сознающаго, что онъ поставленъ въ лучшее и счастливѣйшее положеніе, чѣмъ другіе, были ея отличительными чертами. Она сама шутливо замѣчала, что ей было бы стыдно быть злой. Она пережила множество перемѣнъ въ жизни и въ обществѣ, испытала потомъ много сердечнаго горя и сердечныхъ утратъ, была ходячею исторіею цѣлаго ряда событій и сумѣла, несмотря на всѣ перемѣны лицъ и вѣяній, удер-

Digitized by Google

жать за собой уваженіе людей самыхъ разнообразныхъ положеній, классовъ общества, направленій мысли. Одни говорили, что этому способствовалъ ея выдающійся умъ, другіе отыскивали въ этомъ доказательство ея хитрости, третьи приписывали это ея кротости. Дѣйствительно, кротость пережила въ старушкѣ всѣ остальныя особенности характера. Это была кротость стараго человѣка, сознавшаго, что есть въ мірѣ нѣчто высшее, чѣмъ наши мудрствованія, наши протесты, наши раздраженія, и смиренно преклонившагося передъ этимъ невѣдомымъ нѣчто — судьбою, предопредѣленіемъ, Богомъ. Съ обычной тонкой, едва уловимой, не то шутливостью, не то ироніей она говорила: «какъ проживешь чуть не сто лѣтъ, поневолѣ станешь философомъ». Сама о себѣ она говорила своимъ пѣвучимъ голосомъ, что она только совсѣмъ «простой человѣкъ». Эта простота сразу бросалась въ глаза въ ея обращеніи съ людьми, въ ея одеждѣ, въ ея обстановкѣ. «У меня, голубчикъ, все просто,— говаривала она постороннему человѣку, показывая свою квартиру: — потому что и сама я простой человѣкъ». Незнакомый съ нею человѣкъ, встрѣтясь съ нею впервые, могъ подумать, что онъ имѣетъ дѣло съ небогатенькой старушкой изъ мѣщанъ, если бы ея разговоръ не обличалъ въ ней много знающую и много читавшую личность. У нея была масса и вліятельной, и захудалой родни, хотя она давно похоронила своихъ сыновей, дочерей, внучатъ, и потому ея домъ вѣчно служилъ пристанищемъ для кого-нибудь, а ея руки, съ короткими пухлыми пальцами, вѣчно должны были вести обширную переписку,—одного изъ родныхъ приходилось пристроить, другому изъ родныхъ нужно было дать пространное наставленіе, третьяго изъ родныхъ необходимо было женить. Въ числѣ этихъ родныхъ были и Иволгины. Вѣра Николаевна постоянно останавливалась у старушки; Борисъ Николаевичъ прожилъ у старушки всѣ годы студенчества. Когда онъ сошелся съ Романомъ Ѳеодоровичемъ Ломовымъ, старушка пригрѣла послѣдняго, и онъ отдыхалъ у нея душою.

— Ну, здравствуй, здравствуй, птенчикъ изъ клѣтки, — поздоровалась она съ нимъ со своею добродушно-старческой шутливостью, подставляя ему къ губамъ руку и цѣлуя его въ лобъ. — Выпустули? Не попадайся больше! Въ чужое дѣло носа нечего совать. Ну, ихъ! Право, ну ихъ!.. Голоденъ? Нѣтъ? Ну, такъ и жди до обѣда. Помыться не хочешь ли?

Digitized by Google

— Да, освѣжусь немного,—отвѣтилъ Романъ.

— Освѣжись, освѣжись! — проговорила ласково старушка.

И, обернувшись къ старухѣ-служанкѣ, носившей въ домѣ названіе «няни», проговорила:

— Обѣдать-то, нянька, поскорѣй вели подавать, да когда придутъ изъ полиціи, доложи.

Всѣ удивились: кого ждетъ Анисья Гавриловна изъ полиціи? Старушка усмѣхнулась:

— Ахъ, дѣти, дѣти! Что-жъ вы думаете, такъ его и пустятъ безъ призора куралесить? Придетъ кто-нибудь изъ полиціи справиться деликатнымъ манеромъ, когда думаетъ господинъ Ломовъ уѣхать изъ Петербурга въ свое имѣніе. Государственнымъ человѣкомъ тоже сталъ птенчикъ-то. Теперь ужъ, поди, телеграфъ выстукиваетъ, все о немъ, о долгоязычникѣ. Я всѣ эти порядки-то знаю: Аносовы недаромъ исторію тоже въ теченіе полутора вѣка дѣлали, одни въ крѣпости сажали, другихъ самихъ туда запирали. Всего было за полтора вѣка. Все—смотря по времени.

Она вздохнула.

— Прежде только проще было, телеграфовъ не было, провожать бутырямъ такихъ-то, какъ Ромушка, приходилось, а теперь по телеграфу все, съ деликатностью... Многихъ такихъ-то изъ моего дома брали и ко мнѣ отпускали. Я человѣкъ простой, ко мнѣ всякіе шли... Разъ... время-то какъ летитъ! это чуть не сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ было... комендантъ крѣпости у меня въ гостяхъ сидѣлъ, а тутъ Николашу—племянника моего по брату—арестовать пришли. По дѣлу о дуэли замѣшанъ былъ, тогда бреттерство въ большой еще модѣ было, ну, а порядки были не нынѣшніе—строгіе...

Она усмѣхнулась опять:

— Къ ссылкѣ бѣдняжку приговорили, — для острастки, впрочемъ, только, потому всѣхъ тогда помиловали по этому дѣлу; а теперь онъ и самъ генералъ... Времена все разныя, голубчики. Мы, конечно, простые люди, въ сторонѣ стоимъ, со стороны смотримъ, намъ и странно какъ будто... А это—исторія!

Она погладила по головѣ Ломова.

— Вотъ и ты теперь изъ тюрьмы на поводьяхъ выпущенъ, чтобы не забрыкался, а, тамъ глядишь, тоже, можетъ-быть, генераломъ будешь... Ну, да я ужъ этого, голубчики, не увижу, усну...

Digitized by Google

Она иначе не говорила о смерти, какъ о снѣ. Она вздохнула и подняла поблекшіе глаза къ небу:

— Все человѣческая комедія, плачемъ, смѣемся, враждуемъ, любимъ, — уснемъ и конецъ... И что она значитъ, комедія-то эта, что значимъ мы всѣ, когда взглянешь туда, на это небо... Тамъ миріады звѣздъ, и каждая звѣздочка отдѣльный міръ со своею судьбою, со своею жизнью, съ тысячелѣтіями развитія, превращеній, переворотовъ... что же значитъ передъ этимъ паша человѣческая комедія?.. Бабочка — родилась, расправила трепещущія крылышки, покрасовалась минуту на солнышкѣ — и нѣтъ ея... нѣтъ, голубчики!

Она задумчиво усѣлась у окна, глядя на зеленѣвшій предъ окнами за Ждановкой Петровскій паркъ, гдѣ на берегу играли и рѣзвились дѣти, на голубое небо, гдѣ, казалось, каждый атомъ былъ озаренъ и согрѣтъ яркимъ солнцемъ теплой весны.

Рома прошелъ въ кухню мыть лицо. Онъ довольно быстро вернулся обратно, освѣженный водой, немного разрумянившійся.

— Ну, омылся отъ тюремнаго праха? — пошутила старушка.—Теперь будь молодцомъ.

Онъ опять поцѣловалъ ея руку.

Вѣра Николаевна Иволгина, невысокая, коренастая и загорѣлая женщина, и Наташа Сорина, бѣлокуренькая и румяная дѣвушка, не утратившая даже въ институтѣ деревенской свѣжести и деревенскаго здоровья, уже разспрашивали Рому о годахъ тюремнаго заключенія. Онъ заговорилъ горячо и много не только по привычкѣ, но потому, что онъ такъ долго былъ лишенъ возможности говорить такъ, какъ бы хотѣлось.

— Меня арестовали совершенно неожиданно для меня самого, — говорилъ Ломовъ, отвѣчая на разспросы Иволгиной и Наташи. — Послѣ отъѣзда Бориса, я сблизился съ кружкомъ не только студенческой, но и другой молодежи; изъ нея-то и попались вмѣстѣ со мной очень многіе. Всѣхъ насъ захватили совершенно неожиданно и, можетъ-быть, всего неожиданнѣе былъ арестъ для меня.

— Да ты постой,—перебила его старушка Аносова:—ты съ этой молодежью что же затѣвалъ: комплотъ какой-нибудь устроить или книжку запрещенную прочитать? Вѣдь берутъ-то за разное.

— Я ничего не затѣвалъ, а что затѣвали они — я не

Digitized by Google

знать и въ этомъ-то и была вся моя бѣда, — отвѣтилъ Рома. — Болтался я среди разнаго народа и, слава Богу еще, что не по подозрѣнію въ какомъ-нибудь мошенничествѣ былъ взятъ. Хотя нелегко было и такъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ поплатиться за что-то непонятное, несознанное, неизвѣстное. Правда, я говорилъ, можетъ-быть, нерѣдко крайне рѣзко, крайне раздражительно. Но кто же говоритъ теперь безъ желчи, безъ раздраженія обо всемъ, что дѣлается въ обществѣ? Мой отецъ—и тотъ протестуетъ, возмущается, требуетъ перемѣнъ. Не знаетъ самъ, какія перемѣны нужны, но все же кричитъ о нихъ. Тоже опасный человѣкъ!.. А я—я именно въ то время познакомился ближе или, лучше сказать, узналъ впервые вполнѣ жизнь нашего общества, положеніе дѣлъ, темныя стороны существующихъ человѣческихъ отношеній, воображалъ, что только у насъ и существуютъ всякіе безпорядки...

— Прежде только и зналъ, что безъ перчатокъ ходить неприлично,—вставила Аносова.

— Все это подняло во мнѣ цѣлую бурю вопросовъ, сомнѣній, раздраженій, — продолжалъ Ломовъ. — Я съ жадностью сталъ читать новыя книги, изслѣдованія, трактаты, Миллей, Дарвиновъ, Спенсеровъ, Боклей, Гартмановъ; я бѣжалъ къ товарищамъ спорить, обсуждать, искать отвѣтовъ. Вѣдь нельзя же было жить такъ, какъ жили отецъ, мать, негодующіе и безпомощные...

Старушка остановила его.

— Ну, хорошо, хорошо, такъ и будемъ знать, что комплотовъ ты не дѣлалъ, а читалъ книжки, пѣтушился и неудовольствія заявлялъ, а теперь говори по порядку, какъ васъ захватили. Не люблю я, когда скачутъ въ разсказѣ, сперва середину скажутъ, потомъ начало, а тамъ вдругъ и конецъ.

Романъ вздохнулъ, внезапно оборвавъ рѣчь.

— О, вамъ часто придется прерывать меня, — грустно сказалъ онъ. — За послѣдніе два года я началъ думать какъ-то... скачками и зигзагами. Начну объ одномъ, потомъ подвернется новая мысль, ухвачусь за нее, точно боясь ее потерять, а тамъ...

Аносова ласково перебила его:

— Ну, это пройдетъ, голубчикъ, это отъ двухлѣтняго одиночества... Другіе, голубчикъ, что подолгу сидѣли, слова многія позабывали. Вотъ Батенковъ, съ нимъ это было. Ты-то, слава Богу, молодъ и сидѣлъ недолго...

Digitized by Google

Наташа тихо проговорила:

— Недолго! цѣлыхъ два года!..

Старушка взглянула на нее съ грустной улыбкой:

— Десятки лѣтъ, птичка, сидѣли иные. Вотъ почитай Сильвіо Пелико...

И положивъ свою руку на ея руку, закончила:

— Есть и такіе, что вся жизнь одно тюремное заключеніе, — живутъ на свободѣ, а жизнь хуже тюрьмы. Каждому своя доля, свой крестъ.

Романъ началъ разсказывать по порядку. Это была простая и старая исторія юноши, случайно познакомившагося съ опасными людьми, не будучи ихъ сообщникомъ, не раздѣляя и даже не зная вполнѣ ихъ убѣжденій. Чѣмъ менѣе зналъ онъ замыслы и планы своихъ случайныхъ знакомыхъ, тѣмъ страшнѣе отозвался на немъ арестъ. Его знакомые платились за что-нибудь, онъ ни за что, ссли не считать виною неосторожность неопытнаго и легкомысленнаго человѣка. Но оскорбляло не одно это подозрѣніе безъ вины, оскорбляло, можетъ-быть, еще болѣе то, что онъ два-три года чуть не ежедневно видѣлся, говорилъ съ людьми и, въ сущности, не зналъ, кто они, что они дѣлаютъ, какими средствами стремятся къ извѣстной цѣли. На допросахъ ему говорили, что онъ притворяется, скрытничаетъ, что онъ долженъ многое знать, посѣщавъ чуть не ежедневно всѣхъ этихъ людей. Его отрицаніямъ не вѣрили, и это было вполнѣ понятно, вполнѣ естественно. Допрашивающіе не знали, что онъ за человѣкъ, какъ на него смотрѣли его случайные знакомые, скорѣе опасавшіеся его, чѣмъ стремившіеся привлечь его къ себѣ. Послѣ допросовъ онъ мучился вопросами: почему онъ не былъ посвященъ ни во что? Вѣроятно, эти люди считали его полнѣйшимъ ничтожествомъ, ненадежнымъ? Можетъ-быть, они презирали его въ душѣ? Въ самомъ дѣлѣ, что онъ такое? Баринъ, бѣлоручка, избалованный человѣкъ и только. Но неужели же только? Неужели всѣ его стремленія и порывы къ добру и правдѣ только что-то напускное, простое щеголянье фразами? У него сердце разрывалось на части, ему хотѣлось крикнуть громко всѣмъ и каждому: «вы лжете, что это напускное, это мои плоть и кровь». Онъ почти ненавидѣлъ въ это время этихъ людей, не посвятившихъ его въ свои тайны. Потомъ наступила реакція, что-то подсказывало ему: да, они правы, ты фразеръ и больше ничего. Умѣешь говорить, а для какого бы то ни было дѣла нѣтъ ни силъ, ни выносливости, ни вы-

Digitized by Google

держки. Ему вспоминались мелочи его будничной жизни. Въ немъ развили въ дѣтствѣ брезгливость, но для чистоплотности ему нужны были слуги. Набить себѣ сотню папиросъ за разъ и прибрать оставшуюся пыль, на это у него не хватало терпѣнія, и цѣлые дни у него всюду валялись гильзы, былъ разсыпанъ табакъ. Разсчитать, что ему нельзя лечь спать въ дневной сорочкѣ, такъ какъ она должна служить и завтра, это ему приходило въ голову только тогда, когда по утру онъ видѣлъ, что сорочка грязна и измята, а чистой нѣтъ. Вставъ утромъ, онъ забывалъ прибрать постель, точно кто-то другой придетъ сдѣлать это, но этотъ другой не приходилъ, и постель оставалась въ безпорядкѣ. Мало-по-малу его комната приняла отвратительный видъ безпорядка и опротивѣла ему, барчуку, но этотъ безпорядокъ не пріучилъ его дѣлать все то, что прежде за него дѣлали другіе. Вспоминая эти мелочи, онъ думалъ: гдѣ же мнѣ дѣлать какое-нибудь болѣе крупное дѣло, когда я не способенъ былъ даже свою жизнь устроить такъ, какъ хотѣлось бы; слуги нужны, нужны люди, которые все дѣлали бы за меня, а я только удобствами пользовался бы.

Въ этотъ страшный періодъ смутныхъ душевныхъ волненій онъ дошелъ до того, что съ нимъ сдѣлалась нервная горячка...

— Трудно понять, до какого душевнаго состоянія дошелъ я, но вотъ фактъ, — въ волненіи разсказывалъ Романъ.— Въ углу около окна моей кельи большой паукъ раскинулъ паутину. Я сталъ по цѣлымъ часамъ наблюдать за его тонкой работой, стараясь ни о чемъ не думать, стараясь успокоить свои нервы. Какъ-то инстинктивно я угадывалъ, что я сойду съ ума, если буду думать все въ томъ же направленіи, все о себѣ и только о себѣ. Мнѣ казалось, что эти наблюденія за пауком спасутъ меня. Въ одинъ прекрасный день около паутины стала летать большая осенняя муха. Ее немолчное жужжанье мало-по-малу начало раздражать мои больные нервы. Я ощущалъ какое-то новое чувство въ эту минуту, чувство злобы на эту муху, нарушавшую мое спокойствіе. Я попробовалъ лечь и забыться сномъ. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ, и я сознавалъ, что мнѣ мѣшаетъ спать именно жужжанье этой мухи, ея перелеты отъ меня къ окну и отъ окна ко мнѣ. Не будь ея,—я спалъ бы совершенно спокойно. Я ворочался съ боку на бокъ, а жужжанье все не смолкало. Возбужденный, я вскочилъ и побѣжалъ къ окну. Паукъ сидѣлъ въ серединѣ своей паутины

Digitized by Google

и, повидимому, тоже сторожилъ эту муху. Я началъ ее ловить, мечась за нею съ какимъ-то бѣшенымъ остервенѣніемъ. Наконецъ, мнѣ удалось ее поймать и я со злобой, ругаясь вслухъ, швырнулъ ее въ паутину. Паукъ въ испугѣ отскочилъ въ сторону, а муха забилась, запутавшись въ паутинѣ. Ея жужжанье приняло, какъ мнѣ показалось, какой-то тревожный жалобный характеръ. Прошло нѣсколько мгновеній, и паукъ, оправившись отъ испуга, бросился на свою жертву. Я усталый, съ проступившимъ на лбу потомъ, наблюдалъ. Наконецъ, мнѣ показалось, что муха жалобно застонала, охваченная паукомъ. Я, казалось мнѣ, видѣлъ ея послѣднія предсмертныя муки, и по моему тѣлу пробѣжала странная дрожь, точно я сдѣлалъ преступленіе. «И за что, за что это?—спрашивалъ я себя.—Помѣшала! Самъ въ тюрьмѣ, а вотъ что дѣлаю!» Я вдругъ нервно, какъ больной ребенокъ, началъ рыдать, потомъ внезапно вскочилъ, сорвалъ паутину, растопталъ ногами и муху, и паука, затѣмъ быстро бросился снова на койку. У меня горѣла голова, мысли мутились. Я съ какимъ-то ужасомъ глядѣлъ на полъ, гдѣ только-что успѣлъ растоптать этихъ насѣкомыхъ. Мнѣ казалось, что на полу остались ихъ слѣды, слѣды крови. Я провелъ рукой по головѣ. Меня что-то душило. Воротъ рубашки давилъ горло. Я началъ его тянуть, рвать. «Убійца! Убійца! Злодѣй!» — шепталъ я безсознательно, а передъ моими глазами спускался громадный паукъ съ мухою въ лапахъ. Я попробовалъ отмахнуться отъ него рукою, но силъ уже не было. Я хотѣлъ крикнуть, но въ горлѣ было сухо. Я закрылъ глаза и впалъ въ забытье...

И вдругъ, неожиданно оборвавъ себя, онъ съ ѣдкою горечью добавилъ:

— Можетъ-быть, нервы менѣе были бы разстроены, если бы прежде я не пріучилъ себя успокаивать ихъ иногда пьянствомъ...

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

Романъ минутъ пять говорилъ сидя, потомъ, уже охваченный волненьемъ, онъ вскочилъ съ мѣста и сталъ разсказывать, ходя по комнатѣ. Было нѣсколько тяжело смотрѣть на него, какъ онъ по привычкѣ ходилъ большею частью не взадъ и впередъ, а кружился почти на одномъ мѣстѣ, нѣсколько заплетая ногами и раскачиваясь туловищемъ — это были еще слѣды тюремной кельи. Наконецъ, старушка Аносова немного спустя послѣ окончанія его разсказа, мягко замѣтила ему:

Digitized by Google

— Ты бы, голубчикъ, вдоль комнаты ходилъ, а то голова закружится такъ-то.

Онъ очнулся и съ грустной улыбкой отвѣтилъ:

— Въ два года привыкъ...

— Знаю, знаю! Саша, внукъ мой... уснулъ онъ ужъ теперь, несчастный... послѣ того, какъ по дѣлу ста девяносто трехъ попался, тоже по выходѣ изъ-подъ ареста такъ же сначала кружился, долго не могъ отвыкнуть...

У Наташи перехватило дыханіе. Ей стало такъ жаль Рому, какъ матери бываетъ жаль больного ребенка. Она порывисто встала и отвернулась къ окну, чтобы скрыть душившія ее слезы. Аносова кивнула присутствующимъ головою въ ея сторону и махнула рукой Ломову, какъ бы прося его прекратить разсказъ. Рома умолкъ и подошелъ къ Наташѣ.

— Наташа, полно!—ласково проговорилъ онъ.

Она сквозь слезы прошептала:

— Это ужасно, такъ ни за что столько вынесъ...

— И всѣ въ мірѣ, Наташа, ни за что выносятъ и горе, и невзгоды, — мрачно сказалъ онъ. — Это участь людей. Жизнь—долгая пытка невинныхъ.

Онъ обнялъ ее за талію, она припала къ его плечу головой, все еще продолжая плакать.

— Теперь всѣ, всѣ мы должны тебя беречь, — полудѣтскимъ тономъ заговорила она:—чтобы ты все забылъ...

Онъ усмѣхнулся.

— Тюрьму-то — эту несчастную случайность, это бревно на ровномъ пути,—я завтра же забуду, а что привилось до нея, что передумалось въ ней—это не забудется...

Нянька пришла сказать, что обѣдъ поданъ. За обѣдомъ заговорили о деревнѣ. Романъ замѣтилъ:

— Съ страннымъ чувствомъ я ѣду теперь въ деревню. Точно на смерть, въ могилу...

— Что это ты, Рома!—воскликнула Наташа.—Наше-то Ломовское—могила.

— Да, ты помнишь, съ какимъ восторгомъ я вырывался туда съ тобою два лѣта подъ рядъ, а теперь... уже одно сознаніе, что я не буду имѣть права оттуда выѣхать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, отравитъ все. Все будетъ казаться, что я въ тюрьмѣ...

Наташа перебила его.

— Ну, если и въ тюрьмѣ, то съ нами вмѣстѣ. Мы всѣ, всѣ вѣдь будемъ около тебя!

Digitized by Google

— Да, да, всѣ,—задумчиво проговорилъ онъ.—Это значительно облегчитъ пребываніе тамъ... Но что я буду дѣлать? Едва ли мнѣ будетъ доступна какая-нибудь дѣятельность. Вѣдь и на это придется спрашивать позволеніе. Всю жизнь я самъ себѣ искалѣчилъ. А главное: на что я способенъ, на что годенъ тамъ?..

Старушка Аносова перебила его:

— Не думай ты о будущемъ впередъ, придетъ оно само собою... Я вотъ съ молодости пріучила себя не думать о завтрашнемъ днѣ, потому что онъ всегда бываетъ не такимъ, какимъ его воображаешь наканунѣ. И какимъ его ни представляй—всегда обманешься и разочаруешься. Что же лишнее-то горе себѣ создавать?.. Горя и такъ много. Жизнь—тяжелый крестъ для всѣхъ, кто думаетъ и чувствуетъ... Ты вотъ говоришь, что тебя тяжелая жизнь ждетъ. Что-жъ, одного тебя она ждетъ?

Она обернулась и указала на Вѣру Николаевну.

— Ты вотъ спроси Вѣрочку, легко ей было пережить эти три года? Сперва мать и сестра умерли. Потомъ въ недѣлю мужа и сына потеряла, одна осталась. Ты говоришь, у тебя теперь дѣятельности не будетъ. У нея если и будетъ дѣятельность, если и есть дѣятельность, такъ всегда есть и сознаніе: «для кого, для чего?» Нѣтъ тѣхъ, кто бы ободрилъ на эту дѣятельность, кто бы порадовался ей. А живетъ, будетъ жить!

И съ чисто-материнской нѣжностью доброй старухи она привѣтливо улыбнулась Вѣрѣ Николаевнѣ.

— Ты спроси ее, что я ей написала послѣ ея потерь: сперва она покончить съ собой хотѣла, потомъ въ монастырь хотѣла идти, а я ей написала: «голубка моя, что же останется дѣлать народу, у котораго такое-то горе, какъ твое, только царапинами считается?» И задумалась она, и покорилась она, и взяла свой крестъ... А вотъ теперь, смотри, бодрая, живая, любящая попрежнему, живетъ, не имѣя своей семьи, для большой семьи, для людей... Спроси бабъ въ деревнѣ и ребятишекъ, всѣ за Вѣрочку Бога молятъ; спроси Наташу, почему она Ломовское особенно любитъ,—потому что въ немъ Вѣрочка живетъ...

Наташа потянула къ себѣ Вѣру Николаевну и звонко поцѣловала ее. Старушка засмѣялась.

— Видишь, поцѣлуями платитъ: та для нея и ей подобныхъ жить осталась, а онѣ ей ласками платятъ... И дешево, голубчикъ, и дорого... кто какъ цѣнитъ...

Digitized by Google

И уже совсѣмъ шутливымъ тономъ, уловивъ выраженіе лица Ромы, она добавила:

— Ну, сейчасъ распѣтушится нашъ Ромушка и заговоритъ, что люди чаще всего черною неблагодарностью платятъ...

Всѣ разсмѣялись, и даже Романъ не воздержался отъ улыбки.

Старушка похлопала его по рукѣ своею пухлою рукой съ короткими пальцами:

— Такъ вѣдь, голубчикъ, хотѣлъ это мнѣ, старухѣ, замѣтить?

Онъ утвердительно кивнулъ съ улыбкою головой. Она совсѣмъ серьезно и наставительно замѣтила ему:

— Никогда шагу не дѣлай въ расчетѣ на отдачу съ процентами. Ростовщичество—послѣднее дѣло.

И снова, впадая въ шутливый тонъ, она заговорила:

— У меня вотъ моя belle-mère, вольтерьянка екатерининскихъ временъ, всегда передъ новымъ годомъ и передъ святой въ монастырь на богомолье ѣздила. Принесутъ ей это лакеи стуликъ складной въ церковь, коврикъ передъ нею разстелютъ, станетъ она на колѣни и молится всю обѣдню на французскомъ діалектѣ, а сама въ полголоса шепчетъ: «ты видишь, Господи, я молюсь, молюсь». И потомъ очень сердилась и дулась на Господа Бога, если ея мужу не давали къ празднику ордена, чина или аренды.

Наташа засмѣялась дѣтскимъ, безпечнымъ смѣхомъ и пристала къ «бабушкѣ», какъ всѣ звали Аносову, чтобы она разсказала что-нибудь еще. Аносова была ходячею исторіею нашего прошлаго. Обладая обширною опытностью и свѣжею памятью, она не безъ своеобразнаго юмора умѣла разсказывать о прошлыхъ временахъ, событіяхъ, лицахъ. Давно уже она писала свои мемуары или, какъ она говорила, «лѣтопись». Подшучивая надъ Наташей, что та «еще сказки любитъ», Аносова заговорила о прошломъ и въ этихъ разсказахъ, точно подъ чтеніе вслухъ, незамѣтно прошелъ вечеръ. Разсказы старушки навѣяли на всѣхъ тихое и мирное настроеніе, точно перенесли всѣхъ далеко-далеко отъ настоящаго дня, отъ ихъ личныхъ мелкихъ и крупныхъ печалей.

Весь охваченный этимъ тихимъ настроеніемъ, Романъ прошелъ послѣ вечерняго чая спать въ отведенную ему комнату.

Эта комната была давно знакома ему: ее когда-то зани-

Digitized by Google

малъ Иволгинъ. Въ ней было все по-старому, та же старая мебель краснаго дерева, тѣ же большіе образа съ теплющеюся передъ ними лампадою. Не было только книгъ, человѣческихъ костей, черепа на письменномъ столѣ. Романъ, войдя въ нее, невольно вспомнилъ стихи Огарева:

Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла тамъ...

Онъ подошелъ къ окну, распахнулъ его, засмотрѣлся на охваченный вечерними тѣнями Петровскій паркъ съ широкоразросшимися вдоль берега кустами, и въ его памяти воскресъ другой вечеръ...

Разъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія Иволгина въ домъ Ломовыхъ, Рома провожалъ Бориса Николаевича. Они дошли до небольшого дома-особняка.

Иволгинъ остановился.

— Я здѣсь живу. Вы спать не хотите? Нѣтъ? Ну, такъ зайдемте ко мнѣ. Вы еще ни разу не были у меня.

Они зашли въ небольшую чистенькую квартирку въ этомъ деревянномъ домѣ. Служанка, отворившая имъ дверь, посвѣтила имъ, пока они пробирались по коридору, заставленному кованными сундуками съ большими шкапами, къ комнатѣ Иволгина. Это была просторная, скромно обставленная комнатка съ желѣзной кроватью у стѣны, съ старинными темными образами въ углу, съ двумя окнами на Ждановку. Иволгинъ распахнулъ окно.

— Чудная ночь!—сказалъ онъ, глядя въ бѣловатое пространство.—Я страстно люблю эти сѣверныя бѣлыя ночи: онѣ не навѣваютъ мнѣ сладкихъ грёзъ, онѣ не приводятъ меня въ веселое настроеніе, онѣ какъ-то щемятъ сердце, а, между тѣмъ, я люблю ихъ. Въ этой бѣлой фантастической мглѣ, въ этомъ «ни день, ни ночь, ни свѣтъ, ни тьма» въ душѣ ощущается какая-то безотчетная кроткая грусть, и въ головѣ тихо развиваются думы о жизни, о людяхъ, о прошломъ, о будущемъ...

Рома до этой поры никогда не задавалъ себѣ вопроса, любилъ ли онъ эти ночи или нѣтъ. Да и никто въ его семьѣ не интересовался подобными вопросами. Имъ, петербуржцамъ, окруженнымъ блескомъ роскоши, вращавшимся въ большомъ свѣтѣ, была совершенно чужда природа; никогда ея власть не отражалась на ихъ настроеніи, на ихъ характерѣ. Они гуляли въ условное время лѣтомъ, по подчищеннымъ прямолинейнымъ аллеямъ петергофскаго сада, они ѣздили въ извѣстную опредѣленную пору весною на

Digitized by Google

«Стрѣлку», они въ назначенные часы проходили зимою по Дворцовой набережной, они знали, что лѣтомъ тепло и бываютъ иногда дожди, а зимой холодно и бываетъ иногда снѣгъ,—и только. Правда, иногда у нихъ говорили о погодѣ, и говорившіе о ней были самыми смѣшными людьми, такъ какъ говорилъ о погодѣ только тотъ, кто уже ни о чемъ больше не умѣлъ говорить. Надъ этими людьми подтрунивали: «придетъ и начнетъ говорить о погодѣ». Болѣе умные умѣли говорить о послѣднихъ модахъ, о балахъ и спектакляхъ, о великосвѣтскихъ сплетняхъ... Рома стоялъ у окна, около присѣвшаго на подоконникъ Иволгина. Въ окно плылъ мягкій теплый воздухъ. Кругомъ было тихо и безмятежно. Все было залито какимъ-то бѣлесоватымъ волшебнымъ свѣтомъ, точно внизу у подножія деревьевъ разлилось расплавленное серебро, мерцающее и сверкающее... Впервые въ жизни, Ломовъ почувствовалъ прелесть этой тишины, этого покоя природы. Иволгинъ обратился къ нему, молча взялъ его за руку и мягко проговорилъ:

— Простите, что я врываюсь въ вашу душевную жизнь, но мнѣ кажется, что вы, какъ и ваша бѣдная сестра, очень несчастны.

На мгновенье лицо Ромы вспыхнуло румянцемъ, его рука дрогнула въ рукѣ Иволгина. Юноша почувствовалъ почти обиду, такъ непривычно было для него, чтобы кто-нибудь посторонній смѣлъ говорить ему о ихъ положеніи. Но это ощущеніе длилось только нѣсколько мгновеній. Иволгинъ удержалъ его руку въ своей рукѣ, крѣпко и дружески пожавъ ее.

— Я говорю не о вашемъ матеріальномъ положеніи, а о томъ, что вы съ сестрою очень одиноки въ семьѣ...

И, притянувъ его ближе къ себѣ, онъ продолжалъ:

— Вотъ вашъ отецъ все говоритъ объ ужасахъ превращенія богача въ бѣдняка, о разочарованіи въ мнимыхъ друзьяхъ, о печени и желчи... Все это пустяки, когда люди живутъ въ своей семьѣ, въ извѣстномъ кружкѣ полною сердечною жизнью, имѣютъ спасительныя привязанности, безъ чего жизнь сущій адъ...

И, продолжая сидѣть на подоконникѣ, держа руку Ромы, онъ заговорилъ о любви, какъ онъ понималъ ее. Онъ съ дѣтства росъ въ любящей семьѣ; его мать была всегда хорошей помѣщицей; когда настало время освобожденія, крестьяне не спорили съ ней, она не спорила съ ними; такъ они и остались въ деревнѣ, какъ въ своей семьѣ. Матери

Digitized by Google

нелегко было охранить дѣтей отъ разныхъ огорченій, потому что—несчастныя случайности бываютъ вездѣ—у нихъ были тоже темныя стороны въ домашней обстановкѣ. Иволгинъ не сказалъ, какія были эти темныя стороны, ему не хотѣлось говорить, что у него былъ отецъ-тиранъ, развратникъ, пьяница, одинъ изъ деспотовъ и самодуровъ, являющихся бичами въ родной семьѣ и среди подвластныхъ имъ людей. Иволгинъ только замѣтилъ коротко, что у его матери достало силъ защитить дѣтей отъ всякой грязи и распущенности, отъ дурныхъ примѣровъ и безсердечія. Это былъ подвигъ всей ея жизни, не случайное геройство, а тяжелое подвижничество, продолжавшееся изо дня въ день многіе годы. Ей помогли въ этомъ случаѣ и ея собственныя нравственныя и умственныя силы, и нравственная поддержка Анисьи Гавриловны, и, наконецъ, любовь дѣтей.

— Мать страдала, но она спасла насъ отъ нравственныхъ страданій, — сказалъ онъ: — и научила насъ любить людей, прежде чѣмъ мы научились ихъ ненавидѣть...

Это положеніе развило въ немъ любовь ко всѣмъ, къ матери, къ сестрамъ, къ крестьянамъ, къ родинѣ, къ родной природѣ, ко всему, что говорило ему объ этихъ предметахъ—къ крестьянской пѣснѣ, къ русской поэзіи, къ русской литературѣ. Съ этой любовью онъ вошелъ въ свѣтъ — и что бы ему ни пришлось испытать въ жизни, онъ, вѣроятно, перенесетъ все если не спокойно, то стойко.

— Въ вашей семьѣ, — закончилъ онъ: — кажется, менѣе всего развитъ этотъ элементъ любви ко всему, что слѣдуетъ любить... Я замѣтилъ это по вашей сестрѣ, она какъ-то пугливо сторонится отъ малѣйшей попытки къ сближенію.

Онъ вздохнулъ.

— Бѣдная дѣвушка! Присматриваясь къ ней, видишь, какъ она стремится выбиться на новую дорогу, стать самостоятельно на ноги, превратиться въ иное существо. Природа дала ей много; житейскія условія не только не дали ничего, но и были направлены къ тому, чтобы убить данное природою... Именно теперь ей нужна бы поддержка любящаго друга... Къ несчастію, она, какъ лепестки «не тронь меня», сжимается отъ перваго прикосновенія... Ей не внушили съ дѣтства вѣры въ ближнихъ, жажды ихъ любви, порывовъ къ ихъ участію.

Онъ заговорилъ о томъ, что нѣтъ ничего болѣе отраднаго, какъ участіе ближнихъ. Романъ изумился. Онъ всегда считалъ, что его унижаютъ, когда хотятъ доставить ему удо-

Digitized by Google

вольствіе, помочь ему. Упорно скрывать свои огорченія и печали отъ всѣхъ — этому учили его съ дѣтства, объясняя ему, что это значитъ «дорожить своимъ достоинствомъ». Иволгинъ теперь говорилъ ему, что нѣтъ ничего отраднѣе, какъ имѣть возможность поддержать ближняго и знать, что ближній поддержитъ тебя самого. Онъ притянулъ еще ближе къ себѣ Рому и нѣжно поцѣловалъ его.

— Я былъ бы счастливъ, если бы вы видѣли во мнѣ такого друга и были въ свою очередь такимъ другомъ для меня,—сказалъ онъ.

И, всматриваясь въ лицо Ромы, въ раздумьи, какъ бы про себя, проговорилъ:

— Странно, иногда вы кажетесь мнѣ замѣчательно похожимъ на вашу сестру, иногда же — въ васъ нѣтъ ничего общаго... Какъ былъ бы я счастливъ, если-бы и вы, и она поняли, что я искренно привязался къ вамъ, что я желаю вамъ обоимъ добра...

Когда поздно ночью Рома вышелъ отъ Иволгина, онъ былъ въ какомъ-то чаду; онъ узналъ въ эту ночь о массѣ новыхъ вещей: онъ и не подозрѣвалъ прежде о ихъ существованіи. Семейныя привязанности, настолько сильныя, что ради нихъ люди готовы жертвовать собою; родной народъ, кормящій всѣхъ въ потѣ лица и заслуживающій того, чтобы каждый честный человѣкъ посильно работалъ въ свою очередь для него; родныя поэзія и литература, такъ или иначе будящія честныя и добрыя чувства въ людяхъ; прелести родной природы, волнующія сердца и фантастическими бѣлыми ночами сѣвера, и волшебными, звѣздными, прозрачными въ самой своей тьмѣ ночами юга, все это охватило его въ разсказахъ Иволгина какимъ-то новымъ вѣяніемъ, новой жизнью, гдѣ не играли никакой роли кровныя лошади, модные экипажи, богатыя палаты, мелкія будничныя лишенія, условности искусственно-созданной кастовой жизни.

Довольно скоро понялъ Рома, что часть ласкъ, часть нѣжности со стороны Иволгина относится не къ нему, а къ его сестрѣ, что молодой человѣкъ страстно влюбленъ въ Нину, но это не охладило Рому къ Иволгину, а только пробудило въ немъ негодованіе на сестру. Какъ то она не можетъ понять, что тотъ безъ ума отъ нея? Разъ онъ сказалъ ей, что Иволгинъ влюбленъ въ нее. Она насмѣшливо отвѣтила, что ей странно, какъ можетъ Иволгинъ избирать своимъ повѣреннымъ «мальчишку». Рома разгорячился: Иволгинъ

Digitized by Google

никогда не избиралъ его повѣреннымъ. Онъ самъ это угадалъ. Да это и она видитъ. Но она бездушная кокетка и больше ничего. Сестра прикрикнула на дерзкаго мальчишку. Какъ онъ смѣетъ это говорить? И что такое Иволгинъ? Студентъ? Провинціалъ? Даетъ ей туда же совѣты! Хочетъ быть руководителемъ ея! Что онъ самъ знаетъ? Кончилъ курсъ гдѣ-то въ гимназіи, рѣжетъ теперь трупы и воображаетъ себя ученымъ.

— Да въ его мизинцѣ больше ума и чувства, чѣмъ во всей тебѣ, — запальчиво разругался Рома. — Развѣ у тебя есть душа? Развѣ у тебя есть сердце? Тряпичница! Нарядная кукла!

— Уходи вонъ, противный грубіянъ!—обрывала она его.

Но онъ не уходилъ: онъ былъ братъ, онъ имѣлъ право не слушаться, ходить за ней по пятамъ, ругаться съ нею.

И въ страстномъ увлеченіи мальчика, вступающаго въ юношество, онъ, наперекоръ «бездушной кокеткѣ», превозносилъ Иволгина, не сознавая, что именно этими восторженными похвалами онъ только вооружаетъ противъ Иволгина свою сестру. Ей было отчасти непонятно, отчасти досадно все то, за что хвалилъ его Рома. Иволгинъ понимаетъ поэзію, знаетъ Россію, любитъ народъ, восхищается природой. Все это было покуда чуждо ей, какъ было чуждо и ея брату, покуда онъ не сошелся съ Иволгинымъ, покуда онъ не провелъ лѣта въ Ломовскомъ. Братъ не могъ понять, что его сестра могла бы только «снизойдти» въ ту пору до любви къ Иволгину, и ставилъ послѣдняго на недостижимый пьедесталъ, отталкивая ее именно этимъ отъ молодого человѣка. Она со своей стороны не могла понять, какъ можетъ влюбленный человѣкъ относиться къ ней такъ, какъ Иволгинъ: онъ не выражалъ передъ нею удивленія, не видѣлъ, какъ казалось, въ ея поступкахъ подвижничества, но старался давать ей совѣты, дѣлать ей указанія, подталкивать ее идти впередъ,—это только оскорбляло ея гордость, а не говорило ей, что около нея стоитъ преданный другъ, готовый беззавѣтно вести ее впередъ и впередъ на лучшую дорогу. Они были различными натурами, дѣтьми различныхъ семействъ, и ихъ привязанности выражались совершенно различно: ей нуженъ былъ поклонникъ, рабъ, пресмыкающійся въ пыли, воскуряющій ѳиміамъ у алтаря своей богини-повелительницы; ему грезилось, что любовь—это взаимное равенство, взаимная поддержка, взаимное совершенствованіе на трудномъ и тернистомъ пути жизни. Все время ихъ зна-

Digitized by Google

комства было какимъ-то безсознательнымъ разрываніемъ между собою пропасти, и только послѣ исторіи съ картиной Иволгинъ очнулся: пропасть была между ними уже разрыта. Что произошло съ нимъ въ этотъ роковой день—это зналъ одинъ онъ. Когда Рома зашелъ къ нему черезъ день или два, онъ былъ боленъ; черезъ недѣлю его уже не было въ Петербургѣ: къ нему пришла страшная вѣсть о смерти сестры матери отъ дифтерита. Это былъ тяжелый ударъ для Иволгина, но, можетъ-быть, именно этотъ ударъ спасъ его отъ всякихъ безумствъ, совершаемыхъ нерѣдко влюбленными идеалистами, отвергнутыми безпощадно и грубо любимой женщиной...

Ложась въ постель, Романъ долго думалъ о своемъ другѣ. Какъ онъ перенесъ свои утраты? Чѣмъ онъ сталъ теперь? Счастливъ ли онъ? Но, думая о немъ, онъ невольно твердилъ себѣ:

— Все же слава Богу, что онъ разошелся съ Ниной! Она загубила бы его. Онъ любилъ ее за красоту, любилъ въ ней созданный имъ самимъ образъ гордой и энергичной дѣвушки, но, сойдясь съ ней, онъ, можетъ-быть, увидалъ бы пустую свѣтскую барышню, оскорбленную, послѣ потери состоянія, невниманіемъ къ ней прежнихъ близкихъ знакомыхъ. И только! Она то же, что и мать, только мать прожила всю жизнь формально честной женой, а Нина... она едва ли даже останется честной женщиной, вѣдь запивалъ же я съ горя? Бѣдная, бѣдная дѣвушка!.. Не разъ и я вливалъ отраву въ твою жизнь!..

Ему стало невыразимо жаль сестру. Развѣ она виновата, что она такая. Развѣ она не страдаетъ по-своему? Люди всѣ невинные страдальцы, и стыдъ тому, кто броситъ въ нихъ камень.

И ему вспомнилось, что черезъ нѣсколько дней онъ увидитъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, Нину, мать, отца, Иволгина. Какія сцены, какія событія ждутъ впереди?..

III.

Деревенскій домъ Ломовыхъ оставался все тою же казармою. Но со стороны сада къ нему была уже придѣлана на скорую руку жиденькая, еще недокрашенная терраса, какія бываютъ у дешевыхъ наскоро сколоченныхъ петербургскихъ дачъ-сараевъ. Надъ нею и съ боковъ было натянуто полотно еще безъ всякихъ украшеній, въ обрѣзъ, настолько, насколько хватило. Садъ, раскинувшійся передъ

Digitized by Google

домомъ, былъ теперь немного расчищенъ, но цвѣтовъ еще не было. На террасѣ былъ накрытъ на нѣсколько персонъ столъ, такъ какъ къ обѣду ждали Рому и Наташу, и въ ожиданіи обѣда сидѣли Антонина Аркадьевна и Анна Ѳеодоровна, занятыя вышиваньемъ, перекидывавшіяся изрѣдка отрывочными фразами. Отсутствіе цвѣтовъ дѣлало садъ такимъ же неприглядным, какъ бѣлыя доски вновь сколоченной террасы дѣлали неприглядным барскій домъ. Должно-быть, именно эта неприглядность заставляла Антонину Аркадьевну часто отрываться отъ вышивки и взглядывать кругомъ съ какимъ-то выраженіемъ уныніи и тревоги. Осматриваясь кругомъ, она иногда останавливала съ тоскою взглядъ на дочери, какъ бы размышляя о томъ, что дочери придется похоронить свою молодость среди этой унылой, пищенской обстановки. Это не было слѣдствіемъ пробужденія нѣжныхъ материнскихъ чувствъ. Она просто въ послѣднія девять лѣтъ привыкла мысленно дѣлать изъ себя героиню мелодрамы; теперь въ сущности она не могла жаловаться на свою личную судьбу, она даже не безъ удовольствія погрузилась въ мелочи хозяйства, въ покупанье отъ бабъ яицъ, масла, холста, въ толки о потравахъ, и потому мысленно превратила себя изъ страдающей женщины въ страдающую мать. Она говорила съ дочерью и о дочери тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ съ несчастными жертвами и о несчастныхъ жертвахъ, растравая еще болѣе и безъ того разстроенные нервы молодой дѣвушки. И теперь, смотря на нее, она поднимала глаза къ небу и тяжело вздыхала, какъ бы умоляя небо сжалиться надъ этимъ «страдающимъ ребенкомъ». Наконецъ она проговорила:

— Тебѣ, Нина, ничего не говорила tante Бетси объ Апухтинѣ?

Анна Ѳеодоровна опустила вышивку на колѣни и взглянула на мать.

— А что?

— Онъ очень интересуется тобою.

— Онъ видѣлъ меня всего два раза...

— Да, да, и очень интересуется тобою!

По лицу дочери скользнула усмѣшка. Ее начинали сердить эти толки объ одномъ и томъ же. Мать продолжала:

— Онъ очень богатъ, предводитель дворянства, большія связи...

— И пятьдесятъ пять лѣтъ,—закончила дочь.

Мать вздохнула.

Digitized by Google

— Да, да... вѣроятно, не меньше...

Дочь опять принялась за вышивку, проговоривъ холоднымъ тономъ:

— Изъ этого ничего не выйдетъ!

Антонина Аркадьевна снова вздохнула. Дочь подняла на нее глаза.

— Я говорю, что изъ этого ничего не выйдетъ,—медленно сказала она:—потому что не думаю, чтобы Валерьянъ Александровичъ серьезно заинтересовался мною, видѣвъ меня всего два раза...

И съ горечью прибавила:

— Конечно, я была бы очень рада, если бы ошиблась въ своемъ предположеніи...

— Какъ?—съ нескрываемой радостью воскликнула мать.—Ты не отказала бы? Ты...

Дочь перебила нетерпѣливо:

— Развѣ я могу выбирать? Слава Богу, если кто-нибудь возьметъ! А тутъ даже и не кто-нибудь, а богачъ, со связями, предводитель дворянства. Это находка! Кладъ!.. Но повѣрь мнѣ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Это все мечты tante Бетси, дѣлового человѣка семьи! У нея вѣдь вѣчно на умѣ выгодныя сдѣлки. Притомъ хочется какъ-нибудь облагодѣтельствовать бѣдную дѣвушку. Ей столько наговорили о моемъ несчастномъ положеніи!.. Она только упустила изъ виду нѣкоторыя обстоятельства. Апухтинъ слишкомъ пожилъ, чтобы увлечься дѣвушкой, не имѣющей приданаго, не отличающейся ничѣмъ...

— Нина! Нина! что ты говоришь! На что ему деньги? Что же касается тебя, то твое образованіе, твоя красота...

Анна Ѳеодоровна опять опустила вышивку и перебила слова матери.

— Охота тебѣ обманывать себя иллюзіями. Впрочемъ, ты, можетъ-быть, вовсе не обманываешься ими, а такъ... говоришь... все же утѣшеніе! Мое образованіе... кто же изъ нашего круга теперь необразованъ?.. И на что это нужно Апухтину? А красота двадцатишестилѣтней дѣвушки! Красота дѣвушки, пережившей десятокъ тяжелыхъ лѣтъ! Объ этомъ неловко даже говорить! Или ты думаешь, я не вижу себя въ зеркалѣ, не вижу, что я начинаю старѣть?

Въ ея голосѣ послышалась желчность, точно она упрекала мать за то, что ея красота начала блекнуть. Антонина Аркадьевна давно съ тревогой замѣчала это начало конца и именно потому болѣе всего дрожала за будущее дочери.

Digitized by Google

Неужели дочь останется бѣдной старой дѣвой? Останется въ этой проклятой глуши? Развѣ для того ей дано блестящее свѣтское образованіе? Тѣмъ не менѣе, мать постаралась засмѣяться искусственнымъ смѣхомъ, чтобы скрыть свое смущеніе:

— Старуха двадцати шести лѣтъ!

Дочь раздражительно пожала плечами:

— Считали бы молодой, не думали бы предложить въ женихи Апухтина.

Мать точно ножомъ рѣзнуло по сердцу. Она немного растерялась передъ этой холодной логикой, подтверждавшей горькое сознаніе неотразимаго факта. Да, дочь старѣетъ, блекнетъ, потому ей предлагаютъ въ мужья старика, потому она соглашается за него выйти. Будь она молода, никто и не подумалъ бы сватать ей Апухтина. Старъ, толстъ, лысъ, — хороша партія для молодой дѣвушки! Но что же дѣлать, что дѣлать?

Въ залѣ послышался между прочимъ быстрый говоръ Ѳеодора Романовича. Онъ всегда входилъ съ шумомъ. Антонина Аркадьевна обрадовалась возможности прервать разговоръ, принявшій нежелательный оборотъ.

— Что это, неужели Рома пріѣхалъ? Какъ мы не слыхали? — заговорила она поспѣшно. — Да не можетъ быть, еще рано!

Дверь на террасу, между тѣмъ, отворилась, и Ѳеодоръ Романовичъ шумно заявилъ:

— Веду бѣглеца! Захватилъ на дорогѣ...

На порогѣ стоялъ высокій, довольно плотный, хотя и похудѣвшій Иволгинъ. Онъ былъ въ суконной блузѣ, перетянутой чернымъ ремнемъ, и держалъ въ рукахъ соломенную шляпу.

— Простите, что я являюсь такъ, по-домашнему, но Ѳеодоръ Романовичъ взялъ меня въ плѣнъ врасплохъ, — проговорилъ онъ, здороваясь съ хозяйкой.

Потомъ онъ обернулся къ Аннѣ Ѳеодоровнѣ и молча раскланялся съ нею. На минуту его охватило смущеніе, онъ почувствовалъ себя неловкимъ, какъ бы связаннымъ. Она поблѣднѣла и холодно поклонилась ему, торопливо роясь въ рабочемъ ящикѣ и не протягивая гостю руки.

— Не хотѣлъ идти, хотѣлъ бѣжать переодѣваться, — говорилъ скороговоркой Ѳеодоръ Романовичъ. — Знаю я это переодѣваніе — ускользнулъ бы. А какъ же ему не быть

Digitized by Google

здѣсь, когда сейчасъ всѣ наши будутъ. И безъ того пропадалъ все время...

— Я заходилъ два раза, но оба неудачно, никого не засталъ,—оправдывался Иволгинъ.

Онъ дѣйствительно заходилъ къ Ломовымъ два раза и оба раза зналъ навѣрное, что не застанетъ ихъ.

— Два раза!—воскликнулъ Ломовъ.—А потомъ и пропалъ.

— Я же вамъ говорю, что пришлось по дѣламъ замедлить въ городѣ,—сказалъ Иволгинъ.

— А вѣдь я васъ не узнала бы,—проговорила Антонина Аркадьевна.

— Да, бородой обросъ и постарѣлъ,—отвѣтилъ Иволгинъ.

«Ждетъ комплиментовъ», мелькнуло въ головѣ Анны Ѳеодоровны, и она разсердилась на себя за то, что и она подмѣтила перемѣну въ Иволгинѣ: онъ сталъ замѣчательно красивъ. Прежняя полнота деревенскаго выхоленнаго юноши, прежній яркій румянецъ, прежнее женственно-доброе выраженіе глазъ, все это исчезло. Теперь это былъ сильный мужчина съ блѣднымъ, но здоровымъ лицомъ, съ серьезнымъ, хотя и мягкимъ взглядомъ, съ едва замѣтными прорѣзавшимися на лбу морщинками, какъ бы говорившими о много пережитомъ, о много передуманномъ. Его когда-то неокрѣпшій и неровный голосъ перешелъ теперь въ мягкій и ровный баритонъ. Въ манерахъ были степенность, сдержанность, неторопливость. Отъ разговора, отъ короткихъ и сжатыхъ фразъ вѣяло немного холодкомъ.

— Въ три года постарѣли, въ ваши лѣта?—съ улыбкой сказала Антонина Аркадьевна.

— Это были очень тяжелые годы,—отвѣтилъ Иволгинъ.

Анна Ѳеодоровна вдругъ вспыхнула и искоса взглянула на Бориса Николаевича. У нея забилось сердце. Въ головѣ мелькнула мысль, что вотъ-вотъ онъ, рисуясь и кокетничая, скажетъ о потерянныхъ надеждахъ, о разбитыхъ мечтахъ, намекнетъ ей, что она разбила его жизнь.

— Вы вѣдь знаете, что нашу семью разомъ посѣтило нѣсколько утратъ,—продолжалъ онъ тѣмъ же ровнымъ тономъ.—Едва успѣли похоронить матушку и младшую сестру, какъ у сестры Вѣры умерли мужъ и сынъ...

— Да, это большія потери,—сказала Ломова.

— Особенно для насъ,—проговорилъ Иволгинъ:—мы вѣдь всѣ страдаемъ однимъ недостаткомъ—нѣкоторымъ преувеличеніемъ семейныхъ привязанностей...

Анна Ѳеодоровна не выдержала и, раздражившись мыслью,

Digitized by Google

что онъ рисуется, мимовольно, ироническимъ тономъ замѣтила:

— Помилуйте, это же добродѣтель!

Онъ не спѣша обернулся къ ней и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это же чувство присуще и животнымъ: не порокъ и не добродѣтель. Но у насъ сложились такъ семейныя обстоятельства, что привязанности стали слишкомъ горячи и сильны.

И чтобы прекратить этотъ разговоръ о себѣ, онъ обернулся къ Ѳеодору Романовичу:

— Мы не кончили съ вами вопроса о лѣсѣ: я васъ, право, не понимаю, почему вы вели дѣло съ Шершовымъ, а не обратились прямо къ компаніи фабрикантовъ и заводчиковъ?

— Я же вамъ говорю, что Шершовъ самъ пришелъ ко мнѣ на поклонъ,—загорячился Ѳеодоръ Романовичъ.—На что ему лѣсъ—я не знаю и не желаю знать. Это-съ не мое дѣло. Впрочемъ, онъ даже и не скрылъ отъ меня, на что ему нуженъ лѣсъ. Онъ кланялся и просилъ продать ему — я продалъ. Вотъ и все.

— А Шершовъ зимою продастъ съ барышемъ компаніи Тарасовыхъ.

— Это его дѣло! Но ходить на поклонъ къ господамъ Тарасовымъ, къ этимъ фабрикантамъ, къ этимъ коммерціи совѣтникамъ изъ лапотниковъ,—слуга покорный.

— Позвольте, при чемъ тутъ поклоны. У васъ продающійся лѣсъ; имъ всегда нужно топливо, нужны лѣсные матеріалы. Вы продаете, они покупаютъ. Вотъ и все.

— Нѣтъ-съ, не все, не все. Господа Тарасовы ждали, чтобы я имъ поклонился.

— Ничего они не ждали. Они, по всей вѣроятности, и не предполагали даже, что вы будете тотчасъ по пріѣздѣ сюда продавать лѣсъ...

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, ждали, ждали!

— Это вамъ Шершовъ сказалъ?

— А если бы даже и онъ? Что-жъ въ томъ? Но я и безъ него это зналъ. Здѣсь каждое слово всѣмъ извѣстно. Ошиблись только они въ расчетѣ. Ждали и не дождались. Теперь не угодно ли имъ переплачивать Шершову.

— Да вѣдь и вы въ убыткѣ!

— Въ убыткѣ, можетъ-быть, но есть убытки, которые можно нести, и есть выгоды, которыхъ нельзя искать. Я былъ дворяниномъ и останусь дворяниномъ. Землю, домъ,

Digitized by Google

лѣсъ, все продамъ,—своей чести—нѣтъ-съ, я ею не торгую... Ее на рынокъ я не понесу! Слава Богу, еще не служу по найму у мужиковъ въ ихъ земствѣ!.. Нѣтъ-съ, они у меня будутъ служить, а не я у нихъ... Вотъ вы мнѣ въ прошлый мой пріѣздъ говорили, что Шершовъ — эта хитрая душа. А знаете ли вы, что это за человѣкъ?

— Міроѣдъ.

— Согласенъ-съ, вполнѣ согласенъ. Хамъ и потому міроѣдъ. Впрочемъ, нынче, къ стыду нашему, и не одни хамы являются міроѣдами, даже главнымъ образомъ не хамы. Среди господъ земцевъ тоже вѣдь дворяне есть, а что они, какъ не міроѣды. Горло другъ другу перервать готовы, лишь бы теплое мѣсто съ хорошимъ окладомъ получить... Тоже алчущіе среди голодныхъ.

Онъ точно поперхнулся на этой случайно попавшей ему на языкъ фразѣ и заговорилъ еще поспѣшнѣе:

— Шершовъ будетъ получше многихъ изъ нихъ. Знаете ли вы вполнѣ этого человѣка? У него-съ свой гоноръ, свои традиціи. Онъ спины не согнетъ передъ кѣмъ ни попало, передъ всякимъ. Мнѣ онъ покланяется, другимъ нѣтъ...

— Безъ выгоды? Да.

— Та-та-та! Ловлю васъ на словѣ! Развѣ ему не выгодно было остаться старшиной? Однако не остался... Позвольте, позвольте, дайте мнѣ кончить!.. Не остался старшиной, а почему? Не захотѣлъ кланяться господамъ Тарасовымъ. Его конкурента они поддерживали. Имъ этотъ прихвостень былъ нуженъ. Еще бы! Имъ всѣ мѣстныя власти, и старшины, и урядникъ, и становые, и исправники подходящіе нужны. Иначе какъ же держать въ своихъ лапахъ народъ, рабочихъ, какъ усмирять свою шайку во время буйствъ, безпорядковъ и забастовокъ? А Шершовъ на это не годился...

Иволгину надоѣло спорить съ Ломовымъ, очевидно говорившимъ съ чужого голоса о совершенно незнакомыхъ ему дѣлахъ, и онъ, обрывая разговоръ, замѣтилъ:

— Вы, какъ я вижу, вполнѣ ознакомились со всѣми здѣшними закулисными дѣлами.

— О, я не такой человѣкъ, чтобы не слѣдить за всѣмъ, не вникать во все. Я люблю, чтобы мнѣ были ясны сразу и положеніе дѣлъ, и характеръ лицъ, и отношенія людей.

Ломовъ началъ высказывать свои взгляды, свои убѣжденія, свои отношенія къ окружающимъ.

Онъ съ перваго дня своего переселенія въ Ломовское

Digitized by Google

всталъ къ крестьянамъ въ безтолково враждебныя, мелочно придирчивыя отношенія. Еще живя въ столицѣ, онъ составилъ себѣ о народѣ извѣстныя, ни на какихъ фактахъ не основанныя, понятія. «Дикая и грубая чернь», «пьяный сбродъ», «нищіе лѣнтяи», «развратные скоты», всѣ эти названія относились имъ огульно къ народу. Какъ сложились въ его головѣ эти взгляды? Можетъ-быть потому, что онъ росъ въ столицѣ, въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ вообще свысока смотрѣли на «чернь». Можетъ-быть потому, что онъ сталъ самостоятельнымъ именно въ то время, когда отношенія господъ и народа измѣнились, и его благосостояніе уменьшилось при новыхъ отношеніяхъ. Можетъ-быть потому, что именно тогда начались въ извѣстныхъ кружкахъ нападки на народъ, выискиванья въ немъ темныхъ сторонъ, стремленіе доказать, что не въ пору разнуздали звѣря. Какъ бы то ни было, онъ уже давно привыкъ съ злорадствомъ ограниченнаго по уму врага ловить въ газетахъ каждый мелкій фактъ для доказательства справедливости своихъ взглядовъ. Баба убила мужа или мужикъ засѣкъ жену—вотъ какова семья въ хваленомъ народѣ. Оправдали на судѣ вора—вотъ какова справедливость въ народѣ. Сожгли живьемъ знахарку—вотъ каково развитіе народа. Появилась статистика пьянства, дурной болѣзни—вотъ она, народная нравственность. Спорить съ нимъ на этомъ поприщѣ не было возможности: захлебываясь, скороговоркой, жестикулируя, онъ засыпалъ врага выхваченными изъ газетъ фактами, перескакивалъ отъ одного явленія къ другому, и когда ему говорили, что это единичные случаи, ничего еще не доказывающіе, онъ торжественно заявлялъ, что это не исключенія, а правило, забывая, что пишутъ о беззаконныхъ, а не о законныхъ поступкахъ, что худая слава бѣжитъ, а хорошая—лежитъ. Иногда онъ говорилъ, что народъ готовъ продать все, себя, женъ, дѣтей. Взгляните на Нижегородскую ярмарку; туда, какъ говоритъ офиціальная статистика, въ число извѣстнаго сорта женщинъ записываются на время замужнія жены и по окончаніи ярмарки идутъ обратно въ семью. А сноxачество—кто же его создалъ, если не народъ; вѣдь противъ этого и спорить нельзя. Ну, а бытовая болѣзнь—что она говоритъ, развѣ это не свидѣтельство разврата? Но всѣ эти легкомысленныя разсужденія были покуда «пустыми» словами, подобно многому множеству иныхъ «пустыхъ» словъ, произносимыхъ Фи-фи. Только послѣ переселенія въ деревню слова должны

Digitized by Google

были отразиться на дѣлѣ. Ломовъ пріѣхалъ въ деревню съ «голыми» руками и всталъ лицомъ къ лицу съ «нищими», какъ онъ выражался. Чтобы работать, нужно было дать задатки рабочимъ; чтобы они могли работать, нужно было имѣть лошадей, земледѣльческія орудія. Тѣ, кто могъ работать безъ задатковъ и могъ привести на работу лошадь и необходимыя полевыя орудія, не нуждались въ чужой работѣ и едва управлялись со своею. Нанималась на работу только деревенская бѣднота. Одно это могло вывести Ѳеодора Романовича изъ себя, а тутъ еще явились воспоминанія о прежнихъ временахъ, о барщинѣ: приказалъ идти въ поле, и идутъ. Чаша озлобленія, какъ это часто случается, переполнилась еще болѣе при помощи мелочей: сломанный и разворованный заборъ у барскаго сада, исчезнувшая терраса у господскаго дома, все это ставилось на счетъ мѣстныхъ мужиковъ. Отношенія на первыхъ порахъ сдѣлались довольно острыми. Баринъ говорилъ, что онъ потравами заставитъ крестьянъ каменную ограду ему построить, кто-то изъ крестьянъ въ минуту раздраженія замѣтилъ, что и краснаго пѣтуха подпустить можно. Острые углы въ отношеніяхъ новыхъ сосѣдей еще не успѣли сгладиться, когда у Ломова неожиданно явился союзникъ и, чего никакъ не ожидалъ Ломовъ, въ лицѣ бывшаго старшины Шершова.

Андрей Петровъ Шершовъ былъ высокъ, толстъ, угрюмъ на видъ; совершенно лысый, съ длинной сѣдой бородой, онъ смотрѣлъ исподлобья, сдвинувъ широкія и густыя совершенно черныя брови. Онъ говорилъ неторопливо, какъ бы взвѣшивая каждое свое слово, мрачнымъ и дидактическимъ тономъ. При первомъ посѣщеніи Ломовскаго Ѳеодоръ Романовичъ накричалъ на него ни съ того, ни съ сего; Шершовъ смолчалъ, и только его глаза на минуту разгорѣлись злымъ огонькомъ за обиду. Но когда Ломовъ переселился въ деревню и началъ воевать съ мужиками, Шершовъ явился къ нему черезъ недѣлю и, крестясь, низко поклонился ему, съ просьбой «явить божескую милость». Просьба заключалась въ томъ, что Шершовъ желалъ купить участокъ лѣса на срубъ.

— Въ купцы собрался записаться? Лѣсопромышленникомъ думаешь сдѣлаться?—насмѣшливо спросилъ Ломовъ.

— Гдѣ ужъ намъ въ купцы! Души бы свои спасти отъ погибели,—смиренно отвѣтилъ Шершовъ.

И медленно, степенно онъ разсказалъ, что у него пять

Digitized by Google

«сыновъ», парни здоровые, а что дѣлать имъ зимою? На фабрику, что ли, ходить; такъ довольно того, что Тарасовы и остальной народъ споили. На фабрикѣ порядки извѣстные, одному пьянству, да озорству люди научатся. Тоже отпустить парней на сторону, въ Питеръ либо въ Москву—это ужъ лучше совсѣмъ отъ своихъ сыновъ отказаться. Побываютъ тамъ, здѣсь поминай ихъ, какъ звали. Питеръ-то многимъ глаза повытеръ... Кабы участокъ лѣса у него былъ, при дѣлѣ они зиму были бы, не блыкались бы зря. Мужикъ извѣстно, освободи его отъ работы и палки, хуже скота станетъ.

— Чего ужъ освобождать! И такъ освободили!—желчно сказалъ Ломовъ.

— Это точно,—согласился съ тяжелымъ вздохомъ Шершовъ:—близокъ локоть да не укусишь. У кого допрежь сего изба была новая, у того хлѣвъ развороченный остался.

— За то своя воля!—засмѣялся Ломовъ.

Шершовъ опять смиренно вздохнулъ.

— Мои парни, слава те Господи, что-то се доселѣ не видали. Какъ самого ростили, такъ и ихъ рощу.

И опять онъ началъ съ поклономъ просить оказать ему божескую милость и продать лѣсной участокъ. Ѳеодоръ Романовичъ заявилъ, что онъ подумаетъ, что онъ не думалъ продавать участка.

— Думалъ бы, самъ бы толкнулся къ Тарасовымъ,—замѣтилъ Шершовъ.—Недалеча. Они рады прижать, коли кто самъ къ нимъ въ лапы лѣзетъ. Ждутъ, не дождутся.

И откровенно пояснилъ положеніе дѣла. Тарасовымъ лѣсъ всегда нуженъ; приди къ нимъ Ломовъ съ предложеніемъ—предложатъ грошъ; подумаютъ, что отъ нужды продаетъ; онъ, Шершовъ, имъ же продастъ, только его на кривой не объѣдутъ; онъ ихъ самъ прижметъ. Вотъ какъ заплатятъ ему настоящую цѣну, тогда и къ Ломову явятся, другой участокъ торговать, цѣну настоящую предложатъ. Извиняясь, что обезпокоилъ барина, Шершовъ поклонился и, пятясь, удалился изъ комнаты осторожно, какъ кошка. Ѳеодоръ Романовичъ заходилъ по кабинету, очень довольный неожиданнымъ предложеніемъ: деньги были нужны до зарѣза. Эти деньги предлагалъ ему Шершовъ и притомъ предлагалъ съ поклонами, предлагалъ въ пику господамъ Тарасовымъ; имъ нужны лѣсные матеріалы, и они все-таки не шли къ Ломову, а выжидали, чтобы онъ имъ поклонился. Это было положительно блестящее дѣло. Ѳеодоръ Романо-

Digitized by Google

вичъ посмѣивался и потиралъ отъ удовольствія руки. Затѣмъ Шершовъ явился снова уже съ деньгами и съ предложеніемъ построить у дома террасу.

— Мои парни-то плотники хорошіе, мигомъ смастерятъ,— пояснилъ Шершовъ.

Когда же Ломовъ спросилъ, во что обойдется терраса, Шершовъ обидѣлся даже.

— Мнѣ господа одолженіе дѣлаютъ, а я торговаться стану. Крестъ-то у меня на вороту еще есть.

Онъ вздохнулъ и замѣтилъ вскользь:

— Въ прежнее-то время со всего села въ одинъ день крестьянъ приказали бы собрать да къ вечеру и готово было бы...

Ломову очень это понравилось. Онъ даже похлопалъ по плечу Шершова, а за обѣдомъ пространно и шумно говорилъ Антонинѣ Аркадьевнѣ, что «люди старыхъ традицій еще не вымерли». Шершовъ, въ свою очередь, говорилъ про Ломова своимъ невозмутимымъ тономъ:

— Хорошій баринъ!

Это совершенно озадачило конторщика Ломова. Аквилоновъ только дѣлалъ до той поры, что ругалъ хотя и опасливымъ тономъ, съ оглядкою, но все же ругалъ Шершову новаго барина, когда Шершовъ, приглашая его ежедневно къ себѣ «попить чайку», задавалъ ему короткій вопросъ:

— Ну, какъ у васъ дѣла?

Конторщикъ выбалтывалъ все, и какъ безъ толку горячится баринъ, и какъ онъ всѣхъ крестьянъ прижать хочетъ, и какъ онъ не знаетъ дѣла, а можетъ-быть, и потому не принимается за дѣло, что въ карманѣ-то пусто. Голымъ тоже въ деревню пріѣхалъ, а нажиться сразу думаетъ. Шершовъ выслушивалъ и степенно замѣчалъ:

— Это пустое! Какъ не быть денегъ!

Конторщикъ пускался горячо доказывать, что денегъ нѣтъ. Самъ Ломовъ въ горячности ему проговаривался. Это ужъ вѣрно. На рубль амбиціи на грошъ амуниціи. Хоть образъ со стѣны снять, что ни гроша нѣтъ за душой у Ломовыхъ. Выслушавъ всѣ его доводы, Шершовъ скептически говорилъ:

— Не показываетъ тебѣ, вотъ и все, потому и видѣть тебѣ не слѣдъ.

И опять прибавлялъ:

— Баринъ онъ заправскій, хорошій! Цѣнить его надо! Теперь по нашимъ мѣстамъ такіе рѣдки, охъ, рѣдки!

Digitized by Google

Конторщикъ совсѣмъ недоумѣвалъ. Еще болѣе недоумѣвали сыновья Шершова, когда имъ отецъ приказалъ «террасу срубить» у барскаго дома и не приказалъ брать денегъ. Сыновья знали, что отецъ даромъ пальцъ о пальцъ не стукнетъ. Тѣмъ не менѣе, они повиновались и даже не задали отцу никакихъ вопросовъ для разъясненія своихъ недоумѣній. Отецъ не терпѣлъ разспросовъ сыновей. Когда же они узнали о покупкѣ отцомъ участка лѣса, они только переглянулись между собою. Одинъ изъ нихъ рискнулъ спросить отца, за сколько лѣсъ купленъ. Отецъ сурово посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Когда тебѣ благодѣянье оказываютъ—молись, а не спрашивай, сколько дали...

И, со вздохомъ осѣняясь крестнымъ знаменіемъ, проговорилъ:

— Охъ, грѣхи, грѣхи наши тяжкіе!..

Именно объ этомъ-то «степенномъ патріархѣ» болѣе всего распространялся Ѳеодоръ Романовичъ, разсказывая Иволгину, какъ старикъ отличается трезвостью и благочестіемъ, какъ онъ умѣетъ содержать въ повиновеніи дѣтей, и какъ эта семья рѣзко выдѣляется среди другихъ крестьянъ—въ селѣ все больше оборванцы и нищіе, пришибленные и забитые, на фабрикѣ пьяницы и развратники, озорничающіе и разбойничающіе. Если бы въ народѣ было побольше Шершовыхъ—о, тогда можно бы было положиться на народъ. Ломовъ говорилъ такъ, какъ будто онъ все это изучилъ, зналъ навѣрное, обдумалъ въ теченіе десятка лѣтъ.

Анна Ѳеодоровна, принявшаяся снова за вышивку, рвала во время разсказа отца нитку за ниткой. Она чувствовала, что Иволгинъ понимаетъ всю глупость, всю неспособность ея отца къ дѣламъ, и злилась на отца, на Иволгина: отецъ даже молчаніемъ не умѣетъ прикрыть свою глупость, а этотъ выспрашиваетъ, точно глумясь надъ ея отцомъ.

— Значитъ, вы и съ окрестными землевладѣльцами уже познакомились?—сказалъ Иволгинъ.

— Да вѣдь съ большинствомъ изъ старыхъ здѣшнихъ дворянъ я и прежде былъ знакомъ въ Петербургѣ, ну, съ новыми—съ земцами—я не считаю особенно нужнымъ сближаться. Нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣлъ удовольствіе видѣть у нашей родственницы Елизаветы Андреевны Кожуховой и, пожалуй, довольно! Кое-что тоже мнѣ говорилъ о нихъ Валерьянъ Александровичъ Апухтинъ.

Digitized by Google

— Онъ-то едва ли можетъ характеризировать кого бы то ни было,—замѣтилъ Иволгинъ.

— То-есть какъ это? что вы хотите сказать?—воскликнулъ Ломовъ.

Анна Ѳеодоровна вспыхнула, точно ей нанесли обиду, и, не выдержавъ, проговорила ѣдкимъ тономъ:

— Это прекрасно воспитанный человѣкъ.

Иволгинъ обернулся къ ней и отвѣчалъ спокойнымъ голосомъ:

— Еще бы. Это не только богатый человѣкъ, но и человѣкъ изъ порядочнаго круга.

Ее точно озадачилъ его отвѣтъ, и она необдуманно, не безъ колкости замѣтила:

— И поэтому онъ не можетъ сдѣлать вѣрной характеристики людей?

Иволгинъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее, качая отрицательно головой.

— Вовсе не потому, а потому, что это крайне ограниченный человѣкъ по уму.

Раздраженная, точно ей опять наносили личное оскорбленіе, Анна Ѳеодоровна проговорила:

— О, конечно, онъ не геній, но онъ ведетъ себя съ такимъ тактомъ и умѣньемъ, чему можно позавидовать.

Иволгинъ не успѣлъ ничего сказать, потому что Ѳеодоръ Романовичъ разразился цѣлымъ потокомъ похвалъ Апухтину. Апухтинъ живетъ, какъ старый баринъ; Апухтинъ хлѣбосолъ; Апухтинъ поддерживаетъ связи въ столицѣ; Апухтинъ не считаетъ нужнымъ скрывать свое презрѣніе къ мѣстнымъ земцамъ.

— Недаромъ-съ эти милые люди не нашли ничего болѣе остроумнаго, какъ назвать его индійскимъ пѣтухомъ!—горячо закончилъ Ломовъ.

По лицу Иволгина скользнула улыбка, Анна Ѳеодоровна чувствовала, что ее душатъ слезы. Ѳеодоръ же Романовичъ снова началъ восхвалять Апухтина, повторяя опять все, что уже сказалъ. Похвальная рѣчь хозяина, сбивчивая и спутанная по обыкновенію, доказывавшая въ сущности только то, что Апухтинъ богатъ, гордъ, была прервана громыханьемъ экипажа.

— Наши пріѣхали!—проговорила Антонина Аркадьевна, и всѣ поднялись съ мѣстъ, направляясь въ залъ.

Раздались привѣтствія, поцѣлуи, обмѣнъ отрывочныхъ фразъ.

Digitized by Google

— Боже мой, какъ ты похудѣлъ, Рома! Наташа, какъ ты выросла! Спасибо вамъ Вѣра Николаевна, за нашихъ дѣтей!

Романъ подошелъ къ сестрѣ и нѣжно сталъ цѣловать ей руки. Она точно испугалась, смутилась, не знала, что дѣлать, какъ держать себя съ братомъ. Онъ тихо прошепталъ ей:

— Прости меня, Анна, за все прошлое!..

Она растерянно проговорила:

— Рома, я не знаю...

— О, я много виноватъ передъ тобою... Теперь не время говорить...

Онъ еще разъ поднесъ ея руку къ губамъ.

Иволгинъ обнялъ сестру и Рому и протянулъ руку Наташѣ. Она не обратила вниманія на это и обняла его. Онъ немного сконфузился, цѣлуя ее теперь, уже совсѣмъ взрослую, уже не дѣвочку. Мамка и ея мужъ тоже пришли взглянуть на Рому, тоже расцѣловались съ нимъ. Мамка даже стала отирать слезы, увидавъ, какъ «похудалъ» Ромушка, и, тотчасъ же разсердившись, прикрикнула на мужа:

— Ступай, ступай! Обѣдъ надо скорѣй подавать! О, старый!

— Она тебя теперь станетъ откармливать,—шутливо замѣтилъ Иволгинъ Роману.

— Я ужъ и то въ эти дни подкормился немного,—сказалъ Романъ:—а то иконой въ тюрьмѣ прозвали...

Всѣ торопились сѣсть за столъ, всѣ говорили на перебой. Молчала только Анна Ѳеодоровна. Она сидѣла съ поникшей головой. Какое-то новое чувство охватывало ее. Какое—она не могла дать себѣ отчета. Что-то давило грудь. Къ глазамъ подступали слезы. Она смутно слышала, что говорилось кругомъ. Рома говорилъ о тюрьмѣ, о томъ, что только тамъ онъ узналъ значеніе одиночества. Иногда Богъ знаетъ что отдалъ бы, только бы увидать родныхъ, близкихъ. Все прошлое перебиралось въ памяти.

— Иногда вспоминалъ, какъ мы съ тобой, Анна, играли и ссорились въ дѣтствѣ и мучительно хотѣлось вернуть его.

Анна Ѳеодоровна вздрогнула. Онъ думалъ о ней тамъ, въ тюрьмѣ. А она въ это время мечтала: «что, если его лишатъ всѣхъ правъ? что, если онъ умретъ?» О, какъ низко она пала!

Онъ опять разсказывалъ о мелочахъ одинокой жизни, о тяжелыхъ думахъ безъ отвѣта, о тоскѣ безъ слова участія. Сестра слушала его, и ей было теперь понятно значеніе его

Digitized by Google

словъ. Она все это пережила сама за послѣдніе годы, особенно въ послѣдніе дни здѣсь. Ей было жаль брата, жаль потому, что она понимала перенесенное имъ. И какъ онъ похудѣлъ, какъ сталъ нервенъ. Ее сердилъ отецъ, перебивавшій сына глупыми, громкими фразами; ее сердила мать, равнодушно и почти съ неудовольствіемъ слушавшая разсказы сына о тюрьмѣ. «И онъ чужой имъ, какъ и я», мелькало въ ея головѣ. «А мнѣ? Развѣ я больше ихъ умѣла любить?» Вѣра Николаевна между тѣмъ разсказывала брату о родныхъ, о дѣлахъ. Наташа говорила, какъ она рада, что она, наконецъ, совсѣмъ свободна, окончательно дома, среди милыхъ мѣстъ, милыхъ людей. Она приставала къ Иволгину, живы ли и здоровы ли тѣ или другіе изъ ея старыхъ знакомыхъ, какой-то слѣпой дѣдушка Вавила, какая-то бабушка Прасковья.

— А Пегасикъ, Пегасикъ что?—вдругъ воскликнула она.

— Заднія лапы гдѣ-то попортили Пегасику. Онъ теперь все больше лежитъ и только тихонько визжитъ, когда видитъ, что я ухожу,—отвѣтилъ Иволгинъ.

— Бѣдненькій песикъ! Я завтра же, завтра же приду къ нему въ гости.

— Онъ будетъ радъ и навѣрное попробуетъ подняться, потомъ опять приляжетъ и слегка завоетъ. Теперь это каждый разъ съ нимъ бываетъ, когда обрадуется кому-нибудь и...

Анна Ѳеодоровна, молчавшая все время, вдругъ очнулась отъ голоса Иволгина. Она точно стряхнула съ себя угнетавшее ее смутное чувство упрековъ и раскаянія. Въ сердцѣ опять что-то забушевало отъ голоса того человѣка, и она обратилась съ насмѣшливой улыбкой къ Наташѣ:

— А ты совсѣмъ институткой стала!

Наташа, не смутившись и не сконфузившись, хотѣла что-то отвѣтить, но Иволгинъ сказалъ за нее:

— Наталья Алексѣевна знала и любила нашего Пегаса еще до поступленія въ институтъ. Они старые знакомые.

Анна Ѳеодоровна опять усмѣхнулась, досадуя на него до слезъ:

— Вы говорите о немъ, точно это человѣкъ.

— Немудрено. Мы всѣ такъ къ нему привыкли. Сперва это былъ презабавный, рѣзвый щенокъ, за что его и прозвали Пегасомъ—онъ все куда-то несся въ юномъ увлеченіи. Потомъ вышелъ изъ него отличный охотничій песъ и вѣрнѣйшій сторожъ дома.

— Да, помните, какъ онъ вора у васъ задержалъ?—вос-

Digitized by Google

кликнула Наташа.—Легъ у дверей, и что тотъ ни дѣлалъ, а онъ не выпустилъ его изъ комнаты. А когда онъ васъ ходилъ къ обѣду звать—вотъ-то смѣхъ!

Анна Ѳеодоровна неожиданно совсѣмъ раздражительнымъ тономъ спросила:

— Онъ не говорилъ?

И тотчасъ же сама поняла всю безтактность, всю пошлость своей невольной выходки.

Иволгинъ бросилъ на нее странный, смутившій ее взглядъ. Несмотря на всю мимолетность этого взгляда, Анна Ѳеодоровна уловила его и поблѣднѣла. Ей показалось, что въ этомъ взглядѣ были и упрекъ, и состраданіе, и презрѣніе, что этотъ человѣкъ объявляетъ ей открытую войну. Иволгинъ, должно-быть, самъ замѣтилъ ея смущеніе и поспѣшилъ мягко и спокойно пояснить ей:

— Вамъ это все должно неизбѣжно казаться смѣшнымъ и наивнымъ, потому что вы еще очень недавно въ деревнѣ. Но мы, деревенскіе жители, волей-неволей свыкаемся не съ одними людьми, а и съ животными. Какія-нибудь корова, лошадь, курица, собака, живущія въ домѣ, ежедневно кормимыя нами, ежедневно оказывающія намъ услуги, дѣлаются чуть не членами семьи. Ихъ болѣзни могутъ заставить не спать цѣлую ночь, надъ ихъ трупами могутъ плакать. Никого это не удивитъ, никому не покажется это глупымъ.

Она пожала плечами, все еще не сдаваясь, все еще храбрясь. Онъ тѣмъ же тономъ продолжалъ:

— И вѣрьте мнѣ, что, поживъ здѣсь, вы тоже привыкнете къ какой-нибудь лошади, когда долго поѣздите на ней верхомъ и когда она будетъ знать васъ, вашъ голосъ, вашу руку. Въ этомъ есть особая прелесть, рѣдко кому понятная въ городахъ, въ столицѣ. Безъ этого жизнь въ деревнѣ не полна.

— Это безъ дружбы съ лошадьми?—съ нервнымъ смѣхомъ, зазвучавшимъ, какъ слезы, сказала Анна Ѳеодоровна, оборвавъ его на полусловѣ.

«И зачѣмъ это я, зачѣмъ?»—мучительно носилось въ ея головѣ.

Онъ взглянулъ на нее опять какъ-то странно, какъ бы сожалѣя ее, и снова смутилъ ее:

— Да, безъ умѣнья жить въ деревнѣ по-деревенски...

Она не успѣла, не могла отвѣтить, какъ вдругъ поднялся въ саду невообразимый гамъ. Рябая баба, въ повойникѣ въ

Digitized by Google

видѣ чалмы, и какая-то босоногая дѣвчонка загоняли къ дому корову, крича во все горло:

— Попалась! Попалась!.. Опять по саду бродить вздумала!.. Смороду поломала!.. Пятый кустъ поломала!.. Ахъ, вы окаянные!

Ѳеодоръ Романовичъ сорвался съ мѣста, съ салфеткой, заткнутой концомъ за галстукъ, и сбѣжалъ въ садъ, крича:

— Не выпускай! не выпускай! Я имъ покажу, что значитъ заборы у господскаго дома снимать! Каменный сдѣлаютъ! Каменный!

За коровой вбѣжалъ въ садъ мальчишка въ длинной полинялой синей рубахѣ, подпоясанный почти подъ мышками, босой, съ всклокоченными бѣлыми, какъ ленъ, волосами. Онъ запыхался и едва переводилъ духъ отъ погони за коровой и отъ волненія. Очевидно позабывъ, гдѣ онъ и передъ кѣмъ стоитъ, онъ видѣлъ только, что кривая баба и дѣвчонка угоняютъ отъ него его корову, и неистово картавымъ голосомъ кричалъ:

— Куда гонишь? Наша колова! Мамкина колова! Ужо тебѣ!

— А, это ты хозяинъ коровы?—насмѣшливо сказалъ Ѳеодоръ Романовичъ, хватая его за плечо.—Ну, такъ поди и скажи своей мамкѣ, что ея корова въ господскомъ саду. Скотъ держите, а смотрѣть за нимъ не умѣете.

Мальчуганъ, видя передъ собой кричащаго барина, тщетно попробовалъ рвануться, остановился, потупился и засунулъ въ ротъ указательный палецъ. Однако, собравшись съ духомъ, онъ протяжно и какъ бы въ раздумьи проговорилъ:

— Мамкина колова! Наша колова!

— А я ее у себя оставлю!—отвѣтилъ Ломовъ.

Мальчуганъ ничего не могъ сообразить. Онъ понималъ только, что его грабятъ.

— А мы сожжемъ!—хмуро отвѣтилъ онъ, не выпуская изо рта пальца и смотря исподлобья.

— Что?—воскликнулъ Ѳеодоръ Романовичъ, схвативъ его за оба плеча.—Что ты сказалъ?

— Сожжемъ!—повторилъ мальчуганъ уже менѣе рѣшительнымъ тономъ.

— Кто тебя научилъ? Кто тебя научилъ?—кричалъ Ѳеодоръ Романовичъ, тряся его за плечи.—Говори!

Онъ никакъ не могъ себѣ представить, что мальчугана никто этому не училъ. На первыхъ порахъ ему вездѣ мерещились еще какіе-то злокозненные враги.

Digitized by Google

Мальчуганъ рванулся, стараясь освободить свое плечо.

— Больно! чего делешься? Ишь какой! Вотъ ужо сожжемъ, сожжемъ! Пусти!

На террасѣ послышалось рѣзкое восклицаніе отвыкшаго отъ глупыхъ выходокъ отца Ромы, обращенное къ матери:

— Да уймите хоть вы отца! Это безобразно! съ ребятишками воюетъ.

Антонина Аркадьевна смутилась не столько отъ происходившей сцены, сколько отъ выходки сына.

— Оставь его!—громко проговорила она по-французски мужу.

— Нѣтъ, ты слышишь, что онъ говоритъ?—сказалъ Ѳеодоръ Романовичъ, обернувшись къ женѣ.—Они подожгутъ насъ! Подожгутъ! Надо разспросить, кто ему говорилъ это. Самъ онъ не могъ выдумать. Это уже не въ первый разъ я слышу. Они угрожаютъ...

Онъ опять обернулся къ хозяину коровы:

— Эй, ты, мальчишка!

Но мальчишка уже несся по саду, часто вскидывая босыми пыльными пятками. Ѳеодоръ Романовичъ быстро, въ волненіи заговорилъ, что онъ все разузнаетъ, отыщетъ тѣхъ, кто собирается поджечь. Слова оторопѣвшаго и растерявшагося мальчугана онъ уже принималъ за нѣчто серьезное. Громовыя, хотя и безсмысленныя рѣчи такъ и лились съ его языка. Романъ, блѣдный, не понявшій еще сущности происходившаго, но, тѣмъ не менѣе, возмущенный сценой, рѣзко произнесъ:

— Да что же вы здѣсь, на ножахъ съ мужиками?

— А ты думаешь, если въ деревнѣ живемъ, то и разыгрываемъ идиллію?—отозвался отецъ.—Народъ въ нашихъ мѣстахъ—это шайка воровъ и разбойниковъ. Сюда всякій сбродъ съ поконъ вѣка стекался. Тутъ надо имѣть револьверы и во всякомъ случаѣ арапники, если живешь среди побродягъ. Ты слышишь, они поджигать хотятъ! Пусть! Нашъ домъ не сгоритъ, а ихъ упекутъ на каторгу.

Кто хотѣлъ поджигать? Кого упекутъ на каторгу?—онъ этого не только не говорилъ, но даже и не соображалъ. Пылкое воображеніе создавало небывалые ужасы и драмы.

Дверь на террасу съ шумомъ отворилась, и мамка, видимо озлобленная болѣе обыкновеннаго, стоя на порогѣ, рѣзко съ своей обычной грубостью проговорила Антонинѣ Аркадьевнѣ:

— За коровой пришли!

Digitized by Google

Гдѣ-то далеко слышался громкій и частый бабій говоръ, сопровождаемый плаксивыми причитаніями. Антонина Аркадьевна, раздраженная и встревоженная, пошла въ комнаты, извинившись передъ гостями.

— А, теперь выть и въ ногахъ валяться будетъ,—злорадно проговорилъ Ѳеодоръ Романовичъ, продолжая безтолково кипятиться.—Заборы умѣли разбирать, а за потравы платить не желаютъ...

Онъ всталъ и, проговоривъ: «я сейчасъ»,—пошелъ вслѣдъ за женою. Его уже занимали эти развлеченія, кончавшіяся въ сущности по большей части ничѣмъ, иногда даже нѣсколько комичными умилительными сценами.

Романъ стиснулъ руками виски, облокотившись на столъ. Его и безъ того разстроенные нервы были напряжены до послѣдней степени. На террасѣ всѣ были смущены. Вѣра Николаевна попробовала тихо заговорить о чемъ-то съ Наташей. Та отвѣчала едва слышно дрожащимъ голосомъ. Иволгинъ усердно рисовалъ чайной ложечкой узоръ на тарелкѣ. Анна Ѳеодоровна сидѣла, покусывая дрожащія губы и искоса взглядывая на Иволгина. Вся пошлость поведенія отца была ей вполнѣ ясна. Она была бы рада, если бы можно было уйти, скрыться. Ее душили слезы.

— И часто повторяются подобныя сцены?—вдругъ спросилъ ее Романъ.

Она поблѣднѣла, какъ полотно, при этомъ неожиданномъ вопросѣ. Ея лицо исказилось на мгновеніе гнѣвомъ на брата за его вопросъ. Ей нужно было собраться съ силами, сдѣлать надъ собой невѣроятное усиліе, чтобы отвѣтить. Но что отвѣтить? Сказать, что это повторяется почти ежедневно, иногда не разъ въ день? Обвинять передъ чужими отца и мать? Обратить все въ шутку? Разсказать, что шумъ поднимается изъ-за пустяковъ, что все это кончается ничѣмъ? Она, переселивъ себя, прерывающимся голосомъ, но въ то же время холоднымъ тономъ отвѣтила:

— Нельзя же позволять... коровамъ ходить по саду... всѣ ягодные кусты поломали...

Она встала, блѣдная, какъ полотно. Всѣ точно обрадовались, увидавъ, что она встаетъ, и быстро поднялись съ мѣстъ. Иволгина заторопилась. Ей съ братомъ пора домой. Она вѣдь только забросила туда вещи. Надо разобраться. Кромѣ того устала съ дороги.

Черезъ пять минутъ всѣ разошлись.

Digitized by Google

IV.

Анна Ѳеодоровна спустилась съ террасы и пошла въ глубину сада. Она шла, наступая на свое платье и спотыкаясь, точно по неровному мѣсту,—шла безцѣльно, только бы уйти отъ дома, отъ людей, отъ себя. Да, ей хотѣлось уйти отъ себя. Девять лѣтъ тяжелой жизни страшно пошатнули ея нервы, но все же она владѣла собой тамъ, въ столицѣ, на людяхъ, среди надеждъ и тревогъ. Потеряла она способность къ самообладанію только здѣсь, оставшись съ глазу на глазъ съ отцомъ и матерью. Въ какіе-нибудь два съ половиною мѣсяца совершилось то, что подготовлялось девять лѣтъ. Нелѣпая война отца съ крестьянами, малодраматическіе вздохи матери о судьбѣ дочери, грубоватыя утѣшенія tante Бетси: «погоди, мы тебя пристроимъ за Апухтина», отрывистое и глупое ворчаніе сдѣлавшейся нестерпимою «мамки»: «мы точно французы въ двѣнадцатомъ году на мужиковъ войной пришли»—ото всего этого хотѣлось бѣжать, бѣжать. Но здѣсь некуда бѣжать. Здѣсь нѣтъ какихъ-нибудь Хрущовыхъ съ ихъ вѣчными праздниками; здѣсь нѣтъ французскаго театра съ его сплетнями. Она шла въ свою комнату, запиралась въ ней, оставалась одна сама съ собою, съ своими думами. Что будетъ дальше? Гдѣ исходъ? Неужели выйти замужъ за противнаго старика? Да еще возьметъ ли онъ? А если возьметъ, что тогда? Вѣчно жить здѣсь? Да, если позволитъ братъ, когда все достанется ему. О, если бы не было его, женихи нашлись бы. Она думала это и стыдилась этихъ думъ. Она гнала ихъ отъ себя, а онѣ толпились въ головѣ точно затѣмъ, чтобы она поняла вполнѣ, какъ она низко пала среди лишеній, страха за будущее, невыносимой семейной обстановки. Нерѣдко она, рыдая, бросалась на постель, прижималась лицомъ къ подушкѣ, болѣзненно, строптиво оправдываясь передъ самой собою: «Чѣмъ же я виновата, если я хочу жить, любить, быть счастливой?» И немного успокоившись, съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ въ широко открытыхъ глазахъ, она останавливалась на вопросахъ: «какъ жить, кого любить, какого искать счастія? Вернуться въ Петербургъ, явиться въ лучшемъ обществѣ, войти туда рука объ руку съ блестящимъ мужемъ, давать балы, устраивать собранія, поражать всѣхъ тактомъ, блескомъ образованія, острымъ умомъ?» Она проводила рукой по лбу, точно желая очнуться отъ сна. Такая жизнь, такая любовь, такое счастье давно потеряны

Digitized by Google

ля нея, а гдѣ же другіе идеалы? Что же, если братъ умеръ бы... Она вскакивала съ мѣста, тревожно ходила по комнатѣ и шептала: «низкая, низкая душа!» Потомъ, какой-то голосъ подсказывалъ ей, что вѣдь братъ не разъ оскорблялъ ее, не разъ приносилъ ей огорченія, не разъ самъ напрашивался на вражду; значитъ, она въ правѣ ненавидѣть его, желать ему смерти. И тутъ же она сознавала, что все это ложь, что все это придумывается изъ стремленія оправдать свою низость. Она прижималась пылающимъ лбомъ къ стеклу, простаивала такъ долгія минуты, старалась не думать и все же думая о томъ, что другія живутъ же счастливо, любятъ и любимы. Жажда жизни и любви становилась все мучительнѣе, непреодолимѣе. Въ одну изъ такихъ минутъ она увидала въ саду одного изъ сыновей Шершова, подрубавшаго бревна для террасы. Это былъ деревенскій красавецъ въ полномъ смыслѣ слова, съ вьющимися кудрями, съ румянымъ лицомъ, съ бѣлыми зубами. Что-то лихое и задорное, беззастѣнчивое и наглое было въ его манерахъ, въ выраженіи его лица. Въ ея головѣ мелькнула мысль, что и онъ полюбитъ, и его полюбитъ какая-нибудь счастливица. Парень поднялъ голову, и его глаза, бойкіе, плутоватые, наглые встрѣтились съ ея глазами. Она быстро отшатнулась отъ окна, какъ бы испугавшись, что онъ пойметъ, что она думала о немъ. Въ ней поднялось чувство негодованія на самоё себя, точно она уличила себя въ томъ, что гдѣ-то въ глубинѣ ея души шевельнулась зависть къ той, кого полюбитъ этотъ мужикъ. Ее охватилъ стыдъ, а гдѣ-то, въ какомъ-то уголкѣ мозга шевелилась мысль: «Какъ же и не завидовать? Его невѣсту ждутъ любовь и счастіе съ красавцемъ мужемъ, а тебя—что ждетъ тебя съ мужемъ-старикомъ, уродомъ?» Опять и опять хотѣлось бѣжать отъ своихъ думъ, отъ себя. Куда? Къ отцу, къ матери, къ tante Бетси?

Эта нравственная пытка разстроила ей нервы, надломила ея энергію. Иногда она смотрѣла теперь приниженною, подавленною, кроткою. Она все чаще и чаще плакала, сердясь въ то же время на себя за эти слезы слабости, пугливо сознавая, что онѣ портятъ ея глаза, налагаютъ печать увяданія на ея лицо... Въ день пріѣзда Романа эта нервность дошла до послѣднихъ предѣловъ. Всѣ мелкія сцены и событія, разговоры и встрѣчи этого дня потрясли душу молодой дѣвушки. Теперь она шла по саду, скрываясь отъ людей, и дошла до полуразрушенной каменной

Digitized by Google

колоннады-бесѣдки съ старыми мшистыми скамьями изъ камня. Эта бесѣдка стояла въ глубинѣ сада и сюда рѣдко заходили Ломовы. Антонина Аркадьевна все повторяла, что нужно срыть эти противныя руины. Анна Ѳеодоровна въ слезахъ упала на одну изъ скамеекъ этой старой бесѣдки. Ей нужно было выплакать эти слезы... Идя по саду, она не слышала даже, что за нею кто-то слѣдуетъ. Это былъ Рома. Онъ замѣтилъ, что сестра спустилась съ террасы въ садъ, и шелъ, наблюдая за нею, видя ея волненіе, теряясь въ догадкахъ, куда она идетъ. Когда она упала въ слезахъ на скамейку, онъ въ нерѣшительности остановился на нѣсколько минутъ, потомъ подошелъ къ ней.

— Анна, что съ тобою?—воскликнулъ онъ.

Она вздрогнула, услышавъ чей-то голосъ, и быстро поднялась. На минуту, прежде всѣхъ другихъ чувствъ, въ ней проснулось самообладаніе, раздраженіе за то, что за нею слѣдятъ, что ее застали въ слезахъ. Она поднялась и рѣзко проговорила:

— Что это ты, подстерегаешь меня!

Онъ ласково протянулъ ей руку.

— Полно! развѣ я не знаю, что тебѣ такъ же тяжело, какъ и мнѣ. Ты не была бы дорога мнѣ, если бы я не былъ увѣренъ, что ты страдаешь отъ всего, что происходитъ вокругъ.

Она, ничего не отвѣчая, опять въ безсиліи опустилась на скамью, уже не протестуя, не обороняясь отъ непрошенныхъ сожалѣній брата, слушая его, какъ сквозь сонъ. Онъ говорилъ дружески и ласково, по обыкновенію волнуясь и увлекаясь:

— Наша жизнь и безъ того такъ грустно сложилась, что было бы нелѣпо отравлять ее еще дѣтскими капризами, безпричинными раздорами, мелочной враждой. Мы уже не дѣти, Анна! Два года тюремнаго заключенія выяснили мнѣ, что значатъ въ жизни ласковое слово, участіе близкихъ, дружеская поддержка. Иногда, казалось, я отдалъ бы полжизни, чтобы хотя одна родная душа утѣшила, ободрила, пригрѣла меня. Въ эти минуты я вспомнилъ, думалъ о тебѣ, и мое сердце сжималось отъ боли. Я былъ одинъ, потому что меня отрѣзали отъ остального міра, а ты, — я зналъ, что ты на свободѣ еще болѣе одинока, чѣмъ я. Это мучило меня. и я горько упрекалъ себя за то, что я не умѣлъ быть добрымъ, хорошимъ братомъ. Я много виноватъ передъ тобою.

Она все ниже опускала голову, уже не сдерживая, не

Digitized by Google

подавляя своихъ слезъ. Въ головѣ проходили отрывочныя мысли, что и она думала о немъ въ эти годы, думала, что она была бы счастливѣе, если бы онъ умеръ! Лучше бы онъ встрѣтился съ нею врагомъ; она нашла бы оправданіе себѣ; она сказала бы, что она только платитъ ему его же монетою. Теперь же — впервые она вполнѣ сознавала, до какихъ низкихъ помышленій, до какихъ мелкихъ желаній довели ее эти страшные годы нравственной ломки. Ей хотѣлось сказать ему: «уйди отъ меня, я низкое существо, я думала о тебѣ только для того, чтобы желать тебѣ смерти». И въ ту же минуту ее охватилъ страхъ при мысли, что она точно скажетъ это, откроетъ то, что заставляло ее не разъ краснѣть передъ самой собою. Онъ, весь охваченный жаждой родственной ласки, чувствующій, что эту ласку онъ можетъ здѣсь найти только у сестры, обнялъ ее за талію и приблизилъ къ себѣ.

— Милая, разсказывай все, что пережилось тобою, что дѣлалось въ семьѣ, — ласково проговорилъ онъ. — Я хочу знать все, все, что касается тебя!

— Что же говорить?—упавшимъ голосомъ сказала она.— Что говорить?

Въ душѣ же у нея впервые въ жизни явилась страстная потребность высказать все, выплакать все, громко пожаловаться кому бы то ни было, врагу, чужому, другу, брату, на свою судьбу. До этой минуты никогда она не испытывала этого чувства или, лучше сказать, инстинктивно оборонялась отъ него и была вѣрна внушенному ей съ дѣтства правилу, что всякія жалобы, сѣтованія, ропотъ, все это мѣщанство, признакъ невоспитанности, непривычка мыть свое бѣлье дома. Истинное человѣческое достоинство заставляетъ его страдать молча, являясь къ людямъ съ спокойнымъ лицомъ. Какъ-то инстинктивно она охраняла себя отъ потери этого «истиннаго человѣческаго достоинства» и при попыткахъ Иволгина и Ромы въ былые дни заглянуть ей въ душу мимовольно переходила въ вызывающій тонъ. Теперь было не то, она потеряла способность къ самообладанію и явилась какъ бы беззащитною передъ ласками брата. Теперь ей хотѣлось только жаловаться и жаловаться, громко, съ плачемъ. Она начала говорить сбивчиво, путаясь, какъ жалующійся за обиды ребенокъ; сразу сказывалась непривычка формулировать то, что тяготило, то, чего желалось достигнуть; мелочи смѣшивались съ серьезными огорченіями, иногда выдвигались на первый планъ.

Digitized by Google

— Ты и представить себѣ не можешь, что здѣсь за жизнь,—говорила она.—Ты знаешь отца: говоритъ, говоритъ, говоритъ безъ конца. О чемъ? Вѣчная брань противъ земства, противъ крестьянъ, противъ существующихъ порядковъ. Я не знаю, можетъ быть, онъ и правъ, но это все слова и только слова. Онъ вооружаетъ всѣхъ и каждаго противъ себя. Но что же самъ дѣлаетъ? Ничего, ровно ничего, только ловитъ какихъ-то коровъ за потравы, накричится и великодушно прощаетъ, отыскиваетъ какихъ-то воровъ, укравшихъ три бревна, точно въ этомъ и заключается все хозяйство, вся дѣятельность. Крестьяне вредятъ ему или обманываютъ его. Да, обманываютъ, насмѣхаясь надъ нимъ, какъ вотъ какой-то Шершовъ, купившій у отца лѣсъ. Я это чувствую, угадываю! И всѣ смѣются надъ нимъ. Владиміръ, сынъ tante Бетси, самъ мнѣ говорилъ. Здѣсь вѣдь люди безцеремонны, все прямо въ глаза говорятъ... А отецъ самъ доволенъ собою, какъ всегда былъ доволенъ собою, носится точно на крыльяхъ, съ громомъ и шумомъ возвѣщая всѣмъ и каждому о своей пошлости, глупости, пустотѣ...

Рома въ волненіи всталъ и заходилъ по бесѣдкѣ. Развѣ онъ не знаетъ отца? Когда можно было бесѣдовать въ блестящихъ салонахъ о французскомъ театрѣ, о коннозаводствѣ и скачкахъ, объ ученьяхъ и парадахъ—отецъ могъ не только быть терпимымъ въ обществѣ, но могъ даже казаться неглупымъ и бойкимъ малымъ. Обо всемъ этомъ такъ легко говорить, особенно когда говоришь объ этомъ почти съ дѣтства. Но когда пришлось зарабатывать хлѣбъ, когда пришлось на дѣлѣ показать свои способности, развитіе, знанія,—онъ оказался ни на что негоднымъ, ничего въ сущности непонимающимъ человѣкомъ, какимъ-то глупымъ, безпомощнымъ младенцемъ. Сколько ихъ такихъ среди блестящихъ паркетныхъ шаркуновъ, умѣющихъ все проѣдать, неумѣющихъ ничего добыть честнымъ трудомъ.

— А мать?—продолжала Анна Ѳеодоровна, увлекаясь:—щеголяетъ, рисуется страданіями! Ничего, ничего въ ней не осталось—ни любви къ мужу, ни материнскаго чувства, ни сочувствія къ ближнимъ, ничего, кромѣ гордаго сознанія, что она страдалица. Почетный титулъ! О, ты не знаешь,—съ оживленіемъ и горечью повысила голосъ молодая дѣвушка:—до чего она дошла теперь. Ей мало того, что она пережила девять тяжелыхъ лѣтъ. Нѣтъ, она ищетъ страданій и въ болѣе далекомъ прошломъ, когда она блестѣла въ

Digitized by Google

обществѣ, когда проживалось все. Она говоритъ, что она страдала отъ сознанія всѣхъ недостатковъ отца, что она краснѣла за него, что она чувствовала, какъ въ ней съ потерей уваженія къ нему охладѣвала къ нему любовь, и что въ ней происходила страшная борьба, чтобы сохранить себя вѣрной женой, честной женщиной... Сохранить себя вѣрной женой, честной женщиной, когда мужъ не только пошлъ и глупъ, но и развратенъ—это ли не страданія! Да, да, она говоритъ это, говоритъ громко, съ наслажденіемъ. Я слышала, какъ она все это поясняла tante Бетси!

И уже съ гнѣвомъ она заговорила:

— Ты думаешь, мученичество ея кончилось? Кажется, теперь нѣтъ нужды и есть развлеченія — можно толковать по цѣлымъ часамъ съ бабами, выслушивать у нихъ мелкія сплетни, покупая у нихъ разныя разности. Нѣтъ, нѣтъ! Теперь источникъ мученій — я. Да, я! Что я буду дѣлать? Кто меня возьметъ? Сватаютъ жениха, ловятъ его, отвратительнаго урода, старика, глупца! Сама страдала безъ любви къ мужу отъ сознанія его глупости и изъ участія ко мнѣ хочетъ создать для меня такое же положеніе! И это отецъ, это мать! Нѣтъ, я не только не могу ихъ любить, я иногда, кажется, просто ненавижу ихъ!

Она закрыла лицо руками и расплакалась неутѣшными слезами, уже не сдерживая ихъ, не стыдясь ихъ. Братъ снова присѣлъ къ ней, обнялъ ея талью, чувствуя къ ней глубокую жалость, подавляя слезы, уже катившіяся по его щекамъ.

— Полно, полно, милая!—нѣжно шепталъ онъ.—Ты же не пойдешь замужъ безъ любви, найдешь другой исходъ!

Она опять оживилась, охваченная гнѣвнымъ чувствомъ.

— Исходъ? Какой? — страстно заговорила она. — Я думала, передумывала, и всѣ думы кончались однимъ: выйти за кого бы то ни было замужъ, лишь бы были средства жить въ довольствѣ, широко, блестяще! О, ты меня совсѣмъ не знаешь! Во мнѣ ничего, ничего нѣтъ, кромѣ желанія жить такъ, кромѣ сознанія, что иначе я не умѣю жить. Никакихъ другихъ стремленій, никакихъ другихъ вкусовъ, никакихъ другихъ идеаловъ не привили они ко мнѣ. Я знаю, другіе имѣютъ какія-то другія цѣли, другіе идеалы, другія наслажденія. Вотъ Наташу интересуетъ здоровье какихъ-то бабъ и мужиковъ, какого-то Пегасика; tante Бетси и ея Владиміръ радуются, что на ихъ кирпичъ пошелъ большой спросъ во всей губерніи, и цѣна на него повысилась; у

Digitized by Google

Иволгиныхъ, говорятъ, домъ похожъ на маленькую игрушку, и они въ восторгѣ, что, перевязавъ всѣ гнойныя раны бабъ и мужиковъ, они могутъ наслаждаться затишьемъ отдыха за книгой, за фортепіано, разыгрывая сонаты и распѣвая дуэты... Меня это смѣшитъ, во мнѣ это пробуждаетъ презрѣніе. Я знаю, что это, можетъ-быть, лучше, честнѣе, возвышеннѣе моего идеала, но...

Она оборвала рѣчь и порывисто встала.

— Я низкая, мелочная личность... и ужаснѣе всего то, что я сознаю это...

— Анна!—воскликнулъ Романъ.

— Да, да, не спорь! Ты меня не знаешь, вовсе не знаешь! Ты, можетъ-быть, и себя не знаешь...

Она посмотрѣла на него почти съ насмѣшкой. Казалось, ей хотѣлось затоптать въ грязь себя, его, всѣхъ людей.

— Ты вотъ пришелъ ко мнѣ съ лаской, со словомъ участія. Можетъ-быть, тебѣ самому нужно было подѣлиться съ кѣмъ-нибудь переполнившимъ чашу горемъ; съ Наташей ты еще не близокъ; къ Иволгинымъ нельзя же бѣжать сегодня же; ну, и пришелъ ко мнѣ. Я тебѣ благодарна, мнѣ тоже надо было высказаться. Очень ужъ я измучилась молчать. Но, если бы ты зналъ меня, ты не пришелъ бы ко мнѣ...

Какая-то необъяснимая, какъ бы внѣшняя сила все болѣе и болѣе толкала ее теперь бичевать себя, глумиться надъ собою вслухъ, топтать себя въ грязь.

— Ты вотъ говоришь объ исходѣ. Я нашла его. Въ твоей смерти нашла...

Онъ широко открылъ глаза. Ему казалось, что она сходитъ съ ума. Жолчныя ноты ея голоса болѣзненно отдавались въ его ушахъ.

— Какъ же! Не было бы тебя, я была бы богатою невѣстою, нашлись бы женихи по вкусу, не какіе-нибудь уродливые старики. Ты мнѣ мѣшаешь!

И точно испугавшись своихъ словъ, испугавшись произведеннаго ими впечатлѣнія на Романа, она провела рукой по лбу и, опустившись на скамью, заговорила снова упавшимъ голосомъ:

— Теперь это прошло, не вернется... Я все высказала тебѣ, чтобы ты зналъ, до чего дошла я, до чего довели меня... Въ душѣ я понимаю, что и не отнимешь ты у меня ничего, если бы нужны были средства для моего счастія, что и не пошла бы я за того, кто женился бы не на мнѣ,

Digitized by Google

а на деньгахъ, хоть бы это былъ самый блестящій женихъ... И все-таки...

Она смолкла и съ опущенными на колѣни руками засмотрѣлась въ темнѣвшее пространство, подергивавшееся легкимъ сырымъ туманомъ, точно обрывками облачковъ, надъ широкимъ полемъ.

— Неужели и самые низкіе, самые подлые люди сознаютъ, что они и думаютъ, и поступаютъ низко и подло?—въ раздумьи проговорила она.—Или это только моя особенность? Когда я думала о томъ, что ты мѣшаешь мнѣ, я сознавала, что это низко и подло, и продолжала вѣчно возвращаться къ этой мысли. Когда я всматриваюсь въ жизнь, я сознаю, что есть лучшіе и болѣе чистые идеалы, чѣмъ мой идеалъ, и не люблю ихъ, не стремлюсь полюбить ихъ, не хочу полюбить ихъ — да, да, не хочу! — точно я сознаю, что, достигнувъ ихъ, я умерла бы отъ скуки, а достигнувъ своего, я впервые зажила бы настоящею жизнью...

Романъ ходилъ взадъ и впередъ по бесѣдкѣ, почти не слушая ее. Его всего охватила мысль о томъ, что онъ стоитъ на дорогѣ сестры. Впервые въ жизни его навели на эту мысль. Какъ страшно сознавать, что стоишь на чьей-нибудь дорогѣ преградой, что тебѣ желаютъ смерти. Сознавать, что твоя жизнь безполезна для другихъ и тяготитъ самого тебя. Въ такомъ положеніи нужно наложить на себя руки. Жить подло, когда сознаешь, что ты можешь только мѣшать другимъ и не можешь наслаждаться самъ. Откуда-то въ памяти встали слова Дезульеръ: «C'est ne vivre plus que de vivre inutile»... Болѣзненно настроенный мозгъ Романа работалъ теперь въ этомъ направленіи настойчиво, неудержимо, упорно, точно подталкивая его на самоубійство, точно торопя къ развязкѣ. Смущенная молчаніемъ брата, Анна Ѳеодоровна взглянула на него. Онъ былъ мертвенно блѣденъ, смотрѣлъ мрачно, его губы передергивала нервная судорога. Она съ испугомъ окликнула его:

— Рома?

— А?—вскрикнулъ онъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, и остановился, обводя кругомъ тревожными глазами, точно не сознавая, гдѣ онъ и кто съ нимъ говоритъ.

— Что съ тобой?—тревожно спросила она.—Ты разсердился? Тебѣ дурно?

Онъ машинально провелъ рукой по глазамъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, это со мной бываетъ теперь, послѣ

Digitized by Google

тюрьмы... Забудусь, унесусь куда-то мыслями, потомъ пугаюсь, когда заговорятъ...

Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и ласково улыбнулся ей:

— Такъ что же... умирать, чтобы ты была счастлива?

— Нѣтъ, живи теперь, чтобы мнѣ было легче,—отвѣтила она и, взявъ его за голову руками, поцѣловала его въ лобъ.— Намъ не сумѣли дать даже этого счастья—братской дружбы; мы набрели на него только случайно сегодня...

Она припала къ его плечу головой, охваченная страстной жаждой чьей-нибудь ласки.

— Если бы ты зналъ, какъ мнѣ хорошо въ эту минуту,— тихо сказала она.—Я впервые сознаю, что меня кто-то любитъ, и что я кого-то люблю...

Былъ уже совсѣмъ вечеръ, когда они вернулись къ дому, оба задумчивые, затихшіе, грустно счастливые. Еще издали они замѣтили Наташу. Она сидѣла на ступеняхъ террасы, задумчиво расплетая и заплетая конецъ своей косы, заброшенной на грудь. Ея лицо было серьезно; оно приняло сосредоточенное выраженіе. Они окликнули ее, спросивъ, что она дѣлаетъ.

— Въ комнатахъ душно,—коротко отвѣтила она.

— Чай пора пить,—сказала Анна Ѳеодоровна.

Дѣйствительно, въ комнатѣ, смежной съ террасой, Антонина Аркадьевна уже приготовляла чай, держа въ зубахъ папиросу. На столѣ горѣли свѣчи. Братъ и сестра вошли въ комнату.

— Наташа въ саду?—спросила мать.

— Да, на террасѣ.

— А я ужъ думала, что она опять убѣжала! Странно, вы ушли вдвоемъ, оставили ее одну. Она не нашла ничего лучшаго, какъ уйти въ деревню.

Въ эту минуту въ дверяхъ появилась сама Наташа. Услышавъ, что на нее жалуются, она проговорила:

— Я вовсе не потому хотѣла идти туда, что осталась одна, но у Анисьи мой крестникъ, я думала отнести ему рубашку.

Антонина Аркадьевна обернулась къ ней и холодно сказала:

— Я повторяю тебѣ, Наташа, что у тебя могутъ быть тамъ десятки крестниковъ и все-таки ходить туда тебѣ неприлично. Крестниковъ ты можешь позвать сюда, если ты непремѣнно хочешь ими любоваться и дарить ихъ.

И, обратившись къ остальнымъ присутствующимъ, она продолжала насмѣшливымъ тономъ:

Digitized by Google

— Милыхъ вещей наслушается и насмотрится въ этихъ ямахъ! Своеобразное развитіе получитъ въ восемнадцать лѣтъ среди этихъ пьяныхъ и развратныхъ людей

Наташа вспылила.

— Ничего не наслушаюсь и не насмотрюсь, потому что я и прежде ходила туда. И Вѣрочка ходитъ туда, и Борисъ Николаевичъ. И покойный дядя никогда мнѣ не запрещалъ...

Антонина Аркадьевна сухо прервала ее:

— Мы всѣ здѣсь хорошо слышимъ, и потому не для чего возвышать голоса...

У Наташи навернулись на глаза отъ досады слезы:

— Я не возвышаю голоса, а если мнѣ прикажутъ сидѣть здѣсь и не видать...

Романъ коротко прервалъ ее:

— Здѣсь, Наташа, никто не имѣетъ даже права приказывать тебѣ.

Мать съ удивленіемъ взглянула на него, точно не понимая его словъ.

— Ты не ребенокъ и совершенно свободна,—закончилъ Романъ и, обращаясь къ матери, проговорилъ: — Вы вѣдь никогда не жили въ деревнѣ и потому не знаете, что здѣсь нельзя жить, не сближаясь съ народомъ. Вамъ только потому и кажутся все какіе-то ужасы, что вы сидите въ четырехъ стѣнахъ...

— Ты не пріѣхалъ ли меня учить, какъ слѣдуетъ жить?— насмѣшливо и холодно прервала мать своимъ обычнымъ тономъ, усмирявшимъ всѣ вспышки Ромы въ дни его дѣтства.—Я думала, что за эти два года...

Ее прервалъ громкій говоръ въ сосѣдней комнатѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ у меня накланяется теперь,—громко говорилъ Ѳеодоръ Романовичъ.—Слава Богу, что выслѣдили. Это все Шершовы навели на слѣдъ.

— Опъ-съ, Ѳеодоръ Романовичъ,— послышался мягкій и пѣвучій голосъ Аквилонова:—въ ногахъ валяется, говоритъ, что угодно съ нимъ дѣлайте, только бы не въ судъ.

— А! не въ судъ? не въ судъ? Что-жъ такъ? Вѣдь теперь у нихъ свои суды, новые суды...

И уже глумящимся тономъ Ломовъ прибавилъ:

— Какое же я имѣю право незаконно дѣйствовать? Прежде бы я его просто на конюшнѣ выпоролъ, ну, а теперь я не смѣю,—долженъ волей-неволей въ судъ обратиться, на вора жаловаться. Можетъ-быть, еще оправдаютъ,

Digitized by Google

можетъ-быть, еще скажутъ, что не онъ у меня, а я у него укралъ. Вѣдь все возможно!..

Въ столовой воцарилось молчаніе. Въ сосѣдней комнатѣ послышались быстрые шаги Ѳеодора Романовича. Онъ вошелъ въ столовую и тотчасъ же заговорилъ:

— Нашли, наконецъ, нашли!

— Что?—торопливо спросила жена.

— Да все тѣ же бревна. Нѣтъ, у меня не такъ легко воровать. Шила въ мѣшкѣ не утаишь! У меня сейчасъ формальное слѣдствіе. Они еще не привыкли къ этому, концовъ не умѣютъ прятать, ну, пусть поучатся. А покуда я имъ покажу, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло.

Онъ заходилъ по столовой, прихлебывая чай и оратор-ствуя о трехъ украденныхъ бревнахъ. Эти бревна дали ему занятій, разговоровъ, хлопотъ и волненій на цѣлую недѣлю. Объ этихъ бревнахъ ежедневно говорила и Антонина Аркадьевна, когда бабы приносили ей продавать холстъ, яйца, куръ. Для мужа и жены деревенская жизнь начала хоть немного дѣлаться разнообразною: у нихъ были теперь, кромѣ разобраннаго у сада забора, засѣянный крестьянами клокъ господской земли, украденныя три бревна и еще открытіе, что кто-то на деревнѣ въ пьяномъ видѣ грозился подпустить имъ краснаго пѣтуха. Въ этомъ для Ѳеодора Романовича теперь былъ весь смыслъ его дѣятельности. Какъ онъ ободрился послѣ разоренья при помощи возможности болтать съ членами конкурса по дѣламъ Прецкаго банка и Руспна, съ разными адвокатами и дѣльцами, такъ теперь онъ нашелъ въ деревнѣ занятіе въ мелкой войнѣ съ крестьянами, точно въ этомъ и состояла его роль землевладѣльца. Анна Ѳеодоровна, знавшая, что теперь не будетъ конца надоѣвшимъ ей толкамъ, встала и, простившись со всѣми, вышла изъ столовой.

— И знаешь, кто выслѣдилъ?—проговорилъ Ломовъ.— Шершовъ! Все онъ, все онъ! Я никакъ не думалъ, что этотъ человѣкъ принесетъ мнѣ столько пользы. Это голова, о, какая голова!

И Ѳеодоръ Романовичъ снова началъ толковать о достоинствахъ Шершова пространно, горячо волнуясь и увлекаясь. Наташа сидѣла съ глазами, полными слезъ. Антонина Аркадьевна, волнуясь вмѣстѣ съ мужемъ, наконецъ обратилась къ ней:

— Всѣ эти воры и грабители—отцы твоихъ крестниковъ!

— Неправда, неправда!—воскликнула Наташа, едва сдер-

Digitized by Google

живая рыданія.—Никто, кого я знаю, не былъ воромъ никогда, никогда! Они не виноваты,—что многіе изъ нихъ... мужиковъ... бѣдные...

Она встала и пошла изъ столовой.

— Милое институтское воспитаніе,—насмѣшливо сказала ей вслѣдъ Антонина Аркадьевна.—Мы съ перваго дня уже сцены дѣлаемъ!

Романъ съ шумомъ отодвинулъ стулъ.

— Хорошо еще ей, что она можетъ уйти совсѣмъ и навсегда,—проговорилъ онъ мрачно.

Мать что-то хотѣла возразить, но Ѳеодоръ Романовичъ остановилъ ее. Онъ далъ выйти сыну и тотчасъ же обратился къ женѣ наставительнымъ тономъ на «вы».

— Эхъ, сколько разъ я вамъ говорилъ, что надо имѣть побольше такта! У васъ этого никогда не было и не будетъ!.. Ну, она съ душкомъ, какъ всѣ дѣвчонки изъ институтовъ. На это надо смотрѣть сквозь пальцы. Ее нельзя вооружать. Будетъ время, когда она войдетъ въ нашу семью, тогда другое дѣло. Дѣлайте тогда, что угодно. А покуда вы должны помнить, что намъ нужно, чтобы эта партія состоялась. Иначе... вотъ я получилъ деньги съ Шершова за клокъ лѣса, а гдѣ онѣ? Часть уже ушла. Вѣдь все нужно заводить, лошадей, скотину, экипажи...

И онъ заговорилъ пространно обо всемъ, что имъ нужно и на что нѣтъ денегъ.

Романъ, между тѣмъ, нагналъ Наташу и ласково замѣтилъ ей:

— Наташа, не обращай на нихъ вниманія и дѣлай то, что нравится тебѣ...

Она на минуту остановилась у дверей своей комнаты.

— Я и не намѣрена обращать вниманія на ихъ приказанія,—твердо отвѣтила она, уже вполнѣ овладѣвъ собою и какъ бы удивляясь его словамъ. — Я расплакалась не о себѣ. Мнѣ стало жаль крестьянъ.

И, какъ бы желая пояснить ему свои отношенія къ его семьѣ, прибавила:

— Ты сдѣлалъ возраженіе матери, сказавъ, что я свободна... Если бы ты не сказалъ этого, —это сказала бы я...

Она протянула ему руку, ласково проговоривъ:

— Прощай, голубчикъ!

Въ выраженіи ея лица, въ ея голосѣ слышалось, что это вполнѣ свободный и самостоятельный человѣкъ, сознающій благо своей свободы и своей самостоятельности. Въ ея душѣ,

Digitized by Google

очевидно не было ни страха за свое будущее, ни сомнѣній относительно своихъ поступковъ, ни колебаній насчетъ того, какъ вести себя. Романъ какъ-то невольно подумалъ:

— Счастливица!

Онъ долго не могъ уснуть, думая объ отцѣ, о матери, о сестрѣ, о Наташѣ, о себѣ. Жалобы сестры глубоко запали ему въ душу. Онъ вспоминалъ ихъ одну за другою. Да, она очень несчастна. У нея одинъ исходъ—замужество; другихъ идеаловъ у нея нѣтъ. Ему вдругъ вспомнились ея слова, что она желала ему смерти, чтобы сдѣлаться богатой невѣстой. Это опять привело его въ возбужденное состояніе. Жизнь довела до того, что цѣною смерти брата думала купить счастіе. Бѣдная! Теперь она знаетъ, что онъ все отдастъ ей, если это будетъ нужно для ея счастія. А онъ? До чего онъ дошелъ? Онъ даже не можетъ сказать, чтобы хоть цѣной чьей-нибудь смерти онъ могъ сдѣлаться счастливымъ. У нея есть хоть узкій идеалъ счастья — у него нѣтъ и этого. Ни во что не вѣритъ, ни на что не надѣется! И это на двадцать четвертомъ году жизни! Слѣдствіе чего это? Не слѣдствіе ли полученнаго имъ воспитанія, не научившаго его ничего любить, кромѣ своей барской роскоши, барскихъ привычекъ, барскихъ удобствъ? Не потому ли явились эта безнадежность и безвѣріе, что онъ одновременно узналъ и то, что въ мірѣ есть многое достойное любви, и тѣ книги, тѣ теоріи, гдѣ отрицаніе убиваетъ всякія надежды, всякую вѣру въ лучшее будущее для человѣчества? Не повредило ли ему то, что онъ сознавалъ безплодность разныхъ отраслей труда, прежде чѣмъ онъ втянулся въ какую-нибудь излюбленную дѣятельность, привыкъ къ ней, какъ роковымъ образомъ привыкаютъ къ разврату, къ кутежамъ, къ пьянству? Или просто путемъ наслѣдственности къ нему перешла отъ отца способность говорить обо всемъ и ничего не дѣлать? Онъ не могъ рѣшить этихъ вопросовъ, онъ сознавалъ только, что никакой родъ дѣятельности не манитъ его, что всякая дѣятельность кажется ему толченіемъ воды въ ступѣ, переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, верченьемъ въ бѣличьемъ колесѣ, что прежде нужно все въ мірѣ перевернуть вверхъ дномъ, разрушить. Труды и усилія человѣчества представлялись какой-то работой муравьевъ: тысячи ихъ трудятся, создавая свой муравейникъ, но стоитъ пройти мимо шалуну-мальчишкѣ, и онъ палкой разворотитъ все, что созидалось съ такими усиліями тысячами тружениковъ. Что осталось отъ Карфагена и его цивилизаціи? Гдѣ въ Греціи

Digitized by Google

слѣды древняго спартанскаго генія? Какіе результаты дала первая историческая стачка—стачка евреевъ, отказавшихся отъ рабскаго труда, не тѣ ли, что стачки повторялись и потомъ и подавлялись распорядителями судьбою бѣлыхъ негровъ? Сохранилось ли на практикѣ гдѣ-нибудь ученіе христіанства въ своей первоначальной чистотѣ? Пять тысячъ лѣтъ тому назадъ сказаны слова о необходимости любить ближняго, какъ самого себя,—а братья ненавидятъ братьевъ попрежнему? Не медицина ли оказала могучее вліяніе на человѣчество, живущее теперь меньше прежняго, сдѣлавшееся менѣе выносливымъ, болѣе слабосильнымъ, изнервничавшееся до того, что пессимизмъ сталъ чуть не повальной болѣзнью, а сами медики съ ужасомъ говорятъ, что алкоголизмъ и слѣдствіе заразы отъ разврата грозятъ въ будущемъ еще большими бѣдствіями? Мысль о разстроенныхъ нервахъ заставила его сдѣлать скачокъ отъ судебъ человѣчества къ своей судьбѣ. Вся бѣда въ томъ, что у него разстроены нервы. Этимъ наградили его отецъ и мать, воспитаніе, переворотъ въ жизни, тюрьма. Прежде всего нужно успокоить ихъ, тогда, можетъ-быть, все предстанетъ въ иномъ, болѣе привлекательномъ свѣтѣ. О, если бы полюбить,—полюбить такую дѣвушку, какъ Наташа, чистую, здоровую, свѣжую. Полюбить? Онъ уже и полюбилъ. Вопросъ не въ томъ, а въ томъ, полюбитъ ли она-то его? Онъ грустно улыбнулся: давно ли онъ говорилъ, что у его сестры есть исходъ, а у него нѣтъ; а вотъ теперь и нашелся, все тотъ же вѣчный исходъ — любовь. А что если и любовь не спасетъ? Если и она не принесетъ спокойствія духа, бодрости, надежды, стремленій? Онъ тогда только отравитъ жизнь другому существу, не исправивъ своей жизни? Имѣетъ ли онъ право ставить на карту чужое существованіе? Ради чего? Ради гадательнаго спасенія самого себя? Вдругъ и она, Наташа, придетъ когда-нибудь къ тому же заключенію, къ какому пришла его сестра: «о, если бы онъ не стоялъ на моей дорогѣ?» Ему стало жутко, точно эти слова уже говорила Наташа. Возбужденное воображеніе работало быстро. Фантазіи казались дѣйствительностью. Онъ содрогнулся. Да, да, лучше умереть. Его охватилъ при этой мысли такой ужасъ, какъ будто онъ уже занесъ на себя руку. Лобъ покрылся холоднымъ потомъ, члены оцѣпенѣли, глаза остановились съ расширенными зрачками, вглядываясь во мракъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ очнулся, какъ бы отъ обморока. Онъ потеръ лобъ, припоминая, что съ нимъ случилось. «Нерв-

Digitized by Google

ничаю все, нервничаю,—проговорилъ онъ.—Пить, развратничать я рано началъ. Организмъ былъ и безъ того слабъ. Слава Богу, что тюрьма отучила хоть отъ этого. Теперь это не повторится. Надо беречь себя, надо подготовиться. Еще жизнь впереди, все можетъ измѣниться».

Онъ мало-по-малу сталъ засыпать, баюкая себя какими-то смутными надеждами на лучшее. Онъ уснулъ, повидимому, спокойно. Но подъ утро въ комнатѣ стало душно. Ему снилось, что онъ снова въ тюрьмѣ; но онъ не одинъ; въ углу стоитъ его мать и говоритъ съ кѣмъ-то насчетъ того, что нужно зарѣзать ея сына; онъ отчетливо слышитъ ея слова и силится крикнуть ей, что онъ все слышитъ, и не находитъ силъ для крика; между тѣмъ этотъ кто-то подкрался къ нему съ ножомъ и начинаетъ его душить, занося надъ его горломъ ножъ; онъ сталъ отбиваться, бороться, вскочилъ...

— Его надо зарѣзать!—отчетливо раздалось приказаніе матери.

Рома испуганно осмотрѣлся, протеръ глаза. Да, онъ не спитъ, это онъ слышалъ наяву. Въ его окна смотритъ уже бѣлый день. Господи, что же это такое? Тотъ же голосъ повторяетъ.

— Я тебѣ говорю, что его надо зарѣзать, а эту неструшку оставить на выкормку.

Онъ узналъ опять голосъ матери. Онъ быстро подошелъ къ окну и распахнулъ его. Внизу на надворномъ крыльцѣ Антонина Аркадьевна, окруженная бабами, принесшими на продажу разные хозяйственные предметы, отдавала приказаніе Степану Потапычу, державшему въ рукахъ пѣтуха и курицу. У Ломова отлегло отъ сердца, точно онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ до этой минуты, что зарѣзать собирались именно его.

Digitized by Google

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

У Елизаветы Андреевны Кожуховой справлялось семейное торжество — годовщина рожденія ея старшаго сына. Елизавета Андреевна каждый годъ повторяла сыну передъ приближеніемъ этого дня:

— Не въ пору ты родился—на заводѣ теперь самое горячее время.

Тѣмъ не менѣе, торжество справлялось каждый годъ неизмѣнно. Въ этотъ разъ оно казалось тѣмъ необходимѣе, что Елизавета Адреевна особенно сильно разсчитывала нанести въ этотъ день окончательный ударъ Валерьяну Александровичу Апухтину.

— Надо же пристроить бѣдную Ниночку,—говорила она и прибавляла: — Да и намъ пригодится имѣть близкимъ родственникомъ нашего предводителя.

Ѳеодоръ Романовичъ и Антонина Аркадьевна знали отлично планы tante Betси и обрадовались ея приглашенію провести у нея этотъ день. Обрадовались предстоящему празднику и остальные члены семьи, но не ради сближенія съ Апухтинымъ; они были бы даже болѣе довольны, если бы пиръ былъ безъ Апухтина; ихъ радовала просто возможность развлечься. Деревенская жизнь навѣвала на нихъ, настоящихъ петербуржцевъ, привыкнувшихъ къ шуму и суматохѣ улицъ, томительную скуку своимъ однообразіемъ, своимъ затишьемъ. Дѣла у нихъ не было и не могло быть, развлеченій тоже. Это была не жизнь, а изнываньe отъ праздности.

Въ первое же утро по пріѣздѣ Романа въ деревню его разбудилъ голосъ матери, отдававшей приказаніе Степану

Digitized by Google

Потапычу зарѣзать пѣтуха. Этотъ голосъ сталъ будить Романа ежедневно. Надворное крыльцо было какъ разъ подъ окнами его комнаты. Романъ вставалъ, подходилъ къ окну, открывалъ его и смотрѣлъ внизъ. Внизу на крыльцѣ обыкновенно стояла мать въ блузѣ, съ непричесанными волосами, немного обрюзгшая и опустившаяся, и вела бесѣды съ окружавшими ее бабами. Бабы приносили ей на продажу яйца, куръ, масло, творогъ, холсты, иногда все это въ микроскопическихъ дозахъ, очевидно, не потому, что это приносимое было лишнимъ въ домѣ, а потому, что былъ нуженъ до зарѣза какой-нибудь грошъ на уплату разныхъ долговъ, недоимокъ, сборовъ и податей. Онѣ иногда не просто предлагали купить приносимое, а кланялись и молили Христомъ Богомъ, точно нищія, просящія подаянія. Нужда во многихъ семьяхъ въ Ломовскомъ доходила до крайнихъ предѣловъ. У Антонины Аркадьевны какъ-то само собою вошло въ привычку отказываться съ перваго слова отъ покупокъ:

— Ничего, ничего сегодня не куплю! Все есть,—говорила она.

Бабы опять начинали уговаривать и просить.

— Смѣшныя вы! На что мнѣ все это? Бросить, что ли, заплативъ деньги!—говорила Антонина Аркадьевна.

Упрашиванья повторялись, наконецъ прямо произносилось послѣднее слово:

— Помоги!

Тогда Антонина Аркадьевна начинала для развлеченія попрекать бабъ:

— Когда нужно—помоги, а то такъ судиться хотите изъза земли. Засѣяли нашъ участокъ и правы!

Высчитывались всѣ вины крестьянъ. Бабы вздыхали, не то сознавая свои провинности, не то просто ожидая конца укорительныхъ рѣчей. Иногда выскивалась какая-нибудь шустрая бабенка, успѣвшая цивилизоваться гдѣ-нибудь въ городѣ въ качествѣ стряпки, и не безъ лукавства бойко замѣчала:

— Матушка-барыня, да развѣ баба отвѣтчица за мужика!

— Ахъ, всѣ вы заодно тамъ!—восклицала Антонина Аркадьевна и опять начинала высчитывать крестьянскія вины.

Бабы не отставали.

Тогда призывался Степанъ Потапычъ, начиналось совѣщаніе съ нимъ, нужны ли предлагаемые продукты.

— Яицъ нужно намъ?—спрашивала Антонина Аркадьевна.

Digitized by Google

— Яйца всегда нужны,—коротко и мрачно отрѣзалъ Степанъ Потапычъ.

Онъ постоянно былъ теперь не въ духѣ. Съ одной стороны, Марѳа Власьевна раздражалась здѣсь больше обыкновеннаго, даже когда онъ не пилъ, а съ другой—самъ онъ сердился на хозяйство господъ: «коляску выписали новую, бѣговыя дрожки купили, да полкурицы завели въ усадьбѣ и думаютъ, что такъ и надо вести дѣла; развѣ это называется господскимъ хозяйствомъ». Онъ помнилъ старыя господскія хозяйства и почти стыдился за нынѣшнее хозяйство своихъ господъ. Разъ онъ проворчалъ цѣлый день, когда ему пришлось по случаю пріѣзда неожиданныхъ гостей обѣгать всю деревню, чтобы раздобыть на обѣдъ куръ. Такой стыдъ и срамъ было не легко перенести.

— Ну, а творогъ понадобится?—продолжала спрашивать барыня.

— Творогъ всегда нуженъ,—тѣмъ же тономъ отвѣчалъ онъ.

Она сердилась.

— Поди и справься, есть ли у насъ; можетъ-быть, вовсе и не нужно. Ты вѣдь радъ все скупить.

— Что же справляться, если нужно...

— Тебѣ говорятъ, справься...

— Справлюсь, чего не справиться, а что нужно, такъ это и такъ знаю...

Она бросала на него строгій взглядъ, точно говоря: «Что это ты, ужъ не женѣ ли вздумалъ подражать грубостями? Такъ ты запомни, что тебѣ не позволятъ того, что спускается ей».

— Ступай и посмотри!—приказывала она.

Онъ шелъ смотрѣть и возвращался съ короткимъ отвѣтомъ:

— Смотрѣлъ! Нужно!

Бабы каждый разъ въ подобныхъ случаяхъ вздыхали облегченными вздохами, хотя каждый разъ онѣ могли впередъ знать, что скажетъ Потапычъ. Тогда начинался торгъ. Выторговывались гроши, копейки. Все это затягивалось нестерпимо долго, перерывалось вводными разговорами; Антонина Аркадьевна уже знала деревенскія исторіи, имена десятковъ изъ деревенскихъ жителей, интересовалась сплетнями.

Романъ слушалъ эти разговоры и чувствовалъ, что мать затягиваетъ свои бесѣды съ бабами для того, чтобы поразнообразить хоть чѣмъ-нибудь свою жизнь, хоть чѣмъ-нибудь разогнать охватившую ее сонливую апатію. Какъ

Digitized by Google

когда-то въ Петербургѣ она смотрѣла по цѣлымъ часамъ на проходившихъ мимо оконъ грязныхъ мастеровыхъ, на тащившихся съ ношами бабъ, на игравшихъ въ бабки уличныхъ ребятишекъ, такъ теперь она здѣсь, въ деревнѣ, толкуетъ съ бабами. Иногда къ ней утромъ приходятъ не продавщицы, а просто такъ, какія-то бабы пожалиться на свою судьбу, разсказать ей про какое-нибудь «озорство» мужиковъ. Она выслушивала и ихъ, интересовалась ихъ разсказами. Ее прозвали даже «жалостливой», «болѣзной», «сердешной» барыней.

Эти бесѣды каждое утро длятся безъ конца; Марѳа Власьевна иногда два-три раза докладываетъ барынѣ, что чай поданъ, и всѣ «встамши», а Антонина Аркадьевна все не можетъ оторваться отъ разговоровъ. Она давно, еще въ столицѣ, отвыкла выѣзжать и теперь ее не манило къ сосѣдямъ, даже къ Иволгинымъ, жившимъ въ трехъ верстахъ отъ Ломовыхъ. Ей было даже видимо лѣнь одѣваться, чесать волосы, хотѣлось ходить подольше въ утренней блузѣ, съ кое-какъ приглаженными сухими волосами, падавшими прядями около щекъ...

Умывшись и одѣвшись, Романъ сходилъ на террасу, гдѣ обыкновенно пили чай. Тамъ уже горячился и волновался Ѳеодоръ Романовичъ. Повидимому, онъ былъ дѣятеленъ, воодушевленъ, слѣдилъ за всѣмъ въ хозяйствѣ. Но это было только одно говоренье и притомъ говоренье съ чужого голоса. Дѣло за него дѣлали уже давно Шершовъ и Аквиловъ. Шершовъ выяснялъ ему всевозможныя выгоды того или другого рода хозяйства, доказалъ преимущества отдачи земли въ аренду не за деньги, а за отработки, открылъ закулисныя мелочи положенія тѣхъ или другихъ изъ мужиковъ-работниковъ, давая этимъ возможность во-время и въ пору закабалить повыгоднѣе работника. Старикъ охотно дѣлился своею опытностью кулака и міроѣда, когда зналъ, что обучаемый имъ ученикъ не можетъ столкнуться съ нимъ на одной узенькой дорожкѣ. Ѳеодоръ Романовичъ называлъ его своею правою рукой, своимъ повѣреннымъ, своимъ министромъ и, въ сущности, самъ того не замѣчая, игралъ при Шершовѣ ту же роль, какую онъ игралъ когда-то при Русовѣ. Онъ отдавалъ приказанія Шершову, не подозрѣвая даже, что эти приказанія продиктованы ему самимъ Шершовымъ. Онъ чувствовалъ себя особенно хорошо, не имѣя нужды ломать головы, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, не чувствуя необходимости хлопотать и заботиться обо всемъ лично,

Digitized by Google

и въ то же время получивъ возможность говорить много и пространно о дѣлахъ, о порядкахъ, о положеніи помѣщика, о положеніи крестьянъ. Шершовъ не уславливался съ Ломовымъ даже относительно цѣны за руководство его дѣлами, и когда Ломовъ разъ заговорилъ объ этомъ въ порывѣ благодарности за дѣйствія Шершова, старикъ отвѣтилъ просто:

— Не обидишь!

Даже Аквилоновъ, ежедневно заходившій къ Шершову, попить чайку, попрежнему подобострастный, попрежнему грузившій такъ, что «поджилки дрожали», передъ покрикивавшимъ на него бариномъ, удивлялся, какъ это Шершовъ не получаетъ опредѣленнаго вознагражденія. Старикъ сухо сказалъ:

— Баринъ хорошій! Такіе-то нынче выводятся!

И, не объясняя ничего болѣе, мелкомъ продолжалъ разспросы о дѣлахъ на господскомъ дворѣ. Конюшни бы тамъ перестроить надо. Тоже заборъ у сада надо бы возстановить. Сказалъ бы Ѳеодоръ Романовичъ, ребята мигомъ бы все обтяпали. Аквилоновъ на другой день подобострастно и боясь, что вотъ-вотъ его прогонятъ за его продерзость, повторилъ барину слова Шершова. Тогда Ломовъ, осѣненный внезапною новою идеею, замѣчалъ Шершову, что нужны тѣ или другія поправки, и «ребята» Шершова мастерили, что было нужно, не торгуясь, довольные всѣмъ, что дадутъ, потому что отецъ приказывалъ имъ быть довольными и тогда, если ничего не дадутъ. Разъ одинъ изъ сыновей Шершова, отправляясь на работу, рѣшился замѣтить отцу:

— Какъ бы не обчелъ!

Старикъ посмотрѣлъ на него, какъ смотрятъ на глупыхъ и непонятливыхъ людей.

— Вотъ погоди,—царь тебя въ министры позоветъ, а ты съ нимъ торгуйся, чтобы не обчелъ.

— Далеко до царя-то ему!—коротко отвѣтилъ сынъ.

— Тебѣ-то до министра, видно, рукой подать,—такъ же коротко отвѣтилъ отецъ.

И, поднявшись кряхтя съ лавки, онъ проговорилъ, крестясь широкимъ крестомъ:

— Пока Богъ не обижалъ—все было; теперь каменную стѣну далъ, ну, и благодари его денно и нощно, а не разсуждай.

Онъ грузно пошелъ въ свою комнату, вздыхая и шепча:

— Охъ, грѣхи наши, грѣхи тяжкіе!

Шершовъ шелъ покуда еще ощупью, наобумъ впередъ къ

Digitized by Google

увеличенію своего благосостоянія. Онъ еще не сознавалъ вполнѣ ясно, какимъ путемъ онъ извлечетъ изъ этого барина выгоды, но онъ уже предчувствовалъ, угадывалъ, что передъ нимъ открывается новое поприще для наживы. Онъ даже по-своему привязался къ Ломову, какъ привязываются къ откармливаемому на праздникъ животному. Онъ до того часто повторялъ всѣмъ и каждому, что Ломовъ «баринъ хорошій», что даже Аквилоновъ пріободрился и повеселѣлъ.

Аквилоновъ былъ типомъ запугавшагося неудачника, Макара, сознававшаго, что на него валятся и должны валиться всѣ шишки. Онъ каждый день просыпался съ мыслью, что сегодня стрясется надъ нимъ какая-нибудь бѣда. Ежедневно онъ вставалъ съ мыслью, что нынче его выгонятъ, и къ вечеру вздыхалъ о томъ, что если не выгнали нынче, то значитъ завтра выгонятъ. Очень ужъ много онъ былъ выгоняемъ въ жизни и очень мало вѣрилъ въ свою пригодность къ чему бы то ни было. Онъ самъ о себѣ говорилъ, что у него «нѣтъ никакихъ качествъ» и сокрушался. Только Шершовъ его и поддерживалъ, ободряя его. Ему онъ повторялъ про Ломова, что это баринъ хорошій, Ломову онъ говорилъ про Аквилонова, что это «не человѣкъ, а песъ вѣрный, только малодушія у него много». Аквилоновъ, наконецъ, до того «осмѣлился», какъ онъ самъ выражался, что рѣшился однажды ухмыльнуться во весь ротъ, когда Ломовъ спросилъ его, «что это за дѣвка живетъ у Парфена на мельницѣ».

— Это-съ... не дѣвка она, а вдова... дочь Парфена,— отвѣтилъ Аквилоновъ.

И, робѣя еще болѣе, онъ прибавилъ:

— Красивая-съ!

— Да, да,—разсѣянно сказалъ Ломовъ, глядя въ сторону.— Бойкая бабенка, кажется?..

Аквилоновъ хотѣлъ что-то сказать и поперхнулся отъ испуга, начавъ усердно шарить что-то среди бумагъ на письменномъ столѣ. Наконецъ онъ собрался съ силами и, все еще не поднимая глазъ отъ стола и роясь въ бумагахъ, выпалилъ:

— Она-съ очень веселая...

Ломовъ взглянулъ на него вопросительнымъ взглядомъ. Аквилоновъ смотрѣлъ опять куда-то въ сторону и торопливо говорилъ, точно боясь, что послѣ у него не хватитъ храбрости все высказать:

— Конечно, бабенка молодая, вдовая, скучно одной, отецъ

Digitized by Google

ничего не говоритъ... Она-съ, Ѳеодоръ Романовичъ, гулящая...

Ломовъ опять посмотрѣлъ на него. Аквилоновъ, чувствуя, что у него нутро дрожитъ, теперь думалъ: «вотъ-вотъ сейчасъ погонитъ». Но Ломовъ не погналъ его, а всталъ и какъ-то по-мальчишески заходилъ по комнатѣ, раскачиваясь и вертясь на каблукахъ. По его лицу пробѣгала улыбка. Онъ вдругъ остановился передъ Аквилоновымъ, похлопалъ его по плечу и спросилъ:

— Такъ, гулящая?

Аквилоновъ заторопился:

— То-есть не то, чтобъ... А купецъ тутъ одинъ былъ, такъ говорили люди... Человѣкъ молодой, всяко бываетъ... Конечно-съ, на какого-нибудь вахлака не позарится... А только это точно, что веселая...

Ломовъ разсмѣялся.

— Ну, хорошо, такъ и будемъ знать...

Онъ началъ что-то насвистывать. А потомъ, дня черезъ два, онъ случайно заѣхалъ на мельницу, да такъ и пробылъ тамъ съ сутки. Вернувшись домой, онъ позвалъ Аквилонова и, трепля его по плечу, весело отдалъ ему приказаніе съѣздить въ городъ и купить кое-какихъ вещей—на платье шерстяной красной матеріи, шелковый платокъ съ узорами, бусъ. Аквилоновъ, подобострастно и немного застыдившись, выслушалъ приказаніе, ничего не спрашивая, ни на что не намекая. Но Ѳеодоръ Романовичъ самъ замѣтилъ:

— А дочь-то Парфена точно веселая!

Аквилоновъ захихикалъ тихо и робко и тотчасъ же сдѣлалъ упорно сосредоточенный видъ. Когда онъ вернулся съ покупками, Ломовъ отдалъ привезенный остатокъ денегъ ему. Аквилоновъ чуть-чуть не поцѣловалъ ему руки; въ немъ пробудилось какое-то новое чувство къ Ломову, что-то въ родѣ нѣжности. Онъ сталъ каждый разъ суетиться и радостно улыбаться, когда тотъ ѣхалъ на мельницу, точно ѣхалъ не Ломовъ, а онъ самъ.

Дѣти Шершова не сразу угадали, почему ихъ отецъ, непокорливый, самолюбивый, суровый, сдѣлался чуть не рабомъ Ломова, но дѣти Ломова сразу угадали, что Ѳеодоръ Романовичъ попалъ опять въ руки продувного мошенника. Ихъ почти оскорбляло это сознаніе: въ былыя времена Русовъ, фатоватый краснобай въ лайковыхъ перчаткахъ, провелъ его; теперь Шершовъ, грубый мужикъ съ заскорузлыми руками, водитъ его за носъ. Это было тѣмъ досаднѣе, что отцу

Digitized by Google

нельзя было открыть глаза, нельзя было даже заговорить съ нимъ противъ Шершова: «Шершовъ богобоязненный человѣкъ; Шершова семья примѣръ степенности и домовитости; Шершову все село кланяется; Шершовъ настолько богатъ, что ему не зачѣмъ гнаться. Да кромѣ того, его, Ѳеодора Романовича, и обмануть трудно: онъ знаетъ всѣ тонкости сельскаго хозяйства, онъ слѣдитъ за всѣмъ». И Ѳеодоръ Романовичъ начиналъ говорить безъ конца, забрасывая слушателей удивительными терминами: «супесокъ», «суглинокъ», «трехпольная система», «отработная система», «сѣвооборотъ», «чрезполосица», «тукъ», все это смѣшивалось въ той формѣ, въ какой, вѣроятно, смѣшивались слова только при вавилонскомъ столпотвореніи. Нѣкоторыя слова сдѣлались у него даже любимыми и онъ повторялъ ихъ кстати и некстати, какъ это дѣлаютъ съ иностранными словами люди, не говорящіе на иностранныхъ языкахъ и щеголяющіе заученными словцами. И чѣмъ веселѣе ораторствовалъ Ломовъ-отецъ съ самаго ранняго утра, тѣмъ болѣе тоскливое выраженіе лицъ сестры и Наташи подмѣчалъ Рома, появляясь къ чаю.

Обыкновенно онъ заставалъ Анну Ѳеодоровну за безконечной вышивкой, иногда опускаемой вышивальщицею на колѣни въ какомъ-то нѣмомъ отчаяніи. Въ саду, около куртинъ передъ домомъ, виднѣлась фигура Наташи. Молодая дѣвушка осматривала посаженные ею цвѣты, нѣтъ ли на нихъ новыхъ ростковъ, новыхъ бутоновъ. Въ чертахъ ея молодого, свѣжаго лица нѣтъ выраженія тоски и отчаянія, наложившихъ свою печать на лицо Анны Ѳеодоровны, но и она серьезна и озабочена, и можно сразу угадать, что не мысли объ этихъ цвѣтахъ придали ей такое выраженіе. Ее томитъ сознаніе, что она живетъ не такъ, какъ хотѣлось бы жить, какъ живетъ Вѣра Николаевна, погрузившаяся вполнѣ въ интересы деревни, въ нужды окружающаго люда. Заслышавъ голосъ Ромы, здоровающагося съ отцомъ, съ матерью, съ сестрой, Наташа зорко глядитъ на него. Каковъ онъ сегодня? Не сдѣлался ли еще блѣднѣе? Не встревоженъ ли болѣе обыкновеннаго? Нѣтъ ли на его лицѣ нервныхъ подергиваній, такъ пугающихъ иногда ее? Ей каждый разъ при этихъ передергиваніяхъ кажется, что онъ хочетъ зарыдать. Бѣдный, бѣдный мальчикъ, если бы она могла хоть ему помочь. И вдругъ ей дѣлается совѣстно и странно, почему она зоветъ его мысленно «мальчикомъ». Какой же онъ «мальчикъ»: ему двадцать четвертый годъ или больше

Digitized by Google

даже! Но что-жъ годы? Онъ живетъ, какъ мальчикъ, безъ дѣла, безпомощный, непрактичный, по-дѣтски капризничающій. Онъ подходитъ къ ней.

— Здравствуй, Наташа!—говоритъ онъ.

Она сжимаетъ его руку и спрашиваетъ тихимъ голосомъ, скороговоркой:

— Хорошо ли спалъ? Что нервы? Тюрьму не видалъ ли во снѣ.

Ее особенно поражало, когда онъ въ первое время разсказывалъ, что ему все снится каждую ночь, будто онъ еще въ тюрьмѣ.

Онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не снилось... Но все та же тоска, тоска...

— Вотъ сейчасъ напьемся чаю и уйдемъ,—утѣшаетъ она его.

Онъ усмѣхается, какъ усмѣхаются взрослые на наивныя утѣшенія ребенка. Онъ знаетъ, куда они уйдутъ.

На террасѣ, между тѣмъ, ходитъ взадъ и впередъ и неумолкаемо болтаетъ Ѳеодоръ Романовичъ. Антонина Аркадьевна, куря папиросы, тоже разсказываетъ о новостяхъ, услышанныхъ утромъ. Всѣ, Романъ, Анна Ѳеодоровна, Наташа, молчатъ, ждутъ, когда кончится эта незанимательная для нихъ болтовня, знакомая всѣмъ чуть не наизусть.

Иногда Антонина Аркадьевна является къ чаю не въ духѣ и какимъ-то страннымъ тономъ говоритъ мужу:

— Ты, кажется, вчера очень поздно вернулся домой.

— Нѣтъ, то-есть да, въ часъ, должно-быть,—растерянно отвѣчаетъ онъ, смотря въ сторону.

— У tante Бетси былъ?—допытывается жена.

— Нѣтъ, такъ тутъ заѣхалъ по дѣламъ,—скороговоркой произноситъ Ломовъ и начинаетъ торопливо другой разговоръ.

Она смотритъ на него съ холоднымъ презрѣніемъ. Онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ ея взгляда, но и она и онъ знаютъ, что онъ хорошо видитъ и понимаетъ эти взгляды.

«Что происходитъ между ними?»—думаютъ Рома и Анна Ѳеодоровна. Отвѣта нѣтъ. Тѣмъ не менѣе очевидно, что въ отношеніяхъ супруговъ явилось что-то новое, какое-то глухое недовольство.

Чай, наконецъ, отпитъ, столъ прибранъ.

Наташа торопитъ Анну Ѳеодоровну и Романа гулять. Они нехотя соглашаются на ея доводы:

Digitized by Google

— Погода чудесная, все въ цвѣту, сидѣть на одномъ мѣстѣ грѣшно.

Они идутъ всѣ трое.

— Опять въ село? — спрашиваетъ Анна Ѳеодоровна, выходя изъ сада.

— Да, да, я ужъ все приготовила.

Наташа быстро-быстро начинаетъ объяснять, что въ селѣ у Анисьи боленъ ребенокъ, что какая-то бабушка Прасковья просила чайку, что Гришутка совсѣмъ обносился и чуть не голый ходитъ. Она, смѣясь, показываетъ разные сверточки и узелочки, напиханные ею въ карманъ, въ зонтикъ, въ корзинку съ ручкой.

— Только я не пойду ходить съ тобою по избамъ,—замѣчаетъ Анна Ѳеодоровна.—Воздухъ тамъ положительно нестерпимъ.

Наташа спѣшитъ немного наивно оправдать мужиковъ.

— Что-жъ дѣлать, Нина, мужики бѣдны!

— Я не о томъ. Но я не выношу этого воздуха. У меня въ прошлый разъ голова разболѣлась на цѣлый день и стало тошно.

— Это отъ непривычки, съ перваго раза.

Анна Ѳеодоровна усмѣхается въ отвѣтъ на ея «наивности» и говоритъ шутливо:

— Для меня это будетъ всегда «съ перваго раза».

Они доходятъ до села. Наташа забѣгаетъ въ двѣ-три избы знакомыхъ крестьянъ. Ея голосъ звенитъ въ этихъ избахъ. Ея спутники ждутъ ее, скучая, гдѣ-нибудь на завалинкѣ. Потомъ она выбѣгаетъ къ Аннѣ Ѳеодоровнѣ и Роману, раскраснѣвшаяся, радостная, и говоритъ:

— Вѣдь я не долго? не соскучились?

И на возвратномъ пути она идетъ уже какъ-то преобразившись, всему радуясь, всѣмъ восхищаясь. Ей хочется расцѣловать каждаго грязнаго ребенка, ее забавляетъ каждый цыпленокъ съ желтенькимъ пушкомъ, она кличетъ каждую вахластую собачонку. Жизнерадостная, она теперь любитъ всѣхъ и все за то, что эти всѣ и все даютъ ей столько счастья.

— Счастливица! — говоритъ ей Романъ. — Ты, кажется, убѣждена, что теперь все въ мірѣ пошло хорошо, потому что ты дала кому-то чаю и кого-то нарядила въ новую рубашку.

Она съ удивленіемъ смотритъ на него.

— Я вовсе этого не думаю,—отрицательно качаетъ она

Digitized by Google

головой.—Но отчего же не помочь, если можешь и если это такъ пріятно?

Онъ спрашиваетъ ее, читала ли она когда-нибудь, какъ смотрятъ многіе ученые на благотворительность? Нѣтъ? Очень жаль, потому что не мѣшаетъ знать. И онъ начинаетъ пояснять. Благотворительность еще нигдѣ и никогда не спасла никого отъ нищеты, не улучшила нигдѣ общественнаго положенія бѣдняковъ. Бѣдняки очень часто развращаются благотворительностью, превращаясь изъ работниковъ въ попрошаекъ, унижаясь и теряя свое человѣческое достоинство. Они пріучаются къ опекѣ, къ безпечности. Даже больше: благодаря поддержкѣ слабыхъ и неспособныхъ, благотворительность косвенно вліяетъ на вырожденіе людей — сильные гибнутъ безъ поддержки со стороны, слабые, поддерживаемые искусственно, плодятся и производятъ новыя, ни на что негодныя поколѣнія, Объ этомъ предметѣ есть цѣлые трактаты, серьезные, ученые, доказательные.

Онъ говоритъ подробно, Наташа слушаетъ и не можетъ спорить. Она не читала еще этихъ книгъ, она не знаетъ, насколько онѣ серьезны и доказательны, она даже не знаетъ: вѣрно ли Рома передаетъ ихъ смыслъ.

— Что же надо дѣлать? — простодушно спросила она однажды.

Онъ улыбнулся горькой усмѣшкой.

— О, если бы кто-нибудь рѣшилъ этотъ вопросъ — міръ былъ бы спасенъ. Въ рѣшеніи этого вопроса—все

Она засмѣялась.

— Ты все о міровыхъ вопросахъ! Что же я въ нихъ понимаю.

Его сердило, когда онъ слышалъ такіе отвѣты.

— А ты думаешь, что на все надо смотрѣть съ точки зрѣнія своего муравейника, своего болота?

Она промолчала.

— А главное,—сказалъ онъ немного насмѣшливо: — это то, что отъ этихъ филантропическихъ посѣщеній бѣдняковъ пахнетъ идиллій, тѣми сказочками, гдѣ разсказывалось, какъ добрая фея посѣщаетъ бѣдняковъ и раздаетъ имъ свои дары.

Наташа вспыхнула и вспылила, задѣтая за живое.

— Зачѣмъ ты смѣешься надъ этимъ? Это вовсе не смѣшно! Я знаю съ дѣтства нѣсколькихъ женщинъ здѣсь. Я крестила у четверыхъ. Я помогаю имъ, какъ знакомымъ, вотъ и все.

Digitized by Google

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она продолжала горячиться.

— Значитъ и ты былъ мальчикомъ изъ бабушкиныхъ сказокъ, когда тебя пригрѣвали Анисья Гавриловна, Борисъ Николаевичъ и Вѣра Николаевна? Зачѣмъ же ты ходилъ къ нимъ, принималъ ихъ ласки? Зачѣмъ разыгрывалъ комическую роль?

И увлекаясь все болѣе и болѣе, она продолжала дѣтски задорнымъ тономъ:

— Приласкать человѣка, посѣтить его въ горѣ, дать ему необходимое, все это смѣшно, идиллія, сказки, сентиментальность! Ты это говоришь, потому что они, мужики, чужіе тебѣ, не любишь ты ихъ. А попробуй самъ прожить такъ, чтобы къ тебѣ никто, никто никогда не пришелъ съ утѣшеніемъ, съ помощью. Вѣдь это сентиментальность; это не разрѣшитъ никакихъ міровыхъ вопросовъ!.. О, ты совсѣмъ не знаешь, что значитъ любить!

Онъ уже забылъ сущность дѣла и только любовался ею, ея разгорѣвшимся личикомъ, горячностью ея рѣчи, наивными скачками въ опроверженіяхъ и возраженіяхъ. Ему хотѣлось обнять и расцѣловать ее, говоря ей:

— Полюби меня, и я узнаю, что значитъ любовь къ людямъ.

Анна Ѳеодоровна, не вмѣшиваясь въ споръ, съ чувствомъ тоски думала: «счастливое дитя». Ей было горько, что она никогда не была такимъ счастливымъ ребенкомъ, что она никогда не испытала и не испытаетъ именно этихъ волненій. Она понимала, что Наташа счастлива, но она сама не сдѣлала бы теперь ни шагу, чтобы быть такъ счастливой. Что ей эти мужики? что ей ихъ горе? У нея есть свое горе, свои опасенія и ей-то никто не поможетъ. Они, эти мужики, нуждаются только въ кускѣ хлѣба; ее кускомъ хлѣба не спасешь, не осчастливишь...

Всѣ трое возвращались съ прогулки домой прямо къ завтраку. Завтракъ проходилъ опять среди болтовни Ѳеодора Романовича и какихъ-нибудь новостей, сообщаемыхъ Антониною Аркадьевной. Иногда Ѳеодоръ Романовичъ уѣзжалъ изъ дома до завтрака «по дѣламъ», «по имѣнію». Тогда Антонина Аркадьевна вздыхала съ видомъ мученицы. Отчего? Молодежь не могла понять этого. Затѣмъ, кончивъ завтракать, Анна Ѳеодоровна принималась за безконечную вышивку, называя ее мысленно «проклятою». Наташа тоже вязала кружево или читала. Рома уходилъ въ свою комнату,

Digitized by Google

брался за книги, отбрасывалъ одну, отталкивалъ другую, иногда просто думалъ: «такъ жить нельзя!» Но какъ же жить? Отвѣта не было. Его ни къ чему не манило, никуда не тянуло. Впрочемъ, нѣтъ: отвѣтъ былъ, какъ жить, но этимъ отвѣтомъ не разрѣшалось ничего: «жениться на Наташѣ». При этой мысли онъ осыпалъ мысленно дѣвушку страстными и нѣжными названіями, чувствовалъ, что его лицо разгорается отъ страсти. Но какой-то злой демонъ тутъ же шепталъ ему:

— И жить съ нею такъ же, какъ ты живешь теперь, безъ дѣла, среди хандры, среди вѣчныхъ сомнѣній?

Иногда, какъ бы спасаясь отъ самого себя, онъ сбѣгалъ внизъ, бралъ книгу и читалъ вслухъ Наташѣ и Аннѣ Ѳеодоровнѣ какой-нибудь романъ. Наташа увлекалась этими чтеніями, порой высказывала громко:

— Какъ это хорошо!

Анна Ѳеодоровна слушала молча, разсѣянно, задумываясь, очевидно, о чемъ-то другомъ. Рома угадывалъ это чутьемъ, по ея позѣ, по ея устремленнымъ въ пространство глазамъ, по упавшимъ на колѣни рукамъ съ вышивкой. Это его расхолаживало. Нервный и впечатлительный, онъ самъ начиналъ чувствовать, что въ сущности и его самого плохо приковываетъ къ себѣ книга. Взглядывая мелькомъ на сестру, онъ начиналъ сбиваться, читалъ плохо, дѣлая пропуски, наконецъ, рѣшительно говорилъ:

— Довольно!

Наташа выражала сожалѣніе, просила почитать еще.

— На самомъ интересномъ мѣстѣ остановился. Почитай еще?

— Завтра дочитаемъ. У насъ вѣдь много свободнаго времени,—отвѣчалъ Рома, и въ его тонѣ слышалась иронія надъ тѣмъ, что у нихъ много свободнаго времени.

Если Наташа уходила съ террасы, онъ обращался къ сестрѣ:

— Анна, ты не слышала?

Она вздрагивала, приходила въ себя и въ недоумѣніи спрашивала:

— А? что?.. Что-нибудь случилось?

— Нѣтъ, я спрашиваю: слышала ли ты, что я читалъ?

— А-а!—протяжно говорила она.—Меня мало это занимаетъ, Рома, въ послѣднее время... Или—все знакомое, или—скучно уже очень... тоскливо.

И грустно улыбаясь, она добавляла:

Digitized by Google

— Этого и безъ романовъ слишкомъ довольно...
— Да!—вздыхалъ онъ:—слишкомъ довольно!
— Скажи, что произошло между отцомъ и матерью?
— Развѣ я знаю!
Она пожимала плечами:
— Неужели же придется вѣчно, вѣчно такъ томиться!
— Я не выдержу,—рѣшительно говорилъ онъ.

Если на другой день Наташа упрашивала Рому продолжать чтеніе, онъ соглашался неохотно. Во время чтенія ему все казалось, что это или давно знакомо, или скучно, тоскливо. «И зачѣмъ эти волненія по поводу несуществующихъ лицъ, это нервничанье по поводу небывалыхъ страданій, когда жизнь и такъ полна несчастныхъ людей, дѣйствительнаго горя? Мы плачемъ надъ романами, надъ драмами, надъ трагедіями, ослабляемъ себя этими волненіями надъ выдуманными муками, и насъ не хватаетъ на серьезное участіе къ живымъ людямъ, къ тѣмъ, кому нужны наши утѣшающія слезы? Это страшное зло, доведшее насъ до того, что мы можемъ хныкать надъ книгою или въ театрѣ и быть въ жизни чуть не злодѣями и въ одно и то же время». Ему вспоминались чувствительныя барыни, плачущія надъ романами и въ театрахъ и не только не признающія человѣческаго достоинства въ бѣднякахъ, но чуть не истязающія слугъ, обирающія на свои прихоти другихъ. Ему дѣлалась противна читаемая имъ книга, дѣлались противны другія книги...

Всѣ оживали на время, если къ обѣду, случайно или нарочно, наѣзжалъ кто-нибудь изъ сосѣдей—все же хоть какое-нибудь разнообразіе. Романъ вслушивался въ бесѣды этихъ людей и, въ концѣ концовъ, начиналъ ощущать тяжелое чувство: и эти недовольны всѣмъ и всѣми, и они жалуются на безденежье, на паденіе курса, на застой въ хлѣбной торговлѣ, на земскія неурядицы, на стѣсненія съ одной стороны и на неумѣнье съ другой, на недостатокъ людей? И еще Европа то и дѣло угрожаетъ войной, когда у насъ нѣтъ средствъ сводить концы съ концами и безъ войны. Что если насъ расколотятъ? Англія коснится на насъ. Пруссіи и Австріи нельзя вѣрить. Франція—она если воспользуется войной, то для себя, а не ради насъ. Да еще и рѣшится ли она воевать съ Пруссіей. А наша западная окраина? Она вся переполнена нѣмцами. Русскіе помѣщики, эти якобы обрусители, всѣ бѣгутъ оттуда, нигдѣ нѣтъ такого абсентеизма, какъ тамъ. Какая же можетъ быть на-

Digitized by Google

дежда на твердость этой почвы въ случаѣ войны? Все это говорилось вкривь и вскось, наобумъ, по передовымъ статьямъ послѣднихъ нумеровъ газетъ, полученныхъ въ деревнѣ, консерваторами для того, чтобы обвинить либераловъ, либералами для того, чтобы прижать къ стѣнѣ консерваторовъ. Молодые и старики, либералы и консерваторы, умные и глупые, всѣ сходились на одномъ пунктѣ: «такъ дѣла идти не могутъ», — сходились на этомъ потому, что подобными фразами легче всего отдѣлываться въ спорахъ. А какъ должны идти дѣла — этого никто не говорилъ, не умѣлъ сказать. Ругать гораздо легче, чѣмъ находить средства къ тому, чтобъ не было причинъ ругать. «Гдѣ же исходъ изъ этой всеобщей безтолковщины, изъ этого всеобщаго недовольства?» — поднимался въ душѣ Ромы мучительный вопросъ. А гости, наговорившись за обѣдомъ, садились тотчасъ же съ Антониной Аркадьевной и Ѳеодоромъ Романовичемъ повинтить и начинались такіе страстные споры, какъ будто отъ хода винта зависѣло не только благо игроковъ, но и судьба отечества. Сколько тутъ было глубокомысленныхъ соображеній, сколько высказывалось умѣнья, сколько расходовалось умственныхъ силъ! Въ этомъ занятіи проходили цѣлые часы, цѣлые вечера; по разговорамъ игроковъ можно было догадаться, что они играли и вчера, и третьяго дня. «И они еще жалуются, что нѣтъ людей, нѣтъ рукъ! Безстыдные тунеядцы, возведшіе игру въ дѣло! Мужикъ и бѣднякъ бьется и работаетъ въ потѣ лица, а они убиваютъ всѣ свои духовныя силы на игру!» Гости становились противны и въ сущности хотѣлось только одного: «скорѣй бы они уѣхали». Это же чувство охватывало и Наташу, и Анну Ѳеодоровну: было неловко разойтись по своимъ комнатамъ, было скучно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ слышать одни и тѣ же «пасъ», «пасъ», «одна пики», «двѣ бубны», «пасъ», «пасъ», «три пики», «четыре бубны», «пасъ», «пасъ».

Иногда, правда, изрѣдка, избавителями являлись Иволгины: они сидѣли съ молодежью, наводили разговоры на болѣе или менѣе живыя темы, возбуждали споры. Даже Анна Ѳеодоровна радовалась ихъ приходу и все рѣже и рѣже разражалась противъ Бориса Николаевича строптивыми выходками. Впрочемъ, онъ самъ дѣлалъ все, чтобы не вызывать этихъ выходокъ. Онъ былъ въ обращеніи съ нею всегда насторожѣ. Она чувствовала это. Иногда это немного раздражало ее; иногда она мысленно называла его

Digitized by Google

за это «человѣкомъ съ тактомъ»; иногда ее вдругъ поражала мысль, что это не тактъ, а просто холодность, не заботливость расположеннаго человѣка, а отчужденіе мало интересующагося ею лица. Но вѣдь когда-то онъ интересовался ею? Теперь, кажется, это прошло безслѣдно. Тѣмъ не менѣе она пришла къ заключенію, что Иволгины и въ особенности онъ, Борисъ Николаевичъ, единственныя лица во всемъ сосѣдствѣ, способныя подняться выше мелкихъ сплетенъ и интереса винта. Болѣе всего привлекало ее къ этимъ людямъ, что ихъ ровное настроеніе духа дѣйствовало успокоительно, являясь противовѣсомъ ея собственной тоскѣ и раздраженію Ромы. Иные разговоры Иволгина западали глубоко въ ея памяти. Разъ онъ случайно увидалъ томъ стиховъ Некрасова, взялъ книгу, зачитался. Наташа пристала къ нему:

— Что же читаете про себя! Прочтите вслухъ!

Онъ сконфузился, точно уличенный въ шалости. Почему-то ему всегда казалось, что кто-то смѣется, видя его увлеченіе поэзіей. Самому ему это не казалось смѣшнымъ, но другимъ—онъ былъ убѣжденъ въ этомъ—другимъ это должно было казаться смѣшнымъ.

— Нѣтъ... всѣ же это читали,—отговаривался онъ.

— Ну, вотъ! Читали и еще послушаютъ!—воскликнула Наташа.—Вы же вотъ перечитывали!.. Миленькій, прочтите!

Онъ сконфузился еще болѣе отъ этого нѣжнаго эпитета и поторопился прочесть что-нибудь. Онъ началъ читать «Рыцаря на часъ». Немного сбиваясь и путаясь, волнуясь и сердясь на себя за мальчишеское смущенье и за то, что онъ началъ читать, онъ мало-по-малу все-таки увлекся, и его голосъ дрогнулъ, когда онъ говорилъ:

Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...

И его голосъ точно внезапно окрѣпъ, сталъ звучнѣе, мужественнѣе, властнѣе при чтеніи слѣдующихъ стиховъ, дойдя до изумительной гармоничности, когда онъ произносилъ:

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою,
Простояла ты,—грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.

Digitized by Google

И все полнѣе и могучѣе лились изъ этой широкой мужской груди мучительные звуки призыва. Анна Ѳеодоровна ощутила легкій холодокъ, пробѣжавшій по спинѣ, при звукахъ проникнутыхъ отчаяньемъ словъ:

Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

На террасѣ воцарилось на нѣсколько минутъ молчаніе. Всѣ не то были подавлены охватившимъ ихъ чувствомъ, не то хотѣли продлить въ себѣ это ощущеніе, какъ бы отозвавшее и ихъ на-время отъ ликующихъ и праздноболтающихъ къ какому-то лучшему міру идей, стремленій, чувствъ.

Анна Ѳеодоровна очнулась первая и мимовольно замѣтила Иволгину какимъ-то особеннымъ ласковымъ голосомъ:

— Вы хорошо читаете!

— Я люблю это стихотвореніе,—отвѣтилъ Иволгинъ.

— Но что же ты не дочиталъ до конца?—сказалъ Рома, уже овладѣвшій собою и готовый издѣваться надъ тѣмъ, что на минуту увлекло и его.

— У меня въ книгѣ конецъ даже вымаранъ мною,—отвѣтилъ Иволгинъ.—Я не люблю его.

Рома загорячился.

— А въ немъ-то и есть правда, горькая правда? Остальное все дѣланное, фальшивое, ложное...

— Когда эта правда сдѣлается правдой для меня лично, я перестану жить,—твердо отвѣтилъ Иволгинъ, не слушая его, и, какъ бы испугавшись, что его заподозрятъ въ рисовкѣ, поспѣшно добавилъ съ насильственной улыбкой: или, по крайней мѣрѣ, перестану читать подобные стихи.

Рома въ нервномъ возбужденіи заговорилъ:

— Нѣтъ, это правда для всѣхъ насъ, для нашего поколѣнія! Громкія фразы и полное безсиліе на дѣлѣ. Въ каждомъ сидятъ два человѣка: герой и пошлякъ—герой по мысли и пошлякъ по дѣлу. Это характерная черта всѣхъ насъ, русскихъ, въ настоящее время. Въ томъ весь трагизмъ переживаемой нами эпохи. Впрочемъ, и не мудрено. Вѣдь и матери, въ родѣ рисуемой Некрасовымъ, не существуетъ. Некрасовъ выдумалъ эту мать.

Digitized by Google

Иволгинъ сухо перебилъ его:

— Позволь тебя поправить: ты, вѣрно, хотѣлъ сказать, что ты не встрѣчалъ такихъ матерей. Но вѣдь ты еще вообще мало знаешь жизнь...

И, не слушая возраженій снова загорячившагося Ромы, онъ продолжалъ, увлекаясь своею мыслью:

— Я именно за то и цѣню Некрасова, что онъ указалъ на значеніе матери, что онъ указалъ на хорошую русскую женщину. Въ этомъ его безспорное воспитательное значеніе, какъ бы кто ни смотрѣлъ на его, вообще, неровный талантъ. Онъ, конечно, не разъ заставилъ молодыя женскія сердца волноваться и, можетъ-быть, не одна дѣвушка задумывалась о томъ, подходитъ ли она къ типу хорошей русской женщины, способна ли она быть хорошей русской матерью, нѣтъ ли въ ней заклейменныхъ поэтомъ чертъ «Маши», загубившей мужа-труженика... Будить эти чувства, будить эти мысли—это уже великая заслуга! Я знаю, что поэзія не дидактика, не педагогика, но если она имѣетъ и благотворное воспитательное значеніе, то слава ей!

Онъ увлекся и тотчасъ почувствовалъ какое-то стѣсненіе. Зачѣмъ это онъ говоритъ? Что за проповѣдничество? Какое дѣло имъ до всего этого? Еще подумаютъ, что онъ хочетъ «развивать» Наташу? Развѣ имъ понятно искреннее увлеченіе такими предметами, какъ поэзія? Зачѣмъ вообще онъ ходитъ къ нимъ? Ничего у него нѣтъ съ ними общаго; все, что, какъ ему казалось, было между ними общаго, теперь порвалось. Для чего же онъ бываетъ здѣсь? О, если бы онъ могъ переломить себя и не ходить... не ходить...

Онъ взглянулъ мелькомъ на Наташу. Его взглядъ встрѣтился съ ея взглядомъ. Оба они отчего-то смутились.

Съ минуту царствовало неловкое молчаніе.

Смущенный своимъ увлеченіемъ, снова сердящійся на себя за это увлеченіе, Иволгинъ перешелъ въ шутливый тонъ:

— Вотъ погоди, влюбишься, тогда узнаешь, есть ли хорошія русскія женщины, самъ станешь воспѣвать ихъ и думать только о томъ, чтобы твоя хорошая русская женщина полюбила тебя.

Рома невольно бросилъ взглядъ на Наташу. Она, его хорошая русская женщина, была тутъ. На нее онъ возлагалъ надежды, ждалъ ея поддержки, жаждалъ перерожденія черезъ нее. Анна Ѳеодоровна усердно вышивала, точно эта вышивка поглотила всѣ ея мысли. Но на ея щекахъ игралъ

Digitized by Google

румянецъ. Она это чувствовала и досадовала на себя за это. Вдругъ онъ, Иволгинъ, догадается, что въ ея головѣ неотступно вертится мысль о томъ, за какую женщину считаетъ онъ ее или, лучше сказать, задатки какой женщины видитъ онъ въ ней? О, конечно, считаетъ за пустую барышню, способную думать только о тряпкахъ, готовую продать себя за возможность имѣть эти тряпки? Но какое право имѣетъ онъ такъ думать? Развѣ онъ не видѣлъ, что она стремилась къ наукѣ, что она запасалась знаніями, что она выказала способность къ работѣ? Опять въ ея душѣ поднялось гнѣвное чувство противъ него, и тотчасъ же мелькнула мысль, что все это она сама приписала ему, что онъ ничего этого не высказалъ про нее, что онъ деликатенъ съ нею, какъ заботливая мать съ больнымъ ребенкомъ. Неужели онъ ее все попрежнему любитъ? Она мелькомъ взглянула на него. Онъ перелистывалъ въ раздумьи книгу. Серьезное, спокойное, почти строгое лицо его было олицетвореніемъ мужественной красоты. Онъ неожиданно, какъ бы очнувшись отъ сна, закрылъ книгу и всталъ, проговоривъ:

— Пора идти!

Въ этомъ движеніи, въ этомъ «пора идти» было что-то, показавшееся Аннѣ Ѳеодоровнѣ такимъ рѣшительнымъ, такимъ властнымъ, что въ ея головѣ мелькнула мысль: «вотъ настоящій мужчина». Снова она разсердилась на себя и мысленно съ ироніей проговорила: «Я, кажется, скоро буду находить, что онъ и ходитъ не такъ, какъ другіе. Все это отъ скуки, отъ однообразія, отъ безлюдья. Нѣтъ, нѣтъ, надо скорѣе вырваться изъ этой тюрьмы. А то, пожалуй, не то что въ Иволгина влюбишься, а въ какого-нибудь сына Шершова».

Она очень обрадовалась, когда представился случай развлечься на празднествѣ у tante Бетси. Цѣлую недѣлю толковали у Ломовыхъ о поѣздкѣ на это празднество, приготовляли и осматривали наряды, посылали Аквилонова въ городъ для закупки какихъ-то мелочей. Даже Рома и тотъ повеселѣлъ—все же увидитъ новыя лица, услышитъ новые разговоры...

II.

Ломовы выѣхали рано утромъ, чтобы избѣжать жары. Проѣзжая мимо дома Иволгиныхъ, они замѣтили въ саду Бориса Николаевича. Въ лѣтней блузѣ онъ возился около

Digitized by Google

цвѣтовъ съ лопатою въ рукѣ. Ѳеодоръ Романовичъ приказалъ кучеру пріостановиться.

— А вы что же? Не ѣдете еще?—крикнулъ онъ Иволгину, привѣтствуя его рукою изъ коляски.

— Куда?—отозвался Иволгинъ, подходя къ рѣшеткѣ сада и раскланиваясь со всѣми.

— Къ Елизаветѣ Андреевнѣ. У нихъ вѣдь пиръ.

— Нѣтъ, не ѣду,—отвѣтилъ Иволгинъ.

И, смѣясь, прибавилъ:

— Если кто-нибудь заболѣетъ, пришлютъ... Не люблю я этой сутолоки, особенно въ деревнѣ. Скучно ужъ очень.

— Ахъ, вы медвѣдь, медвѣдь!—пошутилъ Ѳеодоръ Романовичъ.—Только бы сидѣть въ своей берлогѣ.

Иволгинъ засмѣялся.

— Во всякомъ случаѣ, могу сказать одно въ свое оправданіе: моя берлога полна цвѣтовъ и свѣта, потому ее и жаль покидать безъ толку.

Онъ съ любовью бросилъ взглядъ на свой домикъ и садъ. Онъ и Ломовы перекинулись еще нѣсколькими фразами и простились. Экипажъ покатился далѣе по ровной, мягкой, пыльной дорогѣ. Глаза Наташи, Анны Ѳеодоровны и Ромы при словахъ Иволгина о его берлогѣ невольно устремились на его домъ, весь утонувшій въ зелени и цвѣтахъ, блестѣвшій свѣжею масляною краской и чистыми крупными стеклами оконъ, и имъ невольно пришло на мысль, что точно—такую берлогу можно полюбить.

Еще не успѣло изгладиться изъ памяти впечатлѣніе, вызванное домикомъ Иволгина, какъ начался неприглядный пейзажъ, возвѣщавшій вступленіе во владѣніе Елизаветы Андреевны. Изъ всѣхъ окрестныхъ имѣній ея имѣніе отличалось бѣдностью живописныхъ мѣстечекъ: плоское, однообразное, оно наводило уныніе ранней весной и поздней осенью, когда поля и нивы были лишены растительности. Теперь, правда, они красовались въ полномъ своемъ лѣтнемъ убранствѣ и, надо сказать, что трава, и хлѣба были здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другихъ окрестныхъ имѣніяхъ. Было видно, что всѣмъ здѣсь распоряжается опытная и дѣятельная рука. Но засѣянныя пространства скоро смѣнились какой-то странной равниной съ сѣрой и зеленоватой глиной, съ глубокими ямами, наполненными водой съ длинными, большею частью, низкими, то почернѣвшими отъ копоти, то сѣрыми деревянными строеніями; тутъ же лежали груды вырытой глины, груды необожженныхъ и обожжен-

Digitized by Google

ныхъ кирпичей. Только изрѣдка болѣе или менѣе яркими пятнами на всемъ этомъ пустырѣ выдавались кочки, покрытыя жидкими кустами и мохомъ. Все это пространство кишѣло народомъ, мужиками и подростками, бабами и дѣвочками; одни мяли глину, другіе носили ее на деревянныхъ и рогоженныхъ носилкахъ, третьи таскали кирпичъ. Весь этотъ рабочій людъ былъ въ грязныхъ холщевыхъ и пестрядинныхъ рубахахъ, портахъ и сарафанахъ; синій и сѣрый цвѣта были почти исключительно господствующими, какой-нибудь красный платокъ на бабѣ рѣзалъ глазъ яркимъ пятномъ на однообразно-скучномъ фонѣ. Вся эта мѣстность, почти лишенная растительности, какъ бы покрытая сплошь жидкою грязью съ ея неуклюжими и наскоро сколоченными бараками, съ ея людьми-муравьями, копошившимися среди этой грязи, сдѣлавшимися такими же сѣро-зелеными, какъ она, наводила уныніе. Но именно она-то и была излюбленнымъ мѣстомъ пребыванія Елизаветы Андреевны Кожуховой.

Еще издали Ломовы замѣтили на дворѣ двухколесный кабріолетъ, напоминавшій тѣ домодѣльные кабріолеты, въ какихъ ѣздятъ колонисты. Онъ стоялъ у плоскаго дощатаго мостика, перекинутаго черезъ канаву, отдѣлявшую кирпичный заводъ отъ проѣздной дороги. Въ кабріолетѣ сидѣлъ здоровый, кровь съ молокомъ, парень лѣтъ четырнадцати, въ плисовой безрукавкѣ, въ нарядной ямщицкой шапкѣ на бекрень. Изъ-подъ шапки выбивались густыя кольца темно-рыжихъ кудрей. Завидѣвъ кабріолетъ, Ломовы переглянулись между собою. Неужели tante Бетси и сегодня на заводѣ? Рома замѣтилъ въ это время идущую къ мостику въ сопровожденіи приказчика женщину средняго роста, плотную, коренастую, съ обвѣтреннымъ краснымъ лицомъ, съ такими же красными руками. Она напоминала не то работящую бабу, не то здоровеннаго мужика по манерамъ и походкѣ. На ней былъ какой-то полумужской костюмъ: изъ-подъ короткой шерстяной юбки виднѣлись мужскіе сапоги; суконная кофта напоминала покроемъ мужской пиджакъ; черезъ плечо была привѣшена черная кожаная сумка со связкою большихъ ключей, гремѣвшихъ слегка на ходу. Только голова вмѣсто шапки украшалась яркимъ краснымъ шелковымъ платкомъ, подвязаннымъ концами подъ подбородкомъ. Изъ-подъ этого платка выбивались темно-рыжіе волосы, напоминавшіе цвѣтомъ волосы парня, сидѣвшаго въ кабріолетѣ.

— Tante Бетси!—проговорилъ Рома.

Digitized by Google

Экипажъ Ломовыхъ остановился. Tante Бетси, еще издали завидѣвъ родственниковъ, привѣтливо крикнула:

— А вы къ намъ?

Она потомъ обернулась къ приказчику, отдала дѣловымъ тономъ послѣднія приказанія и пошла къ экипажу Ломовыхъ.

— Не подаю рукъ, перепачканы!—сказала она по-французски.—Поѣзжайте! Я за вами.

Ѳеодоръ Романовичъ предложилъ ей мѣсто въ колескѣ, она улыбнулась.

— Вся въ кирпичѣ и въ глинѣ! Мы съ Яшей еще васъ обгонимъ.

Она быстро усѣлась подлѣ наряднаго красавца-парня, взяла вожжи, и сытая лошадка быстро двинулась легкой иноходью впередъ. Парень сложилъ на груди руки съ видомъ человѣка, совершающаго прогулку въ экипажѣ.

Ѳеодоръ Романовичъ вскользь замѣтилъ по-французски женѣ:

— Бравый малый! И сходство...

Она пожала плечами, остановила мужа глазами и отвернулась въ сторону, бросивъ мимолетный взглядъ на «дѣтей». Ѳеодоръ Романовичъ вдругъ ни съ того, ни съ сего завертѣлся въ колескѣ, съ неловкой торопливостью началъ говорить о выгодахъ, доставляемыхъ Елизаветѣ Андреевнѣ заводомъ, точно желая замять какой-то сдѣланный имъ промахъ.

За заводомъ опять шли засѣянныя поля, потомъ небольшой лѣсъ или паркъ, сквозь паркъ мелькнула сверкающая на солнцѣ поверхность рѣки,—и, круто повернувъ въ сторону съ большой дороги, Ломовы очутились передъ усадьбой Елизаветы Андреевны.

Это былъ почти городской каменный домъ, прочный, немудреный по архитектурѣ, съ массой хозяйственныхъ пристроекъ, амбаровъ, кладовыхъ, службъ, помѣщеній для извѣстной части нанимаемыхъ на лѣто рабочихъ. Вдругъ трудно было окинуть глазами всю эту массу построекъ. Но сразу бросалась здѣсь въ глаза прочность всего этого: толщина стѣнъ, увѣсистость замковъ, объемъ засововъ, желѣзныя крыши, все говорило о домовитости, о томъ, что тутъ ничего не заводили на короткое время, на скорую руку. Рядомъ съ этимъ поражали чистота и порядокъ. Сновавшія на дворѣ бабы были одѣты въ однообразные красные съ желтыми, синими и бѣлыми разводами «форменные» сара-

Digitized by Google

фаны, немного напоминавшіе по узорамъ восточные рисунки. Когда экипажъ Ломовыхъ въѣхалъ во дворъ, нарядный парень уже сбросилъ съ себя плисовую поддевку и ямщицкую шапку и, оставшись въ кумачевой рубахѣ, распрягалъ лошадь. Tante Бетси стояла на крыльцѣ и отдавала приказанія бабамъ и мужикамъ, крича черезъ весь дворъ:

— Кринокъ, Авдотья, съ третьей полки не трогать до вечера. На второй полкѣ все, что нужно до обѣда. Ермолай, ступай къ Матренѣ за свѣчами и передай Панфилу. Онъ ужъ знаетъ, куда надо вставить. Въ верхнемъ этажѣ откройте окна.

И, завидѣвъ Ломовыхъ, она сказала:

— Я сейчасъ преображусь; Володя, Саша и Коля дома...

Ломовы вышли изъ экипажа. Почти тотчасъ же къ нимъ вышли навстрѣчу трое молодыхъ людей, всѣ, какъ близнецы, похожіе другъ на друга, только одинъ былъ лѣтъ двадцати трехъ, другой лѣтъ двадцати, третій лѣтъ семнадцати. Коренастые, широкоплечіе, румяные, съ темно-рыжими, коротко остриженными густыми волосами, съ быстрыми глазами, они напоминали мать, но были свѣжѣе, привлекательнѣе ея. Радушно привѣтствуя родственниковъ, поминутно показывая при улыбкѣ ряды ослѣпительно-бѣлыхъ и крѣпкихъ зубовъ, они сильно пожимали и трясли руки пріѣзжихъ, такъ что Анна Ѳеодоровна поморщилась отъ легкой боли въ пальцахъ.

— Вы, вѣроятно, къ maman пройдете освѣжиться?—проговорилъ старшій братъ Владиміръ, обращаясь къ дамамъ.— Пылища страшная, и опять становится душно. Не запомнить такого лѣта!

Потомъ онъ обратился къ Ѳеодору Романовичу:

— Вы, дядя, не купаетесь?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Ѳеодоръ Романовичъ.

— А ты?—обратился Владиміръ къ Ромѣ.

— Я, пожалуй,—отвѣтилъ Романъ.

— Отлично. Мы еще не купались. А сегодня послѣ и не удастся.

Черезъ минуту всѣ три брата и Рома уже шли усыпанными ярко-краснымъ пескомъ дорожками по саду, чистому и нарядному не по роскоши цвѣтовъ, а по господствовавшему въ немъ порядку, къ рѣкѣ. Сходъ къ рѣкѣ—это было единственное живописное мѣсто во всей усадьбѣ: садъ доходилъ до самаго берега, и отсюда начинался живописный песчаный обрывъ, потомъ внизу вплась вдоль берега про-

Digitized by Google

ложенная Богъ вѣсть какъ и кѣмъ живая дорога, покрывавшаяся по веснѣ разливомъ рѣки; кое-гдѣ она поднималась выше на пригорки, поросшіе кустарниками, а потомъ опять прядала внизъ почти въ уровень съ водою. Около такихъ пригорковъ въ кустарникѣ надъ водой обыкновенно раздѣвались купающіеся. Спустившись изъ сада по проложенной наискось по откосу тропинкѣ къ водѣ, молодежь стала быстро раздѣваться. Черезъ нѣсколько минутъ они были уже въ водѣ, и Романъ могъ бы позавидовать атлетическимъ формамъ, здоровью и силѣ своихъ родственниковъ. Казалось, эти красивыя и богатырскія фигуры были вылиты изъ бронзы, и это сравненіе какъ бы подкрѣплялось еще болѣе, когда подъ лучами солнца золотились ихъ ноги и руки, покрытыя, точно бронзировкой, рыжеватыми волосами. Они ныряли и плавали съ изумительною ловкостью и силой. Младшій изъ нихъ, дурачась, сталъ показывать, какъ плаваютъ бабы.

— А ты почему знаешь?—спросилъ Романъ.

— Да онѣ же вонъ тутъ купаются обыкновенно. Мы смотрѣть ходимъ,—отвѣтилъ Коля.

Онъ громко засмѣялся и показалъ свои ослѣпительно бѣлые, ровные и здоровые зубы.

— Щенокъ, въ нынѣшнее лѣто просвѣтился туда же,— снисходительно усмѣхнулся братъ Владиміръ.

И, обратившись къ Роману, тихо и серьезно замѣтилъ:

— Я, впрочемъ, очень радъ, что онъ развивается вполнѣ правильно. А то тамъ у нихъ въ городскихъ пансіонахъ чортъ знаетъ что творится и какія глупости творятъ мальчишки. Срылъ бы съ лица земли ваши города со всѣмъ, что въ нихъ есть.

— И построилъ бы ихъ въ деревняхъ? — съ улыбкой сказалъ Романъ.

— Вовсе бы упразднилъ. Нужна только деревня.

Владиміръ одѣлся, закурилъ папиросу и пошелъ впередъ съ Романомъ.

— Ахъ, бѣда нынче нашему брату, молодому здоровому человѣку,—проговорилъ онъ тѣмъ же серьезнымъ тономъ.— Невѣсты даже порядочной не сыщешь.

Романъ невольно вспомнилъ толки Иволгина о хорошей русской женщинѣ.

— Плюгавыя, худосочныя, малокровныя, — продолжалъ Владиміръ нѣсколько презрительно и гадливо.—Заучиваются еще по своей волѣ, на разныхъ курсахъ чахнутъ, а того

Digitized by Google

не понимаютъ, что дѣвушка-одеръ ни на что не нужна— ни въ жены, ни въ матери.

— Такъ не безграмотными же имъ оставаться,—сказалъ Романъ.

— Конечно нѣтъ, — отвѣтилъ Владиміръ.—Если бы на безграмотныхъ и неотесанныхъ было удобно жениться нашему брату, такъ тутъ здоровыхъ крестьянскихъ дѣвокъ вдоволь. Но и засаживать дѣвчонокъ такъ, какъ ихъ у насъ засаживаютъ въ пансіонахъ, гимназіяхъ и институтахъ, это, братъ, мое почтеніе: можетъ-быть, онѣ тамъ всему научатся, но здоровья-то ужъ потомъ никогда не нагуляютъ. Здоровье же—это все. Безъ него какимъ педагогикамъ и физіологіямъ ни учись, а здоровыхъ дѣтей не создашь. Гниль только плодить будешь. А здоровья-то и нѣтъ у этихъ ученыхъ дѣвицъ. Что-жъ мудренаго, если, какъ выражается нашъ Геліотроповъ, «интеллигенція выродится при такомъ подборѣ».

И засмѣявшись, онъ замѣтилъ:

— Кстати, ты не видалъ еще нашего Геліотропова?

— Кто это?

— Киникъ нашъ. Сперва пописывалъ что-то въ провинціальныхъ газетахъ, потомъ былъ сельскимъ учителемъ, теперь волостной писарь. Со ступеньки на ступеньку внизъ шелъ... Мы тебѣ его покажемъ, когда будетъ позволительно. Maman, понятно, не допускаетъ его къ себѣ, ну, а на нашей половинѣ иногда можно потѣшаться. Субъектъ тоже замѣчательный. Начитался вашихъ Дарвиновъ и запьянствовалъ.

— Что ты за чепуху говоришь! — досадливо сказалъ Ломовъ.

— Какую чепуху? это правда. Дарвины по его званію не полагаются, ну, вотъ онъ и запьянствовалъ, начитавшись ихъ. Да погоди, онъ тебѣ это все самъ объяснитъ...

Ихъ нагнали младшіе Кожуховы, громко смѣясь и болтая между собою, и всѣ четверо прошли черезъ садъ въ господскій домъ.

Внутри этотъ домъ, какъ и снаружи, очень мало напоминалъ деревенскіе старинные дома. Все здѣсь было устроено по-городскому, по-новому, но заботливо и прочно. Эти коренастые люди, казалось, надѣялись здѣсь прожить долгіе-долгіе годы, любуясь на свое коренастое,—они вѣрили, что оно будетъ такимъ,—потомство. Если бы въ окна не смотрѣли вѣтви деревьевъ, если бы въ отворенныя

Digitized by Google

окна не плылъ свѣжій воздухъ, не напоминавшій города, если бы сюда не долетали изрѣдка откуда-то мычаніе скота, ржаніе лошадей, голоса пѣтуховъ съ птичника, то можно бы было подумать, что находишься въ жилищѣ довольно богатыхъ людей въ столицѣ.

Въ просторной столовой съ липовыми стѣнами и потолкомъ, съ липовой мебелью, съ такими же буфетомъ и затѣйливыми полками для фарфора, всѣ уже собрались вокругъ чайнаго стола. Хозяйка успѣла уже передѣться въ шелковое платье темно-зеленаго цвѣта, гладко охватывающее ея полный станъ. Разливая чай, она видимо стѣснялась оборками изъ кружевъ на рукавахъ и часто отодвигала ихъ къ локтю. Точно такъ же ее стѣсняла длина платья, когда ей приходилось встать и пройти по комнатѣ: она приподнимала юбку спереди, чтобы ходить, не спотыкаясь и не путаясь въ ней. Ея широкіе шаги невольно заставляли подумать, что это мужчина въ юбкѣ. Тѣмъ не менѣе, она еще сохранила слѣды извѣстной своеобразной ловкости и любезности, говорившихъ о привычкѣ вращаться въ хорошемъ обществѣ. Ея русскій языкъ былъ нѣсколько вульгаренъ, но зато по-французски, по-нѣмецки и по-англійски она выражалась безукоризненно. Молодые люди вошли въ столовую въ ту минуту, когда, продолжая начатый разговоръ, Елизавета Андреевна горячо говорила Ѳеодору Романовичу:

— Что ты мнѣ говоришь о ворахъ и грабителяхъ; отъ нихъ замки есть, на нихъ есть судъ. Лѣнтяи и дураки вотъ наше наказаніе. Я по крайней мѣрѣ прежде всего смотрю, не лѣнтяй ли и не болванъ ли нанимающійся. А воры...

Она засмѣялась и въ этомъ смѣхѣ послышались нотки, напоминающія смѣхъ ея сыновей, немного вульгарный, немного циничный.

— Всѣ мы воры, если плохо лежитъ...

Антонина Аркадьевна немного поморщилась. Елизавета Андреевна, можетъ-быть, замѣтила, а можетъ-быть и не замѣтила эту гримасу и продолжала тѣмъ же тономъ:

— Вѣдь эксплоатація то же воровство, а вѣдь уже кто изъ насъ не станетъ выторговывать рабочаго подешевле: хоть бы отъ этой работы цѣлые капиталы перепали въ нашъ карманъ. Своя рубашка ближе къ тѣлу. На этомъ все держится.

Она опять засмѣялась:

Digitized by Google

— Вонъ Владиміръ нашъ читалъ, какъ надо жить по мнѣнію графа Льва Николаевича Толстого, если не желаешь быть эксплоататоромъ и воромъ. Носить посконь, сермягу и лапти.

Владиміръ съ небрежнымъ выраженіемъ вмѣшался въ разговоръ, говоря немного свысока:

— Все это пустыя фразы! Говорить легко, но исполнять трудно. Другимъ рекомендуютъ, сами не дѣлаютъ. Жареные рябчики сами въ ротъ не влетаютъ. Надо изъ-за нихъ поработать. Ну, волей-неволей и эксплоатируютъ всѣ другъ друга, кто кого смога, тотъ того и за рога...

— Отъ трудовъ праведныхъ не нажить палатъ каменныхъ,—вставилъ свое слово Александръ.

Младшій братъ похвасталъ своею гимназическою ученостью и проговорилъ:

— Homo homini lupus!

Вся семья пѣла въ одинъ голосъ. Самоувѣренно, съ пренебреженіемъ къ противникамъ, съ твердой вѣрой въ правоту своихъ мнѣній. Нельзя было уловить въ ихъ рѣчахъ ни одного диссонанса. Видно было, что они спѣвались долго и заботливо.

Антонину Аркадьевну коробило отъ этой откровенности: «и себя, и другихъ называютъ ворами и не смущаются: совсѣмъ одичали и озвѣрились въ деревнѣ».

— Однако, ты сама говорила, что у тебя рабочіе благоденствуютъ,—замѣтила она:—а теперь клевещешь на себя.

Елизавета Андреевна сдѣлала гримасу.

— Умной бабой считаютъ, потому и идутъ охотно ко мнѣ, а я въ качествѣ умной бабы стараюсь, чтобы имъ было сноснѣе у меня, чѣмъ у другихъ. Иначе или дѣло плохо дѣлалось бы, или народъ разбѣгался бы...

— То-есть ты переплачиваешь имъ противъ другихъ,— съ усмѣшкой сказала Антонина Аркадьевна, желая скорѣй покончить этотъ щекотливый разговоръ.

— Вовсе нѣтъ: забочусь больше, вотъ и все.

И, поясняя свою мысль, она прибавила:

— Въ хозяйствѣ не то важно, сколько тратится, а то, какъ тратится—съ толкомъ или безъ толку. Въ этомъ все.

Она вздохнула.

— Это тоже наука. Недаромъ же я семнадцать лѣтъ ее въ этой школѣ проходила. Вонъ посмотри, какихъ атлетовъ откормила по этой методѣ.

Она не безъ гордости указала на сыновей...

Digitized by Google

Семнадцать лѣтъ тому назадъ Елизавета Андреевна ушла отъ своего «флигель-адъютанта», какъ она до настоящаго времени называла своего мужа, хотя онъ уже давно былъ генераломъ. Росла она въ богатой помѣщичьей семьѣ, была прекрасно образована, хорошо знала деревню, откуда во время дѣвичества выѣзжала только на три мѣсяца въ году по зимамъ. Про ея отца говорили, что онъ «крутенекъ»; про ея мать говорили, что она «хозяйственный человѣкъ». Дочь наслѣдовала характеръ ихъ обоихъ: была и крутенька, и хозяйственна. Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву она понравилась юному флигель-адъютанту Кожухову, и одна изъ ея бабокъ быстро скрутила молодыхъ людей, прежде чѣмъ Елизавета Андреевна дала себѣ ясный отчетъ, любитъ или не любитъ она своего жениха. Съ перваго же года супружеской жизни молодая женщина поняла, что если она и не чувствуетъ отвращенія къ мужу, какъ къ блестящему красавчику и ловкому свѣтскому кавалеру, то и не любитъ его, какъ слѣдуетъ любить мужа, по ея понятіямъ, то-есть уважая его, прося его совѣтовъ, опираясь на него, отчасти даже побаиваясь его.

— Это былъ мой первый любовникъ, — говорила она на своемъ нѣсколько черезъ мѣру откровенномъ языкѣ.

Тѣмъ не менѣе, она оставалась вѣрна этому любовнику десятокъ лѣтъ, покуда въ одинъ прекрасный день онъ не только надѣлалъ неоплатныхъ долговъ, но и завелъ любовницу изъ балета. Были эти любовницы у него и прежде, но Елизавета Андреевна, вѣроятно, не знала о нихъ или знала, но не боялась ихъ, такъ какъ у мужа не было еще долговъ. Тутъ же Елизавета Андреевна сразу, не давъ мужу даже времени опомниться, захватила своихъ дѣтей и уѣхала въ «Глинки». Это имѣніе было подарено ея дѣтямъ бабкою. Мужъ не протестовалъ, такъ какъ за него платились долги при помощи продажи другихъ имѣній жены, и онъ выпутывался довольно счастливо изъ скверной исторіи разоренья. Прощаясь съ женой, онъ даже нашелъ въ душѣ то утѣшеніе, что она «уѣзжаетъ только на время», что «она вернется». Но она не вернулась и не могла вернуться.

«Глинки» были запущены, почти не приносили дохода; пришлось самой взяться за все, чтобы «поставить на ноги» имѣніе, и при этомъ приходилось поставить на ноги дѣтей. Лѣтъ черезъ пять ея «флигель-адъютантъ» неожиданно посѣтилъ семью: она, Елизавета Андреевна, не смутилась, не испугалась. На что она ему безъ денегъ и съ дѣтьми?

Digitized by Google

Но онъ, увидѣвъ ее, и смутился, и испугался. Онъ засталъ ее какъ разъ въ кухнѣ, когда она учила судомойку, какъ нужно мыть берестою и пескомъ столы и скамьи. Онъ смутился и сконфузился. Эти рабочія руки со слѣдами мозолей, это обвѣтренное на холодѣ и на зноѣ лицо съ оперхнувшею и красноватою кожею, эти мужскіе неуклюжіе сапоги отбили у него всякую охоту не только разыгрывать роль перваго любовника, но даже доискиваться, какъ живетъ его жена, не завела ли она второго любовника. Онъ уѣхалъ дней черезъ пять, даже не поссорившись съ нею, а какъ уѣзжаютъ отъ конторщика, отъ управляющаго, отъ экономки, отъ довѣреннаго лица, оставшись довольными веденіемъ ввѣреннаго имъ дѣла по управленію имѣніемъ и по воспитанію дѣтей. Но если бы онъ и вздумалъ разыграть роль ревниваго мужа, то, вѣроятно, его ревнивые подозрѣнія и розыски не нашли бы точки опоры, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ онъ сталъ бы искать.

Оставшись на двадцать седьмомъ году «соломенной вдовой», Елизавета Андреевна прожила такъ, что ни одинъ изъ ея сосѣдей не могъ похвалиться ея расположеніемъ. Правда, ходили какіе-то темные и смутные слухи о трехъ приказчикахъ, но эти слухи опровергались тѣмъ, что каждый изъ этихъ приказчиковъ за первую вину былъ удаленъ изъ имѣнія въ двадцать четыре часа. Злые языки находили тоже большое сходство между сыновьями Елизаветы Андреевны и Яковомъ Безроднымъ, исполнявшимъ теперь роль постояннаго спутника Кожуховой въ ея поѣздкахъ на заводъ и по имѣнію, и жившимъ въ домѣ вмѣстѣ съ господами, въ качествѣ не то вѣрнаго слуги, не то ихъ товарища. Но въ то же время всѣ знали, что Якова Безроднаго привела въ усадьбу какая-то бѣдная женщина, когда ему было лѣтъ пять, и выклянялась у Елизаветы Андреевны, чтобы послѣдняя взяла его на воспитаніе. Кожухова согласилась оставить мальчика у себя; онъ жилъ при домѣ, его обучили грамотѣ, ознакомили съ крестьянской работой, подарили ему участокъ земли, чтобы онъ, подросши, не остался бездомнымъ нищимъ, сыновья Кожуховой обращались съ нимъ если не такъ, какъ съ братомъ, то съ фамильярностью благодѣтелей, любящихъ баловня-воспитанника, вотъ и все. Сама Кожухова и ея дѣти любили по-своему воспитанника, тѣмъ не менѣе ему доставалось не мало, когда онъ иногда, ни съ того, ни съ сего, поднималъ голову, или, какъ выражались въ домѣ, «когда

Digitized by Google

на него чортъ садился». Вообще у Кожуховой была извѣстная опредѣленная манера обращенія съ людьми: пока они служили у нея или были подчинены ей, они не смѣли «дуть въ свой носъ», какъ выражалась она. Дѣти, заставившія ее бросить «перваго любовника», когда онъ готовъ былъ пустить ихъ по-міру,—эти дѣти испытали вполнѣ ея систему отношенія къ людямъ и узнали, что у матери тяжелая рука. Эти быстрыя расправы не мѣшали имъ и любить ее чисто животною любовью, и слѣпо подражать ея образу дѣйствій. Можетъ-быть, тутъ не было какихъ-нибудь возвышенныхъ чувствъ, но сознаніе, что они перегрызутъ каждому другъ за друга горло, было очень сильно развито въ этихъ людяхъ, какъ бы отлитыхъ въ одну форму.

Тотчасъ послѣ чаю вся молодежь отправилась бродить по конюшнямъ и постройкамъ скотнаго двора. Братья Кожуховы любили похвастать своимъ скотомъ и его помѣщеніями. Подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ они заманивали каждаго, кого только можно было туда заманить.

— Иной человѣкъ не живетъ такъ, какъ наша скотина,— съ гордостью пояснялъ Владиміръ.

— Ну, бѣдняки иногда отъ лѣни да глупости не умѣютъ устроить себѣ порядочнаго логова, — подхватилъ Александръ.—А вы возьмите богачей—у Валерьяна Александровича Апухтина и конскій заводъ, и деньжищъ прорва, а его конюшни спасуютъ передъ нашими, даромъ, что мраморомъ украшены. Лошади не это нужно.

— Такъ мы же сами пять разъ на дню все провѣримъ и просмотримъ,—подхватилъ Николай. — Вы повѣрите ли, кузина, Володька разъ ночью какъ спалъ, такъ и побѣжалъ въ конюшни, услыхавъ, что лошади бьются.

— Нѣтъ, вы взгляните на эту прелесть,—обратилъ Александръ вниманіе присутствующихъ на одну изъ лошадей.

Онъ провелъ рукою и похлопалъ по крупу граціознаго животнаго. Въ его лицѣ, въ его ласкѣ было что-то такое, какъ-будто онъ ласкалъ любимаго ребенка, обожаемую дѣвушку. Ѳеодоръ Романовичъ, попавъ въ свою сферу, къ лошадямъ, ораторствовалъ о достоинствахъ разныхъ породъ лошадей, о Хрѣновскомъ заводѣ, объ орловскихъ рысакахъ, о битюгахъ, объ арабскихъ коняхъ, о шведкахъ. Владиміръ горячо прервалъ его.

— Что вы намъ говорите, дяди, о породахъ! Не диво, когда кровныя лошади хороши. Заплатятъ люди тысячи за

Digitized by Google

своихъ лошадей и хвастаютъ ими. У насъ все свое, почти; раздобывали гдѣ могли жеребцовъ, а вотъ какихъ коней вывели. Это все дѣло нашихъ рукъ, вотъ что дорого.

— У насъ и коровы,—сказалъ Николай:—не чистыя тирольки или дургамки. Мы при грошевыхъ сравнительно затратахъ своихъ русскихъ коровъ облагородили. И ростъ увеличили, и молочность...

Прошли къ воротамъ посмотрѣть ихъ помѣщенія; скотины здѣсь не было, такъ какъ она была вся въ полѣ. Порядокъ былъ и здѣсь образцовый, «хоть танцуй», какъ сказалъ съ увлеченіемъ Николай. Владиміръ усмѣхнулся и съ благодушной ироніей замѣтилъ:

— Николай нынче особенно возлюбилъ коровникъ.

Николай раскраснѣлся.

— Что такъ?—спросилъ Ѳеодоръ Романовичъ.

— Должно-быть, потому что... вотъ говоритъ, что тутъ хоть танцуй.

Онъ взглянулъ на младшаго брата съ плутоватой и отцовски поощрительной улыбкой и перевелъ глаза на молодую бабенку въ красномъ «форменномъ» сарафанѣ и въ бѣломъ съ домодѣльными прошивками и кружевами передникѣ. Ѳеодоръ Романовичъ не безъ лукавства подмигнулъ племянникамъ, какъ бы говоря: «понимаю, понимаю». Бабенка, должно-быть, замѣтивъ, что господа говорятъ о ней, застѣнчиво вертѣла кружевной кончикъ передника и въ то же время особенно торопливо поясняла барышнямъ, какія коровы гдѣ стоятъ. Ея бойкіе глаза были смиренно закрыты длинными рѣсницами, а губы, яркія и сочныя, то и дѣло показывали два ряда зубовъ, какъ бы созданныхъ для щелканія крѣпкихъ орѣховъ. Выходя изъ коровника сзади всѣхъ, Николай выставилъ локоть и, проходя мимо бабенки, задѣлъ имъ ея плечо и грудь.

Послѣ осмотра помѣщеній для скота прошли на птичникъ. Здѣсь было поразительное множество разныхъ породъ куръ, индюшекъ, утокъ, гусей. Кожуховы и здѣсь знали всѣ мелочи. Это ноская курица; эти индюшки на откормъ назначены; этого откормыша скоро на столъ подадутъ; а вонъ тюремный узникъ, арестованный за убійство. Кожуховы показали необычайно большого пѣтуха съ крупными шпорами, постоянно калѣчившаго или убивавшаго въ дракѣ своихъ противниковъ. Наконецъ осмотръ птичника тоже кончился, и Кожуховы выразили сожалѣніе, что теперь по-

Digitized by Google

чти нечего смотрѣть, въ оранжереяхъ и парникахъ—все выставлено на воздухъ.

— Я и такъ ногъ не чувствую подъ собой,—съ улыбкой сказала Анна Ѳеодоровна.

— Ахъ, такъ пойдемте скорѣй, кузина, къ гимнастикѣ. Тамъ отдохнете въ гамакѣ,—сказалъ Александръ.—Вы вѣдь любите его.

— А вы не устали?—спросилъ Владиміръ у Наташи.

— Нѣтъ, я вообще много хожу,—отвѣтила она.

— И отлично дѣлаете. Моціонъ укрѣпляетъ здоровье.

Она засмѣялась.

— Ну, мнѣ, кажется, нечего укрѣплять его еще...

Его глаза безцеремонно остановились на Наташѣ съ плотояднымъ выраженіемъ. Онъ какъ бы осматривалъ ее. Это покоробило Рому. Въ душѣ шевельнулось какое-то злое чувство, уже накипѣвшее съ самаго перваго его разговора въ это утро съ Владиміромъ о братѣ Колѣ. «Циники и животныя,—мелькнуло въ его головѣ.—Только и живутъ для брюха».

Всѣ дошли до площадки въ саду, гдѣ была устроена гимнастика, гигантскіе шаги, трапеціи, качели, воздушныя лѣстницы. Сбоку въ тѣни былъ гамакъ и нѣсколько скамеекъ со спинками. Здѣсь было пріятно отдохнуть, въ тѣни было прохладно, отъ куртинъ съ цвѣтами вѣяло ароматомъ. Братья опять заговорили, что этотъ уголокъ они устроили сами...

— Когда живешь въ деревнѣ, нужно все устраивать такъ, чтобы было удобно, чтобы не было ни въ чемъ недочетовъ,—говорилъ немного педантичнымъ тономъ Владиміръ.—Въ городѣ что понадобилось, то и достанешь. Здѣсь надо все, что нужно или можетъ понадобиться, завести у себя дома, чтобы не чувствовать позывовъ къ городу. Впрочемъ, мы такъ обжились здѣсь, что насъ и при меньшемъ комфортѣ никуда не тянуло бы. Вонъ Колька только и живетъ всю зиму мыслью о возможности удрать сюда на каникулы...

Владиміръ сталъ почти съ ненавистью говорить о городѣ: притонъ паразитовъ, поѣдающихъ плоть и кровь трудящейся Россіи; вертепы мелкаго разврата, губящіе лучшіе соки подрастающихъ поколѣній; канцелярія, не имѣющая понятія о нуждахъ народа и создающая для него свои законы. Романа даже удивили желчныя и рѣзкія ноты въ голосѣ Владиміра и его жесткія выраженія.

— Да тебѣ-то что до народа? Ты-то народъ, что ли?—оборвалъ онъ Владиміра, раздраженный его тономъ.

Digitized by Google

— Народъ! А ты думаешь кто?—отвѣтилъ Владиміръ.

— Ну да, еще недавно говорилъ, что вы народъ эксплоатируете.

Владиміръ захохоталъ.

— Ахъ, ты насчетъ сентиментовъ? Ну, да, эксплоатируемъ народъ; а онъ, гдѣ можно, эксплоатируетъ насъ.

— Такъ на ножахъ и живете?—насмѣшливо спросилъ Рома.

— Насторожѣ! — коротко отвѣтилъ, какъ отрѣзалъ, Владиміръ.

И снова онъ сталъ распространяться о томъ, что въ жизни чувствительность и сентиментальничаніе не ко двору. Борьба за существованіе вездѣ. Человѣкъ только долженъ разумно ее вести: не давать маху, не зѣвать и не пробовать загрызть другихъ, а то какъ разъ въ первомъ случаѣ его надуютъ, а во-второмъ самого загрызутъ.

«Гдѣ уже васъ-то загрызть»,—съ отвращеніемъ думалъ Романъ.

— Всѣ, братъ, люди—алчущіе и только,—сказалъ наставительно и свысока Владиміръ.

— Ужъ не правды ли?—съ ироніей спросилъ Рома.

— Гдѣ тамъ: правды! Просто хлѣба. Правды что-то въ тысячелѣтія никто не нашелъ, а безъ хлѣба и двухъ дней, пожалуй, не проживешь. Будетъ онъ у всѣхъ—будетъ и правда.

Въ домѣ, между тѣмъ, Елизавета Андреевна бесѣдовала съ Антониной Аркадьевной о дѣлахъ, изрѣдка отдавая слугамъ хозяйственныя приказанія. Она не трогалась съ мѣста и не волновалась, видимо сознавая, что у нея все въ порядкѣ. Она утѣшала Ломову насчетъ Нины. Сегодня будетъ къ обѣду Апухтинъ. Навѣрное будетъ это рѣшительный день для него. Онъ уже намекалъ, что онъ очарованъ Ниной. Теперь онъ очаруется еще болѣе: сегодня она очень эффектна въ своемъ оригинальномъ нарядѣ. На Аннѣ Ѳеодоровнѣ было платье цвѣта суроваго полотна, все отдѣланное узкими воланами съ бьѣ изъ яркаго серизоваго казуса. Рукава, сшитые изъ прошивокъ такого же цвѣта, какъ платье, позволяли видѣть не только форму руки, но и ослѣпительно бѣлую кожу. Изъ-подъ такихъ же прошивокъ сквозила часть груди, а оборки съ серизовыми бьѣ, охватывавшія шею и потомъ расходившіяся въ стороны на груди около вставки изъ прошивокъ, и далѣе сходившіяся опять вмѣстѣ къ тальи, скрадывали извѣстную худоща-

Digitized by Google

вость молодой дѣвушки. Маленькіе завитки черныхъ волосъ снизу у затылка очень эффектно лежали на сѣрозовомъ шелку бѣя.

— Одного я боюсь,—мелькомъ замѣтила со вздохомъ Антонина Аркадьевна:—говорятъ, Анухтинъ очень недалекъ.

Елизавета Андреевна съ удивленіемъ широко открыла глаза.

— Да вѣдь Нинѣ не профессоръ и не учитель нуженъ, а мужъ? При чемъ же тутъ умъ?

— Ахъ, ты не знаешь, что значитъ не уважать мужа,— начала Ломова, затронутая за живое.

— Перестань, перестань! Все это глупости! Мой «флигель-адъютантъ» былъ очень и очень не глупъ, а что толку? Если бы онъ былъ глупъ, было бы даже лучше, забрала бы его въ руки и заставила бы плясать по своей дудкѣ.

— И осталась бы жить съ мужемъ, не чувствуя къ нему уваженія?

— Мужъ вовсе не для того нуженъ! Ну, уважаешь его— прекрасно, не уважаешь—на нѣтъ и суда нѣтъ.

Антонина Аркадьевна опять вздохнула.

— Ты говоришь все это, потому что ты не испытала этого, не краснѣла за мужа...

— Краснѣть за мужа? Да развѣ я его воспитала? Нѣтъ, это все пустяки. Страшно, когда мужъ, какъ твой, нелѣпо устроитъ свои дѣла и разорится. Ну, такъ это можетъ сдѣлать и глупый, и умный, и глупаго можно скорѣе связать по рукамъ и по ногамъ.

Она положила свою руку на руку Антонины Аркадьевны и дружески пожурила ее:

— Ты сама во всемъ виновата! Не умѣла взять его въ руки, не умѣла самостоятельно распоряжаться. Я тебя не обвиняю, я знаю, что вы, женщины изъ городскихъ барышень, вовсе не знаете практическихъ дѣлъ, но фактъ остается фактомъ. Мой «флигель-адъютантъ» былъ не изъ тѣхъ, кого пеленать можно, а все же я выпуталась изъ бѣды и уволила его отъ себя...

— Что-жъ, по-твоему мнѣ надо было идти на скандалъ развода?

— Какой же тутъ скандалъ: мать спасаетъ дѣтей отъ мота-отца? Это подвигъ, а не скандалъ. А если бы даже и скандалъ—мнѣ-то что до этого? Принимать люди не стали бы? Вопросъ: пошла ли бы я сама къ нимъ? Ну, у тебя не было скандала, а каково ты провела эти девять лѣтъ?

Digitized by Google

кто пришелъ удивляться твоей вѣрности мужу? кто подалъ тебѣ руку помощи?

Антонина Аркадьевна сдвинула брови. Она не привыкла, чтобы ей давали наставленія.

— Хорошо тебѣ говорить, когда тебѣ дали на дѣтей «Глинки». А съ чѣмъ бы я ушла отъ мужа, куда ушла бы?

— Какъ куда? А въ Ломовское, къ дядѣ? Вѣдь оно теперь было бы твое или дѣтское, помимо твоего мужа. Теперь же онъ не сегодня, такъ завтра можетъ опять все промотать. Уже часть лѣса продалъ! И кому? Шершову! Извѣстному кулаку! Шершовъ уменъ, это правда, но все же кулакъ. Какъ же можно было ему продать? Это называется хозяйствомъ! Да я хлѣбъ съ водой ѣла, покуда не поставила имѣнія какъ слѣдуетъ. Покойный Петръ, бывало, за меня боялся, что не выдержу, да говорилъ:—«Неймутъ ли только дѣтки то, что мать для нихъ переноситъ».

Въ ея головѣ прозвучала мягкая нотка при упоминаніи о Петрѣ, первомъ приказчикѣ, руководившемъ ею въ ея первыхъ шагахъ по управленію «Глинками». Антонина Аркадьевна какъ будто смутилась при упоминаніи Кожуховой объ этомъ человѣкѣ. Но Кожухова, охваченная на минуту воспоминаніями, продолжала:

— Многимъ я обязана этому человѣку. Собака не могла бы быть преданнѣе. А что за свѣтлый умъ былъ, что за смѣтка! Да, десять сельскохозяйственныхъ академій пройди, такихъ ясныхъ понятій о сельскомъ хозяйствѣ не пріобрѣтешь. Энергіи и неутомимости непочатый уголъ. Притомъ неподкупная честность.

Антонина Аркадьевна мелькомъ замѣтила:

— Однако, ты ему отказала же.

— Ахъ, что ты говоришь: отказала, отказала! Скорѣе не я ему отказала, а онъ самъ ушелъ!..

Она сдвинула брови, и по ея вѣчно-спокойному самодовольному лицу скользнула тѣнь.

— Странный человѣкъ былъ,—въ раздумьи проговорила она.—Одного такого только и видѣла. Съ чего ушелъ? Сталъ пить, говорить въ пьяномъ видѣ разныя глупости, и это такъ смутило его, что онъ оставилъ меня. Пошелъ куда-то на богомолье, въ монастырь—и умеръ...

Она вздохнула и задумалась.

Передъ ея глазами пронесся образъ этого полнаго силъ и энергіи «страннаго человѣка», привязавшагося къ ней, какъ можетъ привязаться къ госпожѣ влюбленный въ нее

Digitized by Google

рабъ. Она явилась въ деревню молодой бѣжавшей отъ мужа и спасавшей благосостояніе дѣтей женщиной. Она, неутомимая, энергичная, простая въ обращеніи, вмѣстѣ съ Петромъ, подъ руководствомъ Петра «поднимала» Глинки. Только они, да ночь темная знали, какъ тѣсно связала ихъ эта общая, упорная, неустанная работа. Шесть лѣтъ они шли рука объ руку. Она дѣлалась все бодрѣе и энергичнѣе, а на него начали находить минуты мрачной зловѣщей тоски. Что его томило? Усталость отъ работы? Горькое сознаніе, что вѣчно онъ будетъ только ея приказчикомъ? Раскаянье за грѣхъ или страхъ, что этотъ грѣхъ узнаютъ когда-нибудь люди? Никто не зналъ душевныхъ тайнъ «страннаго человѣка» и только видѣли всѣ, что Петръ иногда ходитъ угрюмый, какъ осенняя ночь, посматривая мрачно на господскихъ дѣтей, точно раздумывая, будутъ ли они такъ любить мать, какъ онъ ее любитъ. Для нихъ вѣдь она надрывается; они для нея—все. Что-то близкое къ чувству ненависти къ этимъ дѣтямъ поднималось въ его душѣ... Наконецъ, Елизавету Андреевну посѣтилъ ея «флигель-адъютантъ». Петръ напился въ этотъ день впервые пьянымъ и среди дворни произошелъ невообразимый переполохъ: Петръ грозился въ людской зарѣзать барина и кричалъ, что баринъ ей не мужъ. Его пришлось замануть гдѣ-то въ кладовой. На слѣдующій день онъ ходилъ съ опущенной головой и потупленными глазами. Елизаветѣ Андреевнѣ удалось переговорить съ нимъ «о дѣлахъ», и онъ какъ будто успокоился. Но дня черезъ три еще разъ напился и еще отчаяннѣе кричалъ: «какой онъ ей мужъ; зарѣжу!» Но «флигель-адъютантъ» уѣхалъ, наконецъ. Все должно было, повидимому, войти въ прежнюю колею. Однако, не вошло. Петръ сталъ иногда попивать и каждый разъ въ пьяномъ видѣ бушевалъ: «попробуй онъ воротиться: зарѣжу». Протрезвившись, онъ становился мрачнѣе прежняго и какъ-то совѣстливо сторонился отъ барыни.

— На пьянаго-то и смотрѣть, поди, противно,—говорилъ онъ хмуро.

Это его мучило, терзало, а тоска гнала къ вину. Человѣкъ, справлявшійся съ самыми сложными, сельскохозяйственными задачами и поражавшій всѣхъ ясностью и глубиною своихъ взглядовъ, не могъ справиться съ вопросами любви и ревности, съ мыслью о томъ, что онъ только любовникъ, а тотъ мужъ, что онъ только приказчикъ, а господскія дѣти—все, что чѣмъ болѣе они подрастаютъ, тѣмъ

Digitized by Google

опасливѣе должны быть его отношенія къ ней Наконецъ, онъ разъ, очнувшись послѣ пьянства, услыхалъ отъ прислуги, что именно онъ говорилъ въ пьяномъ видѣ. Онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Послѣ этого какіе же господа держать станутъ,—проговорилъ онъ.

Въ этотъ же день Елизавета Андреевна услыхала отъ него:

— Не слуга я ужъ здѣсь.

По ея тѣлу пробѣжала теперь дрожь отъ воспоминанія объ этомъ днѣ, объ этой минутѣ. Она провела машинально рукой по лицу, точно оно еще и теперь горѣло отъ чьихъ-то жгучихъ слезъ, отъ безумныхъ поцѣлуевъ. Ей было и сладко, и жутко передъ этимъ порывомъ безумія мужицкой любви. Иногда она удивлялась, какъ онъ тогда не задушилъ и ее, и себя. Передъ этимъ днемъ блѣднѣло все, что пережилось въ послѣдующія девять лѣтъ, когда о Петрѣ уже не было почти никакихъ извѣстій. Въ эти девять лѣтъ взяла надъ всѣмъ верхъ животная сторона прозаической натуры—эти заботы о комфортѣ, о домовитости, о накопленіи богатства, и развился тотъ цинизмъ по горло сытаго человѣка, признающаго только интересы брюха, только наслажденія здоровой сытости.

— Мнѣ ужасно грустно,—начала Антонина Аркадьевна:—что у Нины что-то произошло съ Иволгинымъ. Съ нимъ она, конечно, была бы счастливѣе.

— Безъ любви-то счастливѣе съ молодымъ?—воскликнула Кожухова.—Ну, нѣтъ, безъ любви лучше ужъ быть замужемъ за старикомъ. Свободнѣе, по крайней мѣрѣ.

Ломова поморщилась.

— Нина будетъ, во всякомъ случаѣ, честной женой.

Кожухова пожала плечами.

— Это все условныя понятія! Но ужъ съ молодымъ-то жить безъ любви истинное горе.

— Да онъ же ее любилъ!

— Полно! Любилъ бы, силой бы взялъ.

— Что ты говоришь!

— А то же! Онъ не тряпка, а мужчина и при томъ въ немъ не одинъ чортъ сидитъ!

Антонина Аркадьевна пожала брезгливо плечами.

— Ты его не знаешь! Это бѣшеный въ минуту увлеченія человѣкъ.

— Онъ-то? бѣшеный человѣкъ? онъ ходячая холодность.

Digitized by Google

Кожухова сдѣлала гримасу.

— Хорошо ты его знаешь! Это просто сдержанность сознающей себя силы. Онъ вѣчно насторожѣ, чтобы не прорваться. Наши теперешніе земцы только недавно познакомились съ нимъ и навѣкъ сдѣлались его врагами. Его вѣдь почти всѣ ненавидятъ изъ нынѣшняго состава нашихъ земцевъ. Ну, да онъ ихъ еще согнетъ въ дугу. Это, они чуютъ. По внѣшности всѣ вѣжливы съ нимъ, какъ трусы съ сильнымъ врагомъ, а внутри—да каждый радъ бы его утопить.

И уже тономъ пренебреженія она замѣтила:

— У него вѣдь свои идеи, фантазіи разныя, правда! за народъ готовъ въ огонь и въ воду, но все это покуда на подкладкѣ идеализма и чувствительности. Пока дѣтей на шеѣ нѣтъ—это удобно, а какъ надо будетъ кормить ихъ, такъ поймете, что приходится или свою семью уморить съ голоду, или другихъ поприжать...

И тутъ она добавила, какъ бы давая хорошій аттестатъ Иволгину:

— Впрочемъ, Владиміръ и Александръ его очень уважаютъ; они съ нимъ идутъ рука объ руку по земскимъ дѣламъ...

Уже къ завтраку мало-по-малу начали наѣзжать сосѣди. Такъ какъ въ комнатѣ дѣлалось душно, несмотря на открытыя окна, то всѣ сгруппировались на обширной крытой террасѣ. Эта терраса со стеклами кругомъ зимою служила мѣстомъ, куда выставлялись цвѣты, требующіе низкой температуры. Тогда здѣсь вставлялись вторыя рамы и образовывалось нѣчто въ родѣ прохладнаго зимняго сада. Теперь на галереѣ-террасѣ стояло не мало цвѣтовъ, съ потолка по угламъ спускались красивыя вазы съ висячими растеніями; по серединѣ красовался большой фонарь съ цвѣтными стеклами, окруженный свѣчами. Мягкая мебель, качалки, небольшіе китайскіе разборные столики стояли въ живописномъ безпорядкѣ. Около козетокъ и качалокъ были ковры изъ толстой зеленой шерсти, казавшіеся кусками мягкаго моха. Когда заходила рѣчь о возможности устраиваться съ комфортомъ безъ особенныхъ затратъ, Кожухова обыкновенно указывала на эти ковры.

— Послѣдняя дѣвчонка сумѣетъ ихъ связать, если только умѣетъ чулки вязать; а между тѣмъ, и красиво, и удобно, и тепло зимою.

Она, какъ и ея сыновья, любила щегольнуть своею практичностью.

Digitized by Google

— Видите эту мебель — это все дома дѣлано. Липа и дубъ свои, рисунки выписала изъ Петербурга, нашла двухъ-трехъ столяровъ въ деревнѣ, вотъ вамъ и мебель. Да къ тому же и въ деревнѣ теперь развились столяры.

И, смѣясь, она добавляла:

— Теперь дерутъ не хуже столичныхъ мастеровъ, а мнѣ, конечно, за грошъ все сдѣлали... въ благодарность, что научила дѣлу...

Дѣйствительно, у нея была замѣчательная практическая смѣтка. Не это ли обольстило въ ней Петра? Она и людей подбирала такихъ, чтобы въ нихъ была та же способность. Она умѣла ихъ упорно эксплоатировать въ свою пользу, но кто выдержалъ искусъ въ ея школѣ, суровой, требующей энергіи, заставляющей напрягать всѣ силы, тотъ благодарилъ за науку. Отъ нея уходили люди, или сдѣлавшись заправскими работниками, или кулаками, или опустивши руки, измаявшись, упавъ духомъ въ этой кабалѣ безъ передышки и безъ поблажекъ. Какъ великій полководецъ на войнѣ во время сраженій, она не считала павшихъ, лишь бы достигнуть извѣстныхъ цѣлей. Правда, полководецъ воюетъ не ради своихъ интересовъ, а ради болѣе широкихъ задачъ. Но правда и то, что своеобразное воспитательное значеніе суровой школы въ обоихъ случаяхъ было одно и то же: многіе падали, нѣкоторые закалялись. Въ селѣ «Малыхъ Глинкахъ» это хорошо знали: во всѣхъ зажиточныхъ домахъ Елизавета Андреевна превозносилась до небесъ, въ то же время съ добродушнымъ юморомъ называясь «жохой-бабой», «кулакомъ-барыней», «выжигой». Зато въ бѣдныхъ семьяхъ говорилось: «подь къ Лизаветѣ Андреевнѣ, она соки повыжметъ», «тебѣ бы Лизавету Андреевну въ свекрови дать», «у жида, у попа, да у Лизаветы Андреевны батракъ однимъ глазомъ спитъ». Въ то же время богатыхъ мужиковъ называли «Лизаветы Андреевниными выкормками».

III.

Время между завтракомъ и обѣдомъ тянулось очень долго. Всѣ бродили, точно тоскливо ища и не находя себѣ мѣста. Пріѣзжающіе гости толковали о мѣстныхъ новостяхъ, уже всѣмъ извѣстныхъ и облетѣвшихъ не только уѣздъ, но и губернію. Дамы говорили о послѣднихъ полученныхъ модныхъ журналахъ, о скукѣ въ деревнѣ, о предстоящей зимѣ, о выборахъ.

— Ну, и жары же стоятъ — говорили въ одномъ углу.

Digitized by Google

— Да, батенька, могу признаться!—раздался отвѣтъ.

Послышалось громкое пыхтѣніе, точно кто-то отдувался.

— Этакъ все просто выгоритъ!

— А сѣнокосъ начнется, того и гляди, дожди одолѣютъ.

— Это ужъ вѣчно такъ.

Оба собесѣдника повздыхали, недовольные погодой и тупо глядя въ безоблачное небо, такъ и сверкавшее, такъ и искрившееся лучами солнца.

— Нѣтъ, вы видѣли нынѣшнія шляпки?—говорила одна дама пѣвучимъ голоскомъ.—Это Богъ знаетъ что.

— Ахъ, не говорите! Скоро совсѣмъ мужскіе костюмы станутъ носить,—отвѣтила другая дама.

— Нѣтъ, это недолго такъ продлится. Это не можетъ такъ продлиться! — воскликнула какая-то худая дѣвица. — Говорятъ, кринолины скоро войдутъ въ моду.

— Ну, тоже хорошо! Вотъ-то замѣна!—послышались голоса протеста.

Въ сторонѣ какая-то старуха замѣтила шопотомъ своей сосѣдкѣ:

— Сама истлѣла, такъ и хотѣлось бы, чтобы хоть бочки стали напяливать, лишь бы пошире казаться.

Молодыя дамы продолжали разсуждать:

— Да ужъ и не знаешь, чего ждать. Въ Америкѣ вонъ дамы съ бѣлыми мышами въ театръ ѣздятъ!

— Что вы? Не можетъ быть!

— Я же сама читала!

— Это Богъ знаетъ что такое!

И онѣ были тоже недовольны модой.

На нѣсколько минутъ всѣ заинтересовались пикантной новостью: у прокурора жена сбѣжала, говорятъ, съ какимъ-то офицеромъ. Кто-то даже сострилъ:

— По другому вѣдомству пошла!

Но тотчасъ же упалъ интересъ и къ этой темѣ, такъ какъ кто-то серьезнымъ тономъ объявилъ, что по вчерашнимъ свѣдѣніямъ жена прокурора снова вернулась къ мужу, и онъ разсказываетъ, что она просто ѣздила къ умирающей бабушкѣ. Попробовали заспорить о томъ, что у прокурорши нѣтъ никакой бабушки, но споръ не поддержался, такъ какъ всѣ хорошо знали, что бабушки точно нѣтъ.

Рома думалъ: «и здѣсь также скука, спѣться не могутъ». Ему вспомнилось, какъ въ театрахъ передъ началомъ оперъ и концертовъ музыканты и пробуютъ, и настраиваютъ инструменты,—то взвизгнетъ скрипка, то послышатся яркіе

Digitized by Google

звуки арфы, то вдругъ ни съ того, ни съ сего пронесется глухой вздохъ мѣднаго инструмента. Все покуда не клеилось. Четверо стариковъ поспѣшили избрать благую часть и засѣсть въ винтъ до обѣда.

— Водки ждутъ!—мелькомъ замѣтилъ Владиміръ Ромѣ.— До нея всѣмъ тошно!

Дѣйствительно, общество начало оживляться уже отъ одного предчувствія приближенія закуски и обѣда, заслышавъ гдѣ-то звонъ посуды. Елизавета Андреевна немного волновалась: не заставилъ бы ждать Апухтинъ. Не дождавшись его, неловко сѣсть за столъ. Всѣ это чувствовали и тихонько разспрашивали, здоровъ ли онъ, не случилось ли съ нимъ чего-нибудь. Онъ былъ теперь для каждаго дороже отца родного.

Наконецъ явился и онъ.

Это былъ высокій и лысый господинъ съ двойнымъ подбородкомъ, съ жирной шеей, какъ бы подпертой туго накрахмаленнымъ воротничкомъ сорочки. Онъ ходилъ медленно, точно съ трудомъ нося выпяченный впередъ животъ. Этотъ животъ, эта медленная походка и тупое выраженіе тусклыхъ, широко открытыхъ глазъ придавали ему внушительный видъ государственнаго человѣка. Присутствующіе заволновались при его появленіи, отъ того ли, что эта была крупная по положенію и по богатству личность, или просто отъ того, что съ его приходомъ должно было совпасть начало обѣда. Онъ раскланялся со всѣми съ любезностью и находчивостью человѣка, знакомаго со свѣтомъ, находя для каждаго двѣ-три милыя фразы,—пустячки, говорящіе, что онъ помнитъ каждаго присутствующаго и болѣе или менѣе интересуется имъ. У одной изъ дамъ онъ освѣдомился «о ея миленькомъ кадетикѣ», хотя этого кадетика онъ видѣлъ разъ въ жизни десять лѣтъ тому назадъ; у одного молодого человѣка онъ спросилъ «о драгоцѣнномъ здоровьѣ его почтенной матушки». хотя эту матушку онъ только и зналъ потому, что когда-то было цѣлое дѣло о переселеніи ея крестьянъ на болото; у одной барышни онъ съ благодушной фамильярностью старика спросилъ, «когда она успѣла вырасти», и съ той же милой фамильярностью сказалъ ея матери, что «онъ не вѣритъ, точно ли это ея дочь, а не младшая сестра-погодокъ». Подойдя къ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, онъ довольно тихо проговорилъ ей:

— Вы виновница моего пріѣзда сюда!

Она вспыхнула и ей, вдругъ вспомнившей слова Ивол-

Digitized by Google

гина объ Апухтинѣ, показалось очень глупымъ и то, что онъ говоритъ, и выраженіе его устремленныхъ на нее круглыхъ и выпуклыхъ глазъ.

— Да, да!—продолжалъ онъ любезно.—Я простудился и долженъ былъ бы сидѣть дома. Но я зналъ, что вы здѣсь, и хотѣлъ принести повинную за то, что не былъ еще у васъ въ домѣ. Далекіе выѣзды мнѣ запрещены моимъ деспотомъ-докторомъ..,

— Я думаю, мой отецъ не имѣетъ права считаться визитами съ вами, — сдержанно замѣтила Анна Ѳеодоровна.

— Я былъ бы счастливъ, если бы мы сдѣлались настолько близкими, чтобы могли отбросить эти свѣтскія приличія,—проговорилъ Апухтинъ.

У Анны Ѳеодоровны сжалось сердце. Господи, Господи, неужели онъ будетъ ея мужемъ! Ей казалось, что ей тѣсно въ присутствіи этой колоссальной фигуры, что ей хочется отодвинуться отъ него куда-то подальше къ стѣнѣ. Такъ невольно отстраняешься отъ идущаго по звѣринцу слона, хотя и знаешь, что онъ тебя не задавитъ.

— Господа, прошу къ столу!—раздался голосъ Елизаветы Андреевны.

Она торопилась, покуда Апухтинъ не отошелъ отъ Анны Ѳеодоровны. Онъ предложилъ ей руку. Елизавета Андреевна уже взяла подъ руку Ѳеодора Романовича. Владиміръ подошелъ къ Наташѣ, чтобы вести ее къ столу. Рома опять почувствовалъ, что его душитъ злоба на Владиміра. Что это онъ ухаживаетъ за Наташей? Ужъ не думаетъ ли объясниться ей въ любви? Этого только недоставало!

У стола съ закусками уже слышался шумъ, напоминавшій жужжанье вспугнутыхъ пчелъ. Слышались отдѣльныя фразы:

— Вамъ чего прикажете, очищенной или померанцевой?

— Я придерживаюсь отечественнаго.

— Хватимъ по второй!

И пережевывая торопливо куски хлѣба и закусокъ, кто-то совѣтовалъ кому-то:

— Нѣтъ, вы выпейте рябиновки и закусите груздями. Это все у васъ какъ рукой сниметъ. Мнѣ одинъ докторъ это предписалъ отъ желудка и простуды. Сперва рябиновки, потомъ груздей. Не поможетъ, еще хлобысните.

Ѳеодоръ Романовичъ съ румянцемъ на худыхъ щекахъ уже припиралъ къ стѣнѣ какого-то молодого, длиннаго и тощаго франтоватаго господина съ прической à la Капуль, выражая ему свое несочувствіе къ земству.

Digitized by Google

— Я вамъ указываю на факты: въ Аккерманскомъ уѣздѣ на двадцать восемь тысячъ обязательныхъ расходовъ содержаніе управленія обходится въ семь тысячъ восемьсотъ рублей; въ Кишиневскомъ, на пятьдесятъ три тысячи обязательныхъ расходовъ, на управленіе и канцелярію идетъ десять тысячъ четыреста рублей. Это какъ вы думаете, кто въ барышахъ? Кромѣ этихъ-съ прямыхъ «содержаній» еще косвенными путями изъ разныхъ обязательныхъ и необязательныхъ расходовъ останется у господъ заправилъ кое-что въ рукахъ.

— Даромъ служить никто не обязанъ,—отвѣтилъ франтоватый молодой человѣкъ, торопливо пережевывая что-то.

— Такъ-съ, такъ-съ! Ну, а подвигъ ветлужскаго земства? На земскія деньги построили общественный клубъ въ городѣ Ветлугѣ. Это для поднятія крестьянскаго благосостоянія, что ли? Это-съ вѣдь въ газетахъ сообщено, это фактъ!

— Я не спорю, что темныя стороны есть. Я вамъ только указалъ, что земство, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, двинуло впередъ образованіе народа, — отбивался молодой человѣкъ, торопливо работая челюстями.

— Позвольте, позвольте! Двинуло? куда двинуло? Будемте стоять на почвѣ фактовъ: въ Бирскомъ уѣздѣ предсѣдатель получаетъ двѣ тысячи четыреста рублей, два члена управы тоже двѣ тысячи четыреста рублей вмѣстѣ, канцелярія семь тысячъ, а учителю даютъ двѣсти пятьдесятъ рублей, а законоучитель получаетъ шестьдесятъ—шестьдесятъ-съ въ годъ!

— Позвольте, зачѣмъ же вы берете...

— Нѣтъ-съ, вы мнѣ позвольте. Вы говорите, вы двинули народное образованіе, а вотъ въ Уржумскомъ уѣздѣ сорокъ школъ поддерживали свое существованіе единственно благодаря учителямъ. Эти люди изъ нищенскаго содержанія удѣляли деньги на квартиру и отопленіе земскихъ школъ. Въ Богодуховскомъ уѣздѣ у школы не было книгъ, она просила вспомоществованіе, а ей классныя скамьи прислала управа. Классныя скамьи! Да-съ! Это курамъ на смѣхъ! Возьмите тоже аккерманское земство: на пособіе сельскимъ школамъ дается четыреста рублей, а пособіе прогимназіи равняется пяти тысячамъ триста семидесяти пяти рублямъ.

— Вы ужъ и копейки наизусть не запомнили ли?—пошутилъ молодой человѣкъ, отдѣлываясь отъ разговора и садясь за столъ.

Феодора Романовича, однако, было трудно остановить, когда онъ садился на своего конька.

Digitized by Google

— Я-съ вамъ привожу нѣкоторыя цифры, потому что читаю отчеты земствъ, я вотъ еще вчера просматривалъ то, о чемъ говорю, а многіе господа-земцы даже не разрѣзаютъ никакихъ отчетовъ,—говорилъ онъ, торопливо затыкая конецъ салфетки за воротникъ сорочки.—Недаромъ-съ церковно-приходскія школы сразу вошли въ силу и нѣкоторыя земства, къ стыду своему, обрадовались этому. Дешевле, молъ, стоить будетъ.

— Можетъ-быть, это протестъ?—вставилъ молодой господинъ.—Можетъ-быть, причины лежатъ...

— Противъ кого же протестъ?—горячо перебилъ его Ломовъ.—Кому онъ страшенъ? На комъ онъ отзовется?

Молодой человѣкъ молчалъ, видимо думая объ одномъ, чтобъ Ломовъ отвязался. Онъ даже заговорилъ съ своей сосѣдкой о томъ, что Петербургъ много потерялъ своей привлекательности съ той поры, какъ въ немъ нѣтъ итальянской оперы.

— Это просто позоръ,—говорила дама, никогда не бывавшая въ Петербургѣ и никогда не слыхавшая итальянской оперы.—Во всѣхъ европейскихъ столицахъ есть итальянская опера, а у насъ теперь нѣтъ.

— Да у насъ денегъ не хватило! — горячо воскликнулъ молодой человѣкъ и залиберальничалъ.—Вообще теперь въ театрѣ идетъ сумбуръ, разные безпорядки, искусство положительно падаетъ...

Но Ломовъ все продолжалъ приставать къ нему.

— Нѣтъ-съ, это не протестъ, а желаніе сложить съ себя лишнюю обузу,—продолжалъ Ѳеодоръ Романовичъ.—Недаромъ же изъ вашихъ школъ бѣжали нѣкоторые учителя въ урядники. Это вѣдь не сказки, а тоже фактъ. Нищета, нераціональная постановка учебной части, придирки всѣхъ и каждаго къ учителю—тутъ поневолѣ сбѣжишь.

— Да при чемъ же тутъ земства? Тутъ...

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, пойдемте дальше. Я знаю-съ, что вы хвалитесь не однимъ устройствомъ народнаго образованія, а и устройствомъ врачебной помощи. Ну-съ, ваши врачи или цѣлыми днями играютъ въ винтъ и пляшутъ по дудкѣ господъ изъ управы, кулаковъ и міроѣдовъ, не заботясь о мужикѣ, или на ножахъ съ господами изъ управы и въ концѣ концовъ бѣгутъ, видя полную невозможность дѣлать дѣло. Рѣдкій врачъ уживается у васъ подолгу...

— Ну, тоже, если такіе крикуны, какъ вашъ почтенный сосѣдъ Борисъ Николаевичъ Иволгинъ, — замѣтилъ черезъ

Digitized by Google

столъ какой-то толстенькій старичокъ съ простодушнымъ улитаннымъ лицомъ:—такъ и скатертью дорога.

Онъ началъ разсказывать, какъ Иволгинъ, посѣтивъ земскую больницу, говорилъ, что тутъ надо повернуть все вверхъ дномъ: и то дурно, и другое негодно, и третье нужно ввести. Всѣ, кто завѣдывалъ больницей, чуть не ворами были имъ изображены, всѣхъ, оказалось, чуть не подъ судъ надо было упечь. Послушать бы его, такъ въ Сибири мѣста бы не хватило. И, добродушно смѣясь, онъ закончилъ:

— И напорется самъ на чужіе роги, если попадетъ въ распорядители.

Тѣмъ же добродушнымъ тономъ онъ сталъ объяснять, что нельзя же требовать, чтобы мужицкая больница была такой же, какъ не-мужицкая больница.

— Вѣдь мужикъ въ избѣ со скотомъ живетъ, а не въ такихъ вотъ палатахъ, — указалъ онъ пухлой рукой кругомъ.—Ну, мужику и больница иная нужна, и требованій къ ней нельзя строгихъ предъявлять. Какъ смѣете, говоритъ, вмѣсто медикаментовъ отъ бабъ цѣлебныя травки скупать? А иному и травка поможетъ. Всяко бываетъ.

— Такъ лучше ужъ и вовсе закрыть больницы!—запальчиво воскликнулъ Ѳеодоръ Романовичъ.—Вотъ я на-дняхъ читалъ, какъ въ одномъ земствѣ ораторы подняли вопросъ о закрытіи двухъ существовавшихъ больницъ. Поднялся врачъ и началъ доказывать ихъ необходимость. Его оборвали, сказавъ, что онъ некомпетентенъ въ этомъ вопросѣ, такъ какъ его прямая выгода въ существованіи больницъ. Порѣшили закрыть.

— Да, можетъ-быть-съ, онѣ и точно не нужны были,— замѣтилъ добродушный собесѣдникъ-старикъ.

— Очень можетъ быть, кстати можно бы и школы тутъ же закрыть, и подѣлить оставшіяся деньги на прибавки жалованья предсѣдателю и членамъ управы,—возразилъ Ѳеодоръ Романовичъ не безъ ѣдкости.—Но я не кончилъ-съ. Интереснѣе всего былъ финалъ. На слѣдующее засѣданіе явились тѣ же противники двухъ больницъ и, въ порывѣ раскаянья, стали просить о разрѣшеніи содержать временныя койки въ помѣщеніи этихъ же самыхъ больницъ... временныя койки!..

Послышался легкій смѣхъ. Всѣ радовались, предполагая, что споръ кончился. Надоѣли всѣмъ и такъ эти дѣла. Дамы опять завели рѣчь о нарядахъ, о модахъ, объ удовольствіяхъ.

Digitized by Google

— Но вы все-таки неосновательно прорѣзали,—доказывалъ добродушному толстяку его сосѣдъ, угрюмый и сухопарый старикъ, продолжая споръ о винтѣ.

— Не могъ я не прорѣзать, никакъ не могъ!—оправдывался добродушный толстякъ.—Это, можетъ-быть, неправильно, но это моя система. Я по своей системѣ играю.

— Общія правила есть...

— А у меня своя система.

Ѳеодоръ Романовичъ не выпускалъ, однако, изъ рукъ своей жертвы и продолжалъ спорить съ молодымъ франтомъ, уже каявшимся, что онъ сѣлъ рядомъ съ Ломовымъ:

— Вы, конечно, слышали объ увольненіи врача только вслѣдствіе того, что имъ былъ недоволенъ фельдшеръ, родственникъ экономки одного изъ заправилъ? Эта вѣдь грязь закулисныхъ интригъ черезъ газеты прошла. А въ Саратовѣ? Врачъ служилъ восемнадцать лѣтъ и вдругъ ни съ того, ни съ сего его увольняютъ. Тоже вѣдь фактъ, подтвержденный газетами. Это дѣло? Ну-съ, а подача прошеній объ увольненіи цѣлыми группами врачей, не сладившихъ съ земскими воротилами? А хлопоты льговскаго земства, чтобы получить право увольнять врачей безъ вмѣшательства ревизіонной комиссіи? Да вѣдь дѣло-съ дошло до того, что роменское земство созналось въ своей некомпетентности въ врачебномъ дѣлѣ и просило губернатора взять регулированіе этого дѣла и распоряженіе ассигнуемыми на него деньгами! Того же потребовали два врача въ Петербургѣ на съѣздѣ—потребовали для всѣхъ земствъ! Это-съ знаменательно! Знаете ли вы, къ чему это ведетъ? Къ тому-съ, что сегодня у земства изъ рукъ уйдутъ школы къ попамъ, завтра уйдетъ врачебная часть къ губернской власти, а затѣмъ-съ останутся пенсіонеры у мужиковъ, облегченные отъ бремени обязанностей и хлопотъ.

— Ахъ, странно, право, ведете вы свою обвинительную рѣчь противъ земства!—нетерпѣливо сказалъ франтоватый молодой человѣкъ.—Вы ловите газетный фактъ и основываете все на немъ. Въ газетахъ обличенія дурного, въ газетахъ только темныя стороны.

Раздался неожиданно басовитый утробный смѣхъ Апухгина. Всѣ стихли и обернулись къ нему. До этой минуты онъ тихо бесѣдовалъ исключительно съ Анной Ѳеодоровной.

— Я присоединяю къ фактамъ, переданнымъ Ѳеодоромъ Романовичемъ, только одинъ. Обязательное страхованіе скота. Ха-ха-ха!

Digitized by Google

У него слегка затрясся круглый двойной подбородокъ, хотя остальная часть лица вовсе не имѣла выраженія смѣющагося человѣка. Послышались вопросы, что это за исторія.

— Да вы, конечно, всѣ знаете, господа, финалъ этого великаго изобрѣтенія,—проговорилъ Апухтинъ.—Это перлъ. Господа земцы одной изъ губерній придумали введеніе обязательнаго страхованія скота. Каждый долженъ былъ застраховать весь имѣющійся у него скотъ. Но не думайте, что застраховывался скотъ отъ падежа вообще. Это было бы понятно. Но нѣтъ-съ, были избраны и опредѣлены привилегированныя болѣзни. Падетъ скотина отъ привилегированной болѣзни—выдать деньги; падетъ отъ непривилегированной болѣзни—не выдавать. Ну-съ, выбрали агентовъ, назначили имъ оклады и успокоились. Теперь представьте себѣ слѣдующую картину: скотъ падаетъ повсемѣстно, ветеринаровъ нѣтъ на десятки верстъ, крестьяне ничего не смыслятъ въ болѣзняхъ, кто же подтвердитъ, что та или другая сидорова корова пала съ привилегіей? Спрашиваю васъ: кто? Агенты? Да прежде, чѣмъ они доскачутъ на одно мѣсто, въ другомъ же и трупы скота сгніютъ. Ну-съ, и такъ за палый скотъ могъ получить не крестьянинъ, а только господа земскіе заправилы. Съ января по октябрь было собрано пятьдесятъ одна тысяча рублей. Изъ этихъ денегъ за палый скотъ выдано было пять тысячъ четыреста рублей, а на администрацію ушло тридцать три тысячи! Хорошо?

И сдѣлавъ серьезную мину, Апухтинъ закончилъ:

— На слѣдующемъ ежегодномъ земскомъ собраніи было прямо заявлено, что вся губернія приметъ въ колья—да, приметъ въ колья сборщиковъ страховки. Хорошо-съ?

— Въ одномъ земствѣ уже и приняли ихъ въ колья,—послышались голоса.

— Судили виновныхъ,—поясняли другіе.

— Съ нововведеніями это всегда повторяется,—разъяснялъ кто-то.

Ѳеодоръ Романовичъ, не слушая противниковъ и не давъ молодому франтоватому господину открыть рта для возраженія, горячо заговорилъ:

— Не мудрено, что при такомъ хозяйствѣ мы очутились среди массы нищихъ. За 1882 годъ изъ поступленій губернскаго и уѣзднаго сборовъ поступило всего двадцать девять милліоновъ при недоборѣ въ шестнадцать съ половиной милліоновъ. Въ Новгородской губерніи при поступ-

Digitized by Google

ленін въ восемьсотъ шестьдесятъ двѣ тысячи недоимокъ было на восемьсотъ шестьдесятъ пять тысячъ. Въ Курской губерніи при сборѣ въ пятьсотъ пятьдесятъ четыре тысячи недоимокъ было на семьсотъ пятьдесятъ одну тысячу.

— Вы ошибаетесь, это не слѣдствіе земскаго хозяйства, а слѣдствіе всеобщаго разоренія, — загорячился молодой франтъ.—Въ одномъ взаимномъ поземельномъ кредитѣ заложено имѣній на полтораста милліоновъ и только какая-нибудь одна пятая часть этихъ имѣній принадлежитъ не дворянамъ. Тутъ ужъ земское хозяйство не при чемъ. Всѣ мы не умѣемъ жить.

Добродушный толстякъ, хихикая, вставилъ свое словцо:

— Ну, иногда и не отъ нужды закладываютъ. Вотъ одинъ крупный землевладѣлецъ заложилъ милліонное имѣніе да изъ мрамора дворецъ себѣ воздвигъ въ Италіи. Глядишь, на шеѣ и платежи въ взаимный поземельный кредитъ, и расходы на поддержаніе дворца, а имѣніе все въ прежней чахоткѣ.

На него никто не обратилъ вниманія. Всѣ гости, уже порядочно выпившіе, шумно говорили на перебой.

— Взаимный поземельный кредитъ дѣйствительно скоро высосетъ всѣ соки изъ дворянъ,—замѣтилъ мрачный сосѣдъ добродушнаго толстяка.—Я въ числѣ многихъ другихъ подалъ записку о необходимости перевода заложенныхъ имѣній въ дворянскій банкъ.

— Въ пятьдесятъ милліоновъ подарка требуете?—спросилъ молодой франтъ съ ироніей.

— Да-съ, въ пятьдесятъ милліоновъ подарка требую!—настойчиво сказалъ мрачный господинъ.—Дворянство подороже стоитъ, а его благосостояніе погибнетъ, если его не поддержатъ теперь. Оно попало въ лапы паука, и тотъ высосетъ всѣ его соки. Да-съ, я это говорилъ и повторяю еще. Я еще готовлю записку объ освобожденіи дворянства отъ всякихъ подоходныхъ налоговъ. Да-съ!

Въ порывѣ раздраженія онъ взялъ щепотку табаку,—сердито нюхнулъ его и стряхнулъ пальцы въ сторону сосѣда, запыливъ ему грудь сорочки.

— Ну, не всѣ же заложили свои имѣнія!—раздался мягкій голосъ какой-то дамы.—Правда, теперь, когда дворянскій банкъ будетъ... кредитъ дешевый...

Она бросила нерѣшительный взглядъ на сидѣвшаго противъ нея мужа. Тотъ поморщился и поторопился отвѣтить:

— Та же петля на шеѣ!

Digitized by Google

Послышались голоса протеста: какъ петля на шеѣ? почему?

— Всякое закладываніе имѣнія петля на шеѣ,—уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, ты всегда такъ!—воскликнула недовольнымъ тономъ жена.

— Вы возьмите одинъ только пунктъ проекта о томъ, что продать имѣніе можно только дворянину или нужно выкупить его.

— Это въ пользу дворянъ: желаніе не обезземелить ихъ,—вставилъ наставительно Анухтинъ.

— Да-съ? Ну, а если нужно до зарѣзу продать? Гдѣ вы сейчасъ найдете покупщика-дворянина? Не дворянинъ же за то, что онъ заплатитъ всю сумму чистоганомъ, дастъ гораздо меньше, въ прямой убытокъ вамъ.

— Ну, если продавать имѣнія, такъ на это есть крестьянскій банкъ,—замѣтилъ добродушный толстякъ.—Черезъ него всегда можно выгодно сбыть землю. Крестьянинъ до земли жаденъ. Охъ, какъ жаденъ! Онъ переплатитъ, а купитъ землю. Это для дворянъ выходъ. Хе-хе-хе! Теперь дворянинъ можетъ обернуться, заложивъ имѣніе въ дворянскій банкъ, а тамъ, глядишь, земля еще подорожаетъ, ну и всучивай ее мужичкамъ черезъ крестьянскій банкъ.

— Да, въ конецъ запутаются со своею жадностью къ землѣ мужики со всякими этими банками,—сказалъ господинъ, не желавшій согласиться на просьбы жены заложить имѣніе и признававшій всякій долгъ петлей на шеѣ.—Какое крестьянское хозяйство при нашемъ неумѣньи вынесетъ уплату ежегодныхъ процентовъ на капиталъ и погашеніе части капитала? да еще при вздорожаніи земли. Вѣдь, купивши землю, нужно еще и удобрить ее, и руки приманять, и орудія завести. Это чистая петля на шеѣ.

— У тебя все петля на шеѣ!—возразила съ упрекомъ его жена.—Ты все стоишь на своемъ! Такъ жить нельзя, если въ каждомъ оборотѣ видѣть петлю на шеѣ.

Мужъ только вздохнулъ, какъ мученикъ, выносящій привычную пытку.

— Однако, покупаютъ же крестьяне земли?—замѣтилъ кто-то.

— Да, покупаютъ, потому что, какъ сказалъ Иванъ Ивановичъ, крестьянинъ жаденъ на землю. Вотъ купили же крестьяне изъ взаимнаго поземельнаго кредита имѣніе на югѣ, заложенное въ сотню тысячъ, съ заводами и другими

Digitized by Google

ненужными имъ постройками. Ну-съ, а подойдетъ время платежей—и закряхтятъ. Вѣдь ужъ и такъ иногда льготы приходится дѣлать. Они видятъ одно: земля есть. Ну, и бросаются на нее, а что послѣ выйдетъ—этого они не знаютъ. Вы бы посмотрѣли въ взаимномъ поземельномъ кредитѣ, когда они дѣлаютъ свои взносы—любопытно! Конечно, тутъ очень важную роль играетъ то обстоятельство, что арендная плата на землю все поднимается. При томъ же земля отдается крестьянамъ на короткіе сроки. Вотъ почему крестьяне и жадны до земли: какъ бы ни были тяжки условія покупки, все же это—собственность...

И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Грустнѣе всего то, что это собственно и не крестьяне покупаютъ, а чаще всего міроѣды: изъ трехъ соть покупщиковъ заправилами являются какой-нибудь десятокъ или два десятка кулаковъ. Остальные же прямо превратятся въ ихъ батраковъ.

Франтоватый молодой человѣкъ обрадовался и оживился при словѣ «міроѣдъ».

— Да, да, это вѣрно! Крестьянинъ не отъ земскихъ порядковъ страдаетъ, а отъ міроѣдства,—горячо заговорилъ онъ.—Міроѣды—вотъ наше зло, вотъ наша язва.

— А! ширма либераловъ! — воскликнулъ запальчиво Ѳеодоръ Романовичъ.—Міроѣды! за нихъ теперь всѣ прячутся. «Мы не виноваты, это все они!» Я когда пріѣхалъ сюда, мнѣ тоже сейчасъ это пугало либерализма показали. Ну-съ, и что же? Я увидалъ не міроѣда, а старика-патріарха, отца пяти сыновей. Онъ ихъ держитъ въ рукахъ, и потому его семья процвѣтаетъ, онъ богатъ, жизнь нравственна...

— У меня около имѣнія живетъ Прокофій Семеновъ Милый, такъ у того двѣнадцать сыновей,—вставилъ добродушный толстякъ.—Онъ такъ и говоритъ: «Потуда я и богатъ, покуда двѣнадцать душъ крѣпостныхъ есть». Хе-хе-хе! Даровые работники.

— Да-съ, даровые работники, крѣпостные! И отлично! Это столпы нравственности, а не міроѣды,—горячился Ѳеодоръ Романовичъ.—Нѣтъ-съ, міроѣдовъ прежде не было при крѣпостномъ правѣ, когда дворянинъ былъ все.

— Вы старыхъ приказныхъ забыли,—насмѣшливо замѣтилъ молодой спорщикъ.—Они были тогда все.

— Ахъ, вы хотите за новые суды встать. Дарю ихъ вамъ безъ спора!—замѣтилъ Ѳеодоръ Романовичъ. уже весь

Digitized by Google

красный отъ выпитаго вина, и крикливо продолжалъ:— Только замѣчу, что старые приказные чуть не въ опоркахъ ходили, а новые господа адвокаты ѣздятъ на рысакахъ, состоянія въ сотни тысячъ кляузничествомъ составили. А составъ судовъ...

Онъ обернулся къ Апухтину:

— Кажется, у всѣхъ въ памяти исторія одного застрѣлившагося предсѣдателя окружного суда, оставившаго записку, что онъ убиваетъ себя, чувствуя весь позоръ своей жизни. Это вѣдь всѣ газеты облетѣло. А тотъ предсѣдатель, что изволилъ въ балаганъ обратить судебное засѣданіе, такъ что дѣло дошло до замѣчанія отъ сената...

Владиміръ, наклоняясь близко-близко къ Наташѣ, шепталъ ей:

— Всѣ сами хороши и всѣхъ ругаютъ.

— Это вѣдь такъ легко,—отвѣтила она.

— Но скучно до тошноты... Ужъ хоть бы дѣло дѣлали, ну, тогда туда-сюда, а то вѣдь сами лежебоки...

— Вамъ, я думаю, это особенно противно, какъ человѣку дѣла,—сказала она.

— Да. Мы потому и стоимъ въ сторонѣ... Здѣсь, въ уѣздѣ, въ сущности, только мы да Иволгины и можемъ похвалиться тѣмъ, что не дармоѣдствуемъ...

При упоминаніи объ Иволгинѣ лицо Наташи покрылось румянцемъ.

— И всѣ эти говоруны подъ пьяную руку, и консерваторы, и либералы, одинаковую чепуху городятъ,—продолжалъ Владиміръ:—все изъ газетъ, изъ слуховъ выводы дѣлаютъ... Одни земство, другіе правительство ругаютъ, точно въ земствѣ одни люди служатъ, а въ правительствѣ другіе. Люди вездѣ люди и вездѣ у нихъ одни и тѣ же недостатки.

Рома мрачно посмотрѣлъ въ сторону Владиміра и Наташи: «О чемъ они шепчутся? Съ чего она раскраснѣлась?»

— Да позвольте, вы говорите объ общемъ паденіи нравовъ, а не о судѣ,—запальчиво воскликнулъ молодой франтоватый господинъ въ отвѣтъ на послѣднія слова старика Ломова.

— Да-съ, объ общемъ паденіи нравовъ, явившемся вслѣдствіе того, что разнуздали общество!—уже кричалъ Ѳеодоръ Романовичъ съ пылающимъ лицомъ.—И оно будетъ еще сильнѣе, когда общество, отданное на судъ невѣжественнаго, грубаго, спившагося и распущеннаго народа.

Digitized by Google

будетъ видѣть, что можно и убивать, и поджигать, и грабить безнаказанно. Сегодня оправдаютъ жену, убившую мужа, завтра оправдаютъ мужа, убившаго жену, послѣзавтра пойдутъ убивать васъ, меня... У насъ еще въ памяти Засуличъ...

— Господа, господа, за здоровье новорожденнаго!—раздался торопливый возгласъ добродушнаго старика.

— Урра!—крикнуло нѣсколько голосовъ.

Задвигались стулья вставшихъ, чтобы чокнуться бокаломъ съ Владиміромъ. Онъ всталъ и сталъ обходить столъ, благодаря гостей, дошелъ до матери и поцѣловалъ ей руку, а потомъ губы.

— Уйми ты дядю!—наскоро шепнула она ему.—Это Богъ знаетъ что!

— Напился!—коротко отвѣтилъ Владиміръ.

Понемногу все стихло, слышался только звонъ ножей, вилокъ, посуды. Ѳеодоръ Романовичъ опять началъ разговоръ о современномъ положеніи дѣлъ, но Владиміръ крикнулъ ему черезъ столъ:

— Дядя, дамы жалуются, что ихъ вмѣсто обѣда пригласили на земское собраніе! Надоѣло оно!

— Да, да, пощадите насъ!—со смѣхомъ сказала барыня, подговаривавшая мужа заложить имѣніе.—Развѣ мы понимаемъ что-нибудь въ политикѣ?

— Браво, браво!—крикнулъ чей-то пьяный голосъ.

— Я ничего не имѣю противъ мнѣнія дамъ и поднимаю бокалъ за русское дворянство!—громко воскликнулъ Ѳеодоръ Романовичъ.

— Урра!—крикнули дружно гости.

— За почтеннаго представителя нашего мѣстнаго дворянства!

— Урра!

Апухтинъ кланялся, выражая на лицѣ скромное: «за что же? такая честь!»

Зазвенѣли бокалы. Когда подошелъ къ Апухтину Ѳеодоръ Романовичъ, тотъ размякъ и нѣжно обнялся съ нимъ.

— Я васъ полюбилъ, я вамъ вполнѣ сочувствую! Это... эта горячность, эта принципіальность... Ну, меня тронули!—говорилъ онъ, и его крупное лицо вдругъ приняло видъ [illegible] румянецъ и темя, покрытое пушкомъ, дополняли [illegible]ство.

Digitized by Google

Обмѣнявшись любезностями съ гостями, онъ опустился опять на стулъ возлѣ Анны Ѳеодоровны и заговорилъ:

— Я очарованъ вашимъ отцомъ! Онъ горячъ, какъ юноша. Конечно, онъ увлекается, но я сочувствую его основамъ. Дворянство имѣетъ великое значеніе и его надо хранить, какъ зеницу ока. Наше великое несчастіе, что оно не остается покуда строго замкнутымъ сословіемъ. Замкнутость необходима! Въ него вторгались часто посторонніе элементы и вносили въ него нерѣдко разложеніе. Этому нужно положить предѣлъ. Запереть плотину. Да, именно, такъ: запереть плотину! Я хорошо знаю, какія постороннія примѣси входили у насъ часто въ дворянское сословіе. Я вѣдь немного спеціалистъ по этому вопросу.

Онъ благодушно усмѣхнулся, какъ бы сознаваясь въ маленькой слабости.

— Занятія генеалогіей—мои спеціальныя занятія. Когда я окончу свой трудъ, я надѣюсь, что мнѣ удастся показать многія прискорбныя явленія, въ родѣ исторіи созданія рода князей Еловыхъ почти на нашихъ глазахъ, то-есть на моихъ, а не на вашихъ,—добавилъ онъ съ любезной улыбкой.—Вы, конечно, встрѣчали или слышали въ Петербургѣ про существованіе князя Еолова-Тихменева?

Анна Ѳеодоровна отвѣтила утвердительно.

— А какъ основался этотъ родъ? покойный Еловъ-прадѣдъ самъ по себѣ былъ дитя любви. Сынъ какого-то итальянца-бандита или лазароне, повара или парикмахера, кто его знаетъ. Но у него были вліятельныя родственницы—если только у подобныхъ дѣтей могутъ быть родственники—со стороны матери. И вотъ-съ этого мальчика вытянули за уши до званія гвардейскаго прапорщика или поручика, потомъ нашли ему невѣсту, перезрѣлый плодъ вымиравшей семьи графа Тихменева. Графа Тихменева возвели при помощи протекціи въ княжеское достоинство, а за это потребовали руки его дочери Еолову, и такъ создался новый насчитывающій уже четыре поколѣнія родъ князей Еловыхъ-Тихменевыхъ, потомковъ Богъ знаетъ кого.

Его лицо съ опущенными углами губъ выражало презрѣніе къ этимъ потомкамъ Богъ знаетъ кого.

— Я понимаю, еслибъ княжескіе титулъ и фамилію Тихменева передали тогда кому-нибудь изъ старыхъ дворянъ, родственниковъ старика. О, да, это понятно. Но производить въ князья мальчишку безъ имени, безъ національности, безъ родины—этого я не понимаю... Когда-нибудь, когда я

Digitized by Google

буду имѣть счастіе видѣть васъ у себя, я вамъ покажу много интересныхъ родословныхъ деревъ, составленныхъ мною. О, это стоитъ изучить: это исторія, это романы. Тутъ проходятъ цѣлыя вереницы событій, лицъ, семейныхъ отношеній, паденій и возвышеній родовъ, фавориты, временщики...

Онъ сжалъ зубы и приподнялъ брови, на минуту задумавшись о чемъ-то.

— Только много труда приходится употреблять на это дѣло, разъясняя темныя мѣста и пробѣлы. Матеріалы иногда спутаны, иногда совершенно искажаютъ истину. Кто дѣйствительные Рюриковичи? Кто родня Гедемину? Князь Петръ Долгорукій многое перепуталъ, много исказилъ умышленно, преслѣдуя личныя цѣли. Да, впереди еще много кропотливой работы, очень много.

Онъ вздохнулъ, задумавшись о томъ, какъ много впереди кропотливой работы. Потомъ какъ бы опомнился и любезно замѣтилъ:

— Но виноватъ! Вы еще не знакомы съ этимъ дѣломъ, и оно не можетъ особенно интересовать васъ. О, я васъ втяну въ него когда-нибудь. Честное слово!

И уже совсѣмъ по-свѣтски, мило и любезно онъ сталъ ее разспрашивать, не скучаетъ ли она здѣсь послѣ Петербурга, много ли выѣзжаетъ, любитъ ли прогулки. Анна Ѳеодоровна вздохнула свободнѣе, чувствуя, что ея собесѣдникъ о генеалогіи больше не заговоритъ. Она отвѣтила ему, что въ деревнѣ ей еще не привычно жить, что гуляетъ она мало.

— Ну, катаетесь верхомъ?—спросилъ Апухтинъ.

— Отецъ еще не пріобрѣлъ мнѣ верховой лошади,—отвѣтила она, немного смутясь.

— Позвольте служить вамъ,—предложилъ онъ.

Она сконфузилась еще болѣе.

— Мой заводъ славится верховыми лошадьми, и въ данную минуту у меня на конюшнѣ стоятъ совсѣмъ безъ дѣла выѣзженныя подъ дамское сѣдло лошади. Я могу похвалиться ими. Это тоже моя маленькая слабость. Лошадь—это старинный, испытанный другъ человѣка. Съ ея помощью онъ могъ охранить свои большія стада, добраться до оазисовъ въ пустынѣ, быстрѣе совершить путь къ цивилизаціи. Недаромъ говорятъ арабы, что когда Богъ захотѣлъ создать лошадь, онъ сказалъ южному вѣтру: «Я хочу изъ тебя выдѣлить новое существо. Сгустись!» Вѣтеръ сгустился, ангелъ Гавріилъ взялъ его полную горсть и подалъ Богу; Богъ со-

Digitized by Google

творилъ лошадь... Люблю я эти наивныя легенды, имѣющія глубокое историческое значеніе...

Онъ опять перешелъ къ вопросу объ имѣющихся у него верховыхъ лошадяхъ:

— Я ими могу похвастать. Особенно Мустафа III, это не лошадь, а послушнѣйшій изъ людей. Три поколѣнія у него на нашемъ заводѣ считаются: Мустафа I, Мустафа II и онъ, Мустафа III. Всѣ три одинъ, какъ другой: если вамъ показать портретъ Мустафы I, вы не повѣрите, что это не Мустафа III. Я нашелъ отличіе въ нихъ—вы не найдете, по крайней мѣрѣ, сразу.

Въ столовой давно уже становилось нѣсколько душно. Боясь за Апухтина, не выносившаго сквозного вѣтра, хозяйка не рѣшилась открыть оконъ. Теперь духота стала уже положительно нестерпимой. Эта духота, хаосъ оглушительнаго говора всѣхъ разомъ, отрывочныя фразы: «а мы еще съ вами сразимся на зеленомъ полѣ», заставили всѣхъ нетерпѣливо ждать сигнала для перехода изъ столовой въ другія комнаты. Наконецъ, хозяйка, видя, что нѣкоторыя лица стали особенно красны, а нѣкоторые языки уже отказывались повиноваться своимъ владѣльцамъ, попросила гостей на террасу къ кофе и чаю. Начался шумъ двигавшихся стульевъ, шарканье ногъ, шелестъ платьевъ, покрякиванье плотно наѣвшихся гостей. Добродушный старикъ похлопывалъ слегка ладонями по своему животу, какъ бы стараясь привести въ немъ все въ надлежащій порядокъ. Всѣ лица были красны, нѣкоторые изъ мужчинъ чувствовали, что подъ ними полъ качается, какъ корабельная палуба во время бури. Молодой франтоватый господинъ протолкался къ Ромѣ и захватилъ за пуговицу сюртука.

— А я и не зналъ, что вашъ отецъ такой ярый противникъ земства и новыхъ порядковъ! Это, батенька, караулъ закричишь съ такими горячими антагонистами. Вы такой же?

Рома не былъ съ нимъ знакомъ и немного смутился отъ его фамильярнаго тона.

— Я не раздѣляю всѣхъ мнѣній отца, но согласитесь, что нынче нѣтъ человѣка, не жалующагося на существующее...

— Согласенъ, согласенъ! Я первый все и всѣхъ ругаю и кляну!—воскликнулъ молодой франтъ.— Да я бури цѣлыя поднимаю въ земствѣ, я, я всѣхъ будоражу. Но во имя чего? Во имя чего? Не во имя уничтоженія существующаго, а во имя расширенія и усовершенствованія существующаго, во имя прогресса и свободы. Это я понимаю!

Digitized by Google

Онъ схватилъ Рому за пуговицу жилета.

— Людей нѣтъ—вотъ наша бѣда! Одинъ въ полѣ не воинъ. Господинъ Анухтинъ генеалогіей занимается, когда отечество требуетъ живого дѣла, живого слова! Господинъ Вальковъ...

— Кто это?—спросилъ Рома.

— Вы не знаете? А вотъ тотъ добродушный старецъ-купидонъ съ улыбочкой на щекахъ-подушкахъ, тотъ, что свои словца вставлялъ въ мой споръ съ вашимъ отцомъ. Да-съ, такъ этотъ господинъ Вальковъ, членъ земской управы, говоритъ: «я съ большинствомъ согласенъ; мнѣ что-жъ, мнѣ только бы служить по выборамъ»,—и спитъ-съ, спитъ на каждомъ засѣданіи, если не составитъ гдѣ-нибудь партіи въ винтъ. Да-съ, такихъ проѣвшихъ все господъ много сидитъ на шеѣ у земства, считая земскую службу за синекуру. Ну-съ, а міроѣды, кулаки во время общественнаго бездѣйствія и нагрѣваютъ свои руки.

— Значитъ и вы противъ земства?

— Я противъ людей!

Онъ опять затеребилъ пуговицу сюртука у Ромы.

— Вы помните: «законы святы да исполнители лихіе супостаты», вотъ вѣчная пѣсня Россіи. Да что я говорю: Россіи!—не Россіи, а всего человѣчества! До «Ябеды» Капниста было то же и послѣ «Ябеды» Капниста осталось то же; до Гоголя клеймили общественныхъ дѣятелей и послѣ него клеймили ихъ; Щедринъ обличалъ ихъ, и послѣ него нужно будетъ обличать ихъ,—и все остается попрежнему. Дайте намъ людей, людей, людей!

Молодой франтъ кричалъ это точно «караулъ».

Рома смотрѣлъ совсѣмъ хмуро. Шумъ, вино, отрывки споровъ, все разстроило его и безъ того разстроенные нервы. Откуда-то въ памяти возставалъ назойливый вопросъ: «о чемъ Владиміръ шептался съ Наташей?» Онъ рѣзко сказалъ:

— Новыхъ подлецовъ?

— То-есть какъ это?—спросилъ его озадаченный собесѣдникъ.

— Да вѣдь вы же говорите, что у васъ подлецъ подлеца погонялъ и погоняетъ, откуда же взяться лучшимъ?

— А! вы съ этой точки зрѣнія! Такъ я вамъ вотъ что скажу: давайте мнѣ подлецовъ, да только бы они дѣло дѣлали, и мы все двинемъ впередъ. Бѣда не въ этомъ. Люди вездѣ люди. Во Франціи тоже много подлецовъ, въ Америкѣ грабежъ идетъ открытый. Но тамъ грабятъ и дѣлаютъ

Digitized by Google

дѣло. У насъ грабятъ и пальца о палецъ не стукнутъ. Это-съ слѣдствіе нашего тысячелѣтняго пребыванія подъ опекой. Мы не привыкли къ самопомощи, къ самостоятельности, къ самоуправленію. Вотъ наше зло. Отъ этого зла только и могутъ спасти данныя намъ новыя учрежденія, новое послѣдовательное расширеніе ихъ въ будущемъ. Вотъ почему я стою за нихъ и только за нихъ.

Владиміръ подошелъ звать собесѣдниковъ на свою половину курить.

— Кто этотъ фертъ?—отрывисто спросилъ Рома у своего троюродного брата, отставъ немного отъ своего собесѣдника.

— Александръ Ивановичъ Рѣпнинъ!—отвѣтилъ Владиміръ.

— Вотъ тотъ, что сейчасъ говорилъ со мною.

— Ну да, Рѣпнинъ. Изъ Питера сюда пріѣхалъ, промотавшись въ пухъ и прахъ. По земству пріютился. Впрочемъ, настоящая-то его профессія кустарь...

— Какъ кустарь?—въ недоумѣніи спросилъ Романъ.

— По женской обработкѣ. Въ Питерѣ у васъ онъ уже двухъ вдовствующихъ купчихъ обработалъ, а здѣсь точитъ зубы на обработку уже на законныхъ основаніяхъ эмансипированной дочери лѣсопромышленника Землякова. «Я, говоритъ, за эмансипацію женщинъ, а вашъ отецъ тиранъ». Ничего, клюетъ!..

— Чортъ знаетъ, что у васъ за люди тутъ!—гадливо воскликнулъ Ломовъ.

— Ну, возьми его по принадлежности! Это питерскій продуктъ. У васъ ихъ тамъ много по Невскому ходитъ такихъ-то. Эта петербургская саранча, налетающая на деревню.

И, сдѣлавъ гримасу, онъ прибавилъ:

— Ну, да, авось, мы съ Борисомъ Николаевичемъ ей крылья пообшибемъ въ будущемъ...

— Съ Иволгинымъ?—съ удивленіемъ спросилъ Романъ.

— Да.

— Что у тебя съ нимъ общаго?

Владиміръ удивился.

— Какъ: что? Онъ знаетъ деревню, я тоже.

— Вы совсѣмъ разные люди...

Владиміръ усмѣхнулся и не безъ высокомѣрія проговорилъ:

— Съ разныхъ точекъ къ одной цѣли идемъ, вотъ и все. А на мужика одинаково смотримъ: онъ только хочетъ ради справедливости, чтобы мужику было хорошо, а я знаю, что и мнѣ выгоднѣе будетъ, когда мужику будетъ хорошо. Онъ фантазеръ, а я практикъ...

Digitized by Google

Кто-то чуть не подъ ухомъ Ромы крикнулъ:

— Да на какомъ основаніи вы три бубны объявили? Какой чортъ васъ дергалъ?

— А вы какъ мнѣ отвѣчали? Прорѣзали? прорѣзали? Это ужъ вы Ивану Ивановичу предоставили бы, прорѣзать-то. Онъ это потому дѣлаетъ, что у него такая система. А вы-то что? Ну-съ, и пеняйте на себя.

— А даму-то вы въ карманъ, что ли, хотѣли спрятать? Развѣ я зналъ, что и она у васъ въ рукахъ.

— Позвольте, да вѣдь чѣмъ же бы я тогда заручился? Мнѣ заручиться нужно было.

— Заручиться! заручиться! что вы мнѣ поете: заручиться!..

Съ террасы доносился визгливый хохотъ дамъ и громкіе возгласы молодыхъ людей. Въ кабинетѣ Владиміра раздавались на перебой крики и смѣхъ десятка молодежи, и сквозь клубы дыма отъ папиросъ и сигаръ виднѣлись ходящія и лежащія фигуры въ разстегнутыхъ жилетахъ, безъ сюртуковъ. Лица у всѣхъ были красны, глаза посоловѣли. Никто не слушалъ другъ друга и всѣ говорили.

— Рѣпнинъ, Рѣпнинъ, про денщиковъ, игравшихъ съ горничной въ фанты!—командовалъ кто-то.

— Къ чорту армейскій анекдотъ! Разсказывай гражданскій, почему дамы охотнѣе всего ѣздятъ въ судъ.

— Надрызгались!—брезгливо сказалъ Владиміръ Ромѣ.

Онъ былъ вполнѣ трезвъ и только раскраснѣлся болѣе обыкновеннаго. Кто-то спросилъ его:

— А гдѣ Коля?

Владиміръ усмѣхнулся.

— Вѣрно, въ коровникѣ порядокъ водворяетъ.

IV.

Часовъ въ одиннадцать вечера почти всѣ гости понемногу разъѣхались. Только играющіе въ карты засѣли на всю ночь, да въ кабинетѣ Владиміра шелъ еще дымъ коромысломъ. Здѣсь была уже формальная попойка. Владиміръ не отпустилъ Рому и сказалъ Ѳеодору Романовичу и Антонинѣ Аркадьевнѣ, что онъ оставляетъ его въ плѣну. Рому тянуло скорѣе уѣхать домой. У него сильно шумѣло въ головѣ, стучало въ ушахъ и его охватывалъ какой-то страхъ: чего онъ боялся—онъ самъ не сознавалъ? Это съ нимъ часто бывало и прежде, когда изрѣдка запивалъ. Вино дѣйствовало прямо на сердце. Защемитъ ему сердце, сожмется оно будто отъ тупой боли, и вдругъ всего охватитъ безотчетный

Digitized by Google

страхъ. То же было и теперь. Но, тѣмъ не менѣе, его не отпустили домой.

Среди хаоса, царившаго въ кабинетѣ Владиміра, вдругъ послышалось:

— А, Иннокентій Андреевичъ, милости просимъ!

— Геліотроповъ!—шепнулъ Владиміръ Ромѣ.

Въ комнату съ чернаго хода вошелъ человѣкъ средняго роста, худой, изжелта-блѣдный, съ висящими, какъ мочало, длинными и прямыми волосами. Эти волосы почему-то сразу напомнили волосы утопленника, только что вытащеннаго изъ воды. Геліотроповъ неловко раскланялся со всѣми, его бѣгающіе конфузливые глазки какъ бы старались не встрѣчаться со взглядами присутствующихъ. Это было не выраженіе хитрости или трусости, а выраженіе совѣстливости, стыдливости. Очевидно, онъ хорошо зналъ, зачѣмъ его позвали сюда, стѣснялся, совѣстился, но не придти—это было ему не подъ силу, такъ какъ онъ зналъ тоже заранѣе, что здѣсь онъ можетъ выпить вволю. Ромѣ онъ сразу показался жалкимъ и забитымъ существомъ. «Несчастный чувствуетъ, должно-быть, что ему навязываютъ роль шута»—подумалъ онъ и протянулъ ему руку. Геліотроповъ съ чувствомъ пожалъ ее, точно его осчастливили.

— Слышалъ о васъ много! Пострадали! Что дѣлать, это участь всѣхъ имѣющихъ свои убѣжденія!—проговорилъ онъ немного витіевато и посмотрѣлъ на Рому, какъ смотрятъ влюбленные на любимую женщину.

Онъ былъ горячимъ поклонникомъ всѣхъ «пострадавшихъ» и почему-то причислялъ себя къ ихъ лагерю.

Владиміръ торопливо сталъ его угощать, наливая рюмку за рюмкой. Не въ пьяномъ видѣ Геліотроповъ не представлялъ никакого интереса. Конфузливый и пришибленный, онъ стушевывался добровольно принижался, не оспаривалъ никого. Мимо такихъ людей проходятъ, не обращая на нихъ вниманія, да и они сами, повидимому, желаютъ только того, чтобъ на нихъ не смотрѣли. Въ пьяномъ видѣ онъ совершенно преображался, а хмелѣлъ онъ съ первыхъ же рюмокъ. Рома не выдержалъ и шепнулъ Александру Кожухову:

— Останови Владиміра, зачѣмъ спаивать этого несчастнаго.

Александръ засмѣялся, показавъ свои бѣлые зубы.

— Погоди, онъ еще задастъ тебѣ гонку, этотъ несчастный! Онъ еще льва станетъ изображать, тогда только уходи, чтобы не растерзалъ.

Digitized by Google

Романъ брезгливо пожалъ плечами.

Геліотроповъ, между тѣмъ, приблизился снова къ нему, нѣсколько смѣлѣе, но все еще съ видомъ влюбленнаго. Онъ заговорилъ о превратностяхъ судьбы.

— Играетъ случай!—сказалъ онъ дидактично.—Фортуна съ повязкѣ на глазахъ! Я самъ вотъ: не кончилъ курса въ семинаріи и не пошелъ въ попы по принципу. Писательствомъ возмнилъ поучать общество. Бороды еще не было. Осѣкся: пиши, что другіе прикажутъ, не говори того, что хочешь высказать; тамъ издатель, тоже редакторъ, въ третьемъ мѣстѣ другіе опекуны. Отрясъ прахъ съ ногъ! Въ сельскіе учителя потомъ пошелъ: просвѣтить народъ вздумалъ. Тоже принципъ! Научилъ десятковъ пять оболтусовъ читать по складамъ и уразумѣлъ, что не въ этомъ суть. Не въ этомъ? А въ чемъ? Скажите вы мнѣ, въ чемъ? Не знаете? гдѣ же вамъ и знать!

По его лицу скользнула насмѣшливая улыбка. Онъ уже не смотрѣлъ на Рому влюбленными глазами. Въ этихъ маленькихъ глазкахъ были теперь и иронія, и ненависть.

— Народу проповѣдь нужна или защита. Да-съ, проповѣдь нужна или защита. Думалъ идти въ попы—не хватило силъ; пропагандистомъ быть—семья завязалась у меня, тутъ какая тебѣ пропаганда. Баба моя никакой пропаганды такой не знаетъ. Пошелъ въ волостные писаря—защищать народъ и вразумлять его насчетъ его законныхъ правъ.

Онъ остановился и уже безъ приглашенія налилъ себѣ рюмку.

— Все это, конечно, однѣ идеи и больше ничего,—проговорилъ онъ.—Какъ не кинь—вездѣ клинъ.

И, переходя въ глумящійся, саркастическій тонъ, прибавилъ:

— Вонъ вы тоже по своему мальчишеству бунтыремъ хотѣли быть, перевернуть міръ.

Рома, быстро впадавшій во время хмеля въ сентиментальное настроеніе и такъ же быстро дѣлавшійся забіякой, сдвинулъ брови и отрывисто, грубо отвѣтилъ:

— Ничего я не хотѣлъ переворачивать! Вы ошибаетесь!

— А, дворянчикъ! Обидѣлся, что я шучу! А я вотъ захотѣлъ и пошутилъ! Да, и буду вышучивать! Одѣнусь въ шутовскій колпакъ—и баста! Ну, что вы со мной сдѣлаете?

Онъ принялъ задорную позу, подбоченясь правой рукой. Владиміръ поспѣшилъ на выручку къ Ромѣ, поблѣднѣвшему [illegible]чева.

Digitized by Google

— Вы лучше объясните, Иннокентій Андреевичъ, почему изо всего ничего не выходитъ,—сказалъ онъ, подливая Геліотропову вина.—У васъ вѣдь на это свои взгляды.

Геліотроповъ насмѣшливо улыбнулся.

— Что-жъ я не ходячая утроба, какъ вы: У васъ брюхо прежде всего. Имъ впередъ прете. Что оно доложитъ вамъ, то вы и дѣлаете. Я смыслю головой...

— Знаю, знаю,—сказалъ Владиміръ...—Въ чемъ же вся бѣда-то?

— Головы не приспособлены, вотъ въ чемъ вся бѣда,—серьезно замѣтилъ Геліотроповъ и, откинувъ высокомѣрно и вызывающе голову назадъ, обвелъ все общество прищуренными глазами.

Казалось, онъ былъ убѣжденъ, что онъ высказалъ великую истину и что этой истины никто не зналъ до него.

Романъ очнулся отъ тяжелыхъ думъ объ этомъ безцѣльномъ и пошломъ шутовствѣ.

— Что вы говорите?—спросилъ онъ разсѣянно.—Головы не приспособлены? Что вы хотите сказать?

— Да то вотъ, что никакихъ этихъ вопросовъ дѣдъ мой Онуфрій Хитоновъ и отецъ мой Андрей Фаворовъ не вѣдали? Дарвиновъ и Спенсеровъ не изучали,—заговорилъ Геліотроповъ.—Ну, и наслѣдовалъ я отъ нихъ голову, ни къ чему этому не приспособленную... По Дарвину это и должно быть такъ. А каково мнѣ съ неприспособленной головой усвоить, что вотъ земля черезъ періодъ въ 21.000 лѣтъ совсѣмъ измѣняется? *Черезъ каждую 21.000!* Чтобы одно это усвоить—неприспособленной головѣ нужно треснуть. Тутъ умъ за разумъ зайдетъ... А ты посчитай однихъ вопросовъ сколько, вонъ хоть бы женскій вопросъ: женщина человѣкъ? Такъ. Значитъ ей нужны всѣ человѣческія права? Хорошо! А дай ихъ ей—пролетаріевъ безъ дѣла на человѣческомъ рынкѣ мретъ и безъ того много съ голода, тогда же вдвое будетъ. А будетъ предложеніе на рынкѣ вдвое больше—понизится вдвое и заработная плата. Пойдемъ дальше. И теперь уровень развитія низокъ, а тогда, когда вторгнутся въ дѣятельность всѣ эти уже вовсе неприспособленные умы,—пониженіе умственнаго развитія будетъ еще больше. Это вѣдь все незыблемыя истины, законы!

И, уже совсѣмъ увлекшись своими идеями, онъ началъ перебирать въ томъ же родѣ всѣ «вопросы», приходя къ заключенію по каждому, что какъ ни кинь—все клинъ.

Романъ сидѣлъ, опустивъ голову на ладони рукъ, не слу-

Digitized by Google

шая полупьяныхъ парадоксовъ Геліотропова. Въ его отуманенной головѣ вертѣлась какая-то новая мучительная мысль, навѣянная словами Геліотропова. Наконецъ, онъ встряхнулъ головою и сказалъ:

— Нѣтъ, чепуху это вы говорите о неприспособленности нашихъ мозговъ! Можетъ-быть, вашъ дѣдъ и отецъ были именно такими, а у насъ... мой прадѣдъ волтеріанцемъ уже слылъ, а дѣдъ въ декабрьскихъ событіяхъ участвовалъ.

— Ну, такъ что же?—насмѣшливо и задорно спросилъ Геліотроповъ.—Вы думаете, вашему прадѣдушкѣ труда стоило научиться кощунствовать у господина Вольтера? Господинъ Вольтеръ, братъ, и самъ все отрицалъ съ такимъ легкимъ сердцемъ, шутя и остроумничая, что даже Екатерина—ужъ на что умная была баба—только и видѣла въ немъ, что веселость да шутливость. Ну, а дѣдушка вашъ—видѣлъ онъ неурядицу, видѣлъ бѣдственное положеніе общества, но въ отчаяніе ему не отъ чего было приходить, потому что исправить все тогда казалось легко—дать конституцію и все пойдетъ, какъ по маслу. Насъ же конституціей этой не успокоишь. Знаемъ мы, что и она о двухъ концахъ. На конституціи плевать намъ. Давай панацею! сейчасъ давай панацею, чортъ тебя побери!

Геліотроповъ выпилъ и, не замѣчая мрачнаго выраженія лица своего собесѣдника, въ томъ же вызывающемъ тонѣ спросилъ его:

— А что же вы о родителѣ своемъ мнѣ не упомянули. Онъ-то чѣмъ былъ?

Романъ уже поднялся съ мѣста и тревожно ходилъ по комнатѣ, весь поглощенный тяжелыми мыслями.

— Родитель-то вашъ что дѣлалъ?—настойчиво допрашивалъ его Геліотроповъ.

— Мой отецъ служилъ въ кавалеріи,—отвѣтилъ Ломовъ.

— Такъ-съ! По конской части. Тамъ, кажись, и приспособлять мозговъ не къ чему было.

И опять, довольно нагло и задорно, сталъ допрашивать:

— А покойные Петръ Васильевичъ и его сынокъ тоже изъ близкихъ вамъ были? Дяденькой и кузеномъ приходились вашему папенькѣ?

— Да.

Геліотроповъ захихикалъ вызывающимъ смѣхомъ.

— Дяденька-то Петръ Васильевичъ, обойденный чиномъ, заперся отъ людей въ деревню и въ умопомраченіи словно былъ въ послѣдніе годы. А сынокъ его скутился, за гра-

Digitized by Google

ницу удралъ, католичество принялъ и умеръ, переѣзжая отъ скуки изъ города въ городъ, какъ вѣчный жидъ.

Онъ закончилъ совсѣмъ серьезно.

— Вотъ оно что. Неприспособленный мозгъ значитъ не вынесъ и не переварилъ новой умственности!

И уже совсѣмъ высокомѣрнымъ тономъ онъ началъ говорить:

— Да-съ, я горжусь своимъ открытіемъ насчетъ неприспособленности головъ. До меня никто не говорилъ! Я первый... фи-ло-софъ!

Онъ засмѣялся.

— «Шутъ» скажете? На здоровье! Говорите! А головы все-таки неприспособленныя! Какъ ни вертите. У всѣхъ неприспособленныя! Да-съ! Съѣли грибъ?

Онъ, подмигивая, прищелкивая языкомъ, какъ бы дразня всѣхъ, еще выпилъ и не безъ юмора продолжалъ:

— А знаете, что навело меня на эту геніальную, можно сказать, мысль? Нѣмецкія габерсупы. Великія открытія всегда такъ дѣлаются. Открытіе закона тяготѣнія помните? Ньютона знаете?.. А-а! знаете!.. Ну-съ, такъ вотъ что... Когда ушелъ я изъ семинаріи, судьба забросила меня въ нѣмецкую семью на кондиціи. Ну, стали меня кормить габерсупами, бирсупами, шеколаденсупами, вассерсупами,—совсѣмъ у меня животъ подвело, а они, мои нѣмцы, ничего, ходятъ, какъ встрепанные, и румяны, и веселы. Тутъ я и задумался о новой пищѣ и неприспособленныхъ къ ней желудкахъ. У нихъ были приспособлены къ ней желудки, а у меня нѣтъ. У нихъ дѣдушки и бабушки эти супы ѣли, а у насъ все больше капусту... Ну, а въ наше время извѣстно—отъ желудка до головы рукой подать, вмѣстѣ срослись.

Всѣ захохотали. Геліотроповъ, видя, что ему не противорѣчатъ, палъ изъ задорнаго тона въ область плоскихъ площадныхъ шутокъ. Съ его пьянаго и разнузданнаго языка уже лились грязнымъ потокомъ сальныя рѣчи. Казалось, что всякое сальное выраженіе, всякая скабрезная картина кажутся ему еще недостаточно циничными, и онъ подыскиваетъ что-то еще болѣе грязное и чудовищное.

Романа всегда коробила всякая вульгарность, всякая скабрезность. Но онъ уже не слушалъ Геліотропова: идея Геліотропова о неприспособленныхъ мозгахъ пала на хорошую почву, вполнѣ подходящую для воспринятія ея. Роману, омрачившемуся болѣе обыкновеннаго подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, казалось, что многое, о чемъ онъ думалъ и

Digitized by Google

передумывалъ, вдругъ стало ему ясно послѣ рѣчей этого пропойцы. Дѣйствительно, всѣ эти Шопенгауеры и Гартманы, Байроны и Леопарди, Ницшены и Золя, всѣ разнохарактерные и разнородные проповѣдники отчаянія и пессимизма, всѣ буддисты на европейскій ладъ находили нерѣдко, что счастіе, братство, любовь, свобода, справедливость, все это пустыя слова—и все же всѣ эти люди, разрабатывая свои идеи, жили часто съ такимъ спокойствіемъ, съ какимъ живутъ люди, изслѣдующіе древности и занимающіеся раскопками какихъ-нибудь пещеръ. Эти люди приходили къ страшнымъ выводамъ и жили бодро, весело здорово, трудясь надъ подыскиваніемъ новыхъ фактовъ, новыхъ доказательствъ для подтвержденія своихъ «что ни дѣлай, а лучше не будетъ», «единственнное благо—уничтоженіе, нирвана»—и въ то же время лихорадочно, страстно участвуя въ общественной и политической дѣятельности. Это были приспособленныя головы. А онъ—ему даже и пробовать не хочется бороться, стремиться жить. У Ромы кружилась голова, и онъ грузно опустился на диванъ.

— Будь приспособленныя головы—развѣ мы пили бы съ горя!—точно гдѣ-то вдали слышался голосъ Иннокентія Андреевича.—Развѣ французы, нѣмцы, англичане пьютъ съ горя? Русскіе пьютъ съ горя, потому неприспособленныя головы! А то пили бы, потому что вкусъ къ вину есть, потому что хотимъ пить и пьемъ; а теперь пьемъ съ гор-ря!

Кто-то будто заплакалъ. Геліотроповъ, что ли? Рома открылъ мутные глаза. Въ эту же минуту послышался взрывъ смѣха. «Нѣтъ, смѣются, значитъ никто не плачетъ, плакалъ бы кто-нибудь—не стали бы смѣяться»,—пронеслось смутно въ отяжелѣвшей головѣ Ромы. Онъ опять закрылъ глаза.

— А жена васъ бьетъ за это? Сильно бьетъ?—слышится вопросъ.

— Сильно!—отзывается плачущій голосъ.

— Да вѣдь вы же левъ? Какъ же льва бить? — опять кричатъ голоса.

— Левъ! левъ!--пронзительнымъ крикомъ проносится въ комнатѣ.

Рома вздрагиваетъ, съ трудомъ открываетъ глаза и видитъ Геліотропова, на четверенькахъ скачущаго съ рычаніемъ по комнатѣ. «Что это, сонъ? Пьянъ я?»—думаетъ Рома и силится протереть глаза. Руки не повинуются ему. Онъ какъ бы сквозь сонъ видитъ, какъ Геліотроповъ рветъ, сбрасываетъ съ себя одежду. Что это?

Digitized by Google

— Я левъ, левъ! Ррр!—раздается крикъ и рычаніе.

— Уберите этого скота! Очень пріятно смотрѣть на этотъ голый скелетъ!—слышится брезгливый голосъ Владиміра.— Вѣчно дойдетъ до безчинства? Скотъ.

Кого-то тащатъ, почти раздѣтаго, безчувственнаго, точно трупъ. Кто-то говоритъ:

— А Ромушка того! Слабеха!

Его толкаютъ:

— Рома, Рома, ложись спать!

Онъ открываетъ глаза: его поднимаютъ подъ руки, ведутъ спать, по комнатѣ, засыпанной чѣмъ-то, окурками, кусками фруктъ, осколками битаго стекла, залитой виномъ, кое-гдѣ лежатъ уснувшіе пьяные люди, а въ окна свѣтитъ уже лѣтнее утро. Полусознательно, полубезсознательно, Рома закрылъ глаза, охваченный стыдомъ передъ этимъ свѣтомъ утра, точно оно представлялось ему какимъ-то живымъ, смотрящимъ ему въ глаза существомъ. Грудь сдавливаютъ рыданія, безотчетныя, пьяныя...

Онъ спалъ крѣпко, но не долго. Когда онъ очнулся съ тяжелой, отуманенной головой, съ горькимъ вкусомъ во рту, Владиміръ уже ходилъ по комнатѣ въ одномъ бѣльѣ и въ туфляхъ, коренастый, румяный, здоровый. Онъ былъ, повидимому, сильно взволнованъ. Дверь отворилась и вошелъ Яша. Его лицо, напоминавшее лицо трехъ братьевъ Кожуховыхъ, но болѣе красивое вслѣдствіе густыхъ вьющихся волосъ, было насупленно и хмуро.

— Ты что-жъ это вѣ-время не отнесъ сапогъ въ людскую?—крикнулъ Владиміръ.

Яша молча поставилъ сапоги.

— Какъ они вычищены?—крикнулъ Владиміръ.

— Не я чищу,—отвѣтилъ Яша отрывисто.

— А! не ты!

Раздался звукъ пощечины.

— Не деритесь, Владиміръ Сергѣевичъ!—запальчиво крикнулъ Яша.

— А! не деритесь! На еще!

Раздалась вторая пощечина.

Рома вскочилъ и сѣлъ на постели, глядя широкими глазами на Владиміра, возмущенный этой сценой. Яша стоялъ съ сжатыми кулаками, съ стиснутыми зубами.

— Опять на тебя напло? Чортъ сѣлъ? Не драться? Ну, хорошо! Я сейчасъ пойду къ матери и прикажу вышвырнуть тебя изъ дому.

Digitized by Google

Яша тяжело и прерывисто дышалъ, точно послѣ долгой ходьбы. Его молодая широкая грудь высоко подымалась подъ рубашкой. Въ его большихъ глазахъ сверкали слезы.

— Этого ты хочешь?

Яша молчалъ, только его широкая грудь продолжала еще порывистѣе подниматься подъ нарядной рубахой.

— Что-жъ ты, онѣмѣлъ?

— Виноватъ! — тихо и глухо проговорилъ Яша, дѣлая надъ собой, повидимому, страшное усиліе.

— Ступай! принеси воды мыться!

Яша торопливо вышелъ.

— Какъ тебѣ не стыдно!—съ негодованіемъ проговорилъ Романъ.

— Ахъ, что ты понимаешь!—воскликнулъ Владиміръ, ходя бытро по комнатѣ.

— Чего тутъ понимать, когда ты дерешься,—съ отвращеніемъ произнесъ Ломовъ.

— И все же ничего не понимаешь,—запальчиво отвѣтилъ Кожуховъ.—Вотъ у насъ приказчикъ Петръ былъ, такъ тотъ спился съ горя, что мой отецъ баринъ, а онъ приказчикъ. Этотъ тоже готовъ запить съ горя, когда на него найдетъ. Каждый разъ, какъ гости, такъ на другой день точно на него чортъ сядетъ. Чортъ самолюбія въ душѣ сидитъ. Его надо выбить... Не въ комнаты же мальчишку съ гостями сажать.

— Да, но и бить... Это чортъ знаетъ что!—негодующимъ тономъ сказалъ Ломовъ.

Владиміръ посмотрѣлъ на него съ какимъ-то презрѣніемъ, какъ на глупца.

— А ты бы его по головкѣ гладилъ: капризничай, молъ, сколько влѣзетъ. Онъ бы тебѣ на голову сѣлъ, да и за дурака бы тебя счелъ...

Явился Яша съ водой въ кувшинѣ. Владиміръ, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ умываться.

— Мать не уѣзжала на заводъ?—полоща ротъ, спросилъ его Владиміръ.

— Нѣтъ-съ, не уѣхали-съ, — особенно торопливо отвѣтилъ Яша.

Владиміръ поднялъ голову отъ рукомойника и брызнулъ водой съ руки въ лицо Якова.

— Ишь какой вѣжливый сдѣлался: «нѣтъ-съ! не уѣхали-съ!»—передразнилъ онъ его.

Потомъ, взявъ полотенце и вытирая усердно лицо, спросилъ:

Digitized by Google

— По какой больнѣе ударилъ?

Яша вспыхнулъ.

— По обѣимъ больно, Владиміръ Сергѣевичъ.

— А ты не дуйся! Волчонокъ зубастый!

Онъ бросилъ ему на руки полотенце и шутливо растрепалъ ему волосы.

— Со двора-то вышвырнуть?

Яша бойко отвѣтилъ:

— Не вышвырните!

Онъ поспѣшно началъ прибирать умывальникъ, выказывая необычайное усердіе. Владиміръ совсѣмъ уже въ хорошемъ настроеніи духа спросила его:

— А какъ ребятъ будешь своихъ учить?

— Какъ вы меня!

— И моихъ будешь такъ же учить?

— Буду-съ!

— Ну, молодецъ, крестнымъ отцомъ возьму къ первому. Нарву такихъ тебѣ розогъ для крестника, что любо-дорого.

И, обращаясь къ Ромѣ, онъ замѣтилъ:

— Меня, братъ, самого такъ учили, потому такимъ и вышелъ. Ты вотъ видѣлъ, вчера вы всѣ надрызгались, а мы мѣру знаемъ. Коля разъ попробовалъ натрескаться, такъ мать приказала его протрезвить... на конюшнѣ...

Яша засмѣялся.

— Помнишь?—спросилъ Владиміръ, мелькомъ взглянувъ на него.

— Помню-съ!—отвѣтилъ Яша, продолжая смѣяться.

Рома торопился умыться и одѣться. Его охватывало что-то въ родѣ страха, становилось какъ-то жутко.

— Если лошадь тихая — учи ее ласкою, — спокойнымъ дидактическимъ тономъ продолжалъ, между тѣмъ, Владиміръ:—если норовъ покажетъ—отстегай не на животъ, а на смерть, чтобы помнила, а потомъ стихнетъ—опять приласкай...

Рома ничего не отвѣчалъ. Ему были противны и Владиміръ съ его лошадиной педагогикой, и Яша съ его суетливою услужливостью. Когда Яша ушелъ, онъ сквозь зубы проворчалъ, расчесывая у зеркала свои волосы:

— Смотри только, чтобы онъ не перегрызъ горла тебѣ въ минуты обученія не на животъ, а на смерть.

— Ну, что же, помѣряемся силами, кто еще кого загрызетъ... Только ты ошибаешься... Сила силу уважаетъ и любитъ... Онъ вонъ сегодня цѣлый день будетъ ко мнѣ ластиться, да еще какъ...

Digitized by Google

И опять съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ своему родственнику онъ прибавилъ:

— Ты бы, конечно, пальцемъ его никогда не тронулъ, да и не просидѣлъ бы за то около него шести недѣль, какъ мы всѣ просидѣли около него, когда онъ былъ въ тифѣ.

Онъ показалъ на свои мощныя руки.

— Онъ вонъ знаетъ, что на этихъ рукахъ я самъ переносилъ его съ постели на постель, когда это приказалъ докторъ. А вы, нѣженки, кислятина, похныкать да поминдальничать—вотъ все, на что вы способны.

Его тонъ, его лицо, все дышало сознаніемъ, что онъ поступаетъ такъ, какъ слѣдуетъ, что онъ стоитъ неизмѣримо высоко надъ другими людьми. Ломову хотѣлось только скорѣй уйти, куда-то далеко отъ этихъ людей, отъ ихъ самодовольства, отъ ихъ счастья. Онъ не спрашивалъ, правы они или не правы, онъ сознавалъ только, что онъ не могъ бы жить съ ними.

Напившись чаю, онъ пошелъ домой. Его хотѣли отвезти, онъ отказался. Ему хотѣлось отшагать пѣшкомъ десять верстъ, освободиться отъ угара въ головѣ, отъ тяжкихъ впечатлѣній.

— Кланяйся Наташѣ,—сказалъ Владиміръ, провожая его до дороги.—Охъ, ужъ не будь ты мнѣ родственникомъ, отбилъ бы я ее. Вотъ уже не тщедушная институтка. Такъ и пышетъ отъ нея здоровьемъ.

Рома взглянулъ на него сердитыми глазами.

— Съ чего ты выдумалъ, что ее надо отбивать у меня? Я еще, кажется...

— Ну, ну, разсказывай!—перебилъ его Владиміръ.—Я же слышалъ отъ твоего отца, когда онъ говорилъ моей матери, что ее готовятъ тебѣ въ жены. Что-жъ, это отецъ не глупо придумалъ: и приданое ея можетъ поднять ваше имѣніе, и сама она подниметъ расу, авось дѣтишки въ нее будутъ.

— Ты бредишь! — воскликнулъ Рома, даже и не подозрѣвавшій, что за его спиною составились планы его женитьбы. — О какихъ планахъ отца ты говоришь!

— Ну, ну, знаемъ, знаемъ. И чего скрытничаешь?

Владиміръ пожалъ плечами.

— Да я же тебѣ говорю,—началъ Ломовъ.

— Ну, хорошо, хорошо,—прервалъ его Кожуховъ нетерпѣливо.—Прощай! Мнѣ пора въ поле.

Ломовъ остался стоять на дорогѣ, точно его ударило

Digitized by Google

чѣмъ-то. Какъ? Наташу хотятъ выдать за него замужъ? Не спрашивая ни его, ни ее? Подстраиваютъ все такъ, чтобы они обвѣнчались? Что, если она не повѣритъ его любви и будетъ думать, что онъ тоже изъ расчетовъ нѣженъ съ нею? Поправить имѣніе ея деньгами! Вотъ что имъ нужно... О, они способны отравить послѣднія его надежды на личное счастье. Онъ теперь вѣчно будетъ настороже съ Наташей, онъ будетъ бояться, что она заподозритъ его въ неискренности.

Онъ пошелъ понуро, какъ удрученный страшнымъ горемъ. Неужели все на свѣтѣ такъ гадко, какъ кажется ему? Или онъ носитъ въ самомъ себѣ задатки, не позволяющіе ему видѣть хорошихъ сторонъ? Вѣдь бываютъ же люди съ глазами, не видящими зеленаго цвѣта? «Неприспособленная голова», — мелькнуло въ его мозгу. Да, ни къ чему неприспособленная голова, ни къ дѣятельности, ни къ вѣрѣ, ни къ любви, ни къ счастію. Прежде чѣмъ научился увлекаться, сталъ анализировать; прежде чѣмъ испыталъ сладость любви, отравилъ себя ядомъ ненависти.

Онъ прошелъ нѣсколько верстъ, усталъ, очутился передъ постоялымъ дворомъ, пустыннымъ, точно вымершимъ. Машинально онъ присѣлъ на завалинкѣ, безцѣльно уставился глазами на пустынную дорогу. На ней не было ни души, никакого движенія. Только около плетня рылись и копошились въ пыли куры, да пѣтухъ, похаживая въ раздумьи, изрѣдка тыкалъ носомъ въ землю. Изъ избы вышелъ мужикъ. Постоялъ, посмотрѣлъ на сидящаго Ломова.

Рома очнулся.

— Нельзя ли чего-нибудь выпить?

Мужикъ ушелъ, вернулся, вынесъ ему водки.

Рома выпилъ, несмотря, что пьетъ. Почувствовался скверный вкусъ сивухи. Ломовъ отплюнулся. Онъ отдалъ шкаликъ, расплатился. Онъ посидѣлъ еще, опять безцѣльно глядя на пустынную дорогу, на тѣхъ же роющихся въ пыли куръ, на того же скучающаго пѣтуха. Потомъ всталъ, такъ же безцѣльно оглядѣлся, вошелъ въ избу.

— Мнѣ еще... и закусить... хлѣба, что ли...

Онъ говорилъ, глядя въ сторону, въ темный уголъ, какъ виновный, избѣгая встрѣчи съ заспанными глазами мужика. Ему дали еще водки и ломоть хлѣба. Онъ выпилъ, закусилъ. Потомъ еще конфузливѣе, еще отрывистѣе, спросилъ еще водки, объясняя сбивчиво что-то насчетъ жары и усталости. Мужикъ односложно согласился, что точно жара, и

Digitized by Google

сладко зѣвнулъ во весь ротъ: а-а-а. Какъ-то торопливо опрокинувъ шкаликъ въ ротъ, Ломовъ расплатился и быстро вышелъ...

Полдень дѣлался все болѣе и болѣе жаркимъ, и Ломовъ, изнуренный жаромъ, захмелѣлъ почти сразу отъ выпитой сивухи. Шатаясь, онъ побрелъ впередъ, сбившись съ пыльной дороги на кочковатую опушку лѣса. Ему не стало ни легче, ни веселѣе. Только мысли путались и стали безсвязны.

«Хорошъ сынокъ Ѳеодора Романовича!.. Что-жъ, и отецъ выпиваетъ въ день много... Сколько онъ рюмокъ выпиваетъ? Двѣ за завтракомъ, три за обѣдомъ... А чортъ возьми, чего считать! Пьетъ, сколько влѣзетъ!.. Однако, хорошо домой явиться пьянымъ. Вотъ сразу и оттолкнешь Наташу... Мать заохаетъ... Анна... бѣдная, бѣдная Анна! Какъ ей-то тяжело жить!.. Слонъ-женихъ!.. Слонъ?.. Гдѣ же тутъ въ деревнѣ слоны показываются? Это въ Петербургѣ, въ Зоологическомъ саду... А въ Москвѣ? Слонъ когда-то въ Москвѣ взбѣсился... Пастеръ»...

Романъ началъ не безъ удивленія соображать:

«При чемъ тутъ Пастеръ?.. Анна, слонъ и Пастеръ»...

Онъ споткнулся и упалъ. Толчокъ заставилъ его открыть мутные глаза и осмотрѣться: кругомъ него была высокая, сочная трава, надъ нимъ зеленый сводъ деревьевъ густого лѣса, пронизанный, какъ золотыми нитями, лучами яркаго солнца. Онъ закрылъ снова глаза и заснулъ...

Digitized by Google

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ первыхъ числахъ іюля стали перепадать мелкіе теплые дожди и нѣкоторое время приходилось по цѣлымъ днямъ сидѣть дома тѣмъ, кого работа не обязывала разбирать погоды. Эта погода, а еще болѣе легкая простуда и сильное нервное разстройство заставили Романа Ломова проводить все время въ своей комнатѣ. Настоящую причину этой болѣзни зналъ только Иволгинъ. Рома не скрылъ отъ него ни кутежа въ домѣ Кожуховыхъ, ни своего посѣщенія придорожнаго кабачка, ни долгаго сна въ пьяномъ видѣ въ лѣсу. Борисъ Николаевичъ серьезно пожурилъ его и предписалъ ему полный покой.

Когда докторъ вышелъ отъ него послѣ перваго визита, Наташа встрѣтила его въ коридорѣ тревожными вопросами:

— Что? Какъ? Нѣтъ ли опасности?

Борисъ Николаевичъ, всегда сдержанный, немного разсердился.

— Ничего опаснаго, если не считать опаснымъ глупости, дѣлаемыя человѣкомъ. Въ руки бы нужно забирать подобныхъ людей. Даютъ себѣ поблажку, а потомъ хнычутъ!

Наташа, въ свою очередь, разсердилась на Иволгина.

— Развѣ Рома виноватъ, что у него слабъ характеръ, что вся жизнь его такъ глупо сложилась? Потомъ и эта тюрьма не прошла даромъ.

— Эхъ, вы, женщины! — проговорилъ раздражительно Иволгинъ.—Въ тюрьмѣ нужно посидѣть или безпутнымъ сдѣлаться, чтобы подкупить васъ въ свою пользу...

И вдругъ, точно спохватившись, точно стыдясь своихъ

Digitized by Google

словъ, точно сознавая, что онъ бьетъ беззащитнаго, онъ началъ объяснять ей:

— Ему покой нуженъ, надо позаботиться, чтобы его Ѳеодоръ Романовичъ не очень раздражалъ своей болтовней. Пусть посидитъ у себя въ комнатѣ...

Онъ заторопился. Его ждутъ на фабрикѣ. Въ селѣ тоже масса больныхъ. Дня мало, чтобы управиться съ дѣломъ. Въ его движеніяхъ была какая-то неестественная поспѣшность. Казалось, ему хотѣлось только поскорѣй уйти отъ Наташи.

Наташа простилась съ нимъ и на минуту остановилась наверху у перилъ лѣстницы, слѣдя глазами за удаляющимся Иволгинымъ. Какой онъ странный сегодня, мелькнуло въ ея головѣ. Раздраженъ, озабоченъ, порывистъ. Не скрываетъ ли онъ отъ нея серьезности болѣзни Ромы? Нѣтъ ли у него самого какого-нибудь горя? Отчего же онъ не скажетъ? Надо будетъ спросить его. Вѣдь они все равно, что братъ и сестра. Братъ и сестра? Отчего же онъ какъ будто сторонится отъ нея за послѣднее время? Кажется, она ничѣмъ не разсердила его? Нѣтъ, онъ всегда прямо и просто высказывалъ ей все, когда бывалъ недоволенъ ею. Эти отношенія установились между ними давно. Она вспомнила, что когда-то онъ ее, еще ребенкомъ, носилъ на рукахъ, игралъ съ нею, и по ея лицу разлился яркій румянецъ, точно стало чего-то стыдно. Да, тогда она была ребенкомъ, теперь онъ хорошо дѣлаетъ, что онъ иначе относится къ ней, не какъ къ дѣвочкѣ. Ей вспомнились его прежнія ласки, поцѣлуи. Щеки залилъ еще болѣе густой румянецъ, точно онъ, Иволгинъ, ласкалъ и цѣловалъ ее только вчера, а не давно, въ дѣтствѣ.

Она очнулась отъ своихъ смутныхъ думъ и торопливо пошла къ Ромѣ. Она даже забыла постучать къ нему въ дверь и вошла къ нему въ комнату безъ стѣсненія, безъ церемоній, какъ родная сестра къ брату. Онъ въ легкой коломянковой одеждѣ лежалъ на постели, прикрывшись пледомъ. Она подошла къ нему и заботливо спросила его, лучше ли ему, не надо ли ему чего. Не хочетъ ли онъ, чтобы она ему почитала? Ей все равно нечего дѣлать. Онъ ласково поблагодарилъ ее. Добрая, она все заботится о немъ.

— Кому же и заботиться о тебѣ, какъ не мнѣ,—просто сказала она.—У papa и maman заботы по хозяйству, Нинѣ самой тяжело живется и потому ей не до другихъ, я одна— и дѣла. и печалей нѣтъ...

Digitized by Google

Она взяла книгу, присѣла около него, стала читать.

Онъ любовался ея свѣжимъ здоровымъ личикомъ, спокойствіемъ его выраженія, чистотой ея голоса. Да, да, такая женщина могла бы его спасти. Самъ онъ одинъ не сумѣетъ спастись, а она спасетъ его. Свили бы они уютное гнѣздышко и, не вмѣшиваясь въ сутолоку общественной жизни, зажили бы для себя. Это узкій эгоизмъ, но что же дѣлать, если кромѣ этого узкаго эгоизма нѣтъ выхода. Безъ вѣры въ дѣло нельзя дѣлать дѣла... Что-то ребяческое было въ этихъ мечтахъ. Такъ дѣти думаютъ: «когда выросту большой, поѣду на необитаемый островъ, поселюсь тамъ, какъ Робинзонъ»...

Съ этого дня Наташа почти ежедневно проводила нѣсколько часовъ въ комнатѣ Романа. Это не ускользнуло отъ вниманія Антонины Аркадьевны, и она сообщила объ этомъ Ѳеодору Романовичу.

— Отлично, отлично! Можетъ-быть, эта болѣзнь сблизитъ ихъ,—сказалъ онъ, потирая руки.—Скорѣй бы кончали! Намъ до зарѣзу нужны деньги. Теперь горячее время начинается...

Онъ нахмурился.

— Это просто удивительно, куда уходятъ деньги. Давно ли получилъ отъ Шершова и все ушло...

— Еще бы, когда надо было всѣмъ обзаводиться,—со вздохомъ замѣтила Антонина Аркадьевна.

Денегъ дѣйствительно уже не было, хотя собственно хозяйство отъ этого не улучшилось. Деньги ушли, главнымъ образомъ, на наряды, такъ какъ нельзя же было выѣзжать къ сосѣдямъ въ затрапезныхъ одеждахъ; онѣ потратились на покупку ландо и подходящихъ къ экипажу лошадей, такъ какъ нельзя же было ѣздить въ допотопныхъ колымагахъ на деревенскихъ клячахъ; онѣ употребились на бѣговыя дрожки, потому что развѣ можно сельскому хозяину обойтись безъ бѣговыхъ дрожекъ; часть этихъ денегъ была послана въ Петербургъ для выкупа разныхъ мелочей изъ столоваго серебра, изъ дамскихъ серегъ и браслетовъ, изъ мужскихъ цѣпочекъ и булавокъ, всего того, за что уже переплатилась масса процентовъ въ разныя кассы ссудъ. На это ушло столько, что Марѳѣ Власьевнѣ не только не изъ чего было заплатить долгу, но даже пришлось въ послѣдній мѣсяцъ удержать ея жалованье, а также жалованье Степана Потаповича. Антонина Аркадьевна опять струсила въ виду безденежья. Неужели придется снова продавать

Digitized by Google

еще участокъ лѣса? Неужели нужно будетъ снова закладывать имѣніе? О, она знаетъ, что значитъ заложить имѣніе! Все, все опять пройдетъ между рукъ и явится только новый долгъ.

— А вдругъ изъ этого ничего не выйдетъ?—проговорила она съ тревогой.

— Изъ чего это?—спросилъ Ѳеодоръ Романовичъ.

— Изъ нашихъ предположеній о женитьбѣ Ромы. Его не поймешь. Ласковъ и нѣженъ онъ съ Наташей, но любитъ ли онъ ее?

Ѳеодоръ Романовичъ загорячился.

— Кого-жъ ему больше любить? Никого здѣсь нѣтъ. Оба молоды. Дѣло должно сдѣлаться.

Онъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Я только удивляюсь этой молодежи нынѣшней. Крови у нихъ нѣтъ, вода въ жилахъ. Вздыхаютъ, киснутъ и только! Да я не знаю, что бы я надѣлалъ въ его положеніи...

Въ головѣ Ломовой мелькнула злая мысль: «ты и не въ его положеніи Богъ знаетъ что дѣлаешь». На ея лицѣ выразилось презрѣніе къ мужу. Онъ ничего не замѣтилъ и не безъ цинизма добавилъ.

— Сидятъ запершись вдвоемъ—и книжки читаютъ, книжки читаютъ! Въ эти-то годы!..

Антонина Аркадьевна на минуту смутилась. Въ самомъ дѣлѣ, до чего можетъ у нихъ дойти? Позволительно ли оставлять молодую дѣвушку у постели молодого человѣка? Вѣдь все же они ея попечители, замѣняютъ ей родителей, должны заботиться о ея нравственности. Но что-жъ дѣлать, если въ этомъ бракѣ все спасеніе семьи? «О, до чего доводитъ нужда», вздохнула она съ видомъ мученицы. У нея явилась новая причина считать себя страдалицей и утѣшаться этимъ. Она поднимала глаза къ небу, видя, что Наташа идетъ къ Ромѣ. Она тревожно всматривалась въ молодую дѣвушку, когда та возвращалась отъ Ромы. Мысленно она не безъ мелодраматизма повторяла себѣ, что они толкаютъ молодую дѣвушку на край пропасти—и все это ради этихъ проклятыхъ денегъ!..

Наташа и не подозрѣвала, конечно, какія «мученія» доставляютъ Антонинѣ Аркадьевнѣ ея посѣщенія комнаты больного Ромы. Но самой ей эти посѣщенія принесли нѣкоторыя непріятности. Почти каждый разъ, когда она поднималась въ верхній этажъ, случалось какъ-то такъ, что внизу

Digitized by Google

шмыгала, стуча башмаками, мамка. Наташа сначала не обращала вниманія на эту «случайность», но разъ, когда она только-что хотѣла отворить дверь въ комнату Ромы, мамка рѣзко окликнула ее:

— Что это вы, Наталья Алексѣевна, къ молодому барину такъ входите? Хоть бы постучали да позволенія спросили!

Наташа не безъ удивленія посмотрѣла на нее.

— Да онъ же знаетъ, Марѳа Власьевна, что это я,— отвѣтила она.

— Знаетъ! знаетъ! Какъ не знать, если то и дѣло шмыгаете къ нему,—рѣзко сказала мамка.—А все же молодой барышнѣ какъ будто и стыдно бы къ молодому человѣку такъ безцеремонно-то ходить...

Наташа вспылила.

— Глупости вы выдумываете! Не мѣшайтесь не въ свое дѣло!

— Ну, ужъ извините, Наталья Алексѣевна, я-то постарше васъ и порядки-то получше знаю,—отозвалась мамка.—Можетъ-быть, это у васъ въ институтѣ все пустяки, а не у насъ въ господскомъ домѣ...

Наташа вошла въ комнату Ромы. Марѳа Власьевна застучала башмаками, захлопала дверями и не выдержала— пошла жаловаться Антонинѣ Аркадьевнѣ.

— Оставь ее!—оборвала на полусловѣ Ломова.

— Какъ оставить? А дѣвочка-то погибнетъ, что ты тогда скажешь? — воскликнула старуха. — Богу-то кто отвѣтъ дастъ? Ты? Матери у нея нѣтъ, отца тоже. Сироту поберечь надо!

— Ахъ, мамка, ты надоѣла! Погибнетъ, погибнетъ! Чего ты каркаешь? Никто не погибнетъ. Ну, если любятъ другъ друга—поженятся и слава Богу.

Марѳа Власьевна наморщила узкій лобъ и сжала зубы.

— То-есть это какъ же? Барышня сперва на постели около жениха посидитъ, а потомъ замужъ пойдетъ? Что-то и у насъ, по-нашему простому сословію, такихъ-то не берутъ замужъ, что раньше свадьбы у женихова днюютъ и ночуютъ. И ты-то, кажется, не бѣгала до свадьбы въ спальню къ Ѳеодору Романовичу...

Антонина Аркадьевна совсѣмъ разсердилась.

— Говорю я тебѣ, что ты ничего не понимаешь!

— Да ужъ точно изъ ума выжила, ничего не понимаю,— проворчала старуха.—Нечего сказать, пошли у насъ по-

Digitized by Google

рядки. Мужиковъ готовы въ Сибирь сослать, сироту призрѣнную на грѣхъ толкаемъ... Гдѣ мнѣ что-нибудь понять...

Ломова вышла изъ себя и необычайно рѣзко замѣтила:

— Ты, однако, ужъ черезчуръ забываешься, старуха! Я вѣдь терплю, терплю...

Марѳа Власьевна оборвала ее.

— И прогонишь?.. Хорошо, хорошо... Можетъ-быть, сама еще допрежъ того уйду,—коротко сказала она.—Не ко двору я теперь...

Она поспѣшно вышла изъ комнаты безъ обычнаго хлопанья дверьми, не стуча башмаками. Ея лицо точно вдругъ осунулось. Въ ея головѣ не укладывалось теперь все совершавшееся въ домѣ: ни это не помѣщичье, не господское хозяйство, ни эти «сутяжническія» отношенія къ мужичкамъ, ни это допущеніе молодой дѣвушки въ спальню молодого человѣка. У нея были свои «крѣпостническіе» взгляды, порядки, убѣжденія. Они теперь перевернулись вверхъ дномъ. Послѣ этого разговора она стала тише, сосредоточеннѣе, молчаливѣе и въ то же время мягче съ мужемъ. Ему она теперь все повторяла:

— Пора намъ, старикъ, съ тобою на покой! По богомольямъ бы ходить, грѣхи отмаливать.

Только Наташу она не оставила въ покоѣ и не только слѣдила за нею, но входила по нѣсколько разъ въ комнату Ромы подъ разными предлогами, когда тамъ сидѣла Наташа. Разъ Наташа чуть не разбила головы мамкѣ, при выходѣ изъ комнаты Ромы: оказалось, что мамка стояла у дверей.

— Что это вы, Наталья Алексѣевна, на людей налетаете!—ворчливо сказала старуха, потирая лобъ.

— А вы зачѣмъ тутъ притаились?—спросила Наташа.

— Мнѣ нечего таиться! Другіе, можетъ-быть, должны таиться, а мнѣ нечего. Слава Богу, честно жизнь прожила. А что я къ Ромушкѣ шла, такъ тутъ дива нѣтъ. Вы-то ужъ больно быстро летать стали, въ ажитаціи...

И совсѣмъ злобно она добавила:

— Барышня тоже!

Наташа даже не отвѣтила ей, хотя ее и коробило отъ этого непонятнаго ей соглядатайства.

Но молодые люди читали книжки и, повидимому, никакихъ ужасовъ не предвидѣлось. Иногда къ Наташѣ и Роману присоединялась Анна Ѳеодоровна, ежедневно совершавшая теперь прогулки на Мустафѣ III. Порой она являлась въ

Digitized by Google

комнату не переодѣвшись, въ черной амазонкѣ, со шляпой и хлыстомъ въ рукахъ. Наташа смотрѣла на нее восторженными глазами: «Какая она красавица!» Дѣйствительно въ этомъ узкомъ и гладкомъ черномъ костюмѣ, съ бѣлыми стоячими воротничками и съ гладкими бѣлыми манжетами Анна Ѳеодоровна была стройна, граціозна, поражала бѣлизной кожи, правильными чертами лица, какъ бы выточеннаго рукой искуснаго художника изъ слоновой кости. Наташа передъ ней была просто свѣжей и здоровой дѣвочкой съ заурядным типомъ лица, уже покрывшагося густымъ налетомъ загара. Но когда она восхищалась Анной Ѳеодоровной, та нерѣдко думала, что она отдала бы полжизни за свѣжесть, за здоровье, за возрастъ Наташи. Будь она теперь на мѣстѣ Наташи, не пришлось бы ей дрожать за свое будущее, видѣть въ бракѣ съ Апухтинымъ все спасеніе...

Какъ-то разъ Наташа читала «Молотова». Вошла Анна Ѳеодоровна, побо̀ятала нѣсколько минутъ съ братомъ и Наташей и, увидавъ въ окно, что Мустафа III подведенъ къ крыльцу, сказала, что она отправляется на прогулку. Она вышла. Наташа принялась снова за прерванное чтеніе. Она читала, не замѣчая, что Романъ, лежа на постели, не сводилъ съ нея глазъ и любовался ею. Съ каждымъ днемъ ему все труднѣе и труднѣе становилось воздерживаться отъ объясненія съ нею, отъ признанія ей въ любви. Онъ испытывалъ совершенно новое чувство, глядя на нее: ему казалось, что стоитъ ей сказать: «я твоя», и онъ воскреснетъ, переродится. Эта увѣренность возрастала и крѣпла съ каждымъ днемъ. Чахоточные больные такъ ждутъ весны: стоитъ ей придти—и они будутъ здоровы; она приходитъ—и они смежаютъ на вѣчный сонъ свои глаза.

— Наташа, оставь книгу! — тихо и ласково проговорилъ онъ.

Она опустила книгу.

— Усталъ?—заботливо, какъ мать, спросила она.

— Нѣтъ... Мнѣ такъ хорошо сегодня, на душѣ такъ ясно и спокойно... Ни книгъ, ни людей, ничего не нужно, только бы ты была со мною.... ты одна...

Онъ взялъ ея руку.

— Наташа, знаешь ли ты, какъ я тебя люблю? Я жизнью бы готовъ пожертвовать за тебя... всею жизнью...

Она испугалась его волненію и мягко и ласково замѣтила ему:

— Опять волнуешься?

Digitized by Google

— О, это сладкое волненіе!

Онъ робко, тихо прошепталъ:

— Люби меня хоть немного... я... я жить не могу безъ тебя...

Она немного испугалась. Ни разу еще ей не приходила въ голову мысль, что онъ любитъ ее больше, чѣмъ сестру. Въ смущеніи она не могла ничего отвѣтить. Въ ея душѣ не было радости, а была только боязнь взволновать его—чѣмъ? согласіемъ? отказомъ?—она не отдавала себѣ въ этомъ отчета. Иволгинъ сказалъ, что ему вредны волненія, а его можетъ взволновать одинаково и ея согласіе, и ея отказъ. Ему станетъ хуже. Онъ и такъ, бѣдняжка, очень слабъ. Эти мысли прежде всего пришли ей въ голову, и она вся находилась только подъ ихъ вліяніемъ.

— Прежде всего оправляйся, голубчикъ, — мягко сказала она.

Онъ встревожился, заволновался.

— Ты не любишь меня! Да, да, я понимаю! И развѣ я могъ надѣяться! Развѣ мнѣ могло улыбнуться счастье! Нѣтъ, нѣтъ, въ моей жизни не можетъ быть просвѣта! Это искалѣченная и исковерканная жизнь...

Она испуганно остановила его:

— Молчи, молчи! Что ты выдумываешь. Ему запрещено волноваться, а онъ... Ахъ, Боже мой!

Она весело наклонилась лицомъ поближе къ его лицу и заговорила:

— Что тебѣ надо? Моего согласія, моего слова? Да? Бери ихъ! Ахъ, дурной, непослушный мальчишка!

Онъ схватилъ ея руку и покрывалъ ее поцѣлуями. Онъ поднялъ голову и коснулся губами ея губъ.

— Я сейчасъ уйду, если ты не успокоишься! Это мило! Мой женихъ—и самъ разстраиваетъ свое здоровье! Такъ ты никогда не поправишься!

Онъ былъ такъ счастливъ, что ничего не понималъ, что происходитъ. Можетъ-быть, она только пошутила, только хотѣла успокоить его? Этого ему даже и въ голову не приходило. Онъ слышалъ только, что она дала ему слово, и былъ безгранично счастливъ. Теперь онъ воскреснетъ!

Она не чувствовала въ себѣ тоже ни тревоги, ни опасеній. Ей казалось это такъ просто: онъ говоритъ, что все его будущее зависитъ отъ ея согласія выйти за него замужъ, ну, и прекрасно—она согласна. Она согласилась бы съ тѣмъ же спокойствіемъ идти въ сидѣлки къ больному ре-

Digitized by Google

бенку. Подъ силу ли ей будетъ эта роль? Она даже не задавала себѣ этого вопроса теперь. Развѣ задаютъ себѣ подобные вопросы, бросаясь въ воду спасать утопающаго! Еще менѣе останавливалась она надъ вопросомъ, дѣйствительно ли ее любитъ Рома, такова ли вообще первая любовь, не обманываются ли они оба и не играютъ ли съ огнемъ. Вообще она ни о чемъ не думала въ эту минуту, кромѣ того, что Рома не долженъ волноваться.

Онъ заговорилъ, что онъ точно воскресъ, что онъ точно переродился. Она улыбалась отъ сладкаго сознанія, что ея одного слова было достаточно для его спасенія.

— А ты—ты счастлива?—допрашивалъ онъ.

— Развѣ ты самъ этого не видишь?—проговорила она, думая вовсе не о томъ, о чемъ спрашивалъ онъ.

Онъ прочелъ на ея лицѣ выраженіе полнаго свѣтлаго счастія. Ея лицо озарялось этимъ же выраженіемъ безмятежнаго душевнаго довольства, когда она видѣла радость какого-нибудь чумазаго Гаврюшки, получившаго отъ нея новую рубашку.

На дворѣ послышался голосъ Анны Ѳеодоровны, отдававшей кучеру приказанія относительно ея любимца Мустафы III.

— Анна!—проговорилъ Рома, прислушиваясь.—Возвратилась со своей одинокой прогулки. Видно, и кататься скучно и тяжело, что такъ скоро вернулась... Бѣдная, какъ ей тяжело. Неужели она точно дастъ согласіе Апухтину? Жить съ нелюбимымъ мужемъ, всю жизнь смотрѣть на отталкивающее лицо...

— Я на ея мѣстѣ лучше осталась бы въ дѣвушкахъ,—сказала Наташа.

— Ты знаешь, у нея все направлено къ одной цѣли—къ широкой жизни, къ блеску, къ роскоши. Бѣдной она не умѣетъ быть... Конечно, любовь могла бы измѣнить все..

И на минуту задумавшись онъ проговорилъ:

— Странно ведетъ себя Борисъ Николаевичъ... Когда-то онъ любилъ ее...

— О, нѣтъ, нѣтъ!—торопливо и горячо воскликнула Наташа, перебивая его.—Онъ не могъ ее любить... никогда, никогда!..

— Да я же это отлично зналъ...

— Зналъ? Онъ тебѣ говорилъ?—допрашивала Наташа.

— Конечно, не прямо. Но намеки были такъ прозрачны...

Наташа перебила его, качая головой:

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ! Это что-нибудь не такъ! Развѣ онъ могъ бы быть ея мужемъ? Разные вкусы, разныя стремленія! Это нелѣпость, нелѣпость!

Она встала и заходила по комнатѣ, не въ силахъ справиться съ охватившимъ ее волненіемъ. Она страшно испугалась за Иволгина, точно онъ сейчасъ долженъ былъ идти подъ вѣнецъ съ Анной Ѳеодоровной. Съ чего? Ей самой это показалось на минуту смѣшно. Тѣмъ не менѣе въ ней происходило какое-то безотчетно тяжелое настроеніе, какъ будто произошла какая-то непріятность, какъ-будто ожидалась какая-то утрата.

Вошла Анна Ѳеодоровна. Наташа взглянула на нее, и на этотъ разъ граціозная фигура молодой дѣвушки почти разсердила ее. Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ Иволгинъ увлекся ея внѣшностью. Боже мой, какъ онъ будетъ несчастливъ. Она же ему не пара, совсѣмъ не пара! И вдругъ мысль молодой дѣвушки остановилась на задумчивости Иволгина за послѣднее время, на его иногда непонятныхъ ей нетерпѣливыхъ выходкахъ. Она точно прозрѣла. Да, да, онъ любитъ. Любитъ и мучается, не встрѣчая взаимности! О, развѣ такая дѣвушка стоитъ любви: ее боготворитъ молодой, красивый, умный, добрый человѣкъ, а она идетъ за безобразнаго стараго глупца ради того только, что первый бѣденъ, а второй богатъ. Какъ это гадко, какъ это низко! У нея что-то сдавило горло, точно подступили слезы.

— Ты мало сегодня каталась,—замѣтилъ Романъ сестрѣ.

— Да. Скучно!—разсѣянно отвѣтила она.

Она начала слегка бить по платью хлыстикомъ.

— А вы все читали?

— Да,—отвѣтилъ Романъ и лукаво улыбнулся, взглянувъ на Наташу.

Та сидѣла точно въ полуснѣ, не видя его улыбки.

— Кончили «Молотова?»

— Нѣтъ еще...

Разговоръ опять оборвался. Вдругъ Анна Ѳеодоровна обратилась къ Наташѣ:

— А у Иволгина большой голосъ?

— У Иволгина?.. Голосъ?.. Да! да!—какъ-то растерянно отвѣтила Наташа, какъ бы очнувшись отъ сна, и, овладѣвая собою, скороговоркою заговорила:—ты развѣ не знала? Почему ты это говоришь? Ты слышала его... сегодня?

Анна Ѳеодоровна иронически улыбнулась, пожимая плечами.

Digitized by Google

— Ѣхала мимо... Онъ пѣлъ... Вечернюю звѣзду изъ Тангейзера... Точно оперный пѣвецъ.

Наташа горячо вступилась за него, точно его обижали:

— Да, да, онъ поетъ, какъ оперный пѣвецъ, лучше многихъ оперныхъ пѣвцовъ. Что же изъ этого? Что?

Ломова, не замѣчая волненія Наташи, продолжала тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ:

— Всѣ таланты! Добродѣтельный докторъ, отличный садовникъ, неподражаемый чтецъ, превосходный пѣвецъ.

Ломова презрительно пожала плечами.

— Слишкомъ ужъ много талантовъ. Embarras des richesses.

Наташа, волнуясь и горячась, неожиданно спросила ее:

— Ты поссорилась съ нимъ?

Анна Ѳеодоровна лѣниво подняла на нее удивленные глаза.

— Я? Я его даже не видала!.. И что за вопросъ? Я съ нимъ ни ссорюсь, ни мирюсь... Что же между нами общаго?

Опять ироническая улыбка проскользнула по губамъ Ломовой, опять ея плечи передернулись съ презрѣніемъ.

У Наташи какъ будто отлегло на сердцѣ. Она даже не обидѣлась за Иволгина, слыша, какимъ высокомѣрнымъ тономъ говорятъ о немъ. Ея душа наполнилась радостью. «Да, да, между ними нѣтъ ничего общаго. Она, Нина, никогда не полюбитъ его, никогда не пойдетъ за него. О, какое это счастье для него! Она погубила бы его. Но вѣдь онъ будетъ страдать, встрѣтивъ отказъ? Что-жъ, это пройдетъ». Она неожиданно остановилась на мысли: неужели любовь проходитъ? Опять ей защемило сердце. «Нѣтъ, нѣтъ, любовь не проходитъ, не должна проходить!» Ее одинаково смущало теперь и то, что любовь можетъ проходить, и то, что любовь не проходитъ. Она совершенно растерялась отъ этихъ новыхъ для нея противорѣчій.

— Ты слышала, наши въ воскресенье ѣдутъ къ Апухтину?—спросилъ Рома сестру.

Анна Ѳеодоровна вздрогнула, поднявъ опущенный взглядъ.

— Къ Апухтину? Да, слышала.

Она усердно начала смахивать хлыстомъ пылинку съ платья.

— Ты поѣдешь?

Она опять подняла голову. Ея лицо приняло выраженіе страданія и насмѣшки.

Digitized by Google

— Вѣдь для меня же и ѣдутъ, — отвѣтила она. — Какъ же мнѣ не ѣхать.

— Анна, неужели ты...—началъ Романъ.

Она не дала ему кончить и засмѣялась нервнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, какую кислую мину ты дѣлаешь, Рома! Точно лимона попробовалъ. Это просто смѣшно!.. Нѣтъ, я не поѣду, я ни на что не соглашусь... Или останусь старой дѣвой, или...

Она встала, смѣясь уже чуть не истерическимъ смѣхомъ.

— Или выйду по страстной любви за какого-нибудь бродячаго пѣвца-красавца... Знаешь, изъ тѣхъ, что ходятъ съ шарманками... Нѣтъ, ты совсѣмъ ребенокъ... задаешь дѣтски-наивные вопросы...

Она взяла шляпу, приподняла шлейфъ амазонки и вышла изъ комнаты.

— Бѣдная, бѣдная сестра! — проговорилъ тихо Романъ, когда за нею затворилась дверь. — Сегодня мнѣ еще болѣе ее жаль, потому что я самъ счастливъ. Тебѣ, Наташа, тоже жаль ее? Да? Загубить всю жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ—это ужасно...

— Да,—разсѣянно отвѣтила Наташа и встала съ мѣста.

— Куда?

— Мнѣ надо, сейчасъ обѣдъ. Нельзя же все сидѣть у тебя.

— Скоро, милая, мы постоянно, вѣчно будемъ вмѣстѣ... вдвоемъ...

Онъ прижалъ ея руку къ своимъ губамъ, сухимъ отъ внутренняго жара. Она нервно вздрогнула, пораженная какой-то новой мыслью.

«Вѣчно будемъ вмѣстѣ, вдвоемъ». «Почему? Зачѣмъ? Ахъ да, вѣдь я дала ему слово выйти за него замужъ...»

И, перебивая самоё себя, она продолжала думать:

«Не можетъ быть, чтобы Иволгинъ любилъ хоть когда-нибудь Нину! Это надо выяснить, непремѣнно надо». Увлекаясь этой мыслью, она соображала, какъ лучше это выяснить! спросить ли его самого и Вѣру Николаевну? и ни на секунду не остановилась на мысли: зачѣмъ ей-то это знать?

II.

На слѣдующій день Анна Ѳеодоровна возвращалась домой съ прогулки верхомъ. Лошадь шла шагомъ по мягкой

Digitized by Google

пыльной дорогѣ. Всадница ѣхала, опустивъ руки и голову, ни на что не обращая вниманія, погрузившись въ свои думы. Съ той поры какъ Апухтинъ любезно предложилъ ей пользоваться его Мустафой III, она ѣздила верхомъ почти каждый день, иногда даже несмотря на мелкій дождь, на грязь и лужи на дорогѣ. Ѣздила она одна: у Наташи не было лошади, да она была и не охотница ѣздить верхомъ; Романъ былъ нездоровъ и тоже былъ плохимъ наѣздникомъ. Волей-неволей Аннѣ Ѳеодоровнѣ приходилось совершать прогулки одной. Именно это одиночество навѣвало на нее грустныя думы. Опустивъ поводья, она раздумывала о томъ, что и далѣе будетъ одна, всегда одна. Мужъ—старикъ, что онъ будетъ для нея? Отецъ, опекунъ, соглядатай? Но что же будетъ между ними общаго? Дѣти? Она была уже не такъ молода, наивна и неопытна, чтобы надѣяться имѣть дѣтей. А кромѣ дѣтей какая же можетъ быть связь между нею и старикомъ пятидесяти-пяти лѣтъ? Онъ, вѣроятно, даже не влюбленъ въ нее. И старъ, и холоденъ, и апатиченъ для этого. Просто надоѣло жить одинокимъ вдовцомъ, нужна для пріемовъ гостей женщина. Вотъ и все. Она красива, хорошо образована, можетъ быть ловкой хозяйкой въ свѣтской гостиной, — это и заставило его остановиться на ней. Комнатное украшеніе понадобилось. Впрочемъ даже, можетъ-быть, и лучше, если у нихъ не будетъ духовной связи, она будетъ рѣже видѣть мужа. Въ ея воображеніи рисовался образъ этого старика, толстаго, лысаго, съ отвислымъ подбородкомъ, съ брезгливо-опущенными углами дряблыхъ губъ, съ тусклыми круглыми и выпуклыми глазами. Онъ будетъ имѣть право приходить къ ней во всякое время, оставаться съ нею день и ночь, требовать ея ласкъ и ласкать ее. Всѣ эти жертвы принесутся ею за право жить богато, блестѣть въ обществѣ, возбуждать зависть. Выдержитъ ли она эту жизнь, не собьется ли съ честнаго пути, не падетъ ли? Нѣтъ, нѣтъ, она сумѣетъ побороть все и не дойти до униженія. А если вдругъ явится человѣкъ, молодой, умный, добрый, красивый? Передъ ней вдругъ, какъ живой, воскресъ образъ Иволгина. Она почти съ гнѣвомъ шептала про себя: «онъ, вѣчно онъ!» Ей казалось, что онъ просто преслѣдуетъ ее. Читалъ тогда съ такимъ паѳосомъ при ней. Похвасталъ, что его берлога полна цвѣтовъ и свѣта. Заманивалъ своими возвышенными взглядами на женщину. Вчера пѣлъ, когда она проѣзжала мимо его дома. Точно нарочно увле-

Digitized by Google

каетъ ее, напоминаетъ ей о себѣ. Что бы она ни начинала думать, вѣчно приходитъ на память онъ, все онъ! Неужели она любитъ его, любитъ теперь, когда онъ не дѣластъ ей даже намека на любовь, какъ будто избѣгаетъ ея? А можетъ-быть, онъ только боится снова встрѣтить ея равнодушіе, услышать ея отказъ? О, если такъ, значитъ онъ не умѣетъ любить! Кто любитъ, тотъ готовъ на все, силой завоевываетъ счастье. Пусть же онъ увидитъ, что она идетъ замужъ за другого. Пусть терзается. Когда она будетъ женою другого, она станетъ кокетничать съ нимъ, она заставитъ его сказать ей «люблю» и отвѣтитъ, какъ Татьяна Онѣгину... нѣтъ, не такъ, просто скажетъ съ удивленной усмѣшкой: «я васъ никогда не любила и не люблю». Это будетъ ея месть, страшная для него. А каково ей будетъ самой? Оттолкнетъ его и останется одна, одна навсегда! Опять передъ ея глазами всталъ другой образъ — образъ Апухтина. Онъ казался ей почти отвратительнымъ. Ее охватывалъ страхъ, при мысли, что она должна будетъ отдаться этому человѣку. Удовлетворятъ ли ее блескъ, роскошь, богатство за приносимую ею жертву? Въ ней поднялось чувство брезгливости. Она безсознательно, съ выраженіемъ отвращенія на лицѣ, сжала плечи, точно къ ней уже простирались объятія этого старика, и тотчасъ же, злобно издѣваясь надъ собою, подумала: «и еще не онъ самъ идетъ ко мнѣ, а я ловлю его». Ей вспомнились подробности проведеннаго съ Апухтинымъ дня у Кожуховыхъ: ее умышленно толкали къ нему, оставляли съ нимъ наединѣ, ждали, вотъ онъ бросится къ ея ногамъ. Онъ же оставался любезнымъ собесѣдникомъ и только. Можетъ-быть, онъ понялъ все и умышленно остерегался попасть въ разставленныя сѣти. У нея навертывались на глаза слезы. Молодость брала свое, сердце жаждало именно теперь, какъ никогда, любви, молодой, поэтической, страстной. И чѣмъ ближе становился рѣшительный день, тѣмъ мрачнѣе дѣлалось у нея на душѣ. Нынче пятница — черезъ два дня она, отецъ и мать поѣдутъ къ Апухтину. Онъ станетъ показывать свой домъ, посвящать ее въ интересы геральдики, смотрѣть на нее глупо-счастливыми глазами, какъ смотрятъ на изящную, выгодно покупаемую вещь, попроситъ позволенія у отца пріѣхать къ нимъ съ серьезнымъ предложеніемъ, отецъ и мать не сумѣютъ даже скрыть радости подъ маской свѣтскаго равнодушія, выдадутъ себя, ее. Торгаши! Она почувствовала омерзеніе къ Апухтину,

Digitized by Google

къ отцу, къ матери, къ себѣ. Да, да, она не лучше ихъ! Всѣ у нихъ не лучше! Опять ее душили слезы. Онъ подъѣхала къ дому, грустная, задумчивая, подавленная. Сойдя при помощи Степана Потаповича съ лошади, она приказала позвать кучера и въ задумчивости какъ-то машинально гладила лоснящуюся шею своего любимца, точно Мустафа III былъ единственнымъ ея другомъ, повѣреннымъ ея тайнъ. Около нея кто-то проговорилъ.

— Вотъ я напророчилъ вамъ, что станете любить животныхъ, какъ мы своего Пегасика.

Она подняла голову и увидала Иволгина, шедшаго къ Ромѣ. Ея глаза сверкнули гнѣвомъ. Онъ, опять онъ! Издѣвается надъ нею, слѣдитъ за нею! Она неожиданно съ бѣшенствомъ стегнула Мустафу хлыстомъ, такъ что бѣдное животное, вздрогнувъ, метнулось въ сторону. Этотъ ударъ хлыстомъ былъ полученъ Мустафою за кого-то другого. Почти безъ силъ Анна Ѳеодоровна прижалась къ колонкѣ крыльца, ослабѣвшая, безпомощная, блѣдная, близкая къ обмороку.

— Какое право имѣете вы преслѣдовать меня, слѣдить за мною! — воскликнула она, почти плача отъ гнѣва, отъ смущенія, отъ стыда.

Она сама не знала въ эту минуту, что она говоритъ, что дѣлаетъ.

— Я? Преслѣдую васъ? — проговорилъ тоже смущенный Иволгинъ.

Онъ даже не могъ сообразить сразу, что произошло. Но, тотчасъ же овладѣвъ собою, онъ произнесъ:

— Я, кажется, дѣлаю все, чтобы вы не имѣли права упрекать меня ни въ чемъ. Но если я виноватъ, допустивъ невинную шутку, простите. Я все-таки считалъ себя въ вашемъ домѣ немного своимъ человѣкомъ...

Онъ сухо поклонился и хотѣлъ пройти на крыльцо. Въ его головѣ носились воспоминанія о прошлыхъ столкновеніяхъ съ Анной Ѳеодоровной. Онъ досадовалъ на себя за то, что заговорилъ съ нею теперь. Для чего? Какой бѣсъ подтолкнулъ его на это? Она, съ выраженіемъ душевнаго страданія, потирая рукою лобъ, силясь улыбнуться, пересиливая себя, прерывающимся голосомъ заговорила:

— Я сама не знаю, что со мной... Я немного нездорова... Нервы разстроены... Это все ваша деревня... Ахъ, здѣсь съ ума сойти можно...

Она опять попробовала улыбнуться:

Digitized by Google

— Полѣчите...

— Я къ вашимъ услугамъ,—серьезно отвѣтилъ онъ.

Она протянула ему руку.

— Вы къ Ромѣ?

— Да.

— Зайдите отъ него ко мнѣ... въ садъ... Я серьезно начинаю бояться за себя.

У нея, какъ въ лихорадкѣ, пробѣгала по тѣлу дрожь. Въ головѣ было смутно, въ глазахъ стоялъ туманъ. Она ничего не могла сообразить, ничего не видала. Только одинъ обольстительно прекрасный образъ носился передъ нею. Онъ теперь неотразимо, властно звалъ и манилъ ее къ себѣ, обѣщая ей спасеніе. Она прошла въ садъ, охваченная этимъ лихорадочнымъ волненіемъ. Она сама не знала, зачѣмъ позвала Иволгина. Она не знала, что она ему скажетъ. Она упорно старалась не думать объ этомъ. Казалось, она инстинктивно боялась думать объ этомъ: подумаетъ и скажетъ не то, что надо, не скажетъ ничего. А сказать надо, теперь или никогда. Такъ жить нельзя. Тяжело дыша, она проводила рукой по горящему лицу и безсознательно шептала: «что же онъ, скоро ли?» Казалось, ее охватилъ страхъ, что вотъ-вотъ пройдетъ еще минута, и все погибнетъ. Что? Развѣ она знала что? Вдругъ она заслышала шаги. У нея подкосились ноги, и она присѣла на скамью. Ей нужно было сдѣлать большое усиліе, чтобы овладѣть собою и заговорить съ Иволгинымъ шутливымъ тономъ.

— А, вотъ и вы, докторъ! Я серьезно хочу посовѣтоваться съ вами.

Звукъ ея голоса былъ горловой, отрывистый. Ея лицо горѣло, въ глазахъ былъ лихорадочный огонь. Въ головѣ Иволгина мелькнула мысль объ истерикѣ.

— Въ воскресенье мы должны ѣхать... непремѣнно должны ѣхать, и вдругъ я расхвораюсь... Это совсѣмъ не кстати...

Она подняла на Иволгина свои лихорадочно блестѣвшіе глаза. Грудь ея тревожно дышала.

— Мы званы къ Анухтину... Кстати, вы слышали, что я...

У нея оборвался голосъ, не договоривъ начатой фразы. Она стиснула отъ досады на себя зубы.

— Я выхожу за него замужъ...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—не слыхалъ.

— Да, да, выхожу,—заторопилась она, говоря объ этомъ,

Digitized by Google

какъ о рѣшенномъ вопросѣ. — Правда, онъ не молодъ, не красивъ, даже... помните, вы говорили, что онъ даже не далекъ. О, злой языкъ! Но вѣдь не всѣмъ же быть геніями. Слава Богу, что онъ добрый и честный человѣкъ. Вѣдь этого нельзя отрицать? Да?

Иволгинъ молчалъ, дожидаясь, когда она кончитъ, чтобы спросить, что у нея болитъ, на что она жалуется. Казалось, онъ даже и не подозрѣвалъ, для чего она заговорила объ Апухтинѣ. Ее раздражило его молчаніе, и она внезапно, рѣзко оборвавъ свою рѣчь объ Апухтинѣ, спросила.

— Что же вы молчите? Что же вы не скажете своего мнѣнія, не посовѣтуете?

Онъ очнулся и, смотря ей прямо въ лицо, съ недоумѣніемъ спросилъ:

— Какое же я имѣю право вмѣшиваться въ ваши дѣла?

Она вспылила.

— А, вы злопамятны! — проговорила она съ горькимъ раздраженіемъ.—Вы вспомнили теперь, въ эту минуту, что я вамъ сказала тогда, тамъ въ Петербургѣ!

Онъ торопливо возразилъ ей:

— Не считайте меня такимъ мелочнымъ. То давно забыто. Я просто сказалъ вамъ это потому, что дѣйствительно не имѣю права вмѣшиваться въ вашу судьбу и при томъ въ такомъ вопросѣ. Я уже давно пересталъ быть прежнимъ юношею, не понимавшимъ, что можно и чего нельзя говорить свѣтской молодой дѣвушкѣ, не имѣя на это права въ качествѣ родственника, друга, близкаго...

Онъ говорилъ это тѣмъ мягкимъ и сердечнымъ тономъ, какимъ онъ говорилъ постоянно въ минуты душевнаго спокойствія. Что-то неотразимое было для Анны Ѳеодоровны теперь въ этихъ звукахъ, мягкихъ, ласкающихъ, почти женственныхъ. Они напоминали ей тѣ годы, когда онъ, восторженно смотря на нее, давалъ ей дружескіе совѣты. Тогда ее сердилъ и оскорблялъ этотъ «фамильярный» тонъ, теперь она пожертвовала бы всѣмъ, чтобы имѣть право слышать всегда этотъ «задушевный» голосъ. Она съ трудомъ удерживалась отъ признанія, отъ восклицанія: «да вѣдь я же люблю тебя». Только гордость, не смолкавшая въ ней и теперь, останавливала ее отъ этого признанія и она только тихо, упавшимъ голосомъ замѣтила.

— А развѣ мы не друзья?

Онъ взглянулъ на нее, какъ бы немного удивленный ея вопросомъ, и тотчасъ же отвѣтилъ:

Digitized by Google

— Если вы хотите, если вы требуете моего мнѣнія, — хорошо. Я на вашемъ мѣстѣ не рѣшился бы связать свою судьбу съ нелюбимымъ человѣкомъ. Какія бы удобства ни сулило вамъ это замужество, оно не вознаградитъ васъ за отсутствіе любви. Безъ любви нѣтъ семейной жизни, семейнаго счастія, семейнаго мира...

Онъ заговорилъ горячо о несчастныхъ союзахъ безъ любви. Они мало того, что оставляютъ пустоту въ душѣ, они наполняютъ душу сознаніемъ своего собственнаго униженія. Да, человѣкъ чувствуетъ, что онъ унизилъ себя, связавъ на вѣки свою судьбу съ судьбою нелюбимаго существа. Тутъ теряется вѣра въ свое нравственное я, въ стойкость этого я. Чтобы освободиться отъ этого горькаго сознанія, нужно заглушить голосъ своей совѣсти, нужно идти дальше въ сдѣлки съ нею. Это паденіе со ступеньки на ступеньку является роковымъ, неизбѣжнымъ въ подобныхъ случаяхъ... И чѣмъ краснорѣчивѣе говорилъ онъ, тѣмъ яснѣе сознавала она, что онъ разбираетъ вопросъ теоретически, вовсе не волнуясь тѣмъ, что хочетъ выйти замужъ именно *она*. Это была лекція неглупаго человѣка, полная здраваго смысла и логики, но не страстный порывъ влюбленнаго, говорящаго любимой дѣвушкѣ: «какъ ты можешь идти за другого, когда я люблю тебя». У нея уже поднималась грудь отъ негодованія на него, отъ сознанія, что она чуть не унизилась передъ нимъ признаніемъ въ любви. Она слышала только, что онъ упрекаетъ и обличаетъ ее. Какъ онъ смѣетъ бичевать ее? Кто ему далъ право? Наглецъ! Развѣ она для того спрашивала его совѣта, чтобы онъ топталъ ее въ грязь?

Онъ, ничего не подозрѣвая, закончилъ:

— И счастливъ тотъ, у кого хватитъ силъ не вступить въ такой союзъ, или кого спасетъ случай отъ такого союза.

Ея лицо вспыхнуло гнѣвомъ, точно онъ нанесъ ей послѣднее личное оскорбленіе. Ей казалось, что онъ благодаритъ судьбу за спасеніе его самого отъ такого союза—отъ союза съ ней. О, этого только недоставало! Вотъ они, цивилизованные мѣщане, невоспитанные разночинцы, этотъ средній классъ! Въ ея воображеніи хаотически пронеслись образы Хрущевыхъ, Зеленова, сцены грязныхъ любовныхъ заигрываній и интрижекъ, весь этотъ омутъ, гдѣ она вращалась нѣсколько лѣтъ, «треплясь по улицамъ». Она всѣмъ, всѣмъ пожертвуетъ, чтобы вырваться навсегда изъ этого круга, чтобы вступить въ болѣе возвышенный кругъ обще-

Digitized by Google

ства, гдѣ все облагорожено, даже сама глупость, даже самъ развратъ. Она нервно сжала въ рукѣ хлыстикъ, точно боясь, что она ударитъ имъ Иволгина, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ она хлестнула своего Мустафу III. Она поднялась.

— А что же ваша болѣзнь?—спросилъ онъ.

— О, я теперь здорова!—сорвалось у нея съ языка.

Она нервно стиснула зубы отъ досады на себя: «привыкла въ ихъ кругу дѣлать промахи и безтактности!» И, овладѣвъ собою, она съ ироніей, стараясь казаться равнодушной, добавила:

— Мнѣ просто хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь посторонним о занимавшемъ меня вопросѣ. Вотъ и все. Мнѣ казалось, что я не все взвѣсила. Одной вѣдь это не всегда легко. Но вы мнѣ не сказали ничего новаго. Выяснили только, что мой бракъ не будетъ идиллiей. Но я вообще не вѣрю въ идиллiи... аркадскихъ пастушковъ... въ шалашахъ, безъ хлѣба...

И, смѣясь нервнымъ смѣхомъ, она прибавила:

— Это ужъ надо предоставить такимъ дѣтямъ, какъ Наташа и Рома...

Иволгина точно ударили обухомъ по головѣ. Онъ поблѣднѣлъ и быстро, совсѣмъ забывшись, спросилъ:

— Наташѣ и Ромѣ? Что вы хотите этимъ сказать? При чемъ тутъ она, Наташа?

Ломова быстро остановила на немъ пристальный взглядъ, впиваясь этимъ взглядомъ въ его лицо, смутно угадывая что-то.

— Они же не сегодня, такъ завтра будутъ объявлены женихомъ и невѣстой,—рѣзко отвѣтила она, не спуская съ него глазъ.

Онъ, не замѣчая злого выраженія ея глазъ, не замѣчая ея волненія, машинально провелъ рукой по лбу, точно ощущая, что на его лицѣ проступилъ холодный потъ. Потомъ по лицу прошла какая-то судорожная гримаса досады на нее, что она говоритъ это, на себя, что онъ вѣритъ этому.

— Не шутите такими вещами,—сказалъ онъ сухо и холодно.

— А вы думаете, что я шучу?—спросила она, все такъ же пристально всматриваясь въ него и злорадно усмѣхаясь.— Вы думаете, что это шутка?

— Это нехорошая шутка,—продолжалъ онъ такъ же холодно.—Рома не пара Наташѣ... Несчастный, изломанный

Digitized by Google

подростокъ... Онъ вплоть до могилы останется такимъ, не возмужавъ, не окрѣпнувъ... Такіе люди вплоть до могилы остаются Петеньками и Ваничками... А она—у нея впереди все, развитіе, дѣятельность, жизнь... Пошлите ее въ крестьянскую избу, въ больницу — пойдетъ вездѣ, только бы было живое дѣло для людей, среди людей...

Онъ очнулся отъ невольнаго увлеченія и, подавивъ охватившую его злобу, уже вполнѣ сдержанно закончилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда она не будетъ его женою...

Онъ увлекся, забылся, не замѣчая пристальныхъ взглядовъ Анны Ѳеодоровны. А можетъ-быть, они и не занимали, не пугали его.

— Вотъ какъ! — протяжно произнесла она, и опять какое-то злое чувство шевельнуло ея сердце.

Она засмѣялась.

— Вы помѣшаете?

Онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Да, если будетъ нужно!

Ее даже испугали этотъ вызовъ, этотъ тонъ, точно Иволгинъ сказалъ, что онъ помѣшаетъ этому браку, хотя бы пришлось пожертвовать чьею-нибудь жизнью. Во всей его фигурѣ, въ его голосѣ было что-то властное, мужественное, энергичное. Ее охватилъ на мгновенье непонятный страхъ, и тутъ же въ ея головѣ мелькнули разомъ разныя мелкія-мелкія соображенія о деньгахъ Наташи, о томъ, что эти деньги нужны для приготовленій къ свадьбѣ и ей, Аннѣ Ѳеодоровнѣ, о томъ, что Иволгинъ можетъ повредить не только Ромѣ, но и ей самой, такъ какъ нужно же ей кое-какое приданое. Она сердилась на себя за это, сознавая, что все это пошло, низко, мелочно, и стискивая зубы отъ тайнаго бѣшенства на себя.

Они молча дошли до дома и сухо простились другъ съ другомъ. Въ душѣ Анны Ѳеодоровны было теперь одно желаніе, чтобы Рома скорѣй женился на Наташѣ наперекоръ Иволгину. А! Иволгинъ любитъ эту дѣвчонку,—ну, пусть и узнаетъ, что значитъ обмануться въ своихъ надеждахъ. Опять эту душу охватывала злоба и только злоба.

Анна Ѳеодоровна послѣ сдѣланнаго ею открытія долго не могла успокоиться. Ей казалось, что ее теперь уже не столько волновала ея собственная судьба, сколько судьба Ромы и Наташи. Она увѣряла себя, что она рада, удержавшись отъ признанія въ любви и узнавъ вполнѣ Иволгина. Она не могла бы быть счастлива съ этимъ человѣ-

Digitized by Google

комъ. Это мелочной мѣщанинъ; въ его средѣ она вся ушла бы въ омутъ мелкихъ расчетовъ; она опошлилась бы тамъ. Уже и теперь, послѣ долгихъ лѣтъ бѣдности, она часто ловитъ себя на мелочныхъ расчетахъ, на мѣщанскихъ соображеніяхъ... Но что если Иволгинъ точно помѣшаетъ браку ея брата? Несчастный Рома. Она увѣряла себя, что она заботится о братѣ, только о братѣ, и въ глубинѣ души сознавала, что она только желаетъ несчастія Иволгину. Вотъ онъ примѣрный человѣкъ! Сперва хотѣлъ обольстить ее. Теперь Наташа на очереди. Пройдетъ еще два-три года и явится новая дѣвочка на сцену. Ищетъ неопытныхъ жертвъ! Надо помѣшать ему видѣться съ Наташей. Какъ досадно, что Рома и Наташа не ѣдутъ къ Апухтину. Ужъ не взять ли ихъ съ собою? Правда, они будутъ лишніе, но оставлять ихъ здѣсь—вдругъ Наташа уйдетъ къ Иволгинымъ? Впрочемъ, нѣтъ, она одна не пойдетъ. Притомъ же, можетъ-быть, даже и хорошо, что они останутся одни. Можетъ-быть, Рома рѣшится сдѣлать Наташѣ предложеніе. Что онъ медлитъ? Не подтолкнуть ли его?

Она зашла въ субботу къ Роману, когда онъ былъ одинъ, заговорила о своей будущей свадьбѣ.

— Анна, я не могу еще примириться съ этою мыслью,— сказалъ братъ.

— Другого выхода, Рома, нѣтъ, — отвѣтила она. — Надо же смотрѣть на вещи трезво. Я бѣдная невѣста—и только!

Онъ упрекнулъ ее.

— Анна, ты же знаешь, что я готовъ отъ всего отказаться въ твою пользу.

Она засмѣялась.

— Что-жъ, напечатай объ этомъ въ газетахъ. А безъ того никто не узнаетъ, такъ какъ все, послѣ смерти отца и матери, твое. Да это пустяки! Я не боюсь этого брака, проживу и безъ любви. Въ мои годы, мой другъ, поэзія отходитъ на второй планъ, а на первый выдвигается проза. Меня болѣе заботишь ты...

Не слушая ее, онъ тихо замѣтилъ:

— Иволгинъ былъ...

— Не говори о немъ!—перебила она его.

И продолжала, не давая ему возможности договорить:

— Меня заботитъ твоя судьба. Неужели ты не любишь еще?

Онъ загадочно улыбнулся, какъ ребенокъ, скрывающій важную тайну.

Digitized by Google

— Отецъ былъ вѣдь правъ, предназначая тебѣ Наташу,— продолжала сестра.—Она милая дѣвочка... она...

Рома не выдержалъ:

— Она, Анна, моя невѣста!

— Что ты говоришь? Вы объяснились? Да?

Она порывисто сжала руку брата, охваченная чувствомъ радости, торжествуя побѣду надъ Иволгинымъ.

— Если бы ты зналъ, какъ я рада, какъ я рада!

— Добрая моя!—проговорилъ онъ, цѣлуя ея руку.

На минуту что-то кольнуло ее въ сердце. Онъ называетъ ее доброю, онъ думаетъ, что она радуется только за него. Нѣтъ, нѣтъ, что ей за дѣло до него, до кого бы то ни было! Стоятъ ли люди того, чтобы о нихъ заботиться, радоваться ихъ радостями, скорбѣть ихъ скорбями? Нужно жить для себя и только для себя. Стать на пьедесталъ надъ житейскою грязью и надъ людьми и глядѣть съ презрѣніемъ на все, происходящее тамъ, внизу. Ее охватило холодомъ. Подавляя это чувство, она заторопилась разспросами:

— Когда же свадьба? Не откладывай! Надо ловить свѣтлое счастье молодости.

Онъ былъ того же мнѣнія. Но все будетъ зависѣть отъ Наташи. Онъ не станетъ самъ торопить ее. Впрочемъ, едва ли она станетъ откладывать свадьбу. Зачѣмъ? Цѣли нѣтъ.

Анна Ѳеодоровна вышла отъ Ромы съ прояснившимся выраженіемъ лица. Но въ этомъ торжествующемъ выраженіи было что-то злое, насмѣшливое, холодное.

Сначала она хотѣла все разсказать матери, потомъ подумала, что лучше не говорить. Еще начнутся толки, Иволгинъ можетъ ускорить атаку. Но что онъ можетъ сдѣлать если Наташа дала слово? Она, значитъ, любитъ Рому, а не его. Безъ любви Наташа не дала бы слово. А! Борисъ Николаевичъ радуется, что не женился на ней, Аннѣ Ѳеодоровнѣ; онъ нашелъ болѣе молодую и болѣе выгодную невѣсту! Ну, теперь посмотримъ, какъ-то онъ перенесетъ пораженіе.

Она долго стояла въ своей комнатѣ передъ зеркаломъ, неспѣшно раздѣваясь, постепенно сбрасывая съ себя всѣ принадлежности одежды, всматриваясь пристально и серьезно въ свое отраженіе. Неужели она такъ подурнѣла, такъ постарѣла, что Наташа, не отличающаяся ничѣмъ, кромѣ молодости, могла вытѣснить ее изъ сердца этого человѣка?

Digitized by Google

Нѣтъ, нѣтъ, она еще хороша. Ея черты лица правильны и строги, ея фигура точно сдѣлана изъ бѣлаго мрамора, ея чернымъ волосамъ могла бы позавидовать любая дѣвушка. Она усмѣхнулась не безъ гордости, сознавая свою красоту. На минуту она остановилась на мысли: «Не потому ли онъ охладѣлъ къ ней, что она оттолкнула его тогда?» О, нѣтъ! Это должно было еще болѣе возбудить его страсть. Препятствія не останавливаютъ такихъ мужчинъ. Нѣтъ, просто онъ видитъ, что Наташа выгодная невѣста. Деньги на первомъ планѣ. Онъ не лучше другихъ! А она, Нина, развѣ не ради денегъ выходитъ замужъ? Она выпрямилась при этой мысли и гордо закинула назадъ голову. Ну да, ради денегъ, ради удобствъ. Но она и не рисуется, не обманываетъ никого. Самъ ея женихъ, вѣроятно, понимаетъ, что она видитъ въ бракѣ съ нимъ выгодную партію. Тутъ не можетъ быть и рѣчи объ обманѣ, не можетъ быть громкихъ фразъ о бракѣ по страсти. Это расчетъ, но разумный, честный, благородный расчетъ. Она опять попадетъ въ свѣтъ, но уже не какой-нибудь Ломовой, принимавшейся туда, покуда у ея отца были деньги, а женой камергера, дворянскаго предводителя, крупнаго землевладѣльца. У нея будетъ собираться избранное общество; ея знакомства будутъ добиваться, какъ чести; ея салонъ будетъ центромъ для выдающихся людей... О, теперь она ни на что не промѣняла бы этого союза. Она наканунѣ счастія!

— Да, да, наканунѣ счастія! — шептала она, чувствуя, что ее что-то душитъ, что въ горлѣ перехватываетъ духъ.

Молодое сердце, еще жаждавшее любви, билось и сжималось отъ боли наперекоръ холодному разсудку.

— О, нервы, нервы, проклятые нервы! — повторяла она, падая съ истерическими рыданіями лицомъ въ подушку...

Рано утромъ Ломовы — мужъ, жена и дочь — уѣхали къ Апухтину. Рома и Наташа остались одни и рѣшили идти къ Иволгинымъ къ обѣду. Анна Ѳеодоровна знала, что Вѣра Николаевна пригласила молодыхъ людей къ себѣ, но смотрѣла на это спокойно. Не можетъ же Наташа дать слово и взять его назадъ.

III.

Домъ Иволгиныхъ напоминалъ скорѣе дачу, чѣмъ обыкновенный деревенскій помѣщичій домъ. Со стороны небольшого сада съ клумбами цвѣтовъ, онъ былъ украшенъ террасой и балкономъ съ маркизами изъ полотна. На террасѣ,

Digitized by Google

на балконѣ, на окнахъ красовались цвѣты, по большей части недорогіе, но заботливо выхоленные, чистые и свѣжіе. Эти чистота и свѣжесть бросались въ глаза прежде всего, такъ какъ ими отличались не только цвѣты, но и сѣренькая окраска дома, и окраска свѣтло-зеленыхъ ставенъ, и темно-желтыя ступени и полъ террасы. Все это блестѣло на солнцѣ и говорило о чьей-то заботливой рукѣ, старавшейся придать всему веселый видъ. Со стороны просторнаго двора, чисто выметеннаго, домъ былъ совершенно простъ, но такъ же свѣтелъ и приглядѣнъ. Дворъ со всѣхъ сторонъ былъ застроенъ конюшнями, хлѣвами и помѣщеніями для прислуги. Съ лѣвой стороны отъ воротъ къ барскому дому была сдѣлана пристройка, идущая въ самую глубину двора. Въ эту пристройку вело особое крыльцо. Теперь на этомъ крыльцѣ въ томительномъ ожиданіи терпѣливо сидѣла цѣлая группа мужиковъ, бабъ и дѣтей, чуть не въ рубищахъ, понуривъ головы подъ палящими лучами полуденнаго солнца. Нѣкоторые растянулись на землѣ, положивъ головы на первую ступеньку крыльца, и дремали. Одинъ изъ мужиковъ сталъ медленно развязывать тряпки, обматывавшія его больную руку. Размотавъ ихъ, онъ началъ разсматривать больную руку, какъ что-то постороннее, сосредоточенно тыча пальцемъ въ распухнувшее тѣло, сомнительно покачивая головою, точно удивляясь и этой страшной опухоли, и цвѣту руки, и тому, что онъ всюду ощущаетъ боль отъ прикосновенія къ ней. Его сосѣди мало-по-малу тоже заинтересовались его рукою и, столпившись около него, стали разсматривать ее. Завязался отрывистый разговоръ о рукѣ. Съ какихъ поръ болитъ? съ чего началось? И самъ мужикъ съ больной рукой, и его собесѣдники говорили о ней, какъ о какомъ-то совсѣмъ имъ постороннемъ предметѣ, любознательно и равнодушно. Въ сторонѣ отъ этой группы столпились бабы около мальчугана лѣтъ пяти, стоявшаго потупясь между колѣнями какой-то старухи. Его, покрытаго какой-то подозрительной сыпью, тоже осматривали, какъ больную руку мужика, и также говорили о немъ, разспрашивая «баушку», — съ чего это съ младенцемъ приключилось. Старуха «баушка», сморщенная и шамкающая, утирая пальцемъ слезы, жалобнымъ голосомъ нараспѣвъ разсказывала подробности и о самомъ, то-есть объ отцѣ ребенка, запропавшемъ въ Питерѣ, и о самой, то-есть о матери ребенка, деньденской работающей на «хвабрикѣ», и о томъ, какъ сама просила ее, «баушку», показать «рабенка» Борису Николаевичу:

Digitized by Google

— Ты, бабушка, безпремѣнно сведи мальчонку къ Борису Миколаевичу.

Ну, она, баушка, и привела, что будетъ—Создатель одинъ знаетъ. Бабы давно уже знали, что ребенокъ и родился съ какой-то сыпью, что лѣчили его и знахарки, и повитуха, и какой-то прохожій странникъ, что и купали его въ крещенской водѣ, и парили въ русской печкѣ, и поили декохтомъ.—тѣмъ не менѣе онѣ снова выслушивали съ любопытствомъ исторію болѣзни, разспрашивали о всѣхъ знакомыхъ подробностяхъ и даже пробовали пальцами больныя мѣста мальчугана, задумчиво ковырявшаго пальцемъ какія-то заплаты на сарафанѣ «баушки» съ видомъ безотвѣтной жертвы, выставленной напоказъ. Онъ такъ привыкъ, что его смотрятъ и ощупываютъ, что оставался къ этому вполнѣ равнодушнымъ. Съ такимъ тупо-равнодушнымъ видомъ являются въ балаганахъ и музеяхъ передъ толпою вывозимые напоказъ безрукіе и безногіе «уроды». Иногда только прорывались въ этихъ группахъ вздохи:

— На хвабрикѣ, видно, Борисъ Миколаевичъ задержался...

— Народъ-то тамъ нынче больно шибко мретъ.

— Помощника, вишь, Борисъ Миколаевичъ просилъ у Тарасовыхъ. Затѣмъ и ѣздилъ по веснѣ въ городъ. Одному не разобраться.

— Экія деньги собираютъ, а народъ мретъ...

— Говорятъ, намеднись, бунтовать хотѣли. Управитель-то грозился, что половину народу разсчитаетъ...

— А куды-жъ народу-то идти?

— Дѣловъ, вишь, нѣтъ!

— У кого-жъ нонѣ дѣла?

Наступило короткое тяжелое молчаніе. Потомъ опять кто-то заговорилъ:

— На селѣ тоже хворь. Все горломъ больше тоскуютъ.

— Борисъ Миколаевичъ говорилъ: сумнительно очень. Пунтъ фельдчерскій надо, говоритъ, тутъ учредить.

— Учреждятъ! Жди!

— И все больше на ребятишекъ моръ...

Въ это время на пыльной дорогѣ, ведущей къ дому, показались бѣговыя дрожки. Въ толпѣ сидѣвшихъ на крыльцѣ крестьянъ послышались голоса:

— Ѣдетъ!

— Какъ быдто и не одинъ...

— Съ Ломовскимъ бариномъ...

Началось движеніе и нѣкоторые даже поднялись съ мѣстъ.

Digitized by Google

Только теперь можно было замѣтить, по движенію, по выраженію лицъ, по отрывочнымъ фразамъ, какъ томительно было ожиданіе этихъ людей.

Борисъ Николаевичъ, спустивъ у сада Романа, въѣхалъ во дворъ. Изъ флигеля прислуги выбѣжалъ мальчуганъ лѣтъ четырнадцати, и Борисъ Николаевичъ, соскочивъ съ дрожекъ, сдалъ ему лошадь. Онъ наскоро поклонился ожидавшимъ его больнымъ, проговорилъ:

— Сейчасъ, сейчасъ!

И скрылся въ домъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ дверь на крыльцо пристройки растворилась и въ ней показался Борисъ Николаевичъ. Онъ былъ въ томъ же лѣтнемъ костюмѣ, въ которомъ пріѣхалъ домой съ фабрики, только на немъ теперь былъ надѣтъ бѣлый передникъ отъ самой шеи до колѣнъ. Мужики и бабы зашевелились, нѣсколько человѣкъ разомъ пошло къ дверямъ.

— Не всѣ вдругъ, не всѣ,—сказалъ Борисъ Николаевичъ:—по очереди, кто прежде пришелъ, тотъ и иди!

Борисъ Николаевичъ замѣтилъ черезъ толпу молодую бабенку съ здоровымъ бойкимъ лицомъ, въ красномъ платкѣ на головѣ, только что вошедшую во дворъ; онъ кивнулъ ей головой и спросилъ, зачѣмъ пришла она. Она немного зарумянилась и проговорила:

— Я къ Вѣрѣ Миколавнѣ.

— А!—сказалъ онъ.—Терешка совсѣмъ здоровъ?

— Совсѣмъ! Что ему теперь!

— Ну, и слава Богу.

Онъ обернулся назадъ и крикнулъ:

— Вѣра, тебя тутъ нужно!

Затѣмъ, кивнувъ бабенкѣ головой, пошелъ съ нѣкоторыми изъ больныхъ въ пристройку. Больныя бабы заговорили съ молодой женщиной. Что она пришла? Зачѣмъ?

— Все за тѣмъ же, Терешку вотъ моего вылѣчилъ Борисъ Миколаевичъ. Курицу да яичекъ принесла. Пока ходилъ, не хотѣлъ брать. А что-жъ, мы не бѣдные. Вотъ принесла.

— Чего бѣдные! За ребенка все отдашь...

— Ходилъ, такъ не хотѣлъ брать. Теперь что-жъ, мы отъ души.

Она погладила рукой курицу, находившуюся у нея подъ мышкою. На крыльцо вышла Вѣра Николаевна. Она поздоровалась съ бабами и привѣтливо улыбнулась молодой жен-

Digitized by Google

щинѣ. Та съ поклономъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, стала просить ее принять курицу и яйца. Вѣра Николаевна, улыбаясь, поблагодарила ее. Молодая бабенка стала приговаривать.

— Не обидь! Чѣмъ богаты!

Иволгина сказала ей, чтобы она отдала свои приношенія на кухню, и снова сказала ей:

— Спасибо!

— Не на чемъ! Борису Миколаевичу спасибо!

Бабенка, кланяясь, съ веселымъ лицомъ направилась къ кухнѣ. Вѣра Николаевна заговорила съ одной изъ бабъ.

— Вѣра,—раздалось изъ пристройки.—Иди-ка сюда!

Иволгина торопливо пошла на зовъ брата. Кто-то изъ толпы осторожными шагами на цыпочкахъ подошелъ къ одному изъ оконъ пристройки и искоса сбоку заглянулъ въ него. Потомъ такъ же на цыпочкахъ отошелъ отъ окна, тихо говоря:

— Руку рѣжетъ Ивану Ѳедотову.

— Ишь ты!

— И Ломовскій баринокъ тамъ... Держитъ...

— Руку-то?

— Руку.

Нѣсколько любопытныхъ приподняли головы, стараясь увидать, что дѣлаютъ съ Иваномъ Ѳедотовымъ.

— Оставь, братцы! Заругается,—предостерегъ кто-то любопытныхъ.

— Мы только отсель...

— Иванъ-то сблѣднѣлъ...

— Сблѣднѣешь! Рука-то своя...

Какой-то парень, тщедушный, узкогрудый, захирѣлый, съ густой шапкой всклокоченныхъ кудрей, уныло сидя на крыльцѣ, сшутилъ:

— Родительское благословеніе!

— Ишь, помираешь, а зубы скалишь,—наставительно замѣтила ему «баушка», приведшая больного ребенка.

— Давно бы померъ, баушка, очереди жду за тобою.

Старуха отплюнулась. Парень опять безнадежно опустилъ голову, опять на его лицѣ выразилось тупое уныніе.

Минутъ черезъ пять на крыльцо вышелъ мужикъ съ больной рукой, нѣсколько поблѣднѣвшій, отирая рукавомъ крупныя капли пота со лба: его волосы точно прилипли теперь къ этому блѣдному лбу. Грудь дышала усиленно и тяжело, какъ будто онъ отдувался отъ усталости. За нимъ

Digitized by Google

слѣдомъ, почти шатаясь, вышелъ Романъ Ломовъ, блѣдный, какъ полотно, съ широко открытыми глазами, съ нервной дрожью въ тѣлѣ. Можно было подумать, что ему тоже сейчасъ сдѣлали операцію. Мужикъ съ больной рукой прошелъ прямо къ горшку-рукомойнику съ водой, привѣшенному на трехъ веревкахъ къ крышѣ крыльца, и выпилъ нѣсколько большихъ глотковъ воды черезъ носокъ. Потомъ перекрестился и пошелъ со двора, отвѣтивъ обступившимъ его больнымъ:

— Сперва свѣту не взвидѣлъ, а теперь словно гора свалилась; то жгло, а теперь только грѣетъ ее, руку-то, словно въ банѣ...

Ломовъ успѣлъ уже пройти въ садъ и присѣсть на ступеньки террасы. Видъ темной брызнувшей изъ раны крови, тяжелый запахъ гноя, ощущеніе на пальцахъ какихъ-то теплыхъ брызговъ, все это еще мутило его, поднимало тошноту. Онъ сорвалъ стебелекъ цвѣтущаго левкоя и поднесъ его къ носу и тутъ же, съ какимъ-то нервнымъ подергиваніемъ въ лицѣ, отбросилъ его отъ себя, всталъ и заходилъ по террасѣ. Ему было досадно, обидно, противно за свою слабость, за свою изнѣженность, за свою брезгливость. Утро онъ провелъ въ фабричной больницѣ съ Иволгинымъ. Ужъ тамъ видъ тифозныхъ, ихъ тяжкій бредъ произвели въ немъ головокруженіе. Онъ старался не смотрѣть на пораненныя руки и ноги, которыя перевязывалъ при помощи фельдшера Иволгинъ. Здѣсь же — этотъ ребенокъ, унаслѣдовавшій отъ рожденія заразу отъ отца, и этотъ мужикъ съ больной рукой окончательно довели его до обморока. Онъ захотѣлъ пересилить себя, побѣдить свое брезгливое чувство и взялся помочь Иволгину при операціи руки мужика, но чуть не помѣшалъ дѣлу, такъ какъ его собственная рука дрожала сильнѣе руки больного. Борисъ Николаевичъ какъ-то особенно рѣзко замѣтилъ ему:

— Эхъ, что за нѣжности! Не умѣешь, такъ не берись ни за что!

И позвалъ сестру, выдававшую вмѣстѣ съ Наташей въ сосѣдней комнатѣ имѣвшіяся въ домѣ немудреныя лѣкарства нѣкоторымъ больнымъ.

Она, женщина, совершенно спокойно и невозмутимо принялась помогать брату. Что-жъ, они привыкли! Это ихъ постоянное дѣло. Цѣлыми днями только и дѣлаютъ, что возятся съ больными. А какое же его дѣло? Что онъ будетъ дѣлать въ деревнѣ? Ужъ не хозяйничать ли, какъ его отецъ?

Digitized by Google

Онъ сдвинулъ брови и закусилъ нижнюю губу при воспоминаніи о хозяйничаньи отца. Вѣчная ругань съ народомъ, вѣчные споры изъ-за гроша, беззастѣнчивыя угрозы, что люди даромъ изъ-за хлѣба будутъ работать и за то кланяться станутъ...

— Ну, что? Не лежишь въ обморокѣ?—послышался голосъ Бориса Николаевича.

Рома очнулся и немного сконфуженно заговорилъ:

— Я и самъ не знаю, что со мной сдѣлалось! Чортъ знаетъ, что за слабость...

Борисъ Николаевичъ добродушно перебилъ его, потрепавъ по плечу:

— Это всегда такъ съ непривычки. Я въ медицинской академіи упалъ безъ чувствъ въ препаровочной, когда впервые попалъ туда и увидалъ это разрѣзанное человѣческое мясо, эти выбритыя головы, отдѣленныя отъ туловищъ, эти туловища безъ головъ. Потомъ же во время экзаменовъ, какую-то восьмидесятилѣтнюю старуху, совсѣмъ разложившуюся, кромсалъ совершенно спокойно. Всякій черный трудъ требуетъ привычки...

— Обѣдъ поданъ,—раздался голосъ Вѣры Николаевны.

Иволгинъ и Ломовъ прошли съ террасы въ просторную комнату, замѣнявшую и залъ, и гостиную, и столовую. Мебель была мягкая, влѣво отъ входа съ террасы стоялъ рояль, посрединѣ былъ накрытъ обѣденный столъ. Зимой Иволгины обѣдали въ настоящей столовой, но лѣтомъ тамъ было слишкомъ душно и потому обѣдъ подавался или здѣсь, или на террасѣ. За столомъ здѣсь уже сидѣли Варвара Николаевна и Наташа.

— Что это ты, братъ, не ѣшь?—спросилъ Иволгинъ, видя, что Ломовъ почти не дотрагивается до ѣды.

— Аппетитъ пропалъ послѣ сегодняшнихъ впечатлѣній,—отвѣтилъ тотъ. — Одна ваша фабрика способна отбить отъ ѣды. Это вертепъ какой-то съ обреченными на каторгу людьми.

— Да, не легкій трудъ и притомъ проклятыя санитарныя условія,—отвѣтилъ Иволгинъ.

Онъ заговорилъ о недостаткахъ устройства ихъ фабрики: лѣтомъ тутъ еще только сквозной вѣтеръ и чрезмѣрный трудъ изводятъ людей, а зимой—это просто адъ. Вентиляція плоха, вездѣ грязь, зараженный воздухъ. Рабочій людъ скученъ до послѣдней возможности. Все хотѣлось подешевле да повыгоднѣе устроить... Каждое улучшеніе приходится

Digitized by Google

брать съ ооя. Но рядомъ съ этимъ идетъ еще худшая нравственная сторона: фабричные рабочіе, мужчины, женщины и дѣти, самый несчастный развращенный народъ. Оно и понятно: всѣ работаютъ вмѣстѣ, всѣ ведутъ безрадостную жизнь, всѣ лишены нравственной поддержки и нравственнаго развитія, какъ же тутъ не развратиться. Надо побыть въ ихъ положеніи, чтобы понять, что пьянство и развратъ здѣсь неизбѣжны.

— И какъ ты можешь служить здѣсь на фабрикѣ при этихъ условіяхъ!—воскликнулъ Рома.—Сознавать, что вся обстановка эта губитъ людей, и вѣрить въ пользу своихъ примочекъ и микстуръ...

Борисъ Николаевичъ усмѣхнулся.

— А какъ же не вѣрить? Вотъ недавно рабочій вывихнулъ руку—я ее вправилъ и теперь онъ снова работаетъ, а не по-міру ходитъ...

— Большая разница!

— А ужъ объ этомъ ты его спроси. Можетъ-быть, онъ тутъ и видѣлъ нѣкоторую разницу...

Романъ сдѣлался мрачнымъ и ничего не возразилъ Иволгину. Иволгинъ заговорилъ о положеніи крестьянъ вообще, о томъ, сколько нужно употребить усилій, чтобы сдѣлать это положеніе хотя немного сноснѣе. Онъ обращался почти исключительно къ Наташѣ, и она слушала его съ разгорѣвшимся личикомъ. Ей было все понятно и близко, что говорилъ онъ. Онъ какъ-то особенно пристально вглядывался въ ея лицо. Казалось, старался что-то прочесть въ ея глазахъ, въ ея душѣ. Обѣдъ кончился, и всѣ перебрались въ садъ. Иволгинъ сѣлъ на нижнюю ступень террасы. Остальные усѣлись тутъ же около стола. Вѣра Николаевна разливала кофе.

— Просто теряешь голову, когда думаешь, гдѣ спасенье, какимъ путемъ должно идти человѣчество къ лучшему будущему,—проговорилъ Ломовъ. — Проходятъ сотни и сотни лѣтъ, а проклятые вопросы остаются все тѣми проклятыми вопросами и даже нельзя утверждать, сдѣланъ ли хоть шагъ впередъ...

Иволгинъ молчалъ и рисовалъ на пескѣ какіе-то узоры сорваннымъ прутомъ. Казалось, онъ вовсе не думалъ о томъ что говорилъ Ломовъ.

— А тебя, повидимому, не волнуютъ эти вопросы?—спросилъ Романъ, раздраженный его молчаніемъ.

— Теперь нѣтъ. Насущнаго дѣла много. Прежде, когда

Digitized by Google

учился, читалъ кое-что объ этомъ. Теперь не до того, нѣкогда. Медицина такъ шагаетъ впередъ, что едва успѣваешь въ свободное время слѣдить за всѣмъ новымъ въ одной этой области.

— И потому и не думаешь ни о чемъ другомъ, вертясь, какъ бѣлка въ колесѣ?

— Да вѣдь жить же надо?—лѣниво отозвался Иволгинъ.

— Какъ жить? Вотъ въ чемъ вопросъ. Что дѣлать? Что нужно? Къ чему стремиться? Не есть ли все только верченье въ бѣличьемъ колесѣ, работа муравьевъ, натаскивающихъ кучу, чтобы ее разворотилъ и уничтожилъ первый шалунъ-мальчишка?

Иволгинъ опять молчалъ, чертя прутомъ по песку. Ему было лѣнь говорить, переливать изъ пустого въ порожнее. Казалось, онъ думалъ: «Все я знаю, что ты мнѣ скажешь, и все это не интересуетъ меня».

— Тебя эти вопросы никогда не занимали?—настойчиво допрашивалъ Романъ.

— Кто же не былъ юнъ и кто же, будучи не совсѣмъ глупцомъ, не думалъ въ юности объ этомъ?

— И значитъ все это съ юностью прошло, со всѣмъ этимъ покончено?

— Да, покончено,—задумчиво и устало произнесъ Иволгинъ.

Потомъ, поднявъ голову и глядя въ упоръ на Рому ясными голубыми глазами, онъ началъ тихимъ, мягкимъ голосомъ:

— Я тебѣ не вѣрно сказалъ, что я *кое-что* читалъ по этимъ вопросамъ. Нѣтъ, я читалъ много, даже очень много. И ни одна книга, ни одинъ философъ не дали мнѣ отвѣта на «проклятые вопросы». Это было во времена моей юности—юности увлекающагося, немного смѣшного идеалиста. Я доходилъ часто до отчаянія въ это время и, не найдя отвѣта на проклятые вопросы, пришелъ къ мысли, что жить такъ не стоитъ. Кто мыслилъ и учился въ нашъ вѣкъ господствующаго пессимизма, тотъ непремѣнно переживалъ эпоху отчаянія... одни поверхностно, другіе болѣе глубоко и страстно...

Онъ на минуту смолкъ, потомъ продолжалъ:

— Ты помнишь, какой я былъ восторженный, когда мы познакомились? Именно въ это время я много читалъ, много думалъ объ общихъ вопросахъ. Отвѣта на вопросъ: «что дѣлать?» не находилось нигдѣ. Его и нѣтъ нигдѣ.

Digitized by Google

Но я искалъ его, стремился къ нему. Въ это время, когда меня начинало иногда охватывать мрачное отчаянье, во мнѣ, какъ мнѣ казалось тогда, пробудилось свѣтлое чувство любви.

Наташа устремила на Иволгина разгорѣвшіеся глаза. У нея забилось тревогою сердце. Сейчасъ она узнаетъ все! Рома рѣзко спросилъ:

— Мою сестру полюбилъ?

— Теперь, когда она невѣста, я могу прямо отвѣтить: «да», — сказалъ Иволгинъ. — Но это была не любовь. Я просто влюбился въ ея красоту, въ проявляемую ею энергію. Свѣтская дѣвушка, не упавшая духомъ, попавшая въ нищету, стремящаяся къ наукѣ и труду. Это ли не идеалъ хорошей и здоровой натуры? Ты не можешь представить, какъ я былъ счастливъ тѣмъ, что могъ смотрѣть на нее, слѣдить за нею, надѣяться на что-то.

Онъ съ мягкой улыбкой добавилъ:

— Ты помнишь, я цѣловалъ иногда тебя. Въ эти минуты я мысленно посылалъ свои поцѣлуи ей. Я высказывалъ тебѣ свои идеи, а мнѣ казалось, что слушаетъ меня она. Можетъ-быть, это было глупо и смѣшно, но я не стыжусь этого. Я пережилъ хорошее чувство, и оно избавило меня на время отъ отчаянія, отъ пессимизма, къ чему я былъ уже близокъ тогда. Тамъ въ вашемъ столичномъ болотѣ быстро заражаешься дряблостью, малодушіемъ, отчаяніемъ... Потомъ разрывъ нашъ совершился на твоихъ глазахъ. Мнѣ казалось, что мнѣ остается только пустить пулю въ лобъ. Можетъ-быть, я и не сдѣлалъ бы того, но мнѣ тогда казалось, что я это сдѣлаю. Все это была вѣчно старая, вѣчно новая исторія юношеской любви...

Онъ на минуту смолкъ.

— Что же дальше?—спросилъ Романъ.

Иволгинъ очнулся и продолжалъ:

— Неожиданная смерть сестры и матери разомъ оттѣснила все на задній планъ: и сомнѣнія въ возможности счастія для человѣчества, и отчаяніе отвергнутой любви. Мнѣ только хотѣлось въ послѣдній разъ прильнуть губами къ губамъ сестры и матери, а что должно было произойти послѣ... Я тогда даже не задавалъ себѣ того вопроса, потому что не вѣрилъ въ существованіе для себя этого «послѣ».

Онъ остановился опять, подавленный тяжелыми воспоминаніями. Казалось, онъ снова переживалъ полузабытыя

Digitized by Google

утраты. Наташа чувствовала, что у нея въ глазахъ стояли слезы за него.

— Когда похоронили сестру и мать,—продолжалъ Борисъ Николаевичъ:—я ощущалъ въ себѣ такой упадокъ силъ, что никакихъ мыслей о самоубійствѣ не было — я не могъ поднять на себя руку. Кто не испыталъ этого, тотъ сочтетъ это фразою. Но это было такъ. Вѣдь на самоубійство тоже нужна своеобразная энергія, способность къ порыву и возбужденію. Во мнѣ была только апатія. Все равно — вотъ все, что я ощущалъ тогда. Я уѣхалъ за границу и тамъ...

Онъ вдругъ сдвинулъ брови, точно почувствовалъ боль въ сердцѣ.

— Я хотѣлъ бы зачеркнуть въ своей памяти воспоминаніе объ этой порѣ моей жизни. Я продолжалъ тамъ учиться — безцѣльно, почти безсознательно, но все же учиться. Но въ свободные часы я прожигалъ жизнь, грязно, безумно, ища забвенія, можетъ-быть, смерти, не отъ самоубійства, а среди грязи и разгула, среди тины и распущенности европейскаго столичнаго омута. Я самъ не зналъ, какъ я скатился въ эту пропасть. Она была гадка, но мнѣ въ то время было все равно... Я не могу и не хочу передавать всѣхъ подробностей этихъ дней моей жизни. Но когда я пережилъ ихъ, я сталъ снисходительнѣе къ ошибкамъ людей, я пересталъ быть ихъ судьею. Только въ то время я понялъ, что я не сильнѣе, не лучше другихъ, что я только стоялъ ранѣе въ счастливыхъ условіяхъ и потому... чуть не святымъ себя считалъ...

Онъ замолчалъ. Нѣсколько минутъ никто не прерывалъ молчанія.

— Жить снова захотѣлось, что отрезвился? — наконецъ, спросилъ не безъ ироніи Романъ.

— Нѣтъ. Заставили отрезвиться и жить,—отозвался Борисъ Николаевичъ.—Жизнь, какъ ни вертись и ни мудрствуй, руководится тѣмъ, что мы называемъ случайностями. У Вѣры умерли сынъ и мужъ. Она звала къ себѣ, она писала, что я нуженъ для нея.

— И этого было достаточно, чтобы ты успѣлъ со всѣмъ примириться, сталъ благодушествовать?

Романъ загорячился. Онъ не понималъ и не понимаетъ возможности подобныхъ примиреній. Это только признаки неглубокости натуры. Такъ легко серьезные психическіе перевороты не дѣлаются... Иволгинъ не торопился прерывать его. Когда Романъ сказалъ послѣднюю фразу:

Digitized by Google

— Я не думалъ, чтобы душевные перевороты могли происходить такъ быстро.

Иволгинъ отвѣтилъ съ улыбкой:

— Ты не дослушалъ конца и возражаешь на то, чего я не говорилъ...

И тѣмъ же тономъ человѣка, вспоминающаго прошлое, онъ продолжалъ:

— Съ этого дня я пересталъ играть своею жизнью, увидавъ, сколько жестокости съ моей стороны было въ этомъ прожиганіи жизни. Я рѣшился жить, потому что было бы подло наносить ударъ сердцу, пригрѣвшему меня съ дѣтства. Что бы тамъ ни было за гробомъ—нирвана или бытіе,—я не хотѣлъ уйти туда съ упрекомъ любимаго человѣка, любимой сестры. Но стоило мнѣ только вернуться сюда, чтобы во мнѣ пробудился стыдъ за себя, за свое малодушіе, за свое бездѣйствіе. Передъ лицомъ труженика-народа сидѣть сложа руки не приходится. Я же никогда не былъ ни отъявленнымъ негодяемъ, ни лѣнтяемъ по натурѣ. Ну, и сталъ работать, по мѣрѣ силъ и умѣнья... А вполнѣ ли я успокоился—это слишкомъ серьезный вопросъ, чтобы толковать о немъ ни съ того, ни съ сего. Довольно сказать, что я рѣшился, насколько возможно это для меня, принимать жизнь, какъ она есть...

Иволгинъ замолчалъ. Казалось, онъ былъ радъ, что могъ покончить этотъ разговоръ. На его лицѣ осталось выраженіе грусти, какого-то затаеннаго недовольства жизнью. Чувствовалось, что онъ, принимая ее, какъ она есть, жаждетъ чего-то высшаго, лучшаго, не довольствуясь работой муравья и не имѣя силъ и средствъ на иное болѣе широкое дѣло. Охваченный тоской, онъ собирался уже встать. Но отъ Романа было не такъ легко отдѣлаться.

— Изъ всего, что ты сказалъ, я вижу только, что болевой процессъ сомнѣній былъ въ тебѣ не глубокъ,—въ раздумьи сказалъ Романъ.

— Можетъ-быть,—коротко согласился Иволгинъ.

Потомъ, какъ бы задѣтый за живое, не въ силахъ сдерживать своего раздраженія, онъ спросилъ уже совсѣмъ рѣзко:

— Въ тебѣ онъ, вѣрно, глубже, и ты не успокоишься никогда, пока не разрѣшишь проклятыхъ вопросовъ о человѣчествѣ, о Богѣ, о загробной жизни, о будущемъ?.. А въ ожиданіи этого разрѣшенія будешь сидѣть, сложа руки?

— Что-жъ дѣлать: я медицинѣ не учился, вывихнутыхъ рукъ вправлять не могу,—отвѣтилъ Романъ насмѣшливо.

Digitized by Google

Въ его душѣ тоже шевельнулось смутное враждебное чувство къ Борису Николаевичу.

— Да развѣ только и свѣта въ окошкѣ, что медицина?— проговорилъ Иволгинъ.

— Что-жъ, въ земствѣ прикажешь служить? Ты, вотъ, говорятъ, со всѣми переругался...

— Я?—удивленно спросилъ Иволгинъ.—Да, я со всѣми почти переругался, но эти всѣ — нынѣшній составъ нашего уѣзда. Чистая случайность.

Онъ всталъ, взволнованный и раздраженный. Онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета, что его раздражило. Но побѣдить этого раздраженія не могъ. Наташа и Вѣра Николаевна почти съ испугомъ замѣтили, какъ исказилось его лицо, какъ поднималась его грудь.

— Ты ужъ не думаешь ли идти по слѣдамъ Ѳеодора Романовича?—заговорилъ Иволгинъ.—Бранить земство, потому что многіе земцы паршивыя овцы, точно земцы изъ другой глины сдѣланы, чѣмъ всѣ остальные люди. Въ твои годы это рано еще! Если у насъ есть что хорошее, такъ это новыя учрежденія. Пусть въ нихъ теперь многое, даже все дурно, но каждый изъ насъ, если въ немъ есть хоть искра любви къ родинѣ, долженъ жизнь свою положить на истребленіе этого дурного, на развитіе ихъ въ ширь и въ глубь. Гдѣ вѣчно только все ломаютъ, тамъ не создаютъ ничего прочнаго. Теперь нужна дружная созидающая работа. Мы живемъ въ роковую пору, когда бездѣйствіе— преступленье. И молодое дерево требуетъ ухода именно тогда, когда оно молодо, когда оно не окрѣпло еще...

— Ну, братъ, одинъ въ полѣ не воинъ! — воскликнулъ Ломовъ.

— Не говори этихъ пошлыхъ фразъ, замаскировывающихъ лѣнь и апатію! — сурово оборвалъ его Борисъ Николаевичъ, и на его лицѣ выразилось презрѣнье.—Если бы мнѣ всю жизнь пришлось быть однимъ воиномъ въ полѣ, я бы и тогда не промѣнялъ этой роли на роль труса и дезертира. Ты помнишь, что говоритъ гётевскій Прометей о томъ, что онъ не возненавидитъ жизни, не уйдетъ въ пустыню изъ-за того, что не всѣ цвѣтущіе сны созрѣвали. Это голосъ настоящаго человѣка, голосъ настоящаго человѣчества, бросающій вызовъ судьбѣ.

— Ну, мы не Прометеи! — насмѣшливо сказалъ Романъ, задѣтый за живое.

— А что же? Вырождающіеся барчуки, ноющіе въ жизни,

Digitized by Google

въ романахъ, въ поэзіи о міровыхъ вопросахъ и міровой неурядицѣ, скрывающіе подъ покровомъ пессимизма нежеланіе стукнуть пальца о палецъ, благо у нихъ есть еще наслѣдственное, благо они еще могутъ урывать тѣмъ или другимъ способомъ куски у общественнаго пирога, благо имъ ворожатъ тетушки и бабушки, пристраивая ихъ на теплыя мѣста, а труженикъ-мужикъ проливаетъ потъ и содержитъ ихъ, какъ содержатъ щедрые богачи своихъ содержанокъ? Это мы, что ли?..

— Если тебѣ непремѣнно хочется перейти на личности,— запальчиво и рѣзко воскликнулъ Романъ:—то у меня лично есть оправданіе, что я лично еще и не могу ничего дѣлать.

Иволгинъ на минуту остановился, стараясь насколько возможно овладѣть собою.

— Не можешь? — проговорилъ онъ нѣсколько мягче.— Полно, Рома! Ты знаешь, что это одна отговорка.

— Отговорка? И ты рѣшаешься это говорить? Ты?—запальчиво воскликнулъ Ломовъ.

— Да. Ты, и не будучи поднадзорнымъ, искалъ бы какого-то крупнаго мірового дѣла и, не находя его, не дѣлалъ бы ничего. На что эта вѣчная игра въ прятки съ самимъ собою и съ людьми? Ты помнишь, когда ты толковалъ о желаніи послѣ Правовѣдѣнія поступить въ университетъ, я спрашивалъ тебя: «точно ли тебя влечетъ туда наука, а не желаніе убѣжать отъ дѣла ты прикрываешь ширмою науки?» Вѣдь я едва ли ошибался тогда: наука занимала часы, а цѣлые дни посвящались говорливому бездѣльничанью... И теперь, кто тебѣ помѣшаетъ взяться за работу, ну, хоть бы за статистику? Статистиковъ не мало бывало изъ поднадзорныхъ. Это лучшая, правда, не легкая, не шуточная школа для ознакомленія съ народомъ, съ его нуждами, съ его потребностями. Земство оказываетъ великую услугу, дѣлая это дѣло, и тутъ уже появились дѣятели вполнѣ достойные уваженія. Вотъ тебѣ поле дѣятельности. Узнай все касающееся народа и, можетъ-быть, ты придешь къ заключенію, какъ и чѣмъ можно хоть немного послужить ему. Вспомни графа Толстого.

Рома перебилъ его ироническимъ смѣхомъ.

— И въ эти отчеты статистиковъ никто никогда не заглядываетъ! Ихъ вороха гніютъ безъ пользы въ управахъ, идутъ на обертки...

— Это еще вопросъ. А если бы и такъ? Что-жъ изъ этого? Каковы бы ни были результаты честнаго труда, для

Digitized by Google

человѣка нужно сознаніе, что онъ-то лично сдѣлалъ по своему разумѣнію свое дѣло. Въ этомъ все. Такъ смотрѣли на дѣло всѣ трудящіеся люди, и та мысль поддерживала ихъ. Ты вотъ носишься со всѣми сомнѣніями и отрицаніями. Что-жъ ты думаешь, Байронъ меньше тебя былъ пессимистомъ? Однако, онъ пошелъ освобождать Грецію. Этою мыслью живетъ весь народъ. Онъ тоже говоритъ: «плетью обуха не перешибешь», «лбомъ стѣну не пробьешь», «выше лба глаза не растутъ». Это крикъ отчаянья, пессимизма. Но онъ, создавшій эти поговорки, идетъ въ поле весною со своимъ плугомъ, сохою, бороною и снова, и снова бороздитъ скупую землю съ надеждой, что авось нынче удастся...

— Да, пьянствуетъ съ горя,—вставилъ Романъ.

Иволгинъ гнѣвно сдвинулъ брови.

— Да, пьянствуетъ иногда съ горя! Вычитали и запомнили господа эту фразу. А вамъ не нужно и этого горя, чтобы спиться съ круга отъ бездѣлья! благо вамъ на прокормъ много дается тружениками... Мужика спаиваютъ кабатчики, потому что это доходъ даетъ, а вы—вы у нищаго суму отнимаете, чтобы пропить на шампанскомъ...

Вѣра Николаевна, какъ вѣчная примирительница и водворительница согласія, уже не разъ бросала умоляющіе взгляды на брата. Ее мучила мысль: «за что онъ обижаетъ Рому?» Опять на него напала раздражительность; въ такія минуты онъ самъ за себя не отвѣчаетъ. Она ерзала на своемъ стулѣ, покашливала, начала говорить что-то, перебивая разговоръ брата и Ломова. Но ея не слушали. Теперь она обрадовалась, когда братъ пошарилъ въ портсигарѣ папиросъ, и придралась къ случаю, чтобы окончить споръ:

— Папиросы у меня на этажеркѣ, Борисъ, — торопливо сказала она.—Кстати вели убрать кофе...

Онъ пошелъ въ комнаты. Онъ былъ радъ уйти, кончить этотъ разговоръ. Въ его душѣ бурный приливъ вспыльчивости уже улегся; въ ней шевелилось одно скверное сознаніе, что онъ обидѣлъ, побилъ, въ запальчивости, слабаго ребенка. Съ чего? Онъ вдругъ нахмурился. Ужъ не для того ли, чтобы разочаровать въ немъ Наташу? Нѣтъ, нѣтъ, просто увлекся и хватилъ черезъ край. Онъ даже забылъ о ея существованіи, когда говорилъ съ Ромой. Но прежде не случалось же этого? Отчего же теперь? Потому что Романъ теперь, повидимому, стоитъ на его дорогѣ? Ну, а если онъ точно станетъ на его дорогѣ, что тогда? Онъ сжалъ

Digitized by Google

рукою лобъ, какъ бы стараясь подавить мысль о томъ, что онъ ни передъ чѣмъ не остановится, когда придется устранить Ломова. Да, ни передъ чѣмъ! Какъ-то обидно злобно въ головѣ мелькало: «хоть бы черезъ его трупъ пришлось перешагнуть».

Въ саду, между тѣмъ, Вѣра Николаевна спѣшила съ добродушной хлопотливостью загладить произведенное братомъ впечатлѣніе. Она обернулась къ Ломову.

— Братъ сегодня взволнованъ! Самъ на себя не похожъ! Въ Ломовскомъ свирѣпствуетъ дифтеритъ въ той части, что къ заводу, за мостомъ. Братъ боится эпидеміи. Это вѣдь случается нерѣдко... Бѣдные крестьяне! И помочь-то трудно. Совсѣмъ голову потеряешь.

Романъ сидѣлъ уже на ступеняхъ крыльца, опершись локтями въ колѣни и опустивъ на ладони лицо.

— Въ такіе дни Борисъ всегда и рѣзокъ, и несправедливъ къ людямъ,—торопилась она объяснить дѣло.—Всѣ у него виноваты и самъ онъ прежде всего. Ужъ такой характеръ! Вы, Рома, не сердитесь на него. Онъ добръ, но возбуждается такъ легко. Горячъ очень!

Рома очнулся и поднялъ голову. Его взглядъ напоминалъ взглядъ человѣка, внезапно пробужденнаго отъ сна. Вѣра Николаевна и Наташа чуть не вскрикнули, такъ былъ блѣденъ Ломовъ.

— Сердиться? Развѣ я имѣю право сердиться? — глухо проговорилъ онъ.

Онъ горько улыбнулся.

— Борисъ только высказалъ громко все то, что я передумалъ о себѣ самъ... Да, такъ жить нельзя... такимъ жить нельзя...

Иволгину и Наташу охватило холодомъ отъ этихъ словъ, отъ звуковъ этого голоса. Имъ на минуту показалось, что онъ говоритъ о самоубійствѣ.

— Это хорошо, когда другіе скажутъ о тебѣ то, что ты самъ о себѣ думалъ тайкомъ, украдкой, лукавя самъ съ собою,—продолжалъ онъ все такъ же глухо.

И, поднимаясь со ступеней, онъ съ нервнымъ смѣхомъ замѣтилъ:

— Помните слова Гоголя о публично данной пощечинѣ? Это Борисъ далъ мнѣ ее...

Наташу охватила жалость къ Ромѣ. Зачѣмъ Борисъ Николаевичъ такъ жестоко обошелся съ нимъ? Еще за минуту она мысленно соглашалась съ каждой фразой Иволгина.

Digitized by Google

Она думала, что и она будетъ такъ же, какъ онъ, смотрѣть на жизнь и трудъ. Она любовалась его воодушевленіемъ. Она была готова вставить въ споръ и свое слово въ его духѣ, заодно съ нимъ. Ей хотѣлось пожурить Рому, какъ журятъ капризнаго и лѣнящагося ребенка. Теперь въ ея умѣ проносилась только одна мысль: «Зачѣмъ, зачѣмъ Борисъ Николаевичъ высказалъ все это. Рома и такъ глубоко несчастливъ. Это жестоко со стороны Бориса Николаевича». Она почти сердилась на него. Рома такой слабый, маленькій. Почему-то онъ казался ей даже не мужчиной, а ребенкомъ. На дѣтей нужно дѣйствовать лаской, кротостью; Иволгинъ въ эту минуту появился снова на террасѣ со шляпой въ рукахъ.

— Иду въ Ломовское,—сказалъ онъ:—еще увидимся?

— Не знаю, — проговорилъ Рома. — Ты вѣдь долго проходишь?

— Да, больныхъ много... Боюсь я, что настоящая эпидемія начнется... У земскаго врача въ другой волости работы по горло, а я одинъ здѣсь едва ли что подѣлаю. Фельдшерскаго пункта здѣсь даже нѣтъ...

Онъ пожалъ всѣмъ руки и пошелъ. Наташа какимъ-то растерянным, испуганнымъ взглядомъ взглянула на Иволгину.

— Вѣдь это заразительная болѣзнь? Да? Это очень опасно?

Вѣра Николаевна утвердительно кивнула головой.

— Какъ же?—растерянно сказала Наташа, охваченная страхомъ за Иволгина. —Онъ можетъ самъ заразиться.

— На то онъ и докторъ, чтобы лѣчить,—сказалъ Романъ и впервые почувствовалъ чуть не ненависть къ Иволгину.

Наташа вспылила.

— Онъ не обязанъ здѣсь лѣчить!.. Онъ рискуетъ собою... Хорошо тебѣ говорить, сидя на мѣстѣ...

Въ ея голосѣ звучали рѣзкія ноты, помимо ея воли. Онѣ кольнули Ломова въ самое сердце. А! она тоже, и она! Онъ мрачно взглянулъ на нее. Она не замѣтила ни впечатлѣнія, произведеннаго ея словами, ни взгляда Ромы. Ее всю охватилъ только страхъ за Иволгина. Она теперь уже ни о чемъ не думала, кромѣ его. Онъ подвергаетъ себя добровольно опасности, онъ можетъ заразиться, умереть! Она преувеличивала опасность, она позабыла, что тысячи врачей посѣщаютъ дифтеритныхъ больныхъ, и поняла только какіе-то вычитанные въ газетахъ отдѣльные случаи, когда

Digitized by Google

врачи заражались дифтеритомъ. И онъ, Иволгинъ, можетъ заразиться. Зачѣмъ она не попросила его взять ее съ собою? Она была бы спокойнѣе. Вѣдь если бы она была его женою, она пошла бы съ нимъ? Да, да, пошла бы всюду, гдѣ ему угрожала бы опасность. Все, все дѣлила бы она вмѣстѣ и радость, и горе, и тревоги... Она вдругъ точно очнулась отъ забытья. Что это пришло ей въ голову? Вѣдь она нѣсколько дней тому назадъ дала слово Ромѣ? Она почти со страхомъ взглянула на это блѣдное, нервно подергивавшееся лицо. Неужели она точно будетъ его женою? Какъ могла она согласиться на это? На всю жизнь, на всю жизнь...

— Наташа, что съ тобою?—спросила Вѣра Николаевна, замѣтивъ, какъ поблѣднѣла молодая дѣвушка.

— Очень ужъ за Бориса Николаевича боится,—ядовито замѣтилъ Ломовъ.

Наташа заволновалась, загорячилась.

— А ты ни за кого не боишься!—рѣзко сказала она.— Ни за друзей, ни за враговъ?.. Если бы я пошла туда, ты и тогда обезпокоился бы только потому... что не съ кѣмъ бы было говорить дома...

Ея голосъ прерывался отъ рыданій.

— Наташа, Наташа, милая, что съ тобой!—заговорила заботливо Вѣра Николаевна, подходя къ ней, какъ нѣжная мать.

— Это же... ужасно... ужасно... Всѣ точно... враги,—прерывающимся голосомъ шептала молодая дѣвушка.

Рома сдѣлалъ надъ собою усиліе и какъ могъ спокойно произнесъ:

— Ну, и у тебя нервы... Я же пошутилъ... Для тебя же, чтобы ты не волновалась...

Онъ говорилъ почти шутливымъ тономъ, но чувство впервые пробудившейся во всей силѣ глубокой ревности душило его.

IV.

Вся семья Ломовыхъ возвратилась отъ Апухтина въ самомъ радостномъ настроеніи. У Апухтина не домъ, а дворецъ: мраморъ, бронза, статуи, картины, бархатъ, шелкъ, лакеи въ ливрейной одеждѣ, выдрессированные, какъ въ лучшихъ домахъ въ столицѣ. Однѣ конюшни могли удивить своею обстановкою, поглотившею столько денегъ, что на нихъ можно бы поднять благосостояніе цѣлой деревни. Та-

Digitized by Google

кой роскоши уже давно не видали Ломовы и, встрѣтивъ ее въ домѣ Апухтина, они испытывали такое чувство, какъ будто передъ ними открылись двери потерянаго ими рая. Но не это главное, а то, что Апухтинъ не выдержалъ и прямо намекнулъ Ѳеодору Романовичу насчетъ своихъ плановъ. Онъ, какъ это часто бываетъ съ людьми его лѣтъ и въ его положеніи, боялся отказа и потому спѣшилъ предварительно ощупать почву. Юноши не боятся отказа: онъ не дѣлаетъ ихъ комичными; старикъ можетъ показаться смѣшнымъ, когда на его предложеніе отвѣтятъ «нѣтъ». Ломовъ понялъ это тотчасъ же, какъ только Апухтинъ заговорилъ со вздохомъ о томъ, что въ его домѣ есть все, кромѣ хозяйки, кромѣ доброй феи, достойной наслаждаться и распоряжаться всѣми этими благами. Хозяинъ, все такъ же вздыхая, прибавилъ, что онъ уже не такъ молодъ, чтобы вѣрить слѣпо въ возможность ввести въ свой домъ эту добрую фею. Его жирное лицо приняло нѣсколько смѣшное чувствительное выраженіе. Ломовъ поспѣшилъ разогнать «мрачныя мысли» хозяина. Апухтинъ долго и крѣпко пожималъ ему руку.

Потомъ Апухтинъ показывалъ Аннѣ Ѳеодоровнѣ свою роскошную библіотеку, гдѣ одна книга была новѣе и наряднѣе другой, точно это была выставка лучшихъ произведеній переплетныхъ дѣлъ мастеровъ. Показавъ «плоды» своихъ занятій по генеалогическимъ изслѣдованіямъ, Апухтинъ замѣтилъ, вздыхая, что онъ боится наскучить Ломовой этой «прозой» учености. Она подняла на него свои выразительные глаза, пристально всматривавшіеся въ людей вслѣдствіе нѣкоторой близорукости, и тихо, но твердо отвѣтила, что она уже пережила тотъ возрастъ, когда люди видятъ и любятъ одну «поэзію» въ жизни. Онъ поспѣшилъ любезно заспорить съ нею по этому поводу, не согласиться съ ея мнѣніемъ на этотъ счетъ. «Поэзія—о, что можетъ быть выше этого!» Она, все такъ же выразительно смотря на него, сказала, что она немного иначе смотритъ на дѣло—любитъ поэзію, но считаетъ правду выше поэзіи. Она сама теперь именно тѣмъ и счастлива, что считаетъ для себя невозвратно прошедшимъ время «пустыхъ иллюзій», «фантастическихъ грезъ», «эффемерныхъ увлеченій». Вмѣсто всего этого для нея настала пора сознанья «истинно хорошаго», «истинно добраго». Она даже пококетничала, назвавъ себя «совсѣмъ старухой». Они были вдвоемъ, они бесѣдовали въ элегическомъ тонѣ, они были взволнованы сознаніемъ, что для

Digitized by Google

нихъ настаетъ рѣшительная минута, и потому ни ему, ни ей не пришла въ голову горько-ироническая фраза: «теперь не время гнаться за журавлемъ въ небѣ, а надо захватить синицу въ руки». Можетъ-быть, даже они и не знали ничего объ этой поговоркѣ про журавля и синицу. Валеріанъ Александровичъ, всматриваясь въ молодую дѣвушку замаслившимися глазами, тихо спросилъ ее, позволитъ ли она ему быть у нихъ во вторникъ. Она, протягивая ему руку, сказала, что онъ всегда будетъ у нихъ милымъ и дорогимъ гостемъ. Онъ поднесъ эту нѣжную, точно выточенную изъ мрамора, выхоленную въ бездѣйствіи руку къ своимъ отвислымъ губамъ. Оба съ облегченнымъ сердцемъ почувствовали разомъ, что они «объяснились», что все дальнѣйшее будетъ рядомъ простыхъ формальностей...

— Кончено, кончено!—мысленно повторяла она, и по ея лицу скользила надменная улыбка.

Ее охватила такая радость, что ей показалось, что въ эту минуту она даже любитъ его. Когда человѣка, случайно упавшаго въ воду, спасаютъ—онъ не разбираетъ, какъ смотритъ его избавитель отъ смерти, и бросается ему на шею.

Когда Анна Ѳеодоровна возвращалась съ Апухтинымъ изъ библіотеки въ парадную гостиную, застланную ковромъ, съ покрытыми штофомъ стѣнами, съ золоченой мебелью, съ картинами старинныхъ мастеровъ, съ массой тропическихъ растеній, съ дорогими мраморными статуями, она думала только одно: «это все мое!» И она шла сіяющая, торжествуя, счастливая и гордая. Ни на секунду она не задумалась о томъ, что она продаетъ себя за эти вещи, какъ послѣдняя падшая женщина, но зато она думала съ гордымъ пренебреженіемъ къ людямъ о томъ, что она теперь, если бы ей захотѣлось, могла бы купить всѣхъ и каждаго. Развѣ есть между ними не продажные? Вся разница въ томъ, кто въ какую сумму оцѣниваетъ себя. Ей почему-то вспомнился Иволгинъ и какъ-то странно въ воображеніи нарисовался не его образъ, а образъ старшаго сына Шершова. Почему? Она сама не знала. Просто капризъ воображенія. Она даже усмѣхнулась. Никогда она не любила Иволгина, просто «смазливое» лицо остановило на минуту ея вниманіе, раздражило воображеніе. Она пожала плечами. Мало ли такихъ лицъ!..

Торопливые вопросы отца по дорогѣ домой немного оскорбили ея гордое сознаніе своихъ достоинствъ, своей власти.

Digitized by Google

Чего тутъ разспрашивать? Точно тутъ могутъ быть сомнѣнія? Все зависѣло отъ нея, а не отъ кого-нибудь другого? Она, конечно, согласна, потому что это блестящая партія и притомъ она, Ломова, чѣмъ больше узнаетъ этого мягкаго и деликатнаго человѣка, тѣмъ болѣе любитъ его. Она никогда не думала встрѣтить на пути своемъ такого истиннаго джентльмэна. Она сказала даже, что ей особенно пріятно то, что онъ предпочитаетъ всѣмъ языкамъ англійскій языкъ. Это вполнѣ гармонируетъ съ его вкусами, привычками, идеалами. Антонина Аркадьевна инстинктивно испугалась, что у нея отнимается одна изъ причинъ ея «мученичества» и поспѣшила со вздохомъ выразить сожалѣніе о томъ, что Апухтинъ старъ. Анна Ѳеодоровна съ увлеченіемъ возразила, что онъ ей напоминаетъ благородное лицо Бёкля. Мать не могла вспомнить сразу, кто былъ Бёкль. Вѣроятно, какой-нибудь извѣстный англійскій министръ. Анна Ѳеодоровна прибавила, что и занятія Апухтина, чисто кабинетныя, долголѣтнія, напоминаютъ ей занятія Бёкля. Кто зналъ Бёкля, покуда онъ не напечаталъ своего труда? Считали лѣнивымъ, недалекимъ, невыдающимся человѣкомъ. А потомъ? Европейская знаменитость, одно изъ свѣтилъ нашего вѣка!..

Ѳеодоръ Романовичъ потиралъ руки и волновался. Въ этомъ волненіи была не одна радость, но была и тревога. Какъ только онъ остался дома наединѣ съ женою, онъ заговорилъ, ходя по комнатѣ и жестикулируя:

— Гора съ плечъ свалилась, гора! Я въ восторгѣ! Одно меня смущаетъ, но это въ сущности пустяки.

— Да, да, и я говорю, что онъ старъ!— торопливо согласилась Антонина Аркадьевна, радуясь предлогу поныть.

— Старъ, старъ! Я вовсе не о томъ,—перебилъ мужъ.— Дѣло въ томъ, что нельзя же ее выдать замужъ въ одной сорочкѣ!..

— Ужъ не приданаго ли онъ потребуетъ?—съ иронією замѣтила Ломова, удивляясь его несообразительности.—Что за мысли всегда у тебя!

Его укололъ этотъ пренебрежительный тонъ. Что за мысли у него? У него всегда самыя вѣрныя мысли. Онъ видитъ то, чего не замѣчаютъ другіе.

— Не приданаго, не приданаго, а того, чтобы жена не пришла къ нему въ лохмотьяхъ,—горячо проговорилъ онъ.— Надо хоть кое-какой гардеробъ сдѣлать, бѣлье... Или вы думаете, что ей легко будетъ съ перваго дня просить у

Digitized by Google

мужа на бѣлье? Это вамъ не пришло въ голову, хотя вы и мать? Вы сказали: что за мысли приходятъ мнѣ въ голову? Я вамъ отвѣчу: что за мысли у васъ въ головѣ?

Онъ былъ очень радъ, что могъ попрекнуть жену за ея несообразительность. Да, не онъ, а она страдаетъ отъ этого недостатка. Онъ никогда не упускалъ случая указать на это. Потомъ переходя въ свой обычный тонъ, онъ заговорилъ:

— И наконецъ нужно принимать его передъ свадьбой. Нужно сдѣлать хоть одинъ или два обѣда. Поздравленія начнутся со всѣхъ сторонъ. Все это потребуетъ расходовъ. А теперь время горячее, рабочимъ нужно платить, затраты дѣлать. До поздней же осени еще далеко. Деньги же только тогда и могутъ явиться. Предлагать Шершову еще участокъ лѣса? Да онъ, можетъ-быть, и не нуженъ ему. Можетъ-быть, и денегъ больше нѣтъ у старика. Даже навѣрное, нѣтъ. Къ господамъ Тарасовымъ идти—слуга покорный. Я еще никому не кланялся.

— Да на что тутъ кланяться? Странные у тебя взгляды,— возразила Ломова.

— Ахъ, что вы понимаете!—воскликнулъ Ломовъ.

И, остановившись передъ женой, онъ неожиданно спросилъ:

— Хоть вамъ не говорилъ ли Романъ Ѳеодоровичъ, чѣмъ кончится его канитель? Намѣренъ онъ жениться на Наташѣ? Или такъ они и будутъ киснуть?

— Развѣ я знаю!

Онъ заходилъ по комнатѣ.

— Это сынъ! это сынъ! Что онъ думаетъ, на что надѣется, ни мать, ни отецъ не знаютъ. Молодое поколѣніе—сидитъ около женской юбки и только вздыхаетъ! Я ровно ничего не понимаю! Еще если бы какую-нибудь крестьянскую дѣвку завелъ, тогда...

— Избавь меня отъ своихъ грязныхъ соображеній,— остановила его жена, дѣлая брезгливую гримасу.

Въ ней вдругъ поднялось что-то противъ мужа.

— Ахъ, матушка, мы ужъ не ребята,—раздражительно проговорилъ Ломовъ:—и знаемъ, что не можетъ же такъ жить молодой человѣкъ двадцати четырехъ лѣтъ. Это наконецъ не только было бы смѣшно, но и нелѣпо. Я думаю, я тоже былъ молодъ...

Она въ волненіи встала и взглянула на него съ презрѣніемъ.

Digitized by Google

— Ты, кажется, намѣренъ разсказывать мнѣ о моихъ предшественницахъ?—сказала она, мѣряя его уничтожающимъ взглядомъ.—Я разъ и навсегда просила тебя не посвящать меня въ твою закулисную жизнь. Кажется, довольно того, что я всегда дѣлала и *дѣлаю видъ*, что я ничего не замѣчаю.

Въ ея голосѣ зазвучали укоряющія ноты. Она особенно подчеркнула слова *дѣлаю видъ*. Ѳеодоръ Романовичъ внезапно засуетился и растерянно, какъ пойманный школьникъ, началъ оправдываться:

— Мнѣ же не девяносто лѣтъ. Ты должна понять. Мы мужчины. И охота тебѣ вѣрить всякимъ сплетнямъ. Если я...

Она остановила его.

— Ты бы долженъ былъ подумать, что у насъ сынъ и дочь.

Она тоже заходила по комнатѣ, закуривъ папиросу. Потомъ отвернулась лицомъ къ окну, чтобы не видѣть мужа. Онъ казался ей противнымъ. Онъ, покусывая свои бѣловатые усы, смущенно толкался изъ угла въ уголъ. Что она знаетъ? Кто разсказалъ? Наконецъ, что-жъ тутъ такого, что онъ ѣздитъ на мельницу? Она же давно ему не жена. И сама виновата. Не желала имѣть болѣе дѣтей. Что-жъ, онъ не могъ такъ жить, соломеннымъ вдовцомъ. А теперь... Онъ взглянулъ искоса на жену: ея крупная, полная, обрюзглая фигура, въ обвисломъ капотѣ, вызвала на его лицѣ гримасу: неужели она была когда-нибудь хороша собою? Неужели онъ ее когда-то любилъ? Самъ не зная отчего, онъ усмѣхнулся глупою улыбкою, растянувшею его ротъ. Ему вспомнился цѣлый рядъ женщинъ до женитьбы, послѣ женитьбы. Наканунѣ свадьбы онъ порвалъ съ одною изъ нихъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы онъ вернулся къ ней и шутливо называлъ ей себя «блуднымъ сыномъ». Онъ готовъ былъ теперь засмѣяться вслухъ отъ прилива шаловливыхъ воспоминаній. «Однако, какъ я помолодѣлъ, какъ помолодѣлъ здѣсь въ деревнѣ», школьнически, весело мелькнуло въ его головѣ, и онъ бойко повернулся на каблукахъ, весело прищелкнувъ пальцами. Антонина Аркадьевна очнулась отъ своихъ думъ, слегка вздрогнувъ при этомъ стукѣ каблуковъ и щелканьи пальцами. Она обернулась и взглянула на мужа вопросительнымъ взглядомъ. Ѳеодоръ Романовичъ сконфузился, какъ мальчишка, отъ этого брошеннаго на него взгляда.

— Почему ты заговорилъ о Ромѣ?—спросила жена небрежнымъ и холоднымъ тономъ.

Digitized by Google

— А? О Ромѣ?—переспросилъ Ломовъ, точно упавъ съ неба.

— Ну да, ты же заговорилъ о его женитьбѣ,—напомнила она.

— Да, да,—произнесъ Ломовъ, оправляясь отъ игривыхъ представленій и отъ внезапнаго смущенія.—Все наше спасеніе теперь въ займѣ у Наташи извѣстной суммы денегъ. Такъ неловко же занять, пока она не невѣста. Будетъ объявлена невѣстой—тогда другое дѣло: все наше—ея. Притомъ деньги надо будетъ взять и ей на приданое. Это будетъ предлогъ.

— Опять долги! — воскликнула Антонина Аркадьевна, боявшаяся теперь ихъ, какъ огня.

— Какой же это долгъ?—удивился мужъ.—Ея состояніе—состояніе Ромы; наше имѣніе—ея имѣніе... тутъ все общее... Гдѣ же долгъ? Но надо ускорить, ускорить все это...

Ѳеодоръ Романовичъ опять увлекся и заговорилъ, какъ имъ нужны деньги. Но игривыя мысли ужъ не покидали его, и въ его головѣ все проносились чьи-то слова: «а матеріи на платье подаришь?» Потомъ показалось, что «осмѣлившійся» Аквилоновъ, хихикая, замѣчаетъ: «а она-съ бабенка веселая»; Ломовъ усмѣхнулся. Онъ заявилъ наскоро женѣ, что онъ завтра же поговоритъ съ Ромой, что ему стоитъ только лично взяться за дѣло, и оно тотчасъ же сладится. Антонина Аркадьевна заявила, что она умываетъ въ этомъ дѣлѣ руки, такъ какъ Рома способенъ даже за заботы о немъ сдѣлать сцену. Она даже со вздохомъ прибавила, что она не знаетъ, въ кого онъ вышелъ такимъ вульгарнымъ. Въ глубинѣ души она повторяла, что онъ въ отца. Она всю жизнь страдала отъ вульгарныхъ выходокъ его отца. Еще бы! заводилъ любовницъ Богъ знаетъ гдѣ. Вотъ и теперь. О, навѣрное о мельницѣ недаромъ говорятъ. Она сама своими ушами слышала. Наконецъ, чѣмъ объяснить его частыя отлучки? Недаромъ онъ такъ развязенъ въ послѣднее время. Вертится на каблучкахъ. Точно помолодѣлъ. А она? О, удѣлъ всѣхъ страдающихъ рано старѣть, рано сходить въ могилу...

На другой день утромъ Ѳеодоръ Романовичъ еще не успѣлъ переговорить съ Ромой съ глазу на глазъ, какъ Романъ куда-то исчезъ тотчасъ послѣ утренняго чаю. Анна Ѳеодоровна, не видя ни Наташи, ни брата, побродила по дому, глядя съ презрительными гримасами на его обстановку, казавшуюся ей теперь такой неприглядной, такой

Digitized by Google

жалкой, и, мечтая о предстоящей ей роскоши, рѣшилась поѣхать кататься на Мустафѣ III. Проѣзжая по дорогѣ шагомъ среди полей и луговъ, она думала, что скоро она вырвется изъ этой глуши. Путешествіе за границу, зимній сезонъ въ Петербургѣ: выѣзды и пріемы, салонъ съ блестящими представителями изъ высшихъ сферъ административной, умственной и художественной дѣятельности, все это, какъ въ калейдоскопѣ, проходило и мѣшалось въ ея воображеніи. Съ брезгливой и ироническій гримасой смотрѣла она на все окружающее ее, на этотъ міръ стоящихъ на низшей ступени развитія людей-животныхъ, неприглядныхъ и грязныхъ, въ горѣ и въ радости не пробуждавшихъ въ ней ничего кромѣ отвращенія. Этотъ народъ ей былъ такъ же чуждъ, какъ дикари какихъ-нибудь австралійскихъ острововъ.

На дорогѣ она встрѣтила брата. Онъ шелъ мрачный и погруженный въ думы, его лицо нервно подергивалось, какъ это у него бывало въ минуты сильной душевной тревоги. Она окликнула его.

— Ты откуда?—спросила она.

— Такъ... бродилъ,—отвѣтилъ онъ отрывисто.

— Я думала, ты съ Наташей.

— Нѣтъ.

— А она гдѣ?

— Почему я знаю,—рѣзко отвѣтилъ онъ.

Она пристально взглянула на него. Что случилось? Поссорились? Какъ же такъ? Изъ-за чего? Ей пришелъ на память Иволгинъ. Ужъ не туда ли ушла Наташа?

— Не къ Иволгинымъ ли пошла она?—спросила она и тотчасъ же прибавила:—Не хорошо, что она къ нимъ ходитъ во всякое время одна...

— Развѣ мы можемъ запретить? — отрывисто проговорилъ онъ.

— Не мы, а ты,—поправила сестра.—Ты ея женихъ и тебѣ вовсе не все равно, куда она ходитъ... Къ тому же Борисъ Николаевичъ способенъ на все...

Въ другое время Романъ вспылилъ бы и вступился бы за Иволгина. Теперь онъ промолчалъ.

— Онъ, кажется, очень искренно ненавидитъ всѣхъ насъ и очень нѣжно смотритъ на Наташу или на ея деньги, — продолжала она. — Я говорила въ субботу еще съ нимъ и поняла очень многое. Ахъ, бѣдный Рома, какъ грустно, что приходится вести борьбу съ подобными людьми.

Digitized by Google

Его лицо искажалось нервными гримасами.

— Не разсказывай ничего, я все самъ знаю! — отвѣтилъ онъ.

Онъ пошелъ прочь. Она продолжала прогулку. Странно! ее теперь вовсе не занимали ни Рома, ни Наташа, ни Иволгинъ. Она обмѣнялась нѣсколькими фразами съ братомъ, но ее вовсе не заинтересовали вопросы: точно ли Наташа у Иволгиныхъ? Дѣйствительно ли Иволгинъ хочетъ отбить ее у Ромы? Что будетъ съ Ромой, если Наташа измѣнитъ? Все это заслонялось однѣми мечтами о своемъ будущемъ, о близости бѣгства отъ всѣхъ этихъ людей, окружающихъ ее теперь. Что они ей? На что они ей? Никогда у ней не было ничего общаго съ ними. Правда, въ послѣднее время они какъ будто нѣсколько сблизились. Но вѣдь въ тюрьмѣ люди свыкаются съ пауками, тараканами, мышами, только бы избавиться отъ ужаса одиночества. Здѣсь тоже своего рода тюрьма...

Рома же шелъ по направленію къ своему дому. Его грудь тяжело дышала. Теперь ему стало ясно многое, что за минуту было еще смутно. Въ субботу сестра говорила съ Иволгинымъ. Вѣроятно, проговорилась о намѣреніяхъ его, Романа. Вчера Иволгинъ при Наташѣ со злобою старался затоптать его въ грязь. До этой поры онъ никогда не говорилъ съ нимъ такъ рѣзко и грубо. Онъ готовъ бы былъ убить его, Романа, чтобы овладѣть Наташей. Это очевидно. Вотъ грязный источникъ этого благороднаго порыва, этихъ безпощадныхъ обличеній! Мало ему того, что онъ самодовольный мѣщанинъ, онъ хочетъ отнять для себя послѣдній проблескъ свѣта у того, у кого нѣтъ ничего, кромѣ надежды на этотъ проблескъ. Безсердечный, сухой эгоистъ! Всѣ люди таковы! А Наташа? Да, она побѣжала вѣрно къ нему. Справиться, не умеръ ли онъ отъ дифтерита. Какъ же, подвергаетъ свою драгоцѣнную жизнь опасности! Рисуется своей любовью къ народу. А что ему народъ? Роману вспомнились всѣ мелочи вчерашняго вечера. Ревность охватила его всего. Ему казалось, что онъ скорѣе задушитъ Наташу, чѣмъ уступитъ ее. Воображеніе, вѣчно склонное къ преувеличеніямъ, рисовало мрачныя картины и еще болѣе усиливало бурю въ сердцѣ Ломова.

На минуту онъ не повѣрилъ своимъ глазамъ, увидавъ, что Наташа идетъ впереди него. Ему казалось, что онъ бредитъ. Нѣтъ, нѣтъ, это точно она. Идетъ ровной поступью. спокойная, счастливая. Видѣла его, своего друга,—

Digitized by Google

живъ, здоровъ — какъ же ей не быть счастливой? Сдѣлавъ усиліе, онъ нагналъ ее почти у самаго дома, запыхавшись на ходу.

— Ты куда ходила? — крикнулъ онъ, грубо хватая ее за руку.

Она вздрогнула отъ испуга и отшатнулась. Неожиданность была такъ велика, что было трудно не растеряться. Никогда еще не было съ ней ничего подобнаго. Онъ, какъ безумный, сдавливалъ ея руку.

— Что съ тобой! — проговорила она и рванула руку. — Ты съ ума сошелъ?

— Ну да, ну да! Сошелъ съ ума!—кричалъ онъ съ искажившимся лицомъ. — Но говори, гдѣ ты была? У Иволгиныхъ? Моя невѣста, моя будущая жена не имѣетъ права бѣгать къ постороннимъ мужчинамъ!

Онъ хотѣлъ опять стиснуть ея руку. Она отстранила его. Ея лицо было гнѣвно и сурово. Что съ нимъ? Какое право имѣетъ онъ кричать на нее? За что? Ужъ точно не сошелъ ли онъ съ ума?

— Я тебѣ могла бы не отвѣчать,—сказала она, смотря на него, какъ на безумнаго: — но я тебѣ отвѣчу. Я была не у Иволгиныхъ, а въ деревнѣ. Ты очень хорошо знаешь, что я тамъ бываю каждый день.

У него разомъ отлегло отъ сердца. Онъ почти съ сіяющимъ лицомъ шагнулъ къ ней. Она опять отстранила его.

— Но если бы я даже была у Иволгиныхъ, у Бориса Николаевича Иволгина, — продолжала она, отрывисто и въ волненіи произнося слова: — то я не простила бы тебѣ и тогда этой выходки. Слышишь!.. Я твоей матери разъ и навсегда сказала, что не позволю стѣснять мою свободу, и то же повторяю тебѣ... Я не преступница, и сторожей мнѣ не надо!.. Кто не вѣритъ мнѣ, тѣ мнѣ не друзья...

Она двинулась впередъ, чтобы уйти отъ него. Ее охватило волненіе. Ея грудь тяжело дышала.

— Наташа!—воскликнулъ онъ уже молящимъ голосомъ, идя за ней. — Наташа! Пойми ты, что я безумно люблю тебя! Что я ревную тебя ко всѣмъ. Вотъ у tante Бетси мнѣ только показалось, что за тобой ухаживаетъ Владиміръ, такъ у меня въ глазахъ потемнѣло. Вчера ты заплакала, испугавшись за Бориса, а во мнѣ все перевернулось... У меня же ты одна. На что мнѣ жить безъ тебя?.. Ну да, я безумецъ, безумецъ! Но вѣдь это любовь... Развѣ можно любить и не ревновать?

Digitized by Google

Она шла къ дому. Ея молодая грудь тяжело поднималась отъ волненія, отъ негодованія. Ей не хотѣлось ни объясняться съ нимъ, ни смотрѣть на него.

— Наташа, что же ты молчишь? Наташа!—молилъ онъ, точно безпомощный ребенокъ, тащась по ея слѣдамъ.

Она, какъ бы пересиливъ себя, на минуту остановилась и прерывающимся голосомъ произнесла.

— Ты бы хоть подумалъ о томъ, чего я стану ждать отъ нашего брака, если мнѣ уже теперь приходится переживать такія сцены?

И съ мимовольною безпощадной жестокостью женщины, сознающей приносимую ею жертву, она добавила:

— Или ты думаешь, что съ меня мало того, что ты будешь вѣчно жаловаться, вѣчно отравлять и мнѣ, и себѣ жизнь своими сомнѣніями?

Онъ отшатнулся отъ нея въ испугѣ. Ея слова отозвались въ немъ чисто физическою болью. Потомъ его охватила бѣшеная злоба.

— А, такъ ты уже предчувствуешь, что я отравлю тебѣ жизнь?—воскликнулъ онъ съ ѣдкою горечью.—Тогда зачѣмъ же идти за меня замужъ? Зачѣмъ было давать слово? Изъ состраданія, изъ сожалѣнія? Отдаешь жизнь, какъ подаяніе нищему? О, я не хочу никого губить, я не требую жертвъ! Бери назадъ свое слово, бери!

Она не обрадовалась, не опечалилась. Въ сердцѣ была одна тупая боль. Она сознавала, что еще минута, и онъ уже будетъ обнимать ея ноги, моля ее не брать назадъ слова, и хуже всего было сознаніе того, что она, любя другого—она уже вполнѣ понимала это—будетъ не въ силахъ взять назадъ свое слово. Съ озлобленнымъ и гнѣвнымъ Ромой она могла бороться, могла быть суровой до жестокости; его дѣтски безпомощныхъ слезъ она не могла видѣть, чтобы не поддаться на нихъ. Она на минуту закрыла глаза рукою, точно не желая видѣть ни его, ни свѣта дня, ни дома, куда входила. Ей все опостылѣло здѣсь, хотѣлось только бѣжать, бѣжать. За нею послышался молящій, точно рыдающій голосъ:

— Наташа! Наташа!

Она услышала эту дѣтскую мольбу, эти рыданія въ голосѣ и, какъ подкошенная, опустилась на ступени лѣстницы, ведущей во второй этажъ Ломовскаго дома, обезсилѣвшая, безпомощная.

— Господи! Чего ты хочешь отъ меня! — воскликнула

Digitized by Google

она, тихо плача. — Жизнь хочу посвятить теперь тебѣ, а ты хочешь, чтобы она была еще отравленною! Это жестоко, жестоко!

Онъ уже цѣловалъ ея руки, припадалъ головой къ ея колѣнямъ.

Она безсознательно гладила его волосы, какъ мать, гладящая по головкѣ своего больного ребенка. Она думала теперь только о томъ, что его, несчастнаго, искалѣчили люди, обстоятельства, судьба, а она, сильная и здоровая, наперекоръ имъ всѣмъ спасетъ его, сдѣлаетъ полезнымъ человѣкомъ. Самолюбивыя и самонадѣянныя мечты молодости взяли на минуту верхъ надъ всѣми остальными чувствами и соображеніями. А тотъ, Иволгинъ? Что-жъ, вѣдь и онъ жертвуетъ собою людямъ. Она, подобно ему, пожертвуетъ собою этому больному человѣку. Справится ли она со своею задачею? Да, у нея много силы, здоровья, энергіи. И развѣ можетъ быть такой нравственно больной человѣкъ, чтобы нельзя было помочь ему въ эти годы?.. Это были молодыя мечты о томъ, чего еще не испыталъ человѣкъ. Подвигъ, невѣдомый еще покуда, казался по силамъ. Иволгинъ ей еще не сказалъ «люблю», и она думала, что она сохранитъ къ нему всю жизнь то же чувство, какое питаетъ къ нему теперь, — восторженное обожаніе, безмолвное благоговѣніе. Вѣдь питали же такія чувства юныя дѣвушки къ великимъ подвижникамъ христіанства? Вѣдь обожали же такъ молодыя дѣвушки великихъ героевъ?.. Это была любящая дѣвушка-ребенокъ; любимая женщина еще не просыпалась въ ней...

Послѣ обѣда Ѳеодоръ Романовичъ прошелъ въ комнату сына. Романъ, уже совершенно успокоившійся, лежалъ по обыкновенію на постели и мечталъ. Въ послѣднее время онъ какъ-то особенно пристрастился къ этому сладкому бездѣлью лежа. Приходъ отца заставилъ его очнуться отъ грёзъ и лѣниво подняться съ постели.

— Мнѣ нужно переговорить съ тобою,—началъ Ѳеодоръ Романовичъ, ходя по комнатѣ.

Рома удивился. О чемъ? Что случилось? Онъ такъ рѣдко говорилъ съ отцомъ.

— Такъ жить въ твои годы нельзя, мой милый, — развязно и дружески началъ Ѳеодоръ Романовичъ. — Это ненормально!

Рома немного покраснѣлъ и сталъ защищаться.

— Я думаю, ты знаешь, что я не по своей волѣ такъ

Digitized by Google

живу. Меня не возьмутъ теперь никуда на службу... по крайней мѣрѣ теперь...

Ѳеодоръ Романовичъ перебилъ его.

— Я не о службѣ! Слава Богу, ты и безъ службы можешь прожить. Все это пустяки!.. Я насчетъ твоей внутренней жизни. Я понимаю, что въ Петербургѣ гдѣ-нибудь иные остаются и всю жизнь холостяками. Знаемъ мы, что это значитъ! Но здѣсь, въ твои годы, такъ нельзя жить. Развѣ, какъ Коля, заведешь интрижку съ какой-нибудь коровницей...

Онъ засмѣялся смѣхомъ легкомысленнаго юноши. Рому покоробило отъ этого мальчишества отца.

— Для интрижекъ, я думаю, не въ однѣхъ коровницахъ найдется матеріалъ,—коротко замѣтилъ Романъ.

Отецъ мелькомъ взглянулъ на него, прищуривъ одинъ глазъ. Развѣ и онъ знаетъ о мельницѣ? Чортъ возьми, какъ здѣсь все скоро узнается! Что-жъ, онъ не ребенокъ, онъ понимаетъ, что это такъ естественно.

— Конечно, конечно!—согласился онъ.—Но все это не то, не то... Это шалости, а не любовь... Тебѣ нужно бы сдѣлать приличную партію... жениться... Что ты думаешь, напримѣръ, о Наташѣ.

Лицо Ромы опять покрылось румянцемъ. Ему было больно и обидно, что отецъ упомянулъ о Наташѣ.

— Вы оба молоды, находитесь всегда вмѣстѣ, естественно, что вы можете полюбить другъ друга, — продолжалъ Ѳеодоръ Романовичъ.—Она дѣвушка хоть куда... здоровая, краснощекая.

Рома оборвалъ его, не выдержавъ и желая предупредить какія-нибудь пошлости.

— Я и женюсь на ней.

Ѳеодоръ Романовичъ не ожидалъ такого короткаго и опредѣленнаго отвѣта. Онъ обрадовался, остановился передъ сыномъ, глядя на него широко открытыми глазами.

— Да? Отлично!—заговорилъ онъ скороговоркой, потирая руки. — Что-жъ ты скрытничалъ? Это превосходно, двѣ свадьбы разомъ!

Онъ дружески протянулъ сыну руку.

— Ты не можешь представить, какъ это кстати!

Онъ опять заходилъ по комнатѣ быстро, въ радостномъ волненіи.

— Надо только торопиться! Я тебѣ долженъ сказать, что этотъ бракъ сильно выручаетъ насъ. Да, выручаетъ! Мы

Digitized by Google

вѣдь все еще не вполнѣ встали на ноги. Расходы, расходы и расходы въ настоящемъ, а доходы только въ будущемъ. Ты можешь представить, что мнѣ въ послѣдніе дни уже пришлось занять черезъ Шершова тысячу рублей и, конечно, за адскіе проценты. Здѣсь вѣдь не въ Петербургѣ, здѣсь труднѣе добыть деньги и притомъ въ концѣ лѣта. — На минуту онъ остановился и мелькомъ замѣтилъ:—кстати, не говори объ этомъ матери. Она не знаетъ.

Онъ передернулъ пренебрежительно плечами и заходилъ снова по комнатѣ, говоря:

— Эти женщины вѣчно себѣ создаютъ разные ужасы. А того не хотятъ знать, что надо же жить на что-нибудь. Ѣсть, пить, одѣваться—это ихъ дѣло; откуда мужья должны добывать деньги на все это — это до нихъ не касается. Женская логика!.. И чего тутъ ужасаться? Точно какой-нибудь долгъ въ тысячу рублей начало конца... Но старикъ Шершовъ разсмѣшилъ меня, до слезъ разсмѣшилъ! Прошу у него тысячу рублей — говоритъ: нѣтъ. «Есть, говоритъ, двѣсти рублевъ. Возьми ихъ и выкрутись». Прелестно! Это «выкрутись»—одинъ восторгъ! Мнѣ нужна тысяча, а онъ совѣтуетъ взять двѣсти и выкрутиться. «За что, говоритъ, проценты-то тебѣ жидовскіе давать, я-то, говоритъ, такъ тебѣ дамъ». Милѣйшій старикъ! Онъ мнѣ такъ даетъ! Я, видишь ли, его баринъ, и потому онъ мнѣ такъ даетъ! Насилу уговорилъ его достать за какіе бы то ни было проценты. Ну, конечно, раздобылъ... Но что значитъ тысяча рублей? Теперь нужны затраты на приданое Нинѣ, на пріемы. Нельзя же передъ свадьбой не сдѣлать пріемовъ гостей.

Онъ ходилъ юношески бодро по комнатѣ, ворочаясь на каблукахъ и весело болтая. Такимъ безпечно веселымъ и развязнымъ онъ бывалъ въ лучшіе годы своей юности. Онъ казался и поздоровѣвшимъ, и помолодѣвшимъ. Его лицо было менѣе прежняго желто и уже слегка окрашивалось румянцемъ. Убавилось желчи, прибавилось крови. Рома ничего не понималъ, для чего отецъ все разсказываетъ ему.

— Но я не понимаю, при чемъ тутъ моя женитьба?— спросилъ онъ наконецъ.

— Какъ при чемъ?—удивился Ѳеодоръ Романовичъ, озадаченный вопросомъ сына. — У Наташи есть капиталъ. Взять въ долгъ теперь у нея—нѣтъ, спасибо, я уже знаю, что значитъ путаться въ долгахъ. Я могу перехватить тысячу рублей на два—на три мѣсяца, но путаться въ дол-

Digitized by Google

гахъ — благодарю покорно. Но разъ твой союзъ съ Наташей — дѣло рѣшенное, мы можемъ взять у нея изъ капитала необходимую сумму денегъ. Это уже не засмъ: имѣніе въ сущности твое, а значитъ и ея; деньги, взятыя у нея, такъ или иначе вернутся къ ней же.

Онъ взялъ сына подъ руку, не замѣчая хмураго выраженія его лица, и началъ пояснять далѣе:

— Я очень, очень радъ, что вы полюбили другъ друга и что вашъ бракъ заключается не по расчету. Грѣшный человѣкъ, я мечталъ объ этомъ бракѣ даже и тогда, когда не зналъ, чѣмъ все кончится. Хотѣлъ даже поговорить съ тобою, но какъ-то не удалось. Это и къ лучшему. Понимаешь, все же тутъ есть извѣстная... извѣстная... ну, поэзія, что ли... когда любишь, не думая о деньгахъ...

И, интимничая, трепля сына по плечу, онъ спросилъ не безъ шаловливаго лукавства:

— Это твоя болѣзнь помогла? Да? Понимаю! понимаю! Книги вмѣстѣ читали? Ха-ха! Книги читали!

Рома хотѣлъ что-то возразить, охваченный гадливымъ чувствомъ. Ѳеодоръ Романовичъ перебилъ его:

— Знаю, знаю! Не конфузься! Я тоже читывалъ съ барышнями книги! Мой другъ, любовь вѣчно старая, вѣчно новая исторія! Ахъ, ахъ, это все повторяется!.. Я такъ и думалъ, что это чтеніе книгъ во время болѣзни лучшій путь къ сближенію! А то, признаюсь, я начиналъ нѣкоторое время побаиваться за тебя. Право! Тутъ Володька что-то очень началъ засматриваться на нее. Помнишь, тогда, на обѣдѣ? Эти Кожуховы вѣдь совсѣмъ животныя по натурѣ. Она кругленькая, кровь съ молокомъ—имъ это и нужно... Потомъ Борисъ Николаевичъ книжки тутъ сталъ съ чувствомъ при ней читать. Дѣвочкѣ не трудно вскружить голову. Онъ же не глупъ, красивъ, статенъ... О, знаю я эти женскія натуры!.. Ты же—а! я долженъ тебѣ это сказать! немного вялъ, киселъ. Да, да! Не споры! Не сердись. О, ты не въ меня! Я бралъ все съ бою! И вѣрь мнѣ, не случись этой болѣзни—ты бы еще не сразу завоевалъ призъ! Нѣтъ, нѣтъ! Но, къ счастію, все сладилось само собою. Душевно радъ за тебя. Поздравляю!.. И что же, очень она тебя любитъ? Да?

Онъ дружески потрепалъ по плечу сына, подмигивая ему однимъ глазомъ, какъ бы вызывая на откровенность, на объясненіе подробностей.

Романъ нѣсколько разъ порывался оборвать, остановить отца и чувствовалъ, что его что-то давитъ, угнетаетъ. Онъ

Digitized by Google

еще не давалъ себѣ отчета, что его смущаетъ: пошлый тонъ отца, сальные намеки, новыя точки зрѣнія на обсуждаемый фактъ; онъ чувствовалъ только, что онъ чѣмъ-то возмущенъ и не можетъ разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ. Ему стало бы легче, если бы онъ могъ вспылить, загорячиться, но этого не было—одна подавленность охватывала его душу. Отецъ заговорилъ опять:

— Только какъ ты хочешь, чтобы мы сдѣлали. Кто переговоритъ съ нею о деньгахъ: ты, я или мать? Это какъ тебѣ кажется удобнѣе?

Рома очнулся.

— Я вовсе не думалъ объ этомъ,—проговорилъ онъ.

Ѳеодоръ Романовичъ загорячился.

— Да ты пойми, что это необходимо! Необходимо теперь же, не сегодня, такъ завтра! Мы совсѣмъ на мели. Надняхъ весь уѣздъ—что я говорю!—вся губернія узнаетъ, что Апухтинъ женится на Нинѣ, пріѣдутъ поздравлять, нужны обѣды, придется самимъ выѣзжать, понадобится приданое. У насъ ничего, ничего буквально нѣтъ!

Онъ торопливо заходилъ по комнатѣ, горячась и волнуясь.

— Нельзя же кое-какъ все устроить, да и на это кое-какъ нѣтъ денегъ. Наконецъ, позволь, позволь: ты тоже женишься? Да? Вѣдь пріѣдутъ и ради тебя съ визитами, съ поздравленіями? Вѣдь и Наташѣ надо будетъ шить приданое? Вѣдь не пойдете же вы такъ завтра въ церковь, какъ къ обѣднѣ, вѣнчаться...

Романъ смотрѣлъ какъ-то разсѣянно на дворъ, остановившись у окна. По двору шмыгала прислуга, бродило двѣ пары куръ, въ растворенномъ сараѣ мальчишка-подростокъ чистилъ забрызганный грязью экипажъ. Начинало вечерѣть, и сквозь теплый воздухъ съ запада проплывали свѣжія и сыроватыя струйки. Осень приближается. Дни дѣлаются все короче и короче, меньше свѣта, больше тьмы. Скоро станутъ спадать листья. Все начнетъ мертвѣть и застывать. Настанетъ зима и—конецъ жизни...

— Какъ же ты надумалъ?—послышался вопросъ надъ ухомъ Ромы.

Романъ вздрогнулъ. Онъ ничего не надумалъ, потому что онъ вовсе и не думалъ именно о томъ, о чемъ надо было думать. Какъ же это такъ? Что съ нимъ дѣлается? Въ душѣ нѣтъ ни волненья, ни гнѣва, ощущается просто подавленность. Онъ разсѣянно отвѣтилъ, желая только отдѣлаться отъ отца:

Digitized by Google

— Надо подождать... Завтра, послѣзавтра рѣшимъ... Я скажу...

Отецъ что-то опять заговорилъ, горячо доказывая необходимость скорѣе ковать желѣзо, подбадривая сына, пошличая. Рома сталъ искать шляпу.

— Ты куда?—спросилъ отецъ.

— Такъ пройтись...

Они простились.

Рома вышелъ изъ дома, пошелъ безцѣльно впередъ. Въ головѣ хаотически проносились отрывки мыслей, какъ тучи, гонимыя и разрываемыя бурей. Этотъ бракъ ихъ устраиваетъ. Взять деньги, чтобы задавать обѣды, дѣлать приданое для Нины. Потомъ взять еще и еще, безъ конца, покуда есть что брать. Обобрать все, потомъ заложить имѣніе. Проѣсть и это. Затѣмъ опять нищета. Нищета не однихъ ихъ, а и Наташи съ мужемъ-тунеядцемъ... Иволгинъ это сказалъ, что онъ тунеядецъ? А! онъ радъ бы растоптать его, Рому, какъ червяка! Что значитъ для человѣка человѣкъ, когда на карту поставлено личное счастье? А она — кого она любитъ? Его, Рому? Или того, Иволгина? «Жизнь тебѣ отдаю, а ты хочешь еще, чтобы она была отравленною». Не любитъ, не любитъ она! Не умѣетъ любить! Всѣ они, здоровые люди, — жестокіе люди. Теперь еще придти къ ней и сказать: «дай денегъ, онѣ нужны для сестры». «А, такъ вотъ почему, скажетъ, ты сватаешься за меня». Отъ нея можно этого ждать: у нея нѣтъ сердца; она ласкаетъ и голубитъ, но это минуты вспышекъ. Жаль отогнать пинкомъ собачонку, когда та визжитъ. И соглашалась замужъ выйти, потому что онъ былъ нездоровъ. Какъ отецъ сказалъ: «это твоя болѣзнь васъ сблизила; такъ ты бы ничего не добился». Правда, правда! Вчера сказала: «а ты ни за кого не боишься, ни за враговъ, ни за друзей». Сколько холодной злобы было въ голосѣ. А сегодня... Что она говорила сегодня? Попрекнула, что приноситъ жертву. Развѣ она, развѣ вообще всѣ они, эти самодовольные люди, способны на жертвы? Примирились съ жизнью, принимаютъ жизнь, какъ она есть! Грязь, молъ, кругомъ, ну, и надо купаться въ грязи. Борьба за существованіе, ну, и перегрызай другъ другу горло...

Чей-то звонкій и молодой женскій голосъ съ визгливымъ хохотомъ крикнулъ:

— Отвяжись, лѣшій!

Digitized by Google

— Не отпущай, Митюха, не отпущай!—крикнули другіе тоже молодые, но мужскіе голоса.

— Не поддавайся, Марья, не поддавайся! — звонко и визгливо поощряли свою подругу молодыя дѣвушки.

— Да полноте вы, озорники, умаяли дѣвку! — вмѣшался старушечій голосъ.

Подъ этотъ говоръ Романъ какъ бы пробудился отъ сна. Онъ осмотрѣлся: онъ шелъ по деревнѣ, кое-гдѣ сидѣли группы мужиковъ и бабъ, гдѣ-то слышались звуки гармоники, пѣсни и смѣхъ деревенской молодежи съ фабрики. Мягкія лѣтнія сумерки уже спустились на землю, окутывая все фантастическимъ полусвѣтомъ. Еще немного и должна была воцариться тьма. Въ природѣ было все спокойно, безмятежно, тихо. Отдыхающій отъ тяжелой дневной работы народъ, неприглядный, бѣдный, оборванный, казался тоже невозмутимо спокойнымъ, почти довольнымъ. Ломову внезапно стало жутко; его охватило горькое сознаніе одиночества. И люди, и стремленія, и образъ жизни, все здѣсь было чуждо ему. Онъ лѣниво и вяло сталъ думать: какъ онъ зашелъ сюда? о чемъ думалъ? Изъ сознанія исчезъ весь промежутокъ времени, прошедшій съ той минуты, какъ онъ разстался съ отцомъ. Онъ тревожно потиралъ свой лобъ, вспоминая передуманное имъ по дорогѣ. Ничего не вспомнилось. Какъ же это такъ? Вѣдь онъ что-то соображалъ, обдумывалъ? Ужъ не сходитъ ли онъ съ ума? Его вдругъ всего охватилъ страхъ: но это былъ не серьезный страхъ при мысли о сумасшествіи, а дѣтскій малодушный страхъ при мысли: «Что же я завтра скажу отцу?»

— Что это вы, Романъ Ѳеодоровичъ, все въ меланхоліи обрѣтаетесь?—послышался знакомый Ломову робкій и вкрадчивый голосъ.

Онъ оглянулся: предъ нимъ стоялъ Аквилоновъ...

Digitized by Google

КНИГА ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

На дворѣ стоялъ пасмурный день. Надъ землей медленно ползли свинцовыя облака, моросилъ мелкій спорый дождь, напоминавшій объ осени. Былъ еще августъ, но въ эту сѣренькую погоду казалось, что наступаетъ уже конецъ сентября. Кое-гдѣ на дворѣ уже валялись желтые листья, занесенные изъ сада вѣтромъ и прибитые дождемъ къ землѣ. Стекла большихъ венеціанскихъ оконъ портретной галлереи ломовскаго дома были покрыты, какъ бы слезами, дождевыми каплями. Эти капли дрожали, сливались вмѣстѣ, скользили по стекламъ длинными струйками. На дворѣ было безлюдно, пусто. Даже куры и тѣ забрались куда-то подъ крышу и присмирѣли; отряхивая мокрыя перья и ежась какъ бы отъ холода, онѣ усаживались въ излюбленныя ямки, вырытыя ими въ землѣ, и на цѣлые часы замирали въ однѣхъ и тѣхъ же позахъ. Только въ каретномъ сараѣ шла торопливая работа; тамъ мальчикъ-подростокъ и кучеръ запрягали лошадей въ экипажъ, поплевывали на руки и затягивали ремни. Въ домѣ тоже происходила суета, было слышно хлопанье дверей, раздавались чьи-то поспѣшные шаги, кто-то торопилъ кого-то: «барину пальто вычисти», «во-время не могли сдѣлать, а то на охоту идти, такъ и собакъ кормить», «неси ротонду барышнѣ», «поворачивайся же, господа ждутъ». Очевидно, тутъ шли сборы къ отъѣзду куда-то.

Романъ, исхудалый и блѣдный, съ обведенными синими кругами и ввалившимися глазами, точно онъ вынесъ долгую и тяжелую болѣзнь, ходилъ въ раздумьѣ взадъ и впередъ по галлереѣ; въ его движеніяхъ не было обычной торопли-

Digitized by Google

вости, выраженіе лица было спокойно, почти вяло, какъ у человѣка усталаго; иногда онъ останавливался передъ портретами предковъ со стороны отца и матери и подолгу всматривался въ нихъ, какъ бы стараясь уловить въ ихъ чертахъ что-то такое. чего онъ не замѣчалъ въ нихъ прежде—общія черты съ собою, съ отцомъ, съ матерью. Постоявъ передъ однимъ портретомъ, онъ медленно отходилъ отъ него съ какой-то гримасой на лицѣ, ходилъ снова взадъ и впередъ по галлереѣ, потомъ, какъ бы случайно, останавливался передъ другимъ портретомъ, взглядывался въ него и отворачивался снова. Нѣтъ, онъ ничего не находилъ общаго между ними и собой; ничего не наслѣдовалъ онъ отъ этихъ чисто животныхъ, толстыхъ, самодовольныхъ физіономій. Жили эти люди полною животною жизнью, вскормленные и вспоенные крѣпостнымъ трудомъ, на всемъ готовомъ, гоняясь только за отличіями и чинами ради удовлетворенія своего честолюбія и отдаваясь всецѣло всѣмъ капризамъ и причудамъ ради удовлетворенія своихъ страстей и похотей. Они, владѣльцы сотенъ и тысячъ крѣпостныхъ душъ, могли такъ жить, могли пальца о палецъ не стукнуть и не умереть съ голода. За нихъ и для нихъ работали другіе. Давно прошли тѣ времена, когда можно было такъ жить. Настала иная пора, но еще не освоились съ ней, не приноровились къ ней люди. Онъ, Романъ, не можетъ такъ жить, какъ жили его предки, хоть бы онъ и хотѣлъ; теперь волей-неволей приходится много и упорно работать или погибнуть, въ концѣ концовъ, съ голода, какъ едва не погибла его семья, не умѣвшая работать. Какъ жалка и безпомощна была она въ роковые дни разоренія. Послѣдній невѣжественный крестьянинъ нашелъ бы въ ея положеніи исходъ, средство прокормиться, она не нашла ничего; она только пыталась жить на чужой счетъ, христарадничать. Мало того, она не умѣла даже распоряжаться и тѣмъ, что у нея было. Она и теперь стоитъ на краю пропасти, потому что не умѣетъ работать и распоряжаться имѣющимся въ рукахъ—имѣнье въ ея неумѣлыхъ рукахъ растаетъ, какъ ледъ весною, расплывется по чужимъ рукамъ. Оно, это имѣнье, уже начинаетъ таять: тутъ проданъ участокъ лѣса на срубъ, тамъ перехвачена тысяча, а можетъ-быть, и больше изъ будущихъ доходовъ, далѣе совершается продажа еще чего-то,—Романъ не интересуется, что продаютъ, но онъ чуетъ, что имѣніе таетъ и таетъ.

— Всѣхъ ждетъ теперь, въ наше время, этотъ конецъ,

Digitized by Google

кто не умѣетъ работать,—шепталъ онъ мрачно.—Но какъ работать? что дѣлать? Идти по дорогѣ Кожуховыхъ, сдѣлаться помѣщикомъ-чернорабочимъ, помѣщикомъ-кулакомъ? Взяться за земскія дѣла, подобно хлыщу Рѣпнину, ничего не зная, ни о чемъ не думая, опекая не просящаго опеки мужика за столько-то ежегоднаго содержанія? Вступить на путь юриста, сознавая, что лжешь, и на мѣстѣ прокурора, обвиняющаго всѣхъ и каждаго, во что бы ни стало, и на мѣстѣ адвоката, обѣляющаго всѣхъ и за все, тоже во что бы то ни стало? Учить дѣтей мужика безъ твердаго убѣжденія, что ему нужна эта полуграмота по привилегированнымъ установленнымъ программамъ, по составленнымъ безъ его спроса консерваторами или либералами теоріямъ?

Ему вспомнились различныя поприща труда и ни одно изъ нихъ не возбуждало сочувствія, не манило къ себѣ, не пробуждало одушевленія. Сомнѣнія и отрицанія выдвинулись прежде всего на первый планъ и охлаждали всякіе порывы. Откуда въ немъ это настроеніе? Это духъ времени, ничѣмъ недовольнаго, ничѣмъ не увлекающагося, лишеннаго вѣры и идеаловъ, опустившаго руки въ унынiи и апатіи. Старые кумиры сброшены съ пьедесталовъ; новые еще не созданы. Молитвословіе смолкло и смѣнилось кощунствомъ. Только въ такое смутное время и могли явиться теоріи, отрицающія необходимость науки, искусствъ, прогресса, цивилизація и проповѣдующія одни лапти, посконь, сермягу: произведенія искусства—то же, что развратъ и обжорство; судъ—мы не имѣемъ права судить, потому что сами мы не знаемъ правды; бороться со зломъ—у насъ нѣтъ и на это права, а есть только право подставлять другую щеку, когда насъ ударили уже по одной; чтобы не быть воромъ и убійцей—нужно сдѣлаться нищимъ; чтобы не быть несправедливымъ—нужно дойти до смиренія водовозной клячи; не требовать ничего, не протестовать ни противъ чего, не бороться ни съ чѣмъ и смириться, смириться, смириться до обезличенія!

Романъ сжалъ руками голову.

— Все это просто, все это такъ сверхчеловѣчно!

Въ его памяти воскресли слова: «раздай нищимъ имѣніе свое», и тутъ же, какъ горькій и роковой приговоръ, прозвучала фраза: «человѣку это невозможно, а Богу возможно».

— Что же и толковать о томъ, что невозможно человѣку? Это праздныя рѣчи, безсодержательные совѣты! Но какъ же жить, что дѣлать, если сердце не лежитъ ни къ чему, если въ душѣ какая-то страшная пустота?

Digitized by Google

Предки его ни о чемъ этомъ не разсуждали, не мучились этимъ, скользили по этимъ вопросамъ. Это не они ему дали, это навѣяли измѣнившіяся условія жизни. Это перешло къ нему даже и не отъ отца съ матерью, такъ какъ они никогда не мучились никакими сомнѣніями, жили съ легкимъ сердцемъ.

— Но и не дѣлали тоже ничего,—закончилъ онъ мысленно и сдвинулъ брови.

— Отчего?

Онъ остановился передъ портретомъ бабки со стороны матери. Его внезапно поразило сонное, тупое выраженіе этихъ глазъ, тусклыхъ, стеклянныхъ. Такъ иногда смотритъ его мать, когда она сидитъ у окна, ничего не дѣлая, вялая и апатичная, съ висящими около щекъ непричесанными сухими прядями волосъ, въ утренней повисшей на ней, какъ мѣшокъ, широкой блузѣ.

— Прикрываешь барскую лѣнь покровомъ пессимизма,— вспомнились ему слова Иволгина.

Ломовъ даже не разсердился на Иволгина при этомъ воспоминаніи. Ему, казалось, теперь было все равно, кто и что о немъ говоритъ. Онъ просто вспомнилъ слова Бориса Николаевича и сталъ думать о нихъ такъ, какъ будто они были сказаны не о немъ. Неужели Иволгинъ правъ? Неужели онъ, Рома, ничего не наслѣдовалъ отъ предковъ, кромѣ ихъ восточной лѣни? Неужели онъ ничего не дѣлаетъ не потому, что въ каждой дѣятельности онъ видитъ только сдѣлки со своею совѣстью, а только потому, что ему лѣнь дѣлать что-нибудь.

Онъ опять неторопливо, усталой походкой, заходилъ по галлереѣ, раздумывая, доискиваясь. Да, лѣнь у нихъ въ роду: сестра, отецъ, мать, всѣ въ сущности ничего не дѣлаютъ, не умѣютъ дѣлать, не хотятъ дѣлать. Въ памяти вынырнула случайно фраза Геліотропова «неприспособленныя головы». Да, да, неприспособленныя къ упорному труду: жили вѣчно на чужой счетъ, на содержаніи у крестьянъ, обстоятельства столкнули на путь самостоятельнаго добыванія хлѣба,—и они оказались неприспособленными. Скорѣе по-міру пойдутъ, честь и совѣсть продадутъ, чѣмъ примутся за упорный, неустанный трудъ.

Онъ вспомнилъ одну исторію падшей женщины: онъ съ этой женщиной познакомился во дни своего перваго, мелкаго и дешеваго развратца въ Петербургѣ. Она, немного выпивъ, жаловалась на свое растреклятое житье: «Съ кѣмъ, съ кѣмъ

Digitized by Google

ни приходится сходится; чего, чего ни приходится выносить; иной не то, что ласковаго слова не скажетъ, а норовитъ изувѣчить».—«Что же она не займется чѣмъ-нибудь?»—«Да, нешто тоже сладко горбъ гнуть надъ работой».—Вотъ логика, вотъ нравственность праздности!.. По его лицу скользнула усмѣшка. Мать и отецъ жили на счетъ Маремы Власьевны, а дѣла все-таки не дѣлали. Сестра попробовала работать, но это было не желаніе заработать хлѣбъ, а желаніе «совершить подвигъ» и бѣжать изъ дому отъ скуки. Она сама откровенно сознавалась ему въ этомъ. Трудъ изъ-за денегъ, упорный трудъ былъ ей противенъ, какъ что-то унизительное. Онъ въ университетъ пошелъ, чтобы спастись отъ обязательнаго канцелярскаго труда; вмѣсто посѣщенія лекцій посѣщалъ какіе-то кружки, гдѣ вмѣсто дѣла шла болтовня, читалось мало, спорилось много.

Онъ всматривался въ лицо бабки съ иронической улыбкой.

— Вотъ оно, это лѣнивое животное, влившее отраву въ нашъ родъ.

Глаза глядятъ какъ бы спросонья — ни мысли, ни огня, ни доброты, ни злобы нѣтъ въ нихъ; а сколько мяса въ этой фигурѣ—и сколько выставлено его на показъ, точно оно и только оно играло роль въ жизни этого существа.

— Женщина гарема, женщина спальни, женщина постели!

Онъ стоялъ передъ ея портретомъ и глумился, надругался надъ нею, холодно и ядовито осыпая ее площадною бранью, какъ послѣднюю падшую женщину, какъ уличную непотребную проститутку. Его тѣшило это, точно она слышала его брань, его издѣвательство, его упреки. Что-то близкое къ помѣшательству было въ этомъ порывѣ бѣшенства.

Вдругъ его брови сдвинулись, онъ отвернулся отъ портрета бабки и остановился передъ окномъ, пораженный внезапно случайной тяжелой мыслью:

— Если это наслѣдственное — значитъ спасенья нѣтъ? Отъ привычекъ можно избавиться; отъ наслѣдственности никуда не убѣжишь, не спасешься. Она—это плоть и кровь; она заткана въ насъ, какъ бываютъ затканы узоры въ тканяхъ; уничтожьте эти узоры и вы разрушите всю ткань. Связь наслѣдственности съ организмомъ—роковая связь. Да на что же теперь спасеніе?

Онъ горько усмѣхнулся, точно его лицо подернулось конвульсіями...

— А я тебя искала! — раздался неожидано позади его гармоничный и мягкій голосъ Анны Ѳеодоровны.

Digitized by Google

Онъ вздрогнулъ и обернулся: передъ нимъ стояла сестра, нарядная, красивая, сіяющая сознаніемъ своей красоты. На ней было сѣрое платье, блестящее, какъ полированная сталь; ослѣпительно бѣлыя кружева охватывали шею и руки. Поверхъ платья была накинута черная бархатная тальма на сѣрой атласной подкладкѣ, съ такой же подкладкой въ сборчатомъ клокѣ. Отъ нея вѣяло ароматомъ тонкихъ духовъ. Ея лицо, теперь вполнѣ спокойное, было изумительно прекрасно, точно оно преобразилось. Это было лицо греческой богини, невозмутимое и ясное, не носящее слѣдовъ мелочныхъ заботъ и будничныхъ тревогъ. Казалось, она стояла теперь выше всего этого, смотря холодными и равнодушными глазами на людей-муравьевъ, снующихъ и роющихся озабоченно въ пыли и въ грязи ради дневного пропитанія. Они могли возбуждать въ ней жалость и брезгливость, но они уже не могли смущать ея покоя, нарушить ея душевной гармоніи. Она сознавала, что теперь она уже можетъ во всякую данную минуту отвернутся отъ нихъ. Сознавать возможность этого — это значитъ быть счастливой. Люди не нужны—что же можетъ быть выше этого счастья?

— Ты такъ и рѣшилъ не ѣхать?—спросила она брата.

— Да, не ѣду!—отвѣтилъ онъ.

— Что за охота обрекать себя на скуку!

— А тамъ, ты думаешь, мнѣ было бы веселѣе?

Она чуть-чуть пожала плечами, натягивая длинныя, сѣрыя перчатки.

— Конечно, не было бы веселѣе, если ты носишь въ самомъ себѣ скуку!—разсѣянно отвѣтила она и слегка вздохнула.—Ахъ, Рома, Рома, ты самъ губишь себя. Такъ жить нельзя.

Она понизила голосъ и съ снисходительной заботливостью спросила его:

— У тебя что-то произошло съ Наташей? Да?

— Ничего,—отвѣтилъ онъ коротко.—Я просто понялъ, что она мнѣ не пара...

— Ты порвалъ съ нею? Не можетъ быть!

— Не порвалъ, а просто само собою все порвалось... Впрочемъ, и порываться было нечему тамъ, гдѣ не было связи...

Онъ усмѣхнулся, видя, что сестра смотритъ на него грустнымъ взглядомъ.

— Но ты ошибаешься, если думаешь, что это очень печалитъ меня,—проговорилъ онъ небрежно.—Никогда мы не

Digitized by Google

любили другъ друга и были бы очень несчастны, если бы поженились...

Она пожала плечами:

— Ничего не понимаю!

— Понять же вовсе не трудно. Это было минутное взаимное недоразумѣніе. Вотъ и все.

Въ эту минуту изъ каретнаго сарая выѣхалъ экипажъ и подъѣхалъ къ крыльцу. Въ коридорѣ послышался голосъ Ѳеодора Романовича, спрашивавшій, гдѣ Анна Ѳеодоровна. Неужели еще не одѣлась? О, эти женщины! Одѣваются цѣлый часъ! Всегда нужно ихъ ждать. Она заторопилась.

— Пора ѣхать! Ахъ, мнѣ, право, жаль, что ты остаешься тутъ одинъ... Тамъ же будетъ народъ...

— Не безпокойся,—полуиронически отвѣтилъ Романъ.— Я тутъ съ предками бесѣдую...

Она съ гримасой взглянула на портреты.

— Ты для этого и проводишь теперь здѣсь цѣлые часы, для бесѣдъ съ мертвецами?—мелькомъ замѣтила она и стала прощаться съ нимъ.

Она слегка коснулась губами его блѣднаго лба. На него повѣяло ароматомъ духовъ.

— Тебя сегодня не узнать, такъ ты хороша,—сказалъ онъ, невольно залюбовавшись ею.

— Я счастлива, Рома,—отвѣтила она.

По ея лицу скользнула свѣтлая улыбка. Ей было пріятно сознавать себя счастливой, ей было пріятно, что другіе улавливали въ ней отраженіе этого счастія.

Онъ проводилъ ее до дверей, потомъ вернулся въ окну, посмотрѣлъ, какъ усѣлись въ экипажъ отецъ, мать, сестра. Врѣзаясь глубоко въ мокрый песокъ легкими колесами, экипажъ проѣхалъ по двору, выѣхалъ въ ворота и скрылся изъ виду. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ было слышно, какъ прислуга прибирала все въ домѣ послѣ господъ, сварливо переругиваясь между собою. Потомъ на дворѣ по направленію къ людскимъ, шлепая по лужамъ, прошли эти слуги, очевидно, окончившіе уборку въ господскомъ домѣ. На дворѣ и въ домѣ все затихло...

— Вотъ я и одинъ,—подумалъ Романъ, и въ его головѣ мелькнуло сознаніе, что онъ всегда былъ и остается одинокимъ.

Неужели всѣ люди, въ концѣ концовъ, приходятъ къ горькому сознанію своего одиночества или это только особенность его натуры? Особенно сильно чувствовалъ онъ свое

Digitized by Google

одиночество въ послѣдніе дни. Въ его памяти воскресли всѣ событія этихъ послѣднихъ дней. Онъ пережилъ столько въ эти дни, сколько не переживалъ никогда. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ почти спокоенъ, вѣрнѣе апатиченъ, холоденъ, безучастенъ, какъ человѣкъ, принявшій безповоротное рѣшеніе, не волнуемый болѣе ни сомнѣніями, ни колебаніями...

Онъ сѣлъ верхомъ на стулъ, сложилъ на его низенькой спинкѣ руки, оперся на нихъ подбородкомъ и сталъ смотрѣть во дворъ, безцѣльно, безсмысленно, останавливая взглядъ на разныхъ предметахъ, переводя его такъ же равнодушно на другіе. По двору изъ господскаго дома прошелъ обычной походкой, какъ кошки проходятъ по мокрой землѣ, боясь коснуться до нея лапками, Аквилоновъ. Плюгавый, смиренный, робкій, осторожный, онъ годился въ натурщики для статуи «ничтожества». Сколько нужно было съ дѣтства попирать ногами, топтать въ грязь, бить, сѣчь человѣка, чтобы довести его до полнаго сознанія своей неспособности, своего ничтожества, своей ненужности, чтобы превратить его въ жалкое пресмыкающееся, чтобъ сдѣлать его подлецомъ изъ трусости? Чтобы не подохнуть съ голоду, онъ пошелъ бы на все, что можетъ придумать человѣкъ для униженія человѣка? При видѣ его, лицо Романа снова исказилось конвульсивной улыбкой.

— А! факторъ!—съ презрѣніемъ прошепталъ Ломовъ.

Потомъ онъ сталъ припоминать, какъ онъ встрѣтилъ Аквилонова тогда, остановившись въ раздумьи въ деревнѣ.

Это было не особенно давно, но Роману казалось, что отъ этого дня его отдѣляетъ нѣсколько мѣсяцевъ, нѣсколько лѣтъ. Да, именно въ этотъ день съ нимъ случился какой-то странный переломъ, оставившій глубокій слѣдъ въ душѣ. Кто изъ нихъ тогда первый заговорилъ—онъ, Ломовъ, или Аквилоновъ? Должно-быть, онъ, Аквилоновъ. Да, онъ.

— Что это вы, Романъ Ѳеодоровичъ, все въ меланхоліи обрѣтаетесь?—вспомнился Роману подобострастный вопросъ Аквилонова.

Да, именно съ этой фразы начался ихъ разговоръ. Романъ обрадовался, что съ нимъ заговорили, такъ какъ ему казалось тогда, что онъ сходитъ съ ума.

— Радоваться нечему,—отвѣтилъ Ломовъ.

— Въ ваши-то годы-съ! — воскликнулъ Аквилоновъ.— Самая, такъ сказать, пора для человѣка-съ! Ахъ, я на вашемъ мѣстѣ, то-есть вотъ бы какъ жилъ, припѣваючи!

Потомъ Аквилоновъ, пугливо, точно боясь, что его уда-

Digitized by Google

рятъ по щекѣ, пнуть ногою, сталъ сообщать, что «папенька-съ вашъ совсѣмъ-съ иного нрава, живой человѣкъ». Пока онъ, опасливо хихпкая, осторожно не договаривая начатыхъ фразъ, оглядываясь кругомъ при каждомъ словѣ, сообщалъ сыну «о нравѣ папеньки», Рома все только думалъ объ одномъ: «Запить бы, запить бы». Ломовъ теперь отчетливо и ясно помнилъ, какъ сверлила тогда его мозгъ эта неотступная мысль. «Запить бы, запить бы»,—больше онъ ничего не хотѣлъ.

Потомъ онъ задалъ неожиданно и рѣзко Аквилонову вопросъ:

— Гдѣ бы кутнуть напропалую?

Тотъ даже чуть не присѣлъ отъ страху и, дрожа всѣмъ тѣломъ, не попадая зубомъ на зубъ, началъ божиться, что онъ «ей-Богу не знаетъ! гдѣ же здѣсь въ деревнѣ!» А затѣмъ, боясь уже не того, что ему можетъ достаться за спаиванье барчука, а того, что барчукъ разсердится за его несговорчивость, и, можетъ-быть, того, что онъ, Аквилоновъ, упустилъ удобный случай содрать лишнюю копейку съ барчука, Аквилоновъ началъ оговариваться, путаясь и заикаясь:

— Оно, конечно, люди-съ вездѣ люди, на двухъ ногахъ ходятъ... Если захотѣть-съ... собственно въ деревнѣ, оно и не того-съ, такъ вѣдь на то городъ есть... далеко ли?.. Рукою подать...

Аквилоновъ началъ уже смѣлѣе, увлекаясь самъ фривольными представленіями, разсказывать о томъ, куда и какъ можно закатиться въ городѣ. Самому ему не приходится; гдѣ же въ его положеніи, съ хлѣба на квасъ живетъ; а хорошо кто можетъ развернуться, а-ахъ хорошо! У него даже глаза замаслились отъ одного представленія того, какъ это хорошо. Они шли между колыхавшейся по обѣ стороны дороги ржи, среди вечерняго аромата, доносившагося въ стынущемъ воздухѣ изъ лѣсу, подъ бездоннымъ безоблачнымъ небомъ, сверкавшимъ міріадами яркихъ звѣздъ,—шли, обсуждая этотъ важный вопросъ о попойкѣ и разгулѣ; Ломовъ мучительно думалъ только объ одномъ: «скорѣй бы»; Аквилоновъ только трусливо соображалъ:

— Папенькѣ можно-съ сказать, что встрѣтился вамъ старый пріятель, и все такое для отвода глазъ, потому-съ въ деревнѣ это очень просто—заѣхали въ гости и заночевали, а гдѣ—разслѣдовать никто не станетъ... Такъ-то-съ, просто напрямки неловко объяснить. Хотя, положимъ, вы въ возрастѣ, а все же оно не того. Лучше, какъ не знаютъ...

Digitized by Google

Потомъ, оживившись, Аквилоновъ закончилъ:

— А ужъ будете-съ благодарны! Оно, конечно-съ, здѣсь провинція, а все же-съ... Я ужъ васъ направлю-съ... Спасибо скажете, помяните мое слово-съ...

— Въ долгу не останусь,—проговорилъ Романъ.

— Папенька-съ вашъ, Ѳеодоръ Романовичъ, тоже благодарили... Я-съ человѣкъ бѣдный... Стараюсь по мѣрѣ силъ услужить... Потуда меня и держатъ, покуда услужить во время могу...

И онъ услужилъ Роману.

Черезъ четыре дня Рома очнулся дома безъ часовъ и безъ цѣпочки, безъ портсигара и безъ копейки денегъ. Глядя на него, можно было подумать, что онъ перенесъ тяжкую болѣзнь. Онъ не только осунулся, поблѣднѣлъ, но даже какъ будто сгорбился, — ходилъ разбитыми шагами. Тѣмъ не менѣе, никогда онъ еще не былъ такъ спокоенъ и вялъ, какъ теперь. Физическое утомленіе сказалось на работѣ мозга, парализовало эту работу. Постоянное его нервное возбужденіе, казалось, исчезло безслѣдно и смѣнилось апатіей, усталостью, равнодушіемъ.

Домашніе были предупреждены Аквилоновымъ, что Романъ Ѳеодоровичъ заѣхали въ гости: стараго пріятеля нашли въ окрестности, наказывали сказать, что погостятъ у этого пріятеля.

— Скажи, говорятъ, папенькѣ, чтобы не сумнѣвались. Пріятеля, молъ, говорятъ, встрѣтилъ и хочу побыть у него, такъ какъ онъ наѣздомъ. А чтобы, говорятъ, папашенька не сумнѣвались.

Аквилоновъ, охваченный трусостью, что его выгонятъ, если узнаютъ его продѣлку, такъ долго и на всѣ лады варьировалъ фразу о томъ, чтобы не сомнѣвались, что всякій отецъ усумнился бы; но на этотъ разъ осебенныхъ сомнѣній не зародилось, такъ какъ отецъ былъ Ѳеодоръ Романовичъ. Ѳеодоръ Романовичъ только злился, что сынъ уѣхалъ къ пріятелю какъ разъ въ то время, когда надо было переговорить о деньгахъ съ Наташей.

— И какого дьявола онъ тамъ встрѣтилъ?—рѣзко говорилъ онъ женѣ, поджидая сына.

— Боже, если это опять какой-нибудь соціалистъ!—приходила въ отчаяніе Антонина Аркадьевна.

— Откуда имъ здѣсь взяться! У васъ всегда такія идеи! Соціалисты въ нашей глуши! Для какого дьявола?

Digitized by Google

— Да ты же слышалъ, что онъ проѣздомъ. Навѣрное съ прокламаціями!

— Ну!

— Да иначе зачѣмъ бы ему попасть въ деревню? Конечно, съ прокламаціями!

Ѳеодоръ Романовичъ зашагалъ большими шагами и заволновался.

— Этого сюрприза только недоставало! Тутъ деньги нужны до зарѣзу, а онъ къ пріятелю укатилъ... комплоты устраивать...

Что было потомъ? Сцена съ отцомъ. Изъ-за чего? Да изъ-за денегъ. Романъ объявилъ отцу, что онъ раздумалъ жениться на Наташѣ и потому—пусть вывертываются они, какъ знаютъ, изъ тяжелаго положенія. Поднялась цѣлая буря. Но точно ли онъ раздумалъ тогда жениться на Наташѣ? Нѣтъ, онъ просто сказалъ первую попавшуюся фразу, чтобы не принимать участія въ «грабежѣ» Наташи, какъ онъ называлъ этотъ заемъ. Во всѣ дни своего отсутствія изъ дома онъ менѣе всего думалъ объ отвѣтѣ отцу относительно денегъ. Онъ пилъ и кутилъ именно для того, чтобы не думать объ этомъ. Глупыя птицы прячутъ подъ крыло голову и думаютъ, что ихъ не видятъ; онъ дѣлалъ то же—онъ старался не думать объ отвѣтѣ отцу и воображалъ, что этимъ онъ избавится отъ отвѣта. Всегда онъ поступалъ такъ. Такъ въ сущности поступали въ ихъ семьѣ всѣ въ роковыя минуты тяжелыхъ обстоятельствъ. Не лучше они какого-нибудь Аквилонова въ тяжелыя минуты! Увидавъ отца, онъ сказалъ то, что въ эту минуту пришло въ отуманенную голову. Но эта подвернувшаяся на языкъ фраза остановила его мысль на этомъ вопросѣ и дала извѣстное направленіе мысли. Онъ спасаетъ Наташу отъ грабежа. Это жертва съ его стороны, такъ какъ отецъ поднялъ изъ-за этого цѣлую бурю. Она, Наташа, даже не подозрѣваетъ его подвига. Да развѣ она вообще знаетъ, понимаетъ, цѣнитъ его? Она воображаетъ, что только она можетъ приносить ему жертвы. Приноситъ жертву, а въ эти четыре дня вѣрно цѣлые часы проводила у Иволгиныхъ, любовалась на ненаглядnаго Бориса Николаевича. Измучаетъ она его, Романа, за принесенную ему жертву. О, эти святыя женщины, требующія поклоненія за ихъ святость! Горе тому, кого свяжетъ судьба неразрывными узами съ ними!.. Иволгинъ то же будетъ рисоваться своимъ благородствомъ: могъ бы отбить у него, у Ромы, невѣсту и не отбилъ, щадя его, какъ слабаго врага!..

Digitized by Google

Всѣ они вѣдь только о томъ и думаютъ, что они жертвуютъ собою ему, Ромѣ. Анна даже проговорилась разъ, когда онъ пріѣхалъ въ деревню, что не будь его—не пришлось бы ей выйти за Апухтина. Тоже жертву приноситъ изъ-за него! Еще бы! Не будь его, была бы она богатою невѣстою... А мать, а отецъ, развѣ они не говорятъ трагическимъ тономъ, что ихъ лишаетъ спокойствія мысль объ участи ихъ сына? А теперь, когда Анна выйдетъ замужъ, они будутъ говорить, что они живутъ въ деревнѣ ради сына, что они не продаютъ имѣнія ради сына... О, сколько великихъ жертвъ. Въ душѣ его пробудилась внезапно глухая и холодная враждебность ко всѣмъ близкимъ. На нѣсколько мгновеній ему стало даже страшно, точно онъ сознавалъ, что онъ сходитъ съ ума.. Онъ пробовалъ сказать себѣ, что вѣдь онъ же любилъ Наташу. Любилъ? Какая же это любовь, когда Наташа не пробуждала въ немъ даже чисто животной страсти? Да, ни разу, ни разу не пробудила она въ немъ ничего подобнаго.

— Точно передъ Мадонной все на колѣнкахъ стоялъ,— съ ироніей подумалъ онъ.

Ему вспомнились четыре дня безобразнаго кутежа: женщина, бравшая съ него деньги, возбуждала его больше, чѣмъ Наташа. Его охватилъ страхъ: неужели онъ такъ развратился, что только эти женщины могутъ возбуждать его? Ему пришло въ голову странное сравненіе: чтобы онъ сдѣлался дѣятелемъ, нужны какой-нибудь крупный переворотъ, крупное событіе, война, что ли, когда, какъ охмелѣвшій, не спрашивая, что изъ этого выйдетъ, не терзаясь сомнѣніями, бросишься невольно въ сраженіе; чтобы возбудить его животную страсть, нужны вино, оргія, вакханка, разнузданность, все то, что заставляетъ смолкнуть умъ и возбуждаетъ только животную страсть. Но вѣдь онъ же хотѣлъ жениться на Наташѣ? Какъ же онъ, не любя, предложилъ ей руку? Ахъ, да,—онъ думалъ, что она спасетъ его отъ отчаянія. Онъ увлекался не любовью къ ней, а мыслью о своемъ собственномъ спасеніи. Онъ и думалъ не о наслажденіяхъ любви, не о сладкихъ поцѣлуяхъ, а о томъ только, что она его спасетъ отъ гибели. Эта мысль подавляла все остальное; онъ надѣялся, что она его спасетъ, и протягивалъ къ ней свои руки. Спасетъ! Она-то. она-то! Да она доведетъ его до отчаянія, играя роль загубленной жертвы, играя роль святой, спасающей грѣшника. «Я тебѣ жизнь жертвую, а ты еще хочешь, чтобы она была отравленною». Вотъ

Digitized by Google

что она будетъ повторять ему. Сколько въ ней, въ этой доброй дѣвушкѣ, таится жестокости, безпощадности. Она можетъ довести до отчаянія, — нѣтъ, хуже, она не до отчаянія его доведетъ, а до запоя, до состоянія Геліотропова, дрожащаго подъ кулаками жены-бабы. Та тоже, говорятъ, день и ночь попрекаетъ мужа его пьянствомъ и бездѣльничествомъ, хвалясь, что она баба честная и трудящаяся, что безъ нея вся семья погибла бы съ голода. Нѣтъ, лучше смерть...

— Чему обрадовался? — усмѣхнулся онъ съ горечью, вспомнивъ минуту, когда онъ дошелъ до этой мысли.

— Да, да, смерть, смерть!—радостно говорилъ онъ тогда, точно вдругъ разрѣшилъ всѣ вопросы.—Успокоеніе, уничтоженіе, нирвана. Одна минута и всѣ цѣпи сняты, всѣ раны залѣчены, всѣ тревоги смолкли. Ни люди, ни обстоятельства, ни судьба не могутъ помѣшать. Онъ выше всего этого, такъ какъ спасеніе въ его волѣ. Захотѣлъ и сбросилъ всѣ цѣпи, всѣ тревоги, всѣ невзгоды. Другого выхода для него нѣтъ. На свѣтѣ есть три категоріи людей: непосредственныя, примитивныя и грубо-матеріалистическія натуры—люди животные, алчущіе только хлѣба; люди стоящіе на высшей ступени развитія, живущіе и умственною и духовною жизнью—эти алчутъ и правды, а не одного хлѣба; наконецъ, есть люди, сознавшіе, что правды нѣтъ на землѣ и не можетъ быть—эти алчутъ только смерти. Если послѣдніе и живутъ, то это не жизнь, а томленіе съ отрицаніемъ всего существующаго строя, всѣхъ людскихъ отношеній, съ сознаніемъ въ глубинѣ души, что нельзя уже сломить ни этого строя, ни этихъ отношеній, съ праздной проповѣдью того, что невозможно людямъ и возможно только Богу. Онъ принадлежитъ къ этой послѣдней категоріи людей, и его единственный исходъ—смерть.

Съ горькой конвульсивной усмѣшкой онъ подумалъ, какъ всѣ они, его близкіе, обрадуются его смерти. Иволгинъ женится на Наташѣ; Анна откажетъ Апухтину; отецъ и мать не станутъ мучиться, что у нихъ неудачный сынъ. И никто, никто изъ нихъ даже не пойметъ, что онъ умеръ ради нихъ, для нихъ? Не все ли ему равно? Онъ-то знаетъ, что онъ имъ приноситъ въ жертву себя. Они говорятъ о жертвахъ: онъ приноситъ жертву... Какъ же это такъ? Развѣ онъ ихъ любитъ? Нѣтъ, нѣтъ, онъ ихъ ненавидитъ, ненавидитъ уже за одно то, что они не даютъ ему ничего и берутъ у него все—жизнь. Въ головѣ на мгновеніе опять воцарился хаосъ:

Digitized by Google

можно ли ненавидѣть враговъ и жертвовать имъ жизнью? Нѣтъ, онъ жертвуетъ жизнью не имъ, а изъ-за нихъ, изъ-за подобныхъ имъ, — жить съ ними онъ не можетъ, опуститься до нихъ въ немъ нѣтъ способностей, идти на какія бы то ни было сдѣлки, онъ даже не пытался ни разу...

— Сознаніе своего собственнаго достоинства!—внезапно съ гордостью во взглядѣ проговорилъ онъ. — Да, да, вотъ что осталось мнѣ отъ предковъ.

Онъ обернулся назадъ и почти съ любовью взглянулъ теперь на эти лица, гдѣ еще нѣсколько минутъ тому назадъ онъ не находилъ ничего, кромѣ животности. Да, сознаніе собственнаго достоинства заставило вонъ этого старика бѣжать въ деревню изъ Петербурга, гдѣ интриганы добились того, чтобы не признавали его заслугъ; то же чувство во времена Екатерины побудило вонъ того серьезнаго барина сдѣлаться опаснымъ волтерьянцемъ; нѣтъ сомнѣнія, что безъ этого чувства его дѣдъ со стороны матери не былъ бы въ опалѣ. Да, это были не холопы, выносящіе удары палокъ, идущіе на сдѣлки, вступающіе въ компромиссы... Онъ, безсознательно повинуясь какому-то безотчетному чувству, старался теперь увѣрить себя въ томъ, во что еще такъ недавно не вѣрилъ, помня, что еще какихъ-нибудь полтораста лѣтъ назадъ одна изъ его прабабокъ со стороны матери была въ числѣ тѣхъ благородныхъ дѣвицъ, слышавшихъ ежедневно отъ Анны Іоанновны приказаніе: «Дѣвки, пойте», а одинъ изъ прадѣдовъ со стороны отца былъ битъ плетьми и сосланъ въ Сибирь по капризу Бирона, что основаніемъ ихъ бывшаго благосостоянія послужили смазливое лицо и гигантскій ростъ одного изъ родичей во времена разныхъ временщиковъ, а начало ихъ фамильныхъ протестовъ совпало съ высылкой того же красавца въ двадцать четыре часа изъ столицы при восшествіи на престолъ Павла Петровича.

Дождь давно уже пересталъ, разгоняемыя вѣтромъ облака клубились по небу, багровые лучи заката заливали яркимъ и холоднымъ свѣтомъ окна портретной галлереи, когда Романъ поднялся съ мѣста. Онъ устало потянулся, расправляя затекшія руки и ноги, и побрелъ изъ галлереи къ лѣстницѣ, ведшей въ верхній этажъ. Въ этой почти старческой фигурѣ, въ этой утомленной поступи было трудно сразу узнать Романа Ломова, еще такъ недавно кипятившагося и волновавшагося изъ-за каждаго пустяка...

Digitized by Google

II.

Въ домѣ Ломовыхъ царствовала нѣкоторое время тревога, но не по поводу того, что Романъ смотрѣлъ такъ, что, по выраженію Маѳы Власьевны, «краше въ гробъ кладутъ», а по поводу его отказа отъ руки Наташи. Это неожиданное извѣстіе поразило, какъ громомъ, Ѳеодора Романовича. Планы относительно займа у Наташи денегъ разрушились разомъ.

Всѣ дѣлали предположенія:

— Вѣрно, повздорили!

— Ужъ не встрѣтилъ ли онъ дѣйствительно кого-нибудь изъ прежнихъ друзей и опять не идетъ ли по пути къ тюрьмѣ?

— Не завелъ ли гдѣ-нибудь интрижку тайкомъ и не знаетъ, какъ выпутаться?

Догадкамъ не было конца, но на нихъ не останавливались долго, такъ какъ были вопросы поважнѣе. Денегъ было нужно до зарѣза. Достать негдѣ. На это сердились всѣ—и Антонина Аркадьевна, и Анна Ѳеодоровна, и Ѳеодоръ Романовичъ. Предложеніе было уже сдѣлано Апухтинымъ, согласіе дано, черезъ мѣсяцъ — черезъ два должна была состояться свадьба. Но какъ же безъ гроша денегъ? У кого занять? Tante Бетси не дастъ теперь, въ такую горячую пору. Иволгинъ—объ этомъ и думать нечего, у него вѣрно и нѣтъ, да кромѣ того Анна Ѳеодоровна при одномъ намекѣ на это вспылила. У Наташи деньги было можно взять только въ случаѣ свадьбы, такъ какъ онѣ лежали покуда не у нея. Ѳеодоръ Романовичъ рвалъ и металъ, и лучше всѣхъ это зналъ Аквилоновъ. Даже робкое замѣчаніе Аквилонова «о мельницѣ» вызвало только ругань:

— До мельницъ теперь!

Аквилоновъ, опять поддавшійся своему малодушію, то-есть мысли, что вотъ-вотъ его выгонятъ, опять принявшій видъ трусливаго пса передъ поднятымъ арапникомъ, только усиленно вздыхалъ и слезно жаловался Шершову.

— Опять житья нѣтъ и что только дальше будетъ—одному Господу Богу извѣстно!

— А что?

— Самъ-то опять на стѣну лѣзетъ, рветъ и мечетъ, хоть святыхъ вонъ выноси.

— Ну-у!

— Ей-Богу. Это у него всегда, когда денегъ нѣтъ. Теперь онѣ до зарѣзу нужны, а взять негдѣ.

Digitized by Google

Аквилоновъ подробно разъяснялъ положеніе дѣлъ ломовскихъ господъ.

Шершовъ слушалъ, попивая чай, и сводилъ благодушно разговоръ на лѣто, точно его вовсе не интересовали Ломовы.

— Благодать нынче лѣто; кабы у меня лѣтъ двадцать съ костей, Богъ знаетъ чего натворилъ бы я въ экое лѣто.

Теперь же онъ творилъ одно: почти ежедневно по вечерамъ онъ сталъ собирать къ своей избѣ стариковъ и бесѣдовалъ, какъ бы хорошо было скупить лѣсъ у ломовскихъ господъ, почитай что весь можно бы купить. Ну, да что обо всемъ толковать, а хоть бы Покатиловскій лѣсъ купить. Покатиловскимъ лѣсомъ назывался лѣсъ, примыкавшій къ землѣ ломовскихъ крестьянъ.

Мужички вздыхали.

— Гдѣ-жъ намъ такое дѣло обтяпать.

— То-то и бѣда, что не обтяпать! А кабы удалось, такъ и горевать бы было нечего. Это на всю жизнь. И дѣтямъ, и внукамъ осталось бы.

— Какъ не остаться. Извѣстно, осталось бы.

Говорили объ этомъ дѣлѣ день, другой, третій. У шершовской избы были настоящія сходки. Какъ настанетъ вечеръ, такъ всѣ и соберутся вздыхать и соображать, что вышло бы, если бы этотъ самый господскій лѣсъ да былъ крестьянскимъ лѣсомъ. Сначала собирались только старики; потомъ начали приходить и молодые. На селѣ только объ этомъ и говорили. Вопросъ о лѣсѣ взволновалъ всѣхъ даже болѣе, чѣмъ лѣтъ пять тому назадъ взволновалъ ломовцевъ слухъ о наймѣ рабочихъ за дорогую плату въ турецкую землю. Тогда нѣкоторые скептики подшучивали и спрашивали у собиравшихся въ турецкую землю:

— Гдѣ же вашъ турка?

Ну, а про Покатиловскій лѣсъ нечего было и спрашивать—вонъ онъ стоитъ, рукой до него подать, у всѣхъ онъ на виду. Находились такіе, что ходили смотрѣть на этотъ лѣсъ, хотя знали они его съ колыбели. Постоятъ, посмотрятъ на него, покачаютъ головами и пойдутъ, вздыхая.

Наконецъ Шершовъ заявилъ, что онъ можетъ «для мужичковъ» малую толику денегъ достать. Понемногу расплатятся. Изъ мужичковъ, въ свою очередь, нашлись такіе, что тоже заявили о возможности внести со своей стороны малую толику. Говорили они это опасливо, съ оговорками, словно боясь, что ихъ ограбятъ, но все же говорили, мысленно пересчитывая свои припрятанные въ тряпицахъ, въ

Digitized by Google

горшечкахъ, подъ половицами гроши. Тогда опять собрались считать капиталы: кто сколько можетъ внести и сколько долженъ достать Шершовъ за себя и другихъ. Шершовъ повздыхалъ: «много денегъ нужно ему внести. Достанетъ ли онъ! Денегъ нынче не легко достать».

— Гдѣ легко! Благодѣтели-то такіе по дорогамъ не ходятъ.

— А ужъ лѣсъ-то какой! На вѣки бы хватило.

— Чего не хватитъ.

Начинались новые толки о достоинствахъ Покатиловскаго лѣса.

— Только бы продалъ его Ѳеодоръ Романовичъ, — со вздохомъ говорилъ Шершовъ.

Онъ за эти дни словно немного осунулся; лицо приняло, вмѣсто обычнаго суроваго выраженія, выраженіе озабоченности и тревоги, почти тоски.

— Тоже и Тарасовымъ этакій-то лѣсъ съ руки,—разсуждалъ онъ тревожно.

— Чего не съ руки, — соглашались мужики. — Ты ужъ обхлопочи скорѣй...

— Буду, буду хлопотать,—отвѣчалъ Шершовъ, вздыхая.— Въ какое время только придешь...

И опять въ головѣ мелькала тревожная мысль о томъ, что самъ Ломовъ вовсе еще и не думалъ продавать Покатиловскій лѣсъ. Можетъ, и не согласится вовсе...

Впервые со встрѣчи съ Ломовымъ, его охватывала боязнь; онъ былъ не увѣренъ въ себѣ. Дѣло было настолько близко и важно для него, что онъ потерялъ всю свою самоувѣренность. Сидя дома, онъ часто впадалъ въ глубокое раздумье, вздыхалъ и взглядывалъ въ передній уголъ. Его старуха-жена, не видавшая его никогда въ такомъ состояніи духа, тревожилась за его здоровье и съ сомнѣніемъ бросала на него робкіе взгляды.

— Занедужился, молчитъ только! — говорила она работницѣ.—Къ Борису Миколаевичу сходилъ бы, что ли. Тоже человѣкъ сырой!

Но дать какой-нибудь совѣтъ мужу она не смѣла...

Сыновей же Шершова разбирала злость на отца. Какъ только заговорили о покупкѣ лѣса, они тотчасъ же смекнули, что лѣсъ продается; что отецъ не сдуру говоритъ объ этомъ. Не любилъ онъ пустыхъ словъ на вѣтеръ бросать. Говорилъ только о дѣлѣ. Они это знали хорошо. Въ ихъ семьѣ вообще разговаривали мало, только о самомъ необходимомъ. И какъ только они пришли къ этой мысли,

Digitized by Google

такъ тотчасъ же проснулось въ нихъ жадное желаніе захватить все въ однѣ свои руки. Чего отецъ обчество тянетъ за собой? Покупалъ бы одинъ, сколько можетъ, если Ломовскій баринъ продаетъ землю. Сколько можетъ! Все онъ можетъ купить! Пороется—денегъ найдетъ. Не знали они, гдѣ и сколько у него припрятано, но твердо вѣрили, что стоитъ ему захотѣть—и деньги найдутся. Они съ дѣтства привыкли не протестовать противъ распоряженій отца, но теперь жадность къ землѣ и жажда захватить все разомъ въ свои руки заставили ихъ даже усумниться въ практичности отца. Тоже старъ онъ—изъ ума, можетъ, выживаетъ. У нихъ, по ихъ выраженію, все нутро поворачивалось при мысли, что все не однимъ имъ достанется. Опять одинъ изъ нихъ вскользь замѣтилъ отцу, что лучше бы ему одному все купить. Старикъ только поглядѣлъ на смѣльчака насмѣшливыми глазами. Въ этомъ взглядѣ не было гнѣва, свѣтилась только насмѣшка: «Дуракъ, молъ, много ты понимаешь». Повиновеніе отцу настолько вошло въ плоть и въ кровь дѣтей Шершова, что этого взгляда было достаточно для прекращенія дальнѣйшаго разговора. Но между собою сыновья Шершова продолжали раздражительно осуждать затѣю отца, твердя одно:

— Покупалъ бы одинъ! Что ему міръ-то. Спасибо не скажетъ!

— Скажетъ, да шубы-то изъ него не сошьешь...

— Благодѣтель нашелся!.. Своя семья велика, такъ о другихъ-то нечего думать...

— Они-то о насъ не подумаютъ, приди бѣда!

Этотъ глухой ропотъ повторялся въ каждомъ углу, гдѣ сходились молодые Шершовы. Эти лихіе красавцы-парни смотрѣли теперь мрачно, какъ заговорщики, и ощущали чуть не ненависть къ своей родной деревнѣ, къ своимъ односельчанамъ, ругали послѣднихъ не хуже Ѳеодора Романовича. Всѣ другія чувства были подавлены сознаніемъ, что у нихъ, у Шершовыхъ, вырываютъ изъ рукъ большой клокъ земли. Это имъ казалось чуть не грабежомъ.

Дня черезъ два—черезъ три послѣ окончательныхъ переговоровъ съ мужиками старикъ Шершовъ пошелъ кланяться Ѳеодору Романовичу за мужичковъ. Долго онъ колебался, идти ли на поклонъ одному или взять депутатовъ. Рѣшительный во всякое другое время, теперь онъ останавливался съ вопросами надъ каждой мелочной подроб-

Digitized by Google

постью затѣяннаго дѣла. Наконецъ онъ рѣшился идти одинъ. Еще испортятъ глупые люди дѣло.

Въ это время Ломовъ совсѣмъ потерялъ голову, изобрѣтая, гдѣ бы достать денегъ. Въ его головѣ роились самые нелѣпые планы. Раздраженный и мрачный, онъ встрѣтилъ Шершова довольно сухо. Еще бы! Шершовъ еще недавно на сдѣланный ему вопросъ, нельзя ли гдѣ-нибудь достать денегъ, наотрѣзъ сказалъ, что не такое теперь время, чтобы доставать деньги.

Шершовъ, смиренно остановившись у дверей ломовскаго кабинета, особенно усердно оправляя кушакъ, сталъ объяснять цѣль своего посѣщенія.

— Прислали, самъ не посмѣлъ бы,—заговорилъ онъ, переступая съ ноги на ногу, точно онъ былъ не смѣлѣе Аквилонова. — Лѣсомъ они больно обижены, мужички-то. Проси, говорятъ, Покатиловскій лѣсочекъ продать. Можетъ, Ѳеодоръ Романовичъ смилостивится.

Онъ смолкъ, уставившись тревожными глазами на лицо Ѳеодора Романовича.

Ѳеодоръ Романовичъ даже испугался сначала. Какъ? продать Покатиловскій лѣсъ? Да это лучшій лѣсъ въ имѣніи. Что же изъ лѣса и останется въ имѣніи, если Покатиловскій продать? Лучше ужъ все имѣніе разомъ продать. Этого только недоставало. Шершовъ упавшимъ голосомъ согласился.

— Точно что лѣсокъ хорошій! Что ужъ тутъ и говорить!.. Конечно, не при рѣкѣ онъ... Какъ его сплавлять станешь, если на сторону продавать?.. А лѣсочекъ точно что хорошій. У мужичковъ-то глаза на него разгорѣлись, потому лѣсомъ они обижены, а этотъ лѣсочекъ къ ихъ землицѣ притулился... Думали,—конечно, народъ глупый,—что милость божескую имъ окажетъ баринъ, благодѣянье на всю жизнь... то-есть по гробъ... Дѣти и тѣ поминать вѣкъ будутъ...

Старикъ говорилъ не только по обычаю степенно, а съ дрожью въ голосѣ. Онъ самъ чувствовалъ, что у него «все нутро дрожитъ», такой страхъ охватывалъ при мысли, что такое дѣло можетъ сорваться, не выгорѣть. Давно уже не испытывалъ онъ ничего такого, что онъ испытывалъ теперь. Это было вполнѣ сильное ощущеніе, точно неудача вела къ разоренію, точно на карту ставилась вся жизнь. Слова, срывавшіяся съ языка, какъ-то сами собою выходили такими мягкими и жалостливыми, голосъ нѣвучимъ

Digitized by Google

сдѣлался. Его почти всегда суровые глаза смотрѣли теперь на Ѳеодора Романовича съ робкой мольбой, почти съ любовью.

Ломовъ уже ходилъ по комнатѣ торопливо, въ большомъ волненіи, усиленно затягиваясь папироской, и удивлялся немного самъ себѣ: чего онъ испугался? Деньги сами въ руки лѣзутъ, а онъ испугался? Положимъ, лѣсъ прекрасный, другого лѣса въ сущности и нѣтъ въ имѣніи, все остальное дрянь, но что же онъ будетъ дѣлать съ этимъ лѣсомъ? Любоваться имъ, что ли? Вѣдь надо же будетъ продать—на срубъ или совсѣмъ съ землею—не все ли равно? «Жаль, что не при рѣкѣ, сплавлять нельзя», вспоминались ему слова Шершова. Да, точно, не при рѣкѣ, сплавлять нельзя. Вотъ вѣдь тутъ и поди: есть лѣсъ, а на что онъ, когда не при рѣкѣ и сплавлять нельзя? Вообще преневыгодно расположено его имѣніе. Въ сущности, все бы продать слѣдовало и уѣхать въ Петербургъ. Жить можно изъ процентовъ. Проценты не велики, но это нѣчто опредѣленное, а доходы съ имѣнія—кто ихъ знаетъ, каковы они будутъ. Много ли даетъ имѣнье хлѣба. Случись засуха, градъ, жучокъ—и останешься безъ хлѣба. Тоже куда его продашь и за сколько? Спросу за границу на нынѣшній годъ нѣтъ, по желѣзнымъ дорогамъ на станціяхъ видимо-невидимо свалено хлѣба. Капиталъ гніетъ. У насъ все такъ. Вотъ и лѣсъ—хорошій лѣсъ, а не при рѣкѣ. Что-жъ дѣлать съ нимъ?

Онъ вдругъ остановился передъ Шершовымъ. Тотъ стоялъ понуро, со страхомъ ожидая отвѣта. Въ головѣ старика проносились мысли: «осерчалъ», «не продастъ». Онъ такъ привыкъ къ горячности Ломова, что молчаніе послѣдняго смущало его болѣе всякихъ криковъ.

— А, видно, мужички-то у васъ не нищіе?—шутливо замѣтилъ Ломовъ, трепля по плечу Шершова.

— На взглядъ сѣры, — отвѣтилъ скромно Шершовъ и почувствовалъ, что въ немъ что-то дрогнуло, точно отъ внезапнаго проблеска свѣта.—И то сказать, вѣдь не одинъ покупаетъ, обществомъ, съ міру по ниткѣ—голому рубашка... По грошу съ каждаго—рубль выходитъ...

Ломовъ заходилъ опять молча по комнатѣ, что-то соображая. Въ его головѣ вертѣлись отдѣльныя слова: «крестьянскій банкъ», «дворянскій банкъ», «общество поземельнаго кредита», «каниталь». «Всякій залогъ имѣнія—петля на шеѣ», откуда-то вынырнули въ памяти слова, слышанныя

Digitized by Google

имъ на обѣдѣ у Кожуховой. Да, точно, это петля на шеѣ. Знаетъ онъ по опыту, во что обходятся банковыя операціи. При словѣ «операціи» онъ даже поморщился, точно дѣло шло объ анатомической операціи. Онъ опять остановился передъ Шершовымъ.

— Когда же думаютъ? Долго у васъ эти дѣла дѣлаются «обчествомъ»-то?

Шершовъ заторопился разубѣдить его:

— Нѣтъ, чего долго! Мужички давно надумали... Сумлѣвались только какъ-будто, что ты-то... Тоже не всякій нынче для мужика-то радѣетъ. Баре выводиться стали. Все больше ободрать мужичка хотятъ... Не прежніе годы!..

— Я что-жъ, я готовъ сдѣлать доброе дѣло,—отозвался Ломовъ, довольный уже всѣмъ и всѣми.

Шершовъ широко вздрогнулъ всею грудью. У него точно гора съ плечъ свалилась. На минуту, охваченный порывомъ радости, онъ готовъ былъ до земли поклониться Ломову.

— Только ужъ если дѣлать дѣло, такъ скорѣй,—небрежно проговорилъ Ломовъ, сознавая вполнѣ оказываемое имъ мужичкамъ благодѣяніе.—У меня теперь хлопотливое время, и мнѣ не до другихъ. Своихъ дѣлъ не оберешься. Вотъ по которыхъ поръ...—Онъ провелъ рукой по горлу.

— Да мужички мигомъ все. Чего имъ думать! Ты ужъ будь покоенъ! Все оборудуютъ! Имъ благодѣяніе, такъ чего волочить...

Шершовъ кланялся и говорилъ необычайно торопливо, захлебываясь отъ волненья. Онъ точно помолодѣлъ, такъ прояснилось его лицо. Ему казалось, что ноги его стали необычайно легки: хотѣли бѣжать, двигаться. Торговались недолго. Шершову даже удалось поприжать Ломова и купить дешевле, чѣмъ предполагалось.

Не прошло и часу, какъ онъ, торопливый и оживленный, какъ бы налитый ртутью, опять съ поклонами принесъ задатокъ. «Для спокойствія», какъ онъ выразился; Ломовъ, тоже сіяющій, ласково потрепалъ его по плечу. Шершовъ съ любовной улыбкой кланялся ему въ сотый разъ. Была минута, когда имъ обоимъ хотѣлось обняться по-братски и расцѣловать другъ друга, такой любовью были они проникнуты одинъ къ другому. Тутъ не было ни притворства, ни лжи.

Вечеромъ у избы Шершова было такое сборище народу, что было тѣсно. Всѣ, напирая другъ на друга, говорили на

Digitized by Google

перебой, у всѣхъ точно отлегло отъ сердца. Этакое дѣло сдѣлали. Лѣсъ покупаютъ. Какой еще лѣсъ-то—Покатиловскій! Дѣды помнятъ, какъ этотъ лѣсъ въ ихъ молодые годы стоялъ. Радовались даже тѣ, кто не вносилъ ни гроша, а давалъ по раскладкѣ росписки на имя Шершова. Шершовъ и Парфенъ съ мельницы явились главными вкладчиками. Толпа готова была не расходиться до поздней ночи. Говорить было уже не о чемъ, а всѣ еще говорили, повторяя одно и то же. До утра они могли бы проговорить такъ-то; слишкомъ ужъ были переполнены ихъ сердца. Многіе даже подвыпили на радостяхъ. Впрочемъ, пьянства и пьяныхъ не было. Событіе было настолько крупно, что поднимало духъ и безъ водки. У всѣхъ словно крылья отросли, хотѣлось двигаться, говорить, смѣяться. Шершовъ былъ доволенъ не менѣе остальныхъ односельчанъ, онъ былъ героемъ этого дня, такъ какъ и онъ, и крестьяне сознавали, что безъ него сдѣлка не удалась бы, и его вѣчно серьезное лицо приняло теперь благодушное, почти веселое и привѣтливое выраженіе. Онъ подшучивалъ и острилъ, толкуя съ мужиками, и даже самые ненавистные для него изъ ихъ среды на этотъ разъ не возбуждали въ немъ ничего, кромѣ жалости къ нимъ—къ «непутевымъ шаромыжникамъ», какъ онъ называлъ буйную деревенскую голытьбу.

Когда онъ вошелъ въ свой домъ, его глаза не безъ отеческой ласки остановились на сыновьяхъ, ожидавшихъ его къ ужину.

— Ишь, данники все наши,—сказалъ онъ семьѣ, кивая головой на улицу. — Теперь арендуй я, либо купи все Ломовское—рабочихъ нанимать не надо.

И, охваченный полнымъ душевнымъ довольствомъ, онъ продолжалъ откровенничать:

— Купи я одинъ лѣсъ и не усторожить бы, а теперь весь міръ, что твоя цѣпная собака, другъ за другомъ слѣдить будетъ. Да и деньги-то всѣ убивать на одно дѣло не приходится, потому сегодня лѣсъ господа продаютъ, а завтра, смотришь, неровенъ часъ, и всю землю да и съ усадьбой захотятъ продать.

Онъ усмѣхнулся.

— Убьешь все теперь, а придетъ часъ—пожалуй, Парфенъ съ мельницы господскую усадьбу купитъ да и прочую землю. Голыми руками съ нимъ биться не станешь, у него же изъ господскаго кармана много къ доченькѣ въ мѣ-

Digitized by Google

шокъ рублей перепадаетъ... Стыда да совѣсти нѣтъ, такъ скоро мошну набьютъ...

Старикъ брезгливо сплюнулъ и продолжалъ:

— Тоже и деньги теперь понемногу вернутся, да еще люди добрые за благодарность поработаютъ... Эхъ, дѣтки, дѣтки!

Онъ распоясался и вздохнулъ полной грудью. Старуха-хозяйка и босоногая работница уже набрали все на столъ для ужина. Шершовъ грузно опустился на лавку. За нимъ усѣлись и его жена-старуха, и его сыновья, и работница.

— Что за лѣто-то нынче — благодать-то какая. Шестьдесятъ годовъ слишкомъ живу, а такой благодати не запомню. Ровно самъ помолодѣлъ. Все Божье соизволеніе. Мы Его помнимъ—Онъ насъ помнитъ!

По его лицу расплывалась мягкая улыбка.

— Мужички, Христовы работнички, чай сегодня всю ночь спать не будутъ. Оченно ужъ ихъ эта покупка ободрила. Ничего, пошлетъ Господь Богъ, и больше будетъ. На все Его святая воля.

Онъ вздохнулъ.

— Эхъ, кабы народъ-то не пилъ, чего бы натворить-то съ умомъ можно! Каждый рубль, умѣй только имъ обернуться во-время, что тебѣ принесетъ! Страсть!.. А дѣловъ впереди вотъ сколько, выше головы, и на все деньги занадобятся. У кого будутъ—тотъ и панъ.

Семья по обыкновенію молчала. Но это было не мрачное молчаніе недовольныхъ, а молчаніе учениковъ, ловящихъ каждое слово своего великаго учителя. Теперь сыновья Шершова уже не сѣтовали на отца, не упрекали его въ душѣ за его образъ дѣйствій. Они только дивились его смѣтливости, его практическому смыслу, его дальновидности.

Старикъ кончилъ ужинъ, перекрестился широкимъ крестнымъ знаменіемъ и, вставъ съ лавки, потянулся во весь ростъ, все еще могучій, здоровый, сильный. Сыновья тоже почтительно поднялись съ мѣстъ. Онъ внушалъ имъ своеобразное уваженіе, какъ человѣкъ, стоящій неизмѣримо выше всѣхъ остальныхъ людей. Они не безъ гордости называли себя «шершовскими сыновьями», а не просто Шершовыми. Онъ мелькомъ спросилъ:

— Спать?

— Рано еще,—отвѣтили они нерѣшительно.

— Что-жъ, погуляйте, погуляйте... Чего не гулять, пока молоды... Пить—не пейте, а гулять—гуляйте съ Богомъ...

Digitized by Google

Едва замѣтно улыбаясь съ снисходительной лаской любящаго отца, онъ прошелъ грузными шагами въ свою каморку. Лица здоровыхъ и дюжихъ парней озарялись широкими улыбками. Въ ихъ фигурахъ, въ выраженіи ихъ лица было что-то общее съ Кожуховыми. Тѣ улыбались такими же широкими улыбками и скалили здоровые бѣлые зубы. Старуха-мать проворно помогала работницѣ убирать посуду, добродушно и отрывисто шептала:

— Охъ, дѣтки, дѣтки!.. Все для васъ!.. Отецъ-то!.. Все онъ, все онъ!..

Она тоже не чувствовала подъ собою ногъ отъ счастія, хотя и не понимала вовсе сущности и размѣровъ сдѣлки, устроенной мужемъ. Она, ограниченная и смиренная женщина, понимала только, что мужъ «прикупилъ лѣсу, и въ то же время все общество облагодѣтельствовалъ». Недаромъ на селѣ точно праздникъ. Больше она ничего не знала и не желала знать. Ея ограниченный и узкій умишко не страдалъ любопытствомъ. Она даже боялась знать «лишнее», такъ какъ это приносило только заботы и тревоги.—Меньше знаешь—меньше бредишь. Но старуха еще болѣе возгордилась бы своимъ мужемъ, если бы узнала, что онъ облагодѣтельствовалъ не только ломовскихъ мужиковъ, но и ломовскихъ господъ.

У ломовскихъ же господъ былъ дѣйствительно праздникъ. Забывъ чрезъ полчаса, какимъ путемъ пріобрѣтены деньги, эти господа—мужъ, жена и дочь—уже распоряжались задаткомъ, даннымъ за лѣсъ. Столько-то нужно на бѣлье, столько-то на платья, тогда-то нужно сдѣлать обѣдъ, въ такой-то день не худо устроить балъ. Все распредѣлилось и внезапно всѣхъ поразила мысль «какъ же такъ все и издержать?» Значитъ, надо сократить смѣту, убавить тутъ, урѣзать тамъ. Да развѣ это возможно? Все, внесенное въ смѣту, необходимо и нельзя поступиться ничѣмъ. Всѣ пріуныли и опустили головы.

Ломовъ очнулся первымъ и захохоталъ гомерическимъ смѣхомъ:

— Да вѣдь это только задатокъ!

— Да, да, вѣдь это задатокъ! Значитъ, можно еще прибавить на приданое, еще значитъ день для пріема гостей!—воскликнули разомъ мать и дочь.

— Еще бы! еще бы!—воскликнулъ Ломовъ.—Но это прелестно: разсчитываемъ, какъ распредѣлить деньги, и за-

Digitized by Google

были, что это только задатокъ. Это просто анекдотъ! Право, анекдотъ!

Онъ заходилъ по комнатѣ, продолжая громко смѣяться, какъ мальчишка.

— Нѣтъ, мы отъ радости потеряли головы! Это мило! Ха-ха-ха!

— А потомъ? Что будетъ потомъ?—испугалась Антонина Аркадьевна, смущенная тѣмъ, что она радуется безъ огорченія.—Затратимъ все, а потомъ...

— Дѣлайте только все какъ можно приличнѣе,—нетерпѣливо замѣтила Анна Ѳеодоровна, перебивая мать, сердясь, что та «черносалопничаетъ»,—это выраженіе, мелькнувшее въ ея головѣ, такъ понравилось ей, что она чуть не произнесла его вслухъ.—Я же потомъ возвращу все съ благодарностью. Кажется, въ этомъ нельзя сомнѣваться.

— Ну, да, конечно, это же понятно!—воскликнулъ отецъ, небрежно пожимая плечами.—Стоитъ ли говорить о пустякахъ!

— Ахъ, я боюсь, не скупъ ли Валеріанъ Александровичъ!—вздохнула мать, чувствуя потребность вздыхать хоть о чемъ нибудь.

— Что за идея! — съ гримасой пренебреженія воскликнула Анна Ѳеодоровна.

— Антонинѣ всегда такія идеи приходятъ въ голову,—насмѣшливо замѣтилъ Ломовъ, на минуту останавливаясь посреди комнаты и разводя руками. — Всегда! Апухтинъ скупъ! Это просто смѣшно!

— Мы же его не знаемъ съ этой стороны, — возразила Ломова, отстаивая свои «идеи».

— Я думаю, если мнѣ птичьяго молока понадобится, онъ и его постарается достать для меня,—не безъ самоувѣренности проговорила Анна Ѳеодоровна и приподняла надменно голову.

— Да, да, тутъ разсчитывать и утягивать гроши нечего — это все вернется, если бы понадобилось, — рѣшилъ Ломовъ, пожимая плечами.—Смѣшно даже толковать о такихъ пустякахъ! Да, наконецъ, и почему можетъ понадобиться? Мы, кажется, не нищіе?

— Ахъ, кто знаетъ будущее!—вздохнула Антонина Аркадьевна.

— Я, мама!—засмѣялась Анна Ѳеодоровна вызывающимъ смѣхомъ.—Я знаю, что я буду богата, а буду богата я—не будете бѣдными и вы.

Digitized by Google

— Милая, милая!—привѣтливо улыбалась ей мать грустною улыбкой страдалицы.—Ты судишь, какъ ребенокъ!

— Что вы придумываете,—загорячился Ломовъ.—Ребенокъ! ребенокъ! Нина говоритъ не какъ ребенокъ, а какъ женщина, понимающая, что она будетъ имѣть права распоряжаться своими средствами. Это не ребяческія мечты, а серьезное сознаніе своихъ правъ...

Семья мысленно обирала Апухтина и въ увлеченіи золотыми надеждами не замѣчала оборотной стороны медали...

Не участвовали въ этой семейной радости только Романъ и Наташа. Имъ даже не сообщили о продажѣ лѣса, о полученіи задатка. На нихъ всѣ нѣкоторое время дулись, не зная, кто виноватъ въ разрывѣ между ними—Наташа или Романъ. Можетъ-быть, эта «капризная дѣвчонка» раздражила его; можетъ-быть, этотъ «хамелеонъ» самъ повздорилъ съ нею. Знали всѣ только одно, что предполагаемый союзъ разстроился именно въ то время, когда понадобились деньги отъ Наташи. Это не могло не оставить въ сердцахъ близкихъ тѣни неудовольствія. Но этого неудовольствія, повидимому, не замѣчали ни Наташа, ни Романъ.

Съ Наташей творилось нѣчто странное.

На третій день исчезновенія Романа изъ дому, она зашла къ Иволгинымъ. Вѣра Николаевна была занята по хозяйству, а Борисъ Николаевичъ большими шагами тревожно ходилъ по саду, погруженный въ какія-то тяжелыя думы. Наташа вошла въ домъ, прошла на террасу и на минуту остановилась, смотря на Иволгина. Ей показалось, что его лицо какъ будто осунулось за эти дни; между сдвинутыми бровями залегла легкая морщинка. Лицо выражало серьезную, напряженную сосредоточенность. На минуту Наташѣ оно показалось даже суровымъ. Никогда она не видала его такимъ. Что съ нимъ? Не случилось ли какой-нибудь бѣды? У Наташи сильно забилось сердце. Онъ не замѣтилъ ея прихода. Она робко, сама не зная, чего боясь, окликнула его:

— Борисъ...

Онъ очнулся, не далъ ей договорить, рванулся къ ней съ крикомъ:

— Наташа! Наташа! Пришла!

Не давъ ей времени опомниться, отстраниться, онъ сжалъ ее въ мужественныхъ, сильныхъ объятіяхъ и сталъ, какъ безумный, покрывать поцѣлуями ея голову, ея лицо. Казалось, онъ встрѣтилъ дорогое существо, уже давно считав-

Digitized by Google

шееся потерянным и погибшим для него, и обезумѣлъ отъ радости этой встрѣчи. Этотъ порывъ захватилъ ее врасплохъ, какъ нежданная буря. Она чувствовала, что на ея лицо упадаютъ горячія капли слезъ и, не протестуя, не сопротивляясь, жалась къ нему, точно по-дѣтски ища защиты отъ кого-то на его широкой, мужественной груди. Ея лицо горѣло, какъ въ огнѣ, сердце замирало отъ счастія. Всѣ ея ощущенія были новы; ничего подобнаго не испытывала она прежде. Она не отстраняла его, не спрашивала, не протестовала. Въ головѣ не было никакихъ вопросовъ: Какъ? Почему? Что случилось? Съ чего это онъ такъ вдругъ бросился къ ней, по какому праву онъ цѣлуетъ ее, даже не объяснившись въ любви, развѣ можетъ такъ относиться мужчина къ дѣвушкѣ? — ничего этого она не думала, ни о чемъ этомъ она не спрашивала. Ей было ясно одно, что онъ любитъ ее, что онъ не уступитъ ея никому. Что говорилъ онъ, что отвѣчала ему она,—они оба не знали въ эту минуту, не могли припомнить послѣ.

На террасѣ, наконецъ, послышались шаги. Оба обернулись.

— Вѣра, Вѣра, куда ты? Не уходи! — крикнулъ Иволгинъ, видя, что сестра, вышедшая на террасу, спѣшитъ удалиться.—Пришла она! Видишь!

Онъ указалъ Вѣрѣ Николаевнѣ на Наташу. И оба, онъ и Наташа, разомъ бросились къ Вѣрѣ Николаевнѣ обнимать ее. Толстуха, добродушно смѣясь, отбивалась отъ нихъ:

— Задушите! Пустите! О, безумные!

— Оставь ее, оставь, Наташа!—говорилъ Борисъ Николаевичъ, привлекая Наташу опять къ себѣ.

Они всѣ трое опустились на ступени террасы.

— Господи, я думалъ, что я съ ума сойду сегодня, когда этотъ дуракъ, Ѳеодоръ Романовичъ, сказалъ мнѣ, что его сынъ женится на тебѣ,—заговорилъ Борисъ Николаевичъ.— Разсказываетъ это мнѣ, а самъ сіяетъ: «у насъ двѣ свадьбы разомъ. — Романъ женится на Наташѣ, Нина выходитъ за Анухтина. Поздравляйте!» А у меня на языкѣ одно: «провалились бы всѣ вы къ чорту...»

Наташа вздрогнула. Она теперь только вспомнила о Романѣ.

— Хорошъ онъ пришелъ домой,—замѣтила Вѣра Николаевна.—Право, я думала, что все Ломовское вымерло отъ дифтерита.

— Понятно,—горячо продолжалъ Иволгинъ:—это извѣ-

Digitized by Google

стіе само по себѣ было хорошо, а тутъ еще ты не приходила нѣсколько дней, начались сомнѣнія. Думаю: «а что, если въ самомъ дѣлѣ? И для чего я медлилъ? Чего ждалъ?..» Я не зналъ, что и дѣлать. Вѣра говоритъ: «сходи самъ». Какъ же идти, когда съ Романомъ почти порвалъ, когда Анна Ѳеодоровна ненавидитъ, когда, наконецъ, этотъ болванъ сказалъ, что сынъ женится на тебѣ? Писать? Звать тебя на объясненіе... А! да что я толкую,—порывисто прервалъ онъ себя.—Ты пришла, ты здѣсь, и никому, никому я тебя не отдамъ!

Онъ сжалъ опять ее въ объятіяхъ. Она упавшимъ голосомъ прошептала:

— Но вѣдь онъ точно просилъ моей руки...

— Просилъ? Ты, конечно, отказала?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!..

Она замахала по-дѣтски рукой:

— Оставь это, оставь! Никогда я не выйду за него!

По лицу Иволгина скользнула на минуту тѣнь.

— Но какъ же? Ты дала слово? Да?

— Да, да,—прошептала она, кивая головой.

— Господи, что же это такое!—воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками.

— Ничего, ничего, — заторопилась она успокоить его, видя его отчаяніе.—Ты выслушай, какъ все было. Ей-Богу же, это ничего! Ты только выслушай! Ахъ, какой ты!

Она прижалась къ нему еще ближе и торопливо стала разсказывать, немного сбивчиво, наивно, по-дѣтски. Иволгинъ предписалъ ему, Ромѣ, спокойствіе во время болѣзни Ромы. Ну, а онъ сталъ просить ея руки, это Рома-то. Что-жъ, убить его можно было отказомъ? Ему вѣдь было запрещено волноваться. Самъ Иволгинъ запретилъ, самъ онъ. Она и сказала: «да». Жаль, жаль ей стало его. Ахъ, какъ жаль! Она вовсе и не думала, къ чему это поведетъ. А потомъ онъ вздумалъ ревновать и сдѣлалъ сцену ей. Она разсердилась и оттолкнула его. Онъ сказалъ: «бери свое слово назадъ!» Господи, какой онъ жалкій, жалкій! И всѣ они жалкіе: никого не любятъ, кромѣ себя, а себѣ помочь не умѣютъ.

— Ну, и ты взяла твое слово назадъ? — торопливо допрашивалъ Иволгинъ.—Да? взяла?

— Ничего я не брала, а онъ уѣхалъ куда-то и теперь его нѣтъ...

Борисъ Николаевичъ задумался. Въ головѣ былъ какой-то хаосъ.

Digitized by Google

— Ты сердишься?—робко спросила она.—Ей-Богу, ей-Богу, я не знала, что ты меня любишь...

Она горько заплакала.

— Все говорили: въ Нину влюблёнъ!

Онъ невольно засмѣялся, услышавъ это восклицаніе, и прижалъ къ своей груди ея головку.

— Дѣвочка моя, дѣвочка! Развѣ я смѣю на тебя сердиться. Я самъ все это надѣлалъ. Не рѣшался переговорить, ждалъ, когда все само собою случится.

— А еслибъ не случилось?—спросила она, отирая слезы.

— Не могло не случиться, если ты любила... Не случилось бы, значитъ, ты не любила бы, а безъ любви...

Онъ покачалъ головой.

— Мнѣ было бы мало знать, что ты любима мною. мнѣ нужна взаимность...

— А глупостей все же натворилъ! — съ добродушнымъ упрекомъ сказала Вѣра Николаевна.—Я говорила тебѣ, что я выспрошу ее. Нѣтъ, не хотѣлъ, не позволялъ. Все еще поэзіи хочется, а взялъ бы просто сваху...

Всѣ весело засмѣялись.

— Ну, да что думать!—рѣшилъ Иволгинъ.—Ты моя, и конецъ. Время укажетъ, что дѣлать.

Они были слишкомъ счастливы, чтобы останавливаться на вопросѣ о затрудненіяхъ. Имъ хотѣлось думать и говорить только о своемъ счастьи...

Наташа вернулась домой такой радостной и сіяющей, что Анна Ѳеодоровна остановила на ней особенно внимательный, подозрительный взглядъ. Что съ ней? Съ чего она такъ сіяетъ? Ломовой стало точно досадно. Она тоже была счастлива, но это счастье высказывалось только въ особенно гордомъ взглядѣ, въ надменномъ выраженіи лица. У Наташи счастье было радостью, улыбкой, свѣтомъ.

На другой день Романъ, возвратившись домой, тоже обратилъ вниманіе на выраженіе лица Наташи и какъ бы чутьемъ угадалъ, что эта радость вызвана не имъ, не его возвращеніемъ домой.—Наташа пожала его руку разсѣянно, она не спросила даже, гдѣ онъ былъ, очевидно, что онъ мало интересовалъ ее. Теперь ей, дѣйствительно, не было до него никакого дѣла. Онъ попробовалъ тоже холодно отнестись къ ней,—можетъ-быть, она встревожится, придетъ къ нему. Нѣтъ, она не шла къ нему, даже какъ будто избѣгала его. Онъ начиналъ раздражаться. Тогда позвалъ его Ѳеодоръ Романовичъ. Началось горячее объясненіе о

Digitized by Google

деньгахъ. Рома произнесъ неожиданно для самого себя фразу:

— Мои планы разстроились; я не женюсь на Наташѣ.

Онъ желалъ только какъ-нибудь выпутаться изъ затрудненія. Когда онъ послѣ бурнаго разговора съ отцомъ встрѣтилъ опять Наташу, онъ вознегодовалъ на нее: она даже не подозрѣваетъ, что онъ принесъ ей жертву. Дѣйствительно, она вовсе не думала о немъ. То-есть начинала думать и тотчасъ же переходила мыслью къ Иволгину. Если бы Рома вздумалъ теперь ныть передъ нею и молить ее о любви— она не тронулась бы его мольбами. Она сама не понимала, какъ это сдѣлалось, почему. Она знала одно, что теперь она не въ состояніи пожертвовать собой для Ромы. Теперь она знала, что значитъ любить и быть любимой. Принести въ жертву другому это счастье уже не было силъ. Она улыбалась, думая объ Иволгинѣ. Эта улыбка начала бѣсить Романа: онъ жертвуетъ собою ей, а она радостна, сіяетъ. Онъ сталъ иронизировать:

— А ты, Наташа, сегодня особенно весела!

— Съ чего же мнѣ хмуриться?—спросила она.

«Только бы не заныль»,—мелькнуло у нея въ головѣ. Она уже боялась не того, что она расчувствуется, а того, что скучно это нытье. Она себя тутъ же мысленно упрекнула: «развѣ онъ виноватъ, бѣдный, что онъ такой». Этотъ упрекъ зазвучалъ въ ея душѣ, какъ фальшивая нота. Она даже разсердилась на себя, что она его не жалѣетъ. «Сама передъ ними виновата, сама готовлюсь внести въ его жизнь новое горе и сама же не жалѣю его». Она переспросила себя и дружески спросила:

— Гдѣ ты пробылъ эти дни? Ты какъ будто похудѣлъ, точно нездоровъ.

— А тебѣ это не все равно? — насмѣшливо спросилъ онъ.

— Ты такъ думаешь?—обиженно спросила она, чувствуя, что онъ угадалъ правду.

— А ты какъ думаешь?—еще насмѣшливѣе спросилъ онъ.

Ей стало страшно разувѣрять его: «а вдругъ онъ повѣритъ? Опять заплачетъ, бросится цѣловать ея руки». Онъ слѣдилъ за нею презрительнымъ взглядомъ, наслаждаясь смущеніемъ. «Никогда она его не любила; себя они, эти здоровые люди, только и любятъ».

— И для чего ты маскируешься передо мною? Говорила бы все прямо, что есть на душѣ,—замѣтилъ онъ.

Digitized by Google

— Да вѣдь ты все равно не повѣришь,—отвѣтила она.— Ты вездѣ видишь ложь.

— А тебѣ хотѣлось бы, чтобы я въ каждой лжи видѣлъ правду?

Она нетерпѣливо пожала плечами.

— Такъ говорить нельзя!

— Напрасно ты и принуждаешь себя говорить, — замѣтилъ онъ.

Онъ повернулся къ ней спиною и пошелъ прочь.

Между нимъ и ею вдругъ порвалась всякая связь. Эта связь и прежде была слишкомъ слаба—это была не любовь: онъ видѣлъ въ ней возможность спастись отъ пустоты жизни; она жалѣла въ немъ больного человѣка; этого было слишкомъ мало, чтобы сдѣлать прочнымъ ихъ союзъ. Теперь онъ уже, съ настойчивостью нервно больного человѣка, убѣждалъ себя не въ томъ, что она спасетъ его, а въ томъ, что она его сдѣлаетъ еще болѣе несчастнымъ. «Какъ Геліотропова жена заѣдаетъ, такъ и она меня заѣла бы. Та тоже изъ здоровыхъ. Охъ, ужъ эти здоровые люди. Въ мясники бы имъ идти!» Онъ сталъ придираться къ ней на каждомъ шагу, мелочно, обидно, вызывая на ссору.

Разъ онъ ворвался къ ней въ комнату и раскричался:

— Ты взяла у меня томъ Спенсера?

— Ты мнѣ самъ его далъ на прошлой недѣлѣ, — сказала она.

— Я далъ для чтенія, а не для того, чтобы онъ валялся у тебя. Лучше бы ужъ не брали серьезныхъ книгъ, если не можете ихъ осилить.

— Я его читала... но въ эти дни...

— Читала! читала! Много, должно-быть, поняла. Давай книгу!

Она молча подала ему книгу. Онъ почти вырвалъ ее изъ рукъ дѣвушки, смотря на нее злыми глазами.

— У васъ все казовые концы! Все для виду! Въ головѣ двѣ мыслишки, а туда же Спенсеровъ на столѣ держите...

Она не противорѣчила, она почти радовалась, что онъ кричитъ и ругается. «Кончено, все кончено»,—радостно проносилось въ ея головѣ. Онъ, раздраженный ея молчаніемъ, вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

— Кукла, тоже живетъ для внѣшности; рисуется своими добродѣтелями, умомъ! — съ злобой говорилъ онъ про нее, возвращаясь въ свою комнату и швыряя въ уголъ книгу.

Къ обѣду въ этотъ день пріѣхали гости и въ томъ числѣ

Digitized by Google

Кожуховы. Во время послѣобѣденнаго кофе Владиміръ Кожуховъ, сидя среди молодежи на террасѣ, заговорилъ объ оздоровляющемъ вліяніи деревенской жизни. По обыкновенію, онъ свелъ все на себя, на братьевъ:

— Вотъ мы какіе! Я кочерги сгибаю! Александръ точно изъ бронзы отлитъ...

Романъ вскипятился и рѣзко перебилъ его:

— Да, такъ она, эта пресловутая ваша деревня, оздоровляетъ, что въ животное можно превратиться. Въ каждомъ здоровомъ человѣкѣ мясникъ сидитъ.

Онъ взглянулъ злымъ взглядомъ на Наташу. Она отвернулась въ сторону.

— Я говорю это потому, что и мнѣ въ жизни, къ моему несчастію, приходилось сталкиваться съ такими здоровыми людьми. Бездушнѣе ихъ я никого не встрѣчалъ. Они играютъ съ ближними, какъ кошки съ мышами; попасть въ ихъ мягкія лапки значитъ изойти кровью... И все это сдѣлаютъ они—и истерзаютъ, и задушатъ—съ благодушіемъ здоровья и сытости!

Въ головѣ Наташи мелькало: «Это онъ все про меня; отъ меня у него сердце исходитъ кровью; я его истерзала. Господи, что же это такое?»

Владиміръ захохоталъ.

— Удивительная у тебя способность все преувеличивать и дѣлать изо всего драму... Комаръ укуситъ—сейчасъ трагическіе жесты и восклицанія: «эти кровопійцы высасываютъ кровь, отравляютъ жизнь, дѣлаютъ невозможнымъ существованіе!..» Ахъ, чудачина!

И понизивъ голосъ, чтобы его не услыхали хозяева, на другомъ концѣ террасы, онъ прибавилъ шутливымъ тономъ:

— Геліотроповъ сказалъ бы, что по Дарвину это неизбѣжный и роковой законъ наслѣдственности. Вѣдь дядя и тетя тоже грѣшатъ этимъ, любятъ все преувеличивать. Дядя вѣчно на огнѣ поджариваетъ себя, а тетя въ мелодраму впадаетъ...

Романъ запальчиво проговорилъ:

— Я тебя попросилъ бы быть поосторожнѣе!

— А развѣ ты самъ этого не знаешь?—спросилъ Владиміръ, глядя на него съ выраженіемъ наивнаго удивленія.— Да и что тутъ обиднаго? Я готовъ это повторить въ глаза дядѣ и тетѣ. Это не пороки, не преступленія, а мелкія человѣческія слабости. У каждаго свои. Вонъ у Геліотропова слабость все подъ дарвинскіе законы подводить: чих-

Digitized by Google

нуть захочешь—онъ и тутъ Дарвина тащитъ въ свидѣтели, потому что тотъ объ этомъ тоже что-то говорилъ...

Романъ смолкъ и внезапно упалъ духомъ. Въ головѣ уже проносилась мысль: «да, да, это наслѣдственное! Отецъ вѣчно горячился, дѣлалъ изъ мухи слона и не шелъ дальше этой праздной болтовни. Мать рисовалась трагизмомъ своего положенія и праздно будировала на всѣхъ и на все. Онъ, Романъ, тоже говоритъ, сердится, волнуется и ничего не дѣлаетъ, не можетъ, не хочетъ дѣлать. Да, да, не хочетъ. И онъ еще думалъ жениться, плодить такихъ же людей, какъ онъ самъ!» Испуганный этой мыслью, онъ уже шелъ далѣе—онъ бичевалъ себя за то, что онъ сватался за Наташу. «Погубилъ бы и ее и навѣрное погубилъ бы дѣтей. Хороши были бы они, выродившіяся дѣти выродившагося отца!» Въ его головѣ былъ хаосъ, и онъ не могъ разобраться въ этомъ хаосѣ—чего онъ хочетъ, кого онъ обвиняетъ, къ чему стремится. Его заставилъ очнуться отъ этихъ думъ хохотъ гостей. Владиміръ разсказывалъ имъ про Геліотропова.

— Его нельзя назвать сумасшедшимъ, но въ то же время это и не нормальный человѣкъ.

— Да гдѣ вы нынче найдете нормальныхъ людей?—замѣтилъ кто-то изъ окружающихъ.—Всѣ немного тронуты. Вѣкъ ужъ такой—«нашъ нервный вѣкъ».

— Слово даже новое придумали «психопаты». Развратенъ человѣкъ—психопатъ; воръ онъ—психопатъ; лѣнтяй—психопатъ...

— Все оправданія для всякихъ мерзостей. Право, скоро наказывать и сажать въ тюрьму будутъ здоровыхъ за то, что они не поддаются больнымъ...

— Вожжи распустили, потому и нервничаютъ,—сказалъ Владиміръ докторальнымъ тономъ.—Заставилъ бы я разныхъ нервныхъ субъектовъ и психопатовъ поголодать, многіе пришли бы въ себя.

— Ну, вы этого не говорите!—послышалось возраженіе.—Иной съ голоду умретъ, а не образумится...

— Ну, это самый лучшій конецъ для подобныхъ господъ.

— Какой это?

— Смерть!—рѣзко отвѣтилъ Владиміръ.—Дурная трава изъ поля вонъ. Мы покровительствуемъ хилымъ и дряблымъ и губимъ этимъ здоровыхъ и сильныхъ.

По тѣлу Романа пробѣжала дрожь: «о, какъ они легко это рѣшаютъ, эти здоровые люди».

Digitized by Google

Онъ съ ненавистью взглянулъ на окружающихъ, точно они изрекли смертный приговоръ именно ему. И нѣтъ имъ дѣла до него. Они веселятся, а у него на душѣ непроглядный мракъ!.. И вчера были здѣсь гости, и сегодня, и завтра опять устроятъ какой-нибудь пиръ. Будутъ веселиться, пока не проживутъ всего... О, онъ хорошо знаетъ своихъ отца и мать. Промотали когда-то сотни тысячъ. Теперь промотаютъ и это имѣніе. Начало уже положено: продажа лѣса, займы денегъ, потомъ залогъ имѣнія, все это въ недолгіе годы доведетъ до разоренія, а что будетъ дальше? Снова нищета, безъ умѣнья работать, безъ желанья работать. Его охватилъ страхъ передъ нищетою и тутъ же пришли на память только что сказанныя слова о томъ, что иной съ голоду умретъ, а не образумится. Отецъ, мать и онъ самъ были изъ этой породы людей: будутъ голодать, а работать не научатся. Откуда-то выплыли прочитанныя имъ мысли графа Льва Николаевича Толстого о разныхъ обѣднѣвшихъ дворянахъ: «этимъ людямъ ничѣмъ нельзя помочь, никакъ нельзя спасти ихъ».

— Надо кончить все разомъ!—почти вслухъ проговорилъ онъ и, блѣдный, какъ мертвецъ, поднялся съ мѣста.

Всѣхъ точно изумило внезапное движеніе Ромы, его полушопотъ произвелъ странное впечатлѣніе, какъ бредъ сумасшедшаго, а его смертельная блѣдность бросилась всѣмъ въ глаза.

— Ты нездоровъ?—участливо спросилъ Владиміръ.

— Я? Нѣтъ, нѣтъ, я здоровъ!—отвѣтилъ Романъ и съ горькой улыбкой прибавилъ.—Впрочемъ, это мало заботитъ другихъ, а меня еще менѣе...

Онъ въ тяжеломъ раздумьи спустился со ступеней террасы въ садъ и медленно, пошатываясь, съ понурой головой, какъ одряхлѣвшій старикъ, исчезъ за деревьями. Ему хотѣлось только уйти подальше куда-нибудь отъ людей, отъ шума, отъ разговоровъ, прилечь, успокоиться, забыться...

III.

Среди пріемовъ и выѣздовъ никто въ домѣ Ломовыхъ не замѣчалъ, что дѣлалось съ Романомъ. Только Марѳа Власьевна иногда останавливала свои старческіе глаза на Ромушкѣ и качала сокрушительно головой, заботливо поджимая тонкія губы. Когда въ домѣ все затихало, она задумчиво направлялась въ отведенную ей и ея мужу комнату на людской половинѣ и, продолжая качать сокруши-

Digitized by Google

тельно головой, присаживалась на стулъ около окна, подпирала лицо рукою и думала тяжелыя думы. Въ послѣднее время у нея становилось все больше и больше этихъ тяжелыхъ думъ. Убравшись на кухнѣ, являлся къ себѣ въ уголъ и Степанъ Потаповичъ, кряхтя и шаркая ногами, хмурый и усталый отъ работы, становившейся ему уже не по силамъ. И Марѳа Власьевна и Степанъ Потаповичъ сильно опустились за послѣднее время—«притомились», какъ говорили они сами. Бѣгать въ барскій домъ и въ кладовыя черезъ дворъ, спускаться и подниматься по лѣстницѣ въ просторномъ господскомъ домѣ, подавать кушанья въ садъ на террасу, обходить Ломовское, если внезапно понадобится курица или яйца, все это было уже тяжело для стариковъ, и они быстро дряхлѣли. Оставшись съ глазу на глазъ со своимъ мужемъ, Марѳа Власьевна подолгу бесѣдовала съ нимъ и сообщала свои наблюденія старику Потаповичу. Разговоръ обыкновенно начинался съ того, о чемъ болѣе всего сокрушалась Марѳа Власьевна,—съ Романа.

Особенно сильно смутилъ старуху видъ Романа въ тотъ день, когда всѣ господа уѣхали въ гости, а Романъ остался бродить по портретной галлереѣ. Старуха, сидя въ своей коморкѣ, долго вздыхала о Ромушкѣ и тотчасъ же заговорила о немъ, какъ только вошелъ къ ней Степанъ Потаповичъ.

— Видѣлъ ты Ромушку-то? А?—проговорила она мужу.— Хорошъ? Въ гробъ краше кладутъ. А отецъ и мать—ничего, чуть не пляшутъ. Свое дитя умираетъ, а они...

Степанъ Потаповичъ, не отвѣчая женѣ, кряхтя, стянулъ съ себя сюртукъ, потомъ сталъ закуривать коротенькую носогрѣйку. Затѣмъ, потянувшись, онъ прилегъ на постель, чтобы дать отдыхъ усталымъ костямъ. Ни старики Ломовы, ни Рома не интересовали его.

Жена понизила голосъ:

— Про мельницу-то слышалъ? Это Аквилоновъ, паскудная его душа, сосваталъ. Сдается мнѣ, что и Ромушку онъ оплелъ. Что-то уже очень онъ эти дни юлилъ около Ромушки. Чѣмъ занимается! Охъ, ужъ эти тихоходы—либо воръ, либо подлецъ!.. И Ѳеодоръ-то Романовичъ хорошъ, кого въ наперсники взялъ, кому довѣрился!.. Сперва мужичковъ повоевать хотѣли, теперь на—передъ ними безчинства на мельницѣ завели на старости лѣтъ. Съ кѣмъ? Съ послѣдней непутящей бабенкой. У нея и допрежь Ѳеодора

Digitized by Google

Романовича десятки перебывали, да и теперь, поди... И Парфенъ-то хорошъ тоже,—чѣмъ промышляетъ? дочерью... Тьфу! А хозяйство...

Степанъ Потаповичъ усмѣхнулся насмѣшливой улыбкой, затронутый за больное мѣсто.

— По крестьянскимъ избамъ куръ собираемъ, зато въ мелку ходимъ!

Онъ съ негодованіемъ сплюнулъ и потомъ, потягиваясь, зѣвнулъ:

— А-ахъ, ха-ха! Анбиціи нѣтъ!

— Ровно и не господа стали!

— Кабы старые господа изъ гроба встали да на такое хозяйство поглядѣли, душа бы перевернулась...

— Перевернется!—согласилась Марѳа Власьевна.—Зато экипажи изъ Москвы выписаны, зато наряды изъ столицы привезены! Не глядѣли бы мои глаза на все, что здѣсь творится! И какъ это у меня сердце отъ нихъ отлегло, какъ я отъ нихъ отвратилась—и сама я себѣ дивлюсь!

Степанъ Потаповичъ попрекнулъ ее, слегка стуча пальцемъ по столику, стоявшему тутъ же около постели, и глядя укоризненными глазами на жену, сидѣвшую по другую сторону стола:

— А я тебѣ не говорилъ, что благодарности отъ нихъ не жди?

— Ахъ, ты старый, старый! Да нешто я благодарности ждала отъ господъ? Душа моя за нихъ болѣла, вотъ что!

Въ ея голосѣ прозвучала нота горечи:

— Ты пойми, грудью я своей выкормила Антонинушку. Можетъ, больше матери о ней заботилась. Мать по баламъ, я при ней ночи просиживала. А ты благодарность. Не она была мнѣ нужна...

Марѳа Власьевна подгорюнилась, подперла щеку рукой.

— А теперь ровно чужіе, ровно чужіе! Скажи мнѣ, что съ ними ни вѣсть какая напасть приключилась—и будетъ мнѣ все равно... Такое во мнѣ теперь равнодушіе... Сама себѣ я дивлюсь... Право!..

Она опять понизила голосъ и обернулась къ мужу:

— Знаешь, деньги-то я наши спросила. Ей-Богу, спросила!

— Ну?—недовѣрчиво проговорилъ онъ.

— Поморщилась Антонина-то Аркадьевна, поморщилась и говоритъ: «что это ты, мамка; у насъ такіе расходы, а ты денегъ требуешь». Знаешь, тонъ-то ея, свысока это. А я и брякнула: «потому, говорю, матушка, и требую, что у

Digitized by Google

васъ расходы большіе». Какъ ножомъ отрѣзалъ и стыда во мнѣ нѣтъ и жалости нѣтъ. Говорю тебѣ, стали мнѣ ровно чужіе. Ну, распѣтушилась, распѣтушилась она, а я говорю: «стара я, чтобы по-міру ходить, потому и прошу своихъ денегъ».

— Ну!—спросилъ мужъ, качая головой и дивясь на жену. Никогда онъ не думалъ, что она спроситъ деньги у господъ.

— Отдали... Не всѣ, а отдали! — закончила Марѳа Власьевна со вздохомъ.—На богомолье послѣднихъ дней намъ хватитъ... Что за ними осталось. то, говорятъ, Ниночка послѣ замужества отдастъ... Избушку бы съ огородомъ купить и конецъ... Стали бы кое-какъ въ огородѣ копаться, да Богу молиться...

Степанъ Потаповичъ мелькомъ взглянулъ на Марѳу Власьевну.

— Отходить задумала?—коротко спросилъ онъ, давно уже толковавшій о покоѣ.

Онъ за послѣдніе мѣсяцы умаялся гораздо больше ея. Марѳа Власьевна сама это видѣла и сокрушалась за мужа, тѣмъ болѣе, что онъ почти не пилъ теперь. Какъ совершился этотъ переворотъ—трудно рѣшить. Компаніи подходящей для пьянства не было, что ли? Далеко въ кабакъ было ходить, можетъ-быть? Или чистый воздухъ повліялъ на старика? Наконецъ, не сказывалась ли въ этомъ просто физическая усталость? Какъ знать! Самъ Степанъ Потаповичъ объяснилъ, повидимому, все дѣло своей старческой слабостью и говорилъ: «теперь не о хмелѣ. а какъ бы до постели». Но такъ или иначе, а переворотъ, свершившійся въ Степанѣ Потаповичѣ, радовалъ Марѳу Власьевну. Чѣмъ болѣе озлоблялась она противъ господъ, тѣмъ нѣжнѣе она становилась къ мужу. Они всегда любили другъ друга и всегда ссорились чуть не до драки. Теперь причина ссоръ исчезла. Миръ, невѣдомый имъ въ лучшіе годы ихъ жизни, мало-помалу водворялся между ними и сулилъ имъ тихую старость.

— Состарѣлись мы съ тобой. — проговорила она съ лаской.—Вонъ тебя ужъ и къ водкѣ не тянетъ, въ добрый часъ молвить.

— Безъ нея еле ноги таскаю,—отвѣтилъ мужъ и опять спросилъ:—Такъ, значитъ, рѣшили отойти-то. А?

— Вотъ дождемся, какъ выйдетъ Ниночка замужъ, и конецъ... Ромушку мнѣ только жаль, ахъ, какъ жаль!.. Ровно сироту круглаго!

Digitized by Google

Степанъ Потаповичъ повеселѣлъ. Давно онъ уже подговаривалъ Марѳу Власьевну оставить домъ Ломовыхъ. Давно его кости просили покоя. Теперь, повидимому, желанный день былъ близокъ.

— А съ Натальей-то Алексѣевной, видно, дѣло у него вышло табакъ?—пошутилъ онъ.

— Не напоминай ты мнѣ про нее!—оборвала она мужа,— не мути ты души моей! Какъ вспомню о ней, все нутро поворачивается. Не глядѣла бы на нее. Ну, зачѣмъ еще этотъ грѣхъ на душу взяли? Мало было такъ грѣховъ, что ли? Нѣтъ, надо было еще сироту взять да погубить...

Еще болѣе серьезнымъ тономъ, размахивая руками, она продолжала:

— Мнѣ она что? Чужая! И не люблю я ее. А у меня за нихъ сердце перевора чивается. Стыдъ и срамъ, что дѣлаютъ. Взяли дѣвочку, дѣвочка—огонь, а они ее къ молодому человѣку въ опочивальню отправляютъ. Да гдѣ-жъ это видано? И не говори имъ! Не мое, видишь, дѣло! Молодого человѣка на грѣхъ толкаютъ, а я молчи. Сама-то, Антонина-то, раскричалась даже, какъ я замѣтила, что не слѣдъ дѣвочку безъ призора оставлять... Ну, да еще Ромушка блаженный, мертвецъ, какъ есть мертвецъ; его опасаться нечего, а Борисъ Николаевичъ не то.

Она понизила тонъ.

— Теперь къ нему бѣгаетъ, Наталья-то Алексѣевна, а имъ и горя мало. Заняты туалетами, такъ до нея и дѣла нѣтъ. А Богу-то кто отвѣтъ дастъ?—Они, чай!

И уже совсѣмъ таинственно она начала объяснять:

— Намеднись стыдить я ее начала. Говорю: «не пристало барышнѣ такъ-то одной ходить». Такъ куда тебѣ. «Вамъ, говоритъ, Марѳа Власьевна, нѣтъ дѣла до того, какъ и куда я хожу». Тонъ, знаешь, этакій приняла. Допрежь сего этого у нея не было, характеръ проявила, какъ за живое задѣли... Я-то давно знала, что въ ней сидитъ. Ласкова она, ласкова, что говоритъ, а въ свой носъ дуетъ, мала птичка, а поготокъ востеръ. Не мое, видишь, дѣло! Что-жъ, она и права: не моя барышня! Какое мнѣ до нея дѣло? Я и не о ней, а о томъ, что на нашъ домъ мараль пойдетъ. Изъ какого дома барышня по мужчинамъ бѣгаетъ да шашни заводитъ?—отъ господъ Ломовыхъ! Они сироту взяли да не доглядѣли за ней. Это хорошо? Это резонтъ? И что нынче за порядки? Средь бѣлаго дня барышня одна къ мужчинамъ ходитъ. Да гдѣ это было

Digitized by Google

прежде видано? Ну, хочетъ молодой человѣкъ жениться— обратись къ родителямъ, къ сродственникамъ, къ попечителямъ, а тутъ на—сами себѣ дѣвушки женихов высватываютъ...

Осуждая новые порядки, вздыхая и охая, Марѳа Власьевна заявила, что чуетъ ея сердце, что все у нихъ не добромъ кончится.

Это предсказаніе могло бы вызвать смѣхъ, если бы оно дошло до кого-нибудь въ ломовскомъ домѣ. Тамъ всѣ ликовали и ждали только добра.

Апухтинъ былъ по уши влюбленъ въ Анну Ѳеодоровну, какъ можетъ влюбиться только мальчишка или старикъ. Вѣсть о сдѣланномъ имъ Ломовой предложеніи быстро разнеслась по уѣзду и по губерніи, и всѣ, у кого въ домѣ были невѣсты, не безъ зависти поздравляли Ломовыхъ. Сознаніе сдѣланнаго промаха мучило дѣвушекъ-невѣстъ и ихъ матерей, даже не предполагавшихъ прежде, что Апухтинъ, старикъ Апухтинъ когда-нибудь можетъ еще разъ жениться. Всѣ считали его бирюкомъ, сухимъ человѣкомъ, неспособнымъ ни на какія увлеченія, кромѣ занятій генеологіей и конскимъ заводомъ. И вдругъ всѣ узнали, что онъ влюбился, что онъ сдѣлалъ предложеніе Ломовой! Какъ тутъ было не завидовать? Чѣмъ яснѣе высказывалась зависть, тѣмъ сильнѣе сознавала свое торжество Анна Ѳеодоровна: она брала крупный призъ, тѣмъ не менѣе этотъ призъ былъ такого рода, что ей было нужно постороннее удивленіе передъ нимъ, какой-то ободрительный шумъ, доказывающій ей самой, что побѣда точно велика. Браки по любви даютъ сами по себѣ сознаніе счастія; браки по расчету приносятъ тѣмъ болѣе наслажденія, чѣмъ больше вокругъ нихъ слышится завистливаго шипѣнья, ехидныхъ толковъ. Но не одни жители уѣзда и губерніи были взволнованы вѣстью о предстоящей свадьбѣ—въ Москвѣ эта вѣсть еще болѣе взволновала извѣстный кружокъ.

У Апухтина въ Москвѣ жила сестра, Дарья Александровна Апухтина, сердитая на весь міръ и чопорная старая дѣва. Она упала въ обморокъ, узнавъ о намѣреніи брата, и тотчасъ же послала за своимъ племянникомъ и племянницей, жившими не по средствамъ и потому ожидавшими смерти дяди для поправленія своихъ дѣлъ. Здѣсь сразу полился цѣлый потокъ ядовитыхъ и язвительныхъ фразъ:

— Онъ съ ума сошелъ! Его надо отдать подъ опеку! Надо образумить его! Этого такъ нельзя оставить!

Digitized by Google

И среди этихъ безсмысленныхъ и неосуществимыхъ угрозъ, вылившихся въ первую минуту подъ вліяніемъ сильнаго озлобленія, начались вопросы:

— Какая это Ломова? Кто такая? Какая-нибудь авантюристка?

— Разумѣется, авантюристка? Идетъ за старика, за некрасиваго старика,—на это нужно много наглости.

Племянница, Варвара Александровна Шидловская-Рожнова, наивная и глуповатая женщина-куколка, порхавшая по баламъ и театрамъ, влюбленная по уши въ своего красавчика мужа-кутилу, плакала, что ея семейное счастіе будетъ разбито, такъ какъ ея «Володька» привыкъ жить хорошо, и дядя всегда имъ помогалъ.

— Володька не можетъ же жить на жалованье! Гроши какіе-то даютъ!—надувши губки, жаловалась она.—Володька принадлежитъ къ такому кругу, гдѣ нельзя жить кое-какъ, это всю его карьеру испортитъ...

— Да, наконецъ, надо же прямо говорить,—замѣтилъ ея братъ, Александръ Александровичъ Апухтинъ, надутый и чванный карьеристъ изъ «моментовъ»:—она его уморитъ и все можетъ перейти къ ней, если у нея будутъ дѣти.

— Ахъ, развѣ у такихъ бываютъ дѣти!—съ презрѣніемъ воскликнула тетка.—Это дѣвушка съ улицы!

— Но она можетъ прибрать старика къ рукамъ,—сообразилъ племянникъ:—и заставить его продать всѣ родовыя имѣнія, чтобы оставить капиталъ ей. Этого ему нельзя запретить.

— Это будетъ низко, низко со стороны дяди!—воскликнула племянница.

— А мое-то положеніе будетъ теперь хорошо,—продолжала озлобленно старуха.—Вѣдь нашъ почтенный Викторъ Ивановичъ начнетъ теперь меня эксплоатировать. До этого времени занималъ у дяди, а теперь ко мнѣ и къ вамъ будетъ обращаться.

— Ну, нѣтъ, слуга покорный,—сухо замѣтилъ племянникъ.—Мнѣ и такъ стыдно, что онъ мнѣ двоюродный братъ. Разоряться же на него я не намѣренъ. Помогать ему, чтобъ онъ маралъ еще болѣе наше имя своимъ неприличнымъ поведеніемъ...

Молодой человѣкъ сдѣлалъ презрительную гримасу, говоря о неприличномъ поведеніи своего двоюроднаго брата. Самъ онъ былъ вполнѣ приличнымъ офицеромъ и привыкъ вращаться въ лучшихъ кружкахъ Москвы. Его двоюродный

Digitized by Google

братъ, Викторъ Ивановичъ Апухтинъ, былъ для него, какъ и для всей семьи, настоящимъ enfant terrible Слухи о его продѣлкахъ и школьничествахъ облетали всю Москву, то говорили, что онъ якшается съ опасными людьми, то толковали о его любовныхъ похожденіяхъ, то разсказывали, что онъ истратилъ большія деньги на спасеніе кого-то, то указывали на крупный его проигрышъ,—и что было досаднѣе всего, такъ это то, что этому «мальчишкѣ», какъ называла его родня, прощали все, какъ онъ только являлся куда-нибудь.

— И на что Виктору вѣчно нужны деньги? Его мать богата и высылаетъ ему Богъ знаетъ сколько,—замѣтила наивнымъ тономъ племянница Апухтина.—Онъ намъ бы могъ еще помогать. Володька иногда затрудняется ради какихъ-нибудь ста рублей, а Викторъ швыряетъ тысячи... какихъ-то нищихъ-санкюлотовъ, говорятъ, недавно спасъ...

— Ахъ, ради Бога не говори о немъ, мнѣ стыдно вспомнить, что онъ носитъ нашу фамилію,—брезгливо оборвалъ сестру братъ.—Если онъ кончитъ Сибирью, то нужно будетъ еще благодарить за это Бога. Еще на-дняхъ мнѣ говорили о такой его выходкѣ на балу у князя Владиміра Николаевича, что мнѣ пришлось только удивляться, какъ онъ остался цѣлъ... Нѣтъ, лучше не говорить о немъ... Но кто эта Ломова, вотъ что интересно...

Затѣмъ начались рысканья по Москвѣ, чтобы узнать, не знаетъ ли кто-нибудь Ломовыхъ. Въ Москвѣ никто ихъ не зналъ. Вѣроятно, впрочемъ, что и въ Петербургѣ никто не отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ; Ломовыхъ не знали и тамъ. Потомъ сестра Апухтина засѣла за письмо къ брату, написанное по-французски. Письмо состояло изъ двухъ мелко исписанныхъ листовъ почтовой бумаги и состояло наполовину изъ увѣщаній, обращенныхъ къ брату во имя «неба» и во имя «Господа Бога» не губить себя и подумать о своихъ дорогихъ родныхъ. Валеріану Александровичу выставлялось на видъ, что на немъ лежитъ священный долгъ поддержать Сашу, то-есть Александра Александровича Апухтина, и Варюшу, то-есть Варвару Александровну Шидловскую-Рожнову, во-первыхъ потому, что ихъ покойный отецъ, да проститъ его Господь Богъ, разстроилъ ихъ состояніе, попавъ *тоже* (въ письмѣ это слово было подчеркнуто) на старости лѣтъ въ руки авантюристки, а во-вторыхъ, потому, что Саша подаетъ блестящія надежды и съумѣетъ выдвинуть впередъ ихъ имя, и Варюша такой наивный ребенокъ,

Digitized by Google

что было бы грѣшно загубить ея судьбу, обречь ее и ея мужа на лишенія.

Получивъ письмо сестры, Апухтинъ даже не дочиталъ его: онъ торопился къ Ломовымъ и былъ въ самомъ радужномъ настроеніи, менѣе всего гармонировавшимъ съ душеспасительнымъ началомъ письма. Начало письма показалось Апухтину просто скучнымъ, пожалуй, немного обиднымъ.

— Старая дѣва, что она понимаетъ!—проговорилъ онъ пожимая плечами и бросая на столъ недочитанное письмо сестры.—Говорятъ о моихъ годахъ... что значитъ для мужчины пятьдесятъ пять лѣтъ?.. Я еще сосѣмъ молодцомъ смотрю...

Онъ усмѣхнулся и съ необычайною живостью въ самомъ веселомъ настроеніи, сталъ кончать свой туалетъ, стоя передъ зеркаломъ и молодцовато выпятивъ впередъ грудь и животъ. Онъ точно смотрѣлъ молодцомъ, несмотря на свою тучность. Письмо, заброшенное на столъ, такъ и осталось недочитаннымъ.

Весь этотъ день Апухтинъ провелъ у Ломовыхъ и вернулся домой къ ночи. Его коляска, проѣхавъ по двору, остановилась у подъѣзда его дома; онъ съ помощью лакея вышелъ изъ нея и ужъ хотѣлъ пройти къ себѣ въ кабинетъ, когда лакей доложилъ ему, что сейчасъ пріѣхалъ Викторъ Ивановичъ.

— Викторъ Ивановичъ?—переспросилъ Апухтинъ не безъ удивленія.

— Точно такъ,—отвѣтилъ лакей.

Апухтинъ пожалъ плечами. Въ его головѣ мелькнула мысль: «сумасшедшій! вѣчно не предупредитъ и налетитъ, какъ снѣгъ на голову». Юный безалаберный племянникъ съ дѣтства возмущалъ его своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ и покорялъ его сердце своимъ чистосердечіемъ. Онъ и старикъ вѣчно ссорились, чтобы мириться, и вѣчно мирились, чтобы тотчасъ поссориться. То и дѣло Валеріанъ Александровичъ получалъ письма отъ сестры о продѣлкахъ этого enfant terrible семьи,—то Викторъ проигрался, то связался съ какой-то падшей женщиной и вывозитъ ее съ собой въ ложи въ театръ, умышленно скандализируя всю свою родню и все избранное общество, то онъ сидитъ на гауптвахтѣ за дерзости, то пропадаетъ среди какихъ-то лохматыхъ господъ,—но, жалуясь на этого «неприличнаго выродка семьи», и старуха тетка, и Александръ Александровичъ, и Варвара

Digitized by Google

Александровна въ затруднительныхъ обстоятельствахъ не брезгали выпрашивать черезъ него отъ Валеріана Александровича субсидіи себѣ, зная, что именно ему ни въ чемъ не можетъ отказать «избаловавшій на свою голову» дядя. «Что ему надо?—мелькнуло въ головѣ Апухтина.—Самъ промотался или за Александра, или за Варю пріѣхалъ хлопотать? Или опять накуралесилъ, и надо выручать его?» Но прежде чѣмъ онъ сообразилъ что-нибудь, на лѣстницѣ послышался веселый громкій голосъ племянника:

— А я, mon oncle, къ вамъ на бракосочетаніе прискакалъ.

Передъ старикомъ стоялъ статный, красивый молодой человѣкъ, въ разстегнутомъ военномъ мундирѣ, съ густой шапкой черныхъ вьющихся волосъ, похожій скорѣй на мальчугана-школьника, чѣмъ на взрослаго серьезнаго человѣка. Онъ, не давъ дядѣ времени опомниться, заключилъ его въ свои объятія.

— Пусти! пусти! задушишь!—отбивался старикъ, стараясь смотрѣть строгимъ и недовольнымъ.—Шальной человѣкъ! не писалъ, не предупреждалъ и прискакалъ.

Но юноша не слушалъ и тискалъ старика-дядю, звонко смѣясь и показывая блестящіе бѣлые зубы.

— Молодецъ! право молодецъ вы!—говорилъ онъ.—Вотъ такъ штуку выкинули! Ma tante потонула въ слезахъ. Варя тоже заливается слезами...

— Довольно! довольно!—съ досадой остановилъ его въ смущеніи старикъ.—Здѣсь же люди.

— Да развѣ они у васъ выучились по-французски?—засмѣялся Викторъ.

— Ты невыносимъ!—раздражительно сказалъ Валеріанъ Александровичъ, освобождаясь изъ его объятій.—Пойдемъ.

Они прошли въ комнаты.

— Дядя, я приказалъ подать чай и закусить,—замѣтилъ племянникъ.—Голоденъ я, какъ собака...

— Ну, хорошо, хорошо,—отвѣтилъ дядя.—Я сейчасъ приду въ столовую.

Викторъ Ивановичъ направился къ столовой, и черезъ минуту тамъ уже раздавался его звонкій смѣхъ: онъ вертѣлся и тормошилъ степенную старушку, ключницу Апухтина, улыбавшуюся въ отвѣтъ на его шутки и приговаривавшую только:

— Викторъ Ивановичъ, батюшка, вѣдь вы теперь уже не кадетикъ...

Digitized by Google

— Умру кадетомъ, Марья Савишна; сто лѣтъ проживу и умру кадетомъ!—увѣрялъ онъ ее самымъ искреннимъ тономъ.

Наконецъ въ столовую явился и переодѣвшійся Валеріанъ Александровичъ... Экономка спросила его, желаетъ ли онъ чаю. Онъ отвѣтилъ утвердительно. Она стала хозяйничать.

— А вы знаете, дядя, я вѣдь бѣжалъ изъ Москвы,—началъ по-французски Викторъ Ивановичъ, набивая ротъ ѣдой.—Ваша свадьба какъ нельзя болѣе пришлась кстати: предлогъ къ бѣгству.

— Долги опять?—мелькомъ спросилъ Валеріанъ Александровичъ.

— А, ба! Я отъ долговъ никогда не бѣгалъ еще!—возразилъ съ гримасой племянникъ.—Нѣтъ, опять женщина! Господи, когда это кончится!—съ комическимъ отчаяніемъ воскликнулъ онъ.—Вообразите, опять соблазнила новая жена Пентефрія, забрала въ руки, спеленала, начала водить на помочахъ. Я, дядя, убѣжалъ: объявилъ, что вы женитесь, что вы меня приглашали на свадьбу, что я долженъ ѣхать,—и удралъ.

Онъ передохнулъ, торопливо съѣлъ кусокъ холоднаго цыпленка и заговорилъ снова:

— Вы мнѣ не писали, вы меня не приглашали на свадьбу, недобрый человѣкъ, но когда начались у насъ слезы и обмороки, то волей-неволей мнѣ сообщили тайну.

Старикъ Апухтинъ опять нахмурился. На его лицѣ выразилось недоумѣніе. Какія слезы? какіе обмороки?

— Слезы? Обмороки? Что ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ онъ, пожимая плечами.

— Какъ, что?—спросилъ племянникъ, недоумѣвая въ свою очередь.—Вы же женитесь—какъ же не плакать и не падать въ обморокъ?

Апухтинъ снова нетерпѣливо пожалъ плечами, начиная серьезно сердиться.

— Говори, какъ слѣдуетъ! кажется, можно отбросить въ сторону шутки хоть теперь,—отрывисто сказалъ онъ.

— Дядя, да вѣдь это же комедія, настоящая комедія!—расхохотался Викторъ.

— Я тебя еще разъ прошу говорить безъ гаерства!—уже совсѣмъ раздражительно произнесъ Валеріанъ Александровичъ.—Что у васъ тамъ случилось? Кто плачетъ? О чемъ? Если началъ говорить, то объясняй толкомъ.

Викторъ вспыхнулъ. Онъ воспламенялся, какъ порохъ, когда съ нимъ говорили грубо и рѣзко.

Digitized by Google

— Я вовсе не затѣмъ пріѣхалъ, чтобы разсказывать, что случилось, такъ какъ это вамъ извѣстно и безъ меня,—запальчиво отвѣтилъ онъ.—Или вы думаете, что я наушничать явился?

Онъ отодвинулъ отъ себя приборъ и заходилъ по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы панталонъ.

— Этого только недоставало, чтобы вы считали меня способнымъ на мерзости. Это чортъ знаетъ что такое!

Онъ быстро сталъ застегивать сюртукъ.

— Ты это что?—спросилъ Валеріанъ Александровичъ.

— Ѣду обратно! что мнѣ тутъ дѣлать?

Онъ въ эту минуту былъ совсѣмъ похожъ на распѣтушившагося мальчугана. Старикъ усмѣхнулся, пожимая плечами.

— Садись и говори!—сказалъ онъ.

— Ничего я не буду говорить!—отрывисто отвѣтилъ племянникъ.

— Такъ зачѣмъ же ты пріѣзжалъ?

— На свадьбу къ вамъ, познакомиться съ будущей моей теткой ѣхалъ, а не сплетничать. Что дѣлается у насъ, вы знаете безъ моихъ докладовъ изъ письма.

— Изъ какого письма?

— Извѣстно, изъ какого—письма ma tante.

— Я его не читалъ...

Викторъ Ивановичъ внезапно остановился, въ недоумѣніи посмотрѣлъ на дядю и не выдержалъ, расхохотался.

— О, дядя, дядя! Гдѣ же ваша аккуратность, дѣловитость, точность? О, стыдъ! Вы, должно-быть, влюблены, какъ кадетъ!

Валеріанъ Александровичъ сконфузился и могъ только проговорить:

— Дуракъ! дуракъ! Съ тобой положительно нельзя говорить серьезнымъ людямъ! положительно, нельзя.

Но племянникъ уже душилъ его въ объятіяхъ и тормошилъ его, приставая, чтобы онъ разсказалъ, хороша ли его невѣста, любитъ ли она его, блондинка или брюнетка, какъ онъ полюбилъ. Старикъ впервые послѣ долгихъ лѣтъ чувствовалъ себя въ роли пойманнаго въ шалости школьника и не зналъ, какъ выпутаться изъ этого допроса. Ему, немолодому, серьезному человѣку, было неловко признаваться въ любви передъ этимъ мальчуганомъ. Онъ попробовалъ сдѣлать сердитый видъ, но на него сыпались горячіе поцѣлуи; онъ постарался равнодушно отвѣтить, что надо же ему въ его положеніи въ губерніи имѣть хозяйку въ домѣ,

Digitized by Google

но его обрывали на первомъ словѣ, заявляя, что онъ говоритъ неправду, что онъ влюбленъ, влюбленъ, какъ мальчишка. Совсѣмъ растерянный, но въ то же время счастливый, Валеріанъ Александровичъ, наконецъ, пробормоталъ:

— Ну, влюбился, влюбился! Отстань!

— Браво, браво! нашего полку прибыло!—захлопалъ руками Викторъ, прыгая по комнатѣ.—Ахъ, дядя, сколько глупостей я теперь могу надѣлать, потому что вы ихъ надѣлаете еще больше!

Прошло болѣе получаса, когда старику удалось успокоить бурное настроеніе племянника и разспросить его обо всемъ, что произошло въ семьѣ Лухтиныхъ въ Москвѣ. Викторъ Ивановичъ наотрѣзъ отказался разсказывать и заставилъ дядю прежде всего отыскать письмо тетки. Затѣмъ они вмѣстѣ прочли это посланіе. Только теперь Валеріанъ Александровичъ понялъ сущность дѣла: оскорбительные намеки на его невѣсту, какъ на авантюристку; боязнь, что онъ лишитъ наслѣдства Александра и Варвару; неприличныя замѣчанія о томъ, что въ его лѣта очень рискованно жениться, такъ какъ молодая жена можетъ запачкать честь ихъ фамиліи, тогда какъ на эту фамилію и безъ того кладутъ пятна нѣкоторые ея члены своимъ легкомысленнымъ и невозможнымъ поведеніемъ.

— Это въ мой огородъ!—перебилъ дядю Викторъ Ивановичъ со смѣхомъ.

Но Валеріану Александровичу было не до шутокъ. Его лицо горѣло отъ негодованія. Онъ отбросилъ съ презрѣніемъ это письмо и заходилъ по комнатѣ.

— Какъ это пошло, какъ это мелко! — бормоталъ онъ, ощущая гадливое чувство.

Онъ былъ слишкомъ богатъ, слишкомъ джентльмэнъ, чтобъ быть мелочникомъ, корыстолюбцемъ, интриганомъ. Всѣ эти качества пробуждали въ немъ отвращеніе, какъ прикосновеніе къ потной и грязной рукѣ. Виктора Ивановича охватило раскаяніе: зачѣмъ онъ пріѣхалъ? не пріѣхалъ бы онъ, дядя и не зналъ бы ничего этого, бросивъ письмо. Теперь же вышло такъ, точно онъ, Викторъ, вздумалъ наушничать. Быстро поддающійся всякимъ впечатлѣніямъ, онъ смотрѣлъ теперь сконфуженнымъ и началъ неумѣло выгораживать родныхъ. Это они взволновались подъ первымъ впечатлѣніемъ. Это пройдетъ. Нечего думать объ этомъ. Теперь они сами, конечно, стыдятся за это письмо. И чортъ дернулъ его, Виктора, говорить объ этихъ пустякахъ. Вообще онъ

Digitized by Google

такой вѣтреникъ, что ему уши рвать еще надо. Вѣчно надѣлаетъ глупостей. Онъ наивно путался, обѣляя родныхъ и обвиняя себя. Старикъ, наконецъ, овладѣлъ собою, подошелъ къ нему и положилъ на его плечи руки, ласково смотря ему въ глаза.

— Полно, мальчикъ! Ты сдѣлалъ мнѣ большую услугу и не повредилъ никому, —сказалъ онъ мягко. —Не волнуйся!

Онъ опять заходилъ по комнатѣ, взявъ племянника подъ руку.

— Никого я не лишу наслѣдства, никого не ограблю, даже сердиться ни на кого не буду,—проговорилъ онъ.—За что? Все это въ порядкѣ вещей... Но этотъ разговоръ открылъ мнѣ глаза на мои обязанности. Я влюбился и потерялъ голову, забылъ, что я могу умереть не сегодня, такъ завтра и оставить жену, если не нищей, то все же недостаточно-богатой для того, чтобъ поддерживать тотъ образъ жизни, къ какому она привыкнетъ, живя со мной...

Онъ мягко улыбнулся.

— Когда-нибудь она сама скажетъ тебѣ спасибо, узнавъ, что ты навелъ меня случайно на мысль о необходимости обезпечить ее на случай моей смерти.

Онъ покачалъ раздумчиво головой.

— И какъ это не пришло мнѣ прежде въ голову? Люблю дѣвушку, дѣлаю ее своею женой и не заглядываю въ будущее, точно меня и не касается то, что будетъ съ ней послѣ моей смерти. Это непростительный эгоизмъ.

Старикъ говорилъ тихо и мягко. Викторъ слушалъ его вполнѣ серьезно и наконецъ неожиданно спросилъ:

— Дядя, она вполнѣ достойна васъ? да?

Старикъ взглянулъ на его лицо—на этомъ лицѣ отражалось нѣжное чувство любви, сыновней любви къ доброму отцу.

— Я надѣюсь, —отвѣтилъ Валеріанъ Александровичъ, пожимая руку молодого человѣка.

Уже начало свѣтать, когда они разошлись.

Старикъ Анухтинъ долго еще не могъ уснуть. Мысли о духовномъ завѣщаніи, о будущей жизни съ женой бродили въ его головѣ. Среди этихъ думъ мелькала мысль о Викторѣ, какъ о виновникѣ того, что будущее Анны Ѳеодоровны будетъ обезпечено. «C'est un brave garçon!» повторялъ старикъ и досадовалъ, что разныя внѣшнія условія, обычаи и приличія не даютъ ему права оставить все свое имущество этому «мальчику», лишивъ наслѣдства всю остальную родню. Передумывая все это, онъ мягко улыбнулся.

Digitized by Google

— Впрочемъ,—проценталъ онъ: —что же думать объ этомъ... Ему самому это, вѣроятно, и въ голову не приходило никогда. Завѣщай я ему все — онъ разорвалъ бы духовное завѣщаніе и послалъ бы меня къ чорту за оскорбленіе... Странный мальчуганъ, весь еще въ броженіи. Что-то изъ него выйдетъ?..

Потомъ его мысли снова перешли къ Ломовой. Онъ озабоченно думалъ о томъ, что ей грозятъ впереди мелочныя столкновенія съ его родней. Нужно будетъ сдѣлать все, чтобы избавить ее отъ этого.

Дня черезъ два онъ былъ снова у Ломовыхъ и улучилъ свободную минутку, чтобъ поговорить съ Анной Ѳеодоровной наединѣ. Осторожно и съ оговорками онъ замѣтилъ Ломовой, что онъ тотчасъ же послѣ свадьбы долженъ позаботиться объ ея обезпеченіи.

— Какъ ни грустно въ такіе дни думать о смерти,— замѣтилъ онъ ей:— но долгъ каждаго порядочнаго человѣка предвидѣть ея возможность и сдѣлать необходимыя на этотъ случай распоряженія. Я только тогда и буду вполнѣ спокоенъ, когда буду увѣренъ, что моя смерть не поставитъ васъ въ стѣснительное положеніе.

Анна Ѳеодоровна слегка вспыхнула, точно ее задѣли за больное мѣсто, и проговорила сдержанно, но немного надменно:

— Если бы меня постигло это несчастіе, то вѣрно меня менѣе всего заботилъ бы вопросъ о томъ, придется ли мнѣ жить на тѣ маленькія средства, на какія я жила, слава Богу, до сихъ поръ, или я буду располагать болѣе крупнымъ состояніемъ.

Лихтинъ взялъ ея руку и поднесъ къ своимъ губамъ.

— Не сердитесь на меня за то, что я хочу, чтобы вы были вполнѣ независимы и обезпечены даже и тогда, когда я уже не увижу этого,—просто сказалъ онъ. — Надо смотрѣть на вещи трезво. Мы уже не дѣти. Смерть является часто безъ предостереженій, и къ ней нужно быть всегда готовымъ. Если на васъ тяжело отзовется этотъ ударъ, то для чего же еще усиливать его разными мелкими непріятностями, неразлучными съ перемѣной матеріальныхъ средствъ. Вѣрьте мнѣ, что самое горе чище, когда съ нимъ не связаны вопросы о деньгахъ, о перемѣнѣ въ средствахъ, о лишеніи матеріальныхъ удобствъ.

На минуту онъ остановился, потомъ заговорилъ снова.

— Я, какъ и вы, не думалъ вовсе объ этомъ до пріѣзда Виктора. Викторъ напомнилъ мнѣ о моихъ обязанностяхъ.

Digitized by Google

— Викторъ Ивановичъ? — не безъ удивленія спросила Анна Ѳеодоровна, уже познакомившаяся съ племянникомъ Валеріана Александровича и увидавшая въ немъ только «мальчика».

— Да, онъ: это милый, благородный юноша! Къ несчастію, не всѣ мои родные похожи на него. При моей жизни вамъ не придется сталкиваться съ ними, если вы не захотите этого сами, но въ случаѣ моей смерти вамъ, оставшись безъ правъ по духовному завѣщанію, пришлось бы считаться съ этими людьми. Я этого не желалъ бы, какъ ради васъ, такъ и ради нихъ. Эти тяжбы изъ-за наслѣдства всегда оскорбительны, всегда унизительны для обѣихъ сторонъ.

Онъ наклонился немного ближе къ ней.

— Я сказалъ вамъ все откровенно. Вы не сердитесь на меня?

Въ его голосѣ было что-то отечески нѣжное, заботливое. Выраженіе его лица было мягко и добродушно. Въ эту минуту это былъ симпатичный, благородный и добродушный старикъ. Лицо Анны Ѳеодоровны прояснилось улыбкой. Она сознавала, что этотъ человѣкъ—будетъ и думать, и жить только ею и для нея.

— Я не сержусь,—отвѣтила она, ласково взглянувъ на него, и прибавила съ кокетливой улыбкой:—но я не хочу, чтобы вы говорили о смерти. Никогда, никогда! Это уговоръ!

— Хорошо,—сказалъ онъ, глядя на нее уже влюбленными глазами.—Этотъ уговоръ мнѣ тѣмъ легче исполнить, что теперь мнѣ хочется думать только о жизни, безконечно долгой, безконечно счастливой.

Его лицо, за минуту передъ тѣмъ серьезное и задумчивое, опять приняло выраженіе слащавости и глуповатаго умиленія,—выраженіе влюбленнаго старика. Анна Ѳеодоровна поспѣшила прервать продолженіе нѣжныхъ изліяній. Она все еще не могла привыкнуть къ нему, когда онъ смотрѣлъ на нее именно такъ, какъ въ эту минуту...

Когда Апухтинъ уѣхалъ, Анна Ѳеодоровна долго ходила въ волненіи по своей комнатѣ, стараясь думать о разныхъ пустякахъ и невольно думая только о томъ, что сегодняшній разговоръ разогналъ единственную тучку, омрачавшую ея будущее. Правда, она сама до этого объясненія не думала о томъ, что будетъ, если Апухтинъ умретъ: торжество было слишкомъ велико, чтобы омрачать его мрачными предчувствіями. Но теперь слова Апухтина выяснили ей, что, выходя замужъ за него, за старика, могущаго умереть вне-

Digitized by Google

запно не сегодня, такъ завтра, она рисковала остаться вдовой и получить только незначительную часть наслѣдства. На минуту ей стало жутко. Но она тотчасъ же опомнилась и приняла равнодушный видъ. Теперь этого несчастія вѣдь не случится, и послѣ смерти мужа она будетъ богата, будетъ имѣть возможность не возвращаться подъ родительскій кровъ, не зависѣть отъ милостей брата. Ей не хотѣлось думать объ этомъ, но она думала объ этомъ теперь помимо своей воли. Сознаніе, что она никогда, никогда не будетъ болѣе въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, поднимало ея духъ, радовало, веселило ее. И среди этихъ думъ ни на секунду не сжалось болѣзненно ея сердце при мысли, что ея будущій мужъ можетъ скоро умереть...

Черезъ день, когда у Ломовыхъ были снова оба Анухтины, къ нимъ заѣхала Кожухова. Здороваясь со всѣми, она замѣтила Аннѣ Ѳеодоровнѣ, оглядывая ее зоркимъ взглядомъ.

— Ты съ каждымъ днемъ хорошѣешь и расцвѣтаешь.

— Я вполнѣ счастлива и довольна, ma tante,—отвѣтила Анна Ѳеодоровна.

— Да? Я рада за тебя,—проговорила тетка.

Старикъ Анухтинъ слышалъ эти короткія фразы и находился въ блаженномъ состояніи. Уѣзжая отъ Ломовыхъ, онъ крѣпко поцѣловалъ руку Анны Ѳеодоровны, тихо проговоривъ ей:

— Вы сегодня сдѣлали меня еще счастливѣе, чѣмъ я воображалъ.

Она вопросительно взглянула на него.

— Я не объясняю вамъ причины,—пояснилъ онъ свои слова.—Вы сами ее угадаете.

Она угадала и улыбнулась.

— Развѣ вы сомнѣвались? спросила она мелькомъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Но я такъ счастливъ, что случайно уловилъ эти слова...

Она сознавала, что она окончательно вскружила ему голову. Это поднимало въ ней гордость, чувство торжества. Это чувство иногда испытываютъ артистки въ минуты шумнаго успѣха, забывая о томъ, кто имъ рукоплещетъ — невѣжды, нравственные и умственные уроды или истинные цѣнители. Она тоже не разбирала вопроса о томъ, точно ли счастіе быть обожаемой старикомъ, некрасивымъ, смѣшнымъ въ своей влюбленности.

Она прошла въ свою комнату и стала раздѣваться передъ зеркаломъ, смотря на свое отраженіе съ выраженіемъ гор-

Digitized by Google

дость и торжества. Да, точно, она расцвѣла за послѣднее время. Когда она явится въ свѣтъ, всѣ будутъ поражены ея красотой, около нея будетъ масса поклонниковъ. Она думала объ этомъ такъ, какъ будто она готовилась выйти на театральные подмостки.

Свадьба Анны Ѳеодоровны должна была состояться въ сентябрѣ. Апухтинъ нетерпѣливо торопился жениться. Это приводило всѣхъ въ восторгъ, и если о чемъ тужили, такъ о томъ, что послѣ свадьбы Анны Ѳеодоровны семьѣ придется остаться въ деревнѣ. Нельзя же бросить здѣсь Ромы одного. Женился бы онъ на Наташѣ, тогда другое дѣло. А теперь ради него придется жить и зимой въ деревнѣ. Его исторія еще слишкомъ свѣжа въ памяти петербуржцевъ, чтобы думать опредѣлить его тамъ или ввести въ общество. Нужно дать время забыть ее. Да, наконецъ, позволятъ ли ему теперь вернуться въ столицу, не рано ли хлопотать объ этомъ? Ѳеодоръ Романовичъ и Антонина Аркадьевна, не стѣсняясь, при сынѣ высказывали свои сѣтованія на то, что имъ придется изъ-за него проскучать зиму въ деревнѣ. Въ душѣ Ромы поднималось горькое чувство. «Поперекъ дороги у всѣхъ стою», думалось ему, и снова появлялась мысль, что надо все покончить разомъ. Нѣсколько разъ онъ уже мрачно задумывался въ своей комнатѣ, держа въ рукахъ бритву или ножъ. И каждый разъ по его тѣлу пробѣгала дрожь при мысли о самоубійствѣ. Онъ отбрасывалъ эти искушающія орудія смерти и бросался на постель, восклицая:

— Нѣтъ, нѣтъ, даже на это не хватитъ силъ.

Иногда онъ чувствовалъ къ себѣ почти презрѣніе; иногда въ умѣ проходила оправдывающая слабодушіе мысль, что надо жить наперекоръ всему. Въ памяти откуда-то всплывали выученные еще въ дѣтствѣ стихи Грессе:

Malgré tout le jargon de la philosophie,
Malgré tout les chagrins, ma foi, vive la vie!

И тутъ же онъ уличалъ себя:

— Ищу оправданія своей трусости!

IV.

Въ уѣздный городъ, находившійся недалеко отъ Лопасни, въ самые послѣдніе дни августа ежегодно стекались массы богомольцевъ не только со всей губерніи, но и съ разныхъ концовъ Россіи. Въ эти дни въ подгородномъ мужскомъ монастырѣ праздновали годовщину появленія чудо-

Digitized by Google

творной иконы. По этому поводу устраивался крестный ходъ къ мѣсту ея появленія. Довольно долго въ давніе годы изъ-за этой иконы шли нѣкоторыя пререканія между городскимъ соборомъ и монастыремъ, такъ какъ икона явилась подъ самымъ городомъ, и соборъ хотѣлъ поставить ее у себя. Однако монастырю удалось отстоять икону за собою. Городское духовенство должно было удовлетвориться тѣмъ, что его приглашали участвовать въ крестномъ ходѣ и въ службахъ, совершаемыхъ въ этотъ день въ монастырѣ и на мѣстѣ явленія иконы. Извѣстные доходы перепадали въ эти дни и городу, но, тѣмъ не менѣе, масса богомольцевъ наполняла главнымъ образомъ монастырь, его гостиницу и монастырскую слободку. Всѣ окрестные помѣщики, не говоря уже о народѣ, съѣзжались на этотъ праздникъ, продолжавшійся три дня. Задолго до него о немъ уже толковали въ обществѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Эти толки побудили и Ломовыхъ ѣхать въ монастырь, тѣмъ болѣе, что туда собирались и Кожуховы. Анухтинъ и его племянникъ тоже любезно согласились ѣхать съ Ломовыми. Иволгины, поддаваясь просьбамъ молодыхъ Кожуховыхъ, рѣшились въ свою очередь присоединиться къ остальному обществу. Правда, Бориса Николаевича соблазняло не столько общество Кожуховыхъ, сколько возможность побыть съ Наташей. Онъ и она сговорились встрѣтиться въ монастырѣ и провести день вмѣстѣ, проектируя заранѣе, что они отдѣлятся отъ общества въ монастырѣ и вдвоемъ будутъ присутствовать на богомольи. Сборы къ этой поѣздкѣ оживили всѣхъ. Молитвенное настроеніе едва ли охватывало кого-нибудь изъ нихъ, но всѣмъ улыбалась эта поѣздка, какъ развлеченье отъ скуки, какъ веселое partie de plaisir, какъ возможность провести день-другой не по обычному шаблону. Отказался ѣхать одинъ Романъ. Его даже удивило, зачѣмъ ѣдутъ всѣ остальные члены ихъ кружка. Но когда толки о поѣздкѣ стали дѣлаться все болѣе и болѣе возбужденными, когда начались приготовленія къ дорогѣ, когда онъ услыхалъ, что на богомолье отправляется и Марѳа Власьевна, и Степанъ Потаповичъ, и Шершовы, и Аквилоновъ, его охватилъ какой-то безотчетный страхъ: кругомъ все точно вымретъ, и онъ останется одинъ на два, на три дня. Это его пугало.

Съ нѣкотораго времени онъ сталъ серьезно бояться одиночества, охраняя себя инстинктивно отъ мрачныхъ намѣреній. Молодая жажда жизни все сильнѣе и сильнѣе сказывалась въ немъ, чѣмъ чаще являлась мысль о самоубійствѣ.

Digitized by Google

Раза два-три онъ, оставшись одинъ, уже направлялся къ придорожному кабачку, гдѣ онъ уже разъ напивался пьянъ послѣ памятнаго ему пира у Кожуховыхъ. Здѣсь онъ снова напился, ища забвенія въ винѣ. На время это поднимало его упавшія силы и, захмелѣвъ, онъ храбрился:

— Что я въ самомъ дѣлѣ, напустилъ на себя мрачности?— разсуждалъ онъ.—Живутъ же другіе, какъ скоты живутъ... пьютъ, ѣдятъ, спятъ... ну, и будемъ такъ жить... Нирвана еще не уйдетъ...

Онъ начиналъ разсуждать о томъ, какъ кто живетъ кругомъ. Разбиралъ по косточкамъ внутреннюю жизнь всѣхъ окружающихъ его людей. Всѣ, въ сущности, довольны своею судьбою, беззаботно проводятъ дни, даже искренно веселятся. Пожалуй, въ душѣ смѣются надъ нимъ. Да, и смѣются! Онъ съ особенной злобой вспомнилъ беззаботное лицо Виктора Ивановича Анухтина. Этотъ человѣкъ сразу пробудилъ непріязненное чувство въ душѣ Ромы. Безшабашно веселый, полный неперебродившихся силъ, онъ, познакомившись съ Ромой, шутливо спросилъ его:

— Что это вы точно лимоновъ наѣлись?

Рому покоробило отъ этого фамильярнаго тона, и онъ отвѣтилъ дерзостью. Викторъ Ивановичъ не разсердился, повидимому, удивился только и тономъ товарища замѣтилъ:

— Да не кипятитесь! Вѣдь я же пошутилъ, потому что не понимаю, какъ можно въ наши годы напускать на себя такую меланхолію... Мнѣ вотъ еще школьничать хочется, веселиться, жить...

Рома раздражительно пожалъ плечами и насмѣшливо отвѣтилъ:

— Всякому свое! Вы вонъ, кажется, въ солдатики играете съ дворовыми ребятишками.

— Какъ же! какъ же!—съ веселымъ смѣхомъ воскликнулъ Анухтинъ.—Цѣлое войско у меня. Я его, еще будучи ребенкомъ, сформировалъ и все новыхъ рекрутовъ потомъ набиралъ въ него... Забавный народъ эти ребятишки... Право, если бы я остался безъ гроша, или опростился, я пошелъ бы въ сельскіе учителя. Очень ужъ я люблю эту дѣтвору.

Дѣйствительно, Викторъ Ивановичъ въ каждый пріѣздъ къ дядѣ, еще во времена своего кадетства, забавлялся съ дворовыми ребятами, составляя изъ нихъ войско и обучая ихъ маршировкѣ, гимнастикѣ, стрѣльбѣ, штурмамъ крѣпостей и тому подобному. Эта забава повторялась имъ и теперь,

Digitized by Google

несмотря на то, что старикъ Апухтинъ наставительно замѣтилъ ему:

— Ты же уже не ребенокъ!.. Это... это... ну, однимъ словомъ, роняешь себя...

Викторъ Ивановичъ только засмѣялся и отвѣтилъ, что ему гораздо интереснѣе возиться съ ребятишками, чѣмъ сплетничать въ кругу взрослыхъ. Это, впрочемъ, не мѣшало ему быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ Иволгиными и Кожуховыми, очень любившими молодого Апухтина, хотя и называвшими его школьникомъ. Рома дѣлалъ гримасы, когда Иволгинъ и Кожуховы говорили при немъ о своихъ симпатіяхъ къ Виктору Ивановичу.

— Шутъ гороховый, потому и любятъ его,—бормоталъ онъ, выходя изъ кабака.—Шутамъ вообще везетъ... Ну, что-жъ, попробую и я шутить... Отчего не шутить, если и вся жизнь—пустая и глупая шутка?.. Будемъ шутомъ среди шутовъ... Вотъ Геліотроповъ тоже превратился въ шута и ничего—поятъ его господа Кожуховы...

Но хмель проходилъ быстро, тогда упадокъ силъ дѣлался еще ощутительнѣе, болѣла голова, все тѣло было какъ бы разбитое, въ мозгу роились снова невеселыя думы, все бѣсило его—и цвѣтущій видъ Наташи, и самодовольное выраженіе лица сестры, и болтовня отца, вертѣвшагося на каблучкахъ, и новые мотивы нытья у матери, тосковавшей о томъ, что она не скоро увидитъ тріумфы Нины въ Петербургѣ. Ему было тяжело съ этими людьми, но покуда онъ былъ съ ними, въ немъ брали надъ всѣмъ верхъ раздраженіе на нихъ, желаніе надѣлать имъ дерзостей и колкостей; безъ нихъ же оставался только упадокъ силъ, угнетенное состояніе духа и мысль о смерти. Онъ началъ подмѣчать въ себѣ пугавшіе его симптомы возвращенія къ одной и той же мысли съ однихъ и тѣхъ же словъ. Начиналъ онъ думать всегда съ одного и того же, съ мысли, что жить не стоитъ; потомъ являлся страхъ передъ смертью, желаніе жить наперекоръ всему, потребность подбодриться или виномъ, или раздраженіемъ на людей среди людей; затѣмъ временное возбужденіе смѣнялось опять упадкомъ силъ, угнетеннымъ состояніемъ духа, и тотъ же процессъ мыслей начинался снова. Это было страшное верченье мысли въ одномъ и томъ же бѣличьемъ колесѣ. «Ужъ не схожу ли я съ ума?» спрашивалъ онъ самъ себя и слѣдилъ за своими дѣйствіями, за ходомъ своей мозговой работы. Въ ходѣ мысли не было никакихъ перемѣнъ, повторялось все то же,

Digitized by Google

все то же. Кто охватывалъ страхъ. Сойти съ ума — о, лучше ужъ смерть! Нѣтъ, надо развлекаться, надо искать развлеченія. Онъ опять заходилъ въ кабачокъ, къ Кожуховымъ, къ Иволгинымъ. Но всѣ эти встрѣчи бѣсили его. Борисъ Николаевичъ пробуждалъ въ немъ теперь почти ненависть. Для Иволгина это время было самымъ счастливымъ временемъ жизни. Сознаніе, что онъ любимъ Наташею, поднято его духъ. Не объявляя еще никому о своихъ плавахъ, онъ переживалъ чудную пору чистой любви—тайныхъ рукопожатій, мимолетныхъ разговоровъ при всѣхъ, тайкомъ отъ всѣхъ, въ укромномъ уголкѣ, прогулокъ вдвоемъ гдѣ-нибудь въ глухой аллеѣ, поэзіи, переживаемой только разъ въ жизни. Рядомъ съ этимъ у Иволгина явилась оживленная дѣятельность: онъ и Кожуховы сильно агитировали въ уѣздѣ, подготовляя выборную кампанію по земству. Кожуховъ старшій и Иволгинъ были твердо убѣждены, что они останутся къ концу этого года побѣдителями на выборахъ, и подготовляли для себя надежную почву. Заходя къ Иволгину, Романъ почти каждый разъ заставалъ здѣсь кого-нибудь изъ земцевъ средн оживленныхъ толковъ и споровъ.

— Вы точно переворотъ приготовляете,—говорилъ онъ.

— А ты думаешь какъ? Переворотъ и готовимъ,—замѣчалъ Иволгинъ.

— Отечество спасаете?

— Ну, положимъ, не отечество, а нашъ уѣздъ почистимъ-таки, и то хорошо.

Владиміръ Кожуховъ съ обычнымъ дидактизмомъ говорилъ:

— Нельзя же, Рема, до старости оставаться будирующими мальчиками, нужно и дѣло дѣлать...

Романъ горячился, доказывалъ, что то, что называютъ серьезнымъ дѣломъ, въ концѣ концовъ есть переливанье изъ пустого въ порожнее, черпанье воды рѣшетомъ. Всѣ снисходительно умолкали, не возражая ему, или начинали безцеремонно бесѣду о своихъ дѣлахъ. На него, несмотря на его годы, смотрѣли, какъ на мальчика...

Романъ презрительно смотрѣлъ на оживленное мужественное лицо Иволгина, на здоровяка Владиміра, и мысленно повторялъ, что ему тошно видѣть этихъ, какъ говорилъ, «самодовольныхъ людишекъ».

А тутъ подвертывался Викторъ Ивановичъ и, звонко смѣясь, уличалъ его:

— Ахъ, вы непослѣдовательный человѣкъ! Меня ругаете за школьничества и игру въ солдатики, а Бориса Николае-

Digitized by Google

вича и Володю обличаете за стремленіе къ переворотамъ. Какъ же на васъ угодить?

— А вы думаете, что это не та же игра въ солдатики? — съ ироніей произнесъ Романъ.

Викторъ Ивановичъ вопросительно взглядывалъ на него и простодушно спрашивалъ:

— Такъ что же дѣлать?

Романъ пожималъ плечами, не зная, что отвѣтить. Онъ со своей точки зрѣнія могъ бы отвѣтить только одно:

— Не жить вовсе.

А жить хотѣлось, и онъ шелъ къ этимъ людямъ, чтобы хотя злиться на нихъ.

О немъ почти забыли во время приготовленій къ богомолью, такъ какъ знали, что онъ не поѣдетъ туда, когда онъ внезапно заявилъ, что онъ тоже ѣдетъ... Выѣхать на богомолье рѣшили подъ вечеръ, когда спадетъ немного жаръ. Ѣхать на разсвѣтѣ было бы слишкомъ утомительно и для людей, и для лошадей. Экипажи подъѣхали къ крыльцу барскаго дома часу въ девятомъ, и вся компанія тотчасъ же начала размѣщаться въ экипажахъ. Подъ козлы кучеромъ и позади колясокъ слуги торопливо привязывали корзинки съ провизіей, посуду, вино. Послѣ нѣсколькихъ минутъ неизбѣжной сумятохи, полной веселаго шума и гама, толкотни и недоразумѣній, все было прилажено, всѣ были на своихъ мѣстахъ и раздалось желаніе:

— Трогай!

Кучера подобрали вожжи, крикнули съ присвистомъ: «Ну, ну, голубчики!» — и коляски скрипнули, колыхаясь, грузно покатились по мягкой деревенской дорогѣ, поднимая столбы легкой пыли. Изъ Ломовскаго дорога шла сначала лѣсомъ, до большого тракта, въ прохладной тѣни, наполненной ароматомъ и влажностью. Потомъ на большомъ трактѣ лѣсъ разомъ кончился, и по обѣ стороны пути потянулись поля, поля и поля. Здѣсь было относительно свѣтло, и воздухъ не остылъ послѣ дневного зноя. Сразу выѣхавъ на этотъ широкій просторъ, кучера должны были сдержать лошадей и умѣрить ихъ шагъ, такъ какъ вся лента большой дороги сплошь захлебнулась отъ пѣшеходовъ, телѣгъ, тарантасовъ, одноколокъ, какихъ-то допотопныхъ колымагъ, можетъ-быть, выдвигавшихся изъ сараевъ только разъ въ годъ, именно на эти дни. Кто-то въ коляскѣ, гдѣ сидѣлъ Романъ, замѣтилъ, что здѣсь какъ на Невскомъ проспектѣ въ четыре часа пополудни зимою. Замѣчаніе было справедливо только

Digitized by Google

относительно многолюдства, но не относительно характера массы, наполнявшей пространство. Шелъ и ѣхалъ почти исключительно народъ, особенно много было дѣвокъ и бабъ, иногда босыхъ, но въ пестрыхъ и яркихъ одеждахъ, эти босоногія щеголихи несли обувь въ рукахъ; изрѣдка ѣхали многочисленныя купеческія семьи, набившіяся въ повозки, какъ сельди въ бочкѣ; еще рѣже приходилось обгонять господскіе экипажи. Порой коляски обгоняли цѣлыя партіи слѣпцовъ съ длинными палками въ рукахъ, съ дѣтьми-поводырями. Подчасъ, онѣ обгоняли какія-то ручныя телѣжки, гдѣ подъ грудой пестраго тряпья вырисовывались странныя формы живыхъ существъ юродивыхъ-уродовъ, дѣтей-калѣкъ, полумертвыхъ больныхъ. Кое-гдѣ близъ дороги лежали, отдыхая, человѣческія фигуры съ видомъ изнеможенія отъ усталости. У всѣхъ пѣшеходовъ были въ рукахъ, на палкахъ и за плечами узелки съ провизіей, съ разными дарами. Въ одномъ мѣстѣ коляски обогнали немолодую женщину, несшую живого теленка, очевидно по обѣту въ даръ монастырю. Мѣрное укачиванье коляски, пестрящее въ глазахъ движеніе толпы, теплый и неподвижный, пропитанный ароматомъ воздухъ ночи, все это нагоняло сонъ, и скоро всѣ въ колоскахъ смолкли, точно погрузились въ безмолвное созерцаніе. Даже въ этомъ экипажѣ, гдѣ сидѣли Рома, Кожуховы, Иволгинъ и молодой Анухтинъ, немилосердно смѣшившій общество своими шутливыми наблюденіями, мало-по-малу разговоръ притихъ, и сладкая дремота охватила всѣхъ...

Не спалъ только Рома...

Прижавшись въ самый уголъ коляски, онъ глядѣлъ задумчивыми глазами на эту несмѣтную толпу богомольцевъ. Иногда, какъ бы утомясь смотрѣть на нее, онъ поднималъ глаза къ темному небу, сверкавшему теперь милліонами яркихъ мигающихъ звѣздъ. Какое-то смутное, томящее чувство охватило его всего. Онъ позабылъ всѣ свои обманутыя надежды, позабылъ слышанныя еще недавно слова Наташи, разбившія его послѣднія надежды, все это отошло куда-то далеко передъ развернувшейся передъ нимъ необъятной картиной народа, идущаго молиться. Въ головѣ какими-то отрывками мелькали клочки идей, фразъ, изреченій. Откуда-то выплыли слова Некрасова: «Храмъ воздыханья, храмъ печали, убогій храмъ земли моей, моленій жарче не слыхали ни римскій Петръ, ни Колизей». Потомъ вспомнилъ слова Христа: «Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы». Затѣмъ мелькнула мысль:

Digitized by Google

«Когда-то и я ходилъ здѣсь на богомолье». И ярко, ярко изъ тьмы прошедшаго возстала картина этого хожденія на богомолье, съ теплой вѣрой въ груди. Когда это было? Когда въ послѣдній разъ онъ ѣздилъ съ Иволгинымъ въ Ломовское. Это было сравнительно такъ недавно; отъ этого, казалось, отдѣляла его цѣлая вѣчность. Тогда онъ вѣрилъ илѣ хотѣлъ вѣрить. А губы невольно шептали: «И долго я рыдалъ и бился о плиты старыя челомъ, чтобы простилъ, чтобъ заступился, чтобъ осѣнилъ меня крестомъ Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ, Богъ поколѣній, предстоящихъ предъ этимъ скуднымъ алтаремъ». А теперь—partie de plaisir, чтобы посмотрѣть, какъ молится народъ!

Ему, Ромѣ, не о чемъ было молиться, некому было молиться.

Онъ поднялъ глаза къ звѣздному небу, ища тамъ чего-то среди этихъ звѣздъ. Въ головѣ какъ-то невольно мелькнули названія созвѣздій, опредѣленіе ихъ величины, разныя гипотезы о нихъ, вся эта проза ученыхъ изслѣдованій, сухая, голая, трезвая и скучная. Въ душѣ была какая-то страшная пустота, царилъ какой-то холодъ. Не было ни надеждъ, ни вѣры, ни поэзіи. Въ дѣтствѣ ему говорила мамка: «Звѣздочки—божьихъ ангеловъ глазки, смотрятъ онѣ, спитъ ли Ромушка; увидятъ, что не спитъ, а капризничаетъ, пойдутъ къ Боженькѣ и пожалуются, и разсердится Боженька на Ромушку». Въ дѣтствѣ онъ полюбилъ разсказъ Полонскаго о томъ, какъ «начнетъ обходъ свой мѣсяцъ», чтобы «узнать, кто тамъ молится, кто плачетъ, кто и какъ себя ведетъ». Потомъ была пора, когда онъ подъ вліяніемъ Иволгина съ восторгомъ читалъ Фетовскія ночи, восклицая сотни разъ: «о, этотъ мѣсяцъ волшебникъ». Далѣе ему вмѣстѣ съ Гейне казалось не разъ, что и звѣзды, и мѣсяцъ глядятъ на него съ тоскою и шепчутъ: «отчего ты такъ блѣденъ, Рома?»...

— Ребячество!—почти вслухъ проговорилъ онъ.

А тоска снова захватила душу: ребячество прошло и не замѣстилось ничѣмъ, осталась пустота въ умѣ, въ сердцѣ, въ душѣ...

Откуда-то съ болота потянуло холодкомъ и сыростью, и по сторонамъ задымился туманъ, точно упавшія на землю бѣловатыя облака. По тѣлу Ромы пробѣжала легкая дрожь. Отъ холодка или отъ тяжелыхъ думъ? Самъ онъ не могъ дать себѣ въ этомъ отчета. Онъ перемѣнилъ положеніе и разбудилъ этимъ движеніемъ Владиміра.

— Что? Развѣ пріѣхали?—спросилъ очнувшійся Кожуховъ, зѣвая и протирая глаза спросонья.

Digitized by Google

— Нѣтъ еще, — отвѣтилъ Рома.

— Славно вздремнулъ!—проговорилъ Владиміръ, сѣвъ, сладко зѣвая и немного ютягиваясь.—А ты спалъ?

— Нѣтъ.

— Не дѣло! Днемъ будешь походя спать. Мнѣ вотъ хоть часъ нуженъ, чтобъ успуть мертвымъ сномъ, а тамъ я опять хоть цѣлыя сутки на ногахъ могу быть...

Онъ посмотрѣлъ кругомъ.

— Экая ночь-то благодатная!.. Вотъ, вотъ, смотри, звѣздъ черкнула... Опять... другая...

И, охваченный весь прелестью этой звѣздной ночи, онъ сталъ будить спящихъ:

— Довольно вамъ дрыхнуть-то! Ну, шевелитесь! Ночь такая, что грѣхъ спать...

Всѣ проснулись, позѣвывая, недоумѣвая, зачѣмъ ихъ разбудили. Викторъ Ивановичъ сообразилъ первый:

— Это ему скучно одному, такъ хочетъ, чтобы его развлекали! Привередливая дама!

Послышался смѣхъ. Достали папиросы, зачеркали спичками, начали курить.

— Да вы бы благодарить должны меня, что я не далъ вамъ пропустить такую ночь,— сказалъ Владиміръ:—а они еще насмѣхаются! О, неблагодарные!

— Да вѣдь водочки и закусончика не будетъ, такъ что же и не спать, сказалъ бы покойный Геліотроповъ, шутливо замѣтилъ Александръ Кожуховъ.

— Да, ему вся жизнь представлялась въ видѣ возможности попользоваться водочкой и закусончикомъ,—въ топъ брату проговорилъ Николай.—Поди, теперь скучно и въ могилѣ-то безъ этихъ благъ.

Романъ обернулся къ братьямъ Кожуховымъ, смотря на нихъ широко открытыми глазами, ничего не понимая.

— Что вы говорите? Покойный? Въ могилѣ?—заговорилъ онъ въ недоумѣніи.

— Да развѣ ты не зналъ, что онъ умеръ? — съ удивленіемъ спросилъ Владиміръ. — Вчера похоронили...

— Скоропостижно?

— Да. Обыкновенный конецъ пропонцъ... А я думалъ, что ты зналъ. Объ этомъ у насъ не мало говорили. Еще бы такая смерть...

— Послѣдовательная,—вставилъ Николай Кожуховъ. — Какъ жилъ, такъ и умеръ.

Владиміръ сталъ разсказывать:

Digitized by Google

— Четвертаго дня его жена ушла стирать бѣлье на рѣку; онъ остался съ дѣтьми. Малолѣтнія они у него. Ну, и воспользовался онъ случаемъ для выпивки. Предъ этимъ уже пилъ нѣсколько дней сряду. Пошелъ въ кабакъ, продалъ всю свою одежонку, напился всласть, пришелъ домой и сталъ изображать предъ дѣтьми дикаря. Раздѣлся до-нага, надѣлъ на спину женинъ передникъ, вмѣсто звѣриной шкуры, сталъ прыгать на четверенькахъ по избѣ. Ребятишки хохотали-отъ души. Потомъ онъ повалился на бокъ и зарычалъ. Любили дѣти его за эти шутки. Чего-чего онъ передъ ними не продѣлывалъ—и львомъ изображалъ, и комедіи разыгрывалъ, и пѣтухомъ пѣлъ. Извѣстно, шутъ. Когда онъ пересталъ рычать, они стали его теребить и тормошить, чтобы онъ продолжалъ тѣшить ихъ. Но онъ уже больше не могъ никого тѣшить, отшутивъ свою послѣднюю шутку. Когда жена вернулась съ рѣки—онъ совсѣмъ закоченѣлъ.

Разсказъ былъ сжатъ, сухъ, холоденъ. Отъ этого тона онъ казался Роману еще страшнѣе.

Николай Кожуховъ вставилъ:

— Жилъ шутомъ—шутомъ и умеръ.

— И слава Богу, что умеръ, женѣ хоть развязалъ руки,— спокойно проговорилъ Владиміръ.—Она баба сильная, здоровая, крѣпкая. Вчера, когда его хоронить понесли, шла за гробомъ съ двухлѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ: грудь высокая, лицо строгое, губы сжаты, въ глазахъ ни слезинки, суровость одна во взглядѣ, такъ что мнѣ невольно вспомнилась некрасовская «здоровая крестьянка». Такія не пропадаютъ. были бы руки развязаны, а онъ вѣдь только поперекъ дороги у нея стоялъ...

И, резонируя по привычкѣ, Владиміръ вналъ въ педантическій тонъ, заговорилъ о людяхъ-тунеядцахъ, о чужеядныхъ человѣчества, жестоко и безпощадно нападая на всякія стремленія нѣкоторыхъ писателей «обѣлить» или «поставить на пьедесталъ» какихъ-нибудь Любимовъ Торцовыхъ, или отыскать душу Мармеладовыхъ.

— Гордѣи Торцовы дѣлаютъ подлости, но у нихъ есть хоть то оправданіе, что они стремятся къ своимъ выгодамъ, закончилъ наставительно Владиміръ.—Любимы же Торцовы не могутъ и этого сказать въ свое оправданіе, потому что они дѣлаютъ подлости только подъ вліяніемъ пьянства, а пьяный тунеядецъ всегда подлецъ уже потому, что онъ долженъ ѣсть и пить, то-есть грабить работящаго и трезваго. Гордѣи могутъ грабить народъ, Любимы будутъ цроцивать

Digitized by Google

эти же награбленныя деньги, пресмыкаясь вдобавокъ ко всему передъ Гордѣями...

Романъ уже не слушалъ, устремивъ глаза въ даль, въ прозрачный сумракъ звѣздной ночи. Передъ нимъ проносились картины. Вотъ исхудалый, голый Геліотроповъ, съ шутовски надѣтымъ на спину женинымъ передникомъ, лежащій на полу, умирающій подъ хохотъ тормошащихъ тятьку дѣтей. Вотъ жена Геліотропова, рыжая, здоровенная, съ сильными руками, шагающая съ суровымъ видомъ за гробомъ мужа, безъ слезинки на глазахъ. Вотъ онъ, Романъ Ломовъ, идетъ, пошатываясь, изъ придорожнаго кабачка и съ пьянымъ смѣхомъ говоритъ: «шутамъ только и жить, ну, и будемъ шутомъ, такъ какъ и вся жизнь пустая и глупая шутка». А подъ самымъ ухомъ Владиміръ Кожуховъ, сильный и здоровый творитъ «поминки» Геліотропову, говоритъ ему «надгробное слово», ругая всѣхъ пьяницъ и тунеядцевъ, и кажется Ромѣ, что Владиміръ ругаетъ не Геліотропова, а его самого, Романа Ломова, тоже ничего не дѣлающаго и тоже чувствующаго позывъ къ водкѣ. Проходятъ передъ нимъ эти картины, кажется ему, что онъ уже не Романъ Ломовъ, а Геліотроповъ, худой, костлявый, спившійся съ круга человѣкъ; его всѣ ругаютъ, а онъ шутитъ надъ самимъ собой злыя шутки о неприспособленныхъ головахъ, не пробуя даже приспособиться, такъ какъ все-равно не приспособишься,—да и стоитъ ли? Роману и жутко, и больно, грудь давитъ, точно рыданія захватываютъ ему горло, душатъ его.

— Ну, пріѣхали!—раздался чей-то веселый голосъ.

— Разъ, два, три!—командуетъ чей-то другой голосъ.— Скачи черезъ бортъ.

Изъ коляски, не открывая дверцы, выскакиваетъ кто-то, за нимъ еще кто-то другой.

— Школьники! -говоритъ Владиміръ Кожуховъ.

Романъ очнулся, сталъ протирать глаза. Онъ не могъ отдать отчетъ себѣ, спалъ ли онъ и видѣлъ страшный сонъ, или на яву пронеслись въ его головѣ мрачные образы. Да, должно-быть, все это было сновидѣніемъ... Но подавленность, тяжесть на сердцѣ уже не проходили. Кругомъ же слышались веселые голоса, всѣ говорили на-перебой, суетились, толкались, дурачились, точно о[illegible]или, точно ни пиръ попали...

V.

Все общество Ломовыхъ на слѣдующій день поднялось рано утромъ, чтобы отправиться въ монастырскій соборъ къ

Digitized by Google

службѣ. Одинъ Романъ не поднялся съ постели и, сердито отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, объявилъ будившему его Николаю Кожухову, что онъ придетъ послѣ въ монастырь. Его оставили въ покоѣ. Старики Ломовы, Анна Ѳеодоровна, Вѣра Николаевна Иволгина, Кожухова и Валеріанъ Александровичъ, доѣхавъ до монастыря, направились въ церковь. Одинъ изъ стариковъ-монаховъ, почтительно привѣтствуя ихъ, повелъ все общество на почетныя мѣста. Молодежь прошла изъ города въ монастырь пѣшкомъ и разбрелась по монастырскому кладбищу и двору.

Дорога изъ города въ монастырь вела по мосту, перекинутому черезъ нешироку, мелководную лѣтомъ и многоводную во время разливовъ рѣчку. Около моста была построена часовня на мѣстѣ явленія иконы. Далѣе отъ моста до монастыря раскидывалась широкая площадь, заканчивавшаяся монастырской оградой и справа монастырской слободой, а слѣва небольшимъ лѣскомъ. Въ дни монастырскаго праздника все это песчаное пространство представляло видъ большой ярмарочной площади съ массою телѣгъ, экипажей, подвижныхъ шалашей и пестрѣло группами народа, стекавшагося сюда по мосту и по берегу съ обѣихъ сторонъ. На площади шелъ бойкій торгъ не только образами, картинами, четками и книжками для народа, но и разными другими издѣліями—деревянными и металлическими мелкими вещами, пестрыми лентами и платками, пряниками, орѣхами и бубликами, булками, калачами и другими съѣстными припасами. Окрестные крестьяне привозили сюда даже домодѣльную посуду, глиняную и деревянную, такъ какъ въ эти дни здѣсь былъ сбытъ для всего. У часовни и у монастырскихъ воротъ бойко торговали монахи свѣчами, просфорами, образами, четками и житіями святыхъ. Послушники, юноши и дѣти, припомаженные и нарядные, еще похожіе болѣе на дѣвочекъ, чѣмъ на мальчиковъ, въ своихъ длинныхъ, какъ юбки, одеждахъ, съ перетянутыми тальями и съ падавшими на плечи волнистыми, лоснящимися волосами, сновали въ толпѣ, озабоченные, занятые дѣломъ. Степенные старики-монахи, тоже одѣтые по-праздничному, стояли у выручекъ со свѣчами и образами, едва успѣвая получать деньги и давать сдачи, коротко отвѣчая на предлагаемые имъ со всѣхъ сторонъ вопросы. По мѣрѣ приближенія къ монастырскимъ воротамъ толпа дѣлалась все гуще и гуще, а тамъ, въ монастырѣ, уже все пространство захлебнулось народомъ. Когда Романъ, проснувшійся, наконецъ, отъ тяжелаго сна, направился къ мона-

Digitized by Google

стырю,—пробраться въ монастырскій соборъ было уже положительно невозможно. Въ храмѣ, какъ говорится, яблоку некуда было упасть. Ломовъ, впрочемъ, и не пытался проникать туда. Онъ, въ сущности, самъ не понималъ, зачѣмъ онъ даже пошелъ въ монастырь. Онъ чувствовалъ себя скверно — въ головѣ и въ душѣ была какая-то пустота, что-то безотчетное томило и угнетало его. Такое ощущеніе бываетъ послѣ внезапно-постигнувшаго страшнаго горя или при смутномъ предчувствіи невѣдомой страшной бѣды. Онъ сталъ бродить среди народа по окружавшему монастырскій храмъ кладбищу, тѣнистому и расчищенному, какъ садъ. Тутъ не было мѣстечка, гдѣ не пріютились бы люди, нарядные, съ праздничнымъ выраженіемъ на лицахъ, съ непокрытыми головами, отдыхающіе или молящіеся подъ открытымъ небомъ. Изъ храма чрезъ отворенныя окна доносилось стройное пѣніе монаховъ. Съ колокольни неслись звуки благовѣста. Въ толпахъ народа слышался смутный говоръ, гдѣ-то въ сторонѣ слѣпцы пѣли про убогаго Лазаря, а поводыри ихъ, держа въ рукахъ небольшія деревянныя чашечки, приговаривали: «слѣпенькому, убогому, подайте Христа ради», и, отъ времени до времени, слышалось звяканье денегъ, падавшихъ въ эти деревянныя чашки. Въ воздухѣ среди деревъ стояло немолчное чириканье птицъ и слышался шелестъ листьевъ. Дальше, у монастырскихъ жилыхъ построекъ, изъ подвальнаго этажа, неслись торопливые звуки, говорившіе, что тамъ идетъ поспѣшная стряпня, что-то рубится ножами и сѣчками, скоро-скоро, точно изъ боязни опоздать. Монастырскій храмъ, казалось, горѣлъ внутри, такъ какъ сквозь каждое окно были видны группы горящихъ свѣчей и теплившихся лампадъ. А надъ снопами этого свѣта, надъ колеблющимися язычками горящихъ свѣчей, вились легкія струйки дыма, разсѣивавшіяся и исчезавшія въ вышинѣ. Не меньше было свѣта и снаружи: солнце уже поднялось довольно высоко и заливало всю картину горячими лучами, казавшимися еще ярче отъ рѣжущихъ и безъ того глаза красныхъ и розовыхъ, желтыхъ и бѣлыхъ ситцевъ и кумачей на рубахахъ, сарафанахъ, платьяхъ и платкахъ богомольцевъ, представлявшихся издали, среди темной зелени, букетами какихъ-то фантастическихъ цвѣтовъ. У Романа пестрѣло въ глазахъ, звенѣло въ ушахъ, наконецъ, начала немного кружиться голова отъ этого движенія, отъ этихъ звуковъ, отъ этого блеска. Онъ машинально опустился на одну изъ могильныхъ насыпей,

Digitized by Google

недалеко отъ церкви, и сталъ безцѣльно смотрѣть въ пространство. Впереди, недалеко отъ него, какая-то совсѣмъ дряхлая старуха въ темной и коротенькой бѣдной одежонкѣ, въ коричневомъ ситцевомъ платкѣ на головѣ, съ выбившимися изъ-подъ него прядями сѣдыхъ волосъ, падавшихъ на костлявое лицо, стояла на колѣняхъ на пескѣ и молилась, шевеля сморщенными губами и медленно осѣняясь высохшею, желтою и сморщенною рукою крестнымъ знаменіемъ; она клала земные поклоны и подолгу оставалась неподвижно распростертой на землѣ. Немного впереди ея мускулистый и здоровый парень съ широкимъ и загорѣлымъ лицомъ, съ блестящими отъ масла волосами, въ красной рубахѣ и въ накинутомъ на плечи кафтанѣ, стоялъ, обратясь лицомъ къ церкви, и быстро крестился, занося руку широкимъ размахомъ на самое темя, потомъ ниже пояса и, наконецъ, чуть не дальше плечъ, и отвѣшивая скорые поясные поклоны; послѣ каждаго поклона онъ встряхивалъ опускавшимися внизъ волосами и быстро смахивалъ ихъ со лба движеніемъ руки. Казалось, ни старуха, ни онъ не замѣчали и не слышали ничего кругомъ, смотря только на окна церкви и на видиѣвшіеся сквозь нихъ образа и свѣчи, ловя одни звуки долетавшаго изъ храма пѣнія. Романъ отвернулся въ сторону, и его взглядъ упалъ на старика, сѣдого, какъ лунь, одѣтаго почти въ лохмотья, но опрятнаго и благообразнаго; старикъ сидѣлъ на могилѣ, держа обѣими руками за верхній конецъ палку и опершись на нихъ подбородкомъ; его потухшіе глаза смотрѣли впередъ, тоже на церковь; онъ казался неподвижной статуей и только его шевелившіяся губы говорили, что и онъ молился. Откуда-то до Ломова долетѣло, какъ вырвавшійся невольно вздохъ: «ахъ, заступница наша, мать Пресвятая Богородица, помилуй насъ грѣшныхъ», — онъ обернулся и увидѣлъ худощавую, загорѣлую бабу, кормившую грудью ребенка,—она задумчиво качала головой и тоже что-то шептала, шевеля тонкими, сухими и потрескавшимися губами. О чемъ молились эти люди, несчастные, бѣдные, измученные трудомъ? На что они надѣялись въ жизни, принесшей имъ столько невзгодъ, что давно можно было придти въ отчаяніе?.. Рому охватила безотчетная тоска, точно онъ попалъ въ толпу людей, говорящихъ на непонятномъ для него языкѣ о непонятныхъ для него предметахъ. Онъ всталъ, пошелъ безцѣльно впередъ, одинокій въ толпѣ, и остановился, наконецъ, пораженный чѣмъ-то. Около одной стѣны жилыхъ монастырскихъ помѣщеній на солнеч-

Digitized by Google

номъ припекѣ стояла ручная телѣжка. Въ ней лежалъ подъ грудой пестраго тряпья глухонѣмой уродъ съ непомѣрно-большой головой, съ всклокоченными, уже наполовину сѣдыми волосами, падавшими на суровое старческое лицо, съ маленькимъ туловищемъ, высохшими руками и ногами, несоразмѣрно короткими по отношенію къ головѣ. Все это дѣлало его видъ ужаснымъ. При взглядѣ на него, Роману вспомнился Пегасъ Иволгина съ отнявшимся задомъ и сохнущими задними лапами. Уродъ что-то рычалъ, безостановочно извиваясь на своемъ ложѣ подъ тряпьемъ и все время, безъ отдыха, шевелилъ пальцами правой руки, какъ бы растирая имъ большой палецъ, принявшій, должно-быть, отъ этого постояннаго однообразнаго движенія черезчуръ большой размѣръ. Романъ почувствовалъ почти физическую боль, смотря на постоянное движеніе тѣла и руки этого уродливаго существа. Онъ обратился къ стоявшей возлѣ телѣжки бабѣ и замѣтилъ ей:

— Его солнце печетъ! Въ тѣнь бы его отвезти.

— Нешто онъ понимаетъ!—отвѣтила равнодушно баба и, перемѣнивъ тонъ, привычно-плаксивымъ голосомъ попросила:

— Подайте убогому на хлѣбъ!

— Что засмотрѣлся?—раздался голосъ позади Романа. — Хорошъ субъектъ?

Это былъ голосъ Кожухова.

— И живутъ же подобные люди!—проговорилъ Романъ, обращаясь къ Кожухову.

— Ну, много онъ понимаетъ!

Въ эту минуту мимо молодыхъ людей бойко прошло къ стоявшей около юродиваго урода бабѣ какое-то существо—человѣкъ, крупный по формамъ туловища, головы и рукъ, но совершенно лишенный ногъ. Онъ шелъ быстро на рукахъ, широко раскидывая ихъ и раскачивая туловище. Приблизившись къ бабѣ, онъ быстро и сердито заговорилъ съ нею хриплымъ голосомъ.

— А вотъ этотъ не только живетъ, такъ еще и пользуется всѣми благами жизни,—замѣтилъ Владиміръ, указывая на безногаго мужика.—Пьяница и развратникъ, какихъ свѣтъ не производилъ.

— Ну?—недовѣрчиво произнесъ Ломовъ.

— Я его давно знаю, мерзавца, первѣйшій буянъ и Донъ-Жуанъ. Впрочемъ, почему же и не пользоваться благами жизни, денегъ добываетъ много — есть изъ чего пожить. Этого вотъ идіота раздобылъ гдѣ-то и эксплоатируетъ

Digitized by Google

его въ свою пользу. Приставилъ къ этому свою прежнюю возлюбленную. Промыселъ тоже...

Романъ съ отвращеніемъ взглянулъ на красное лицо безногаго нищаго, смотрѣвшаго нахально и въ то же время сурово на покорно выслушивавшую его ругань бабу.

— Нашихъ не видалъ?—спросилъ Владиміръ.

— Нѣтъ!

— Растерялись всѣ. Старшіе всѣ въ церкви. Братья куда-то съ Викторомъ затерялись. Наташу только и видѣлъ съ Борисомъ Николаевичемъ — ждутъ у часовни на рѣкѣ крестнаго хода...

Романа точно чѣмъ-то кольнуло, когда онъ услышалъ, что Наташа находится вдвоемъ съ Иволгинымъ.

— Утомилась совсѣмъ наша барышня, смотря на богомолье,—продолжалъ Владиміръ.—Я подошелъ, говорю: «устанете вы». А она: «ахъ, нѣтъ, я бы цѣлый день смотрѣла на все это, всѣ точно сроднились, слились здѣсь въ одномъ общемъ чувствѣ».

И, не воздержавшись отъ обычнаго дидактизма, онъ разсудительно замѣтилъ:

— Это она, конечно, идеализируетъ дѣйствительность, но благо тому, кто еще не потерялъ способности идеализировать пошлую прозу жизни. Безъ этого жизнь...

Романъ уже не слышалъ его и безсознательно шелъ куда-то, пробираясь черезъ толпу. Онъ вышелъ за монастырскія ворота, сталъ спускаться по песчаной площади къ часовнѣ у рѣки. Тамъ вокругъ часовни, сверкавшей сотнями свѣчей, ползли вереницей, на колѣняхъ, женщины и мужчины, держа свѣчи, крестясь и шепча молитвы. Одна изъ этихъ ползавшихъ на колѣняхъ женщинъ держала на рукахъ ребенка съ повисшими, какъ плети, ногами, съ безпомощно упавшею ей на плечо головою. По ея лицу струился ручьями, какъ вода, потъ, но она ползла все дальше и дальше. Романъ остановился, пораженный этимъ зрѣлищемъ, и тутъ же увидалъ Наташу и Иволгина. Наташа тихо отирала слезы.

— Что съ тобой?—быстро спросилъ Романъ, охваченный невольной тревогой при видѣ ея слезъ.

На мгновенье въ немъ вспыхнула любовь къ ней, чѣмъ-то огорченной, о чемъ-то плачущей.

— Ты видишь. Эта несчастная мать,—проговорила тихо Наташа растроганнымъ голосомъ.—У ея ребенка вотъ уже годъ, какъ стали сохнуть ноги, и она дала обѣтъ на колѣ-

Digitized by Google

нихъ обойти сколько-то разъ эту часовню. Сейчасъ говорила съ нами, вѣритъ, что Богъ дастъ ему облегченіе... И что за прелестное дитя! Вѣдь это съ ума можно сойти отъ такого несчастія. Бѣдная, бѣдная женщина.

Романъ уже былъ опять спокоенъ: причина слезъ Наташи не взволновала его, а, напротивъ того, успокоила его невольное волненіе. Онъ не могъ представить себя въ положеніи этой несчастной женщины, какъ это мимовольно сдѣлала Наташа, любящая и любимая.

— Всѣ они жалкіе,—проговорилъ онъ, хмуро косясь на Иволгина:—жалкіе, потому что безпомощные, дальше этого ползанья ни до чего не додумались.

— Смотрите, крестный ходъ двинулся! — сказалъ Иволгинъ, отвлекая вниманіе Наташи отъ Романа.

— Ахъ, да, да!—воскликнула Наташа. — Господи, какая картина.

Дѣйствительно, картина была великолѣпная: изъ монастырскихъ воротъ, тянулась лента крестнаго хода; нѣсколько монахи, священники, образа, хоругви, кресты сопровождались густой пестрой массой народа. Возносясь надъ всѣмъ, виднѣлась чудотворная икона въ богатой ризѣ, несомая на ниспадавшей внизъ богато украшенной пеленѣ. Едва показался въ воротахъ крестный ходъ, какъ навстрѣчу ему поползло множество людей, давшихъ обѣтъ на колѣняхъ проползти подъ иконой. Процессія двигалась медленно и величаво. Нѣкоторые изъ богомольцевъ, между тѣмъ, обгоняли стороною крестный ходъ, чтобы занять поудобнѣе мѣста у часовни. Тутъ уже становилось тѣсно.

— Тебя задавятъ!—обратился Романъ къ Наташѣ, видя, что кругомъ нихъ образуется толпа и что Наташа приподнимается на цыпочки, чтобы лучше видѣть, что происходитъ впереди.

— Ничего; я не боюсь!—мелькомъ отвѣтила она, не глядя на Романа, охваченная любопытствомъ.

— Ну, обопритесь на меня, чтобы лучше видѣть,—сказалъ Иволгинъ и подставилъ ей руку, чтобы ей было легче стоять на цыпочкахъ.

Кругомъ слышались вздохи, шопотъ молитвы, отрывочныя фразы: «заступись, Владычица Пресвятая Богородица», «прости согрѣшенія наши», иногда кто-нибудь ворчливо вздорилъ съ сосѣдями: «чего толкаешь, всѣмъ мѣста хватитъ», «ты бы на голову сѣлъ», порой вырывались восклицанія: «вонъ, вонъ, Никешка и Матрена подъ икону по-

Digitized by Google

ѣхали», «смотри, смотри, бабушка-то наша какъ на колѣняхъ отмахиваетъ, даромъ что стара». А надъ всѣмъ этимъ гуломъ голосовъ неслся въ воздухѣ веселый перезвонъ монастырскихъ колоколовъ, и все яснѣе и яснѣе достигали звуки пѣнія. Чѣмъ ближе становилось пѣніе, тѣмъ чаще и чаще стали подниматься въ воздухѣ руки, творящія крестное знаменье, и праздный говоръ падалъ. При видѣ медленно подвигающейся массы народы, Романъ почувствовалъ что-то въ родѣ страха. Позади его была рѣка, а эта людская волна надвигалась, какъ сплошная стѣна, и, кажется, могла опрокинуть всѣхъ стоявшихъ здѣсь въ воду. Онъ тревожно дернулъ Наташу за рукавъ платья.

— Уйдемъ! задавятъ еще или столкнутъ въ воду!

Наташа какъ будто очнулась отъ сна.

— Въ воду?—спросила она и обратилась къ Иволгину:—Уйти?

Тотъ пожалъ плечами.

— Зачѣмъ! Никуда не столкнутъ!

Романъ гнѣвно взглянулъ на него.

— Если ты такой геркулесъ, что устоишь передъ этой толпой, то Наташа не такъ сильна. И, наконецъ, чего тутъ еще ждать, кажется, довольно насмотрѣлись.

Онъ начиналъ горячиться. Его теперь всего охватила одна мысль; зачѣмъ они здѣсь? Чего они ждутъ, чего смотрятъ? Все это было такъ чуждо ему, такъ подавляло его. Въ душѣ было полное сознаніе, что у него нѣтъ ничего общаго съ этой толпой. Она только пугала его, какъ стихійная сила, какъ грозная туча, идущая, надвигающаяся на него. Уйти, уйти подальше отъ нея, вотъ все, что можно сдѣлать. Онъ говорилъ, не помня себя и не замѣчая, что близъ стоящіе люди, уже охваченные теперь всецѣло молитвеннымъ настроеніемъ, взглядывали на него искоса, какъ бы готовясь сказать ему: «молчи».

Наташа тихо замѣтила ему:

— Ты мѣшаешь.

Онъ вдругъ растерялся, услышавъ эту фразу. «Мѣшаетъ? Кому? Ей, Наташѣ? Иволгину? Или кому-нибудь другому?» Теперь ему бросилось въ глаза, какъ плотно прижалась къ Борису Николаевичу Наташа. Онъ вдругъ понялъ все, что раньше только предчувствовалъ. Въ немъ точно что-то оборвалось. Всего охватила полная безнадежность. Въ головѣ вертѣлась одна мысль: «Да, да, онъ имъ мѣшаетъ, всегда мѣшалъ всѣмъ, его за это и гонятъ и тѣснятъ. Надо уйти,

Digitized by Google

уйти совсѣмъ, навсегда»... Толпа же все сдвигалась, становилась все плотнѣе; Наташа держала подъ руку Бориса Николаевича и жалась къ нему, спокойная, вѣрящая въ его силу. Романа, погрузившагося въ свои думы, мало-по-малу оттѣснили отъ нея. Когда онъ осмотрѣлся, она уже была отдѣлена отъ него толпой, колыхавшейся теперь, точно отъ вѣтра, въ стремленіи къ часовнѣ. Романъ чувствовалъ, что ему тѣсно, душно, и только старался освободиться изъ этихъ живыхъ, движущихся тисковъ, точно боясь за свою жизнь. Какъ-то незамѣтно для самого себя онъ, точно выброшенный, очутился за чертою надвинувшихся людей, почти у моста. «Уйти, уйти, пока опять не притиснули»,—бормоталъ онъ безсмысленно, и побрелъ прочь, не зная куда и зачѣмъ... «Еще помѣшаешь кому-нибудь»,—съ горечью подумалъ онъ. Онъ дошелъ до лѣска, обжигаемый солнцемъ, съ крупными каплями пота на лицѣ. Въ лѣсу на него пахнуло прохладой. Здѣсь была густая тѣнь, полное безлюдье. Забравшись въ чащу, онъ присѣлъ, забылся на нѣсколько минутъ. Въ его головѣ и въ душѣ опять была какая-то пустота, ни о чемъ не думалось, не хотѣлось думать! Безсознательно онъ полѣзъ рукой въ карманъ за папиросами и вмѣсто портсигара вытащилъ случайно складной ножъ. Почти не замѣчая ошибки, онъ сталъ разсматривать его, какъ будто это была какая-то новая для него вещь. Онъ открылъ его и слегка провелъ имъ въ воздухѣ... «Такъ вотъ провести по горлу и мѣшать никому не будешь... Мѣшать! мѣшать! Жестокое слово сказала она, Наташа: «Мѣшаешь!» Нѣтъ, это она не то хотѣла сказать, не то!.. Расплакалась бы, если бы узнала, на какія мысли навело его это слово. Она не злая, она просто здоровый человѣкъ: не понимаетъ она его, нравственно-больного, и потому мучитъ»... Мысль перешла на вопросъ о томъ, чѣмъ будетъ для него вся жизнь, какъ не мука? «И мука-то будетъ безплодная, потому что онъ знаетъ, что лучше не будетъ, не можетъ быть. Исторія человѣчества—верченье въ бѣличьемъ колесѣ; счастливъ только тотъ, кто не думаетъ ни объ этой исторіи, ни объ этомъ человѣчествѣ, а ловитъ все для себя, что можно словить; счастливъ и тотъ, кто можетъ играть съ собою въ прятки и воображать, что онъ можетъ что-нибудь сдѣлать для блага другихъ. Онъ, Романъ, не созданъ ни для той, ни для другой роли. Не можетъ быть бездушнымъ хищникомъ; не можетъ быть и наивнымъ Сизифомъ, воображающимъ, что при помощи усилій можно поднять въ гору хоть какой-нибудь камень

Digitized by Google

для созданія блага ближнихъ»... «Надо принимать жизнь такою, какова она есть», вспоминались ему слова Иволгина, и въ душѣ поднялась на минуту злоба: «Фарисействующіе мѣщане! Обидятся, если ихъ назовешь хищниками или докажешь, что они толкутъ воду въ ступѣ. Золотую середину нашли: принимать жизнь такою, какова она есть! О, эти счастливѣе всѣхъ. Чистая совѣсть и гордое сознаніе, что они дѣлаютъ, что могутъ дѣлать что-то для человѣчества»... «А прекратить жизнь можно разомъ. Вотъ такъ». Онъ вдругъ, внезапно, обманывая свою собственную нерѣшительность, провелъ ножомъ по шеѣ, вскрикнулъ отъ боли и выпустилъ изъ рукъ ножъ. Въ головѣ разомъ воцарился какой-то хаосъ: страхъ передъ смертью и жажда смерти, боль на прорѣзанномъ мѣстѣ и стыдъ за свою трусость, желаніе зажать ранку платкомъ и стремленіе снова схватить ножъ и всадить его себѣ въ горло со злобой, съ бѣшенствомъ на самого себя. Онъ упалъ на землю и бился на ней, точно въ припадкѣ истерики, а на его платокъ и на руку, зажимавшую ранку, сочилась кровь. «И умереть-то не умѣю», уже слабо пронеслось въ его головѣ. «Какъ жилъ шутомъ, такъ шутомъ и умеръ», мелькнули въ мозгу презрительныя слова Владиміра про Геліотропова и подняли въ душѣ злобу. «Надо скорѣй, скорѣй покончить, пока еще есть силы», точно кто-то подсказалъ ему и онъ уже слабѣющей рукой, отыскавъ ножъ, нанесъ себѣ еще рану...

Въ воздухѣ въ это время уже немолчно стояли болтливые веселые звуки перезвона на монастырскихъ церквахъ, возвѣщавшіе конецъ обѣдни и крестнаго хода. Вся площадь передъ монастыремъ, монастырскій садъ и дворъ, кухня и столовая захлебнулись народомъ. Повсюду слышался немолчный говоръ, полный оживленія и радости. И надъ всей этой оживленной картиной сверкало въ безоблачномъ небѣ яркое солнце. Никто во всей этой массѣ охваченнаго праздничнымъ настроеніемъ и позабывшаго на время свои тяжелыя невзгоды народа даже и не подозрѣвалъ, что тутъ же рядомъ, въ лѣскѣ, исходитъ медленно кровью человѣкъ, порвавшій нить своего существованія только потому, что онъ, какъ онъ самъ выражался, не умѣлъ или не могъ принять жизнь такою, какова она есть...

Digitized by Google

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

НАСѢДКА.

I.

Святки. На дворѣ ясный и звѣздный вечеръ съ легкимъ морозцемъ и съ бѣлымъ, только что выпавшимъ, хрустящимъ подъ ногами снѣгомъ.

Въ гостиной деревенскаго дома помѣщика средней руки Бориса Васильевича Панова собрались обычныя посѣтительницы—двѣ молоденькія сестры Соковнины, Луша и Душа, извѣстныя сосѣдямъ подъ именемъ «неряхинскихъ барышень», и Марья Петровна Крестовоздвиженская, сестра матушки-попадьи изъ села Неряхина, сорокапятилѣтняя старая дѣва съ сухимъ и желтымъ лицомъ, съ косичками, свернутыми въ колечки на вискахъ, съ маленькой и жиденькой косой, прикрѣпленной большою, гладкою черепаховой гребенкой, съ бѣгающими, высматривающими глазками и не то презрительной, не то угнетенной улыбочкой. Неряхинскія барышни, толстыя и краснощекія, поминутно громко смѣются безъ всякой видимой причины, открывая свои ровные и бѣлые зубы, и набираютъ горстями орѣхи и пряники. Марья Петровна Крестовоздвиженская все потупляетъ глазки и, поджимая губы, жеманно отказывается отъ лакомствъ, рѣшаясь только послѣ настоятельныхъ просьбъ взять одинъ орѣхъ или пряникъ. Она жуетъ ихъ самымъ деликатнымъ образомъ, совсѣмъ незамѣтно и беззвучно, скрывая свои десны, украшенныя рѣдкими остатками почернѣвшихъ зубовъ, и быстро шевеля губами, какъ кроликъ. Гости сидятъ вокругъ стола на диванѣ и на стульяхъ и, вмѣстѣ съ хозяйкою дома, молоденькою, вертлявою и бойкою брюнеткой, гадаютъ. Гаданье незатѣйливое: на столѣ стоитъ тарелка съ

Digitized by Google

водой и разложенными по краямъ деньгами, кусочками угля и кирпича и тому подобными предметами. По водѣ плаваетъ скорлупа грецкаго орѣха съ крошечной восковой свѣчкой. Каждый загадавшій ждетъ съ замираніемъ въ сердцѣ, передъ чѣмъ остановится скорлупа: передъ кольцомъ—значитъ, замужъ выйти, передъ деньгами—значитъ, богатой быть, передъ углемъ—значитъ, умереть. Какъ ни просто гаданье, но оно занимаетъ общество, особенно же громко и задушевно смѣются двое дѣтей—мальчикъ лѣтъ девяти и дѣвочка лѣтъ одиннадцати, стоящіе у стола и хлопающіе руками отъ восторга, когда орѣховая скорлупа опрокидывается или упорно остается на серединѣ тарелки и не подплываетъ никуда.

— А что же вы, душечка, Катерина Марковна, не гадаете? Такой сироточкой въ сторонѣ сидите,—нѣжнымъ голоскомъ спросила Марья Петровна, послѣ того, какъ ей вышло предсказаніе «выйти замужъ».

Ея слова были обращены къ дѣвушкѣ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, сидѣвшей у рабочаго столика передъ свѣчою и поспѣшно дошивавшей шерстяное платье.

— Мнѣ не о чемъ гадать,—просто и кротко отвѣтила дѣвушка, не отрывая глазъ отъ работы.

— Какъ не о чемъ? Да, вы, душечка, можете обо всемъ гадать... Можетъ-быть, замужъ выйдете...

Дѣвушка улыбнулась.

— Моя пора прошла,—замѣтила она.

— Ахъ, что вы, что вы! Вотъ вы всегда такъ года себѣ прибавляете!—воскликнула Марья Петровна.—Можно, право, подумать, что вы этимъ хотите уколоть кого-нибудь.

— А вы думаете, что мнѣ приноситъ удовольствіе кого-нибудь колоть?—совсѣмъ добродушно и искренно спросила дѣвушка и, поднявъ свою голову, взглянула на Марью Петровну такими ласковыми глазами, что Марья Петровна вдругъ совершенно растаяла и бросилась въ припрыжку со цѣловать.

— Что вы, что вы! Я такъ, пошутила!—заговорила она, умильно улыбаясь.—Развѣ я васъ не знаю? Вы ангелъ, ангелъ!

— Ну, если бы ангелы такъ выглядѣли, такъ на нихъ не очень-то пріятно было бы смотрѣть,—улыбнулась дѣвушка и снова принялась за шитье.

Она была, дѣйствительно, очень некрасива, хотя ея лицо и дышало свѣжестью и здоровьемъ. Толстыя, неправильно очерченныя губы, широкій, коротенькій носъ, большой ротъ,

Digitized by Google

все это было грубо,—грубо, какъ ея не по росту широкія плечи, какъ ея большія руки, немного красныя, слишкомъ плоскія, съ коротенькими пальцами. Только волосы этой дѣвушки, свѣтло-русые, гладко зачесанные, были замѣчательно густы и мягки, да прекрасно было выраженіе ея сѣрыхъ большихъ глазъ: откровенность простота и добродушіе свѣтились въ этихъ глазахъ. Она ими и смѣялась, и выражала состраданіе, и высказывала упрекъ. Казалось, все, чего не могли передать ея слишкомъ грубыя, слишкомъ топорныя черты лица, передавалось этими глазами. Природа нерѣдко такимъ образомъ вознаграждаетъ людей за потерю однихъ способностей сильнымъ развитіемъ другихъ.

— И что это вы такъ торопитесь шить, душа моя? Не себѣ ли обновочку?—допрашивала Марья Петровна, разсматривая работу Катерины Марковны.

— Въ самомъ дѣлѣ, Катя, ты бы отдохнула,—замѣтила хозяйка дома, Елизавета Дмитріевна Панова.

— Да я не устала,—отвѣтила Катерина Марковна:—вѣдь скучно же безъ дѣла сидѣть.

— Да, вѣдь ты готова дни и ночи надъ шитьемъ сидѣть,—небрежно проговорила хозяйка.—Нѣтъ, я вотъ совсѣмъ къ этому неспособна. Если бы Катя не была такая трудолюбивая, то я, кажется, осталась бы совсѣмъ безъ платьевъ. Въ городъ рѣдко приходится ѣздить, своихъ швей нѣтъ,—вотъ только она меня и обшиваетъ.

Въ эту минуту вдали начали позванивать колокольчики и бубенчики. Всѣ смолкли, и одна изъ неряхинскихъ барышень даже не рѣшалась придавить положенный между зубами орѣхъ, чтобы не проронить ни одного изъ этихъ едва слышныхъ и заинтересовавшихъ все общество звуковъ. Всѣ ждали, откуда и куда ѣдетъ тройка. Не новые ли гости къ Пановымъ ѣдутъ, и кто это можетъ быть? Наконецъ, звуки стали яснѣе, послышался конскій топотъ. Всѣ бросились къ окнамъ, прильнули лицами къ стекламъ, заслонившись руками съ обѣихъ сторонъ лица отъ комнатнаго свѣта. Мимо оконъ лихо пронеслась тройка и завернула за уголъ дома къ воротамъ.

— Къ вамъ, къ вамъ Пѣтуховы ѣдутъ!—закричали неряхинскія барышни и захлопали въ ладоши.

— А я въ такомъ забытьѣ!—воскликнула сестра матушки-попадьи, натягивая на плоскую грудь полосатый шерстяной платокъ, и застыдилась.

Digitized by Google

Старшая неряхинская барышня вдругъ залилась неудержимымъ смѣхомъ.

— Чему это вы?—обиженно спросила Марья Петровна.

— Ахъ-ха-ха!.. Ахъ!.. Не могу!..—залилась Луша.

— Это даже очень неделикатно!..

— Охъ, охъ!.. посмотрите, посмотрите!..

— Что же могутъ подумать господа Пѣтуховы?

— Усы... усы... у Души усы!—едва проговорила старшая неряхинская барышня и, махая руками, снова залилась неудержимымъ, звонкимъ смѣхомъ.

Всѣ взглянули на Душу, то-есть на младшую Соковнину, и увидали у нея на верхней губѣ двѣ черныя полосы. Ломая и вертя въ рукахъ уголь во время гаданья, она, должно-быть, провела пальцами по губѣ и оставила на ней эти черныя полосы. Достаточно было замѣтить это дѣтямъ, чтобы ихъ смѣхъ слился со смѣхомъ старшей неряхинской барышни. Хозяйка дома и Катерина Марковна тоже не могли удержаться отъ улыбокъ и только Марья Петровна колко замѣтила, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Ничего, кажется, нѣтъ смѣшного, если молодая дѣвица и не въ своемъ видѣ! А тутъ еще мужчины!

Мужчины, дѣйствительно, уже входили въ комнату. Это были сосѣди Пановыхъ, два брата Пѣтуховы и гостившій у нихъ на святкахъ гимназистъ Дмитрій Головнинъ. Старшій братъ Пѣтуховъ, Николай, былъ румяный, шарообразный и немного сальный весельчакъ, одѣтый въ просторный потертый пиджакъ и говорившій самъ про себя, что онъ «все въ брюхо растетъ». Младшій братъ Пѣтуховъ, Александръ, былъ строенъ и высокъ, завивалъ свои черные волосы, подкручивалъ тоненькіе усики, носилъ откидные воротнички, открывая тонкую, бѣлую шею съ большимъ кадыкомъ, повязывалъ голубые и красные галстучки, украшался клѣтчатыми жилетами и распространялъ ароматъ не то розоваго масла, не то ванили. Братъ, «росшій въ брюхо», торговалъ лѣсомъ, мѣнялъ лошадей, откармливалъ свиней и про него говорили:

— Сердечный человѣкъ, а ужъ провести, такъ такъ проведетъ, что и на томъ свѣтѣ въ головѣ почешешь.

Младшій братъ все приготовлялъ магистерскую диссертацію и жаловался на множество занятій, совершенно разстраивавшихъ его здоровье, вслѣдствіе чего простенькія провинціальныя барышни звали его «душкой», а болѣе образованныя «Фаустомъ». Гимназистъ, пріѣхавшій съ Пѣтухо-

Digitized by Google

выми, подавалъ надежду сдѣлаться въ близкомъ будущемъ очень красивымъ молодымъ человѣкомъ, теперь же былъ тощъ, заморенъ, длиненъ, и изъ-подъ обшлаговъ коротенькихъ рукавовъ его мундирчика, изъ котораго онъ сильно выросъ, торчали длинныя и тонкія руки, совсѣмъ посинѣвшія на холоду. Кланяясь, онъ очень неуклюже шаркалъ ногой и при вопросахъ постороннихъ людей, особенно дамъ, сконфуженно откашливался, прежде чѣмъ произнести обычныя «да-съ» или «нѣтъ-съ». Глядя на него, сразу можно было угадать, что онъ провелъ семь или восемь лѣтъ на полномъ пансіонѣ.

— А мы за вами, за вами! — кричалъ еще въ дверяхъ Николай Пѣтуховъ, размахивая на ходу жирными, коротенькими руками. — Возможно ли такъ дѣлать, барынька? Борисъ пріѣхалъ, а вы нѣтъ! Это не по-пріятельски! Прошу покорно, дома гадать изволятъ, а насъ и забыли!..

Онъ говорилъ быстро, немного захлебываясь, и въ то же время пожималъ руки всѣмъ присутствующимъ.

— У меня ребенокъ не такъ здоровъ, не до веселья,— замѣтила хозяйка дома.

— А у меня вотъ и вовсе дѣтей нѣтъ—да я веселюсь,— засмѣялся отъ своей незатѣйливой остроты толстякъ.—Ребенку, барынька, вы не поможете. Вы не докторъ. И не одинъ онъ останется. У него няньки есть.

— Все же безъ меня...

— Да вы, барынька, не отвиливайте.

— Поѣзжай, Лиза! Я останусь, — замѣтила Катерина Марковна.

— Ну, такъ и есть, Катерина Марковна всегда найдетъ предлогъ, чтобы не ѣхать!—сказалъ, махнувъ рукою, толстякъ.

Лизавета Дмитріевна нерѣшительно посмотрѣла на Катерину Марковну; ей очень хотѣлось ѣхать къ сосѣдямъ, и въ то же время она не знала, будетъ ли прилично оставить больного ребенка и притомъ же не родного ребенка, а пасынка.

— Шура уснулъ теперь и, вѣроятно, проспитъ до утра,— промолвила Катерина Марковна, подмѣтивъ нерѣшительность молоденькой женщины.—Я буду съ нимъ. Если ему станетъ хуже, я дамъ знать, тутъ недалеко.

— Я, пожалуй, поѣхала бы, — начала Лизавета Дмитріевна:—только ужъ ты, Катя, побереги его...

— Хорошо, хорошо!

Digitized by Google

Лизавета Дмитріевна подошла къ Катеринѣ Марковнѣ и, цѣлуя ее, спросила:

— Ты не сердишься, что изъ-за меня останешься дома и не поѣдешь туда?

— Что это ты? Что мнѣ тамъ дѣлать?—съ улыбкой спросила Катерина Марковна и добавила:—Мы вотъ здѣсь съ Марьей Петровной пировать будемъ.

— Да, да, душечка, ужъ я-то васъ не оставлю!—воскликнула Марья Петровна и сочувственно и многозначительно стиснула руку Катерины Марковны, какъ бы желая выразить этимъ рукопожатіемъ, что она сочувствуетъ всѣмъ угнетеннымъ.

Лизавета Дмитріевна еще разъ поцѣловала въ лобъ Катерину Марковну и быстро пошла одѣваться, сопровождаемая Марьей Петровной, любившей помогать своимъ знакомымъ барынямъ при одѣваньи. Это, съ одной стороны, давало ей возможность знать до нитки весь ихъ гардеробъ, а съ другой—доставляло случай хвалить до тѣхъ поръ какой-нибудь подвернувшійся подъ руку платочекъ или воротничокъ, что было бы безбожною жестокостью не отдать этихъ вещей такъ страстно влюбившейся въ нихъ особѣ.

— А вы такъ-таки и не поѣдете?—веселымъ и дружескимъ тономъ допрашивалъ Катерину Маркогну старшій Пѣтуховъ, разводя коротенькими и жирными руками.

— Такъ-таки и не поѣду!—такимъ же тономъ отвѣтила Катерина Марковна.

— И скучать не будете съ церковной крысой?

— И скучать не буду.

— Ну, говорилъ, я и опять говорю, что вы вся въ меня. Я вотъ тоже никогда не видалъ въ лицо скуки. А вѣдь знаете пословицу: кому въ кого родиться, тому на томъ жениться.

— Вотъ я и жду, когда вы посватаетесь.

— Ой, не шутите, а то я и въ самомъ дѣлѣ свататься начну, а тогда ужъ скажете слово, потомъ не воротите.

— А можетъ-быть, я и не захочу его ворочать?

— Ой ли?—спросилъ старшій Пѣтуховъ, и въ его шутливомъ тонѣ послышалось что-то серьезное, что-то недовѣрчивое.

— Право! Только вѣдь вы еще не спросили, какой будетъ отвѣтъ,—засмѣялась Катерина Марковна.

— Вывернулась, вывернулась!—вздохнулъ толстякъ, грозя ей пальцемъ.—Шутница вы, большая шутница!

Digitized by Google

— Еще бы не быть шутницей передъ лицомъ такого первоклассnаго шутника.

— А вы бы хоть разочекъ позабыли, что я шутникъ, да и поговорили бы со мной серьезно.

— А вы развѣ когда-нибудь говорите серьезно?

— А вы какъ объ этомъ своимъ умомъ раскидываете?— спросилъ толстякъ, пристально и не безъ легкой грусти смотря въ ея глаза.—Думаете, что Николай Пѣтуховъ только о бревнахъ, лошадяхъ да свиньяхъ серьезно умѣетъ говорить, что онъ только и родился для того, чтобы на базарной площади всю жизнь проругаться да тамъ и животъ свой положить?

Катерина Марковна, несмотря на всю свою находчивость, не знала, что отвѣчать: продолжать шутить было некстати, говорить серьезно не позволяли ни мѣсто, ни присутствіе постороннихъ лицъ. На выручку къ ней явились неряхинскія барышни; онѣ уже успѣли соскучиться въ обществѣ томно вздыхавшаго младшаго Пѣтухова и потому безъ всякой церемоніи потащили старшаго Пѣтухова къ столу гадать. Этого обстоятельства, повидимому, только и ждалъ гимназистъ, быстро отдѣлившійся отъ группы гадающихъ и подошедшій къ Катеринѣ Марковнѣ.

— А вы опять не ѣдете къ нашимъ! — шопотомъ спросилъ онъ.

— Не ѣду. А что! — ласково взглянула на него Катерина Марковна.

— Я опять скучать буду.

— Тамъ же такъ много гостей, весело будетъ.

— Вы знаете, я такой... такой неуклюжій, — въ смущеніи, краснѣя до ушей, прошепталъ гимназистъ. — Эти неряхинскія барышни и Пѣтуховы вѣчно смѣются такъ громко; мнѣ, право, всегда кажется, что они надо мной смѣются.

— Да вѣдь и при мнѣ они будутъ такъ же громко смѣяться,— улыбнулась Катерина Марковна.

— Что мнѣ за дѣло, смѣются ли надо мной при васъ или нѣтъ,—горячо возразилъ гимназистъ.

— Я и не знала, что я геній, обязанный охранять бодрость вашего духа,—пошутила Катерина Марковна.

— Ну, вотъ!—смѣшался гимназистъ. — Вы все знаете... вы только хотите меня помучить. Тоже начинаете смѣяться надо мной.

— Полноте, Митя! — добродушно замѣтила она и взяла его за руку.—Вы знаете, что я васъ очень люблю.

Digitized by Google

Эта фраза была сказана просто и искренно: казалось, что ее говорила старшая сестра младшему брату. Но гимназистъ весь вспыхнулъ.

— Гдѣ ужъ любить!—въ волненіи проговорилъ онъ.—Я былъ бы счастливъ, если бы вы только позволяли любить мнѣ васъ... Знаете, я бы теперь, кажется, все, все отдалъ, чтобы остаться здѣсь...

— Какой щедрый: у самого ничего нѣтъ, такъ онъ готовъ все отдать!

— Вотъ вы опять смѣетесь надо мной,—раздражительно сказалъ онъ.—Какъ вамъ не надоѣстъ эта игра въ слова. Вы со мной, точно кошка съ мышонкомъ играете...

— Ахъ, вы сегодня, Митя, изъ рукъ вонъ несносны! Что вы элегію новую написали, что ли?

— Ну да, написалъ! Развѣ я виноватъ, что мнѣ скверно живется, что я не могу не писать?

— Чего вы злитесь? Кто васъ винитъ за писанье элегій? Пишите, у васъ, кажется, есть талантъ, только поменьше жалуйтесь на свою судьбу, а задумывайтесь о судьбѣ другихъ. Ваши огорченія, Митя, право, смѣшны передъ серьезнымъ горемъ другихъ людей.

— Неужели же вы думаете, что я не понимаю этого!— горячо воскликнулъ юноша, и его глаза оживились. — Мнѣ и самому тяжело только потому, что кругомъ всѣ дышатъ такимъ самодовольствіемъ, такъ равнодушно смотрятъ на ближнихъ, такъ грубо оскорбляютъ ихъ. За кого же вы меня считаете, если думаете, что меня тяготятъ только коротенькіе рукава моего мундирчика и моя неуклюжая фигура!

— Митя, Митя, я вовсе этого не думаю,—замѣтила Катерина Марковна серьезнымъ тономъ. — Иначе я васъ не любила бы. Я знаю, что вы добрый и не глупый мальчикъ. У васъ только склонность къ жалкимъ фразамъ и плачевнымъ элегіямъ развита въ ущербъ бодрости и энергіи. И, конечно, коротенькіе рукава мундирчика и неуклюжесть играютъ тутъ нѣкоторую роль, можетъ-быть, даже большую, чѣмъ страданія одной части человѣчества и самодовольствіе другой... Не возражайте, не пѣтушитесь! Байронъ то же мучился незнатностью своего рода и хромой ногой, ну, а вамъ-то и Богъ проститъ эти прегрѣшенія... А элегію-то все-таки оставьте мнѣ.

Юноша и обрадовался, и смутился. Его стихи серьезно читала покуда только одна Катерина Марковна. Онъ очень хорошо зналъ, что она искренно интересуется ими, и это

Digitized by Google

льстило его самолюбію, сильно развившемуся вслѣдствіе довольно тяжелой жизни и вѣчнаго пребыванія среди чужихъ людей. Вниманіе Катерины Марковны поощряло его продолжать литературныя попытки. Но онъ такъ же зналъ, что Катерина Марковна безпощадно разберетъ каждую написанную имъ строчку, съ свойственнымъ ей юморомъ сдѣлаетъ мѣткія замѣчанія насчетъ обилія слезъ и недостатка искренняго чувства, насчетъ витіеватости фразъ и убожества формы. Обыкновенно послѣ ея критическаго разбора отъ его стихотвореній оставались цѣлыми только заглавіе и подпись.

— Я, право, не знаю,—колебался онъ.—Вы опять станете доказывать, что у меня нѣтъ никакихъ способностей и что я ни на что не гожусь...

— Когда же это я вамъ доказывала, Митя? Вы знаете, что я наизусть помню двѣ строфы изъ вашихъ послѣднихъ пятнадцати элегій.

— Двѣ строфы! И вы говорите, что вы не смѣетесь надо мной!

— А ужъ не думаете ли вы, что я стану заучивать наизусть стихи въ родѣ вашего «воззванія къ человѣчеству»:

Очнись, погрязнувшій въ порокѣ,
Пустой и жалкій родъ людской!
Тебѣ я шлю...

— Полноте, полноте, Катерина Марковна,—захохоталъ юноша.—Вѣдь я самъ теперь понимаю, что это пошлость.

Въ эту минуту въ комнату появилась Лизавета Дмитріевна, совсѣмъ одѣтая, даже въ шубкѣ и башлыкѣ. Неряхинскія барышни заметались изъ стороны въ сторону, наскоро прощаясь съ Катериной Марковной и Марьей Петровной, звонко цѣлуя ихъ на ходу и спѣша надѣть платки, башлыки, шубки. Произошло нѣкоторое смятеніе, возгласы о забытыхъ носовыхъ платкахъ, столкновеніе носомъ къ носу суетившихся лицъ, наступаніе другъ другу на ноги, шумный говоръ, изъ котораго никто не слыхалъ и не понималъ ни слова, и, наконецъ, тройка сытыхъ лошадей, звонко ударяя копытами о мерзлую землю и позванивая колокольчиками и бубенцами, рванулась съ мѣста и пронеслась мимо оконъ дома, взметая мелкій бѣлый снѣгъ.

— Уѣхали!—вздохнула Марья Петровна, прильнувъ лицомъ къ стеклу.—Какъ на пожаръ, скачутъ, того и гляди, что въ снѣгъ вывалятся. Точно поросята набились въ сани. Другъ на другѣ сидятъ.

Digitized by Google

— Я вотъ тоже люблю быструю ѣзду, — сказала Катерина Марковна, чтобы прекратить нѣсколько ехидныя замѣчанія Марьи Петровны.

— Да, любите, а приходится поневолѣ дома сидѣть!

— Мнѣ никто не мѣшаетъ ѣздить, куда я хочу.

— Не мѣшаетъ, душечка, не мѣшаетъ, а поневолѣ приходится дома сидѣть, когда другія-то рыщутъ отъ больныхъ дѣтей... Тоже не ваше бы дѣло, ангелъ мой, съ чужими дѣтьми няньчиться.

— Развѣ они мнѣ чужія?

Катерина Марковна подняла голову и обратила къ гадавшимъ у стола дѣтямъ свои глаза, полные выраженія самой теплой, самой искренней любви. Она встала и подошла къ дѣтямъ той своеобразною походкою, какою ходила во всемъ домѣ только она одна: Катерина Марковна ходила, не торопясь, не переваливаясь, держа прямо свой полный, но стройный дѣвственный станъ, почти неслышно касаясь пола своими довольно крупными, но красивыми ногами. Она ласково положила свои руки на плечи дѣтей и спросила:

— Нагадались?

— Тетя Катя, мнѣ богатство вышло, — сказалъ мальчуганъ.

— А мнѣ, тетя Катя, ничего не вышло,—вздохнула дѣвочка.

— Сонъ долженъ бы выйти тебѣ, Мима, потому что теперь можно напиться чаю и спать, — тихо замѣтила Катерина Марковна.—Взгляните, какъ она и Костя похожи на мою покойную сестру, — сказала она, указывая Марьѣ Петровнѣ на дѣтей.—А вы говорите, что они мнѣ чужія!

Катерина Марковна вздохнула и пошла отъ стола, обнявъ дѣтей.

— Пойдемте пить чай,—пригласила она Марью Петровну.

— Вы ангелъ, ангелъ! Вы имъ мать, а не кто-нибудь другой, васъ они должны почитать и любить...

— А развѣ вы думаете, что они меня не любятъ?—улыбнулась Катерина Марковна и обратилась къ дѣтямъ съ вопросомъ:—Любите?

Дѣти крѣпко обняли тетку и звонко поцѣловали ее.

— И должны, и должны любить, душечки!—жалобно проговорила Марья Петровна.—И дай Богъ, чтобы и подъ старость холили и лелѣяли свою тетю, свою вторую мать, чтобы хоть на старости лѣтъ она ихъ любовью была счастлива.

— Я и теперь вполнѣ счастлива!

Digitized by Google

— И, душечка, какое же это счастье! Ну, нужны вы, не могутъ безъ васъ обойтись, вотъ васъ и ласкаютъ, и берегутъ.

— Въ этомъ-то и есть мое счастье, что я нужна, что я полезна кому-нибудь, что я не лишняя.

Всѣ усѣлись къ чайному столу.

— Да, а не будете полезны и станутъ помыкать вами, станутъ ломаться надъ вами, станутъ издѣваться надъ вами... Я, душечка, это не объ васъ собственно говорю, а вообще по человѣчеству такъ бываетъ... Ужъ можетъ ли быть человѣкъ счастливъ, если у него своей семьи нѣтъ? Въ своей-то семьѣ—худъ ли, хорошъ ли, нуженъ или не нуженъ человѣкъ, а все его держатъ и уважаютъ дѣти и младшіе, потому законъ такой. А въ чужой?.. Сама я живу у чужихъ! Отецъ Матвѣй, конечно, человѣкъ добрый, но необразованный и притомъ, знаете, это на него находитъ полоса такая, пьетъ онъ запоемъ. Разумѣется, въ обыкновенное время онъ меня всячески уважаетъ, потому что онъ понимаетъ, что мы съ сестрицей не такое воспитаніе, какъ онъ, получили. Зато ужъ во время запоя... Господи! вы, душечка, даже и предположить, и вообразить себѣ не можете, какія слова у иныхъ людей есть! То-есть самыя такія преобидныя. И такъ какъ я дѣвица, то мнѣ даже этихъ словъ не то что понимать, а и слышать-то не слѣдовало бы... И все это я еще стерпѣла бы, потому что чего же отъ человѣка не въ своемъ видѣ требовать, если бы не сестрица... Она, она мою кровь пьетъ, она меня сушитъ! Сестрица моя, конечно, женщина умная; конечно, ее огорчаетъ, что она въ деревнѣ должна среди мужиковъ-лапотниковъ въ забвеніи изнывать; но мнѣ-то каково ея нападки терпѣть. Отецъ Матвѣй вотъ рыбу уйдетъ ловить лѣтомъ, по цѣлымъ днямъ на бережку сидитъ, удитъ и канты поетъ,—ему и хорошо; зимой тоже онъ либо въ разъѣздахъ, либо въ забвеніи чувствъ находится,—а я все одна съ сестрицей, все одна. Нужда придетъ—меня попрекаютъ, на меня сестрица накидывается; неряхинскимъ барышнямъ обновы привезутъ—меня сестрица пилить начинаетъ; дѣти надоѣдать станутъ... Да что ужъ говорить!.. То-есть я словно урна какая-то передъ сестрицей. Ей-Богу, а развѣ я виновата, что въ нашемъ сословіи недостатки и дѣти! Вѣдь ужъ я тутъ ничѣмъ не виновата. Я тоже помочь, облегчить стараюсь...

— Да, ваше положеніе не веселое,—вздохнувъ, замѣтила Катерина Марковна, задумчиво помѣшивая ложечкой въ чайной чашкѣ и опустивъ голову на ладонь лѣвой руки.

Digitized by Google

— Ужъ какое веселье, какое веселье, душечка!—глубоко вздохнула Марья Петровна. — И можетъ ли веселье быть, если все изъ чужихъ рукъ смотришь. Только въ замужествѣ нашей сестрѣ и спасенье. А такъ-то мы что: насѣдки на чужомъ гнѣздѣ.

— При чемъ же тутъ замужество, Марья Петровна?—замѣтила Катерина Марковна. — Вотъ вы сами же говорите, что и сестра ваша несчастлива, а вѣдь она замужемъ. Нужда тутъ во всемъ виновата.

— Это, конечно, нужда хоть кого сломитъ. Но все же, душечка, сестрица не въ примѣръ счастливѣе меня. У нея дѣти, она на нихъ хоть злобу сорветъ, ну, и подъ старость кормильцы и поильцы будутъ. А у меня кто?

— Ну, Богъ съ нимъ, съ такимъ счастьемъ, — махнула рукою Катерина Марковна. — Уже лучше черствый хлѣбъ ѣсть, чѣмъ дѣтей по рукамъ и ногамъ связывать, заѣдая ихъ жизнь на старости... Дѣти, не пора ли вамъ спать?— обратилась она къ дремавшимъ дѣтямъ.

Они встали, Марья Петровна тоже поднялась съ мѣста.

— Вы вѣдь у насъ ночуете, — сказала Катерина Марковна.—Въ моей комнатѣ на диванѣ постлана постель...

— Не надо ли вамъ помочь дѣтей уложить?—услужливо спросила Марья Петровна.

— Нѣтъ, тамъ вѣдь нянька есть.

Марья Петровна перецѣловала обоихъ дѣтей и Катерину Марковну и удалилась спать. Дѣти въ сопровожденіи тетки пошли въ дѣтскую и быстро улеглись спать. Катерина Марковна отпустила изъ дѣтской няньку, подошла къ спавшему больному ребенку, посмотрѣла на него, пощупала осторожно его лобъ, помѣстилась около его постельки въ большое кресло, заслонила абажуромъ лампу, чтобы ея свѣтъ не мѣшалъ дѣтямъ, и раскрыла книгу. Невозмутимымъ спокойствіемъ дышала каждая черта ея лица и вся ея фигура. Въ эту минуту она казалась даже красивою: ея губы казались не такими толстыми, ротъ не такимъ большимъ, а въ глазахъ отражалось столько доброты и душевнаго покоя, и отъ всего ея существа вѣяло дѣвственнымъ здоровьемъ. Но проходили минуты за минутами, а Катерина Марковна не переворачивала страницы, точно этой страницѣ не было и конца. Наконецъ, она выпустила изъ рукъ на колѣни книгу и откинулась къ спинкѣ кресла.

— Насѣдка на чужомъ гнѣздѣ... Когда захотятъ, тогда

Digitized by Google

и выгонять, — тихо прошептала она, обводя глазами мирную и уютную дѣтскую.

— Нѣтъ, нѣтъ, это неправда... И развѣ я виновата, что я не могу свить своего гнѣзда? За что же меня наказывать?.. И съ чего я растосковалась? Мнѣ такъ хорошо, такъ уютно... Ахъ, эта Марья Петровна вѣчно съехидничаетъ... Бѣдная, бѣдная, тяжело ей жить...

Она вздохнула и принялась за чтеніе и еще спокойнѣе, еще свѣтлѣе стало выраженіе ея лица.

II.

Катерина Марковна Коханова жила въ домѣ Пановыхъ съ того времени, какъ у нея умерла мать. А это случилось лѣтъ десять тому назадъ.

Катерина Марковна не могла не перебраться къ своей двоюродной сестрѣ изъ своего стараго гнѣзда, изъ маленькаго помѣщичьяго дома въ деревнѣ Липовкѣ, гдѣ она жила прежде съ матерью, потому что Катерина Марковна была по натурѣ «насѣдка». Ей непремѣнно нужно было за кѣмъ-нибудь ходить, кого-нибудь прятать подъ свое крыло, кого-нибудь защищать. Эту черту характера она унаслѣдовала отъ матери, вѣчно волновавшейся даже безъ всякой видимой причины за участь своихъ «цыплятъ» и упрашивавшей смотрѣть за ними не только нянекъ и горничныхъ, но даже старосту Михѣя. Бесѣдуя съ нимъ о хозяйствѣ, старушка постоянно кончала разговоръ просьбой присмотрѣть за барышнями, «потому что не ровенъ часъ, что-нибудь случиться можетъ». Михѣй глубокомысленно соглашался съ барыней, что «точно не ровенъ часъ», и прибавлялъ къ этому: «ужъ вы не сумлевайтесь, матушка-барыня», хотя трудно было сказать, что могъ бы онъ сдѣлать, если бы этотъ роковой «часъ» дѣйствительно насталъ. Катерина Марковна вышла такой же «насѣдкой», и это уже можно было предсказать ей съ дѣтства, видя, какъ усердно она няньчится съ котятами, со щенками, съ куклами. Какъ ея мать няньчилась со своими дѣтьми — дочерью и племянницей, пока тѣ были малы, такъ Катерина Марковна няньчилась съ нею, когда та состарилась. Когда мать умерла, Катерина Марковна затосковала въ своемъ опустѣломъ домѣ, и ее потянуло въ домъ двоюродной сестры, нянчиться съ дѣтьми этой сестры. Это было тѣмъ болѣе кстати, что Панова уже начинала прихварывать и не могла одна справиться съ ребятишками. Не прошло и года послѣ пе-

Digitized by Google

реселенія Катерины Марковны въ домъ Пановыхъ, какъ она сдѣлалась въ немъ необходимымъ лицомъ. Тетя Катя должна была и за хозяйствомъ присмотрѣть, тетя Катя должна была и старшую дочь Пановыхъ свезти въ институтъ, тетя Катя должна была и бѣлье дѣтей пересмотрѣть, и уроки ихъ прослушать. Однимъ словомъ, безъ тети Кати шагу въ домѣ не дѣлалось. И всѣмъ — и прежде всего самой Катеринѣ Марковнѣ — это казалось вполнѣ естественнымъ и понятнымъ, такъ какъ вѣдь тетя Катя была «незамужница». Кто первый произнесъ надъ ней этотъ роковой приговоръ — это трудно сказать, вѣроятно, она сама, потому что она не иначе называла себя, какъ «дурнушкой», не безъ юмора подтрунивая надъ своими недостатками. Но какъ бы то ни было, это высказывали всѣ, никогда не задумываясь надъ вопросомъ: «да почему же она незамужница?» Правда, влюбиться въ нее было трудно, но полюбить ее было легко уже потому, что она сама была воплощенная любовь.

Когда Панова умерла, Катерина Марковна сдѣлалась еще болѣе необходимой въ домѣ Панова. Борисъ Васильевичъ Пановъ былъ изъ числа «байбаковъ». Плотный, статный, здоровый, еще очень красивый собой, онъ давно поселился въ своей деревнѣ послѣ неудавшейся карьеры въ столицѣ и не то облѣнился, не то опустился. Онъ съ ироніей говорилъ о разныхъ карьеристахъ, онъ насмѣшливо относился ко всякимъ широкимъ замысламъ, онъ немножко будировалъ противъ всѣхъ, кому бабушка ворожитъ или кто лбомъ стѣну прошибаетъ. Подъ маской наружнаго спокойствія и апатіи у него постоянно проглядывалъ какой-то червячокъ неудовлетвореннаго самолюбія, разбитыхъ надеждъ, недовольства судьбою. Въ его нападкахъ на удачниковъ, на карьеристовъ слышалась желчная жалоба, что его не признали, не поняли, не оцѣнили. Почему это случилось — этого никто не зналъ; можетъ-быть, это случилось просто потому, что онъ самъ цѣнилъ себя выше своей дѣйствительной стоимости. Но какъ бы то ни было, онъ винилъ не себя, а другихъ, и не нашелъ лучшаго средства для отплаты за уязвленное самолюбіе, какъ разлѣниться и сложить руки. Къ хозяйству онъ относился болѣе чѣмъ равнодушно и меньше сидѣлъ надъ счетами, чѣмъ надъ новыми книжками журналовъ и новыми нумерами газетъ, гдѣ нерѣдко встрѣчались его лаконическія замѣтки: «всѣ мы государствами на словахъ ворочаемъ»; а «кварталь-

Digitized by Google

наго-то забыли?», «попробуйте-ка, суньте-ка носъ!», «эхъ, вы, борцы на перьяхъ!» и т. д. Иногда лежа съ книгой въ рукахъ, онъ оставался почти весь день въ своемъ кабинетѣ, неохотно поднимаясь даже къ обѣду или къ чаю. Послѣ смерти жены онъ почувствовалъ бы себя еще болѣе одинокимъ, если бы волей-неволей ему не пришлось теперь чаще сталкиваться съ Катериной Марковной. Она приходила къ нему говорить о хозяйствѣ, совѣтоваться о дѣтяхъ.

— Какъ тебѣ, Катя, это все не надоѣстъ!—говорилъ онъ ей, лѣниво позѣвывая.

— Вообрази, Борисъ, что это точно мнѣ надоѣстъ, — отвѣчала она съ улыбкой: — и въ одинъ прекрасный день мы всѣ останемся и безъ чаю, и безъ обѣда, и даже—увы!—въ костюмахъ нашихъ прародителей. Мило будетъ?

Потомъ она прибавила:

— Нѣтъ, я вотъ тебѣ удивляюсь, какъ тебѣ не надоѣстъ вѣчно лежать съ этими книгами...

— А ты врагъ книгъ?

— Не такой, какъ ты, но...

— Да развѣ я врагъ книгъ?—не безъ удивленія перебивалъ ее Борисъ Васильевичъ.

— Да какъ же. Я читала твои замѣтки въ журналахъ. Ты ничему не вѣришь, что тамъ пишутъ. Зачѣмъ же и читать?

— А ты вѣришь?

— Нѣтъ, тоже не вѣрю по бо́льшей части. Но зато я и не читаю запоемъ, какъ ты, всего безъ разбора. На это времени много празднаго нужно, а у меня его нѣтъ.

— Охота же тебѣ все самой дѣлать... Вотъ ты даже иногда мужскіе сапоги носишь, чтобы удобнѣе ходить по ледникамъ и кладовымъ.

Она засмѣялась.

— А самолюбіе-то у меня на что? Теперь я знаю, что безъ тети Кати никто шагу ступить не умѣетъ, а брось я все—о тетѣ Катѣ никто и не вспомнитъ.

— Какъ обо мнѣ?—спросилъ Пановъ не безъ желчи.

Она пожала плечами.

— Понимаешь это и все же ничего не дѣлаешь, когда могъ бы быть первымъ въ краѣ,—сказала она.

— Гдѣ намъ!—съ ироніей отвѣтилъ онъ, махнувъ рукою.

— Полно, Борисъ! Ты самъ очень хорошо знаешь, что ты головой выше разныхъ Пѣтуховыхъ, Соковниныхъ... Впрочемъ, я не вѣрно выразилась! Ты могъ бы быть головой выше ихъ, а теперь... теперь они на каждомъ шагу

Digitized by Google

обманываютъ да обсчитываютъ тебя, подсмѣиваясь, какъ надъ простачкомъ... Этого ты уже успѣлъ добиться. Посмотримъ, чего еще добьешься года черезъ четыре такой жизни.

Иногда она выводила Панова изъ терпѣнія, не безъ юмора, съ неподражаемой серьезностью утверждая, что бездѣятельная и праздная жизнь превосходна, что это и есть идеалъ всѣхъ истинно умныхъ людей.

— Я вотъ сама чувствую, что надо мнѣ на отдыхъ уѣхать, въ Липовку забраться, — говорила она. — Я все больше и больше сознаю, что ты правъ, что вся эта вѣчная возня и суета ни къ чему не ведутъ. Заботишься все о разныхъ пустякахъ, объ обѣдахъ, да тряпкахъ, а что пользы? Только на мелочь размѣняешься, да характеръ испортишь...

Пановъ чувствовалъ, что она смѣется надъ нимъ, и въ то же время не могъ спорить съ нею. Разъ онъ попробовалъ замѣтить ей, что безъ этихъ мелкихъ заботъ все же не проживешь, но она очень наивнымъ тономъ спросила его:

— А вотъ ты прожилъ же?

— Ну... я...—началъ Пановъ и не кончилъ фразы.

Порой она измѣняла свою тактику. Она горячо и настойчиво уговаривала его взяться за дѣло, доказывая ему, что ему-то стыдно зарывать свои способности.

— Что же мудренаго, что у насъ многое идетъ дурно, когда множество людей, подобныхъ тебѣ, умныхъ, добрыхъ и честныхъ, устраняются отъ должностей,—говорила она.— Вѣдь это просто преступленіе передъ обществомъ, это какое-то нравственное самоубійство! И за что ты казнишь себя?

— Какъ казню?

— Ну да! Вѣдь тебя мучитъ твое бездѣйствіе? тебя мучитъ неудовлетворенное самолюбіе? Я вѣдь это читаю въ каждой твоей фразѣ, въ выраженіи твоего лица. Да иначе и быть не можетъ. Если бы я не видала, не чувствовала, что ты мучишься своимъ бездѣйствіемъ, я, право, перестала бы тебя уважать...

Пановъ смотрѣлъ на ея раскраснѣвшееся лицо, на ея блестящіе глаза и думалъ:

«Какъ жаль, что она такъ дурна собою!»

Мѣсяца за два передъ земскими выборами онъ какъ будто оживился. Къ нему завернули нѣкоторые изъ сосѣдей помѣщиковъ, подталкивая его на дѣло. Катерина Марковна очень усердно держала ихъ сторону и подзадаривала его. Наконецъ, онъ объявилъ ей, что онъ рѣшился самымъ

Digitized by Google

дѣятельнымъ образомъ провалить на выборахъ нѣсколько лицъ и поддержать другихъ. Эта агитація по выборамъ стала казаться ему и занимательной, и необходимой по многимъ причинамъ и объ этихъ-то причинахъ онъ подолгу сталъ бесѣдовать теперь съ Катериной Марковной. Онъ говорилъ даже, что онъ самъ былъ не прочь принять на себя какую-нибудь должность по выборамъ, и въ то же время началъ распространяться о необходимости посерьезнѣе заняться хозяйствомъ.

— Ты, Катя, меня совсѣмъ въ дѣятели превратила, — ласково проговорилъ онъ однажды, цѣлуя ее въ лобъ.

Катерина Марковна только покраснѣла. Онъ былъ удивительно мужественъ и красивъ, когда оживлялся... Когда настали дни выборовъ, онъ уѣхалъ въ городъ. Городская жизнь, столкновенія съ земцами, борьба и интриги, все это вдругъ встряхнуло и разбудило его. Давно онъ не чувствовалъ себя такимъ молодымъ и бодрымъ, какъ теперь. Онъ даже сильно приволокнулся за одной изъ помѣщичьихъ дочерей, смазливой брюнеточкой, не на шутку закокетничавшей съ нимъ. Выборы были удачны. Побѣда осталась за той партіей, къ которой примкнулъ Пановъ. Онъ чувствовалъ, что партія обязана этой побѣдой въ сильной степени ему. Какъ человѣкъ, недурно образованный и много читавшій, онъ загонялъ своихъ враговъ мѣткими нападками и горячими рѣчами. Самого его выбрали въ почетные мировые судьи. Онъ вернулся домой, веселый, сіяющій, оживленный. Перецѣловавъ дѣтей и обнявъ Катерину Марковну, онъ сталъ горячо разсказывать ей о выборахъ.

Она вся сіяла, слушая его и сознавая, что это она пробудила къ жизни дремавшую силу. Впервые Пановъ показался ей не только симпатичнымъ человѣкомъ, но просто красавцемъ. Онъ былъ уже далеко не юношею, но именно это-то и придавало такую законченность и цѣльность всему его существу, формамъ его тѣла, чертамъ лица, выраженію физіономіи. Отъ него вѣяло силой и здоровьемъ.

Наконецъ, онъ весело замѣтилъ ей:

— А я, Катя, влюбился! Жениться думаю!

Это было такъ неожиданно, что она даже смутилась.

— Что-жъ, и прекрасно. Ты еще молодъ... — коротко и отрывисто проговорила она.

— Это не будетъ тебѣ непріятно?

— Почему же?.. Нельзя же тебѣ весь вѣкъ такъ жить...

У нея точно что-то перехватывало духъ.

Digitized by Google

— А если вы не сойдетесь характерами?

— Ну, что-жъ... Уѣду въ Липовку.

— Уѣдешь?—спросилъ онъ тревожно и съ испугомъ.

— Разумѣется. Не ссориться же мнѣ съ твоей женою. Я чужая...

— Ты чужая?—горячо воскликнулъ онъ.—Ты чужая?.. Его глаза сверкнули какимъ-то огонькомъ.

— Да развѣ ты не понимаешь, что ты здѣсь все! — добавилъ онъ.

— Теперь... Но тогда все будетъ она, а не я,—сказала Катерина Марковна.

У нея сильно щемило сердце.

— Никогда, никогда! Лиза Дурасова почти дѣвочка, милая вертушка, смазливая рожица — и только!—проговорилъ онъ.—А ты...

Онъ ласково взялъ ее за руки и притянулъ къ себѣ. Она испуганно вздрогнула.

— Неужели ты не понимаешь, что ты нужна здѣсь и мнѣ, и дѣтямъ...

Она немного отстранилась отъ него, точно онъ брызнулъ на нее холодной водой. Она провела рукой по лбу и засмѣялась страннымъ горькимъ смѣхомъ:

— Да, да, нужна и тебѣ, и дѣтямъ!—проговорила она.—Разумѣется... разумѣется... я это понимаю... Я постараюсь поладить съ твоею женою...

Она повернула къ нему лицо, и въ ея глазахъ было выраженіе иронiи.

— Такъ ты говоришь, что эта... какъ ты ее назвалъ: Лиза Дурасова?.. смазливая рожица и только?—спросила она.

— Ну, да! Милая вертушка, наивная болтунья,—сказалъ онъ.—Гдѣ ей домомъ управлять!.. Нѣтъ, она лишній цыпленокъ подъ твоимъ крылышкомъ будетъ... Ты и ее сумѣешь пригрѣть, моя добрая...

Онъ опять хотѣлъ притянуть ее къ себѣ, но она отстранилась.

— Полно! — проговорила она съ легкимъ оттѣнкомъ досады.—Тебѣ теперь надо отучаться отъ этихъ нѣжностей, а то молодая жена приревнуетъ.

— Къ тебѣ-то? — съ удивленіемъ сказалъ онъ и вдругъ, точно спохватившись, прибавилъ: — Наши же отношенія чисто братскія!

Не прошло и минуты, какъ онъ уже серьезно сталъ толковать о дѣлахъ. Что нужно приготовить, если онъ точно

Digitized by Google

женится? Не надо ли реставрировать бѣлье? Гдѣ и какъ устроить спальню? Пожалуй, придется выписать изъ Москвы двѣ односпальныя кровати, такъ какъ не хотѣлось бы ставить въ спальню ту кровать, которая служила ему при первой женѣ? Ему очень тяжелы всѣ эти воспоминанія. Они главнымъ образомъ удерживаютъ отъ второго брака...

— Ты понимаешь, надо все новое, чтобы не было этихъ воспоминаній, — сказалъ онъ, грустно вздыхая. — Мы еще обсудимъ все это какъ-нибудь съ тобою. Ты вѣдь моя руководительница и главный мой совѣтникъ.

— Хорошо,—отвѣтила она коротко.

У нея перехватывало духъ.

Она прошла въ свою комнату, присѣла къ окну и стала безцѣльно смотрѣть въ пространство. Она ни о чемъ не думала, ничего не понимала, что съ ней дѣлается. Въ головѣ была какая-то пустота, точно она что то потеряла. Что?—она этого и сама не знала. Она даже не замѣчала, что изъ ея глазъ градомъ лились слезы. Потомъ, какъ бы замѣтивъ ихъ внезапно, она раздражительно пожала плечами, отерла лицо и проговорила:

— Да развѣ я и надѣялась на что-нибудь другое?.. Развѣ я могла надѣяться на что-нибудь?.. Развѣ я не предвидѣла, что это когда-нибудь случится?.. Не на мнѣ же ему было жениться!..

Она съ горькой иронической улыбкой взглянула на свое отраженіе въ зеркалѣ и опять пожала плечами.

— Особенно красива теперь, съ этимъ покраснѣвшимъ носомъ и подпухшими глазами!..

Она ненавидѣла, презирала себя въ эту минуту...

Она налила воды въ рукомойникъ и стала усердно умывать лицо...

Вечеромъ она насильно переломила себя, и уже сама начала разговоръ о свадьбѣ Панова. Она входила во всѣ мелочи, не забыла никакихъ подробностей. Всѣ хлопоты по передѣлкѣ квартиры, по приготовленію бѣлья она взяла на себя. Она точно хотѣла за что-то наказать себя, взявъ на себя исполненіе этой трудной задачи подготовленія гнѣзда для другой женщины. Когда, по прошествіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ, Пановъ вошелъ въ комнату, долженствовавшую съ завтрашняго дня служить спальнею ему и его женѣ, онъ пришелъ въ восторгъ отъ убранства этой комнаты и обнялъ Катерину Марковну.

— Спасибо тебѣ, моя добрая,—сказалъ онъ ей.

Digitized by Google

— Ну, ты теперь вполнѣ доволенъ?—проговорила она.

— О, еще бы!—отвѣтилъ онъ, цѣлуя ея руки.

— Дай Богъ, чтобы она стоила тебя!—сказала Катерина Марковна и поцѣловала его въ лобъ, какъ цѣлуетъ мать избалованнаго ею, прихотничающаго ребенка.

«Молодая» тоже осталась всѣмъ довольна, поселившись въ домѣ Панова, гдѣ она порхала, какъ птичка, безъ умолку болтая всякіе пустяки и глупости. Оставшись наединѣ съ мужемъ, она замѣтила ему среди поцѣлуевъ:

— Прежде, когда ты мнѣ говорилъ, что у твоей Кати золотое сердце, я ревновала тебя къ ней. А теперь, когда я ее увидала...

Она оборвала фразу и засмѣялась.

— Къ такимъ носамъ не ревнуютъ, птичка? Да?—спросилъ онъ ее, заглядывая ей въ плутовскіе глаза.

— А что за руки, что за ноги!—сказала Елизавета Дмитріевна и выставила свою ножку. — Изъ одной двѣ такія выйдутъ.

Онъ опустился передъ ней на колѣни и сталъ цѣловать ея руки...

Катерина Марковна не спала въ эту ночь и все думала, окажется ли достойной его эта молоденькая вертушка, будетъ ли онъ съ нею счастливъ? А слезы, непрошенныя, досаждающія слезы такъ и лились, и лились изъ глазъ.

Съ слѣдующаго дня въ домѣ все пошло по-старому. Въ немъ только прибавилось однимъ лицомъ, говорившимъ съ надутыми по-дѣтски губками: «Катя, у меня кружево у манишки отпоролось!.. Катя, я разорвала вчера платье!.. Катя, налей мнѣ чаю!..» Да прибавилось число поцѣлуевъ, расточаемыхъ Катеринѣ Марковнѣ, когда она подшивала кружево, зашивала платье, наливала чай капризничающему ребенку.

Катерина Марковна не только не чувствовала себя менѣе прежняго счастливой, но даже была счастливѣе прежняго. Пановъ послѣ женитьбы какъ будто помолодѣлъ, ему понадобилась дѣятельность, онъ сталъ чаще выѣзжать, онъ сталъ усерднѣе хозяйничать. Откуда бы онъ ни возвращался, онъ шелъ къ Катеринѣ Марковнѣ и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ ней о дѣлахъ, о сосѣдяхъ, о новостяхъ дня.

— Мнѣ надо идти по хозяйству распорядиться,—иногда говорила она ему въ этихъ случаяхъ.

— Брось, Катя, все, и дай отвести съ тобой душу,— останавливалъ онъ ее.

Digitized by Google

И они толковали, острили, смѣялись. Казалось, у нихъ никогда не истощатся темы для разговоровъ. Наконецъ, она настойчиво прогоняла его къ женѣ. Онъ шутливо замѣчалъ, что его жена, вѣроятно, давно уже спитъ.

Иногда, когда онъ отлучался на нѣсколько дней въ городъ, Елизавета Дмитріевна, забравшись съ ногами на кушетку, по цѣлымъ днямъ просиживала безъ дѣла, не то читая, не то дремля, какъ свернувшаяся въ клубокъ кошечка.

— Ахъ, Катя, какая здѣсь скука!—говорила она, вздыхая.

— Вотъ Борисъ завтра пріѣдетъ,—утѣшала ее Катерина Марковна.

— Да и при немъ то же!—возражала молодая женщина, надувая губки.—Я не знаю, какъ ты можешь говорить съ нимъ по цѣлымъ часамъ. О чемъ? О дѣлахъ, о сосѣдяхъ, о земствѣ! Тоска!

— Это потому, что ты ничего не дѣлаешь, Лиза,—замѣчала Катерина Марковна.

— Да что же дѣлать? Ты всѣмъ распоряжаешься...

— Если хочешь, я уступлю тебѣ свое мѣсто...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога!..—съ испугомъ говорила Елизавета Дмитріевна.—Ты привыкла къ этому, а я... Вотъ у тебя какія руки стали отъ хозяйства... Тоже сапоги ты надѣваешь, чтобъ по кладовымъ и ледникамъ бѣгать.

Она вдругъ начинала шаловливо смѣяться...

— Я иногда просто думаю, что ты мужчина въ юбкѣ... Право!... Да можетъ-быть, ты и точно мужчина... Вотъ ты и говоришь, какъ мужчина, о дѣлахъ, серьезно... «Нужно расширить права земства, иначе ничего не выйдетъ»... Какія такія права? Я даже не знаю, есть ли какія-нибудь права у земства!.. Нѣтъ, женщина должна быть мягче, идеальнѣе, поэтичнѣе... она должна жить для любви...

Катерина Марковна усмѣхалась.

— Вотъ погоди, я влюблюсь и выйду замужъ...

— Ну, гдѣ же, Катя... Твоя пора прошла...

Елизавета Дмитріевна говорила это такимъ же тономъ, какъ говорятъ человѣку самыя пріятныя для него вещи.

— Разумѣется, если бы ты была богата, тогда дѣло другое,—продолжала она такъ же невозмутимо спокойно.—Женщинѣ вѣдь нужно имѣть или красоту, или богатство, чтобы сдѣлать партію. Это очень грустно, но это такъ...

Катерина Марковна молчала. Ей даже въ голову не приходило желаніе сказать Пановой, что дѣйствительно

Digitized by Google

даже дуры находятъ умныхъ мужей, если онѣ красивы. Порой Елизавета Дмитріевна дулась на Екатерину Марковну по цѣлымъ днямъ за то, что Борисъ Васильевичъ наканунѣ опять засидѣлся за полночь съ нею, съ Катериной Марковной.

— Право, такимъ дѣловымъ людямъ, какъ Борисъ, и жениться не слѣдуетъ,—жаловалась она Марьѣ Петровнѣ Крестовоздвиженской при Катеринѣ Марковнѣ. — Имъ не жена нужна, а секретарь въ юбкѣ. Я иногда по недѣлямъ не слышу отъ мужа ни одного слова, не встрѣчаю ни одной ласки.

— Ахъ, ангелъ, ангелъ, какое это неглиже съ его стороны! — сочувственно отзывалась Марья Петровна.—Такую птичку, какъ вы, моя щебетунья, оставлять въ забвеніи...

— Умныхъ разговоровъ я не умѣю вести!

— Да развѣ для умныхъ разговоровъ, мой ангелочекъ, мужчины-то женятся? Совсѣмъ даже напротивъ! совсѣмъ напротивъ!

— А у насъ, вѣрно, для этого только и женились!

Потомъ, когда Катерина Марковна выходила изъ комнаты, Елизавета Дмитріевна начинала жаловаться на нее, говоря, что она силой удерживаетъ у себя Бориса Васильевича.

— Конечно, она такъ дурна собою, что ей уже не на что надѣяться... Вотъ она и завладѣваетъ чужими мужьями и разными мальчиками... Вы не замѣтили, какъ она за Митей Головнинымъ ухаживаетъ?.. Вѣдь онъ ей въ сыновья годится, а она...

Елизавета Дмитріевна заливалась смѣхомъ.

— Сорочки ему шьетъ и сама примѣряетъ,—проговорила она.

— Дѣвица-то? Ахъ, страсти какія!—въ ужасѣ всплеснула руками Марья Петровна.

— Какъ же! Все же мужчина!

Потомъ Елизавета Дмитріевна принимала серьезный видъ и говорила:

— Это неприлично просто, но еще покуда ничего. А какой примѣръ будетъ для Оли, когда та нынче весной выйдетъ изъ института? Вѣдь ухаживаній Катерины Марковны за Митей нельзя не замѣтить! Это въ глаза бросается!

— Что говорить, что говорить! — соглашалась Марья Петровна. — Мораль на весь домъ пойдетъ! То-то я замѣ-

Digitized by Google

чала, что онъ иногда на нее фыркаетъ... Она это станетъ ему что-нибудь, а онъ фыркъ да фыркъ!.. Извѣстно, власть взялъ! Надъ нашей сестрой чуть что—мужчина сейчасъ власть возьметъ!..

Вечеромъ Катерина Марковна узнавала всю сущность этого разговора и коротко обрывала задушевныя изліянія Марьи Петровны:

— Ко мнѣ, Марья Петровна, ужъ ничего не пристанетъ, а сорочки для Мити я и теперь вотъ шью, потому что Митя бѣднѣе нищаго... Нищій хоть христарадничать можетъ, а этому еще учиться нужно...

— Да знаю, знаю я, что вы ангелъ, ангелъ доброты и кротости!—умилялась Марья Петровна.—Я нарочно ее и выпытала, чтобы васъ предупредить...

— Нѣтъ, вы мнѣ не разсказывайте въ другой разъ всѣхъ пустяковъ, какіе приходятъ въ голову Лизѣ,—говорила Катерина Марковна.—Это вѣдь она отъ скуки капризничаетъ...

— Извѣстно, отъ скуки! Со скуки и собака на цѣпи лаетъ, а ужъ человѣку и Богъ велѣлъ! Вѣдь пальца о палецъ не стукнетъ, все вы, все вы дѣлаете!..

Катерина Марковна незамѣтно перемѣняла разговоръ...

III.

На вечеринкѣ у Пѣтуховыхъ шелъ дымъ коромысломъ. Къ нимъ или никто не заглядывалъ въ гости, или среди собравшихся къ нимъ гостей шелъ гамъ, какъ на школьномъ дворѣ въ часы рекреаціи. Вечеринка устроилась случайно. Собравшіеся гости были въ самыхъ простенькихъ нарядахъ. Большинство пришло просто пѣшкомъ, другіе пріѣхали на мужицкихъ саняхъ. Дамъ почти не было, кромѣ Пановой, двухъ неряхинскихъ барышень, хозяйки дома, да ея двухъ дочерей. У Пѣтуховыхъ, въ сущности, не было хозяйки въ домѣ, такъ какъ оба брата были холосты: но на большіе праздники къ нимъ пріѣзжала съ дочерьми невѣстка, вдова ихъ старшаго брата, и тогда почти каждый день у Пѣтуховыхъ шла пляска, задавались нехитрые обѣды, устраивались катанья. Николай Пѣтуховъ говаривалъ въ этихъ случаяхъ: «а у насъ теперь масляница!» Въ такія «масляницы» у нихъ было очень весело. Недостатка въ веселіи не было и въ этотъ вечеръ. Только что успѣли ввалиться въ залъ Пѣтуховы съ барынями, какъ начались танцы подъ фортепіано, и звонкій смѣхъ

Digitized by Google

гостей, смѣявшихся надъ Николаемъ Пѣтуховымъ, танцовавшимъ за даму въ платочкѣ на головѣ и въ шали на плечахъ. Елизавета Дмитріевна танцовала первую кадриль съ гимназистомъ.

— Какъ же это, Митя, вы рѣшились оставить даму своего сердца одну?—проговорила шутливымъ тономъ Елизавета Дмитріевна.

— Какъ-съ?—спросилъ растерянно гимназистъ.

Она повторила свой вопросъ.

— Вы это о Катеринѣ Марковнѣ?—спросилъ онъ.

— О комъ же больше! Извѣстно, что вы въ нее страстно влюблены.

— Я-съ? Развѣ я могу!—воскликнулъ онъ, краснѣя.

— Нѣтъ, это я шучу! У васъ не можетъ быть такого дурного вкуса,—сказала Панова.—Вамъ начинать...

Онъ неуклюже началъ выдѣлывать па и спуталъ фигуру кадрили.

— А она влюблена въ васъ и ревнуетъ васъ даже къ музамъ,—продолжала подшучивать Панова, когда оба они сѣли снова.

— Чего-съ?—спросилъ онъ.

— Она, я говорю, ревнуетъ васъ даже къ музамъ и хочетъ отучить васъ писать стихи! Я слышала, какъ она васъ критикуетъ. Это просто безбожно такъ смѣяться надъ поэзіей... А вы мило пишете.

— Что вы-съ! — сконфуженно воскликнулъ онъ и покраснѣлъ, какъ піонъ, до ушей.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ непремѣнно стала печатать свои стихи.

— Гдѣ же-съ! Я еще...

— Митя, Митя, что же ты не начинаешь, — крикнулъ Николай Пѣтуховъ.—Заснулъ, что ли?

Головнинъ еще перепуталъ фигуру.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, попробуйте!—совѣтовала ему Панова.—Вы и смотрите поэтомъ...

— Вы все смѣетесь!

— Ужъ будто вы и не знаете себѣ цѣны!

— Да что же я?

— О, какой кокетъ! Добивается, чтобы женщина ему комплименты дѣлала! Такъ нѣтъ же, не дождетесь! Вы противный, уродливый! Вотъ вамъ!

Головнинъ былъ совсѣмъ красенъ. Когда онъ кончилъ

Digitized by Google

фигуру и опять усѣлся съ своей дамой, она кокетливо взглянула на него.

— Вы повѣрили тому, что я сказала?—спросила она.

— Я-съ...

— Не вѣрьте, Митя! Вы очень милый мальчикъ! Впрочемъ что я! Какой же вы мальчикъ! Вы уже молодой человѣкъ... Но, право же, смѣшно, когда вы ухаживаете за такой старой дѣвой, какъ Катя. Она вѣдь вамъ въ матери годится...

— Я не ухаживаю-съ...

— Да, но вы шепчетесь по угламъ. Она васъ раздѣваетъ и...

— Это вы пустое-съ, совсѣмъ чушь городите! — горячо воскликнулъ онъ и сконфузился.

— Митя, Митя! Вы съ дамой говорите, а не съ товарищемъ!—сказала Панова.—Я просто хотѣла сказать, что не хорошо давать ей примѣрять на васъ бѣлье, трепать васъ по щекамъ... Я для вашей же пользы. Надъ вами подтруниваютъ, какъ надъ ребенкомъ. Мнѣ, право, жаль васъ...

Она болтала, что ей приходило на умъ. Нельзя же думать о томъ, что болтаешь въ танцахъ. Когда кончилась кадриль, Николай Пѣтуховъ подошелъ къ Пановой и сказалъ:

— Ну, барынька, извините за кавалера! Саврасъ какой-то безъ узды, все путалъ!

— Ахъ, это потому, что онъ танцовалъ со мною, а его сердце и мысли были тамъ!—отвѣтила она съ комическимъ вздохомъ.

— А, вотъ оно въ чемъ дѣло! По Катеринѣ Марковнѣ тоскуетъ! Еще бы, еще бы! Она его совсѣмъ избаловала, точно со своимъ первенцомъ, съ нимъ няньчится.

— Что дѣлать! Любовь!—сказала Панова.

— Не любовь, а доброта Катерины Марковны,—отвѣтилъ Пѣтуховъ, и его тонъ сдѣлался серьезнымъ.—Она всякаго паршиваго щенка, а не то что его, готова приголубить...

— Это должно быть для васъ очень лестно,—со смѣхомъ замѣтила она Головнину.

Она не оставляла его въ покоѣ весь вечеръ. Ее тѣшило его смущеніе, ей было весело дразнить его. Вальсируя съ нею, Митя наступилъ кому-то на ногу и сконфузился по своему обыкновенію.

— Это все уроки Кати,—сказала ему Панова.—Она та-

Digitized by Google

кая же неловкая... Вамъ, Митя, нужно больше бывать среди молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ... тогда не будете смѣшнымъ и не будетъ причинъ конфузиться...

Еще разъ въ этотъ вечеръ она обратилась къ нему:

— А стихи-то попробуете напечатать?—спросила она.

— Помилуйте... какъ же...

— Нѣтъ, нѣтъ, попробуйте и посвятите первое стихотвореніе мнѣ...

— Вамъ?

— Впрочемъ, если не считаете меня достойной—не надо!

Она надула губки. Она была очень мила, когда ребячески надувала губки.

— Нѣтъ-съ, я не то,—началъ Головнинъ.

У него вдругъ засверкали глаза, и онъ спросилъ шопотомъ:

— А вы позволите?..

— Я прошу!

— И все выставить... имя и фамилію?

— Все, все...

Онъ засмѣялся.

— Подумаютъ, что я влюбленъ!—какъ-то по-дѣтски радостно проговорилъ онъ, захлебываясь.

— А вы не хотѣли бы, чтобы это подумали?—спросила она, сощуривъ глаза.

— Напротивъ-съ! совсѣмъ напротивъ-съ!..

И онъ крѣпко стиснулъ ея руку, уже совсѣмъ не съ дѣтскимъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Господи, какая скука жить въ деревнѣ, — капризно сказала она. — Никогда, Митя, не живите въ деревнѣ, никогда! Особенно, если женитесь, бѣгите съ женой сейчасъ же въ городъ!

— Я никогда не женюсь!—мрачно отвѣтилъ онъ.

— Это почему?

— Гдѣ же мнѣ! Я бѣденъ! Я...

— Да развѣ мужчинѣ нужны деньги, когда онъ такой...

Она закусила губы.

— Когда что? когда что?—допрашивалъ онъ съ необычайною для него смѣлостью.

— Угадайте! Это вамъ загадка на ночь! Завтра зайдите къ намъ и скажите, разгадали ли!

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она, какъ бабочка, упорхнула отъ его рукъ. Онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ искрящимися глазами.

Digitized by Google

Гости стали расходиться и разъѣзжаться...

На слѣдующій день Головнинъ зашелъ, по обыкновенію, къ Пановымъ. Когда онъ увидалъ Елизавету Дмитріевну, онъ нѣсколько сконфузился. Ей показалось очень забавнымъ продолжать съ нимъ вчерашнюю игру въ кокетство.

— Ну, а загадку разгадали?—спросила она тайкомъ, какъ будто этотъ вопросъ и точно составлялъ тайну ото всѣхъ.

— Я и вчера зналъ, что вы хотѣли сказать,—отвѣтилъ онъ и бойко взглянулъ ей въ глаза.

— Что же?

— Что я хорошенькій...

— Фатъ!

Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ. Она сказала:

— Я просто хотѣла сказать: такой неглупый и галантливый... А вы вотъ что выдумали! О, да съ вами опасно быть откровенной...

Въ эту минуту въ комнату явилась Катерина Марковна, и собесѣдники смолкли.

— Ну, Митя, сколько новыхъ элегій написали за ночь!—спросила она, здороваясь съ нимъ.

— Онъ, можетъ-быть, посланія къ *ней* писалъ, а не элегіи!—сказала Елизавета Дмитріевна.

— Ну, ему еще за это можно ушонки драть. Рано еще!—отвѣтила Катерина Марковна.

— Рано! Это не бѣда! Бѣда, когда уже поздно!—многозначительно проговорила Елизавета Дмитріевна и подмигнула Головнину.

Онъ неловко потупился. Катерина Марковна не замѣтила этого взгляда и не обратила вниманія на намекъ.

— Помогите-ка мнѣ лучше шерсть размотать,—сказала она, обращаясь къ Головнину.

— Ахъ, Катя, для этого достаточно взять два стула, не утруждая Дмитрія Ивановича,—вступилась за него хозяйка дома.

Катерина Марковна разсмѣялась.

— Ну, ты его сегодня даже въ Дмитрія Ивановича произвела, Лиза,—сказала она.—Впрочемъ, если трудно, я и безъ васъ обойдусь.

— Нѣтъ-съ, я готовъ-съ... Отчего же!—отвѣтилъ Головнинъ и растопырилъ руки, на которыя надѣлся мотокъ шести.

— Поэтическое занятіе!—воскликнула Елизавета Дмитріевна, пожимая плечами, и вышла изъ комнаты.

Digitized by Google

Не прошло и пяти минутъ, какъ уже Головнинъ шутилъ и смѣялся съ Катериной Марковной, какъ истый школьникъ. Онъ забылъ и Елизавету Дмитріевну, и ея заигрываніе...

IV.

Когда Головнинъ пришелъ прощаться съ Пановыми передъ своимъ отъѣздомъ въ гимназію, Елизавета Дмитріевна опять закокетничала съ нимъ. Она какъ-то особенно грустно вздохнула, прощаясь съ нимъ, и, когда никого не было въ комнатѣ, дала ему поцѣловать свою руку. Онъ нагнулся для поцѣлуя, а она поцѣловала его въ щеку, но такъ близко около губъ, что онъ вспыхнулъ. Она тоже какъ будто сконфузилась и слабо вскрикнула, точно обожглась. Онъ почувствовалъ вдругъ, что она видитъ въ немъ мужчину. Мальчики всегда гордятся этимъ.

Затѣмъ въ домѣ Пановыхъ все пошло по-старому: тѣ же бесѣды Катерины Марковны съ Пановымъ, то же лѣнивое лежаніе Елизаветы Дмитріевны клубочкомъ на кушеткѣ, тѣ же посѣщенія Марьи Петровны и неряхинскихъ барышень, тѣ же наѣзды братьевъ Пѣтуховыхъ съ громкимъ смѣхомъ Николая и съ томными вздохами Александра, и тѣ же мелкія насмѣшки Пановой надъ лицомъ и фигурой Катерины Марковны. Такъ прошло время до Пасхи, однообразно, въ бѣличьей работѣ, въ томительной скукѣ,—и въ домѣ Пановыхъ снова появился Митя, пріѣхавшій на праздники къ Пѣтуховымъ.

Въ эти три мѣсяца онъ необыкновенно выросъ и возмужалъ. Они и точно прошли для него не даромъ. Во-первыхъ, онъ въ эти мѣсяцы сильно просвѣтился по части вечернихъ прогулокъ по Невскому проспекту и знакомства съ дѣвицами легкихъ нравовъ; во-вторыхъ, онъ сдѣлался писателемъ, то-есть успѣлъ напечатать въ одномъ изъ мелкихъ періодическихъ изданій три-четыре стихотворенія. Вслѣдствіе этихъ событій въ его жизни онъ сталъ смотрѣть на людей немного сверху внизъ съ высоты своего величія, а въ обществѣ Пѣтуховыхъ и особенно младшаго Пѣтухова сталъ сальничать. Въ первомъ случаѣ онъ кстати и некстати прибавлялъ: «мы литераторы», а во второмъ замѣчалъ: «мы холостежь». Катерина Марковна сразу замѣтила ему перемѣну и не могла не подшутить надъ нимъ.

— Васъ, Митя, даромъ печатаютъ?—спросила она.

— Какъ это даромъ? За писательскій трудъ всегда платятъ!—отвѣтилъ онъ.

Digitized by Google

— да какой же вы писатель? Это такъ васъ для поощренія напечатали и, признаюсь, глупо сдѣлали, потому что вы зазнаетесь. И сумѣли что выбрать! Чуть не худшія вещи.

— Что-жъ дѣлать, если цензура свирѣпствуетъ!

Онъ очень серьезно сталъ распространяться о цензурѣ, какъ и слѣдуетъ каждому писателю. Впрочемъ, тутъ было нѣкоторое недоразумѣніе. Когда его стихи не принимались въ редакціяхъ, ему коротко говорили, что «они неудобны къ печати»; онъ утѣшалъ себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что мысленно прибавлялъ, «конечно, по цензурнымъ условіямъ»,— и гордился этимъ.

Оставшись наединѣ съ Елизаветой Дмитріевной, онъ вынулъ изъ кармана одно изъ своихъ напечатанныхъ стихотвореній и подалъ его ей. Она прочла:

На дворѣ трещатъ морозы,—
У меня-жъ въ душѣ весна,
Губки алыя, какъ розы,
Вижу я во время сна.

Вѣтеръ бѣшеный бушуетъ,—
Мнѣ же снится, что она,
Наклонясь, меня цѣлуетъ
Въ тишинѣ, во время сна.

Это стихотвореніе было посвящено ей. Она раскраснѣлась, читая его. Потомъ она поблагодарила поэта и протянула ему руку. Онъ поцѣловалъ ее горячимъ и долгимъ поцѣлуемъ и взглянулъ ей въ глаза, не выпуская ея руки изъ своей. Она какъ-то сразу поняла, что онъ за это время научился цѣловать женскія руки, и немного смутилась. Онъ вздохнулъ.

— Я только теперь начинаю понимать женщинъ,—многозначительно сказалъ онъ.

Она вопросительно взглянула на него.

— Еще такъ недавно я былъ мальчикомъ,—проговорилъ онъ съ серьезнымъ видомъ, вынимая и закуривая папиросу.—А теперь... Я часто думалъ о вашихъ словахъ, когда вы говорили мнѣ, какъ вамъ скучно здѣсь... Да, это ужасно, во цвѣтѣ лѣтъ, такой хорошенькой, какъ вы, и погибать въ глуши, среди разныхъ старыхъ дѣвъ въ родѣ Маріи Петровны и...

Онъ запнулся и кашлянулъ.

— И Кати?—спросила она, лукаво взглянувъ на него.

— Да, отчасти и такъ! Катерина Марковна очень добрый

Digitized by Google

и любящій человѣкъ, но вѣдь она ходячая проза, — покровительственнымъ тономъ произнесъ онъ, развалившись въ креслѣ и пуская къ потолку дымъ.

Ему теперь непремѣнно хотѣлось быть старше своихъ лѣтъ и покрутить пушокъ надъ верхней губой.

— Но вы же такъ дружны съ ней!

— Какъ вамъ сказать?.. Мнѣ было бы тяжело огорчить ее чѣмъ-нибудь... Она и такъ обдѣлена судьбой... На свѣтѣ нѣтъ ничего хуже положенія старой дѣвы... Я это вполнѣ понимаю... И если ей доставляетъ удовольствіе ласкать меня, то для чего же ее огорчать холодностью?..

Онъ вздохнулъ, какъ человѣкъ, сознающій, что онъ приноситъ жертву.

— Мало ли молодыхъ существъ губятъ даже свою жизнь, оставаясь вѣрными тѣмъ, кто имъ годится просто въ отцы, — произнесъ онъ и многозначительно взглянулъ на Елизавету Дмитріевну.

Она опять смутилась.

— Конечно, эти жертвы не всѣ понимаютъ, не всѣ знаютъ, чего онѣ стоятъ, — сказалъ онъ. — Но мы, поэты, угадываемъ это чутьемъ, сердцемъ...

Въ головѣ Пановой вертѣлась одна мысль, что онъ сталъ просто красавцемъ. Когда онъ на прощаньи снова крѣпко-крѣпко сжалъ ей руку, точно выражая этимъ рукопожатіемъ, что онъ сочувствуетъ ея положенію, она опять смутилась и потупила глаза...

Возвратившись домой и растянувшись на постели въ одной комнатѣ съ Александромъ Пѣтуховымъ, онъ говорилъ, затягиваясь папиросой:

— Какая прелестная бабенка эта Панова! Просто жаль на нее смотрѣть, что она чахнетъ съ этимъ увальнемъ Борисомъ Васильевичемъ. Развѣ она можетъ его любить?

— Что-жъ, онъ не старъ, красивъ! — флегматично отвѣчалъ Александръ Пѣтуховъ.

— Не старъ! Его старшая дочь чуть не ея лѣтъ! А мы-то, холостежь, знаемъ, чѣмъ становится человѣкъ въ такіе годы.... Вѣдь онъ тоже пожилъ на своемъ вѣку...

Головнинъ пустилъ въ потолокъ длинную струйку дыма.

— Право, ужасно, что матери не объясняютъ всего этого дочерямъ, — продолжалъ онъ философствовать. — Дѣвушка увлечется, выходитъ замужъ, а черезъ годъ, черезъ два, — чортъ знаетъ, что выходитъ, какая-то замужняя вдова!

Digitized by Google

Александръ Пѣтуховъ засмѣялся.

— Ну, жилъ бы, какъ нашъ Николай Платоновичъ, съ какой-нибудь бабенкой, — продолжалъ Головнинъ. — Такъ нѣтъ, надо жениться на дѣвушкѣ изъ порядочнаго круга и загубить ея жизнь...

— Ну, утѣшители найдутся, — сказалъ Александръ Пѣтуховъ.

— Да кто у нихъ бываетъ! Развѣ мы съ тобой?

Пѣтуховъ опять засмѣялся. Начался холостой разговоръ...

Въ одно изъ посѣщеній къ Пановымъ, Головнинъ подстерегъ Елизавету Дмитріевну въ темномъ уголкѣ и, схвативъ ея руку, страстно прошепталъ ей:

— Божество мое!

Она и испугалась, и сладко взволновалась. Она еще ни разу въ жизни не извѣдала на практикѣ сладостей любовнаго романа. Извѣдать такой романъ казалось ей любопытнымъ. Она не разъ по цѣлымъ часамъ мечтала объ этомъ то время праздняго лежанья на кушеткѣ. Иногда *онъ* убивалъ ея мужа и *его* за это ссылали на Кавказъ, куда она уѣзжала за *нимъ*, но тамъ происходилъ новый романъ, такъ какъ ее похищалъ отъ него черкесъ и запиралъ ее «въ гаремъ». Но есть ли у черкесовъ гаремы? Если нѣтъ, то все равно: черкесъ увозилъ ее и потомъ продавалъ турецкому султану. Тамъ вѣдь женщины шальвары носятъ? Неужели и ее такъ одѣнутъ? Иногда же романъ кончался болѣе просто: она спасалась отъ мужа бѣгствомъ съ *нимъ* за границу и непремѣнно въ Парижъ. Въ Парижѣ она непремѣнно пробиралась подъ густымъ вуалемъ въ Мабиль и потомъ попадала на балъ къ Наполеону. Она только никогда не могла рѣшить, кто будетъ этотъ *онъ*. И вдругъ этотъ *онъ* стоитъ передъ нею!..

— Пустите!—слабо проговорила она, стараясь безъ особенныхъ усилій освободить свою руку.

— Одинъ только поцѣлуй!—страстно прошепталъ онъ.

И она почувствовала, что ее всю охватили юношескія объятія, а къ ея губамъ прильнули горячія, сухія губы. Она уже не вырывалась и позволяла себя цѣловать.

— Митя, Лиза! — раздался гдѣ-то далеко голосъ Катерины Марковны.—Гдѣ вы? Чай поданъ!

Молодые люди быстро разошлись въ разныя стороны и минутъ черезъ пять явились въ столовую съ разныхъ концовъ. Оказалось, что Елизавета Дмитріевна «задремала въ гостиной», а Головнинъ «зачитался въ кабинетѣ».

Digitized by Google

— Да вы, кажется, тоже вздремнули, — сказала Катерина Марковна, съ улыбкой смотря на Головнина. — Вы точно послѣ сна красный...

Онъ еще больше вспыхнулъ. Елизавета Дмитріевна потупилась. Оба чувствовали себя не совсѣмъ ловко, какъ напроказничавшіе школьники...

Поздно вечеромъ, когда всѣ уже ложились спать, Марья Петровна Крестовоздвиженская, ночевавшая по обыкновенію въ комнатѣ Катерины Марковны, таинственнымъ шопотомъ разсказывала ей, присѣвъ къ ней на постель въ одной сорочкѣ и юбкѣ:

— Вы это, ангелъ мой, кликнули ихъ, а я и пошла въ «угловую»... искать ихъ пошла... Только это я приблизилась, какъ они шасть въ разныя стороны... шасть!.. Ну, вотъ точно блудливыя кошки, когда на нихъ «брысь» крикнешь!.. Онъ это шмыгъ въ кабинетъ, а она это шмыгъ въ гостиную...

— Это вамъ показалось, Марья Петровна! — сказала Катерина Марковна.—Чего же имъ разбѣгаться? Ну, были вмѣстѣ, такъ что же? Да я и частехонько съ Митей вдвоемъ сумерничаю...

— Ангелъ, ангелъ, да кто же про васъ что подумаетъ? Чистое вы созданіе! А Елизавета Дмитріевна... охъ, глазъ да глазъ нуженъ...

— Лиза честная женщина, — рѣзко перебила ее Катерина Марковна.—Да и Митя еще мальчикъ.

— Митрій-то Ивановичъ мальчикъ? Митрій-то Ивановичъ? Ахъ, ахъ, ты, Боже мой! — воскликнула Марья Петровна. — Да онъ теперь у Пѣтуховыхъ такія штуки съ Александромъ-то Платоновичемъ продѣлываетъ, что... Конечно, я дѣвица и мнѣ по моему понятію даже не слѣдовало бы и знать всѣхъ этихъ карамболей... Но вѣдь среди людей живу, среди людей... всего наслушаешься... Вотъ еще третьяго дня...

— Полноте, Марья Петровна! Намъ-то что за дѣло до этой грязи, если она и точно существуетъ, — прекратила разсказъ Катерина Марковна.

— Это конечно, это конечно... Но я вѣдь только къ тому, чтобы чего-нибудь не вышло...

— Ну, мы отвѣчать не будемъ.

— Кто знаетъ, кто знаетъ, душечка! Вы-то ангелъ чистый, а люди... У, на первой бы осинѣ всѣхъ этихъ безобразниковъ мужчинъ перевѣшала!.. Право!..

Digitized by Google

Потомъ она перемѣнила тонъ и жалобно начала говорить, что немудрено и испортиться Митѣ: тамъ, въ Петербургѣ, одинъ безъ призора, на вольной волюшкѣ живетъ, а здѣсь...

— Какой же здѣсь ему примѣръ?.. Александръ Платоновичъ, извѣстно, развратникъ, хоть и смотритъ тихоней, а Николай Платоновичъ... Сами знаете про Феню-то... И туда же отцами эти люди называются. И всѣ, всѣ мужчины таковы... Мы еще Бога должны, душечка, благодарить, что мы замужъ не повыходили!.. Тяжела наша доля, тяжела, а какъ пораздумаешь, какъ пораскинешь умомъ, такъ и видишь, что слава тебѣ, Господи, что замужъ за какого-нибудь этакого варвара и кровопійцу не попала... Ей-Богу!.. Кто говоритъ, было время, что первому встрѣчному на шею бы повѣсилась, ну, да вѣдь молодо — глупо, а теперь... Ахъ, ангелъ мой, да теперь озолоти меня какой-нибудь этакій господинъ Пѣтуховъ, такъ я и тогда за него не выйду.

Катерина Марковна уже спала.

V.

Доволенъ ли Борисъ своею супружескою жизнью? Счастливъ ли онъ?

Эти вопросы, послѣ разговора съ Марьей Петровной, все чаще и чаще стала задавать себѣ Катерина Марковна. «Онъ такъ мало общаго имѣетъ съ женою, онъ уходитъ отъ жены къ ней, къ Катеринѣ Марковнѣ, дѣлиться своими планами и надеждами, онъ, кажется, совсѣмъ охладѣлъ къ женѣ. Но это все бы ничего, а если она точно станетъ его обманывать? Митя, конечно, не опасенъ; это мальчикъ. Но за ней ухаживаютъ и другіе молодые люди. Недаромъ же Александръ Пѣтуховъ перемѣняетъ чуть не каждый день галстучки и появляется въ ихъ домѣ и кстати, и некстати. О, это будетъ большое горе для Бориса, если его станетъ обманывать жена. Онъ такой самолюбивый. И какъ странно создано большинство мужчинъ. Имъ прежде всего нужно хорошенькое личико въ женщинѣ, а до остального имъ почти нѣтъ и дѣла, когда они влюбляются. Что это: порокъ ума или сердца? Женщины смотрятъ иначе. Вотъ хоть бы она, Катерина Марковна, развѣ она не такъ же любила бы Бориса Васильевича, если бы его, положимъ, обезобразила оспа? Развѣ женщины не влюбляются въ стариковъ, въ некрасивыхъ людей, въ искалѣченныхъ героевъ?».

Эти мысли теперь часто приходили ей въ голову, и еще болѣе нѣжное чувство шевельнулось въ ея душѣ къ Панову,

Digitized by Google

чѣмъ прежде. Для этого было довольно одного предчувствія, что онъ, можетъ-быть, несчастливъ. Она ни разу даже не вспомнила при этомъ, что за ея искреннюю привязанность ей, въ сущности, не платили ничѣмъ. При покойной сестрѣ ее запрягли въ хозяйство, во время приготовленій ко второму браку ее заставили убирать спальню для невѣсты, послѣ свадьбы на нее легло еще больше работы, и Пановъ только приходилъ къ ней потому, что ему не съ кѣмъ было поговорить дома по душѣ. Что ей за дѣло до всего этого! Она сознавала, что Пановъ видитъ въ ней друга, и этого было довольно. Какъ другъ, она постарается охранить его отъ всякихъ непріятностей, насколько это будетъ зависѣть отъ нея. Впрочемъ, можетъ-быть, всѣ эти опасенія не что иное, какъ пустая тревога...

Среди этихъ думъ Катерина Марковна не забывала главнаго: ей нужно было весною приготовить все необходимое къ пріѣзду старшей дочери Панова изъ института. Ѣхать за молоденькою институткою пришлось ей же, такъ какъ самъ Пановъ былъ занятъ, а Елизавета Дмитріевна вовсе не знала Москвы.

Съ пріѣздомъ Ольги Борисовны для Катерины Марковны настали еще болѣе отрадные дни: она теперь была вполнѣ похожа на насѣдку, окруженную цыплятами. Четверо дѣтей Панова не отходили отъ нея, и она, смѣясь, называла ихъ «своимъ хвостомъ». Иногда ей даже становилось не то больно, не то совѣстно, что всѣ домашніе, и Пановъ, и дѣти, группируются около нея, оставляя Елизавету Дмитріевну одну. Но не гнать же было ихъ отъ себя? Къ ней льнули не одни они, но и неряхинскія барышни, и Марья Петровна, и Николай Пѣтуховъ. На долю Елизаветы Дмитріевны оставались только такіе молодые люди, какъ Александръ Пѣтуховъ и Митя Головнинъ, выискивавшіе случая къ интрижкѣ.

Головнинъ, окончившій курсъ въ гимназіи, пріѣхалъ къ Пѣтуховымъ почти въ то же время, когда Катерина Марковна привезла домой Ольгу Панову. Онъ теперь уже говорилъ: «мы студенты», хотя онъ еще и не поступилъ въ университетъ. Онъ былъ попрежнему почти постояннымъ гостемъ Пановыхъ и неизмѣннымъ участникомъ игръ въ серсо, въ воланы, въ горѣлки. Жизнь шла, повидимому, невозмутимо-мирно и никакихъ особенныхъ событій не предвидѣлось впереди. Казалось, всѣ жили очень дружно и только иногда Марья Петровна Крестовоздвиженская, сидя на тер-

Digitized by Google

расѣ дома Пановыхъ и завидѣвъ приближающагося Головнина, не безъ ехидства замѣчала:

— Даже довольно странно видѣть такого молодого человѣка, который слоновъ продастъ!

— Да что же ему и дѣлать? — вступалась за Митю Катерина Марковна.—Кончилъ курсъ, ну и отдыхаетъ!

— Ахъ, ангелъ, какіе великіе труды совершилъ! У насъ тоже были братья, душечка, тоже учились они, а лѣтомъ всегда на кондиціи ѣздили, потому бѣдному юношѣ первое дѣло нужно о кондиціяхъ думать. Всѣ студенты объ этомъ думаютъ. Молодой человѣкъ безъ кондицій—это ужъ самое послѣднее дѣло...

— Ну, Митю, слава Богу, пріютили Пѣтуховы, пусть погуляетъ, покуда молодъ,—говорила Катерина Марковна.

— Да, вы ужъ, душечка, извѣстная защитница, всесвѣтная заступница. А я на его мѣстѣ все-таки поѣхала бы на кондицію, чтобъ изъ чужихъ рукъ не смотрѣть: тоже чужой-то хлѣбъ не сладокъ, охъ, какъ не сладокъ!

Она имѣла полное право говорить это, такъ какъ она всю жизнь провела на чужихъ хлѣбахъ изъ милости, не стукнувъ пальца о палецъ.

Говоря про Головнина за глаза, Марья Петровна не упускала случая уязвить его и въ глаза. Иногда они просто огрызались другъ на друга, и это служило своего рода потѣхой почти для всѣхъ. Вѣчный миръ надоѣдаетъ, и легонькія схватки разнообразятъ жизнь. Николай Пѣтуховъ положительно натравливалъ ихъ, «молодого пѣтушка» и «старую церковную крысу», другъ на друга, какъ собачонокъ, и хохоталъ до слезъ, когда они начинали воевать. Даже самъ Борисъ Васильевичъ, несмотря на свою серьезность, нерѣдко подшучивалъ надъ ними, потѣшаясь шипѣньемъ Марьи Петровны и задоромъ Мити. Во время одной изъ такихъ схватокъ Головнина съ Крестовоздвиженской за завтракомъ у Пановыхъ старая дѣва, огрызаясь, сказала молодому человѣку:

— Ужъ молчали бы, полуночникъ!.. Смотрѣть-то за вами некому, потому и ходите, какъ тать, около чужихъ домовъ по ночамъ!.. Тоже вчера вышла это я на балконъ подышать благоуханьемъ да полюбоваться луной, а онъ, точно воръ, около палисадника крадется. Развѣ это резонъ? Тоже напугать могли! Здѣсь женскій полъ!..

Головнинъ весь вспыхнулъ.

— Ты это откуда же шелъ?—спросилъ Пановъ.—Въ де-

Digitized by Google

ревню куда-нибудь заглядывалъ? Смотри, братъ, плохо будетъ! У мужиковъ рука тяжелая.

— Какое въ деревню. Развѣ тутъ по дорогѣ въ деревню?— воскликнула Марья Петровна. — Просто, какъ тѣнь, около дома здѣсь бродилъ...

— Ну, да, около дома! Спрашивали вы меня, что ли?— огрызнулся Головнинъ.—Изъ лѣсу я шелъ... заплутался, потому и поздно шелъ...

— Грибовъ, должно-быть, въ іюнѣ мѣсяцѣ искалъ!—ядовито сказала Марья Петровна, отвернувшись съ презрѣніемъ отъ своего врага.—Тоже найдутъ оправданія! Ужъ если блудить хотятъ, такъ хоть бы концы умѣли прятать!

Хозяйка дома поспѣшила начать другой разговоръ.

Послѣ завтрака Борисъ Васильевичъ замѣтилъ женѣ:

— Что это церковная крыса болтала? Это точно не особенно пріятно, если мальчишка по ночамъ бродитъ около нашего дома. За Олей, что ли, пріударить думаетъ, такъ я... Тоже партія была бы, нечего сказать!

— Ахъ, просто случайно шелъ, вѣроятно, — отвѣтила жена. — Наконецъ, можетъ-быть, у Кати засидѣлся... Она вѣдь все няньчится съ нимъ...

— Ну, ночью не могъ же онъ отъ нея идти!

— Ахъ, кто ихъ знаетъ! Она такъ ухаживаетъ за нимъ, обшиваетъ его... Эти старыя дѣвы, право, хуже институтокъ. Тоже обожать готовы всякаго...

Потомъ она прибавила:

— Но я не понимаю, зачѣмъ шляется къ намъ эта старая сплетница. Катя ее пріучила не только ходить къ намъ, но чуть не жить у насъ. А между тѣмъ изъ ея посѣщеній ничего кромѣ сплетенъ не можетъ выйти! Я увѣрена, что теперь она вездѣ начнетъ трезвонить, что этотъ мальчуганъ ходитъ на свиданія къ Олѣ или Катѣ.

Она засмѣялась.

— Чему ты?—спросилъ мужъ, хмуро слушавшій ее.

— Да, ей-Богу, смѣшно, Боря, если вдругъ станутъ говорить, что Катя и онъ влюблены... Нѣтъ, ты представь эту пару!..

Она залилась шаловливымъ смѣхомъ. Борисъ Васильевичъ съ невольной улыбкой покачалъ головой.

— Тоже выдумала! — проговорилъ онъ. — Нападаешь на нее.

— Я Катю, милый, очень люблю, но у нея всѣ странности старой дѣвы. Она и не замѣчаетъ, какъ смѣшно

Digitized by Google

смотрѣть на нее, когда она млѣетъ, смотря въ глаза Митѣ. Ты обрати на это вниманіе. Это очень интересно. У нихъ свои секреты есть... Конечно, ее винить нельзя. Тоже любить хочется!

Она опять засмѣялась.

— О, вы, мужчины, противные эгоисты! Мы вотъ не разбираемъ почти наружности и лѣтъ, а вы... Ну, хоть бы какой-нибудь Николай Пѣтуховъ предложилъ ей руку! Такъ нѣтъ, и у Пѣтухова есть вкусъ: взялъ подругу изъ крестьянокъ, зато красавицу.

— Да, красавицу, да не жилицу на свѣтѣ,—сказалъ Пановъ.

— А что? Развѣ она больна?

— Да развѣ тебѣ не говорили? Его Феня на-дняхъ умерла... Послѣ второго ребенка захворала и истаяла, какъ воскъ... Пѣтуховъ сильно огорченъ...

Разговоръ зашелъ о Пѣтуховѣ, и щекотливая тема была забыта. Но не забыла ея Елизавета Дмитріевна и стала мстить за этотъ разговоръ Марьѣ Петровнѣ, какъ обличительницѣ ночныхъ прогулокъ Головнина.

Месть заключалась въ мелкихъ придиркахъ къ старой дѣвѣ, не разъ доведенной этими придирками до слезъ. Елизавета Дмитріевна, какъ всѣ пустые и мелочные люди, умѣла допекать ближнихъ, нисколько не стѣсняясь, нисколько не церемонясь. Но, умѣя допекать людей, она не умѣла разсчитать, кто просто уйдетъ отъ ея допеканій и кто сдѣлается изъ-за нихъ ея непримиримымъ врагомъ. Удовлетворяя чувство мелочной злобы, она наживала себѣ страшнаго врага въ лицѣ Марьи Петровны, шептавшей сквозь всхлипыванія: «отольются волку овечьи слезы, отольются!»

Не прошелъ даромъ разговоръ о ночныхъ прогулкахъ Головнина и для Катерины Марковны. Борисъ Васильевичъ какъ-то вскользь и осторожно замѣтилъ ей:

— Напрасно, Катя, ты такъ няньчишься съ Митей! Онъ уже не ребенокъ!

Она широко открыла глаза и засмѣялась.

— Такъ что-жъ, что не ребенокъ?—спросила она.

— Мало ли что могутъ выдумать!

— Про меня?

— Да. Ты все же дѣвушка!

— Борисъ, пощади! Ты уморишь меня со смѣху!—проговорила она, заливаясь задушевнымъ смѣхомъ.—Я и Митя—вотъ-то пара. Ха-ха-ха! Да какъ тебѣ могло придти это въ голову!

Digitized by Google

Онъ покачалъ головой.

— Да ты не смѣйся! Знаю я васъ, женщинъ! Смазливое личико, первый пушокъ на губахъ, ручки онъ у тебя цѣлуетъ,— началъ Пановъ.

— Борисъ, перестань! — уже совсѣмъ серьезно сказала Катерина Марковна. — Я думала, ты шутишь, а ты... Это просто пошлость!.. Какъ тебѣ не стыдно!

— Не сердись, я для тебя же!

— Ахъ, полно! Столько лѣтъ живемъ вмѣстѣ и не могъ узнать, что я за человѣкъ! Ты говоришь, ты знаешь женщинъ. А я тебѣ скажу, что вы, мужчины, совсѣмъ слѣпые, и васъ можетъ обмануть первая встрѣчная дура.

Впервые Катерину Марковну точно за живое задѣли. Ей было больно, и досадно, что онъ, Борисъ, вздумалъ ее предостерегать отъ увлеченія—и кѣмъ же!—Митей! Да развѣ она не имѣла тысячи случаевъ броситься на шею не мальчику, не гимназисту, а... ну, да ему самому, Борису? Развѣ она не была настолько умна, чтобы заставить его, Бориса, если не полюбить ее, то не оттолкнуть въ минуту ея признанія въ любви, забыться хоть на мгновеніе. И онъ ее предостерегаетъ? Что же это—тупость, неделикатность, безтактность?

Нѣтъ, нѣтъ, это какое-то минутное помраченіе ума. Онъ, Борисъ, вѣроятно, уже кается въ своихъ словахъ, ругаетъ въ душѣ себя. Онъ же долженъ хорошо знать ее. Право, стоило бы его помучить за это, сдѣлавъ видъ, что она сердится на него за эту пошлую выходку. Да нѣтъ, о такихъ выходкахъ лучше и не вспоминать, потому что и воспоминаніе о нихъ непріятно. Но надо все же разспросить Митю, какъ онъ попалъ ночью къ ихъ саду. Это точно немного странно. Она задала вопросъ Головнину. Онъ пожалъ плечами и сказалъ, что онъ уже объяснилъ, какъ онъ попалъ.

— Но ты могъ пройти ближайшимъ путемъ, — замѣтила она.

— Ахъ, ну, могъ и не пошелъ! — нетерпѣливо отвѣтилъ онъ.—Право, мнѣ надоѣли эти разспросы! Точно всѣ боятся, что я ихъ репутацію испорчу. Вѣроятно, и Марья Петровна испугалась того же...

Катерина Марковна серьезно посмотрѣла на него.

— У тебя съ нѣкоторыхъ поръ удивительный тонъ, — сказала она.

— Я, Катерина Марковна, не могу передѣлывать себя и

Digitized by Google

своего тона по вкусу каждаго изъ знакомыхъ,—дерзко отвѣтилъ онъ.

— Я думаю, никто этого и не требуетъ,—сказала она.— Но быть вѣжливымъ съ посторонними — это обязательно для каждаго.

Она отвернулась отъ него и пошла прочь. Въ его голосѣ, въ его взглядѣ, въ его отвѣтахъ съ папиросою въ зубахъ было что-то новое для нея, непріятное, нахальное. Въ этотъ день она увидала въ немъ точно другого человѣка. Обыкновенно послѣ ихъ мелкихъ размолвокъ онъ приходилъ къ ней съ повинной и говорилъ: «тетя Катя, не сердись». Теперь онъ не только не пришелъ просить извиненія или мириться, но при встрѣчѣ съ нею какъ то вызывающе усмѣхнулся. Сидя въ гостиной, Катерина Марковна слышала, какъ онъ на балконѣ смѣялся надъ отсутствующей Марьей Петровной и особенно громко восклицалъ:

— О, эти старыя дѣвы! эти старыя дѣвы!

Казалось, онъ непремѣнно добивался, чтобы эти слова дошли по своему назначенію. Катеринѣ Марковнѣ было жаль его: она чувствовала, что изъ него начинаетъ вырабатываться очень непривлекательный пустой хлыщъ и фатишка...

И опять ей, какъ занятому, заваленному работой человѣку, некогда было остановиться на этихъ мелочныхъ событіяхъ будничной жизни. Хозяйство, дѣти, шитье, все это требовало полнаго вниманія, все это поглощало каждую минуту. Тетю Катю тормошили всѣ, и тетя Катя должна была угодить всѣмъ. Безъ нея всѣ были, какъ безъ рукъ. Она была дирижеромъ домашняго оркестра.

Она отдыхала только по вечерамъ да ночью. А вечера и ночи стояли превосходные. Іюльскіе дни были слишкомъ сухи и знойны, солнце жгло нестерпимо, и мелкая пыль поднималась при малѣйшемъ движеніи въ воздухѣ. По вечерамъ же и по ночамъ становилось прохладнѣе; свѣжая, поднимавшаяся въ саду и въ полѣ роса дѣлала воздухъ болѣе влажнымъ. Въ это время дышалось легче и свободнѣе, и Катерина Марковна нерѣдко проводила цѣлые часы у себя на боковой террасѣ, не зажигая свѣчи, не то дремля, не то мечтая въ креслѣ. Родившаяся, выросшая и проживавшая всю жизнь въ деревнѣ, она любила природу и природа дѣйствовала на нее благотворно, успокаивая и усыпляя въ ея душѣ всѣ тревоги и волненія.

Въ одинъ-то изъ такихъ вечеровъ слегка задремавшая

Digitized by Google

Катерина Марковна чуть не вскрикнула отъ неожиданнаго появленія передъ нею Елизаветы Дмитріевны.

— Катя, милая, ради Бога, спаси меня! — въ волненіи прошептала Панова, сжимая ея руку.—Скажи, что это ты была... Понимаешь, ты... а не я... Послѣ все разскажу... Умоляю, ради Бога!

Она торопливо поцѣловала Катерину Марковну и скрылась снова. Катерина Марковна осталась одна, недоумѣвающая, испуганная, растерявшаяся. Она не знала, что дѣлать, какъ объяснить себѣ слова Елизаветы Дмитріевны. Она ждала, что вотъ-вотъ кто-нибудь явится разъяснить ей эту загадку, но минуты шли, а къ ней никто не являлся. Было уже далеко за полночь, когда она вошла въ свою комнату, заперла за собой дверь, зажгла свѣчу, опустила занавѣски и стала раздѣваться. У нея пропалъ сонъ, ее тревожили самыя разнообразныя предположенія. Она заснула только подъ утро.

Утромъ всѣ собрались по обыкновенію въ столовую, и Катерина Марковна не замѣтила ни въ комъ ничего особеннаго. Только Елизавета Дмитріевна, здороваясь съ ней, поцѣловала ее горячѣе обыкновеннаго и крѣпко сжала ея руку. Наконецъ, вышелъ и Борисъ Васильевичъ. Онъ поздоровался съ дѣтьми и съ Катериной Марковной. Этотъ поклонъ сразу бросился ей въ глаза. Онъ былъ холоденъ, сухъ, небреженъ. Она пристально взглянула на Бориса Васильевича: онъ старался не глядѣть на нее и былъ неразговорчивъ. Чаепитіе кончилось, и Катерина Марковна стала перемывать чашки. Съ нею осталась только Елизавета Дмитріевна. Она подошла къ Катринѣ Марковнѣ и прошептала ей:

— Оставь это, пройдемъ къ тебѣ!

Катерина Марковна какъ-то безсознательно поднялась съ мѣста и послѣдовала за Пановой въ свою комнату.

— Катя, родная, прости меня, прости! — съ рыданіями заговорила Елизавета Дмитріевна, какъ только онѣ переступили порогъ комнаты Катерины Марковны. — Я низкая, низкая женщина! Но что же дѣлать! Онъ убилъ бы меня, онъ выгналъ бы меня!.. Ты же свободная, тебя не смѣютъ...

Катерина Марковна, вся блѣдная и похолодѣвшая, нетерпѣливо проговорила:

— Ради Бога, не плачь и разскажи все! Я теряю голову и ничего не понимаю!

Елизавета Дмитріевна начала разсказывать сбивчиво,

Digitized by Google

отрывисто. Она увлеклась. Ей такъ скучно живется. Борисъ ее оставляетъ все одну. Она и ненужна ему, какъ жена. Онъ холоденъ къ ней. Еще бы! Онъ столькими годами старше ея. Ему вовсе не слѣдовало и жениться! А ей еще хочется жить. Онъ не что иное, какъ узкій эгоистъ. Онъ только требуетъ, чтобы ему было хорошо, чтобы всѣ жили только для него. А развѣ это легко? Ну, она и увлеклась. Кѣмъ? Митей! Онъ, правда, почти мальчикъ. Она такимъ его и считала и просто играла съ нимъ. Это была шалость. Отъ скуки. Но вышло не такъ. О, онъ совсѣмъ опытный! Онъ довелъ ее до паденія. Давно ли? Ахъ, это продолжается съ самаго его пріѣзда. Этого никто не замѣчалъ. Разъ только эта противная Марья Петровна видѣла, какъ Митя выходилъ изъ сада. Но тогда все обошлось благополучно. Они стали осторожнѣе. А сегодня въ ночь... Она, Елизавета Дмитріевна, не знала, что Борисъ былъ у Пѣтуховыхъ и что онъ возвратится черезъ садъ. Она думала, что онъ уѣхалъ въ городъ. Онъ шелъ мимо большой террасы и услыхалъ ихъ поцѣлуи. Господи, что это было! Она едва успѣла убѣжать въ кусты, а Митю онъ поймалъ. Митя сказалъ ему, что онъ былъ тутъ съ нею... съ Катериной Марковной...

Катерина Марковна поблѣднѣла, и изъ ея груди вырвался какой-то глухой крикъ. Ее точно чѣмъ-то неожиданно пришибло.

— Катя, Катя! Прости, вѣдь меня Борисъ выгналъ бы!— заговорила Елизавета Дмитріевна.

— Не то, не то!—проговорила Катерина Марковна.—Но вѣдь это, значитъ, было между вами заранѣе обусловлено?

— Катя, прости!.. Онъ убилъ бы меня... Ты же дѣвушка... свободная ты...

Катерина Марковна отстранила простертыя къ ней объятія Пановой.

— Ступай,—тихо проговорила она, слабо махнувъ рукой.

Панова бросилась передъ ней на колѣни, схватила ея руки и начала покрывать ихъ поцѣлуями, ползая у ея ногъ.

— Ступай... ступай...—повторила какъ бы безсознательно Катерина Марковна.

— Катя, не выдавай... Милая!.. Я никогда больше... я... видитъ Богъ, никогда. Вѣдь меня онъ выгонитъ... Куда я дѣнусь?.. Отецъ тоже выгонитъ... у меня ничего нѣтъ... у Мити тоже... А ты свободна...

Катерина Марковна нервно вздрогнула.

Digitized by Google

— О, какъ ты меня мучаешь!—проговорила она, какъ во снѣ, болѣзненно стиснувъ руки.—Уйди... уйди... никого я не выдамъ...

Елизавета Дмитріевна поднялась съ полу, хотѣла обнять Катерину Марковну и вдругъ какъ-то испуганно отступила. Катерина Марковна была блѣдна, какъ полотно. Ея лицо имѣло такой страдальческій видъ, какъ-будто она переносила страшную, чисто физическую пытку. Елизавета Дмитріевна тихо, съ пугливымъ выраженіемъ лица, вышла изъ комнаты. Катерина Марковна опустилась на стулъ у окна и словно замерла. Въ ея головѣ повторялась теперь только одна мысль:

— Нѣтъ, Борисъ не повѣритъ... никогда не повѣритъ!..

Онъ не только что повѣрилъ; онъ пришелъ къ ней объясняться...

Его болѣе всего бѣсила теперь мысль о томъ, что Катерина Марковна столько лѣтъ, живя въ его домѣ, играла передъ нимъ, передъ Пановымъ, роль недотроги, цѣломудренной Сусанны, не допускавшей ни одной вольности, ни одной скабрезной шутки, а съ этимъ мальчишкой, съ этимъ нищимъ завела шашни! Нашла кому отдать предпочтеніе передъ нимъ, передъ Борисомъ Васильевичемъ!

Онъ, переступивъ черезъ порогъ ея комнаты, смотрѣлъ холодно, сухо и офиціально.

— Катя, я пришелъ къ вамъ поговорить съ вами о дѣлѣ,— началъ онъ.

Она подняла на него глаза, точно не вѣря себѣ, что это онъ стоитъ передъ нею, точно не вѣря, что это онъ говоритъ ей «вы».

— Я не имѣю права вмѣшиваться въ ваши поступки,— продолжалъ онъ тѣмъ же вѣжливымъ тономъ. — Но у меня молодая жена и только что вышедшая изъ института дочь...

— Борисъ!—прошептала она болѣзненнымъ, разбитымъ голосомъ.

— Не оправдывайтесь! — перебилъ онъ ее. — Я не могу обвинять васъ! Не имѣю на это права! у всякаго свой вкусъ, свои взгляды на вещи!.. Вы человѣкъ независимый, свободный. Къ тому же въ ваши годы смѣшно бы имѣть опекуновъ и наставниковъ! Вамъ нравятся мальчики, гимназистики—это ваше дѣло...

По его лицу скользнула злая ироническая улыбка. Ему, видимо, хотѣлось какъ-нибудь больнѣе уколоть эту недотрогу, высказать, какъ можно яснѣе, свое презрѣніе къ ней.

Digitized by Google

— Я,—продолжалъ онъ:—только не желалъ бы, чтобы на мою семью падала тѣнь... Мы живемъ среди такихъ дикарей, отъ которыхъ только и можно ждать сплетенъ, пересудовъ, вмѣшательствъ въ чужія дѣла... Вы, конечно, помните, что Марья Петровна уже дѣлала какіе-то двусмысленные намеки...

Онъ на минуту перевелъ духъ.

— Мы можемъ разойтись безъ ссоры, безъ скандала,— продолжалъ онъ потомъ. — Правда, я не могу тотчасъ же возвратить вашего капитала, занятаго мною у васъ. Но я вамъ аккуратно буду выплачивать проценты, такъ что нуждаться вы не будете... наконецъ, если вамъ когда-нибудь понадобится помощь, то я...

Она уже давно не слышала его, такъ какъ что же значили для нея теперь подробности, слова, рѣшенія относительно будущаго. Она заливалась слезами и всхлипывала все громче и громче. Ей точно кто-то сдавливалъ горло, и она не то задыхалась отъ недостатка воздуха, не то захлебывалась отъ обилія слезъ. Наконецъ, ея грудь стала сильно, учащенно подниматься, рыданія перешли въ неудержимый страшный хохотъ, громко разнесшійся по дому, точно разомъ разразилось смѣхомъ нѣсколько человѣкъ, и она во весь ростъ упала на полъ въ истерическомъ припадкѣ. Въ комнату прибѣжали дѣти, Елизавета Дмитріевна, прислуга. Всѣ засуетились около общей любимицы.

— Тетя Катя, бѣдная, расхворалась, — сказалъ Борисъ Васильевичъ. — Она хочетъ уѣхать на время въ Липовку, чтобы отдохнуть... Грустно намъ будетъ разстаться съ нею!

Онъ былъ очень радъ, что ему удалось, благодаря своему уму и находчивости, спасти ея репутацію отъ всякихъ подозрѣній и пересудовъ, разъяснивъ при этомъ удобномъ случаѣ всѣмъ, что она точно больна и нуждается въ отдыхѣ. Ему было пріятно сознавать, что онъ держалъ себя съ нею до послѣдней минуты, какъ слѣдуетъ порядочному и развитому человѣку.

VI.

Катерина Марковна дѣйствительно прихворнула: грустныя событія, такъ неожиданно разразившіяся надъ ней, порядкомъ потрясли ее. Тяжелѣе всего было для нея то, что она такъ долго ошибалась относительно любимыхъ ею людей. Она даже не могла понять, какъ она могла въ теченіе стольких лѣтъ не узнать ихъ, не понять ихъ. А все оттого, что

Digitized by Google

она была «насѣдкой», ей только нужно было няньчиться съ кѣмъ-нибудь, не всматриваясь, каковы тѣ, съ кѣмъ она няньчится, отвѣчаютъ ли они дѣйствительно на ея любовь, достойны ли они этой любви. Ей и теперь, въ сущности, было тяжелѣе всего то, что ей было не съ кѣмъ няньчиться.

— Вотъ я и не въ чужомъ гнѣздѣ!—говорила она, грустно расхаживая по комнатамъ своего домика въ Липовкѣ.—Въ своемъ гнѣздѣ теперь... только одна... безъ своихъ цыплятъ...

Это ее страшно мучило. Теперь у нея не было цѣли въ жизни.

— Я могла бы все разъяснить... Ее, а не меня выгналъ бы онъ... Нѣтъ, Богъ съ ними... Зачѣмъ разстраивать чужую жизнь... И что за примѣръ былъ бы дѣтямъ... Пусть они не знаютъ этой грязи покуда... Богъ съ ними, Богъ съ ними!.. Но Борисъ... Что онъ-то за человѣкъ?.. какъ онъ могъ повѣрить этому?.. Совсѣмъ по-мужски поступилъ... женщина такъ не поступила бы... И сколько безсердечія онъ выказалъ... Одну оставилъ... Ну, хоть бы Костю, или Миму, или Шуру прислалъ погостить... Вѣдь не развратила бы я ихъ дѣтей, если бы я и точно была такая, какой онъ меня представляетъ...

И опять она задумалась надъ вопросомъ, что это—тупость, безсердечіе, грубость мужского сердца? Порой ей казалось, что она ненавидитъ, презираетъ его. Порой онъ ей казался просто пустымъ и жалкимъ человѣкомъ... Но что ей теперь до него за дѣло! Дѣтей ей было только жаль, о нихъ она скучала. А скука была невыносимая, гнетущая. Правда, неряхинскія барышни, Марья Петровна, Николай Пѣтуховъ, всѣ эти люди остались ей вѣрными друзьями и посѣщали ее. Но они не могли наполнить пустоты въ ея сердцѣ, не могли ее заставить забыть безцѣльность ея жизни. Болтовня неряхинскихъ барышень только утомляла ее, а нытье Марьи Петровны тяжело отзывалось въ душѣ. Марья Петровна ничего не знала о сущности совершившихся событій, но чуяла, что случилось что-то необыкновенное. Она не вѣрила ни одному слову изъ того, что ей разсказывала Катерина Марковна про свою усталость и болѣзнь, заставившія ее уѣхать въ Липовку на отдыхъ.

«Статочное ли это дѣло,—резонно разсуждала Марья Петровна:—столько лѣтъ не уставала и вдругъ, на-поди, устала! Не такой человѣкъ Катерина Марковна, чтобы устать. И болѣзнь тоже... Съ чего это ей было вдругъ заболѣть?.. Подвохи тутъ какіе-то подвели... Ну, да я все разузнаю!»

Digitized by Google

— Тоже хороши родные, ангелъ мой, — говорила она вслухъ.—Здоровы были вы, ангелъ мой,—нужны были; заболѣли—уѣзжайте вонъ. Да другіе ночей бы не спали, ходили бы за вами, благодѣтельницей своей!

— Я сама не захотѣла!—оправдывала родныхъ Катерина Марковна.

— Ахъ, да я силкомъ бы оставила, на колѣнкахъ упросила бы не уѣзжать, а они... Нѣтъ, ужъ говорила я и буду говорить, душечка, что безсердечные они люди, безсердечные и есть!

Николай Пѣтуховъ, то и дѣло заѣзжавшій въ Липовку, которая теперь вдругъ оказалась ему «по дорогѣ», куда бы онъ ни ѣхалъ, тоже, повидимому, ничего не зналъ о сущности происшедшаго и соболѣзновалъ, что Катерина Марковна расхворалась.

— Это ничего, пройдетъ, — говорила она ему, однажды, когда онъ опять завернулъ къ ней «по дорогѣ». — Грустно только, что дѣтей у меня здѣсь нѣтъ.

— Эхъ, барынька, а у меня другое горе, — сказалъ онъ со вздохомъ.—Дѣти есть—матери нѣтъ.

Она вопросительно взглянула на него.

— Что тутъ скрываться. Сами все должны знать,—сказалъ онъ, махнувъ рукою.—Слышали, чай, что тоже не монахомъ жилъ...

— Да,—отвѣтила она.

— Ну, вотъ прижилъ двухъ ребятишекъ, а Феня-то приказала долго жить!

— Что вы? Я и не знала!

— Давно больна была... Теперь вотъ сиротъ оставила намъ съ братомъ... Ну, какія мы няньки?..

— Гдѣ же они теперь?—спросила она.

— Гдѣ же имъ быть, какъ не у меня,—отвѣтилъ онъ.

— Да... но вѣдь прежде...

Она нѣсколько смутилась. Онъ зорко взглянулъ ей въ лицо.

— Что же, барынька, не договариваете?—спросилъ онъ.

— Вы не сердитесь, милый мой Николай Платоновичъ,— заговорила она.—Но мнѣ говорили о вашихъ отношеніяхъ къ Фенѣ и ея дѣтямъ... Вы какъ-то странно смотрѣли на это дѣло...

— Какъ же это я такъ смотрѣлъ на него? — спросилъ Пѣтуховъ.

— Вы жили съ этой дѣвушкой и держали ее гдѣ-то въ избѣ съ дѣтьми...

Digitized by Google

Пѣтуховъ покачалъ головой.

- Да вы знаете, кто она была?—спросилъ онъ.

Знаю, крестьянская дѣвушка, но...

— Ну-съ, такъ какъ вы думаете, хорошо бы было ей жить у меня въ домѣ?—проговорилъ онъ.—Что бы она была тамъ? Не барыня, не слуга. Или бы она съ прислугой дружбу водила, или поѣдомъ бы ѣла эту прислугу, ломаясь надъ нею. Тоже и со мною, и съ моими гостями ей и неловко бы было, и скучно. Ну, а построилъ я ей домикъ близъ мельницы, нанялъ ей батрачку, и зажила она сама себѣ госпожей. У нея и знакомые были, и подруги...

Онъ опять махнулъ рукой.

— Да что тутъ говорить, оправдываться! Сдѣлалъ я все, что умѣлъ и могъ сдѣлать, чтобы она была счастлива, насколько можно быть счастливою въ ея положеніи. Ну, а люди, если меня осуждали, такъ чихать я на нихъ, на людей-то, хочу: не ихъ я умомъ живу, а своимъ. Если ужъ меня можно упрекать за что-нибудь, такъ за то развѣ, что сошелся я съ нею, не разсчитавъ, что женой я ее сдѣлать не могу. Ну, такъ вѣдь не схимникъ я, не монахъ, а такой же, какъ и вся наша братья. Бѣсъ-то въ каждомъ изъ насъ сидитъ. Ну, да что объ этомъ говорить. Согрѣшилъ, такъ ужъ покаяніемъ дѣла не поправишь. А вотъ теперь ума не приложу, какъ ребятишекъ вырастить. Славные они у меня такіе карапузики, всѣ въ меня! Малы еще, имъ безъ женскаго ухода нельзя еще быть, а мы съ братомъ... Совсѣмъ мы никуда не годимся въ этомъ дѣлѣ.

Пѣтуховъ говорилъ задушевнымъ, искреннимъ тономъ. Катерина Марковна совсѣмъ оживилась. На ея лицѣ даже румянецъ выступилъ. Еще бы! Тутъ цыплята безъ насѣдки остались. А она-то на что? Да она ихъ всѣхъ заберетъ къ себѣ!

— Отдайте ихъ мнѣ!—сказала она.

Пѣтуховъ отрицательно покачалъ головой.

— Что же это я своихъ дѣтей въ чужой домъ отдавать стану. Плохъ я, можетъ-быть, а все же отецъ...

— Да вѣдь жили же они не при васъ?

— У матери, у матери, барынька, жили, а не въ чужомъ домѣ.

— Да у васъ, милый Николай Платоновичъ, женщины нѣтъ, дѣтямъ женская ласка нужна. Я имъ, право, второй матерью буду. Отдайте!

Она протянула ему дружески руку. Ея лицо раскраснѣлось, глаза сверкали.

Digitized by Google

— Знаю, знаю, что не второй, а первой, лучшей матерью можете быть,—сказалъ онъ, пожимая ея руку и ласково глядя на нее:—а все же...

Онъ остановился и, наконецъ, махнулъ рукою.

— Ну, была не была, покончу все разомъ!—проговорилъ онъ.—Десять разъ... какое!.. сто разъ начиналъ прежде, за этимъ только и пріѣзжалъ, да все кончить не сподобился, а теперь ужъ кончу... Что-жъ, головы не снимите!..

Онъ подсѣлъ къ ней поближе.

— Барынька, чего вы монахиней-то живете? Обѣтъ, что ли дали?

— Я васъ не понимаю,—проговорила она.

— Да и кто пойметъ, если этакъ-то говорю, обиняками. Не умѣю, видите, по-свѣтскому. Ну, да вотъ что: выходите-ка за меня замужъ. И мужъ будетъ, и дѣти готовыя...

Она улыбнулась.

— Спасибо вамъ за доброе предложеніе, но какая же я невѣста? Нѣтъ...

— Да вы въ философію-то не пускайтесь,—перебилъ онъ ее.—А, какъ я, вотъ скажите: ладно! и конецъ... Ужъ что таиться, скажу всю правду... Я еще въ прошломъ году на святкахъ хотѣлъ свататься, да духу не хватило...

— При жизни Фени?—воскликнула Катерина Марковна.

— Да. А что же? Да меня сама Феня и подсылала къ вамъ. «Я, говорила, ужъ не жилица на этомъ свѣтѣ. Такъ успокой ты меня, женись, пока я жива, чтобы я знала, какая мать у моихъ ребятишекъ будетъ. Сватайся за пановскую барышню, лучшей матери съ огнемъ не сыщешь».

У Катерины Марковны навернулись слезы.

— Такъ какъ же?—спросилъ Пѣтуховъ, заглядывая ей въ лицо.

— Нѣтъ, Николай Платоновичъ, поздно,—тихо отвѣтила она.

Онъ посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и вдругъ точно что-то вспомнилъ.

— Послушайте, барынька, я васъ знаю, какъ добраго и умнаго человѣка,—серьезно сказалъ онъ.—Мнѣ больше ничего и не нужно. Я человѣкъ простой, грубый, говорю прямо, безъ экивокъ... Такъ вотъ, если тамъ что-нибудь васъ смущаетъ, такъ мнѣ это все равно...

Она ничего не понимала, что онъ хотѣлъ сказать.

— Я знаю,—продолжалъ онъ пояснять свою мысль:—что

Digitized by Google

у васъ тамъ не ладно вышло въ домѣ. Тоже слухомъ земля полнится. Знаю, и почему, и какъ...

Она измѣнилась въ лицѣ. Оборотъ разговора былъ совершенно неожиданный для нея.

— Ну, что-жъ, увлеклись... У подлеца рожица смазливая, рѣчи медовыя!—продолжалъ Пѣтуховъ.—Кто безъ грѣха!..

— Николай Платоновичъ!—воскликнула въ волненіи Катерина Марковна, поднимаясь съ мѣста и едва удерживаясь отъ смѣха.

— Да говорю я вамъ, что это мнѣ тьфу!—продолжалъ онъ.—Мнѣ человѣкъ хорошій нуженъ и больше ничего. Я вовсе и не потому началъ объ этомъ, чтобы попрекнуть васъ хотѣлось, а потому, что разговоръ по такой дорогѣ пошелъ. Если это васъ...

Она и смѣялась, и плакала. Ей теперъ все казалось смѣшнымъ: и она сама, и люди съ ихъ толками, и простодушная физіономія выбивавшагося изъ силъ Пѣтухова, и его увѣщеванія. Она точно присутствовала на представленіи какого-то невообразимо нелѣпаго и потому смѣшного водевиля и уже не могла ни думать, ни разсуждать, а могла только смѣяться до колотья, до слезъ. Она боялась, что у нея опять сдѣлается истерика,—истерика отъ неудержимаго, душившаго ее смѣха.

— Перестаньте, перестаньте! — проговорила она, задыхаясь и махая руками.

Но Пѣтуховъ не унимался и хотѣлъ еще что-то сказать, какъ въ комнату совершенно неожиданно бомбой влетѣла Марья Петровна съ блестящими глазами, съ сдвинувшейся на бокъ черепаховой гребенкой, съ свалившимся съ одного плеча ковровымъ платкомъ.

— Да, боровъ вы этакой, право, боровъ!—крикнула она, набрасываясь на Пѣтухова.—Уморить хотите ее, ангела моего чистаго?.. Нате водицы, нате водицы, ангелъ мой!.. Христосъ съ вами, Христосъ съ вами!.. Ахъ, боровъ, право, боровъ!.. И какія страсти выдумалъ! На наше сословіе мерзавцы мараль пустили, а онъ вѣритъ, да еще изъясняетъ... И хорошо еще, что я тутъ за драпировой все слышала... Вдругъ этакія слова бухаетъ дѣвицѣ!.. Ангелъ, ангелъ, успокойтесь!.. У, кабанъ разжирѣлый! Уморить хотѣлъ ангела моего!.. Его Митька съ Лизаветой Дмитріевной шашни велъ, а онъ наше сословіе позоритъ... Вышейте еще водицы... еще, ангелъ!..

Марья Петровна, подслушавшая весь разговоръ, бѣгала

Digitized by Google

теперь, какъ сумасшедшая, приводя въ чувство Катерину Марковну и ругая «кабана ожирѣлаго». Пѣтуховъ стоялъ съ раскрытымъ ртомъ и, наконецъ, совсѣмъ сконфуженный, взялся за шапку. Марья Петровна, замѣтивъ его трусливую попытку къ бѣгству, силою дернула его за рукавъ и повелительно шепнула ему:

— Просите еще!

Онъ, какъ провинившійся школьникъ, подошелъ къ Катеринѣ Марковнѣ и нерѣшительно взялъ ее за руку.

— Такъ какъ же, родная?—спросилъ онъ ласково.—Вы ужъ не сердитесь!.. Я что-жъ, обломъ!

— Обломъ и есть!—подтвердила Марья Петровна.

И въ ту же минуту она измѣнила тонъ.

— Ангелъ, смотрите, исчахъ вѣдь совсѣмъ!—проговорила жалобно она, обращаясь къ Катеринѣ Марковнѣ.—Совсѣмъ исчахъ отъ томленія!.. И что за сласть вамъ-то, ангелъ мой, такой быть... насѣдкой-то на чужихъ гнѣздахъ?

Катерина Марковна слабо улыбнулась и молча протянула обѣ руки Николаю Платоновичу.

— Ну, ну, ну!—воскликнула Марья Петровна, видя, что онъ обнимаетъ Катерину Марковну.—Точно медвѣдь ломаетъ!

— А ужъ я тебя, церковная крыса, потомъ отблагодарю!—сказалъ Пѣтуховъ, дружески обращаясь къ ней.

— И безъ вашего позволенія поселюсь въ домѣ!—рѣшительно объявила она, вздернувъ голову.

Катерина Марковна ласково протянула ей руку.

— Значитъ, обѣ будемъ не на чужихъ гнѣздахъ насѣдками?—сказала она.

— Ужъ, конечно!—подтвердила Марья Петровна, точно и она выходила замужъ за Николая Платоновича.

У Пановыхъ всѣ ахнули отъ изумленія, узнавъ, что Катерина Марковна выходитъ замужъ. Борисъ Васильевичъ, оставшись наединѣ съ женою, замѣтилъ ей, что онъ считаетъ нужнымъ предупредить Пѣтухова или переговорить съ Катериной Марковной. Но Елизавета Дмитріевна удержала его отъ этого и замѣтила ему, что, можетъ-быть, «все это были одни подозрѣнія». Какія же тутъ подозрѣнія, когда онъ, Борисъ Васильевичъ, все самъ слышалъ! Тогда Елизаветѣ Дмитріевнѣ пришла въ голову мысль, не напрасно ли они обвинили Катерину Марковну; вѣдь, можетъ-быть, Митя былъ на террасѣ съ ихъ бывшей горничной Настей. Настя вообще въ послѣднее время сильно баловалась. Ее

Digitized by Google

вѣдь и отпустить потому пришлось, что она «въ такомъ положеніи». И какъ это имъ не пришло тогда въ голову. Впрочемъ, все это однѣ догадки. Не можетъ ли Борисъ Васильевичъ осторожно навести обо всемъ справку у Александра Пѣтухова. Митя былъ съ нимъ хорошъ и ужъ, вѣрно, повѣрялъ ему свои тайны. На другой же день послѣ этого разговора Борисъ Васильевичъ пріѣхалъ домой въ сильномъ смущеніи. Дѣйствительно, они ошиблись и оскорбили понапрасну Катерину Марковну. Виновницей была Настя. Это ужасно досадно: они погорячились, а Катерина Марковна безъ этого и теперь бы жила у нихъ. И все изъза дрянной дѣвчонки! Александръ Пѣтуховъ это отлично знаетъ и даже, кажется, самъ грѣшенъ въ томъ же, въ чемъ Митя. Кстати пріѣхалъ и Александръ Пѣтуховъ. Онъ еще разъ подтвердилъ свои увѣренія насчетъ невинности Катерины Марковны и виновности Насти. Пановы рѣшили, что надо ѣхать къ Кохановой и попросить у нея извиненія. Тетя Катя, конечно, проститъ.

Такимъ образомъ все уладилось, всѣ успокоились. Только Елизавета Дмитріевна, оставшись на минуту одна съ Александромъ Пѣтуховымъ, шопотомъ спросила его:

— А если ты попадешься?

— Выкручусь!—отвѣтилъ онъ, цѣлуя ея руки.—Къ тому же теперь ты можешь посѣщать насъ хоть каждый день, а наша насѣдка ничего не замѣтитъ...

Digitized by Google

ПРОКЛЯТЫЙ ДАРЪ.

I.

Въ душную лѣтнюю ночь по мягкой, пыльной дорогѣ среди покрытыхъ мохомъ холмовъ, среди темной зелени хвойнаго лѣса поднимались въ гору, съ сучковатыми палками въ рукахъ, двое юношей, одинъ лѣтъ пятнадцати, другой лѣтъ семнадцати.

Усталые, запыленные, сдвинувъ на затылки бѣлыя шапки, они шли торопливо, такъ какъ ночь уже приходила къ концу, а имъ хотѣлось съ токсовскихъ вершинъ увидѣть восходъ солнца. Кругомъ царила невозмутимая тишина, только кое-гдѣ въ лѣсу слышался начинавшійся предразсвѣтный писк пробуждавшихся птицъ. Юноши добрались до вершины горы, миновали погруженную въ сонъ деревню и, наконецъ, пройдя послѣднюю избу, опустились на землю на краю горы. Они сняли фуражки и стали отирать носовыми платками потъ, обильно катившійся по ихъ лицамъ. Снизу на нихъ потянуло сыростью и прохладой. Тамъ, у подножія горы, въ темной пропасти, какъ упавшія на землю облака, бѣлѣясь, дымился туманъ, и едва замѣтно вырѣзывались темныя очертанія озеръ, холмовъ, кустарника, лѣса. Въ воздухѣ было еще темно, но съ каждою минутою эта тьма начинала все болѣе и болѣе рѣдѣть. Глазъ начиналъ различать все дальше и дальше зеркальные блики невозмутимой поверхности небольшихъ озеръ, сѣроватыя извилины дороги. Въ просвѣтлѣвшемъ небѣ стали окрашиваться въ розоватый цвѣтъ легкія облака. Наконецъ, слѣва на самомъ краю горизонта точно вспыхнулъ трепетный огонекъ; его дрожащее пламя стало быстро разрастаться; еще минута—

Digitized by Google

и уже вся окрестность залилась, затопилась яркимъ, ослѣпительнымъ багровымъ блескомъ. Въ воздухѣ стало совершенно свѣтло, и солнце, какъ громадный огненный шаръ, точно дыша и вздрагивая, постепенно начало подниматься надъ горизонтомъ, разсыпая во всѣ стороны снопы лучей. Казалось, тамъ, на горизонтѣ, все охватилось пожаромъ. Глазъ, ослѣпленный на минуту, могъ уже охватывать все пространство, не имѣвшее теперь, казалось, предѣловъ. Юноши невольно поднялись съ земли и словно замерли передъ величественной картиной восхода солнца. Они, уроженцы столицы, впервые видѣли подобную картину. Какія-то смутныя мысли бродили въ ихъ головахъ, какія-то новыя чувства волновали ихъ сердца. Наконецъ, младшій изъ нихъ, бѣлокурый, краснощекій мальчуганъ, какъ бы очнулся и воскликнулъ:

— Какъ хорошо! Отлично, что мы все-таки поспѣли вовремя! Я никакъ не думалъ, что это такъ славно!

Его товарищъ молчалъ, устремивъ свои черные, свѣтившіеся теперь, глаза вдаль и точно желая уловить, запомнить каждую мелочь этой взволновавшей его картины.

— И видно какъ далеко!—продолжалъ младшій.—Это что же тамъ, Петербургъ, что ли? А вонъ что-то курится. Пожаръ, что ли? Ахъ, нѣтъ, это туманъ дымкомъ вверхъ подымается. Вѣрно, надъ рѣчкой или болотцомъ... А гдѣ же Финскій заливъ? Онъ, должно-быть, вонъ въ той сторонѣ? Его не видать отсюда? Досадно, что некому разсказать, что и гдѣ здѣсь видно. Самъ не разберешь! Жаль только, что здѣсь такая пустыня кругомъ: озера, лѣса, болота. Людей нигдѣ не видно.

Его товарищъ какъ бы очнулся. Онъ встряхнулъ головой, провелъ рукою по уставшимъ отъ яркаго свѣта, зажмурившимся на мгновеніе глазамъ и обернулся лицомъ къ своему пріятелю.

— Что?—спросилъ онъ звучнымъ голосомъ.—Ты говоришь: людей не видно? И отлично! Мнѣ никого не нужно!

Въ эту минуту послышался скрипъ тяжелыхъ дверей на ржавыхъ петляхъ; потомъ зазвучалъ въ воздухѣ неровный сбивчивый звонъ колокольчиковъ; затѣмъ раздалось протяжное мычаніе коровъ. Откуда-то донесся торопливый и отрывистый, точно перекрестная брань, говоръ двухъ чухонокъ. Онъ становился все громче, все торопливѣе...

— Пойдемъ въ лѣсъ. Тутъ въ деревнѣ нечего дѣлать,— проговорилъ только что очнувшійся отъ своихъ думъ черноглазый юноша.

Digitized by Google

Онъ надѣлъ фуражку и пошелъ по направленію къ лѣсу, покрывающему склонъ горы на тѣневой ея сторонѣ вплоть до озера. Его товарищъ послѣдовалъ за нимъ. Они прошли деревню, свернули направо и добрались до лѣса. Отыскавъ небольшую, удобную для отдыха, площадку, они усѣлись, чтобы поѣсть. Въ ихъ дорожныхъ сумкахъ былъ небольшой запасъ хлѣба, булокъ, вареныхъ яицъ, колбасы.

— Ты говоришь: люди не нужны,— замѣтилъ младшій, съ завиднымъ аппетитомъ принимаясь за ѣду.—Безъ людей, братъ, тоже не проживешь. Такъ-то посади вотъ тебя сюда одного въ лѣсъ, завтра же убѣжишь! Вотъ и теперь, ну, посмотрѣли на восходъ солнца, ну, и довольно—пойдемъ опять домой, потому нечего здѣсь въ лѣсу дѣлать...

Старшій товарищъ ничего не отвѣчалъ и, разсѣянно слушая разсужденія говорливаго пріятеля, лѣниво ѣлъ. Онъ весь былъ подъ впечатлѣніемъ только что видѣнной имъ картины...

— Безъ людей, братъ, языкъ проглотишь!—продолжалъ тараторить болтунъ.—Я вотъ только тогда и веселъ, когда на народѣ. Ужъ на что дѣвчонки—дрянь, какъ есть дрянь, а иной разъ радъ и имъ, только бы не быть...

Товарищъ сдѣлалъ ему знакъ рукою и проговорилъ тихо:

— Тсъ! погоди!

— Что такое?

— Слышишь? Птица...

На минуту оба смолкли, прислушиваясь къ звонкому пѣнію птицы.

— Какая это птица?—спросилъ въ раздумьи неразговорчивый юноша.—Чортъ знаетъ, что такое, живя въ этомъ проклятомъ Петербургѣ, пѣнія жаворонка отъ пѣнія соловья не сумѣешь отличить! А славно пѣла!.. И все, все кругомъ живетъ, движется, поетъ! Ты взгляни... ты прислушайся... Уфъ, Господи, какъ хорошо!

Онъ запрокинулся на спину, подложилъ руки подъ голову и точно замеръ. Надъ его головой въ зеленой рамѣ деревьевъ виднѣлось бездонное синее небо.

— Да, теперь хорошо соснуть! всю ночь не спали,—сказалъ его товарищъ, видя, что пріятель растянулся на травѣ.

Бѣлокурый мальчуганъ послѣдовалъ примѣру товарища и черезъ двѣ-три минуты уже спалъ молодымъ, здоровымъ сномъ. А его пріятель все лежалъ въ той же позѣ, на спинѣ, устремивъ глаза въ бездонное синее небо и чутко вслушиваясь въ звуки, наполнявшіе воздухъ.

— Люди, люди!.. На что мнѣ эти подлые люди?—вдругъ

Digitized by Google

проговорилъ онъ вслухъ, тяжело вздыхая.—Чѣмъ дальше отъ нихъ—тѣмъ лучше!..

По его лицу скользнула мимолетная тѣнь, брови нервно сдвинулись. Но въ ту же минуту онъ опять сталъ прислушиваться къ пѣнію какой-то птицы, и выраженіе его лица снова сдѣлалось безмятежнымъ. Это было прекрасное, строго правильное, подвижное лицо не русскаго типа. Онъ и не былъ русскимъ, хотя и родился въ Россіи.

Его отецъ, Антонъ Карловичъ Лемъ, былъ баварецъ, мать была не то француженка, не то итальянка. Отъ бѣлобрысаго, голубоглазаго, рыхлаго, налитаго скорѣе пивомъ, чѣмъ кровью, отца юноша не наслѣдовалъ ни одной черты. Впрочемъ, отецъ едва ли имѣлъ основанія положительно утверждать, что это его сынъ. Онъ его считалъ своимъ сыномъ, потому что этотъ юноша родился отъ его жены, дальнѣйшія же подробности происхожденія этого юноши его вовсе не интересовали. Черные вьющіеся волосы, правильный носъ съ тонкими подвижными ноздрями, выразительные черные глаза съ поразительно-длинными рѣсницами и тонкими бровями, ослѣпительно бѣлые зубы, прекрасное очертаніе рта, смуглый цвѣтъ кожи съ легкимъ румянцемъ на щекахъ,—все это у юноши было если не прямымъ наслѣдіемъ матери, то во всякомъ случаѣ досталось ему на долю отъ предковъ съ ея стороны, не оставившихъ ему другого наслѣдства. Стройный, тонкій, ловкій и граціозный отъ природы, онъ смотрѣлъ немного бѣлоручкой, немного щеголемъ, несмотря на свой плохой коломянковый костюмъ, на свои заплатанные сапоги. Про него можно сказать, что не его украшаетъ нарядъ, а онъ придастъ наряду художественную прелесть. Онъ очень часто задумывался, точно уносясь изъ міра дѣйствительности въ область заоблачныхъ грёзъ, точно засыпая наяву. Когда его пробуждали изъ этой задумчивости, онъ постоянно отзывался съ видомъ какого-то высокомѣрія. «Что?»—рѣзко спрашивалъ онъ очнувшись, и въ звукѣ его голоса, въ его взглядѣ было нѣчто такое, что говорило, что онъ смотритъ на говорящаго съ нимъ человѣка свысока, сверху внизъ. Это было безсознательное и мимолетное выраженіе; оно тотчасъ же смѣнялось выраженіемъ вѣжливости и внимательности, но тѣмъ не менѣе оно прежде всего бросалось въ глаза зоркому наблюдателю. Онъ говорилъ вообще очень мало и трудно сказать, больше ли онъ слушалъ. Кажется, онъ больше всего любилъ и молчать, и не слушать, а думать, мечтать,

Digitized by Google

уноситься куда-то далеко-далеко въ своихъ грёзахъ. Впрочемъ, онъ тотчасъ же забывалъ свои мечты и грёзы, какъ только его слуха касались гармоническіе звуки музыки и пѣнія. Усталость, голодъ, жажда, невзгоды—все забывалось имъ при звукахъ музыки и пѣнія. Онъ самъ былъ уже давно хорошимъ музыкантомъ и могъ проводить цѣлые часы за скрипкой или за фортепіано, забывъ всѣхъ и все.

Онъ страстно любилъ музыку и страстно ее ненавидѣлъ, такъ какъ только въ ней онъ находилъ утѣшеніе и только изъ-за нея страдалъ.

II.

Какъ ясна и прозрачна бездонная лазурь неба, какъ хорошъ и гармониченъ міръ звуковъ, наполняющихъ лѣсъ, какое спокойствіе сходитъ въ молодую душу въ этомъ мірѣ природы, безлюдья, свободы!

Левъ безсознательно взглянулъ на бѣлокуренькаго спутника. Тотъ сладко спалъ, улыбаясь во снѣ, полуоткрывъ розовыя губы. Ему же не хотѣлось спать, точно онъ боялся пропустить эти минуты спокойствія, точно онъ хотѣлъ сознательно насладиться всею ихъ прелестью. Въ его жизни было такъ мало подобныхъ минутъ.

Его отецъ былъ бѣднымъ и плохимъ музыкантомъ. Судьба довольно долго, чуть не съ колыбели, носила Антона Карловича, какъ вѣтеръ носитъ перекати-поле, по бѣлу-свѣту. Онъ то ходилъ со скрипкой по дворамъ и по кабакамъ; то былъ дирижеромъ крѣпостного оркестра въ барскомъ домѣ, гдѣ обѣдалъ съ дворней и спалъ на чердакѣ; то состоялъ странствующимъ музыкантомъ при маленькой балаганной труппѣ, то игралъ по ночамъ въ танцъ-классахъ, то являлся послѣдней скрипкой въ оркестрѣ цирка. Въ годъ ему приходилось иногда сдѣлать больше перекочевокъ, чѣмъ другимъ во всю жизнь Нерѣдко сегодня онъ не могъ сказать наверное, гдѣ онъ проснется завтра. Гдѣ-то въ дорогѣ, еще въ довольно молодые годы, онъ случайно натолкнулся на порядочно поблекшую, хотя и молодую француженку, завезенную въ качествѣ горничной въ провинцію и брошенную чуть не въ чистомъ полѣ какой-то странствующей и разорившеюся въ конецъ не то актрисой, не то кокоткой. Оба они были въ это время безъ занятій, обоимъ имъ порядкомъ надоѣла бродячая жизнь. Имъ пришлось провести ночь вмѣстѣ въ грязной каморкѣ еврейской корчмы, и съ этой ночи начался ихъ союзъ. Они не влюбились другъ въ

Digitized by Google

друга; они просто сошлись другъ съ другомъ, потому что подвернулись одинъ другому подъ руку. Можетъ-быть, онъ забылъ бы ее на слѣдующій день, какъ забывалъ сотни другихъ такихъ женщинъ, но она ухватилась за этотъ случай и забрала его въ руки, такъ какъ ей уже давно хотѣлось добыть себѣ постояннаго мужа. Онъ и самъ не зналъ, какъ онъ согласился жениться на ней, на Матильдѣ Ивановнѣ Дельпи. Съ этой минуты онъ пересталъ мыкаться по свѣту: жена перевезла его въ столицу, жена опредѣлила его въ одинъ изъ столичныхъ оркестровъ, жена свила ему постоянное гнѣздо. У нея не было денегъ, но у нея было то, что создаетъ деньги—практическій смыслъ. Она тотчасъ же нашла въ столицѣ сотни своихъ соотечественниковъ и соотечественницъ; при ихъ посильной помощи открыла меблированныя комнаты, наняла двухъ хорошенькихъ горничныхъ—и дѣло было слажено: жильцы нашлись. Эти «комнаты со всѣми удобствами» никогда не стояли пустыми.

Лемъ получалъ скудное жалованье. Добавлять къ этому жалованью онъ могъ очень мало, давая съ грѣхомъ пополамъ уроки и играя иногда по ночамъ въ веселыхъ домахъ. Но, несмотря на это, онъ видѣлъ, что у него есть и свой уголъ, и сносная одежда, и ѣда, и кружка-другая пива, и потому проникся полнымъ уваженіемъ къ практическому уму Матильды Ивановны, удивляясь, какъ она сумѣла такъ хорошо устроить жизнь. Правда, разъ Лемъ ясно слышалъ звуки поцѣлуевъ въ комнатѣ одного изъ жильцовъ, откуда потомъ вышла Матильда Ивановна. Правда и то, что она ужъ слишкомъ усердно хлопотала о красотѣ горничныхъ, откровенно говоря, что иначе и жильцовъ постоянныхъ не будетъ. Но на все это Лемъ не обращалъ вниманія и говорилъ, что у него «хорошая жена».

Она и была хорошею женою: она не дѣлала ему сценъ, когда онъ отъ времени до времени возвращался домой подъ хмелькомъ, или когда она заставала его заигрывающимъ съ одной изъ горничныхъ. Они оба достаточно обились, чтобы не обращать вниманія на такіе пустяки, и стали настолько практичны, чтобы ставить выше всего сознаніе того, что они теперь не голодаютъ. Въ рѣдкой семьѣ встрѣчается такое согласіе, какое было въ семьѣ Лемовъ. Эти мужъ и жена были настоящими союзниками, заключившими наступательный и оборонительный союзъ противъ своего общаго врага—общества. Среди этой счастливой жизни, Лемъ даже разрыхлѣлъ и расплылся отъ пива, а она, Матильда Ива-

Digitized by Google

новна, загорѣлая, краснощекая, плотная, съ здоровыми руками, упертыми постоянно въ бока, точно она кого-то вызывала на бой, пріобрѣла бойкія и размашистыя манеры не то комиссіонерши, не то рыночной торговки, имѣвшей тоже свой гоноръ, говорившей не безъ презрѣнія: «о, эти глупи русски бабъ» и составившей себѣ вообще такое понятіе о русскомъ народѣ, что это «cochon» — и больше ничего.

Въ домѣ Лемовъ шла, повидимому, самая безалаберная и безпутная жизнь. Тутъ вѣчно толклись посторонніе люди, постоянно слышался громкій говоръ и смѣхъ, всегда раздавалось хлопанье то отворяемыхъ, то затворяемыхъ дверей, вѣчно кто-то гдѣ-то звонилъ, звонилъ и потомъ вдругъ раздавался гнѣвный крикъ: «Да когда же я дождусь кого-нибудь!..» По вечерамъ Матильда Ивановна пребывала то въ циркѣ, то во французскомъ театрѣ; Лемъ послѣ спектаклей проводилъ часъ-другой гдѣ-нибудь въ пивной, въ какомъ-нибудь танцъ-классѣ. Но, присмотрѣвшись къ этой жизни поближе, вы увидали бы, что если господинъ Лемъ и пьетъ много, очень много пива, то пьетъ его почти всегда на чужой счетъ, и что если госпожа Лемъ слишкомъ много бѣгаетъ, болтаетъ и хохочетъ, то въ сущности всегда среди этой болтовни ей удается обдѣлать какое-нибудь дѣльце, кого-нибудь съ кѣмъ-нибудь познакомить, кому-нибудь что-нибудь продать, кого-нибудь куда-нибудь пристроить, получивъ свою долю комиссіоннаго дохода. Семью Лемовъ знали всѣ французскія актрисы, всѣ французскія кокотки, всѣ французскія модистки.

Это умѣнье не выпустить изъ рукъ своего доходило до того, что Лемы чуть не изъ-подъ земли вырыли разныхъ богатыхъ родственниковъ въ Баваріи, во Франціи и въ Италіи, вступили съ ними на всякій случай въ переписку и постоянно поддерживали себя надеждами на наслѣдства. Особенно сильно надѣялись на дядю Матильды Ивановны, бывшаго настоятелемъ одного изъ монастырей около Рима. Этотъ монахъ, бывшій въ глазахъ Матильды Ивановны чуть не кардиналомъ, былъ извѣстенъ всѣмъ ея знакомымъ, и всѣ они говорили:

— Лемовъ ждетъ въ Италіи большое наслѣдство...

Въ «минуту жизни трудную» Матильда Ивановна даже ѣздила разъ сама къ этому дядѣ за пособіемъ, и пособіе получилось. Недаромъ же она называла старика самымъ близкимъ человѣкомъ, и при этомъ постоянно вздыхала:

Digitized by Google

при воспоминаніи объ этой близости ей всегда вспоминался одинъ случай изъ ея жизни и жизни ея дяди. Разсказывая объ этомъ случаѣ своимъ подругамъ, она всегда прибавляла:

— Ахъ, молодость, молодость! Мнѣ тогда шелъ четырнадцатый годъ...

У Лемовъ было нѣсколько человѣкъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, черномазенькихъ и бѣлобрысенькихъ, похожихъ и на мать, и на отца, и на постороннихъ людей. На второй день послѣ рожденія того или другого ребенка Матильда Ивановна уже шумѣла въ кухнѣ; на другой день послѣ смерти того или другого изъ дѣтей въ комнатахъ жильцовъ уже раздавался ея грубоватый смѣхъ и восклицанія:

— Oh, gamin! gamin!

Выжили изъ всѣхъ дѣтей только двое сыновей—старшій Германъ и младшій Франсуа.

Герману, золотушному и чахлому блондину, шелъ уже двадцать седьмой годъ; Франсуа, стройному и красивому брюнету, лежавшему теперь на травѣ, минуло семнадцать лѣтъ. Братья были оба несчастны, каждый по-своему, и потому страстно, болѣзненно любили другъ друга. Чѣмъ тяжелѣе дѣлалась ихъ жизнь, тѣмъ болѣзненнѣе они привязывались одинъ къ другому, хотя между ними не было ничего общаго ни въ наружности, ни въ характерѣ. Германъ былъ тихъ, скроменъ, мало даровитъ; Франсуа былъ нетерпѣливъ, непокоренъ, вспыльчивъ, крайне талантливъ.

Въ меблированныхъ комнатахъ Лемовъ вѣчно былъ шумъ и гамъ: въ одной комнатѣ раздавались отрывочные звуки гобоя и валторны, въ другой визжала и ныла скрипка, въ третьей упражнялись въ пѣніи два хориста, и дѣлалъ антраша господинъ изъ кордебалета. Болѣзненнаго Германа этотъ хаосъ звуковъ тяготилъ съ самаго дѣтства, и онъ убѣгалъ куда-нибудь въ дальній уголъ, затыкалъ уши и зубрилъ урокъ. Когда кто-нибудь спрашивалъ, гдѣ Германъ, мать отвѣчала на своемъ собственномъ жаргонѣ:

— Нашъ контуаристъ уткнулся уже въ свои книги.

Такъ чуть ли не съ седьмого года его прозвали «контуаристомъ». Если бы кто-нибудь спросилъ, почему его не учатъ какому-нибудь ремеслу, или музыкѣ, или живописи, всѣ удивились бы и сказали бы:

— Да вѣдь онъ въ контуаристы готовится!

Мальчика отдали въ реформатскую школу, и едва онъ началъ учиться, какъ его мать уже стала обсуждать среди своихъ подругъ и пріятельницъ вопросы, въ какихъ кон-

Digitized by Google

торахъ выгоднѣе служить, какія жалованья платятъ конторщикамъ вообще, кого нужно будетъ просить о помѣщеніи юноши въ контору. Объ этомъ толковали въ галлереѣ французскаго театра во время антрактовъ; этотъ вопросъ обсуждали въ уборныхъ наѣздницъ въ циркѣ; этотъ вопросъ женщины легкаго поведенія, имѣвшія связи съ биржевыми дѣльцами, поднимали между двумя поцѣлуями въ спальнѣ, хлопоча «о мальчикѣ Матильды». Герману нужно было только подрасти, чтобы получить мѣсто...

Жизнь Франсуа сложилась иначе. Бродя постоянно по коридору и по комнатамъ жильцовъ, онъ какъ-то разъ зашелъ къ одному изъ постояльцевъ, когда у того было нѣсколько молодыхъ людей, пѣвцовъ, музыкантовъ, художниковъ.

— Ба-ба-ба! Вотъ натура для моего Іоанна Крестителя! — воскликнулъ одинъ молодой художникъ, увидавъ пятилѣтняго мальчугана.

— Въ самомъ дѣлѣ подходящій типъ!—отвѣтилъ другой изъ гостей.

— Но какъ сложенъ?

— А вотъ мы сейчасъ посмотримъ!

— Раздѣвай его!

Мальчика окружили, подняли на столъ, раздѣли и начали разсматривать. Онъ былъ такъ изумленъ, что даже не заплакалъ. Ему было только странно, что его поставили голаго на столъ и осматриваютъ, какъ вещь, какъ куклу. Для чего? Что они ищутъ?

— Удивительная пропорціональность членовъ! Взгляните, что за линіи! Просто восторгъ!

— Старикъ Лемъ едва ли былъ такимъ въ дѣтствѣ!

— Старикъ тутъ—дѣло сторона.

Мальчика поворачивали во всѣ стороны, шутливо трепали по голому тѣлу, отпускали непонятныя для него остроты. Было рѣшено, что онъ будетъ Іоанномъ Крестителемъ. Матильда Ивановна, извлекавшая пользу изъ всего, никакъ не воображала, что ей можно еще торговать сыномъ. Она обрадовалась этому открытію и впервые отдала напрокатъ своего сына и получила съ него доходъ. Нѣсколько дней сряду она, хлопая себя по бедрамъ, повторяла одну и ту же фразу:

— Вотъ-то мы были глупы! Съ него давно бы могли рисовать, а мы и не знали! Сколько потеряннаго времени!

На первый разъ она даже не думала о томъ, не продешевила ли она въ этой новой для нея сдѣлкѣ.

Digitized by Google

По цѣлымъ часамъ простаивалъ теперь мальчикъ въ мастерской художника. Никто не справлялся, не холодно ли ему стоять тамъ безъ одежды, не устаетъ ли онъ во время сеансовъ. Иногда онъ начиналъ дремать, стоя въ одной позѣ. Тогда его расталкивали и бранили. Порою, когда къ художнику заходилъ кто-нибудь въ гости, о немъ забывали, и онъ, голенькій, полусонный, простаивалъ безъ всякой нужды лишніе часы. Художникъ во все время своей работы имѣлъ привычку насвистывать и напѣвать аріи изъ оперъ и романсы. Это служило единственнымъ утѣшеніемъ для мальчугана. Возвращаясь въ комнату своихъ родителей, Франсуа тоже сталъ напѣвать аріи и романсы.

— Кто это тебя научилъ?—спросилъ его отецъ, услышавъ разъ, какъ онъ напѣваетъ довольно трудный мотивъ.

— Никто не училъ,—отвѣтилъ Франсуа.

— Это онъ слышитъ, какъ monsieur Nicolas поетъ и свищетъ,—замѣтила Матильда Ивановна.

— Вотъ чертовскій слухъ и музыкальная память,—сказалъ Антонъ Карловичъ.

— Что-жъ, его можно музыкантомъ сдѣлать,—рѣшила мать.

Съ этой минуты рѣшились учить пятилѣтняго ребенка музыкѣ. Въ галлереѣ французскаго театра, въ уборныхъ наѣздницъ изъ цирка, въ разныхъ французскихъ магазинахъ новостью дня сдѣлалось открытіе «геніальныхъ» способностей «младшаго мальчика Матильды». Сначала рѣшено было засадить его за фортепіано, а потомъ дать ему въ руки и скрипку: можетъ-быть, который-нибудь изъ двухъ инструментовъ и вывезетъ...

Когда отецъ и одинъ изъ жильцовъ начали обучать мальчика музыкѣ, онъ нерѣдко неутѣшно плакалъ, потому что ему приходилось переносить безчеловѣчныя пытки. Его ругали, били по рукамъ, хлопали по затылку, когда онъ дѣлалъ ошибки. Когда же отецъ и жилецъ уходили, онъ частенько пробирался къ фортепіано и одинъ въ затишьи отыскивалъ подходящіе звуки для передачи знакомыхъ ему мотивовъ. Фортепіано стало его привлекать, какъ пьяницу привлекаетъ кабакъ: онъ и проклиналъ его, и не могъ безъ него жить. Въ минуты отчаянья, когда его били за ошибки или когда ему не удавалось передать запавшій въ его память мотивъ, онъ билъ кулаками фортепіано, пиналъ его ногами, грозилъ ему, какъ живому существу. Ученье подвигалось медленно, продолжало быть источникомъ бранн

Digitized by Google

и пинковъ, стоило многихъ синяковъ и слезъ, а занятія музыкою на слухъ начали давать изумительные результаты, и мальчикъ не только передавалъ извѣстные мотивы, но исполнялъ свои собственныя варіаціи на эти мотивы.

Съ него между тѣмъ уже давно написали Іоанна Крестителя и теперь его брали напрокатъ, потому что онъ долженъ былъ изображать «сына цыганки».

— Какая изумительная красота!—говорили люди, заглядывавшіе въ мастерскую художника.—Стоитъ только перенести все это на холстъ—и картина готова. Тутъ нечего дополнять, нечего подкрашивать!

Его опять поворачивали со всѣхъ сторонъ, любовались имъ и вблизи, и издали. Онъ сталъ сознавать, что онъ красивъ, и началъ принимать художественныя позы. Женщины, видя это, называли его «маленькимъ кокетомъ». Художники восхищались этой граціей, облегчавшей имъ возможность писать съ него. Доходъ Матильды Ивановны съ сына значительно возросъ.

Мальчику шелъ десятый годъ, онъ уже игралъ и на фортепіано, и на скрипкѣ.

Разъ отецъ пришелъ домой и сообщилъ женѣ, что въ циркѣ ставятъ какую-то арлекинаду, гдѣ маленькій арлекинъ долженъ играть на скрипкѣ. Эту роль предлагаютъ Франсуа.

— Признаться сказать, Францъ Грюнъ—онъ вѣдь ставитъ эту арлекинаду—только для Франсуа и выдумалъ эту роль.

— Что ты!—воскликнула Матильда Ивановна.—Впрочемъ, онъ мнѣ обязанъ. Ты знаешь, какъ я его сестру пристроила. Въ коляскахъ теперь ѣздитъ. А вѣдь прежде отъ перваго любовника получила пятьдесятъ рублей деньгами да колечко изъ гостинаго двора, вотъ и все... Но какъ же Франсуа?..

— Надо подъучить двѣ-три пьесы, тогда пожалуй, и можно,—сказалъ Лемъ.

— Ты самъ будешь учить?—недовѣрчиво спросила жена.

— Нѣтъ, Вортъ обѣщалъ подъучить.

Скрипачъ Вортъ, дѣйствительно, сталъ учить мальчика, какъ насвистываютъ птицъ. Мальчикъ, конечно, не сразу бралъ вѣрныя ноты; Вортъ кричалъ на него и топалъ ногами. Тогда являлся отецъ и, разгорячившись, дралъ сына за уши и за волосы. Надо было, чтобы онъ подготовился къ сроку, и потому всѣхъ раздражали опасенія, что онъ не успѣетъ подготовиться.

Digitized by Google

— Что ты думаешь, тебя ждать станутъ? Другой кто-нибудь найдется! Не ты одинъ въ Петербургѣ! — кричалъ отецъ.

Всѣ знакомыя Матильды Ивановны — перчаточницы, модистки, кокотки всѣхъ разрядовъ—волновались и тревожились сотнями вопросовъ:

— Ну, а если младшій мальчикъ Матильды не подготовится?

— Да вы хорошо ли за нимъ слѣдите?

— Что говоритъ Вортъ?

Матильда Ивановна волновалась еще болѣе и угрожала сыну.

— Ты что думаешь, что мы всегда тебя даромъ кормить будемъ? Каждый долженъ пріобрѣтать себѣ хлѣбъ! Ты мнѣ и не показывайся, если не подготовишься!..

Мальчикъ не плакалъ, не протестовалъ и только напрягалъ всѣ свои способности, чтобы выучиться и избѣжать побоевъ и брани.

Черезъ два мѣсяца онъ игралъ на аренѣ цирка на репетиціи.

Зрительное зало цирка производило странное впечатлѣніе. Дневной бѣлесоватый свѣтъ боролся съ желтоватымъ свѣтомъ нѣсколькихъ лампъ, и въ залѣ царствовали какія-то фантастическія сумерки. Пустыя ложи, кресла и галлереи казались небольшими стойлами, подернутыми пылью и туманомъ. Арена цирка, не прибранная, не выровненная, представляла площадь грязной навозной земли. Воздухъ былъ тяжелъ, пропитанъ запахомъ этой навозной земли. По ней ходили и пробовали гимнастировать и кувыркаться какіе-то люди разныхъ возрастовъ, въ затрапезныхъ пиджакахъ, въ поношенныхъ панталонахъ, въ высокихъ сапогахъ, въ шапкахъ, сдвинутыхъ на затылки, въ пестрыхъ засаленныхъ кашне на шеяхъ. Отъ времени до времени раздавалось щелканье бича, подгонявшаго скакавшую вокругъ арены лошадь, въ воздухѣ стоялъ говоръ на французскомъ, нѣмецкомъ и ломаномъ русскомъ языкахъ. Какой-то немолодой, очень плохо одѣтый человѣкъ, въ сторонѣ отъ всѣхъ, съ невозмутимо-серьезнымъ дѣловымъ видомъ степенно и неторопливо кувыркался черезъ руку на навозной землѣ, повторяя: «Вотъ такъ, и вотъ такъ, и такъ». Онъ, повидимому, совершенно забылся въ этомъ занятіи и производилъ впечатлѣніе помѣшаннаго бѣдняка. Молодой атлетъ съ скуластымъ лицомъ, съ всклокоченными, висѣвшими на

Digitized by Google

лобъ волосами, помѣстился въ углу ложи нижняго яруса и, сдвинувъ на затылокъ шапку, съ тупымъ видомъ рѣзалъ большимъ складнымъ ножомъ и пожиралъ колбасу съ пеклеванным хлѣбомъ, усиленно и сосредоточенно работая челюстями. За нѣсколько шаговъ было слышно, какъ онъ жевалъ и чавкалъ, сочно перемалывая пищу. Около него вертѣлась какая-то тщедушная, плохо одѣтая, плохо нарумяненная наѣздница; она что-то говорила ему, смѣясь жидкимъ смѣхомъ и отнимая у него ѣду: раза два она попробовала его ущипнуть за ногу, потомъ даже смазала его со смѣхомъ ладонью по лицу, наконецъ, стащила кусокъ колбасы. Трудно сказать, хотѣла ли она обольстить этого Іосифа или хотѣла хоть немного утолить голодъ на счетъ этого обжоры. Онъ продолжалъ жевать и чавкать и только тупо взглядывалъ на нее, когда она слишкомъ громко смѣялась или касалась рукою его и его закуски. Казалось, ничто не могло вывести его изъ его апатіи. Окончивъ ѣсть колбасу, онъ завернулъ ея остатокъ съ хвостикомъ изъ веревочки въ бумагу и засунулъ свертокъ въ карманъ засаленныхъ панталонъ, вытеръ сзади о нихъ свой ножъ, тоже сунулъ его въ карманъ и сталъ рыться въ другомъ карманѣ панталонъ. Черезъ минуту онъ вытащилъ оттуда яйцо, разбилъ его, очистилъ и снова сталъ жевать и чавкать. Наѣздница не отставала отъ него. Не обращая на нее вниманія, онъ поискалъ глазами, куда бы бросить скорлупу отъ яйца. Потомъ обратился къ наѣздницѣ и съ набитымъ ѣдою ртомъ сказалъ:

— Поди, выбрось!

Онъ сунулъ ей въ руку скорлупу отъ яйца. Она засмѣялась и засунула ему скорлупу за пазуху. Онъ лѣниво пробормоталъ:

— Дура!

Въ это время, между тѣмъ, на срединѣ арены обучали Франсуа.

Игралъ онъ хорошо, но въ его манерахъ не было никакого комизма. Дирижеръ арлекинады и клоуны стали обучать его кланяться, ходить, брать скрипку въ руки, вертѣть головою. Онъ долженъ былъ не только хорошо играть, но и быть комичнымъ, смѣшнымъ. Его стали дрессировать, какъ собачонку, пинками и подзатыльниками. Онъ молча покорялся всему, исполнялъ все, что приказывали. Когда онъ кончилъ первую арію, ему неожиданно дали ногою пинка сзади—и онъ растянулся на мягкой навозной землѣ.

Digitized by Google

Какой-то клоунъ, захвативъ сзади двумя пальцами его штаны, поднялъ его съ земли. Это входило въ программу, и его обругали за то, что онъ не умѣлъ подняться съ земли. Сдѣлали еще репетицію и еще, и, наконецъ, нашли, что такъ «сойдетъ». Правда, у него недоставало навыка, у него было слишкомъ много изящной граціи. Но что же дѣлать: замѣнить его было некѣмъ. Собачонка была съ грѣхомъ пополамъ выдрессирована.

Въ день представленія, онъ въ черной обтянутой одеждѣ, во фракѣ, съ взбитыми и напудренными кудрями, появился на аренѣ цирка передъ тысячеголовой толпой, называемой публикою. Это было въ рождественскіе праздники, и зрительная зала цирка была набита биткомъ. Теперь она была неузнаваема: въ ней все сверкало, блестѣло, казалось подновленнымъ, подкрашеннымъ. Ложи, кресла, скамейки, все это было занято пестрыми группами людей и полно движенія, жизни. Даже навозный запахъ былъ менѣе слышенъ; его какъ-будто перебилъ ароматъ надушенныхъ одеждъ кавалеровъ и дамъ, ароматъ какого-то рѣзкаго, сильно пахучаго куренія. Холодъ, царствовавшій здѣсь утромъ, смѣнился пріятной теплотой, доходившей вверху даже до излишняго жара. Среди персонала цирка не было теперь ни одного оборвыша, ни одного замарашки: всѣ были нарядны, чисты, щеголеваты; на фракахъ мужского персонала цирка красовались банты изъ атласныхъ лентъ, букетики искусственныхъ цвѣтовъ; лица, вмѣсто помятыхъ и желтыхъ, стали цвѣтущими, розовыми, похожими на лица восковыхъ куколъ, красующихся на окнахъ у парикмахеровъ; неприглядныя старческія морщины пожилыхъ клоуновъ скрылись подъ толстыми слоями краски, разрисовывавшей эти лица. Заглянувъ на арену, Франсуа на минуту точно ослѣпъ; все смѣшалось въ его глазахъ, и онъ скорѣе чувствовалъ, угадывалъ, чѣмъ видѣлъ, сколько народу окружаетъ его. Какъ сквозь сонъ, онъ услыхалъ, что его зовутъ, что ему надо начинать, и, чуть не шатаясь, вышелъ на средину арены. Онъ распаркался, откинувъ лѣвый лацканъ фрака, тряхнулъ скрипкой, приложивъ ее къ плечу, и сталъ играть. Первыя ноты были взяты неувѣренно, не смѣло, не вѣрно, но съ каждой минутой онъ игралъ все лучше, все смѣлѣе! Толпа, публика перестала для него существовать: для него существовала только его скрипка, существовали только музыкальные звуки. Онъ точно именно для того и припалъ головой къ своей скрипкѣ, чтобы полнѣе насладиться этими

Digitized by Google

пѣвучими звуками. Едва онъ успѣлъ окончить первую часть музыкальной пьесы, какъ раздались рукоплесканія.

— Браво! Браво! Bis! Bis!—кричали со всѣхъ сторонъ, и сотни, тысячи рукъ стали аплодировать ему.

Изъ ложъ слышались пискливые, картавые дѣтскіе голоса:

— Бла-во! бла-во!

Тамъ хлопали маленькія дѣтскія ручонки.

Этихъ дѣтей родители привезли повеселиться въ рождественскіе праздники въ циркъ. Визгливый голосъ какого-то клоуна на всю залу протянулъ:

— Bi-i-is!

Гдѣ-то наверху раздался громкій смѣхъ.

Франсуа раскланялся и продолжалъ играть.

Наконецъ, раздались послѣдніе звуки его скрипки. Циркъ дрогнулъ отъ рукоплесканій! Но въ эту же минуту нога клоуна пинкомъ сзади сшибла съ ногъ маленькаго виртуоза. Онъ шлепнулся носомъ въ плотный коверъ, лежавшій теперь на аренѣ, и чуть не разрыдался. Онъ совсѣмъ забылъ, что этотъ пинокъ долженъ былъ неизбѣжно послѣдовать за окончаніемъ игры на скрипкѣ, и въ какомъ-то бѣшенствѣ поднялся съ земли, прежде чѣмъ клоунъ успѣлъ его поднять двумя пальцами за штаны. Къ его ногамъ уже летѣли бонбоньерки, яблоки, апельсины, плитки шоколада. Но онъ не обрадовался, не бросился ихъ подбирать, а порывисто вынулъ изъ кармана платокъ и сталъ гадливо стряхивать съ себя пыль, приставшую къ нему въ то время, когда его пинкомъ повалили на землю. Впервые въ жизни ему стало такъ невыносимо тяжело, такъ горько, что онъ былъ готовъ плакать, былъ готовъ убить окружавшихъ его людей.

— Бери, это все тебѣ набросали!—говорилъ ему кто-то, подавая ему цѣлый ворохъ разныхъ сладостей.

— Мнѣ не надо!—отвѣтилъ онъ отрывисто и торопливо пошелъ со сцены.

Его стали вызывать, его заставили повторить пьесу. Онъ выходилъ на арену, игралъ, но все это дѣлалось уже какъ бы со сна, машинально, безсознательно. Его душили слезы, душила злоба.

Отчего? О чемъ?

Онъ самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается, но когда мать пришла въ уборную, чтобы вести его домой, и взяла его за руку, онъ вдругъ съ яростью вырвалъ руку и грубо сказалъ ей:

Digitized by Google

— Что я маленькій, что ли, чтобы меня за руку водить!

Матильда Ивановна была груба, но не терпѣла грубостей, а тѣмъ болѣе отъ сына.

— Да ты это что? — крикнула она. — Розогъ не пробовалъ?

Онъ только заскрежеталъ зубами, но ничего не отвѣтилъ ей. Натянувъ на себя поношенное теплое пальто, онъ пошелъ вонъ.

— Бери конфеты! — грубо приказала она ему.

— Не нужны мнѣ онѣ! — отвѣтилъ онъ дерзко.

— Ну, дома еще поговоримъ! — крикнула мать. — Mauvais sujet!

Дома они точно поговорили. Разговоръ длился, правда, недолго, но послѣ этого разговора Матильда Ивановна вышла изъ комнаты отъ сына, блѣдная, какъ полотно, тяжело дыша, и подозвала мужа.

— Что съ тобой? — спросилъ онъ.

— Ты осторожнѣе будь съ Франсуа, — многозначительно сказала она, едва переводя духъ.

— А что? — спокойно спросилъ Лемъ.

— Этотъ ребенокъ способенъ убить!

Лемъ широко раскрылъ мутные глаза. Онъ ничего не понималъ.

— Да, да, я знаю, я такою же росла. Я десяти лѣтъ бѣжала отъ бабушки, поджегши ея домъ, — сказала онъ скороговоркой. — Онъ такой же... Нѣтъ, онъ хуже!..

Она выпила большими глотками стаканъ воды. Ея плотная грудь тяжело дышала, широкія ноздри раздувались.

— А вотъ я пойду посмотрю, какой онъ такой, — флегматично, но съ угрозой сказалъ отецъ.

Она нетерпѣливо остановила его.

— Что ты хочешь дѣлать? Сѣчь? А завтра какъ онъ будетъ играть въ циркѣ, если захвораетъ?

— Да я ему кости переломаю!

— Что-жъ, кормить-то и съ переломанными костями придется, а ужъ картинъ писать съ него не будутъ и въ циркъ приглашать не станутъ...

Въ ея голосѣ были и иронія, и злость. Она прошлась по комнатѣ.

— Ты думаешь, я сама бы не исколотила его, если бы...

Она оборвала рѣчь и нервно сжала кулаки.

— И кто это объяснилъ все ему? Кто? — говорила она, нетерпѣливо пожимая плечами и конвульсивно то сжимая,

Digitized by Google

то разжимая пальцы, точно ей хотѣлось кого-то исцарапать ногтями.

— Что это?

— Да вотъ то, что я говорю,—отвѣтила она.—Онъ вѣдь все это мнѣ сказалъ, все!.. И самъ смотритъ, какъ волкъ, и шепчетъ: «только троньте еще, только троньте еще!..» И блѣдный, точно мертвецъ!.. Vipère!.. Вѣдь онъ теперь сто пятьдесятъ рублей въ нынѣшній мѣсяцъ намъ принесетъ!

Она въ раздумьи покачала головой.

— Не умѣлъ ты съ нимъ обращаться,—проговорила она послѣ минутнаго молчанія.—Грубъ былъ съ нимъ, озлобилъ, оттолкнулъ его... Онъ вѣдь не то, что Германъ... Тотъ что! C'est la bête du bon Dieu! Простофиля!.. Тотъ не сбѣжитъ, не утопится... Вьючное животное!.. Да отъ того и ждать многаго нечего... А Франсуа... Франсуа десятерыхъ прокормитъ одинъ можетъ... На него можно надѣяться... Положимъ, дядя Антоніо обѣщаетъ клочокъ земли около монастыря, но у насъ еще мало скоплено на постройку дома... Франсуа поможетъ прикопить побольше... Ты бы послушалъ, что тамъ говорили... И красота, и талантъ... Геній...

Она раздражительно махнула рукой.

— Нѣтъ, съ огнемъ играть не слѣдуетъ. C'est une poule aux oeufs d'or... Его беречь надо... Да его и винить нельзя, если онъ цѣну себѣ знаетъ... Это у него отъ меня... О, я себѣ цѣну всегда знала... На мнѣ нельзя ѣздить... Pas si bête, pas si bête, mon ami!.. Наконецъ, мы не какіе-нибудь мужики... Мнѣ стоитъ написать дядѣ Антонію въ Римъ... У него тамъ всѣ прелаты, всѣ кардиналы свои люди...

Разговоръ на эту тему всегда успокаивалъ волненіе Матильды Ивановны.

Когда на слѣдующее утро всѣ собрались за чайнымъ столомъ, Матильда Ивановна чуть руками не всплеснула. Франсуа былъ неузнаваемъ: лицо желто, глаза точно провалились, вѣки воспалены. У нея точно замерло сердце въ груди отъ страха. Она заботливо спросила сына, здоровъ ли онъ. Онъ коротко отвѣтилъ: «здоровъ». Германъ сидѣлъ тутъ же за столомъ, молча, потупившись, какъ убитый. Когда кончили пить чай, Германъ вышелъ изъ комнаты и знакомъ вызвалъ за собою отца.

— Я вынулъ брата изъ петли вчера! — рѣзко и съ несвойственной ему жесткостью сказалъ онъ.—Вы это помните!

Затѣмъ онъ молча накинулъ верхнюю одежду, надѣлъ шапку и ушелъ въ свою контору. Онъ уже давно служилъ

Digitized by Google

въ конторѣ одного крупнаго негоціанта. Старикъ Лемъ стоялъ, какъ пораженный громомъ.

III.

На второй день вечеромъ, отводя въ циркъ сына, Матильда Ивановна замѣтила Францу Грюну, распорядителю арлекинады, что было бы лучше, если бы ея сына не пинали ногой послѣ игры, что она этого не допуститъ, такъ какъ это конфузитъ мальчика, да онъ можетъ и ушибиться.

— Наконецъ, онъ не клоунъ какой-нибудь, а настоящій артистъ! — съ гордостью замѣтила она. — Я понимаю, что можно пинать ногой мальчишку, кувыркающагося на заднихъ дворахъ, но Франсуа не уличный фигляръ! Если бы дядя Антоніо это узналъ, онъ никогда не дозволилъ бы этого...

Она говорила рѣзко и грубо, сознавая отчасти, что теперь безъ ея сына не обойдутся, и что она можетъ ставить свои условія. Наконецъ, сестра Франца Грюна черезъ ея посредничество стала ѣздить въ коляскахъ! А это тоже что-нибудь да значитъ. Она всегда знала, когда и гдѣ можно пользоваться своимъ положеніемъ.

Переговоры кончились тѣмъ, что маленькаго скрипача рѣшили торжественно выводить на арену клоуны и съ комическимъ почетомъ уводить его обратно съ арены. Это нисколько не портило арлекинады, вызывая такіе же взрывы смѣха, какъ и пинки ногою, но мальчику стало легче.

Онъ продолжалъ являться въ циркѣ. Ему теперь было очень пріятно, что ему аплодировали, что его ласкали всѣ кокотки, знакомыя съ его матерью. Дома тоже его окружали заботами и ухаживали за нимъ, какъ за царькомъ. Это была дойная корова, требовавшая хорошаго ухода.

Только Германъ, бесѣдуя по ночамъ съ ребенкомъ, говорилъ ему:

— Барыши за тебя сбираютъ, а путно ничему не учатъ. Надо взять хорошаго учителя, тогда дѣло другое. А такъ только загубятъ тебя.

— Они не возьмутъ, — отвѣтилъ мальчикъ съ твердою увѣренностью.—Платить надо много.

Братъ вздохнулъ и, поцѣловавъ ребенка, сказалъ, что онъ устроитъ это дѣло.

Съ этого дня Германъ запрягся въ работу, какъ волъ. Онъ бралъ работу на домъ, онъ давалъ уроки, и черезъ мѣсяцъ для Франсуа былъ уже нанятъ хорошій учитель.

Digitized by Google

Всѣ свободныя минуты старшій братъ употреблялъ на занятія съ мальчикомъ, обучая его всему, чему онъ могъ бы обучиться въ хорошей школѣ. Германъ дѣлалъ все, чтобы его братъ сдѣлался образованнымъ человѣкомъ.

Германъ былъ длинный нѣмецъ, съ прямыми бѣлесоватыми, какъ сухой ленъ, волосами, съ блѣдными голубовато-сѣрыми глазами, съ сутуловатой спиной и съ тонкими, какъ плети, руками, оканчивавшимися большими кистями красноватаго цвѣта, такъ какъ эти кисти рукъ были отморожены еще въ дѣтствѣ. Въ этой костлявой, неуклюжей фигурѣ былъ умъ нѣжнаго мечтателя и сердце ребенка. У Германа была способность плакать, читая книгу, и вздыхать, смотря на прощальный блескъ умирающаго дня. Рядомъ съ этимъ у него была способность ни при какихъ условіяхъ не истратить лишняго гроша и отчищать собственноручно каждую пылинку съ своего платья, чтобы оно какъ можно дольше оставалось новымъ.

Ежедневно Германъ ходилъ въ одинъ и тотъ же часъ въ контору, гдѣ онъ служилъ. Домъ, гдѣ помѣщалась эта контора на Васильевскомъ островѣ, походилъ снаружи на опрятно содержимый острогъ. Гладкій, бѣлый, безъ украшеній, съ зелеными жалюзи, съ зелеными занавѣсочками въ широкихъ прямоугольныхъ окнахъ, онъ смотрѣлъ мертвымъ домомъ. Только бронзовая дощечка у парадныхъ совершенно гладкихъ дверей съ надписью «Контора Краузе и К°» говорила, что здѣсь живутъ или, по крайней мѣрѣ, бываютъ люди. Внутри домъ былъ еще скучнѣе. Правильныя, квадратныя, высокія комнаты, гладкія стѣны, конторки и стулья изъ полированнаго ясеня, все здѣсь было чинно, однообразно, неуютно. Въ трехъ комнатахъ, занимаемыхъ конторой, работало всего шесть человѣкъ. Всѣ они были молчаливы, озабочены, погружены въ свои счеты. Ради сбереженія платья, эти люди надѣвали во время занятій сверхъ рукавовъ сюртука черные коленкоровые нарукавники до локтей. Ради той же экономіи они подкладывали подъ себя холщевые платки, чтобы ихъ панталоны не дрались о плетенки стульевъ. Германъ былъ молчаливѣе и усерднѣе ихъ всѣхъ. Работа была сложная: ему приходилось вести переписку съ самыми отдаленными странами, съ самыми разнообразными фирмами; онъ долженъ былъ подводить милліонные итоги различнымъ товарамъ, устрицамъ и апельсинамъ, бархату и бронзѣ, желѣзу и пенькѣ. Сначала онъ часто задумывался подолгу надъ этими счетами. Кто поѣдаетъ столько фруктовъ, устрицъ,

Digitized by Google

сардинокъ? Кто носитъ эти драгоцѣнныя ткани, бархатъ, атласъ? Кто такіе и какъ живутъ всѣ эти представители фирмъ Дольфусовъ, Гоффовъ, Люи, Рюммелей? Отчего получается столько товаровъ, расходуется столько денегъ, а въ мірѣ что ни шагъ—то голодные и нищіе? Но, съ теченіемъ времени, всѣ эти цифры и имена сдѣлались чѣмъ-то отвлеченнымъ, не имѣющимъ содержанія и значенія; весь этотъ трудъ превратился въ нѣчто механическое, сталъ дѣлаться по извѣстному шаблону: для каждаго письма была своя готовая форма, для каждаго отвѣта были готовыя фразы; для каждой фактуры были впередъ заготовленные бланки; даже различные счета сводились какъ-то машинально, повидимому, безъ всякаго напряженія ума, какъ бы при участіи однихъ глазъ,—такъ грамотные люди пишутъ безъ ошибокъ, вовсе не думая о томъ, гдѣ надо поставить ѣ и гдѣ слѣдуетъ написать е, если бы рука сдѣлала описку—это бросилось бы въ глаза пишущему, какъ клякса, какъ пятно.

Дѣлая свое дѣло, Германъ по большей части думалъ совсѣмъ о другомъ, о своемъ домѣ, о своей семьѣ, о своемъ братѣ. Думая обо всемъ этомъ, онъ постоянно переходилъ къ общечеловѣческимъ вопросамъ, къ тому, что и большинство людей живетъ такъ же, что при такихъ условіяхъ дѣти часто гибнутъ, что долгъ честнаго человѣка стремиться спасти тѣхъ, кого можно спасти. Окончивъ обычныя занятія и не имѣя права уйти изъ конторы раньше опредѣленнаго часа, онъ читалъ. Любимыми его книгами были весь Шиллеръ, «Фаустъ» Гёте, философскія сочиненія, въ особенности сочиненія Шопенгауэра. Антипатію онъ питалъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ писателей только къ Гейне, говоря, что Гейне смѣется надъ тѣмъ, надъ чѣмъ нужно рыдать. Смѣха сквозь слезы Германъ не понималъ и даже считалъ его чѣмъ-то неприличнымъ, называя такой смѣхъ «цинизмомъ». Не признавалъ онъ также чтенія газетъ и говорилъ, что это тѣ же домашнія и семейныя сплетни и дрязги, только не словесныя, а печатныя, измельчающія душу современнаго общества. Онъ говорилъ, что газеты измельчатъ сперва читателей, а потомъ уничтожатъ и серьезную литературу, такъ какъ ее некому будетъ читать. Мертвенная тишина, окружавшая его; сгорбленное положеніе надъ конторкой, стѣснявшее его грудную клѣтку и его свободное дыханіе; невеселая домашняя обстановка и выборъ мрачныхъ книгъ съ погибающими Донъ-Карлосами, Маріями Стюартъ, Луизами Миллеръ, Карлами Морами, Фіески, разочарован-

Digitized by Google

нымъ наукою и доходящимъ до отчаянія Фаустомъ, съ пессимистическими взглядами Шопенгауэра, видящаго счастіе въ небытіи, въ нирванѣ, все это развило въ Германѣ опредѣленные, иногда глубокіе, но крайне мрачные взгляды на жизнь. Величайшимъ благомъ жизни онъ считалъ смерть. Чтобы это благо сдѣлалось намъ еще дороже, чтобы оно доставило намъ истинное наслажденіе, нужно сознавать, что мы умираемъ за что-нибудь или за кого-нибудь,—за идею, за ближняго, за міръ. Кто умеръ такъ, просто потому, что кончилась жизнь, тотъ, конечно, тоже успокаивается отъ мученій, но зато онъ не предвкушаетъ передъ смертью блаженства сознанія, что онъ умираетъ за другихъ. Другого блаженства нѣтъ на землѣ, потому что всѣ другія наслажденія опошливаютъ, очерствляютъ или губятъ нравственно человѣка. Когда Герману пришлось работать до усталости, до болѣзни, ради брата, онъ почувствовалъ, что онъ впервые самъ испытываетъ это блаженство пожертвованія собою для другого. Можетъ-быть, онъ почувствовалъ бы себя даже несчастнымъ, если бы трудъ былъ менѣе тяжелъ, если бы этотъ трудъ не убивалъ его.

Его усилія не пропадали даромъ. Франсуа ловилъ знанія на лету и повеселѣлъ, такъ какъ его теперь не только не били, но даже не посылали добывать деньги въ мастерскихъ художниковъ или паясничаньемъ въ циркѣ. Онъ не понималъ, какъ произошла эта перемѣна въ отношеніяхъ къ нему, и, всегда порывистый, отдавался своимъ занятіямъ съ страстнымъ увлеченіемъ, какъ онъ отдавался всему, не зная чувства мѣры, не останавливаясь на половинѣ дороги.

Такъ прошло года два или три. Какъ-то разъ Франсуа случайно услышалъ за дверью крупный разговоръ отца и брата.

— Да подождите еще! Какой онъ концертантъ! Будетъ еще время, успѣете содрать шкуру,—съ несвойственною ему рѣзкостью говорилъ Германъ.—Ему покуда учиться нужно, а не хлѣбъ добывать. Мало я развѣ плачу вамъ и за него, и за себя.

— Да понимаешь ли ты, что теперь-то и побѣгутъ на него смотрѣть, пока малъ,—отвѣтилъ отецъ. — Подрастетъ, тогда не диво будетъ, что хорошо играетъ. А о своихъ подачкахъ ты лучше бы и не говорилъ. По рублямъ-то сучешь, такъ на это васъ и не прокормишь. Вонъ комнату лучшую занимаете теперь...

— Ну, и еще, и еще буду давать, только не губите его

Digitized by Google

таланта. Ну, повезутъ его по разнымъ городамъ, станутъ показывать, будетъ онъ играть кое-какъ, а дорогое время ученья пропустить. Вы видите, я изъ силъ выбиваюсь, чтобы сдѣлать изъ него настоящаго музыканта, такъ вы хоть бы ради этого пощадили его...

— Стары мы съ матерью, чтобы ждать. Тоже поработали на васъ. Не великая важность, что мѣсяцъ-другой безъ ученья останется. Соберемъ деньги за концерты, тогда и учи его опять, сколько хочешь...

Весь блѣдный, Франсуа распахнулъ дверь, влетѣлъ, подобно урагану, въ комнату и неожиданно спросилъ отца:

— Куда вы меня еще везти хотите?

Отецъ смутился на минуту, но тотчасъ же оправился и ласково проговорилъ:

— Вотъ тутъ, Франсуа, одинъ музыкантъ ѣдетъ концерты давать, такъ онъ соглашается и тебя взять...

— Я поѣду,—отвѣчалъ мальчуганъ.

— Франсуа, а ученье?—съ испугомъ спросилъ Германъ.

— Я и въ это время буду продолжать играть,—отрывисто сказалъ Франсуа.

— Это ни къ чему не поведетъ,—замѣтилъ Германъ.

— Ахъ, оставь меня въ покоѣ!—запальчиво крикнулъ Франсуа, топнувъ ногою.—Хотятъ, чтобы ѣхалъ, ну, и поѣду.

Германъ зналъ, что значитъ, когда вспылитъ Франсуа, тутъ ужъ никакіе доводы не образумятъ его, и только полетитъ на полъ нѣсколько стакановъ да скомкается нѣсколько тетрадей. Германъ покорился молча печальному рѣшенію...

Черезъ двѣ недѣли были заключены условія съ путешествующимъ пѣвцомъ и піанистомъ концертантомъ, скорѣе ловкимъ мошенникомъ, чѣмъ артистомъ, много говорившимъ о своей родной Италіи, при чемъ казалось, что эта Италія находится очень близко отъ жидовскаго квартала гдѣ-нибудь въ Гамбургѣ или Франкфуртѣ. Съ нимъ мальчикъ отправился въ путешествіе. Путешествіе длилось три мѣсяца. Ѣздили преимущественно по маленькимъ нѣмецкимъ городамъ, старались поспѣть на ярмарки. Концертантъ дѣлалъ все, чтобы сколотить копейку. Онъ печаталъ трехъ-аршинныя афиши, гдѣ крупными буквами значилось:

Дитя-Феноменъ, скрипачъ 10 лѣтъ.

Франсуа было уже тринадцать лѣтъ. На другихъ афишахъ печаталось:

Digitized by Google

Въ послѣдній разъ небывалый концертъ

Скрипача-Малютки.

Послѣдній разъ повторялся съ прибавкою на афишѣ объясненія, что послѣдній концертъ повторяется по востребованію публики. Кромѣ концертовъ концертантъ сталъ возить Франсуа въ частные дома богатыхъ помѣщиковъ, фабрикантовъ, коммерсантовъ. Мальчикъ быстро сообразилъ, что это дѣлается за деньги, и потребовалъ своей доли. Произошла бурная сцена. Франсуа объявилъ наотрѣзъ, что онъ не будетъ играть въ частныхъ домахъ, такъ какъ въ контрактѣ этого условія не было.

— Да какъ ты смѣешь, Halunke!—крикнулъ концертантъ и размахнулся рукою, чтобы дать пощечину мальчугану.

— Только смѣйте!—закричалъ въ бѣшенствѣ Франсуа, отскочивъ отъ него.

Онъ схватилъ со стола ножъ и всталъ въ оборонительную позу. Концертантъ отступилъ отъ него.

— Ты что же это съ ножомъ лѣзешь? Убить хочешь?- крикнулъ онъ.

— И убью!—отвѣтилъ мальчуганъ, задыхаясь отъ гнѣва.

— Да вѣдь ты въ тюрьмѣ сгніешь!

— Вамъ тоже не сладко будетъ зарѣзанному-то

— Чертенокъ! Брось ножъ!

— А вы съ кулаками не лѣзьте!

— Ну, хорошо! Поговоримъ...

Начался торгъ. Пришли къ соглашенію, что за игру на частныхъ вечерахъ четверть платы пойдетъ прямо въ руки Франсуа. Дѣло уладилось къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ. У Франсуа начала образовываться порядочная сумма денегъ.

Онъ оказывался такимъ же жаднымъ до нихъ, какъ его патронъ. Патронъ держалъ его впроголодь, но Франсуа, несмотря на дѣтскій аппетитъ, не тратилъ ни гроша изъ своихъ денегъ на лакомства или добавленіе къ столу, отпускаемому концертантомъ. Ложась спать въ тѣсномъ и грязномъ помѣщеніи, занимаемомъ имъ, онъ пересчитывалъ свои деньги. Ему все казалось, что ихъ мало, что ихъ могло бы быть больше. Эти три мѣсяца произвели рѣзкую перемѣну въ мальчикѣ. Онъ выросъ и возмужалъ. Онъ не былъ никогда рѣзвымъ и говорливымъ ребенкомъ; теперь же его сдержанность дошла до послѣднихъ предѣловъ. Онъ къ ней привыкъ, вращаясь среди чужихъ людей, смотрѣвшихъ

Digitized by Google

на него свысока, когда онъ появлялся не на эстрадѣ, не на подмосткахъ. Онъ понялъ, что онъ безъ этого пьедестала—ничто. Въ то же время онъ привыкъ и самъ смотрѣть сверху внизъ на людей, выходить не сразу на вызовы, не особенно низко кланяться на аплодисменты, выслушивать похвалы равнодушно, какъ нѣчто привычное. Онъ сознавалъ уже, что, стоя на эстрадѣ, онъ выше этихъ людей. Они просто люди, а онъ геній. Иногда онъ рѣшался на рѣзкія самолюбивыя выходки. Въ домѣ одного «господина совѣтника» его оставили на ужинъ и указали ему на отдѣльный столъ: онъ поклонился и ушелъ. Черезъ два дня его пригласили играть въ тотъ же домъ, онъ сказалъ своему патрону, что онъ не поѣдетъ, и не поѣхалъ. Хозяйка этого дома, встрѣтивъ его на слѣдующій день на концертѣ въ домѣ «господина президента», спросила его, отчего онъ не пріѣхалъ наканунѣ къ нимъ.

— Не хотѣлъ,—отвѣтилъ онъ коротко и рѣзко.

— Но я надѣюсь, что вы будете у насъ еще играть,—сказала она.

— Нѣтъ, не буду,—отвѣтилъ онъ еще болѣе рѣзко.

Его патронъ вмѣшался въ разговоръ и объяснилъ «госпожѣ совѣтницѣ», что «молодой человѣкъ» былъ оскорбленъ у нея въ домѣ, гдѣ его хотѣли посадить ужинать за отдѣльный столъ.

— Онъ не привыкъ къ такому обращенію даже въ Россіи!—важно замѣтилъ концертантъ.—Онъ артистъ и сынъ артиста, очень цѣнимаго въ Россіи.

— Ахъ, это вышло просто недоразумѣніе!—воскликнула сконфуженная «госпожа совѣтница» и обратилась къ Франсуа:—Ну, помиримтесь. Я пришлю завтра за вами экипажъ и своего сына...

Франсуа снисходительно простилъ ее...

Онъ началъ мало-по-малу входить въ свою роль геніальнаго ребенка и выслушивалъ, какъ нѣчто должное, похвалы окружающихъ. Его хвалили не за одну игру. Имъ восхищались и потому, что онъ былъ красавецъ. Его цѣловали барыни и дарили ему золотыя бездѣлушки, запонки, цѣпочки, часы. Онъ все пряталъ съ алчностью стараго скряги.

— Это все будутъ деньги,—говорилъ онъ, разсматривая подарки.

Когда черезъ три мѣсяца онъ вернулся домой, онъ наскоро поздоровался съ отцомъ и матерью, оставивъ ихъ разсчитываться и ругаться съ концертантомъ, а самъ прошелъ къ брату и, бросившись къ нему на шею, воскликнулъ:

Digitized by Google

— Ну, ты теперь изъ-за меня не умрешь! Вотъ деньги, вотъ вещи! Прячь все! Изъ этого будетъ чѣмъ платить учителю и за себя...

Братъ недоумѣвалъ.

— Да, да, я все узналъ... я много думалъ... я понялъ. Это ты изъ-за меня такъ работаешь, не спишь ночей... Ты и учителямъ платилъ, ты и за то платилъ, чтобы меня не посылали ни къ художникамъ, ни въ циркъ... О, если бы ты зналъ, что я тогда хотѣлъ сдѣлать, когда я все узналъ...

Братъ вопросительно взглянулъ на него.

— Я хотѣлъ разбить эту проклятую скрипку и никогда, никогда больше не играть... Да, да, я бы и сдѣлалъ это... Лучше ее разбить, лучше никогда не играть, только бы ты жилъ!.. На что мнѣ этотъ проклятый даръ безъ тебя?

Братъ молча сжалъ его въ своихъ объятіяхъ и прижался тонкими, блѣдными, пересохшими губами къ его свѣженькимъ, розовымъ губамъ. Оба они, каждый по-своему, были экзальтированы, нервны, склонны къ мелодрамѣ...

IV.

Какъ въ глубокой синевѣ неба проплывали легкія облачка, такъ проносились эти воспоминанія теперь въ головѣ Франсуа. Когда въ его памяти промелькнула послѣдняя сцена, когда онъ вспомнилъ, какъ онъ сказалъ брату, что ему ненуженъ этотъ проклятый даръ, если братъ умретъ, его лицо вдругъ запылало румянцемъ.

— Проклятый даръ, проклятый даръ! Да развѣ онъ одинъ у меня! Мнѣ дано много этихъ проклятыхъ даровъ!—прошепталъ онъ, припомнивъ только что случившееся въ его жизни событіе.

Онъ бѣжалъ сюда именно затѣмъ, чтобы забыть это событіе, чтобы утомить себя физически и заглушить усталостью то, что взволновало его юношескую душу.

Послѣдній годъ былъ для него счастливымъ годомъ. Онъ началъ дѣлаться уже не провинціальною извѣстностью, а столичной. Его имя повторялось въ кружкахъ любителей музыки, ему пророчили въ будущемъ славу, его наперерывъ приглашали на разные концерты и въ музыкальныя собранія. Успѣхи начинали его опьянять, и онъ гнался за ними, сіяя гордостью и радостью, когда его окружала рукоплещущая толпа, когда люди наперерывъ старались услужить ему, завербовать его въ число своихъ знакомыхъ. Онъ жадно ловилъ шопотъ одобренія, онъ волновался, слыша похвалы.

Digitized by Google

своему таланту, своей красотѣ. Красотѣ? Да. О ней ему говорили съ дѣтства, ею восхищались уже въ то время, когда онъ не понималъ, чему удивляются эти люди, мужчины и женщины, осматривая его, какъ какое-то чудо. Теперь онъ сознавалъ, что на немъ все чаще и чаще останавливаются женскіе взгляды съ какимъ-то страннымъ смущавшимъ его выраженіемъ, и онъ невольно опускалъ глаза. Но, тѣмъ не менѣе, онъ заботился о фасонѣ своихъ бархатныхъ пиджаковъ, о бѣлизнѣ своихъ откидныхъ воротничковъ, о красотѣ бантовъ бѣлыхъ галстуковъ. Онъ хотѣлъ быть красивымъ, изящнымъ, ловкимъ. И онъ былъ такимъ. Это признавали всѣ и въ особенности женщины. Иногда, среди массы рукопожатій, онъ ощущалъ какія-то страстныя рукопожатія женскихъ рукъ и, поднимая глаза, видѣлъ передъ собой лица, опять и опять смущавшія его страстными взглядами. Наконецъ, онъ помнитъ вечеръ: одна молодая женщина, нарядная, прекрасная, вся пропитанная ароматомъ фіалокъ, предложила ему довезти его съ концерта домой въ своей каретѣ. У него разгорѣлось теперь лицо отъ этого воспоминанія, губы сдѣлались сухи, ему стало жутко и сладко. Въ воображеніи же все ярче и ярче рисовалась картина первыхъ женскихъ поцѣлуевъ, ласкъ, страстныхъ признаній. Въ немъ, почти еще ребенкѣ, никогда даже еще не мечтавшемъ о любви, вызвали сладострастныя чувства, пробудили животные инстинкты, научили его разврату. Онъ былъ тогда похожъ на пьянаго, на обезумѣвшаго человѣка, онъ весь горѣлъ, какъ въ огнѣ, и въ то же время онъ чувствовалъ такое безконечное блаженство. Страстный по натурѣ, отдавшійся съ болѣзненнымъ увлеченіемъ музыкѣ, онъ теперь нашелъ новый источникъ удовлетворенія своей страсти и жадно припалъ къ этому источнику. Весь еще полный этого блаженства, сіяющій и радостный, вернулся онъ домой и бросился въ комнату, гдѣ онъ жилъ съ братомъ. Ему хотѣлось и плакать, и смѣяться, и сжать въ своихъ объятіяхъ брата съ крикомъ:

— Германъ, Германъ, какъ я счастливъ!

Онъ шумно распахнулъ дверь и увидалъ брата полулежащаго на креслѣ съ закрытыми глазами, съ помертвѣлымъ лицомъ, съ похолодѣвшими руками. На столѣ лежалъ платокъ съ пятнами крови, около кресла на полу были кровавыя пятна.

— Германъ, Германъ, что съ тобой?—крикнулъ Франсуа, блѣдный, какъ полотно.—Ты раненъ?

Digitized by Google

— Воды!—слабо проговорилъ братъ.

Франсуа быстро принесъ воды.

— Не волнуйся... Это ничего... Пошла кровь горломъ, сдѣлалось дурно... Это пустяки!—шепталъ братъ Германъ, глотая воду.

Онъ силился улыбнуться.

— Господи, какой я негодяй! Ты изъ-за меня убиваешь себя работой, а я... а я...

Франсуа смолкъ и порывисто припалъ къ рукѣ брата губами.

— Что ты, голубчикъ!—заволновался братъ.

— Прости меня, прости, что я такой эгоистъ!—страстно говорилъ юноша.—Вотъ я проклиналъ отца и мать, что они эксплоатируютъ меня, а я самъ... Развѣ я не высасываю твою кровь, не убиваю тебя...

— Франсуа!

— Нѣтъ, нѣтъ, будь проклятъ этотъ даръ!.. Къ чорту музыку, къ чорту все, ненужное никому!

Братъ Германъ сжалъ руку Франсуа и съ мягкой улыбкой проговорилъ ему:

— Дитя, ты самъ не знаешь, что ты говоришь... Въ мірѣ все такъ и должно идти: тысячи мелкихъ эгоистовъ стараются эксплоатировать всякую чужую силу и тысячи честныхъ тружениковъ должны погибнуть въ трудѣ, чтобы спасти и воспитать одного генія...

Франсуа широко открылъ глаза, и ему стало точно жутко, точно холодно? Неужели братъ убѣжденъ въ истинѣ этихъ взглядовъ. Неужели именно такъ устроенъ міръ? Нѣтъ, не можетъ быть, у брата такъ, какъ-то случайно, сорвались съ языка эти фразы. Но вотъ ему вспоминаются дни, когда братъ былъ боленъ и почти не выходилъ изъ дома, Франсуа проводилъ все время около его постели, и больной говорилъ съ нимъ, нерѣдко возвращаясь къ той же темѣ. Когда Франсуа сознался ему въ томъ, что съ нимъ случилось, братъ Германъ замѣтилъ:

— Та же эксплоатація чужихъ силъ, чужихъ способностей, чужихъ дарованій. Только ты береги себя. Такихъ женщинъ найдется много. Имъ нужны твои ласки, потому что ты молодъ, здоровъ, красивъ собою. Имъ нѣтъ и дѣла до того, что на нихъ ты можешь растратить все, и здоровье, и молодость, и талантъ. Не мало геніевъ погибло этимъ путемъ...

Потомъ онъ сталъ развивать цѣлую теорію этой эксплоатаціи людьми чужой силы, въ какомъ бы видѣ она ни про-

Digitized by Google

вилась. Лемы эксплоатировали красоту и правильное тѣлоложеніе Франсуа. Художники тоже эксплоатировали въ этомъ отношеніи ребенка, не справляясь, не устаетъ ли онъ, не оябнетъ ли на ихъ сеансахъ, не вредитъ ли это его развитію, зне отнимаетъ ли времени у ученья. Потомъ у мальчика явились музыкальныя способности, и всѣ, кто могъ, на свой ладъ, стали эксплоатировать эти способности, не заботясь объ ихъ развитіи и усовершенствованіи; если же объ этомъ и заботились, то только во имя бо́льшихъ барышей. Потомъ юноша подросъ красавцемъ, и нашлась уже женщина, воспользовавшаяся его красотой, хотя онъ былъ чуть не мальчикъ. Что ей за дѣло до послѣдствій этого для него; ей хотѣлось насладиться прелестью первыхъ страстныхъ поцѣлуевъ неопытнаго юноши, вотъ и все. И на каждомъ шагу встрѣчается то же. Сотни и тысячи женщинъ губятъ юношей, потому что эти юноши красивы. Сотни и тысячи мужчинъ дѣлаютъ то же относительно женщинъ. Эта эксплоатація чужихъ силъ во имя эгоистическихъ стремленій повторяется во всѣхъ видахъ, во всѣхъ сферахъ. Съ другой же стороны, никакія геніальныя способности не могутъ развиться, если для генія не принесутъ сотенъ жертвъ простые малодаровитые труженики, чернорабочіе. Что вышло бы изъ способностей Франсуа, если бы онъ бѣгалъ въ школу и на уроки, дѣлалъ бы черную работу и терпѣлъ бы лишенія, не имѣлъ бы учителей и не имѣлъ бы возможности въ будущемъ кончить свое образованіе за границей? Простой самоучка-музыкантъ, человѣкъ съ большими способностями и съ полнымъ отсутствіемъ музыкальныхъ знаній, техники, развитія. Братъ Германъ принесъ ему въ жертву себя, но не онъ одинъ долженъ ему принести себя въ жертву. Тысячи тружениковъ должны работать въ потѣ лица, чтобы онъ, Франсуа, могъ собрать на концертѣ деньги въ свою пользу и продолжать свое музыкальное развитіе, не занимаясь чернымъ трудомъ.

— Да, тысячи людей эксплоатируютъ силу, и эта сила эксплоатируетъ, въ свою очередь, тысячи людей. Это вѣчный законъ природы!— говорилъ Германъ.—Я много объ этомъ думалъ, я пришелъ къ убѣжденію, что этотъ законъ господствуетъ вездѣ и во всемъ, что иначе не можетъ и быть.

Эти слова, эти мысли молотомъ стучали въ головѣ Франсуа.

Неужели братъ правъ? Неужели таковы законы природы? Вотъ она, эта природа, вѣчно живая, вѣчно обновляющаяся,

Digitized by Google

никогда не умирающая. Какъ благодатно дышитъ она ему въ лицо свѣжимъ, ароматнымъ воздухомъ. Какой гармоніей она услаждаетъ его слухъ. Нѣтъ, не могутъ быть у нея такіе страшные законы. Эти законы выдумали люди. Можно жить иначе, не эксплоатируя другихъ, не позволяя эксплоатировать себя. Онъ хотѣлъ вѣрить въ это и вѣрилъ въ эту минуту. Онъ станетъ самъ давать уроки, чтобы не жить на счетъ брата, изнемогающаго подъ бременемъ труда за двоихъ. Ему будутъ платить хорошія деньги. Въ то же время онъ будетъ продолжать свое образованіе, свое развитіе. Онъ чувствуетъ, что онъ сила, и онъ будетъ этой силой, сдѣлается ею, не тяготя никого. Онъ скопитъ деньги и поѣдетъ за границу кончать образованіе и захватитъ съ собой брата. Да, непремѣнно захватитъ его, чтобы поправить, залѣчить его недуги, пріобрѣтенные имъ ради него. Его ждетъ слава, счастье, рукоплесканія и поклоненіе толпы. Вотъ ярко освѣщенная зала, въ ней собрались лучшіе представители цивилизованнаго міра, всѣ они ждутъ только его выхода, онъ выходитъ и стономъ стоятъ въ залѣ рукоплесканія и крики, къ его ногамъ летятъ лавровые вѣнки и цвѣты. Онъ сладко улыбался, видя этотъ радужный сонъ. Его грудь дышала ровно и спокойно. Молодость и природа сдѣлали свое дѣло и разогнали мрачныя думы, успокоили разстроенные нервы...

— Чортъ возьми! Комары спать помѣшали! Всего искусали подлецы!—послышалось вдругъ надъ его ухомъ.

Онъ лѣниво открылъ глаза. Его юный товарищъ уже сидѣлъ и съ ожесточеніемъ скребъ ногтями лицо и руки. Франсуа тоже поднялся и сталъ протирать глаза, точно не сознавая, какъ онъ очутился прямо изъ блестящаго зала здѣсь въ лѣсу.

— И муравьевъ здѣсь сколько, страсть!—продолжалъ товарищъ.—Вонъ сколько передавилъ ихъ,—указалъ онъ прутикомъ на сухую почву.—Къ платью даже пристали. Тоже хорошее мѣсто выбрали. Чуть не на муравейникѣ улеглись...

Франсуа совсѣмъ очнулся и поднялся съ земли во весь ростъ. Его взглядъ какъ-то невольно упалъ на примятое имъ мѣсто на землѣ. Все, что передумалось имъ въ послѣдніе дни, воскресло снова. Въ головѣ опять, какъ молотъ, стучала мысль, что въ мірѣ дѣйствительно одни эксплоатируютъ въ свою пользу силу, а эта сила, въ свою очередь, эксплоатируетъ другихъ, что если комары высасываютъ кровь изъ человѣка, то онъ въ свою очередь ради своихъ удобствъ

Digitized by Google

на каждомъ шагу давить и душить другія живыя созданія, какихъ-нибудь несчастныхъ муравьевъ. Это законъ природы. Легко успокаивать себя сознаніемъ, что иначе не можетъ быть, что этого закона нельзя измѣнить. Но какъ примириться съ мыслью, что нужно высосать послѣднюю каплю крови изъ любимаго брата, чтобы сдѣлаться геніальнымъ артистомъ?

Товарищъ весело напомнилъ ему, что пора идти въ обратный путь, и предложилъ предварительно выкупаться. Они стали спускаться по извилистой и неровной песчаной дорогѣ, проложенной въ лѣсу по направленію къ большому озеру. Молодой спутникъ Франсуа шелъ тихо и задумчиво. Они дошли до озера, раздѣлись и бросились въ воду. Кругомъ не было ни души, зеркальная поверхность озера, окруженнаго темнозеленымъ вѣнцомъ лѣса, была невозмутима; ихъ голоса, всплески ихъ рукъ и ногъ отдавались какъ-то гулко въ прозрачномъ воздухѣ и полномъ затишьѣ. Франсуа мѣрно плылъ, сильно подвигаясь впередъ. Въ его горячей, вѣчно работавшей головѣ пронеслась мысль, что вотъ стоитъ отплыть подальше, не хватитъ больше силъ, судороги сведутъ ноги, пойдешь ко дну и конецъ всѣмъ сомнѣніямъ, всѣмъ вопросамъ. Да, достаточно двухъ-трехъ минутъ и все кончится. Онъ инстинктивно попробовалъ достать ногами до дна и вдругъ ушелъ съ головой въ воду. Черезъ мгновенье онъ былъ уже снова на поверхности воды и весь блѣдный, охваченный ужасомъ, брызгая торопливо руками и ногами, спѣшилъ доплыть до берега. Была минута, когда ему показалось, что онъ не доплыветъ, никакъ не доплыветъ; ему казалось, что его руки и ноги перестаютъ уже повиноваться ему; онъ сталъ дѣлать страшныя усилія, чтобы не утонуть, готовый крикнуть о помощи.

— Фу, чуть не утонулъ!—отрывисто въ волненіи проговорилъ онъ, выскочивъ изъ воды и съ трудомъ переводя духъ.

Его всего охватила страстная жажда жить—жить, во что бы то ни стало.

— Ты не балуй, здѣсь глубоко! Пропадешь ни за грошъ!—крикнулъ онъ товарищу, не оглядываясь, присѣвъ на берегу и отдыхая на пескѣ, залитый лучами солнца.

V.

— Ты совсѣмъ ребенокъ, Франсуа, потому ты и мечтаешь объ урокахъ, о томъ, что ты наживешь ими деньги,—говорилъ Германъ, слушая планы Франсуа, возвратившагося

Digitized by Google

домой.—Правда, твоей игрой восхищаются многіе, но въ учителя тебя не возьметъ еще никто, или возьмутъ тѣ, кто платитъ за уроки гроши. Ты слишкомъ молодъ для роли учителя.

— А вотъ увидимъ,—отвѣтилъ Франсуа.

— Кромѣ того, уроки отнимутъ много времени, а тебѣ нужно учиться и учиться самому. Что ты покуда? Въ сущности, ты вѣдь еще очень неопытный виртуозъ. Тобой восхищаются, потому что ты играешь замѣчательно хорошо для своихъ лѣтъ и для своихъ познаній. Кромѣ того, ты подкупаешь наружностью. За нее прощаютъ многое... Но если ты будешь такъ же играть въ двадцать пять, въ тридцать лѣтъ—тебя заслонятъ сотни, тысячи другихъ музыкантовъ.

— Я же не перестану учиться.

— Полно! Повѣрь мнѣ, кто началъ учить, тотъ пересталъ учиться.

— Это тоже законъ природы?—шутливо спросилъ Франсуа.

— Да, общая участь людей... Ты знаешь, я даже противъ концертовъ, противъ публичной игры въ твои годы... Эти дешевые успѣхи кружатъ голову и приводятъ къ убѣжденію, что ты сдѣлалъ все, что тебѣ больше не къ чему стремиться... Если бы у тебя были дюжинныя способности, я ничего не имѣлъ бы ни противъ уроковъ, ни противъ концертовъ, а изъ тебя можетъ выйти не простой салонный виртуозъ, но артистъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Для этого же нужно знать многое...

Германъ сталъ развивать передъ братомъ свой взглядъ на настоящаго музыканта-художника. Тутъ мало знать теорію и практику музыкальнаго искусства, тутъ нужно и общее образованіе, знаніе исторіи и не только исторіи музыки, но всеобщей исторіи, тутъ нужно знаніе взглядовъ на искусство извѣстныхъ критиковъ, тутъ нужна чисто литературная подготовка, потому что музыкантъ долженъ быть знакомъ и съ поэзіей.

— Быть только виртуозомъ,—говорилъ онъ:—это съ одной стороны жить только для сегодняшняго дня и жить безъ увѣренности въ завтрашній день. Кто тебѣ поручится, что твоя рука всегда будетъ такъ же вѣрна, какъ теперь, что какая-нибудь случайность не парализуетъ твоей силы? И не сведется ли на простое ремесло твое искусство, когда ты будешь только выразителемъ чужихъ идей, чужихъ чувствъ? Не явится ли у тебя мучительное желаніе выразить свою

Digitized by Google

мысль, сказать свое слово? Не будетъ ли эта мысль лишена глубины, не будетъ ли это слово лишено выразительности, если ты будешь мало или односторонне подготовленъ?

Онъ усмѣхнулся своею добродушной, мягкой улыбкой.

— Впрочемъ, что же я тебя убѣждаю,—сказалъ онъ.—Если ты точно артистъ въ душѣ, ты и мѣсяца не выдержишь, чтобы не стремиться все дальше и дальше и чтобъ не отказаться отъ уроковъ.

— Когда безъ нихъ нельзя обойтись?

— Да, даже и тогда... Они тебѣ покажутся хуже каторги, хуже пытки, и ты скорѣе будешь голодать и учиться, чѣмъ учить изъ-за куска хлѣба.

Франсуа нахмурилъ брови.

— Учатъ азбукѣ простые смертные,—сказалъ Германъ:—это наше дѣло, это черное дѣло...

По лицу брата Германа опять скользнула добродушная усмѣшка.

— И жаль мнѣ того ученика, котораго ты будешь учить.

— Это почему?

— Ты его въ концѣ концовъ побьешь.

— Что ты выдумываешь! У тебя все какіе-то особенные законы природы и предвзятыя рѣшенія!

— Это вѣрно, мой милый, и я вовсе не упрекну тебя за это. Это очень естественно. Онъ будетъ терзать твой слухъ диссонансами, тебя будетъ бѣсить его непонятливость, тебѣ захочется, чтобы онъ сразу сдѣлался такимъ же артистомъ, какъ ты, могъ быстрыми шагами идти съ тобою все дальше и дальше. Если же этого не случится, если ты мало-по-малу пріучишься быть терпѣливымъ, втянешься въ это дѣло и сдѣлаешься, наконецъ, ремесленникомъ, такъ какъ настоящій учитель долженъ быть простымъ ремесленникомъ, то горе тебѣ! Ты перестанешь быть тѣмъ, что ты есть или чѣмъ ты можешь быть. Тебѣ, можетъ-быть, покажется страннымъ, что я тебѣ скажу, но это истина. Я вотъ уже нѣсколько лѣтъ читаю корректуру и, каждый день просматривая безграмотный наборъ и безграмотныя рукописи, я иногда становлюсь втупикъ, какъ правильно написать то или другое слово. Провѣряя массы ученическихъ задачъ по математикѣ, я на сотой задачѣ начинаю не сразу усматривать ошибки и соображать, какой нужно подвести итогъ. Сдѣлавшись ремесленникомъ, учителемъ, ты потеряешь частицу тонкости слуха и быстроты его, если можно такъ выразиться.

Digitized by Google

Но Франсуа все-таки не отказался отъ своего плана и взялъ первый попавшійся урокъ.

Возвратившись домой уже со второго урока, онъ назвалъ своего ученика тупицей. Послѣ третьяго урока онъ говорилъ, что ему дали учить какого-то идіота. На четвертомъ урокѣ онъ такъ затопалъ на ученика ногами, что тотъ разревѣлся. Франсуа самъ бѣсился на себя, но переломить себя, сдержаться отъ вспышекъ не могъ. Но этого мало было. Онъ самъ сознавалъ, что онъ слишкомъ торопится впередъ, слишкомъ нетерпѣливо подгоняетъ ученика, еще не усвоившаго ничего основательно. Это удивляло даже его самого, такъ какъ онъ самъ, изучая что-нибудь, выказывалъ необыкновенное терпѣніе, настойчивость и упорство, не отступая ни передъ какими трудностями, пока не одолѣвалъ ихъ. Онъ могъ сотни разъ повторять одно и то же, пока не добивался до виртуозной передачи труднаго пассажа. Занимаясь же съ ученикомъ, онъ не столько заботился о томъ, чтобы тотъ основательно изучилъ извѣстное правило, сколько о томъ, чтобы тотъ прошелъ эту часть музыкальной азбуки. Сначала онъ еще говорилъ дома объ ученикѣ; потомъ, когда братъ спрашивалъ у него, что дѣлаетъ его ученикъ, онъ отвѣчалъ коротко и презрительно:

— Ничего, пилитъ себѣ!

Онъ чувствовалъ, что онъ ненавидитъ этого ученика, какъ личнаго врага. Ему точно доставляло удовольствіе, наслажденіе возможность доказать этому врагу его бездарность, его тупость. Наконецъ, брату Герману показалось нѣсколько страннымъ, что Франсуа совсѣмъ пересталъ упоминать объ ученикѣ и, повидимому, даже не всегда ходилъ на урокъ.

Германъ спросилъ его, что подѣлываетъ его ученикъ.

— Я вздулъ подлеца смычкомъ по головѣ и ушелъ, — отвѣтилъ Франсуа.

Братъ усмѣхнулся.

— И отлично сдѣлалъ,—сказалъ онъ.

Франсуа немного изумился.

— Я говорилъ тебѣ, что ты слишкомъ артистъ, чтобы быть учителемъ,—отвѣтилъ Германъ:—да и изъ этого мальчишки, вѣроятно, ничего бы не вышло.

— Почему ты такъ думаешь?

— А вотъ, помнишь, когда тебя въ первый разъ прибилъ твой учитель, ты проплакалъ всю ночь и повторялъ только одну фразу: «теперь онъ не станетъ меня больше учить!»

Digitized by Google

Если бы онъ точно не пришелъ на слѣдующій урокъ, ты побѣжалъ бы самъ просить его со слезами продолжать ученье. Я тогда же рѣшилъ, что музыка твое истинное призваніе. Только оно побуждаетъ человѣка переносить все и жертвовать всѣмъ. А твой ученикъ, вѣроятно, только радуется, что отдѣлался отъ колотушекъ...

Такъ окончились попытки Франсуа давать уроки, но онъ не отказался отъ мысли участвовать въ концертахъ и въ музыкальныхъ вечерахъ. Напротивъ того, онъ не пропускалъ ни одного подобнаго случая. Цѣль была одна: нажить деньги, деньги и деньги. Онъ торговался, какъ маклакъ; онъ пряталъ эти деньги, какъ скряга; онъ грызся изъ-за нихъ съ отцомъ и матерью, какъ грызется собака, отстаивая передъ другими псами попавшую ей въ лапы кость. Что онъ умѣлъ быть кулакомъ, тутъ не было ничего удивительнаго: онъ былъ вскормленъ и вспоенъ своими отцомъ и матерью; удивительнѣе было то, что онъ показалъ не юношескую силу характера, не тратя лишняго гроша, лишая себя часто необходимаго. Вечеромъ, когда онъ ложился спать, онъ мысленно считалъ свои капиталы, и съ свѣтлой улыбкой думалъ: «и я, и братъ скоро уѣдемъ за границу; я тамъ закончу образованіе; онъ снова воскреснетъ, мы будемъ счастливы». Иногда онъ приходилъ въ такой восторгъ, что начиналъ горячо цѣловать полуспящаго брата, шепча ему:

— Погоди, мы будемъ счастливы!

Братъ добродушно улыбался, но онъ сильно кашлялъ.

VI.

Франсуа казалось, что у него все еще мало денегъ для путешествія. День отъѣзда онъ все еще отдалялъ, желая уѣхать съ болѣе достаточными средствами, хотя, повидимому, онъ могъ уѣхать хоть на слѣдующій день, такъ какъ онъ даже списался съ разными тетками и дядями, живущими за границею. Въ Италіи, во Франціи, вездѣ онъ и его братъ могли на первое время найти если не даровой, то дешевый пріютъ. Герману становилось все хуже и хуже. Наконецъ Германъ не выдержалъ и сказалъ Франсуа:

— Нѣтъ, довольно ждать, торопись уѣхать... Мои дни сочтены, а твоя жизнь впереди. Не уѣдешь при моей жизни, послѣ будетъ труднѣе вырваться изъ этого ада... У тебя много страстности, но у тебя нѣтъ силы воли, твердости характера. Когда тебѣ станутъ противорѣчить, ты можешь

Digitized by Google

убить другихъ и себя, но твердо поставить на своемъ не сумѣешь. Тебѣ нужно уѣхать отсюда до моей смерти...

— Германъ, голубчикъ, что ты говоришь?—воскликнулъ Франсуа.—Развѣ я могу оставить тебя? Развѣ я допущу тебя умереть? Ты еще будешь жить...

Германъ улыбнулся.

— Хорошо, хорошо, но торопись... Здѣсь болѣе нельзя оставаться... Безъ меня они опутаютъ тебя сѣтями.

— Ну, этого-то не будетъ... не удастся сдѣлать...

— Ребенокъ! Развѣ ты можешь предвидѣть все, на что они способны... Если ты не послушаешь ихъ, они найдутъ кого-нибудь, кого ты послушаешь...

— Найдутъ? Кого?

— Развѣ мало женщинъ!.. Нѣтъ, уѣзжай скорѣе!..

— Ну, хорошо! Кое-что у меня сколочено, свѣтъ не клиномъ сошелся; да намъ и хватитъ на первое время... Я списался съ тетушкой Мари въ Парижѣ... Дядя Антоніо пишетъ, что намъ всегда готово даровое помѣщеніе въ монастырѣ...

Германъ съ улыбкой замѣтилъ:

— Извѣстно, на землѣ нѣтъ такого уголка, гдѣ бы у Лемовъ не было родныхъ или друзей... Черезъ однѣхъ кокотокъ со всѣмъ міромъ перероднились...

Потомъ онъ серьезно прибавилъ:

— Но для тебя это счастье... Артистъ безъ знакомствъ и связей гибнетъ...

О себѣ онъ только думалъ: «мои же дни уже сочтены».

Франсуа сталъ собираться въ дорогу, все-таки вполнѣ не сознавая, какъ опасно положеніе Германа. Нѣсколько лѣтъ тотъ выносилъ пытки, оберегая его, и заговорилъ объ отъѣздѣ, когда у него самого не стало силъ. Только послѣ, только отрывочно узналъ Франсуа, что дѣлалось дома въ эти годы. Въ эти годы Германъ былъ неусыпнымъ стражемъ спокойствія Франсуа. Онъ былъ громоотводомъ, отводившимъ отъ него удары семейныхъ грозъ. Каждый разъ, выдержавъ битву съ отцомъ и съ матерью за то, что Франсуа мало даетъ денегъ, что онъ не хочетъ искать мѣста въ театрѣ, что онъ хочетъ ѣхать за границу, Германъ думалъ: «Если бы онъ вынесъ половину этихъ бурь, онъ не могъ бы учиться спокойно».

Потомъ ему приходило въ голову:

— Если бы онъ зналъ, что я выношу за него, онъ давно разбилъ бы свою скрипку, бросилъ бы свое фортепіано

Digitized by Google

и не учился бы больше, чтобъ спасти меня отъ этихъ сценъ.

Иногда ему приходила въ голову мысль уговорить брата ѣхать за границу безъ него, но тотчасъ же онъ рѣшалъ, что братъ одинъ не поѣдетъ.

— Если бы я хоть притвориться могъ здоровымъ, а такъ онъ не оставитъ меня.

Онъ рѣшился заговорить объ отъѣздѣ только тогда, когда онъ почувствовалъ въ груди смерть.

— Все равно, дорого я не обойдусь ему теперь, не буду долго тяготить его, а тамъ хоть умру спокойно, не видя домашнихъ сценъ и зная, что онъ свободенъ...

Братья рѣшились ѣхать въ Италію, заѣхавъ сперва на недѣльку въ Парижъ. Франсуа непремѣнно хотѣлъ взглянуть на эту столицу Европы. Потомъ братья должны были пробраться въ Римъ. Тамъ Франсуа могъ учиться, а Германъ поправить здоровье. Дядя Антоніо писалъ имъ, что отъ его монастыря до Рима рукой подать. Въ этомъ монастырѣ рѣшено было провести года полтора, чтобы поправить здоровье Германа.

«Я тамъ умру»,—мысленно рѣшилъ Германъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, оба брата были полны надеждъ: одинъ надѣялся на жизнь, другой—на смерть.

Въ Берлинѣ Герману сдѣлалось такъ худо, что пришлось позвать доктора.

— Вы куда ѣдете? — спрашивалъ у Франсуа докторъ, приглашенный имъ къ Герману.

— Въ Парижъ,—отвѣтилъ Франсуа.—На недѣлю, на двѣ... У насъ тамъ родные есть...

— Но вашъ братъ тамъ не поправится,—сказалъ докторъ.

Франсуа посмотрѣлъ на него, точно онъ не понялъ его.

— Мы вѣдь недолго тамъ пробудемъ,—сказалъ онъ.

— Все равно, это гибельно повліяетъ на него,—отвѣтилъ докторъ.

— Вы находите его болѣзнь опасной?

— О, очень, очень серьезной...

Франсуа поблѣднѣлъ.

— Можетъ-быть, югъ Италіи могъ бы еще помочь,—сказалъ докторъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть! Значитъ, вы не надѣетесь даже, что онъ и тамъ поправится?

— Я не знаю... все зависитъ отъ организма... Но онъ очень опасно боленъ...

Digitized by Google

Впервые Франсуа понялъ, что братъ смертельно боленъ. По его тылу пробѣжала дрожь. Вѣдь это все изъ-за него. Не будь его—братъ жилъ бы спокойно, счастливо, не изнемогая отъ усталости. Онъ не измучилъ бы себя и тогда, если бы онъ, Франсуа, былъ обыкновеннымъ смертнымъ, если бы у него не было этого проклятаго дара! Онъ съ ненавистью взглянулъ на свою скрипку. Онъ ее разобьетъ въ куски, если братъ умретъ. Да нѣтъ, докторъ ошибается! Не можетъ быть, чтобы братъ былъ безнадежно боленъ. Надо скорѣй, скорѣй ѣхать въ Италію, употребить всѣ силы, чтобы спасти больного. У нихъ хватитъ средствъ прожить скромно годъ: наконецъ, въ монастырѣ, по словамъ дяди, ихъ пріютятъ даромъ. Ну, а тамъ братъ поправится, непремѣнно поправится...

Франсуа торопился выѣхать изъ Берлина, и на другой же день послѣ отъѣзда онъ былъ обрадованъ происшедшей въ Германѣ перемѣной. Германъ вдругъ какъ будто повеселѣлъ.

— Странное дѣло, — сказалъ онъ Франсуа. — Я сегодня отлично уснулъ, и мнѣ вдругъ сдѣлалось легче... Знаешь ли что: мнѣ кажется, что я ошибался, предполагая, что у меня чахотка... Если бы это была чахотка, грудь не переставала бы болѣть, а теперь у меня нѣтъ никакой боли...

По его лицу скользнула свѣтлая улыбка.

— Какъ это странно все устроено на свѣтѣ, — продолжалъ онъ тихо и задумчиво.—Недавно еще мнѣ очень хотѣлось умереть, а теперь вотъ стало легче, и я чувствую, какъ мнѣ дорога жизнь... И знаешь, что я придумалъ: ты поѣдешь куда-нибудь учиться—въ Парижъ, въ Римъ или въ Миланъ, а я останусь въ монастырѣ... Тамъ меня пріютятъ если не даромъ, та за дешевую плату... Ну, поправлюсь я, тогда соединимся вмѣстѣ...

— Да ты точно теперь чувствуешь себя хорошо?—спросилъ Франсуа, недовѣрчиво вглядываясь въ его исхудалое лицо.

— Отлично... Слабъ я, правда, очень, въ потъ все бросаетъ, но боли нѣтъ нигдѣ... нигдѣ...

У Франсуа тоже воскресла надежда. Онъ нетерпѣливо ждалъ той минуты, когда они доѣдутъ до цѣли. Германъ тоже постоянно заглядывалъ въ путеводитель и справлялся, сколько дней, сколько часовъ оставалось имъ ѣхать. Наконецъ, они доѣхали до Рима, оставалось сдѣлать только небольшой переѣздъ въ экипажѣ до монастыря.

Digitized by Google

— Не отдохнуть ли здѣсь денекъ?—спросилъ Франсуа.

— Зачѣмъ? Ты видишь, я совсѣмъ бодръ!—сказалъ Германъ и прибавилъ въ раздумьи:—Да, нуженъ былъ только душевный отдыхъ, чтобы все прошло... А я-то все думалъ о чахоткѣ!.. И какъ это я могъ желать смерти, когда можно жить... и жить среди такой природы!

Онъ съ восторгомъ впивалъ теплый мягкій воздухъ...

— Вотъ и монастырь, — сказалъ онъ, смотря впередъ полупотухшими глазами.

Они подъѣхали къ старинному зданію монастыря. Франсуа выскочилъ изъ экипажа. Не прошло и пяти минутъ, какъ ихъ впустили за каменную ограду. Ихъ родственникъ, дѣйствительно, занималъ въ монастырѣ видное мѣсто. Это былъ не молодой, но здоровый и краснощекій монахъ съ кроткимъ выраженіемъ смиренія на лицѣ, съ чувственными чертами лица. Онъ уже ждалъ молодыхъ родственниковъ и любезно сказалъ, что имъ приготовлено помѣщеніе. Онъ встрѣтилъ ихъ очень ласково и со вздохомъ сказалъ:

— Да, да, ваша мать почти на моихъ рукахъ выросла... Красавица была. Ахъ, какая красавица! Ты, Франсуа, очень похожъ на нее...

Старикъ съ странной улыбкой потрепалъ Франсуа по щекѣ, точно въ его головѣ прошло воспоминаніе, какъ онъ трепалъ по розовой щечкѣ мать этого юноши.

— Совсѣмъ какъ она, совѣмъ такой же, — шепталъ онъ и какъ-то особенно нѣжно поцѣловалъ юношу съ легкимъ вздохомъ.

Какой-то давно потухшій огонекъ снова на минуту вспыхнулъ въ глазахъ старика...

Онъ былъ французъ изъ Марселя, но говорилъ теперь на ломаномъ французскомъ языкѣ, привыкнувъ давно къ итальянскому языку. Братья прошли въ отведенную имъ комнату. Германъ не переставалъ восхищаться воздухомъ, видами, данной имъ комнатой. Онъ только о томъ и говорилъ, что онъ теперь воскресъ, что онъ не понимаетъ, какъ онъ могъ желать смерти, какъ онъ страстно теперь хочетъ жить. И въ то же время онъ съ улыбкой замѣчалъ, успокаивая себя, что у него никогда и не было чахотки, что онъ просто утомленъ.

На слѣдующій же день Германъ сидѣлъ у открытаго окна, весь залитый и согрѣтый яркимъ итальянскимъ солнцемъ. Онъ сидѣлъ съ полузакрытыми глазами, откинувъ голову на спинку кресла. Старикъ дядя зашелъ къ нимъ тот-

Digitized by Google

часъ послѣ утренней службы и заговорилъ съ Франсуа, посматривая во время разговора на Германа. Тотъ продолжалъ дремать, повидимому, не слыша и не видя никого. Отецъ Антоніо обратился тихо къ Франсуа съ вопросомъ:

— Давно онъ *такъ* нездоровъ?

— О, давно... Ему теперь еще лучше...

Старикъ усмѣхнулся кроткой улыбкой.

— Я никакъ не думалъ, что онъ такъ опасенъ, когда читалъ его и твои письма...

— Но развѣ онъ опасно боленъ... Ему лучше...

— Я думаю, что исповѣдать и пріобщить его нужно сегодня же.

Франсуа вскочилъ въ испугѣ съ широко раскрытыми глазами.

— Тише!—остановилъ его мягкимъ движеніемъ дядя.— Ты можешь его испугать, и онъ умретъ внезапно....

Франсуа, весь блѣдный, весь похолодѣвшій, пробормоталъ:

— Да развѣ вы думаете, что онъ... Ему лучше...

Отецъ Антоніо, набожно поднявъ глаза къ небу, со вздохомъ проговорилъ:

— Мы такъ часто напутствуемъ умирающихъ, что знаемъ безошибочно, долго ли живутъ люди въ такомъ положеніи.

У Франсуа блеснули на глазахъ слезы.

— Но вѣдь онъ надѣется... онъ думаетъ, что онъ будетъ жить... Его убьетъ, если ему сказать объ исповѣди...

Дядя улыбнулся опять той же мягкою улыбкою.

— Мы скажемъ, что исповѣдываться и пріобщаться у насъ долженъ каждый, поселяющійся въ монастырѣ... Эта ложь не оскорбитъ Бога, такъ какъ она дѣлается для спокойствія человѣка...

Потомъ онъ тихо подошелъ къ Герману. Германъ открылъ съ трудомъ глаза и, точно вздохнувъ глубокимъ вздохомъ, медленно прошепталъ:

— Какъ здѣсь хорошо!

Потомъ онъ глубже опустился въ кресла, его вѣки упали на глаза, голова опустилась на грудь, по тѣлу пробѣжала легкая дрожь. Въ эту минуту Франсуа хотѣлъ подойти къ брату. Дядя тихимъ движеніемъ руки остановилъ его, поднялъ къ синему, безоблачному небу глаза и тихо сталъ читать молитву объ успокоеніи души усопшаго...

Digitized by Google

НЕ НАМЪ СУДИТЬ.

I.

Время было полуденное. На дворѣ стоялъ одинъ изъ свѣтлыхъ солнечныхъ ноябрьскихъ дней съ недавно выпавшимъ ослѣпительно бѣлымъ снѣгомъ, съ легкимъ морозцемъ, безъ малѣйшаго вѣтра. Въ богатомъ, заново отдѣланномъ каменномъ домѣ генерала Истомина, въ Большой Конюшенной, красивый и франтоватый швейцаръ только что смахнулъ пыль съ многочисленныхъ мраморныхъ и чугунныхъ украшеній парадnаго подъѣзда, оглядѣлъ еще разъ лѣстницу, все ли въ порядкѣ, и, растопивъ дрова въ каминѣ, удобно усѣлся на стулъ у подзеркальнаго стола, чтобы приняться за обычное чтеніе газетъ. Онъ не успѣлъ прочитать и десяти строкъ о козняхъ князя Бисмарка, какъ входная дверь подъѣзда отворилась, и въ ней показалась фигура какой-то посѣтительницы. Швейцаръ неторопливо обернулъ голову, окинулъ глазами съ головы до ногъ входившую незнакомую ему женщину, какъ бы рѣшая мысленно, кто она и зачѣмъ пришла, и грубовато спросилъ:

— Вамъ кого?

— Къ Аннѣ Ивановнѣ,—коротко отвѣтила незнакомка и пріостановилась, чтобы перевести духъ.

Это была невысокая коренастая старушка съ круглымъ, румянымъ лицомъ, съ бѣлыми, какъ серебро, волосами, въ поношенномъ, крытомъ сатенъ-тюркомъ, старомодномъ салопѣ на лисьемъ мѣху и въ черной, помятой шляпкѣ, походившей на старушечій чепецъ.

— Ихъ превосходительство по дѣламъ сегодня не принимаютъ,—отвѣтилъ швейцаръ, опуская газету на колѣни, но

Digitized by Google

не поднимаясь съ мѣста.—Приходите завтра до десяти часовъ утра. До десяти часовъ принимаютъ.

Онъ опять хотѣлъ взяться за газету, но старуха и не думала уходить.

— Да я не по дѣламъ вовсе,—отвѣтила она, направляясь къ лѣстницѣ, и прибавила: — Ты, вѣрно, недавно здѣсь? Петръ отошелъ развѣ?

Швейцаръ немного разсердился.

— Никакого я Петра не знаю, а вамъ говорятъ, что не приказано принимать, значитъ нечего и идти. Эхъ, вы! Ну, пройдете здѣсь, тамъ откажутъ. Чего же хотите?..

Онъ съ недовольнымъ видомъ приподнялся со стула, повидимому, готовясь заградить ей дорогу. Она не разсердилась, не прикрикнула на него, а только благодушно, почти весело улыбнулась, что-то сообразивъ. Ея старомодный нарядъ уже не разъ бывалъ причиною разныхъ недоразумѣній между нею и столичными мелкими чиновниками, писарями, лакеями, швейцарами и тому подобнымъ людомъ, раздѣляющимъ человѣчество на разные разряды только по ливреѣ, по формѣ, по платью. Она хотѣла уже объяснить швейцару, кто она, какъ дверь подъѣзда снова отворилась, и въ нее вошелъ, гремя шпорами и саблей, невысокій ростомъ, щеголеватый, какъ модная кукла, гвардейскій офицеръ, съ застывшимъ на лицѣ выраженіемъ пренебрежительнаго высокомѣрія и холоднаго равнодушія. Увидавъ старушку, онъ по привычкѣ немного прищурилъ сѣрые, какъ свинецъ, глаза, чтобы лучше всмотрѣться въ нее, и потомъ протянулъ ей руку.

— Ma tante, вы какъ здѣсь?—проговорилъ онъ.—Давно пріѣхали?

— Да вотъ вчера изъ своего Чернеца прибыла сюда и пробираюсь къ Анютѣ,—отвѣтила старуха, пожимая руку молодого человѣка и всматриваясь въ свою очередь въ его лицо немного выцвѣтшими, но еще зоркими черными глазами.—А ты, Жоржъ, все такой же. Цвѣтешь, не старѣешь...

— Съ чего старѣть?—сказалъ онъ съ усмѣшкой, похожей на легкую гримасу, и заторопилъ ее:—Пойдемте же, Annette будетъ вамъ очень рада.

Она съ озабоченнымъ видомъ, немного сдвинувъ сѣдыя брови, отчего между ними залегла характерная глубокая складка, проговорила по-французски:

— А я по дѣлу нашего Александра. Что это съ нимъ? Совсѣмъ меня, какъ громомъ, поразило извѣстіе о его бѣдѣ.

Digitized by Google

Молодой человѣкъ, опять сдѣлавъ гримасу, небрежно пожалъ плечами.

— Старая пѣсня, ma tante?

— Ну, для васъ, можетъ-быть, старая, а для меня... Какъ-ни-какъ, а человѣкъ гибнетъ... И какъ это вы здѣсь его не оберегли, не поддержали. Вѣдь на глазахъ у васъ погибалъ. Сколько родни, и руки помощи никто не подалъ.

Она поднималась по лѣстницѣ съ молодымъ человѣкомъ и съ горечью и упрекомъ въ голосѣ ворчала на него, на его родныхъ. Онъ только пожималъ плечами и продолжалъ дѣлать презрительныя гримасы.

— Развѣ на него напасешься денегъ? Развѣ ему можно было помочь? Наконецъ, мы не няньки...

И тутъ же, смѣясь беззвучнымъ ироническимъ смѣхомъ, прибавилъ:

— И развѣ онъ одинъ у насъ вотъ гдѣ сидитъ.

Онъ указалъ на свою шею.

— Сегодня вотъ у Annette цѣлый семейный совѣтъ. Дѣло Ольги Протасовой на очереди. Тоже своего рода bêbe noire семьи...

Старуха встревожилась.

— Что еще? Опять какая-нибудь бѣда? Ну, ужъ семейка у васъ!

— Сейчасъ все узнаете.

Швейцаръ не безъ удивленія смотрѣлъ имъ вслѣдъ, слыша, что старуха говоритъ молодому барину «ты» и, повидимому, мылитъ ему голову. Онъ принялъ ее за одну изъ побирушекъ-черносалопницъ, шляющихся къ генеральшѣ Истоминой, и еще слава Богу, что не успѣлъ ее вытолкать за двери. «Исторію нажилъ бы. А чѣмъ онъ виноватъ? Онъ здѣсь человѣкъ новый: не приказано бѣдныхъ не въ пріемные часы принимать, ну, — и не принимаетъ. А она, можетъ-быть, какая-нибудь родственница генеральши изъ захудалыхъ. Много ихъ, какъ видно, такихъ-то у генеральши. По черной лѣстницѣ все больше ходятъ. Тоже господа нынче! Изъ грязи повыщелкались. Одни въ экипажахъ ѣздятъ, другіе безъ калошъ по лужамъ шлепаютъ». Онъ покачалъ головой, неторопливо поправилъ дрова въ каминѣ, прошелъ опять къ столу, стоявшему подъ большимъ зеркаломъ, не безъ удовольствія посмотрѣлъ на свое отраженіе, поправилъ усы и, попрежнему удобно расположившись на стулѣ, снова принялся за прерванное чтеніе газеты.

Передъ молодымъ гвардейцемъ и его спутницей уже рас-

Digitized by Google

пахнулась дверь въ бель-этажѣ. Еще совсѣмъ молодой лакей во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ почтительно снялъ верхнюю одежду посѣтителей. Старушка привѣтливо отвѣтила на его поклонъ и ласково спросила:

— Ну, что, Иванъ, еще не женился?

— Никакъ нѣтъ-съ, Надежда Дмитріевна,—отвѣтилъ онъ, немного покраснѣвъ.

— А я думала, что и дѣтей крестить скоро позовешь. Моя Авдотья говорила, что ты писалъ ей что-то о невѣстѣ.

— Денегъ еще надо прикопить...

— Ну, копи, копи. Женитьба не дурное дѣло.

Она улыбнулась и, сунувъ ему въ руку какую-то мелочь, направилась въ комнаты вслѣдъ за племянникомъ, поморщившимся отъ ея фамильярнаго обращенія съ лакеемъ.

Бѣлая зала съ небольшой концертной эстрадой, гостиная съ синей шелковой мебелью, съ массой цвѣтовъ, бронзы, картинъ, столовая съ тяжелой дубовой мебелью, съ рѣзными дубовыми стѣнами и потолкомъ, небольшой зимній садъ, видиѣвшійся изъ столовой сквозь выходившія въ него стеклянныя двери и два окна,—все это говорило о богатствѣ жившихъ здѣсь людей, объ ихъ привычкѣ къ удобствамъ и къ роскоши.

Посѣтители застали хозяйку дома въ столовой. Увидавъ ихъ, она поднялась съ мѣста и легкой походкой, какъ молодая дѣвушка, съ привѣтливой улыбкой подошла къ старушкѣ.

— Ma tante, вы ли это? Какъ всегда, являетесь во-время!— проговорила она и немного наклонила голову, чтобы поцѣловать старуху.

Аннѣ Ивановнѣ Истоминой было лѣтъ подъ сорокъ, но ее все еще звали въ ея кругу «красавицей Истоминой». Бѣлокурая, голубоглазая, несклонная къ излишней полнотѣ, дѣвственно стройная, она принадлежала къ числу счастливыхъ своей душевной ясностью и невозмутимостью, а потому долго не старѣющихся женщинъ. При видѣ старушки, ея лицо слегка озарилось ясною и мягкою улыбкою и на минуту утратило отличавшее его обыкновенно выраженіе привычной свѣтской сдержанности и холодности.

— А ты все такая же,—сказала тетка, любуясь ея лицомъ и съ материнской нѣжностью смотря на нее.

Къ посѣтительницѣ, между тѣмъ, подошли еще двѣ женщины,—немолодыя, но еще бодрыя, съ сѣдыми буклями на вискахъ, съ претензіей казаться миловиднѣе и моложе

Digitized by Google

своихъ лѣтъ, похожія одна на другую, какъ родныя сестры-погодки. Обѣ онѣ, по родственному, расцѣловались со старушкой, хотя по лицу одной изъ сестеръ, отличавшейся отъ другой только тѣмъ, что на ея головѣ не было ни чепца, ни кружевъ, тутъ же скользнула насмѣшливая, плутоватая улыбка при взглядѣ на старомодный костюмъ старухи.

— Жоржъ сказалъ, что у васъ тутъ совѣщаніе,—замѣтила посѣтительница, развязывая ленту у шляпки.

— Да, да, ma tante! Семейный совѣтъ. Садитесь и рѣшайте!—отвѣтила Истомина, занимая снова свое мѣсто хозяйки у стола.

Обѣ пожилыя дамы тоже присѣли къ столу. Молодой гвардеецъ помѣстился возлѣ одной изъ нихъ, и тотчасъ же между ними завязался оживленный разговоръ въ полголоса.

Надежда Дмитріевна неторопливо сняла шляпку, положила ее на стулъ, повѣсила на рѣзную высокую спинку этого стула небольшой потертый сакъ-вояжъ и, оправивъ бѣлый чепецъ съ густою рюшью и выбившіеся изъ-подъ него бѣлые, какъ серебро, волосы, присѣла къ столу, наъ противъ хозяйки.

— Прежде всего, дай кофе,—сказала она, обращаясь къ Истоминой:—а потомъ говори о вашихъ глупостяхъ.

По лицу пожилой дамы, усмѣхнувшейся при взглядѣ на нарядъ старушки и теперь перешептывавшейся съ молодымъ гвардейцемъ, опять скользнула веселая улыбка.

— И сейчасъ наша Надежда Дмитріевна станетъ насъ всѣхъ распекать,—замѣтила она шутливо, бросая взглядъ на сидѣвшаго рядомъ съ нею офицера.

— И, разумѣется, стану,—отвѣтила старуха.—И тебя первую, потому что у тебя-то, Женя, когда тебѣ сто лѣтъ стукнетъ, все тотъ же вѣтеръ будетъ ходить въ головѣ...

Всѣ слегка усмѣхнулись.

Гвардеецъ передалъ старушкѣ чашку кофе. Истомина предложила ей торта и сладкихъ печеній. Старуха выбрала довольно много печеній и бережно положила ихъ на столъ около себя. Гвардеецъ и его сосѣдка не безъ лукавства переглянулись между собою. Надежда Дмитріевна стала пить кофе, не дотрагиваясь до лежавшаго около ея чашки печенья.

— Ну, такъ о чемъ же совѣщались-то?—спросила она.—Жоржъ говоритъ: Протасовы опять на сценѣ. Опять взялись за трубы и литавры и возвѣщаютъ всѣмъ и каждому: «Мы ближайшіе родственники Истоминыхъ и Драгомановыхъ!» Такъ?

Digitized by Google

Розовое лицо старушки озарилось на мгновенье слегка иронической и въ то же время грустною усмѣшкою, ея немного выцвѣтшіе черные глаза теперь нѣсколько заблестѣли и пристально вглядывались въ присутствующихъ. Въ этомъ взглядѣ теперь была извѣстная сила, и онъ могъ смутить того, на кого обращался, какъ бы заглядывая въ душу человѣка настойчиво и строго.

— Не смѣйтесь, ma tante! — проговорила Истомина.— Дѣло серьезнѣе, чѣмъ вы думаете.

И съ легкой, едва уловимой, не то грустной, не то иронической улыбкой, она прибавила:

— Даже меня задѣло за живое, а вы знаете, что это не легко сдѣлать...

Старушка ласково взглянула на свою любимицу.

— Милая, предоставь лучше твоей матери говорить за тебя,—добродушно и просто сказала она.—Софья Петровна все это лучше разъяснитъ, а то ты вѣдь только ея слова станешь повторять. Вѣдь не сама же ты ужаснулась того, что произошло...

Она фамильярно обратилась къ пожилой дамѣ съ легкой кружевной наколкой на головѣ:

— Ну, Софья Петровна, какіе же ужасы натворили Протасовы!

Пожилая дама сдѣлала брезгливую гримасу и очень желчно произнесла:

— А тѣ, что Ольга Протасова намѣрена выйти замужъ за фельдшера! Хорошо?

Надежда Дмитріевна поспѣшно воскликнула:

— Ну, слава Богу, хоть одна изъ этой нищей семьи пристроится!

И не давъ времени никому опомниться, съ необычайной для ея лѣтъ живостью забросала всѣхъ вопросами:

— Не пьющій человѣкъ? Какихъ лѣтъ? При мѣстѣ? Есть какія-нибудь средства? Точно любитъ ее?

Всѣ немного смутились, точно оторопѣли. Никто не могъ отвѣтить на эти вопросы. Никого не интересовало справляться о женихѣ Протасовой. Довольно было знать, что онъ фельдшеръ, и что за этого фельдшера готова выйти замужъ родная племянница вдовы генерала, Софьи Петровны Драгомановой, и вдовы коммерціи совѣтника, Евгеніи Петровны Кудрявцевой, двоюродная сестра жены генералъ-маіора, Анны Ивановны Истоминой, и гвардейскаго капитана Юрія Ивановича Драгоманова. На что тутъ были еще

Digitized by Google

какія-нибудь справки? Софья Петровна первая нарушила минутное молчаніе насмѣшливымъ и злымъ восклицаніемъ:

— Кто же станетъ справляться? Я же тебѣ говорю, что это фельдшеръ, что онъ...

— Ну, не лейбъ-медикъ же за нее присватается,—коротко и рѣшительно перебила ее Надежда Дмитріевна.

— Да, не я допустить ее выйти за фельдшера...—въ свою очередь оборвала ея рѣчь Софья Петровна.

— Ахъ, да я сама вотъ бабка повивальная!—точно отрѣзала Надежда Дмитріевна съ необычайною для нея строптивостью.—Что-жъ изъ этого. У насъ, можетъ-быть, и дворники въ роднѣ есть. Этого ужъ не передѣлаешь, если всѣ изъ мужиковъ недавно вышли.

Всѣ опять смутились. У всѣхъ шевельнулось злое чувство въ душѣ.

Софья Петровна, какъ бы пропустивъ мимо ушей замѣчаніе старухи, загорячилась и заговорила ядовитымъ тономъ:

— Протасовы вездѣ разславляютъ, что они наши родственники, говорятъ объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ, умышленно ставятъ это на видъ...

— Ну, да вѣдь нельзя же имъ говорить, что они чужіе. Ужъ какъ ни вертитесь, а Петръ Петровичъ вашъ родной братъ.

— Братъ! братъ! Въ извозъ ѣздилъ, бани гдѣ-то снималъ на аренду, кабакъ держалъ! О, это какая-то кара Божія!—воскликнула запальчиво Софья Петровна.

— Что говорить, совсѣмъ потерянный человѣкъ,—равнодушно согласилась съ нею Надежда Дмитріевна и прибавила:—Потому-то и хорошо, что Ольга нашла жениха. Въ такой семьѣ погибла бы дѣвочка окончательно.

— Жениха-фельдшера! Служитъ въ томъ самомъ полку, гдѣ нашъ Жоржъ служитъ.

Старуха обрадовалась.

— А! такъ, значитъ, ты и узнать можешь, хорошій ли онъ человѣкъ,—обратилась она къ племяннику.—Это хорошо! Нельзя тоже оставить дѣвочку идти за перваго встрѣчнаго, не разузнавъ о немъ ничего.

Молодой человѣкъ вспылилъ, раздраженный наивностью чудачки-старухи.

— Ну, ужъ отъ этого-то меня увольте!—брезгливо проговорилъ онъ.

Старушка не на шутку разсердилась.

Digitized by Google

Да что это вы всѣ здѣсь, снявши голову, по волосамъ тужите! Не дали дѣвочкѣ почти никакого воспитанія и образованія, не сумѣли ее поставить въ своемъ домѣ, какъ родственницу, а теперь волнуетесь, что она выходитъ замужъ за человѣка своего круга. Готовили бы ее въ невѣсты какому-нибудь князьку или камеръ-юнкеру, тогда другое бы дѣло, а теперь—да вы должны радоваться, помочь ей, а не разстраивать ея судьбу. Или хотите, чтобы она по Невскому ходила?

Всѣхъ покоробило отъ этого рѣзкаго тона, отъ этой грубоватой правдивости.

Софья Петровна снова загорячилась. Что-жъ, ея сыну изъ полка, что ли, выходить ради какой-то Ольги Протасовой? Или служить въ полку и любезно пожимать руки какому-то фельдшеру, мужу своей двоюродной сестры? Этого только недоставало?

— Надежда Дмитріевна, пожалуй, посовѣтуетъ Annette пригласить эту молодую пару сюда въ домъ,—насмѣшливо, едва удерживаясь отъ смѣха, замѣтила сестра Софьи Петровны, Евгенія Петровна.—Вотъ былъ бы обрадованъ твой мужъ этой новой роднѣ,—обратилась она къ хозяйкѣ дома.

— Мой Викторъ Павловичъ,—начала та немного растерянно:—онъ смотритъ на эти вещи...

Надежда Дмитріевна не дала ей кончить и замѣтила:

— Твой Викторъ Павловичъ настолько порядочный человѣкъ самъ по себѣ, что его нисколько не устрашитъ, что какая-то бѣдная родственница его жены выйдетъ замужъ за фельдшера или за писаря...

И наставительно, какъ старая гувернантка юной воспитанницѣ, прибавила:

— И ты, дружокъ, волнуешься ради этихъ пустяковъ только потому, что другіе волнуются около тебя этими же пустяками. А ты лучше подумай, что ты можешь отъ себя дать въ приданое Ольгѣ. Это будетъ дѣльнѣе и гораздо полезнѣе всѣхъ этихъ пустыхъ толковъ.

И, немного нахмуривъ брови, она озабоченно заговорила:

— Я, къ несчастію, теперь не могу почти ничего сдѣлать для дѣвочки. Узнать объ ея женихѣ я узнаю, а помочь матеріально ей много не могу. Объ Александрѣ приходится подумать, его выручить...

— Ахъ, да, тоже радость!—ядовито воскликнула Софья Петровна.—Тоже милый родственникъ, племянничекъ! Век-

Digitized by Google

селей какихъ-то надавалъ, подлоговъ какихъ-то надѣлалъ, негодяй!

Старуха рѣзко и коротко оборвала ее.

— Не намъ судить его, Софья Петровна! Сами-то тоже не святыми жизнь прожили.

Евгенія Петровна залилась ироническимъ смѣхомъ.

— Ну, пойдетъ Надежда Дмитріевна оправдывать всѣхъ негодяевъ!

Старуха строго взглянула на нее.

— Смѣйся ужъ надъ чѣмъ-нибудь другимъ, а не надъ гибнущими людьми! На твой вѣкъ еще хватитъ для смѣха и другихъ смѣшныхъ исторій, хотя, по правдѣ сказать, пора бы и перестать шутки шутить...

Надежда Дмитріевна встала, подошла къ стулу, гдѣ висѣлъ ея сакъ-вояжъ, взяла его и, возвратясь къ столу, присѣвъ снова на стулъ, стала бережно укладывать въ мѣшокъ сладкія печенья. Евгенія Петровна многозначительно переглянулась съ Жоржемъ, кусая себѣ губы, чтобы не засмѣяться. Онъ пожалъ плечами, и по его лицу скользнула брезгливая усмѣшка.

— Вы, ma tante, что же хотите сдѣлать для Александра?— участливо спросила Надежду Дмитріевну Истомина.

— Спасти его,—коротко и просто отвѣтила старуха.— Нельзя же такъ и бросить человѣка на гибель. Чужого жаль, а онъ, слава Богу, не чужой мнѣ, сынъ моего мужа, на моихъ рукахъ выросъ...

И, заботливо завязавъ тесемкой свой мѣшокъ, она спросила Истомину:

— Твой мужъ дома?

— Да, кажется...

— Я пройду къ нему. Надо съ дѣловымъ человѣкомъ поговорить, а то я не знаю порядковъ-то. А времени тоже немного у меня, дома тамъ больные и ребятки ждутъ. Вездѣ свое горе...

Она поднялась съ мѣста и, надѣвъ шляпку, попрощавшись со всѣми, пошла изъ столовой. Тутъ только зоркіе глаза Евгеніи Петровны замѣтили вполнѣ подробности костюма Надежды Дмитріевны: на ней было надѣто черное шелковое платье, но въ одномъ мѣстѣ шелковая юбка приподнялась и изъ-подъ нея виднѣлась коричневая шерстяная юбка.

— Пари держу, что на ней по обыкновенію два платья,— со смѣхомъ сказала она.

Digitized by Google

Еще неуспокоившаяся отъ негодованія Софья Петровна передернула плечами и коротко проворчала:

— Ну, да, здѣсь въ шелковомъ платьѣ, а отправится къ какимъ-нибудь Протасовымъ и очутится у нихъ въ шерстяномъ. У нея вѣчно комедія съ переодѣваньями!

— И ровно пять лѣтъ тому назадъ я видѣлъ на ней этотъ же чепецъ и эту шляпку,—вставилъ пренебрежительно Жоржъ.

— И въ молодости въ такихъ же затрапезныхъ нарядахъ ходила,—проворчала Софья Петровна.

— А ты видѣлъ, какъ она собирала въ сакъ-вояжъ печенья?—спросила Евгенія Петровна племянника.—Тамъ у нея цѣлая кладовая. Все это для раздачи разнымъ уличнымъ ребятишкамъ.

Истомина сидѣла въ раздумьѣ на своемъ мѣстѣ, слушая безмолвно эти шутки надъ ея любимой старухой-теткой. На душѣ было теперь еще тоскливѣе, чѣмъ всегда, хотѣлось куда-то уйти отъ этихъ родныхъ, отъ всѣхъ людей своего круга. Но куда уйти? Какъ уйти? Гдѣ лучше? Наконецъ она очнулась, подавляя тяжелый вздохъ, и проговорила вслухъ:

— Но какъ же она думаетъ спасти Александра? Вѣдь, онъ, вѣроятно, задолжалъ десятки тысячъ? Она же не богата.

Никто не отвѣтилъ ей. Всѣ только пожали плечами, какъ бы говоря: «кто ее знаетъ, какъ! И что намъ за дѣло до этого?»

II.

Переступая порогъ съ половины Анны Ивановны Истоминой на половину Виктора Павловича Истомина, посѣтитель сразу попадалъ въ какую-то другую атмосферу. Бархатъ, шелкъ, тропическія растенія, бронзовыя украшенія, масляныя картины въ дорогихъ рамкахъ—все это смѣнялось здѣсь суровою простотой. Въ бильярдной, въ спальнѣ, въ кабинетѣ генерала Истомина мебель была обита простой, давно потемнѣвшей кожей, у оконъ были простыя бѣлыя шторы, кровать въ спальнѣ была желѣзная съ шинелью вмѣсто одѣяла, письменный столъ въ кабинетѣ былъ великъ, но старъ, стоявшія здѣсь лампы были изъ недорогихъ съ незатѣйливыми колпаками изъ желѣза, снизу бѣлыми, сверху зелеными, на столѣ были груды шнуровыхъ книгъ, большіе счеты, длинныя ножницы, въ углу стоялъ массивный несгораемый шкапъ; на стѣнахъ висѣли только

Digitized by Google

фотографическія группы въ черныхъ багетныхъ рамкахъ. Вся эта половина напоминала скорѣе помѣщеніе дѣлового коммерсанта, не заботящагося о внѣшности, неприхотливаго по вкусамъ, чѣмъ жилище военнаго человѣка, занимавшаго видное положеніе по своему чину и связямъ въ обществѣ.

Викторъ Павловичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ разстегнутомъ военномъ сюртукѣ и пощелкивалъ костяшками на счетахъ, когда въ его кабинетъ вошла безъ всякаго доклада, какъ свой человѣкъ, Надежда Дмитріевна. Бѣлокурый, немного облысѣвшій, съ нѣсколько помятымъ, хотя и румянымъ лицомъ, приземистый, молодцоватый и подвижной, онъ походилъ скорѣе на разбитного и шустраго приказчика изъ мѣщанъ, чѣмъ военнаго человѣка. Завидѣвъ Надежду Дмитріевну, онъ торопливо сталъ застегивать сюртукъ и быстро пошелъ ей навстрѣчу своеобразной походкой, мелкими шажками, съ развальцемъ, пощелкивая шпорами.

— Вы? здѣсь? Какими судьбами?—заговорилъ онъ весело скороговоркой, протягивая обѣ руки старухѣ.

— По дѣламъ, —коротко отвѣтила она, дружески пожимая его руки.

— Знаю, знаю, что даромъ не пріѣхали бы! Ну, садитесь, разсказывайте. Кто-нибудь надулъ или...

Она перебила его.

— Изъ-за пустяковъ не потащилась бы сюда.

— Ахъ, проказница, проказница! — засмѣялся онъ и подвелъ ее къ жесткому кожаному дивану.—Ну, усаживайтесь, говорите.

— Прежде всего скажите: не помѣшаю?—спросила она.

— Ну, вотъ еще! Мнѣ вѣдь только наше бабье мѣшаетъ.

Онъ сѣлъ противъ нея и, закуривъ папиросу, приготовился слушать. Онъ очень любилъ и уважалъ тетку своей жены. Раза три-четыре въ былые дни, когда онъ еще далеко не былъ богатъ, она давала ему взаймы безъ росписки за казенные проценты всѣ свои наличныя деньги, и онъ на нихъ сдѣлалъ довольно крупныя биржевыя аферы.

— У васъ здѣсь тысячи связей,—начала она.

— Ну, ужъ и тысячи!—пошутилъ онъ.—Немного поменьше, пожалуй.

— Толкуйте! Вы и въ военномъ вѣдомствѣ со всѣми близки, и на биржѣ, и въ акціонерныхъ компаніяхъ...

— А ваше дѣло гдѣ?—спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Вотъ то-то и бѣда, что это дѣло судебное, а не биржевое. Я пріѣхала ради Александра. Вы слышали, конечно, что онъ запутался? Его нужно спасти.

Викторъ Павловичъ безнадежно махнулъ рукою.

— Ну, я тутъ ничего не могу подѣлать. Я немного знаю суть дѣла: векселя, говорятъ, онъ выдалъ подложные. Дѣло еще не начато, не перешло къ прокурору. Уладить можно безъ суда. Но какъ? Тутъ нужны деньги, деньги и ничего, кромѣ денегъ.

— Сколько?—спросила Надежда Дмитріевна.

— А ужъ этого я сейчасъ не могу сказать. Я сказалъ уже, что я знаю о дѣлѣ только по слухамъ. Во всякомъ случаѣ, нужны не сотни, а тысячи рублей.

— Мнѣ нужно знать точную цифру. Кромѣ того, мнѣ нужно, чтобы кто-нибудь изъ дѣловыхъ людей взялся за переговоры съ мерзавцами, затянувшими его въ долги.

— Такъ; но кто же будетъ платить? — задалъ онъ вопросъ.

— Кому же платить, какъ не мнѣ.

— Вамъ?

Онъ даже руками развелъ, пораженный неожиданностью.

— Вы хотите заплатить за него? Ну, этого я, признаюсь, не ожидалъ отъ васъ.

Онъ взволновался, точно платить приходилось ему, а не ей, и заходилъ скоро-скоро по кабинету, пощипывая рѣденькіе бѣлобрысые усики и постукивая шпорами.

— Человѣка надо подъ судъ упечь, надо сослать въ мѣста не столь отдаленныя, а вы покрыть негодяя хотите.

— А! всѣ мы негодяи!—рѣзко проговорила она.—Только однихъ судятъ, а другіе судятъ!

И, разсерженная его замѣчаніемъ, она загорячилась:

— Отъ десятаго человѣка сегодня я только и слышу, что онъ негодяй! Только то говорили мальчишки да бабенки, такъ имъ и Богъ проститъ ихъ глупость, а тутъ и вы! Дѣла-то вы свои съ кѣмъ дѣлаете? Съ кѣмъ на биржѣ да по подрядамъ сталкиваетесь? Въ акціонерныя-то общества черезъ кого въ директора попадаете? Хороши гуси? Кого изъ нихъ нельзя на скамью подсудимыхъ упечь? Для каждаго, я думаю, статья въ уголовномъ кодексѣ припасена. Вы-то это знаете хорошо, лучше меня. А и вы туда же Александра казнить хотите. Людей не казнить, а спасать нужно, если можно.

Онъ ходилъ по комнатѣ, слегка насвистывая что-то. При

Digitized by Google

послѣднихъ ея словахъ, онъ остановился передъ нею и спросилъ:

— И думаете, что спасете?

— Надо попробовать.

— Не дорого ли обойдется проба?

— Все равно, деньги у меня лежатъ и могутъ пропасть.

— Съ чего имъ пропадать-то?

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Ну, а вотъ когда я давала ихъ вамъ безъ росписки, вѣдь могли онѣ пропасть?

— Ахъ, вы чудачка! Сбѣжалъ бы я, что ли, съ ними?

— А умерли бы?

Онъ опять заходилъ по комнатѣ, постукивая шпорами.

— Да, да, тогда могли бы пропасть... Точно, у васъ онѣ всегда могутъ пропасть. Умный вы человѣкъ, а довѣрчивы, какъ...

Онъ поперхнулся, не докончивъ фразы, и только съ фамильярностью товарища похлопалъ ее по плечу. Надежда Дмитріевна не обратила вниманія на его недоконченную фразу и проговорила:

— Ну, такъ вотъ похлопочите по этому дѣлу. Выручите Александра, во что бы то ни стало.

— Да вы сколько рѣшились пожертвовать?

— Сколько? Сколько? Наберется тысячъ пятнадцать.

— У васъ было больше,—вскользь замѣтилъ Викторъ Павловичъ.

Она ничего не отвѣтила и въ раздумьи проговорила:

— Въ случаѣ надобности, мой домишко можно еще продать. Правда, въ одинъ день не продашь, и притомъ, дома у насъ въ Чернецѣ дешевы.

— Но чѣмъ же вы жить будете?

— Ахъ, что обо мнѣ толковать. Вдова моего брата—знаете Александру Николаевну?—пріютитъ, если понадобится. Да, наконецъ, у меня триста рублей въ годъ пенсіи. Много ли мнѣ надо, старухѣ? Да, да, всѣмъ распологайте, что есть. Эти же деньги въ сущности его: отецъ его накивалъ, а не я.

— Да, но вы же были женой его отца, и это ваша законная часть.

Она усмѣхнулась.

— Женой его отца! Даровой гувернанткой для его дѣтей, экономкой въ домѣ, вотъ чѣмъ я была. Кажется, знаете, что его отецъ женился на мнѣ только потому, что выгоднѣе

Digitized by Google

было повѣнчаться со мной и заставить меня учить его дѣтей и вести хозяйство, чѣмъ нанять меня для тѣхъ же занятій. Я никогда и не пошла бы замужъ, если бы не знала, для чего я нужна...

Онъ ходилъ по комнатѣ, обдумывая уже вопросы, можно ли спасти Александра, какъ ловчѣе приняться за это дѣло, сколько можно выторговать. Страсть къ дѣламъ взяла уже въ немъ верхъ надъ всякими другими соображеніями. Онъ оживился, молодѣлъ, умнѣлъ, какъ только являлась возможность обдѣлать какое-нибудь дѣло. Обдѣлываніе чужого дѣла его занимало не менѣе обдѣлыванія своего дѣла. Этой страстью онъ отличался еще во времена своего кадетства, съ любовью соображая, какъ выиграть дюжину стальныхъ перьевъ, что выгоднѣе: продать ли ихъ по перу или разыграть въ лотерею, и какую вещь купить на эти деньги, чтобы сдѣлать потомъ новый оборотъ. Онъ постоянно дѣлалъ вычисленія и выкладки, и даже прослылъ за это математикомъ. Сообразивъ быстро и точно, какимъ путемъ можно уладить дѣло Александра, что можно выторговать у его кредиторовъ и какъ припугнуть ихъ, онъ остановился передъ Надеждой Дмитріевной, бодрый и молодцоватый, какъ юноша, и рѣшительно сказалъ:

— Хорошо, я улажу все.

И тутъ же разсмѣялся, подмигивая старухѣ:

— А ужъ и будутъ же чистить за это насъ съ вами всѣ наши милые родственники.

Она немного нахмурилась, сдвинувъ брови.

— Имъ-то что?

— Какъ что? Да это же все перешло бы въ ихъ руки по частямъ или вдругъ. Гдѣ же брать пригоршнями деньги, какъ не у Надежды Дмитріевны? Кого можно слезами разжалобить, какъ не Надежду Дмитріевну? Они бы Александра на клочки теперь растерзали, если бы знали нашъ комплотъ.

Какое-то гнетущее чувство охватило ее на минуту. Но она пересилила его и бодро поднялась съ мѣста.

— Да, вотъ вы напомнили мнѣ о родныхъ. Надо еще навѣстить Протасовыхъ. Слышали вы? Ольга Протасова за фельдшера выходитъ замужъ.

— Да, слышалъ что-то,—разсѣянно сказалъ онъ.— На дамской половинѣ идетъ какой-то бунтъ по этому поводу.

— Не огорчились?— съ ироническою усмѣшкой спросила она.

— Мнѣ-то что?

Digitized by Google

Она дружески протянула ему руку на прощанье и, сообразивъ что-то, сказала:

— Поговорите въ этомъ смыслѣ съ Анютой. Евгенія Петровна и Софья Петровна изображаютъ ей это дѣло въ такомъ ужасномъ видѣ, какъ будто послѣ этого брака вы и генеральскій чинъ потеряете, и на биржѣ вашихъ бумагъ принимать не станутъ, и въ акціонерныхъ обществахъ изъ числа директоровъ исключатъ.

Онъ засмѣялся, провожая ее до дверей своего кабинета. На порогѣ, онъ на минуту остановилъ ее и спросилъ.

— Сами вы не повидаетесь съ Александромъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы выдумали? Его не надо даже извѣщать объ этомъ. Это значило бы только напортить. Никогда онъ не согласится, если предупредить его, что я хочу заплатить его долги.

— Ну, это еще вопросъ...

Она разсердилась.

— Ужъ я-то его лучше знаю, чѣмъ вы. Это другіе его могутъ считать негодяемъ, а не я.

— Однако...

— Полноте о пустякахъ толковать, когда дѣло идетъ о спасеніи человѣка...

Она съ озабоченнымъ лицомъ, со сдвинутыми бровями, немного поджавъ губы, пошла черезъ рядъ парадныхъ комнатъ, направляясь къ прихожей. Въ прихожей около нея раздался молодой привѣтливый голосъ:

— Крестная!

Она подняла голову, и ея лицо озарилось свѣтлой улыбкой при видѣ молоденькой, свѣженькой и хорошенькой дѣвушки.

— Настюша, здравствуй!

Дѣвушка припала губами къ рукѣ старухи. Та поцѣловала ее въ лобъ.

— Иванъ шепнулъ, что вы здѣсь, — объясняла горничная.—Выбѣжала сюда хоть глазкомъ взглянуть на васъ.

— Ну, какъ служишь?—спросила старушка.

— Хорошо-съ. Анна Ивановна довольны, и, сами знаете, ангелъ онѣ, ангелъ, слова дурного не скажутъ. Грустятъ только все...

— Знаю, знаю,—съ лаской сказала Надежда Дмитріевна.— ли только сама-то себя хорошо, и все будетъ хорошо.

Она пристально взглянула на молодую дѣвушку.

— А Иванъ-то это на тебѣ хочетъ жениться?

Digitized by Google

Горничная вспыхнула до ушей и потупилась.

— Не знаю... вѣрно, на мнѣ, если что говорилъ...

— Да, да, писалъ теткѣ Авдотьѣ... Мы такъ и рѣшили съ ней, что на тебѣ хочетъ жениться... Что-жъ, дай Богъ вамъ счастья... Только береги себя.

Дѣвушка застѣнчиво перебирала кончикъ передника.

— Я себя соблюдаю, крестная.

— Да, да, соблюдай, соблюдай, — наставительно сказала Надежда Дмитріевна.—Разъ оступишься—никогда не поднимешься.

Она, застегнувъ у горла крючки салопа, порылась въ сакъ-вояжѣ и что-то сунула въ руку дѣвушкѣ.

— Крестная, зачѣмъ же!—воскликнула та, опять зарумянившись и снова цѣлуя ея мягкую, пухлую руку.

— Ну, ну, бери... У меня еще тебѣ платочекъ приготовленъ, да кое-какіе пустяки... Все пригодится... Пойдешь замужъ, помогу... На-дняхъ заверни.

— Вы у Александры Николаевны остановились?

— Гдѣ же больше? Не у чужихъ же жить.

— Кланяйтесь Александрѣ Николаевнѣ, барышнѣ и молодому барину тоже...

— Хорошо, хорошо...

Надежда Дмитріевна вышла изъ квартиры Истоминыхъ и стала медленно спускаться по лѣстницѣ. Невеселыя думы, поднявшіяся въ ея головѣ при толкахъ объ ея Александрѣ и разсѣявшіяся на минуту при встрѣчѣ съ горничной-крестницей, снова зароились въ ея мозгу. Она уже не обращала теперь вниманія ни на кого и шла по улицѣ, то шевеля губами, какъ бы разговаривая въ полголоса, то поджимая эти губы и сдвигая брови съ выраженіемъ сосредоточенной думы. Ея обыкновенно добродушное круглое лицо было теперь почти сурово. Такъ прошла она почти весь Невскій проспектъ и дошла по бульвару до набережной Невы. Ясный зимній день еще былъ ослѣпительно ярокъ, солнце, уже спускавшееся къ западу, еще сверкало тысячами искръ на бѣломъ снѣгу. Старуха взглянула на прозрачное небо, на яркое солнце, на бѣлую снѣжную скатерть Дворцовой площади, и присѣла отдохнуть на послѣднюю изъ бульварныхъ скамеекъ, вся охваченная умиленіемъ предъ развернувшейся картиной. Природа вплоть до старости оставляла глубокое впечатлѣніе въ ея душѣ. Понемногу у нея на сердцѣ становилось все спокойнѣе и спокойнѣе, свѣтлѣе и свѣтлѣе; настоящее какъ бы ушло куда-то далеко-далеко, цѣлый рядъ

Digitized by Google

воспоминаній о быломъ сталъ развертываться въ ея памяти, образы дорогихъ лицъ проносились передъ глазами, по лицу уже скользила улыбка, — старческая благодушная улыбка, точно на старушку пахнуло опять ея свѣтлою счастливою молодостью.

III.

Вонъ тамъ за крѣпостью, около Александровскаго парка, затерявшись въ зелени безчисленныхъ садовъ, стоялъ домикъ, гдѣ выросли Надежда Дмитріевна и ея братья, Левко и Дмитро, звавшіе ее «хохлушкой» и называвшіеся ею «хохлами». Отецъ Надежды Дмитріевны, Дмитрій Осиповичъ Потапенко, не выдающійся по уму, не особенно ученый, но дѣтски наивно благоговѣвшій предъ ученостью врачъ-малороссъ, твердо вѣровавшій въ силу медицины, ея мать Наталья Осиповна, простая, безхитростная, хлопотливая хозяйка изъ малороссійскихъ крестьянокъ; ея братья, Левко и Дмитро, студенты-медики, грубоватые, но добродушные, даровитые, но съ хохлацкой лѣнцой, прозаики по виду, но поэты въ душѣ, любящіе музыку, но умѣющіе играть только на гитарѣ, преклоняющіеся передъ литературой, но имѣющіе возможность выискивать ея перлы только въ русской и малороссійской письменности и, наконецъ, она сама, Надежда, хохлушка, учащаяся съ какой-то ненасытной жадностью всему, чему можно было учиться дѣвушкѣ въ то время,—вотъ всѣ лица, составлявшіе семью Потапенко.

Упрямая и настойчивая, самостоятельная, во что бы то ни стало, и выносливая, какъ можетъ быть вынослива только дочь крестьянки и крестьянскаго сына, достигнувшаго до званія врача упорнымъ и усидчивымъ трудомъ, она, Надежда, кончивъ курсъ ученія въ одномъ изъ лучшихъ женскихъ учебныхъ заведеній того времени, уже на зарѣ жизни испытала свѣтлое, благодатное чувство первой страстной любви и весело смотрѣла на Божій міръ, готовясь стать подъ вѣнецъ съ горячо любимымъ человѣкомъ. Приходилось только ждать окончанія имъ курса и полученія званія врача, чтобы соединиться съ нимъ брачными узами. Но случай рѣшилъ иначе: молодой студентъ на одномъ изъ вскрытій поранилъ себѣ руку и въ какіе-нибудь два дня его не стало. Пораженная горемъ, молодая дѣвушка тутъ же, передъ лицомъ этого неостывшаго еще трупа, дала клятву никогда не выходить замужъ. Давая эту клятву, она не рисовалась, не обольщалась никакими надеждами и знала, что въ бу-

Digitized by Google

дущемъ ей предстоитъ тяжелая трудовая жизнь. Вслѣдствіе этого она рѣшилась пройти курсъ акушерства, такъ какъ трудъ повивальной бабки казался ей болѣе самостоятельнымъ, независимымъ и полезнымъ, чѣмъ трудъ гувернантки. Правда, пройти эту школу ей было не легко, такъ какъ при видѣ крови и физическихъ мученій она, еще полная воспоминаній о смерти любимаго человѣка, едва не падала въ обморокъ. Но упорство и настойчивость, встрѣчаемыя развѣ только у малороссовъ да у крестьянъ, заставили ее побѣдить эту «слабость»...

Надежда Дмитріевна улыбалась теперь блаженною улыбкою, вспоминая это время, и, казалось, снова видѣла передъ своими глазами родной домикъ, гдѣ протекла ея юность...

Но вотъ изъ домика на рукахъ выносятъ гробъ. За нимъ идутъ громко, по-крестьянски рыдающая и причитающая женщина, два молодые студента и молодая дѣвушка, а далѣе цѣлое полчище плачущихъ бѣдняковъ, провожающихъ своего «благодѣтеля-лѣкаря». Чѣмъ гуще становится ихъ толпа, чѣмъ больше виднѣется заплаканныхъ лицъ, тѣмъ спокойнѣе, почти веселѣе дѣлается лицо молодой дѣвушки и, оглядывая эту толпу голи, она съ гордостью шепчетъ братьямъ:

— Вонъ какой нашъ батька-то былъ!

Надежда Дмитріевна раскрыла свой сакъ-вояжъ, вытащила изъ него платокъ и отерла слезы, выступившія на ея глаза. Но несмотря на слезы, лицо ея—розовое, старушечье лицо,—улыбалось.

— Эхъ, людишки, людишки! — тихо шепчетъ Надежда Дмитріевна и поднимается съ мѣста, какъ бы не желая вспоминать о дальнѣйшихъ событіяхъ.

Но воспоминанія преслѣдуютъ ее, какъ всегда. Давно уже, несмотря на всю свою кипучую дѣятельность, она душой живетъ въ прошломъ, — только въ немъ. Можетъ-быть, это—слѣдствіе старости; можетъ-быть, это слѣдствіе того, что прошлое было лучше настоящаго.

Послѣ смерти отца, у семьи не осталось ничего, кромѣ маленькаго деревяннаго дома. У Дмитрія Осиповича Потапенко была огромная практика, но онъ нерѣдко не только не получалъ за визиты, а самъ еще давалъ больнымъ.

— На хлѣбъ имъ нужно дать, а не лѣкарство прописывать,—говаривалъ онъ порой про больныхъ и вмѣсто рецепта давалъ деньги.

Digitized by Google

Объ откладываніи грошей на черный день тутъ нечего было и думать. Что же было дѣлать семьѣ? Надежда Дмитріевна рѣшила, что она пойдетъ въ гувернантки и такимъ образомъ поддержитъ семью до окончанія братьями курса. Практика повивальной бабки не могла дать опредѣленнаго заработка, а за трудъ гувернантки давалось извѣстное жалованье. Братья даже не протестовали, когда она сказала имъ, что они должны основательно кончить курсъ, а не по урокамъ трепаться. Никто не считалъ этого жертвой со стороны молодой дѣвушки, и она сама не видѣла въ этомъ жертвы, хотя ей, самостоятельной, непокорной, упрямой, именно жизнь гувернантки была тяжелѣе и ненавистнѣе всего. Но если въ чужомъ домѣ нельзя было пѣть хохлацкихъ пѣсенъ, нельзя было хохотать раздающимся на всѣ комнаты смѣхомъ, то она вознаграждала себя за эти лишенія въ праздничные дни, дома въ кругу матери, братьевъ и ихъ пріятелей. Если иногда ея самолюбіе сильно страдало въ чужомъ домѣ, то она тотчасъ же не безъ гордости вспоминала, что она и выше, и чище этихъ «людишекъ», поднимающихъ передъ ней головы, и смотрѣла бодро и весело на все окружающее.

Въ домѣ Софіи Петровны Драгомановой, куда она попала гувернанткой, она впервые увидала близко, какъ живутъ другіе люди—богатые люди. Софья Петровна выбивалась изъ силъ, сдѣлалась желчной и раздражительной, стараясь заставить всѣхъ забыть ея происхожденіе отъ бывшаго кабацкаго подносчика, а потомъ откупщика. Мужъ Софьи Петровны, генералъ Николай Платоновичъ Драгомановъ, тоже лѣзъ изъ кожи, чтобы вознаградить себя за званіе покупного мужа и доказать всѣмъ, что онъ дѣлаетъ, что хочетъ, и даже имѣетъ нѣсколько, въ сущности, ненужныхъ ему любовницъ. Сестра хозяйки, Евгенія Петровна Кудрявцева, беззаботная, веселая шутница и насмѣшница, казалось, себя не помнила отъ радости, потерявъ на двадцатомъ году немолодого мужа и получивъ право вести привольную жизнь молодой вдовы, не отдающей никому отчета, признающей, вмѣсто всякихъ законовъ нравственности и приличій, одинъ законъ личныхъ вкусовъ и прихотей. Молодой «хохлушкѣ» было не легко въ этой средѣ, разнузданной, развращенной, поклоняющейся только золотому тельцу. Надъ нею подшучивали, видя, что она не стремится наряжаться; на нее сердились, когда она откровенно говорила, что ея мать вышла изъ крестьянъ—сердились, думая, что она хочетъ напо-

Digitized by Google

мнить своимъ хозяевамъ ихъ собственное происхожденіе; за ней шпіонили, стараясь поймать ее въ какой-нибудь интригѣ, чтобы замѣшать ее въ ту грязь, въ которой здѣсь всѣ купались сами. Нужно было имѣть ея ровный, бодрый и выносливый характеръ, чтобы перенести все это спокойно и, наконецъ, добиться того, что генеральша Драгоманова, брошенная какимъ-то любовникомъ, сдѣлавшаяся на время «сказкой города» и оскорбленная даже своимъ покупнымъ мужемъ генераломъ, въ порывѣ огорченія, избрала «хохлушку» своею повѣренною и неожиданно излилась передъ ней въ такихъ откровенностяхъ, что молодая дѣвушка, зардѣвшись до ушей, замѣтила ей:

— Софья Петровна, я не понимаю, въ чемъ вы каетесь передъ мною. Каждый отвѣчаетъ самъ передъ своею совѣстью за свои проступки. Кто же имѣетъ право васъ судить?

Съ этого дня Надежда Дмитріевна сдѣлалась «складочнымъ мѣстомъ» для тайнъ всѣхъ членовъ семьи, убѣдившихся въ томъ, что она «нѣма, какъ могила». Цѣлый адъ глупо сложившейся семейной жизни открылся передъ молодой дѣвушкой. Всѣ эти прямые потомки цѣловальника, желавшіе примкнуть къ высшему свѣту, были и смѣшны, и жалки со своими тревогами и огорченіями. Мало того, что они то и дѣло прорывались сами поступками, говорившими о ихъ происхожденіи, у нихъ была еще цѣлая свора худородной и нищей родни, скандализировавшей ихъ и вымаливавшей у нихъ чуть не шантажемъ деньги. Одна эта орда голи могла отравить существованіе высокомѣрныхъ выскочекъ-богачей. Несчастіе этихъ людей состояло въ томъ, что они, поклоняясь золотому тельцу и зная, что всѣ ихъ окружающіе поклоняются ему же, не имѣли смѣлости поставить на видъ передъ всѣми недавно сброшенный ими старый лапоть и старались скрыть его за какими-то проданными имъ гербами обнищавшаго дворянства. Въ одно и то же время они являлись наглецами и трусами. Особенно заинтересовали Надежду Дмитріевну въ этой средѣ двѣ личности— братья Софьи Петровны, Павелъ и Иванъ Протасовы.

Иванъ Протасовъ въ молодости былъ добръ, честенъ, щедръ. Въ какія-нибудь десять лѣтъ у него уже не было ничего изъ отцовскаго наслѣдства, кромѣ долговъ, и онъ, оставленный, какъ это водится всегда, прежними друзьями, почти выгнанный сестрами, вывертывавшійся изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, запутывавшійся еще болѣе въ

Digitized by Google

долгахъ, сталъ быстро опускаться со ступеньки на ступеньку въ бездонную пропасть нравственнаго паденія. Видя, что родные начинаютъ бояться его, стараются отречься отъ него, онъ сталъ нахальнымъ и въ пьяномъ видѣ хвасталъ своими связями, бахвалился тѣмъ, что ему стоитъ только припугнуть родню, и деньги явятся. Вывертываясь изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, онъ пріучился лгать и обманывать, и дошелъ до того состоянія, когда человѣкъ уже не умѣетъ самъ отличить въ своихъ словахъ лжи и правды, когда страсть къ обману переходитъ въ манію. Надо было хорошо знать его въ прошломъ, чтобы сколько-нибудь снисходительно относиться къ этому бахвалу и наглецу, лгуну и обманщику.

По мѣрѣ того, какъ падалъ нравственно Иванъ Протасовъ, его братъ Павелъ, сдержанный, суховатый и несообщительный по натурѣ, уходилъ въ себя, какъ всполошившаяся улитка, превращался въ скрягу, становился мизантропомъ, преслѣдуемый, какъ кошмаромъ, страхомъ передъ разореньемъ и участью брата Ивана. Разориться для него значило пасть, утратить человѣческій образъ, сдѣлаться предметомъ поруганія и отвращенія. Только съ деньгами можно сохранить свое достоинство и пользоваться уваженіемъ людей; безъ денегъ человѣкъ — полное ничтожество, хуже послѣдней собаки. Это были идеи душевно-больного человѣка, потрясеннаго до глубины души паденіемъ близкаго ему лица.

Почти каждый день Надежда Дмитріевна слышала въ домѣ Драгомановыхъ что-нибудь новое про двухъ братьевъ Протасовыхъ.

— Нѣтъ, вы вообразите, братъ Иванъ нанялся въ торговыя бани билеты продавать!—ужасались сестры Ивана Протасова.

— Да что же ему дѣлать, если ѣсть нечего?—возражала Надежда Дмитріевна.

— Да, но вѣдь онъ насъ срамитъ! Онъ разсказываетъ, что онъ нашъ братъ!

— Вѣдь это же правда!

Потомъ ей разсказывали съ тѣмъ же ужасомъ, что братъ Иванъ женился на простой бабѣ, торгующей съ сестрою на Толкучкѣ мужицкимъ бѣльемъ.

— Да больше никто за него и не пошелъ бы,—вскользь замѣчала Надежда Дмитріевна:—можетъ-быть, жена остепенитъ его немного.

Digitized by Google

— Ахъ, да развѣ въ этомъ дѣло? Вы поймите, что эти подонки общества, что эти нищіе станутъ таскать по грязи вашу фамилію, будутъ вымогать у насъ деньги...

Затѣмъ ей разсказывали, что братъ Павелъ возмущаетъ ихъ своею жадностью. На-дняхъ пріѣхали къ нему гости, а онъ даже булокъ къ чаю не подалъ, даже скатерти чистой не приказалъ накрыть.

— И одна свѣча въ столовой горѣла! Въ квартирѣ темно, какъ въ тюрьмѣ. Дровъ для топки печей жалѣетъ.—Плюшкинъ второй.

— Вы знаете, его преслѣдуютъ мысли, что онъ обѣднѣетъ, какъ Иванъ Петровичъ, и что отъ него такъ же всѣ отвернутся,—поясняла Надежда Дмитріевна.

— Ахъ, вы за всѣхъ готовы заступаться!—сердились на нее.

— Я не заступаюсь, а объясняю причину его поведенія. Это душевно больной человѣкъ.

— А вы посмотрѣли бы на его дѣтей, каково имъ жить впроголодь.

— Да, ихъ мнѣ душевно жаль!—со вздохомъ говорила Надежда Дмитріевна.—Отчего бы вамъ не взять ихъ къ себѣ?

— Чужихъ-то дѣтей?

— Да вѣдь это дѣти вашего брата. Онъ ихъ отдалъ бы съ радостью, чтобы имѣть меньше расходовъ.

— Ну, нѣтъ! Вотъ радость няньчиться съ чужими дѣтьми.

И, подсмѣиваясь надъ Надеждой Дмитріевной, ей говорили:

— Вы не возьмете ли ихъ?

— Какъ же мнѣ ихъ взять? Я же у васъ служу,— серьезно замѣчала она.

И все же ей пришлось взять ихъ.

Совершенно неожиданно Павелъ Протасовъ сдѣлалъ предложеніе Надеждѣ Дмитріевнѣ выйти за него замужъ. Сначала она даже испугалась этого предложенія и наотрѣзъ отказала жениху. Но у Павла Петровича Протасова было трое дѣтей. Она ихъ знала, любила, у нея сжималось за нихъ сердце, особенно за младшаго ребенка—трехлѣтняго Сашу, не знавшаго съ колыбели ласкъ матери. Павелъ Петровичъ хорошо разглядѣлъ молодую дѣвушку и понялъ, что легче всего подѣйствовать на нее, говоря ей о заброшенности его дѣтей. Онъ вѣдь на службѣ, или занятъ дѣлами, а они одни, на рукахъ плохой няньки. Ей, Надеждѣ Дмитріевнѣ, стоитъ сказать одно слово — и они будутъ счастливы, у нихъ будетъ мать. Молодая дѣвушка, растро-

Digitized by Google

ганная, чувствуя, что у нея подступаютъ слезы къ глазамъ, спряталась, какъ за вѣрный щитъ, за данный ею обѣтъ не выходить замужъ. Павелъ Петровичъ со вздохомъ замѣтилъ, что тутъ дѣло не въ выходѣ замужъ, а въ томъ, чтобы у дѣтей была мать. Потомъ, сообразивъ что-то, онъ замѣтилъ, что до ея прошлаго ему нѣтъ дѣла. Она не сердилась, не обидѣлась, а только улыбнулась: ей нечего бояться упрековъ за ея прошлое, нечего бояться покраснѣть за него. Онъ понялъ свою ошибку и опять грустно заговорилъ о своихъ дѣтяхъ. Только она можетъ замѣнить имъ мать. Въ душѣ Надежды Дмитріевны началась тяжелая борьба: ей стоитъ сказать слово и у сиротъ будетъ мать, а она прячется за какіе-то обѣты вѣчной дѣвственности. Это нелѣпо, это жестоко. И смѣлая, бодрая, рѣшительная, она разомъ согласилась выйти замужъ за человѣка, котораго всѣ бросили, всѣ боялись. Даже ея братья, знавшіе хорошо силу ея характера, тревожно говорили ей, что она идетъ на каторгу. Она шутливо отговаривалась:

— Ну, вотъ еще! каторга среди милыхъ ребятишекъ!

Ольга Петровна и вся остальная родня Протасова не могли понять, почему онъ вздумалъ жениться, взять въ домъ лишній ротъ. Находчивая и остроумная шутница и насмѣшница Евгенія Петровна первая нашла ключъ къ разгадкѣ. Она говорила, что братъ разсчиталъ, что нанимать въ домъ экономку и гувернантку менѣе выгодно, чѣмъ имѣть жену и, притомъ, жену неприхотливую и способную исполнять эти обязанности. Она даже шутливо предполагала, что Надежда Дмитріевна, соединясь съ Павломъ Петровичемъ, будетъ ходить чумичкой, станетъ ѣсть одинъ картофель, начнетъ стирать бѣлье.

Павелъ Петровичъ не ошибся въ расчетѣ: жена была нетребовательна, экономна и хорошо обучала его дѣтей. Высокій, худощавый, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, съ пристальнымъ взглядомъ, высматривавшимъ въ человѣкѣ подлеца, скупой на слова, точно боящійся, что за лишнее слово можно поплатиться карманомъ, онъ не былъ и не могъ быть влюбленъ въ жену, но уважалъ ее и даже, по-своему, любилъ за ея умъ, за ея сдержанность, за простые вкусы, хотя въ теченіе семи лѣтъ супружеской жизни и не спросилъ ни разу, не скучно ли ей сидѣть безвыѣздно въ деревнѣ, куда онъ изъ экономіи перебрался съ семьей, не нужно ли ей что-нибудь изъ одежды, не тяжело ли ей справляться одной и съ хозяйствомъ, и съ дѣтьми. Любовь къ ней не мѣшала ему иногда толковать о томъ, что

Digitized by Google

нужно бы еще сократить расходы. При этомъ повторялась одна и та же пѣсня о братѣ Иванѣ.

— Прожить, какъ прожилъ все братъ Иванъ, легко,— отрывисто говорилъ онъ.—Какъ придется по міру идти, никто руки не протянетъ. Человѣка только до тѣхъ поръ и любятъ, и уважаютъ, пока у него деньги. Святой будь человѣкъ, а явись въ лохмотьяхъ—никуда его не примутъ. Нашъ братъ, богатый, ну, такъ хоть безъ одежды ходи, а всѣ будутъ ему кланяться; скажутъ только, что онъ чудитъ, бѣдняка же въ лохмотьяхъ—лакей отъ господскаго подъѣзда отгонитъ.

И еще болѣе мрачнымъ тономъ онъ говорилъ о нравственномъ паденіи брата Ивана.

— И до чего бѣдность доводитъ. Вотъ братъ Иванъ—честный, благородный, добрый человѣкъ онъ былъ. А теперь? Кутежи съ веселья превратились въ пьянство съ горя. Голодъ сталъ понуждать къ мелкимъ продѣлкамъ. Всеобщее отчужденіе заставило гнуть спину. Темная подвальная и кабацкая среда погасила проблески ума. Ты вотъ часто говоришь: «помочь надо! спасти надо!» Кому помочь, кого спасти, когда въ немъ уже нѣтъ человѣка? Былъ человѣкъ и нѣтъ его болѣе: остались одно ходячее пьянство, одна ходячая ложь, одна ходячая подлость.

Онъ говорилъ коротко, отрывисто, мрачно объ этой трагедіи человѣческой жизни, и самъ не подозрѣвалъ, что онъ является такой же трагической личностью, не вѣря ни во что святое въ людяхъ, постоянно дрожа передъ призракомъ нужды, урѣзая себя и окружающихъ въ самомъ необходимомъ, имѣя все для того, чтобы жить иначе.

Тѣмъ не менѣе, для Надежды Дмитріевны и эти года были счастливыми годами: ея потребности были ограничены; въ деревнѣ жилось тихо, дѣти любили ее, крестьяне были ея друзьями, а природа давала ей такія минуты истинныхъ наслажденій, какихъ не могли бы дать никакія удовольствія, доставляемыя богатствомъ. Смерть Павла Петровича разомъ измѣнила все. Дѣтьми завладѣли родные ихъ со стороны матери, только и ждавшіе смерти Протасова, воображая, что онъ оставитъ милліоны. Бороться съ ними было невозможно, такъ какъ на ихъ сторонѣ были права на дѣтей, связи въ офиціальныхъ сферахъ и всепобѣждающее богатство. Осиротѣвшая Надежда Дмитріевна осталась одна, получивъ законную долю наслѣдства и пенсію въ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Ее звали въ Петербургъ Софья

Digitized by Google

Петровна, Евгенія Петровна, дочь Софьи Петровны, уже вышедшая замужъ за Истомина, но Надеждѣ Дмитріевнѣ было тяжело разстаться совсѣмъ съ провинціальною глушью. Она купила себѣ въ городкѣ Чернецѣ домикъ, благо городокъ былъ въ трехъ верстахъ отъ деревни ея покойнаго мужа, и поселилась здѣсь. Полгода она проводила въ Чернецѣ, полгода въ Петербургѣ у брата Льва Дмитріевича, слѣдя, насколько было возможно, за воспитаніемъ дѣтей своего мужа. Эти дѣти теперь учились въ модныхъ пансіонахъ.

Вспоминая всѣ эти событія своего прошлаго, Надежда Дмитріевна шла, покачивая въ раздумьи головой и шевеля губами. Невеселыя думы тяготили теперь ее. Въ головѣ роились вопросы: «все ли она сдѣлала, чего требовалъ отъ нея долгъ». Насколько могла, она дала кое-какое образованіе двумъ дочерямъ Ивана Петровича Протасова; насколько могла, она слѣдила за развитіемъ дѣтей своего мужа. Что-жъ? Варя, старшая дочь Ивана Петровича, вышла хорошей учительницей и уѣхала въ провинцію на мѣсто; Ольга, младшая его дочь, правда, была лѣнива, мало способна, но все же сдѣлалась сносной швеей и теперь вотъ женихъ выискался у нея, можетъ-быть, и счастлива будетъ; ея дѣвочки, дочери ея мужа, давно уже вышли изъ пансіона и теперь замужемъ за небогатыми, но хорошими людьми; живутъ въ провинціи со своими семьями. А Саша?

— Бѣдный мой мальчикъ! бѣдный мой мальчикъ!—тихо шептала старушка, вспомнивъ о своемъ пасынкѣ, и тихо отерла выступавшія на ея глаза слезы.—Всѣ-то противъ тебя, всѣ... и ничего я не могла сдѣлать для тебя, ничего...

Короткій зимній день уже слегка вечерѣлъ, когда она добралась до двѣнадцатой линіи Васильевскаго острова и вошла въ ворота одного изъ большихъ, неуклюжихъ каменныхъ домовъ, населенныхъ мелкими мастеровыми и фабричными.

IV.

Нащупавъ обитую рогожею дверь въ темномъ подвальномъ коридорѣ, Надежда Дмитріевна вошла въ просторную кухню. Въ подвальномъ низкомъ жилищѣ, съ тяжелыми сводами, съ потемнѣвшими стѣнами, было уже совсѣмъ темно. Заставленная разной рухлядью, табуретами, столами, кадушками, кочергами и ухватами, грязная кухня озарялась только отблескомъ догорающихъ угольевъ въ русской печкѣ да свѣтомъ убогой лампы, горѣвшей въ сосѣдней, тоже просторной, низкой комнатѣ, полной всякаго хлама, старыхъ стульевъ,

Digitized by Google

диванов, кроватей. Воздухъ здѣсь былъ тяжелъ: пахло сыростью, кислыми щами, печенымъ хлѣбомъ. Едва переступила Надежда Дмитріевна порогъ этого помѣщенія, какъ около нея раздались три женскихъ голоса:

— Надежда Дмитріевна!

— Благодѣтельница наша!

— Тетя Надя! тетя Надя!

И нѣсколько рукъ протянулось къ посѣтительницѣ съ объятіями и стремленіемъ снять съ нея шляпку, разстегнуть салопъ, взять у нея сакъ-вояжъ, при чемъ звонкіе голоса перебивали другъ друга восклицаніями:

— Позвольте, тетечка, я салопъ разстегну вамъ! Пожалуйте шляпку!

— Да пройдите въ комнату, благодѣтельница, въ комнату!

— Ахъ, Боже мой, какая радость! Вотъ-то не ждали, не гадали. Истинно, Богъ не безъ милости!

Оглушенная этими возгласами, осыпанная поцѣлуями, старушка могла только проговорить, что прежде всего ей нужно отдохнуть, такъ какъ она устала. Ее потащили изъ кухни въ комнату и разомъ подставили ей стулъ и кресло, поломанные, потертые, связанные веревками.

— Ну, какъ живете?—спросила она, переведя духъ.

— Ахъ, и не говорите, тетя Надя!

— Голову мы потеряли, благодѣтельница! Истинно вамъ говорю передъ Богомъ. Вотъ ужъ правда, что въ аду, вѣрно, лучше будетъ. Работа да голодъ, ссоры да брань,—измаялись мы. А роденька-то, милліонщики-то наши, хоть бы пальцемъ пошевелили.

— Женихъ выискался Олѣ, такъ родные, гдѣ бы помочь, на дыбы лѣзутъ!

Опять крики трехъ женщинъ раздались разомъ, смѣшались въ одинъ хаосъ жалобъ, и Надежда Дмитріевна не могла ничего понять. Она не останавливала этихъ кричащихъ и бѣснующихся женщинъ, зная по опыту, что это было бы безполезно, и что нужно переждать, когда онѣ угомонятся сами. Эти три женщины—маленькая, плоская, вѣчно ноющая и пришибленная судьбой жена Ивана Петровича Протасова, Матрена Савишна, ея разбитная, крикливая, какъ всѣ торговки, размахивающая и подпирающая бока руками, старшая сестра Дарья Савишна, и бойкая, шустрая, привыкшая съ дѣтства отстаивать себя и дома, и на улицѣ, дочь Протасовой, Ольга,—имѣли визгливые голоса и обладали способностью трещать разомъ, не обращая

Digitized by Google

вниманія другъ на друга и помня только одно, что въ ихъ жизни тотъ и правъ, кто кого перекричать можетъ. Въ качествѣ хозяйки этой подвальной трущобы, Матрена Савишна вспомнила первая, что надо попотчевать гостью, и, униженно извиняясь передъ нею за забывчивость по привычкѣ охая и ахая, побѣжала бочкомъ мелкими шажками въ кухню приготовлять кофе, наказывая на ходу сестрѣ, чтобы та сбѣгала за булочками въ булочную, да сливочекъ въ лавкѣ прихватила.

Оставшись съ глазу на глазъ съ Ольгой, Надежда Дмитріевна обратилась къ молодой дѣвушкѣ съ вопросомъ:

— Замужъ, я слышала, хочешь идти?

— Да, тетя.

— Хорошій человѣкъ?

— Ничего... не пьетъ... мѣсто есть...

Надежда Дмитріевна въ полумглѣ, уже охватившей подвальную комнату, плохо освѣщаемую одинокой лампой съ грязнымъ стекломъ, старалась разглядѣть лицо племянницы, какъ бы ища отвѣта на свои вопросы въ его выраженіи, а не въ ея словахъ. Круглое, розовое, веснушчатое, какъ часто бываетъ у рыжеволосыхъ, съ задорно вздернутымъ носикомъ, это лицо теперь зардѣлось румянцемъ до корня волосъ. Каріе, плутоватые и бойкіе глаза невольно потуплялись и бѣгали по сторонамъ, какъ мыши въ мышеловкѣ, подъ пристальнымъ взглядомъ старухи. Молодая дѣвушка, обыкновенно зубастая, огрызающаяся, привыкшая съ бранью и руганью отстаивать себя, на минуту смутилась. Потомъ она вдругъ торопливо заговорила, прерывая тяготившее молчаніе.

— Да ужъ какой онъ ни будь, а хуже жить не будетъ. Здѣсь-то развѣ сладко? Отецъ пьетъ и разводы разводитъ о томъ, какіе у насъ родные, генералы да тайные совѣтники. Мать, знаете вы ее, пилитъ да точитъ втихомолку со слезами, да причитаніями, точно въ нашихъ горестяхъ виновата только я. Тетка—ну, извѣстно, рыночная торговка, привыкла на всю толпу кричать: «чулковъ, носковъ, бѣлья нижняго»—и здѣсь такъ же орегъ, благо горло широко. Ее и не перекричишь. А ребятишки ея—да Господи, когда они изъ пріюта приходятъ, бѣжала бы, куда глаза глядятъ! Содомъ, просто Содомъ!

И совсѣмъ уже со злобой, размахивая руками, она прибавила.

— А наши-то, генералы-то, милліонерши-то: «какъ можно за фельдшера! каково будетъ положеніе Жоржа, когда онъ въ томъ же полку служитъ». Да мнѣ-то что? Плевать я на нихъ хо-

Digitized by Google

тѣла! Погибать мнѣ изъ-за нихъ, что ли? Ничему не научили...

Надежда Дмитріевна тихо, но твердо прибавила:

— Сама не научилась.

— Тетя, тетя, да это я такъ, къ слову!..—воскликнула Ольга, вспоминая, что тетка переплатила немало денегъ за ея ученье.—Способностей у меня не было, конечно. Да вѣдь и были бы способности, такъ все равно: они, родственники-то наши, ни гроша на дали на мое ученье. Это вы только...

Надежда Дмитріевна опять перебила ее:

— Полно вздоръ болтать. Говори о женихѣ. Любитъ онъ тебя? Ты его любишь?

Глаза старушки опять силились всмотрѣться въ лицо племянницы.

— Только не лги!—коротко предупредила она.

— Тетя!—воскликнула Ольга.

— Ну, ну, я знаю вѣдь тебя. Отъ отца переняла эту привычку...

— Ей-Богу, ей-Богу, и онъ любитъ, и я люблю!—заторопилась племянница, подозрѣвая, что и Надежда Дмитріевна не согласна на ея бракъ.

— Ужъ чего не любитъ,—неожиданно раздался позади Ольги Протасовой грубый голосъ Дарьи Савишны, вернувшейся съ булками и сливками:—зналъ бы отецъ, какъ любитъ-то, такъ, можетъ-быть, коса-то порѣдѣла бы.

— Какъ вы смѣете!—съ крикомъ набросилась на тетку Ольга, оборачиваясь къ ней разгорѣвшимся лицомъ.—Съ вами, что ли, говорятъ?

— Чего не смѣть-то?—съ грубымъ смѣхомъ сказала тетка Дарья:—испугалась я тебя. Не чужимъ людямъ говорю. Утаишь, что ли, послѣ свадьбы грѣхъ-то, когда крестить чуть не на другой день ребенка придется?

Надежда Дмитріевна, не вмѣшиваясь въ ссору, поникла головой и тоскливо зашевелила губами, пораженная неожиданнымъ извѣстіемъ.

Ольга Протасова громко заплакала, рѣзко и визгливо попрекая тетку Дарью. Тетка Дарья, въ свою очередь, не осталась въ долгу и кричала на племянницу. Изъ кухни вбѣжала въ комнату Матрена Савишна, заслышавшая перебранку, и начала слезливо жаловаться на сестру и на дочь разомъ, называя одну «аспидомъ», а другую попрекая за «мараль». Дарья Савишна вступилась за себя и перешла на ту почву, на которой было не легко побѣдить ее,—стала говорить, что семья живетъ главнымъ образомъ на ея счетъ.

Digitized by Google

Она съ утра до вечера на морозѣ сидитъ, она выторговываетъ гроши на рынкѣ, она и шьетъ, и вяжетъ, ея деньгами сыты всѣ.

— Скоро вы кончите!—съ необычайной рѣзкостью спросила, наконецъ, Надежда Дмитріевна.—Уйду вотъ, тогда хуже будетъ.

Всѣ три женщины разомъ смолкли и бросились просить прощенія у старушки, оправдываясь и проклиная судьбу. Не онѣ виноваты, что горе ихъ доняло. Свѣтъ не милъ сталъ. На сердцѣ-то накипѣло. День будешь говорить, всѣхъ бѣдъ не выскажешь. Не слушая ихъ, Надежда Дмитріевна серьезно обратилась къ Ольгѣ:

— Ты что же? Насказала ему о своихъ богатыхъ родныхъ? Насулила ему золотыя горы? Говори все откровенно, не лги, не виляй?...

— Ей-Бо́гу, нѣтъ, тетя, ей-Богу!..—божилась молодая дѣвушка, торопливо крестясь.

— Да ты не божись, а просто говори правду. Мнѣ-то вѣдь все равно, а тебѣ плохо придется, если онъ ждетъ, что за тобой дадутъ тысячи. Заѣстъ онъ тебя, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ.

Ольга опять заплакала и тихо прошептала:

— Нѣтъ, ничего не обѣщала я, ничего!.. Такъ ухаживалъ... Жить было тошно... вотъ и потеряла сама себя...

Надежда Дмитріевна вздохнула свободнѣе.

— Ну, если такъ, если онъ честный человѣкъ, можетъ-быть, и уладится все. Когда же свадьба?

— Все же, благодѣтельница, нужно кое-какое приданое,— торопливо вмѣшалась плаксивымъ тономъ Матрена Савишна.—Ничего у насъ нѣтъ, мать наша родная! Ровнотаки ничего!

— Чему быть при такомъ-то мужѣ, какъ Иванъ Петровичъ нашъ,—съ ироніей воскликнула Дарья Савишна:— грошъ добылъ—два пропилъ, не большой барышъ!

— Я похлопочу, чтобы сдѣлали кое-что; сама дамъ, что могу,—коротко сказала Надежда Дмитріевна, не слушая Дарью Савишну.—Только торопитесь.

Три родственницы бросились благодарить, ловя ея руку.

Она отмахивалась отъ нихъ:

— Хорошо, хорошо, не надо!

Когда на столъ подали кофе, сваренный на таганѣ въ кругломъ закопченомъ кофейникѣ съ длинной ручкой, въ подвалъ явился Иванъ Петровичъ Протасовъ. Это былъ вы-

Digitized by Google

сокій и плотный, немного сгорбленный и отяжелѣвшій старикъ съ багровымъ раздутымъ лицомъ, съ густыми сѣдыми волосами и большой бородой. И волосы на головѣ, и борода были всклокочены, стояли разметанной копной. По одеждѣ онъ походилъ почти на нищаго изъ мѣщанъ. Заношенная и заплатанная одежда была неопрятна. Порыжѣвшіе сапоги были тоже въ заплатахъ. Несмотря, однако, на бѣдность и нечистоплотность наряда, старикъ смотрѣлъ нагло, съ какой-то надменной вызывающей улыбкой, съ плутоватымъ подмигиваніемъ глазами. Увидавъ Надежду Дмитріевну, онъ развязно подошелъ къ ней и, какъ родственникъ, протянулъ широкую мозолистую руку:

— А, почтеннѣйшая belle sœur!—проговорилъ онъ, улыбаясь.—Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались. Зажились совсѣмъ въ своемъ Чернецѣ. На свадьбу пріѣхали?

— Я только сегодня узнала объ этомъ,—сухо отвѣтила Надежда Дмитріевна.

— Вѣроятно, у нашихъ генераловъ были? Вы вѣдь въ нашемъ высшемъ обществѣ вращаетесь, у аристократовъ!

Онъ засмѣялся густымъ, хриплымъ смѣхомъ.

— Генералы, а пуще генеральши въ отчаяніи! Вообразите: даже меня, непотребнаго, вытребовала по этому поводу къ себѣ сама моя почтеннѣйшая сестрица, ея превосходительство Софья Петровна Драгоманова. Умора! Я говорю: «Ваше превосходительство, да чѣмъ же я виноватъ, что я нищъ и нагъ? Найдите моей дочери жениха изъ высшаго круга—я съ моимъ превеликимъ удовольствіемъ дамъ ей свое родительское благословеніе». Ха-ха-ха! Такъ нѣтъ, не находитъ возможнымъ, а имѣть фельдшера въ роднѣ находитъ тоже неудобнымъ. Комики! Право, комики!

Онъ снова засмѣялся циничнымъ смѣхомъ пропойцы и, грузно опустясь на стулъ, подсѣлъ къ столу.

— Кофею!—прикрикнулъ онъ на жену.

Та засуетилась:

— Сейчасъ, сейчасъ! Чего кричишь!

Онъ опять заговорилъ съ иронією:

— Семейка у насъ, могу сказать! Я вотъ въ баняхъ вѣники продаю, супруга прачешнымъ рукомесломъ занимается, Дарья на рынкѣ, съ позволенія сказать, мужскими кальсонами и носками на развалѣ торгуетъ, а тѣ тамъ—высшій кругъ, милліонеры, превосходительные! Потѣха! А вотъ еще одинъ изъ семейки въ мѣста не столь отдаленныя собирается прогуляться.

Digitized by Google

Надежду Дмитріевну всю передернуло.

— Не вамъ говорить объ этомъ!—рѣзко оборвала она Протасова:—васъ можно бы двадцать разъ туда отправить!

— Видно нельзя было, что не отправили!—нагло сказалъ онъ.

Потомъ опять перемѣнилъ тонъ:

— Ну, ну, ну, не сердитесь! Я это такъ, между прочимъ. Я всѣмъ шучу, надо всѣми шучу. Ужъ такой юмористъ. Комизмъ жизни уразумѣлъ я. А Сашку мнѣ жаль; все же родного брата сынъ: парень онъ не злой, но ужъ теперь помочь-то ему нельзя.

Онъ небрежно откинулся на спинку стула и тономъ похвальбы и хвастовства заговорилъ:

— Пробовалъ я его образумить, когда еще было время. Не разъ говаривалъ ему, что докутится онъ не до добра. Такъ нѣтъ, молодятина насъ стариковъ не хочетъ...

Надежда Дмитріевна раздражительно перебила его.

— Не лгите! Вы если и бывали у него, такъ чтобы съ него же стянуть. Слушать-то васъ тошно!

Протасовъ даже глазомъ не сморгнулъ.

— Ахъ, сердитая, сердитая ворчунья!—безъ смущенія пошутилъ онъ.

Она поднялась, охваченная гадливымъ чувствомъ.

— Куда же вы, тетя! Развѣ не ночуете у насъ?—воскликнула Ольга.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила старушка.

— А что наши барыни-то ругаютъ, поди, Сашку?—спросилъ Протасовъ.

Старушка ничего не отвѣтила, надѣвая и завязывая шляпку дрожащими отъ волненія руками.

— Я воображаю, какой переполохъ надѣлалъ этотъ новый скандалъ въ благородномъ семействѣ,—продолжалъ дразнить ее Протасовъ.—Имъ по-дѣломъ. Еще не то будетъ Сынокъ ея превосходительства, моей сестрицы, Жорженька тоже покажетъ себя когда-нибудь.

И вдругъ совершенно неожиданно, съ хитростью привыкшаго мошенничать человѣка, зорко глядя на посѣтительницу, спросилъ:

— А вы-то Сашку спасать пріѣхали?

Вопросъ былъ такимъ внезапнымъ, что Надежда Дмитріевна растерялась и наскоро проговорила:

— Да, то-есть... просто дѣла были здѣсь...

Она торопливо стала прощаться со своими родственни-

Digitized by Google

ками и сказала Ольгѣ, чтобы та зашла къ ней на-днях поговорить о приданомъ. Едва затворилась за старушкой дверь, едва смолкли сладкими голосами посылаемыя ей благословенія и слезныя просьбы не оставить несчастныхъ сиротъ, какъ всѣ женщины разомъ, крикливо и злобно, напустились на Ивана Петровича.

— Ты это ошалѣлъ, что ли, что дразнить ее вздумалъ? Бога-то ты не боишься! Такое ли теперь время?

— А какое же?—засмѣялся Иванъ Петровичъ, глядя съ выраженіемъ презрѣнія на бѣснующихся женщинъ.

— Да у тебя дочь-невѣста, надо старуху задабривать, а ты...

— Что я? Что?—нахально спросилъ онъ:—Сашку ея ругнулъ? А вы, бабы, бабы! Да если бы вы понимали все, такъ вы бы Сашку-то задушили. Вы думаете, зачѣмъ она, утица-то наша, приплыла сюда? А?

Женщины недоумѣвали.

— Видѣли, какъ смутилась, когда я спросилъ о причинѣ пріѣзда? Сашку спасать прибыла. Помяните мое слово, что такъ!

— Да какъ его спасти-то?—закричали женщины.—Что ты брешешь? Со вчерашняго не отрезвился?

— А откупить. Векселей онъ надавалъ фальшивыхъ...

— Ну, и пойдетъ въ Сибирь!—рѣшили женщины.—Туда и дорога.

— Дуры вы, дуры! Дѣло-то еще не началось. Ну, вотъ она и выкупитъ эти векселя.

Дарья Савишна остановилась передъ Протасовымъ, подперши руками бока, въ боевой позѣ.

— Да ты пьянъ или съ похмелья?—вызывающимъ тономъ крикнула она.

— Ахъ ты, дура, дура, торговка рыночная! Горло-то у тебя широкое, а умъ куриный, вотъ что!—произнесъ съ ироніей старикъ и съ бахвальствомъ началъ пояснять:—Иванъ Протасовъ все понимаетъ, все видитъ. Человѣкъ мигнетъ, а Иванъ Протасовъ уже знаетъ, съ чего мигаетъ. Вы-то всѣ передъ Иваномъ Протасовымъ такъ дрянцо какое-то, мразь и больше ничего. Такъ я вамъ вотъ что скажу. Отдастъ наша утица все Сашкѣ, и останетесь вы съ носомъ, плакаться будете, въ ногахъ у нея станете валяться, а взять будетъ нечего.

— Ахъ, батюшка, да какъ же это? Подлецу все отдать?—воскликнула Дарья Савишна, всплеснувъ руками.

— Ольга, Ольга, завтра же бѣги къ теткѣ,—въ слезахъ

Digitized by Google

крикнула Протасова.—Рви скорѣй же, что можно, рви. Ахъ, ты бѣда какая! Ахъ, пропали наши головы! Вотъ не чаяли горя! Подлецу все отдастъ, не было бы ему ни дна, ни покрышки!

— Да мы что же, чужіе ей, что ли?—закричала Ольга.—Онъ мошенничаетъ, а ему же деньги даютъ...

— Завопили на весь подвалъ,—захохоталъ Протасовъ, откинувшись на спинку стула.—Горло перервали бы теперь ему!

— Да ужъ и перервали бы! Ты только хохотать можешь, когда дочь твою грабятъ!—накинулись на него жена и ея сестра.—У тебя-то только душа да сердце въ кабакѣ оставлены...

— Ну, ну, потише!—съ угрозой проговорилъ Иванъ Петровичъ и стукнулъ кулакомъ по столу.

Женщины разомъ смолкли. Онѣ знали, что бываютъ у Протасова въ такія минуты, когда шутить съ нимъ не приходится даже теткѣ Дарьѣ. У семьи какъ-то странно перемѣшивались и презрѣніе, и уваженіе къ этому человѣку— и помыканіе имъ, и страхъ передъ нимъ. Бывали минуты, когда на него кричали, какъ на послѣдняго холопа, но бывали и такія минуты, когда у него въ рукахъ оставались пучки волосъ этихъ женщинъ, и эти женщины только тихо плакали и выли отъ боли. Ольга, можетъ-быть, была права, говоря, что ей было тошно въ этомъ аду, и потому она сама себя потеряла.

V.

Погода уже перемѣнилось. Небо заволокли облака; шелъ не то снѣгъ, не то дождь. Легкій морозъ смѣнился оттепелью, но, тѣмъ не менѣе, въ воздухѣ теперь стало гораздо холоднѣе отъ поднявшагося съ взморья вѣтра. На улицахъ уже зажглись фонари, и ихъ тусклый, мерцающій сквозь сѣть дождя и снѣга, свѣтъ мигалъ и колебался отъ вѣтра, словно трепетно угасая отъ этой непогоды. Кое-гдѣ по улицамъ бѣлѣлъ снѣгъ, но среди него уже блестѣли лужи воды, по поверхности которыхъ пробѣгала иногда рябь подъ порывами вѣтра.

Надежда Дмитріевна выбралась изъ квартиры Протасовыхъ, добрела черезъ длинный дворъ до улицы и наняла перваго попавшагося извозчика, торопясь домой, нуждаясь въ отдыхѣ. Она сѣла въ сани и словно опустилась, сжалась подъ наплывомъ тяжелыхъ думъ. Ей точно слышались

Digitized by Google

теперь голоса всей родни, высокомѣрные и сухіе, грубые и рѣзкіе, повторявшіе одну и ту же фразу:

— Негодяй! Негодяй! Какое же можетъ быть для него спасеніе? Такихъ ссылать надо!

«Говорятъ это,—подумала съ горечью старушка:—и точно радуются, что ему уже нѣтъ спасенія. А сами тоже люди, грѣшатъ тоже».

— Ты моя мама?—слышится ей такъ ясно, ясно серебристый дѣтскій голосокъ, точно трехлѣтній ребенокъ, обратившійся когда-то къ ней съ этимъ вопросомъ, находится теперь тутъ, около нея, жмется къ ней въ этотъ непогодливый вечеръ и проситъ защиты.

«Прижала я его къ груди и сказала: да, да, Шура, я твоя мама»,—вспоминаетъ Надежда Дмитріевна, и по ея розовому старческому лицу текутъ холодѣющія на воздухѣ слезы.

«Хороша мать, которая не отдастъ послѣдней рубашки для спасенія своего сына,—продолжаетъ она думать.—Передъ образомъ клялась тогда быть для него матерью, ради жалости къ нему обѣтъ свой нарушила, а теперь... Не въ счастьѣ любовь узнается, а въ несчастіи. Къ счастливому каждый придетъ; отъ несчастнаго только отворачиваются... И чѣмъ онъ виноватъ? Передъ кѣмъ онъ виноватъ? Не убилъ, не ограбилъ. Себя самого только загубилъ... Если ужъ кто виноватъ, такъ другіе передъ нимъ, а не онъ передъ другими. Какъ росъ? Какъ воспитывался?»

Въ ея памяти снова воскресало прошлое. Она вошла хозяйкой въ домъ Павла Петровича Протасова, когда Александру было три года. Отецъ былъ къ нему сначала просто равнодушенъ; потомъ на ребенкѣ начала отражаться скупость отца. Пряникъ у ребенка отецъ увидитъ, допрашиваетъ: откуда тотъ взялъ пряникъ? Пріучится въ дѣтствѣ пряники ѣсть, а потомъ на хлѣбъ не хватитъ—воровать станетъ. Надо было стараться, чтобы ребенокъ не попадался на глаза отцу съ лакомствами. Она старалась всѣми силами оградить ребенка отъ непріятностей и сдѣлать въ то же время такъ, чтобы ребенокъ не понялъ, что нужно обманывать отца. Задача была трудная. Ребенокъ чутьемъ угадалъ все и научился прятать отъ отца свои лакомства и свои дешевыя игрушки. Иногда мальчикъ разбивалъ случайно посуду, рвалъ среди игръ платье, и изъ-за этого начиналисъ цѣлыя исторіи. Опять, спасая ребенка, надо было скрывать эти мелочи отъ отца, а между тѣмъ отъ названной матери малютка слышалъ, что нѣтъ ничего хуже лжи, и въ

Digitized by Google

головѣ ребенка складывались мучительные вопросы: «лгать гадко, а за правду бранятъ, что же остается дѣлать? Только и остается убѣжать съ глазъ отъ отца». Раза три въ теченіе семи-восьми лѣтъ семья Павла Петровича пріѣзжала въ Петербургъ по дѣламъ на мѣсяцъ, на два, останавливаясь въ домѣ Драгомановыхъ. Здѣсь ребенокъ видѣлъ, что всѣ его кузины и кузены живутъ не такъ, какъ онъ. Дѣтскіе балы, театры, роскошные наряды, масса игрушекъ,— все это выпадало на долю тѣмъ дѣтямъ, но не Александру. Эти дѣти смѣялись надъ нимъ, надъ скупостью его отца. Иногда въ какомъ-то порывѣ оскорбленнаго самолюбія, негодованія, дѣтской злобы, онъ топалъ ножонками и кричалъ:

— Я ненавижу, ненавижу скаредовъ!

Названная мать успокаивала его, разъясняла, что всѣ эти наряды и развлеченія, балы и игрушки—пустяки, что можно жить счастливо и безъ этого. Любить ближняго, быть любимымъ—вотъ главное счастіе человѣка. У кого чиста совѣсть, тотъ во всякомъ положеніи счастливъ. Говоря все это, лаская ребенка, она въ то же время ясно понимала, что этими нравоученіями, въ сущности, только успокаиваетъ свою собственную совѣсть и что прописныя отвлеченныя истины не могутъ войти въ плоть и кровь ребенку, чувствующему себя несчастнымъ.

— А у меня вотъ ничего нѣтъ, и никто меня не любитъ, смѣются только всѣ надо мною,—возражалъ мальчикъ.

— А меня-то ты и забылъ,—ласково шутила она.—Развѣ я тебя не люблю?

— Ты всѣхъ любишь,—говорилъ мальчикъ, хмуря свой лобикъ.

И торопливо замѣчалъ:

— А вотъ они и надъ тобой смѣются. Говорятъ, что ты въ затрапезномъ платьѣ ходишь. Говорятъ, что тебя кухаркой скоро сдѣлаютъ...

— Полно, полно!—прерывала она его.—Чтобы ни говорили, мнѣ все равно. Буду я нужна—ко мнѣ же придутъ... вотъ, какъ ты. Чуть что случится—ко мнѣ же идешь, хотъ я и въ затрапезномъ платьѣ хожу...

— Ты добрая,—пояснилъ мальчикъ, тоскливо припадая головкой къ ея колѣнямъ.

Съ какимъ наслажденіемъ увидала она, что онъ, обижаемый въ городѣ, началъ любить деревню, природу, сталъ даже скучать въ городѣ по роднымъ лѣсамъ и полямъ. Она даже не подозрѣвала, что и тутъ въ ребенкѣ сказалась та

Digitized by Google

же черта, которая явилась въ его отношеніяхъ къ отцу: спорить и ссориться съ сверстниками-родными было гяжело и гадко, жить съ ними мирно не было возможности,—оставалось только бѣжать отъ нихъ. И вдругъ, когда это дитя стало формироваться въ простого, добраго мальчугана, правда, неровнаго по характеру,—то глубоко задумчиваго, то непомѣрно страстнаго, но все же безконечно добраго и мягкаго,—скоропостижная смерть его отца измѣнила положеніе семьи. Родные дѣтей Протасова со стороны ихъ матери, люди сильные и вліятельные отняли дѣтей у Надежды Дмитріевны изъ алчнаго желанія захватить въ свои руки опеку надъ этими дѣтьми. О двухъ дочеряхъ мужа она не сокрушалась, онѣ были уже довольно взрослыя дѣвушки, съ вполнѣ сложившимися характерами. Сжималось у нея сердце за маленькаго Александра. Вырвали его изъ ея объятій и отдали въ модный пансіонъ въ Петербургѣ. Наблюдать за его развитіемъ она могла только издали, урывками, въ пріемные часы въ пансіонѣ.

«Точно куклами, дѣтьми играютъ,—со вздохомъ подумала старушка:—меня же вездѣ упрекали, что я недоросля, мужика какого-то готовила изъ Александра. Ну, вотъ и толкнули на дорогу широкаго развитія, столичнаго безпутства».

— Ахъ, мама, охота вамъ разыгрывать изъ себя чудачку, надъ которой каждый можетъ потѣшаться.

Эти слова услышала разъ Надежда Дмитріевна отъ юноши-пасынка и остолбенѣла.

— Я тебя не понимаю, Шура?—сказала она.

— Одѣваетесь, Богъ знаетъ какъ!—пояснилъ онъ.—Теперь вѣдь отца нѣтъ, и некому ворчать на васъ за расточительность.

Она засмѣялась.

— Ахъ, глупый мальчикъ, ты вотъ о чемъ! Я уже старуха почти, и франтить мнѣ не для чего. Была бы чистота одежды, а франтовство—глупости!

И, не придавая значенія этому пустому, мимолетному замѣчанію мальчугана, она перешла къ другой темѣ.

— А вотъ я тебя пожурить должна. Ты, говорятъ, тратишь слишкомъ много денегъ на пустяки.

— Я же богатъ!

— Ну, всякое богатство можетъ истощиться. Да притомъ, даже при милліонномъ состояніи не для чего бросать деньги на глупости.

Онъ вспылилъ.

Digitized by Google

— Ну, ужъ это вы оставьте! Вторымъ изданіемъ отца я не желаю быть. Довольно я и самъ натерпѣлся изъ-за скаредности отца. Посмѣшищемъ мы для людей были тогда, ну, а теперь я самъ посмѣюсь надъ каждымъ скупцомъ.

— То-есть, изъ скопленныхъ не тобою денегъ будешь пускать пыль въ глаза такимъ же пустымъ малымъ, какъ ты?

— А хоть бы и такъ! Все же лучше скаредничества...

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ и говорить нечего съ тобой. Не люблю я пустыхъ малыхъ, бахваловъ.

Надежда Дмитріевна поднялась, чтобы уйти изъ рекреаціонной залы. Александръ, блѣдный, кусая губы, тоже всталъ съ мѣста и молча пошелъ за нею.

— Такъ и уйдешь?—глухо спросилъ онъ ее почти въ дверяхъ.

— Такъ и уйду,—отвѣтила она.—На что ты мнѣ такой, какимъ ты сталъ?

Она вышла въ коридоръ, строгая на видъ, а въ душѣ только одинъ вопросъ и шевелился: «что если онъ отпуститъ ее?» И тяжело, мучительно-тяжело ей было въ эти минуты.

— Мама, милая, прости!—раздался шопотъ въ темномъ углу коридора, и ея руки, ея лицо покрылись горячими поцѣлуями:—негодный я мальчишка, негодный! Ты простишь? Да?

Она, цѣлуя его, сдерживая слезы, шептала:

— Забѣги ко мнѣ, поговоримъ...

И онъ забѣгалъ къ ней, проводилъ съ ней цѣлые часы, каясь въ своихъ мелкихъ грѣхахъ, мечтая о томъ, что, кончивъ въ пансіонѣ, онъ поступитъ въ университетъ, переберется потомъ въ деревню, сдѣлается земскимъ дѣятелемъ, порядочнымъ человѣкомъ.

— Люблю я нашу деревню! Домъ мы съ тобой перестроимъ, поселимся вмѣстѣ, я женюсь, а ты будешь командовать нами всѣми. Въ Петербургѣ я никогда не останусь. Здѣсь мнѣ всѣ чужіе. Хочется только имъ пыль въ глаза пустить, раздразнить всѣхъ, разругаться со всѣми и заставить ихъ же извиниться за то, что я ихъ обругалъ. Во мнѣ два человѣка: одинъ вотъ тутъ съ тобой, а другой тамъ—у нашихъ милыхъ дядюшекъ и тетушекъ, у кузинъ и кузеновъ...

Часы проходили за часами, и ему нужно было напомнать, что пора идти въ пансіонъ.

Часто повторялись эти сцены, и каждый разъ онѣ дѣла-

Digitized by Google

лись мучительнѣе. Разъ Надежда Дмитріевна, уходя изъ рекреаціонной залы пансіона послѣ крупной размолвки съ Александромъ, томительно ждала, что вотъ-вотъ юноша остановитъ ее. Онъ не остановилъ ее. Она вышла на улицу, какъ пришибленная. Что же будетъ? Неужели такъ все и порвалось? Неужели въ юношѣ то, другое, злое начало взяло окончательно верхъ надъ прежнимъ добрымъ началомъ? Что предпринять? Она вернулась домой совсѣмъ растерянною. Ужъ не придти ли въ слѣдующій пріемный день въ пансіонъ, какъ ни въ чемъ не бывало? Не начать ли дѣлать юношѣ уступки, смотрѣть сквозь пальцы на его кутежи? Кругомъ нея уже начинали говорить, что изъ Александра вырабатывается мотъ, самодуръ—это говорили люди, кутившіе на его счетъ, но въ то же время оскорбляемые его капризами. Она рѣшилась даже на самый трудный подвигъ—обратилась къ роднымъ Александра со стороны его матери, людямъ почти незнакомымъ ей, чтобы разъяснить имъ, что они разрываютъ передъ юношей страшную бездну. Тѣ только пожали плечами. О чемъ она толкуетъ? Всѣ у нихъ такъ живутъ. Какъ же иначе жить? Онъ—богатый, независимый человѣкъ семнадцати лѣтъ и потому покучиваетъ. Это такъ естественно. Характеръ, правда, у него невыносимъ: онъ иногда по-мѣщански грубъ, иногда напоминаетъ купчика-самодура, иногда хвастливъ, какъ выскочка. Но это уже не въ ихъ кругу къ нему привилось. Это результатъ наслѣдственности или воспитанія. Мальчикъ росъ довольно долго не въ своемъ кругу. Все это говорилось холодно, сухо, съ тонкими намеками и колкими вставками. Разувѣрять этихъ людей было трудно, невозможно. Ее не оскорбляли, не задѣвали даже за живое всѣ эти намеки и колкости: ее мучила только одна мысль—вернется ли къ ней ея мальчикъ? Что дѣлать, если не вернется?

«Если можешь простить—прости. Я лежу въ лазаретѣ».

Господи, сколько она плакала отъ радости, получивъ эти двѣ строчки, болѣе краснорѣчивыя для нея, чѣмъ цѣлые листы исписанной бумаги. Она цѣловала ихъ и твердила.

— Вернулся! вернулся!

Живо она помнитъ небольшую, чистенькую лазаретную комнату пансіона съ четырьмя кроватями, покрытыми бѣлыми простынями и такими же одѣялами. На одной изъ этихъ кроватей лежалъ похудѣвшій молодой человѣкъ съ бѣлокурыми вьющимися волосами, съ большими голубыми глазами, съ горящимъ отъ жара лицомъ. Когда она подо-

Digitized by Google

шла къ этой постели, онъ молча припалъ къ ея рукѣ и оросилъ эту руку слезами. Какъ-то дѣтски-наивны были его лихорадочныя рѣчи. «Тогда, когда она ушла, а онъ не остановилъ ея—ему показалось, что они никогда не увидятся. Онъ далъ себѣ слово никогда, никогда не видѣть ея, если она не любитъ его, если она сама можетъ бросить его. Далъ слово и сталъ «дуться» на нее, а у самаго что-то такъ и давитъ, и давитъ сердце. Со всѣми перессорился, бросилъ ученье, кутилъ два вечера, а сердце все давитъ и давитъ. Только онъ рѣшился не писать ей, не ходить къ ней, пока она не придетъ сама. Нуженъ онъ ей, любитъ она его—ну, и придетъ. Нѣтъ—и не надо. Никого ему не надо, онъ никого не любитъ, и его никто не любитъ».

— Горячка сдѣлалась!—заключилъ онъ свою лихорадочную исповѣдь.—И страшно, страшно стало умереть безъ тебя...

На глазахъ у старушки снова навернулись слезы при воспоминаніи объ этомъ днѣ. Тогда ее охватила какая-то безумная мысль—взять своего Сашу, увезти его изъ Петербурга, укрыть гдѣ-нибудь въ глуши и спасти. Она ясно уже сознавала, что здѣсь онъ, надломленный, двойственный, нервничающій, окруженный соблазномъ и толкаемый въ пропасть, погибнетъ...

— И погибъ! погибъ!—тихо шептала она, склоня голову на грудь.

VI.

Надежда Дмитріевна доѣхала до Средней Подъяческой и остановила извозчика у подъѣзда большого каменнаго дома. Здѣсь жила съ давнихъ поръ Александра Николаевна Потапенко, вдова ея брата Льва, съ сыномъ и дочерью. Надежда Дмитріевна во всякое время, наѣзжая въ Петербургъ, имѣла отдѣльную комнату въ квартирѣ этой семьи. Старушка поднялась по лѣстницѣ въ третій этажъ и позвонила. Дверь отворила молодая дѣвушка, черненькая, стройная, еще не сформировавшаяся, съ густыми волосами, заплетенными въ одну косу, въ коричневомъ платьѣ гимназистки. Увидавъ старушку, она обняла ее и поспѣшно, заботливо стала раздѣвать.

— Тетя, а ужъ мы думали съ мамой, что ты гдѣ-нибудь ночевать осталась,—торопливо говорила она, снявъ салопъ съ Надежды Дмитріевны и развязывая ленты ея шляпки.

— Нѣтъ, гдѣ же,—отвѣтила Протасова, цѣлуя племянницу.—Истомилась я сегодня, голубка моя.

Digitized by Google

Изъ комнаты, неспѣшной и ровной походкой, вышла высокая, еще довольно стройная женщина лѣтъ сорока пяти. По сходству съ молодой дѣвушкой, въ ней сразу можно было узнать мать послѣдней.

— Мы за чаемъ сидимъ,—сказала она, цѣлуя Протасову.—Сейчасъ согрѣешься. Погода, кажется, измѣнилась...

— И хорошо, что не отпили чай,—замѣтила старушка:—я даже не обѣдала сегодня.

— Господи!—проговорила хозяйка. Какъ же такъ?

— Я сейчасъ, сейчасъ распоряжусь!—воскликнула молодая дѣвушка, готовясь бѣжать на кухню.

— Не надо, Вѣра, — отозвалась Надежда Дмитріевна, останавливая ее движеніемъ руки.—Я не голодна. Устала только...

Всѣ прошли черезъ просторную, просто, но прилично обставленную гостиную въ столовую. Тамъ, за большимъ чайнымъ столомъ, съ книгой въ рукахъ, сидѣлъ гимназистикъ, вскочившій съ мѣста при появленіи Надежды Дмитріевны и звонко чмокнувшій ее въ губы.

— Ну, что? Сдѣлала ли что-нибудь!—участливо начала хозяйка дома, усаживаясь за самоваръ и наливая чай.

— Я тебѣ тартинку приготовлю, тетя,—сказала молодая дѣвушка, намазывая масломъ хлѣбъ.

— Да, да, хорошо, Вѣра,—отвѣтила Протасова и обратилась къ хозяйкѣ:—поручила обдѣлать все Истомину. Викторъ Павловичъ дѣловой человѣкъ. Отъ другихъ же только одного и наслушалась: «Негодяй, негодяй, туда и дорога!» Вотъ все, что говорятъ родные.

— Бездушные люди!—проговорила хозяйка, слегка пожимая плечами.—Сами загубили и еще смѣютъ бранить!

— Что имъ за дѣло до того, кто виноватъ! Тоже тутъ у нихъ одна исторія съ Ольгой Протасовой вышла. Едва и ее не загубили. Хорошо еще, что я во время пріѣхала.

Хозяйка вопросительно взглянула на Надежду Дмитріевну выразительными черными глазами. Та молча указала взглядомъ на дѣтей и перемѣнила разговоръ.

Когда чай былъ допитъ, всѣ встали изъ-за стола. Гимназистъ и гимназистка отправились въ свои спальни. Надежда Дмитріевна въ сопровожденіи хозяйки пошла въ свою комнату. Здѣсь уже горѣла лампа на переддиванномъ столѣ. Надежда Дмитріевна сняла свое черное шелковое платье, подъ которымъ былъ коричневый шерстяной капотъ, усѣлась въ кресло, достала очки, надѣла ихъ и вынула изъ стояв

Digitized by Google

шей на столѣ корзинки вязанье—полосы для одѣяла. Хозяйка тоже принялась за вышивку по тонкому нансуку. Объ эти женщины привыкли съ давнихъ поръ проводить остатки вечеровъ за работой, въ такомъ затишьѣ, когда Надежда Дмитріевна пріѣзжала въ Петербургъ, или когда эта семья забиралась на лѣто къ Надеждѣ Дмитріевнѣ въ Чернецъ.

— Что съ Ольгой случилось?—спросила хозяйка дома, не отрывая глазъ отъ работы.

— Пала! Чего же можно было больше ожидать?—отвѣтила Надежда Дмитріевна.—Среда такая. А тѣ, родные, волнуются теперь, что она за фельдшера замужъ идетъ. Слава Богу еще, что не отказывается этотъ фельдшеръ взять ее за себя...

Она опустила на колѣни вязанье и видимо заволновалась.

— Нѣтъ, можешь ли ты себѣ представить, что даже Протасовъ, Иванъ Петровичъ Протасовъ, ругаетъ Александра? Онъ-то, потерявшій и стыдъ, и совѣсть, изолгавшійся, исподличавшійся! Судьи тоже, всѣ судьи! Развратникъ, воръ, негодяй—и тотъ, только попадись въ чемъ-нибудь его близкій, принимаетъ позу судьи, вступаетъ въ роль присяжнаго засѣдателя, ни на минуту даже не остановившись въ душѣ надъ вопросомъ: «а я самъ что сдѣлалъ?» Люди! люди!

Она опять принялась за вязанье. Ея руки теперь слегка дрожали отъ охватившаго ея волненія.

— Сегодня вотъ я отдѣлаться не могла весь день отъ думъ объ Александрѣ. Вѣдь все его паденіе на моихъ глазахъ произошло, каждый шагъ его къ этой пропасти я знала.

Она опять замолчала и задумалась, поджавъ немного губы и сдвинувъ брови.

Послѣднимъ порывомъ къ добру въ Александрѣ были дни его болѣзни. По веснѣ, вмѣсто университета, его уговорили поступить въ кавалерійское училище. Безалаберная жизнь сдѣлалась уже постояннымъ явленіемъ. Ѣзда на рысакахъ, кутежи, швыряньe денегъ,—все это шло своимъ чередомъ. Напоминаніе о деревнѣ, о полезной земской дѣятельности, о тихой семейной жизни стали раздражать его, и онъ, точно сердясь на кого-то и на что-то, отрывисто говорилъ Надеждѣ Дмитріевнѣ:

— Еще успѣю старикомъ сдѣлаться!

Въ его отношеніяхъ къ мачехѣ стали примѣшиваться странныя черты: она чудачка, она смѣшная, она мечтатель-

Digitized by Google

ница, она непрошенныя нравоученія любитъ, она смотритъ на все по-мѣщански. Онъ то сердился, иронизировалъ надъ нею, то смотрѣлъ на нее свысока, какъ иногда смотрятъ на ворчливую чудачку-няню, давая ей понять, что если ее и слушаютъ порою изъ снисхожденія къ ея старости, то, тѣмъ не менѣе, ей не позволятъ забываться. Порой можно было подмѣтить, что его просто тяготитъ ея присутствіе, что онъ готовъ откреститься отъ нея, какъ отъ призрака,—и бѣжать, бѣжать прочь. Пустота окружающей среды, безсодержательность свѣтской жизни, казалось, окончательно подавляли всѣ добрыя чувства въ молодомъ человѣкѣ. Жить хорошо и весело, стоять на первомъ планѣ, поражать всѣхъ своими тратами, бросаньемъ денегъ, щедростью,—вотъ все, что, казалось, было задачею жизни этого человѣка, этого сына скряги. Надежда Дмитріевна все видѣла, все понимала и считала окончательно погибшимъ своего Сашу, какъ вдругъ случилось снова нѣчто неожиданное.

Въ одинъ прекрасный день Александръ явился къ ней. Онъ былъ неузнаваемъ: похудѣлъ, поблѣднѣлъ, въ глазахъ лихорадочный блескъ. Онъ коротко объявилъ, что выходитъ въ отставку изъ кирасирскаго полка, гдѣ уже служилъ года четыре. Она и обрадовалась, и встревожилась. Обрадовалась тому, что, вѣроятно, выходя въ отставку, онъ поселится въ деревнѣ; испугалась мысли, почему онъ выходитъ въ отставку такъ внезапно, какъ будто «долженъ» выйти. Онъ никогда не умѣлъ лгать передъ нею и въ тотъ же вечеръ разсказалъ все.

Онъ влюбился въ одну изъ дальнихъ родственницъ по матери. Дѣвушка, повидимому, тоже не была равнодушна къ нему. Онъ имѣлъ полное право надѣяться на ея согласіе выйти за него замужъ. Наконецъ, онъ рѣшился просить ея руки у ея отца и матери.

— Я получилъ отказъ!—рѣзко закончилъ онъ, поднимаясь съ мѣста и ходя въ волненіи по комнатѣ.—Я, видишь ли, веду слишкомъ легкомысленную жизнь. Это онъ-то мнѣ говорилъ, мой двоюродный дядюшка, мой бывшій опекунъ, чуть не спаивавшій меня еще на школьной скамейкѣ. Но этого мало. Мы вѣдь родные, значитъ церемониться нечего, можно говорить все откровенно. Ну, такъ вотъ, его превосходительство сознался, что у него состояніе далеко не велико, а его дочь привыкла жить широко. Ей нуженъ женихъ съ большими средствами, а не человѣкъ, уже влѣзшій въ долги.

Digitized by Google

— У тебя долги? — съ волненіемъ спросила Надежда Дмитріевна.

— Ну, да, — нетерпѣливо отвѣтилъ Александръ: — есть долги, но есть и имѣніе. Объ этихъ пустякахъ нечего говорить. Важно не это. Меня оскорбилъ этотъ отказъ, мнѣ противно было слышать, что этотъ господинъ толкуетъ о моемъ поведеніи, что этотъ отецъ хочетъ повыгоднѣе сбыть свою дочь. Но слушай дальше. Конецъ лучше всего. Старикъ прибавилъ къ этому, что главная-то причина невозможности моего брака съ его дочерью—та, что его дочь уже почти невѣста.

Онъ засмѣялся желчнымъ смѣхомъ.

— Барышня, изволишь ли видѣть, играла въ любовь разомъ съ двумя женихами. Не вытанцовалось бы дѣло съ однимъ, получше, вышла бы за другого, поплоше. А покуда она играла въ погоню за двумя зайцами, ея папаша наводилъ справки, въ какомъ положеніи находятся мои дѣла и дѣла моего соперника. И тутъ торгаши, алтынники! Надняхъ милую барышню объявили невѣстой Николая Драгоманова. Ты, конечно, знаешь, какой репутаціей онъ пользуется. Я предъ нимъ невинный младенецъ. Но я кутилъ, тратя свои деньги, а Николай кутилъ всегда на чужой счетъ; у меня порастрясли карманъ, а у Николая сохранилось довольно кругленькое состояніе. Какъ же не предпочесть его мнѣ?

Онъ сталъ покусывать усы, молча расхаживая по комнатѣ. Надежда Дмитріевна хорошо поняла, что его огорчаетъ не потеря невѣсты: — особенно пылкой любви, какъ видно, тутъ не было, — но отказъ, глубоко задѣвшій его самолюбіе. У нея блеснула надежда на его перерожденіе.

— За что же ты надѣешься взяться?—спросила она.

Онъ усмѣхнулся и пошутилъ.

— За что взяться? за умъ!

Онъ подошелъ къ ней и ласково сказалъ ей:

— Ну, попробуемъ приняться за идиллію. Помоги мнѣ, мама!

Она обрадовалась.

— Значитъ, въ деревнѣ поселишься? Да?

— Да, да, гдѣ же больше? — разсѣянно отвѣтилъ онъ, мечтавшій теперь только о бѣгствѣ изъ столицы.—Опротивѣло все...

И, опять охваченный какимъ-то горькимъ чувствомъ, онъ заговорилъ въ волненіи:

Digitized by Google

— Если бы ты знала, какъ я презираю ихъ всѣхъ. Я, можетъ-быть, испорченнѣе ихъ всѣхъ, но я понимаю это,— и свою испорченность, и ихъ испорченность; а они — они понимаютъ только, что другіе могутъ быть гадки, и это только тогда, когда эти другіе недостаточно богаты, недостаточно щедры по отношенію къ нимъ. Нѣтъ такой мерзости, съ которой они не примирились бы, лишь бы дѣлающій мерзости былъ богатъ, щедръ, поилъ и кормилъ ихъ. Въ этой средѣ все прогнило насквозь...

Онъ и Надежда Дмитріевна поселились въ томъ самомъ имѣніи, гдѣ выросъ Александръ Павловичъ. Имѣніемъ завѣдывалъ управляющій изъ прежнихъ конторщиковъ, смирный, простой, немудреный старикъ, честный до мелочности, но крайне ограниченный по уму. Александръ Павловичъ въ сельскомъ хозяйствѣ самъ ничего не понималъ. Но онъ съ первыхъ же дней, упорно насилуя себя, сталъ вникать въ ходъ дѣла. Въ свободные часы онъ, точно по приказанію, какъ заданный урокъ, перечитывалъ множество книгъ. Надежда Дмитріевна только радовалась, видя, что онъ постоянно занятъ, что онъ усердно старается не терять времени, знакомится съ земствомъ, ходитъ на работы, читаетъ книги о сельскомъ хозяйствѣ. Но иногда по вечерамъ, когда Александръ Павловичъ приглашалъ къ чаю управляющаго, ее смущали нѣкоторыя фразы любимца.

— Наше имѣніе, Иванъ Кузьмичъ, кажется, очень немного приноситъ доходу?—спрашивалъ онъ у управляющаго.

Этотъ маленькій, сѣденькій человѣчекъ, сидя на кончикѣ стула и попивая чай съ блюдечка, замѣчалъ несмѣло и конфузливо, какъ бы извиняясь въ чемъ-то:

— Точно-съ, что мало.

— Отчего же это? Кулаками надо быть, что ли, чтобы увеличить доходы?

— То-есть-съ, не то, что... а все же,—уклончиво отвѣчалъ управляющій.—Какъ люди дѣлаютъ, такъ и мы должны бы...

— Въ плохое время крестьянъ хлѣбомъ ссудить, а потомъ заставить отработать? Да?

— Нужно-съ свои выгоды вездѣ соблюдать,—еще болѣе уклончиво произносилъ старикъ.—Какъ другіе, такъ и мы... Это-съ главное...

И, наливая снова чай на блюдечко, маленькій, сѣденькій старичокъ добавлялъ:

— Деньги тоже въ запасѣ нужно держать, чтобы во время, то-есть, были...

Digitized by Google

— Ну, денегъ-то наличныхъ у меня почти нѣтъ...

— Ахъ, Господи, — вмѣшивалась въ разговоръ Надежда Дмитріевна:—у меня деньги есть, если надо.

Управляющій переводилъ на нее улыбающійся взглядъ:

— Александру Павловичу деньги не помогутъ-съ...

— Какъ такъ?

— Вотъ-съ они нынче взяли да и бросили зря деньги на постройку дома для школы.

— Да вѣдь школа-то чуть не въ хлѣву помѣщалась! — воскликнулъ горячо Александръ Павловичъ.

— Это такъ съ, точно. Ужъ хуже нельзя-съ. Только это не наше дѣло. Это земское дѣло.

— А если земство затягивало постройку новой школы?

— Это-съ его дѣло. Школа не наша.

— Ну, чье бы это дѣло ни было, а мнѣ школа глаза намозолила, и вы бы поразспросили учителя, каково ему въ ней было жить.

— Точно-съ, что... хотя, конечно, онъ вольный человѣкъ. Не нравится, уходи.

— Уйти-то куда?

Александръ Павловичъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Эхъ, Иванъ Кузьмичъ, иногда ушелъ бы, ушелъ бы человѣкъ, да куда? Впрочемъ, не понимаете вы этого.

Иванъ Кузьмичъ обратился къ Надеждѣ Дмитріевнѣ:

— Тоже-съ вотъ больницу Александръ Павловичъ на свой счетъ строятъ.

— Да, голубчикъ вы мой, — перебила Надежда Дмитріевна: — это святое дѣло. А то вѣдь у насъ до доктора не доберешься. Да я сама была рада, когда Саша предложилъ построить пріемный покой на свой счетъ. Это христіанское дѣло.

— Это точно-съ... я только насчетъ того, что, конечно, при очень большихъ капиталахъ... только...

Онъ не кончилъ и, торопливо выпивъ чай, вдругъ вспомнилъ:

— А у насъ, какъ Александръ Павловичъ пріѣхали, такъ всѣ потравы втунѣ оставляются, порубки въ лѣсу тоже...

— Да что вы хотите, чтобы я съ нищими процессы велъ, съ бѣдняковъ рубашки снималъ?— запальчиво проговорилъ Александръ Павловичъ.

И, видя испуганное лицо старичка, засмѣялся и потрепалъ его по плечу.

— Или: «какъ люди, такъ и мы»?

Digitized by Google

Старикъ пріободрился.

— Это-съ точно... хотя, конечно, по-христіански если судить... только-съ тутъ, такъ сказать, управленіе своими имѣніями, родительское благословеніе, а не то что...

Онъ спутался, крякнулъ и добавилъ со вздохомъ:

— Если по христіанству, такъ раздай имѣніе нищимъ...

Александръ Павловичъ уже ходилъ тревожно по комнатѣ. За нимъ съ какимъ-то смутнымъ опасеніемъ слѣдили глаза Надежды Дмитріевны. Она, казалось, хотѣла прочитать, что творится въ его душѣ. Управляющій, ободренный молчаніемъ, наливъ на блюдечко еще чаю, началъ философствовать:

— И съ мужикомъ нельзя по-христіански. Вы ему пальцъ — онъ руку откуситъ. Баринъ злой — на ножахъ съ нимъ; баринъ добрый—обирай его, какъ липку.

— А мы лучше?—мелькомъ спросилъ Протасовъ.

Старикъ обидѣлся.

— Я вѣрой и правдой двадцать лѣтъ состою у васъ и у покойнаго вашего батюшки, царство ему небесное, на службѣ.

— Я не про васъ!—сквозь зубы сказалъ Александръ.

Но старикъ продолжалъ волноваться.

— На мнѣ крестъ есть. Я блюду интересы ваши, а самъ—похоронить меня нечѣмъ будетъ, если умру.

Надежда Дмитріевна замѣтила, что у старика задрожали руки, и успокоила его:

— Да развѣ мы васъ не знаемъ, Иванъ Кузьмичъ?

Александръ Павловичъ опять похлопалъ его по плечу.

— Такъ что же учите меня кулакомъ быть, если сами ничего не нажили.

— Я-съ не воръ,—замѣтилъ старикъ.—А что хозяинъ, то-есть землевладѣлецъ, долженъ блюсти свой интересъ, такъ это точно, и всегда я скажу, что христіанство тутъ не при чемъ, одна-съ мечта...

— Да, да, одна мечта, — повторилъ Александръ Павловичъ, ходя по комнатѣ.

Въ другой разъ, тоже вечеромъ, когда Иванъ Кузьмичъ уже сидѣлъ въ столовой около Надежды Дмитріевны и благодушно попивалъ чаекъ, Александръ Павловичъ вошелъ въ комнату, видимо взволнованный, и спросилъ управляющаго, садясь къ столу:

— Иванъ Кузьмичъ, кто у насъ здѣсь не изъ кулаковъ ворочаетъ дѣлами?

Digitized by Google

Иванъ Кузьмичъ немного растерялся и спросилъ:

— То-есть, это какъ, и насчетъ какого предмета изволите спрашивать, Александръ Павловичъ?

— Кто изъ нашихъ воротилъ не кулакъ, спрашиваю я васъ,—повторилъ Протасовъ.

— Да кому же-съ быть, — проговорилъ Иванъ Кузьмичъ. — Извѣстно, кулакъ — сила, и все такое у него въ рукахъ, и деньги и власть... Кому же ворочать дѣлами, какъ не имъ, если на то идутъ?

— Да отчего же другіе-то не идутъ ворочать дѣлами, не кулаки-то?

— Идутъ-съ, только силы у нихъ той нѣтъ, хитрости... Брезгуютъ тоже часто люди, а кулакъ ничѣмъ не брезгуетъ-съ, потому за свою шкуру стоитъ... гдѣ же тутъ брезговать?

Иванъ Кузьмичъ спокойно сталъ потягивать чаекъ, а Протасовъ заходилъ по комнатѣ.

— Васъ послушать, такъ честнымъ людямъ и не сломить этой силы,—сквозь зубы замѣтилъ онъ.

— Это точно-съ, — согласился Иванъ Кузьмичъ: — конечно-съ, многіе люди этимъ мечтаніямъ предавались и даже писали насчетъ этого всего: а только это все пустое. Всегда такъ было-съ и всегда такъ будетъ-съ.

— Вотъ вы какъ смотрите на дѣло! Да какъ же жить, сознавая, что подлецы всегда будутъ торжествовать? Васъ это и не тревожитъ, кажется.

Старикъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Что же-съ, я служу вѣрой и правдой, свое дѣло дѣлаю. Что же мнѣ! Я маленькій человѣкъ — меня никто не тронетъ, и я никого не трогаю...

— Да, да,—усмѣхнулся Протасовъ.—Была бы своя совѣсть чиста, а тамъ хоть трава не расти...

— Выше лба глаза не растутъ...

Подобные разговоры повторялись все чаще и чаще, и какая-то мрачная тѣнь ложилась на лицо Александра Павловича.

Какъ-то разъ вечеромъ онъ вошелъ въ столовую и засталъ Надежду Дмитріевну сидящею на диванѣ съ ворохомъ холста. Онъ присѣлъ къ ней и спросилъ, что она дѣлаетъ. Она сказала, что это рубашонки для одного новорожденнаго, котораго она будетъ крестить. Онъ спросилъ ее, что она дѣлала утромъ. Больныя бабы къ ней приходили. А потомъ? Возилась она съ дѣвочками, которыя учатся у нея вязать фуфайки и шарфы.

Digitized by Google

Многихъ она уже научила этому дѣлу, и оно оказалось выгоднымъ.

— И такъ цѣлый день, цѣлый день полонъ заботъ,—перебилъ онъ ее:—и, главное, увѣренности, что все это нужно...

Онъ замолчалъ. Она что-то заговорила, стала разсказывать о новостяхъ дня, слышанныхъ отъ фельдшерицы и матушки-попадьи. Онъ не слушалъ ея. Наконецъ, онъ опустился на скамейку у ея ногъ, уперся локтями въ диванъ и, опустивъ на руки голову, спросилъ Надежду Дмитріевну:

— Мама, доходила ли ты когда-нибудь до отчаянія?

Она опустила шитье и повернула къ нему голову.

— До отчаянія? — переспросила она съ удивленіемъ во взглядѣ.—Нѣтъ. Ты знаешь, что я выносливый человѣкъ.

Она хотѣла взяться снова за шитье.

Онъ замѣтило тихо:

— Оставь, успѣешь. Поговоримъ. Тяжело мнѣ сегодня.

Она отложила въ сторону шитье и погладила его по головѣ, какъ ребенка.

— Что съ тобой, Шура?

— Долго разсказывать,—коротко отвѣтилъ онъ.

И, глядя ей въ лицо, сказалъ:

— Скажи, иногда ты, должно-быть, глубоко презираешь меня?

— Что тебѣ пришло въ голову! — воскликнула Надежда Дмитріевна.

— Но вѣдь я самъ, я самъ презираю себя.

— Зачѣмъ ты все преувеличиваешь! Я понимаю, что ты можешь быть иногда недоволенъ собою, но это еще не значитъ презирать себя. Это недовольство — первый шагъ къ лучшему.

Онъ остановилъ ее.

— Не обманывай себя. Я уже давно пересталъ обманываться. Я не недоволенъ собою,—я презираю себя. Презираю за все и прежде всего за то, что даже это презрѣнье къ себѣ не можетъ поднять во мнѣ несуществующей энергіи, встряхнуть меня.

Онъ вдругъ всталъ съ исказившимся лицомъ, почти испытывая физическую боль.

— Нѣтъ, силъ нѣтъ даже для того, чтобы прямо, откровенно сознаться.

Онъ взялъ ея руки и поднесъ къ губамъ.

— Ты нездоровъ? — заботливо проговорила она, цѣлуя его.—Не уходи, поговоримъ...

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ! покойной ночи!

Онъ обнялъ ее, поцѣловалъ.

— Не сердись на меня ни за что. Помнишь, я когда-то писалъ тебѣ: «если можешь простить — прости». Ну, вотъ не забудь этой мольбы, что бы со мной ни случилось...

Онъ быстро вышелъ.

Она не спала почти всю ночь, недоумѣвая, что случилось съ Александромъ. На другой день, утромъ, онъ, блѣдный, очевидно не спавшій всю ночь, стараясь скрыть свое волненіе, коротко заявилъ ей, что ему нужно съѣздить по дѣламъ въ Петербургъ. Когда онъ говорилъ ей это, онъ смотрѣлъ куда-то въ сторону и какъ-то нетерпѣливо старался уйти отъ нея. Онъ уѣхалъ, а послѣ его отъѣзда ей подали письмо отъ него. Онъ писалъ:

«Три года я пробовалъ переродиться. Оказывается, что это невозможно. Играть роли въ земствѣ я никогда не буду: оружія нѣтъ для борьбы. Хозяиномъ я тоже никогда не сдѣлаюсь. Тутъ надо: «какъ люди, такъ и мы». Этого я не могу. Да, наконецъ, и можно ли хозяйничать, когда дѣла уже давно запутаны до послѣдней степени? Но это не все. Три года я обманывалъ самъ себя, игралъ роль остепеняющагося человѣка. Остепеняющійся человѣкъ, нерѣдко напивавшійся ночью до безчувствія, тайкомъ, воровски! Натуры не передѣлаешь, привычекъ не истребишь. Я уѣзжаю изъ имѣнія навсегда. Не сказалъ тебѣ, потому что ни на что порядочное, даже на честную откровенность нѣтъ силъ. Сказать тебѣ могу одно: можешь простить — прости».

Съ этой поры Александръ почти исчезъ изъ глазъ Надежды Дмитріевны. Всѣ знали, что онъ по большей части живетъ въ Петербургѣ, что онъ кутитъ, опускаясь все ниже и ниже, но Надежда Дмитріевна не могла повліять на него. Пробовала она заходить къ нему, говорить о перемѣнѣ образа жизни. Все это не вело ни къ какимъ результатамъ. Что-то мучительное отражалось на его лицѣ, когда онъ говорилъ съ нею. Было видно, что его нервы страшно расшатались. Разъ онъ окончательно раздражился во время свиданія съ ней.

— Ахъ, неужели ты не понимаешь, что мнѣ тяжело видѣть тебя? — воскликнулъ онъ, и по его лицу пробѣжала болѣзненная гримаса.

— Тяжело видѣть меня! — съ изумленіемъ проговорила она, не понимая его.

Digitized by Google

— Ну да, ну да!—запальчиво произнесъ онъ.—У каждаго еще не совсѣмъ обезумѣвшаго человѣка есть своя мучительница-совѣсть, и ея за глаза довольно, чтобы отравить жизнь, когда всѣ его поступки идутъ въ разрѣзъ съ нею, и она идетъ въ разрѣзъ со всѣми его поступками; когда въ немъ разомъ живутъ и судья, и преступникъ, оба одинаково безсильные, постыдно безсильные—судья, не могущій исправить преступника, и преступникъ, глумящійся надъ безсиліемъ судьи.

Онъ засмѣялся злымъ глухимъ смѣхомъ.

— А тебѣ хочется, чтобы у меня еще было двѣ совѣсти: одна во мнѣ самомъ, другая въ твоемъ лицѣ. Ну да, я погибаю, погибну... что же ты можешь сдѣлать для моего спасенія? Для такихъ людей, какъ я, есть одно спасеніе—самоубійство. Самъ я безсиленъ даже для этого; что же, не ты ли дашь мнѣ въ руки ножъ.

Онъ заходилъ по комнатѣ.

— Я веду разгульную жизнь. Я знаю, къ чему меня приведетъ это. Къ смерти гдѣ-нибудь подъ заборомъ. Я ненавижу эту жизнь, но остановиться не могу. Обѣщанія давалъ и сдерживалъ ихъ до первой рюмки водки. Безъ нея, безъ этой рюмки водки, я уже несчастный человѣкъ.

— А она дѣлаетъ счастливѣе?—съ горечью спросила Надежда Дмитріевна.

Онъ остановился передъ нею и заговорилъ почти сурово:

— Не думай читать наставленія. Я все самъ знаю, все передумалъ, передумываю. Ты говоришь и можешь говорить только то, что говоритъ моя совѣсть. Ты вѣдь воспитала ее. Другіе воспитали характеръ, привычки,—и предъ всѣмъ этимъ совѣсть оказалась безсильной. Зови меня, какъ хочешь, я не стану оправдываться. Если я могу сказать что-нибудь въ свою защиту, такъ только то, что я гублю одного себя...

Казалось, онъ былъ вполнѣ равнодушенъ съ своей гибели. А между тѣмъ онъ все еще дѣлалъ попытки спастись. Онъ поступалъ на службу, уѣзжалъ изъ Петербурга, исколесилъ всю Россію, и результатъ явился одинъ: пьянство и кутежи. Онъ сталъ вести, наконецъ, въ Петербургѣ бродячую жизнь по какимъ-то мелкимъ трактирамъ и веселымъ домамъ и иногда устраивалъ непріятные сюрпризы разнымъ своимъ родственникамъ, то являясь передъ ними гдѣ-нибудь на Невскомъ въ жалкой одеждѣ, то разсказывая на всѣхъ перекресткахъ про нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ они его оби-

Digitized by Google

рали, какъ они живутъ, откуда у нихъ являются большія средства. Въ этихъ преслѣдованіяхъ родни стало проявляться что-то систематическое, что-то безпощадно-мстительное. Наконецъ, года черезъ четыре послѣ возвращенія Александра въ Петербургъ, среди его родныхъ разнеслись слухи о выданныхъ имъ векселяхъ съ фальшивыми подписями разныхъ его родственниковъ. Эти векселя были показаны въ послѣднее время этимъ родственникамъ, и ихъ владѣлецъ грозилъ начать дѣло...

Давно уже пробила полночь, давно ушла Александра Николаевна изъ комнаты Надежды Дмитріевны, а старушка все еще не гасила лампы и думала, передумывала горькія думы. Ругаютъ вотъ всѣ Александра, а у нея болитъ за него сердце болѣе чѣмъ за самыхъ честныхъ людей,—какъ за калѣку отъ рожденія, болитъ ея сердце за него. Если бы ей удалось спасти его отъ позора, отъ ссылки спасти! Тогда она взяла бы его къ себѣ въ Чернецъ, и кончено—уже не мальчикъ онъ, перебродилось, должно-быть, все, сумѣетъ она если не исправить его, то пріютить, какъ душевнобольного...

— А кто знаетъ, можетъ-быть, и переродится?—мелькалъ въ головѣ лучъ надежды.

VII.

Пріѣздъ Надежды Дмитріевны въ Петербургъ всегда производилъ нѣкоторый переполохъ въ извѣстномъ муравейникѣ. Разная родня Павла Петровича Протасова и даже не родня, а дѣти разныхъ крестницъ и крестниковъ самой Надежды Дмитріевны, Софьи Петровны и Евгеніи Петровны считали своимъ долгомъ забѣжать къ Надеждѣ Дмитріевнѣ и такъ, или иначе сорвать что-нибудь съ нея. Этого сорта паразиты вѣчно вертятся около богатыхъ людей, срывая съ нихъ все, что возможно, тѣми или другими путями. Назойливость нѣкоторыхъ изъ этихъ людей доходила до наглости, до вымогательства подачекъ чуть не силою и угрозами. Надежда Дмитріевна нисколько не обманывалась на ихъ счетъ и знала, что многіе изъ нихъ просто тунеядцы; тѣмъ не менѣе она помогала имъ, какъ могла, сознавая въ душѣ, что и паразитство есть несчастіе. Въ настоящій ея пріѣздъ въ Петербургъ, повторилась обычная исторія посѣщеній просителей и просительницъ, присылки трогательныхъ писемъ и слезныхъ просьбъ, но впервые все это подѣйствовало на старушку раздражающимъ образомъ. Въ ней яви-

Digitized by Google

лось какое-то странное равнодушіе къ хныканьямъ и моленьямъ этихъ людей, такъ какъ всѣ ея думы были направлены на одинъ предметъ,—на ожиданіе того, что скажетъ ей Викторъ Павловичъ по дѣлу Александра. Она дрожала теперь надъ каждымъ грошомъ, боясь, что у нея не достанетъ средствъ для спасенія Александра.

На другой день послѣ посѣщенія квартиры Ивана Петровича, вставъ по обыкновенію рано, она напилась чаю съ семьей покойнаго брата и вернулась въ свою комнату, чтобы взяться за вязанье. Ей не хотѣлось никуда выходить, не хотѣлось никого видѣть. Въ девять часовъ принесли письмо. Взглянувъ на конвертъ, она сейчасъ же узнала по почерку, отъ кого было это посланіе, и отложила письмо въ сторону, зная впередъ его содержаніе. Это было письмо отъ Сѣмичевой. Мать этой Сѣмичевой жила когда-то горничной въ домѣ Драгомановыхъ и съ ней случился «грѣхъ». Кто былъ виновникомъ этого грѣха — осталось неизвѣстнымъ; одни говорили, что какой-то лакей; другіе утверждали, что самъ Драгомановъ. Согрѣшившая старалась намеками поддерживать послѣднее мнѣніе, находя его выгоднымъ для себя. У этой горничной родилась дочь и окрестила ее Надежда Дмитріевна. Этого было довольно, чтобы въ теченіе сорока лѣтъ «крестную» теребили при всякомъ удобномъ случаѣ. Давно уже крестница была замужемъ за Сѣмичевымъ, какимъ-то франтоватымъ конторщикомъ на канатной фабрикѣ; давно уже у Сѣмичевой были взрослыя дѣти, а крестная все должна была платить контрибуцію. Иногда, когда крестная помогала не сразу, ей писали письма съ упреками глупыми и пошлыми, наглыми и дерзкими, что не мѣшало потомъ крестницѣ униженно цѣловать ея руки и, въ концѣ концовъ, добиваться ея помощи. И слезныя просьбы, и дерзкія приставанья вызывали въ душѣ Надежды Дмитріевны одно и то же чувство: эти люди казались ей жалкими. Теперь, получивъ это письмо, она разсердилась.

«Вотъ навязались на шею, тунеядцы,—мысленно рѣшила она и, отбросивъ нераспечатанное письмо, принялась снова за работу.—Тунеядцы? А, можетъ-быть, точно у нихъ есть нечего? Виноваты они, что ли, что у нихъ такъ сложились обстоятельства, что они не могутъ сводить концовъ съ концами, не могутъ упорно бороться съ судьбой? Вонъ Александръ,—если судить его со стороны,—еще хуже ихъ, а она только и думаетъ о томъ, какъ бы спасти его; ради него гроша теперь никому не даетъ; все убить готова на его спасеніе.

Digitized by Google

Ее начинало охватывать какое-то смутное волненіе. Сколько людей осудятъ ее за это; сколько проклятій пошлется ему за то, что она все истратила на него? Какъ же быть, какъ быть? Въ передней послышался звонокъ, старушка вздохнула и тотчасъ же радостно подумала: «не Викторъ ли Павловичъ?» Въ передней раздался звонкій голосъ Ольги Протасовой. Надежда Дмитріевна поморщилась. Черезъ минуту Ольга уже была въ комнатѣ Надежды Дмитріевны. За нею шелъ какой-то бѣлокурый франтовато-одѣтый военный—писарь, какъ показалось Надеждѣ Дмитріевнѣ. Онъ ступалъ легко и осторожно, точно приплясывая или присѣдая на ходу.

— Тетя, я къ вамъ,—сказала Ольга, наклоняясь къ рукѣ Надежды Дмитріевны:—привела жениха познакомить съ вами.

Молодой франтъ съ свѣтлыми, почти бѣлыми волосами, съ блѣдными оловянными глазами, съ непріятными бѣлыми рѣсницами, со слащаво улыбающимся розовымъ лицомъ расшаркался передъ Надеждой Дмитріевной, застѣнчиво и жеманно закатывая глаза.

— Много наслышанъ-съ!—произнесъ онъ, протягивая ей руку, при чемъ онъ подалъ четыре пальца, не сгибая ихъ и не пожимая руки старухи.—Чрезвычайно лестно!

Надежду Дмитріевну немного покоробило отъ этого визита, отъ этой непрошенной поспѣшности племянницы. Тѣмъ не менѣе, она пересилила себя и пригласила посѣтителей присѣсть. Ольга затараторила:

— Онъ, тетя, у меня какъ красная дѣвушка,—робкій и конфузливый...

— Это точно-съ, отъ непривычки къ обществу,—жеманно замѣтилъ фельдшеръ, склоняя на бокъ голову. — Притомъ же эта форма унизительная и такимъ грязнымъ дѣломъ приходится заниматься...

— Ахъ, что вы глупости говорите, — оборвала его Надежда Дмитріевна. — Я сама повивальная бабка и лѣчу больныхъ. А форма—не генеральскую же форму фельдшерамъ дать.

— Конечно-съ, конечно-съ, только въ порядочномъ обществѣ конфузно,—оправдывался фельдшеръ, опять жеманно склоняя голову на бокъ и стараясь интересничать.

— Вотъ наши родные и на порогъ его не пустятъ, — воскликнула Ольга.

— Да что вамъ у нихъ и дѣлать?—перебила ее Надежда Дмитріевна. — У каждаго долженъ быть подходящій кругъ знакомства. Не въ свои сани не садись...

Digitized by Google

Ольга, осматривая зоркими глазами комнату, увидала письмо на столѣ и вспыхнула, подстрекаемая любопытствомъ узнать, отъ кого оно. Она знала, что тетку осаждаютъ со всѣхъ сторонъ просьбами.

— Тетя, а вы вѣрно не видали, тутъ письмо къ вамъ,— проговорила она, взявъ конвертъ со стола.

— Нѣтъ, видѣла,—отвѣтила старуха.

— Навѣрно просьба какая-нибудь! — воскликнула Ольга.

— Слышалъ-съ, что много благодѣтельствуете,—вставилъ любезно свое слово фельдшеръ.

— Не изъ чего много благодѣтельствовать, — коротко отрѣзала Надежда Дмитріевна.

— Ахъ, тетя, что вы! Всѣ же знаютъ, что вы все раздаете!—горячо произнесла Ольга Протасова.—Какіе-нибудь Сѣмичевы и тѣ рвутъ съ васъ.

Старуху передернуло, и она почти грубо сказала:

— Какъ это они рвутъ съ меня, когда я вотъ даже ихъ писемъ не читаю?

— Ахъ, такъ это отъ нихъ? Я такъ и думала!—въ волненіи произнесла Ольга и загорячилась.—Вотъ нахалы-то! Самъ франтитъ, по театрамъ ѣздитъ, въ клубѣ актерствуетъ, жена рядится, дочери на сценѣ въ циркѣ...

Надежда Дмитріевна опять оборвала ее:

— Да что ты мнѣ разсказываешь про нихъ? Мнѣ-то что за дѣло, какъ вы всѣ здѣсь живете? Послушать васъ всѣхъ порознь, въ грязи другъ друга выкупаете да дегтемъ вымажете.

Фельдшеръ деликатно согласился, закативъ глаза:

— Это-съ точно, въ Петербургѣ злословіе, можно сказать, страшное!

— А вотъ вы ее и отучайте отъ этого, когда женитесь,— сухо сказала Надежда Дмитріевна.

И прибавила:

— Когда свадьба?

— Тетя, милая, развѣ мы можемъ опредѣлить!—воскликнула Ольга плаксивымъ голосомъ. — Нужно же приготовиться. Ничего у меня нѣтъ. Мы и пришли вотъ къ вамъ просить...

Фельдшеръ опустилъ скромно глаза.

— Я теперь почти ничего не могу дать,—въ волненіи и замѣшательствѣ сказала старуха.—У меня тутъ дѣла. Но, конечно, я похлопочу.

— Ахъ, тетя, знаю я, знаю, вы все теперь объ Александрѣ,—воскликнула Ольга Протасова.

Digitized by Google

— Ну, это не твое дѣло!—перебила ее Надежда Дмитріевна.

— Нѣтъ, тетя, нѣтъ! — запальчиво, визгливымъ тономъ, воскликнула Ольга.—Дайте мнѣ высказать, ужъ если я начала! Александръ тысячи просадилъ, на вѣтеръ все распвырялъ, а объ немъ заботятся. Я же, не покладая рукъ, шила, всю молодость мою убила, красныхъ дней не видала, а что мнѣ въ награду? Отказъ одинъ. Одни говорятъ: «не смѣй выходить замужъ», потому что имъ стыдно фельдшера въ родню взять. Другіе говорятъ: «мы помочь не можемъ», потому что для негодяевъ всегда деньги найдутся, а для честной дѣвушки...

Старуха, задыхаясь отъ волненія, проговорила:

— Ты что же ссориться со мной пришла?

Фельдшеръ испугался и обратился къ своей невѣстѣ:

— Перестаньте-съ, тетенька сердится... Она въ правѣ сердиться... Все же преклонныя лѣта...

— Нѣтъ, ужъ ты меня не останавливай! — крикнула Ольга, вся багровая отъ злости.—Я правду люблю. Я сама все потеряю, а правду выскажу. Моего отца никто не спасалъ, когда онъ погибалъ. А отецъ не одинъ былъ, у него жена была, дѣти были. Ну, его оставили погибать за грѣхи. А насъ-то за что губили? Мы чѣмъ виноваты были? Почему намъ въ помощи отказываютъ? Или на Невскій мнѣ надо идти, самой себя потерять, послѣдней побродяжкой сдѣлаться...

Фельдшеръ расчувствовался. Онъ, повидимому, былъ вообще изъ чувствительныхъ.

— Это точно-съ, можно сказать, убійственная судьба,— проговорилъ онъ со вздохомъ и неторопливо, вкрадчивымъ тономъ, сталъ разъяснять.—Положимъ, Ольга Ивановна на благороднаго человѣка напали, такъ какъ я не изъ интереса, хотя, конечно, сами Иванъ Петровичъ много мнѣ говорили о родныхъ...

Онъ перевелъ духъ, окончательно запутавшись въ объясненіяхъ.

— Да ждите помощи отъ нашихъ родныхъ!—воскликнула Ольга.

— Это вы напрасно-съ, Ольга Иванова,—остановилъ онъ ее, и это лицо вербнаго херувима приняло нѣсколько обиженное и въ то же время нахальное выраженіе.—Вотъ папаша еще допрежъ того, какъ мы съ вами познакомились, не разъ всѣмъ и каждому говорилъ, что за вами дадутъ приданое. Да иначе-съ и невозможно никакъ. Я, вы знаете, человѣкъ бѣдный и льщусь, чтобы моя жена что-нибудь

Digitized by Google

имѣла. А тетеньку вы тоже напрасно сердите, потому у нихъ сердце есть, и не захотятъ онѣ вашей погибели, такъ какъ, значитъ, ваше такое положеніе, что вамъ не токмо родные, а чужіе изъ одного состраданія содѣйствовать должны. Не въ воду же вамъ въ самомъ дѣлѣ броситься, если я, какъ человѣкъ бѣдный, буду не въ состояніи никакого конфорту и привилегіи вамъ предоставить. А вѣдь ужъ если не я, такъ другой и подавно васъ теперь не возьметъ въ настоящемъ вашемъ видѣ.

И еще наглѣе онъ спросилъ свою невѣсту:

— Тетенька, конечно, извѣстны насчетъ всего касательно васъ.

— Скроешь что-нибудь у насъ!—раздражительно проговорила Ольга, отвернувшись въ сторону.

— Зачѣмъ же-съ скрывать? Это только подвигнуть можетъ дѣло,—произнесъ фельдшеръ, жеманно пожимая плечами и опять закатывая свои блѣдные оловянные глазки.— Сдѣланнаго теперь не воротишь, и нужно только конпромисъ сдѣлать, такъ сказать, грѣхъ загладить вашъ...

Надежда Дмитріевна не пробовала даже прерывать потокъ визгливыхъ возгласовъ Ольги и сладкаго краснорѣчія херувима-фельдшера.

Она сознавала, что она можетъ прервать эти разсужденія, выбросивъ племянницѣ пятьсотъ или тысячу рублей, но ее охватывала одна мысль: «а если недостанетъ на спасеніе Александра?» И въ то же время ей было точно стыдно, что она не рѣшается бросить подачку этой крикливой и наглой родственницѣ, этому неповинному и глуповатому на видъ, но ловкому плуту. Поднималась въ головѣ и еще одна мысль—мысль о томъ, что всѣ обвинятъ ее, старуху, если она не поможетъ этой павшей дѣвушкѣ, отдавъ все за Александра—и будутъ правы, такъ какъ она отдала все за спасеніе «негодяя», а пожалѣла дать этой, въ сущности ни въ чемъ неповинной и тоже несчастной, дѣвушкѣ.

Надежда Дмитріевна что-то хотѣла сказать, какъ вдругъ раздался рѣзкій звонокъ въ передней. Она сразу узнала по звонку, кто звонитъ, и торопливо поднялась съ мѣста.

— Это ко мнѣ... это Викторъ Павловичъ,—быстро заговорила она.—Ступайте! Я буду хлопотать. Не безпокойтесь...

Молодые люди бросились къ ея рукѣ.

Она нетерпѣливо повторила:

— Хорошо! хорошо! Ступайте!

Digitized by Google

И, уже не помня ничего, поспѣшно шла впереди ихъ въ переднюю.

— Ко мнѣ, ко мнѣ!—говорила она съ порога, завидѣвъ Истомина.—Ну, такъ? что?..

Она даже не поздоровалась съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Онъ вошелъ въ комнату, заперъ дверь, пожалъ руку старушкѣ и проговорилъ:

— Шантажъ!

Она опустилась на кресло, чувствуя, что ея ноги дрожатъ. Истоминъ вынулъ портсигаръ, взялъ папироску, зажегъ спичку, закурилъ и сѣлъ противъ старушки.

— Слушайте!

Онъ попросилъ позволенія разстегнуть свой генеральскій сюртукъ, усѣлся поудобнѣе и началъ съ улыбкой, немного самодовольнымъ тономъ:

— Я положительно открылъ въ себѣ на этомъ дѣлѣ способности хорошаго сыщика. Дорылся до самой сущности въ какой-нибудь часъ времени.

— Хорошо, хорошо, голубчикъ, — перебила она его: — суть-то, суть-то говорите.

— Надо все по порядку,—проговорилъ онъ.— Вчера же я послалъ за кредиторомъ Александра, господиномъ Герзоновымъ.

— Александра-то видѣли?—перебила она.

— Зачѣмъ? Это значило бы портить дѣло. Я призвалъ кредитора и спросилъ о цифрѣ долга. Онъ отвѣтилъ сначала уклончиво. Тогда я сказалъ равнодушнымъ тономъ, что во всякомъ случаѣ долговъ за Александра никто платить не будетъ, и что я пригласилъ его для того, чтобы предостеречь отъ дальнѣйшихъ ссудъ Александру. Онъ усмѣхнулся и объявилъ, что онъ больше и не даетъ ему, но что, вѣроятно, родные отдадутъ то, что Александръ уже задолжалъ. Я выразилъ свое удивленіе: «Съ какой стати станутъ они платить?» «Бланковыя надписи имѣются»,—отвѣтилъ онъ. «Поддѣльныя»,—сказалъ я. «Можетъ-быть»,—равнодушно отвѣтилъ онъ. Тутъ-то ужъ я и началъ пытку.

Онъ всталъ и молодцовато заходилъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы панталонъ и постукивая шпорами, веселый и самодовольный.

— Суть вотъ въ чемъ, насколько я понялъ,—продолжалъ онъ разсказывать. — Когда Александръ промоталъ все, у него осталось нѣсколько тысячъ долгу; конечно, получить этотъ долгъ по векселямъ уже не было никакой возможно-

Digitized by Google

сти его кредиторамъ. Одинъ изъ нихъ не то еврей, не то армянинъ, не то полякъ, нашелся. Онъ скупилъ всѣ ничего не стоющіе векселя, попросилъ Александра переписать ихъ и даже пообѣщалъ дать еще сколько-то денегъ, если явятся векселя съ бланками нѣкоторыхъ изъ его родныхъ.

Надежда Дмитріевна горько усмѣхнулась:

— Думалъ, вѣрно, что тѣ не дадутъ погибнуть Александру, хоть ради семейной чести...

— Мнѣ, кажется, расчетъ былъ вѣрнѣе,—замѣтилъ Истоминъ.—Этотъ господинъ Герзоновъ, насколько я могъ выпытать, надѣялся на другое. Александръ ни отъ кого не скрывалъ, что родные обирали его въ лучшіе дни его жизни. Онъ показывалъ даже письма, гдѣ эти родные просили у него взаймы или благодарили за присланныя деньги. У него есть кое-какія расписки на клочкахъ бумаги, чуть ли даже не просроченные векселя. Господинъ Герзоновъ разсчиталъ, что въ случаѣ суда Александръ разскажетъ о своей прошлой жизни и можетъ скомпрометировать десятки своихъ родныхъ. Значитъ, въ интересѣ этихъ лицъ—не допустить дѣло до суда и уплатить прямо долги...

— Что же онъ медлитъ? Я не понимаю,—глухо сказала Надежда Дмитріевна.

— Ну, подать ко взысканію векселя было не расчетъ. Тогда дѣло могло и проиграться. Надо было запугать родственниковъ до суда.

Онъ остановился въ раздумьи.

— Одного я не понимаю, почему Александръ еще не прибѣгнулъ до сихъ поръ къ этому запугиванію...

— Ахъ, Господи, этого еще недоставало, чтобы Александръ шантажистомъ сдѣлался! Надо Бога благодарить, что я во-время все узнала, — воскликнула Надежда Дмитріевна. — Главное-то, главное-то скажите: сколько нужно, чтобы все кончить.

Викторъ Павловичъ сталъ совершенно серьезенъ. Что-то сильно теперь озабачивало его. Онъ мелькомъ сказалъ, что всего нужно тысячъ десять, и тотчасъ же прибавилъ:

— Но дѣло не въ этомъ! Подождите!

— Чего ждать?—спросила Надежда Дмитріевна.

Онъ остановилъ ее движеніемъ руки и серьезно, почти строго заговорилъ:

— Положимъ, вы выкиньте эти деньги на вѣтеръ...

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Положимъ, вы получите всѣ векселя. Но кто вамъ

Digitized by Google

поручится, что Александръ не выдастъ новыхъ векселей? Компрометирующія его родныхъ письма и расписки останутся у него. Что если онъ поддѣлаетъ новые векселя ради одного этого? Да и вообще, если даже взять у него эти письма, то онъ не лишится возможности поддѣлывать векселя. Оставить одну, двѣ расписки—и довольно...

Надеждѣ Дмитріевнѣ даже жутко стало.

Истоминъ продолжалъ:

— Первая же удачная попытка шантажа подтолкнетъ этихъ господъ дѣйствовать еще смѣлѣе. Заплатили разъ, заплатятъ и въ другой. Вѣдь ихъ не увѣришь, что второй разъ некому будетъ платить, что у васъ нѣтъ еще шальныхъ десятковъ тысячъ...

Онъ началъ ей объяснять серьезно и логично, что платить не слѣдуетъ, что она не спасетъ, а погубитъ Александра. Пусть онъ посидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Не на каторгу его сошлютъ. Лишатъ въ крайнемъ случаѣ извѣстныхъ правъ, выплютъ,—тогда ему можно помогать изъ этихъ же денегъ. Правда, онъ скомпрометируетъ родныхъ, но и по дѣломъ имъ, если они обирали его. Вообще же, право, это никого не взволнуетъ особенно. Судъ спасетъ ей деньги, а Александру отрѣжетъ возможность выдавать новые векселя. Наконецъ, ему, Истомину, кажется, во всякомъ случаѣ, что ей необходимо предварительно повидаться съ Александромъ, узнать лично отъ него, нѣтъ ли у него еще векселей, сказать ему, что второй разъ за него никто и гроша не заплатитъ.

Она слушала молча, опустившись въ кресло съ понурой головой, какъ бы подавленная тяжелымъ гнетомъ. Она не могла собраться съ мыслями. Онѣ хаотически проносились въ ея головѣ, отрывками, не связанными между собою: «Объясняться съ нимъ, да никогда онъ не согласится взять отъ нея денегъ... Протащить сначала по грязи, опозорить, а потомъ давать подачки... Опять къ шантажистамъ въ руки попадетъ и начнетъ поддѣлывать векселя... А отчего же онъ не угрожаетъ роднымъ теперь, не пристращиваетъ ихъ?.. На вѣтеръ бросить деньги и пользы не принести»... Ей казалось, что у нея мутится умъ. Истоминъ взглянулъ на нее и почти испугался — такъ растерянно смотрѣла она.

— Такъ какъ же?—спросилъ онъ, дотрагиваясь до ея руки.

Она вздрогнула и какъ бы очнулась. Внезапно всѣ ея сомнѣнія разсѣялись. Рѣшеніе созрѣло сразу.

Digitized by Google

— Что сдѣлалъ бы онъ, если бы эти деньги были у него?— вдругъ рѣшительно спросила она, поднимаясь съ мѣста.

Истоминъ пожалъ плечами.

— Не знаю! Прокутилъ бы...

— Заплатилъ бы долги,—рѣзко отвѣтила она.— Это его деньги, и онъ—онъ, а не я—заплатитъ долги.

— Но...—началъ Истоминъ.

— Довольно,— оборвала она его разомъ.— Что будетъ дальше—Божья воля. Я отдаю за него деньги его отца— его деньги, а что выйдетъ, какъ будутъ судить меня за это...

Она махнула рукой и пошла къ комоду доставать деньги.

VIII.

Въ самомъ захолустномъ уголкѣ Измайловскаго полка, въ большомъ каменномъ домѣ, набитомъ сплошь разнымъ мастеровымъ и фабричнымъ людомъ, въ квартирѣ, разбитой на углы и каморки, отдаваемыя отъ жильцовъ разной бѣдностѣ, помѣсячно и поденно или, вѣрнѣе, понощно,— одна изъ каморокъ занималась почти въ теченіе двухъ лѣтъ «писателемъ». Домъ былъ некрашенный, грязный; въ уличномъ его фасадѣ помѣщались закусочная и питейное заведеніе, слесарная мастерская и лавчонка сапожника; надворный флигель весь сплошь былъ занятъ внизу плотниками, а вверху — людьми, промышляющими отдачею угловъ. Чтобы добраться до каморки «писателя», нужно было пройти длинный и узкій дворъ, подняться по высокой лѣстницѣ, вѣчно грязной и пропитанной міазмами, до четвертаго этажа, потомъ свернуть въ темный коридоръ, въ концѣ котораго можно было нащупать дверь, ведущую въ отдѣльную каморку. Длинная, узкая, почти пустая, эта каморка съ желѣзной кроватью, съ простымъ столомъ и двумя-тремя поломанными стульями была хуже всякаго каземата. На облупившейся штукатуркѣ стѣнъ появлялись здѣсь иногда пятна сырости, порой виднѣлись узоры плѣсени, походившіе на грибы; единственное окно съ разбитыми и склеенными замазкой стеклами въ зимнее время было постоянно покрыто прихотливыми узорами, выведенными, какъ тонкое кружево, морозомъ и не дававшими возможности взглянуть на дворъ. Единственное достоинство этой кануры, особенно цѣнимое «писателемъ», заключалось въ томъ, что эта комната была «особнякомъ». Во всѣ остальныя каморки квартиры можно было проникнуть только черезъ кухню и другія комнаты квартирохозяевъ, черезъ «углы» разныхъ по-

Digitized by Google

стояльцевъ, а эта комнатка какъ бы не зависѣла ни отъ кого, точно отдавалась не отъ жильцовъ, а отъ хозяина дома. «Писатель» именно за это и остановился на ней, при наймѣ себѣ помѣщенія. Онъ вообще дичился людей. Эта была дикость затравленнаго звѣря и при томъ звѣря смирнаго, безсильнаго, добраго. Казалось, онъ совѣстился людей, робѣлъ передъ ними, сознавая, что онъ хуже ихъ всѣхъ. Именно вслѣдствіе того, что онъ дичился людей, здѣсь всѣ быстро обратили на него вниманіе. Эта привычка ходить по улицѣ, какъ-то бочкомъ, точно на цыпочкахъ, прижимаясь къ стѣнамъ домовъ, обходя всѣхъ и каждаго, это желаніе проскользнуть мимо никѣмъ не замѣченнымъ, опустивъ голову, смотря куда-то въ сторону, чтобы избѣжать встрѣчи съ чужими взглядами, наконецъ, эта улыбочка — растерянная, какъ бы извиняющаяся, немного тупая, появляющаяся на лицѣ при случайныхъ столкновеніяхъ съ людьми, маскирующая смущеніе, стыдъ, слезы, — все это не могло не обратить на него вниманія.

— Это что за блаженный?—спрашивали люди при первой встрѣчѣ съ нимъ.

Отвѣта сначала не было, и за нимъ стали слѣдить, что онъ дѣлаетъ, какъ живетъ, чѣмъ существуетъ.

— Пишетъ все,—сообщилъ, наконецъ, кто-то.

Всѣ рѣшили, что, значитъ, это писатель.

Потомъ, мало-по-малу, съ нимъ познакомились всѣ жильцы дома, всѣ ближайшіе сосѣди изъ мѣстной бѣдноты; — одни за то, что онъ умный и образованный человѣкъ; другіе за то, что онъ привѣтливъ и смиренъ; третьи, что съ нимъ можно компанію вести, когда есть деньги у него или у ведущаго съ нимъ компанію, такъ какъ онъ любилъ выпить и пилъ много, улыбаясь еще плачевнѣе и обнимаясь со всѣми по-братски въ пьяномъ видѣ. Несмотря на то, что мало-по-малу, всѣ убѣдились въ его способности дать умный совѣтъ, написать дѣльное письмо или слезное прошеніе, обучить ребятишекъ грамотѣ и ариѳметикѣ, несмотря на то, что онъ объяснялъ всѣмъ, что онъ не писатель, а переписчикъ и переводчикъ разныхъ дѣловыхъ бумагъ на иностранные языки, бумагъ, добываемыхъ имъ изъ разныхъ «конторъ переводовъ и объявленій», — за нимъ упрочились названія и «блаженнаго», и «писателя». Всѣ видѣли, что онъ неустанно проводитъ дни и ночи надъ перепиской и переводами дѣловыхъ бумагъ; всѣ знали, что онъ за этотъ неусыпный трудъ получаетъ гроши, всѣ знали, что онъ

Digitized by Google

учитъ чуть не даромъ трехъ-четырехъ мальчугановъ; всѣмъ было извѣстно, что онъ не воръ, что онъ мухи не обидитъ, что, напротивъ того, всякій его можетъ обидѣть, и потому этотъ бѣдный людъ считалъ его хорошимъ человѣкомъ, душой-человѣкомъ, не ставя ему въ грѣхъ ни его тихаго пьянства, ни его близости съ разными падшими созданіями среди населенія большого дома и его окрестностей. Послѣ каждой экскурсіи въ вертепы пьянства и разврата, самъ писатель только становился еще приниженнѣе, еще пугливѣе, еще смущеннѣе, точно сознавая, что онъ не достоинъ смотрѣть въ глаза людямъ, смотрѣть на свѣтъ.

Въ тотъ морозный зимній день, когда Викторъ Павловичъ Истоминъ рѣшилъ съ Надеждой Дмитріевной, какъ поступить по дѣлу подложныхъ векселей, писатель съ самаго ранняго утра былъ въ сильно возбужденномъ состояніи. У него была спѣшная работа—переписка набѣло написаннаго по-французски отчета международному конгрессу о промышленной дѣятельности въ Россіи. Работа была не только срочная, но и требовала особеннаго вниманія, такъ какъ авторъ отчета писалъ довольно нечетко и небрежно, иногда дѣлая описки въ французскихъ словахъ. Списывая его рукопись, нужно было ее исправлять. Тѣмъ не менѣе, писатель нерѣдко прерывалъ работу на полусловѣ, вставалъ изъза стола, набивалъ тутъ же гильзу остатками почти чернаго табаку, затыкалъ папироску ватой, закуривалъ ее и ходилъ взадъ и впередъ по своей длинной, узенькой каморкѣ. Онъ былъ одѣтъ почти по-лѣтнему. Брюки, жилетъ и пиджакъ, когда-то сѣрые, теперь испещренные пятнами всѣхъ цвѣтовъ, были мѣстами порваны и заплатаны. Заношенная сорочка была тоже стара, и на воротничкѣ и манжетахъ виднѣлись бахромки обтрепавшагося полотна. Только, какъ яркое пятно на рубашкѣ, бросался въ глаза свѣтло-серизовый галстучекъ, повязанный бантомъ спереди,—даръ одной изъ тѣхъ жалкихъ падшихъ женщинъ, которыя относились къ «блаженному» съ такимъ же точно благодушіемъ, какъ и вся остальная, знавшая его, бѣднота. Фигура его была поистинѣ жалка: довольно высокій, онъ былъ страшно худъ и часто горбился; гладко выбритое лицо было землисто-желтаго цвѣта, съ осунувшимися щеками, съ ямками на вискахъ; его голова не была лысою, но она производила непріятное впечатлѣніе облѣзлой кожи, покрытой мѣстами клочьями тонкихъ, прямыхъ, больныхъ бѣлокурыхъ волосъ, только его голубые, уже нѣсколько выцвѣтніе глаза иногда

Digitized by Google

производили пріятное впечатлѣніе своимъ кроткимъ добродушіемъ, своей тихою грустью. Затягиваясь папироской и ходя по комнатѣ, онъ разсуждалъ почти вслухъ, возбужденный, какъ никогда.

— Когда же это кончится? когда? Неужели Герзоновъ и теперь не предъявитъ векселей? Душу всю вымоталъ изъ меня. Кажется, могъ понять изъ вчерашняго объясненія, что на шантажъ я не пойду, запугиваніями вымогать деньги у подлецовъ не стану. И, какъ онъ могъ подумать, что я пойду на это?..

И тутъ же, усмѣхнувшись горькой улыбкой, онъ добавилъ:

— А отчего же не подумать? Хуже-то развѣ я не могу пасть, чѣмъ палъ? И могъ же я поддаться на эту удочку? Выдалъ векселя съ подложными надписями и не сообразилъ, для чего ихъ берутъ! Изъ участія ко мнѣ, что ли, дали мнѣ линнюю сотню рублей за эти ничего не стоящія бумажки? Умишка послѣдній пропилъ. Наслаждался мыслью, что потащатъ меня въ судъ, и тамъ я хоть разъ отведу душу, разскажу публично свою исторію—исторію этихъ щеголей, этихъ свѣтскихъ модниковъ...

Онъ швырнулъ папиросу.

— Очень нужно Грезонову это! Ему нужно, чтобы я роднымъ пригрозилъ разоблаченіемъ разной грязи, запугалъ ихъ и заставилъ заплатить за меня долги. Нѣтъ, этого не дождаться ему...

По его лицу скользнула своеобразная усмѣшка—жалкая, растерянная, туповатая.

— Не дождаться, да, да, это такъ... Глупецъ онъ... Вчера чуть не съ кулаками полѣзъ на меня, когда я наотрѣзъ сказалъ, что на шантажъ не пойду. Ну-ка, вывернись теперь. Волей-неволей въ судъ потащишь...

Онъ подмигнулъ глазомъ, точно поддразнивая кого-то, и потеръ рука объ руку.

— На судѣ вотъ все разскажу. Есть, что разсказать. Документы есть...

Онъ засмѣялся и, присѣвъ на кровать, торопливо досталъ изъ бокового кармана пачку записочекъ, завернутую въ грязную обтрепавшуюся бумагу.

— Вотъ они—документы!—проговорилъ онъ съ дѣтски-радостнымъ видомъ, похлопывая рукой по этой пачкѣ. — «Другъ Александръ, ты много обязалъ бы меня, выручивъ изъ бѣды, присылкою этихъ несчастныхъ трехъ тысячъ»,—

Digitized by Google

началъ онъ цитировать наизусть изъ одного письма и тотчасъ же оборвалъ рѣчь.

Его лицо омрачилось, приняло какое-то мучительное выраженіе. Онъ брезгливо отбросилъ пачку писемъ на постель.

— Нѣтъ, нѣтъ, и это не тѣшитъ теперь! Что мнѣ въ томъ, что оболью ихъ грязью?—заговорилъ онъ, опять заходивъ по комнатѣ. — Тѣшило это сначала, жилъ этимъ, а теперь... Суда, суда я надъ собой хочу, чтобы меня раздавили, какъ собаку, лишили всѣхъ правъ, сослали, похоронили. Такъ жить больше нельзя, а покончить самому съ собой силъ нѣтъ. Да никогда ихъ и не было.

Онъ снова сѣлъ на постель, уперся локтями въ колѣни, опустилъ на руки голову и задумался.

— А тамъ, въ Сибири, послѣ осужденія, явятся силы? Людей тамъ погибшихъ нѣтъ, что ли? Кабаковъ нѣтъ, развѣ? Любовь къ какому-нибудь дѣлу, можетъ-быть, съ неба ниспадетъ въ душу? Нѣтъ, нѣтъ, и тамъ будетъ то же. Въ одиночное заключеніе нужно бы меня запереть, въ Сибирь на каторгу сослать. Вотъ что нужно для исправленія...

Онъ стиснулъ, почти въ ярости, зубы и сжалъ кулаки.

— О, хоть бы кто-нибудь растопталъ, какъ послѣднюю гадину!—воскликнулъ онъ въ бѣшенствѣ, ударяя себя кулакомъ въ лобъ.

И снова, съ выраженіемъ какой-то тупости, поникнувъ головой, разставивъ ноги, опустивъ руки, онъ впалъ въ неопредѣленное раздумье, какъ бы охваченный сномъ съ открытыми глазами. Прошло такъ минутъ съ десять. Его начинала томить жажда, въ горлѣ сохло, губы стягивало.

— Дописать надо скорѣе, дописать... деньги получить,— прошепталъ онъ.

Онъ поднялся, какъ разбитый, съ постели и, немного сгорбившись, побрелъ къ столу. Въ эту минуту ему можно было дать лѣтъ пятьдесятъ, такъ онъ былъ разслабленъ, хилъ, измятъ. Онъ сѣлъ къ столу, совсѣмъ согнувъ спину, и сталъ писать, выводя красивымъ почеркомъ французскія буквы. Работалъ теперь онъ упорно, ровно, не отдыхая, какъ машина, не перемѣняя даже позы. Переписка уже приходила къ концу, и его лицо начало озаряться усмѣшкою: онъ уже видѣлъ близость окончанія работы и полученія денегъ. Наконецъ, послѣднія буквы были выведены, онъ отложилъ перо въ сторону, потянулся и засмѣялся.

— Еще поживемъ сегодня!

Онъ лукаво подмигнулъ однимъ глазомъ, потирая руки.

Digitized by Google

— А, кажется, морозитъ... Какъ бы не простудиться... не повредить драгоцѣнному здоровью... хе-хе-хе!

Онъ заторопился, началъ свертывать переписку, подошелъ къ кровати, снялъ лежащее на ней, вмѣсто одѣяла, легкое пальто, потомъ взялъ съ гвоздя красный вязаный изъ шерсти шарфъ,—подарокъ одной изъ легкихъ дѣвицъ,— и сталъ обматывать имъ шею. Въ нѣсколько минутъ онъ уже былъ готовъ, чтобы нести рукопись. Онъ вышелъ изъ комнаты и направился по коридору къ выходу. Выйдя съ лѣстницы во дворъ, онъ тотчасъ же съежился отъ холода или просто по привычкѣ и засѣменилъ ногами, пробираясь стороною, около стѣны. У воротъ дома его окликнула румяная, разбитная бабенка съ корзиной съ яйцами за спиной.

— Лександра Павловичъ, куда?

— Работу несу, Степанида Степановна, за деньгами,— отвѣтилъ онъ, конфузливо улыбаясь.

— Значитъ, съ тебя спрыски,—сказала она, показывая бѣлые зубы.—Не застудись только. Морозъ-то во всѣ щели дуетъ.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ, торопливо проскальзывая мимо съ потупленными глазами и сконфуженнымъ видомъ.

Морозъ былъ, дѣйствительно, довольно сильный; но Александръ Павловичъ, казалось, не замѣчалъ его и почти бѣгомъ бѣжалъ къ своей цѣли. Надо было не опоздать, чтобы получить четыре рубля. Эти четыре рубля теперь были его единственною мыслью, цѣлью, радостью. Получитъ онъ ихъ—и согрѣется. Надо купить водочки, колбасы, хлѣба, Степанидѣ Степановнѣ орѣховъ прихватить. Славная бабенка! Загуляла въ Питерѣ. Что-жъ, тоже жизнь тяжелая. Хочется душу отвести. Всѣмъ не сладко живется...

Уже совсѣмъ смерклось, когда онъ вернулся домой съ кое-какими покупками. Теперь улыбка уже не сходила съ его лица. Въ манерахъ было что-то суетливое. Онъ, не снявъ даже пальто, сталъ растапливать въ своей конурѣ печку, бросивъ купленную провизію на столъ. Минутъ черезъ пять, его комната озарилась свѣтомъ убогой лампы и отблескомъ горящихъ въ печкѣ дровъ. Хлопоча въ комнатѣ, онъ раза два забѣжалъ на кухню къ хозяевамъ квартиры, перекинулся кое съ кѣмъ изъ жильцовъ двумя-тремя фразами. Хозяйка квартиры, толстая мѣщанка лѣтъ пятидесяти, шутила съ нимъ, поставивъ для него самоваръ:

— Чѣмъ угощать-то будешь? гостей-то много ли напригласилъ?

Digitized by Google

— Много не много, а тоже придутъ. У насъ не красна изба углами, а красна пирогами,—отшучивался онъ.

— Что говорить, каждую копеечку ребромъ ставишь.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ его комнатѣ уже пили чай, водку, пиво и закусывали двое какихъ-то рабочихъ, хозяйка съ мужемъ и бойкая продавщица яицъ. Говоръ и смѣхъ, шутки и любезности росли по мѣрѣ того, какъ выпивалась водка и пиво. Александръ Павловичъ даже раскраснѣлся слегка, пріободрился, изрѣдка подтадкивая локтемъ Степаниду Степановну, на что та только скалила ровные бѣлые зубы, погрызывая ими орѣхи.

Повидимому, они вполнѣ понимали другъ друга.

Веселье было въ полномъ разгарѣ, когда на порогѣ неожиданно появился новый непрошенный гость. Высокій и плотный, съ рѣзко очерченной физіономіей восточнаго человѣка, онъ въ теплой скунсовой шубѣ остановился на порогѣ, немного удивленный неожиданной картиной веселья. Александръ Павловичъ замѣтилъ его и сразу какъ бы отрезвѣлъ. Онъ пошелъ къ нему навстрѣчу и рѣзко спросилъ:

— Вы еще зачѣмъ здѣсь? Что вамъ отъ меня надо? Еще пришли мучить?

— И что вы кричите?—проговорилъ смущенно новопришедшій.—Вовсе кричать нечего. У насъ же дѣла.

— Никакихъ у насъ дѣлъ съ вами нѣтъ. Векселя у васъ кои. Ну, и убирайтесь съ ними, подавайте ихъ ко взысканію!

Герзоновъ немного смутился, стѣсняясь говорить о дѣлахъ при этой компаніи, осматривавшей его съ ногъ до головы.

— А мнѣ же надо съ глазу на глазъ поговорить съ вами,—сказалъ онъ, пятясь къ выходу.—И дѣло такое серьезное! Выйдите на минуту сюда,—прибавилъ онъ, выходя въ коридоръ.

— Чего вамъ?—спросилъ Протасовъ, выходя за нимъ.—Опять хотите принудить меня къ шантажу? Думаете, я подгуляль, такъ соглашусь. Ахъ, вы...

— И зачѣмъ такъ кричать,—остановилъ его Герзоновъ.—И вовсе кричать не надо! Какой тутъ шантажъ? Что вы мнѣ говорите о шантажѣ? За васъ такъ хотятъ заплатить долги безъ всякаго шантажа, и для этого нужно, чтобы вы завтра были утромъ у меня и къ двѣнадцати часамъ. Заплатятъ только при васъ.

— Заплатятъ? Долги заплатятъ?—почти безсмысленно бормоталъ ошеломленный Александръ Павловичъ, ничего не понимая.—Кто?

Digitized by Google

– И завтра все узнаете. Но будьте же у меня и ровно къ двѣнадцати часамъ. Я надѣюсь, что вы будете, и это дѣло мы кончимъ...

Герзоновъ пошелъ по коридору къ выходу, тяжело ступая и шаркая высокими теплыми калошами. Александръ Павловичъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, какъ пришибленный.

«Платятъ долги? Кто платитъ? Ахъ, не все ли равно. Дѣло въ томъ, что платятъ. Не разскажетъ онъ публично на судѣ, какъ и кто довелъ его до настоящаго положенія... Не то, не то! Это ему не нужно теперь... Прежде онъ этого жаждалъ... Нѣтъ, но не осудятъ, не сошлютъ его. Вотъ что важно. Жить онъ будетъ здѣсь, какъ жилъ. Проклятые, проклятые!»

Всѣ эти мысли хаотически, какъ ураганъ, проносились въ его головѣ, а лицо улыбалось жалкой тупой улыбкой.

— Александръ Павловичъ, чего заснулъ!—раздался крикъ изъ его комнаты.

Онъ очнулся, отдѣлился отъ стѣны коридора и, пошатываясь, вошелъ въ комнату.

— Гостя-то проводилъ?

Александръ Павловичъ кивнулъ головой.

— Въ тюрьму, что ли, подлая его душа, собирается потащить? Ты бы его въ три шеи!

Александръ Павловичъ тупо улыбался.

— Долги ему за меня платятъ...

Всѣ разомъ обернулись къ нему.

— Рехнулся ты, что ли? Аль перелилъ черезъ край?

Онъ только отрицательно качалъ головой и улыбался.

— Это ему за его добродѣтель, милые люди,—сказала хозяйка.

— Видно, сродственники-то трусу празднуютъ, что онъ ихъ на судѣ шлифовать станетъ,—замѣтилъ одинъ изъ гостей.

— Жаль только, что этому-то псу, жидюгѣ, дарма денежки достанутся. Поди, на каждую сотню по тысячѣ наживетъ, разсудилъ еще кто-то.

Всѣ давно знали подробности исторіи Протасова, всѣ глубоко сочувствовали ему, всѣ заодно съ нимъ ругали и его родныхъ, и Герзонова.

— А выпить за здоровье Александра Павловича все же слѣдъ,—послышались голоса.

Александръ Павловичъ сидѣлъ на постели, скорбно опустивъ голову на грудь, ошеломленный, подавленный. У него точно вдругъ почву изъ-подъ ногъ вырвали. Все это время

Digitized by Google

онъ жилъ мечтами о мести, мечтами о какомъ-то перерожденіи; иногда онъ не вѣрилъ въ это, отрицалъ и возможность перерожденія, но это наполняло его мысль, наполняло его жизнь. Теперь, вдругъ, точно даже не о чемъ было думать. Ни надеждъ, ни сомнѣній. Впереди вотъ эта однотонная, одноцвѣтная канитель жизни: работать, чтобы пить, пить, чтобы работать.

А кругомъ него всѣ шумѣли, веселились, угощали его, брали съ него обѣщаніе, что завтра на радостяхъ онъ задастъ еще бо́льшій пиръ.

IX.

Александръ Павловичъ проснулся поздно, медленно зѣвая и потягиваясь на своей убогой кровати. Мутный зимній день смотрѣлъ уже въ окно и бѣлесоватымъ свѣтомъ озарялъ сквозь морозные узоры на стеклахъ царствовавшій въ комнатѣ безпорядокъ. Пустой штофъ, пустыя бутылки изъ-подъ нива, остатки ѣды напоминали Протасову о вчерашнемъ пирѣ. Онъ улыбался, вспоминая образъ румяной Степаниды Степановны. Здоровьемъ отъ нея пышетъ и огонь же баба... Вдругъ онъ неожиданно поднялся на постели, оборвавъ свои мечты, и сталъ протирать глаза. «Что же, во снѣ или наяву это было? Точно ли приходилъ Герзоновъ?» Онъ опустилъ ноги на полъ и сталъ усиленно тереть себѣ лобъ, силясь возстановить въ памяти вчерашній вечеръ во всѣхъ его подробностяхъ. Да, Герзоновъ точно былъ. Идти къ нему надо сегодня, сейчасъ. Его лицо омрачилось, и изъ груди вырвался вздохъ. Тяжело ему; измучилъ его Герзоновъ. Одинъ бы конецъ скорѣе. Что это онъ толковалъ объ уплатѣ? Кто хочетъ заплатить? почему? Онъ сталъ неохотно одѣваться. А все же надо идти. Послѣ долгихъ лѣтъ ему впервые стало стыдно своихъ лохмотьевъ. Кого онъ тамъ увидитъ? Какъ взглянутъ на его нарядъ? Ну, да что же дѣлать: лучшей одежды нѣтъ.

Онъ пошелъ. У Герзонова его уже ждалъ Истоминъ.

Викторъ Павловичъ мелькомъ бросилъ на него взглядъ и удивился. Онъ ожидалъ встрѣтить большую перемѣну въ Протасовѣ, но такимъ онъ не представлялъ его, не повѣрилъ бы, что онъ могъ сдѣлаться такимъ. Этотъ взглядъ, точно электрическая искра, разомъ поднялъ упавшій духъ Александра Павловича, и онъ съ давно забытымъ ироническимъ высокомѣріемъ, хотя немного торопливо, заговорилъ:

— А это вы, генералъ? Вотъ не ожидалъ! Родные пла-

Digitized by Google

тить долги собрались. Я, кажется, никого, не просилъ и не прошу. Слава Богу, еще живу, не прося милостыни. Или испугались милые родные, что имъ придется фигурировать въ роли разорителей того, кто сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ? Это, конечно, непріятно, но что же дѣлать, что же дѣлать! Я вовсе не желаю, чтобы они платили за меня долги.

Викторъ Павловичъ не перебивалъ этого торопливаго многословія, маскировавшаго смущеніе. Наконецъ, когда Протасовъ смолкъ, онъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Вашего желанія никто не спрашиваетъ...

Герзоновъ испуганно заторопился.

— Да, да, это дѣло совсѣмъ мое.

Не обращая вниманія на него, Викторъ Павловичъ добавилъ:

— И притомъ вы ошибаетесь, платятъ долги не ваши родственники, ихъ платитъ Надежда Дмитріевна.

Александра Павловича точно ударило чѣмъ-то по головѣ. Этого онъ не ожидалъ. Онъ какъ бы съежился и пробормоталъ:

— Она?.. Мать?..

И снова, съ трудомъ уже собравшись съ силами, онъ запротестовалъ:

— Я этого не желаю, не допущу...

Истоминъ небрежно отвѣтилъ:

— Развѣ вы можете запретить скупать ваши векселя?

И тутъ же прибавилъ:

— Я пригласилъ васъ сюда не ради этого. Есть одно обстоятельство, требовавшее вашего присутствія.

Протасовъ стоялъ, какъ убитый, жалкій, съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица, съ опущенной головой, тупо и растерянно смотря въ землю. Казалось, онъ видѣлъ передъ собой не Истомина, а старушку-мать и стыдился взглянуть ей въ глаза. Викторъ Павловичъ продолжалъ:

— У васъ, какъ стало всѣмъ теперь извѣстно, есть документы, будто бы компрометирующіе вашихъ родныхъ. Не знаю, насколько серьезны эти документы, тѣмъ не менѣе прошу отдать ихъ мнѣ.

Протасовъ, по мѣрѣ того, какъ Истоминъ говорилъ, сталъ приподнимать голову. Его лицо покрылось легкимъ румянцемъ, губы искривила усмѣшка, полная презрѣнія и гнѣва.

— А—а!—протяжно проговорилъ онъ.—Такъ вотъ въ чемъ суть! Надеждѣ Дмитріевнѣ хочется спасти честную

Digitized by Google

семью отъ компрометирующихъ толковъ. Она изволитъ бояться, что такой негодяй, какъ я, можетъ замарать честь нашей благородной семьи. Ха-ха! Теперь я понимаю причину этого великодушія! Ну, такъ скажите почтеннѣйшей Надеждѣ Дмитріевнѣ, что я никогда, никогда не отдамъ этихъ документовъ! Слышите!

— И какъ же такъ? Но мои интересы,— началъ испуганно Герзоновъ.

— А что мнѣ ваши интересы? Что мнѣ за дѣло до кого бы то ни было?—запальчиво крикнулъ Протасовъ.

Онъ обернулся къ Истомину.

— Передайте все это Надеждѣ Дмитріевнѣ и успокойте ее, что я шантажемъ еще не занимался. Очень жаль, что она такъ плохо знаетъ меня.

На мгновеніе въ немъ проснулось что-то въ родѣ энергіи, гордости, сознанія своего достоинства. Онъ, ни съ кѣмъ не прощаясь, торопливо пошелъ къ выходу. Герзоновъ бросился за нимъ, но Протасовъ грубо оттолкнулъ его отъ себя. Истоминъ въ первую минуту тоже хотѣлъ его остановить, но его чутье дѣльца сразу подсказало ему, что онъ теперь можетъ выиграть тысячу-другую. Когда Герзоновъ вернулся послѣ тщетныхъ усилій образумить Протасова, Истоминъ уже принялъ равнодушный видъ и съ усмѣшкой сказалъ:

— Кажется, наша сдѣлка не удастся, и вамъ придется подавать векселя въ судъ.

— Но какъ же такъ, и что же я тогда получу?—воскликнулъ Герзоновъ.

— Да, вѣроятно, ничего не получите,—холодно и сухо отвѣтилъ Викторъ Павловичъ, стараясь подавить улыбку.— Что же даромъ бросать деньги, когда у этого господина остаются въ рукахъ документы, выгодные для разныхъ шантажистовъ.

— О, онъ никогда не согласится пустить ихъ въ дѣло,— воскликнулъ Герзоновъ.—Это совсѣмъ дуракъ. Я его уже не разъ побуждалъ...

Герзоновъ поперхнулся и оборвалъ фразу на полусловѣ. Истоминъ пожалъ плечами.

— И притомъ векселя будутъ у васъ въ рукахъ,—заторопился объяснить Герзоновъ:—и вы всегда будете имѣть возможность пригрозить ему.

— Такъ-то такъ, но на это не стоитъ убивать десятка тысячъ.

Digitized by Google

— И развѣ я поэтому долженъ свои кровавыя деньги терять?—воскликнулъ Герзоновъ.—Я рисковалъ, я не зналъ, что онъ нищій и что онъ поддѣлалъ бланковыя подписи.

— Ну, это уже ваше дѣло,—равнодушно сказалъ генералъ, собираясь идти.

Герзоновъ остановилъ его, схвативъ за рукавъ, и сказалъ:

— И что же вы, ваше превосходительство, идете? Развѣ вы не желаете болѣе покупать векселя?

Истоминъ понялъ, что будетъ уступка, и сталъ торговаться, какъ на базарѣ, выторговывая рубль за рублемъ. Онъ попалъ въ свою сферу и чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ...

Въ это время Александръ Павловичъ Протасовъ уже давно шагалъ по улицѣ. Сначала, подъ вліяніемъ возбужденія, онъ шелъ быстро, довольно неправильною походкою. Но всякія возбужденія теперь проходили у него быстро и вслѣдъ за ними являлся упадокъ духа, упадокъ силъ. Радость и горе, умиленіе и гнѣвъ только на минуту волновали его и потомъ быстро стирались въ памяти. «До чего онъ дошелъ, что даже она, Надежда Дмитріевна, его названная мать, считаетъ его способнымъ на всякую мерзость. Отчего же и не считать? Всего отъ него ждать можно. Въ пьяномъ видѣ все сдѣлать можетъ! Правда, до сихъ поръ не дѣлалъ подлостей, но это не значитъ, что онъ не можетъ ихъ сдѣлать. Не будь у него этихъ бумагъ—ничего бы онъ не могъ сдѣлать и никто бы даже не вспомнилъ о немъ. Тогда и на судѣ къ нему отнеслись бы безъ снисхожденія. Какъ это не пришло ему въ голову прежде? Хотѣлъ строгаго обвиненія, а держался за эти бумаги! Стоитъ вотъ взять ихъ и бросить, и конецъ. Ни на какіе шантажи его тогда нельзя бы было подбить даже пьянаго и судъ не пощадилъ бы его. Какъ онъ прежде упустилъ это изъ виду? Все жаждалъ осужденія, а это упустилъ изъ виду, мечталъ распространиться на судѣ объ этихъ документахъ. Еще оправдали бы. На что же тогда и судъ? Запятнать родныхъ? Развѣ это ему нужно?» Онъ ощупалъ въ карманѣ пачку бумагъ. «Вынуть и бросить—вотъ и все». Онъ началъ улыбаться своей туповатой, полубезсмысленной улыбкой, представляя себѣ ужасъ Герзонова, когда онъ, Протасовъ, скажетъ, что у него нѣтъ этихъ документовъ, когда онъ ..вѣстить объ этомъ черезъ Надежду Дмитріевну и родъ... Герзоновъ обозлится, подастъ векселя ко взысканію

Digitized by Google

и его, Протасова, сошлютъ, не давъ никакого снисхожденія... Ему страстно захотѣлось скорѣй бросить бумаги. Но куда? въ прорубь? Онъ шелъ по набережной Екатерининскаго канала и искоса взглянулъ на ледъ. Спуститься и бросить... Замѣтятъ, заподозрятъ. Подумаютъ, краденое бросаетъ. Лучше дома сжечь ихъ. Зайти закусить, а потомъ скорѣе домой—и сжечь.

— Сжечь корабли!—громко проговорилъ онъ и засмѣялся тихимъ, жалкимъ и въ то же время лукавымъ смѣхомъ, подмигивая однимъ глазомъ.

Онъ зашелъ въ лавку, купилъ себѣ кое-что съѣстного и направился домой. Дома онъ поѣлъ, выпилъ двѣ рюмки водки. Это его подбодрило, успокоило, и онъ, затопивъ печку, сладко потянулся и прилегъ, готовясь немного уснуть. Вдругъ онъ вспомнилъ снова о бумагахъ. «Сжечь, вѣдь, онъ хотѣлъ ихъ. Чуть не забылъ. Память ему все больше и больше измѣняетъ». Онъ вынулъ изъ кармана бумаги, не вставая еще отъ охватившей его усталости съ постели, и задумался. «Оставятъ ли его въ покоѣ, если онъ сожжетъ бумаги? Кто повѣритъ, что онъ сдѣлалъ это? Ихъ надо вернуть по принадлежности, подарить ихъ на память тѣмъ, кто писалъ». Онъ усмѣхнулся и тотчасъ же добавилъ: «не для того ли, чтобы они говорили потомъ, что никакихъ бумагъ и не было. Нѣтъ, Надеждѣ Дмитріевнѣ ихъ надо отдать; она хлопотала о нихъ; она не станетъ утверждать, что ихъ не было. Она все же честная женщина. Да, да, честная, а его даже и она негодяемъ считаетъ». Онъ махнулъ безнадежно рукой. Что тутъ разсуждать. «Выспаться и снести ей бумаги. Пусть посмотритъ кстати и на него. Тяжело ей будетъ. Ну, что-жъ, и ему тяжело было сегодня... очень тяжело»...

X.

Уже совершенно смерклось, когда Надежда Дмитріевна, сидя у лампы въ своей комнатѣ за работой, услышала въ передней звонокъ. Она вздрогнула и тревожно подумала: «опять не ко мнѣ ли?» За эти дни у нея перебывало столько разныхъ посѣтителей, что становилось тяжело, тѣмъ болѣе тяжело, что всѣ эти посѣтители просили подачекъ и она давала эти подачки, а между тѣмъ и они, и она хорошо знали, что легче отъ этихъ подачекъ не станетъ, судьба не измѣнится. Тамъ, у нея въ Чернецѣ, къ ней являлась тоже масса народа, но всѣ эти люди нуждались въ иной

Digitized by Google

помощи—это были больные, роженицы, разные бѣдняки, случайно ставшіе въ тяжелое положеніе отъ надежа коровы или лошади. Тамъ помощь, состоявшая обыкновенно изъ заимообразной выдачи денегъ на опредѣленный предметъ, давала видимые результаты. Здѣсь Надежда Дмитріевна «свою старость чувствовала», какъ она выражалась, сидѣла кочнемъ на одномъ мѣстѣ, вязала, утомленная, опустившаяся. Тамъ, напротивъ того, она являлась подвижною, какъ ртуть; сновала изъ угла въ уголъ; день казался коротокъ,—столько было дѣла. Въ эти три-четыре дня она уже только и думала о томъ, чтобы поскорѣе убраться во свояси. Дѣло теперь по уплатѣ векселей было кончено; оставалось похлопотать о приданомъ для Ольги и конецъ. Но все ли это, что нужно было сдѣлать? Въ глубинѣ ея души была еще одна надежда—самая главная цѣль ея пріѣзда сюда: похитить Саню туда, въ Чернецъ. Но какъ? Идти самой къ нему? Вызвать его письмомъ? Послать кого-нибудь для переговоровъ съ нимъ? Впервые въ жизни, находчивая во всѣхъ затруднительныхъ положеніяхъ, Надежда Дмитріевна не знала, какъ лучше поступить теперь. И еще это сегодняшнее свиданіе съ Викторомъ Павловичемъ. Онъ такъ обрисовалъ ей Александра, что старушка плакала цѣлый часъ. Какъ поднять человѣка, дошедшаго до такого состоянія? Чѣмъ онъ сдѣлался нравственно? Дошелъ, должно быть, до полнаго паденія? Можно ли его еще спасти? Звонокъ прервалъ эти мысли; она услышала шаги, подняла голову и увидала на порогѣ исхудалую фигуру оборваннаго человѣка съ облысѣвшей головой, со впалыми глазами. Онъ остановился въ дверяхъ, и его лицо приняло то привычное выраженіе жалкой улыбки, которая появлялась у него теперь какъ-то непроизвольно.

— Ты?—громко воскликнула Надежда Дмитріевна и съ подламывающимися ногами, съ усиліемъ, поднялась съ мѣста.—Родной...

Онъ тупо улыбался.

— Узнали? Я думалъ, и не узнаете...

И тотчасъ же, не пытаясь обнять и расцѣловать ее, не протягивая ей даже руки для пожатія, заторопился съ озабоченнымъ видомъ.

— Бумаги я принесъ, вы хотѣли ихъ выкупить... Зачѣмъ же, я и такъ вамъ отдамъ... безъ всякаго выкупа... Просто спросили бы...

— Какія бумаги, что ты говоришь? Садись, садись,—пе-

Digitized by Google

ребила она дрожащимъ голосомъ, глотая слезы. — Вотъ сюда...

Онъ повиновался, присѣлъ на кончикъ стула, смотря на нее съ улыбкой.

— Я хотѣлъ ихъ истребить,—продолжалъ онъ въ смущеніи.—Но не повѣрили бы. Я и принесъ ихъ вамъ. Зачѣмъ прямо не спросили? Я бы отдалъ и прежде. Платить за меня не слѣдуетъ. Мнѣ все равно.

Она ничего не понимала. Онъ продолжалъ:

— Тутъ, право, всѣ бумаги. Я не вру. Вотъ онѣ. Напрасно вы и думали, что я шантажничать буду.

Ей показалось, что онъ бредитъ.

— Викторъ Павловичъ мнѣ это разъяснилъ, что вы желали заплатить за меня долгъ, чтобы выручить эти бумаги.

Она, наконецъ, поняла и отстранила бумаги отъ себя.

— Я ихъ вовсе не просила. Онѣ мнѣ не нужны,—сказала она, качая головой.—Убери ихъ...

Онъ широко открылъ глаза.

— Такъ какъ же? За что же вы хотѣли заплатить долгъ?

— Да вѣдь ты же былъ долженъ? Тамъ были какіе-то неправильные векселя? У меня были твои деньги, ну, я и заплатила. Вотъ и все.

— Мои деньги?

Она пожала плечами.

— Деньги, оставшіяся послѣ твоего отца. Не выйди я за него замужъ, онѣ бы къ тебѣ перешли. Въ случаѣ моей смерти, тоже все, по духовной, тебѣ же перешло бы...

Онъ мягко, уже вполнѣ осмысленно улыбнулся.

— Все та же вы!

И тяжело вздохнулъ глубокимъ вздохомъ.

— А я вотъ какимъ сталъ...

Онъ опустилъ голову и смолкъ, перебирая бахрому у кресла высохшими тонкими и длинными пальцами, не замѣчая даже, что по его впалымъ щекамъ текутъ ручьемъ обильныя слезы.

Она положила свою пухлую руку на его руку и тихо, ласково заговорила. Теперь онъ чистъ отъ всякихъ обвиненій и свободенъ. У нея есть свой уголъ въ Чернецѣ. Тамъ можно отдохнуть. Она, какъ за ребенкомъ, будетъ за нимъ ходить. Ей больше нечего дѣлать въ жизни, какъ за больными дѣтьми ходить. А ужъ рада-то, рада-то какъ она будетъ, когда онъ поселится у нея. Онъ вѣдь ея родной; родного сына она не могла бы больше любить, чѣмъ его.

Digitized by Google

Ну, поживетъ онъ, вздохнетъ, поправится, примется за службу. Онъ еще не старъ. Жизнь еще впереди, хорошая, дѣятельная, полезная жизнь. Кругомъ несчастные, страдающіе. Кто можетъ послужить имъ, тому и честь, и слава. Ни ума большого, ни большихъ знаній для этого не нужно. Только сердце доброе да отзывчивое нужно имѣть. Иному бѣдняку слово ласковое нужнѣе денегъ. Она говорила тепло, задушевно, а онъ слушалъ ее молча, улыбаясь мягкою, почти дѣтскою улыбкою, какъ больное дитя, слушающее волшебныя сказки няни. Передъ нимъ проходили картины: ея домикъ въ Чернецѣ, уютный, веселый, съ садомъ, съ множествомъ птицы, съ коровой и лошадью въ хлѣву; она старушка, ласковая, любящая, вѣчно хлопочущая около бѣдныхъ и больныхъ, веселая и бодрая до старости, симпатичная даже въ минуты ворчливости и напускной строгости; онъ, Александръ, поправившійся, поздоровѣвшій, помогающій ей, ближнимъ, заглаживающій прошлое, опять рѣшающійся безъ краски стыда глядѣть на свѣтъ, на людей... Все шире и шире дѣлалась его свѣтлая, блаженная улыбка. Наконецъ, Надежда Дмитріевна заключила:

— И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!..

Онъ очнулся отъ грёзъ.

— Да, да, тѣмъ лучше,—машинально повторилъ онъ.

— Тебѣ пріодѣться нужно. Купи, что надо, и скорѣе, скорѣе въ путь.

До его слуха дошли только послѣднія слова: «скорѣе въ путь».

— Да, да, въ путь!—повторилъ онъ, какъ эхо.

Онъ машинально поднялся, взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ. Старушка почувствовала, что ей упало на руку нѣсколько слезинокъ.

Она хотѣла обнять его, но онъ какъ-то торопливо, сгорбившись, пошелъ къ дверямъ, смущенный, жалкій.

— А деньги-то, деньги-то,— сказала Надежда Дмитріевна, засуетившись.—На первый разъ самое необходимое купи. Вотъ!

Она сунула ему пятьдесятъ рублей. Онъ растерялся и пробормоталъ въ смущеніи:

— Зачѣмъ же? Не надо!

— Да вѣдь у тебя же нѣтъ,—сказала она.—Бери, бери! Я буду тебя ждать завтра или послѣзавтра.

— Да, да,—отвѣтилъ онъ, съ понурой головой уходя отъ нея.

Digitized by Google

Онъ вышелъ изъ дому въ какомъ-то чаду, точно погрузившись въ сонъ побрелъ, куда глаза глядятъ, добрелъ до Фонтанки и въ какомъ-то безсиліи облокотился на желѣзныя перила, опустилъ голову на руки и зарыдалъ, судорожно вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Онъ самъ не зналъ, о чемъ онъ плачетъ. Онъ даже не думалъ ни о чемъ. Просто подступило что-то подъ горло, душить начало, полились изъ глазъ слезы. Мимо двигались прохожіе и съ усмѣшками или съ чувствомъ отвращенія взглядывали на этого оборванца, напившагося, какъ казалось имъ, до того, что плачетъ на улицѣ. Ему не было дѣла ни до кого, онъ даже не сознавалъ, что стоитъ на улицѣ... Наконецъ, его началъ пробирать ознобъ. Онъ понемногу очнулся, отеръ глаза рукавомъ пальто, жалко улыбаясь, и пошелъ понурый, ослабѣвшій—согрѣться. Согрѣться, то-есть выпить, было необходимо: его уже трясло отъ холода и, кромѣ того, отъ всего пережитого за этотъ день онъ чувствовалъ полный упадокъ силъ. Казалось, онъ вдругъ состарѣлся на нѣсколько лѣтъ. У него былъ еще рубль своихъ денегъ, и онъ могъ, не затрачивая ни гроша изъ «чужихъ» денегъ, согрѣть себя. Черезъ нѣсколько минутъ, выпивъ три рюмки водки, онъ приближался къ своему дому уже совсѣмъ бодрымъ и опять улыбался блаженною улыбкою.

У воротъ дома сидѣлъ какой-то молодой парень, мастеровой въ нагольномъ полушубкѣ, въ сдвинутой на затылокъ фуражкѣ, и уныло наигрывалъ на гармоникѣ.

— Изъ гостей, Александръ Павловичъ?—спросилъ онъ, здороваясь съ Протасовымъ.

— Отъ родныхъ,—отвѣтилъ Александръ Павловичъ.—А вы что тутъ въ унынiи сидите?

— Денегъ нѣтъ,—отвѣтилъ тоскливо мастеровой.—Вчера столько вычли, что едва хватило въ лавку да хозяйкѣ отдать. Вотъ теперь и сиди у моря да жди погоды. А Машутка, поди, ждетъ.

Александръ Павловичъ тихо засмѣялся.

— Вы, Василій, совсѣмъ врѣзались въ нее, хоть подъ вѣнецъ...

— Гдѣ ужъ подъ вѣнецъ! Не до вѣнца такимъ-то. Закабалена она. Имъ отъ хозяекъ, какъ изъ петли, не вырваться,—безнадежно сказалъ мастеровой.—Хуже этой жизни и нѣтъ, кажись...

— Да, это точно. Хуже чѣмъ въ тюрьмѣ,—согласился Протасовъ.—Такъ, значитъ, и не пойдешь къ ней сегодня?

Digitized by Google

— Безъ денегъ туда нечего носъ совать. Машутка-то и безъ денегъ бы рада гостю, а хозяйка—ей подай.

Александръ Павловичъ тихо засмѣялся, лукаво подмигивая.

— А я васъ, Василій, обрадую! Денегъ дамъ взаймы.

— Ну-у?—недовѣрчиво проговорилъ молодой парень, и его лицо оживилось.—Я тебѣ, Александръ Павловичъ, по гробъ этого не забуду, если ты точно... Такъ, такъ сердце щемитъ, что а-ахъ!

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Тоже жисть не сладкая!

Александръ Павловичъ похлопалъ его по-пріятельски по плечу.

— Ахъ, молодежь, молодежь! Тяжело жить одному безъ ласки.

— Ужъ такъ-то тяжело, такъ...

Протасовъ торопливо досталъ деньги.

— Много ли? Рубля три довольно!

— И того много! А самъ-то не пойдешь? Пойдемъ!.. То-то Машутка тебѣ спасибо скажетъ...

— Я что же... я пожалуй...

Они пошли вмѣстѣ въ трактиръ—выпить и размѣнять деньги.

— Ты—другъ, истинно говорю тебѣ, другъ,—объяснился Василій въ любви Протасову.—Душа въ тебѣ есть. Вотъ и то Дарья наша давеча говоритъ: «кабы вотъ у Александра Павловича были деньги, такъ онъ бы далъ, слова не сказалъ бы, а то всѣхъ обѣгала, ни гроша не достала; когда нужда—ни у кого гроша нѣтъ».

— Дарья, башмачница-то?—спросилъ Протасовъ.—Что ей такъ занадобились деньги?

— Да сынишка же померъ. Какъ ни какъ хоронить надо.

— Чего же ты не сказалъ. Деньги у меня есть. Я вернусь.

Александръ Павловичъ засуетился. Онъ готовъ былъ теперь помогать всѣмъ и каждому, благо у него были деньги.

— Вернемся,—сказалъ мастеровой.—Я тебя теперь не отпущу, а то не придешь опосля...

Вернулись, отыскали башмачницу Дарью. Протасовъ далъ ей взаймы пятнадцать рублей, приставая къ ней, не надо ли больше. Дарья и плакала, и крестилась, и называла Протасова истиннымъ благодѣтелемъ.

— Богъ тебѣ за это воздастъ,—повторяла она:—потому что въ горѣ человѣку помогъ.

Digitized by Google

Василій торопилъ его идти. Теперь оба, уже совсѣмъ веселые, они взяли извозчика и поѣхали. Въ небольшомъ деревянномъ домѣ съ закрытыми наглухо ставнями уже играли на фортепіано, когда они прибыли туда. Въ просторной залѣ ихъ окружило разомъ нѣсколько женщинъ, какъ людей знакомыхъ, своихъ. Протасовъ застѣнчиво и ласково улыбался въ отвѣтъ на привѣтствія, пожимая всѣмъ руки. Какой-то женскій голосъ, немного надтреснутый, крикнулъ старику-таперу, чтобы онъ пересталъ играть.

— Александръ Павловичъ теперь сыграетъ,—раздался тотъ же голосъ.—Сыграйте, Александръ Павловичъ.

— Я съ удовольствіемъ... очень радъ,—отвѣтилъ Протасовъ.

Онъ присѣлъ къ фортепіано, окруженный толпой молодыхъ дѣвушекъ, и заигралъ изъ «Трубадура» арію въ тюрьмѣ, чуть слышно подпѣвая себѣ. Голоса у него давно не было, но осталось умѣнье пѣть и фразировать. Въ залѣ водворилась полнѣйшая тишина.

— И хорошо же вы играете!—вырвалось чье-то восклицаніе, точно вздохъ.

Протасовъ добродушно усмѣхнулся:

— Обѣднѣю, буду наниматься къ вамъ въ таперы...

И, оборвавъ грустную пьесу на половинѣ, онъ заигралъ шумную мазурку изъ «Жизни за царя». Онъ держалъ себя здѣсь, какъ хорошій знакомый въ семейномъ домѣ, интересуясь печалями и радостями всѣхъ этихъ отверженныхъ созданій. Распущенныя, безцеремонныя, циничныя съ «гостями», въ немъ онѣ не видѣли ни «гостя», ни «мужчину» и говорили съ нимъ такъ, какъ говорятъ съ старыми друзьями, жаловались ему на судьбу, на обиды, на обсчитывающихъ ихъ людей...

На слѣдующій день, часовъ въ десять, Александра Павловича разбудилъ топотъ дѣтскихъ ногъ. Онъ открылъ глаза и увидалъ трехъ мальчугановъ, вошедшихъ съ книгами въ его комнату.

— А вы еще спите!—раздались веселые голоса.

— Нѣтъ, нѣтъ... Сейчасъ,—сконфуженно отозвался онъ, поднимаясь поспѣшно съ постели.—Садитесь... Я сейчасъ... Ахъ, какъ заспался!..

Онъ торопливо пріодѣлся и подкинулъ въ печку дровъ.

— Сперва задачи сдѣлайте... а потомъ диктовка... Я сейчасъ... Какъ заспался сегодня... какъ заспался.

Мальчуганы усѣлись къ столу, Протасовъ написалъ имъ

Digitized by Google

на грифельныхъ доскахъ задачи и пошелъ съ чайникомъ въ кухню заваривать чай.

— Пострѣлята-то наши разбудили васъ,—сказала хозяйка, наливая ему кипятку.

— Ничего, пора...—проспалъ я сегодня, оправдывался онъ сконфуженно, какъ виноватый. — Вчера кутнули немного... вотъ вѣдь никакъ не остановишься во-время...

— Эка бѣда... мужчины,—проговорила хозяйка, не придавая никакого значенія разнымъ кутежамъ, и замѣтила:— Приналяжьте сегодня на моего Васютку. Вчера, какъ есть, ничего не дѣлалъ, пострѣлъ.

— Да вѣдь праздникъ былъ...

— А все же учи въ урокъ. Задалъ учитель и учи. Вихрито надергайте ему.

Протасовъ добродушно засмѣялся.

— Хорошо! хорошо!

Черезъ часъ, наскоро напившись чаю, глотнувъ тайкомъ на ходу рюмку водки, тщательно провѣривъ задачи учениковъ, спросивъ заданные имъ уроки, онъ уже ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и началъ внятно диктовать имъ одно изъ своихъ любимыхъ стихотвореній:

«Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ»...

Эти любимые стихи совершенно случайно пришли ему на память, но съ первой же строки въ его головѣ мелькнула мысль:

— Суда не будетъ!

И тутъ же ему вспомнилось:

— А что Надежда Дмитріевна скажетъ?

Его точно холодомъ охватило...

— Мы написали!—крикнули ребятишки, видя, что онъ не продолжаетъ диктовать.

— Да, да,—отозвался Александръ Павловичъ и продолжалъ:—«Его галеры ожидали»...

Въ головѣ же мелькнуло:

— Денегъ поистратилъ немного... ничего не купилъ... И что покупать?..

— Дальше, Александръ Павловичъ!—крикнули дѣти.

— Дальше?—отозвался онъ.—Что же дальше? Ахъ, да!.. «Онъ былъ бѣднякъ и былъ онъ воръ»...

Онъ вздохнулъ.

— Вотъ и я точно укралъ у нея... Ну, да что тутъ...

Онъ торопливо произнесъ слѣдующія строки стиховъ, стараясь не думать о другомъ.

Digitized by Google

— Написать ей надо, чтобы не ждала,—рѣшилъ онъ вдругъ.—Да, нечего ждать...

Къ первому часу классъ кончился, дѣти ушли. Александръ Павловичъ торопливо выпилъ еще рюмку вина, закусилъ и съ особенной поспѣшностью залегъ снова спать. Онъ теперь старался думать обо всемъ, кромѣ Надежды Дмитріевны, а воспоминаніе о ней, о данныхъ ею на одежду деньгахъ, какъ на зло, лѣзло въ голову.

— Эхъ, Шура, Шура!—прошепталъ онъ вслухъ съ тяжелымъ вздохомъ и, поднявшись съ постели, залпомъ выпилъ двѣ рюмки водки.

Онъ легъ и сталъ что-то напѣвать, точно стараясь убаюкать себя. Онъ зналъ уже по опыту, что легче всего отдѣлаться отъ докучныхъ думъ пѣніемъ...

Проснулся онъ поздно. Вечеромъ забѣжалъ къ нему Василій отвести душу, и они проболтали вдвоемъ до поздней ночи, совсѣмъ трезвые, сидя за самоваромъ.

Только собираясь снова лечь спать, Протасовъ вспомнилъ, что онъ не написалъ ничего Надеждѣ Дмитріевнѣ: собирался написать и не написалъ. Но это воспоминаніе уже не пробудило въ немъ остраго чувства. Впечатлѣнія не оставляли глубокихъ слѣдовъ въ его душѣ. Онъ только покачалъ головой и со вздохомъ сказалъ вслухъ:

— Ахъ, ты голова, голова!

Насвистывая, онъ сталъ раздѣваться. Что-то странное совершалось въ его душѣ: онъ начиналъ теперь относиться къ самому себѣ, какъ къ постороннему несчастному человѣку, и, громко вздыхая, повторялъ:

— Эхъ, Шуренька, Шуренька? Достукался, голубчикъ... Ну, да что дѣлать, что дѣлать!

И ему было очень, очень жаль этого бѣднаго Шуреньку! И, какъ блажному ребенку, онъ проговорилъ себѣ:

— Ну, да что думать? Баиньки пора! Баиньки.

И по его лицу скользнула жалкая, хватающая за сердце, улыбка угасающаго разсудка.

XI.

Надежда Дмитріевна, въ хлопотахъ о приданомъ для Ольги Протасовой и въ заботахъ о разныхъ мелкихъ закупкахъ для своего домашняго обихода, то и дѣло разъѣзжала на извозчикахъ, что было вовсе не въ ея обычаѣ. Обыкновенно она ходила пѣшкомъ и посмѣивалась надъ тѣми, кто «вѣчно спѣшитъ, какъ на пожаръ, а горятъ-то только деньги

Digitized by Google

въ карманѣ»... Теперь она сама все спѣшила, и все ей казалось, что она опоздаетъ: «Саша придетъ, чтобы ѣхать съ нею, а у нея не всѣ дѣла кончены».

— Что, Саша еще не былъ?—спрашивала она у Александры Николаевны, возвращаясь домой съ ворохомъ покупокъ.

— Нѣтъ еще,— отвѣчала Потапенко.

— Ну, и слава Богу. Не все еще у меня куплено. Опять надо ѣхать. Ты, дорогая, удержи его, если придетъ безъ меня. Не отпускай его, приласкай...

— Хорошо, хорошо, ужъ не безпокойся.

— Ахъ, замоталась я, замоталась совсѣмъ!

И, цѣлуя Александру Николаевну, старушка опять спѣшила по дѣламъ.

Такъ прошелъ день, прошелъ другой, прошелъ третій, прошелъ четвертый. Давно уже покончила Надежда Дмитріевна закупки для приданаго Ольги Протасовой, давно закупила все, что было ей нужно для своего домашняго обихода въ Чернецѣ, а Александръ Павловичъ все не являлся. Старушку начинала уже охватывать тяжелая тревога. Не заболѣлъ ли онъ? Простудился, можетъ-быть? Долго ли въ его одежонкѣ простудиться? Не случилось ли какого-нибудь другого несчастія? У кого спросить? Какъ узнать? Смутный страхъ мѣшалъ даже говорить съ кѣмъ-нибудь объ Александрѣ. Она перестала даже справляться у Александры Николаевны, не заходилъ ли онъ, и старалась вовсе не упоминать о немъ. Что если она заговоритъ о немъ, а ей скажутъ, что онъ снова закутилъ? Нѣтъ, ужъ лучше молчать. Его вѣдь только и могутъ во всякихъ провинностяхъ подозрѣвать. Жена и дѣти ея брата чувствовали, что на душѣ у Надежды Дмитріевны неладно и тоже молчали, боясь разбередить больныя мѣста. Только по уходѣ старушки они тихо шептались: «Что же онъ не идетъ? Неужели опять запилъ? Какъ подѣйствуетъ на тетю Надю?» У всѣхъ щемило сердце отъ предчувствія чего-то недобраго, но всѣ трое старались быть веселыми при старушкѣ...

Этой чуткой деликатности нечего было ждать отъ другихъ близкихъ Надеждѣ Дмитріевнѣ. Вѣсть о томъ, что она заплатила за Александра Павловича нѣсколько тысячъ долгу быстро облетѣла всѣхъ родныхъ, хотя никто и не зналъ точной цифры уплаченнаго долга, такъ какъ Викторъ Павловичъ не любилъ толковать о дѣлахъ со своими родственницами. Впрочемъ, эта скрытность въ данномъ случаѣ по-

Digitized by Google

служила только къ преувеличенію размѣровъ совершившейся сдѣлки. Софія Петровна и Евгенія Петровна, какъ женщины богатыя, не имѣли причинъ интересоваться размѣровъ «брошенныхъ» денегъ, тѣмъ не менѣе онѣ рѣшили, что старуха просто выжила изъ ума и куралеситъ, какъ никогда. Евгенія Петровна даже нашла въ этомъ дѣлѣ предлогъ для насмѣшекъ: копила, берегла, скряжничала Надежда Дмитріевна и вдругъ прорвалась; теперь ужъ всю остальную жизнь будетъ ходить въ одномъ и томъ же платьѣ, чтобы пополнить хоть какъ-нибудь потерю. Гораздо сильнѣе подѣйствовало извѣстіе о сдѣлкѣ на Жоржа Драгоманова. Онъ сильно раздражался и замѣчалъ въ своемъ кругу, что Надежда Дмитріевна своей глупой выходкой дала толчокъ Александру Павловичу, чтобы онъ пошелъ на путь шантажа. Увидитъ негодяй, что за него платятъ, и пуститъ въ ходъ какія-то бумажонки, будто бы имѣющіяся у него, чтобы запугать родныхъ. И что это за бумаги? Мало ли что могли ему писать когда-то. Всѣ даже забыли о содержаніи этихъ писемъ, а онъ ихъ сберегъ. Тревога Жоржа взволновала Софью Петровну и Евгенію Петровну. Въ самомъ дѣлѣ, если Жоржъ тревожится, значитъ въ дѣлѣ есть нѣчто серьезное. Онѣ напали на Истомина за его содѣйствіе Надеждѣ Дмитріевнѣ. Викторъ Павловичъ былъ смѣлый дѣлецъ, но передъ своими «барышнями», передъ матерью и теткой жены, онъ всегда являлся мокрой курицей. Оправдать себя и вывернуться передъ ними ему было далеко не легко. Безъ него не обдѣлалось бы это дѣло; онъ могъ усовѣстить, уговорить старуху. Съ его стороны этотъ проступокъ былъ непростительною глупостью. Только Анна Ивановна стояла на сторонѣ мужа, но стояла по обыкновенію молчаливо, не желая вмѣшиваться въ эти дрязги, тоскливо думая, куда скрыться, куда бѣжать отъ этихъ людей...

Но покуда всѣ толки шли въ интимномъ кружкѣ и не доходили до Надежды Дмитріевны. Разразилась буря вполнѣ только тогда, когда старушка явилась къ этой богатой роднѣ хлопотать за Ольгу Протасову.

— А вы бы лучше удѣлили ей что-нибудь изъ тѣхъ тысячъ, которыя вы бросили за уплату векселей Александра,— сказала съ насмѣшкой Евгенія Петровна.

— Да, ужъ нечего сказать, прекрасное дѣло ты сдѣлала,— сердито проговорила Софья Петровна шипящимъ тономъ. — Толкнула на шантажъ этого негодяя.

— На какой шантажъ?—спросила Надежда Дмитріевна.

Digitized by Google

— Обыкновенно какіе бываютъ шантажи. Вотъ и почтеннѣйшій Викторъ Павловичъ теперь согласенъ, что ты только путь указала этому мерзавцу къ новымъ продѣлкамъ.

— Да, мы ошибку сдѣлали, не взявъ у Александра бумагъ,—сконфуженно замѣтилъ Истоминъ, не зная, какъ извернуться теперь между двухъ огней.

— Конечно, это какіе-нибудь пустяки, выдумки, но все же...—вставилъ небрежно Жоржъ, дѣлая презрительную гримасу.

Старушка вспылила.

— Ахъ, что вы толкуете!—воскликнула она.—Бумаги эти всѣ мнѣ самъ Александръ отдалъ! А что касается до того, что это пустяки, такъ я могу сказать, что тамъ есть даже одинъ вексель Жоржа, правда, не протестованный, просроченный, но все же вексель, не оплаченный тобою...

Жоржъ отвернулся въ сторону, проворчавъ что-то въ негодованіи на своего кузена. Но его словъ никто не слышалъ, такъ какъ всѣ заволновались: какъ Александръ принесъ самъ бумаги? Это странно; это не понятно. Тутъ кроется какой-нибудь обманъ. Вѣрно, бумаги не всѣ. Это даже навѣрное можно сказать. Наконецъ, если и всѣ, то что-жъ изъ этого? Во всякомъ случаѣ, не слѣдовало тратить денегъ на уплату его векселей. Спасать негодяевъ, значитъ покровительствовать пороку.

— Вообще, ты нынче Богъ знаетъ что дѣлаешь!—воскликнула разгорячившаяся Софья Петровна.—За негодяевъ платишь долги, хлопочешь о бракѣ Ольги съ какимъ-то фельдшеромъ,—чѣмъ бы стараться помѣшать этому дѣлу.

— Объ этомъ вы должны были раньше думать, а теперь поздно,—рѣзко сказала Надежда Дмитріевна:—матерью она скоро будетъ!

Всѣхъ покоробило отъ этого извѣстія.

— Да это Богъ знаетъ что! — съ негодованіемъ произнесъ Драгомановъ.—Мало, что мы поощряемъ ея бракъ Богъ вѣсть съ кѣмъ, такъ мы еще и разврату покровительствуемъ.

— Ну, за развратъ-то не тебѣ судить,—почти грубо замѣтила Надежда Дмитріевна.—Не въ вашемъ ли кругу процвѣтаетъ нравственность?

Истомина почти съ испугомъ постаралась замять споръ, прекратить начавшуюся ссору.

— Да, да, въ такомъ случаѣ надо торопиться этой свадьбой,—сказала она.—Скрыть, покуда можно, позоръ бѣдной

Digitized by Google

дѣвочки. Фельдшера же этого можно перевести на другое мѣсто, въ другой полкъ. Викторъ похлопочетъ.

— Да ужъ это-то прежде всего надо сдѣлать, а то мнѣ придется перевестись, - сухо вставилъ Жоржъ.—Въ концѣ концовъ, намъ придется изъ Петербурга бѣжать отъ милой родни...

Надежда Дмитріевна, не слушая его, продолжала:

— Въ сущности, я вижу, что вы всѣ не понимаете своего положенія и моей настойчивости въ желаніи помочь Ольгѣ. Вамъ все кажется, что она вашего позволенія проситъ, чтобы выйти замужъ! Просто смѣшно: ей нужна ваша помощь, денежная помощь, вотъ почему она и заявила вамъ о своемъ намѣреніи. Не поможете вы—хуже будетъ: вашъ братъ,— обратилась она къ Софьѣ Петровнѣ и Евгеніи Петровнѣ:— не остановится передъ жалобой на фельдшера, погубившаго его дочь. Тогда для васъ же хуже будетъ. Огласки тогда не избѣжать.

Всѣ переглянулись между собою: они всѣ, дѣйствительно, упустили изъ виду это обстоятельство и глупо воображали, что дѣло зависитъ отъ ихъ согласія или несогласія. Евгенія Петровна нашлась первая и замѣтила съ злобной ироніей:

— Вѣдь это передъ тобой исповѣдуются, а мы въ эти тайны не были посвящены!

— Очень жаль, что не были,—сухо сказала Протасова.— Себя избавили бы отъ лишнихъ хлопотъ, а дѣвушку не допустили бы пасть.

Но какъ бы ни были тяжелы эти объясненія, задѣвавшія Александра, объясненіе съ семьей Протасовыхъ было еще тяжелѣе. Тутъ не прикрывались болѣе или менѣе вѣжливыми фразами, не говорили какими-нибудь намеками. Правда или то, что считалось этими людьми правдой, высказывалась здѣсь въ простой грубой формѣ. Ненависть къ грабителю прорывалась наружу съ ожесточеніемъ, съ пѣной у рта.

Мать Ольги Протасовой, когда Надежда Дмитріевна, заѣхавъ къ семьѣ Ивана Петровича, объявила, что она дѣластъ кое-что изъ приданаго, дастъ кое-что изъ серебра и деньгами пятьсотъ рублей, бросилась цѣловать ей руки, и слезливо и жалобно проговорила:

— Пошли вамъ Богъ всего, чего желаете. Мы ужъ думали, признаться, ничего не дадите, потому какая же мы вамъ родня и, притомъ, другія траты у васъ.

— Да, ужъ нечего сказать, трещлютъ васъ! — рѣзко и грубо вступилась тетка Дарья, разводя руками.—Всякіе негодяи норовятъ сорвать.

Digitized by Google

Надежда Дмитріевна, передавъ привезенныя вещи, ничего не отвѣчая теткѣ Дарьѣ, торопилась скорѣй уѣхать домой, но Ольга не удержалась и бойко спросила ее:

— Правда, тетя, что вы десять тысячъ на Александра Павловича бросили?

И, не давъ времени старухѣ очнуться, прибавила:

— Въ сорочкѣ, вѣрно, родился: за пьянство да за мошенничество платятъ ему этакіе долги.

— Молчи! —рѣзко сказала старуха.—Не тебѣ его судить. Сама хороша!

— Какъ же не судить...

Иванъ Протасовъ нахально засмѣялся:

— Ну да, его судить нельзя. Это меня только судить было можно за все и про все.

Надежда Дмитріевна, не возражая ничего, стала прощаться. Ее охватывалъ страхъ въ этой трущобѣ, — точно она боялась, что эти люди способны растерзать ее. У нея было одно желаніе скорѣй уйти отсюда и никогда не переступать болѣе порога этого жилища...

Дома ее ждало письмо отъ Сѣмичевой. Надежда Дмитріевна какъ-то безсознательно распечатала его и стала пробѣгать глазами кривыя и безграмотно написанныя строки. «И странно оченно, крестненькая, што вы какому-нибудь пьяницѣ мирволите, а честныхъ людей и труженниковъ отъ себя отталкиваете. Моя дочь калошъ не имѣетъ, а ей пажонъ въ цыркѣ въ балетѣ играть за рубь въ вечеръ надо и ходитъ она, бѣдная, чуть не босая, а пяница вашъ какъ мы много наслышаны и сами своими глазами видели, кутить и всякія безъобразія изображаетъ»...

Надежда Дмитріевна отбросила письмо и присѣла, тупо смотря въ пространство. «Уѣхать, уѣхать, скорѣе,—проносилось въ ея головѣ.— Чего еще ждать? А если это все ложь? Если онъ захворалъ?»

Она рѣшительно поднялась съ мѣста, прошла въ комнату племянника и присѣла къ его письменному столу. Она написала письмо Александру Павловичу о томъ, что всѣ дѣла въ Петербургѣ она покончила, что ей пора ѣхать въ Чернецъ и что она ждетъ только его. Запечатавъ конвертъ, она попросила служанку отдать письмо посыльному и сказать, чтобы тотъ принесъ отвѣтъ.

— Непремѣнно пусть повидаетъ барина и принесетъ отвѣтъ,—наказывала старушка.—Пусть подождетъ, если нѣтъ дома барина...

Digitized by Google

Прошло около часу въ томительномъ ожиданіи. Наконецъ посыльный явился. Надежда Дмитріевна приказала позвать его въ свою комнату.

— Принесли отвѣтъ, голубчикъ?—спросила она его, поспѣшно вставая навстрѣчу.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ посыльный.—На словахъ просили передать. «Очень, очень, говорятъ, кланяйся. Я не поѣду».

Старушка растерялась.

— Да вы точно самого его видѣли? Нашли его? Можетъ-быть...

— Нашелъ-съ, — сказалъ посыльный. — Какъ не найти! Тамъ ихъ всѣ въ домѣ знаютъ. Сейчасъ указали.

— Ну, ну?—торопила она его.

— Лежать они изволили, когда я пришелъ. Подалъ письмо. Прочли и улыбаются. «Очень, очень благодари, говорятъ, и скажи, что я не ѣду». Сперва, значитъ, прочитали письмо, встали и писать собрались, а потомъ скомкали эту бумажку и говорятъ: «Что же я буду писать? Нечего писать». Я говорю: отвѣтъ просили безпремѣнно. Они и велѣли на словахъ передать: «Очень, очень благодари, говорятъ, и скажи, что я не ѣду».

И, немного стѣснясь, онъ прибавилъ:

— Не въ своемъ видѣ они какъ-будто...

— Да, да... Больной онъ... больной,—торопливо перебила его Протасова.

— Такъ-съ точно, какъ-будто...

— Да, да... Хорошо... вотъ вамъ,—отрывисто проговорила Надежда Дмитріевна, давая какую-то мелочь посыльному и прерывая его дальнѣйшія объясненія.

Она уже не слушала далѣе, что онъ говорилъ. И что было слушать? Пьетъ, не хочетъ ѣхать, даже не считаетъ нужнымъ писать. И что же писать? Развѣ не ясно все само собою. Погибъ человѣкъ, что же тутъ еще расписывать. Она поднялась съ мѣста и, глотая слезы, начала дрожащими руками укладывать свои вещи. По десяти разъ, сидя на полу, она перекладывала одну и ту же вещь изъ комода въ чемоданъ и изъ чемодана въ комодъ, ничего не видя, ничего не понимая. Ее точно чѣмъ-то пришибли. Когда къ ней вошла жена ея брата, у нея все уже было въ безпорядкѣ, но ни одна вещь не была уложена. Александра Николаевна спросила ее:

— Ѣдешь?

Digitized by Google

— Чего же болѣе ждать? — глухо проговорила Протасова.—Все сдѣлала, что было нужно, все...

— Когда опять пріѣдешь!

— Да не пріѣду, вѣрно, никогда... Что-жъ домъ бросать... Тамъ у меня дѣла, больныя... Лѣто вотъ настанетъ, ты съ дѣтками ко мнѣ пріѣдешь... Вѣдь пріѣдешь?

— Еще спрашиваешь! — проговорила хозяйка дома и наклонилась поцѣловать ее.—Тяжело тебѣ?

— Какъ тебѣ сказать, — тихо сказала Надежда Дмитріевна.—Растерялась я, растерялась. Человѣкъ гибнетъ, а помочь не могу... Всѣ средства въ умѣ перебрала—ничего не подѣлать, ничѣмъ не помочь... Есть, видно, что-то выше насъ... выше нашихъ желаній...

И, глотая слезы, она глухо прибавила:

— А ужъ какъ больно-то, какъ больно, что всѣ его бранять, всѣ чернятъ... а я... заступиться за него даже не могу... Что-жъ, негодяй, пьяница... ну, да, да... что же я могу сказать противъ этого?

И, задыхаясь отъ слезъ, рыдая, она торопливо, дрожащими руками, стала отирать слезы, а онѣ такъ и катились по ея лицу...

XII.

Надежда Дмитріевна вернулась въ свой домикъ въ Чернецъ и усиленно захлопотала: хозяйство, больныя, роженицы, бѣдняки,—все это захватило почти все ея время. Въ Чернецѣ всѣ знали давно Надежду Дмитріевну, знали ея дѣятельность, и никто не замѣтилъ, что теперь въ этой дѣятельности было что-то новое. Старушка исполняла лихорадочно свои добровольно принятыя обязанности, старалась не давать себѣ отдыха, стремилась среди заботъ и хлопотъ что-то забыть, что-то подавить, инстинктивно чувствуя, что она не вынесетъ своего горя, если отдастся ему, сложивъ руки. Только тонкій наблюдатель могъ бы замѣтить, какую внутреннюю борьбу переживала Протасова. Но такихъ наблюдателей въ Чернецѣ не было. Лишь одна неизмѣнная служанка Надежды Дмитріевны, старуха Авдотья, тяжело вздыхала теперь, глядя на барыню, и чутьемъ угадывала, что та страдаетъ.

Чернецъ—очень маленькій городокъ, скорѣе похожій на деревню, чѣмъ на городъ. Онъ раскинулся на берегу рѣчки Черни. Эта рѣчонка змѣится на протяженіи десятка верстъ. Въ иныхъ мѣстахъ она тянется среди зеленой скатерти

Digitized by Google

полей, въ другихъ — прорывается между холмовъ, образующихъ нависшіе надъ нею обрывистые берега. Эта извилистость рѣчонки и это разнообразіе ея береговъ придаютъ особенную живописность тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она протекаетъ, и особенно живописна та ея часть, гдѣ раскинулся городокъ Чернецъ; улицъ въ городѣ въ сущности двѣ, остальныя — не болѣе, какъ переулки, спускающіеся отъ двухъ главныхъ улицъ къ рѣкѣ. За рѣкою совсѣмъ нѣтъ улицъ, а просто стоятъ, среди полей и сосновыхъ рощицъ, отдѣльныя постройки пріѣзжающихъ въ Чернецъ на лѣто дачниковъ — землевладѣльцевъ.

На зиму Чернецъ засыпаетъ зимнею спячкой. Въ немъ нѣтъ ни собраній, ни клубовъ, ни театра. Если бы они и были, то ихъ некому было бы посѣщать, такъ какъ коренныхъ жителей здѣсь мало, и они не отличаются богатствомъ. Мелкіе купцы, торгующіе мѣщане, второстепенныя городскія власти, земскій докторъ, семья аптекаря, семейство священника и дьякона, пять-шесть офицеровъ, учителя городской школы и преподавательницы женской прогимназіи,—вотъ и все интеллигентное населеніе города, не считая простонародья, мастеровыхъ, солдатъ, крестьянъ, арестантовъ. Лѣтомъ, напротивъ, Чернецъ оживаетъ: изъ столицы наѣзжаютъ дачники и въ самый городъ, и въ окрестности, такъ какъ воздухъ здѣсь сталъ считаться очень здоровымъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ знаменитыхъ докторовъ купилъ здѣсь имѣньице, а окрестности города всегда были, дѣйствительно, очень живописными. Наплывъ пріѣзжихъ лѣтомъ бываетъ настолько великъ, что нужно очень рано вставать и идти на базаръ, чтобы не остаться на цѣлый день безъ провизіи. Окрестные крестьяне, привозящіе эту провизію, и городскіе торговцы, торгующіе въ своихъ лавкахъ всѣмъ, начиная съ краснаго товара и кончая дегтемъ, положительно только и наживаются лѣтомъ.

Едва ли не самымъ красивымъ уголкомъ Чернеца является домикъ Надежды Дмитріевны Протасовой. Онъ, теряясь въ саду, расположенъ на высокомъ холмѣ. Подъ холмомъ протекаетъ Чернь. Отъ сада ведетъ къ ней тропинка, тянущаяся далѣе по низкому берегу, мимо ряда домовъ, окруженныхъ садами, къ мосту. Изъ дома Надежды Дмитріевны виденъ противоположный пологій берегъ Черни съ его живописно разбросанными домиками, рощами, полями. Домъ двухъэтажный. Верхъ нанимаетъ семья мѣстнаго ветеринара. Низъ занимаетъ сама Надежда Дмитріевна. И

Digitized by Google

зимой, и лѣтомъ она не оставалась одна: масса больныхъ стекалось въ ея домъ; здѣсь находили нерѣдко пріютъ роженицы-крестьянки; очень часто тутъ же на время призрѣвались разныя сироты, объ опредѣленіи которыхъ хлопотала старушка. Сама Надежда Дмитріевна говорила: «стóитъ только двери открыть, и въ просящихъ помощи недостатка не будетъ». Здоровая, румяная, бодрая и подвижная, она не видала, какъ проходятъ дни, и когда ей замѣчали, что у нея хлопотъ много, она шутливо говорила: «да что-жъ бы я, старушонка, стала дѣлать, если бы хлопотъ этихъ не было — живою въ гробъ ложись. Гранпасьянсы да сплетни тоже надоѣдятъ, если ими только и заниматься». Ея хлопотливая дѣятельность не была какимъ-нибудь подвижничествомъ или самоотверженіемъ, а просто являлось прямымъ послѣдствіемъ подвижности крѣпкой и здоровой натуры. Если бы обстоятельства заставили ее сидѣть сложа руки— она была бы самымъ несчастнымъ человѣкомъ и, вѣроятно, быстро бы захирѣла. Лѣтомъ, впрочемъ, бывали у нея не одни хлопоты съ разными приходящими за помощью—лѣтомъ она жила и семейною жизнью. Жена и дѣти ея брата неизмѣнно каждый годъ забирались къ ней на все лѣто, и Надежда Дмитріевна чувствовала, что у нея есть семья— любящая, честная и хорошая семья. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждала она пріѣзда этой семьи на лѣто, послѣ своей поѣздки въ Петербургъ. Эта поѣздка тяжело отозвалась на ней и оставила въ душѣ глубокій, тяжелый слѣдъ. Дрянность болѣе или менѣе близкихъ ей людишекъ, въ эту поѣздку Протасовой въ Петербургъ, какъ-то ярче высказалась передъ нею; выяснилось вполнѣ во всемъ своемъ безобразіи и окончательное паденіе Александра Павловича. Какъ ни старалась Надежда Дмитріевна забыть все это, воспоминанія о тяжелыхъ сценахъ вставали помимо воли въ ея памяти, и сердце начинало щемить.

Надежда Дмитріевна была одной изъ тѣхъ рѣдкихъ, здоровыхъ и цѣльныхъ натуръ, для которыхъ не существуетъ сомнѣній. Она всегда дѣлала дѣло, не спрашивая себя: «хорошо ли она поступаетъ? не надо ли было поступить иначе? Теперь, напротивъ того, она мучилась именно этими сомнѣніями. Такъ ли она поступила, какъ слѣдовало? Можетъ-быть, было бы лучше, если бы Александръ попалъ подъ судъ, перенесъ горькое униженіе? Можетъ-быть, это образумило бы его? Можетъ-быть, затраченныя ею деньги пригодились бы ему послѣ суда? Иногда, среди хлопотливой

Digitized by Google

дѣятельности, она, вдругъ остановившись, задумчиво и тупо смотрѣла впередъ, какъ бы во снѣ. Неразрѣшимые вопросы томили ея душу, силы на время оставляли ее, а въ головѣ проносились страшныя картины: гибель любимаго человѣка, его полное паденіе, страхъ передъ тѣмъ, до чего можетъ довести его пьянство, обидное сознаніе своего человѣческаго безсилія въ борьбѣ съ какой-то невѣдомой силой — съ постыдными привычками, съ роковой гибелью любимаго человѣка,—все это доводило ее иногда до такого состоянія, что ей казалось, что у нея мутится умъ. Получивъ письмо изъ Петербурга о томъ, что семья ея брата ѣдетъ къ ней, она сильно обрадовалась и захлопотала о приготовленіи ихъ комнатъ. Семья ветеринара, видя, какъ суетится старушка, говорила:

— Дѣтей своихъ наша Надежда Дмитріевна ждетъ.

И точно «дѣти» пріѣхали, домикъ и садъ сразу оживились. Гимназистъ и гимназистка, племянникъ и племянница Протасовой, пріѣзжали къ ней всегда съ такою радостью, что не могли даже скрыть своего восторга, — здѣсь, казалось имъ, земной рай, и люди лучше, и воздухъ чище, и веселья больше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Жива ли старая кошка—Машка, не издохъ ли Валетка, какъ поживаетъ Рыжуха, постарѣлъ ли Сивый, пріѣхали ли дѣти ветеринара изъ Петербурга на каникулы, эти вопросы сливались въ одинъ хаосъ и, тотчасъ по пріѣздѣ въ Чернецъ, заставляли Вѣру и ея брата Николая бѣгать и въ хлѣвъ, и въ конюшню, и къ ветеринару, и на рѣчку. Но вопросы и волненіе этимъ не исчерпывались. Гдѣ же лодка? Будетъ ли нынче устроена изъ рогожъ купальня? Конченъ ли въ городѣ строящійся вотъ уже десять лѣтъ соборъ? А что отецъ-дьяконъ, все по-старому въ городки играетъ?

И въ первый же день послѣ пріѣзда семьи Потапенко и дѣтей ветеринара, двухъ гимназистовъ, молодежь уже играла въ пустынномъ переулкѣ въ городки съ молодымъ, едва отростившимъ бороду отцомъ-дьякономъ, одѣтымъ въ свой холщевый подрясникъ, тогда какъ старикъ-священникъ и его дочери вышли за ворота и чинно усѣлись на скамейкѣ побесѣдовать съ родственницами Протасовой, Александрой Николаевной и Вѣрой.

Присѣвъ на крыльцѣ своего дома и глядя на играющихъ въ городки съ отцомъ-дьякономъ гимназистовъ и на бесѣдующихъ съ дочерьми старика-священника, Вѣру и Александру Николаевну,—Надежда Дмитріевна опустила на ко-

Digitized by Google

лѣни вязанье и глубоко задумалась. Догоравшій ясный и теплый день былъ такъ прекрасенъ, бывшіе передъ нею люди, простые, нетребовательные, неприхотливые, смотрѣли такъ мирно и радостно, что ее охватило сладкое сознаніе того, какъ мало въ сущности нужно для довольства и счастія. Ни богатство, ни роскошь, ни слава не дадутъ его, если нѣтъ въ душѣ человѣка способности быть счастливымъ, не гоняясь за многимъ, довольствуясь малымъ, благодаря судьбу за свѣтлыя минуты, выпадающія намъ на долю среди трудовыхъ дней и тяжелыхъ лишеній. Въ ея душѣ былъ теперь полный миръ, и она мысленно благодарила Бога, что онъ далъ ей среди всякихъ житейскихъ невзгодъ эту способность чувствовать себя счастливой. Ей вспомнился въ эту минуту Александръ. Что-то онъ дѣлаетъ? Какъ тянетъ свою злополучную жизнь? Вся она искалѣчена, и нѣтъ въ ней ни проблеска свѣта...

— Бѣдный мой, бѣдный Саша!—со вздохомъ прошептала она, и по ея щекамъ потекли слезы.

Она даже не слышала, какъ къ ней подошла Александра Николаевна и положила ей на плечо руку.

— Надя, что съ тобой?

Старушка встрепенулась и быстро стала отирать слезы.

— Ничего, ничего, такъ взгрустнулось,—торопливо проговорила она. — Залюбовалась въ отъ на васъ и вспомнила Сашу...

— Полно, не думай о немъ,—тихо сказала Потапенко.— Его уже не спасешь.

— Да, да... вотъ это-то и тяжело... Не спасешь! легко сказать, а примириться съ этою мыслью—никогда я съ нею не примирюсь.

И, прерывая себя, стараясь ободриться, она заторопилась:

— Чай, однако, пора пить... Я и забыла, засмотрѣвшись на дѣтишекъ...

Она встала и пошла въ домъ распоряжаться насчетъ чаю, хлопотливо суетясь, стараясь забыться.

Неумолкаемая болтовня шла вокругъ чайнаго стола, когда въ столовой собралась вся семья Надежды Дмитріевны и гимназисты ветеринара. Надежда Дмитріевна тоже говорила безъ умолку, казалась веселою и бодрой, но зоркіе глаза Александры Николаевны замѣтили, какъ на мгновеніе на лицо старухи ложилась какая-то тѣнь грусти. Спохватившись, старушка снова развеселялась, старалась шутить, но,

Digitized by Google

видимо, ея душу томила одна и та же неотвязная, тяжелая дума.

Пошли дни за днями, тихіе, мирные, веселые. Надежда Дмитріевна то и дѣло ласкала и баловала своихъ дорогихъ дѣтей, а между тѣмъ, нѣтъ-нѣтъ—и заставала ее Александра Николаевна въ тяжелыхъ думахъ. Примириться съ совершившимся фактомъ гибели дорогого человѣка—очевидно, у старушки не хватало силъ. Иногда Александра Николаевна въ эти минуты тихо говорила ей:

— Побереги себя!..

— Нѣтъ, что же... что мнѣ дѣлается, — отзывалась старушка и, какъ бы оправдываясь, прибавляла:—это я только такъ, иногда взгрустнется. А то я и не думаю. Что-жъ думать? Что съ возу упало—пропало.

Въ одну изъ такихъ минутъ, Коля Потапенко вбѣжалъ въ комнату и подалъ Надеждѣ Дмитріевнѣ письмо. Она взглянула на адресъ и измѣнилась въ лицѣ.

— Отъ Александра!—проговорила она въ волненіи и дрожащими руками разорвала конвертъ.

— Господи, что тамъ еще случилось? — почти сердито воскликнула Александра Николаевна.

Старушка читала письмо, отрывисто говоря:

— Заболѣлъ... въ больницѣ... умираетъ.

Она отложила письмо и заметалась по комнатѣ.

— Ахъ ты, Господи, ѣхать надо скорѣе... Авдотьюшка! Авдотьюшка! скорѣе... Когда поѣздъ-то идетъ?.. Ахъ, не опоздать бы...

— Надя,—тихо сказала Потапенко.—Нужно ли? Подумай!.. Можетъ-быть...

Надежда Дмитріевна остолбенѣла передъ ней, недоумѣвая.

— Чего же думать-то. Умираетъ, слышишь, умираетъ.

— Да точно ли?—еще тише замѣтила Александра Николаевна.

— И ты... и ты даже!—воскликнула Надежда Дмитріевна съ горечью.

И снова она засовалась по комнатѣ.

— Скорѣе, скорѣе, соберите все, что нужно. Ахъ, поспѣть бы во-время... Господи, самъ зоветъ, самъ...

Впервые въ душѣ Александры Николаевны пробудилось почти злое чувство противъ Александра. Она была увѣрена, что онъ обманываетъ старуху, а между тѣмъ этотъ обманъ можетъ имѣть для нея роковыя послѣдствія. И безъ того она видимо изнываетъ, думая по цѣлымъ днямъ объ этомъ негодномъ человѣкѣ. Тѣмъ не менѣе отговаривать старуху

Digitized by Google

отъ поѣздки было невозможно. Не такова была Надежда Дмитріевна, чтобы оставаться на мѣстѣ, когда ее призывалъ на помощь страдающій человѣкъ.

Протасова уѣхала въ Петербургъ, наскоро забросила свой багажъ въ квартиру Александры Николаевны и помчалась въ больницу. Сидѣлка провела ее въ палату, гдѣ лежалъ Протасовъ, и жалостливо замѣтила особенно сердечнымъ тономъ:

— Плохъ онъ, голубчикъ, очень плохъ! Ноги отнялись и скоротечная чахотка...

Онъ лежалъ на постели на спинѣ, вытянувшись, какъ покойникъ. Онъ слегка обросъ бородой и былъ неузнаваемъ: оставались только кости, обтянутыя кожей. Бѣлизна его нѣжной кожи была теперь поразительна. На щекахъ едва-едва пробивался румянецъ. Его большіе глаза, казалось, стали еще больше и свѣтились особеннымъ блескомъ. Что сразу поражало теперь въ немъ, такъ это невозмутимое спокойствіе. Когда Надежда Дмитріевна подошла къ его кровати, онъ, оставаясь попрежнему неподвижнымъ, не поворачивая даже головы, обратилъ на старушку взглядъ, и въ этомъ взглядѣ отразилась тихая радость.

— Успѣла!—тихо проговорилъ онъ, почти не разжимая бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ.

Она наклонилась поцѣловать его въ бѣлый лобъ. Онъ едва слышно пожалъ ея руку. Его руки, бѣлыя, худыя, съ тонкими пальцами, все еще красивыя, лежали вдоль тѣла поверхъ одѣяла.

— Вася, иди теперь къ матери,—сказалъ больной, обративъ глаза на стоявшаго у постели мальчугана.—Скажи спасибо, что не забываютъ. Теперь моя мама пріѣхала, и мнѣ больше ничего не надо. Заходи все-таки.

— Я-съ забѣгу, Александръ Павловичъ,—бойко сказалъ мальчуганъ.—Андрюшка и Митька тоже забѣгутъ.

— Это хорошо. Не забывайте учителя. Недолго мнѣ жить.

Больной говорилъ тихо, упавшимъ голосомъ, не шевеля почти сухими губами и не измѣняя позы и выраженія лица. При каждомъ усиліи и движеніи, его начиналъ душить кашель. Эта неподвижность дѣлала его похожимъ на трупъ. Только глаза выражали кроткую ласку. Мальчуганъ, одѣтый въ русскую-рубашонку, неуклюже раскланялся и на цыпочкахъ пошелъ по палатѣ, походкой медвѣженка.

— У тебя тамъ въ Чернецѣ хорошо?—спросилъ больной у Надежды Дмитріевны.—Твои всѣ собрались уже?

— Да, да,—отвѣтила Надежда Дмитріевна.—Вотъ и ты немножко поправишься, да и туда же.

Digitized by Google

— Мнѣ три-четыре дня жить,—отвѣтилъ онъ.

— Полно! Что ты! Еще...

Онъ тихо перебилъ ее.

— Я же потому тебя и выписалъ, что докторъ былъ такъ добръ, сказалъ откровенно правду. Я просилъ объ этомъ. Иначе я не побезпокоилъ бы тебя.

— Хорошъ, хорошъ, нечего сказать. Не безпокоилъ бы—лежалъ бы тутъ одинъ и не побезпокоилъ бы!

Она старалась ободриться, шутить. Онъ тѣмъ же невозмутимымъ тономъ сказалъ:

— Я здѣсь не одинъ. Десятокъ друзей навѣщаетъ. Ученики бѣгаютъ. Видѣла вотъ мальчугана? У меня учился. Хорошій все народъ, простой и добрый. Отдохнулъ я среди нихъ за послѣдніе годы. Баловали, точно барчука.

Она не безъ удивленія взглянула на него, думая, что онъ бредитъ. Онъ подмѣтилъ это выраженіе удивленія, и въ его глазахъ отразилась улыбка.

— Удивляетъ это тебя? точно, это странно. Но я слишкомъ два года среди нихъ, какъ среди родныхъ, прожилъ. Что могъ, дѣлалъ и съ своей стороны для нихъ. Народъ темный, малограмотный; помочь пустяками можно. Любили за это. Теперь ничего не могу сдѣлать для нихъ, а не забываютъ, ходятъ.

Онъ закашлялъ мелкимъ, сухимъ кашлемъ, слегка вздрагивая всей грудью, и на лицѣ появилось мучительное выраженіе; мелкія капли пота покрыли лобъ. Минуты черезъ двѣ кашель утихъ, и его лицо опять стало спокойно.

— Смерти я не боюсь—это отдыхъ; мучительна только болѣзнь,—тихо сказалъ онъ.

Онъ закрылъ глаза. Ей показалось, что онъ заснулъ. Она поднялась, чтобы идти. Онъ тихо проговорилъ, не открывая глазъ:

— Завтра пораньше приди.

— Не надо ли тебѣ чего?

— Нѣтъ, все есть,—отвѣтилъ онъ и ласково пошутилъ:—тебя только недоставало.

Старушка побрела изъ палаты, опустивъ голову. Что-то странное творилось въ ней. Ее поразило это невозмутимое, ясное спокойствіе больного. Ни жалобъ, ни вздоховъ, ни покаянія, ни самобиченія, ничего не было. Это было состояніе счастливѣйшаго изъ людей.

Сидѣлка, провожавшая ее, замѣтила опять, что больной очень труденъ, и тутъ же прибавила:

— И не видали мы такого покойнаго больного. Всѣ ему

Digitized by Google

хороши, все хорошо. Слова дурного никому не скажутъ, за все благодарятъ. Помогать ему станешь, смутится, конфузится. Недаромъ и любятъ его люди.

— Любятъ?—машинально спросила Надежда Дмитріевна, почти не понимая ее.

— Да, ужъ такъ-то всѣ хвалятъ, такъ хвалятъ. Все бѣдному народу добро дѣлалъ.

Старушка еще болѣе растерялась. Ничего она не могла понять. То говорили, что негодяй, погибшій, мошенникъ. Теперь говорятъ, что его любятъ, что добро дѣлалъ, что лучше трудно и сыскать человѣка.

На слѣдующій день она застала Александра въ томъ же положеніи, только говорилъ онъ еще тише, только кашель, беззвучный, продолжительный, былъ еще мучительнѣе и повторялся чаще. Больной разспрашивалъ ее о родныхъ, объ Александрѣ Николаевнѣ, Вѣрѣ, Колѣ, о ея неизмѣнной служанкѣ Авдотьѣ. О себѣ, о своей болѣзни, о своихъ мукахъ онъ не говорилъ ни слова. Только случайно, какъ бы вспомнивъ что то, замѣтилъ:

— Да, похорони непремѣнно у Митрофанія. Люблю я это кладбище.

— Ну, ну, не смѣй говорить о смерти,—пошутила она.— Отчаиваться не надо. Не всякая болѣзнь...

Онъ перебилъ ее.

— Полно, смотри на это проще. Сонъ это послѣ труда. Я два послѣдніе года много поработалъ. Чтобы жить мелкимъ трудомъ, надо много работать. Правда, безпутно иногда деньги убивалъ, пилъ иногда не въ мѣру. Это привычка вѣдь. У всѣхъ свои привычки и недостатки.

И тѣмъ же невозмутимымъ тономъ онъ прибавилъ:

— Ты вотъ счастливая: здоровой натурой всегда была, не сбилась съ дороги. Это рѣдкость. Другіе всѣ сбиваются: женщины развращаются, мужчины пьянствуютъ. Самимъ иногда не вѣрится въ минуты трезвости, до чего они доходятъ во время опьяненія, на людей смотрѣть стыдно, къ себѣ отвращеніе чувствуешь. А привычка такъ или иначе опять беретъ верхъ, и снова повторяется то же, отъ чего съ омерзѣніемъ открещивался вчера.

Онъ тихо вздохнулъ.

— Свѣжій человѣкъ со стороны взглянетъ на все это— гадко станетъ,—проговорилъ онъ.—А когда всмотришься во все это близко, поймешь все,—глубоко жаль станетъ. Бѣдные, рядны люди! Сколько души, сколько сердца таится

Digitized by Google

иногда среди этой омерзительной грязи роковыхъ привычекъ, рокового паденія.

Онъ закрылъ глаза, утомленный, но попрежнему спокойный. Надежда Дмитріевна сидѣла въ глубокомъ раздумьи, пораженная его спокойствіемъ, ясностью душевнаго строя. Это не былъ цинизмъ пропойцы, хвастающаго своимъ паденіемъ; это не было стремленіе софиста оправдать всякую мерзость; это была спокойная оглядка назадъ человѣка, сознающаго, что для него уже все кончено. Онъ говорилъ о своемъ пьянствѣ, какъ докторъ говоритъ о болѣзни,—говорилъ о своемъ образѣ жизни такъ же, какъ и о своей смертельной болѣзни: фактъ грустенъ, но его не передѣлать жалобами или слезами. Отъ этого спокойствія дѣлалось жутко.

На слѣдующій день, Надежда Дмитріевна, подходя къ постели Александра, увидала около него какую-то дѣвушку. При появленіи Протасовой та быстро встала и, простившись съ больнымъ, пошла прочь. Проходя мимо старушки, она потупилась въ смущеніи. Въ душѣ Надежды Дмитріевны мелькнуло смутное подозрѣніе. Она присѣла у кровати больного. Онъ лежалъ, какъ мертвецъ, и какъ-то особенно безпрерывно покашливалъ не грудью, а горломъ, точно у него тамъ что-то засѣло и першитъ. Увидавъ Протасову, онъ слабо пожалъ ея руку и совсѣмъ тихо сказалъ:

— Вотъ тоже навѣстить вырвалась.

И, тихо вздохнувъ, прибавилъ:

— Знаешь, несчастная въ такомъ домѣ живетъ... Вырваться отгуда на полчаса и то трудно... Современныя рабыни...

Старуха поняла, и ея сердце невольно сжалось. Съ какими женщинами онъ былъ близокъ! На мгновенье въ душѣ пробудилось нехорошее чувство. Хоть бы ужъ не ходили эти-то въ такія минуты. Протасовъ тихо, въ грустномъ раздумьи, обрывая рѣчь на каждой фразѣ, продолжалъ:

— Бѣдняжка любитъ тутъ одного парня—мастерового... Денегъ я ссужалъ ему иногда... Такъ вотъ тоже благодарность чувствуетъ за это... Несчастныя!.. И любовь-то у нихъ вся исковерканная, какъ и вся жизнь.

— Ахъ, такъ значитъ...—начала Надежда Дмитріевна и не кончила.

Ей стало стыдно передъ нимъ, что она ошиблась въ своихъ подозрѣніяхъ. Вообще она чувствовала, что предъ нею происходитъ нѣчто такое, чего она не понимаетъ. Чтобы что-нибудь сказать, она спросила.

— Что же они не поженятся?

Digitized by Google

— Да ее же выкупить пришлось бы,—едва слышно сказалъ онъ, съ видимымъ усиліемъ. — Все равно, что крѣпостная... Да и не прожить бы имъ на то, что онъ зарабатываетъ... Мало платятъ за каторжный трудъ... Она же— какая она работница, когда ее пятнадцати лѣтъ совратили съ прямого пути... родная тетка продала... тоже съ голоду...

Онъ вздохнулъ. Его взглядъ былъ совершенно тусклъ.

— Ты бы не говорилъ, тяжело тебѣ,—замѣтила Протасова, съ тревогой слѣдя за нимъ.

Она чувствовала, что въ немъ угасаетъ жизнь.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ.

Черезъ минуту онъ снова заговорилъ.

— А запретить сердцу любить не прикажетъ... Паденье полное, грязь, развратъ, а она вотъ руку у меня сегодня поцѣловала... что я ея Васѣ другомъ былъ.

Онъ закрылъ глаза.

— Пройдутъ года, и эта послѣдняя искра добра потухнетъ и останется... простая развратная, циничная тварь... Умирать надо такимъ скорѣе, пока есть искра добра...

Онъ глухо, едва слышно закашлялъ и судорожно захватилъ обѣими руками рубашку на груди, страдая отъ боли. Надежда Дмитріевна тревожно поднялась съ мѣста.

— Саша, пить не хочешь ли? Тяжело тебѣ?

Онъ широко открылъ глаза и осмотрѣлся, точно не узнавая ея.

— Не надо ли тебѣ чего?—спросила Протасова.

Онъ безсмысленно смотрѣлъ на нее. Кашель продолжалъ его душить. Въ груди слышалось точно кипѣнье. Конвульсивными движеніями онъ закинулъ голову назадъ, тогда какъ грудь выпятилась вверхъ. Руки продолжали теребить рубашку, вцѣпившись въ нее, какъ когтями. Надежда Дмитріевна позвала сидѣлку. Та прибѣжала и вмѣстѣ съ нею хотѣла приподнять его, но онъ вдругъ весь опустился въ постель и разомъ встряхнулся, уткнувшись подбородкомъ въ грудь. Руки безсильно скатились на постель.

Сгорбившаяся, какъ бы вдругъ состарѣвшаяся на десятокъ лѣтъ, не замѣчая катившихся по щекамъ слезъ, выходила Надежда Дмитріевна изъ больницы, направляясь къ мертвецкой. Совершенно безсознательно отдавала она теперь распоряженія насчетъ похоронъ своего любимца. Хлопотъ, по обыкновенію, предстояло много, и она, растерявшись, не знала, какъ и что дѣлать. Какая-то женщина въ мертвецкой подошла къ ней и начала, утирая слезы,

Digitized by Google

разспрашивать ее, не надо ли ей помочь. Это была хозяйка Александра Протасова.

—Мальчонки мои шустрые, они помогуть,—говорила она участливо.—Вотъ Василій тоже придетъ пріятеля-то своего снаряжать. Слава Богу, всѣ мы его, какъ сына роднаго, любили.

И, мало-по-малу, мертвецкая наполнилась народомъ. Всѣ отирали слезы, цѣловали въ губы покойника, произносили простыя, изъ сердца выливающіяся, фразы. Кто-то фамильярно проговорилъ Надеждѣ Дмитріевнѣ:

— Да ты, Надежда Дмитріевна, не заботься ужъ, все мы это сдѣлаемъ безъ тебя! Шутки ли, у тебя какое горе.

— Да, да, голубчики, ужъ вы хлопочите,—растерянно говорила Протасова, присѣвъ на стулъ.—Дѣлайте, какъ знаете. Вотъ деньги.

— Что деньги!—послышался голосъ.—Сдѣлаютъ все тогда и заплатишь. А ужъ мы его такъ похоронимъ—на славу!

Какая-то бабенка все сокрушалась о томъ, что она еще не отдала долга Протасову—пятнадцать рублевъ далъ, когда у нея мальчишка померъ. Похоронить было нечѣмъ, а онъ далъ. Душа человѣкъ былъ. Мухи не обидѣлъ.

Когда зашелъ вопросъ о днѣ похоронъ, всѣ стали просить, чтобы хоронить Протасова въ воскресенье,—свободный день для рабочихъ. Въ будни не урваться. Надежда Дмитріевна не протестовала, не вмѣшивалась ни во что. Въ воскресенье мертвецкая и дворъ около нея захлебнулись народомъ. Гробъ вынесли на рукахъ и понесли на кладбище. Старушка шла за нимъ пѣшкомъ и смотрѣла какъ-то растерянно на все происходившее вокругъ нея: на этихъ простыхъ рабочихъ, несущихъ гробъ, на этихъ простыхъ женщинъ, покупающихъ пятикопеечные вѣнки для ея Александра, на этихъ простыхъ дѣтей, идущихъ и поющихъ предъ гробомъ. Казалось, она присутствовала передъ какимъ-то новымъ для нея явленіемъ, передъ чѣмъ-то такимъ, чего она прежде не знала, не подозрѣвала. Она десятки разъ за эти дни подходила къ покойнику, всматривалась въ черты его лица: оно было серьезно и спокойно, какъ въ послѣдніе дни его жизни. Ей вспомнилось это лицо, какимъ оно было въ разные періоды жизни. Сколько разнообразныхъ чувствъ и ощущеній выражало оно. Не помнила она только одного выраженія въ немъ—злобы. Онъ былъ добръ всегда. Ей вспомнились его послѣднія слова объ «искрѣ добра». Да, эта искра не угасала въ немъ никогда. Въ послѣднее время она даже, несмотря на все его па-

Digitized by Google

денье, разгорѣлась въ немъ сильнѣе, ярче. Онъ не только сберегъ ее въ себѣ, онъ старался отыскивать ее въ другихъ. Всѣ родные считали его негодяемъ, она называла его безвозвратно погибшимъ; онъ самъ стыдился глядѣть въ лицо людямъ, считая себя хуже всѣхъ, а вотъ эти простые люди, сами глубоко несчастные, сами падшіе, подмѣтили въ немъ искру добра и назвали его только за одну эту искру «святой душой».

Когда гробъ опускали въ землю, кто-то изъ женщинъ громко всплакнулъ, мужчины замѣтили:

— Шабашъ теперь, Александръ Павловичъ!

— Всѣ тамъ будемъ!

— Этого ужъ не минуешь.

Десятки рукъ начали торопливо креститься и бросать на могилу землю.

День былъ чудесный, все кладбище было въ зелени, солнце свѣтило ярко и роняло свои лучи даже въ эту разрытую яму.

Старушка набожно перекрестилась и стала прощаться съ этими людьми, согрѣвшими душу ея Александра въ послѣдніе дни жизни. Они оставались на могилѣ поминать покойника, притащивъ съ собой провизію для этихъ поминокъ. У нея на душѣ было свѣтло и тихо: ни укоровъ за прошлое, ни горькихъ сомнѣній не было въ ней. Какое-то торжественное, примирительное настроеніе охватывало ее всю, и мелки казались ей всѣ людскія дрязги и ссоры, обвиненія и осужденія. Законы жизни такъ сложны, такъ загадочны, такъ властны, что передъ лицомъ ихъ наши умствованія являются вполнѣ ничтожными.

— Не намъ судить,—тихо и задумчиво шептала она.

Когда она вернулась въ Чернецъ, всѣ сразу замѣтили въ ней перемѣну: она сильно постарѣла, но въ то же время выраженіе ея лица дышало такимъ яснымъ спокойствіемъ, какого на немъ не было никогда. Въ эти дни тяжелыхъ испытаній она перечувствовала многое и поняла въ глубинѣ души, что счастливъ тотъ, кто по чистой случайности успѣлъ свято совершить жизненный путь, и что не суда, а глубокаго сожалѣнія заслуживаетъ тотъ, кто палъ подъ гнетомъ житейскихъ обстоятельствъ, наслѣдственныхъ задатковъ, личнаго безсилія,—палъ нравственно, терзаясь упреками совѣсти, глубоко презирая себя и вызывая одно отвращеніе въ тѣхъ ближнихъ, которые любятъ рыться грязными руками въ чужой душѣ и упорно не заглядывать въ свою собственную душу.

Digitized by Google

ДВѢ СЕМЬИ.

I.

Мы — мой отецъ, моя мать и я — жили въ большомъ, каменномъ казенномъ домѣ. Мой отецъ былъ не важная птица, получалъ одиннадцать рублей съ копейками мѣсячнаго жалованья и пользовался небольшой даровою квартирой. Въ сущности это была не квартира, а просто комната въ два окна, раздѣленная на три части перегородками. Одна часть служила гостиной, другая — спальней, третья — передней. Кушанье мы готовили въ общей для пяти семействъ кухнѣ.

При воспоминаніи о прошломъ, мнѣ постоянно кажется, что мы жили не въ квартирѣ, не въ своемъ углу, а въ тюрьмѣ. Это можетъ показаться страннымъ постороннему человѣку, но все-таки я не могу иначе представить себѣ нашего стараго жилища. Нашъ домъ дѣйствительно походилъ на тюрьму. Длинные, широкіе, полутемные коридоры, гдѣ во время ночного затишья такъ гулко отдавались подъ сводами и крики безчисленныхъ кошекъ, и мѣрные шаги сторожа, и тяжелая поступь запоздалаго жильца; два ряда дверей направо и налѣво, очень близко помѣщенныхъ одна къ другой и свидѣтельствовавшихъ, что у жителей дома очень тѣсны помѣщенія; оборванный и грязный солдатъ инвалидной роты на подъѣздѣ, обыкновенно грубый и недовольный нещедрыми, запивавшими жильцами; гнилой запахъ отъ нечистотъ и масляныхъ фонарей, смѣшанный съ запахомъ щей, ржаного хлѣба и махорки, которую курилъ и этотъ часовой, и бѣдные обитатели жалкихъ конуръ; вѣчный полумракъ коридора, не

Digitized by Google

выметаемый по недѣлямъ соръ отъ дровъ, разносимыхъ по квартирамъ, и отъ ушатовъ съ помоями, выносимыхъ изъ квартиръ; рѣшетки у оконъ, сдѣланныя съ тѣхъ поръ, какъ убился одинъ счастливчикъ изъ ребятъ нашего дома, вылетѣвшій на мостовую во время отсутствія своей матери; тѣснота въ квартирахъ; бѣдность, часто отсутствіе всякой обстановки въ жилищахъ—все это сливается теперь вмѣстѣ въ моей памяти, и мнѣ чудится, что я провелъ дѣтство не въ жилищѣ свободныхъ людей, а въ тюрьмѣ, наполненной преступниками, обреченными на семейное заключеніе. Если ваше дѣтство прошло при болѣе счастливой обстановкѣ—я радуюсь за васъ...

II.

Въ нашемъ домѣ шла невеселая жизнь. Я сказалъ, что при воспоминаніи объ этомъ домѣ я всегда представляю себѣ тюрьму. Я долженъ прибавить, что при воспоминаніи объ этой жизни мнѣ всегда представляется ночь и тьма. Это тоже должно казаться вамъ страннымъ, но это такъ.

Все мое дѣтство сливается въ моей памяти въ какой-то длинный рядъ ночей, во мракѣ которыхъ мнѣ трудно разглядѣть хотя ясный, сверкающій теплomъ и свѣтомъ день. Порой мнѣ самому дѣлается досадно, что изъ этого непроглядnаго мрака не свѣтитъ ни одного яркаго дневного луча, какъ-будто тамъ дѣйствительно была одна сплошная ночь. Я стараюсь дать себѣ отчетъ, почему это ускользаютъ изъ моей памяти дни, и мало-по-малу, это обстоятельство начинаетъ дѣлаться яснымъ для меня. Я вижу, что они существовали и въ этой тюрьмѣ, и въ моемъ дѣтствѣ, но это были безцвѣтные, однообразные дни. Это были сплошные будни. Бывало, займется утро, я открываю глаза и прислушиваюсь: въ комнатѣ все пусто, все тихо, и развѣ только очень тонкій слухъ можетъ различить, какъ быстро щелкаетъ игла по лощеному полотну, какъ иногда шуршитъ это полотно, быстро поворачиваемое работающею рукою.

Лежать и не спать въ этомъ затишьи нѣтъ никакой возможности; въ немъ можно только спать или заниматься какимъ-нибудь дѣломъ,—иначе оно тяготитъ, давитъ, раздражаетъ нервы. Я поднимаюсь съ постели, выхожу босикомъ въ гостиную изъ-за перегородки; въ гостиной у окна сидитъ моя мать и торопливо шьетъ. Какое у нея озабоченное, худенькое, желтоватое лицо, съ мелкими морщин-

Digitized by Google

ками около прищуривающихся надъ строчкой глазъ, съ красными и припухшими вѣками, какъ болѣзненно изогнутъ ея тонкій станъ надъ шитьемъ,- грудь вдавлена, когда-то стройная спина выглядитъ старческой, сутуловатой.

Еще мгновеніе — и я уже нахожусь около матери. Она откладываетъ работу на столъ, поднимаетъ меня на руки, цѣлуетъ и, выпрямляясь, откидывается на спинку стула,— въ этомъ движеніи ясно видно изнеможеніе. Она рада разогнуть на мигъ свою спину. Еще мгновенье — и она пошлетъ меня одѣваться, приготовитъ мнѣ чашку снятого молока, поправитъ въ кухнѣ горшокъ со щами, поставленный въ печку, всполаснетъ и вытретъ руки, и снова шьетъ, шьетъ, шьетъ.

Ей двадцать пять лѣтъ; она уже перемѣнила вторыя очки.

Чай допитъ. Что мнѣ дѣлать? Не почитать ли азбуку? Я подвигаю скамейку къ ногамъ матери и сбоку кладу на ея платье замасленную книжонку.

— Бо-го-ро-ди-ца дѣ-во ра-дуй-ся, — складываю я, медленно и картавя.

Мать слушаетъ, не переставая шить.

— Мама, что значитъ дѣворадоваться? — спрашиваю я, не понимая смысла складываемыхъ словъ.

Мать улыбается и объясняетъ мнѣ непонятныя слова.

Чтеніе начинаетъ мнѣ надоѣдать. Я оставляю книгу, беру лоскутки и шью платье куклѣ. Я игралъ въ куклы. Я не любилъ лошадокъ, касокъ, ружей. Впрочемъ, и то сказать—куклы изъ тряпокъ можно было шить дома, въ нихъ можно было играть одному, а ружья и каски требуютъ денегъ, и ими непремѣнно нужно хвастать передъ кѣмъ-нибудь — иначе не выйдетъ никакого удовольствія. Это я знаю по опыту. Разъ мнѣ купили каску, всю покрытую сусальнымъ золотомъ. Я ее надѣлъ, постоялъ передъ зеркаломъ, походилъ по комнатѣ походкою нахохлившагося пѣтуха, присѣлъ въ уголокъ,—сидѣлъ, сидѣлъ, поглядывая на всѣхъ, и вдругъ разревѣлся.

— Что съ тобой?—спросила съ удивленіемъ мать.

— Я... я... не хочу быть въ колпакѣ! — хныкая, произнесъ я.

— Ну, такъ сними киверъ,—посовѣтовала мать, все-таки не понимая причины моихъ слезъ.

Только послѣ допытались мои родители, что причиной моихъ слезъ послужила слышанная мною однажды, но вспом-

Digitized by Google

нившаяся мнѣ при этомъ случаѣ поговорка: «всѣ люди, какъ люди; одинъ дуракъ въ колпакѣ». Съ этой поры я уже не измѣнялъ кукламъ, покуда онѣ не смѣнились книгой.

Часы, между тѣмъ, бѣгутъ за часами, а мы съ матерью все шьемъ, вплоть до обѣда; послѣ обѣда мы опять шьемъ до кофе; потомъ меня уже начинаетъ томить дремота. Я радъ вечернему чаю, я радъ наступленію ночи, я радъ возможности уснуть.

III.

Иногда дни немного разнообразились тѣмъ, что я обѣдалъ одинъ. Мнѣ подавалась на блюдечкѣ манная каша и небольшой кусокъ вчерашней говядины.

— Мама, а что же ты не кушаешь? — спрашиваю, бывало, я.

— Я не хочу сегодня ѣсть; я напьюсь кофею; готовить было лѣнь,—отвѣчаетъ мать и приноситъ себѣ кофе.

Она пьетъ его и ѣстъ полубѣлый хлѣбъ. Я спокойно наслаждаюсь своею ѣдою. Я не знаю, что у насъ нѣтъ ни гроша въ домѣ, что мать голодна.

Бывало и другого рода разнообразіе: отецъ присоединялся къ намъ, окончивъ свои дежурства на службѣ. Маленькій ростомъ, сильно плѣшивый, съ сѣдыми завитками на вискахъ, съ полнымъ, розовымъ, но обрюзгшимъ лицомъ, ходящій мелкими, торопливыми шажками, онъ выглядѣлъ старше своихъ лѣтъ. Ему не везло по службѣ, потому что онъ былъ низокъ ростомъ и плѣшивъ, а начальство искало высокихъ ростомъ и густоволосыхъ людей. Но, несмотря на это, онъ глядѣлъ на все какъ-то невозмутимо ясно и иногда добродушно улыбался, даже въ самыя горькія минуты. Это не была покорность, это не была апатія; это было холодное, неотразимое сознаніе, что исхода нѣтъ.

— Пока живется, будемъ жить; умремъ, и слава Богу. Сынишку бы только поднять на ноги,—торопливо говорилъ онъ, моргая глазами и улыбаясь.

А что, если бы я умеръ? О, отецъ горько, горько поплакалъ бы и надо мною и все-таки подумалъ бы про себя:

— Все же слава Богу, что умеръ, а не сиротой остался.

Отецъ, появляясь въ нашей квартирѣ, чинилъ мебель, ходилъ за матушку на рынокъ, стряпалъ за нее, иногда клеилъ, иногда переписывалъ за деньги бумагу. Онъ ухаживалъ за матушкою, которая была гораздо моложе его, какъ отецъ за дочерью. За обѣдомъ, за вечернимъ чаемъ, онъ шутилъ,

Digitized by Google

иногда читалъ вслухъ книги, плача при трогательныхъ сценахъ и хохоча до слезъ при чтеніи смѣшныхъ событій. Никогда не говорилъ онъ только о службѣ, о нашей бѣдности. Это были его больныя мѣста, а онъ боялся бередить раны.

Только иногда какъ-то испуганно всматривался онъ въ лицо матушки и качалъ головой.

— Ты бы отдохнула денекъ, два, — ласково говорилъ онъ ей.

— Да вѣдь до жалованья еще далеко, — отвѣчала матушка, объясняя этимъ все.

— Да, да, далеко! — вздыхалъ отецъ и вдругъ, суясь по угламъ, суетливо принимался за какое-нибудь дѣло.

Въ эти минуты, смотря на его безсмысленную, передвигающуюся улыбочку, опытный наблюдатель сказалъ бы: «а вѣдь этотъ человѣкъ бонтся заплакать».

Ни одна ссора, ни одинъ рѣзкій споръ не нарушали нашего семейнаго затишья. И изъ-за чего же было ссориться и спорить отцу и матери? Не изъ-за какихъ ли нибудь міровыхъ вопросовъ, не изъ-за различія ли тѣхъ или другихъ взглядовъ или убѣжденій? Боже мой, да какое дѣло до всего этого голодному человѣку, вполнѣ сознавшему, что ему нѣтъ исхода, что онъ не станетъ выше ростомъ, не выраститъ на своей плѣши волосъ, толкуя хоть тысячу лѣтъ о великихъ вопросахъ, и что при маломъ ростѣ и плѣшивой головѣ онъ будетъ получать все-таки не больше одиннадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья, точно такъ же, какъ его жена, не имѣя никакихъ особенныхъ талантовъ, не имѣя никакой охоты торговать собою, будетъ все-таки гнуть горбъ по два дня надъ шитьемъ одной рубашки, за что получитъ не болѣе одного рубля серебромъ. Какіе же тутъ могутъ быть споры за убѣжденія? Тутъ человѣкъ благодаритъ Бога за то, что его не загрызаетъ своя собственная семья за съѣденный имъ кусокъ хлѣба... Такъ тихо и мирно, какъ было тихо и мирно въ нашей семьѣ, можетъ быть развѣ только въ кружкѣ приговоренныхъ къ смерти развитыхъ, полныхъ силы личностей. Правда, мой отецъ и моя мать не говорили о близкой смерти, — но это понятно: между ними стоялъ ребенокъ.

IV.

И ни одного яркаго событія, ни одного яркаго луча не сверкнуло въ длинномъ ряду этихъ сумеречныхъ, безраз-

Digitized by Google

личныхъ дней! Вотъ почему слились они въ моей памяти въ одно какое-то смутное, безцвѣтное пятно. Но ночи — о, ночи совсѣмъ иное дѣло! Онѣ ярко смотрятъ на меня своимъ мракомъ. Все темно, все тихо, — но въ этой тьмѣ блеститъ одинокій свѣтъ мерцающей въ гостиной, оплывшей, сальной свѣчи. Она озаряетъ какимъ-то желтымъ блескомъ и безъ того пожелтѣвшее лицо моей матери, склонившейся надъ работой, и тревожитъ меня. Когда перестанетъ мать шить, когда она ляжетъ? Идутъ минуты, идутъ часы, а она все шьетъ, шьетъ, шьетъ. Закрою я глаза и стараюсь уснуть,—кругомъ такъ тихо, только игла щелкаетъ, только полотно шуршитъ, а въ коридорѣ слышны пронзительные, какъ дѣтскій плачъ, крики безчисленнаго множества кошекъ. Они то утихаютъ, то снова еще болѣе рѣзко раздаются, словно подъ самымъ моимъ ухомъ. Но вотъ я слышу, кошки бѣшено несутся по коридору, роняя на пути стоящія тамъ бѣльевыя корзины, и въ отдаленіи слышится чей-то невѣрный, но глухо отдающійся шагъ. Шаги ближе и ближе. Мнѣ начинаетъ представляться нашъ темный коридоръ съ безчисленнымъ множествомъ дверей, шкаповъ, корзинъ, ушатовъ, корытъ, приставленныхъ къ стѣнѣ, и мнѣ становится жутко. Я знаю, что ночью эти корыта, стоящія у стѣнъ, похожи на крыши дѣтскихъ гробовъ, которые такъ часто пугали меня въ этой тьмѣ; я знаю, что единственный фонарь, тускло горящій въ концѣ коридора, отбрасываетъ такія длинныя тѣни отъ предметовъ, что я самъ однажды испугался, увидавъ свою гигантскую тѣнь, легшую во всю длину коридора...

Но вдругъ мои грёзы прерываются: къ намъ въ двери ломится чья-то сильная рука. Я въ ужасѣ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, вскакиваю съ теплой постели на холодный полъ.

— Мамочка, мамочка, это разбойники! — кричу я, бросаясь къ матери.

— Полно, полно, дитя!—взволнованная говоритъ мать и тревожно направляется къ дверямъ: — это Антонъ Прохоровичъ ошибся дверями...

— Отворяй, Машка, отворяй!—кричитъ, между тѣмъ, у дверей хриплый и густой басъ.

Двери трещали подъ ударами кулаковъ, точно кто-то колотилъ по дереву молотомъ.

— Вы не въ ту дверь стучитесь; пройдите дальше,— громко говоритъ матушка изъ-за дверей.

Digitized by Google

— Отворяй, негодная! Двери выломаю!—бушуетъ пьяный басъ въ коридорѣ. — Опять любовниковъ напустила съ Настасьей.

Двери снова трещатъ подъ напоромъ сильныхъ рукъ. Матушка начинаетъ волноваться не на шутку, но старается овладѣть собою и уговариваетъ меня не плакать.

— Поймите вы, что ваши двери дальше. Здѣсь живетъ Иванъ Андреевичъ Порѣченскій,—кричала матушка; въ ея голосѣ слышно что-то въ родѣ безпомощнаго отчаянія. — Вы рядомъ, слышите, вы рядомъ живете!

Кулаки перестаютъ барабанить въ дверь.

— Черти!—бормочетъ за дверями притихнувшій басъ.— Черти!... Ну, извините... Барыня тоже важная... Обезпокоилъ!...

— Иди спать,—говоритъ мнѣ матушка.

Я ухожу, ложусь, кутаюсь въ одѣяло, чтобы согрѣться, и слышу, какъ матушка наливаетъ въ стаканъ воды, пьетъ и снова принимается за работу, слегка покашливая. Но мое вниманіе все устремлено на коридоръ. Я слышу, что умолкнувшій сосѣдъ все еще шарашится у нашихъ дверей. Черезъ минуту, онъ вдругъ начинаетъ быстро и твердо шагать, какъ обыкновенно пьяные, постоявъ гдѣ-нибудь у стѣны. Еще минута, и въ коридорѣ раздастся глухой шумъ отъ упавшаго человѣческаго тѣла. Меня бьетъ лихорадка; мнѣ кажется, что сосѣдъ упалъ и убился о каменныя плиты коридорнаго пола. Я рисую въ своемъ воображеніи этотъ обезображенный трупъ, посинѣвшій, съ выкатившимися и остановившимися глазами. Но нѣтъ, онъ не умеръ.

— Машка!.. Жена, женна, рракалья! - гремитъ въ коридорѣ.

Тамъ начинается возня. Хлопаютъ сосѣднія двери, шлепаютъ стоптанные башмаки, слышатся увѣщанія. Боже мой, какъ ясенъ, какъ отчетливъ каждый звукъ, каждый шорохъ въ этомъ ночномъ затишьи!

— Антонъ Прохоровичъ, вставайте!.. Вѣдь я васъ не могу поднять... Вы тяжелый,—молитъ чей-то женскій, немного сиплый голосъ.

Слыша этотъ голосъ, вы непремѣнно бы сказали: «эта женщина пьетъ».

— А, мужъ тяжелъ!.. Мужъ тяжелъ!—слышатся басовые звуки.—Кто же тебѣ легокъ?.. А? Кто тебѣ легокъ? Говори, рракалья!..

Digitized by Google

Кого-то тащатъ, кто-то ругается, кто-то плачетъ; опять затворяются сосѣднія двери; въ коридорѣ все утихаетъ, но въ сосѣдней квартирѣ начинается возня. Звуки доходятъ до меня уже глухо, смутно; ихъ трудно различить:—это не то слезы, не то брань. Но вотъ внезапно раздается страшный ударъ, точно кто-нибудь кинулъ что-то тяжелое. Затѣмъ быстро щелкаютъ и захлапываются двери, и опять въ коридорѣ слышится плачъ—это хватающій за сердце, неудержимый дѣтскій плачъ... Какъ тяжело спится мнѣ, какія страшныя грёзы смущаютъ мой сонъ!

Нѣтъ, не позабудутся эти ночи. Ихъ страшные призраки, какъ живые, встаютъ передо мною все снова и снова и проводятъ меня до могилы. Если въ моей жизни выдастся вполнѣ яркій, сверкающій весельемъ и радостью день, то они поднимутся передо мною и напомнятъ мнѣ, что поздно пировать подъ старость тому, кто такъ скорбно провелъ праздникъ жизни,—годы дѣтства.

V.

Въ одну изъ такихъ ночей, когда все утихло, когда я уже сталъ засыпать, моя мать услыхала, что кто-то шевелится у нашихъ дверей. Она взяла свѣчу и отворила дверь. У самой двери, въ уголкѣ, сидѣли два мальчугана,—одинъ лѣтъ пяти, другой лѣтъ восьми. Они были въ однѣхъ нижнихъ разодранныхъ рубашонкахъ, босые, съ всклокоченными со сна курчавыми волосами. Они сидѣли, плотно прижавшись другъ къ другу, на каменномъ холодномъ полу, и одинъ изъ нихъ неслышно, беззвучно плакалъ.

— Дѣти, что съ вами?—спросила матушка, наклоняясь къ нимъ и озаривъ ихъ свѣтомъ сальной свѣчи.

Ее поразилъ видъ ихъ худого, грязнаго тѣла, просвѣчивавшагося сквозь дыры и лохмотья грубыхъ рубашекъ.

— Пап-ка... мать... бьетъ, — прерывающимся голосомъ проговорилъ младшій, бѣлокурый мальчуганъ сквозь слезы.— Убить... насъ... хочетъ!

Старшій братъ, черноволосый, смуглый, какъ кочегаръ, молчалъ и угрюмо исподлобья косился на матушку. У него навернулись на глаза слезы.

— Войдите къ намъ, вамъ здѣсь холодно,—сказала матушка и ввела дѣтей въ нашу квартиру.

Они вошли робкими шагами, дико осматривая исподлобья нашу переднюю; повидимому, ихъ изумляли, какъ предметы

Digitized by Google

недосягаемой роскоши, наши потемнѣвшіе стулья, столы и тому подобныя вещи.

— Вы спать хотите? Уложить васъ?—спросила матушка.

Дѣти хмуро молчали,—младшій, безпомощно и робко понуривъ голову,—старшій, косясь куда-то въ сторону. Они не плакали, но были угрюмы. Матушка и они стояли безмолвно другъ противъ друга.

— Что же? Пойдемте, я васъ уложу...

Матушка сдѣлала шагъ впередъ. Дѣти не трогались съ мѣста и сосредоточенно смотрѣли теперь на какой-то бросившійся имъ въ глаза предметъ.

— Вы не бойтесь,—сказала матушка, видя, что они не рѣшаются идти за нею въ комнату.

Она взяла за руку младшаго брата. Старшій не двигался съ мѣста.

Но она еще не успѣла сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ бѣлокуренькій мальчикъ вдругъ зарыдалъ.

— Что съ тобой? — съ удивленіемъ спросила матушка, наклоняясь къ нему.

— Хьѣбъ .. хьѣбъ... вонъ тамъ! — вырвалось изъ груди малютки восклицаніе.

— Вы голодны?—спросила матушка и поспѣшно подошла къ столу, на которомъ лежалъ на одной изъ тарелокъ, внесенныхъ изъ кухни, кусокъ хлѣба, приковавшій вниманіе дѣтей.

Дѣти съ жадностью набросились на хлѣбъ. Они глотали его большими кусками, на которые въ изобиліи падали еще не утихнувшія слезы бѣлокуренькаго мальчугана. Матушка начала рыться въ шкапу, достала еще чего-то изъ съѣстного и дала дѣтямъ. Они ѣли молча. Матушка задумчиво глядѣла на нихъ.

Тяжелыя думы шевелились въ ея головѣ.

Матушка постлала постель для дѣтей и уложила ихъ спать. Не успѣли они уснуть, когда матушка услышала, что двери сосѣдней квартиры отворились, и въ коридорѣ раздался сиплый женскій голосъ:

— Васька, Митька, гдѣ вы?

Матушка вышла въ коридоръ. Тамъ стояла мать этихъ дѣтей, Марья Никитишна Степанова. Это была высокая, дюжая, но худая женщина въ неряшливой оборванной блузѣ съ подбитымъ лицомъ, съ растрепанными волосами, матовыми отъ грязи и пыли.

— Ваши дѣти у меня,—сказала ей матушка.

Digitized by Google

— Это что еще за новости? Съ чего вы чужихъ дѣтей заводить къ себѣ вздумали?—накинулась на матушку Марья Никитишна.—Вывѣдать, что ли, хотите, что у насъ дѣлается? Въ чужое дѣло нечего носъ совать!

Матушка не отвѣтила на обвиненіе.

— Они озябли въ коридорѣ,—промолвила она.— Они не одѣты, а здѣсь дуетъ, и полъ каменный.

— Они озябнутъ, они и согрѣются, — отвѣтила злобно Марья Никитишна.—Они вѣдь не барченки, какъ ваше золото. Не вы ихъ рожали, такъ не вамъ о нихъ и заботиться.

— Мнѣ было жаль, что они могутъ захворать!

— Вамъ, что ли, лѣчить ихъ придется? Жалостливы вы больно! Сдохли бы они, бѣсенята, такъ легче бы было... Гоните ихъ домой!

— Они спятъ.

— Спятъ, такъ разбудить можно.

— Оставьте ихъ у насъ до утра.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ? Дѣтей у матери отбивать вздумали!—крикнула Марья Никитишна.—Не было печали, такъ черти накачали! Мало, что мужъ убиваетъ, такъ еще чужіе въ семейныя дѣла мѣшаются. Небось, вы свое-то золото не отдали бы къ намъ ночевать. Бѣлоручку ростите. И сами-то вонъ расфуфырились, такъ барыней и смотрите.

Матушка вздохнула.

— Вы знаете, что я тоже работой живу, — тихо замѣтила она.

— Работой живете, работой живете!—съ наглымъ смѣхомъ воскликнула Марья Никитишна. — Шитьемъ-то занимаетесь? Экая невидаль! Эка работа! Нѣтъ, вы, какъ я, у корыта цѣлый день постойте; вы вонъ въ этакій морозъ на плоту подрогните... Вотъ работа. У меня вонъ руки полопались.

Матушка молчала.

— Гоните дѣтей, нечего разговаривать! — проговорила Марья Никитишна.—Мать мучается, мать изъ синяковъ не выходитъ, а они барничать будутъ!.. Гоните ихъ...

Матушка видѣла, что уговорить Марью Никитишну нѣтъ возможности, что эта женщина хмельна, и разбудила дѣтей.

— Поганые, по чужимъ угламъ шляться вздумали,— встрѣтила ихъ Марья Никитишна и дала имъ по тумаку.

— За что же вы ихъ бьете?—сострадательно вмѣшалась матушка.—Развѣ они виноваты, что вы несчастливы?

Digitized by Google

— Да вамъ-то какое дѣло до нихъ? Я мать, хочу—бью, хочу—милую! Туда же, объ моемъ несчастьи толковать вздумала! Взяла мужа колпака подъ башмакъ, да надъ другими и издѣвается! Сволочь этакая, право сволочь!

Матушка тихо удалилась отъ полупьяной женщины. Вслѣдъ ей понеслись слова отборной брани и послышались крики дѣтей.

— Мамка дуля... чего делешься? Вотъ ужо тебя самое папка-то...

Матушка вошла въ комнату, но не принялась за шитье, а, загасивъ свѣчу, стала тихо и задумчиво ходить по комнатѣ, озаренной слабымъ и кроткимъ свѣтомъ лампады. Отъ времени до времени я слышалъ, какъ она шептала:

— Бѣдныя, бѣдныя дѣти! Бѣдные люди!

VI.

На другой день послѣ этой ночной сцены матушка, по обыкновенію, встрѣтилась въ кухнѣ съ старшей дочерью Степановыхъ, Настей. Это была семнадцатилѣтняя дѣвушка съ большими, добрыми голубыми глазами, съ темно-русыми волосами, съ прозрачнымъ и нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ. Брови дугою, правильно очерченный ротъ, небольшой тонкій носъ, нѣжность кожи,—все было въ ней прекрасно, и трудно было повѣрить, что это милое созданіе съ умнымъ и добрымъ лицомъ родилось, выросло и живетъ среди грязи и нищеты. Дѣвушка застѣнчиво поклонилась моей матери и вся зарумянилась. Матушка привѣтливо протянула ей руку.

— Не сердитесь, пожалуйста, что вчерась мать у васъ нашумѣла,—пробормотала Настя, краснѣя еще болѣе.—Она у насъ всегда не въ своемъ видѣ такая безобразная!

Глаза у дѣвушки задернулись слезами.

— Я не сержусь,—отвѣтила матушка. — Что ваши маленькіе—не простудились?

— Что намъ дѣлается! Цыганская жизнь! — вздохнула Настя.

— Отчего вы рѣдко заходите ко мнѣ?—спросила матушка.

— Совѣстно... Видите, какая я лохмотница.

— Я не по платью принимаю...

— Я знаю; да самой себя совѣстно,—отвѣтила Настя.— Кажется, на глаза бы людямъ не показывалась; вѣдь хуже нищей,—руки есть, а на тѣлѣ порядочнаго платьишка нѣтъ.

— Приходите, тамъ потолкуемъ, авось удастся что-нибудь заработать.

Digitized by Google

— Гдѣ ужъ! Аспиды-то все пропьютъ...

— Уладимъ какъ-нибудь.

Настя обѣщала придти. Дѣйствительно, дня черезъ два она зашла къ намъ. На ней было старое ситцевое платье, стоптанные башмаки, на шеѣ былъ накинутъ полинялый клѣтчатый платокъ, но ея ослѣпительная красота заставляла забыть ея нарядъ. Можно даже сказать, что она поражала еще болѣе при этомъ нарядѣ. Матушка встрѣтила ее радушно, поговорила о ея житьѣ-бытьѣ, предложила ей работу. По словамъ Насти, въ ихъ семьѣ былъ адъ кромѣшный; кромѣ носильнаго платья у нихъ не было ничего; каждая тряпка пропивалась.

— Отецъ, какъ получитъ свои шестнадцать рублей, такъ сейчасъ въ кабакъ,—говорила Настя.—«На эти деньги, говоритъ, семью не прокормишь, такъ пусть же и добываетъ сама себѣ хлѣбъ». Придетъ домой, ну, мать и начнетъ попрекать его, а онъ ее бить. «Ты, говоритъ, съ любовниками шашни заводишь!» Извѣстно, мы изъ солдатъ: мало ли, что было, когда маменька съ отцомъ въ казармахъ жили? А теперь кому она нужна? Видѣли вы? — смотрѣть страшно! Вся избита, изъ синяковъ не выходитъ, въ чемъ душа держится. А тоже она цѣлый день у корыта, цѣлый день съ бѣльемъ возится. На плоту теперь это зимой дрогнетъ. Это ревматизъ у нея, кости вотъ всѣ ноютъ, кожа полопалась на рукахъ. Ну, и горько ей, тоже иногда съ холоду забѣжитъ выпить, а то и забыться хочется... Вѣдь мы не господа, никакой у насъ компаніи нѣтъ. Отецъ, можетъ-быть, и теперь солдатомъ бы былъ, если бы его за высокій ростъ не взяли сюда на службу. Маменька не можетъ понимать, что ей, по ея теперешнему званію, стыдно по кабакамъ ходить. Да и бѣдность-то насъ одолѣла... Я шью—да много ли добудешь иглой и гдѣ взять работы? Никто такой-то, какъ я, не даетъ. У насъ грязь, сама я оборвана... А тоже дѣтей кормить надо... Какое тутъ шитье? И вѣдь не приберетъ же ихъ Богъ! Вѣдь тоже ужъ они ли не бьются, ужъ они ли не голодаютъ, а нѣтъ,—все живутъ. Я ужъ и не знаю, что это за желѣзный народъ! Въ наказаніе это Богъ посылаетъ людямъ, что ли—я ужъ и не придумаю. Ужъ будто нѣтъ грѣшнѣе насъ людей, что намъ хуже всѣхъ надо жить!

Воспоминанія о горькой жизни взволновали Настю. Она склонила на грудь голову и задумалась.

— Либо я надъ собой что-нибудь сдѣлаю, либо уйду, куда

Digitized by Google

глаза глядятъ!—воскликнула она черезъ минуту. — Силъ у меня больше нѣтъ эту жизнь выносить! Да я думаю, на каторгѣ люди лучше живутъ, ихъ хоть кормятъ-то всякій день. А тутъ и голодъ-то, и бьютъ-то тебя...

— Вы бы на мѣсто пошли,—посовѣтовала матушка, перерывая ее.

Матушкѣ было невыносимо слушать эти горькія рѣчи.

— На мѣсто? Безъ паспорта-то? Кто меня возьметъ? Отецъ не даетъ паспорта-то. Я ужъ говорила—избилъ. «Ты, говоритъ, вѣрно, любовниковъ хочешь на сторонѣ завести. По матери пошла. У васъ однѣ шашни...»

— У начальства можно бы похлопотать о паспортѣ,— снова перебила ее матушка.

— Похлопотать? Да вѣдь отцу же скажутъ. Ну, опять изобьетъ. Что имъ до меня за дѣло, начальникамъ-то? Станутъ они со всякой дрянью возиться!

Матушка опустила голову: она понимала, что Настя права.

— Ходите ко мнѣ шить въ свободное время — сказала матушка.—Все-таки хоть что-нибудь заработаете.

Настя поблагодарила матушку, и съ этого дня чаще стала появляться въ нашей квартирѣ, помогая матушкѣ шить. Иногда, разсказывая о своей семейной жизни, о пьянствѣ отца и матери, о вѣчныхъ дракахъ, о нищетѣ и голодѣ, о наготѣ маленькихъ братишекъ, Настя впадала въ тяжелое отчаянье. «Наложить на себя руки»—было единственнымъ выходомъ, который ясно представлялся ея воображенію. Другого пути къ спасенію, другого будущаго она не видѣла и не могла видѣть. Покуда будутъ живы отецъ и мать, думала она, до тѣхъ поръ ничто не можетъ измѣниться: ее не отпустятъ изъ дому, а дома лучшей доли не будетъ. Ей даже не приходила въ голову мысль о замужествѣ, такъ какъ знакомыхъ у нихъ не было, да и кто бы взялъ за себя дѣвушку изъ подобной семьи?

— Хоть бы Богъ прибралъ ихъ поскорѣе! — восклицала иногда она,—хоть руки бы развязали!

Она такъ же искренно и откровенно высказывала это, какъ высказывала мысль о самоубійствѣ. Въ такія минуты мрачнаго отчаянья матушка не старалась утѣшать несчастную дѣвушку пустыми словами и молчала или перемѣняла разговоръ.

Но иногда на Настю находило другое настроеніе:—обсидится она, бывало, въ нашей мирной семьѣ, ободрятъ ее

Digitized by Google

ласковыя рѣчи матушки, пригрѣетъ лѣтнее солнце, и она вся раскраснѣется, просвѣтлѣетъ; на лицѣ блуждаетъ какая-то дѣтская улыбка, глаза свѣтятся, и, смотришь, Настя уже мурлыкаетъ какую-нибудь пѣсню.

Мнѣ до сихъ поръ памятна одна сцена, когда Настя была въ такомъ настроеніи. Время было послѣобѣденное, праздничное. На дворѣ стояла теплая и сухая осень. Заходящее солнце бросало въ нашу комнату послѣдніе яркіе лучи и золотило все, начиная съ простой мебели и кончая свѣженькимъ лицомъ молодой дѣвушки. Наши окна были открыты. Съ улицы доносились шумъ экипажей, говоръ проходящаго народа, крики играющихъ дѣтей нашего дома, звуки шарманокъ. Настя сидѣла у окна и, дошивая какую-то вещь, тихо мурлыкала пѣсню. Сначала звуки пѣсни были веселые, беззаботные, потомъ, мало-по-малу, они начали дѣлаться все грустнѣе и грустнѣе и, наконецъ, перешли въ какіе-то тоскливые не то вздохи, не то стоны и постепенно смолкли. Слушая за стѣной это пѣніе, можно было подумать, что пѣвица, выплакавъ въ этой пѣснѣ все свое гнетущее горе, тихо заснула сномъ усталости. Матушка, какъ бы пораженная наступившей гробовой тишиной, взглянула на Настю. Настя не шила. Облокотившись на подоконникъ и опустивъ на ладонь голову, она задумчиво смотрѣла въ окно.

— А вѣдь это все господа на острова ѣдутъ, — проговорила она, не поворачивая головы и какъ бы почувствовавъ взглядъ матушки.—Я думаю, весело тамъ, на островахъ-то?.. Господи, если-бъ хоть годикъ, хоть мѣсяцъ такъ пожить!

— Какъ?—спросила матушка.

— А вотъ какъ другіе живутъ, — отвѣтила Настя, все попрежнему не поворачивая головы и оставаясь въ томъ же положеніи задумчивости.—Куда задумала—поѣхала, спать легла—о завтрашнемъ днѣ не думаешь, что захотѣла — купила. Никто съ тебя отчета не потребуетъ; никто тебя пальцемъ не тронетъ; ни на кого тебѣ смотрѣть не стыдно; никому ты не завидуешь.

— Всѣмъ, Настенька, нельзя такъ жить, — вздохнула матушка.—Однимъ жизнь—наслажденье; другимъ—тяжелое испытаніе.

Настя вдругъ обернулась къ матушкѣ.

— А знаете что, Дарья Семеновна?—быстро заговорила она.—Я бы все, все отдала, чтобы такъ пожить!

Матушка вздрогнула, услышавъ страстный и порывистый

Digitized by Google

тонъ этихъ словъ, увидѣвъ мгновенно вспыхнувшіе глаза и щеки дѣвушки, и тихо промолвила:

— Полноте, Настенька, вѣдь вамъ и отдавать-то нечего. Всѣ блага жизни золотомъ покупаются.

Огонь въ глазахъ Насти быстро потухъ, ея щеки стали блѣднѣе, и она, склонивъ голову, почти съ укоризной прошептала:

— Вотъ вы какія, Дарья Семеновна, и помечтать-то не дадите!

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Настя безмолвно шила, низко наклонивъ голову къ работѣ.

— Оно, правда,—начала она черезъ нѣсколько минутъ болѣе спокойнымъ тономъ:—намъ, бѣднякамъ, и отдать-то нечего, чтобъ такую жизнь купить. Только не знаю я, какъ это вы можете въ такой каторгѣ жить и покорствовать.

— Въ какой каторгѣ?

Матушка подняла голову и съ изумленіемъ взглянула на Настю.

— Да въ такой,—сегодня шить, завтра шить, послѣзавтра шить, до гробовой доски шить! Да для чего? Для того, чтобы такъ отъ этого самаго шитья и въ гробъ лечь.

Матушка опустила на колѣни работу и не вдругъ нашлась, что отвѣтить.

— У меня сынъ. Я для него тружусь,—отвѣтила она, наконецъ.

— Да?... Ну, конечно, вы добрая мать,—согласилась Настя.—Онъ у васъ счастливый,—не то, что мы... А вотъ, я все думала, для чего я это работаю, и не придумала. Объясните мнѣ это.

Настя тоже отложила работу и вопросительно взглянула на матушку своими большими, глубокими глазами. Въ нихъ снова сверкалъ какой-то огонекъ. Матушка опять не вдругъ нашлась, что отвѣчать.

— Ни радости мнѣ нѣтъ отъ работы, ни покоя, ни уваженья,—продолжала Настя.—Шьешь,—руки исколешь, грудь изсушишь, а что толку? Почти безъ платья ходишь, ѣшь впроголодь, всѣ надъ тобой чуть не въ глаза смѣются...

— Вы семью поддерживаете,—едва слышно замѣтила матушка.

— Чего вы выдумали!—горячо перебила Настя.—Семья и безъ меня жила. Я что выработаю, то, почитай, и съѣмъ. А если что и останется, такъ и безъ этого семья не стала бы бѣднѣе. Это что говорить! Это пустое!

Digitized by Google

— Ну, положимъ, что и такъ,—согласилась немного смущенная матушка:—ну, просто для того работаете, чтобы жить и...

— Жить? да для чего она, жизнь-то? Чтобы шить?—засмѣялась Настя какимъ-то тяжелымъ смѣхомъ.

— Ахъ, Боже мой!—совсѣмъ растерялась матушка и развела руками.—Ну, будете жить,—замужъ выйдете...

— А потомъ для сына шить буду?—снова засмѣялась Настя, перебивая матушку.—Вотъ и придумали! Ха-ха-ха, Это-то и одна я придумала.

Матушка встала и въ волненіи заходила по комнатѣ. Настя продолжала смѣяться.

— Вы, Настенька, не знаете, что значитъ быть матерью,—заговорила въ волненіи матушка и, остановившись посреди комнаты, обняла меня.—Вы не знаете, какое наслажденіе работать напролетъ дни и ночи для своего ребенка, для того, чтобы онъ былъ веселъ, здоровъ, счастливъ, чтобы онъ выросъ большимъ, умнымъ, образованнымъ, чтобы онъ могъ жить лучше, богаче насъ...

Матушка остановилась: ее началъ душить кашель. Настя уже давно перестала смѣяться. Она задумчиво, грустно смотрѣла на разгорѣвшееся болѣзненнымъ румянцемъ лицо матушки.

— Дарья Семеновна, у васъ добрая была мать?—спросила черезъ минуту дѣвушка какимъ-то страннымъ тономъ.

— Да,—отвѣтила матушка.

— Она изъ богатыхъ была?

— Нѣтъ.

— Тоже работой жила?

— Да. А что?—съ недоумѣніемъ спросила матушка.

— Нѣтъ... Это я такъ спросила,—вздохнула Настя и тихо наклонилась къ работѣ.

Матушка посмотрѣла на поблѣднѣвшее личико дѣвушки, задумалась, потомъ нервно и горячо поцѣловала меня въ голову, сѣла и принялась за шитье. Отъ времени до времени она украдкой поглядывала на Настю. Дѣвушка шила молча, не поднимая ни головы, ни глазъ, но матушка замѣтила, что изрѣдка съ ея лица падали на работу одинокія, крупныя слезы.

— Что съ вами, Настенька?—спросила матушка.

— Ничего... вы не глядите на меня,—отвѣтила Настя.—Такъ, съ дуру, взгрустнулось что-то...

— Не безъ причины же?

Digitized by Google

— Да извѣстно, у меня одна причина: жизнь тяжела,— отвѣтила Настя.—Какъ вотъ подумаешь, что вы для сына по цѣлымъ днямъ шьете, ваша мать для вашего счастья работала, можетъ-быть, и ея мать для нея трудилась,— такъ бросила бы все и бѣжала бы, куда глаза глядятъ, безъ оглядки.

Обѣ женщины замолчали; въ комнатѣ снова воцарилась унылая, мертвая тишина, посреди которой слышалось только частое пощелкиванье иголки да шуршанье полотна. Поздно вечеромъ матушка говорила моему отцу:

— Боюсь я за бѣдную Настю... погибнетъ она...

VII.

И вотъ опять мнѣ вспоминается ночь,—не тихая, не мирная, не тоскливая, но полная шума и разгула забубенной толпы голодныхъ бѣдняковъ, вздумавшихъ развернуться хотя разъ во всю ширь своей необузданной натуры. Это рождественская ночь; она не одна, этихъ ночей нѣсколько, но всѣ онѣ сливаются въ моей памяти въ одно разомъ гудящее, какъ сотни голосовъ на сходкѣ, безобразное цѣлое.

Уже за нѣсколько недѣль въ нашемъ домѣ чуялось приближеніе Рождества и не потому только, что во всемъ домѣ пахло постнымъ масломъ, гнилой треской, кислой капустой, горохомъ. Нѣтъ, болѣе существенные признаки говорили о приближеніи Рождества.

Въ теченіе всего поста по всѣмъ угламъ коридоровъ, по всѣмъ подоконникамъ, на площадкахъ лѣстницъ, размѣщались группы оборванныхъ и замаранныхъ ребятишекъ и оглашали домъ за душу тянущими звуками:

— Ро-жде-ство тво-е, Хри-сте Бо-же нашъ,—мѣрно и словно по складамъ выводитъ въ одномъ углу группа двѣнадцати-и четырнадцатилѣтнихъ хриплыхъ басовъ, уже искусившихся во всѣхъ сладостяхъ и мерзостяхъ жизни и готовыхъ дать отпоръ каждому встрѣчному.

— Волстви-же со звѣздою путешествуютъ,—заливаются плясовымъ мотивомъ въ другомъ углу семилѣтніе картавые дисканты.

— Да замолчите ли вы, черти проклятые!—раздается изъ какой-нибудь внезапно отворившейся двери заспанный и сердитый голосъ.—И ночью-то отъ васъ, окаянныхъ, покою нѣтъ!

Дверь съ трескомъ захлапывается. Дисканты разбѣгаются, какъ вспугнутые зайцы.

Digitized by Google

— Самъ старый чортъ,—раздается со стороны басовъ.— Коридоръ-то откупилъ, что ли? Со сна, видно, ошалѣлъ!

Дисканты, слыша отпоръ старшихъ, прыскаютъ отъ смѣха, и по коридору вдругъ проносится пронзительное долгое:

— Мя-у, мя-у!

На эти звуки откликаются десятки мяукающихъ голосовъ изъ разныхъ угловъ коридоровъ. Это ободрившіеся дисканты изволятъ тѣшиться.

— Ну, чего глотки-то распустили!—кричатъ басы.— Идите лучше къ намъ пѣть.

Дисканты прекращаютъ мяуканье и присоединяются къ басамъ. Въ коридорѣ снова несется и гудитъ:

— Ро-жде-ство тво-е, Хри-сте Боже нашъ!

— Господи, да съ этимъ народомъ просто поколѣешь! Холера-то ихъ не береть!—бормочетъ разсерженный обитатель какой-нибудь изъ конуръ, кутаясь въ одѣяло и стараясь уснуть.

Но вотъ и праздникъ. На дворѣ еще не разсвѣло, а уже во всѣ двери стучатся десятки дѣтскихъ рукъ. Это «христославы». Это нищіе, стучащіеся за грошомъ къ сослуживцамъ своихъ домовъ. Двери не поддаются натискамъ: жильцы остаются нѣмы и глухи къ дѣтскому стуку.

— Скареды окаянные!—проносятся въ коридорѣ звуки басовъ.

Но вотъ изъ одной двери юркнула маленькая одинокая фигурка хитраго дискантика, отдѣлившагося отъ толпы «христославовъ» и успѣвшаго проскользнуть въ одну изъ квартиръ и прославить Христа.

— Васька, Васька подлецъ! — накрываютъ его свирѣпѣющіе басы.—Ты, шельмецъ, откуда?

— Я такъ... Я дяденьку Петра Никифолыча плаздлавлялъ,—съ замираніемъ сердца оправдывается плутоватый, но трусливый дискантикъ.

— Показывай, подлецъ, что дали!—кричали басы.

— У меня... у меня ничего нѣтъ,—лжетъ дискантикъ, зажимая кулакъ съ гривной.

— Врешь! А въ кулакѣ что?—кричатъ басы.

— Братцы, братцы, Порѣченскій вышелъ; дверей не успѣли затворить,—кричатъ въ толпѣ басовъ, и вся ватага бросается на приступъ къ нашимъ дверямъ.

Черезъ минуту у насъ въ комнатѣ звучитъ:

«Рождество твое, Христе Боже нашъ»,—и мнѣ со сна кажется, что кого-то отпѣваютъ, кого-то хоронятъ.

Digitized by Google

Ватага получаетъ деньги, нахально смотритъ, много ли дали, и бѣжитъ въ коридоръ искать дверей, открытыхъ оплошавшею хозяйкою. Только къ одиннадцатому часу прекращается пѣніе и на подоконникахъ, на лѣстницахъ собираются группы басовъ и дискантовъ для дѣлежа добычи. Гамъ и шумъ, драка и слезы продолжаются цѣлый день. Шустрый сборщикъ, первѣйшій сорванецъ, воришка, пьяница и развратникъ, успѣвшій взять себѣ львиную часть барыша, подвергается избіенію и своими боками расплачивается за украденную часть поживы. Въ теченіе двухъ дней это четырнадцатилѣтнее enfant terrible дома ходитъ съ синяками и царапинами на дерзкомъ и нагломъ лицѣ; его сопровождаютъ крики: «жила», «жила», «воришка!»—но онъ все-таки торжествуетъ, ему всѣ завидуютъ, и каждый мечтаетъ о томъ, какъ бы на будущій годъ захватить роль сборщика въ свои руки.

Въ эти два дня родители этихъ юныхъ воровъ и нищихъ наѣдаются за весь голодный годъ, заливаютъ испорченные желудки сивухой и спятъ. Кажется, что въ домѣ вымерло все взрослое населеніе, и остались одни ребятишки, разнуздавшіеся и развернувшіеся на волѣ. Нѣкоторые изъ этого молодого поколѣнія навеселѣ.

Но первые два дня прошли, проходитъ и третій день. Снѣгъ валитъ мокрыми хлопьями, съ крышъ льетъ вода, на тротуарахъ и на мостовой рыхлая грязь и лужи. На улицѣ давно стемнѣло. У насъ уже давно готовятся ко сну, а нашъ домъ весь на ногахъ. Распахнулъ онъ настежь сотни дверей своихъ казематовъ, выпустилъ сотни своихъ заключенныхъ, подпоилъ ихъ полуголодныхъ виномъ на радостяхъ—и гудитъ, и галдитъ на тысячу ладовъ. Кругомъ бренчатъ гитары и десятирублевыя фортепіано, несется топотъ пляски, заливаются голоса пѣснями—то разгульно гремитъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», то торжественно гудитъ «Спаси Господи люди твоя и благослови достояніе Твое». Толпы замаскированныхъ людей, какъ стая бѣглецовъ изъ сумасшедшаго дома, несутся по лѣсницамъ и по коридорамъ, изъ однѣхъ дверей въ другія. Тутъ придавленные жизнью, забытые и запуганные холопы въ костюмахъ итальянскихъ бандитовъ и надменныхъ «гишпанцевъ»; тутъ вѣчно пьяные, ворующіе, что попало, не имѣющіе никакого понятія о совѣсти и чести, мелкіе мошенники въ костюмахъ пустынниковъ и капуциновъ; тутъ безграмотныя, невѣжественныя созданія въ костюмѣ докторовъ—одинъ изъ

Digitized by Google

самыхъ любимыхъ костюмовъ нашего дома. И какъ было не любить этого костюма—онъ такъ дешево стоитъ! Длинный фракъ, мятая шляпа, вязаныя бѣлыя перчатки, высокіе, сдѣланные изъ бумаги, воротнички и очки изъ картона, безъ стеколъ,—вотъ все, что составляло костюмъ доктора. Дешевле его были развѣ только костюмы колонистихи и «леймона»; первый состоялъ изъ ситцевой юбки, ночной кофты и ночного чепца, обшитыхъ пестрыми каймами изъ ситца же; второй требовалъ ночной кофты съ большими пуговицами, набитыми ватой, бѣлыхъ нижнихъ панталонъ и бумажной треугольной шляпы. Вообще изобрѣтательность нашего дома была не велика. Вся эта пестрая масса смѣшалась въ одно безобразное цѣлое; испанцы пляшутъ трепака, бандиты поютъ «Взбранной воеводѣ», «леймоны» пищатъ «среди долины ровныя», доктора чуть не кувыркаются, высоко откидывая длинныя фалды своихъ допотопныхъ фраковъ. Среди всей этой разгулявшейся массы колесомъ и кубаремъ, съ визгомъ и гамомъ снуютъ дѣти, вымазанныя сажею для изображенія трубочистовъ, вываленныя въ мукѣ для изображенія булочниковъ, украшенныя рогами и масками, сдѣланными дома изъ черной бумаги, для изображенія чертей. На нѣкоторыхъ изъ дѣтей надѣты даже настоящіе костюмы, взятые изъ табачныхъ лавочекъ,—это значитъ, что эти дѣти уже умѣютъ воровать гроши у своихъ родителей и сосѣдей или занимаются «христославленьемъ», то-есть нищенствомъ, или употребляются, какъ холопы, на побѣгушки посторонними людьми. Роскошнѣе всѣхъ костюмъ сборщика «христославовъ».

Звуки раздаются подъ нами—во второмъ этажѣ, за стѣной—у сосѣдей, вездѣ, кромѣ нашего жилища и жилища Степановыхъ. Моя семья не принимаетъ участія въ буйномъ веселье, сознавъ вполнѣ, что никакое похмелье, никакая забубенная удаль одного дня не зальютъ, не заглушатъ слезъ трехъсотъ шестидесяти четырехъ дней; семья Степановыхъ мрачно и одиноко, въ своихъ четырехъ стѣнахъ, заливала голодный желудокъ водкой въ теченіе всѣхъ трехсотъ шестидесяти четырехъ дней и уже не находитъ ничего привлекательнаго въ этомъ праздничномъ похмельи нараспашку, въ этомъ пьянствѣ огуломъ.

Несмотря на увѣщанія матери, въ эти ночи я не могъ преодолѣть любопытства и торчалъ у дверей въ коридорѣ, глядя на эту пеструю толпу замаскированныхъ. Необычайный шумъ въ нашей тюрьмѣ, звуки музыки, пѣсни, хохотъ,—

Digitized by Google

все это поражало меня, какъ нѣчто выдающееся въ однообразной жизни нашего дома.

Точно такъ же притаился я у дверей и въ тотъ вечеръ, который особенно ярко вспоминался мнѣ теперь. Время летѣло незамѣтно, и, мало-по-малу, коридоръ начиналъ пустѣть; маски плясали въ квартирахъ, сгруппировавшись тамъ, гдѣ были радушнѣе хозяева, гдѣ нашлись неутомимые музыканты-самоучки, гдѣ лилось больше водки. Наступала ночь. Я еще стоялъ у дверей, прижавшись въ уголъ, когда мимо меня мелькнули двѣ фигуры: какой-то юноша въ богатомъ костюмѣ и дѣвушка, замаскированная колонистихой. Они быстро прошли мимо меня и стали ходить въ томъ концѣ коридора, гдѣ царствовала полнѣйшая тьма; черезъ нѣсколько минутъ въ тишинѣ я услышалъ звуки горячихъ поцѣлуевъ. Я не шевелился и не выходилъ изъ засады. Прошло еще нѣсколько минутъ. Наконецъ, мимо меня снова промелькнула эта пара, и еще черезъ минуту я увидѣлъ, какъ эти же двое людей, уже надѣвъ теплую одежду, проскользнули по направленію къ подъѣзду. Въ коридорѣ все затихло. Еще то тамъ, то тутъ раздавались пѣсни и хохотъ только въ квартирахъ; я пошелъ въ комнату.

Мы уже ложились спать, когда къ намъ кто-то постучался въ дверь.

— Кто тамъ?—спросила матушка.

— Настасья у васъ?—послышался у дверей сиплый женскій голосъ.

— Нѣтъ.

— О, Господи! Ищу, ищу ее—и нигдѣ нѣтъ!—послышалось за дверями восклицаніе сиплаго женскаго голоса.

Матушка отворила дверь. Передъ нею стояла Марья Никитишна. Она была совершенно трезва и, видимо, встревожена.

— И куда она ушла? Ума не приложу,—заговорила Степанова. — Пошла на часокъ поплясать, а до сихъ поръ нѣтъ.

— Вѣрно затанцовалась гдѣ-нибудь.

— Да нигдѣ нѣтъ. Я всѣ квартиры обходила. Въ надворномъ домѣ была и тамъ нѣтъ. Смокла даже вся. Ишь распутица-то какая стоитъ. Снѣгъ такъ и валитъ. Того и гляди, что въ постель сляжешь. И вѣдь ушла-то она налегкѣ. Что у ней за салопчишко,—рѣшето! Охъ, ты, Господи, не сгубила бы себя дѣвка!

Матушка взглянула на Степанову не безъ удивленія: Степанова была не озлоблена, не ругалась, но выглядѣла

Digitized by Google

печальной и стояла въ дверяхъ, грустно подперши ладонью щеку.

— Вѣдь нашей сестрѣ недолго погибнуть-то,—говорила она въ раздумьи.—Первая-то рюмка коломъ, а вторая соколомъ, а тамъ мелкія пташечки пойдутъ.

— Но вѣдь Настя не пьетъ.

— Да развѣ одно пьянство нашу сестру губитъ? Ей семнадцатый годъ пошелъ, матушка. Сами мы по этой дорогѣ ходили—сперва-то идешь все въ гору, а потомъ, какъ покинешься подъ гору, такъ до кабака и дойдешь.

Степанова смолкла. Матушка глядѣла съ сожалѣніемъ на ея испитое, покрытое зеленовато-желтыми пятнами лицо, на которомъ теперь выражалось столько неподдѣльной, столько глубокой тревоги и горя.

Это была женщина, проторившая дорогу нищеты и мелкаго грошоваго разврата; это была женщина, прошедшая огонь и воду кабачной жизни; это была женщина, уставшая, наконецъ, работать, развратничать, пьянствовать, жить и внезапно увидавшая въ минуту отрезвленія, что ея семнадцатилѣтняя дочь, можетъ-быть, готова пойти по этой же, проторенной матерью, дорогѣ. Это не было раскаянье старой грѣшницы. Нѣтъ, это былъ ужасъ женщины, которая изнемогла подъ бременемъ своей каторжной жизни и увидала вдругъ, что на эту же жизнь идетъ ея дочь.

— Что Антонъ-то Прохоровичъ скажетъ! — вздохнула она. — Вѣдь я съ минуты на минуту его жду... Придетъ пьяный... Изобьетъ, изобьетъ, — и меня, и ее изобьетъ... Да что бить-то? Можетъ, и бить-то будетъ поздно... Пойти поискать еще...

Степанова какъ-то безнадежно покачала головой и пошла.

Матушка долго стояла въ раздумьи въ дверяхъ со свѣчой въ рукѣ и очнулась только тогда, когда ей стало холодно.

На слѣдующій день матушка хотѣла справиться у Степановыхъ о Настѣ, но Марья Никитишна была пьяна съ утра, а самой Насти не было дома.

Матушка зазвала въ наше жилище меньшого брата Насти и стала разспрашивать, пришла ли вчера его сестра.

— Пьишья,—отвѣтилъ чумазый ребенокъ.—Мамка ее все бия и распласивала. «Ты, говолитъ, плавду скази. Я тебѣ мать». А сама, дулища, ходитъ, ходитъ по комнатѣ, да нѣтъ, нѣтъ, и дельнетъ Настасью за волосы. А Настасья сидитъ и молчитъ. «Да ты сказывай, плистаетъ мать,

Digitized by Google

плавду сказывай». «Что сказывать-то? говолитъ мамкѣ Настасья: сказывать-то нечего. Гдѣ была, тамъ меня нѣтъ». А мамка стоитъ и плачетъ. А потомъ опять за косы ее дельнула. «Лучше бы ты сдохла, говолитъ, въ утлобѣ». «Польноте тиланить-то меня, говолитъ Настасья. Легче мнѣ станетъ, что-и?»

— А отецъ былъ дома?—спросила матушка, слушая съ волненіемъ безсвязный разсказъ ребенка.

— Пьишелъ опосья,—отвѣтилъ мальчуганъ.—Мамку бій.

— А Настю?

— Тоже хотѣй бить. Мамка не дая. «Дѣвка, говолитъ, тлудится, тлудится, а ей и ладости нѣтъ. Другіе веселятся, а она всегда дома, все въ четылехъ стѣнахъ».

Мальчуганъ еще долго болталъ о ночныхъ происшествіяхъ. Матушка хотя не вполнѣ поняла, что случилось съ Настей, гдѣ она была, но все-таки немного успокоилась, узнавъ, что дѣвушка не пропала безъ вѣсти и воротилась домой.

VIII.

Нѣсколько дней матушка не встрѣчалась съ Настей, хотя въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ наша семья совершенно сжилась съ этой дѣвушкой и считала ее почти своимъ членомъ. Можетъ-быть, мы очень сильно начали бы безпокоиться этимъ отсутствіемъ нашей любимицы, если бы наше вниманіе не было отвлечено другимъ болѣе серьезнымъ и близкимъ намъ обстоятельствомъ. Матушка начинала въ это время расхварываться, кашляла все сильнѣе и сильнѣе, но шила попрежнему, выходила изъ дому за работой и не показывала намъ виду, что она больна. Но, несмотря на ея молчаніе о болѣзни, я и отецъ ясно замѣчали, какъ она таетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Насъ уже не на шутку тревожилъ ея мучительный кашель. Отецъ улыбался все жалобнѣе, суетился все болѣе и все чаще говорилъ матушкѣ о необходимости отдыха. Отвѣтъ всегда получался одинъ и тотъ же:

— А чѣмъ жить будемъ?

— Ну, какъ-нибудь пробьемся, голубчикъ, — торопливо замѣчалъ отецъ.—Какъ-нибудь вывернемся, Данечка.

— Да какъ же?—возражала матушка немного раздражительно. — Вѣдь не голодомъ же сидѣть? Съ голоду-то не только я не поправлюсь, а и Петя нашъ захвораетъ.

Отецъ начиналъ соваться во всѣ стороны, стараясь избѣгнуть матушкиныхъ взглядовъ. Онъ очень хорошо пони-

Digitized by Google

малъ, что дѣйствительно вывернуться нельзя, что голодные дни тоже не особенно поправятъ здоровье матушки. Въ душѣ старика происходила какая-то мучительная борьба, какой-то роковой переломъ. Онъ началъ понимать, что жить попрежнему невозможно, что надо найти средства къ существованію помимо одиннадцати-рублеваго жалованья, помимо работъ матушки.

— Нѣтъ, честностью, видно, у насъ не выживешь,—съ несвойственнымъ ему задоромъ говорилъ онъ, разсказывая о доходахъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сослуживцевъ.

— Полно, Ваня, — грустно улыбалась матушка. — Ужъ, гдѣ намъ съ тобой! Себя бы мы только этимъ измучили. Сорвали бы грошъ, а на рубль намучились бы.

— Ну да, ну да, дураки мы, дураки! — суетливо замѣчалъ отецъ. — Вотъ потому и погибаемъ, потому и голодаемъ, потому и ты больна...

— Да, что ты все о моей болѣзни толкуешь? — раздражительно говорила мать. — Я здорова. Я кашляю отъ простуды; посижу денекъ, другой дома—и все пройдетъ. Вѣдь эти вѣчныя опасенія только бодрость отнимаютъ...

— Да я, Данечка, не опасаюсь, — поспѣшно перебивалъ отецъ рѣчи матушки. — Чего мнѣ опасаться? Мало ли кто можетъ простудиться? Это ничего! Мнѣ только, Данечка, досадно, что вотъ тебѣ съ капплемъ за работой приходится ходить. А то я ничего... я ничего...

Онъ заискивающими взглядами заглядывалъ въ лицо матушки и улыбался, но такъ улыбался, что матушка потупляла съ вздохомъ глаза и вся приковывалась къ работѣ. Отецъ съеживался, отходилъ отъ нея на цыпочкахъ, словно боясь напомнить ей о своемъ присутствіи. Два, три раза послѣ подобныхъ сценъ я случайно заставалъ отца сидящимъ въ передней съ опущенной на грудь сѣдою всклокоченною головой, съ сжатыми на колѣняхъ руками, съ безсмысленнымъ неподвижнымъ взглядомъ. Эта поза навсегда врѣзалась въ мою память.

— Загубилъ, совсѣмъ загубилъ, — тихо и машинально бормоталъ онъ, не замѣчая моего присутствія.

Эту фразу я слышалъ въ послѣднее время столько разъ, что она начала меня тревожить. Я не понималъ, кто и кого загубилъ, но боялся за отца; мнѣ казалось, что онъ сходитъ съ ума. Дѣйствительно, старикъ все болѣе и болѣе походилъ на сумасшедшаго. Онъ, то сидѣлъ въ какомъ-то отупѣломъ состояніи, то суетился и потиралъ лобъ рукою, то

Digitized by Google

вдругъ дѣлался говорливымъ, стараясь развлечь матушку, а можетъ-быть, разогнать свои безрадостныя думы.

Недѣли черезъ двѣ послѣ праздниковъ матушка увидала Настю въ коридорѣ. Дѣвушка покраснѣла и потупилась, встрѣтивъ матушку. Она немного похудѣла.

— А вы все пируете,—сказала матушка, пожимая руку дѣвушки.—Пора и за работу.

Настя вся вспыхнула.

— Такъ ли люди пируютъ, Дарья Семеновна!—проговорила она.—У насъ на часъ веселья, на годъ горя!

— Ну, горе-то не отъ веселья,—замѣтила матушка.

— А кто его знаетъ, отъ чего оно; только лучше бы ужъ и совсѣмъ не было этого веселья.

— Ну, если оно вамъ надоѣло, такъ приходите работать,—улыбнулась матушка.

— Да вы на меня не сердитесь?—неожиданно и наивно спросила Настя.

— За что же?

— Гадкая я дѣвчонка,—проговорила она.—Мнѣ бы на хлѣбъ грошъ зарабатывать нужно, а меня танцовать тянетъ... Ужъ оченно мнѣ эта самая работа опостылѣла, не глядѣла бы на нее.

— А все-таки придете работать?—спросила матушка.

— Приду, приду; не для работы приду, а душу отвести приду къ вамъ. У насъ-то содомъ просто.

Вечеромъ Настя зашла къ намъ. Мы сидѣли втроемъ,—отецъ былъ дома. Онъ все чаще оставался дома, точно сторожилъ матушку.

— А я скоро переѣду на мѣсто,—замѣтила между прочимъ Настя.

— Вотъ какъ!—удивилась матушка и, пристально взглянувъ на Настю, спросила:—что же, мѣсто достали?

— Да,—нетвердо отвѣтила дѣвушка, взглянувъ въ сторону.

— Паспортъ-то, паспортъ-то какъ вы достанете?—проговорилъ отецъ.—Вѣдь батюшка-то вашъ и слышать не хотѣлъ о выдачѣ вамъ паспорта.

— Теперь мать хлопочетъ за меня,—отвѣтила Настя.

— А матушка ваша соглашается отпустить васъ?—удивилась еще болѣе мать.

— Да. Изъ-за этого изъ-за самаго у насъ теперь и идетъ баталія,—отвѣтила Настя.—Не могу я дольше терпѣть этой каторги. Кажется, если не отпустятъ, я надъ собой что-нибудь сдѣлаю.

Digitized by Google

— Ну, Настенька, отчаиваться-то не должно; отчаянье-то, Настенька, грѣхъ!—промолвилъ отецъ. — Не сладка жизнь дома, не сладка она и въ чужихъ людяхъ.

— Вы лучше бы вотъ подождали, пили бы покуда у меня,—замѣтила матушка. — А то, такъ вдругъ собрались. И какое мѣсто попадется...

Настя встрепенулась.

— Чего ждать-то?—быстро и страстно спросила она. — До чего я дошьюсь здѣсь? До гробовой доски?

— Мало ли до чего? — неопредѣленно замѣтила матушка. — Ужъ одно то благо, что вы независимы будете, достанете честнымъ трудомъ грошъ, никто васъ не оскорбитъ неуваженіемъ...

Матушка говорила, какъ-то нерѣшительно, какъ-то грустно, словно предчувствуя, что-то недоброе въ намѣреніи Насти и не находя въ своемъ простомъ, неразвитомъ воспитаніемъ умѣ достаточно сильныхъ доводовъ для борьбы съ этимъ намѣреніемъ.

— Полноте!—перебила ее Настя строптивымъ тономъ.— Какая тутъ воля! Отецъ бьетъ, мать бьетъ, давальцы ломаются. И что это за трудъ, когда на хлѣбъ едва достаетъ. Вы вонъ говорите объ уваженіи. Да кто насъ такихъ уважать-то станетъ? Знаю я, какъ васъ уважаютъ, — не понравится фасонъ сорочки, которую вы сшили, такъ вамъ ее въ лицо кинутъ. Въ передней васъ принимаютъ. Надъ необразованностью, надъ платьемъ вашимъ смѣются. У васъ шляпка вышла изъ моды, вамъ новой купить не на что, а люди на васъ пальцемъ показываютъ, какъ на пугало гороховое; лакеишки на васъ зубы скалятъ, «швейка пришла» докладываютъ про васъ господамъ, а сами фыркаютъ отъ смѣха. Да я лучше пропаду, чѣмъ эту муку терпѣть буду.

Матушка вся вспыхнула.

— Что вы говорите, Настя!—воскликнула она и сильно закашляла отъ волненія.

— Ай, Настенька, Настенька! — укоризненно покачалъ головою отецъ. — Вы дѣвушка такая славная, добрая — и такія рѣчи говорите! Не хорошо, право, не хорошо! Помните всегда, что самъ Богъ, самъ Спаситель нашъ терпѣлъ осмѣянія.

Настя словно замерла и сидѣла, потупивъ голову. Она раскаивалась за невольно сорвавшуюся съ ея языка предательскую фразу. Она не умѣла скрытничать и вѣчно проговаривалась. Разговоры пошли какъ-то вяло. Настя гово-

Digitized by Google

рила осторожно, боясь о чемъ-то еще разъ проговориться. Отецъ сидѣлъ печальный и думалъ тяжелую думу. Мать въ волненіи ходила по комнатѣ. Всѣмъ было не по себѣ. Когда Настя ушла отъ насъ, матушка вскользь замѣтила отцу:

— А вѣдь Настя-то уже погибла, кажется!

— Что ты, что ты, Данечка!—встрепенулся и завозился на мѣстѣ отецъ.—Какъ это можно говорить такія вещи про дѣвушку! Она еще почти ребенокъ, она и знать-то этого не можетъ...

Матушка пристально взглянула на отца.

— Она-то не знаетъ? — раздражительно спросила матушка.—Да развѣ можно не знать всѣхъ гадостей, живя въ этомъ аду? Развѣ не насмотрѣлась она съ колыбели на примѣръ матери? Вѣдь она слышала изо дня въ день, какъ отецъ-то попрекалъ ея мать. Вѣдь онъ ее заколачивалъ въ минуту пьяныхъ подозрѣній безъ всякой вины. Она не знаетъ! Да ей все это извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ, замужней женщинѣ! Несчастное существо! Это не жизнь, это каторга. Пойми ты это!

Матушка въ волненіи ходила по комнатѣ. Ее душилъ кашель.

И чѣмъ можно ее остановить? Что можно ей возразить, когда ей тяжело жить, когда молодое сердце требуетъ жизни, радостей, веселья, любви? А мы предлагаемъ ей работу и нищету. Предлагаемъ безсонныя ночи и голодные дни...

Матушка говорила страстно и быстро; ея слова мѣшались съ кашлемъ и были какъ-то жгучи, ложились на душу какъ-то тяжело. Въ ея тонѣ слышалась иронія отчаянія.

— И хоть бы былъ одинъ примѣръ трудовой тяжелой жизни, вознагражденной чѣмъ-нибудь. А то передъ ея глазами одни примѣры бѣдняковъ, доводимыхъ работой только до преждевременной могилы. Одни спились съ кругу, надрываютъ грудь у корыта и заливаютъ горе у кабацкаго прилавка. Другіе работаютъ ночи и дни и съ работой въ рукахъ идутъ навстрѣчу смерти. Вѣдь она была права, когда говорила, что можетъ дошиться только до гробовой доски. Вѣдь я это поняла сразу. Я возражать не могла. Пойми ты, что не то страшно, что видишь, какъ человѣкъ идетъ на погибель, а то, что помочь ему не можешь. Словъ нѣтъ, словъ нѣтъ у меня, чтобы остановить ее, — вотъ, что страшно! Вѣдь и меня трудъ-то довелъ до гробовой доски.

Матушка смолкла, точно что-то въ ней оборвалось. Ея

Digitized by Google

худое, желтое лицо покрылось багровыми пятнами. Грудь вздрагивала отъ кашля и волненія.

Отецъ молча слушалъ матушку и все ниже и ниже склонялъ голову. При послѣдней фразѣ матери онъ совсѣмъ съежился, затихъ, замеръ на мѣстѣ, сжавъ руки на своихъ колѣняхъ и опустивъ на грудь свою полуплѣшивую голову. Онъ походилъ на преступника, слушающаго приговоръ. Матушка взглянула на него и остановилась: ей стало невыносимо жаль старика; она вдругъ поняла, что въ ея рѣчахъ ему послышался невыносимый, подавляющій упрекъ. Она тихо подошла къ отцу и поцѣловала его въ голову. Онъ совершенно растерялся, словилъ ея руки и беззвучно припалъ къ нимъ губами.

— Довелъ до гробовой доски, до гробовой доски! — безсознательно бормоталъ онъ, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ словъ матушки. — И не далъ ничего за это, ничего не далъ! Сегодня трудъ и голодъ, завтра трудъ и голодъ, всегда трудъ и голодъ! А счастья нѣтъ, и не жди счастья... Нѣтъ, пусть ужъ она лучше идетъ по своей дорогѣ, пусть хоть день будетъ счастлива... Что-жъ... отдохнетъ отъ труда, отъ голода, съ молодымъ другомъ отдохнетъ, будетъ чѣмъ помянуть жизнь...

— Ваня, что съ тобой?—отшатнулась матушка отъ отца и взглянула на него.

Онъ смотрѣлъ на нее мутнымъ, безсмысленнымъ взглядомъ, еловно помѣшанный. О, какъ хорошо знакомъ мнѣ этотъ взглядъ! Какъ часто леденилъ онъ мою кровь!

— Я вѣдь, голубчикъ, Данечка, все знаю, все знаю, все понимаю, — шепталъ онъ. — Не умѣлъ я цѣнить тебя, запрягъ я тебя въ этотъ тяжелый хомутъ. Старый дуракъ, мало того, что связалъ тебя съ собою, такъ еще засадилъ на дни и ночи за работу, морилъ голодомъ, довелъ до чахотки, до моги...

Отецъ вдругъ остановился, сдвинулъ брови и дикимъ взглядомъ осмотрѣлъ комнату. Онъ потеръ себѣ лобъ рукою, какъ бы припоминая, что онъ говорилъ, что онъ дѣлалъ за минуту передъ тѣмъ. Матушка смотрѣла на него съ испугомъ.

— Водицы, Данечка, водицы дай!—слабо, по-дѣтски прошепталъ онъ.—Это ничего, пройдетъ, это пройдетъ.

Матушка, блѣдная и испуганная, принесла воды.

— Ты забудь, забудь, что я говорилъ,—шепталъ старикъ, глотая воду и конвульсивно улыбаясь.—Это у меня нервы, что ли, сегодня разыгрались... Это пройдетъ, это пройдетъ!

Digitized by Google

Онъ снова понурилъ голову и сложилъ на колѣняхъ руки. Матушка сѣла возлѣ него и тихо, машинально ласкала его. Прошло довольно много времени въ полнѣйшемъ молчаніи. Наконецъ, отецъ, мало-по-малу, окончательно пришелъ въ себя и, повидимому, успокоился. Онъ какъ будто постарѣлъ въ эти немногія минуты, во всемъ его существѣ проглядывало безпомощное безсиліе. Матушка, несмотря на свою обычную слабость, несмотря на свою болѣзнь, выглядѣла и сильнѣе, и бодрѣе его.

IX.

Съ этого рокового дня въ нашей семьѣ точно что-то оборвалось, точно что-то дорогое умерло. То слово, та мысль, которыхъ до сихъ поръ никто какъ-будто не сознавалъ, не высказывалъ, наконецъ, высказались и озарили зловѣщимъ пламенемъ ту пропасть, въ которой такъ долго мы хотѣли сознать призракъ честнаго спокойствія и семейнаго счастія. Теперь мы знали, что въ этой пропасти невозможно никакое спокойствіе, никакое счастье. Теперь вдругъ стало яснымъ, что съ каждымъ кускомъ хлѣба мы съѣдаемъ частицу жизни одного изъ дорогихъ намъ существъ. Отецъ ли приносилъ «курочку», объясняя матери, что то ему подарокъ сдѣлали, что ей легкое кушанье полезно,—матушка понимала, что отецъ выкланялся гдѣнибудь, переломилъ себя, и съ раздраженіемъ замѣчала:

— Да не заботься ты обо мнѣ! Не помру я безъ этихъ куриныхъ суповъ.

Матушка ли зарабатывала усиленнымъ трудомъ лишнюю копейку мнѣ и отцу на сапоги,—отецъ чуть не со слезами замѣчалъ:

— Голубчикъ, все-то ты для насъ, все для насъ трудишься! Пожалѣй ты себя: мы съ Петюшей и такъ походимъ. Намъ что! Мы мужчины. Здоровье-то свое, здоровьице свое ты побереги. Грудушку свою пожалѣй!

Да, мы заѣдали, мы изнашивали жизнь тѣхъ людей, которыхъ мы любили болѣе всего на свѣтѣ, болѣе своей жизни. Это мы поняли вполнѣ легко только теперь.

Страшнѣе этого сознанія не можетъ быть ничего. При этомъ сознаніи любящимъ другъ друга людямъ хочется отшатнуться, уйти другъ отъ друга или даже посягнуть на что-нибудь недоброе. Но драма приходила къ развязкѣ не въ одной нашей семьѣ, она была въ полномъ размѣрѣ и въ семьѣ Степановыхъ.

Digitized by Google

Настя уже жила не въ своей семьѣ. Она изрѣдка появлялась въ гости къ матери и къ намъ. Она теперь одѣвалась недурно, иногда носила своей матери подарки, чаще всего приносила рубашонки своимъ братьямъ. Разговоровъ съ моей матерью о своемъ мѣстѣ она старалась избѣгать и говорила о немъ неопредѣленно, краснѣя и конфузясь. Однажды вскользь она проговорилась, что, можетъ-быть, она скоро выйдетъ замужъ.

— Жениха нашла?—спросила матушка.

— Да,—отвѣтила Настя.

— Не обманитесь,—замѣтила матушка.—Ухаживателей за дѣвушками много, но не всѣ они женихи.

Настя промолчала и перемѣнила разговоръ.

Въ половинѣ Великаго поста мы были смущены необычайнымъ шумомъ въ квартирѣ Степановыхъ. Тамъ бушевалъ самъ Степановъ.

— Такъ ты вотъ какъ!—кричалъ онъ своимъ хриплымъ басомъ.—По Невскому ѣздишь? Отецъ ногъ подъ собой не чувствуетъ, а ты барыней ѣздишь! Вы заодно съ матерью. Шашни завели! Жена!.. Марья!.. ты чего смотрѣла? Говорри! Что у тебя языкъ отсохъ, что ли? А?

За стѣной послышались удары кулаковъ и крики сильнаго женскаго голоса:

— Батюшка, Антонъ Прохоровичъ, не виновата я. Богъ свидѣтель, ни въ чемъ не виновата.

— Ракалья! Разражу! Разражу!—гремѣлъ пьяный басъ.—Въ рабочій домъ васъ всѣхъ засажу. Я отецъ, отецъ! Настасья! Отецъ я? А? говори! Неньку щипать будешь. Въ полиціи драть буду. Ракалья! Косы всѣ выдеру.

За стѣной начались стоны. Это былъ голосъ Насти.

— Господи, будетъ ли этому конецъ!—сжала съ невыносимой мукой свои руки матушка.—Ваня, сходи, ради Бога за смотрителемъ. Вѣдь онъ убьетъ Настю. Вѣдь онъ ее изуродуетъ.

Отецъ схватилъ фуражку и побѣжалъ къ смотрителю нашего дома.

— Молчи, молчи!—бушевалъ за стѣной Степановъ.—Не дыши! Въ каретахъ ѣздить! Я тебѣ покажу кареты! Я отецъ... Проклятая! Въ каретахъ!..

Мучительные стоны Насти становились все слабѣе. Матушка то приникала ухомъ къ стѣнѣ, то быстро ходила по комнатѣ, затыкая уши. Она рыдала и стискивала руки въ безпомощномъ страданіи.

Digitized by Google

Прошло полчаса томительныхъ ожиданій; наконецъ, въ коридорѣ послышались поспѣшные мужскіе шаги.

— Слава Богу, идутъ!—воскликнула матушка и приникла ухомъ къ стѣнѣ.

Черезъ минуту въ квартирѣ Степановыхъ начался шумъ многихъ голосовъ. Громче всѣхъ кричалъ Степановъ.

— Я отецъ, я убить ее могу!—бушевалъ онъ.—Кто мнѣ запретить смѣетъ? Кто? Будь она проклята! Настасья, будь ты проклята!

Затѣмъ послышалось чье-то приказанье:

— Вяжите его!

Началась возня, кто-то упалъ на полъ, кого-то потащили, послышались шаги въ коридорѣ, потомъ все стихло. Черезъ четверть часа вернулся отецъ. Онъ былъ весь въ поту, одежда его была въ безпорядкѣ.

— Отправили!—лаконически замѣтилъ онъ и напился воды.

— Что Настя!—спросила матушка.

Отецъ махнулъ рукою и промолчалъ.

— Жива она?—спросила снова матушка.

— Жива, жива! Да ты успокойся,—заговорилъ отецъ, взглянувъ на болѣзненное лицо матушки.

— Избилъ ее всю, я думаю!

Отецъ опять махнулъ рукою.

— Беременна она, кажется!—отвернувшись, пробормоталъ онъ.

Матушка всплеснула руками.

— Несчастные, несчастные люди!—вырвалось изъ ея груди восклицаніе.

Она сѣла, поникла головой на руки и затихла. Она безмолвно, горько плакала. Быть-можетъ, эти слезы были вызваны болѣе всего сознаніемъ того, что она ничѣмъ не можетъ помочь несчастной дѣвушкѣ, что она сама стоитъ на краю пропасти, могилы.

Нѣсколько дней послѣ этого событія, въ Степановской квартирѣ царствовала мертвая тишина. Самъ Степановъ сидѣлъ подъ арестомъ, Марья Никитишна переходила отъ корыта къ штофу, отъ штофа къ корыту и вечеромъ, совсѣмъ пьяная, въ безчувствіи засыпала, забывъ о существованіи дѣтей. Чѣмъ питались они въ это время, что дѣлали, какъ добывали кусокъ хлѣба—этого никто не спрашивалъ, никто не зналъ.

Не весело было и у насъ. Матушка въ это время хво-

Digitized by Google

рала все сильнѣе; нерѣдко она лежала въ постели, хотя и не переставала шить. Отецъ ходилъ, какъ въ воду опущенный; я присмирѣлъ и бросилъ книги, къ чтенію которыхъ уже началъ чувствовать нѣкоторую охоту. Теперь чтеніе не шло мнѣ на умъ, хотя я иногда по цѣлымъ часамъ сидѣлъ съ книгою въ рукахъ, но я не читалъ или не понималъ того, что я читаю. Среди этой тишины однажды снова послышались изъ квартиры Степановыхъ крики самого Антона Прохоровича и Марьи Никитишны.

— Опять началось!—вздохнула матушка.—И зачѣмъ это его выпустили изъ-подъ ареста?

Черезъ день буйство у Степановыхъ повторилось снова и начало повторяться каждый день.

— Господи, даже переѣхать-то нельзя, чтобы не слыхать этого!—стонала матушка.—Это каторга, просто каторга. Хоть бы минуту покоя!

Отецъ, понуривъ голову, молчалъ. Вдругъ настало затишье въ сосѣднемъ казематѣ. Это было въ концѣ Страстной недѣли. У Степановыхъ вдругъ все затихло: Антонъ Прохоровичъ былъ уже нѣсколько дней на службѣ, Марья Никитишна пила безъ просыпу, въ ихъ квартирѣ словно замерло.

— Ну, слава Богу, успокоились,—замѣтила матушка однажды, не слыша криковъ сосѣдей.

Я въ то время былъ въ коридорѣ и встрѣтилъ старшаго сына Степановыхъ. Онъ шелъ угрюмо и молча по коридору, сопровождаемый нашимъ тощимъ длиннымъ смотрителемъ, полицейскимъ солдатомъ и свитой мальчишекъ.

— Что съ тобой?—съ любопытствомъ спросилъ я, увидавъ его странную свиту.

— Мать умерла,—хмуро отвѣтилъ онъ, не моргнувъ глазомъ.

— Какъ умерла?—наивно удивился я.

— Извѣстно? какъ люди умираютъ: взяла, да и умерла,—отвѣтилъ онъ.

Я, подъ вліяніемъ невольнаго любопытства, пошелъ за толпой въ квартиру Степановыхъ. Передо мною предстала страшная и ужасающая картина. Квартира Степановыхъ была совершенно такая же, какъ наша, но стѣны въ ней были грязны, полъ испорченъ; въ передней, среди груды щепокъ и настругапныхъ дѣтьми палочекъ и лопаточекъ, стоялъ некрашенный березовый столъ съ суповымъ горшкомъ, двумя тарелками, нѣсколькими деревянными ложками

Digitized by Google

и обитыми чашками и двѣ скамейки; въ гостиной за исключеніемъ двухъ бѣлыхъ табуретовъ, не было никакой мебели, и только въ углахъ валялось какое-то тряпье, служившее и одеждой и ложемъ дѣтей, да на окнѣ лежала корзинка изъ-подъ бутыли для водки; въ спальной лежала сбитая и вся засаленная перина, безъ одѣяла, безъ простынь, съ двумя большими коричневыми подушками, на стѣнахъ висѣли лохмотья одежды, въ углахъ валялись какія-то разорванныя карточки и двѣ бѣльевыя корзины; все это было грязно, разодрано, сломано. Среди этой страшной обстановки на краю перины подъ старымъ салопомъ, изъ котораго выбивались клочья грязной ваты, лежалъ посинѣвшій, обезображенный трупъ Марьи Никитишны съ всклокоченными волосами. Онъ уже весь вспухъ и выглядѣлъ страшно.

— Надо подождать доктора,—сказалъ смотритель, и его слова какъ-то рѣзко и гулко отдались подъ сводами этой квартиры, лишенной мебели.

— Потрошить будутъ,—произнесъ кто-то въ толпѣ ребятишекъ.

По моему тѣлу пробѣжала дрожь. Мнѣ было какъ-то страшно слышать, что человѣка будутъ потрошить.

— Чего вы сюда набрались!—крикнулъ смотритель на ребятишекъ.

Я поспѣшилъ убраться домой, но ребятишки остались.

Я возвратился домой въ лихорадочномъ состояніи.

— Гдѣ ты былъ?—спросила матушка, удивленная моимъ долгимъ отсутствіемъ.

— Мамочка, Степанова умерла,—отвѣтилъ я.

Мать посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, какъ бы не вѣря моимъ словамъ.

— Отъ удара, говорятъ,—пояснилъ я.

— Господи, что же будетъ съ ея дѣтьми?—вздохнула матушка.—Одни, совершенно одни остались. Это ужасно! Что они станутъ дѣлать, куда пойдутъ?

— Ну, Данечка, Богъ не безъ милости, Богъ не безъ милости,—заговорилъ отецъ.

Матушка бросила на отца какой-то мучительный взглядъ.

— Что же, манна упадетъ имъ съ неба?—какъ-то горько-иронически спросила она.

— Ну, Данечка, не то, а все же...—сконфуженно сталъ подыскивать возраженіе отецъ.

Но матушка не дала ему времени надуматься.

— Погибнутъ, погибнутъ!—какъ-то рѣшительно и твердо

Digitized by Google

пророческимъ тономъ проговорила она.—Погибнутъ на каторгѣ, въ арестантскихъ ротахъ!

Она отвернулась лицомъ къ стѣнѣ и закрыла лицо руками.

Въ квартирѣ Степановыхъ уже слышался смутный шумъ; тамъ говорили люди, тамъ отбивали гвозди, задерживающіе вторую половину входныхъ дверей, туда что-то тащили. Я не могъ побѣдить свое любопытство и снова прокрался въ коридоръ. Въ коридорѣ стояла толпа мальчишекъ.

— Ящикъ принесли. Въ полицію повезутъ.

Изъ нѣкоторыхъ дверей выглядывали лица обитателей нашего дома,—заспанныя, худыя, бездушныя, апатичныя лица. Наконецъ, двери квартиры Степановыхъ были открыты, и изъ нихъ полицейскіе солдаты потащили черный длинный ящикъ, обвязанный веревками. Его понесли на крыльцо; передъ крыльцомъ уже стояли розвальни; на нихъ поставили ящикъ; его привязали веревками и прикрыли рогожею; возлѣ ящика примостился полицейскій солдатъ. Мужикъ дернулъ вожжи, и лошадь рысцой потащилась въ путь. Начинало уже смеркаться, шелъ мелкій мокрый снѣгъ. Народъ разошелся. Дѣти возвратились къ своимъ играмъ и разсыпались по всѣмъ этажамъ нашего дома. Только у квартиры Степановыхъ, горько рыдая, сидѣлъ одинокій бѣлокурый мальчуганъ. Это былъ меньшой сынъ Марьи Никитишны.

— Иди къ намъ, — позвалъ я его, не рѣшаясь подойти къ дверямъ ихъ жилища: теперь оно мнѣ казалось страшнымъ.

Онъ, всхлипывая, подошелъ ко мнѣ.

— Ты куда?—угрюмо спросилъ его подошедшій къ намъ его старшій братъ.

— Къ тетенькѣ Дальѣ Семеновнѣ,—отвѣтилъ меньшой братишка.

— Шелъ бы спать домой,—хмуро замѣтилъ старшій братъ.

— Я боюсь!

— Какого чорта?—усмѣхнулся старшій братъ.— Я вотъ ничего сегодня не ѣлъ, такъ хоть высплюсь.

Онъ отворилъ дверь въ свою квартиру, но остановился на порогѣ: напускная, безшабашная удаль, которою видимо хотѣлъ похвастать этотъ ребенокъ, разомъ исчезла при видѣ этого пустого, темнаго жилища, гдѣ еще валялись тряпки и лохмотья одежды его умершей матери. Онъ машинально захлопнулъ двери и пошелъ по коридору.

— Куда ты?—спросилъ его меньшой братъ.

Digitized by Google

— Вонъ туда,—отвѣтилъ старшій братъ.—Тамъ, поди, еще не ужинали.

Онъ быстро пошелъ по коридору и свернулъ на черную лѣстницу.

Меньшой братишка вошелъ въ нашу квартиру. Черезъ часъ, плотно наѣвшись, онъ уже спалъ въ нашей передней.

— Видишь, Данечка, Богъ не безъ милости; кое-какъ прокормятъ ихъ добрые люди!—замѣтилъ отецъ матушкѣ.

Она ничего не отвѣтила и только вздохнула, взглянувъ куда-то въ сторону недобрыми глазами.

Съ этого дня дѣти Степанова сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ нищихъ нашего дома. Они побирались то въ той, то въ другой семьѣ, и носились слухи, что старшій братишка уже нерѣдко прибѣгаетъ къ воровству. Но мы очень мало интересовались слухами и разсказами, занимавшими нашъ домъ,—у насъ было свое горе: моя мать уже не вставала съ постели.

X.

Настали невыносимо-тяжелые, убійственно-тоскливые дни и ночи. Въ нашей квартирѣ пахнетъ лѣкарствами; тишина сдѣлалась еще полнѣе, еще мертвеннѣе; отецъ и я ходили на цыпочкахъ, говорили шопотомъ.

— Ну, какъ тебѣ, Петя, кажется?—шепчетъ отецъ.—Она сегодня какъ будто бодрѣе выглядитъ? А?

— Ну да, ну да, дремлетъ...—соглашается отецъ торопливымъ тономъ.—Это всегда передъ выздоровленіемъ такъ бываетъ. Проснится, отдохнетъ человѣкъ,—ну, ему и станетъ лучше, станетъ онъ бодрѣе... Это, Петя, хорошій знакъ... А? вѣдь это хорошій знакъ? Ты какъ думаешь?..

Въ голосѣ отца слышится какая-то тоскливая нота нетерпѣливаго ожиданія.

— Не знаю, папа,—грустно отвѣчаю я, потерявъ всякую надежду на выздоровленіе матери:—можетъ-быть, это и хорошій знакъ...

— Да? знаешь, мы у доктора спросимъ,—говоритъ онъ.—Докторъ знаетъ, онъ скажетъ навѣрное... Мы спросимъ...

Наступаетъ снова тишина. Среди этого затишья вдругъ начинается удушливый, сухой кашель, вырывающійся изъ надорванной груди.

— Голубчикъ, дай я тебѣ головку подержу, головку подержу,—слышится голосъ отца уже въ спальнѣ. Такъ легче

Digitized by Google

будетъ, голубчикъ. Откашляйся, родная, откашляйся. Это пройдетъ, пройдетъ.

Шопотъ отца—прерывающійся, дрожащій, похожій на дѣтскій лепетъ; въ этомъ шопотѣ слышатся затаенныя слезы.

— Ты, голубчикъ, кушать не хочешь ли?.. Мы съ Петей сами для тебя стряпали. Супецъ приготовили, бульончикъ... Это подкрѣпитъ тебя... У насъ курочка варилась...

— Я, Ваня, не хочу ѣсть,—слабымъ голосомъ отвѣчаетъ мать:—ты не траться... Вѣдь теперь конецъ мѣсяца... У тебя, я думаю, денегъ нѣтъ...

— Ну, голубчикъ, ты не думай о деньгахъ. У насъ деньги есть... Мы, Даночка, богачи...

— Да какъ же не думать... Вотъ я васъ разоряю... Свою семью совсѣмъ разоряю! Хоть бы скорѣе ужъ...

— Голубчикъ, голубчикъ, да ты не думай! — торопливо перебиваетъ отецъ.—Это мнѣ... это мнѣ подарили...

Отецъ вдругъ суетливо, сконфуженно умолкаетъ и начинаетъ соваться изъ стороны въ сторону, поправляя постель. Онъ чуть-чуть не проговорился, откуда у него берутся деньги на лѣкарство, «на курочку» для больной жены. Ему совѣстно самого себя; ему совѣстно передъ нею.

— Измучила я васъ, совсѣмъ измучила!—безнадежно говоритъ больная, откидывая голову и закрывая глаза.

— Что ты, что ты, Дашенька!— восклицаетъ отецъ.—Да мы съ Петей веселы, здоровы... Намъ развѣ это трудно? Ходить-то, за тобой-то ходить развѣ намъ трудно? Вотъ погоди, выздоровѣешь —поѣдемъ на дачу...

Отецъ улыбается, такъ жалко, такъ мучительно улыбается, но больная лежитъ съ закрытыми глазами и молчитъ. Черезъ минуту онъ пробирается на цыпочкахъ изъ-за перегородки и шепчетъ.

— Голубушка-то наша, мама-то наша совсѣмъ изстрадалась!

Я вздрагиваю, очнувшись отъ тяжелыхъ думъ.

Отецъ замѣчаетъ это движеніе и снова начинаетъ говорить торопливо:

— Да ты, Петя, не бойся; ты веселѣе на нее смотри, чтобы, знаешь, бодрости ей придать. Оно, знаешь, больному легче при бодрости, когда на него весело смотрятъ, не боятся, не сомнѣваются, что онъ встанетъ... Духъ это укрѣпляетъ. Да!.. Ты виду не подавай, что ты за нее трусишь... И чего трусить? Ну, больна она у насъ, очень больна,—но вѣдь это покуда ледъ ломаетъ... къ погодѣ... Да! къ

Digitized by Google

погодѣ... Мы вотъ и здоровые къ погодѣ прихварываемъ... Видишь, весна-то какая стоитъ хмурая... Вотъ ледъ тронется и пройдетъ, ну, и все кончится... Кончится, говорю я,—то-есть знаешь, ну понимаешь, поднимется она... Да ты бодрись, бодрись... Гляди молодцомъ.

Отецъ суетливо, мелкими шажками удаляется отъ меня, и я понимаю, что онъ уходилъ въ коридоръ, чтобы уткнуться въ уголъ, гдѣ-нибудь между шкапомъ и коридорной стѣной, и наплакаться вволю, тайкомъ отъ меня. Я не плачу, я точно одеревенѣлъ, я точно застылъ, но во мнѣ все ноетъ, у меня каждый суставъ наболѣлъ. Я по цѣлымъ часамъ сижу неподвижно на одномъ мѣстѣ, тупо устремивъ глаза въ какую-то темную даль; мнѣ кажется, что меня окружаетъ не дневной весенній свѣтъ, а непроглядная тьма черной осенней ночи. Я не о прошломъ вспоминаю, я не о будущемъ мечтаю, я просто безцѣльно, безсмысленно гляжу на одну точку, не слышу ничего, ни шума экипажей, ни говора народа, ни звуковъ шарманщиковъ, ни криковъ разносчиковъ, и вздрагиваю только при одномъ слабомъ, едва слышномъ голосѣ моей матери. Онъ словно обжигаетъ меня.

— Ваня, Ваня,—слабо раздается въ затишьи.

Я бѣгу за отцомъ въ коридоръ, но онъ уже спѣшитъ мнѣ навстрѣчу; старикъ, кажется, также дошелъ до изумительной чуткости относительно этого голоса.

— Иду, иду!—шепчетъ онъ на ходу и, торопливо утирая глаза, бѣжитъ неслышными шагами въ комнату матери, съ улыбочкой на лицѣ, съ красными глазами.

— Мнѣ худо, Ваня!—шепчетъ матушка.

Я весь превращаюсь въ слухъ.

— Сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ докторъ будетъ,—лепечетъ отецъ.—Не поправить ли подушечки? А?

— Нѣтъ, Ваня, — съ усиліемъ произноситъ больная. — Священника...

Я вздрагиваю и удерживаю дыханіе.

— Милочка, голубчикъ, что... что съ тобой?—растерянно говоритъ отецъ и начинаетъ соваться около постели.

— Пріобщиться,—слабо говоритъ больная и откидываетъ въ изнеможеніи голову на бокъ.

— Сейчасъ... сейчасъ... Я Петю... Петя пойдетъ... Я самъ...

Отецъ уже не сознаетъ, что онъ говоритъ, и все суетится около постели, обдергивая и поправляя простыни.

— Нѣтъ, кого-нибудь... посторонняго кого-нибудь пошли,—

Digitized by Google

прерывающимся голосомъ говоритъ мать.—Умретъ... Умретъ... боюсь... безъ васъ...

— Что ты, что ты, Данюнька!.. Данечка, голубчикъ!.. Что ты!.. Сейчасъ... сейчасъ.

Отецъ бросается стремглавъ изъ спальни въ коридоръ. Въ коридорѣ галдитъ толпа мальчишекъ.

— Скорѣе, родной, скорѣе... Священника!—захлебываясь слезами, говоритъ отецъ, схвативъ за руку кого-то изъ мальчугановъ.—Умираетъ... Скажи, пріобщиться хотятъ... Отца Василья... Скорѣе... Вотъ на извозчика...

Отецъ началъ рыться въ карманахъ. Мальчуганъ, пойманный имъ, былъ старшій сынъ Степановыхъ; этотъ десятилѣтній бука стоялъ, по обыкновенію молча и насупивъ брови, — и ожидалъ денегъ. Онъ искоса посматривалъ на моего отца и, повидимому, удивлялся, съ чего такъ сильно волнуется этотъ старикъ. Отецъ нашелъ мелкія деньги.

— Дяденька, дяденька, я схожу за отцомъ Васильемъ!— раздались голоса мальчишекъ при видѣ денегъ.

Степановъ молча сжалъ руку въ кулакъ и съ мрачнымъ видомъ показалъ его толпѣ ребятишекъ: другая рука мальчугана была протянута за деньгами.

— Скорѣе, скорѣе, родной! — торопилъ его отецъ. — О, Господи, Господи!

Черезъ мгновеніе отецъ пробрался въ гостиную, гдѣ я сидѣлъ, понуривъ на грудь голову.

— Петя, мама-то наша, мамочка-то...—заговорилъ онъ.— А?.. Что, Петя?

— Ничего, папа,—успокоилась...—отвѣтилъ я, не поднимая головы.

— Успокоилась?!. Не шевелилась? — почти съ ужасомъ пробормоталъ отецъ и, какъ помѣшанный, бросился въ комнату матери.

Онъ впился въ нее глазами, желая подмѣтить хоть малѣйшее движеніе, хоть одинъ вздохъ: она слабо дышала.

— Жива! жива!—шепталъ онъ глухимъ голосомъ, выходя изъ спальни и отирая крупный потъ, покрывавшій все его лицо, всю его голову.

Казалось, что въ минуту, прошедшую между предыдущимъ и теперешнимъ появленіемъ отца въ гостиной, онъ пережилъ такую пытку, которой одной довольно для того, чтобы человѣкъ сошелъ съ ума.

— Жива! жива!—повторилъ онъ снова, широко вздыхая.— Спитъ. Это хорошо... Это къ здоровью... Ледъ вотъ, го-

Digitized by Google

ворятъ, тронулся... Слава Богу, слава Богу!.. Теперь все пойдетъ на ладъ... А?

Отецъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, а лицо его все передергивалось улыбочкой, — судорожной, мучительной улыбкой.

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ священникъ, сѣдой, сухощавый старикъ; онъ перекрестилъ мнѣ на ходу голову и протянулъ руку для поцѣлуя. Началась исповѣдь. Отецъ во время исповѣди все ходилъ взадъ и впередъ по кухнѣ и потиралъ руки. Я сидѣлъ, понуривъ голову, въ уголкѣ. Исповѣдь кончилась.

— А кто же ходитъ у васъ за больной?—спросилъ священникъ у отца, когда тотъ отдавалъ ему деньги.

— Мы... я... сынъ,—забормоталъ отецъ.

— Прислуги-то не держите?—спросилъ священникъ, вытаскивая клѣтчатый бумажный платокъ, завязывая узелокъ на кончикѣ.

— Средствъ... батюшка... средствъ не имѣю... не имѣю,— какъ-то захлебнулся отецъ, глотая слова и слезы.

— О-охъ, грѣхи, грѣхи! — вздохнулъ священникъ, свертывая платокъ и отирая имъ около носа; онъ снова перекрестилъ мнѣ голову и подставилъ къ моимъ губамъ руку.— Вотъ расти, слушайся родителей,—наставительно сказалъ онъ мнѣ и, простившись съ отцомъ, удалился, неслышно волоча несгибавшіяся ноги.

Матушка тихо позвала насъ къ себѣ.

— Спасибо тебѣ!—промолвила она отцу.—Береги Петю... Петя... Я благословляю тебя. Расти честнымъ... слышишь... какъ отецъ, будь честнымъ и добрымъ...

Матушка перекрестила меня и поцѣловала крѣпкимъ долгимъ поцѣлуемъ.

— Спасибо тебѣ!—обратилась она къ отцу.—Обними меня!

Отецъ припалъ къ ней головою, упалъ на колѣна передъ постелью и зарыдалъ, какъ ребенокъ, какъ женщина.

— Пожить бы еще! — прошептала матушка, откидывая назадъ голову.

Прошло нѣсколько минутъ. Матушка начала метаться и стонать.

— Голубчикъ, что тебѣ? — снова очнулся и поднялся отецъ.—Грудушку не потереть ли, грудушку?

Матушка не могла говорить, она нетерпѣливо махнула рукой въ знакъ отрицанія и начала рвать рукою сорочку

Digitized by Google

съ груди, точно ее давило даже полотно. Наконецъ, она вдругъ поднялась и на минуту сѣла на постели.

— Воздуху!.. свѣту!..—вырвался изъ ея груди мучительный, рѣзкій крикъ, и она снова навзничь упала на постель, стиснувъ зубы, затихнувъ, свѣсивъ съ постели безсильную руку. Ея лицо приняло сердитое, угрюмое выраженіе сознанной безпомощности и вдругъ потемнѣло.

Отецъ безполезно припалъ къ этой свѣсившейся рукѣ, прижималъ къ ней свои губы, что-то безсвязно бормоталъ. Я стоялъ, какъ окаменѣлый, и съ нѣмымъ ужасомъ слѣдилъ за всѣмъ,—видѣлъ въ сумеркахъ наступавшаго вечера, какъ мать еще разъ мучительно въ конвульсіяхъ приподняла грудь, словно желая вздохнуть широкимъ вздохомъ, какъ скрипнули ея стиснутые зубы, какъ она потянулась, выпрямилась и потомъ совсѣмъ перестала шевелится. Ея глаза, строгіе, почти сердитые до этой минуты, смотрѣли уже не на меня, а куда-то вдаль безсмысленно, тупо; огонь, горѣвшій въ нихъ, потухъ мгновенно. По мнѣ пробѣжала дрожь, но я молчалъ и не трогался съ мѣста, какъ-будто не сознавая, что дѣлается передо мною. Въ комнатѣ становилось все темнѣе и темнѣе, а отецъ все еще неслышно плакалъ, прильнувъ къ свѣсившейся рукѣ матушки.

— Голубчикъ, озябла ты?.. рученька озябла...—прошепталъ онъ, наконецъ, поднимаясь съ колѣней и держа въ своихъ рукахъ похолодѣвшую руку матери.

Онъ поднялся, началъ безсмысленно всматриваться въ полутьмѣ въ лицо матушки; его глаза какъ-будто выкатились, зрачки расширились. Онъ перевелъ тупой, долгій взглядъ на меня и рухнулся на холодный трупъ.

— Умерла! умерла!

Этотъ крикъ, точно молнія, обжегъ меня. Я бросился къ трупу матери—онъ былъ холоденъ. Я взглянулъ на отца—отецъ не шевелился.

— Помогите! помогите!—съ отчаянными криками выбѣжалъ я въ пустой, темный коридоръ.

— Чего орешь?—съ просонковъ отозвался съ конца коридора голосъ.

XI.

Мнѣ снятся теперь тяжелые, томительные дни—дни панихидъ, погребенія. Ярко блеститъ весеннее солнце, но на улицахъ еще стоитъ непроходимая грязь, рѣжущій вѣтеръ дуетъ порывисто, Нева бушуетъ и уноситъ изломанный

Digitized by Google

ледъ, въ воздухѣ холодно. Трое сутокъ проведены мною и отцомъ почти безъ сна. Насталъ и день похоронъ. Началъ собираться народъ, чужой, незнакомый, всѣ жильцы нашего дома. Въ комнату вошелъ гробовщикъ и пробрался къ отцу.

— У васъ пропажа случилась,—объявилъ онъ отцу.

— А? что? — спросилъ безсмысленно отецъ, какъ бы спросонья.

— Галуны съ крышки украли.

Отецъ посмотрѣлъ на гробовщика тупымъ взглядомъ и жалобно улыбнулся.

— Прикажете обить новыми?—спросилъ гробовщикъ.

— Да... новыми, — безсознательно отвѣтилъ отецъ протяжнымъ голосомъ.

Мы вышли въ коридоръ. Крышка бѣлаго, обитаго коленкоромъ гроба стояла у дверей, ободранная наполовину. Отецъ посмотрѣлъ на нее мутными глазами и машинально пробормоталъ:

— Что-жъ... обивайте...

Гробовщикъ послалъ за новыми галунами. Около крышки тѣснилась толпа любопытныхъ, перешептываясь, обсуждая случившійся казусъ и ругая ребятишекъ нашего дома, этихъ «разбойниковъ» и «головорѣзовъ», эту плоть отъ плоти нашей, кость отъ костей нашихъ. Въ эту минуту къ отцу протискался одинъ изъ «христославовъ», приглашенныхъ на выносъ въ качествѣ пѣвчихъ.

— Иванъ Андреевичъ, крышу-то ободралъ Васька Степановъ. Это доподлинно такъ. Его накрыли наши, — объявилъ «христославъ».

— А? Ну, Богъ съ нимъ... Богъ съ нимъ.

— Его бы скрутить, да въ полицію отправить,—посовѣтовалъ христославъ, опытный по части расправы за покражи.

— Что мнѣ въ этомъ?.. Что мнѣ? — махнулъ рукою отецъ.—Все прахъ, все прахъ... Что мнѣ?

Отецъ понурилъ голову. Онъ взялъ меня за руку, возвратился со мной въ комнату и подошелъ поближе къ гробу.

— Унесутъ сейчасъ... унесутъ... Сиротами мы съ тобой, Петя, остались,—шепталъ онъ, пожимая мою руку.

Пришелъ священникъ, началось пѣніе. Принесли крышку, закрыли гробъ; его подняли, понесли изъ квартиры, поставили на дроги. Тощія лошади въ полинялыхъ, рыжихъ попонахъ тронулись. Толпа закрестилась и стала рѣдѣть,— черезъ нѣсколько минутъ мы остались одни. Сзади самыхъ

Digitized by Google

дрогъ, шлепая по грязи, спотыкаясь на каждомъ шагу, шли только отецъ и я, крѣпко держа другъ друга за руки.

— Сироты мы съ тобой, Петя, сироты... Маму нашу везутъ, мамочку нашу,—шепталъ всю дорогу отецъ, спотыкаясь и увязая въ грязи. У него то выпадала изъ рукъ старая, измятая шляпа, то сваливались калоши.

На одномъ изъ поворотовъ я увидалъ, что рядомъ съ нами идетъ еще одна личность, нарядно одѣтая, вся въ черномъ. Я узналъ Настю. Она шла безмолвно, опустивъ голову, изрѣдка отирая слезы. Отецъ тоже замѣтилъ ее.

— А, Настенька!.. Вотъ хоронимъ... маму нашу хоронимъ, — пробормоталъ онъ. — Сироты, совсѣмъ сироты остались!

Настенька еще ниже опустила голову.

— Спасибо, что вспомнили сиротъ,—вздохнулъ отецъ.

— Вы знаете, какъ я любила ее,—прошептала Настенька, почти рыдая. — Я такъ хотѣла проститься съ ней... Вы знаете, я не смѣю... Отецъ могъ увидать...

— Да, да... А вотъ мы совсѣмъ сироты, совсѣмъ сироты,—безсмысленно бормоталъ отецъ.

Онъ уже не плакалъ, не стоналъ; по его лицу снова бродила убійственная, мучительная улыбочка. Но его однообразная, тысячу разъ повторяемая фраза о томъ, что мы сироты, бросала въ дрожь, какъ однообразный бредъ помѣшаннаго. Я впервые почувствовалъ, что я сильнѣе, тверже отца, что я разсудительнѣе его, что не онъ будетъ теперь меня поддерживать, а я его долженъ беречь и лелѣять. Но мнѣ было только девять лѣтъ. Я осмотрѣлся съ какимъ-то ужасомъ: за нами не шелъ никто; по тротуарамъ и по мостовой сновали съ озабоченными лицами чуждые мнѣ люди, торопливо крестившіеся на ходу; по бокамъ тянулись незнакомые мнѣ дома какихъ-то длинныхъ улицъ, въ которыхъ я былъ впервые; подъ ногами лежала утомительная грязная дорога; въ лицо мнѣ дулъ рѣзкій, пронизывающій до костей вѣтеръ; по временамъ начиналъ моросить дождь; солнце, какъ бы нехотя, какъ бы случайно, прорывалось на минуту изъ густыхъ и хмурыхъ тучъ, — и посреди всего этого двѣ тощія клячи тихо тащили никому не нужный, никому не дорогой гробъ, а за гробомъ плелись столько же неизвѣстныя, столько же ненужныя, столько же недорогія всѣмъ три личности: падшая дѣвушка въ богатомъ нарядѣ, но съ грустнымъ, покрытымъ слезами лицомъ, полуумный старикъ, съ сѣдыми, развѣвавшимися по

Digitized by Google

вѣтру, всклокоченными волосами, и едва вступающій въ жизнь мальчикъ. Этотъ мальчикъ велъ и поддерживалъ старика. И въ будущемъ ему приходилось также вести и поддерживать этого старика и въ то же время пробивать себѣ путь, не ожидая поддержки ни отъ кого въ этомъ мірѣ, гдѣ сочувствовало ему, гдѣ жалѣло его, быть-можетъ, только одно созданье, — но это созданье была падшая дѣвушка, забросанная грязью, стоящая на краю пропасти.

— Будь честнымъ, будь добрымъ!—звучали, между тѣмъ, въ ушахъ мальчика послѣднія слова его матери...

Digitized by Google

Оглавленіе

VII тома.

стр.

Алчущіе. Романъ 3

Разсказы.

Насѣдка. 349
Проклятый даръ. 399
Не намъ судить. 438
Двѣ семьи. 537

Digitized by Google

Книга 18.

Сборникъ „Нивы“ за 1904 г.

ШЕЛЛЕРЪ-МИХАЙЛОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ VII.

Изданіе
А. Ф. МАРКСА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Digitized by Google

Оглавленіе

VII ТОМА.

	стр.
Романъ	3
Разсказы.	
. . . . .	349
. . . . .	399
. . . . .	438
. . . . .	537

Digitized by Google

Книга 19.

Сборникъ „Нивы" за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ VII.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛІОТЕКУ НИВЫ“ НА 1905-Й Г.,

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРОЙ ВОЙДЕТЪ НОВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

проф. ОСКАРА ІЕГЕРА,

въ 12-ти **ежемѣсячныхъ** выпускахъ, которые составятъ четыре большихъ тома, заключающихъ въ себѣ около 2.600 страницъ текста большого 8°, около 1000 художественно-исполненныхъ автюръ, 80 отдѣльныхъ приложеній, отпечатанныхъ золотомъ, серебромъ, черною и цвѣтными красками, около 40 историческихъ картъ и плановъ. Первые три тома—въ переводѣ и съ дополненіями (по русской исторіи) **П. Н. Полевого** - вновь пересмотрѣны и исправлены **Л. З. Слонимскимъ** по **послѣднему нѣмецкому изданію**, а четвертый томъ — въ новомъ переводѣ подъ редакціею и съ дополненіями **Л. З. Слонимскаго.—Изложеніе событій доведено до 1905 г.,** со включеніемъ иллюстрирован. **очерка русско-японской войны.**

Для каждаго образованнаго человѣка „исторія есть священная книга народовъ: главная, необходимая; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго“,—сказалъ еще Карамзинъ.

Въ данное время, когда образованіе и грамотность получили такое широкое распространеніе въ Россіи, мы, конечно, должны еще болѣе чувствовать всю силу и правоту этихъ словъ, должны придавать еще болѣе значенія историческимъ трудамъ, которые въ общепонятной и общедоступной формѣ предлагаютъ намъ чтеніе полезное и назидательное, чтеніе просвѣщающее и возвышающее душу, чтеніе объясняющее настоящее примѣрами прошлаго и опытами переживаемой нами эпохи, готовящее насъ къ будущему.

Такимъ именно трудомъ является „Всеобщая исторія“ О. Іегера, которую, въ виду успѣха перваго изданія, нынѣ совершенно распроданнаго, мы рѣшили выпустить новымъ изданіемъ, дополненнымъ и переработаннымъ.

„Всеобщая исторія“ проф. Оскара Іегера представляетъ собою трудъ, замѣчательный по своимъ научнымъ достоинствамъ и еще болѣе по чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала, которымъ авторъ владѣетъ въ совершенствѣ, а потому и передаетъ его съ удивительно простой, ясной и доступной формѣ. Важнымъ преимуществомъ этого прекраснаго труда слѣдуетъ, конечно, считать строго критическое отношеніе проф. Іегера къ историческому матеріалу, но авторъ не упускаетъ изъ виду и другихъ весьма важныхъ сторонъ: онъ постоянно выдвигаетъ на первый планъ то, что естественно должно болѣе интересовать, болѣе привлекать вниманіе образованнаго человѣка, не утомляетъ читателя сухимъ сопоставленіемъ историческихъ фактовъ, а предлагаетъ ему рядъ картинъ, вѣрно и живо изображающихъ возникновеніе, возрастаніе и гибель государствъ, возвышеніе, процвѣтаніе и паденіе народовъ.

Одно изъ важныхъ достоинствъ труда О. Іегера составляетъ чрезвычайное обиліе строго согласованныхъ съ текстомъ иллюстрацій, воспроизведенныхъ по памятникамъ и живописующихъ эпоху, къ которой онѣ относятся. Здѣсь мы найдемъ снимки съ гробницъ фараоновъ, новѣйшія находки изъ раскопокъ, предметы религіознаго культа и домашней обстановки древняго міра, рядъ изображеній изъ неисчерпаемой сокровищницы средневѣковаго искусства: церковная скульптура, рѣзьба, зодчество, мозаика, миніатюры, снимки съ монетъ, печатей, автографовъ и важныхъ историческихъ документовъ; множество портретовъ выдающихся историческихъ дѣятелей и цѣлый рядъ снимковъ съ картинъ великихъ мастеровъ кисти, изображающихъ наиболѣе характерные моменты міровой исторіи.

„Всеобщая исторія“ въ переомъ изданіи была: 1) допущена Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. въ ученическія средн. и старш. возрастовъ библіотеки средне-учебн. зав.; 2) разсмотрѣна Военно-Учен. Комит., и о выходѣ ея объявлено въ цирк. Главн. Штаба 17 окт. 1896 г. № 284.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе въ 12-ти выпускахъ, по одному въ мѣсяцъ:

Безъ доставки: 1) **въ С.-Петербургѣ** — 12 руб., 2) **въ Москвѣ**, въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и 3) **въ Одессѣ**, въ книжн. магазинѣ «Образованіе» (Ришельевская, № 12) — 13 руб.

Съ дост. въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи — **14 р.**

Съ пересылкою за границу — 16 руб.

Разсрочка платежа въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ.

☞ Для ознакомленія съ изданіемъ, ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО и высылается иногороднымъ за ОДИНЪ РУБЛЬ (можно ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ въ заказномъ письмѣ), который засчитывается при подпискѣ на все изданіе. ☜

Отдѣльные выпуски «Всеобщей исторіи» О. Іегера (кромѣ перваго) не продаются, и изданіе съ наложеннымъ платежомъ не высылается.

Digitized by Google

Адресъ: въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

Книга 19.

Сборникъ „Нивы" за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ VII.

Изданіе
А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Изданія А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

Въ концѣ декабря с. г. поступитъ въ продажу

ПОЛНЫЙ ТОМЪ **„НИВЫ“** за 1904 ГОДЪ.

Въ нумерахъ „Нивы“ 1904 г. читатель найдетъ обширный литературный матеріалъ (болѣе 200 столбцовъ текста), состоящій изъ беллетристическихъ произведеній, популярно-научныхъ статей, біографій выдающихся дѣятелей и проч. Искусство нашло себѣ отраженіе на страницахъ „Нивы“ въ видѣ множества оригинальныхъ рисунковъ и художественно-исполненныхъ гравюръ — копій съ картинъ извѣстнѣйшихъ художниковъ; кромѣ того, помѣщено множество снимковъ, иллюстрирующихъ текущія событія, въ особенности—**русско-японскую войну.**

Къ тому „НИВЫ“ 1904 г. приложено:

1) первыя 20 книгъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.**

2) ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 16 книгахъ **ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.**

3) ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 4-хъ книгахъ **И. Ф. ГОРБУНОВА.**

4) 12 кн. „ЕЖЕМѢС. ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, въ которыхъ помѣщены произведенія выдающихся современныхъ авторовъ: романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя, историческія и критическія статьи и проч. съ иллюстраціями.

ЦѢНА тому „НИВЫ“ за 1904 г. со всѣми приложеніями безъ перес. 7 руб., съ перес. 9 руб. Желающіе имѣть изданіе въ коленкор. переплетахъ благоволятъ сверхъ того прилагать: за переплетъ тому „НИВЫ“—1 р. 25 к., за 6 перепл. на 16 книгъ соч. Гейне—2 р. 40 к., за 7 перепл. на 20 книгъ соч. Шеллера — 2 р. 80 к., за 2 перепл. на 4 книги соч. Горбунова — 80 к. и за 3 перепл. на 12 кн. „Литерат. и популярно-научн. приложеній“ — 1 руб. Вѣсъ 35 фунт.

СОЧИНЕНІЯ

К. М. СТАНЮКОВИЧА

въ 13-ти томахъ in 8°, 6484 страницы, на хорошей бумагѣ.

Содержаніе отдѣльныхъ томовъ:

Томъ I. Морскіе разсказы: Грозный адмиралъ.— Мрачный штурманъ.—Василій Ивановичъ.—Матросскій линчъ. — Бѣглецъ. — Человѣкъ за бортомъ.—На каменьяхъ. — Вдали отъ береговъ. — Ночью.—Вѣстовой Егоровъ.—Глупая причина.— Рождественская ночь. — Свѣтлый праздникъ.— Куцый.—Исайка.—Два моряка. — Пассажирка. — Словарь морскихъ терминовъ, встрѣчающихся въ разсказахъ.

Томъ II. Морскіе разсказы: Безпокойный адмиралъ. — Ужасный день.—Месть. — Кириллычъ. — Максимка.—Пропавшій матросъ. — Между своими. — Въ штормѣ. — Въ тропикахъ. — Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. — Непонятный сигналъ.— Крушеніе Матвѣя Ивановича. — Побѣгъ. — Въ море. — Жертвы моря.

Томъ III. Повѣсти и разсказы: Танечка.—Испорченный день. Благотворительная комедія.— Оригинальная пара. — Истинно-русскій человѣкъ. — Похожденія молодого человѣка.— Рѣшеніе. — Сержъ Птичкинъ. — Дяденька Протасъ Ивановичъ. — Червонный валетъ. — Безшабашный. — Женитьба Пинегина. — Изъ-за пустяковъ. — У домашняго очага. — Надежда Порфирьевна. — Ужасная болѣзнь. — Подписчикъ, влюбленный въ свою газету. — Страдалецъ. — На урокѣ. — Петербургская карьера. — Елка. — Рождественская ночь. — Елка для взрослыхъ. — Въ родѣ святочнаго разсказа.

Томъ IV. Два брата.

Томъ V. Первые шаги.—Омутъ.

Томъ VI. Наши нравы.—Въ далекіе края.

Томъ VII. Картинки общественной жизни 1877 г.: Макаръ Ивановичъ. — Вчерашніе дни. — Паденіе Плевны и дѣло Гартунга. — Берлинскій трактатъ. — Добровольный флотъ.—Экскурсія въ провинцію. — Миръ. — Дѣло Юханцева. — Жиды. — Ошалѣвшій читатель и доносы. — Штундист[illegible] Одиссея погонцевъ.—Воззваніе графа Сологу[illegible] Чрезвычайное собраніе ландлордовъ. — С[illegible]менные Гарунъ-аль-Рашиды. — Подрядныя [illegible] на Кавказѣ. — Тайны подрядчиковъ. — Шал[illegible] полиціи.—Новая Эра.—Сонъ въ зимній вечер[illegible] Пушкинскій юбилей. — „Жидъ“. „Ландъ-Ло[illegible] „Золотая ручка“. — Гады, пожирающіе с[illegible] себя.— Зимній сонъ до обѣда. — „Парламент[illegible] урядникъ. — Торжество редакціонной печ[illegible] Интендантское дѣло.—Юбилей Н. И. Пирог[illegible] Въ сумасшедшемъ домѣ.—Поѣздка въ Мос[illegible] Новѣйшій Хлестаковъ.—Настроеніе.—Л[illegible]ная исповѣдь. — Дѣло Буша. — Зл[illegible] Рыковскій крахъ.

Томъ VIII. Безъ исхода. Романъ. — На [illegible] въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Ко[illegible] 4-хъ дѣйствіяхъ. — Родственники. Сцены [illegible] временныхъ нравовъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Томъ IX. Въ мѣста не столь отдале[illegible] манъ. — Откровенные. Романъ въ 2-хъ [illegible]

Томъ X. Картинки общественной жизни [illegible]нія. — Недоставленныя письма. — Смерть [illegible]нева.—Изъ дневника неунывающаго росс[illegible] Къ нѣмцамъ.— Времена Іудушекъ. — И[illegible] Мултановское дѣло.—Тверская исторія.—О[illegible] женщинъ. Письма знатнаго иностранца. 1—[illegible]

Томъ XI. Письма знатнаго иностранца. 35—[illegible]

Томъ XII. Жрецы. — Черноморская скр[illegible] вѣсть.—Нянька.—Матроска. — Маленькіе мор[illegible]

Томъ XIII. Равнодушные. Романъ.—Дур[illegible] сказъ.—По понедѣльникамъ дома. Этюдъ.—[illegible] Разсказъ изъ былой морской жизни.—[illegible] Разсказъ матроса. — Первогодокъ. Очер[illegible] былой морской жизни. — Отплата. Разск[illegible] раго матроса.—Шутка. Разсказъ изъ был[illegible] ской жизни.

Цѣна 13-ти томамъ **19 р. 50 к.**, съ перес. **21 р.**; въ 12 перепл. **25 р. 50 к.**, съ перес. **27 р.** 20 ф. Тома продаются и отдѣльно (кромѣ 3-го и 4-го томовъ), цѣною за каждый томъ по **1 р.** съ перес. **1 руб. 80 коп.**

Digitized by Google

Книга 20.

Сборникъ „Нивы“ за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ VII.

Изданіе
А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Изданія А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ПОЛНЫЙ ТОМЪ **„НИВЫ“** за 1904 ГОДЪ.

Въ нумерахъ „Нивы“ 1904 г. читатель найдетъ обширный литературный матеріалъ (болѣе 2.000 столбцовъ текста), состоящій изъ беллетристическихъ произведеній, популярно-научныхъ статей, біографій выдающихся дѣятелей и проч. Искусство нашло себѣ отраженіе на страницахъ „Нивы“ въ видѣ множества оригинальныхъ рисунковъ и художественно-исполненныхъ гравюръ — копій съ картинъ извѣстнѣйшихъ художниковъ; кромѣ того, помѣщено множество снимковъ, иллюстрирующихъ текущія событія, въ особенности—**русско-японскую войну.**

Къ тому „НИВЫ“ 1904 г. приложено:

1) первыя 20 книгъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.**

2) ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 16 книгахъ **ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.**

3) ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 4-хъ книгахъ **И. Ф. ГОРБУНОВА.**

4) 12 кн. „ЕЖЕМѢС. ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, въ которыхъ помѣщены произведенія выдающихся современныхъ авторовъ: романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя, историческія и критическія статьи и проч. съ иллюстраціями.

ЦѢНА тому „НИВЫ“ за 1904 г. со всѣми приложеніями безъ перес. 7 руб., съ перес. 9 руб. Желающіе имѣть изданіе въ коленкор. переплетахъ благоволятъ сверхъ того прилагать: за переплетъ тома „НИВЫ“—1 р. 25 к., за 6 перепл. на 16 книгъ соч. Гейне—2 р. 40 к., за 7 перепл. на 20 книгъ соч. Шеллера — 2 р. 80 к., за 2 перепл. на 4 книги соч. Горбунова — 80 к. и за 3 перепл. на 12 вып. „Литерат. и популярно-научн. приложеній“ — 1 руб. Вѣсъ 35 фунт.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛІОТЕКУ НИВЫ“ на 1905 годъ,

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРОЙ ВОЙДЕТЪ НОВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ:

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

проф. ОСКАРА ІЕГЕРА,

въ 12-ти **ежемѣсячныхъ** выпускахъ, которые составятъ четыре большихъ тома, заключающихъ въ себѣ около 2.600 страницъ текста большого 8°, около 1000 художественно-исполненныхъ гравюръ, 80 отдѣльныхъ приложеній, отпечатанныхъ золотомъ, серебромъ, черною и цвѣтными красками, и около 40 историческихъ картъ и плановъ. Первые три тома—въ переводѣ и съ дополненіями (до русской исторіи) **Н. Н. Полевого**—вновь пересмотрѣны и исправлены **Л. З. Слонимскимъ** по **послѣднему нѣмецкому изданію.** Четвертый томъ—въ новомъ переводѣ подъ редакціею и съ дополненіями **Л. З. Слонимскаго.**—**Изложеніе событій доведено до 1905 г.,** со включеніемъ иллюстрирован. **очерка русско-японской войны.**

„Всеобщая исторія“ проф. Оскара Іегера представляетъ собою трудъ, замѣчательный по своимъ научнымъ достоинствамъ и еще болѣе по чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала, которымъ авторъ владѣетъ въ совершенствѣ, а потому и передаетъ его въ удивительно простой, ясной и доступной формѣ. Одно изъ важныхъ достоинствъ труда О. Іегера составляетъ чрезвычайное обиліе строго согласованныхъ съ текстомъ иллюстрацій, воспроизведенныхъ во памятникамъ и живописующихъ эпоху, къ которой онѣ относятся.

„Всеобщая исторія“ въ первомъ изданіи была: 1) допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія, средн. и старш. возрастовъ, библіотеки средне-учебн. заведеній; 2) разсмотрѣна Военно-Учен. Комит., и о выходѣ ея объявлено въ цирк. Главн. Штаба 17 окт. 1896 г. № 284.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе: Безъ доставки: въ С.-Петербургѣ—12 руб. **Съ дост. въ СПБ. и съ перес. во всѣ мѣста Россіи—14 р.** За границу—16 руб.

Разсрочка платежа въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ.

☞ Для ознакомленія съ изданіемъ, ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО и высылается иногороднимъ за ОДИНЪ РУБЛЬ.

Подробное иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

III
1-23

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1905.

Digitized by Google

Slav 4353.50.2

H... COLLEGE LIBRARY
DEXTER FUND

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

Digitized by Google

ГОЛЬ.

РОМАНЪ

ВЪ ШЕСТИ КНИГАХЪ.

Посвящается другу моему князю Дмитрію Петровичу Голицыну.

Digitized by Google

Digitized by Google

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

На дворѣ стояла пасмурная и холодная петербургская осень.

Былъ первый часъ ночи.

Въ эту пору въ Захолустной улицѣ весной и лѣтомъ все населеніе обыкновенно выбиралось къ воротамъ, въ воздухѣ слышались звуки гармоникъ, пѣсенъ и говора. Осенью же и зимой здѣсь почти всегда бывала невозмутимая тишина, и царствовалъ непроглядный мракъ. Обыватели въ эти часы осенью и зимой имѣли обыкновеніе спать, а уличные масляные фонари ради экономіи гасились. Но на этотъ разъ на улицѣ слышались шаги и говоръ людей. Эти люди выходили небольшими группами изъ недавно отстроеннаго, чуть ли не наканунѣ докрашеннаго, дома мелкаго чиновника Андрея Ивановича Орлова. Самъ этотъ домъ рѣзко выдѣлялся изъ окружающаго его мрака: его окна были довольно ярко освѣщены, и онъ казался иллюминованнымъ среди другихъ домовъ, окутанныхъ тьмою. Выходившіе изъ него люди, возбужденные весело проведеннымъ вечеромъ, сытною закуской и впечатлѣніями новоселья, шумно и оживленно продолжали свои толки на улицѣ. Всѣ разговоры вертѣлись около событія минувшаго дня, около торжественнаго пиразаданнаго друзьямъ и пріятелямъ семьей Орлова.

— Могу сказать, на славу справилъ Андрей Ивановичъ новоселье, лицомъ въ грязь не ударилъ,—весело говорилъ мужской голосъ въ одной изъ группъ, вышедшихъ изъ дома.— Вотъ ужъ, что называется, знай нашихъ! Я, признаюсь откровенно, даже и не ожидалъ отъ него такого гостепріимства и хлѣбосольства. Онъ вѣдь скопидомъ, копейку

Digitized by Google

припрятать любить, а тутъ вдругъ, на-поди, какъ раскопелился! Молодецъ, право, молодецъ!

— Отчего же и не попировать, сударь мой, когда дѣлишки идутъ какъ по маслу?—замѣтилъ другой голосъ нѣсколько наставительнымъ и степеннымъ тономъ.—Теперь, вѣдь, осмѣлюсь вамъ доложить, имъ фортуна, такъ сказать, улыбается. Семья встала на обѣ ноги, а это, сударь мой, дѣло великое, вольность духу даетъ. Человѣкъ безъ обезпеченія это, если можно такъ выразиться, червь, пресмыкающійся на распутьи жизни, а человѣкъ съ деньгами...

— Нѣтъ, если я на кого дивился, такъ это на Марью Ѳедоровну,—съ оживленіемъ перебилъ его первый собесѣдникъ.—Вѣдь просто неузнаваемой сдѣлалась, ей-Богу! Весела, шутитъ, смѣется, просто... не та женщина. Прежде всегда такая суровая, рѣзкая была, а сегодня, точно родному, сжала мнѣ руку и говоритъ: «Спасибо вамъ, что порадовались нашей радости», а у самой, знаете, слезы на глазахъ, голосъ обрывается отъ волненья... Совсѣмъ преобразилась!

— Еще бы не преобразиться, когда добилась своего!—вмѣшался въ разговоръ третій мужчина.—Теперь вѣдь только купцу Пахомову долгъ уплатить и конецъ,—ликуй и веселись!.. Богатство, батенька, хоть кого преобразитъ. И мы съ вами колесомъ бы по улицѣ прошлись, если бы...

— Не даромъ, сударь мой, не даромъ все это благолѣпіе досталось,—заговорилъ второй собесѣдникъ.—Самъ, осмѣлюсь вамъ доложить, свидѣтелемъ былъ, какъ все это слаживалось, созидалось. Не доѣдали, не досыпали, чтобы только деньжонки на домишко сколотить. Земля-то эта съ какой-то чужой на курьихъ ножкахъ, какъ сами изволите, вѣроятно, знать, къ нимъ по наслѣдству перешла, а на новый домъ у нихъ, смѣю вамъ доложить, гроша не было. Ну, такъ вотъ-съ, и пришлось тутъ изворачиваться, чтобы гнѣздышко себѣ теплое свить. По копеечкѣ, сударь мой, по копеечкѣ приходилось капиталецъ-то сколачивать. Это я ужъ доподлинно знаю. Слава Богу, свои люди!.. И къ чести ихъ надо приписать то, сударь вы мой, что все они сколотили трудомъ и экономіей, а не путями неправедными, не какими-нибудь подвохами. Нечего сказать, люди солидные, трудящіеся, обстоятельные!.. Правда, немножко съ душкомъ, кланяться не любятъ, съ гордецой,—ну, да, вѣдь, государи мои, тоже и униженіе иногда паче гордости...

Старческій голосъ на минуту смолкъ, послышалось щел-

Digitized by Google

канье табакерки, втягиванье носомъ табаку, потомъ тотъ же голосъ заговорилъ снова:

— А вы, осмѣлюсь васъ спросить, полюбопытствовали ли, вотъ, заглянуть, какъ у нихъ въ домѣ все хозяйство устроено? Это, я вамъ скажу, просто на диво!

— Еще бы,—воскликнулъ первый собесѣдникъ.—Вѣдь они чуть не десять лѣтъ его планъ-то обдумывали. То то, то другое, бывало, придумываютъ. Знаете, я иногда думалъ, что Андрей Ивановичъ и Марья Ѳедоровна съ ума сойдутъ отъ этой мысли о домѣ,—право! Вѣдь къ нимъ, бывало, придти нельзя,—сейчасъ планъ тащутъ, совѣтуются. Бывало, и смѣхъ, и горе...

Собесѣдники начали вспоминать всѣ мелкія подробности, касавшіяся приготовленій Орловыхъ къ постройкѣ дома. Орловъ, отправляясь въ должность, развозилъ по дорогѣ въ салазкахъ или на телѣжечкѣ сливки, чтобы сколотить лишній грошъ. Его жена сама стирала по ночамъ бѣлье на свою семью, тайкомъ мыла дома полы, чтобы только не платить поденщицѣ. Ихъ старшая дочь шила, не разгибая спины, чужое бѣлье, убила лучшіе годы первой молодости на эту работу, чтобы пополнить необходимую для постройки сумму денегъ. Даже старый дѣдъ, отецъ Орлова, и тотъ, бывало, тащитъ домой съ улицы щепки, говоря, что «дрова-то денегъ стоятъ», или захватываетъ на дорогѣ кирпичъ, разсуждая, что «при постройкѣ-то и кирпичокъ пригодится». Всѣ эти мелочи были вполнѣ извѣстны друзьямъ и пріятелямъ Орловыхъ: онѣ были извѣстны всей Захолустной улицѣ, говорившей въ теченіе шести-семи лѣтъ о томъ, что «Орловы-то новый домъ собираются строить». Среди этихъ воспоминаній проскальзывали смѣшные анекдоты. Ходили слухи, что будто бы Орлова иногда, закутавшись въ тулупъ, дежурила по ночамъ у воротъ своей старой лачуги за дворника, такъ какъ держать дворника было не по средствамъ. Толковали также что Орловъ отправлялся въ должность, ради экономіи, въ старыхъ опоркахъ, а хорошіе сапоги носилъ подъ мышкой завернутыми въ бумагу и надѣвалъ ихъ гдѣ-то подъ воротами, неподалеку отъ мѣста своего служенія. Вообще захолустенцы, не всегда имѣвшіе возможность прочесть даже «Пчелку», самостоятельно слагали удивительныя легенды про все и обо всѣхъ, про своихъ сосѣдей и про общественныхъ дѣятелей, про захолустенскіе скандалы и про историческія событія. Эта черта была одной изъ характернѣйшихъ чертъ захолустенской жизни. Воспоминанія

Digitized by Google

и анекдоты объ Орловыхъ сопровождались благодушнымъ смѣхомъ.

Въ группѣ женщинъ, выходившихъ изъ новаго дома, проскальзывали иногда и другія нотки.

— Жаль только, что теперь, даже и при всемъ ихъ достаткѣ, ихъ Анна Андреевна не выйдетъ замужъ,—не безъ ехидства соболѣзновалъ чей-то женскій сладенькій и нѣжный голосокъ.—Она, конечно, и молода еще, и не такъ чтобы очень дурна собою, но очень уже отощала и осунулась,—прозрачная совсѣмъ какая-то стала...

— Она, я думаю, уже и не мечтаетъ о замужествѣ,—сухо проговорила другая женщина.—Всѣ они теперь для Мити живутъ, въ немъ всѣ ихъ надежды на будущее, и Анна Андреевна любитъ его болѣе всѣхъ.

— Да, да... Но что ни говорите, ангелъ мой, а все же чужой жизнью жить нельзя,—заспорила первая изъ собесѣдницъ.—Видѣли, какіе бантики Анна Андреевна сегодня напришпилила? Это, значитъ, нравиться еще хочетъ. Такъ, ни съ того, ни съ сего, дѣвушка бантиковъ не напришпилитъ... Это ужъ вѣрно, душа моя! Она, конечно, не говоритъ о своемъ желаніи выйти замужъ, потому это и смѣшно, и неприлично, но вы прислушайтесь, какимъ тономъ она смѣется, когда замѣчаетъ: «мое время уже прошло»,—вѣдь тутъ слезы, душечка, слышатся!.. Нѣтъ, нѣтъ, у меня сердце надрывается, когда я гляжу на нее. Она тоже внесла свою лепту на постройку этого дома, тоже ночей не досыпала надъ работой, а плоды достанутся другимъ. Еще что выйдетъ изъ мальчика,—ахъ, это вопросъ! Наконецъ, онъ женится,—захочетъ ли тогда его жена держать у себя Анну Андреевну?

— Ну, до женитьбы Мити еще далеко,—возразили болтливой барынѣ.

— Ахъ, не говорите, не говорите, мой ангелъ!—загорячилась она.—Дѣти нынче такъ быстро растутъ, время такъ скоро летитъ. Не успѣешь оглянуться, глядишь—мальчикъ и вырастетъ... Что-то вотъ тогда будетъ?

Въ послѣдней группѣ, вышедшей изъ дому, тонъ разговоровъ былъ нѣсколько раздражительный, и эти разговоры касались уже не Орловыхъ. Запоздавшіе гости, очевидно, только что встали изъ-за ломбернаго стола и были сильно возбуждены игрою, заставившею ихъ за счетомъ выигрышей и проигрышей забыть все на свѣтѣ. Одинъ изъ игроковъ простился и пошелъ налѣво, а двое свернули вмѣстѣ направо.

Digitized by Google

— Вѣчно затянется этотъ проклятый преферансъ,—сердито ворчалъ одинъ изъ нихъ.—Въ сущности, никогда садиться не слѣдуетъ, если ужъ не удалось сѣсть во-время. Сядешь поздно, торопишься и поневолѣ дѣлаешь ошибку за ошибкой.

— Ну, вы не скажите этого,—спокойно возразилъ другой.—Ошибки не отъ того дѣлаются, что торопишься. Нѣтъ, какъ не повезетъ, такъ человѣкъ и растеряется, ажитируется, неровно ведетъ игру и самъ въ петлю лѣзетъ: тутъ рискнетъ,—глядишь, безъ одной въ семи остался; тамъ поприжмется,—смотришь, смаралъ за семь пикъ, а игра-то при своемъ ходѣ была восемь, да еще безкозырная-съ... Я, впрочемъ, давно отучилъ себя отъ этого: везетъ или не везетъ, а континенцію духа сохраняю и не тороплюсь, не мечусь изъ одной крайности въ другую,—веду себѣ игру вольготно и ровно...

— Да вамъ хорошо было не торопиться,—вы вонъ тутъ же въ улицѣ живете, а мнѣ на Пески съ Бугорковъ тащиться,—перебилъ его проигравшійся господинъ.

— На Пески... Извозчика возьмете—вотъ и конецъ! А у меня дѣла-съ, дѣла... Извозчика не наймешь ихъ кончить,—серьезно и съ особеннымъ удареніемъ отвѣтилъ второй.

— Ну да, извозчика! Скоро у васъ, въ этой трущобѣ, сыщешь его,—возразилъ первый.

— А вотъ, слышите, колеса дребезжатъ?—произнесъ второй, прислушиваясь.—Ручаюсь, что порожнякъ. Нанимайте!

Дѣйствительно, легкое дребезжаніе колесъ становилось все слышнѣе и слышнѣе, и въ темнотѣ начали смутно вырисовываться очертанія лошади и дрожекъ. Господинъ, отправлявшійся на Пески, громко крикнулъ: «Извозчикъ!» Отвѣта не послѣдовало.

— Спитъ, каналья!—проговорилъ онъ раздражительно.—Его зовутъ, ему кричатъ, а онъ спитъ на своей гитарѣ и ухомъ не ведетъ... И какъ это имъ позволяетъ полиція спать во время ѣзды. Ни за чѣмъ она у насъ не смотритъ. Именнымъ указомъ запретилъ бы это безобразіе. Ну, долго ли задавить кого-нибудь? Наконецъ, самого, бестію, могутъ соннаго обобрать и укокошить... Ночнымъ разбоямъ нынче конца нѣтъ, точно въ Азіи какой-нибудь живемъ... Слышали, вонъ, говорятъ, еще какіе-то «труболеты» появились... Чортъ знаетъ что такое!

Господинъ направился къ извозчику и ткнулъ его тростью.

— Ты что же это, братецъ, не откликаешься, когда

Digitized by Google

господа тебя зовутъ?—проговорилъ онъ шипящимъ тономъ, едва сдерживая свой гнѣвъ.

— Не трожь, домой ѣду!—полусонно отвѣтилъ возница.

— Какъ домой ѣдешь? Какъ домой ѣдешь?—загорячился господинъ.—Ты обязанъ везти, когда тебя господа нанимаютъ. Это твоя обязанность, на то ты и извозчикъ...

— Говорятъ: домой ѣду! Чего пристали?—рѣзко отвѣтилъ извозчикъ, совсѣмъ очнувшись, и сильно стегнулъ по лошади.

Господинъ неожиданно остался одинъ на срединѣ улицы.

— Ска-атина, ска-ат-тина!—выразительно крикнулъ онъ въ догонку извозчику.—Въ части еще, видно, не бывалъ! Не знаешь, съ кѣмъ говоришь! Я... тебя... ракалью...

Въ воздухѣ послышалась не попадающая въ лексиконы, вслѣдствіе своей общеизвѣстности, брань. Въ то же время откуда-то послышался голосъ:

— Покойной ночи, Петръ Петровичъ! Я вотъ и дома. На-дняхъ какъ-нибудь встрѣтимся, дамъ вамъ реваншъ. Отыграетесь.

Раздраженный господинъ, ничего не отвѣтивъ на любезность пріятеля, крупными шагами зашагалъ по серединѣ улицы.

Затѣмъ гдѣ-то щелкнула калитка. Вдали послышались чьи-то веселыя восклицанія: «Прощайте, прощайте! Къ намъ заходите!» Потомъ около дома Орловыхъ раздался скрипъ отворявшихся воротъ и снова задребезжали дрожки, въѣзжавшія теперь на извозчичій дворъ. Извозчикъ, въѣхавъ во дворъ, заперъ снова ворота, распрягъ лошадь, увелъ ее въ конюшню, убралъ дрожки подъ навѣсъ, продолжая все время ворчать что-то себѣ подъ носъ про сердитаго барина, какъ ворчитъ собака, когда ее случайно задѣнутъ во время отдыха. Окончивъ работу, мужикъ прошелъ на сѣновалъ, снялъ верхнюю одежду, потянулся, почесался, сладко зѣвая, закурилъ трубку и легъ. Въ домѣ Орловыхъ между тѣмъ одинъ за другимъ погасли огни, и въ немъ, повидимому, всѣ уснули. Вся Захолустная улица затихла и погрузилась во мракъ.

На колокольнѣ ближайшей церкви пробило два.

До разсвѣта было еще далеко, и ночь, казалось, дѣлалась все темнѣе и темнѣе. Небо все болѣе и болѣе заволакивалось тяжелыми черными тучами и мракъ становился непроглядным. Только на извозчичьемъ дворѣ, подлѣ дома Орловыхъ, мелькали по временамъ сперва изрѣдка, потомъ все чаще и чаще, точно золотыя змѣйки, какія-то странныя

Digitized by Google

полоски свѣта сквозь щели сѣновала. Иногда этотъ мимолетный, какъ молнія, свѣтъ смѣнялся легкими струйками дыма между досокъ, потомъ снова проскальзывалъ какими-то красными язычками сквозь этотъ дымокъ. Наконецъ, и огонь, и дымъ слились мало-по-малу вмѣстѣ, весь сѣновалъ, понемногу точно закурился и вдругъ уже изъ-подъ самой его крыши высунулись громадные огненные языки и, перегнувшись черезъ ея навѣсъ, облизнули ее всю, достигнувъ до крыши орловскаго дома.

— Горимъ, горимъ!—стономъ пронеслось по извозчичьему двору.

Черезъ минуту этотъ крикъ уже повторялся, какъ эхо, на дворѣ орловскаго дома. Еще минута—и вся Захолустная улица проснулась, пришла въ смятеніе, огласилась отчаянными воплями:

— Пожаръ, пожаръ!

Въ непроглядной тьмѣ осенней ночи красные огненные языки уже змѣились по одной сторонѣ крыши новаго дома, охватывая съ яростью одну доску за другою. Смолистый свѣжій лѣсъ, масляная краска—все это трещало и шипѣло, какъ бы вступая въ ожесточенную борьбу на жизнь и смерть съ огнемъ. Въ окнахъ тѣхъ комнатъ, гдѣ уже горѣло, на огненномъ фонѣ замелькали черныя фигуры людей; въ окнахъ тѣхъ помѣщеній, гдѣ еще царствовала тьма, стали проноситься, какъ страшные призраки, людскія тѣни со свѣчами въ рукахъ. Это напоминало китайскій фонарь. На улицѣ и на дворахъ обоихъ горѣвшихъ домовъ уже металась, толкалась и кричала толпа постороннихъ людей въ ночныхъ нарядахъ, съ растрепанными волосами. Но никто еще не зналъ, за что взяться, никто еще не могъ дать себѣ отчета, зачѣмъ онъ мечется изъ угла въ уголъ. Всѣ сознавали, что надо что-то дѣлать, что-то спасать и отстаивать, но что именно—этого никто еще не могъ сообразить. Надъ всѣми остальными чувствами брало покуда верхъ одно чувство страха. Полуодѣтыя женщины съ узлами, кадушками и стульями въ рукахъ стремительно выбѣгали изъ домовъ и неслись черезъ улицу, сваливая на противоположной сторонѣ въ общія кучи весь спасаемый скарбъ. Спасалось не то, что было особенно цѣнно, а то, что попадалось подъ руки. Спасаемыя вещи тутъ же неосторожно разбивались или ломались. Бѣгавшимъ людямъ попадались подъ ноги перепуганныя куры. Онѣ растерялись, подобно людямъ, и озабоченно бѣгали, немного распустивъ крылья, изъ угла въ

Digitized by Google

уголъ, толклись именно на томъ мѣстѣ, гдѣ всего больше было давки и суматохи, и кудахтали, и кричали, то присѣдая къ землѣ, то немного вспархивая на воздухъ. На обоихъ дворахъ раздавалось ржаніе лошадей, мычаніе коровъ, лай и завываніе собакъ. Одна изъ собакъ, привязанная на извозчичьемъ дворѣ цѣпью къ своей будкѣ, металась въ бѣшеномъ отчаяніи; она рвалась впередъ, поднималась на заднія лапы, мотала головой и неистово лаяла на каждаго прохожаго, точно яростно и злобно взывая о помощи къ необращавшимъ на нее вниманія людямъ. По двору орловскаго дома бѣгала коренастая и дюжая женщина въ одной юбкѣ и ночной кофтѣ съ неистовымъ воплемъ: «Выведите, отцы родные, коровушку! Коровушку выведите!.. Охъ, смерть моя пришла, смерть! Моченьки моей больше нѣтъ, голубчики! Все сгоритъ, все!» Это была сама хозяйка дома, совершенно растерявшаяся отъ ужаса и отчаянія. Въ то же время на крышѣ новаго дома, осыпаемой искрами, въ развѣвавшемся по вѣтру халатѣ, появился хозяинъ дома съ блѣднымъ лицомъ, съ всклокоченными волосами, крича изо всей силы: «Воды, воды давайте сюда!..» Невысокій ростомъ, исхудалый и тщедушный, онъ, озаренный среди тьмы отблескомъ пожара, казался какимъ-то страшнымъ фантастическимъ призракомъ, явившимся на безумный бой съ огнемъ. Онъ пытался съ неестественною силой отодрать топоромъ горѣвшія доски, разобрать крышу, спасти еще то, что уже безвозвратно пожиралось пламенемъ. Кто-то кричалъ ему: «Сходите, сходите!.. Вы сами сгорите!» Но онъ ничего не слышалъ, ничего не понималъ; онъ сознавалъ только одно то, что огонь истребляетъ его гнѣздо. Въ эту минуту въ концѣ улицы послышались дикія гиканья, быстрый конскій топотъ, громъ колесъ. Въ толпѣ разомъ, точно широкій облегчающій вздохъ, пронеслось:

— Пожарные, пожарные ѣдутъ!

И вдругъ всѣмъ точно легче стало.

На улицѣ начали раздаваться ироническія замѣчанія, что пожарные вѣчно запоздаютъ: «Ишь, поторопились: еще полъулицы не сгорѣло, а они ужъ и тутъ!» Кто-то ядовито ораторствовалъ о томъ, какъ воруютъ эти люди, сваливая цѣнныя вещи въ бочки: «Серебро если тамъ или образа въ ризахъ — все туда сопрутъ!» Какая-то старушонка въ свою очередь тономъ причитаній плаксиво разсказывала, что «они, голубчики, какъ на войну, на пожаръ-то ѣдутъ: и съ женами прощаются, и въ грѣхахъ каются, и ежели котораго

Digitized by Google

убѣгъ на пожарѣ, тому все на томъ свѣтѣ отпустится, потому мученическую кончину пріялъ». Какой-то молодой фабричный, услышавъ разсказъ старушонки, серьезнымъ тономъ спросилъ ее: «А ты, бабушка, на тотъ свѣтъ-то, вѣрно, къ мужу на побывку ѣздила?» Къ пожарнымъ бочкамъ и линейкамъ уже примостились полуголые, поднятые съ постелей, ребятишки, наслаждаясь возможностью прокатиться. Еще нѣсколько минутъ — и вода начала борьбу съ огнемъ. Загремѣли топоры, зазвенѣли разбиваемыя окна. Тушеніе пожара приняло правильный ходъ...

На другой сторонѣ улицы противъ горѣвшихъ домовъ, окруженный толпой зрителей, стоялъ и ораторствовалъ господинъ почтенныхъ лѣтъ во фризовой коричневой шинели, накинутой поверхъ халата, въ фуражкѣ съ кокардой и съ орденомъ на шеѣ.

— Я позже всѣхъ отъ нихъ вышелъ,—разсказывалъ онъ любопытнымъ слушателямъ.—Преферансъ затянулся, и пришлось позже всѣхъ уйти, а дома дѣла, работа... Засидѣлся я, вдругъ слышу кричатъ: «Пожаръ, пожаръ!» Накинулъ я шинель, взялъ фуражку, вышелъ изъ дому, гляжу: домъ Орловыхъ горитъ! Просто глазамъ своимъ не повѣрилъ: часъ тому назадъ веселились, ликовали и вдругъ!..

— Какъ же, новоселье справляли, — послышалось въ толпѣ. — Вчера еще утромъ Орлиха говорила въ мясной лавкѣ.

— Да, вчера новоселье, а завтра съ сумой, — замѣтилъ другой голосъ изъ толпы.

— Ну, не съ сумой,—сказалъ господинъ съ орденомъ на шеѣ.—Андрей Ивановичъ служитъ... Но, конечно, несчастіе большое, неожиданный пассажъ...

— Благосостояніе людское—это муравейникъ,—степенно и неторопливо произнесъ стоявшій около почтеннаго оратора старикъ, тоже во фризовой зеленой шинели и въ старомодномъ плюшевомъ картузѣ.—Долгимъ трудомъ созидается онъ, этотъ муравейникъ, тысячами муравьевъ все прилаживается, щепочка по щепочкѣ, песчинка по песчинкѣ. Но вотъ прошелъ мимо прохожій, задѣлъ за муравьиную кучу ногой— и все рухнуло, все развалилось, сотни муравьевъ раздавлены, сотни ихъ гнѣздышекъ разорены, приходится разгребать разрушенное, отыскивать пострадавшихъ, вытаскивать мертвыхъ, воздвигать все снова, прилаживать, хлопотать... А прохожій, можетъ-быть, прошелъ и не замѣтилъ, что онъ совершилъ, какое горе внесъ въ муравейникъ, потому что

Digitized by Google

онъ не злодѣй, не злоумышленникъ, а только орудіе иной силы.

— Это извозчикъ поджогъ, извозчикъ!—замѣтилъ кто-то въ толпѣ, нетерпѣливо перебивая плавную и наставительную рѣчь старика.

— Да, мнѣ уже разсказывали объ этомъ,—серьезно отвѣтилъ господинъ съ орденомъ на шеѣ.—Я такъ и думалъ. Я и извозчика этого видѣлъ своими глазами. Вышли мы, какъ я сказалъ, отъ Орловыхъ позже всѣхъ гостей, мой партнеръ отправился на Пески и сталъ звать проѣзжавшаго по улицѣ извозчика, а тотъ ѣхалъ на квартиру и не согласился его везти. Они еще крупно побранились, и мнѣ показалось, что извозчикъ былъ подъ хмелькомъ.

— Да, да, пьяненькій былъ, — заговорилъ кто-то въ толпѣ. — Это вѣрно!

— Ужъ, конечно,—подхватилъ другой голосъ:— на ночь на квартиру ѣхалъ, такъ въ головѣ безпремѣнно было, безъ этого нельзя, потому тамъ въ кабакѣ али въ трактирѣ залилъ, день-то весь ѣздимши.

— Ну, да!.. А пріѣхалъ домой, легъ съ трубкой и заснулъ, — объяснялъ кто-то процессъ поджога. — И самъ сгорѣлъ: должно-быть, задохнулся отъ дыму и сгорѣлъ.

— Вѣчно отъ этихъ трубокъ несчастье! Вотъ человѣкъ отъ одной неосторожности и себя погубилъ, и другимъ несчастіе принесъ, — размышлялъ съ глубокомысленнымъ видомъ господинъ съ орденомъ на шеѣ.—А я еще, признаюсь, посмѣялся, когда онъ не повезъ моего знакомаго пріятеля,— посмѣялся, что такъ сердится. И вотъ ужъ не могъ подумать, что отъ этого паршиваго мужичонки столько горя будетъ.

— Не отъ мужичонки, не отъ мужичонки,—проговорилъ тѣмъ же степеннымъ и наставительнымъ тономъ старикъ въ плюшевомъ картузѣ. — Мужичонко — это тотъ прохожій, который, самъ того не зная, задѣваетъ на ходу ногой за муравьиную кучу, это то слѣпое орудіе, которое держитъ въ своихъ рукахъ Онъ, невѣдомый и непостижимый, обуздывающій нашу гордыню, научающій насъ смиренію и доказывающій суетность нашихъ замысловъ. Самъ этотъ мужичонко тутъ не при чемъ.

— Такъ, значитъ, вы не согласны, что извозчикъ поджогъ? — насмѣшливо произнесъ господинъ съ орденомъ. — Отрицаете очевидный фактъ! Вѣдь всѣ говорятъ...

— Да какъ же не извозчикъ? Конечно, извозчикъ!—за-

Digitized by Google

говорили разомъ голоса въ толпѣ.—Вонъ его и тѣло нашли, уголь-углемъ сдѣлался, и не разберешь, что человѣкъ былъ. Съ него все и началось, а то съ кого же?

— А вы все-таки не согласны?—съ иронiей сказалъ солидный чиновникъ.—Такъ кто же это, по вашему мнѣнiю, пожаръ-то произвелъ?

Старикъ усмѣхнулся и коротко произнесъ:

— Богъ!

Толпа вдругъ точно разочаровалась въ своихъ ожиданiяхъ при этомъ отвѣтѣ, и голоса окружавшихъ старика людей заговорили какимъ-то холоднымъ, равнодушнымъ тономъ:

— Это что говорить! Конечно, безъ Бога волосъ съ головы не упадетъ... Все отъ Бога... Безъ Бога не до порога...

Кто-то даже замѣтилъ:

— А все же на Бога надѣйся, а самъ не плошай!

Старикъ неторопливо обернулся къ произнесшему эту послѣднюю фразу и спокойно спросилъ его:

— Что же ты-то оплошалъ, Дементiй, когда жена у тебя отъ испуга, что собака залаяла и бросилась на нее, умерла послѣ родовъ? Въ Бога-то больше вѣрили бы, тогда бы и не приходилось плошать, а знали бы, что захочетъ Онъ— и отъ одного лая собачьяго умрешь, не захочетъ—и бѣшеная собака мимо тебя пройдетъ, не тронувъ тебя. А у васъ все одна пѣсня: того злые люди сгубили, другого собака заѣла, третьяго извозчикъ поджогъ... Ну, и отбивайтесь отъ нихъ, высматривайте, откуда бѣда идетъ, стройте муравьиныя кучи, а Онъ... вотъ теперь повернетъ вѣтеръ вправо— вправо все сгоритъ, повернетъ вѣтеръ влѣво — влѣво все огнемъ смететъ, усмиритъ стихiю—и, какъ свѣча, догорятъ эти дома и потухнутъ.

Старикъ повернулся, не обращая вниманiя ни на кого, и направился вдоль по улицѣ, медленно пробираясь сквозь толпу.

— Поврежденный, какъ есть поврежденный! — сказалъ кто-то.

— Это, кажется, отставной учитель Лампадовъ? — спросилъ господинъ съ орденомъ.

— Онъ самый и есть. Мохомъ, почитай, поросъ. Какъ сычъ, сидитъ у себя да часы мастеритъ, да чинитъ, ровно настоящiй часовщикъ. Диво, какъ это онъ вышелъ сюда. Развѣ только, что Орловы-то сродственники приходятся, такъ потому прибрелъ посмотрѣть.

Digitized by Google

Молоденькій офицерикъ въ это время привелъ солдатъ и, разставляя ихъ около спасеннаго скарба, съ озабоченнымъ видомъ, строгимъ тономъ приказывалъ не допускать къ вещамъ никого чужого.

— Батюшка, ваше благородіе, да кто же тутъ чужой-то?— протестовала противъ этого приказанія какая-то старушонка, копошившаяся среди хлама.—Здѣсь, почитай, что всѣ свои, захолустенскіе. Какіе же это такіе чужіе-то тутъ могутъ быть? Слава тебѣ, Господи, всѣ сколько годовъ вмѣстѣ живемъ.

Какой-то молодой мастеровой, какъ видно, не мало поработавшій на пожарѣ и проходившій въ эту минуту мимо старушонки, отирая рукавомъ рубахи покрытое копотью и потомъ лицо, крикнулъ на ходу шутливымъ тономъ:

— Ай-да, тетка Матрена, не давай захолустенскихъ въ обиду!

Черезъ минуту тотъ же молодой голосъ гдѣ-то уже довольно далеко беззаботно пѣлъ:

«Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ
Сизый селезень плыветъ...»

Пожаръ, между тѣмъ, ужъ окончательно утихъ, и толпа начала рѣдѣть. Занималось сѣрое утро.

II.

На противоположной сторонѣ улицы, въ томъ мѣстѣ около стараго забора, куда сваливали спасаемыя вещи, на грудѣ перинъ и подушекъ среди разнаго кухоннаго хлама и домашней рухляди, сидѣлъ, скорчившись отъ холода, ребенокъ. Это былъ семилѣтній мальчикъ. На немъ была надѣта только сорочка, какія носятъ дѣвочки, съ короткими рукавчиками, съ открытымъ воротомъ. Онъ не плакалъ, но сжимался отъ страха и холода, расширенными глазами смотря на горящіе дома, на толкотню народа. Нѣсколько минутъ тому назадъ сестра подняла его съ постели и передала матери, та опять передала его кому-то, его протащили сквозь дымъ на улицу, опустили на груду перинъ у забора и, сказавъ: «сиди!»—ушли прочь. Съ нимъ поступили, какъ съ вещью. Все это было похоже на страшный сонъ; мальчикъ, казалось, не могъ никакъ очнуться отъ этого сна. Онъ не помнилъ, долго ли онъ просидѣлъ такъ, прежде чѣмъ его замѣтили какія-то двѣ женщины, едва не навалившія на него груду разнаго тряпья.

— Митревна, да вѣдь это Митя Орлихинскій!—воскли-

Digitized by Google

нула одна изъ нихъ. — Смотри-ка, смотри, въ одной рубашоночкѣ, голубчикъ! Орлиха-то совсѣмъ, видно, голову потеряла: о коровѣ воетъ, а сынъ въ одной рубашонкѣ на холоду, какъ чурка, валяется!

— Потеряешь голову, какъ послѣднее добро горитъ, — отвѣтила другая женщина.—Только продохнули немного и, на-поди, всего опять рѣшились! Домъ-то, Кузьминична, сама, чай, знаешь, еще Пахомову заложенъ, а теперь и долгъ на шеѣ, и дома нѣтъ.

— А Анна-то Андреевна куда дѣвалась? Ее бы отыскать,— сказала Кузьминична.

— Дѣдку повела! Приключилось съ нимъ что-то, съ испугу,—отвѣчала Митревна.—Сама видѣла, какъ волокомъ его поволокли. И руки, и ноги отнялись... Вотъ ужъ справедливо говорится, что бѣда не приходитъ одна.

Кузьминична въ это время уже успѣла стащить съ себя большой платокъ и закутать въ него ребенка. Ребенокъ былъ довольно великъ и плотенъ, но она все-таки подняла его на руки.

— Ты куда же его берешь?—спросила Митревна.

— Да къ намъ на квартиру отнесу. Все въ теплѣ побудетъ, — не здѣсь же ему погибать! — отвѣчала Кузьминична.—Чай, и Орлиха къ намъ переберется на время. Комната у насъ пустуетъ ужъ которую недѣлю. Другой комнаты въ улицѣ теперь нѣтъ порожней.

Кузьминична потащила ребенка, ласково приговаривая ему:

— Ишь ты, родимый, охолодѣлъ какъ! Ножонки, какъ ледъ, холодныя...

На ходу она плотнѣе укутывала его въ платокъ и торопилась дотащить до своего жилища, продолжая громко говорить. Не прошло и пяти минутъ, какъ ребенокъ былъ внесенъ черезъ рядъ темныхъ коморокъ съ старыми ширмами и пестрыми занавѣсками у кроватей въ большую, почти пустую комнату и положенъ на постель.

— Ну, спи, голубчикъ, спи, пока мать и сестра придутъ,—говорила ему Кузьминична.—Тоже мать съ ногъ сбилась. Коровушку-то вывести не могла.

— А буренушка тоже сгорѣла?—прошепталъ мальчикъ.

— Не знаю, родной, не знаю! Вотъ побѣгу помогать,— тоже свои люди! Слава Богу, не первый годъ въ одной улицѣ живемъ.

Кузьминична провела по головкѣ мальчика шершавой, грубой рукой и скрылась.

Digitized by Google

Онъ остался одинъ въ темной комнатѣ. Ему не спалось. Теперь передъ нимъ еще ярче, чѣмъ за минуту передъ тѣмъ рисовалась картина пожара. Въ его ушахъ звенѣли голоса толпы, крики матери о коровѣ, мычанье бѣднаго животнаго, и ему стало такъ жаль буренушку, этого друга дома, поившаго всю семью молокомъ, служившаго предметомъ постоянныхъ толковъ и заботъ для семьи, часто проводившей вечера въ разговорахъ о томъ, что стоитъ и что даетъ эта буренушка. И мать, и отецъ мальчугана называли ее «доброю коровой». «И барбоска, вѣрно, тоже сгорѣла», промелькнула вдругъ мысль въ головѣ мальчика, и ему стало еще тяжелѣе при этой мысли, чѣмъ при мысли о сгорѣвшей буренушкѣ. Барбоска была совсѣмъ простой дворняжкой, лохматой, неуклюжей, грязной: у нея даже имени не было, потому что «барбоска» и «собака» для жителей Захолустной улицы были равнозначущими названіями. Когда барбоска шесть лѣтъ тому назадъ пристала къ старой лачугѣ Орлихи, никто и не позаботился объ ея кличкѣ. «Какая-то барбоска пристала ко двору», сказали въ домѣ и больше не безпокоились о ней. Барбоска сама прокармливала себя: гдѣ-то около помойной ямы появлялись у нея другія маленькія барбоски, потомъ онѣ разбѣгались, а старая барбоска оставалась вѣрна орлихинскому Митѣ. Онъ и спалъ иногда съ ней, и дралъ ее за косматыя уши, и ѣздилъ на ней верхомъ. Господи, какъ ему стало ее жаль теперь! Слезы даже навернулись ему на глаза, когда въ его воображеніи такъ ярко-ярко нарисовалась картина пожара, послышались мычанье буренушки и вой барбоски, такой протяжный жалобный вой, взывающій о помощи. Но помощи нѣтъ ни откуда,—люди таскаютъ какую-то рухлядь, перины, сундуки, стулья, всѣ мечутся, какъ угорѣлые. А пламя все ярче и ярче разгорается: вотъ красные огненные языки поднялись къ самому небу, вотъ они разрослись въ ширину, добрались до того дома, куда отнесенъ Кузьминичной орлихинскій Митя, начинаютъ добираться до его постели — и душно, и жарко становится ему, а гдѣ-то такъ близко-близко уже не воетъ, а слабо взвизгиваетъ барбоска...

Митя открылъ глаза: комната, наполненная всевозможнымъ опаленнымъ скарбомъ, была озарена яркимъ утреннимъ солнцемъ. Тутъ были и поломанные столы и стулья, и подмоченныя перины и подушки въ грязныхъ наволочкахъ, и никуда негодныя картонки отъ шляпъ. Все это ле-

Digitized by Google

жало въ кучѣ, было наворочено одно на другое, безпорядочно, кое-какъ, піздавало непріятный запахъ гари. Среди этого хаоса копошились люди—и мать мальчугана, и Кузьминична, и Митревна, разбираясь среди спасеннаго скарба, точно тряпичники, разгребающіе сорную яму. Но ни эти вещи, ни эти люди не завладѣли вниманіемъ Мити: прежде всего онъ увидѣлъ и услышалъ, что недалеко отъ него около разбирающихъ вещи людей виляетъ хвостомъ и слегка радостно взвизгиваетъ его барбоска.

— Цыцъ! — тихо, но строго прикрикивала на нее мать Мити, грозя ей пальцемъ. — Мальчишку еще разбудитъ, — поясняла она Кузьминичнѣ.—И такъ напугался да назябся сюдной.

— Ужъ какъ не напугаться-то, какъ не назябнуться-то было,—также тихо проговорила Кузьминична.—Подошла это я съ узломъ, чтобы все на перины свалить, и чуть его не задавила: сидитъ онъ это, скорчившись, голубчикъ, таращитъ глазенки, и ни духу, ни послушанія отъ него, ровно застылъ онъ.

Она уже въ десятый разъ разсказывала всѣмъ и каждому, дома и на улицѣ, какъ она спасла орлихинскаго Митю.

— Забыла, забыла совсѣмъ о немъ,—отвѣтила Орлова.— Голову потеряла, дура окаянная! Добро спасаю, а свое дитя бросила. А для кого и коплю все, для кого и бьюсь, какъ не для него?

— Да ужъ что говорить, единственный наслѣдникъ!—согласилась Кузьминична.—Для него живете.

— Истинно, видитъ Богъ, для него, — со вздохомъ сказала Орлова.—Намъ что съ Андреемъ Ивановичемъ? Немного ужъ нужно! шесть досокъ да земли клочокъ—вотъ и все! Его поднять хочется.

И такой мягкостью, такой лаской звучали теперь голоса этихъ женщинъ, что Митя не узнавалъ ихъ. Онъ еще не слыхалъ, чтобъ его мать или Кузьминична говорили когда-нибудь такимъ тономъ. У здоровой, плотной и коренастой Орлихи было всегда столько хлопотъ и по дому, и по кухнѣ, и съ коровой, что ей было вовсе не до нѣжностей. Иногда она даже очень грубо кричала сыну: «чего подъ ноги суешься!»— и давала ему шлепка по мягкой части тѣла. Правда, потомъ, когда онъ долго ревѣлъ, она широкою рукой смазывала его по головѣ и на ходу, возясь съ ухватами и горшками, совала ему кусокъ пирога, отрывисто говоря: «Ну, на, ѣшь!» Этимъ и оканчивалась ласка и примиреніе. Кузь-

Digitized by Google

минична, мѣщанка-торговка старымъ платьемъ, та обыкновенно еще грубѣе относилась вообще ко всѣмъ ребятишкамъ Захолустной улицы, а въ ихъ числѣ и къ Митѣ. Тащась съ ворохомъ стараго платья и съ узлами въ рукахъ, когда дѣти играли на немощеной и пыльной улицѣ въ бабки, она постоянно ворчала на нихъ:

— У, пострѣлята, чтобъ васъ не было! Еще подшибете бабками. Намеднись тоже курицу зашибли и виноватаго не нашлось. Пропасти-то на васъ нѣтъ!

Кузьминична дѣлала при этомъ грозное лицо, а дѣти отвѣчали ей насмѣшками и криками:

— Стараго платья продать! Стараго платья продать!..

На эти крики Кузьминична только плевала съ раздраженіемъ и призывала на дѣтей «халеру» и «моръ».

Барбоска первая замѣтила пробужденіе орлихинскаго Мити, подбѣжала, съ визгомъ виляя хвостомъ, къ сѣвшему на постели мальчику, поднялась на заднія лапы, положила переднія на перину и лизнула мальчугана прямо въ лицо. Онъ разсмѣялся и, схвативъ ее за лохматыя уши, притянулъ ее къ себѣ.

— Мамка, и буренушка не сгорѣла?—громко спросилъ онъ.

— Ишь, воевода проснулся!—проговорила шутливо Кузьминична.—Молока, видно, захотѣлъ. Теперь, братъ, не до молока ужъ, все погорѣло!

— Ну, вставай, вставай! Сейчасъ чай будемъ пить,— сказала мать и подошла къ нему.

Она наклонилась надъ нимъ, прижала его голову къ своей широкой груди и вдругъ горько разрыдалась. Съ усиліемъ и долго подавляемыя слезы лились теперь неудержимо. Она все утро бодрилась и даже старалась шутить, но теперь напускная бодрость вдругъ исчезла, и горе прорвалось наружу. Мальчикъ никогда не видѣлъ прежде, чтобъ его мать когда-нибудь плакала, и смутился, и оробѣлъ.

— Мамка, все у насъ сгорѣло?—совсѣмъ упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Все, голубчикъ, все!—отвѣтила она, рыдая.

— Полно, голубушка, Марья Ѳедоровна, убиваться,— ласково замѣтила ей Кузьминична.—Богъ взялъ, Богъ и дастъ.

— Да, да, на Него только и надежда,—отвѣтила Орлова, всхлипывая.—Сама знаю, что грѣхъ роптать, а не могу. Легче вотъ стало, какъ поплакала.

Она быстро стала отирать слезы и поспѣшила снова при-

Digitized by Google

няться за разборку вещей. Ей, казалось, хотѣлось забыть, заглушить свое горе среди работы, среди движенія, среди физическихъ усилій. Она какъ будто сердилась на свое малодушіе, какъ будто стыдилась его. До этой поры люди знали ее, какъ непоколебимо-твердую, выносливую и гордую женщину, ни на что не роптавшую, никому не жаловавшуюся на свою судьбу, какъ бы ни приходилось плохо.

— Да ты скажи, буренушка-то сгорѣла?—снова раздался вопросъ мальчика.

— Не сгорѣла, не сгорѣла, вставай только! — отрывисто отвѣтила мать, глотая слезы. — Прибрать вотъ все надо, устроиться... Теперь работы-то по горло,—не до разговоровъ...

Играя съ собачонкой, мальчикъ сталъ одѣваться. Онъ вовсе еще не сознавалъ размѣровъ постигшаго его семью несчастья. Женщины снова усердно занялись разборкой и уборкой спасенной рухляди. Марья Ѳедоровна дѣлала свое дѣло порывисто, торопливо, точно на кого-то или на что-то сердилась. Но иногда, вытащивъ какое-нибудь испачканное грязью, совсѣмъ еще мокрое, полуобгорѣвшее платье и встряхнувъ его, она вдругъ опускала его на полъ, точно ей не подъ силу было его удержать, и закрывала руками лицо, заливаясь слезами. Кузьминична и Митревна переглядывались между собою и, вздыхая, сочувственно качали головами, точно говоря: «убивается о своемъ добрѣ, голубушка!» Иногда Кузьминична была не въ силахъ сохранить молчаніе и спрашивала:

— Да неужто это то крепрашелевое платье, орельдурсоваго цвѣта, что ты, голубка, къ именинамъ-то дѣлала?

— Оно, оно,—со слезами отвѣчала Марья Ѳедоровна.

— Господи, тряпка тряпкой стало! — вздыхала Кузьминична.—Куда теперь годится!..

Марья Ѳедоровна безнадежно махала рукой, какъ бы говоря этимъ жестомъ, чтобы не растравляли ея ранъ. И безъ разговоровъ было тяжело. Но эти минуты слабости быстро проходили, и Орлова еще энергичнѣе принималась за дѣло, сдвинувъ брови и поджавъ губы. Не даромъ же говорили про нее обыватели Захолустной улицы: «корольбаба!» А ужъ они ли не знали ея: Орлиха выросла въ Захолустной улицѣ, замужъ здѣсь вышла и вотъ давно уже матерью сдѣлалась, а все изъ Захолустной улицы не выѣзжаетъ.

Исторія Орловыхъ была простая будничная исторія той голи, которая носитъ названіе въ обществѣ «мелкаго чи-

Digitized by Google

новничества» и «канцелярскихъ крысъ» на жаргонѣ захолустенскихъ обывателей. Дитя промотавшейся и обнищавшей помѣщичьей семьи, образованная по-старому, то-есть почти совсѣмъ не образованная, и оставшаяся чуть не безъ куска хлѣба на мостовой послѣ смерти отца и матери, Марья Ѳедоровна очень молодою дѣвушкой вышла замужъ за Андрея Ивановича Орлова, молоденькаго мелкаго канцеляриста, едва сводившаго концы съ концами. Молодые люди страстно любили другъ друга и потому въ будущее не заглядывали, а захолустенскіе обыватели, смотря сочувственно на браки вообще, говорили:

— Отчего дѣвкѣ было и не выйти, благо добрый человѣкъ навернулся. Все равно съ голоду помирать бы пришлось.

Долго бились молодые супруги съ нуждой, бились, какъ бьются сотни и тысячи подобныхъ людей, добавляя къ жалованью кое-какіе гроши частною работой. Андрей Ивановичъ, маленькій, худенькій и сдержанный человѣкъ, не имѣлъ никакихъ особенныхъ знаній, никакихъ талантовъ, никакихъ протекцій, но это былъ покорный рабочій волъ, готовый безропотно просиживать цѣлые дни и ночи надъ перепиской бумагъ, не разгибая спины. Его считали добрымъ, честнымъ и трудолюбивымъ человѣкомъ и только. Никто не видѣлъ въ немъ ничего оригинальнаго, ничего характернаго; онъ былъ не разговорчивъ въ обществѣ; онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ среды своихъ юныхъ товарищей, игралъ такъ же, какъ они, на гитарѣ, и такъ же, какъ многіе изъ нихъ, сентиментально пережилъ эпоху своего высшаго блаженства, эпоху первой и послѣдней любви, кончившейся свадьбой и удвоеніемъ работы. Марья Ѳедоровна была одной изъ тѣхъ бойкихъ русскихъ женщинъ, отъ которыхъ вѣетъ здоровьемъ и силой. Хорошо ли ее воспитали и обучали, это было трудно опредѣлить сразу; но что ее хорошо выкормили, это было видно при первомъ взглядѣ на нее. Узкіе лифы и корсеты не сдавливали этой полной груди и этой широкой таліи, а плотныя и загорѣлыя руки, повидимому, привыкли не столько къ ношенію перчатокъ, сколько къ работѣ. Она умѣла не только работать, но умѣла искать работу, не тяготилась обходить десятки магазиновъ, чтобы только запастись заказами. Въ ея бойкомъ умѣ вѣчно роились новые планы, новыя мечты о заработкахъ и доходахъ. Однимъ изъ этихъ плановъ было пріобрѣтеніе коровы, и она сумѣла откладывать по грошамъ, чтобы купить корову и начать продавать молоко и сливки.

Digitized by Google

По ея же мысли, ея мужъ и она стали дѣлать свѣтильни для лампадъ, игрушки для вербъ, фонарики для елокъ. Она часто, смѣясь, говаривала, что еслибъ у нея было десять рукъ, такъ ей и того было бы мало. Она отбивалась отъ нужды, какъ отъ злого и хитраго врага, стараясь обмануть его или застать врасплохъ. Она не допивала и не доѣдала, чтобъ отложить на черный день грошъ—этотъ вѣрный признакъ побѣды надъ нуждой. Но, къ несчастью, нужда отвѣчала ей болѣзнями и смертью дѣтей, пожирая эти отложенные гроши. Эта борьба длилась не годъ, не два: Андрей Ивановичъ успѣлъ высохнуть и получить геморроидальный цвѣтъ лица. Марья Ѳедоровна успѣла потерять красоту и свѣжесть молодости, сильно огрубѣвъ среди черной работы, какъ вдругъ судьба сжалилась надъ ними: имъ достался въ наслѣдство клокъ земли почти съ развалившимся домомъ. Это случилось какъ разъ во время рожденія Мити, и Орловы увидали въ этомъ предзнаменованіе. Они переѣхали въ свой домъ, и всѣ ихъ помыслы направились теперь къ одной мысли—къ постройкѣ новаго дома. Въ старой лачугѣ можно было прожить недолго, такъ какъ она грозила полнымъ разрушеніемъ, продать же мѣсто—это значило идти противъ самого Бога. Развѣ не самъ Богъ ниспослалъ эту землю на долю Мити? Развѣ могло это сдѣлаться такъ, случайно? Да, наконецъ, какое свѣтлое будущее ждетъ ихъ, когда они построятъ домъ, отдадутъ понемногу долги, сдѣланные при его постройкѣ, начнутъ получать доходъ съ жильцовъ. Эти мечты и планы спасли ихъ еще на шесть, на семь лѣтъ отъ отчаянья, уже начинавшаго овладѣвать ими въ безплодной борьбѣ съ нищетой. Они точно снова ожили и воскресли отъ надеждъ на свѣтлое будущее, и вся Захолустная улица была заинтересована ихъ проектами.

— А Орловы-то новый домъ собираются строить!

Эта фраза говорилась и повторялась на всѣ лады, и къ чести захолустенцевъ надо сказать, что къ ней всегда прибавлялось доброе пожеланіе съ замѣчаніемъ:

— Ну, да и побились же они!

И вдругъ всѣ эти мечты рухнули разомъ: впереди снова стоялъ призракъ прежней нужды, прежней борьбы, безъ прежней бодрости, безъ прежней силы. Нужно было имѣть такую силу воли, какою была надѣлена Орлова, чтобы не пасть сразу подъ этимъ ударомъ судьбы среди всѣхъ этихъ обломковъ и обрывковъ всего домашняго скарба, скоплен-

Digitized by Google

наго въ теченіе долгихъ-долгихъ лѣтъ. Орлова пересиливала свое горе съ упорствомъ гордой женщины, никогда никому не кланявшейся, никогда ни передъ кѣмъ не хныкавшей. никогда ни къ кому не ходившей за совѣтомъ и за помощью. Чего это стоило ей, знала только она сама.

III.

— Ума не приложу, гдѣ мы свои головы приклонимъ,— говорила въ своей семьѣ Орлова чуть не каждый день послѣ пожара. — И при покойныхъ родителяхъ въ своемъ домѣ жила, и вотъ въ эти семь лѣтъ къ своему углу опять пристроилась, а теперь опять ходи, ищи себѣ пріюта... Кажется, въ дворницкой конурѣ приткнулась бы теперь, только бы знать, что это собственный уголъ, а не чужой, не наемный...

Этотъ вопросъ—вопросъ о наймѣ новой квартиры—сдѣлался для Орловыхъ злобой дня. Оставаться въ комнатѣ, занятой поневолѣ на время, было слишкомъ тяжело для семьи, привыкшей жить осѣдло, своимъ хозяйствомъ. Но какую нанять квартиру? Этотъ вопросъ обсуждался всѣми членами семьи ежедневно, вызывая разныя соображенія, разные расчеты. Устроиться хотѣлось и поудобнѣе, и подешевле. При маленькой квартирѣ нечего было и думать найти помѣщеніе для коровы, а продать корову значило лишиться извѣстнаго дохода. Опытъ же прошлыхъ лѣтъ показывалъ, насколько выгодна продажа молока и сливокъ. Взять квартиру побольше однимъ было невыгодно. Приходилось остановиться на мысли нанять комнаты три и двѣ отдать жильцамъ.

— Можетъ-быть, попадутся и смирные, только бы баб не пришлось пускать, а то сплетенъ, да пересудовъ, да дрязгъ не оберешься,—разсуждала Орлова.

Этотъ планъ и рѣшились привести въ исполненіе. Вопросъ, гдѣ нанять квартиру, даже и не обсуждался,—такъ привыкла семья къ Захолустной улицѣ. Выѣхать изъ Захолустной улицы ей казалось просто немыслимымъ, такъ какъ и она всѣхъ знала, и ее всѣ знали. Уѣхать отсюда значило уѣхать на чужую сторону, покинуть родину. Орловы, подобно всѣмъ захолустенцамъ, когда имъ приходилось ходить въ Гостиный дворъ или на Невскій проспектъ, говорили, что они ходили «въ городъ», точно они жили не въ городѣ, а гдѣ-то въ пригородной деревнѣ. Подходящая квартира въ Захолустной улицѣ нашлась. Она была не особенно ка-

Digitized by Google

зиста, но теперь было не до заботъ о внѣшности. «Не до наживы, а были бы живы»,—говорила, вздыхая, Орлова. Квартира имѣла одно достоинство, но оно было самое важное,—она была дешева, такъ какъ помѣщалась въ полуразвалившемся домѣ, и ея окна касались земли. Это былъ не подвалъ, но первый этажъ вроставшаго въ землю дома. Семья стѣснилась въ одной комнатѣ, раздѣленной на двѣ части драпировкою, и въ кухнѣ. Въ двѣ лучшія комнаты нашлись скоро посторонніе жильцы изъ холостыхъ сослуживцевъ Орлова. За драпировкой устроили постель «для дѣдки», съ трудомъ подымавшагося съ мѣста, и примостили у стѣны дощечки для Мити. Въ другой половинѣ комнаты на диванѣ спала Анна Андреевна. Въ кухнѣ была спальня Марьи Ѳедоровны и Андрея Ивановича. Вздохи и слезы Марьи Ѳедоровны нѣсколько утихли, покуда семья жила на бивуакахъ, покуда нужно было хлопотать о пріобрѣтеніи разныхъ грошей и о наймѣ своего угла да скрывать отъ чужихъ людей свое горе; но теперь, когда пришлось снова обставлять свой уголъ и приниматься за хозяйство, горе опять охватило сердце бѣдной женщины и вырвалось наружу. Въ своей семьѣ, въ своихъ четырехъ стѣнахъ она не стыдилась своихъ слезъ. Разставляя мебель, Орлова замѣчала, что «вотъ тутъ хорошо бы диванчикъ поставить», и вдругъ ей вспоминался ихъ заново обитый пестрымъ ситцемъ диванъ, сгорѣвшій въ новомъ домѣ, и у нея перехватывало голосъ. Порой вдругъ встрѣчалась надобность въ какой-нибудь кочергѣ или сковородникѣ, а между тѣмъ этихъ вещей не находилось, и въ умѣ домовитой хозяйки болѣзненно повторялась, какъ ударъ молота, мысль: «и все было, все было и ничего теперь нѣтъ». Иногда, подъ вліяніемъ этихъ думъ, въ сердцѣ Орловой стала появляться какая-то смиренная безотвѣтная покорность Провидѣнію; порою это горячее сердце вдругъ начинало волноваться, протестовать, съ языка срывался ропотъ на Бога, на лицѣ появлялось выраженіе озлобленія и ожесточенія.

— Красть не умѣли, оттого и нищими стали, а крали бы, такъ капиталецъ бы былъ,—срывалось у нея съ языка въ эти минуты раздраженія.—Какъ посмотришь на свѣтъ, да на людей, такъ и увидишь, кто живетъ-то припѣваючи: одни христопродавцы, да кровопійцы. Съ ближняго шкуру сдерутъ,—ну, имъ и не холодно!

Эта неровность, появившаяся въ ея характерѣ, отзывалась иногда на домашнихъ—на мужѣ, на дочери, на сынѣ.

Digitized by Google

Эти люди частенько слышали, что они только подъ ногами суются, что они только обувь треплютъ, что они только и знаютъ, что ѣсть, когда въ домѣ всего въ обрѣзъ. Иногда же они видѣли слезы Марьи Ѳедоровны и слышали, какъ она говорила:

— Хоть бы прибралъ меня Господь, сама себѣ въ тягость стала, всѣхъ пилю, всѣхъ поѣдомъ ѣмъ, точно ржа желѣзо, когда только въ мирѣ, да въ согласіи все и счастье осталось.

Дѣйствительно, никогда она еще не бывала такою несправедливою къ ближнимъ и никогда не ощущала такъ болѣзненно малѣйшей несправедливости, нанесенной ею же самою.

Никто не понималъ, не угадывалъ чутьемъ этого такъ отчетливо и ясно, какъ Анна Андреевна. Эта незамужница, какъ ее прозвали чуть ли не съ шестнадцатилѣтняго возраста, сильно поблѣднѣвшая, сильно похудѣвшая за послѣднее время, дошла до той степени нервной впечатлительности, когда люди просыпаются ночью отъ заглушаемыхъ рыданій, раздающихся въ другой комнатѣ, когда по одному рѣзкому жесту, по мимолетному выраженію лица угадываются цѣлыя драмы, совершающіяся въ чужой душѣ, когда человѣкъ начинаетъ жить вѣчно на-сторожѣ, чутко прислушиваясь къ чему-то, пугливо ожидая чего-то, точно вотъ-вотъ сейчасъ должно случиться какое-то несчастіе. Анна Андреевна, угадывая все, что переживала мать, стихла еще больше прежняго, работала еще усерднѣе, чѣмъ когда-нибудь, сносила все еще безропотнѣе, чѣмъ въ былые дни. Она, казалось, даже не замѣчала, что иногда ея рука сама собою переставала шить, а глаза устремлялись безсмысленно въ одну точку, что иногда ея работа дѣлалась мокрою отъ капавшихъ на эту работу слезъ.

Это настроеніе семьи, походившее на настроеніе близкихъ родныхъ, возвратившихся въ опустѣвшій домъ послѣ похоронъ любимаго человѣка, дѣлалось еще безотраднѣе вслѣдствіе присутствія въ домѣ больного дѣдки. Параличъ, разбившій во время пожара престарѣлаго отставного служаку изъ «сдаточныхъ», дотянувшаго до офицерскаго званія, почти лишилъ его возможности управлять одною ногой и одною рукой и сильно повліялъ на его умственныя способности. Старикъ говорилъ невнятно, перезабылъ все происходящее вокругъ него и помнилъ только отдаленную старину. Всѣ давно умершіе его сверстники и сослуживцы представлялись ему живыми, и онъ то собирался къ нимъ въ гости,

Digitized by Google

то приказывалъ пригласить ихъ къ нему. Бредъ всегда производитъ тяжелое впечатлѣніе, наполняя душу непонятнымъ, таинственнымъ и, можетъ-быть, отчасти суевѣрнымъ страхомъ. Здѣсь же этотъ бредъ дѣйствовалъ еще тяжелѣе, раздаваясь по цѣлымъ днямъ среди могильной тишины, среди мертваго безмолвія, среди тоскливо настроенныхъ людей. Семьѣ было не до особенныхъ ухаживаній за старикомъ, когда нужно было думать о насущномъ хлѣбѣ; самъ Андрей Ивановичъ, сдѣлавшійся еще болѣе молчаливымъ и сосредоточеннымъ, почти не бывавшій дома, работалъ, какъ волъ, оставался иногда въ должности по цѣлымъ суткамъ, ради лишняго заработка дежуря за другихъ, переписывая за другихъ бумаги; Марья Ѳедоровна металась изъ угла въ уголъ, вся поглощенная приведеніемъ въ порядокъ хозяйства и домашнею обыденною работой; Анна Андреевна шила, не разгибая спины, молча, безропотно и покорно. Старикъ иногда просто становился въ тягость этимъ людямъ своею косноязычной болтовней, своими безумными выходками, нерѣдко переходившими въ буйство. Но у него, къ счастью, нашелся слушатель и товарищъ.

Митя сильно присмирѣлъ послѣ пожара: испугъ, произведенный этимъ несчастіемъ, раздражительность матери, тоскливое настроеніе сестры, тишина въ домѣ—все это повліяло на ребенка подавляющимъ образомъ, и онъ какъ будто немного захирѣлъ. Его теперь рѣже отпускали на улицу, у него не было простора дома, онъ не могъ зазывать къ себѣ пріятелей, такъ какъ они мѣшали, совались подъ ноги и пачкали полы, а Марья Ѳедоровна теперь опять сама мыла полы. И мальчикъ началъ мало-по-малу засиживаться подлѣ дѣдки. Дѣдъ по цѣлымъ часамъ, не умолкая, разсказывалъ внуку про Аракчеева, про двѣнадцатый годъ, про четырнадцатое декабря, про наводненіе, про холеру, про все, что въ прошломъ выдѣлялось, какъ яркія пятна, на сѣренькомъ фонѣ однообразной, будничной жизни старика. Это были не то дѣйствительныя воспоминанія бывалаго человѣка, не то полуфантастическія легенды, сотканныя на канвѣ пережитыхъ историческихъ событій. Передъ мальчикомъ открывался новый міръ, таинственный, завлекательный и широкій, вовсе не похожій на будничную жизнь Захолустной улицы. Ребенокъ иногда словно застывалъ, когда полусумасшедшій старикъ съ огромной, косматой, сѣдою головой, торопясь и не договаривая фразъ, сильно жестикулируя и сверкая глазами,

Digitized by Google

описывалъ битвы и бунты, отрывисто выкрикивая глухимъ голосомъ:

— Пли! Пифъ-пафъ!.. Бей ихъ! Бацъ-бацъ!..

По тѣлу ребенка пробѣгала дрожь, глазенки расширялись, и онъ съ открытымъ ртомъ, смотря на эту всклокоченную, сѣдую голову, видѣлъ яркія, страшныя картины, переживалъ всѣ ужасы этихъ новыхъ для него сценъ,—сценъ давно прошедшей старины. Массы людей, проходящихъ сквозь строй на смерть, тысячи труповъ на полѣ сраженія, горящая со всѣхъ сторонъ Москва, бунтующій на площади народъ, мрачныя висѣлицы съ качающимися подъ ними трупами, смоленые гробы на телѣгахъ, тянущихся вереницей къ кладбищу, могучій царь, во весь ростъ стоящій въ коляскѣ и громовымъ голосомъ повелѣвающій народу: «На колѣни, молитесь!»— все это, какъ въ калейдоскопѣ, проходило въ его воображеніи. А зимнія сумерки постепенно все сгущались и сгущались кругомъ, наполняя комнату тьмою, и при славомъ свѣтѣ теплящейся у образа лампады и эта комната, и ея драпировка, и образъ дѣда—все принимало какія-то странныя, неясныя и измѣнчивыя формы, и ребенку становилось и хорошо, и жутко. Бывало, стоило въ это время чему-нибудь упасть въ комнатѣ, кому-нибудь стукнуть въ окно или крикнуть на улицѣ, и у ребенка мгновенно сбѣгала краска съ лица,—ему становилось такъ холодно, такъ страшно...

Въ эти минуты мать не могла дозваться его къ ужину и махала рукой.

— Старый да малый одно и то же!—говорила она въ этихъ случаяхъ и была, въ сущности, рада, что сынъ не треплетъ даромъ сапогъ, а дѣдъ не отрываетъ никого отъ дѣла.

Иногда дѣдъ былъ не въ духѣ, не въ ударѣ, и сурово молчалъ, и собирался переѣзжать, и начиналъ ругаться. Въ семьѣ всѣ боялись этихъ припадковъ раздраженія, такъ какъ старикъ уже не разъ отъ брани начиналъ переходить къ дракѣ въ припадкѣ сумасшествія. Какой-то инстинктъ научилъ Митю являться въ эти минуты успокоителемъ старика. Мальчуганъ очень серьезно отыскивалъ какой-нибудь листъ печатной бумаги и направлялся къ дѣду.

— Слушай, я газету тебѣ буду читать,—говорилъ онъ, подсаживаясь къ дѣду и развертывая передъ собой бумагу.

— Что пишутъ-то? — отрывисто спрашивалъ старикъ ворчливымъ тономъ.

Digitized by Google

— Наши турокъ побили,—пояснялъ мальчикъ.—Большое, большое сраженіе было. Турокъ было много, много, а нашихъ мало, мало. Вотъ наши бросились на нихъ и побили ихъ...

— Это наши-то?—спрашивалъ болѣе спокойнымъ тономъ заинтересованный новостью дѣдъ.

— Наши,—подтверждалъ мальчуганъ.

— Ну да, наши, извѣстно, молодцы. Всегда побьютъ,—замѣчалъ старикъ, окончательно успокаиваясь.—А что про императора Александра Павловича-то пишутъ?

— А вотъ погоди, я поищу,—отвѣчалъ Митя и съ серьезнымъ видомъ переворачивалъ листъ.—За границу уѣхалъ, пишутъ,—замѣчалъ онъ.

— Ну, Господь съ нимъ, пусть покатается,—добродушно говорилъ старикъ.—Онъ не въ первый разъ за границу уѣзжаетъ. Въ двѣнадцатомъ году, когда мы выгнали Наполеона изъ Москвы, нашъ императоръ Александръ Павловичъ...

Дѣдъ начиналъ длинный разсказъ про покойнаго императора, и уже семьѣ нечего было опасаться, что онъ забурлитъ снова.

— Врутъ другъ другу, что на умъ взбредетъ!—замѣчала съ усмѣшкой Орлова, слыша ихъ бесѣду.

Чѣмъ чаще повторялись эти бесѣды, тѣмъ изобрѣтательнѣе становился Митя. У него сильно начала работать фантазія, и для него уже ничего не стоило придумать какую угодно длинную исторію для успокоенія старика,—разсказы этого старика дали такой обильный матеріалъ для воображенія ребенка. Съ каждымъ днемъ Митя дѣлался все болѣе и болѣе сосредоточеннымъ и исполнялъ свою роль успокоителя съ невозмутимою серьезностью взрослаго человѣка, утѣшающаго ребенка. Онъ давалъ волю своему воображенію и въ то же время сознавалъ, что онъ выдумываетъ, изобрѣтаетъ съ цѣлью успокоить старика. Иногда никуда уже не выходившему изъ-за своей драпировки дѣду приходила поздно вечеромъ фантазія покататься, и онъ начиналъ на всю квартиру кричать глухимъ, отрывистымъ голосомъ:

— Извозчикъ!... Извозчикъ!

Митя безмолвно поднимался съ мѣста и направлялся за драпировку,

— Подаю-съ!—громко произносилъ онъ и обращался къ мнимой лошади.—Тпру, тпру... Чего не стоишь? Видишь, баринъ кататься хочетъ...

Digitized by Google

Начинался продолжительный торгъ и, наконецъ, возница объявлялъ:

— Ужъ такъ и быть, садитесь!—и, поддергивая невидимыми вожжами, приговаривалъ:—Ну, ну, пошла! Баринъ на чаекъ прибавитъ! Баринъ у насъ добрый!..

Ѣзда продолжалась иногда довольно долго; возница все понукалъ и понукалъ свою воображаемую клячонку; старикъ дышалъ все ровнѣе и ровнѣе. Наконецъ, Митя, серьезный и спокойный, важно заложивъ, какъ взрослый, руки за спину, на цыпочкахъ выходилъ изъ-за драпировки и тихо объявлялъ:

— Заснулъ!

Всѣ смѣялись надъ старымъ да малымъ, потѣшающими другъ друга сказками да игрушками, и оставляли ихъ въ покоѣ, отдаваясь неотложнымъ заботамъ о кускѣ насущнаго хлѣба. Нужда чувствовалась слишкомъ сильно послѣ полнаго довольства, и этимъ людямъ некогда было прислушиваться къ такимъ пустякамъ, какъ разсказы Мити дѣду о томъ, что сдѣлаетъ онъ, Митя, сдѣлавшись генераломъ вмѣсто Аракчеева, хотя этотъ разсказъ объ отпущеніи всѣхъ солдатъ на волю, о раздачѣ всѣмъ бѣднымъ людямъ хлѣба, о наказаніи всѣхъ, кто притѣсняетъ народъ, былъ, можетъ-быть, не безынтересенъ и довольно остроуменъ для ребенка. Не менѣе грандіозная картина развивалась въ разсказѣ мальчика о томъ, какія почести ему окажутъ за то, что онъ облагодѣтельствуетъ всѣхъ. Разсказывая объ этихъ почестяхъ, мальчуганъ захлебывался отъ восторга и сверкалъ глазенками.

— На бѣломъ конѣ я пріѣду, вотъ какъ Георгій Побѣдоносецъ ѣздитъ,—говорилъ онъ:—и всѣ, всѣ станутъ на колѣнки...

Дѣдъ слушалъ его, опустивъ на грудь голову, бормоталъ тихо:

— Да, да, на бѣломъ конѣ, и всѣ на колѣняхъ стоятъ... Нѣтъ, вотъ мнѣ такъ не привелось, не привелось!..

— Да ты же со мной будешь, я же твой внукъ! Ты впереди всѣхъ, подлѣ меня,—утѣшалъ его Митя, воодушевленный любовью къ дѣду.—Ты всегда, всегда со мной будешь!

И онъ цѣловалъ старика.

Иногда картины, проносившіяся въ воображеніи ребенка, дѣлались такими широкими и яркими, что мальчикъ не находилъ словъ для ихъ изображенія и молчаливо углублялся въ свои фантазіи, уже не дѣлясь ими даже съ дѣдомъ. Онъ

Digitized by Google

дѣлался не только генераломъ вмѣсто Аракчеева, но генераломъ надъ всѣми генералами, выше всѣхъ, выше всѣхъ генераловъ, и оказывалъ благодѣянія не однимъ солдатамъ и бѣднымъ, а всѣмъ, всѣмъ; ему оказывались самыя невѣроятныя почести, ему кланялись въ землю, передъ нимъ стояли на колѣняхъ, ему цѣловали руки. Среди этихъ яркихъ грёзъ о благодѣяніяхъ и почестяхъ являлись и злобныя мысли о мщеніи, о пыткахъ, о казняхъ. «А христопродавца Пахомова казнить буду»,—мысленно заключалъ Митя, и въ его умѣ возникали картины самыхъ страшныхъ пытокъ и казни, о какихъ онъ зналъ. Онъ вытягивалъ изъ Пахомова жилы, онъ вырѣзалъ изъ его спины ремни, онъ рвалъ ему ноздри, онъ сжигалъ его живымъ. Въ эти минуты грудь его поднималась высоко, глазенки становились темными и мрачными, и поблѣднѣвшія губы шептали:—«Такъ тебѣ и надо, христопродавецъ!» Граница между фантазіей и дѣйствительностью исчезала, и Митя не могъ дать себѣ отчета, казнилъ ли онъ Пахомова или только собирается еще казнить его.

Съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе отличалъ мальчуганъ, что онъ придумываетъ для успокоенія дѣда и во что глубоко начинаетъ вѣрить самъ. Разсказывать дѣду о небывалыхъ событіяхъ сдѣлалось для него уже насущною потребностью. Онъ мало-по-малу сталъ даже горячо отстаивать правдивость и реальность своихъ грёзъ. Анна Андреевна, инстинктивно начинавшая съ тревогой прислушиваться къ болтовнѣ ребенка, замѣтила ему разъ:

— Что это ты какъ выдумывать научился, Митя! Это не хорошо!

— Что я выдумываю? Я ничего не выдумываю!—отвѣтилъ онъ.

— Какъ же не выдумываешь? Говоришь, что будешь генераломъ,—начала она.

— И буду генераломъ, и буду! —настойчиво перебилъ онъ ее запальчивымъ тономъ.

— Ну, да, будешь! —съ улыбкой проговорила она.

— А чѣмъ же я буду? Чѣмъ? Ну, говори, говори!—горячо допрашивалъ онъ.

Она затруднялась отвѣтить: ей было тяжело думать, тяжело высказывать, что и онъ будетъ такимъ же бѣднымъ чиновникомъ, какъ его отецъ. Она сама такъ страстно желала видѣть его генераломъ.

— А вотъ и не можешь сказать, и не можешь!—загоря-

Digitized by Google

чился еще болѣе мальчикъ.—Язычокъ-то, небось, прикусила! А я знаю, что я буду генераломъ и всѣхъ спасу, и Нахомова казнить буду и... и... Вотъ ты увидишь, ты увидишь!..

Онъ едва переводилъ духъ отъ волненія.

— Полно, полно, что ты злишься-то!—остановила она его.—У насъ нынче говорить ни съ кѣмъ нельзя,—всѣ злятся...

Мальчуганъ нахмурилъ брови и молча ушелъ къ дѣду, не то сконфузившись, не то сердясь на сестру.

И вдругъ новая неожиданность внесла перемѣну въ эту жизнь.

На дворѣ стоялъ уже декабрь, разсвѣтало поздно, и старшіе члены семьи Орловыхъ вставали при огнѣ. Самъ Орловъ уходилъ въ должность натощакъ, его жена и дочь принимались за работу и только около десяти часовъ садились пить кофейныя переварки, когда уже просыпались Митя и дѣдка. Въ одно такое утро Митя проснулся позже обыкновеннаго и вышелъ въ кухню, когда кофейникъ уже стоялъ на столѣ.

— А дѣдка проснулся?—спросила его мать.

— Нѣтъ еще, спитъ,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, умойся да и буди его... Бѣда тоже, какъ заспится,—обратилась Марья Ѳедоровна къ дочери.—Я ужъ сколько разъ замѣчала, что какъ онъ переспитъ, такъ потомъ и блажитъ весь день. А проснется рано, такъ потомъ днемъ и дремлетъ.

Ребенокъ умылся, прочиталъ утреннюю молитву, поцѣловалъ мать и сестру и пошелъ будить дѣда. Черезъ двѣ-три минуты онъ вернулся обратно въ кухню и объявилъ, что дѣдка крѣпко-крѣпко спитъ.

— А самъ озябъ, холодный такой,—добавилъ мальчуганъ.

Сами не сознавая отчего, мать и дочь встревожились.

— Аня, поди, побуди его,—сказала Орлова.—Нехорошо это, что такъ спитъ.

Анна Андреевна встала и пошла къ дѣду.

— Мама,—вдругъ раздался ея голосъ изъ комнаты.—Мама, идите сюда!

Орлова быстро направилась на зовъ дочери, торопливо зашла за драпировку и не успѣла еще ничего спросить, какъ услышала тихій шопотъ дочери:

— Умеръ!

— Да что ты!—воскликнула Марья Ѳедоровна.

Она рванулась къ постели старика, схватила его руку,

Digitized by Google

пощупала его лобъ и, точно подкошенная, опустилась на стулъ. Трупъ старика успѣлъ уже и остыть. Анна Андреевна стояла неподвижно, съ опущенной на грудь головой, не выпуская изъ рукъ мертвой руки дѣда.

Семья, в сущности, втайнѣ давно уже ждала этой смерти, и все-таки эта смерть никому ненужнаго, всѣхъ тяготившаго человѣка явилась страшною неожиданностью. Обѣ женщины растерялись.

— Голубушка ты моя, что же мы дѣлать-то будемъ? Дѣлать-то что будемъ?—тихо произносила Марья Ѳедоровна, какъ бы очнувшись.—Ничѣмъ ничего у насъ нѣтъ... Продохнуть не успѣли, собраться съ силами еще не могли... Живъ былъ—тяготились, что живетъ, умеръ...

У Марьи Ѳедоровны перехватило голосъ, и она вдругъ смолкла, заливаясь горькими слезами. Анна Андреевна тихо подошла къ ней и обняла ее. Прошло нѣсколько тяжелыхъ минутъ. Мать и дочь плакали, не говоря ни слова. Наконецъ, Орлова встала, отерла слезы и подавленнымъ голосомъ проговорила:

— Надо же обмыть, положить на столъ, распорядиться...

Она бросила взглядъ на покойника.

— Точно спитъ, точно спитъ, родной! И не знаетъ, и не вѣдаетъ, что̀ кругомъ творится, что вотъ плачемъ мы...

Она опять не договорила своей мысли. Ей было тяжело вымолвить громко то, что она чувствовала, сознаться, что она плачетъ не о немъ, а о томъ, что у нихъ теперь нѣтъ денегъ на похороны, что имъ въ тягость эти похороны, что они подоспѣли не во̀-время. Анна Андреевна безъ словъ угадывала эту мысль, и точно камень какой давилъ ей сердце.

Не прошло и четверти часа, какъ вся семья пришла въ движеніе, началось обмыванье покойника, перенесеніе его на столъ, отрывочные толки, невольныя слезы, навертывавшіяся на глаза. Митя разспрашивалъ, проснется ли дѣдка или не проснется, увезутъ ли его тоже въ гробу хоронить, какъ хоронили одного изъ ихъ сосѣдей.

Въ хлопотахъ и бѣготнѣ Марья Ѳедоровна еще кое-какъ бодрилась, но во время первой панихиды снова разрыдалась.

— Полно, голубушка, Марья Ѳедоровна, полно,—съ участіемъ уговаривала ее Митревна. — Слезами не пособишь горю. Тебѣ себя надо беречь,—тоже свалишься, такъ не сладко будетъ... Оно, конечно, тяжело: продохнуть не успѣла еще, а тутъ шуточное ли дѣло, какіе расходы.

— Богъ съ ними, съ расходами, — отвѣтила Марья Ѳе-

Digitized by Google

доровна.—Онъ-то... тоже не чужой былъ... И горе, и радости вмѣстѣ...

— Ну, онъ-то ужъ не жилецъ былъ на свѣтѣ,—отвѣтила Митревна: — въ тягость и себѣ, и другимъ былъ... Онъ-то что!.. Вотъ какъ собьешься-то съ деньгами...

Марья Ѳедоровна ничего не отвѣтила. Въ коридорѣ она услышала разговоръ двухъ сосѣдокъ.

— Ну, чего имъ о старикѣ-то убиваться,—говорила одна.—Давно, поди, только и ждали его смерти. Плачутъ, извѣстно, о томъ, что хоронить нечѣмъ. Тоже жилъ—всѣхъ тяготилъ, умеръ—родныхъ по-міру пустилъ.

— А сами виноваты, въ больницу бы отправили во-время, такъ теперь и хоронили бы на больничный счетъ, — отвѣтила другая. — Такъ нѣтъ, все по-старому хочется жить, какъ господамъ.

— Ужъ какіе господа, когда, поди, ѣсть нечего!

— Ну, я вотъ это-то и говорю. А у нихъ все гоноръ. Какъ можно родного человѣка въ больницу изъ своего угла везти! А ужъ какъ денегъ нѣтъ, такъ родной не родной, а приходится съ рукъ сбывать лишній ротъ.

— Что говорить, что говорить! Теперь, поди, и спокаялись, плачутъ, да поздно,—дѣла-то ужъ не поправишь! Локоть близокъ, а не укусишь, — согласилась первая изъ собесѣдницъ.

Марья Ѳедоровна какъ будто застыла на своемъ мѣстѣ. Передъ нею точно впервые вдругъ выяснилось вполнѣ новое положеніе ея семьи. Ее какъ будто кто пришибъ, придавилъ, принизилъ. Утромъ она, увидавъ мертваго дѣда, плакала о недостаткѣ денегъ, а не о немъ, и это ей было такъ больно, что она мысленно даже упрекала себя въ безчувствіи. Теперь она видѣла, что и посторонніе люди знаютъ ея мысли и понимаютъ, что иначе она не можетъ смотрѣть на свое горе. Не то бѣда, что умеръ родной, близкій человѣкъ, а то, что на его похороны нужно дѣлать расходы. Тутъ не до нѣжныхъ родственныхъ чувствъ, когда нужно думать о кускѣ насущнаго хлѣба. Не для такой голи, какъ она, эта роскошь.

Орлова вернулась въ свою квартиру понурая, на себя непохожая.

— Мама, посмотрите, Митя-то все на столѣ около дѣда сидитъ,—сказала ей дочь.—И увести нельзя... «Я,—говоритъ,—съ нимъ посижу...»

Digitized by Google

— Одинъ, голубчикъ, только и жалѣетъ старика, — тихо отвѣтила мать съ тяжелымъ вздохомъ.

Анна Андреевна вскинула на нее вопросительный взглядъ.

— Да, да, Аня, только онъ и жалѣетъ,—повторила мать.

— А мы?—спросила дочь.

— Гдѣ ужъ намъ,—усмѣхнулась горькой улыбкой мать.— Голь мы перекатная, вотъ мы что, а не люди,—нѣтъ... Были людьми, а теперь не люди... Денегъ намъ жаль, а не человѣка... Въ самомъ дѣлѣ, умереть вздумалъ не во-время, семью разоряетъ, въ больницу не пристроился... Гдѣ ужъ тутъ жалѣть его! А и станешь жалѣть, Аня, такъ люди не повѣрятъ.

Анна Андреевна печально опустила на грудь голову. Онѣ прошли въ комнату къ покойнику. На столѣ около трупа сидѣлъ Митя, подмостивъ подъ ноги табуретъ.

— А я, мама, съ дѣдкой,—сказалъ мальчуганъ.

— Сиди, голубчикъ, сиди, — сказала она, погладивъ его по головѣ.—Онъ хоть за тебя помолится, — чистая ты еще душа!..

IV.

На вечернюю панихиду явился Феопемптъ Григорьевичъ Лампадовъ. Онъ былъ одѣтъ въ свой будничный коричневый сюртукъ, очень просторный и длинный, съ воротникомъ въ видѣ хомута, какіе были въ модѣ еще въ двадцатыхъ годахъ. Его шея была повязана бѣлымъ, высокимъ и туго накрахмаленнымъ галстукомъ. Онъ имѣлъ видъ торжественный и серьезный, Марья Ѳедоровна встрѣтила его, какъ встрѣчаютъ почетнаго посѣтителя, не особенно охотно приходящаго въ гости.

Старикъ Лампадовъ приходился ей двоюроднымъ дядей и не только пользовался ея уваженіемъ, но и позволялъ себѣ нерѣдко читать ей наставленія, какъ онъ ихъ читалъ всѣмъ и каждому, не разбирая званій и возрастовъ своихъ слушателей, если эти слушатели были ему даже незнакомы. Она всплакнула, разсказывая ему, какъ умеръ дѣдка, въ какомъ они находятся положеніи, какъ они потеряли голову, не зная, на какія средства устроить похороны. Старикъ слушалъ ее внимательно и серьезно, тихо покачивая въ раздумьи головой. Наконецъ, онъ проговорилъ:

— Всегда говорилъ тебѣ и теперь повторю: «Марѳа, Марѳа, печешься о многомъ!» Не надо было домъ строить. Плохъ былъ старый уголъ, да все же жить было можно,

Digitized by Google

пока совсѣмъ не развалился бы. Ну, а развалился бы, продали бы мѣсто. А то разбогатѣть хотѣлось, расшириться, когда нужно было думать, какъ бы концы съ концами свести.

— Да вѣдь у меня сынъ растетъ! Для него думала уголъ теплый, гнѣздышко ухитить,—сказала Марья Ѳедоровна въ свое оправданіе.

— Сыну еще не уголъ теплый, не гнѣздышко приготовлять нужно, а научить его человѣкомъ быть!—строго отвѣтилъ Лампадовъ.—Гнѣздо онъ самъ совьетъ, а человѣкомъ, хоть ты ему дворцы построй, не будетъ, если его не сдѣлаютъ взрослые человѣкомъ. Ты всегда была женщиной умной, доброй и честной, но суетности въ тебѣ всегда было много, и суетность тебя губитъ. Ты видишь, какъ я живу, какъ моя сестра живетъ: о чемъ мы заботимся?—чтобы зла никому не сдѣлать, и больше ни о чемъ. Вотъ я чуть не тридцать лѣтъ одинъ сюртукъ ношу, а ты спроси, кто Лампадова не уважаетъ, кто про Лампадова злое слово скажетъ?—Никто. А если и скажутъ, такъ я же имъ прямо въ глаза взгляну, а не они мнѣ.

— Не у всѣхъ, дядя, на такую жизнь силъ хватитъ! — отвѣтила Марья Ѳедоровна.

— Силъ не хватитъ, силъ не хватитъ,—повторилъ Лампадовъ съ упрекомъ.—А ты вникай въ жизнь, да лишняго горя себѣ изъ всякихъ пустяковъ не дѣлай, вотъ и хватитъ силъ, чтобы такъ жить. У васъ все горе: придетъ мысль, что съ вами черезъ годъ будетъ—горе; на именины гостей нельзя звать—горе... Вотъ теперь читальщиковъ нанимаете, панихиды служите, а денегъ мало,—ну, какъ же не горе?..

— Да какъ же, дядя, не горе, вѣдь это такъ ужъ постановлено!—сказала Марья Ѳедоровна.

— Кѣмъ постановлено?—спросилъ Лампадовъ.—Въ Евангеліи, что ли, ты вычитала, чтобы читальщиковъ къ покойнику нанимать, да непремѣнно по двѣ панихиды въ день служить надо?

Марья Ѳедоровна взволновалась и даже обидѣлась.

— Значитъ, ужъ мы такіе нищіе, что намъ и за душу покойника молиться не слѣдуетъ?—возразила она.

— Кто тебѣ мѣшаетъ молиться? Молиться и безъ читальщиковъ, и безъ панихидъ можно,—отвѣтилъ Лампадовъ.—Да старикъ и не нуждался въ нашихъ молитвахъ, зла онъ не сдѣлалъ никому, и безъ твоихъ молитвъ Богъ знаетъ, чего онъ достоинъ. Ты это и сама знаешь, а дѣлаешь все такъ, а не иначе по тому, что сосѣди скажутъ... У васъ

Digitized by Google

вѣдь всегда не убѣжденіе, не вѣра, а сосѣди на первомъ планѣ...

Лампадовъ вдругъ оборвалъ рѣчь, неторопливо разстегнулъ сюртукъ, вынулъ изъ бокового кармана деньги и подалъ ихъ Марьѣ Ѳедоровнѣ.

— Кстати, сестра сама не могла придти,—у одной больной сидитъ,—такъ просила передать тебѣ деньги на похороны,—проговорилъ онъ.

Марья Ѳедоровна вздохнула широкимъ вздохомъ и со слезами на глазахъ начала благодарить старика.

— Что-жъ ты благодаришь, развѣ тебя сестра хоронитъ? — съ добродушной улыбкой сказалъ старикъ. — Это дѣдкѣ на похороны, такъ ужъ пусть онъ съ сестрой и считается благодарностями на томъ свѣтѣ.

Старикъ неторопливо застегнулся снова и ровною поступью прошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ. Митя находился около трупа. Лампадовъ подошелъ къ самому столу и, поднявъ съ лица покойника простыню, сталъ всматриваться въ черты его лица.

Митя заговорилъ, какъ обмывали, какъ клали на столъ дѣдку:

— За ноги и за голову взяли, а онъ и не просыпается, и понесли на столъ съ постели, подложили полѣно подъ голову, а онъ ничего, хоть и жестко, все спитъ.

Лампадовъ, положивъ полную, мягкую руку на голову ребенка, безмолвно слушалъ его болтовню.

— И жаль тебѣ, что его увезутъ? — наконецъ спросилъ онъ.

— Жаль, — отвѣтилъ мальчуганъ. — Онъ и теперь вотъ ничего не разсказываетъ, а все спитъ... Я сижу, сижу, а онъ спитъ все...

— Мы всѣ такъ уснемъ, — задумчиво сказалъ Лампадовъ.—Надо же и отдохнуть когда-нибудь. Вотъ онъ хворалъ, сердился, плакалъ, а теперь отъ всего отдохнетъ. И чѣмъ больше поработаетъ человѣкъ, тѣмъ слаще онъ отдохнетъ. Вотъ, знаешь, какъ вашъ братъ,—съ улыбкой обратилъ лицо Лампадовъ къ ребенку:--тогда и спитъ хорошо, когда набѣгается и напрыгается вволю...

Обративъ взглядъ на ребенка, онъ уже не спускалъ съ него глазъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ всматривался въ это почти прозрачное, блѣдное личико, съ воспаленными золотушными глазами, его лицо, за минуту озаренное мягкой старческой улыбкой, дѣлалось все серьезнѣе и печальнѣе.

Digitized by Google

Наконецъ, онъ пожалъ плечами, тяжело вздохнулъ, поднялъ глаза къ небу и проворчалъ:

— Не вѣдаютъ, что творятъ!

Въ эту минуту въ кухнѣ послышались шаги нѣсколькихъ пришедшихъ лицъ, раздался мужской голосъ: «можно начинать панихиду?» Лампадовъ снялъ Митю со стола и отошелъ съ нимъ въ сторону. Въ комнату вошли священникъ, дьячокъ и нѣсколько человѣкъ посѣтителей. Началась панихида. Лампадовъ стоялъ въ углу съ опущенною на грудь головой и придерживалъ около себя Митю, опустивъ на его плечо лѣвую руку. Старикъ не крестился, не шевелился и какъ будто застылъ въ своей задумчивой позѣ, придерживая одною рукой ребенка и держа въ другой зажженную свѣчу. Когда панихида кончилась, онъ тяжело вздохнулъ, загасилъ свѣчу и прошелъ въ кухню съ Митей. Посѣтители стали расходиться. Когда семья Орловыхъ осталась одна, Лампадовъ обратился къ Марьѣ Ѳедоровнѣ:

— Ты знаешь, я только затѣмъ и прихожу, чтобы браниться,—сказалъ онъ ей.

— Да брани, голубчикъ-дядя, брани, если стóю, — отвѣтила она.—Дура я, потерявшая голову!

— Стóишь!—проговорилъ Лампадовъ.—Ты для кого живешь-то, для кого это бьешься и хлопочешь?.. Для него?—спросилъ онъ, указывая на ребенка. — А ты смотрѣла на него, видѣла его?

Марья Ѳедоровна въ недоумѣніи взглянула на сына.

— Хорошъ?—спросилъ Лампадовъ, поднимая рукой за подбородокъ голову мальчика.—Въ лицѣ ни кровинки, глаза золотушные, волосенки—и тѣ больные. Ахъ, Марья, Марья, о чемъ ты только думаешь!

Марья Ѳедоровна взволновалась, точно она впервые увидала своего любимца, неразлучно жившаго съ ней изо дня въ день. На ея глаза навернулись слезы.

— Гдѣ же быть здоровью въ этомъ углѣ, при этой нуждѣ! — заговорила она.

— Хуже нужда бываетъ, а дѣти остаются здоровыми,—перебилъ ее неторопливо Лампадовъ.—А ты держишь мальчика дома, чтобъ онъ сапогъ не трепалъ,—такъ пусть онъ лучше босой бѣгаетъ на чистомъ воздухѣ, чѣмъ блекнетъ здѣсь въ сапогахъ. Ты ребятишекъ отъ него гонишь, чтобы полъ не затоптали,—такъ пусть они лучше полъ затопчутъ, чѣмъ оставлять его старѣться одиноко въ дѣтскіе годы.

— Да развѣ я запрещаю? — воскликнула Марья Ѳедо-

Digitized by Google

ровна, дѣйствительно никогда не запрещавшая Митѣ бѣгать по улицамъ или приглашать къ себѣ товарищей.

— Знаю я, какъ ты не запрещаешь! — сказалъ Лампадовъ. — Сегодня попрекнешь, что сапоги треплетъ, завтра ругнешь мальчика, что грязи натаскали товарищи, а тамъ сына по головкѣ погладишь, что умница онъ, все дома одинъ сидитъ смирнехонько... Видишь, какой схимонахъ вышелъ!.. Присылай его хоть ко мнѣ: у меня тамъ хозяйскіе ребятишки гору строятъ; ну, да и у меня въ клѣтушкѣ понемногу учиться начнетъ. Игра да ученье — вотъ все, что нужно ребенку... А ты вѣдь все о сапогахъ думаешь... У него еще свои подошвы не обтрепались...

Лампадовъ всталъ и началъ прощаться. Марья Ѳедоровна расцѣловалась съ нимъ, а Анна Андреевна поцѣловала его руку. Орлова спросила его, будетъ ли онъ на похоронахъ. Лампадовъ махнулъ рукой.

— Не люблю я въ эти ямы заглядывать, куда самого скоро упрячутъ!—отвѣтилъ онъ.

Анна Андреевна пошла провожать его до воротъ. На прощаньи онъ сказалъ ей:

— Митю-то не возите на кладбище. Рано ему смотрѣть, какъ людей въ землю закапываютъ. И такъ онъ у васъ старичкомъ смотритъ. Пришлите ко мнѣ на этотъ день, а то завтра отправьте. Старикъ-то разложится, такъ это тоже не веселое зрѣлище для ребенка, и для здоровья этотъ смрадъ не Богъ знаетъ какъ полезенъ.

Анна Андреевна еще разъ почтительно поцѣловала руку старика и остановилась у воротъ, смотря вслѣдъ ему. Онъ шелъ ровною, твердою, степенною поступью, опустивъ голову на грудь и грузно опираясь на толстую трость. Что-то величавое и серьезное было во всей этой фигурѣ, въ каждомъ ея движеніи. Старикъ былъ точно вылитъ изъ бронзы и могъ служить натурой для превосходной статуи стараго атлета. Анна Андреевна невольно задумалась о немъ, и въ ея головѣ мелькнула мысль: «вотъ-то счастливецъ!»

Дѣйствительно, если кто могъ назваться счастливцемъ, такъ это именно Феопемптъ Григорьевичъ Лампадовъ, хотя это странное счастье,—счастье, быть-можетъ, нѣсколько непохожее на идеалъ счастья сотенъ и тысячъ людей. Лампадовъ былъ когда-то учителемъ русскаго языка и математики. Поповичъ по рожденію, воспитывавшійся въ доброй семьѣ, кончившій свое образованіе въ университетѣ, онъ, рано оставшись круглымъ сиротой, жилъ вѣчно трудомъ —

Digitized by Google

перепиской, уроками, литературными трудами, не занимая никакого особеннаго виднаго мѣста въ офиціальномъ мірѣ. У него былъ недюжинный умъ, серьезное образованіе, большая начитанность и знаніе жизни. Онъ самъ говорилъ про себя: «Всему опытъ меня научилъ; бывало, тамъ щелкнутъ, тутъ оборвутъ, — ну, и научился наукѣ жить». И точно, бѣдность его научила быть нетребовательнымъ; горько окончившееся увлеченіе молодости—любовь къ одной изъ важныхъ ученицъ — научило его «не соваться съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ»; пребываніе гувернеромъ въ аристократическихъ домахъ привило къ нему извѣстный тактъ и извѣстный лоскъ; чтеніе книгъ и столкновеніе съ передовыми людьми его времени развили въ немъ любовь къ мышленію. Мало-по-малу, изъ него выработался вполнѣ законченный типъ учителя и ученаго. Онъ не писалъ никакихъ ученыхъ изслѣдованій, но онъ былъ въ полномъ смыслѣ кабинетный ученый, нѣсколько склонный къ отвлеченностямъ, немного педантъ, человѣкъ мало способный къ разговору и очень падкій до дидактизма. Сдержанность, холодность, дидактизмъ прежде всего бросались въ глаза при встрѣчѣ съ нимъ; но подъ этой ледяною оболочкой билось младенческое, искреннее, доброе и впечатлительное сердце. Онъ до старости способенъ былъ плакать надъ книгой, носить ежегодно вѣнки на могилу разлученной съ нимъ въ юности дѣвушки, пригрѣвать перваго попавшагося ребенка, любоваться красивымъ пейзажемъ, вечерними облаками, залитыми лучами солнца, и восхищаться тихою поэзіей такихъ произведеній, какъ «Сельское кладбище» Грея. Окружающіе люди, уважая его за честность, за правдивость, за строгую жизнь, иногда подозрѣвали въ немъ черствость, такъ какъ онъ равнодушно выслушивалъ большую часть людскихъ жалобъ. Кто зналъ его ближе, тотъ зналъ источникъ этого равнодушія: Лампадовъ никогда не могъ понять, какъ можно жаловаться на то, что нѣтъ денегъ, чтобы сшить къ празднику новое платье, на то, что нѣтъ средствъ справить именины, на то, что невозможно отложить гроша на черный день, на то, что обманулъ другъ или притѣснилъ врагъ. Онъ самъ такъ привыкъ ограничивать свои потребности, что былъ всегда доволенъ своимъ положеніемъ; онъ такъ много видѣлъ и дурныхъ друзей, и злобныхъ враговъ, что не требовалъ въ отношеніи себя отъ людей больше того, что они могли дать. Про него говорили, что «можно ему быть покойнымъ, когда успѣлъ кое-что и на черный день

Digitized by Google

отложить». Онъ лаконически отвѣчалъ на это: «Работали бы столько, сколько я работалъ, да тратили бы столько, сколько я трачу, и у нихъ было бы что-нибудь скоплено». Почувствовавъ, что ему тяжело ходить на уроки, что его память стала менѣе тверда, что его утомляютъ продолжительныя занятія въ классахъ, онъ отказался отъ этого рода занятій и занялся своимъ любимымъ дѣломъ — часовымъ мастерствомъ. Онъ не только любилъ это дѣло, какъ развлеченіе или какъ могущую дать хлѣбъ работу,—онъ подробно изслѣдовалъ вопросъ о часовомъ производствѣ, онъ задумывался надъ часами, философствовалъ во время работы надъ ними. Для него не было большаго наслажденія, какъ починка старинныхъ часовъ, которыхъ не могли починить настоящіе часовщики. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ немного маніакъ, одинъ изъ спеціалистовъ, думающихъ, что міръ давно бы рухнулъ, если бы не было именно ихъ спеціальности. Недаромъ же люди, слушавшіе его всегда серьезно, начинали улыбаться, когда онъ заговаривалъ о часахъ, то-есть садился на своего любимаго конька. Онъ нанималъ двѣ комнаты съ переднею, кухнею и двумя ходами: парадными и грязными; жилъ со своею сестрой и служанкой «изъ благородныхъ», или какъ онъ называлъ ее, домоправительницей. Но сестра, оставшаяся съ дѣтства на его попеченіи, воспитанная въ институтѣ, вышедшая по страсти замужъ, овдовѣвшая и чуть не сошедшая съ ума отъ потери любимаго мужа, почти никогда не бывала дома.

Ольга Григорьевна была, пожалуй, еще болѣе оригинальною личностью, чѣмъ ея братъ. Онъ сиднемъ сидѣлъ дома и философствовалъ надъ часами; она пропадала по цѣлымъ недѣлямъ, кочуя отъ однихъ родныхъ мужа къ другимъ, являясь то въ салонахъ богачей и знати, то въ жалкихъ конурахъ бѣдняковъ и простолюдиновъ. У нея былъ неразлучный съ нею ридикюль, куда опускались кусочки сахару, бисквиты и фрукты въ домахъ богатой родни и откуда выгружались эти же сласти въ домахъ бѣдныхъ крестниковъ и посажёныхъ дѣтей. У нея было два черныхъ платья, одно шелковое, другое шерстяное, иногда надѣвавшіяся одно на другое: въ первомъ она являлась у богачей, во второмъ—у бѣдняковъ. Эти скитанія по домамъ родныхъ и знакомыхъ начались только послѣ смерти мужа Ольги Григорьевны и, можетъ-быть, только при помощи ихъ ей удалось залѣчить въ своемъ сердцѣ рану, нанесенную этою смертью. Оставаться долго дома Ольга Григорьевна просто

Digitized by Google

боялась,—ей нужно было жить среди людей, ихъ радостями и горемъ, чтобы забыть, что для нея самой въ жизни не осталось уже ничего, кромѣ могилы. Эту скитальческую жизнь можно бы было назвать жизнью приживалки или салопницы, если-бъ эта женщина не отличалась сильнымъ умомъ, изумительною прямотой и безграничною добротою. Ее встрѣчали вездѣ съ распростертыми объятіями, такъ какъ у богатой родни ее въ шутку звали «нашимъ совѣтникомъ», а у бѣдныхъ родственниковъ «нашей матушкой-благодѣтельницей». Она жила душа въ душу съ братомъ и расходилась съ нимъ только въ одномъ: онъ равнодушно выслушивалъ иногда даже серьезныя жалобы людей, она же волновалась даже и тогда, когда ей жаловались на пустяки. Это обстоятельство вызывало безконечные споры и пренія между братомъ и сестрой.

— Да чего ты волнуешься, Ольга?— говорилъ онъ ей.— Плачутся люди, что лишняго платья нѣтъ, а ты тревогу бьешь. У тебя-то самой есть лишнее платье? Нужно оно тебѣ?

— Мнѣ не нужно, да вѣдь не обо мнѣ и рѣчь идетъ,— возражала она.—А они привыкли къ этому, они не могутъ обойтись безъ этого. Что же, мы съ тобой передѣлывать ихъ будемъ?

— Ну, а если способны о пустякахъ плакать, такъ и пусть плачутъ.

— А ты вотъ который день голову ломаешь, какъ эти часишки дрянные починить, и тоже тужишь о пустякахъ, такъ и надъ тобой смѣяться надо?

— Ну, выдумала сравненіе!—сердился братъ.

— Да, разумѣется, что такъ! Ну, не можешь починить и брось. Никому ни тепло, ни холодно не будетъ, если эти часишки такъ и останутся безъ починки. А нѣтъ, это для тебя важный вопросъ. Изстрадался, поди, отъ этого великаго несчастія! Ну, а для нихъ важный вопросъ платье. У всякаго свои слабости, и если ихъ можно удовлетворить—ну, и надо удовлетворить.

— Ну да, вотъ погоди, кому-нибудь каменный домъ захочется выстроить, и плакать онъ будетъ, что не можетъ этого сдѣлать, ты и начни помогать при постройкѣ этого дома.

— И стала бы, если бы могла! — рѣшительно отвѣчала сестра.—И если-бъ всѣмъ захотѣлось имѣть каменные дома и всѣмъ бы помочь было можно, тогда и счастлива я была бы...

— Маремьяна старица обо всемъ мірѣ печалится,—ворчалъ братъ сквозь зубы.

Digitized by Google

— Глупый! глупый! — уже со смѣхомъ произносила сестра. — А самъ первый павлиномъ распустилъ бы хвостъ, если бы весь міръ облагодѣтельствовать могъ. Туда же бранится, что глупымъ слабостямъ потакаю, а самъ пять лѣтъ въ институтъ мнѣ конфеты таскалъ, ходя въ заплатанныхъ сапогахъ...

— Дуракъ былъ тогда!

— А теперь поумнѣлъ, вѣрно, такъ оттого и сталъ таскать пряники въ карманахъ для уличныхъ ребятишекъ,— продолжала обличать его сестра.

Старикъ махалъ рукой.

— Отстань ты, съ тобой не сговоришь!.. Привыкла по гостямъ-то тараторить,—сквозь зубы бормоталъ онъ.

Она подсаживалась къ нему и серьезно уже произносила, дотронувшись до его плеча:

— Нѣтъ, старина, дѣло-то не въ новомъ платьѣ, а у людей серьезное горе. Ты часы-то оставь, — а потолкуемъ, какъ бы помочь людямъ. Дрянные они людишки, да вѣдь они и еще хуже да глупѣе станутъ, если имъ не помочь.

Братъ покорно оставлялъ часы, и начиналось совѣщаніе о помощи ближнимъ совѣтомъ, деньгами, протекціей. Протекціей? — Да, странно сказать, но эти старики сумѣли себя поставить такъ, что имъ рѣдко отказывали тѣ люди, съ которыми они были близки: она—по родственнымъ связямъ своего покойнаго мужа, онъ — въ качествѣ бывшаго гувернера и учителя въ аристократическихъ семьяхъ. Этому не мало дивились бѣдняки, окружавшіе ихъ. Но братъ и сестра, говоря о вліятельныхъ лицахъ, шутливо замѣчали на это:

— Еще бы они намъ уваженія не оказывали! Тоже не мало мы ихъ за уши и за вихри въ дѣтствѣ дирали, оттого они и въ генералы вышли.

Драли ли они этихъ генераловъ за вихры и за уши въ дѣтствѣ и въ юности — это не извѣстно, но вѣрно то, что эти генералы сохраняли въ душѣ сознаніе, что искреннюю любовь, честныя наставленія, разумные совѣты и прямые, твердые упреки они слышали въ лучшіе годы жизни, быть-можетъ, только отъ этихъ людей.

Когда Митѣ объявили на слѣдующій день, что его отведутъ ночевать къ отцу крестному, т. е. къ Лампадову, мальчикъ не заплакалъ, не заупрямился, такъ какъ онъ въ послѣднее время привыкъ безропотно покоряться всему. Но онъ какъ будто удивился, что его уводятъ именно къ Лам-

Digitized by Google

падову. Мальчикъ даже и не помнилъ, когда онъ посѣщалъ крестнаго отца. Отношенія семьи Орловыхъ къ старику были нѣсколько странны. Орловы уважали его, но какъ будто побаивались и не особенно долюбливали выслушивать его наставленія. Особенно въ послѣдніе годы Лампадовъ рѣзко нападалъ на Марью Ѳедоровну за ея хлопоты о постройкѣ дома, пророча ей, что она запутается въ дѣлахъ и вмѣсто барышей наживетъ неоплатные долги и окончательно разорится. Онъ просто совѣтовалъ ей жить, покуда можно, въ старомъ домишкѣ, а потомъ продать землю, когда жить въ разваливающейся лачугѣ не будетъ возможности. При этомъ съ свойственною ему откровенностью онъ замѣчалъ, что очень жаль, что надъ ней главы нѣтъ, что Андрей Ивановичъ пляшетъ по ея дудкѣ. Марья Ѳедоровна возражала ему, что она все разсчитала, все взвѣсила, что барыши будутъ несомнѣнные, на что Лампадовъ спокойно возражалъ ей:

— То-то и худо, что ты все считаешь да разсчитываешь то, чего еще нѣтъ; а ты лучше пользуйся тѣмъ, что есть, чтобы, погнавшись за большимъ, не потерять и малаго.

Эти замѣчанія, расхолаживавшія увлеченія Марьи Ѳедоровны, раздражали ее, и она старалась избѣгать старика. Не могла она съ нимъ тѣсно сблизиться отчасти уже и потому, что она сама была изъ числа людей, дающихъ совѣты, а не изъ числа людей, просящихъ совѣтовъ. Ей точно обиду наносили, когда давали совѣты или дѣлали замѣчанія. Лампадовъ же безъ замѣчаній не могъ обойтись. Правда, старикъ Лампадовъ и его сестра были первыми людьми, сунувшими Марьѣ Ѳедоровнѣ нѣсколько десятковъ рублей послѣ пожара, но Лампадовъ не удержался и тутъ, чтобы не замѣтить Марьѣ Ѳедоровнѣ насчетъ того, что онъ ей говорилъ прежде.

— Ты-то вотъ только все считала да разсчитывала, — замѣтилъ онъ:—а у Бога-то и итоги были давно ужъ подведены.

Марья Ѳедоровна даже вспылила и упрекнула за это старика, замѣтивъ, что «лежачаго-то ужъ нечего бить».

Но три мѣсяца нужды значительно надломили Марью Ѳедоровну, лишили ее самоувѣренности, отняли у нея почти всѣ надежды, и когда Лампадовъ сказалъ, чтобы къ нему прислали Митю, она сильно обрадовалась.

— Хоть бы онъ пригрѣлъ нашего голубчика, — разсуждала она вечеромъ, сидя съ мужемъ и Анной Андреевной въ кухнѣ.—Тоже вѣдь не чужой ему мальчуганъ, внучат-

Digitized by Google

ный племянникъ и сынъ крестный. У старика и связи есть, и деньги, должно-быть, водятся,—все что-нибудь можетъ сдѣлать при жизни и послѣ смерти чѣмъ-нибудь наградить.

Провожая Митю, она замѣтила ребенку:

— Ты веди себя хорошо, не трогай тамъ чего-нибудь, не разсерди дядю, а то онъ любить тебя не будетъ!

Митя покорно обѣщалъ исполнить всѣ наставленія и шелъ къ Лампадову не безъ тайнаго страха. Ему почему-то казалось, что онъ идетъ къ важному, важному барину. Лампадовъ встрѣтилъ его привѣтливо и замѣтилъ Аннѣ Андреевнѣ:

— Умница, что выхлопотала освобожденіе узника изъ темницы. Я ужъ думалъ, что не отпустятъ.

— Отчего же не отпустить, — сказала она, цѣлуя его руку.

— Ну, да у васъ меня не долюбливаютъ, — отвѣтилъ старикъ.—По головкѣ не умѣю гладить за глупости. Впрочемъ, теперь времена перемѣнились. Домовъ строить больше не будутъ. Вотъ ты только уговорила бы мать продать землю. Расквитались бы съ долгами и зажили бы хоть не сладко, да безъ заботъ о долгѣ, безъ глупыхъ мечтаній сдѣлать изъ гроша рубль.

Потомъ онъ круто перевелъ разговоръ на Митю. Мальчика пора начинать исподволь учить. Чѣмъ раньше онъ кончитъ курсъ въ гимназіи, тѣмъ лучше. Выйдетъ изъ университета, тогда можно похлопотать и о мѣстѣ.

— Пока я живъ, все это легко сдѣлать, — слава тебѣ, Господи, вліятельный тоже человѣкъ,—съ усмѣшкой закончилъ онъ и обратился къ Митѣ:—да ты что, молодецъ, присмирѣлъ? У меня, братъ, ходить и бѣгать не запрещено... Вонъ, гляди, тамъ сколько добра!

Онъ указалъ Митѣ на лежавшія на столѣ гравюры. Митя уже давно искоса разсматривалъ комнаты Лампадова и удивлялся ихъ роскоши. Онъ вспомнилъ разсказы покойнаго дѣда о дворцахъ и теперь ему показалось, что онъ попалъ во дворецъ.

Дѣйствительно, небольшая квартирка Лампадова должна была поразить мальчугана. Здѣсь было все завѣтное, что пріобрѣталось Лампадовымъ и его сестрой въ теченіе долгой жизни. Старинная дорогая мебель карельской березы съ бронзовыми украшеніями, обитая желтымъ штофомъ, и мебель краснаго дерева съ красной штофной обивкой — это было наслѣдіе сестры Лампадова послѣ мужа. Бронзовые

Digitized by Google

столовые часы со вставками изъ севрскаго фарфора; столовые же часы, сдѣланные изъ чернаго дерева въ видѣ саркофага, стоящаго на львиныхъ бронзовыхъ лапахъ и увѣнчаннаго бронзовымъ сфинксомъ—это были двѣ дорогія вещи, подаренныя Лампадову извѣстнымъ любителемъ часовъ графомъ Апраксинымъ. Масса бронзовыхъ подсвѣчниковъ, подставокъ подъ карманные часы, пепельницъ, чернильницъ и тому подобныхъ столовыхъ украшеній, загромождала всѣ столы и этажерки. На стѣнахъ красовались въ разнообразныхъ рамахъ картины, писанныя масляными красками, акварелью или карандашомъ. Поды были застланы старинными коврами съ затѣйливыми пестрыми узорами, верблюдами, львами, арабами и пальмами. Митя никогда не видалъ ничего подобнаго; его даже не могло поразить то обстоятельство, что всѣ эти вещи были точно свалены въ кучу, нагромождены одна на другую, заставлены другъ другомъ, какъ въ лавкѣ антикварія. Онъ думалъ, что это такъ и должно стоять во дворцѣ, какимъ ему казались комнаты дяди.

Когда ушла Анна Андреевна, и Лампадовъ, стараясь развлечь еще дичившагося ребенка, началъ показывать ему всѣ свои сокровища, Митя разинулъ ротъ отъ удивленія и съ широко открытыми глазами замиралъ въ нѣмомъ восторгѣ. Еще бы! Изъ стѣнныхъ часовъ передъ нимъ выскочила кукушка и начала куковать; передъ нимъ поставлена была табакерка, и изъ нея раздались звуки вальса; ему были показаны карманные часы, и они вдругъ начали играть какую-то арію, когда Лампадовъ надавилъ на пружину. Мальчуганъ приходилъ въ восхищеніе, хлопалъ въ ладоши, смѣялся, прыгалъ, кричалъ, какъ дикарь, увидавшій блестящія бездѣлушки, и засыпалъ хозяина вопросами:

— А это что? Это тоже музыку играетъ? Это съ птичкой часы? У васъ такихъ много игрушекъ?

Но въ комнатѣ былъ еще другой ребенокъ, убѣленный сѣдинами, съ глубокими морщинами на лбу. Этотъ ребенокъ, Феопемптъ Григорьевичъ Лампадовъ, былъ не менѣе счастливъ, чѣмъ Митя. Онъ самъ не замѣчалъ, какъ, показывая свои сокровища, онъ мало-по-малу забывалъ, съ кѣмъ говоритъ, и отдавался своимъ воспоминаніямъ.

— Вотъ эту табакерку подарила мнѣ княгиня Марья Андреевна Русова, когда я приготовилъ ея Сашу къ экзаменамъ. Что за мальчикъ былъ, что за мальчикъ! Способный, красавецъ собой, честная душа. И какъ учился! Сразу

Digitized by Google

все, бывало, схватитъ, уяснитъ себѣ. Ну, и пошелъ бы далеко, если бы захотѣлъ. Да что ему чины, — онъ и безъ нихъ въ общемъ почетѣ находится, и безъ нихъ честнѣйшимъ человѣкомъ считается. Слава Богу, душой не кривилъ, совѣсти не продавалъ. И до сѣдыхъ волосъ остался тѣмъ же—прямымъ, добрымъ и мягкимъ человѣкомъ, а тоже и горе видѣлъ, и терпѣлъ за правду не мало... Вотъ ты когда-нибудь увидишь его. Это мой лучшій другъ, и тебя онъ полюбитъ.

— А въ этихъ часахъ есть музыка?—перебилъ Митя.

— Нѣтъ, эти безъ музыки, — отвѣтилъ съ улыбкой старикъ.—Но эти часы мнѣ дороги потому, что ихъ носилъ въ дѣтствѣ одинъ изъ моихъ учениковъ. Когда мы разставались, онъ подарилъ мнѣ ихъ на память. Вотъ такой же, какъ ты, маленькій былъ, когда сдали мнѣ его на руки, а теперь у самого у него дѣти чуть не выше меня.

И старикъ снова пустился въ разсказы, погрузился въ воспоминанія. Митя не все понималъ, что говорилъ старикъ. Но черезъ долгіе годы ему казалось, что все слышанное имъ отъ Лампадова онъ слышалъ именно въ этотъ вечеръ, слышалъ и понялъ тогда же. Это, конечно, было въ дѣйствительности далеко не такъ: разсказы, воспоминанія и поученія Лампадова Митѣ пришлось слышать въ теченіе многихъ лѣтъ, но въ его памяти ярче всего уцѣлѣлъ именно этотъ вечеръ, и ему казалось, что именно тогда передъ нимъ вылился весь этотъ старикъ и сумѣлъ запечатлѣть въ дѣтскомъ умѣ все, что говорилось имъ. Особенно памятными остались въ умѣ Мити разговоры Лампадова о часахъ, хотя эти разговоры, вѣроятно, происходили въ болѣе поздніе годы,—происходили урывками, въ разное время; но въ умѣ Мити они слились въ одно цѣлое. Это были оригинальные разговоры.

— Часы, братъ, вещь интересная,—говорилъ старикъ.— Долго бились люди, чтобъ усовершенствовать способъ измѣрять время. Въ древности для этой цѣли пользовались солнцемъ, пескомъ, водою. Ты видалъ ли когда-нибудь солнечные, песочные или водяные часы? Нѣтъ? — Ну, вотъ, погоди, я тебѣ это все покажу. Оно интересно. Ихъ устраивать было не трудно, да вѣрности въ нихъ не было, вотъ люди и бились надъ изобрѣтеніемъ вѣрныхъ часовъ. За много тысячъ лѣтъ были извѣстны часы, за двѣ тысячи лѣтъ были уже водяные часы съ компасами, а все-таки настоящихъ, нынѣшнихъ, часовъ изобрѣсти никакъ не могли.

Digitized by Google

Только лѣтъ за шестьсотъ или за семьсотъ до насъ вдругъ появились и въ Европѣ, и у сарацинъ колесные часы и стали красоваться на всѣхъ городскихъ башняхъ, на монастырскихъ колокольняхъ. Это были большіе, грубо сдѣланные и далеко не совершенные часы. Прошло еще не мало времени, прежде чѣмъ изобрѣли карманные часы въ Нюренбергѣ, отчего и прозвали ихъ нюренбергскими яйцами. И когда станешь всматриваться въ исторію открытій въ этой области, то изумляешься, какъ люди въ разныхъ концахъ свѣта въ одно и то же время стремились къ одному и тому же, открывая одно и то же. Вотъ нѣмцы и англичане до сихъ поръ спорятъ, кто открылъ часы съ маятникомъ, нѣмецъ ли Гуигенсъ, или англичанинъ Гаррикъ. Тоже и открытіе пружины въ часахъ приписываютъ и Гуигенсу, и англичанину Гуку. Это въ области открытій почти всегда такъ бываетъ: долго-долго люди добиваются чего-нибудь и вдругъ нѣсколько человѣкъ разомъ дѣлаютъ одно и то же открытіе. Мысли о нововведеніяхъ всегда въ воздухѣ носятся, и ужъ кто что ни дѣлай, а нововведеній этихъ не остановишь, не устранишь... Да, да, все это вещи интересныя, наводящія на серьезныя мысли, — продолжалъ старикъ.—И сами часы стоятъ вниманія по своему устройству. Многіе мудрецы сравнивали жизнь людей и обществъ съ механизмомъ въ родѣ часового механизма. Всѣ люди въ обществѣ — это колеса и винтики; тутъ есть и свои пружины, и цѣпочки, и маятники, и гири, и чья-нибудь рука заводитъ эти часы, и они идутъ, идутъ безостановочно. Но чтобы они шли вѣрно, мало заводить ихъ осторожно и аккуратно, — надо знать ихъ механизмъ, изучить его до мельчайшихъ подробностей, и чѣмъ лучше изучилъ человѣкъ этотъ механизмъ, тѣмъ полезнѣе можетъ онъ быть обществу. Попортится механизмъ ихъ — и знающій человѣкъ можетъ сейчасъ сказать, почему онъ попортился, гдѣ средства починить его. Для этого надо изучать жизнь, людей, исторію. Это—великое дѣло.

Если впослѣдствіи воспоминанія Мити, по какому-то странному капризу, обманывали его, подсказывая ему съ одной стороны, что все это онъ услышалъ отъ Лампадова именно въ тотъ вечеръ, услышалъ и понялъ своимъ дѣтскимъ умомъ, то, съ другой стороны, онъ никогда не могъ дать себѣ отчета, какъ и когда онъ заснулъ въ тотъ вечеръ на мягкомъ штофномъ диванѣ, тепло укрытый шелковымъ одѣяломъ. А онъ уснулъ крѣпко и сладко, видя во

Digitized by Google

снѣ себя во дворцѣ, среди блеска и роскоши, не грезившихся ему до той поры и въ мечтахъ, даже тогда, когда онъ представлялъ себя генераломъ надъ всѣми генералами. Онъ спалъ такъ крѣпко, что даже не слыхалъ, какъ вошла въ комнату довольно полная женщина средняго роста, какъ она поздоровалась съ Лампадовымъ, какъ Лампадовъ, взявъ со стола свѣчу, подвелъ ее къ дивану и, освѣщая лицо спящаго ребенка, сказалъ:

— Ты вотъ все пропадаешь, сестра, а намъ въ это время успѣли ребенка подкинуть. Смотри!

Она наклонила свою сѣдую голову, свое румяное старческое лицо и начала пристально разсматривать лицо ребенка.

— Да его мѣсяцъ мясомъ не кормили!—воскликнула она.

Лампадовъ пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Домъ за то хотѣли ему построить!

Она опять наклонилась надъ ребенкомъ.

— А хорошее, умное личишко, съ большимъ лбомъ,—проговорила она.—Я его давно не видала. Началъ формироваться.

Она наклонилась и поцѣловала ребенка.

— Ну, ну, разбудишь еще и расплачется!—замѣтилъ Лампадовъ.

— Отъ этого, братъ, не плачутъ,—тихо отвѣтила она, смотря на ребенка, улыбавшагося во снѣ.—А лишній сладкій сонъ приснится, такъ что-жъ? Наяву-то уже, кажется, у него было мало свѣтлыхъ грёзъ...

V.

Мартовское солнце свѣтило довольно ярко; на дворѣ стоялъ легкій морозъ, но на солнечной сторонѣ улицъ уже таяло. Въ воздухѣ начинало слышнѣе раздаваться чириканье птицъ, а концы вѣтвей на деревьяхъ въ садахъ, какъ казалось издали, начинали окрашиваться въ зеленоватые или красноватые оттѣнки. Наступила весна. На дворѣ того дома, гдѣ жилъ Лампадовъ, ребятишки съ громкими криками и смѣхомъ катались съ устроенной для нихъ ледяной горы, уже успѣвшей сильно растаять и близившейся къ полному разрушенію. Среди нихъ былъ и Митя, успѣвшій за послѣднее время сдѣлаться порядочнымъ буяномъ и забіякой; но онъ на этотъ разъ мало принималъ участія въ игрѣ и смотрѣлъ опять какъ-то вяло и сонно. Лампадовъ сидѣлъ за своимъ рабочимъ столомъ противъ

Digitized by Google

окна за починкою дорогихъ карманныхъ часовъ и изрѣдка взглядывалъ въ окно на играющихъ дѣтей, задумчиво слушая разсказы Анны Андреевны. Она сидѣла сбоку у стола и была не весела. Слѣды недавнихъ слезъ ясно видѣлись на ея глазахъ.

— Такъ ты говоришь, что тетка Дарья умерла?—проговорилъ Лампадовъ, продолжая только что начатый разговоръ.—Давно была она больна?

— Пять мѣсяцевъ хворала,—отвѣтила Анна Андреевна.—Вы знаете, что мама съ ней была давно въ ссорѣ и даже не знала, гдѣ живетъ тетка Дарья. Только вчера насъ и извѣстили, что она умираетъ.

— Ссорятся все, ссорятся, а въ бѣдности только и счастья, что миръ съ близкими,—вскользь замѣтилъ Лампадовъ.—Нищета самая горькая легка, когда всѣ дружны между собою, когда знаешь, что одинъ за другого жизнь готовъ отдать. А они голодаютъ да еще другъ друга загрызть хотятъ... Ссора-то изъ чего вышла?

Анна Андреевна печально вздохнула.

— Не вчера это началось!—сказала она, слегка махнувъ рукой.—Ужъ когда тетка Дарья и Митю крестила, такъ наши и тогда съ ней не въ ладахъ были. И крестить-то ее позвали потому только, что мама, сами знаете, чужимъ да богатымъ кланяться не любитъ. Съ самаго замужества тетки Дарьи, папа и мама на нее уже сердились. Вы, можетъ-быть, знаете, что она за Прозорова замужъ-то вышла противъ воли всѣхъ. Прозоровъ былъ чуть не моложе ея, только началъ служить, ничего не имѣлъ,—ну, а характеръ у него былъ непокорный, гордый. Съ первыхъ же дней недостатки начались, а тамъ, дальше да больше, пошли дѣти и совсѣмъ ѣсть стало нечего. Страшную нужду терпѣли. Самъ-то съ горя попивать немного началъ. Тетка въ поденную работу ходить стала. Дошли до того, что воровать началъ мужъ-то...

Лампадовъ поднялъ отъ работы глаза.

— Воровать?—спросилъ онъ.

— Да. У насъ разъ кастрюли пропали. Переполошились мы всѣ. Извѣстное дѣло, страхъ напалъ, что воры въ домѣ были. А въ это время тетка Дарья неподалеку отъ насъ жила въ подвалѣ, и ея ребятишки къ намъ къ окнамъ кухни ходили. Лѣтомъ дѣло было. Вотъ только разъ дѣти дня три не были. Вдругъ опять приходятъ. Мать даетъ имъ, что отъ стола осталось, и говоритъ: «чего долго не были?»

Digitized by Google

А старшенькая дѣвочка, глупенькая еще была, и говоритъ: «А у насъ супъ валили, говядину покупали!» Мать-то и спрашиваетъ: «Видно, отецъ денегъ раздобылъ?» Дѣвочка и скажи: «Папка кастлюли плодалъ и говядины намъ кушлъ».—«Какія кострюли?—спросила мать.—Развѣ у васъ были кастрюли?»—«Нѣтъ,—говоритъ дѣвочка:—у насъ не было кастлюль. Папка чужія плодалъ». Мать такъ руками и всплеснула...

— Вѣдныя дѣтишки!—проговорилъ Лампадовъ.

— Конечно, мы ничего не сказали никому,—продолжала Анна Андреевна.—Къ тому же ребятокъ-то такъ жаль, такъ жаль было. «А теперь,—сказала дѣвочка:—папка умилать собилается!»—Какъ умирать собирается?—спросила мать.—«А такъ собилается,—отвѣтила дѣвочка.—Умелоть бы, говолитъ, да и конецъ!..» Точно насъ ножомъ по сердцу тогда эти самыя слова рѣзнули... А тамъ не прошло и мѣсяца, какъ онъ наложилъ на себя руки. Господи! надо было посмотрѣть на тетку Дарью, вотъ-то она плакала!.. Тутъ-то мама и сдѣлала дурное дѣло, — со вздохомъ проговорила Анна Андреевна. — Сама теперь это понимаетъ, да поздно.

— Что же она сдѣлала, Аннушка?—ласково спросилъ Лампадовъ, отложивъ въ сторону часы и опустивъ на колѣни руки.

— Тетка-то Дарья стала убиваться, а мама и замѣтила ей: «Ужъ чего жалѣть, коли онъ ни васъ, ни своей души не пожалѣлъ. О такихъ-то и плакать грѣшно»,—продолжала разсказывать Анна Андреевна.—Тетка замѣтила ей, что нужно бы побыть на его мѣстѣ, да тогда и судить его, и что она никогда и въ мысляхъ-то не попрекнетъ его за самоубійство, потому что онъ хоть и покончилъ самъ съ собою и бросилъ семью, а можетъ-быть, любви къ семьѣ въ немъ было во сто разъ больше, чѣмъ въ тѣхъ, кто рукъ на себя не накладываетъ... Вы, дядя, маму-то знаете? Она—добрая, только сердце у нея горячее, на слова она рѣзка; иной разъ и сама не рада, что вспылитъ,—вспылитъ и Богъ знаетъ чего ни наговоритъ. Вотъ и тутъ вскипятилась она да и говоритъ: «Ну да, нечего сказать, хорошій былъ человѣкъ! Слава Богу, что еще умеръ-то раньше, чѣмъ подъ судъ попалъ. За воровство-то тоже по головкѣ не гладятъ. Ужъ это послѣднее дѣло—воровство-то». Ну, и пошло у нихъ, и пошло... Много времени мы о теткѣ и не слыхали ничего, точно въ воду канула... А вчера вече-

Digitized by Google

ромъ вдругъ пришли намъ сказать, что она умираетъ. Мы такъ и ахнули...

Затѣмъ Анна Андреевна начала описывать, какъ жила сестра ея отца. Въ сыромъ, полутемномъ подвалѣ, въ углу жалась бѣдная женщина въ послѣднее время съ пятерыми дѣтьми. Спали всѣ въ-повалку на полу. Тутъ же спалъ простой рабочій людъ, поденщицы, отставные солдаты, нищіе. Грязь, духота, пьянство, развратъ—всего тутъ было. Тетка ходила стирать бѣлье поденно. Дѣти оставались дома и почти не могли выходить за неимѣніемъ теплой одежды. Въ январѣ съ теткой сдѣлалось что-то въ родѣ паралича. Ее не приняли никуда въ больницу, и она лежала больная въ подвальномъ углу. Сожители ея по квартирѣ продали всѣ ея платья, чтобы кое-какъ прокормить ее. Ребятишекъ посылали собирать щепки, нищенствовать. Они услуживали всѣмъ, бѣгали въ лавки и въ кабаки, только бы имѣть право на уголъ и ѣду. Доставалось на ихъ долю не мало и щелчковъ. Особенно отозвалось это на одномъ изъ дѣтей, на Алешѣ. Какой-то блаженненькій онъ сталъ. Только наканунѣ смерти нашла тетку Дарью одна женщина, знавшая, что она близкая родственница Орловымъ. Эта женщина и извѣстила Орловыхъ о положеніи тетки Дарьи. Они застали ее почти нагую, почти полумертвую. Успѣли только призвать священника, какъ она и умерла.

— И это туда-то вы таскали Митю?—съ упрекомъ сказалъ Лампадовъ.—Ночью въ подвальный вертепъ къ умирающей женщинѣ тащить ребенка... Нечего сказать—умно.

— Она вѣдь крестила съ вами Митю,—сказала Анна Андреевна тихо, какъ бы желая оправдать свою мать.

— Такъ что же? Крестила или не крестила, впечатлѣнье-то страшное должно было все-таки отразиться на мальчуганѣ,—сказалъ Лампадовъ.—Вотъ посмотри, какой онъ опять кислятиной смотритъ. Еще бы, опять безъ сна ночь, опять страшная картина смерти... и еще при какой обстановкѣ! Доведете вы его когда-нибудь до падучей этими испугами...

— Я совѣтовала мамѣ не водить его,—печально отвѣтила Анна Андреевна.—Но мама такъ взволновалась. Совѣсть у нея заговорила. Не знала она, что дѣлать. Казалось ей, что надо свести Митю къ матери крестной, чтобы та его благословила. Вы бы не узнали просто вчера маму! На десять лѣтъ измѣнилась...

Лампадовъ махнулъ рукой.

Digitized by Google

— Знаю я это!—проговорилъ онъ.—Поѣдомъ ѣдятъ человѣка при жизни; а умретъ онъ—струсятъ, каются, молятся, надуть хотятъ и себя, и людей, и Бога, стараясь умыть себѣ руки, подобно Пилату.

Наступило короткое молчаніе.

— Мама сегодня рѣшилась мѣсто наше продать,—робко сказала Анна Андреевна.—«Оно, говоритъ, намъ всѣ несчастья приноситъ. Изъ-за этой мечты построить домъ я и съ теткой Дарьей разошлась; не о помощи роднымъ думала, а объ обогащеніи себя. Если бы не сколачивала грошей на домъ, могла бы что-нибудь урвать и близкимъ, поддержала бы ее. И дѣдка бы жилъ, если бы не этотъ проклятый домъ. Съ него все и началось».

Лампадовъ грустно улыбнулся.

— Снявши голову, по волосамъ плачутъ,—замѣтилъ онъ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Анна Андреевна вздохнула.

— Теперь у насъ столпотвореніе вавилонское,—сказала она.—Дѣтей къ себѣ покуда взяли. Что съ ними дѣлать, куда пристроить? Положимъ, старшая дѣвочка, Настя, можетъ у насъ жить, я ее научу грамотѣ, шить. Она даже помогать можетъ. Дѣвочка шустрая и понятливая. А другія?..

— Въ пріюты надо куда-нибудь пристроить,—сказалъ Лампадовъ.—Я похлопочу.

Анна Андреевна вдругъ оживилась и даже слегка покраснѣла. Она отчасти именно за тѣмъ и пришла къ старику, чтобы просить его пристроить дѣтей.

— Пожалуйста, голубчикъ дядя, похлопочите! Вѣкъ Бога молить будемъ! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—быстро заговорила она.—Ихъ нельзя у насъ держать, никакъ нельзя...

— Еще бы! Сколько лишнихъ ртовъ!—сказалъ Лампадовъ.

— Не то, не то, дядя!—воскликнула она живо.—Хлѣба бы какъ-нибудь достало. Я стану больше работать. У себя урѣжемъ... Но нельзя ихъ оставить, никакъ нельзя: ихъ мало что отмыть надо, мало что они опаршивѣли, ихъ опасно держать вмѣстѣ съ Митей... Ахъ, дядя, если бы вы знали, родной, чего насмотрѣлись эти дѣти! Сегодня слышу я, спрашиваетъ маленькій Коля у Мити: «А твой тятька бьетъ твою мамку?» Митя удивился, а онъ сталъ ему разсказывать, что у нихъ тамъ, въ подвалѣ, какой-то солдатъ свою полюбовницу каждую ночь билъ... Такъ и сказалъ «полюбовницу». Да это еще что!.. У него такія слова есть, что стыдно и повторить.

Digitized by Google

И Анна Андреевна конфузливо, съ потупленными глазами, начала разсказывать, чего насмотрѣлись дѣти тетки Дарьи въ подвалѣ. Никакая житейская грязь не была для нихъ тайною. Ихъ нельзя было удивить какими-нибудь пороками или развратомъ. Они смотрѣли на все, говорили обо всемъ громко, называли все своими именами. Каждая ихъ фраза, каждое слово заставляли краснѣть.

— И точно волчата между собою грызутся изъ-за куска хлѣба!—со вздохомъ закончила Анна Андреевна разсказъ объ этихъ дѣтяхъ.

Потомъ она пояснила, что ея мать взяла ихъ, такъ какъ они все же родные, близкіе родные; но оставить ихъ у себя,—когда Митя еще такой маленькій,—всѣ въ семьѣ понимали, что это невозможно. Это значило губить Митю. Его опасно было оставлять съ ними даже на время. Анна Андреевна договорилась, наконецъ, до главной цѣли своего посѣщенія къ Лампадову. Со слезами на глазахъ она стала просить старика пріютить на время Митю.

— Я знаю, дядя, что онъ васъ стѣснитъ, что вамъ не весело съ нимъ возиться,—говорила она тихо.—Но, ей-Богу, не безпокоила бы я васъ, если бы не боялась за него. Мы не такъ ростили его; онъ не такой, какъ эти дѣти. Не барчонокъ онъ,—нѣтъ; но и не такой, какъ они,—не испорченный еще. Конечно, я знаю, что вамъ тяжело...

— Ничего ты, Аннушка, не знаешь!—нетерпѣливо перебилъ ее Лампадовъ.—Никакихъ тутъ тягостей и стѣсненій нѣтъ. Ну, нужно, чтобъ онъ погостилъ у меня, и пусть погоститъ... А вотъ надо похлопотать о тѣхъ-то ребятишкахъ. Эта потруднѣе задача. Четверыхъ сразу пристроить тоже не шутка. Ну да, авось, устрою...

Анна Андреевна начала изливаться въ благодарностяхъ. Лампадовъ нѣсколько нетерпѣливо махнулъ рукой и быстро перебилъ ея излiянія:

— А вотъ ты настаивай, чтобы мать землю продала да съ Пахомовымъ раздѣлалась скорѣй,—сказалъ онъ.—Вѣдь это петля на шеѣ; надѣли ее и не замѣчаете, какъ она затягивается. Проценты-то растутъ, а вы и не замѣчаете, во что этотъ долгъ-то обращается. Математики тоже!

— Да ужъ это рѣшено,—отвѣтила Анна Андреевна.— Мать и плачетъ, и тужитъ о землѣ, а все же рѣшилась кончить это дѣло. Призракъ это одинъ и мечта пустая, что у насъ земля есть... Только тяжело на мать смотрѣть, вѣдь

Digitized by Google

у нея всѣ надежды были на эту землю, а теперь въ домѣ точно покойникъ, точно покойникъ!

Анна Андреевна стала прощаться съ Лампадовымъ. Онъ проводилъ ее до сѣней и ласково погладилъ по головѣ, когда она цѣловала его руку на прощанье.

— Добрая ты дѣвушка,—проговорилъ онъ.—Заходи какънибудь поболтать, да душу отвести. У васъ-то ужъ очень невесело тамъ.

Онъ угадалъ. Въ домѣ Орловыхъ было точно невесело. Марья Ѳедоровна, рѣшившись продать землю, казалось, дорогого покойника хоронила. Съ продажей этой земли она хоронила свои послѣднія несбывшіяся мечты и надежды. Эта земля для нея была чѣмъ-то въ родѣ лотерейнаго билета въ рукахъ бѣдняка. Всѣ нужды, всѣ недостатки переносились тверже и спокойнѣе при мысли, что вотъ построится домъ на этой землѣ, начнетъ приносить онъ доходъ, выплатится понемногу долгъ, а тамъ и начнется безпечальное житье въ своемъ углу съ доходами отъ отдачи квартиръ. Цѣлые вечера въ былые дни проводились надъ счетомъ будущихъ расходовъ и приходовъ; расходы высчитывались въ самомъ уменьшенномъ видѣ, а доходы доводились до maximum'а по этимъ расчетамъ, кредиторы непремѣнно любезно отстрачивали до послѣдней крайности платежи; а всякіе должники и плательщики оказывались невообразимо аккуратными и точными. Это была извѣстная ариѳметика бѣдняковъ, старающихся обмануть себя розовыми мечтами. Ее только и знаютъ тѣ, кому приходилось вынести на своихъ плечахъ тяжелый гнетъ бѣдности, кто, голодая сегодня, старался убѣдить себя, что завтра его трудъ начнетъ оплачиваться щедрѣе, что завтра плата за трудъ будетъ выдаваться аккуратнѣе, что,—однимъ словомъ, что нужно только переждать, пережить до завтра и... По этой ариѳметикѣ всегда выходитъ такъ, что на долю разсчитывающаго выпадетъ въ лотерею непремѣнно главный выигрышъ. Пусть этотъ выигрышъ одинъ на сто тысячъ билетовъ, но каждый бѣднякъ, взявши въ лотерею билетъ, все-таки твердо убѣжденъ, что именно онъ выиграетъ этотъ призъ. Но судьба въ послѣднее время дала слишкомъ много толчковъ и щелчковъ Марьѣ Ѳедоровнѣ, чтобъ она могла продолжать еще ждать и надѣяться. Обманувшаяся въ своихъ надеждахъ женщина перешла теперь въ другую крайность и приписывала всѣ несчастія только этой «проклятой землѣ». Безъ этой земли они жили бы тихо и

Digitized by Google

мирно, отложили бы грошъ на черный день, не потеряли бы на пожарѣ всего, не видѣли бы разбитаго параличомъ дѣда, не пришлось бы имъ такъ скоро хоронить его. Даже смерть своихъ двухъ дѣтей, умершихъ года два-три тому назадъ, Марья Ѳедоровна приписывала этой землѣ: о домѣ она думала, а не о дѣтяхъ; брошенными росли, потому и умерли; вотъ и Митя захирѣлъ, потому что и на него мало вниманія обращали. А тетка Дарья? Развѣ Орловы могли бы такъ забыть и бросить ее, если бы не эти волненія по постройкѣ дома, не этотъ пожаръ, не смерть дѣдки, не разореніе? Нѣтъ, тетка Дарья только потому и погибла, что они объ однихъ своихъ интересахъ думали, одни свои барыши считали. Это былъ періодъ покаянія и бичеванія себя.

— Все потому, что выше Бога хотимъ быть!—говорила Марья Ѳедоровна съ горечью.

Но рядомъ съ этимъ начала пробиваться все замѣтнѣе и замѣтнѣе другая струйка, другой потокъ идей: вотъ если-бъ Андрей Ивановичъ хоть немного больше получалъ содержанія, тогда было бы все хорошо.

— Жалованье-то какое даютъ, курамъ на смѣхъ, — говорила раздражительно Марья Ѳедоровна. — Они бы хоть то подумали, что на это жалованье квартиру нанять да одѣться только и можно. Что-жъ, съ голода, что ли, умирать или воздухомъ питаться? При царѣ Горохѣ назначили жалованье это, когда все вдесятеро дешевле было, и ни гроша не прибавляютъ. Видно хотятъ, чтобы чиновники-то на большихъ дорогахъ грабили или рѣзали людей. Люди на государевой службѣ состоятъ, царю служатъ, чины имѣютъ, горбъ гнутъ, а какой-нибудь швейцаръ или камердинеръ больше получаетъ, чѣмъ они. Посадила бы я ихъ на наше мѣсто хоть на годъ, — увидали бы тогда, каково намъ живется.

Бѣдную женщину душила злоба; ея рѣчи становились крайне рѣзкими и желчными.

— Нѣтъ, надо, видно, точно съ живого и съ мертваго драть, тогда только и выбьешься изъ нужды, — говорила она.—И дураки тѣ, которые не берутъ!

— И радъ бы взять, да кто дастъ? — замѣтилъ какъ-то вскользь Андрей Ивановичъ.

— Кто дастъ, кто дастъ?.. Вотъ Ѳедору Матвѣевичу даютъ,—отвѣтила Орлова.

— Парамоновъ-то въ справочномъ столѣ служитъ, — по-

Digitized by Google

яснялъ мужъ. — Тамъ послѣдній писаришка какъ сыръ въ маслѣ катается. У нихъ что ни справка — то доходъ. Послѣдній мужичонко изъ грязной тряпицы деньги выворачиваетъ. А у насъ въ столѣ развѣ наводятъ справки? Мы и просителей-то въ годъ въ лицо ни разу не увидимъ.

— Да, инымъ людямъ счастье! — со вздохомъ замѣтила Марья Ѳедоровна.

— Отчего же и не валить счастью, если вѣ-время позвалъ директорскаго камердинера сынишку окрестить? — отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Не дома намъ строить надо было, а связями запасаться. Такъ-то вѣрнѣе бы было!

Въ голосѣ Андрея Ивановича звучала сухая рѣзкость. Марья Ѳедоровна даже изумилась и какъ будто струсила,— такъ непривыченъ былъ для нея этотъ тонъ мужа.

— У насъ все фанаберіи какія-то,—настойчиво продолжалъ Андрей Ивановичъ еще болѣе сухо, еще болѣе рѣзко.— Съ фанаберіями далеко не уйдешь. Много о себѣ думали,— изъ благородныхъ тоже, изъ дворянъ! Когда къ намъ нужные люди идутъ сами, мы ихъ приласкать не умѣемъ, случаемъ не умѣемъ пользоваться. Что намъ они? Мы и безъ ихъ помощи проживемъ! Чиновные мы люди, такъ гдѣ ужъ намъ съ какой-нибудь крѣпостной челядью компанію водить!..

Марья Ѳедоровна слушала, какъ провинившаяся, эти упреки съ опущенной головой. Она сознавала, что мужъ намекаетъ на ея неумѣнье приласкать нужныхъ людей. Она знала даже, про какой именно случай онъ говоритъ, и не возражала, не оправдывалась.

— Къ намъ идутъ, бѣлье шить отдаютъ, а мы знакомства не умѣемъ завязать,—безпощадно продолжалъ Андрей Ивановичъ пояснять свою мысль, точно не замѣчая смущенія жены.—Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, знакомство завязывать съ первой встрѣчной крѣпостной дѣвкой. У насъ мужъ — чиновникъ, у насъ родные все — изъ дворянъ, помѣщиками тоже сами когда-то были, крѣпостныхъ полторы души имѣли, такъ мы и безъ знакомства съ холопами въ люди выйдемъ! А чья эта горничная-то?—Самой директорши! Можетъ-быть, эта холопка-то больше самого директора значитъ. Этого мы и знать не хотимъ!

Марья Ѳедоровна заплакала,—тихо, безмолвно заплакала, не находя словъ для оправданія себя. Дѣйствительно, она сознавала теперь, что она была виновата: нѣсколько недѣль тому назадъ къ нимъ заходила заказать себѣ бѣлье

Digitized by Google

дворовая дѣвушка, состоявшая при женѣ директора горничною. Бѣлье было сшито и на этомъ все дѣло и кончилось, несмотря на всю любезность разбитной дѣвушки, приглашавшей къ себѣ въ гости «компанію водить» и Марью Ѳедоровну, и Анну Андреевну. Тогда Марья Ѳедоровна даже и не думала о возможности знакомства съ этою горничной. Еще бы! Марья Ѳедоровна не долюбливала «бабья» и почти не имѣла знакомыхъ женщинъ даже въ своемъ чиновничьемъ кругу. Съ чего же она вдругъ стала бы водить знакомства съ крѣпостной служанкой?.. У нихъ, у Орловыхъ, собирались все-таки благородные люди, чиновники, и вдругъ среди нихъ появилась бы крѣпостная дѣвушка. Самъ Андрей Ивановичъ тогда не возражалъ женѣ ничего и только вскользь замѣтилъ: «она директоршей вертитъ». Это было сказано мелькомъ, не въ видѣ какого-нибудь совѣта, а просто какъ характеристика этой шустрой особы. Теперь было не то: Андрей Ивановичъ видѣлъ, съ одной стороны, что ихъ положеніе все ухудшается, а съ другой — и самъ замѣтилъ, и слышалъ толки товарищей, что его сослуживецъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Парамоновъ ловкую штуку устроилъ, пригласилъ въ крестные отцы своему сыну камердинера директора. Это обстоятельство невольно напомнило ему о горничной жены директора. Не мало пользы могла бы она принести, если-бъ ее приласкали. Марья Ѳедоровна не сумѣла сдѣлать этого. Онъ разсердился на жену. Впрочемъ, его раздраженіе длилось недолго: у него были спѣшныя дѣла, сотни мелкихъ служебныхъ заботъ, — думать о томъ, что было безвозвратно упущено, было некогда. Но Марья Ѳедоровна успокоилась не такъ легко. Упреки мужа подняли въ ней цѣлый рой думъ и размышленій; если-бъ эта горничная была обласкана ими, они могли бы черезъ нее добиться перевода Андрея Ивановича на болѣе выгодное мѣсто; можетъ-быть, эта горничная и заходила къ нимъ съ заказомъ бѣлья не спроста; такъ бы она не зашла къ нимъ, если-бъ у нея не было другихъ цѣлей, такъ какъ шить много. Но что же ей было нужно отъ нихъ? Она разспрашивала что-то о племянникѣ Андрея Ивановича, Васѣ: къ чему эти разспросы? Или это она такъ спрашивала о немъ, безъ цѣли?.. Всѣ эти думы и вопросы не давали Марьѣ Ѳедоровнѣ покоя въ теченіе нѣсколькихъ дней. Она ходила въ какой-то тревогѣ и, наконецъ, на что-то рѣшилась.

Одѣвшись однажды утромъ въ самое нарядное платье,

Digitized by Google

она вышла изъ дому, сказавъ Аннѣ Андреевнѣ, что идетъ по дѣлу. Дочери показалось нѣсколько страннымъ, что мать не сказала ей, по какому именно дѣлу она идетъ. Секретовъ и тайнъ между матерью и дочерью не было, а тутъ вдругъ мать такъ принарядилась и ушла, не сказавъ, куда идетъ. Прошло болѣе трехъ часовъ прежде ея возвращенія. Анна Андреевна начинала уже безпокоиться, какъ вдругъ раздались шаги матери, и передъ Анной Андреевной появилось сіяющее лицо Маріи Ѳедоровны. Давно Орлова не смотрѣла такъ весело.

— Работу, Аннушка, достала,—сказала она, бросивъ на столъ узелокъ и снимая шляпку.— Надо будетъ пофасонистѣе все сшить.

— Отъ кого?—спросила Анна Андреевна.

— Отъ Лизаветы Михайловны,—отвѣтила мать.—Поценяла я ей, что она насъ забыла, наврала, что сама все больна была, да вырваться не могла ради болѣзни и смерти тетки Дарьи. Ну, повѣрила, затарантила... Вотъ ужъ бойка на языкъ-то, такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ словами. Просто слушать устанешь...

Анна Андреевна смотрѣла на мать въ недоумѣніи.

— Да про какую Лизавету Михайловну вы говорите?— спросила она.

— Да про камеръ-юнферу генеральши! Помнишь, что бѣлье-то отдавала шить, да все къ себѣ звала насъ?—отвѣтила Марья Ѳедоровна.

— Гдѣ вы ее встрѣтили?

— Да не встрѣтила, а говорю тебѣ—у нея была... Обрадовалась, не знала, куда посадить, кофеемъ угощала, завтракомъ... И все-то это у нихъ господское: и серебро, и хрусталь, и столовое бѣлье. Такъ и помыкаютъ всѣмъ, какъ своимъ... Она къ намъ въ воскресенье завернетъ въ гости. Спрашивала опять про Васю. Я удивилась, что она Васю знаетъ и такъ имъ интересуется, а она, видишь ли, встрѣчала Васю-то съ нашимъ отцомъ, разузнала, что онъ Андрею Ивановичу родной племянникъ, братнинъ сынъ, и что служитъ въ министерствѣ финансовъ. Сдается мнѣ что-то, что она норовитъ познакомиться съ Васей... Что-жъ, онъ человѣкъ молодой, холостой, одинокій, а она дѣвушка хорошая, добрая и, поди, кое-что скоплено. Да ужъ какъ не скопить при такомъ житьѣ-то: вѣдь она у генерала съ цѣлой семьей служитъ — и съ матерью, и съ братьями, и съ тетками. Какъ есть саранча, ей-Богу! Со всѣхъ сторонъ

Digitized by Google

домъ генеральскій облѣпили. Такъ тутъ можно на приданое скопить. Тоже Васѣ и въ его министерствѣ черезъ ея генеральшу могутъ повышеніе дать,—вѣдь у нихъ тамъ у всѣхъ связи, у генераловъ-то...

Марья Ѳедоровна говорила быстро, оживленно.

— Но развѣ Вася рѣшится жениться на крѣпостной горничной?—сказала Анна Андреевна.

— Не горничная, а камеръ-юнгфера, — сказала Марья Ѳедоровна. — Она иначе себя и не называетъ. Ну, да это что!.. Да и по другому вѣдомству она. Кто узнаетъ? Конечно, съ улицы стали бы ему ее сватать, можетъ-быть и отказался бы, по молодости лѣтъ, а то нашъ отецъ можетъ ему все это объяснить, какія она такія протекціи имѣетъ. Тоже мальчикъ на линію черезъ нее можетъ выйти. Лбомъ-то своимъ, да спиною, матушка, тоже не многаго добьется. Вонъ отецъ-то нашъ всю жизнь горбъ гнетъ, а гдѣ это наши капиталы-то, да чины? Отъ кого это намъ почетъ, да уваженіе?.. Нѣтъ, ужъ правду говоритъ пословица: что твоя честь, коли нечего ѣсть! Прежде-то я и сама, вотъ какъ ты, разсуждала, а теперь познала все это, прошла эту науку-то.

— Да честная ли она хоть дѣвушка-то?—спросила Анна Андреевна.

— Ну, это темная вода, Аня, — отвѣтила Марья Ѳедоровна.—Да тутъ и не въ этомъ дѣло. Ужъ, конечно, если Вася женится на ней, такъ изъ расчета, значитъ, и нужно хлопотать только, чтобы не обочли...

— Ну, ужъ такъ-то лучше и не жениться, безъ любви-то...

— И съ любовью-то тоже не радость; скоро что-то эта любовь проходитъ, какъ любишь на голодное брюхо...

Анна Андреевна промолчала.

Вечеромъ пришелъ изъ должности Андрей Ивановичъ. Марья Ѳедоровна быстро сообщила ему новость. Онъ выслушалъ весь ея разсказъ молча, внимательно, не раздвигая сдвинутыхъ бровей. Когда она кончила, онъ коротко и сухо замѣтилъ:

— Ну, слава Богу, хоть разъ умнаго совѣта послушалась!

Эти слова были послѣднею каплей, переполнившею чашу горечи въ сердцѣ Марьи Ѳедоровны. Смотря на ея оживленное и бодрое лицо, никто и не подозрѣвалъ, что таилось у нея на сердцѣ въ этотъ день. Услышавъ слова мужа, она вдругъ поблѣднѣла и заговорила быстро, со слезами въ голосѣ:

Digitized by Google

— Грѣхъ тебѣ, отецъ, грѣхъ такъ говорить! Не въ первый разъ, не въ послѣдній я умнаго совѣта послушалась! Все я дѣлала, что могла, что умѣла. Не мнѣ разсказывать, какъ я билась, — самъ видѣлъ, что и не допивала, и не доѣдала, и не досыпала, чтобъ изъ нужды семью вытащить, чтобъ тебѣ помочь. Дармоѣдкой нельзя назвать...

— Да кто же говоритъ,—замѣтилъ-было Андрей Ивановичъ, не ожидавшій такого оборота бесѣды, но Марья Ѳедоровна не дала ему кончить.

— Нѣтъ, ужъ если за все, за все, что дѣлаю, да еще попрекать будутъ,—свои близкіе попрекать будутъ,—такъ лучше и не жить!—почти рыдая, проговорила она.—Все у меня наболѣло, всякій суставчикъ ноетъ, такъ еще новаго горя не доставало, чтобы свои же люди говорили, что я не хочу имъ помочь, что я отъ чего-нибудь отказываюсь. Да если бы мнѣ сказали, что для васъ я по грязи должна ползать, въ ногахъ у людей валяться, я и тогда ни слова бы не сказала напротивъ... А ты говоришь: въ первый разъ умнаго совѣта послушалась! Что-жъ, значитъ, я не слушалась тебя когда-нибудь, спорила съ тобой, привередничала, какъ другія жены?..

— Полно, мать, полно! — тихо сказалъ Андрей Ивановичъ, и въ его голосѣ послышались и мягкость, и грусть.

— Изстрадалась я за это время, изстрадалась!—продолжала она, рыдая. — И видитъ одинъ Господь Богъ, что одного только прошу я, чтобъ Онъ прибралъ меня поскорѣе! Пошло какъ все подъ гору, такъ и конца края не видно: тутъ нужда, тамъ потеря, въ семьѣ разладъ, добраго слова не слышно, сегодня ты попрекнешь, завтра, глядишь, дѣти корить станутъ, а ужъ тогда лучше и не жить, лучше и не жить...

Анна Андреевна, захлебываясь отъ слезъ, молча и неслышно вышла изъ кухни.

— Маша, голубушка, оба мы изстрадались, оба! — совсѣмъ ласково проговорилъ Андрей Ивановичъ. — Ты тутъ плакала, а у меня тамъ буквы, да строчки передъ глазами прыгали. Не отъ радости тоже, не отъ радости! Ты думаешь, мнѣ-то легко? Молчу я только, такъ что же говорить-то? Кто пособитъ? Чѣмъ пособить? А иногда вотъ молчишь, а въ душѣ-то точно кто-то сидитъ, да нашептываетъ: «Покончи, покончи все разомъ».

— Андрей Ивановичъ, Христосъ съ тобой!—воскликнула испуганно Марья Ѳедоровна.— Грѣхъ-то какой!

Digitized by Google

— Грѣхъ не грѣхъ, а вонъ и у тебя сорвалось, что только о смерти и молишь Бога... Видно, тоже отъ радости, да отъ счастья...

— Прошли онѣ, видно, радости-то!

— Вотъ то-то и есть, что прошли... И онѣ прошли, и все прошло; и ждать больше нечего...

Послѣ многихъ мѣсяцевъ, прошедшихъ со дня пожара, мужъ и жена впервые бесѣдовали теперь между собой, какъ бесѣдовали они когда-то въ вечерніе часы. Но, Господи, какая пропасть отдѣляла тѣ вечера отъ этого вечера! Тогда у нихъ были радужныя надежды, живые толки, веселыя шутки. Теперь они изливали другъ передъ другомъ все, что перестрадали они въ эти страшные мѣсяцы бѣды и горя и что они старались тщательно, упорно скрыть другъ отъ друга, безсознательно, инстинктивно щадя и въ то же время невольно терзая одинъ другого. Только одно общее было между тѣми вечерами и этимъ вечеромъ — это ихъ простая, искренняя привязанность другъ къ другу, къ дѣтямъ. Эта привязанность еще не была покуда убита, не погибла подъ всѣми развалинами былого счастья. Мужъ разсказалъ женѣ, какъ оскорбленъ и униженъ онъ былъ еще сегодня, попросивъ у начальства перевода на лучшее мѣсто и получивъ грубый отказъ. Она, въ свою очередь, передала мужу, какъ мучилась она въ теченіе трехъ дней, стараясь переломить себя, чтобы «поклониться кошкѣ въ ножки». Онъ жаловался на то, что его не поощряютъ, — что если онъ и не считаетъ себя очень большимъ умомъ, то все же онъ признаетъ себя лучшимъ работникомъ и честнымъ чиновникомъ; но, видно, не рвеніе и честность нужны начальству, а протекція и низкопоклонство. Она роптала на то, что ей впервые пришлось унижаться передъ этой барской барыней, что ей хотѣлось всегда добиться всего честнымъ трудомъ—своимъ трудомъ, а не заискиваніемъ Богъ знаетъ передъ кѣмъ, — что она сегодня какъ на горячихъ угольяхъ сидѣла въ людской съ лакеями и съ поварами за кофе.

— Безъ васъ, говоритъ, знаютъ, кто чего достоинъ, — разсказывалъ Андрей Ивановичъ про отвѣтъ, данный ему начальствомъ.—А кто это знаетъ-то? Они, начальники, что ли? Такъ ничего они не знаютъ, ничего не видятъ, а пляшутъ подъ чью-нибудь дудку. Однимъ секретарь ворочаетъ, другимъ камердинеръ, третьимъ любовница. И такъ все идетъ: есть протекція—ликуй и веселись, нѣтъ протекціи—

Digitized by Google

поколѣвай въ неизвѣстности... Тутъ поневолѣ съ горя-то махнешь на все рукой, да либо запьешь, либо руки на себя наложишь...

— Ироды, Ироды проклятые! — шептала Марья Ѳедоровна.—Недаромъ хамы-то ихъ носъ поднимаютъ, да свысока смотрятъ на насъ... Ты бы послушалъ, какъ они о чиновникахъ-то говорятъ, точно чиновники-то не царю, а имъ, хамову отродью, служатъ...

— Знаю я ихъ! Слава Богу, на первомъ мѣстѣ тоже сидятъ у многихъ изъ нашихъ...

— Да что говорить, что говорить! Станешь принимать ихъ, да кланяться имъ, какъ животы подведетъ...

— Не сладко оно только,—ой, какъ не сладко!

— Да ужъ что и говорить. Ты ему поклонись, да жди, когда онъ надъ тобой наломается. Даромъ хамъ тебѣ не услужитъ...

Мужъ и жена чутьемъ угадали теперь, почему онъ такъ рѣзко отвѣтилъ ей на ея радостную новость, и почему она такъ быстро перешла отъ этой радости къ истерическимъ рыданіямъ.

Анна Андреевна и дѣти покойной сестры Дарьи давно уже уснули крѣпкимъ сномъ, а въ кухнѣ все еще продолжалась бесѣда мужа и жены; они выплакали все наболѣвшее на душѣ, и словно имъ стало легче, точно они помолодѣли, точно имъ нужно было снова громко высказать другъ другу, что если они и были несчастны, то несчастіе все-таки покуда пощадило одно изъ ихъ сокровищъ—ихъ супружескую любовь, ихъ семейное согласіе.

— Ну, а на меня-то ты не сердишься?—спрашивалъ жёну ласковымъ шопотомъ Андрей Ивановичъ.

— Я и не сердилась, больно мнѣ только было, подъ сердце точно что подкатилось,—отвѣчала она также тихо.

У Орловыхъ точно отлегло отъ сердца. Имъ казалось, что гроза, разразившаяся надъ ихъ семьей во время пожара въ ихъ домѣ и не переставшая бушевать надъ ними въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, вдругъ улеглась, утихла. Впереди не предвидѣлось никакого новаго счастья, никакихъ новыхъ радостей; но они чувствовали, что для нихъ хотя на время настаетъ затишье. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они точно избѣгали другъ друга, точно не были мужемъ и женой, точно боялись приласкать одинъ другого. Теперь все словно выяснилось между ними, и у нихъ опять явилась возможность дѣлиться между собой и горемъ, и радостями.

Digitized by Google

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Въ домѣ князя Александра Владиміровича Русова была устроена на второй день Рождества ёлка.

Княжеская ёлка отличалась всегда особеннымъ блескомъ и въ то же время какими-нибудь филантропическими затѣями. Хозяйка дома, княгиня Марья Львовна Русова, была большая охотница до этихъ затѣй. На этотъ разъ она хлопотала объ ёлкѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, придумавъ новое развлеченіе. Весь барскій домъ въ назначенный для ёлки день къ вечеру ярко освѣтился огнями. Съ улицы могло показаться, что бель-этажъ охваченъ внутри пожаромъ. На ёлку съѣхались сотни людей. Атласъ, бархатъ, кружева дамскихъ нарядовъ перемѣшивались съ блестящими статскими и военными мундирами мужчинъ. Драгоцѣнные каменья, золото и серебро дамскихъ украшеній, эполеты, ордена и звѣзды кавалеровъ—все это ярко блестѣло, озаренное сотнями свѣчей, все это отражалось и повторялось въ цѣломъ рядѣ зеркалъ. Среди взрослыхъ мелькали граціозныя фигурки дѣтей, дѣвочекъ въ воздушныхъ коротенькихъ платьяхъ, съ массами бантовъ и кружевъ, и мальчиковъ въ изящныхъ курточкахъ, въ мундирчикахъ пажей, правовѣдовъ и лицеистовъ. Во всѣхъ комнатахъ слышался оживленный шумъ отъ шелеста шелка, тихаго говора, сдержаннаго смѣха, легкихъ шаговъ по паркету! Въ освѣженномъ воздухѣ парадныхъ залъ, принявшихъ видъ волшебнаго сада, вѣяло тонкимъ ароматомъ распустившихся цвѣтовъ и духовъ.

Ровно въ восемь часовъ началась музыка, и подъ ея звуки всѣ группы гостей столпились въ одной бѣлой залѣ, въ два свѣта, гдѣ молоденькая хозяйка и пожилая гувер-

Digitized by Google

нанятка ея дѣтей уже распорядились, чтобы дѣти сошлись въ пары. Послѣ неизбѣжной путаницы и маленькихъ замѣшательствъ вереница дѣтскихъ паръ была составлена и, подъ предводительствомъ хозяйки, съ гувернанткой въ арріергардѣ, направилась черезъ круглую залу въ длинную столовую. Къ круглой залѣ съ одной стороны примыкала бѣлая зала; съ боковъ круглой залы находились двѣ длинныя комнаты—столовая и картинная галлерея. Эти двѣ комнаты, какъ и бѣлая зала, отдѣлялись отъ круглой залы громадными арками съ массивными портьерами изъ темно-краснаго бархата. Когда дѣти подошли къ столовой залѣ, портьеры раздвинулись, и передъ дѣтьми открылась длинная комната съ рядомъ столовъ, уставленныхъ небольшими ёлками и массой самыхъ разнообразныхъ вещей, шерстяныхъ косынокъ и шарфовъ, пестрыхъ ситцевъ и дѣтскихъ сапогъ. Ёлки были украшены свѣчами, фонариками, пряниками и орѣхами.

Кто-то изъ дѣтей тихо воскликнулъ:

— O, c'est charmant!

Кто-то другой также тихо замѣтилъ ему:

— Tais-toi, c'est pour les gueux!

Княгиня уже командовала, чтобы размѣстили дѣтей по мѣстамъ.

Къ каждой ёлкѣ начали разставлять по группѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, стараясь въ каждой группѣ поставить и кого-нибудь изъ взрослыхъ. Когда всѣ дѣти были разставлены по мѣстамъ, отворилась противоположная аркѣ дверь и въ нее хлынула толпа совсѣмъ иныхъ дѣтей. Тутъ не было, ни локоновъ, ни яркихъ цвѣтныхъ лентъ, ни воздушныхъ платьицъ, ни мундирчиковъ, ни перчатокъ. Грубые сапоги и башмаки, ситцевыя платья и рубашонки, шерстяные и бумажные платочки на головахъ дѣвочекъ, какія-то неуклюжія, пестрыя косынки вмѣсто галстуковъ на шеяхъ мальчиковъ—все это ясно говорило, что это-то и были тѣ gueux, та голь перекатная, для кого устраивалась здѣсь ёлка. Въ комнату пахнуло свѣжимъ воздухомъ, улицей. Сначала вся эта толпа бойко хлынула въ открытую дверь, и въ комнатѣ раздалось даже нѣсколько громкихъ возгласовъ.

— Смотри-ка, смотри! Горитъ! Эва, какія ёлки!

И вдругъ разомъ все смолкло; маленькіе дикари увидали другихъ людей, баръ, и попятились пугливо назадъ, надавивъ на задніе ряды. Находившіеся сзади первыхъ ребя-

Digitized by Google

тишки приподнялись на цыпочки, и ихъ любопытные глазенки старались черезъ головы передовыхъ товарищей взглянуть, что дѣлается впереди. Въ комнатѣ послышалось тяжелое дыханіе стѣснившихся въ одну кучу ребятишекъ.

— Идите, идите, дѣти! Не бойтесь. Это для васъ. Подходите!—ободряла княгиня.

Дѣти не трогались съ мѣста и все пятились назадъ.

Княгиня, наконецъ, взяла за руку одну изъ дѣвочекъ, стоявшихъ впереди, и повела ее къ столу. Дѣвочка совсѣмъ потупилась, засунула палецъ въ ротъ и глядѣла исподлобья, повидимому, готовая расплакаться. Въ ту же минуту, совершенно неожиданно, изъ этой толпы, сильно работая локтями, выбирался одинъ мальчуганъ въ шумящей ситцевой рубашкѣ, съ густо напомаженною масломъ головой, съ вспотѣвшимъ отъ усилій лбомъ, и, бойко стуча на ходу большими сапогами, пошелъ впередъ. Въ толпѣ голи раздался удивленный шопотъ:

— Васька-то, Васька-то какъ духу набрался!

Въ толпѣ барскихъ дѣтей и гостей раздался легкій, сдержанный смѣхъ.

— Куда идти-то?—рѣзко спросилъ вдругъ Васька, останавливаясь по срединѣ комнаты и оглядывая присутствующихъ бойкимъ взглядомъ.

— Къ намъ, къ намъ!—дружно крикнули барскія дѣти, позабывъ въ минуту веселаго настроенія и приличіе, и чинность.

Васька увидѣлъ нѣсколько разомъ протянувшихся къ нему съ подарками рукъ и сталъ поспѣшно забирать все, что ему предлагали.

Этотъ веселый эпизодъ сразу ободрилъ остальную мелкую голь, увидавшую, что Васька набралъ полныя руки подарковъ, и она двинулась впередъ, на приступъ, протягивая руки за подачками. Въ комнатѣ начались шумъ, топотъ, говоръ, смѣхъ. Ребятишки смѣшались вмѣстѣ, толкались, обгоняли другъ друга. Княгиня была очень довольна оживленіемъ, царствовавшимъ на этой «благотворительной елкѣ». Столы быстро начали пустѣть. Нѣкоторыя изъ бѣдныхъ дѣтей, точно звѣрьки, схватившіе добычу, удирали изъ столовой; другія, заинтересованныя полученными подарками, вертѣли ихъ со всѣхъ сторонъ въ рукахъ, внимательно осматривая ихъ и сравнивая съ подарками товарищей. Однимъ казалось, что «Машуткѣ лучше ситецъ достался»; другіе утверждали, что «а лучше моего шарфа

Digitized by Google

ни у кого, братцы, нѣтъ». Не обошлось безъ мелкихъ споровъ, перебранокъ и даже щипковъ среди этой уличной мелкоты.

Наконецъ, комната совершенно освободилась отъ нашествія дикарей, и остался одинъ виновникъ всеобщаго оживленія, Васька. Онъ развязно обернулся къ присутствующимъ и спросилъ.

— Теперь, значитъ, можно идти?

— Можно,—отвѣтилъ ему кто-то.

— Значитъ, больше ничего не будетъ?—спросилъ онъ уже утвердительнымъ тономъ.—Ну, спасибо и на этомъ!

Онъ низко поклонился, встряхнувъ напомаженной головой, и, опять бойко стуча сапогами, пошелъ къ выходу развалистою походкой.

— Смотрите, смотрите, какіе у него сапоги!—вдругъ сдержанно воскликнулъ кто-то, обративъ, вслѣдствіе шума шаговъ, вниманіе на его ноги.

По всѣмъ лицамъ пробѣжала усмѣшка. На Васькѣ были отцовскіе сапоги, достигавшіе ему выше колѣнъ.

— C'est le chat botté!—сострилъ кто-то, и по комнатѣ пронесся дружный хохотъ.

«Котъ въ сапогахъ» не удостоилъ даже повернуть головы. Затѣмъ все общество, значительно оживившееся и жужжавшее, какъ пчелиный рой, двинулось изъ столовой черезъ круглую залу въ противоположную комнату. Видъ этой комнаты былъ дѣйствительно великолѣпенъ. Сотни картинъ на стѣнахъ въ золоченыхъ рамахъ, озаренныя придѣланными надъ ними лампами, два ряда бѣлыхъ мраморныхъ статуй у стѣнъ, десятокъ роскошно убранныхъ ёлокъ со свѣчами и фонарями, масса блестящихъ парижскихъ игрушекъ и бездѣлушекъ изъ бронзы, все это сверкало и поражало глазъ. Здѣсь тоже началась раздача подарковъ, здѣсь тоже слышался радостный шопотъ младшихъ изъ дѣтей, еще не умѣвшихъ скрывать и подавлять свои чувства и ощущенія.

Среди этой массы выдавался только одинъ ребенокъ, выдавался уже по одному своему костюму. Это былъ единственный во всемъ обществѣ гимназистъ. Въ тѣ времена еще рѣдко отдавали въ гимназіи дѣтей знати и высокопоставленныхъ лицъ. Когда дѣти сошлись, чтобъ идти попарно, княгиня взяла этого гимназиста подъ руку и съ милой улыбкой сказала:

— А ты будешь моимъ пажомъ!

Когда началась раздача подарковъ, она болѣе всего го-

Digitized by Google

ворила съ нимъ, болѣе всего заботилась о немъ. Такъ заботятся только о самыхъ привилегированныхъ посѣтителяхъ, желая выразить имъ вполнѣ свое уваженіе, или объ облагодѣтельствованныхъ бѣднякахъ, стремясь заставить ихъ забыть ихъ ложное положеніе въ блестящемъ обществѣ. Этотъ мальчикъ былъ впервые на такомъ вечерѣ, хотя въ домѣ князя Русова онъ бывалъ уже сотни разъ запросто, въ будничные дни, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и давно сдѣлался здѣсь своимъ человѣкомъ. Онъ чувствовалъ себя хорошо въ этомъ домѣ, любилъ мягкость княгини, любилъ благосклонность князя, любилъ радушіе ихъ дѣтей, любилъ просторъ и блескъ обстановки этихъ комнатъ, любилъ даже тотъ тонкій ароматъ фіалокъ, любимыхъ духовъ княгини, запахомъ которыхъ было пропитано все въ этомъ домѣ,— любилъ до того, что княгиня, шутливо называвшая его своимъ пажомъ, говорила, что онъ просто влюбленъ въ нее. Но сегодня... сегодня онъ впервые почувствовалъ себя такъ тяжело, такъ неловко, такъ не на своемъ мѣстѣ въ этомъ домѣ, что готовъ былъ бѣжать отсюда. При появленіи въ столовой бѣдныхъ дѣтей онъ вдругъ весь вспыхнулъ, точно испугавшись, что кто-нибудь изъ нихъ крикнетъ ему: «здравствуй, Митька!» А когда раздался стукъ сапогъ Васьки, въ головѣ мальчугана промелькнула мысль, что Васька точь-въ-точь его двоюродный братъ, сорванецъ Коля, десятки разъ сѣченный за свои продѣлки и уже не разъ убѣгавшій изъ пріюта. Юный гимназистикъ еще не зналъ слова «нервы», но они у него уже чувствовались, болѣли, тревожили его. Онъ уже понималъ, что какой-то лицеистъ не безъ удивленія осматриваетъ его, какъ нѣчто необычайное, какъ нѣчто невиданное въ этомъ обществѣ. Онъ уже сознавалъ, что княгиня взяла его подъ руку только потому, что она не рѣшилась выбрать ему пару среди этихъ нарядныхъ дѣвочекъ. Надо было много наслышаться дома съ колыбели о презрѣніи богатыхъ къ бѣднымъ, сильныхъ къ слабымъ, господъ къ мелкотѣ, чтобы дойти до возможности уже въ годы дѣтства улавливать всѣ эти мелочи. Но стоило взглянуть на эту худенькую высокую фигурку, на это блѣдное личико, то краснѣвшее, то блѣднѣвшее какими-то пятнами, на эти пристальные и серьезные темные глаза, то какъ-то зловѣще вспыхивавшіе огонькомъ, то вдругъ словно заволакивавшіеся слезами, и вамъ сразу стало бы ясно, что этотъ ребенокъ много видѣлъ, много испыталъ, много перечувствовалъ.

Digitized by Google

Княгиню между тѣмъ осадили дѣти; она не знала, какъ успѣть отвѣтить всѣмъ и каждому на реверансы и расшаркиванія, и мало-по-малу была оттерта отъ своего пажа. Онъ остался позади ея одинъ, всѣмъ чужой, смущенный. У него немного кружилась голова и темнѣло въ глазахъ. Въ эту минуту за нимъ послышался разговоръ.

— Сынъ генералъ-адъютанта, который бываетъ у папа?— скороговоркой говорилъ одинъ голосъ.

— Нѣтъ, кажется. А впрочемъ, не знаю!—отвѣтилъ другой.—Мнѣ самому только мелькомъ сказали его фамилію.

— Но онъ гимназистъ?.. Зачѣмъ его отдали въ гимназію?

— Я тебѣ говорю, что я ничего не знаю о немъ.

— Странно, если это графъ Орловъ...

Гимназистъ вдругъ обернулся и увидалъ за собою двухъ не очень большихъ пажей. Онъ, поблѣднѣвшій, со сверкающими глазами, прямо взглянулъ на нихъ и отчетливо, немного грубо сказалъ:

— Я не графъ Орловъ, я—просто Орловъ, и мой отецъ не генералъ-адъютантъ, а чиновникъ.

У него перехватило вдругъ духъ. Онъ взволновался теперь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ тотъ день, когда вся мелкота Захолустной улицы, увидѣвъ его впервые въ гимназическомъ мундирѣ, помчалась за нимъ съ гиканьемъ и криками: «Митька—красная говядина! Митька—красная говядина!» Пажи какъ-будто удивились этой неожиданной и, по всей вѣроятности, совершенно непонятной для нихъ выходкѣ. По ихъ лицамъ скользнула даже улыбка,—такъ смѣшна показалась имъ эта фраза: «я—просто Орловъ». Долго потомъ при встрѣчахъ съ Митей они говорили: «а вонъ и просто Орловъ идетъ». Митя между тѣмъ уже отыскивалъ Лампадова, пробираясь, какъ тѣнь, около стѣнъ, чтобы никого не задѣть и пройти незамѣченнымъ. Старикъ въ простомъ фракѣ старой моды, въ высокомъ бѣломъ галстукѣ, бесѣдовалъ съ какой-то важной особой, когда къ нему подошелъ Митя и шопотомъ сказалъ:

— Дядя, поѣдемъ.

— А танцовать?—спросилъ старикъ.

— Я же не умѣю.

— Ну, посмотришь на другихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!—тревожнымъ голосомъ настаивалъ Митя.

Лампадовъ пристально взглянулъ на него и удивился взволнованному выраженію его лица. Старикъ хорошо

Digitized by Google

изучилъ это лицо, измѣнчивое какъ море, то вдругъ озарявшееся какимъ-то блескомъ счастія, то вдругъ темнѣвшее подъ тучами нахлынувшей невзгоды.

— Ну, если хочешь, поѣдемъ,—сказалъ онъ, взявъ его за руку.—Я для тебя же пріѣхалъ.

— Да, да, поѣдемъ!—проговорилъ мальчуганъ.

Старикъ подошелъ съ нимъ къ княгинѣ.

Княгиня удивилась, что они уѣзжаютъ такъ рано. Вечеръ въ сущности еще не начинался: дѣтей ждали танцы, чай, конфеты, фрукты. Старикъ объяснилъ, что Митя не танцуетъ и, повидимому, усталъ отъ сильныхъ впечатлѣній. Вѣдь онъ впервые былъ на такомъ вечерѣ. Масса народу, движеніе, ароматъ цвѣтовъ, сильныя впечатлѣнія—все это утомляетъ, кружитъ голову, опьяняетъ. Княгиня вполнѣ понимала эти ощущенія. Она ихъ такъ любила. Она дружески протянула мальчику руку, онъ горячо поцѣловалъ ее. Княгиня улыбнулась. У ней никто не цѣловалъ такъ горячо и страстно рукъ, какъ Митя.

Дорогой старикъ еще разъ спросилъ у мальчугана, почему онъ такъ торопился, не чувствуетъ ли онъ себя нездоровымъ. Митя не могъ ничего отвѣтить. Все, что онъ испыталъ въ этотъ вечеръ, отозвалось болью въ его сердцѣ; но что именно испыталъ онъ, для этого у него не было выраженій, не было словъ. Онъ не зналъ разныхъ большихъ словъ: «я тамъ не на своемъ мѣстѣ», «меня тамъ презираютъ», «княгиня меня точно защищала». Онъ даже не сознавалъ всего этого отчетливо и ясно, — ему было просто безотчетно тяжело, душно, неловко.

Старикъ и мальчикъ довольно долго ѣхали молча, какъ будто задремавъ среди своихъ размышленій, какъ вдругъ Митя отрывисто проговорилъ, точно подумалъ вслухъ:

— Я наступилъ одному господину на ногу и оборвалъ одной дамѣ воланъ!

Лампадовъ расхохотался.

— Такъ вотъ отчего ты бѣжалъ!

Митя быстро возразилъ ему:

— Нѣтъ, нѣтъ, это я раньше еще!

Потомъ онъ опять замолчалъ.

Его теперь мучила мысль о его неловкости. Онъ вдругъ припомнилъ, какъ холодно взглянула на него эта дама, какъ пожалъ плечами этотъ господинъ, какъ онъ, Митя, сказалъ имъ: «пардонъ-съ». Ему казалось, что они, эти мужчина и дама, теперь говорятъ именно о немъ, говорятъ

Digitized by Google

какъ о неучѣ, невѣжѣ, уличномъ мальчишкѣ. Когда онъ будетъ важнымъ-важнымъ господиномъ, онъ нарочно наступитъ имъ на платье, на ноги и даже не извинится, ни за что не извинится, а только посмотритъ на нихъ, какъ смотрѣлъ на нихъ Васька, не боясь никого, не стѣсняясь ничѣмъ. И они не станутъ на него смотрѣть съ презрѣніемъ, а будутъ еще улыбаться ему, какъ улыбается его мать, принимая бывшую горничную жены директора. Кто богатъ и важенъ, того всѣ уважаютъ, что онъ ни дѣлай. Богатымъ и баллы лучшіе ставятъ въ гимназіи...

— Э, братъ, да ты ужъ и заснулъ! — послышался около него чей-то голосъ.

Онъ открылъ глаза: дядя уже разсчитывался съ извозчикомъ; они уже были въ Захолустной улицѣ, погруженной въ полнѣйшій мракъ.

Она, эта улица, со своими незатѣйливыми деревянными домами, покрившимися заборами и колеблющимися подъ ногами мостками, была все тою же мирною улицей, гдѣ лѣтомъ пыль слѣпитъ глаза, гдѣ осенью царствуетъ невылазная грязь, гдѣ зимой не выгребешься изъ снѣгу, гдѣ въ осеннія и зимнія ночи нѣтъ ни фонарей, ни свѣта въ окнахъ, ни шума экипажей, ни говора прохожихъ, гдѣ всѣ жители знаютъ одинъ другого по имени, отчеству и фамиліи и раскланиваются другъ съ другомъ, гдѣ время не производитъ почти никакихъ перемѣнъ, если не считать перемѣною то, что и здѣсь рождаются люди, подрастаютъ дѣти и умираютъ старики. И попрежнему эта улица интересовалась и Орлихой, и самымъ Орловымъ, и орловской незамужницей, и орлихинскимъ Митей. Еще бы и не интересоваться ей ими.

— Слава тебѣ Господи!—говорили захолустенцы:—и замужъ-то отъ насъ выходила Орлиха, и какъ Митя-то родился, всѣ знаемъ, потому сама-то въ тѣ поры чуть не умерла, и погорѣли-то они на нашихъ глазахъ, и ужъ чего не натерпѣлись тогда!..

Если бы слушать все, что знала въ лицѣ своихъ обывателей Захолустная улица про Орловыхъ, и въ годъ бы не переслушать толковъ, тѣмъ болѣе, что Орловы были уже не тѣми Орловыми, какими они были года четыре тому назадъ. Никто этого не зналъ такъ хорошо, какъ Митя. Онъ былъ ребенокъ, и при немъ не стѣснялись говорить все. Онъ помнилъ, что до пожара всѣ толки въ его семьѣ сводились къ одному: «сдѣлаемъ вотъ то-то и то-то, и

Digitized by Google

выбьемся изъ нужды, продохнемъ свободнѣе». Теперь было не то: надеждъ не было никакихъ; озлобленіе было на всѣхъ. Купца Пахомова иначе не звали, какъ Иродомъ-кровопійцей и Іудой-христопродавцемъ — за то, что онъ сильно поприжалъ семью при продажѣ мѣста и при расчетѣ процентовъ за домъ, и при этомъ шли обобщенія, толки вообще «о купцахъ-живодерахъ», о «проклятыхъ барышникахъ», о «толстопузыхъ разбойникахъ и грабителяхъ». Недостаточность жалованья Орлова давала безконечный матеріалъ для брани высшихъ лицъ, начальства, правительства, всѣхъ тѣхъ, кто сытъ и потому никогда не думаетъ, «каково бѣдному человѣку жить», «каково ему сводить концы съ концами», «каково смотрѣть на убивающуюся отъ нужды и горя семью». Сближеніе съ камеръ-юнферой «генеральши» было источникомъ раздраженія противъ «хохлоцкаго отродья, ворочающаго дѣлами»; эту «шваль» на порогъ не пустили бы къ себѣ Орловы, если-бъ она не имѣла «руки», если-бъ она «не вертѣла генеральшей»; но мало того, что она сама лѣзетъ, она за собой и своихъ товарокъ, своихъ родныхъ, своихъ пріятелей тащитъ, и «всѣхъ ихъ ублажай, да угощай», зная, что «имъ слово стоитъ сказать и напакостятъ хуже, чѣмъ какой-нибудь начальникъ», такъ какъ у насъ «царь милуетъ, да псарь не жалуетъ». Здѣсь съ крайнею желчностью критиковали и ругали весь общественный строй нашей жизни во всѣхъ ея мелкихъ, будничныхъ проявленіяхъ, насколько они отзывались на семьѣ. Тутъ разбиралось вкривь и вкось все — экономическое положеніе различныхъ классовъ, общественное и правительственное бездѣйствіе, равнодушіе въ отношеніи мелкихъ работниковъ и система протекцій, пролазничества, наушничества и фаворитизма.

Марья Ѳедоровна была возмущена до глубины души, когда ей пришлось предстать передъ «директоршей», и та фамильярнымъ тономъ барыни-помѣщицы обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Вы сватаете своего племянника за мою Лизу? Но хорошій ли онъ человѣкъ, моя милая?

— Онъ скромный мальчикъ, ваше превосходительство,— отвѣтила Орлова.

— Не пьетъ?.. Эти мелкіе чиновники всегда пьютъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, онъ и въ ротъ не беретъ вина.

— Да?.. Это хорошо. Я вамъ вѣрю, моя милая, потому

Digitized by Google

что было бы съ вашей стороны не честно, если бы вы меня обманывали. Я очень дорожу счастіемъ Лизы. Она молочная сестра моего сына, и я хотѣла бы, чтобъ она была счастлива.

Потомъ «директорша» небрежно замѣтила:

— Конечно, онъ бѣденъ?.. Но вы, моя милая, не безпокойтесь. Мой мужъ постарается вывести его въ люди, если онъ будетъ этого достоинъ. У насъ есть связи. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы Лиза терпѣла нужду... Я сама имъ помогу во всякомъ случаѣ.

Орлова стала благодарить.

— Ахъ, не благодарите, не благодарите! — сказала директорша.—Я сдѣлаю все, что могу. Скажите только своему племяннику, чтобъ онъ берегъ Лизу,—слышите?

Потомъ «директорша» протянула Орловой руку, но такъ, что эту руку пришлось поцѣловать.

— Точно съ холопкой, точно съ крѣпостной обошлась!— разсказывала дома Орлова про это свиданіе.—Въ глазахъ у меня помутилось, нутро все перевернулось... Да, впрочемъ, чего же и ждать,—сами къ крѣпостнымъ хамамъ въ родню лѣземъ! Такъ такъ намъ и надо. Еще слава Богу, что по щекамъ не бьютъ да въ шею не выталкиваютъ... Что-жъ, вѣдь съ нами и такъ обходиться можно,—не господа какіе-нибудь, а голь перекатная, разночинцы какіе-то!

И рядомъ съ этимъ озлобленіемъ шло лицемѣріе съ затаенною злобой въ сердцѣ, низкопоклонство съ проклятіями въ душѣ, знакомыя только тому, кто дошелъ до горькаго убѣжденія, что никакими усиліями, никакими трудами, никакими заслугами нельзя сдѣлать того, что достигается ползаньемъ въ грязи, лизаньемъ чужихъ рукъ, пресмыканьемъ передъ нужными людьми. Купца Пахомова звали въ глаза «отцомъ роднымъ», «благодѣтелемъ»; горничную «генеральши» называли «душечкой», «милочкой», «ангелочкомъ»; нужныхъ гостей изъ лакейства кормили и угощали на убой, приговаривая: «не обидьте», «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады», «право, не знаешь, куда васъ и посадить»... За глаза же имъ посылались тысячи чертей въ догонку и говорилось: «какъ ихъ не разорвало,—все слопаютъ, что ни поставь».

Не было дня, чтобы Марья Ѳедоровна кого-нибудь не выбранила; не было дня, чтобъ Андрей Ивановичъ не пожаловался на служебныя непріятности. И тутъ же подлѣ этихъ озлобленныхъ «каторжною жизнью» людей стояла

Digitized by Google

фигура покорной, безропотной мученицы Анны Андреевны, этой жертвы своей привязанности къ семьѣ. Въ памяти Мити навсегда запечатлѣлась эта фигура—худая, блѣдная, похожая скорѣе на призракъ, чѣмъ на живое существо. Мало того, что она работала, не разгибая спины, на семью,—она еще плакала за семью, она еще молилась за семью. Особенно яркимъ осталось въ памяти Мити выраженіе взгляда Анны Андреевны. Это былъ немного тусклый, полный грусти и холодной покорности, сосредоточенный взглядъ: когда она говорила съ кѣмъ-нибудь, то казалось, что она смотритъ не на собесѣдника, а куда-то дальше, въ безконечное пространство. Этотъ взглядъ, случайно подмѣченный собесѣдникомъ, заставлялъ его вдругъ обрывать начатый разговоръ; онъ точно говорилъ, что ее вовсе не интересуютъ посторонніе разговоры, что она говоритъ и отвѣчаетъ машинально, безсознательно, тогда какъ думы ея носятся далеко-далеко. Митя не могъ опредѣлить, что дѣйствовало на него болѣе подавляющимъ образомъ: желчность матери, или покорность сестры, — окрикъ матери: «да ужъ ты-то хоть не суйся подъ руки», или сочувственный вздохъ сестры: «бѣдный, бѣдный мальчикъ». Отъ того и другого у него было только два рода спасенія: онъ или учился у Лампадова, или мечталъ то одинъ, то съ Настей за той драпировкой, гдѣ когда-то жилъ «дѣдка».

Лампадовъ училъ Митю оригинально: онъ показывалъ ему, какъ надо читать и писать, а рядомъ съ этимъ поясняллъ, какія великія заслуги принесла грамотность, какіе геніи науки создались при помощи знанія, какъ легко пропасть человѣку, если у него нѣтъ знаній. Лампадовъ, невольно уклоняясь такимъ образомъ отъ первой и прямой своей задачи—обучить Митю грамотѣ, шутливо говаривалъ, что «имъ покуда торопиться некуда», и самъ не сознавалъ, повидимому, какъ сильно и поспѣшно они забѣгали впередъ, въ ту область, гдѣ иногда у Мити духъ захватывало отъ новыхъ ощущеній. Мальчикъ читалъ еще съ ошибками, но онъ уже мечталъ о Гуттенбергахъ, Фаустахъ, Уайттахъ, Ланкастерахъ, Песталоцци. Возвратившись домой отъ Лампадова, Митя забивался въ уголъ и весь отдавался мечтамъ. Онѣ начинались всегда почти съ одной и той же мысли: «я сдѣлаюсь ученымъ, ученымъ и меня произведутъ въ генералы». Затѣмъ шли фантазіи о томъ, какъ онъ «всему, всему научится» и какъ будетъ «самымъ, самымъ главнымъ генераломъ», и что будетъ онъ тогда дѣлать. Онъ и

Digitized by Google

теперь желалъ благодѣтельствовать человѣчеству, только теперь у него было болѣе опредѣленное понятіе о благодѣяніяхъ: онъ хотѣлъ учить, наставлять, просвѣщать человѣчество. Когда Лампадовъ свезъ его впервые въ домъ князя Русова, у Мити сердце замерло при видѣ роскоши барскаго дома, при встрѣчѣ съ хозяйкой этого дома. Ему казалось, что онъ попалъ въ какой-то очарованный замокъ. До этой минуты онъ и вообразить не могъ той роскоши, среди которой онъ вдругъ очутился. Но болѣе всего поразила его сама хозяйка дома. Княгинѣ Маріѣ Львовнѣ Русовой, одной изъ первыхъ красавицъ въ кругу петербургской знати того времени, было тогда всего двадцать шесть или двадцать семь лѣтъ. Граціозная, мягкая въ обращеніи, веселая и шаловливая, какъ молоденькая дѣвушка, она показалась девятилѣтнему мальчугану какимъ-то совершенно инымъ существомъ, чѣмъ всѣ остальныя видѣнныя имъ женщины.

— Феи, дядя, вотъ про которыхъ въ сказкахъ пишутъ, такія? — наивно спросилъ онъ у Лампадова, возвращаясь съ нимъ домой послѣ перваго визита къ Русовымъ.

Лампадовъ расхохотался и потомъ передалъ это замѣчаніе княгинѣ. Она тоже много смѣялась надъ этимъ замѣчаніемъ и сказала Митѣ, что она и постарается быть всегда его доброю феей. Она полюбила его — отчасти, какъ дѣти любятъ новую игрушку, отчасти какъ добрые люди любятъ нуждающихся въ ихъ помощи слабыхъ ближнихъ. Очень можетъ быть, что она отнеслась бы къ Митѣ менѣе симпатично, менѣе горячо, если-бъ онъ не поразилъ ее сразу оригинальностью своей красоты. Къ красивымъ дѣтямъ почти всегда относятся благосклоннѣе, чѣмъ къ некрасивымъ. Увидѣвъ его впервые, княгиня не могла дать себѣ сразу отчетъ, хорошъ онъ или дуренъ. Но она не могла оторвать отъ него глазъ, — такъ оригиналенъ былъ этотъ не по лѣтамъ высокій, худенькій мальчикъ, съ тонкими, правильными чертами лица. У него были прямые, совсѣмъ свѣтлые, мягкіе волосы, съ двумя большими вихрами надо лбомъ, выдававшимися впередъ по бокамъ пробора посрединѣ; при этихъ свѣтлыхъ волосахъ у него были довольно темныя брови и чуть не черные глаза; эти темно-сѣрые глаза то темнѣли, то прояснялись подъ длинными, слегка загнутыми вверхъ, темными рѣсницами; ихъ обычное выраженіе было задумчивое и всматривающееся; смѣна блѣдности и легкаго румянца на щекахъ и движеніе тонкихъ, крайне подвижныхъ ноздрей выдавали малѣйшія волненія

Digitized by Google

ребенка, слегка закусывавшаго иногда нижнюю губу. Княгиня какъ-то въ шутку сравнила его глаза съ моремъ, то темнымъ, то сіяющимъ, смотря по погодѣ.

— Да онъ и весь какъ море, — замѣтилъ Лампадовъ. — У него вѣчно приливы и отливы, затишье и бури. Я иногда просто боюсь за его впечатлительность.

— Но это прелестно,—сказала княгиня.—Въ его душѣ можно читать, какъ въ открытой книгѣ.

Порывистость и страстность во всѣхъ движеніяхъ этого мальчугана тоже не мало забавляли и привлекали княгиню. Ей было пріятно, когда онъ горячо цѣловалъ ея руку, какъ никогда не цѣловали ея рукъ ея дѣти. Она пришла въ восторгъ, когда Митѣ представили впервые ея восьмидѣтняго сына, и Митя порывисто обнялъ и расцѣловалъ его, вмѣсто обычныхъ расшаркиваній и рукопожатій. Ее обрадовало, что и ея Саша, забывъ всякую чинность и всякую натянутость, отвѣтилъ искреннимъ поцѣлуемъ на неожиданные поцѣлуи новаго товарища. Мальчики сошлись сразу.

Возвратившись домой послѣ перваго визита къ Русовымъ, Митя неумолкаемо разсказывалъ дома объ этомъ визитѣ.

— Сама красивая, красивая и пахнетъ духами, — говорилъ онъ:—и все, все духами пахнетъ! На ней бархатное платье, а шея спереди голая и все кружева. А кругомъ золото, и стулья золотые, и столы золотые, и все золотое. Полъ такой гладкій, блеститъ, и себя въ немъ видишь, а въ стѣнахъ большенныя зеркала и все цвѣты, цвѣты. Теперь ужъ цвѣтутъ у нихъ цвѣты. За столомъ блюда серебряныя, кофейникъ серебряный, все, все серебряное. А дѣти завитыя и въ бархатѣ, и въ шелку. Игрушекъ у нихъ многомного, вотъ сколько...

Митя показалъ отъ полу выше своей головы. Ему очень хотѣлось связно передать свои наблюденія, но онъ никакъ не могъ; онъ совсѣмъ не умѣлъ еще долго связно говорить, хотя въ его воображеніи такъ ярко рисовалась цѣльная картина всего видѣннаго имъ.

— А картинъ, картинъ сколько! Всѣ въ золотыхъ рамахъ и около нихъ каменные люди. Дядя сказалъ, что ихъ статуями называютъ. Большія такія, бѣлыя, бѣлыя и всѣ безъ одежды. Красиво!.. А лакеи во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ на однихъ мѣстахъ стоятъ на дежурствѣ. Княгиня руку дала поцѣловать; я поцѣловалъ, а она меня въ голову чмокнула и потомъ взяла за подбородокъ и посмотрѣла мнѣ въ глаза, а я покраснѣлъ. Князь самъ важный,

Digitized by Google

важный, потрепалъ меня по щекѣ и назвалъ фуфлыгой. Только онъ важный, а совсѣмъ простой. Сталъ обо мнѣ дядю выпытывать, все выспрашивалъ, а меня самъ по головѣ гладилъ. Я у него послѣ завтрака руку хотѣлъ поцѣловать, а онъ не далъ руки, поднялъ меня и въ губы поцѣловалъ. Потомъ дядя говорилъ, что я ему понравился. Онъ мнѣ тоже понравился.

Марья Ѳедоровна и Анна Андреевна улыбались, слушая болтовню возбужденнаго ребенка. Но онѣ слушали только наполовину этотъ разсказъ, думая, главнымъ образомъ о томъ, чтобы хоть князья Русовы оказали какое-нибудь благодѣяніе Митѣ. Болѣе внимательною слушательницей была Настя. Ей было уже одиннадцать лѣтъ, и она очень интересовалась всѣмъ, что испытывалъ и о чемъ мечталъ Митя.

Они были закадычными друзьями. Настя одна изъ всѣхъ дѣтей тетки Дарьи осталась жить у Орловыхъ, тогда какъ другія дѣти тетки — Николай, Алексѣй, Даша и Маша — были пристроены въ пріюты. Настя жила у Орловыхъ не безъ дѣла: ее посылали въ лавки, она, какъ и Митя, иногда приносила дрова и щепки со двора, она училась читать, писать и шить у Анны Андреевны. Она была сыта, обута, одѣта, но нельзя сказать, чтобъ ей жилось сладко и весело. На ней отзывался неровный характеръ тетки; на ней отзывалось и уныніе Анны Андреевны. Дѣвочка же была живая, бойкая, необузданная: съ матерью она жила въ нищетѣ, но на вольной волѣ, и сытая неволя страшно тяготила ее теперь. Съ Митей она сошлась быстро: Митя былъ ласковъ и нуждался въ ласкѣ; не мудрено, что онъ обласкалъ и Настю, и нашелъ откликъ на эту ласку у дѣвочки, не избалованной нѣжностями. У брата и сестры быстро явились свои секреты, свои радости, свои печали. Они жаловались другъ другу на взрослыхъ, они утѣшали другъ друга, они вмѣстѣ мечтали. И Настя, и Митя спали за драпировкой: Митя на постели покойнаго дѣда, а Настя на дощечкахъ, служившихъ еще недавно постелью Митѣ. Иногда Настя поздно вечеромъ подходила къ кровати Мити въ одной рубашонкѣ и садилась къ нему на постель. Она говорила шопотомъ о своихъ тайнахъ, печаляхъ и радостяхъ, или дурачилась и играла съ нимъ. Они возились, какъ маленькіе котята, тайкомъ, безъ шуму, сдерживая смѣхъ. Но иногда она позволяла себѣ вольности, и онъ конфузился и серьезно замѣчалъ ей:

— Не хорошо, Настя,—ты дѣвочка!

Digitized by Google

— Ахъ, голубчикъ, скука-то, скука-то мнѣ какая! Такъ бы вотъ, кажется, все вверхъ дномъ и перевернула! — оправдывалась она, дѣлая печальную гримаску.

Ему было жаль ее.

— Ахъ, если-бъ я была мальчикомъ, вотъ-то хорошо бы было! — говорила она. — Мы вмѣстѣ стали бы въ гимназію ходить, учились бы вмѣстѣ. Вотъ я школьникомъ-головорѣзомъ была бы. Не тебѣ чета! Нѣтъ, ты точно большой, степенный такой. Это тебя дядя Лампадовъ вымуштровалъ. Нѣтъ, меня не вымуштруютъ!

И дѣйствительно, ее было трудно обуздать. Иногда Митя даже сердился на нее, когда она начинала черезъ мѣру рѣзвиться, вертѣла, щекотала его.

— Полно... перестань!.. не хорошо!—шепталъ онъ, отбиваясь отъ нея.

— Ну, крикни! Ну, крикни!—приставала она къ нему.

Она знала, что онъ говоритъ шопотомъ, чтобъ Анна Андреевна или Марья Ѳедоровна не услыхали ихъ возни и не прикрикнули бы на маленькую забіяку.

— Что же, ты хочешь, чтобъ опять тебя заругали?— говорилъ онъ.

— Ну, да ужъ ты только крикни... крикни! — задорно настаивала она.—Ты вотъ боишься, а я не боюсь. Я ничего не боюсь!

— Ну, да тебѣ ничего не значитъ, что тебя ругаютъ. Какъ съ гуся вода...

— Пусть ругаютъ, пусть ругаютъ, а вотъ я хочу дурачиться и дурачусь...

Митя укоризненно качалъ ей головой.

— Погоди, еще сѣчь станутъ!—какъ-то замѣтилъ онъ ей.

— Ну, это еще подождемъ... Зубы-то у меня тоже есть: такъ-то кусаться начну, что любо-дорого, — отвѣчала она.

Митя зналъ, что это не простая похвальба. Настя была способна огрызаться и защищаться даже зубами.

Когда онъ пріѣхалъ впервые отъ Русовыхъ и сталъ передавать свои впечатлѣнія, она впилась въ него глазами и съ напряженнымъ, лихорадочнымъ любопытствомъ слѣдила за его разсказомъ. Вечеромъ она не утерпѣла и шопотомъ сказала Митѣ, чтобъ онъ разсказалъ ей еще разъ обо всемъ, что видѣлъ. Для нея этотъ разсказъ былъ волшебною сказкой, лучезарнымъ сномъ. Митя охотно повторилъ разсказъ и особенно распространился, между прочимъ, о красотѣ княгини.

Digitized by Google

— Это все отъ платья!—вдругъ со вздохомъ произнесла Настя.—Помнишь, наша генеральская фря говорила тетѣ, что хоть какого урода наряди, такъ красавицей покажется.

«Генеральская фря» на языкѣ Насти обозначала Лизавету Михайловну, бывшую горничную жены директора. Настя всѣмъ давала свои клички.

— Нѣтъ, не отъ платья. Она сама хорошенькая! — горячо вступился Митя за княгиню: — лицо-то въ платье не спрячешь. Если рожа, такъ и будетъ рожа. Вонъ Кузьминишну во что ни наряди, пугаломъ будетъ.

— Ты не знаешь, онѣ тамъ что-то подкрашиваютъ на лицѣ!—сказала Настя.—Вотъ наша генеральская фря говорила про свою барыню: «Тоже сурмитъ, сурмитъ себя, такъ какъ тутъ не быть авантажной, и все французскія притиранья». Вотъ-то бы посмотрѣла я на все это.

— Очень тоже нужно!

— Ну да, вѣдь я дѣвочка. Мальчику все равно, какой онъ: хоть на чорта похожъ, все же женится. А дѣвушку только хорошенькую замужъ и берутъ. Дурныя-то вотъ весь вѣкъ въ дѣвкахъ и ходятъ.

Настя опять вздохнула. Ужъ очень невесело ей жилось у тетки и дяди по цѣлымъ днямъ за работой. Ее одолѣвала скука. Ей казалось даже, что, голодая съ матерью, сестрами и братьями въ углу, она жила веселѣе,—тамъ хоть народъ толкался цѣлый день, тамъ хоть свобода была. Правда, хозяинъ того угла, гдѣ они жили, отставной «ундеръ» Ѳедоръ Гавриловичъ Рябовъ, даже билъ подъ пьяную руку ихъ, дѣтей, и особенно маленькаго Алешу, но ихъ, все-таки, не стѣсняли, не запрещали имъ бѣгать, не заставляли сидѣть чинно на одномъ мѣстѣ. Да, тамъ было холодно и голодно, но свободно. Скука начала томить Настю еще сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ Митя сталъ дѣлиться съ дѣвочкой своими впечатлѣніями и разсказами о важныхъ господахъ, пріѣзжавшихъ къ дядѣ, о томъ, что дядя разсказывалъ про далекіе края, о первомъ визитѣ къ Русовымъ, о блескѣ и роскоши иныхъ домовъ и иныхъ людей. Это были какіе-то яркіе сны, каждый разъ дѣвочка пробуждалась отъ нихъ среди той же сѣренькой обстановки орловскаго угла. Она скучала, когда ей приходилось безмолвно шить съ Анной Андреевной; она скучала, когда ей приходилось медленно обучаться грамотѣ подъ руководствомъ той же покорно вздыхавшей Анны Андреевны. Только и счастья для нея было, когда ее стали посылать уже не въ одну мелочную лавку,

Digitized by Google

а и съ заказами бѣлья. Тутъ дѣвочка оживлялась, глазѣла по магазинамъ, останавливалась передъ нарядными прохожими, засматривалась на блестящіе экипажи. Она всегда такъ долго ходила съ данными ей порученьями, что Марья Ѳедоровна говаривала:

— Тебя только бы за смертью посылать!

Настя, въ свою очередь, замѣчала Митѣ:

— Да я, кажется, такъ и не ушла бы съ улицы, все на людей смотрѣла бы!

Скука Насти усилилась еще болѣе, когда Митю пристроили въ гимназію. Впрочемъ, этотъ фактъ былъ событіемъ не для одной Насти, а для всей Захолустной улицы, гдѣ орлихинскій Митя былъ тогда единственнымъ гимназистомъ. Первые привѣтствовали его бывшіе его же пріятели, уличные мальчишки, бабочники и головорѣзы, окрестившіе его кличкой «красная говядина». Онъ вдругъ сталъ имъ точно чужой, точно недругъ. Мальчишки разнесли эту вѣсть по домамъ, и Захолустная улица заволновалась; въ мелочныхъ лавкахъ, у воротъ домовъ, въ углахъ только и толковъ шло, что объ Орловыхъ.

— Наворовалъ, видно, Андрей Ивановичъ, загрѣлъ руки, такъ и сына въ гимназію пристроилъ!—рѣшили обыватели.—Теперь до нихъ рукой скоро не достанешь. Какъ же, племянника поженили на генеральской горничной. Шутка ли! У генеральши-то, видишь, сынокъ побаловался съ дѣвчонкой,—ну, такъ и надо было грѣхъ прикрыть. Тоже за такую невѣсту племянничекъ-то, поди, спасибо имъ не сказалъ. Ну, да ничего, не развѣнчается. Посажёными тоже на свадьбѣ были. Чего-жъ не пыжиться? Домъ-то вотъ только въ трубу вылетѣлъ, а то совсѣмъ господами бы были... Ну, да что-жъ, можетъ, мальчишкѣ и въ прокъ пойдетъ ученье. Хоть въ люди выйдетъ. Тоже, поди, не сладко живется. Слава Тебѣ, Господи, на нашихъ глазахъ бѣдовали...

Въ другомъ мѣстѣ говорили:

— Вонъ и Пахомовъ, какъ узналъ, что Орлиха своего Митьку въ гимназію отдала, тоже воспылалъ. «Что, молъ, они думаютъ,—говоритъ,—что мы тоже своихъ лоботрясовъ обучить не можемъ, денегъ, что ли, не хватитъ?»—Шотѣха!.. Говорятъ, наровитъ тоже большенькаго-то парнишку упрятать въ гимназисты... Что-жъ, хоть болтаться меньше будетъ...

Захолустная улица и завидовала, и радовалась, глядя на Орловыхъ,—завидовала и радовалась, какъ Настя, сказавшая Митѣ въ день его поступленія въ гимназію:

Digitized by Google

— Вонъ тебѣ счастіе, мундиръ надѣлъ!

Вечеромъ украдкой она упросила его дать ей примѣрить этотъ мундиръ. Митя резонно сталъ объяснять ей, что дѣвочки же не носятъ мундировъ. Но Настя настояла на своемъ и за драпировкой примѣрила на себя этотъ мундиръ съ краснымъ воротникомъ, съ золотыми пуговками. Ей такъ хотѣлось хоть во что-нибудь нарядиться, только бы не быть въ этомъ неуклюжемъ сѣренькомъ ситцевомъ платьѣ, изъ котораго она не выходила. Стоя передъ Митей въ мундирѣ, она съ грустью говорила, что, вотъ, онъ мундиръ имѣетъ и можетъ каждый день изъ дому уходить, а она—сиди тутъ, да кисни по цѣлымъ днямъ. Митя замѣтилъ ей, что и она скоро будетъ ходить изъ дому ежедневно. Настя удивилась. Она ничего не знала объ этомъ. Митя сказалъ ей, что онъ слышалъ, какъ Анна Андреевна говорила дядѣ, что Настю пора отдать въ магазинъ учиться шить платья, такъ какъ «однимъ бѣльемъ жить невыгодно».

— Да врешь ты!—воскликнула она.

— Чего мнѣ врать?—отвѣтилъ онъ.

— А побожись!

— Да что я стану тебѣ божиться...

— Нѣтъ, ты побожись, побожись, что не врешь!

— Ну, вотъ тебѣ крестъ!

Настя запрыгала по комнатѣ, хлопая въ ладоши.

— А куда отдадутъ-то?

— Не знаю, говорили только, что скоро пристроятъ въ магазинъ.

Отдать ее на житье въ магазинъ не хотѣли, а думали пристроить такъ, чтобъ она ходила учиться. Настя обрадовалась этому еще больше. Все же между людьми будетъ, и ходить ежедневно по улицамъ будетъ, и наряды шить будетъ. Она стала допрашивать, не знаетъ ли Митя, къ «русской» или къ «француженкѣ» отдадутъ ее.—Онъ не зналъ.

— Хорошо бы, если бы къ француженкѣ,—сказала она.

— Почему?

— А чтобы по-ихнему говорить научиться. Всѣ господа по-ихнему говорятъ.

Митя покровительственно объявилъ, что языкамъ и онъ ее можетъ научить.

— Да ты самъ не знаешь!—сказала Настя.

— Теперь мало знаю, но научусь скоро совсѣмъ,—отвѣтилъ онъ важно.

— Ну да, научишься!

Digitized by Google

— Да вотъ увидишь, что научусь... Я всему научусь, потому что мнѣ все знать надо... Больше всѣхъ знать надо!..

— Что такъ?

— А чтобы не высмѣивали. Теперь вонъ всѣ, всѣ на смѣшки готовы поднять, а тогда...

Онъ не докончилъ фразы и, сдѣлавъ серьезное лицо, проговорилъ:

— Да, да, мнѣ больше всѣхъ знать надо!

Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ ему совѣстно было, когда онъ долженъ былъ сказать маленькому князю Русову, что не знаетъ иностранныхъ языковъ. Въ тотъ же день онъ, во время своихъ мечтаній, далъ себѣ слово выучиться всему, всему. Въ немъ развилось непомѣрное самолюбіе: передъ обитателями Захолустной улицы онъ гордился своимъ мундиромъ, передъ князькомъ Русовымъ онъ краснѣлъ за незнаніе иностранныхъ языковъ; среди нарядныхъ дѣтей на русовской елкѣ онъ какъ-то страстно и въ то же время дѣтски-наивно давалъ себѣ обѣтъ никогда не ѣздить болѣе на такіе вечера, покуда онъ не будетъ самъ генераломъ; въ гимназіи одинъ учитель замѣтилъ ему при всемъ классѣ, что онъ, вѣрно, не понялъ заданнаго урока или пролѣнтяйничалъ, и послѣ этого замѣчанія Митя далъ слово хоть ночи не спать, а выучивать все заданное, чтобы не вызывать замѣчаній и не краснѣть передъ товарищами.

II.

Захолустная улица не ошиблась: семья Орловыхъ дѣйствительно немного «продохнула».

Андрей Ивановичъ, женивъ своего племянника на генеральской горничной, добился, наконецъ, своей завѣтной цѣли — попалъ въ справочное отдѣленіе, куда ежедневно приходили люди за справками о своихъ дѣлахъ, принося посильныя благодарности за эти справки. Но этотъ счастливый переводъ по службѣ достался не даромъ. Мало того, что Андрей Ивановичъ устроилъ бракъ своего племянника и генеральской горничной, онъ долженъ былъ поддерживать знакомство съ этой разбитной и шустрой особой, потому что, и выйдя замужъ за чиновника, она удержала свои связи съ генеральшей, гдѣ служили ея сестра и мать, дяди и братья, такіе же дворовые, какою она была сама. Эти слуги, «вертѣвшіе» господами, не только доставили мѣсто Андрею Ивановичу, но и сильно расширили число кліентовъ, дававшихъ работу Марьѣ Ѳедоровнѣ и Аннѣ Андреевнѣ.

Digitized by Google

заказовъ у Орловыхъ появилось столько, что иногда приходилось брать на домъ поденныхъ работницъ-швей. Орловы начинали усматривать въ близкомъ будущемъ возможность нанимать квартиру только для себя, не впуская постороннихъ жильцовъ, и при томъ не такую квартиру, какою былъ ихъ подвалъ, какъ называла Марья Ѳедоровна занимаемое ими помѣщеніе. Но чѣмъ больше благодѣяній оказывали эти барскіе слуги бѣдной семьѣ, тѣмъ тѣснѣе приходилось сближаться съ ними, принимать ихъ, угощать. Въ домѣ Орловыхъ начинали появляться какія-то ключницы, буфетчики, камердинеры, лакеи, и всѣ они были «нужные люди». На что они были нужны Орловымъ, этого Орловы и сами не могли себѣ объяснить. Орловы помнили только одно то, что не сойдись они съ генеральскою горничной—и никогда бы не попасть Андрею Ивановичу въ справочное отдѣленіе, и, какъ выражалась Орлова, «обжегшись на молокѣ, дули и на воду». Впрочемъ, кромѣ доставленія новыхъ заказовъ, эта барская дворня доставляла Орловымъ и другія средства къ добыванію лишнихъ грошей: господа часто мѣняли платья, дѣлая новыя и продавая старыя; Орлова ухватилась за это дѣло продажи разныхъ поношенныхъ вещей и стала сбывать ихъ при помощи Кузьминичны, выгадывая себѣ кое-какіе барыши. Она не замѣчала, что среди этой новой дѣятельности, этого новаго образа жизни, ихъ квартира сдѣлалась какимъ-то базаромъ: сегодня сюда собирались вечеромъ поиграть въ картишки и попить разные цивилизованные столицей дворовые; завтра сюда одни тащили узлы съ продаваемыми нарядами, а другіе приходили торговать эти наряды: тамъ, смотришь, являлась какая-нибудь щеголеватая особа и съ оговорками, со вздохами выясняла свое желаніе «выйти замужъ, какъ вотъ вышла замужъ горничная генеральши, за какого-нибудь чиновника, такъ какъ она хотя и дворовая дѣвушка, но у нея чувства благородныя, и ей тяжело оставаться въ этомъ сословіи, а господа ея отпустятъ ее съ радостью на волю и мѣсто ея мужу предоставятъ, если только онъ ей понравится». Орлова иногда сама дивилась, что она стала и швеей, и торговкой, и свахой, и прибавляла со вздохомъ: «ну, да назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ». Ея самолюбіе страдало страшно. Она утѣшалась только тѣмъ, что у нихъ и посуды, и бѣлья, и платья прибавилось, и долговъ, слава тебѣ Господи, больше нѣтъ, и вотъ еще, глядишь, годика два такъ поживутъ, такъ и грошъ на черный день отложить

Digitized by Google

будетъ можно. Они, быть-можетъ, и скорѣе поправили бы свои дѣлишки, если бы не приходилось таскать гроши въ пріютъ дѣтямъ тетки Дарьи, особенно маленькому Лешѣ, надрывавшему сердце Марьи Ѳедоровны своими слезами и жалобами.

На Аннѣ Андреевнѣ и Настѣ перемѣна въ жизни Орловыхъ отозвалась даже благотворно. Обѣ дѣвушки на время какъ будто ожили «на людяхъ»: Аннѣ Андреевнѣ не было времени задумываться и плакать, Настѣ некогда было особенно сильно скучать. Но въ домѣ было страдающее отъ этой перемѣны въ образѣ жизни лицо—это Митя. Сначала эти люди, толкавшіеся въ ихъ квартирѣ, просто мѣшали ему учиться и заставляли его иногда убѣгать съ книгами. Потомъ его начало коробить отъ фамильярнаго обращенія съ нимъ этихъ людей, отъ ихъ лакейскихъ подшучиваній надъ нимъ. Онъ такъ много наслышался въ своемъ домѣ, какъ тяжело кланяться кошкѣ въ ножки, какъ эти «подлые холопы» наломаться стараются надъ человѣкомъ, какъ на порогъ бы ихъ не пустили, если бы не нужда. Онъ чувствовалъ къ этому «хамову отродью» отвращеніе и волновался при каждомъ столкновеніи съ ними. Онъ очень хорошо зналъ, что и мать, и отецъ, и сестра Анна Андреевна такъ же, какъ онъ, ненавидятъ этихъ людей, но взрослые умѣли притворяться, а у него на это не хватало ни силъ, ни умѣнья. Ненависть къ этимъ людямъ должна была еще болѣе усиливаться съ каждымъ днемъ по мѣрѣ того, какъ у мальчика расширялся кругъ товарищей въ гимназіи и въ домѣ княгини Русовой. Особенно глубоко врѣзался въ его память одинъ случай. Разъ Митя былъ у Русовыхъ, и дѣтей повезли кататься. Митя былъ приглашенъ тоже на прогулку. Въ сопровожденіи гувернантки дѣти сходили съ лѣстницы, весело болтая и дурачась. Когда они спустились по широкой мраморной лѣстницѣ на нижнюю площадку парадного крыльца, передъ ними поднялись съ мѣстъ сидѣвшіе здѣсь лакеи. Митя совершенно случайно взглянулъ на одного изъ этихъ лакеевъ и узналъ въ немъ личность, часто бывавшую въ ихъ домѣ. Съ лица мальчугана сбѣжала краска, у него помутилось въ глазахъ. Ему вдругъ показалось, что этотъ лакей улыбается, что онъ хочетъ заговорить съ нимъ, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ протянетъ ему руку, и всѣ узнаютъ, что онъ знакомъ съ нимъ, съ Митей, что онъ говоритъ ему, Митѣ, «ты». Какъ-то трусливо, съежившись, Митя поспѣшно проскользнулъ съ дѣтьми къ коляскѣ и

Digitized by Google

вздохнулъ свободнѣе только тогда, когда экипажъ тронулся съ мѣста. Прогулка была отравлена. Митя только о томъ и думалъ, что этотъ лакей разскажетъ швейцару, что онъ знакомый отца Мити, что онъ говоритъ Митѣ «ты», что онъ благодѣтельствуетъ даже его семьѣ, такъ какъ она ему не только знакома, но и сродни приходится: его троюродная сестра замужемъ за племянникомъ старика Орлова. Все это передадутъ остальной прислугѣ, потомъ разскажутъ княгинѣ, и ей будетъ стыдно принимать у себя Митю. И точно, развѣ его мѣсто въ ея гостиной, а не въ лакейской, не въ людской? Эти мысли росли и развивались въ чудовищныхъ размѣрахъ въ головѣ мальчика и впервые, представляя себѣ, какъ его выгонятъ Русовы, онъ какъ-то болѣзненно повторялъ: «Ну, и пусть выгонятъ, и пусть выгонятъ! Пусть надругаются, пусть!» И какія-то чудовищныя картины «надруганія» стали развиваться въ его головѣ, заставляя усиленно биться и сжиматься его сердце. Но эта встрѣча осталась, повидимому, безъ всякихъ послѣдствій. О ней, можетъ-быть, никто бы и не узналъ, если бы черезъ два дня Орловыхъ не посѣтилъ этотъ лакей, такъ смутившій Митю.

— А, князекъ, мое почтеніе!—сказалъ онъ, увидавъ Митю, и обратился къ Марьѣ Ѳедоровнѣ.—Ишь, въ какія хоромы залѣзъ!.. Сижу я это на-дняхъ въ прихожей у княгини Русовой, съ господами пріѣхалъ, гляжу—по лѣстницѣ нашъ Дмитрій Андреевичъ фертомъ такимъ идетъ, а на-насъ-и глядѣть не желаетъ. Ну, думаю, Богъ съ тобой, что тебя конфузить!

— Онъ, Иванъ Ивановичъ, у нихъ, какъ свой, обласканъ,—сказала Марья Ѳедоровна.—Пошли имъ, Господи, здоровья за то, что не гнушаются.

— Что-жъ, извѣстно, господа для развлеченія и для компаніи къ своимъ дѣтямъ всегда кого-нибудь изъ бѣдныхъ, изъ сиротъ или тамъ изъ дворовыхъ берутъ,—замѣтилъ лакей.—Забава тоже! Вонъ у меня крестникъ, нашей дворовой дѣвки сынъ, тоже у нашихъ господъ при дѣтяхъ содержится, тѣшитъ господскихъ ребятъ. Конечно, надо только умѣть не супротивничать, а то ничего... Бываетъ, что и въ люди такіе-то выходятъ... Голенькій-то «охъ», а за голенькимъ Богъ!.. Да, выходятъ иные въ люди!..

— Какъ не выйти, какъ не выйти, коли рука есть,—со вздохомъ сказала Марья Ѳедоровна.—Я вотъ всегда Митѣ говорю, чтобъ онъ держался этихъ людей, чтобы пере-

Digitized by Google

терпѣлъ, коли что и не по немъ будетъ. Тоже не баринъ какой, не сахарный... За всякимъ тычкомъ не угоняешься...

Митя, униженный и оскорбленный, не проронилъ ни слова. Въ эту минуту онъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, возненавидѣлъ этихъ холоповъ, и впервые ему стало досадно, что онъ бываетъ у князей Русовыхъ. «Точно нищій, точно нищій!»—вертѣлось въ его головѣ.

— Не будь-ка благодѣтелей и совсѣмъ погибли бы,—продолжала Марья Ѳедоровна.—Только ими и дышимъ, ими и живемъ...

Въ другой разъ въ гимназіи учитель русскаго языка, не разъ уже подмѣчавшій, что Митя произноситъ иногда такія фразы, какъ «работалъ рукамъ и ногамъ», «колидоръ», «надсмѣшки», «очень вами благодаренъ», «теперя», «окромя», сказалъ ему насмѣшливымъ тономъ:

— Что это вы, Орловъ, въ петербургскихъ лакейскихъ, что ли, русскому языку учились?

Фраза эта была сказана безъ всякой задней мысли, но Митя поблѣднѣлъ и взволновался. Ему уже казалось, что и учитель знаетъ, въ какомъ кругу онъ вращается, съ кѣмъ водитъ компанію. Болѣзненная раздражительность и мелкая обидчивость начали развиваться въ немъ не по днямъ, а по часамъ. Малѣйшая шутка или насмѣшка товарищей приводили его въ ярость, и мальчуганы знали, что значитъ задѣть его: онъ сжималъ кулаки и съ потемнѣвшими глазами, казалось, готовъ былъ убить противника. Иногда малѣйшіе пустяки выводили его изъ себя.

Какъ-то послѣ бани мать напомадила ему голову розовой помадой; онъ явился въ гимназію, чистенькій, приглаженный; вдругъ какой-то повѣса замѣтилъ въ классѣ:

— Господа, Орловъ розовой помадой напомадился; вѣрно какая-нибудь горничная дала.

Это была школьническая шутка мальчугана, уже знавшаго, какъ пахнутъ горничныя, но Митя чуть не прибилъ его и чуть не расплакался отъ злости. Дома онъ разбушевался, рѣзко замѣтивъ матери, что она срамитъ его, чортъ знаетъ, чѣмъ ему голову напомадила, заставила его сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ. Марья Ѳедоровна даже смутилась, увидавъ его волненіе, услышавъ въ его голосѣ и злобу, и слезы.

— Очень нужно помадить! Точно маленькаго какого мажутъ,—говорилъ онъ.—И чѣмъ напомадили—розовой помадой!

Digitized by Google

— Помада хорошая,—замѣтила мать.

— Ну да, хорошая... Горничныя помадятся! Куда ни повернись, вездѣ на смѣхъ поднимаютъ. И то не такъ, и другое не этакъ!

Марья Ѳедоровна никакъ не могла понять, надъ чѣмъ могли смѣяться товарищи ея сына, и почему розовая помада послужила къ такой бурѣ съ его стороны. Она только мелькомъ замѣтила Аннѣ Андреевнѣ:

— Всѣ-то мы нынче точно на чорта посаженные, прости Господи!

Въ другой разъ Митя возвратился изъ гимназіи не менѣе блѣднымъ и раздраженнымъ, но онъ уже не поднималъ бури, а прошелъ прямо къ себѣ за драпировку и залился слезами. Къ нему зачѣмъ-то зашла Настя и удивилась, увидавъ его плачущимъ. Онъ почти никогда не плакалъ.

— Митя, голубчикъ, что съ тобой?—воскликнула она.

— Опять осрамили, опять,—заговорилъ онъ, всхлипывая.—Въ грязи, точно свиньи, живемъ; осмотрѣть ничего не могутъ; не заботятся, чтобы на человѣка хоть походилъ...

— Да скажи, что случилось?—допрашивала Настя, ничего не понимая.

— А то, что клопа занесъ въ гимназію!—отрывисто отвѣтилъ онъ.

— Да что ты!

— Ну да! Клоповъ и блохъ развели, потому что чортъ знаетъ кто ходитъ, постелей опрятно держать не умѣютъ, отпускаютъ въ гимназію, не встряхнувъ одежды. Просишь, просишь, чтобъ посмотрѣли, все ли чисто. «Хорошо», говорятъ. Вотъ и вышло хорошо. Товарищи говорятъ: «По тебѣ клопы ползаютъ! Ты клоповъ заносишь!» Развѣ я виноватъ? Я съ уроками бьюсь съ утра до ночи, чтобы перегнать другихъ. У меня пѣтъ приватныхъ учителей, да и угла покойнаго нѣтъ, точно среди базара учусь. Гдѣ-жъ мнѣ еще за платьемъ смотрѣть, каждую вещь самому выколачивать да вычищать. Отдали бы въ пріютъ, если не умѣютъ держать гимназистомъ...

Его горе и волненіе были такъ искренни, что тронули Настю. Она обняла его и сказала:

— Да полно же, полно, голубчикъ, плакать!

— Не могу я, не могу!—шепталъ онъ сквозь слезы.— Вѣдь это каждый день повторяется, всѣ подшучиваютъ, точно сговорились! Здѣсь хамы подсмѣиваются: «пшь, совсѣмъ барчукомъ смотритъ». У Русовыхъ краснѣешь, когда при

Digitized by Google

тебѣ всѣ по-англійски говорятъ, а ты глазами только хлопаешь. Въ гимназіи учителя говорятъ, что русскому языку въ лакейской учился, а школьники смѣются, что у горничной помаду берешь!

Митя вычислялъ всѣ свои мелкія обиды, всѣ свои будничныя огорченія. Настя утѣшала, какъ умѣла. Ей такъ было жаль его, потому что она сама по опыту знала, каково человѣку, когда его всѣ «шпыняютъ».

— Я тебѣ сама буду мундиръ чистить,—сказала она, наконецъ.—Ты не бойся, я ужъ буду осматривать. Тоже знаю я, какъ не сладко, какъ всѣ надсмѣхаются. Вонъ намедни мнѣ лавочникъ подъ пазуху палецъ засунулъ, потому платье-то продырилось тутъ, а самъ зубы скалитъ. «Отдушина у васъ, говоритъ, барышня, для прохлажденія!» Подлецъ, этакій, ему только бы понахальничать, а что меня въ краску бросило, такъ ему и дѣла нѣтъ.

— Да ужъ всѣмъ намъ проклятое житье!—замѣтилъ Митя.

— Такое проклятое, такое, что, зажмуривъ глаза, бѣжалъ бы!—съ горячностью подтвердила Настя.—Работай, работай, а ни привѣта, ни радости, и точно въ тюрьмѣ, точно въ тюрьмѣ!

— Бѣжать-то куда?—спросилъ Митя.

Настя махнула рукой

— Тебѣ, конечно, некуда, ты мальчикъ, тебѣ учится еще надо,—сказала она.—А я... Да захоти только я, сейчасъ найдется, куда уйти. Только сама я этого не хочу, потому, говорятъ, пропасть можно...

— Какъ пропасть?—спросилъ въ недоумѣніи Митя.

— Ну да, сманятъ дѣвушку, а потомъ и бросятъ, сманятъ и бросятъ,—сказала Настя.—Вонъ прошлый разъ, когда лавочникъ охальничать сталъ, Кузьминична тутъ была, стала ему выговаривать. «Дѣвчонка, говоритъ, уже на возрастѣ, такъ ты чего ее съ пути сбиваешь? Стыда-то у тебя въ глазахъ нѣтъ, лупоглазый! Тебѣ-то смѣшки, а ей слезки. Вамъ только бы поиграть, да бросить». А потомъ мнѣ все отчитывала дорогой и тетѣ пришла говорить, что за мной теперь глазъ да глазъ нуженъ, что не увидишь, какъ время пройдетъ, черезъ два года и невѣстой буду.

Митя съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Настю.

— Невѣстой? А развѣ у тебя есть женихъ?—спросилъ онъ.

Она засмѣялась.

— Глупый ты, глупый, Митя!—проговорила она.—Жениха нѣтъ, а потому невѣстой буду, что мнѣ шестнадцать

Digitized by Google

лѣтъ будетъ. Коли дѣвушкѣ шестнадцать лѣтъ, она—и невѣста. Да это мнѣ что! Здѣсь и жениховъ-то нѣтъ. Не за лавочника же идти. Въ косыночкахъ-то ходить да у печки возиться съ ухватами—тоже не сладость. А не то канцелярист присватается, такъ это клади зубы на полку... Нѣтъ, я въ мастерицы пойду, въ магазинъ, такъ тамъ хоть на народъ посмотришь. Я вотъ люблю смотрѣть на господъ да на магазины и пуще всего, если гдѣ брильянты увижу. Иногда думаешь, что надѣнь-ка это все на меня, такъ и я хорошенькой буду.

Она вдругъ понизила голосъ до таинственнаго шопота:

— Ты вонъ посмотрѣлъ бы, какова я въ бальномъ платьѣ! Ахнулъ бы, ей-Богу, право!

Митя разсмѣялся.

— Да гдѣ у тебя бальное платье?

— Тише! Ты ни сестрѣ, ни матери не говори,—таинственно сказала Настя.—Тетя теперь продаетъ бальное платье дочери генеральшиной. Такъ я его здѣсь тихонько примѣряла.

— Ну-у?—съ сомнѣніемъ сказалъ Митя.

— Ей-Богу, правда! Вотъ-то хорошо оно мнѣ пристало! Хочешь, я надѣну его, когда вечеромъ всѣ лягутъ?

— Что-жъ, надѣнь!—согласился Митя.

Она погрозила ему пальцемъ и прошептала:

— Ты только молчи!

Вечеромъ, когда всѣ уже легли спать, Настя пробралась за драпировку къ Митѣ. Они спали теперь въ одной комнатѣ одни, отдѣленные другъ отъ друга только ситцевой занавѣской. Анна Андреевна спала въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ во дни нужды жилъ жилецъ. Марья Ѳедоровна и ея мужъ попрежнему спали еще въ кухнѣ. Осторожно, говоря шопотомъ и стараясь не дѣлать ни малѣйшаго шума, Настя вынула изъ комода завѣтное бальное платье «генеральшиной дочери» и, стоя въ одной рубашонкѣ и юбкѣ, стала при помощи Мити надѣвать дорогой нарядъ съ открытымъ лифомъ и коротенькими рукавами. Она и вертѣлась, и смѣялась, оглядывая себя, когда платье было надѣто.

— Что, не узналъ бы меня?—говорила она Митѣ.

Онъ молча, съ удивленіемъ, разсматривалъ ее. Она была, дѣйствительно, неузнаваема. Онъ точно впервые увидалъ, какъ хороша ея стройная шея, ея граціозныя полненькія руки. А лицо? Митя, казалось, никогда не замѣчалъ прежде ни этихъ вьющихся темнорусыхъ волосъ, ни этихъ черныхъ

Digitized by Google

узкихъ глазъ съ темными обводами кругомъ, съ длинными густыми рѣсницами, съ тонкими, чуть-чуть закругленными бровями, ни этихъ ровныхъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ, выглядывавшихъ изъ-за открытыхъ улыбкою яркихъ губъ. Настя вся точно свѣтилась и блестѣла теперь, раскраснѣвшись до ушей.

— Теперь такъ бы и протанцовала!—съ увлеченіемъ прошептала она, вздыхая.

— Да развѣ ты умѣешь танцовать?—спросилъ онъ.

— Въ томъ-то и бѣда, что не умѣю,—отвѣтила она печально.

— Какая же тутъ бѣда?—спросилъ онъ, недоумѣвая.

— Какъ же не бѣда? Сидишь-сидишь, гнешь горбъ, такъ хоть бы поплясать. Иной разъ, ну, вотъ, не сидится на мѣстѣ, бѣгала бы, плясала бы, пѣла бы. Вотъ, какъ ты разсказывалъ, помнишь, давно, про елку, такъ я чуть тогда не заплакала. Ты тогда не остался танцовать. А я бы осталась, я бы осталась!

— Ну да, не умѣя-то!

— Этому выучишься сейчасъ! Чего тутъ не умѣть? Да пусти меня куда хочешь, я сейчасъ перейму...

— На смѣхъ людямъ...

— А пусть смѣются! Посмѣются да и перестанутъ... Нѣтъ, вотъ какъ теперь смѣются, такъ иной разъ злость беретъ! Чѣмъ другіе лучше, чѣмъ?

— Богаты, тѣмъ и лучше.

— Вотъ и я то же говорю. А гдѣ его возьмешь, богатство-то? Душу бы чорту продала, кажется...

— Ну, не говори этого,—грѣхъ!

— А такъ-то лучше? Грѣхъ-то отмолить можно. За деньги вонъ людей весь вѣкъ поминаютъ, да грѣхи ихъ отмаливаютъ, а безъ денегъ и не помолятся за тебя.

За стѣной послышалось, какъ повернулась на диванѣ Анна Андреевна и со вздохомъ проговорила:

— Господи, помилуй мя грѣшную!

— Сонъ, вѣрно, дурной увидала!—тихо прошептала со смѣхомъ Настя и вдругъ сказала:—Ну, довольно, а то еще услышатъ.

Она стала раздѣваться. Митя тоже вспомнилъ, что пора ложиться.

— Ну, прощай: сказалъ онъ.

Настя обняла его и крѣпко поцѣловала.

— Ты одинъ, Митя, у насъ добрый,—сказала она.—Я

Digitized by Google

хотъ только съ тобой и говорю, а имъ все лги да лги. Большой это у меня грѣхъ, а что станешь дѣлать. Скажешь правду, сейчасъ и заругаются...

Митя улегся, но заснулъ не скоро. Онъ то думалъ, какая хорошенькая Настя и какъ она, бѣдная, мучится, то размышлялъ о ея признаніи, что она все лжетъ передъ людьми. Эта фраза особенно сильно поразила его. Настя лжетъ. Но кто же въ ихъ домѣ не лжетъ? Мать, отецъ, сестра—всѣ лгутъ, принимая радушно ненавистныхъ гостей, продавая съ барышомъ поношенныя платья съ увѣреніями, что дешевле не уступаютъ, скрывая все упорнѣе отъ Лампадова положеніе своихъ дѣлъ изъ боязни, что онъ не станетъ помогать на воспитаніе Мити. Онъ самъ, Митя, тоже никогда не откровенничаетъ съ матерью и съ отцомъ, уходитъ къ Лампадову, говоря, что нужно попросить Лампадова помочь въ приготовленіи урока, а въ сущности спѣша только убѣжать отъ родительскихъ гостей; онъ просилъ мать не ходить въ гимназію, когда нужно было заплатить за него деньги, но онъ не сказалъ ей, что онъ проситъ ее объ этомъ, стыдясь показать ее директору или товарищамъ. Да, у нихъ всѣ лгутъ, и Настя, конечно, больше всѣхъ, потому что ее бранятъ и упрекаютъ за каждый шагъ. Неужели же и вездѣ такъ лгутъ люди? Неужели же нельзя говорить правду? А Лампадовъ? Развѣ онъ тоже лжетъ? Митя никакъ не могъ припомнить такого случая, когда можно бы было заподозрить Лампадова во лжи.

На слѣдующій день Митя, по обыкновенію, приготовлялъ уроки у Лампадова. Старикъ разбиралъ часы, тщательно складывая на отдѣльныя блюдечки разные винтики и колесики. Въ комнатѣ царствовала полнѣйшая тишина. Вдругъ Митя обратился къ старику съ неожиданнымъ вопросомъ:

— Дядя, отчего люди лгутъ?

Старикъ неторопливо вынулъ изъ глаза увеличительное стекло, повернулъ голову къ Митѣ и отвѣтилъ:

— Потому, что большая часть людей трусы.

Онъ вынулъ изъ кармана шелковый платокъ и сталъ протирать стекло.

— Они или боятся своихъ ближнихъ, или боятся предстать въ своемъ настоящемъ видѣ и лгутъ,—продолжалъ старикъ.— А ты съ чего задалъ мнѣ этотъ вопросъ? Въ урокѣ что-нибудь объ этомъ говорится?

Митя прямо вглянулъ на старика и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не въ урокѣ. А я вчера говорилъ съ Настей, и

Digitized by Google

она сказала мнѣ, что она много лжетъ. Я сталъ думать, думать, и увидалъ, что всѣ лгутъ.

— Всѣ?

— Да, всѣ. Я самъ лгу.

Старикъ усмѣхнулся и съ ласковой шутливостью сказалъ:

— Только не теперь?

— О, нѣтъ, нѣтъ, тебѣ я никогда не лгу!—торопливо воскликнулъ Митя.

— Ну да, совсѣмъ меня не боишься, отъ рукъ отбился!—опять пошутилъ старикъ.

Митя утвердительно кивнулъ головой, и по его лицу пробѣжала улыбка.

— А кому же ты лжешь?—спросилъ старикъ.

— Отцу, матери, сестрѣ, всѣмъ,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, вотъ, ты и подумай, почему ты лжешь,—началъ Лампадовъ.—Боишься за правду услышать брань или упреки отъ отца и матери, боишься, чтобъ отъ правды сестра не огорчилась и не расплакалась,—ну, и лжешь имъ.

Митя задумчиво слушалъ старика и молчалъ.

— Да это такъ и всегда бываетъ,—продолжалъ старикъ.—Конечно, потомъ ложь, какъ и все, входитъ мало-по-малу въ привычку, дѣлается второй натурой, и уже тогда человѣкъ лжетъ такъ себѣ, ни съ того, ни съ сего, даже и не сознавая, что онъ говоритъ неправду. Привыкнуть вѣдь ко всему можно. Привыкнешь, тогда и краснѣть перестанешь. Оттого-то и надо отучаться отъ лжи, покуда есть еще способность краснѣть за свою трусость. А трусость—подлѣе этого чувства и быть ничего не можетъ. Труса не только другіе презираютъ, но и самъ онъ себя презираетъ, не смѣя полагаться на свои силы, не смѣя ни съ кѣмъ бороться, не смѣя никому прямо взглянуть въ глаза.

Митя слушалъ, слушалъ и вдругъ воскликнулъ:

— Какой же я, значитъ, трусъ!

Лампадовъ изумился этому восклицанію и спросилъ, изъ чего сдѣлалъ мальчуганъ этотъ выводъ. Митя торопливо и не особенно связно началъ разсказывать свои мученья, какъ онъ боится, чтобы никто ни изъ учителей, ни изъ товарищей, ни у Русовыхъ не узналъ, что у нихъ бываютъ все лакеи, и лакеи, что его мать стала какой-то свахой и торговкой, что они живутъ грязно и бѣдно. Старикъ до конца выслушалъ исповѣдь мальчугана и потомъ спросилъ его:

— Ты когда-нибудь боялся трубочиста?

Digitized by Google

Мальчикъ засмѣялся, кивнувъ головой.

— Ну, вотъ, ты и теперь боишься трубочиста,—сказалъ старикъ.—Это страхъ не труса, а неопытнаго человѣка. Ты еще не знаешь, что ни бѣдности, ни происхожденія не слѣдуетъ стыдиться. Правда, есть люди, которые смотрятъ съ презрѣніемъ на бѣдняковъ, на низшихъ, но эти люди или глупцы, или негодяи, а дорожить уваженіемъ глупцовъ или негодяевъ не для чего. Конечно, насмѣшки и обиды всегда непріятны, кто бы ихъ ни нанесъ. Но вѣдь отъ этого не спасешь себя ложью. Ложь рано или поздно откроется, и тому же будетъ хуже, кто лгалъ. Человѣкъ долженъ стараться, чтобъ его уважали такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ онъ хочетъ казаться.

Старикъ долго говорилъ на эту тему, чувствуя, что мальчуганъ открылъ ему самое больное мѣсто своей души, и что его нужно ободрить, успокоить. Старикъ не ошибся. Митя долго думалъ и передумывалъ о томъ, что онъ слышалъ въ этотъ вечеръ отъ Лампадова, и сталъ спокойнѣе, началъ стараться побороть въ себѣ появленіе болѣзненнаго самолюбія, мелкой обидчивости. Онъ работалъ надъ собою съ недѣтскою серьезностью; онъ обнаруживалъ уже способность, называемую силой воли, твердостью характера. Мало того, что онъ теперь дѣлалъ надъ собой усилія, чтобы не краснѣть и не волноваться, когда у него появлялась заплата на сапогѣ,—онъ сталъ нарочно приглашать къ себѣ товарищей, чтобъ они видѣли, какъ онъ живетъ. Это было своего рода хвастовство. Показывая товарищамъ свою каморку, онъ говорилъ:

— Прежде мы хуже жили.

Когда ему жаловались пріятели, что имъ трудно учиться, онъ замѣтилъ:

— Нѣтъ, а вы поучились бы, когда угла спокойнаго нѣтъ, когда надо и сапоги самому чистить, и дровъ иногда наколоть, и щепокъ принести, тогда не то бы запѣли. Я вотъ это испыталъ.

Иногда онъ самъ себѣ казался героемъ: онъ шелъ первымъ въ классахъ, а сколько онъ вынесъ невзгодъ и огорченій, какъ тяжело подчасъ жилось ему дома, какихъ усилій стоили ему такія простыя вещи, какъ напримѣръ отвычка говорить языкомъ своей семьи, отвычка держать вилку и ножъ такъ, какъ ихъ держали у него дома, отвычка облизывать послѣ ѣды ложку, класть на скатерть грязные ножи и вилки за обѣдомъ, пить чай съ блюдечка, просить кофе

Digitized by Google

или чаю «въ прикуску, а не въ накладку». Онъ долженъ былъ не только учиться въ гимназіи, но и слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, за каждымъ своимъ словомъ, чтобы не конфузиться въ домѣ Русовыхъ. Онъ вращался здѣсь среди людей, говорившихъ инымъ языкомъ, имѣвшихъ иныя манеры, ѣвшихъ иныя кушанья. У этихъ людей онъ давился словомъ, произнося въ забывчивости какое-нибудь «намеднись» или «окромя», или стыдливо отказывался отъ ѣды, видя передъ собой артишоки, но не умѣя ихъ ѣсть. Здѣсь онъ разъ выпилъ душистую теплую воду, поданную послѣ обѣда для полосканья рта, и чуть не вызвалъ взрыва неудержимаго хохота, неожиданно сказавъ какому-то барину, когда тотъ чихнулъ за обѣдомъ: «будьте здоровы!» Свѣтскость доставалась ему не легко, и еще слава Богу, что семья Русовыхъ относилась къ нему крайне снисходительно и благосклонно. Онъ былъ здѣсь вполнѣ своимъ ребенкомъ, и ни князь, ни княгиня ни разу не дали ему почувствовать, что онъ здѣсь чужой, что онъ здѣсь не на своемъ мѣстѣ. Дѣти были тоже очень ласковы съ нимъ: молоденькій князь Александръ и маленькая княжна Софія обращались съ нимъ, какъ съ братомъ. Но все же иногда, въ тяжелыя минуты, Митѣ приходило въ голову, что, можетъ-быть, князь Александръ значительно охладѣлъ бы къ нему, если-бъ увидалъ его домашнюю обстановку. Эта мысль начинала принимать чудовищные размѣры, и Митѣ уже казалось, что князь Александръ отвернется отъ него, станетъ его презирать, выгонитъ его, когда поближе узнаетъ, какъ и гдѣ живетъ онъ, Митя. Въ этихъ думахъ было что-то болѣзненное: Митя и боялся этого разрыва, и страстно желалъ скорѣе увидать, какъ князь Александръ отнесется къ нему, увидя его житье-бытье. Наконецъ, Митя не выдержалъ и сказалъ однажды князю Александру:

— А вотъ, ты бы посмотрѣлъ, въ какомъ подвалѣ мы живемъ.

Князь очень удивился.

— Да развѣ ты въ подвалѣ живешь?

— Да почти. Окна наши совсѣмъ на землѣ лежатъ. Когда много снѣгу, такъ отгребать его отъ оконъ приходится.

— Зачѣмъ же вы такъ низко живете?

— А потому, что денегъ нѣтъ. Были бы деньги, такъ въ такихъ же хоромахъ, какъ ты, жили бы. Вотъ ты пріѣхалъ бы когда-нибудь посмотрѣть, какъ мы живемъ.

— Я пріѣду, непремѣнно пріѣду!—сказалъ князь Александръ.

Digitized by Google

Онъ никогда не видалъ, какъ живутъ люди въ подвалахъ. Ему очень хотѣлось увидѣть это. Митѣ тоже страстно хотѣлось, чтобы князь поскорѣе увидалъ, какъ онъ живетъ. Мальчику продолжало казаться, что князь Русовъ сейчасъ же убѣжитъ изъ ихъ квартиры и перестанетъ не только говорить ему, Митѣ, «ты», но перестанетъ съ нимъ клапяться, «Ну, и пускай, тѣмъ лучше! Очень мнѣ нужны его поклоны, если онъ свинья!»—рѣшилъ Митя. Онъ волновался и злился заранѣе, и въ то же время ало смѣялся, представляя себѣ, какую кислую гримасу состроитъ маленькій князекъ, увидавъ ихъ жилище. Маленькому князю тоже очень хотѣлось взглянуть на невиданный имъ подвалъ. Наконецъ, желаніе обоихъ друзей исполнилось. Это случилось 11-го февраля, въ день именинъ Мити.

Княгиня Русова хотѣла послать Митѣ съ лакеемъ подарокъ, но сынъ упросилъ ее отпустить его самого къ Митѣ. Согласіе было получено не вдругъ. Сначала позвали на совѣтъ Лампадова и о чемъ-то пошептались съ нимъ. Потомъ вынесли приговоръ, что князекъ поѣдетъ утромъ къ своему другу съ Лампадовымъ.

Захолустная улица такъ и ахнула, когда въ ней появились роскошныя сани съ медвѣжьей полостью, съ воронымъ рысакомъ, съ кучеромъ въ синей бархатной шапкѣ. Въ саняхъ сидѣли Лампадовъ и маленькій князь Русовъ, прелестный курчавый мальчикъ, разгорѣвшійся отъ легкаго мороза и быстрой ѣзды. Лампадовъ провелъ мальчика по двору, спустился съ нимъ въ темный коридоръ и дошелъ, наконецъ, до обитой войлокомъ и рогожей двери.

— Вотъ мы и у цѣли,—сказалъ онъ, отворяя дверь.

Князекъ немного трусилъ и шелъ близко около старика.

— А я къ вамъ съ гостемъ,—сказалъ Лампадовъ, здороваясь съ Марьей Ѳедоровной и Анной Андреевной.—Вотъ князь.

— Ваше сіятельство... вотъ-то осчастливили!.. Позвольте, я васъ раздѣну... Митя, Митя, иди же!.. Кто пріѣхалъ-то, смотри!—суетливо говорила Марья Ѳедоровна, не зная, что дѣлать и какъ оказать вниманіе его сіятельству.

Его сіятельство былъ ужасно скопфуженъ и все за что-то благодарилъ Марью Ѳедоровну, приговаривая:

— Не безпокойтесь, я самъ, я самъ...

Но Марья Ѳедоровна чуть не снимала съ него калошъ. Лампадовъ стоялъ въ сторонѣ и добродушно улыбался. Онъ ждалъ выхода Митя. Наконецъ, явился и Митя. Онъ вы-

Digitized by Google

шелъ въ кухню съ напускною бойкостью, съ веселымъ видомъ и, смѣясь, проговорилъ:

— Что, не струсилъ? Ты, я думаю, воображалъ, что тебя въ медвѣжью берлогу везутъ? Нѣтъ, братъ, это наше логовище.

Князь Русовъ засмѣялся и бросился цѣловать его.

— Вотъ я далъ слово, далъ слово, что буду у тебя на именинахъ, и настоялъ на своемъ!—быстро проговорилъ онъ.- Это maman тебѣ прислала, а это я тебѣ дарю на память...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь и торопливо расшаркался, обратившись къ противоположной двери. Всѣ обернулись въ этомъ направленіи и увидали стоявшую въ дверяхъ Настю. Она широко открыла глаза, съ изумленіемъ смотрѣла на гостя.

— Это моя двоюродная сестра,- -сказалъ Митя и, взявъ за руку князя, подвелъ его къ Настѣ.

Она, вся вспыхнувъ, неловко пожала протянутую ей руку. Князекъ тоже былъ почему-то сконфуженъ. Митя засмѣялся и проговорилъ:

— Вы точно козлы другъ противъ друга стоите... Ну, пойдемте ко мнѣ!..

Онъ потащилъ князька въ свою комнату.

Не прошло и пяти минутъ, какъ князекъ совсѣмъ пріободрился и развеселился. Его занимало все. Онъ разглядывалъ цвѣты на окнахъ,—онъ такихъ никогда не видалъ: геранiи съ вырѣзными листьями, золотыя деревья, простые кактусы, стручковый перецъ съ красными плодами.

— А это что?.. Это яйцо привѣшено зачѣмъ?—спрашивалъ онъ.

— Это не яйцо, а на деревѣ плодъ такой. Впрочемъ, у насъ это растеніе такъ и зовутъ яйцами,—отвѣтилъ Митя.— Чортъ его знаетъ, какое у него настоящее названіе. Въ казармахъ его всѣ солдаты держатъ.

— А ты вотъ тутъ и спишь? Это твоя комната?—разспрашивалъ князь, осматривая комнату.

— Да, я здѣсь сплю, а тамъ сестра за драпировкой,—отвѣтилъ Митя и вдругъ что-то вспомнилъ.—Да, хорошъ я хозяинъ и не угощаю тебя. Будешь у насъ ѣсть?

— Я не завтракалъ,—отвѣтилъ князь.

— Ну, и отлично. Пирога дадутъ, какого ты и не ѣдалъ. У меня, братъ, не поваръ, а сама мать стряпаетъ.

Митя побѣжалъ въ кухню.

Digitized by Google

— Мама, мама, пирога намъ и кофе!—сказалъ онъ.

— Да развѣ ихъ сіятельство будетъ?—начала Марья Ѳедоровна, успѣвшая принарядиться въ какой-то чепецъ съ пестрыми бантами и клѣтчатый палантинъ.

— Еще бы,—отвѣтилъ Митя и крикнулъ:—Ваше сіятельство, мать вонъ думаетъ, что ты и не ѣшь, и не пьешь,

— Что?—отозвался громко князь.

Марья Ѳедоровна укоризненно покачала головой Митѣ и заморгала глазами.

— Какъ же такъ можно, какъ можно!—прошептала она.

Но Митя уже удралъ изъ кухни къ пріятелю.

Не прошло и десяти минутъ, какъ всѣ усѣлись за столъ въ комнатѣ Анны Андреевны, такъ какъ эта комната носила названіе гостиной, и принялись за пирогъ. Митя дурачился, какъ никогда, и увлекъ своимъ примѣромъ Русова. Настя тоже оживилась и съ разгорѣвшимся лицомъ не спускала глазъ съ князька. Онъ казался ей какимъ-то херувимомъ съ вербы. Курчавые волосы, нѣжный цвѣтъ лица, крошечныя руки, граціозная фигура, щеголеватая одежда—все въ немъ поражало дѣвочку. Ей ужасно хотѣлось расцѣловать его.

Наконецъ пирогъ былъ истребленъ въ значительномъ количествѣ, кофе допитъ, и Лампадовъ напомнилъ князю, что пора ѣхать. Князь неохотно всталъ, расшаркался передъ Марьей Ѳедоровной и сталъ собираться домой, пожавъ руки присутствующимъ. Митя горячо обнялъ его и вдругъ совершенно измѣнившимся, взволнованнымъ голосомъ шепнулъ ему:

— Ну, спасибо, спасибо!.. Я тебѣ когда-нибудь разскажу, что я прежде думалъ...

— А что?—спросилъ князь.

— Нѣтъ, это когда-нибудь послѣ... Скверный я въ сущности мальчишка.

— Да что такое?

— Послѣ, послѣ!.. А теперь спасибо тебѣ... А матери своей поцѣлуй за меня всѣ, всѣ пальчики!..

— Куда же ты, куда? Сегодня холодно!—сказалъ ему князь, видя, что онъ идетъ провожать его на улицу.

— Ну да, ты думаешь, я не бѣгаю по двору въ одномъ сюртучишкѣ... Я вѣдь не ты! Ты думаешь, дрова-то со двора я въ шубѣ таскаю?—отвѣтилъ Митя.

Онъ проводилъ гостя до саней, усадилъ его и дядю въ сани и долго махалъ рукой повернувшему къ нему голову князьку.

Не прошло и получаса, какъ въ Захолустной улицѣ всѣ

Digitized by Google

знали, что у Орловыхъ былъ на именинномъ пирогѣ сынъ князя Русова. Оказалось вдругъ, что захолустенцы «доподлинно знали, что князь Русовъ самый полный генералъ отъ инфантеріи, самый что ни на есть первый милліонщикъ, у котораго самъ царь бываетъ».

— Ишь ты наши-то куда лѣзутъ!—говорили обыватели, и радуясь, и завидуя счастью Орловыхъ.

III.

Княгиня подарила Митѣ небольшіе золотые часы, а маленькій князь изящную карманную чернильницу изъ бронзы. Но Митя едва успѣлъ полюбоваться этими подарками въ день своихъ именинъ. Эти вещи въ тотъ день перешли черезъ десятки рукъ. Начиная съ Кузьминичны и кончая домовымъ дворникомъ, всѣ пересмотрѣли, что «нашему-то Митѣ» подарили князья Русовы. Всѣ со всѣхъ сторонъ перевернули эти вещи въ своихъ болѣе или менѣе грубыхъ рабочихъ рукахъ, и всѣ согласились съ тѣмъ, что «отецъ-то до сѣдыхъ волосъ дожилъ, да такихъ вещей не нажилъ, такъ что это цѣнить и помнить надо».

Но этотъ визитъ и этотъ день были знаменательны въ жизни Мити не ради этихъ подарковъ; они оставили въ душѣ мальчика неизгладимый слѣдъ; мальчикъ, правда, не сознавалъ, что совершилось въ его душѣ, но въ ней произошелъ какой-то переворотъ, крупный и рѣзкій, повліявшій значительно на всю будущую жизнь ребенка. Митя былъ весь этотъ день необыкновенно веселъ и самъ не замѣчалъ, что онъ разъ десять повторялъ одну и ту же фразу: «о, онъ очень, очень добрый мальчикъ!» Вечеромъ, когда онъ ложился спать, онъ вдругъ опять вспомнилъ, какъ онъ сомнѣвался въ томъ, что его другъ пріѣдетъ къ нему, какъ онъ предполагалъ, что князекъ брезгливо отнесется къ его обстановкѣ, и ему становилось и больно, и стыдно. Ему казалось, что онъ злой и неблагодарный человѣкъ, что онъ не умѣетъ любить и не умѣетъ вѣрить любви. Ему хотѣлось во всемъ скорѣе сознаться другу и увѣрить того, что онъ, Митя, любитъ его такъ крѣпко, крѣпко... ну, больше, чѣмъ отца и мать. Нервная, страстная натура ребенка сказывалась и тутъ, все преувеличивая, всѣмъ увлекаясь черезъ край. Митя былъ бы невообразимо счастливъ, если-бъ онъ могъ въ это время оказать какую-нибудь услугу, принести какую-нибудь жертву своему другу, чтобы на дѣлѣ засвидѣтельствовать свою преданность ему. Мальчуганъ, кажется,

Digitized by Google

разрыдался бы или выцарапалъ бы глаза тому, кто рѣшился бы сказать, что ни въ этомъ визитѣ къ нему князька, ни въ дружбѣ послѣдняго съ нимъ не было ничего необыкновеннаго, что восторгаться тутъ совершенно нечѣмъ. Но Митю никто и не разувѣрялъ, — напротивъ того, кругомъ него всѣ только и говорили объ одномъ, что «маленькій князь Русовъ видно въ отца и въ мать, что отецъ его генералъ, а такъ простъ, такъ простъ, что такихъ простыхъ людей и со свѣчей не найдешь», что «мать его и пріюты, и школы, и богадѣльни — все на свой коштъ содержитъ», что «крестьяне ихъ какъ у Христа за пазухой живутъ». О князьяхъ Русовыхъ въ Захолустной улицѣ, имѣвшей обо всемъ свои достовѣрныя свѣдѣнія, вдругъ выплыли на свѣтъ Божій цѣлыя легенды, въ родѣ легендъ о Гарунѣ-аль-Рашидѣ, ходящемъ переодѣтымъ по городу, чтобъ узнать правду о положеніи народа. Митя былъ въ восторгѣ отъ этихъ разсказовъ; они еще болѣе поднимали его душевное настроеніе. Онъ нетерпѣливо ждалъ первой свободной минуты, чтобы побывать у Русовыхъ, и впервые явился къ нимъ одинъ, безъ Лампадова, не дожидаясь приглашенія. Если бы кто-нибудь попристальнѣе взглянулъ теперь на встрѣчу двухъ юныхъ друзей, тотъ сразу бы понялъ, что между ними уничтожились навсегда всякія перегородки. Такъ встрѣчаются только любящіе братья послѣ разлуки, такъ встрѣчаются только подростки, узнавшіе впервые поэтическое чувство дружбы. У нихъ у обоихъ было такъ много чего-то такого, что они хотѣли сообщить другъ другу, но все это вдругъ забылось и осталось одно чувство радости, что они вмѣстѣ. Они говорили о пустякахъ, но имъ было такъ весело, точно объ этихъ пустякахъ они только и могли наговориться другъ съ другомъ. Къ юному князьку привезли въ гости какихъ-то другихъ дѣтей, и онъ очень разсердился, что они не вовремя пріѣхали, что съ ними скука страшная, что они глупыя. Митѣ было очень пріятно сравнить, какъ относился теперь Русовъ къ нему и къ этимъ гостямъ; онъ понялъ сразу, что на своемъ мѣстѣ здѣсь онъ, а не эти дѣти важныхъ особъ. Впервые онъ чувствовалъ себя здѣсь вполнѣ дома, а не въ гостяхъ. Безсознательно онъ игралъ роль хозяина, показывалъ дѣтямъ книги князька, занималъ ихъ разговорами, и ему было весело, что онъ можетъ это дѣлать. Онъ нѣсколько разъ въ этотъ день повторилъ фразу:

— Мы съ Сашей!

Она ему очень понравилась.

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько дней Русовы прислали за Митей экипажъ, чтобы привезти его прямо изъ гимназіи къ обѣду. Вмѣстѣ съ Митей выходилъ изъ гимназіи одинъ изъ учителей. Онъ замѣтилъ мальчику:

— Ого, какія у васъ лошади!

— Это не мои, а князя Русова,—отвѣтилъ Митя.

— Вы развѣ съ нимъ знакомы? — спросилъ учитель не безъ удивленія.

— Я съ его сыномъ друженъ,—отвѣтилъ Орловъ.

Онъ былъ радъ, что и учитель, и товарищи видѣли этихъ лошадей, этотъ экипажъ и знали, что онъ, Митя, друженъ съ княземъ Русовымъ. Онъ испытывалъ то же ощущеніе, какое испытываетъ человѣкъ, долго шедшій по трясинѣ и, наконецъ, добравшійся до твердой почвы: онъ хотѣлъ не просто идти по этой почвѣ, но надавливать на нее ногами, ступать тяжелѣе, чтобъ еще болѣе убѣдиться, что земля уже не колеблется болѣе подъ нимъ. Ему хотѣлось, чтобъ его видѣли съ князьями Русовыми не одни обыватели Захолустной улицы, не одни гимназисты и учителя, а «всѣ люди». Когда онъ впервые попалъ съ Русовыми въ театръ, ему казалось, что всѣ смотрятъ на него. Самъ не замѣчая того, онъ очень громко и слишкомъ часто говорилъ маленькому Русову «ты».

Этотъ періодъ продолжался, впрочемъ, не особенно долго: чистая юношеская привязанность скоро заглушила пустую сустность, мелочное тщеславіе, мѣщанское бахвальство. Юноша былъ слишкомъ самолюбивъ для роли приживалки и прихлебателя. Его каждый разъ сердили замѣчанія родныхъ и знакомыхъ о томъ, что Русовы — его благодѣтели, что онъ долженъ и сносить много отъ Русовыхъ, только бы они его не выгнали. Онъ всѣми силами протестовалъ противъ этого и старался держать себя независимо, на равной ногѣ съ Александромъ Русовымъ. Это было ему тѣмъ легче сдѣлать, что юный князь былъ гораздо слабѣе его по натурѣ, по характеру, и скорѣе подчинялся ему, чѣмъ подчинялъ его. Но, держась независимо, Митя все-таки чувствовалъ искреннюю привязанность къ князю. Онъ понялъ, какъ безгранична была эта привязанность въ его сердцѣ, когда онъ вдругъ узналъ, что молодой Русовъ заболѣлъ. Ни на одну минуту не промелькнуло въ его умѣ, какія послѣдствія можетъ повлечь смерть богатаго друга для него. Онъ просто боялся его потерять потому, что онъ любилъ его. Всѣхъ въ семьѣ Орловыхъ изумило горе Мити; никто изъ его домаш-

Digitized by Google

нихъ людей никогда даже и не предполагалъ, что онъ можетъ такъ сильно чувствовать. Марья Ѳедоровна замѣтила ему:

— Ну, голубчикъ, что же такъ убиваться-то! Если и умретъ князекъ, княгиня тебя теперь не забудетъ, въ память его.

— Что вы мнѣ говорите! — раздражительно воскликнулъ Митя.—Развѣ я нищій, что только о деньгахъ и могу плакать? Пусть они мнѣ ничего не даютъ, только бы онъ не умеръ! Ничего мнѣ отъ нихъ не надо, ничего! И безъ нихъ я пробью себѣ дорогу. Слава Богу, не дуракомъ родился. Я объ немъ плачу, потому что у меня никого кромѣ его нѣтъ...

Марья Ѳедоровна даже изумилась, какъ это у Мити никого, кромѣ князя, нѣтъ. А она, а сестра, а отецъ?

— Ну, чужіе-то лучше своихъ не будутъ,—не то наставительно, не то обидчиво замѣтила она.—Хороводитесь, пока малы, а подрастетъ онъ, такъ и знать, можетъ-быть, тебя не захочетъ...

Митя не слушалъ, не хотѣлъ слушать ее.

Княгиню сильно тронула привязанность мальчика къ ея сыну. Онъ ежедневно приходилъ справляться о здоровьѣ князька, онъ упросилъ княгиню со слезами на глазахъ, чтобъ она позволила ему провести ночь у постели больного, именно ту ночь, за которую такъ опасались доктора.

— Я не шевельнусь, не произнесу ни слова, — говорилъ онъ ей, цѣлуя ея руки.

Эти слезы, этотъ страстный шопотъ побѣдили княгиню, и Митѣ было дозволено продежурить вмѣстѣ съ сидѣлкой у постели больного. Больной перенесъ кризисъ и сталъ поправляться. Первый человѣкъ, которому онъ слабо улыбнулся, былъ Митя. Съ этой минуты уже не Митя просилъ, чтобъ его допускали къ больному, а за Митей посылали, если онъ запаздывалъ хоть на одинъ часъ. Князекъ и капризничалъ, и чувствовалъ себя хуже, когда около него не было его друга.

— Но ты запустишь свои уроки и совсѣмъ утомишь себя,—говорила Митѣ княгиня.

— Что мнѣ уроки, что усталость! Онъ бы только ожилъ! — говорилъ съ увлеченіемъ Митя.

Его глаза, его лицо свѣтились такимъ страстнымъ чувствомъ, что княгиня невольно засматривалась на него. Ея дѣти казались такими вялыми въ сравненіи съ нимъ.

Digitized by Google

Однажды вечеромъ онъ одинъ сидѣлъ у постели князька, страдавшаго теперь безсонницей. Больной смотрѣлъ на него съ ласковой улыбкой.

— Ты одинъ все со мной, всегда со мной!—проговорилъ онъ задушевно.—Спасибо тебѣ!

Онъ взялъ руку Мити и поцѣловалъ ее. Митя смутился.

— Что ты, что ты!—проговорилъ онъ и нагнулся поцѣловать его.

— Что-жъ, я не стыжусь... Я при всѣхъ, при всѣхъ поцѣлую тебѣ руку!—сказалъ больной.—Ты не знаешь, какъ я люблю тебя, за что я люблю тебя... Ты не знаешь, что я очень-очень несчастный!

Митя изумился этому признанію. Онъ никакъ не могъ себѣ представить, что князь можетъ быть несчастливъ.

— Ты... несчастный?—воскликнулъ онъ.

Больной вздохнулъ.

— Да,—сказалъ онъ.—Я никому, конечно, не говорю, потому что говорить о себѣ, о своихъ не слѣдуетъ,—это нехорошо, неприлично... Но тебѣ я могу все сказать, все, и о чемъ я думаю, и что чувствую... Я уже не маленькій. Мнѣ, какъ и тебѣ, четырнадцать лѣтъ...

— Мнѣ уже пятнадцать,—сказалъ Митя.

— Да, ты старше меня... Но и я не маленькій... Я все понимаю, что дѣлается кругомъ... Ты вотъ видишь, что я богатъ, и думаешь, что это счастье... А ты посмотри, я все одинъ и одинъ... Papa и maman у меня, ты знаешь, добрые, очень добрые... Это всѣ знаютъ—и знакомые, и дворовые, и крестьяне... Но я одинъ!.. У papa все дѣла, цѣлый день дѣла; у maman или гости, или комитеты. Ну, я и остаюсь одинъ... Утромъ скажешь: bonjour, maman! bonjour papa!—а потомъ ихъ и не видишь почти...

— Но у тебя столько знакомыхъ дѣтей, товарищей.

— Что это за товарищи!—воскликнулъ презрительно больной.—Такъ и кажется, что они все боятся курточки да мундиры измять. Ходятъ по стрункѣ, говорятъ, какъ ихъ научили говорить, живого слова не смѣютъ сказать.

Онъ вдругъ засмѣялся.

— Ты знаешь, съ какихъ поръ я тебя полюбилъ?—спросилъ онъ.—Съ того самаго дня, когда ты вдругъ такъ крѣпко-крѣпко обнялъ меня и поцѣловалъ въ губы при первой встрѣчѣ. Наши просто расшаркались бы и пожали бы мнѣ руку, а ты обнялъ и поцѣловалъ, точно родного... Я тебя тогда же и полюбилъ... А потомъ, когда, бывало, ты при-

Digitized by Google

ходилъ, мнѣ всегда становилось весело: ты всѣмъ интересовался, всѣмъ восхищался, тормошилъ меня, заставляя смѣяться вмѣстѣ съ тобой... Недаромъ тебя maman зоветъ: «нашъ маленькій ураганъ»...

Митя впервые слышалъ, что княгиня дала ему такую кличку.

— Ты знаешь, я не такой, какъ ты... Мосье Жобаръ зоветъ меня «кислымъ»... Рара какъ-то замѣтилъ, что я точно «нервная барышня»... Maman говоритъ, что это потому, что у меня поэтическая натура... Можетъ-быть, я не знаю... Но что-жъ дѣлать, не могу я быть веселымъ, когда мнѣ скучно... Я только при тебѣ и оживаю...

Князь тяжело вздохнулъ.

— И какъ я позавидовалъ тебѣ, когда былъ у васъ! — продолжалъ онъ.—Вы тамъ всѣ вмѣстѣ, всѣ вмѣстѣ, а тутъ, точно въ очарованномъ замкѣ — картины, статуи, цвѣты и ни души близкихъ. Только мосье Жобаръ тѣнью слѣдитъ по пятамъ, только лакеи замерли на вытяжку у дверей...

— Но у тебя есть сестры,—сказалъ Митя.

— Онѣ объ еще такъ малы и, притомъ, онѣ съ миссъ Пирсъ живутъ на отдѣльной половинѣ... Вѣдь у насъ не такъ, какъ у васъ; ты вонъ живешь съ сестрой въ одной комнатѣ...

Онъ вдругъ улыбнулся.

— Красавица она!—проговорилъ онъ.

— Кто это, Настя-то?—спросилъ Митя.

— Да, — сказалъ больной, кивнувъ головой. — Я maman разсказалъ все, что видѣлъ у тебя, и сказалъ, какая красавица у тебя сестра... А maman говоритъ: «О, ты уже начинаешь влюбляться!» Зачѣмъ она это сказала?.. Я и не думалъ влюбляться... Это очень скверно, что у насъ всѣ влюбляются и развратничаютъ...

— Развратничаютъ? — спросилъ Митя съ недоумѣніемъ.

— Ну, да... Отъ насъ, отъ дѣтей, хотятъ все это скрыть, но что мы знаемъ, что мы знаемъ!..

Онъ опять глубоко вздохнулъ.

— Я вотъ такъ возненавидѣлъ, такъ возненавидѣлъ одну женщину съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказали, кто она, что видѣть ея не могу.

— Кто же она?—спросилъ Митя.

— Она танцовщица въ балетѣ,—отвѣтилъ больной.—Ее зовутъ Андроновой. Ты ее видѣлъ, когда былъ съ нами въ балетѣ. Недавно мы опять были въ балетѣ. Намъ, дѣтямъ,

Digitized by Google

взяли ложу, а рара былъ въ креслахъ, у самаго прохода, у него тамъ въ первомъ ряду и кресло особое. Когда вышла Андронова, кузенъ Поль шепнулъ мнѣ: «Посмотри, какъ твой отецъ аплодируетъ»... Ты знаешь кузена Поля... того, что въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ теперь. Ему вѣдь семнадцать лѣтъ, и онъ какъ большой себя держитъ. Maman называетъ его повѣсой. Когда онъ сказалъ мнѣ про рара, я посмотрѣлъ въ ту сторону, и точно, рара аплодировалъ. «Она у него на содержаніи»,—шепнулъ мнѣ кузенъ. Я весь вспыхнулъ.—Ты лжешь,—сказалъ я:—maman такъ хороша, рара ее любитъ.—«Ну, да любитъ!—засмѣялся онъ.—А любовницу все же содержитъ. У всѣхъ у мужчинъ есть любовницы. И про это всѣ знаютъ». Мнѣ такъ стало тяжело, такъ тяжело! Maman такая добрая, такая хорошенькая, а у него любовница! Maman, должно-быть, очень это обидно, что рара любитъ другую женщину. И еще кузенъ Поль сказалъ: «А я думаю, она такъ-то его обманываетъ на сторонѣ». Скверная женщина!.. Я ее презираю, я ее ненавижу.

Онъ былъ сильно взволнованъ. Митя тоже смотрѣлъ невесело. Онъ никакъ не думалъ, чтобъ и здѣсь, среди богатства и роскоши, были свои невзгоды, свои страданія.

— И у рара тамъ есть другія дѣти отъ нея!—продолжалъ князь. — Онъ, вѣрно, все у нихъ и проводитъ время, когда говоритъ, что уѣзжаетъ по дѣламъ, а мы одни... Къ намъ онъ почти не заглядываетъ... Правда, онъ нашу Соню любитъ... Но вѣдь Соню всѣ любятъ, даже чужіе... Она такая ласковая... всѣмъ свои ручонки протягиваетъ... Вонъ и къ тебѣ, какъ только увидитъ тебя, на руки идетъ... А меня такъ рара, кажется, просто презираетъ...

— Полно!—сказалъ Митя.—Твой отецъ такъ добръ?

— Да, да, добръ, но не въ отношеніи меня... Онъ тебя больше любитъ, чѣмъ меня.

— Что это тебѣ приходитъ въ голову?

— Да, да, ужъ это такъ! Мнѣ иногда кажется, что онъ презираетъ, ненавидитъ меня... Я не знаю, почему, но я это чувствую...

Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Я радъ, что могу говорить съ тобой откровенно. Ты вотъ теперь знаешь, почему я несчастливъ... Другіе же... я имъ никогда, никогда не рѣшусь сказать этого! Кузенъ Поль вонъ смѣется и говоритъ: «Подожди годика два, и у тебя будутъ любовницы. Я въ твои годы уже завелъ интрижку

Digitized by Google

съ гувернанткой сестеръ, а потомъ проникъ въ дѣвичью въ деревнѣ. Правда, у васъ и гувернантки-то молодой нѣтъ, и дворовыхъ дѣвокъ не держите. Старуху какую-то трехъарпинную къ дѣвочкамъ взяли. А молоденькая сама научила бы тебя всему»... Онъ ужасно развратный, этотъ кузенъ Поль, и надо всѣмъ смѣется, всѣхъ чернитъ... Впрочемъ, у насъ почти всѣ такіе!.. Мосье Жобаръ тоже сторону кузена Поля держитъ, и они вмѣстѣ секретничаютъ и надо мной смѣются... Я же это вижу!

Больной долго не умолкалъ. Ему, казалось, хотѣлось высказать все, что наболѣло у него на душѣ, что онъ долженъ былъ скрывать отъ окружающихъ подъ маской приличія и спокойствія. Онъ жаловался немного плаксиво, малодушно, какъ слабая женщина. Изнѣженный, слабый и хрупкій, онъ точно просилъ помощи и защиты, ласкъ и утѣшеній.

Этотъ вечеръ оставилъ неизгладимый слѣдъ въ душѣ Мити, и юноша проникся еще большею привязанностью и благоговѣніемъ къ княгинѣ. Она представлялась ему теперь не только прелестною феей, не только безгранично доброю женщиной, но и страдалицей, безропотно выносящею свое горе. Митя удивлялся, какъ можетъ она такъ искусно скрывать свои чувства, являясь всегда съ улыбкой на лицѣ, съ словомъ привѣта на устахъ. Да она просто святая! Передъ нею нужно благоговѣть и преклоняться. Онъ такъ и сталъ смотрѣть теперь на княгиню. Его обожаніе этой женщины становилось такъ явно, такъ очевидно, что княгиня не могла этого не замѣтить, что иногда смѣшило ее, иногда смущало. Она, конечно, не знала, что Митя нашелъ и утаилъ у себя на память ея перчатку, какъ какую-нибудь святыню. Но она инстиктивно сознавала, что съ нея не спускаются глаза этого юноши, когда онъ находится въ ея присутствіи, что онъ ловитъ съ восторгомъ каждое ея слово, что онъ весь сіяетъ, когда она приласкаетъ его.

Разъ какъ-то онъ задѣлъ въ ея кабинетѣ за флаконъ и разбилъ его.

— Надо быть осторожнѣе!—проговорила княгиня, нервно вздрогнувшая отъ неожиданности.

Митя замеръ на мѣстѣ и поблѣднѣлъ, какъ полотно. Княгиня взглянула на него и испугалась. Ей показалось, что съ нимъ дѣлается дурно. Она быстро подошла къ нему и взяла его за плечи.

— Что съ тобой?—ласково спросила она.

Digitized by Google

Его душили слезы.

— Ради Бога... ради Бога... не сердитесь!—прошепталъ онъ, задыхаясь.

— Митя, Митя! какъ тебѣ не стыдно думать, что я могу разсердиться за такіе пустяки!—сказала она.

— Но это ваша вещь... ваша, а я разбилъ! — шепталъ онъ въ страстномъ волненіи.

Княгиня, улыбаясь, поцѣловала его въ голову. Онъ порывисто покрылъ поцѣлуями ея руку. Ей вдругъ стало какъ будто жутко: передъ ней стоялъ пятнадцатилѣтній юноша, а въ его поцѣлуяхъ предчувствовалась уже не дѣтская любовь.

— Дитя, у тебя все крайности, все порывы, ни въ чемъ нѣтъ мѣры, — сказала она серьезно. — Надо учиться быть сдержаннѣе, болѣе владѣть собой, подавлять внезапныя вспышки чувствъ и впечатлѣній... Такъ нельзя, это ведетъ къ неловкостямъ, можетъ стѣснять другихъ. Ты вотъ иногда такъ пристально смотришь, такъ впиваешься глазами, что дѣлается неловко. Тебѣ еще нужно быть ребенкомъ, играть, прыгать, а не...

Она вдругъ оборвала рѣчь и, потрепавъ его по щекѣ, вышла.

А онъ, не трогаясь съ мѣста, думалъ: «нужно быть ребенкомъ, играть, прыгать, а не...» Чего она не досказала? Господи, если бъ онъ могъ догадаться, онъ сдѣлалъ бы всѣ усилія, чтобъ исполнить ея совѣтъ. Но она не досказала, а онъ не догадывался! Это его мучило.

Сами обстоятельства, впрочемъ, сложились такъ, что съ нѣкотораго времени Митя сталъ рѣже видѣть княгиню: молодого князя Русова отдали въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Митѣ приходилось бывать у Русовыхъ поневолѣ только въ праздники, а въ праздники у княгини были вѣчно гости и гости.

Эта перемѣна обстоятельствъ была скорѣе благотворна, чѣмъ вредна для Мити: онъ могъ полнѣе отдаться гимназіи, менѣе развлекаясь визитами къ Русовымъ и разъѣздами съ ними по театрамъ. Онъ всегда учился хорошо, какъ учится большинство дѣтей съ сильно развитымъ самолюбіемъ. Но теперь онъ сталъ заниматься съ лихорадочнымъ рвеніемъ, стараясь заглушить безотчетную скуку, томившую его въ родномъ углѣ, гдѣ послѣ богатыхъ хоромъ князей Русовыхъ ему казалось и тѣсно, и неприглядно, гдѣ досаждали ему мелочныя заботы, знакомыя только бѣднякамъ.

Digitized by Google

Съ нѣкоторыхъ поръ эти заботы начали расти очень замѣтно и главнымъ источникомъ ихъ, главною причиной ихъ была Настя. Ее уже давно пристроили въ модный магазинъ. Сначала она ходила на работу ежедневно, потомъ она начала иногда оставаться въ магазинѣ ночевать, наконецъ, она стала жаловаться на то, что ей тяжело ходить такъ далеко. Марья Ѳедоровна отчасти была бы рада отдать ее жить въ магазинъ, такъ какъ все-таки лишній ротъ убавится въ домѣ, лишнихъ же ртовъ было не мало: Орловымъ приходилось не только помогать дѣтямъ тетки Дарьи, бывшимъ въ пріютѣ, но и взять, наконецъ, къ себѣ въ домъ одного изъ ея дѣтей, Лешу, оказавшагося вполнѣ идіотомъ. Тутъ поневолѣ хотѣлось сбыть съ рукъ хоть одинъ лишній ротъ. Но, съ другой стороны, Орлова опасалась послѣдствій этой жизни.

— Избалуешься ты, дѣвка, тамъ съ товарками, — замѣтила какъ-то Орлова племянницѣ.—Тебѣ только бы съ глазъ тетки скрыться, чтобы концы схоронить. Тоже вонъ какая дылда выросла и все норовишь, какъ бы къ зеркалу подойти. Ишь, бантики да кружевца стала носить. Мы-то въ твои годы кромѣ ситцеваго платья никакихъ нарядовъ не знали. Моя мать благородная дама была, дворянка, своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ имѣла, барышней меня воспитала, а такъ-то бы отшлепала по загорбку, если-бъ я смѣла такія кудри распустить, какія ты распускаешь. Мы иной и прически въ наше время не носили, какъ гладенько волосы причешешь, да косу скромненько свернешь крендельком на затылкѣ—вотъ и все. А ты, смотри, точно мамзель какая, только и думаешь, чтобы расфуфыриться.

— Да нельзя же въ магазинѣ какъ горничной ходить,— проговорила Настя въ свое оправданіе. — Къ намъ тоже господа ѣздятъ.

— На наряды ваши они смотрѣть ѣздятъ, что ли?

— Не на наряды смотрѣть, а тоже выйдешь къ нимъ замарашкой, говорить не станутъ. Наша мадамъ всегда намъ говоритъ:—«Дѣвушка должна стараться быть прилично одѣтой—это главное».

— Дура ваша мадамъ, дура! — сердито сказала Марья Ѳедоровна.—Не объ нарядахъ думать главное, а себя соблюдать—вотъ что главное.

— Да развѣ я себя не соблюдаю, тетя?—обидчиво возразила Настя.—Тоже, кажется, не маленькая, знаю, что ни за грошъ, ни за денежку пропадать не сладко.

Digitized by Google

— Соблюдаешь, соблюдаешь! — загорячилась Марья Ѳедоровна.—А самой пошолъ восемнадцатый годъ, а отъ женіховъ отказываешься. Видно не то уже на умѣ!

— Кто эти женихи-то? Лавочникъ-то Пановъ сваху подсылалъ... Такъ я еще и думать-то не стану о такомъ сиволапомъ мужикѣ!

— Глупая, глупая, да у этого-то сиволапаго мужика деньги!—съ упрекомъ сказала Марья Ѳедоровна.

— Ну, и пусть сидитъ съ своими деньгами!

— И будетъ сидѣть, тебѣ не отдастъ ихъ и плакать тоже не будетъ, что носъ отъ него воротишь.

— А мнѣ-то что, будетъ или не будетъ плакать?!.. Лавочницей-то все же не буду!

— Скажите, пожалуйста, генерала, вѣрно, ждешь! Да нынче только лавочникамъ и житье!.. Кто народъ обдуваетъ, да обвѣшиваетъ, кто съ живого и мертваго деретъ, кто капиталы сколачиваетъ, да дома строитъ? — Все лавочники... Небойсь, эти вороны не проглядятъ, всякаго заклюютъ.

Настя расхохоталась.

— Аттестовали, аттестовали жениха-то, нечего сказать! — проговорила она. — Да ужъ лучше камень на шею и въ воду, чѣмъ за такого кровопійцу идти!

— Дура, дура!—разсердилась Марья Ѳедоровна.—Ей добра желаешь, а она зубы скалитъ.

— Да вы, тетя, не сердитесь,—сказала Настя, подавивъ смѣхъ.—Я думаю, можетъ-быть, и выйду за кого-нибудь замужъ, а теперь еще рано. На шеѣ ни у кого я не сижу. Слава Богу, свой хлѣбъ заработать теперь могу. Конечно, мнѣ тяжело было, когда я знала, что у васъ кусокъ хлѣба отнимаю, да стѣсняю васъ. А теперь...

— Что же, я попрекала тебя когда кускомъ-то, что ли?— сказала Марья Ѳедоровна, обидясь въ свою очередь.

— Не попрекали, да вѣдь сама я знаю, что вамъ не легко. Вонъ и безъ меня рты у васъ на шеѣ: моимъ же сестренкамъ, да братишкѣ въ пріютъ то то, то другое тащите. Навязались мы вамъ на шею. Безъ насъ-то много бы легче было вамъ, голубушка...

— Ну полно!—обрывисто сказала Марья Ѳедоровна.—Я никому не жалуюсь, никого не попрекаю... Не чужіе вы намъ, слава Богу...

— А вотъ теперь еще Леша на шею сѣлъ...

— Ты Лешу-то въ покоѣ оставь... Леша — Божій человѣкъ. На него Господь Богъ пошлетъ...

Digitized by Google

— Пошлетъ не пошлетъ, а кормить мальчика тоже вамъ приходится.

— И накормлю... и накормлю!.. У людей Христа ради куска хлѣба для него не попрошу, какъ бы ни пришлось тяжело...

Орлова вздохнула.

— Только ты-то себя береги, дѣвка, пуще глаза береги!— проговорила она. — Разъ свихнешься съ пути, во-вѣкъ не оправишься. Тоже сама и слышала, и видѣла, какъ наша сестра-то гибнетъ. Не въ барскихъ хоромахъ росла, а на улицѣ, на народѣ, такъ знаешь, какъ да что на свѣтѣ дѣлается.

Марья Ѳедоровна начала подробно толковать о томъ, какъ гибнетъ «наша сестра», привела нѣсколько примѣровъ этихъ погибшихъ сестеръ, «въ школу ходившихъ» и въ кабакѣ вѣкъ кончавшихъ».

Но Настя слушала ее разсѣянно, съ скучающимъ лицомъ; она все это сама знала, едва ли не лучше тетки, и уже давно говорила, что мужчины—всѣ «обманщики».

Довольно часто и долго повторялись эти сцены борьбы тетки и племянницы изъ-за вопроса, гдѣ жить послѣдней, дома или въ магазинѣ. Наконецъ, побѣда осталась за племянницей, и въ квартирѣ Орловыхъ убавилось еще одно лицо, близкое Митѣ. Съ Настей онъ привыкъ дѣлиться и горемъ, и радостями, и ему было тяжело разставаться съ ней. Она тоже жалѣла о немъ, только о немъ изъ всей семьи.

— Ты забѣжи какъ-нибудь ко мнѣ, — говорила она ему, обнимая и цѣлуя его на прощаньи. — Я тоже по праздникамъ буду приходить...

Она ушла. Въ квартирѣ точно пусто стало. Настя была здѣсь единственнымъ человѣкомъ, рѣшавшимся громко смѣяться, беззаботно пѣть, выкидывать шаловливыя штуки, въ родѣ навязыванія бумажки на хвостъ кошкѣ, въ родѣ танцевъ со стуломъ, въ родѣ передразниванья какого-нибудь солдата, кричавшаго на дворѣ: «Башмаковъ, башмаковъ!».

Безъ Насти прекратились и эти шаловливыя выходки, и въ домѣ воцарилось могильное затишье. Тяжелое настроеніе не ускользнуло даже отъ вниманія идіота Леши.

— Скучно вамъ, братецъ, безъ Насти? — спросилъ онъ какъ-то у Мити. — Лешѣ тоже скучно... Леша долго, долго плакалъ о Настѣ, а потомъ Ѳедоръ Гавриловичъ пришелъ и погрозилъ Лешѣ кулакомъ: «цыцъ, не смѣй плакать...» Леша замолчалъ, замолчалъ и не плачетъ...

Digitized by Google

Митя задумчиво слушалъ безсвязную болтовню идіота.

— Вы, братецъ, не скучайте, Леша будетъ съ вами,—продолжалъ идіотъ. — Леша васъ очень любитъ... Вы Лешѣ вотъ пряники носите, яблоки, а Леша васъ любитъ...

Митя приласкалъ мальчика, тотъ прижался къ нему, какъ жмутся котята, когда ихъ гладятъ.

— А хорошо у васъ братецъ сапоги вычищены?—таинственно спросилъ онъ.

— Хорошо. А что?

— Это я чистилъ-съ!

— Ты? Зачѣмъ же? Это дѣло кухарки...

Орловы уже держали служанку, такъ какъ Марьѣ Ѳедоровнѣ было трудно справляться одной съ хозяйствомъ.

— Леша не дастъ кухаркѣ, не дастъ кухаркѣ чистить сапоги братца... Леша самъ вычиститъ... Братецъ добрый, пряники носитъ, яблоки носитъ. Леша все ему самъ сдѣлаетъ...

— Добрый ты мальчикъ,—ласково сказалъ Митя.

— Добрый, добрый... А Ѳедоръ Гаврилычъ все ругается, бьетъ Лешу... Больно бьетъ!

Въ голосѣ идіота послышались слезы.

— Ну, полно, полно, я прогоню Ѳедора Гаврилыча,— сказалъ Митя.

— Прогоните Ѳедора Гаврилыча? А онъ и васъ прибьетъ?.. Не надо, не надо!.. Пусть ужъ меня только, пусть!— проговорилъ идіотъ.

Онъ былъ жалокъ.

На видъ Леша казался здоровымъ мальчикомъ. Бѣлый, краснощекій, полный и высокій, онъ былъ даже красивъ. Въ немъ поражали только безсмысленное выраженіе глазъ и улыбка, постоянно блуждавшая на его лицѣ. Эта улыбка была какою-то глуповатою и въ то же время плаксивою. Впрочемъ, немногаго было и нужно, чтобы мальчикъ перешелъ отъ этой улыбки къ горькимъ слезамъ. Присмотрѣвшись поближе къ нему, легко было замѣтить, что онъ не развитъ ни въ физическомъ, ни въ умственномъ отношеніяхъ. Онъ былъ только толстъ и высокъ, но формы тѣла оставались дѣтскими, непропорціональными. Онъ говорилъ довольно внятно, говорилъ обо всемъ, о чемъ говорятъ взрослые, но по смыслу это была болтовня ребенка. У него былъ страшный призракъ, вѣчно пугавшій его. Этотъ призракъ былъ Ѳедоръ Гавриловичъ, солдатъ, содержавшій тотъ уголъ, гдѣ жилъ Леша въ дѣтствѣ съ матерью. Вѣроятно,

Digitized by Google

пинки и потасовки Ѳедора Гавриловича были настолько ужасны, что воспоминаніе о нихъ навсегда осталось въ памяти идіота, и при каждомъ удобномъ случаѣ страшный образъ возставалъ снова предъ его глазами. На всѣхъ окружавшихъ Леша производилъ подавляющее впечатлѣніе скорби, пробуждалъ жалость, вызывалъ слезы,—такъ онъ былъ безпомощенъ и, сверхъ того, кротокъ и пугливъ. Марья Ѳедоровна говорила, что у нея «сердце поворачивается», когда она на него смотритъ. Не весело было смотрѣть на него и Митѣ, но онъ не рѣшался ни гнать его отъ себя, ни бѣжать отъ него, когда онъ чуть не плача просилъ Митю взять его вмѣстѣ погулять. Онъ привязался къ Митѣ, какъ собачонка. Онъ заглядывалъ ему въ глаза и угадывалъ его настроеніе. Онъ старался предупредить его желанія и услужить ему. Иногда онъ на цыпочкахъ выходилъ изъ комнаты Мити и махалъ присутствующимъ рукою.

— Тише, тише!.. Братецъ книгу учитъ,—говорилъ онъ, унимая разговаривающихъ.

Если присутствующіе не умолкали, онъ начиналъ волноваться.

— Братцу не выучить книги... Ѳедоръ Гаврилычъ придетъ, братца бить будетъ,—отрывисто произносилъ онъ, и его улыбающееся лицо становилось все печальнѣе и тревожнѣе, а затѣмъ уже слѣдовалъ и горькій плачъ.

Ужъ съ весны онъ сдѣлался неизмѣннымъ спутникомъ Мити, любившаго бродить то по Петергофскому шоссе, то по Екатерингофу, то по берегу Обводнаго канала, то около тоней близъ заводовъ Берда. Митя любилъ эти мѣста, гдѣ жила родная ему голь, гдѣ тянулись тѣ же заборы, стояли тѣ же лачуги, виднѣлись въ окнахъ тѣ же бальзамины, олеандры, кактусы, золотыя деревья, гераніи, какъ у нихъ въ Захолустной улицѣ. Онъ любилъ и деревянные мостики съ канавками и травой по сторонамъ, и тишину немощенныхъ и пыльныхъ переулковъ, и играющихъ въ бабки ребятишекъ, и группы женщинъ и мужчинъ у воротъ, гдѣ идутъ толки, слышатся звуки гармоникъ, грызутся подсолнечныя сѣмячки. Все это напоминало ему его родину, его дѣтство, его мечты о благодѣяніяхъ человѣчеству. Можетъ-быть, если-бъ онъ самъ не жилъ этою жизнью, не видѣлъ ея такъ близко, онъ никогда бы и не дошелъ до этихъ грезъ. А эти грезы помогли ему учиться, помогли ему стать на дорогу, помогли ему настолько выработать себя, что онъ глядѣлъ теперь впередъ безъ сомнѣній и боязни, самонадѣянно

Digitized by Google

и бодро. Онъ вступалъ въ жизнь, какъ смѣлый дуэлистъ, вызывающій на бой противника -общество. Можетъ-быть, онъ полюбилъ и идіота Лешу отчасти за то, что Леша былъ жертвой захолустенской жизни, что Леша былъ живымъ свидѣтельствомъ того, до чего легко могъ бы при другихъ условіяхъ дойти и Митя, что Леша въ своей болтливости все ярче и ярче рисовалъ и воскрешалъ передъ Митей картины жизни, переживаемой голью, и поднималъ въ его душѣ снова высокія мечты о борьбѣ за ближнихъ. Во время долгихъ прогулокъ, Леша, чинно выступая рядомъ съ Митей, обыкновенно болталъ не умолкая, — болталъ по поводу всего, что встрѣчали его глаза. Плакалъ ли на улицѣ ребенокъ, Леша тотчасъ же начиналъ разсказывать:

— Я плачу, а Ѳедоръ Гаврилычъ говоритъ: «не реви, подлецъ!» — и по головѣ, по головѣ долбитъ, все въ темя, все въ темя... я еще пуще. Я плачу, а онъ еще долбитъ... Я, братецъ, всегда буду плакать, когда меня долбить будутъ въ темя... Мнѣ больно, братецъ, я потому и плачу... А не то я вотъ возьму да и уйду на чердакъ и повѣшусь, какъ отецъ... Ѳедоръ Гаврилычъ только узнаетъ, пронюхаетъ это, вынетъ изъ петли—и опять, опять начнетъ долбить въ темя, все въ темя... Онъ и поджечь не дастъ: смотритъ, какъ я подкладываю огонь, и хвать меня за руку... «Ты, говоритъ, что это, подлецъ!» — и опять долбитъ, и опять долбитъ...

Митя зналъ, что это были не галлюцинаціи, а дѣйствительныя воспоминанія: Леша въ дѣтствѣ пробовалъ разъ повѣситься, а потомъ хотѣлъ поджечь домъ; оба раза былъ накрытъ Ѳедоромъ Гавриловичемъ. Иногда разсказы Леши становились болѣе ясными и осмысленными, въ особенности когда онъ разсказывалъ о пріютѣ.

— Меня тамъ, братецъ, много наказывали прежде,—разсказывалъ онъ. —Другимъ кисточки навѣсятъ, синенькія и красненькія кисточки, а мнѣ ничего. «Ты, говорятъ, лѣнивый». Поставятъ въ уголъ на колѣнки и велятъ стоять, а другіе съ кисточками играютъ, бѣгаютъ. А я на колѣнкахъ стою и плачу, а Ѳедоръ Гаврилычъ въ окно смотритъ и языкъ мнѣ показываетъ, дразнитъ, значитъ, меня, что я безъ кисточекъ стою въ углу. А потомъ мадамъ перестала меня и въ уголъ на колѣни ставить, когда узнала, что я глупый. «Съ тобой, говоритъ, и заниматься нечего, потому ты дуракъ!» И со всѣми занимается, говоритъ, а со мной нѣтъ. «Ты, говоритъ, дурачокъ». И всѣ стали меня дурач-

Digitized by Google

комъ звать. Ущипнутъ или за волосы дернутъ и кричать: «дуракъ, дуракъ!» А я плачу, плачу. Тетя придетъ, а я плачу, горько, братецъ, плачу, чтобы тетя взяла меня... А она и сама плачетъ, а меня не беретъ, не беретъ, а другіе опять щиплютъ и за волосы дерутъ... Потомъ вдругъ пришла тетя съ Ѳеопемптомъ Григорьевичемъ, показала ему меня; поговорилъ онъ со мной, покачалъ головой и такъ и ушелъ... А тамъ и повезли меня далеко, далеко къ горбатымъ...

Дѣло въ томъ, что Марья Ѳедоровна, видя, что Леша не можетъ учиться, принуждена была взять его изъ пріюта. Она посовѣтовалась съ Лампадовымъ, и тотъ, увидавъ Лешу, замѣтилъ, что мальчика надо пристроить въ убѣжище для калѣкъ, куда и свезли Лешу.

— Вотъ-то, братецъ, мнѣ тамъ было страшно!—продолжалъ онъ.—Тамъ такихъ, какъ мы съ вами, братецъ, нѣтъ... Тамъ другіе человѣки... Кто объ одной ногѣ, кто совсѣмъ ползкомъ безъ ногъ ползаетъ, кто съ горбами ходитъ: и тутъ горбъ, и тамъ горбъ,—а кто однимъ глазомъ смотритъ... Стра-ашно!.. И всѣ злые, злые!.. Всѣ ругаются, всѣ дерутся, а сторожъ придетъ и кричитъ: «цыцъ, уроды проклятые!».. Сторожъ съ усами, братецъ, съ большими усами... Вотъ-то я, братецъ, тамъ боялся и плакалъ... Ночью, братецъ, Ѳедоръ Гаврилычъ разбудитъ меня, взгляну я кругомъ, а они какъ мертвецы лежатъ, бѣлые, бѣлые, и все съ горбами, все съ горбами... Разъ, братецъ, на меня рубашку съ большими рукавами надѣли и связали...

— Ты, вѣрно, дрался?—сказалъ Митя.

— Нѣтъ, братецъ, меня били, били, а тутъ Ѳедоръ Гаврилычъ пришелъ, въ углу стоитъ и подуськиваетъ: «бейте, бейте!»—Ну, я и сталъ кричать, кричать, кричать... бросился на полъ и бьюсь, и бьюсь... А надзиратель пришелъ и сторожа позвалъ... Сторожъ пришелъ и надѣлъ рубашку на меня и связалъ... А сторожъ, братецъ, съ усами... Страшно!.. Я тогда, какъ тетя пришла, сталъ плакать, плакать и ей все разсказалъ... И надзиратель ей все разсказалъ, и сторожъ ей все разсказалъ... А тетя заплакала и говоритъ: «Кровопійцы, злодѣи, ангельскую душу мучаете!»... Это я, братецъ, ангельская душа...

Леша понизилъ голосъ:

— Ахъ, братецъ, братецъ, какая тетя добрая: я заплачу—и она заплачетъ, я захочу чего-нибудь—и она дастъ... Я, братецъ, все для нея сдѣлаю, все... Вотъ я и теперь тихонько

Digitized by Google

учусь чулки вязать; это я для тети, братецъ... Она говоритъ: «чулокъ себѣ некогда связать», а я и свяжу... Я, братецъ, не дуракъ,—я понимаю... Вотъ и вы... вы меня ласкаете, а я все для васъ готовъ...

Леша начиналъ признаваться въ любви къ Митѣ, къ Аннѣ Андреевнѣ, къ Марьѣ Ѳедоровнѣ, ко всѣмъ, кто не обижалъ его. Митя чувствовалъ къ нему состраданіе, и ему было сладко заботиться объ этомъ безпомощномъ существѣ.

Прогулки Мити съ Лешей были продолжительны и часты. Митя въ часы, свободные отъ занятій, отъ чтенія, болѣе всего любилъ эти прогулки. Иногда къ двумъ юношамъ присоединялся старикъ Лампадовъ, ходившій довольно тихо, но зато не знавшій усталости. Разъ во время одной изъ такихъ прогулокъ Митя замѣтилъ дядѣ:

— Русовы, дядя, нынѣшній годъ уѣзжаютъ въ деревню.

— Знаю,—отвѣтилъ старикъ.

— Александръ меня приглашалъ ѣхать съ ними...

— Ну, и что же, поѣдешь?

— Нѣтъ, дядя, не поѣду...

— Что такъ?

— Я урокъ нашелъ на лѣто...

— А!.. ну да, поди, какой-нибудь грошовый?

— Восемь рублей въ мѣсяцъ...

— За ежедневные уроки?

— Да.

— Ну, изъ-за этого, братъ, не стоитъ отказываться отъ поѣздки. У Русовыхъ чудесное имѣніе...

Леша вдругъ встревожился и вмѣшался въ разговоръ:

— Братецъ, вы уѣдете?.. Леша опять одинъ будетъ... Леша, братецъ, плакать будетъ...

Митя ласково улыбнулся въ отвѣтъ броту.

— Нѣтъ, Митя не уѣдетъ и Лешѣ не придется плакать.— отвѣтилъ онъ. — Что-жъ грѣха таить, — обратился онъ къ Лампадову:—была минута, когда хотѣлось, очень хотѣлось, дядя, ѣхать, — ну, а вотъ пришелъ домой, поговорилъ съ матерью, съ сестрой, съ Лешей, увидалъ тебя, дядя,—нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ весельемъ въ чужомъ дому, когда вы не будете веселиться...

Лампадовъ шелъ молча.

— Знаешь, дядя, — продолжалъ въ раздумьи Митя: — я часто мечтаю о веселой и вольной жизни, но всегда мечты слагаются такъ, что весело и вольно живется не одному мнѣ, а всѣмъ намъ вмѣстѣ. Не могу я представить себя

Digitized by Google

счастливымъ, когда буду знать, что вамъ всѣмъ живется и не сладко, и не весело... Да и свободнѣе мнѣ здѣсь, не стѣсненъ я тутъ. Здѣсь я что хочу, то и дѣлаю: читаю, учусь, гуляю,—а тамъ надо бы было дѣлать то, что другіе захотятъ. Ты бы вѣдь такъ же на моемъ мѣстѣ поступилъ?

— Да,—отвѣтилъ Лампадовъ.

Митя былъ очень доволенъ своимъ рѣшеніемъ и не могъ пожаловаться на скуку въ это лѣто: онъ много читалъ, много гулялъ, много веселился, какъ веселятся юноши въ его положеніи. Какая-нибудь поѣздка на лодкѣ на острова, рыбная ловля гдѣ-нибудь около Гутуевскаго острова, прогулка пѣшкомъ къ Сергію съ ночлегомъ въ крестьянской избѣ—все это доставляло неисчерпаемый источникъ дешевыхъ удовольствій. Иногда Лампадовъ спрашивалъ его:

— А, поди, ты иногда жалѣешь, что не уѣхалъ къ Русовымъ въ деревню?

— Нѣтъ, дядя, тамъ я соскучился бы, а здѣсь и скучать некогда.

И онъ не лгалъ. Онъ не разъ задумывался надъ вопросомъ, гдѣ было бы ему лучше: въ деревнѣ у Русовыхъ или дома,—и всегда приходилъ къ заключенію, что здѣсь лучше, потому что здѣсь онъ самъ себѣ господинъ, потому что здѣсь онъ свободенъ, потому что здѣсь все слишкомъ близко и дорого ему. Въ немъ начало пробуждаться новое чувство—чувство гордости бѣдняка. Онъ былъ доволенъ этимъ чувствомъ. Онъ немножко носился съ нимъ, щеголялъ имъ. Подъ вліяніемъ этого чувства и чувства полной свободы и независимости онъ началъ впервые въ это лѣто писать стихи. Это были первые неумѣлые опыты, но въ нихъ уже звучали нотки, въ которыхъ сказывался его характеръ, его душевный строй. Особенно долго онъ носился съ слѣдующими четырьмя строчками, вылившимися изъ-подъ его пера и выражавшими вполнѣ его тогдашнія чувства:

Тѣсенъ ты, мой уголокъ,—
Тѣсенъ, но все же ты мой;
Черствъ этотъ хлѣба кусокъ,
Но это—хлѣбъ трудовой.

IV.

— Аня, Что это съ нашимъ отцомъ-то дѣлается?—со вздохомъ говорила однажды Марья Ѳедоровна, сидя вечеромъ съ дочерью за работой.

— Я ничего не замѣчаю такого особеннаго,—отвѣтила

Digitized by Google

Анна Андреевна, низко наклоняя слегка зарумянившееся лицо къ шитью.

Она давно уже замѣчала, что дѣлается съ отцомъ; но она старалась это скрыть, не думать объ этомъ. Андрей Ивановичъ съ нѣкоторыхъ поръ какъ будто совершенно стушевался въ домѣ. Его почти не видала семья, о немъ почти не говорили, его точно не было.

— Какъ не замѣтить-то, какъ не замѣтить!—произнесла Марья Ѳедоровна.—Посторонніе люди—и тѣ, чай, видятъ. Сегодня навеселѣ, завтра въ куражѣ... Этого, мать моя, не скроешь. Нѣтъ, это всѣ видятъ. И съ чего это онъ началъ, съ чего?

— Можетъ-быть, такъ... въ компаніи вчера былъ,—тихо отвѣтила дочь.

— Вчера, вчера! Да развѣ я о вчерашнемъ днѣ говорю? Ну, вчера на именинахъ былъ, третьяго дня обрученье было у знакомыхъ. А четвертаго дня, а на прошлой недѣлѣ?.. Да ты вспомни, когда мы его въ своемъ видѣ-то видѣли?

Дочь тоскливо молчала. Она знала лучше матери, что это горе началось не сегодня, не вчера. Она не знала, какъ и когда это началось; но она знала, что отецъ давно уже началъ попивать, быть-можетъ, съ самаго пожара или со смерти дѣдки, или со смерти тетки Дарьи, или съ того времени, когда въ ихъ домъ начали такъ часто заглядывать разные барскіе горничныя и лакеи.

— И не поймешь, съ чего это на него такая полоса нашла: не то съ горя, не то съ радости,—продолжала Марья Ѳедоровна, какъ бы думая вслухъ.—Ну, точно, много мы горя пережили, много. Теперь и не вѣрится, что все это перенести хватило силъ. Съ этого, пожалуй, и запить было можно. Ну, а теперь? Теперь радоваться только надо, что все впередъ идетъ, все не изъ дому, а въ домъ несется. Теперь надо бы думать, какъ бы на старость лѣтъ, на черный день лишнее сберечь, а не пропивать денегъ-то. Кабаки-то да трактиры—это бездонная пропасть, ея не забучишь: сколько ни клади въ нее денегъ, она все высосетъ, все!

Аннѣ Андреевнѣ щемило сердце. Она тихо, молящимъ голосомъ, возразила матери:

— Мама, да вѣдь отецъ же не такой пьяница. Если онъ...

— Не пьяница,—перебила ее Марья Ѳедоровна, раздражительно:—не пьяница!.. Да чего же еще нужно: чтобы онъ по улицамъ сталъ валяться, по участкамъ ночевалъ, съ бу-

Digitized by Google

дочниками домой приходилъ? Нѣтъ, ужъ если еще этого дождаться надо, такъ пусть лучше Господь заранѣе приберетъ, чтобы глаза мои не видали этого, чтобы передъ людьми не краснѣть... Вотъ, намедни, со стыда я сгорѣла, когда мнѣ сосѣдка со смѣхомъ сказала: «А вашъ Андрей Ивановичъ-то на именинахъ былъ, подкутили, вѣрно... Двери домой сыскать не могъ,—сосѣди помогли войти!» Да вѣдь такъ вся улица скоро намъ бока будетъ мыть...

— Ну да, другіе-то развѣ не пьютъ? Всѣ пьютъ!—отрывисто сказала Анна Андреевна.

— Всѣ, всѣ... Такъ что про нихъ и говорятъ?—замѣтила Марья Ѳедоровна.—Что-жъ, дождаться, чтобъ и намъ такъ же бока стали перемывать? Хорошая-то слава лежитъ, а дурная бѣжитъ. Сегодня скажутъ, что пьянымъ его видѣли, завтра будутъ говорить, что дома скандалъ поднялъ, придумаютъ еще, что драться началъ...

— Мама,—молящимъ голосомъ сказала Анна Андреевна:—вѣдь онъ же мухи не обидитъ въ пьяномъ видѣ.

Марья Ѳедоровна вдругъ расплакалась.

— Знаю я, знаю я, маточка ты моя, каковъ онъ въ пьяномъ видѣ!—заговорила она.—Дитя точно малое, плачетъ, прощенья проситъ, сердце надрываетъ. Да это-то меня и терзаетъ, это-то мнѣ и душу выматываетъ. Ну, какъ я пьянаго вразумлю, какъ я ему все выскажу. Вѣдь все равно не поймётъ. А посмотри, каковъ онъ трезвый-то сталъ: ночь, ночь темная! Не подступись къ нему, не заговори съ нимъ. Нахмуривъ брови, глядитъ исподлобья, точно всѣхъ съѣсть хочетъ. Разъ я стала наставлять, а онъ какъ взглянетъ на меня звѣремъ да и буркнулъ: «Что, я глупѣе тебя, что не понимаю, что хорошо, что худо». Я его стала разспрашивать, съ чего это онъ, какое такое горе его грызетъ, а онъ какъ-то ехидно усмѣхнулся да и говоритъ: «А ты вотъ недѣльку послужи на моемъ мѣстѣ, да потомъ и спрашивай!» Такъ каково мнѣ, Аня? Пьянаго усовѣщевать—воду въ ступѣ толочь, трезвому выговаривать — на брань да ссору лѣзть. Вотъ ты тутъ и дѣлай, что хочешь. Я вѣдь знаю, хорошо знаю: ужъ онъ если что забереть въ голову, такъ не скоро выкинешь. Такой ужъ нравъ у него,—полосами на него все находитъ...

Марья Ѳедоровна смолкла на нѣсколько минутъ, утирая слезы и сморкаясь. Наконецъ, она вздохнула и снова принялась за работу. Но у нея на душѣ было слишкомъ тяжело, чтобы молчать, чтобы не высказать всего дочери.

Digitized by Google

— Знаешь что, Аня,—сказала она:—я къ гадалкѣ ходила.

— Маменька, не грѣхъ ли,—начала Анна Андреевна.

Мать ее перебила:

— Знаю, сама знаю, что грѣхъ, да что мнѣ въ томъ? Душу бы продала, чтобъ этого не было, чтобъ и въ семьѣ миръ былъ, и въ людяхъ толковъ не было... Ну, пошла я, узнать хотѣла, не испортили ли его... «Нѣтъ,—говоритъ гадалка:—а что горе на сердцѣ и печаль великая у самаго этого короля». Стала я разспрашивать, нельзя ли его вылѣчить. Дала она совѣтъ, не одинъ дала...

Марья Ѳедоровна оборвала рѣчь и задумалась.

— Ну, и что же?—спросила Анна Андреевна.

— Мошенницы всѣ эти гадалки!—рѣзко сказала она.— Идешь, чтобы душу только отвести, чтобы хоть обмануть себя, а ждать отъ нихъ нечего,—вздоръ мелютъ, вздоръ... «Возьмите, говоритъ, земли съ могилы раба божія Андрея и положите въ вино, а не то, говоритъ, девятью клопами настойте водку, а то»... Такихъ гадостей насовѣтовала, что и говорить-то тошно... Да ничего изъ этого не вышло и не выйдетъ... Тоже не дура же я, понимаю же я это...

Она задумалась и начала говорить совсѣмъ тихо:

— Господи, Господи! давно ли было время, когда всѣ только и говорили: «Вотъ примѣрные люди, вотъ почтенная семья, сейчасъ видно, что благородные». Благородные... Хамамъ кланяемся, по кабакамъ шляемся, дома другъ съ другомъ, какъ кошка съ собакой, живемъ... Что мудренаго, что Настя ушла. Не сладко ей, чай, было ласковаго слова не слыхать, добраго взгляда не видать. А до ласковыхъ ли словъ, до привѣта ли, когда на сердцѣ кошки скребутъ?.. Вонъ и Митя тоже все норовитъ изъ дому, да изъ дому... Отъ радостей не бѣгутъ, отъ доброй семьи не уходятъ...

— Митя насъ всѣхъ любитъ,— вступилась Анна Андреевна за брата.

— Знаю, знаю, что любитъ. Потому и тяжело ему на все это смотрѣть. Мальчикъ-то умный, все видитъ, все понимаетъ...

Въ комнатѣ воцарилось то тяжелое молчаніе, когда присутствующіе вполнѣ понимаютъ, что они молчатъ не потому, что имъ нечего сказать, а потому, что имъ уже слишкомъ тягостно говорить. Это молчаніе является безмолвнымъ продолженіемъ начатаго разговора: оно сопровождается то выкатившеюся изъ глазъ слезою, то подавленнымъ вздо-

Digitized by Google

хомъ, то скорбнымъ покачиваніемъ головой. Въ сущности, оно тяжелѣе мучительныхъ громкихъ рыданій, ропота и жалобъ. Мать и дочь въ этотъ вечеръ коснулись какъ разъ самыхъ больныхъ своихъ мѣстъ: загулы отца семьи, пребываніе Насти въ магазинѣ, почти постоянное отсутствіе изъ дому Мити—все это мучило и грызло ихъ, хотя онѣ никуда молчали объ этомъ, хранили это одна отъ другой втайнѣ. Мать, когда ей становилось не по силамъ тяжело, бѣгала тайкомъ къ ворожеямъ, къ гадальщицамъ, къ юродивымъ, она разыскала и отставного солдатика-еврея, гадавшаго подъ Смольнымъ по какой-то таинственной старой книгѣ, и Корабельщикову, гадавшую на картахъ въ Колокольной улицѣ, и юродивую Мареушу, жившую на Пряжкѣ и говорившую всякія несообразности. На время ей дѣлалось легче, а тамъ тоска опять подступала къ сердцу, давила его, сосала, какъ какой-то червь, высасывающій, не отдыхая ни на минуту, кровь. Дочь, когда горе душило ее, молилась по цѣлымъ часамъ въ своей комнатѣ—на колѣняхъ, съ земными поклонами, со слезами, до устали, до изнеможенія—и тяжелый сонъ, сонъ усталаго человѣка, смежалъ ея вѣжды, а потомъ... потомъ опять по утру являлись тѣ же думы, тѣ же сомнѣнія, тѣ же печали. Обмануть себя въ горѣ можно только на время. Не тѣ ли же попытки дѣлалъ и Андрей Ивановичъ Орловъ, заливая виномъ и водкой обиды, вынесенныя отъ просителей, рѣзкіе выговоры, услышанные отъ начальства, упреки самолюбія, смутно терзавшіе его душу, когда ему приходилось холопствовать передъ холопами, выжимать грошовыя взятки у нищихъ, сознавать, что онъ уже не прежній скромный, простой, но честный служака, а проныра, пролазъ, лихоимецъ, грязная и продажная душа? Всѣ эти люди, по своему положенію, по своему воспитанію, по своей прошлой жизни, вышли давно изъ того состоянія дикарей, въ которомъ добро и зло, пороки и добродѣтели, низость и гордость—все это различается очень смутно или даже не различается вовсе; но въ то же время они не доросли до того умственнаго и нравственнаго развитія, когда люди умѣютъ уже ясно и отчетливо высказать то, что ихъ волнуетъ, къ чему они стремятся, что нужно устранить въ ихъ жизни. Они мучились, что имъ живется не такъ, какъ бы имъ хотѣлось; но въ то же время они не могли ясно и точно опредѣлить, какъ бы имъ хотѣлось жить. Вслѣдствіе этого въ домѣ царствовало какое-то неопредѣленное раздраженіе, какая-то безпредметная тоска, какія-то

Digitized by Google

смутныя жалобы. Митя какъ-то разъ сказалъ Лампадову, что у нихъ въ домѣ точно кого-то постоянно отпѣваютъ и хоронятъ, и онъ былъ правъ. Въ домѣ, казалось, былъ какой-то невѣдомый покойникъ, котораго никто не видѣлъ, но всѣ оплакивали. Отъ этого настроенія бѣжала Настя, отъ этого же настроенія старался скрыться Митя. Дома его точно что-то угнетало и давило. Ему вспоминались слова молодого Русова о томъ, что онъ, князь Русовъ, позавидовалъ жизни Мити, гдѣ такъ уютно; гдѣ всѣ вмѣстѣ, тогда какъ онъ, князь Русовъ, готовъ бы бѣжать изъ своихъ золоченыхъ, вѣчно пустыхъ хоромъ. «А вотъ теперь и мнѣ хочется бѣжать изъ моего уютнаго гнѣзда, гдѣ всѣ вмѣстѣ гнетутъ другъ друга»,—думалось Митѣ. Онъ еще не зналъ, что такихъ бѣглецовъ, какъ онъ и князь Русовъ, можно встрѣтить у насъ на каждомъ шагу. Одинъ бѣжитъ отъ грубаго самодура-отца, другой скрывается отъ пустой гуляки-матери, третьяго гонитъ изъ дому нищенская обстановка, четвертый чувствуетъ себя забытымъ и заброшеннымъ дома.

Этимъ отщепенцамъ семейнаго очага нѣтъ конца, нѣтъ счету. Они бѣгутъ искать утѣшенія, отдыха, простора внѣ своего семейнаго дома и имъ открываетъ свои объятія товарищество. Оно знакомитъ ихъ съ иною жизнью: пробуждаетъ ихъ умъ къ новымъ интересамъ, зарождаетъ въ ихъ душѣ невѣдомые еще ей проклятые вопросы, заводитъ ихъ въ притоны разврата, научаетъ ихъ кутежу, даетъ тотъ или другой исходъ, то или другое направленіе кипучимъ молодымъ силамъ. Менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ находится у насъ подъ контролемъ старшихъ это товарищество молодежи; и это товарищество, и эта молодежь являются у насъ какъ-то особнякомъ отъ взрослыхъ, какимъ-то тайнымъ сообществомъ, какимъ-то обществомъ заговорщиковъ. Никто изъ взрослыхъ не знаетъ, въ какомъ направленіи работаютъ умы этой молодежи, къ чему она стремится, гдѣ очутится, узнаются только послѣдствія: одинъ кружокъ вдругъ дѣлается шайкой безшабашныхъ кутилъ, другой организуется въ какую-нибудь банду червонныхъ валетовъ, третій вдругъ является кружкомъ недовольныхъ, заговорщиковъ, политическихъ агитаторовъ. Начинается разборъ, кто «совратилъ съ пути» эти юные умы, кто далъ имъ то или другое направленіе, кто довелъ ихъ до той или другой цѣли. Отвѣтъ одинъ: товарищи, но не отцы и не матери,—отцы и матери даже не подозрѣвали того, что дѣлали товарищи. Разверните хронику разныхъ процессовъ,

Digitized by Google

въ которыхъ фигурировала молодежь, и вы найдете въ нихъ именно этотъ отвѣтъ. Митя тоже примкнулъ къ товариществу, началъ мало-по-малу вращаться въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ молодежи. Онъ читалъ книги, предпринималъ экскурсіи, отправлялся на прогулки съ этою молодежью. Онъ былъ уже не ребенокъ по лѣтамъ и еще менѣе ребенокъ по развитію. Его умъ уже занимали недѣтскіе вопросы, и онъ искалъ на нихъ отвѣта вездѣ—въ книгахъ, у взрослыхъ, у молодежи, у товарищей. Хороша или дурна была эта окружавшая его молодежь—рѣшить огуломъ трудно; тутъ были, какъ и вездѣ, и дряненькія личности, и серьезные работники, и богатые, и бѣдные. Но дѣло было не въ характерахъ этихъ личностей, а въ томъ, что ихъ занимало, о чемъ больше всего говорилось въ ихъ кружкахъ.

Если бы присмотрѣться, не зная текущихъ событій, къ этимъ подросткамъ и юношамъ, то мы были бы странно поражены: дѣти играли въ солдатъ, юношей учили маршировать, разговоры вертѣлись на побѣдахъ и пораженіяхъ, изъ рукъ въ руки переходили картинки военнаго содержанія, всѣми наизусть выучивались вызывающіе на бой стихи, и среди всего этого слышалось чаще всего одно грозное слово: «война». Не было положительно ни одной школы, ни одной улицы, ни одного двора, гдѣ мелкота не изображала бы солдатъ, не маршировала бы, не вела бы сраженій. Это была своего рода эпидемія: даже захолустные ребята дѣлились на турокъ, англичанъ, французовъ и русскихъ; даже они возвращались по вечерамъ домой ранеными съ полей битвъ, то съ синякомъ подъ глазомъ, то съ шишкой на лбу. Это была та страшная эпоха, когда всѣ неожиданно узнавали, что Россія очутилась вдругъ одна передъ лицомъ нѣсколькихъ націй, грозившихъ ей разгромомъ, уничтоженіемъ. Всѣ спрашивали, изъ-за чего началась война? Почему всѣ противъ насъ? Отчего у насъ нѣтъ союзниковъ? А что же нѣмцы,—мы вѣдь нѣмцамъ всегда помогали? Возьмутъ ли Одессу, Севастополь, Кронштадтъ, Петербургъ? Что тогда будетъ? Вопросамъ не было конца, и съ каждымъ новымъ пораженіемъ настроеніе дѣлалось все печальнѣе и мрачнѣе. Люди приходили въ уныніе и ужасъ, видя, какъ строятся ни на что ненужныя и негодныя, но тѣмъ не менѣе напоминающія о возможности взятія Петербурга батареи и укрѣпленія гдѣ-нибудь на «Стрѣлкѣ» Елагинскаго острова. На эти батареи и укрѣпленія тратились

Digitized by Google

тысячи: значитъ, Петербургъ въ опасности,—вѣдь не стали же бы даромъ бросать деньги. Куда же бѣжать, если возьмутъ Петербургъ? Правда, вездѣ и всюду пестрѣли лубочныя картины, изображавшія наши подвиги, нашихъ героевъ, каррикатуры враговъ. Правда, ежедневно появлялись новыя стихотворенія съ сильной патріотической окраской, написанныя институтками, непризнанными поэтами, ловкими аферистами. Но странно, что все это—и картины, и стихи—было безвкусно и баздарно, суздальски-ярко и грубо-риторично, и на всѣ эти похвальбы и угрозы какъ бы страннымъ отвѣтомъ служили смутные слухи о пораженіяхъ и неудачахъ, объ опасностяхъ. Всѣ повторяли стихи Каратыгина: «Воть, въ воинственномъ азартѣ, воевода Пальмерстонъ поражаетъ Русь на картѣ указательнымъ перстомъ»; всѣ смѣялись, когда Самойловъ, балаганничая, распѣвалъ ломанымъ чухонскимъ языкомъ: «Лайба былъ моя не пустъ», и у всѣхъ вдругъ сжималось сердце, когда доносилось: «столько-то раненыхъ, столько-то убитыхъ».

— Десять убитыхъ и двадцать раненыхъ—это только такъ пишутъ. Вырѣзали цѣлый полкъ, убили однихъ офицеровъ до сотни!—говорилось въ обществѣ.

Никто не вѣрилъ ни во что утѣшительное, всѣ преувеличивали потери еще сильнѣе, чѣмъ ихъ уменьшали въ реляціяхъ. И опять, и опять повторялся вопросъ:

— Да изъ-за чего все началось?

Въ Заходустной улицѣ, да и во многихъ другихъ подобныхъ улицахъ, все досконально знали изъ самыхъ наивѣрнѣйшихъ источниковъ и разсказывали въ лавкахъ у воротъ, что «все началось съ того, что нашъ князь Меншиковъ пришелъ къ Дивану и заспорилъ съ самимъ Салтаномъ. Извѣстно, князь Меншиковъ — первѣющее лицо еще при Петрѣ былъ; ну, и Салтанъ тоже свой чинъ знаетъ. Заспорили они, заспорили, а князь и хлысть его по лицу хлыстомъ; съ этого все и началось». Въ гимназіи слухи были нѣсколько иного рода и говорилось, что «все началось ради того, что Наполеонъ III былъ обиженъ, получивъ изъ Россіи письмо, гдѣ его не называли братомъ, и что вся эта война—его дѣло съ Пальмерстономъ, съ которымъ Наполеонъ уже давно находится въ дружбѣ». Въ домѣ князя Русова Митя во время обѣдовъ уловилъ только отрывочныя фразы: «Это просто безуміе!.. Мы уронимъ себя этою войной на сотни лѣтъ въ глазахъ Европы... И что тамъ дѣлается: бездарности и воры, воры и бездарности»...

Digitized by Google

И съ каждымъ днемъ уныніе становилось сильнѣе, а ложные, пугающіе общество слухи все чудовищнѣе и чудовищнѣе: уже говорилось о томъ, что корпію нашу продаютъ непріятелямъ, что гдѣ-то нашли глиняныя пушки, что вмѣсто пороху открыли гдѣ-то песокъ, что нашъ комиссаріатъ состоитъ изъ настоящихъ грабителей, предателей и измѣнниковъ, что нѣсколько человѣкъ уже повѣшено за измѣну. Нѣтъ ничего опаснѣе подпольныхъ извѣстій, шопотомъ передаваемыхъ новостей, таинственныхъ намековъ, когда все прикрывается канцелярскою тайной и для успокоенія общества печатаются прикрашенныя реляціи сомнительныхъ побѣдъ. А тогда канцелярскою тайной прикрывалось все: и будочникъ, ограбившій прохожаго, и пораженіе, постигнувшее насъ на полѣ сраженія. Вслѣдствіе этого въ обществѣ говорили, что всѣ будочники по ночамъ спеціально занимаются грабежомъ, а на войнѣ каждая битва кончается тѣмъ, что насъ разбиваютъ на голову. Какъ являются эти смутные слухи, какъ они растутъ до чудовищныхъ, до невѣроятныхъ размѣровъ—этого никто не знаетъ, но всѣ слышатъ эти вѣсти, всѣ ихъ повторяютъ. Стоитъ какому-нибудь праздному болтуну для развлеченія общества выдумать какую угодно нелѣпицу, ее тотчасъ же подхватываютъ, прикрашиваютъ и разносятъ по городу. Черезъ день, черезъ два самъ создатель этой новости не узнаетъ ее и повѣритъ ей, какъ ей вѣрятъ другіе. И чѣмъ страшнѣе вѣсть, тѣмъ упорнѣе держится она въ обществѣ. Запуганное выраженіе всегда преувеличиваетъ въ дурную сторону, создаетъ новые страхи. А тутъ еще въ каждомъ домѣ готовятся бинты, щиплется корпія, собирается хлѣбъ и среди всего этого, напоминающаго о голодныхъ, раненыхъ и убитыхъ, являются женщины въ черномъ, въ крепѣ, въ плерезахъ. Призракъ смерти, кажется, носится въ воздухѣ.

Именно въ это время, когда послѣдній захолустенецъ узналъ, что у него есть отечество, молчавшее до этой поры общество заговорило, и заговорило крайне рѣзко, смѣло, озлобленно. Общественная бѣда была такъ близка, что никто, кажется, не думалъ о томъ, что за какую-нибудь рѣзкую фразу можно дорого поплатиться. Недовольство было всеобщее, гдѣ безсознательное, гдѣ сознательное, и никто не скрывалъ этого недовольства. Въ народѣ стали поговаривать объ освобожденіи тѣхъ, кто вступитъ въ ополченіе. Въ другихъ кружкахъ стали говорить, что надъ массою лицъ будутъ назначены слѣдствія за злоупотребленія. Разговоры

Digitized by Google

вездѣ и всюду вертѣлись около общественныхъ дѣлъ, только частная жизнь ни для кого не имѣла значенія. Въ домѣ князя Русова толки объ общественныхъ дѣлахъ приняли особенно мрачный отпечатокъ. Князь Русовъ былъ давно не у дѣлъ, давно засѣдалъ въ какихъ-то ни на что ненужныхъ комиссіяхъ и комитетахъ, давно считался человѣкомъ въ опалѣ. Онъ былъ бодръ и свѣжъ, и потому бездѣятельность раздражала, оскорбляла его. Теперь онъ негодовалъ на эту бездѣятельность еще болѣе, видя, кого предпочитали ему. Не разъ Митя слыхалъ желчныя выходки князя противъ существовавшихъ тогда порядковъ, но особенно сильно поразилъ его одинъ разговоръ.

Разъ Митя былъ на обѣдѣ у князя Русова. За столомъ собрался небольшой интимный кружокъ. Митю прежде всего удивило, что всѣ говорили исключительно по-русски, а не по-французски. Двѣ дѣвочки, дочери хозяевъ, были одѣты въ сарафанчики. Разговоръ за столомъ вертѣлся около злобы дня, войны.

— Вы видѣли государя?—спросила одна изъ обѣдавшихъ у Русовыхъ барынь, дальняя родственница князя.—Онъ на себя не похожъ. На десять лѣтъ состарѣлся.

— А кто же помолодѣлъ?—спросилъ желчнымъ тономъ князь.—Вы думаете, помолодѣли тѣ матери, у которыхъ тамъ гибнутъ послѣдніе поильцы и кормильцы?.. Страдаютъ тысячи людей, страдаютъ всѣ, у кого еще бьется въ груди сердце!

— Но правда ли, что мы въ такомъ безнадежномъ положеніи?—спросила дама, сдѣлавшая замѣчаніе о государѣ.—Въ городѣ ходятъ такіе тревожные слухи, такія преувеличенія!

— Преувеличенія?—рѣзко сказалъ князь.—Да развѣ можно преувеличить бѣдствія, переживаемыя нами? Мы не преувеличиваемъ, а только съ ужасомъ убѣждаемся, надъ какою пропастью мы стоимъ. У насъ все сгнило, все разграблено, все запущено, и нѣтъ людей, на которыхъ можно бы было положиться.

— Но неужели же точно возьмутъ Севастополь?—нервно передергивая плечами, сказала дама.

— Что значитъ Севастополь?!.. У насъ Москву брали, такъ ужъ о Севастополѣ нечего тужить,—сказалъ князь.—Дѣло вовсе не въ Севастополѣ, а во внутреннемъ положеніи Россіи, въ томъ, что будетъ послѣ войны. Мало того, что мы теряемъ значеніе въ глазахъ Европы, мы очутимся сами,

Digitized by Google

у себя дома, лицомъ къ лицу съ такими вопросами, которые рѣшишь не скоро и не легко. Теперь уже нельзя себя обманывать и восхищаться, что у насъ все идетъ отлично, что мы можемъ жить, спустя рукава. Мы острили, когда носились слухи о затратахъ на Исаакіевскій соборъ, когда толковали о постройкѣ московской желѣзной дороги, когда открылась растрата инвалиднаго капитала. Теперь мы должны съ ужасомъ сознаться, что грабежъ шелъ повальный, вездѣ и всюду, начиная съ мелкихъ чиновниковъ и кончая высшими лицами.

Лицо князя передернулось желчной усмѣшкой.

— И все это скрывалось подъ спудомъ, все это было канцелярской тайной, семейнымъ дѣломъ, о которомъ не смѣли толковать посторонніе,—продолжалъ онъ, не обращая вниманія на испуганное выраженіе лица своей собесѣдницы.—Посторонніе... Но развѣ есть посторонніе, когда дѣло идетъ объ обществѣ, объ отечествѣ? Я думаю, это касается насъ всѣхъ, когда кругомъ идетъ общественная неурядица, когда вездѣ существуетъ повальный грабежъ, а между тѣмъ, кто говорилъ объ этомъ, тотъ былъ опаснымъ человѣковъ, вредною личностью: ему надо было зажать ротъ, его нужно было устранить, чтобъ онъ не мѣшалъ другимъ грабить родину. Ну, вотъ мы и дождались того, что у насъ нѣтъ ни хорошаго вооруженія, ни хорошаго продовольствія, ни талантливыхъ людей,—дождались того, что объ этомъ говорятъ не вредные, не опасные люди, а всѣ, всѣ. Ловите ихъ, зажимайте имъ рты, высылайте ихъ—эту тысячеустную толпу, эту несмѣтную массу... Въ Сибири мѣста не достанетъ.

Онъ отодвинулъ отъ себя приборъ нервнымъ движеніемъ руки.

— Что же тутъ удивляться, что государь постарѣлъ на десять лѣтъ?—проговорилъ онъ.—Вѣдь онъ все это видитъ, понимаетъ.

— Несчастный человѣкъ!—вздохнула родственница князя.

— Россія несчастная, Россія. Вотъ кто вынесъ все это и вынесетъ на своихъ плечахъ!—глухо произнесъ князь, вставая изъ-за стола, и по его серьезному лицу тихо скатилась слеза.

Митя никогда не могъ забыть этой минуты. Въ большой столовой княжескаго дома царила мрачная, гробовая тишина, всѣ точно чего-то испугались и смолкли, и въ этой тишинѣ такой глубокой скорбью прозвучали слова хозяина,

Digitized by Google

что они у всѣхъ отозвались болью въ сердце. Митя видѣлъ много горькихъ сценъ, онъ слышалъ много горькихъ жалобъ, но никогда еще его не бросало такъ въ дрожь и въ холодъ, какъ въ эту минуту, точно предъ нимъ дѣйствительно промелькнула картина цѣлыхъ милліоновъ страдающихъ людей. Митя впервые понялъ вполнѣ ясно, что у него есть отечество—необъятное, великое, страдающее, находящееся въ опасности отечество, что это же отечество есть и у всѣхъ окружающихъ его людей, и что эти люди такъ или иначе сознаютъ свою связь съ этимъ отечествомъ. Онъ вдругъ позабылъ, что гдѣ-то въ Захолустной улицѣ у него есть ноющая семья; онъ позабылъ, что здѣсь сидитъ княгиня, страдающая отъ измѣны мужа; онъ позабылъ, что этотъ вставшій передъ нимъ баринъ, имѣя добрую жену, содержитъ любовницу, и смотрѣлъ чуть не съ благоговѣніемъ на князя,—такъ его поразилъ этотъ глубоко прочувствованный тонъ его рѣчи, вдругъ уяснившій юношѣ все, что смутно волновало его душу. Онъ порывисто всталъ изъ-за стола, и когда всѣ благодарили князя, горячо поцѣловалъ его руку. Князь удивленными глазами взглянулъ на него и увидалъ передъ собою нервное, поблѣднѣвшее лицо, съ глазами, полными слезъ. Князь какъ будто угадалъ безъ словъ все, что происходило въ этой молодой впечатлительной душѣ, взялъ за голову юношу и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Вамъ, молодежи, придется много поработать и дай Богъ, чтобы вы лучше работали, чѣмъ мы,—тихо и серьезно сказалъ князь.—Учиться надо больше, читать больше, честно относиться къ дѣлу.

Онъ взялъ одною рукою за талію юношу и, тихо разспрашивая его о гимназіи, объ учителяхъ, о ходѣ его ученья, направился съ нимъ черезъ круглую и бѣлую залы въ гостиную, гдѣ обыкновенно пили послѣобѣденный кофе, когда обѣдъ происходилъ въ интимномъ кружкѣ. Княгиня не безъ удивленія взглянула на мужа и Митю, когда они вошли въ гостиную. Князь до сихъ поръ былъ привѣтливъ съ Митей, какъ отецъ со своимъ ребенкомъ, но и только. Теперь онъ шелъ съ нимъ и говорилъ серьезно, внимательно, какъ съ большимъ, повидимому, заинтересовавшись его отвѣтами.

— Какъ выросъ, какъ выросъ!—проговорилъ князь, садясь въ кресло и указывая на Митю.—Все казался мнѣ ребенкомъ, а теперь совсѣмъ взрослый...

Онъ ласково улыбнулся юношѣ.

Digitized by Google

— И есть огонекъ, хорошій огонекъ!—сказалъ онъ и шутливо обратился къ сконфуженному, но сіявшему отъ счастья юношѣ.—Вотъ кончишь курсъ, возьму тебя себѣ въ помощники—управлять государствомъ...

Княгиня засмѣялась.

— Будущій министръ и его товарищъ!—проговорила она также шутливо.

— Кто знаетъ, кто знаетъ, до чего дойдутъ они, эти подростки!—сказалъ задумчиво князь.—Это только для насъ все кончено, только наша пѣсенка спѣта...

Онъ замолчалъ, сдвинувъ брови.

— А впрочемъ, кто знаетъ,—вдругъ произнесъ онъ, передернувъ плечами и какъ будто заканчивая вслухъ свои думы.

Въ десять часовъ вечера Митя, возбужденный, сіяющій, не слышавшій подъ собою ногъ, возвращался домой. Еще никогда въ немъ не было такого подъема духа, какъ теперь. Онъ подошелъ къ дому, гдѣ жила его семья, и увидалъ въ въ окнахъ свѣтъ. Онъ всмотрѣлся въ окна и увидалъ гостей, пгравшихъ въ карты. Ему вдругъ представилось, какъ его встрѣтятъ: «А, нашъ князь пришелъ! Будущій генералъ пожаловалъ! О чемъ изволилъ философствовать?»..

Потомъ опять послышатся: «А мы вотъ вашу даму королемъ прикроемъ, такъ тутъ ей и капутъ,—не суйся подъ короля. Съ горя развѣ хватить ерофеичу да по селедочкѣ пройтись». Онъ вдругъ быстро повернулъ назадъ. «Можетъ-быть, дядя дома»,—мелькнуло въ его головѣ. Онъ направился къ Лампадову, все съ тѣмъ же сіяющимъ лицомъ, все той же легкою поступью, точно онъ не шелъ, а летѣлъ надъ землею. Старикъ былъ дома и удивился позднему визиту Мити.

— Да что съ тобой? — вдругъ спросилъ онъ, взглянувъ на него.

— О, дядя, что за человѣкъ князь Русовъ!—воскликнулъ Митя восторженно.

— Ты про старика это?—спросилъ Лампадовъ.

— Да, да!.. Но какой же онъ старикъ!.. Развѣ такіе старики бываютъ?—сказалъ съ воодушевленіемъ Митя.

Лампадовъ усмѣхнулся.

— И то правда, гдѣ имъ такими быть!

Митя разсмѣялся и обнялъ старика.

— Ты не въ счетъ! Ты не въ счетъ! — сказалъ онъ. — Ты вѣчный ребенокъ! Но князь, князь!.. Сколько въ немъ

Digitized by Google

молодости, горячности, благородной желчи!.. Если бы ты слышалъ сегодня, какъ онъ говорилъ, что говорилъ!..

Юноша съ увлеченіемъ началъ передавать все слышанное имъ сейчасъ за обѣдомъ. Лампадовъ слушалъ молча, но на его лицѣ выражалось удовольствіе. Онъ любилъ, когда хвалили князя, когда видѣли и признавали его хорошія стороны. Старику все казалось, что тутъ есть и его капля меду. Онъ, двадцатипятилѣтнимъ юношей, училъ князя, тогда еще мальчика пятнадцати лѣтъ.

— У него всегда была благородная душа и горячее сердце,—сказалъ старикъ, дослушавъ до конца восторженный разсказъ. — Если-бъ онъ захотѣлъ идти въ сдѣлки со своею совѣстью, если-бъ онъ захотѣлъ кривить душой, онъ игралъ бы одну изъ первыхъ ролей въ государствѣ, а теперь... князь въ опалѣ, въ загонѣ... Онъ хотѣлъ освободить своихъ крестьянъ, и это едва не обошлось ему слишкомъ дорого. Его чуть не выслали изъ столицы, чуть не отдали подъ опеку...

Старикъ началъ разсказывать юношѣ о князѣ. Это былъ благородный и умный человѣкъ; онъ много учился, много читалъ, много путешествовалъ; онъ искренно любилъ родину и желалъ ей служить; онъ ненавидѣлъ крѣпостничество и видѣлъ въ этомъ одно изъ главныхъ золъ Россіи; въ юности онъ спасся отъ каторги послѣ четырнадцатаго декабря только случайно, только какимъ-то чудомъ, хотя онъ всею душою былъ преданъ тѣмъ людямъ, которые такъ дорого заплатили за свои убѣжденія. Долгіе годы опалы, службы на Кавказѣ, быть-можетъ, успѣли охладить многіе порывы молодости въ этомъ горячемъ сердцѣ, но они не очерствили этого сердца, не истребили въ немъ любви къ человѣчеству, къ родинѣ. Старикъ Лампадовъ говорилъ съ увлеченіемъ, съ горячностью о князѣ, какъ говорятъ о любимомъ и достойномъ любви сынѣ, которымъ гордятся, имѣютъ право гордиться. Старикъ не могъ удержаться даже отъ замѣчанія о томъ, что когда онъ, Лампадовъ, встрѣтился послѣ долгой разлуки съ княземъ и сказалъ ему «вы», то князь обнялъ его и спросилъ: «Развѣ ты меня уже совсѣмъ разлюбилъ?»

При воспоминаніи объ этомъ эпизодѣ у Лампадова навернулись слезы.

— Кто умѣетъ такъ любить до старости, тотъ не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ!—сказалъ онъ съ чувствомъ.

Митя сіялъ, вспоминая, какъ приласкалъ и его этотъ

Digitized by Google

человѣкъ. Но въ его душѣ какъ-то болѣзненно шевелился одинъ вопросъ. Онъ не выдержалъ и спросилъ старика:

— Дядя, ты знаешь, что у князя есть... содержанка?

Старикъ удивленно взглянулъ на юношу и отвѣтилъ:

— Знаю.

Отвѣтъ былъ сдѣланъ спокойно и равнодушно.

— Дядя, но какъ же,—началъ юноша.—У князя жена... Она такая милая, добрая, красавица такая...

Лампадовъ положилъ руку на его плечо и серьезно сказалъ ему:

— Ты слишкомъ молодъ, я слишкомъ старъ, не будемъ же говорить объ этомъ. Скажу тебѣ одно: не суди за это князя, не думай объ этомъ дурно, не думай объ этомъ лучше вовсе до той поры, когда тебѣ все вдругъ станетъ ясно само собой.

Лицо Мити сдѣлалось грустно. Ему такъ хотѣлось разрѣшить этотъ вопросъ, разогнать это единственное облачко, омрачившее передъ нимъ лучезарный образъ. Лампадовъ, кажется, угадалъ это.

— Видишь ли что,—сказалъ онъ:—у тебя нѣтъ еще ни жены, ни любовницы, какъ же я объясню тебѣ то, что только тогда и можно понять, когда проживешь, испытаешь все это самъ?

Онъ ласково улыбнулся и замѣтилъ интуливо:

— Вонъ объясни кому-нибудь изъ постороннихъ людей, почему это молодой человѣкъ, имѣющій и сестру, и мать, и отца, идетъ чуть не ночью въ чужой домъ къ семидесятилѣтнему старику, чтобы подѣлиться своими радостями и сомнѣніями. Не поймутъ, голубчикъ, они этого, не поймутъ. Скажутъ, что дѣлиться радостями и сомнѣніями можно и дома съ кѣмъ-нибудь, а старику бы нужно и покой дать.

Митя звонко разсмѣялся и обнялъ дядю.

— Ну, уйду, уйду, — сказалъ онъ. — Ловко выпроваживаешь!

— Ужъ чего: уйду, уйду! Ложись здѣсь спать, у васъ, чай, и двери на замокъ заперли...

Старикъ и юноша улеглись, но Митя еще долго не давалъ Лампадову уснуть. Наконецъ, дядя замѣтилъ ему:

— Митя, попробуй, голубчикъ, минутъ пять помолчать...

— А что, дядя?

— Да я, можетъ-быть, въ это время усну, такъ тебѣ тогда будетъ удобнѣе ораторствовать...

Митя засмѣялся, перебѣжалъ босикомъ черезъ комнату,

Digitized by Google

поцѣловалъ старика и быстро снова юркнулъ подъ шелковое одѣяло.

— Я, дядя, уснулъ!—крикнулъ онъ.

— Слава тебѣ Господи, завтра свѣчку въ церкви за это поставлю,—отвѣтилъ старикъ.

V.

— Ты любишь читать?—спросилъ однажды, между прочимъ, у Мити князь.

— О, очень!—отвѣтилъ Митя.

— И что же читалъ?

Митя перечислилъ цѣлый рядъ книгъ.

— Ого, цѣлая библіотека... романовъ! А я думалъ, что ты еще книги для дѣтей читаешь,—сказалъ князь.

— Я ихъ и прежде не читалъ никогда,—отвѣтилъ Митя.— Я больше все съ дядей читаю; споримъ, толкуемъ о прочитанномъ...

— Ну да, это его метода. Онъ такъ и меня училъ,—съ улыбкой сказалъ князь.

Митя, дѣйствительно, почти никогда не читалъ книгъ для дѣтей, какъ это бываетъ съ большею частью русскихъ дѣтей.

Потому ли русскія дѣти почти не читаютъ дѣтскихъ книгъ, что хорошихъ дѣтскихъ книгъ у насъ почти нѣтъ, или потому у насъ вовсе не появляются хорошія дѣтскія книги, что наши дѣти не заявляютъ на нихъ спроса—это вопросъ открытый. Но въ дѣйствительности вѣрно то, что нигдѣ не начинаютъ дѣти такъ рано читать книги для взрослыхъ, какъ у насъ. Мы въ дѣтствѣ или не читаемъ вовсе, или читаемъ все то, что читаютъ большіе, безъ контроля, безъ разбора, безъ системы. Хорошо ли это, дурно ли, но это существуетъ. Еще менѣе дѣтскихъ книгъ было въ тѣ времена, когда пришлось расти и развиваться Митѣ: тогда не было ни Брема, ни Жюля Верна, ни Кота Мурлыки, а существовали скучные разсказы Фурмана, Бабушкины сказки, безцвѣтные розсказни Чистякова и, среди всей этой массы крайне незанимательныхъ вещей, одиноко стояли Робинзонъ-Крузе, да путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля. Дѣти увлекались не этими книгами: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Лажечниковъ, Загоскинъ, романы Дюма, Бальзака, Евгенія Сю, Жоржъ-Занда, Диккенса и Теккерея—вотъ тѣ книги, которыми зачитывались дѣти. Среди этой массы романовъ прочитывались дѣтьми и серьезныя статьи въ жур-

Digitized by Google

налахъ: Сенковскій и Бѣлинскій тѣми или другими сторонами своихъ статей увлекали дѣтей, переходившихъ въ юношество. Митя прошелъ тотъ же путь литературнаго развитія. Онъ читалъ много и прежде, но съ той поры, когда онъ тѣснѣе сошелся съ товарищами по гимназіи, страсть къ чтенію развилась въ немъ еще сильнѣе. Пылкій и увлекающійся, онъ забывалъ за книгами все окружающее и жилъ радостями и страданіями описываемыхъ героевъ. Онъ толковалъ о нихъ и спорилъ съ друзьями, съ Лампадовымъ, высказывалъ иногда по поводу книгъ оригинальныя мнѣнія. Но книгъ подъ руками, къ несчастію, было мало. Только послѣ памятнаго для него разговора съ княземъ для его любознательности открылась богатая сокровищница литературы. Князь предложилъ ему пользоваться своей библіотекой. Митя со всѣмъ увлеченіемъ страстнаго чтеца воспользовался этимъ предложеніемъ и поглощалъ одну книгу за другой, чуть не забывая изъ-за нихъ своихъ учебныхъ занятій. Его умственный ростъ пошелъ быстро. Иногда онъ бралъ книги на домъ, иногда, начавъ выбирать книгу, перелистывая ея страницы, онъ забывался и засиживался въ библіотекѣ князя по цѣлымъ часамъ. Въ этой огромной комнатѣ, примыкавшей къ кабинету князя, царила всегда невозмутимая тишина, и Митя полюбилъ это затишье. Князь нерѣдко заставалъ его здѣсь и, тихо, стараясь не развлекать его, бралъ какую-нибудь газету или журналъ и выходилъ изъ комнаты. Разъ какъ-то, замѣченный Митей, онъ разговорился съ нимъ о книгахъ и спросилъ, какого автора особенно любитъ юноша.

— Диккенса,—отвѣчалъ Митя.

— Да?.. Но почему же именно его?—спросилъ князь.

— Онъ болѣе всего волнуетъ меня. Онъ такъ горячо, съ такою любовью описываетъ сцены изъ жизни бѣдныхъ и несчастныхъ людей, что я какъ будто страдаю и плачу вмѣстѣ съ ними.

— А ты читалъ «Шинель» Гоголя и «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго?—спросилъ князь.

— Читалъ,—отвѣтилъ Митя.

— Ну, и что же?— спросилъ князь. — Тутъ тоже много искренней и горячей любви къ бѣднякамъ.

— О, да! Но у Диккенса шире захватъ. Тамъ —не изображеніе отдѣльныхъ забитыхъ личностей, вырванныхъ изъ жизни, а вся сложная путаница жизни.

Digitized by Google

— А, ты вотъ какъ смотришь! — сказалъ князь, внимательно всматриваясь въ него.

— Я жизнь бѣдняковъ знаю хорошо, по опыту,—продолжалъ юноша, увлекаясь своей мыслью: — но, только читая Диккенса, я понялъ вполнѣ всѣ условія, окружающія бѣдняковъ... Скажите, Александръ Владиміровичъ,—вдругъ спросилъ онъ, перемѣняя тонъ:—меня давно мучитъ этотъ вопросъ: есть ли такія книги, гдѣ бы указывались средства для избавленія людей отъ нищеты, отъ всѣхъ этихъ страданій? Вѣдь не вѣчно же это должно быть?

Князь улыбнулся.

— А, ты вотъ что хочешь знать! — сказалъ онъ. — Къ несчастью, такихъ книгъ нѣтъ. Правда, есть книги, — у меня въ библіотекѣ ты ихъ найдешь, хотя многихъ изъ нихъ и нѣтъ въ продажѣ, есть книги, говорю я, гдѣ болѣе или менѣе научно указывается на причины бѣдности, несчастій, страданій людей, но и только...

— О, этого же вполнѣ достаточно!—воскликнулъ Орловъ.— Если знаешь причины, то ихъ можно удалить.

— Какими средствами?—спросилъ князь.—Причины гораздо легче найти, чѣмъ средства для удаленія этихъ причинъ. Правда, разныхъ теорій и утопій для спасенія людей создавалось много, но всѣ онѣ разлетались въ прахъ, какъ только ихъ примѣняли къ дѣйствительности.

— Такъ неужели же это такъ и будетъ вѣчно, вѣчно?—воскликнулъ Орловъ.

— Вѣчно? Можетъ-быть да, можетъ-быть нѣтъ,—въ раздумьи сказалъ князь. — Прогрессъ къ лучшему во всякомъ случаѣ существуетъ, мы должны, по крайней мѣрѣ, вѣрить въ него, въ противномъ случаѣ оставалось бы только пустить пулю въ лобъ или сдѣлаться тунеядцами, такъ какъ если его нѣтъ и не можетъ быть, то стоитъ ли жить и стоитъ ли работать, когда эта работа—верченье бѣлки въ колесѣ?.. Нѣтъ, прогрессъ есть, долженъ быть. Но гдѣ его границы, до какой степени онъ можетъ улучшить положеніе людей—это все открытые вопросы.

— Вы много, много, должно-быть, читали!—въ наивномъ увлеченіи воскликнулъ Митя.

Князь усмѣхнулся.

— Далеко не столько, сколько бы нужно. Служба, практическая дѣятельность отнимаютъ всегда слишкомъ много времени у чтенія. Вотъ почему нужно въ юности запасаться этимъ сокровищемъ, пока еще можно забываться надъ кни-

Digitized by Google

гой, вотъ такъ, какъ ты. Къ несчастію, не всѣ юноши это понимаютъ, — есть и такіе, которые и одного пустенькаго романа въ годъ не осилятъ.

Въ голосѣ князя Митѣ послышалась грустная нота. Митя не могъ понять причины этой грусти.

— Однако, мы заболтались съ тобой,—съ улыбкой сказалъ князь и направился къ выходу; но, дойдя до дверей, онъ что-то вспомнилъ и обернулся: — Вотъ ты хотѣлъ съ серьезными книгами познакомиться. Возьмись за исторію. Тамъ есть исторія Франціи Мишле, Тьера, Луи Блана; найдешь Руссо, Вольтера и Гельвеція изъ старыхъ авторовъ. Сначала, можетъ-быть, покажется трудно, но попробуй.

Онъ назвалъ Орлову еще нѣсколько громкихъ именъ и знаменитыхъ произведеній западно-европейскихъ литературъ и ушелъ. Дней черезъ пять онъ мелькомъ спросилъ у Митѣ, взялъ ли онъ что-нибудь изъ серьезныхъ книгъ. Орловъ сказалъ, что взялъ «Essais sur les moeurs» Вольтера.

— Понимаешь?—спросилъ князь.

— Да, это такъ ясно написано,—сказалъ Орловъ.

— И не скучно?

— О, напротивъ, напротивъ!

Князь привѣтливо улыбнулся ему.

Между ними незамѣтно установился мало-по-малу обмѣнъ мыслей. Юноша спрашивалъ у князя совѣтовъ, разъясненій; князь очень охотно удовлетворялъ его желанія. Митя ясно видѣлъ, что это была не простая, свойственная князю, любезность, а искреннее сочувствіе и любовь къ нему. Князь нерѣдко замѣчалъ, что онъ выше всего цѣнитъ въ человѣкѣ стремленіе къ развитію, къ самообразованію, къ знанію.

— Добрыхъ и честныхъ людей на свѣтѣ немало, но иногда добрый и честный человѣкъ остается совершенно безполезнымъ или дѣлается даже вреднымъ только потому, что его умъ неразвитъ, — говорилъ онъ между прочимъ. — Чѣмъ полнѣе и разностороннѣе умственное развитіе человѣка, тѣмъ плодотворнѣе могутъ быть его доброта и честность. Однихъ добрыхъ инстинктовъ и добрыхъ намѣреній недостаточно: — не даромъ же говорится, что добрыми намѣреніями адъ вымощенъ...

Митя всегда засматривался на князя. Князь говорилъ плавно, ровно, спокойно, не торопясь и не повышая голоса, какъ человѣкъ, привыкшій къ тому, что его не перебьютъ, и что ему не нужно прибѣгать ни къ какимъ внѣшнимъ

Digitized by Google

аффектамъ, чтобы выразить свои ясные и опредѣленные взгляды или даже заставить себя слушать. Тутъ были замѣтны тактъ и самообладаніе опытнаго свѣтскаго человѣка, крупнаго барина, вѣчнаго члена комитетовъ и разныхъ комиссій. Только иногда въ его рѣчахъ звучали нотки скрытой желчи и горькой иронiи. Митя съ нѣкоторыхъ поръ хорошо узналъ эти нотки. Какъ-то при немъ княгиня явилась къ обѣду изъ засѣданія благотворительнаго дамскаго общества, гдѣ она была предсѣдательницей. Князь спросилъ:

— Ну, окончили ваши занятія? Много ли украдено изъ кассы?

— Ничего не украдено,—отвѣтила княгиня.—Почему это тебѣ кажется, что наша касса всегда должна обворовываться?

Князь усмѣхнулся.

— Для чего же онѣ и существуютъ, какъ не для того, чтобы могли грабить ловкіе люди? — отвѣтилъ онъ. — Вѣдь не для спасенія же бѣдняковъ отъ нищеты грошовыми подачками.

— Князь, вы неисправимы!—со смѣхомъ замѣтила одна изъ присутствовавшихъ за обѣдомъ барынь.—Вѣчно останетесь непримиримымъ врагомъ филантропiи.

— Вы думаете?—вопросительно сказалъ князь и пожалъ плечами. — Впрочемъ, можетъ-быть, оно и такъ, можетъ-быть, я и врагъ филантропiи. Это, вѣроятно, потому, что мнѣ приходится слишкомъ часто читать письма моихъ управляющихъ.

— А при чемъ же тутъ управляющіе?—спросила барыня съ улыбкой.

— Все вотъ пишутъ то о неурожаяхъ, то о пожарахъ, то о рекрутчинѣ,—сказалъ князь, и что-то ѣдкое зазвучало въ его голосѣ: — а мы вотъ тутъ требуемъ съ этихъ нищихъ и голодныхъ побольше оброка, чтобъ имѣть возможность спасти тремя рублями отъ бѣдности какую-нибудь черносалопницу.

Барыня презрительно передернула плечиками.

— Я думаю, и безъ филантропiи они должны были бы платить оброки,—проговорила она.

— О, конечно, конечно,—согласился князь:—у насъ столько своихъ собственныхъ потребностей и нуждъ!..

Въ другой разъ Митя подмѣтилъ въ голосѣ князя какую-то горечь, какую-то грусть. Князь разспрашивалъ сына

Digitized by Google

объ училищѣ, о занятіяхъ. Молодой князь Русовъ, сильно выросшій и пополнѣвшій за послѣднее время, отвѣчалъ лѣниво и нѣсколько апатично на вопросы отца, какъ отвѣчаютъ люди, когда съ ними говорятъ о надоѣвшемъ имъ предметѣ. Изъ его отвѣтовъ трудно было уловить, что его занимаетъ, что его интересуетъ.

— Баклуши вы тамъ бьете больше, какъ кажется,—замѣтилъ старикъ.

— У насъ очень много занятій,— отвѣтилъ коротко сынъ.

— Которыя исполняются спустя рукава, — замѣтилъ отецъ.

— Я иду однимъ изъ первыхъ,—такъ же коротко отвѣтилъ сынъ.

Отецъ усмѣхнулся.

— Еще бы! Надо же поскорѣе дотянуть скучную лямку,— сказалъ онъ.

— Я и не спорю, что это скучно,—сухо отвѣтилъ сынъ.

Орловъ вдругъ вспомнилъ слова молодого князя Русова о томъ, что отецъ не любитъ его. Митѣ показалось теперь, что это было дѣйствительно такъ.

Въ этотъ же день князь долго говорилъ съ Орловымъ о его занятіяхъ и не безъ удивленія замѣтилъ ему:

— Но ты же утомляешься, должно-быть, очень сильно: учишься, даешь уроки и еще столько читаешь, — это не легко.

— Я здоровъ,—отвѣтилъ Митя.—Да иначе и нельзя мнѣ. Учиться надо; уроки даю потому, что деньги нужны; ну, а чтеніе—это ужъ отдыхъ. До прошлаго года денегъ меньше было нужно, а теперь самъ не знаю, куда уходятъ, а все-таки уходятъ. Еще скверная привычка привилась—курить сталъ.

— А за уши за это не дерутъ дома?—разсмѣялся князь.

— Нѣтъ, я вѣдь потихоньку,—сказалъ Митя шутливо.— Вѣдь все дурное потихоньку дѣлается...

— Ну, вотъ подожди, я когда-нибудь выведу тебя на свѣжую воду,—пошутилъ князь.

Онъ говорилъ съ нимъ, какъ съ сыномъ, тогда какъ съ сыномъ онъ говорилъ, какъ съ чужимъ. Это не ускользнуло отъ вниманія Мити. Не ускользнуло отъ его вниманія и то, какъ холодно относился молодой Русовъ къ отцу. Между ними, казалось, не было ничего общаго: старикъ былъ оживленъ, дѣятеленъ и мужественно твердъ и стоекъ, а

Digitized by Google

юноша былъ нѣсколько рыхлъ, апатиченъ и женственно изнѣженъ. Отецъ былъ добръ и снисходителенъ къ людямъ, какъ человѣкъ, много вынесшій, много видѣвшій, много думавшій и читавшій, — онъ былъ безпредѣльно добръ и снисходителенъ, зная, что люди нуждаются въ его добротѣ и снисходительности; сынъ, казалось, былъ мягокъ и добродушенъ по слабости, по безхарактерности, — ему какъ будто было лѣнь быть злымъ, онъ какъ будто брезгливо относился къ злобѣ. Они походили на дубъ, выросшій и окрѣпшій на чистомъ воздухѣ, согрѣтый солнцемъ и поборовшійся съ бурями, и на тропическое растеніе, выхоленное и изнѣженное въ теплицѣ, слишкомъ сочное и слишкомъ хрупкое для борьбы со стихіями, съ морозами и бурями нетепличной жизни. Митя начиналъ понимать именно такъ различіе между отцомъ и сыномъ и совершенно иначе относился къ тому и другому: онъ благоговѣлъ передъ старикомъ, онъ дорожилъ каждымъ его совѣтомъ, каждымъ замѣчаніемъ; на своего юнаго друга онъ смотрѣлъ, какъ на ласковаго ребенка, съ которымъ было бы жалко быть рѣзкимъ, котораго нужно было приголубливать, которому нужно было прощать многое, чтобы не огорчать его слишкомъ чувствительнаго сердца.

Разспрашивая Митю о занятіяхъ, старый князь, между прочимъ, спросилъ его:

— Ты хорошо пишешь?

— Такъ себѣ, почеркъ недуренъ,—отвѣтилъ Митя.

— Нѣтъ, я не о почеркѣ, а о слогѣ? — спросилъ князь.

Митя немного покраснѣлъ.

— Меня сочинителемъ зовутъ въ гимназіи,—отвѣтилъ онъ.

— Вѣрно стишки пописываешь?—улыбнулся князь.

— Грѣшу и стихами, — весело сказалъ Митя. — Но и прозой начинаю порядочно владѣть.

— Ну, и отлично, — сказалъ князь. — Вотъ выйдешь изъ гимназіи, поступай ко мнѣ въ домашніе секретари. Это будетъ лучше, чѣмъ бѣганье по урокамъ. У меня много дѣловой переписки съ моими управляющими, по разнымъ комиссіямъ и комитетамъ. Мнѣ нуженъ толковый и неглупый помощникъ.

Лицо Мити засіяло отъ радости и гордости: ему было очень пріятно, что князь признаетъ его толковымъ и неглупымъ человѣкомъ. Онъ теперь еще упориѣе готовъ былъ приняться за ученье, чтобы только не прорваться на экзаменахъ и начать новую жизнь. Будущее ему улыбалось, и

Digitized by Google

онъ часто задумывался о томъ, какой онъ счастливчикъ, какой онъ удачникъ.

Осенній день вечерѣлъ, когда юноша вышелъ изъ княжескаго дома. Багровые лучи заходящаго солнца гасли, отражаясь на куполахъ церквей, въ окнахъ верхнихъ этажей высокихъ каменныхъ домовъ. По улицамъ гремѣли экипажи, толкался народъ. Митя шелъ не спѣша; ему дышалось легко, его душа была въ праздничномъ настроеніи. Ему не хотѣлось идти домой, ему хотѣлось подольше подышать свѣжимъ воздухомъ, помечтать одному, на свободѣ. Чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ тише и тише дѣлалось вокругъ него. Громъ колесъ, говоръ народа оставались гдѣ-то позади, доносились, какъ рокотъ стихавшаго моря. Каменные дома стали смѣняться деревянными, потянулись, наконецъ, заборы, тротуары смѣнились мостками, каменная и торцовыя мостовыя—пыльною мягкою дорогой, и кое-гдѣ начали раздаваться звуки гармоникъ. Онъ дошелъ до роднаго захолустья. Изъ домовъ слышались визгливые звуки пилъ, мѣрные удары кузнечныхъ молотовъ, гдѣ-то пощелкивалъ ткацкій станокъ. Навстрѣчу стали попадаться закопченные, вымазанные сажей фабричные и мастеровые, на пыльныхъ улицахъ играли полуголые ребятишки, въ трактирахъ играла машина, въ кабакахъ слышалось пѣніе, раздавалась брань.

Въ умѣ Мити вдругъ промелькнула мысль: «вотъ моя колыбель, вотъ моя родина». И цѣлая вереница образовъ, событій, сценъ пронеслась въ его воображеніи. Чего онъ здѣсь ни насмотрѣлся, чего онъ здѣсь ни пережилъ! Сколько чужихъ мукъ видѣлъ онъ, сколько слезъ пролилъ онъ самъ!..

Вотъ встала передъ нимъ картина пожара: плачъ матери, болѣзнь дѣда, тихая скорбь сестры, молчаливый загулъ отца, лишенія и тоска подвальной жизни. «Каторжная жизнь, каторжная жизнь!» — звучали въ его ушахъ слова его близкихъ. Но вотъ другая картина смѣняетъ въ его воображеніи картину этой каторжной жизни: онъ видитъ темный уголъ, на полу, на какомъ-то ворохѣ тряпья умираетъ полунагая женщина, и точно волчата жмутся въ углу пятеро ребятъ: это тетка Дарья умираетъ, это ея дѣти, босыя и нагія, жмутся въ углу. Какъ же назвать эту жизнь?

Каторжникамъ, должно-быть, легче живется, чѣмъ жилось этой несчастной мученицѣ. У нихъ хотя есть вѣрный уголъ, вѣрный кусокъ хлѣба. Среди такой жизни люди совершаютъ

Digitized by Google

преступленія, чтобы попасть на каторгу. Что будетъ съ ея дѣтьми—злыми, дикими, испорченными?

Настю берутъ въ домъ тетки, потому что она можетъ уже быть помощницей, а остальныхъ разсовываютъ по пріютамъ,—пусть хоть сыты, да въ теплѣ будутъ, пока не будутъ въ состояніи добывать хлѣбъ. Чѣмъ они будутъ добывать хлѣбъ, какимъ трудомъ? Ихъ ничему почти не учатъ, ихъ только поятъ и кормятъ до поры до времени—вотъ и все, и никто не задумывается надъ вопросомъ: а что будетъ дальше? И до того ли этому голодному трудовому люду... Ну, подрастутъ, пойдутъ въ услуженіе, пристроятся въ мастерскія, въ чернорабочіе на фабрику или на заводъ, станутъ зарабатывать гроши, пить съ горя, а тамъ и смерть придетъ. «Братецъ, а я съ вами!.. Я безъ васъ, братецъ, не останусь» — раздался въ ушахъ Мити знакомый голосъ бѣднаго идіота Лёши, и въ головѣ юноши зароились мысли о томъ, что будетъ съ этимъ несчастнымъ созданіемъ, гдѣ преклонитъ оно въ будущемъ голову, какъ будетъ жить среди чужихъ, грубыхъ и озлобленныхъ людей.

«Голь, голь перекатная, съ проклятьемъ рожденная, съ проклятьемъ умирающая»,—мелькало въ головѣ Мити, и онъ чувствовалъ, что его сердце полно глубокой, безграничной жалости къ этой голи, изъ которой онъ вышелъ самъ, съ которой онъ еще не утратилъ связи, которая еще любитъ его, Орлихинскаго Митю. Ему вдругъ вспомнился «Ершъ»—пятнадцатилѣтній мальчуганъ-сапожникъ, съ волосами, стоявшими щетиной, съ запачканнымъ лицомъ, съ грубыми руками, съ вѣчнымъ запахомъ кожи и вара; этотъ «Ершъ» ублажалъ разъ, какъ добрая нянька, расквасившаго себѣ лобъ Митю, взявъ его на руки и гладя его мозолистою рукой по головѣ; а этотъ «Ершъ» считался уже и развратнымъ, и пьянчужкой, и всѣ говорили про него, что не было такой колодки, которую не обкололи бы объ его голову.

Потомъ ему вспомнился другой образъ привезеннаго изъ деревни мальчугана, отданнаго въ ученье къ мѣднику. Мать этого мальчугана говорила, что тамъ, въ деревнѣ, у нихъ и холодно, и голодно, и управитель—живодеръ. Этотъ мальчуганъ, тихій и робкій, поучился годъ-два у мѣдника, все блѣднѣя, все хирѣя, и вдругъ его нашли повѣсившимся въ чуланѣ. Видно, хорошо тоже жилось!.. Передъ Митей воскресли внезапно его младенческія грезы: «Когда я буду генераломъ, я всѣхъ, всѣхъ бѣдныхъ сдѣлаю счастливыми!»

Digitized by Google

Эти планы могли зародиться только въ головѣ ребенка, много вынесшаго горя, много видѣвшаго страданій. «О, если-бъ я хоть когда-нибудь, хоть что-нибудь могъ сдѣлать для нихъ!»—думалъ теперь юноша. И все выше, все выше дѣлалось его настроеніе душевное, все горячѣе становились его честныя стремленія и желанія.

Ему хотѣлось теперь дать громко торжественную клятву передъ людьми и передъ Богомъ, что онъ вѣчно, вѣчно будетъ слугой и защитникомъ этой голи.

— Накажи меня, накажи, какъ хочешь, Господи, если я когда-нибудь забуду свое обѣщаніе!—шепталъ онъ.—Эти люди дали мнѣ все; любили меня, учили меня, жалѣли меня. Не будь ихъ, не понялъ бы я, что значитъ любовь къ ближнимъ, страдающимъ и голоднымъ ближнимъ!..

И ему, восторженному и страстному, казалось, что Богъ именно для того и спасъ его, чтобъ онъ могъ быть защитникомъ и ходатаемъ этихъ страждущихъ людей. Да, онъ былъ избранникъ Божій,—Богъ не даромъ спасъ его, научилъ его, открывалъ ему широкій путь. Онъ, этотъ всемогущій Богъ, отмѣтилъ его среди тысячей погибшихъ людей, сдѣлалъ своимъ избранникомъ и возложилъ на него великую миссію служить этой голи, быть ея Моисеемъ.

Digitized by Google

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

На дворѣ стоялъ холодный, но ясный февральскій день. Весь Петербургъ былъ уже съ утра на ногахъ. Сотни каретъ неслись по улицамъ, увозя нарядныхъ дамъ въ дорогихъ русскихъ костюмахъ и мужчинъ въ блестящихъ военныхъ и статскихъ мундирахъ. По тротуарамъ и посреди улицъ шли массы простого народа съ возбужденными лицами, съ смутнымъ говоромъ о событіи дня. Все это стремилось по одному направленію, точно гонимыя вѣтромъ волны. Около Зимняго дворца стеченіе народа и экипажей было страшное, необычайное. Въ толпѣ толковали, что наканунѣ хотѣли разорвать и убить какого-то хромоногаго господина, принятаго чернью за доктора Мандта; въ другихъ группахъ повѣствовали, что за нѣсколько дней во дворцѣ къ государю явился неизвѣстно откуда пришедшій монахъ, въ которомъ царь узналъ преподобнаго Сергія; далѣе разсказывали, что въ послѣднее время надъ дворцомъ появился громадныхъ размѣромъ филинъ, и было небесное знаменіе, не предвѣщавшее добра. Народъ тѣснился на площади, смотря на окна нижняго этажа дворца, гдѣ царствовала полнѣйшая тишина, тогда какъ въ окнахъ средняго этажа мелькали нарядныя одежды знати, камергеровъ, генералитета, придворныхъ въ чулкахъ и башмакахъ. Тамъ тоже люди сходились въ группы, толковали, задавали вопросы о будущемъ. Возбужденіе было всеобщее: одни ждали себѣ повышеній, другіе видѣли свое близкое паденіе; всѣ сознавали, что будетъ во всякомъ случаѣ что-нибудь новое. Волненія и ожиданія были не только здѣсь, но и во всемъ городѣ, во всѣхъ уголкахъ Россіи, куда только дошла вѣсть

Digitized by Google

о совершившемся событіи. Орловъ, узнавъ облетѣвшую весь городъ новость, зашелъ къ Русовымъ и засталъ у княгини, чувствовавшей себя въ этотъ день не совсѣмъ здоровой, цѣлую группу дамъ, окружившихъ князя Александра Владиміровича. Князь, только что возвратившійся домой, былъ въ полной парадной формѣ. Выраженіе его лица было какое-то свѣтлое, сіяющее, возбужденное; онъ точно помолодѣлъ на десять лѣтъ.

— Ты уже изъ дворца?—спросила поспѣшно княгиня и поднялась съ мѣста, идя къ нему навстрѣчу.

Бывшія у нея въ гостяхъ дамы тоже сразу поднялись со своихъ мѣстъ и торопливо окружили князя.

— Ну́, что, видѣли государя?—раздались вопросы.—Разсказывайте, разсказывайте!

— Видѣлъ, имѣлъ счастіе говорить,—проговорилъ князь.—Все тотъ же очаровательный, мягкій и добрый человѣкъ! Всѣ обворожены имъ, всѣ надѣются на лучшій исходъ дѣлъ. Я давно не былъ свидѣтелемъ такого праздничнаго настроенія. Главное—важно то, что въ него всѣ вѣрятъ, не могутъ не вѣрить. Это великое предзнаменованіе.

Князь былъ взволнованъ и говорилъ быстро, отрывисто.

— Вы думаете, что мы прекратимъ войну?—послышались вопросы.

— Россія нуждается въ мирѣ, и миръ недалекъ,—отвѣтилъ князь.—Это сознаніе носится въ воздухѣ, это слышится изъ всѣхъ устъ. Конечно, сразу этого нельзя сдѣлать.

— Но какихъ уступокъ, какихъ жертвъ это будетъ стоить!—воскликнулъ кто-то.

— Никакія жертвы не будутъ велики въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ быть выиграно прекращеніемъ этой несчастной войны,—сказалъ князь.

— Ахъ, именно несчастной!—послышалось чье-то восклицаніе.

— И для чего ее начали!—замѣтилъ кто-то.

— Ну, да теперь, слава Богу, все кончится, все затихнетъ... Но разскажите же про пріемъ... Кто былъ, что говорили...

Князь началъ передавать мелкія подробности, мелкія замѣчанія насчетъ всего того, чего онъ былъ свидѣтелемъ во дворцѣ въ это памятное утро.

Это было 19-е февраля 1855 года.

Всѣ усѣлись, но князь не садился и, несмотря на присутствіе дамъ, ходилъ скорыми шагами по комнатѣ, не имѣя

Digitized by Google

силъ и не стараясь подавить свое волненіе. Иногда онъ останавливался на минуту, передавалъ какую-нибудь подробность, высказывалъ какое-нибудь замѣчаніе и потомъ снова начиналъ ходить изъ угла въ уголъ. Въ немъ словно все перевернулось внутри, все давно улегшееся пробудилось, забродило снова. На его лицо не набѣгало ни одной тѣни; въ его рѣчахъ не звучало ни одной нотки сомнѣнія или опасеній.

— Видѣли вы графа Клейнмихеля?—спросила его одна изъ дамъ.

— Царство Клейнмихелей прошло,—къ чему же отыскивать ихъ?—съ усмѣшкой отвѣтилъ князь.

— Вы думаете, будутъ большія перемѣны въ личномъ составѣ управленія?—спросили его.

— Да развѣ въ этомъ можно сомнѣваться?.. Перемѣны будутъ во всемъ—и въ лицахъ, и въ формахъ, а главное, главное то, что мы будемъ разбирать не чужія дѣла, а свои, свою крышу станемъ чинить...

Онъ опять заговорилъ о необходимости преобразованій, нововведеній, перестройки.

Орловъ любовался имъ, видя его впервые въ такомъ возбужденномъ состояніи, съ такимъ приливомъ бодрыхъ силъ и смѣлыхъ надеждъ. Князь, разсказывая и разсуждая, не скоро замѣтилъ юношу. Наконецъ, онъ какъ-то случайно взглянулъ на него и привѣтливо кивнулъ ему головой съ ласковой улыбкой.

— Вотъ счастливцы—это молодежь. Имъ придется больше увидѣть, чѣмъ намъ, старикамъ,—сказалъ онъ весело, указывая головой на Митю.

Всѣ обернулись въ сторону Орлова, какъ будто до этой минуты его никто и не замѣчалъ. Одна изъ дамъ даже поднесла къ глазамъ лорнетъ, разсматривая неизвѣстнаго ей молодого человѣка, какъ какую-то интересную букашку.

— Да, мы наканунѣ великихъ событій. Иначе не можетъ быть, иначе нельзя,—продолжалъ князь.—Эта молодежь переживетъ великую эпоху. Дай Богъ, чтобы только изъ нея вышло побольше честныхъ работниковъ. Государю нужны помощники, нужны умы и руки. Одинъ онъ ничего не можетъ. Дѣло слишкомъ сложно и велико, чтобы справиться съ нимъ безъ помощниковъ. Въ послѣдніе годы мы увидали, убѣдились на опытѣ, какъ мало у насъ было надежныхъ людей. Нужно побольше патріотизма, по

Digitized by Google

больше гражданскихъ чувствъ, чтобы спасти Россію отъ старыхъ язвъ.

И опять князь заговорилъ о томъ, что впереди все свѣтло, что всѣ глядятъ на будущее съ упованіемъ, что у всѣхъ замѣчается какой-то особенный подъемъ духа.

Онъ былъ правъ. Общество, утомленное неудачною, несчастною, непопулярною войной, жаждало мира, жаждало обновленія. Уже лѣтъ семь настроеніе общества все болѣе и болѣе омрачалось, принижалось, дѣлалось нестерпимымъ. Всѣмъ какъ будто было душно, всѣ какъ будто стремились куда-то вырваться на свѣжій воздухъ. По рукамъ въ извѣстныхъ кружкахъ ходило болѣзненно страстное, похожее на раздирающій вопль, письмо Бѣлинскаго къ Гоголю; тайкомъ переходила изъ рукъ въ руки первая изданная за границей книга Герцена, полная отчаянья и пессимизма; шопотомъ всюду передавались разсказы о какихъ-то таинственныхъ явленіяхъ и пророчествахъ, предрекавшихъ близость переворота; крупныя дѣла по расхищеніямъ казенныхъ суммъ, дѣла Политковскаго, Тришатнаго, Костылева занимали всѣхъ, и всѣ знали, что въ эти дѣла замѣшаны сотни лицъ; толки о затратахъ на постройку московской желѣзной дороги, Исаакія, Благовѣщенскаго моста принимали размѣры фантастическихъ басенъ; каждое пораженіе на поляхъ битвъ вызывало смутные слухи объ измѣнѣ, предательствѣ, подкупѣ; въ народѣ то и дѣло возникали слухи объ освобожденіи на волю крестьянъ,—слухи, пугавшіе многихъ,—и рядомъ со всѣмъ этимъ бдительность третьяго отдѣленія и строгость цензуры доходили до послѣдней степени напряженія, такъ что вездѣ и всюду ходили анекдоты то о цензорѣ, запретившемъ въ поваренной книгѣ фразу «вольный духъ»; то о приказаніи скрѣплять цензорскою подписью «транспаранты», то о какой-нибудь гувернанткѣ господъ Моисеевыхъ, высѣченной въ третьемъ отдѣленіи за то, что она разсказывала, какъ къ одной высокопоставленной личности голубь носитъ любовныя письма. Все это разсказывалось таинственно, и потому все это преувеличивалось. Толкамъ не было конца. Напряженное ожиданіе чего-то новаго, какой-то перемѣны носилось въ воздухѣ, когда наступило начало новаго царствованія. Теперь вдругъ у всѣхъ на языкѣ зазвучало слово: «миръ, миръ», какъ будто всѣ сознавали, что надо пожертвовать всѣмъ, только бы отдаться заботамъ о внутреннемъ устройствѣ Россіи, а не какимъ-то мечтамъ о первенствующемъ поли-

Digitized by Google

тическомъ значеніи ея въ Европѣ. Правда, миръ былъ вовсе не такъ близокъ, какъ многіе думали; но всѣ понимали, всѣ знали, что онъ неизбѣженъ, что онъ необходимъ. Ни для кого не было тайной, что у насъ въ застоѣ торговля, что у насъ разстроены финансы, что у насъ нѣтъ людей. Никогда еще не проявлялось въ такой силѣ самобичеваніе и самообличеніе, въ какой оно сказывалось теперь: въ арміи среди офицерства слагались не пѣсни о томъ, какъ «Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки», а «какъ восьмого сентября мы за батюшку-царя отъ французовъ ушли». Въ обществѣ уже говорили не о томъ, что «мы ихъ шапками закидаемъ», но о томъ, что «отчего это у нихъ, у враговъ, и желѣзная дорога тотчасъ появилась, и ружья лучше, и продовольствія больше». Все, что черезъ два года начало появляться въ литературѣ, теперь носилось въ воздухѣ, передавалось изъ устъ въ уста. Общество жило наканунѣ появленія «Искры», стиховъ Розенгейма, Курочкина, лучшихъ произведеній Некрасова, «Губернскихъ очерковъ» Щедрина, обличительной литературы, статей объ откупѣ, критики Добролюбова и Чернышевскаго. Рядомъ съ этимъ шли исканія человѣка,—исканія, выразившіяся потомъ въ литературѣ статьями Пирогова о томъ, что надо прежде всего воспитать изъ ребенка человѣка, комедіями Львова и графа Саллогуба съ добродѣтельными чиновниками, исправниками и становыми, страстными стихами Некрасова о поэтѣ-гражданинѣ, стихами Никитина о томъ, что «мертвые въ гробѣ почили—дѣло настало живымъ». Казалось, на общество подулъ предъ разсвѣтомъ освѣжающій вѣтеръ ожидаемаго дня. Сумерки еще не разсѣялись, но всѣ чувствовали, что утро близко. Тутъ были и послѣднія опасенія, и первыя надежды; одни и тѣ же люди, подобно человѣку народа, Никитину, и высказывали боязнь передъ тѣмъ, что у насъ нѣтъ людей, и восторженно пророчили, что мы двинемся бодро впередъ. Впереди всѣхъ другихъ вопросовъ стояли два главные вопроса: вопросъ о мирѣ и вопросъ о крестьянахъ. Ни тотъ, ни другой не были еще затронуты правительствомъ, не обсуждались гласно; но всѣ ясно или смутно предчувствовали, что ихъ вотъ-вотъ затронутъ не сегодня, такъ завтра. Этого завтра ждали лихорадочно, иногда раздражаясь, что этотъ день не наступалъ сразу. Войну продолжать было невозможно; вопросъ о крестьянахъ обойти было трудно. Правда, Севастополь еще держался, а новый министръ внутреннихъ дѣлъ

Digitized by Google

въ циркулярѣ къ губернскимъ дворянскимъ предводителямъ писалъ, что повелѣно ненарушимо хранить права, дарованныя дворянству. Но всѣ знали, что Севастополь долженъ пасть, и что затягивать войну далѣе нелѣпо; ни для кого не было тайной и то, что уже въ 1854 году и въ январѣ 1855 года въ народѣ по поводу ополченій стали ходить упорные слухи, что помѣщичьи крестьяне, идущіе добровольно въ ополченіе, получатъ непремѣнно свободу. Впрочемъ, положительнаго не было сдѣлано еще ничего, если не считать смѣны нѣкоторыхъ непопулярныхъ лицъ и замѣны ихъ новыми; въ обществѣ были только радостныя ожиданія и пугливыя тревоги. Это томительное состояніе ожиданія чего-то неизвѣстнаго усиливалось еще болѣе всеобщимъ трауромъ, отсутствіемъ развлеченій, прекращеніемъ театральныхъ представленій, музыки, баловъ.

— Мы постимся, говѣемъ и каемся въ старыхъ грѣхахъ передъ свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ,—говорилъ князь Русовъ, когда его спрашивали о новостяхъ.

Но онъ былъ бодръ и веселъ. Онъ получилъ новое, довольно видное, назначеніе и чувствовалъ, что для него снова наступаетъ пора дѣятельности, что его не обойдутъ при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, а можетъ-быть и при разрѣшеніи многихъ другихъ вопросовъ. Онъ работалъ теперь много. Кромѣ служебныхъ занятій у него была большая переписка по дѣламъ, касающимся его помѣстій.

Орловъ, кончившій гимназическое ученье и поступившій уже въ университетъ, мало-по-малу сдѣлался правою рукой князя. Онъ теперь ежедневно проводилъ нѣсколько часовъ въ кабинетѣ князя, работая съ нимъ, перечитывая приходившія къ нему отъ управляющихъ и старостъ письма и отвѣчая на нихъ согласно инструкціямъ князя. Князь былъ имъ доволенъ. Иногда, уставъ работать, князь закуривалъ сигару и начиналъ бесѣду съ юношей. Онъ говорилъ съ нимъ, какъ съ сыномъ, какъ съ молодымъ любимчикомъ, отъ котораго ожидаютъ многаго, котораго хотятъ поставить на хорошую дорогу. Ему нравилась воспріимчивость этого молодого ума, преданность этого пылкаго сердца. Князю хотѣлось сдѣлать изъ юноши выдающагося человѣка, полезнаго дѣятеля. Орлову иногда казалось даже странно, почему князь всегда такъ сдержанъ съ женою, всегда такъ холоденъ съ сыномъ, а съ нимъ нѣженъ, мягокъ и ласковъ, точно онъ, Орловъ, ему и ближе, и дороже ихъ. Орлову иногда смутно казалось, что тутъ кроется какая-то глубокая

Digitized by Google

семейная драма. Но, бесѣдуя съ юношей обо всемъ, князь почти никогда не заикался ни о женѣ, ни о сынѣ, точно ихъ не существовало на свѣтѣ, точно онъ не былъ ничѣмъ съ ними связанъ. Орловъ, наблюдательный отъ природы, видѣвшій немало людей, очень ясно понималъ, что это происходитъ вовсе не потому, что князь не желаетъ и не считаетъ возможнымъ говорить съ нимъ, съ юношей, о своей семьѣ, о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Нѣтъ, князь какъ будто избѣгалъ всякаго напоминанія о женѣ и сынѣ, какъ будто хотѣлъ совсѣмъ забыть въ своемъ кабинетѣ, о ихъ существованіи. Разъ какъ-то Орлова поразила горячность, съ которою князь коснулся вопроса о семейномъ разладѣ вообще. Это было въ минуту отдыха между работою. Князь мелькомъ замѣтилъ Орлову, что тому не приходится почти сидѣть дома и что, вѣроятно, его родителямъ это тяжело. Орловъ отвѣтилъ откровенно, что онъ очень горячо любитъ отца и мать, что они тоже готовы для него жизнью пожертвовать, но что онъ сознаетъ, что между ними и имъ точно что-то порвано, точно лежитъ какая-то пропасть.

— Я другимъ языкомъ говорю, чѣмъ они,—сказалъ онъ немного грустнымъ тономъ.—Они не интересуются тѣмъ, что интересуетъ меня; я бѣгу отъ того круга людей, который собирается около нихъ. Между нами нѣтъ ни ссоръ, ни раздоровъ, но мы не понимаемъ другъ друга.

Онъ улыбнулся невеселой улыбкой.

— Я вотъ не понимаю, какъ они могутъ сидѣть за картами цѣлые вечера, прикладываясь къ закускѣ и обсуждая семейныя дрязги своего муравейника,—сказалъ онъ:—а они еще менѣе могутъ понять, какъ можно придавать серьезное значеніе такимъ пустякамъ, какъ книги, гдѣ мало ли что разные сочинители пишутъ. Я зѣваю въ ихъ присутствіи, они зѣваютъ въ моемъ, если мы начинаемъ говорить...

Князь ходилъ по кабинету, куря сигару.

— Вѣчно старая, вѣчно новая исторія,—сказалъ онъ.—Семейная рознь, непониманіе однихъ членовъ семьи другими, распаденіе семейныхъ узъ... Это ужасно тяжело, потому что, несмотря на внутренній разладъ, люди остаются внѣшнимъ образомъ связанными, прикованными къ одной цѣпи. И еще слава Богу, если тутъ уцѣлѣетъ хоть животная, кровная привязанность, если тутъ еще не примѣшается сознаніе, что съ этими людьми человѣкъ не связанъ даже и узами крови, а живетъ только потому, что когда-то въ минуту увлеченія связалъ себя съ ними брачными узами,

Digitized by Google

а потомъ, по слабости характера, по ложнымъ соображеніямъ, далъ свое имя чьимъ-то чужимъ дѣтямъ.

Орловъ нѣсколько удивленными глазами смотрѣлъ на князя. Князь вдругъ какъ будто очнулся отъ тяжелыхъ думъ, какъ будто спохватился, что онъ думаетъ вслухъ, и, перемѣнивъ тонъ, равнодушно и сухо замѣтилъ:

— Впрочемъ, если перечислять всевозможныя комбинаціи, дѣлающія для иныхъ людей семейную жизнь адомъ, такъ и вѣкъ не кончишь. Это—такой сложный и спутанный вопросъ. Одна Жоржъ-Зандъ цѣлую библіотеку романовъ написала по поводу этого вопроса...

Онъ вдругъ дѣловымъ тономъ перешелъ къ вопросамъ о продолженіи работы, о письмахъ, ожидавшихъ отвѣта. Отъ вниманія Орлова не ускользнуло, что въ душѣ старика происходило что-то неладное.

Въ другой разъ Орлова опять поразило нѣсколько выраженій князя. Правда, эти выраженія были вызваны довольно щекотливымъ обстоятельствомъ, совершенно неожиданно поставившимъ въ неловкое положеніе какъ Орлова, такъ и стараго князя. Разъ Орловъ пришелъ къ князю и встрѣтилъ въ гостиной юнаго Александра Русова. Тотъ, весь красный, въ волненіи ходилъ по комнатѣ.

— А, наконецъ-то!—нетерпѣливо и нѣсколько раздражительно сказалъ онъ, увидавъ Митю.—Я думалъ, что ты уже не придешь сегодня.

— Что ужъ не соскучился ли по мнѣ?—спросилъ шутливо Орловъ.

Они теперь видѣлись очень рѣдко и то на нѣсколько минутъ. Молодой князь весь отдался училищу, училищной жизни, училищнымъ товарищамъ. Иногда Орлову казалось, что молодой князь какъ будто охладѣлъ къ нему. Иногда онъ говорилъ съ нимъ, съ Орловымъ, какъ-то небрежно, съ иронією, точно свысока.

— Дѣло, дѣло есть до тебя важное!—заторопился Русовъ.—Пойдемъ ко мнѣ.

Они пошли на половину молодого князя.

— Я сдѣлалъ большой долгъ,—сказалъ князь торопливо, безъ всякихъ приступовъ.

— Ну, братъ, это ужъ совсѣмъ глупо,—сказалъ Орловъ.

— Ахъ, это я и безъ тебя знаю,—нетерпѣливо отвѣтилъ Русовъ.—Но дѣло вовсе не въ томъ, чтобы ты мнѣ читалъ наставленія...

— Да я и не думаю тебѣ ихъ читать.

Digitized by Google

— Ну, и прекрасно, и прекрасно.

Князь нетерпѣливо ходилъ по комнатѣ, позвякивая шпорами, и смотрѣлъ куда-то въ сторону.

— Я обратился къ maman,—продолжалъ онъ отрывисто.—У нея нѣтъ свободныхъ денегъ. Вѣчно все раздаетъ своимъ черносалопницамъ, всей этой канальѣ. Она посовѣтовала обратиться къ papa. Легко совѣтовать!.. Я недавно бралъ у него деньги, и онъ устроилъ цѣлую сцену.

— Ну, ужъ и сцену... Просто намылилъ голову молодому повѣсѣ!

— Нѣтъ, именно сцену, грубую и пошлую сцену упрековъ. Я его вовсе не понимаю. У насъ тысячи крестьянъ, а мы вмѣсто доходовъ съ нихъ чуть не разоряемся на нихъ же, строимъ какія-то образцовыя избы, заводимъ какія-то богадѣльни и школы по деревнямъ. Мнѣ нужны деньги, а онъ дѣлаетъ сцены. «Ты кутишь, ты развратничаешь!»—говоритъ мнѣ. Но позволь спросить, кто же подалъ первый примѣръ? Не онъ ли содержитъ Андронову. Наконецъ, я молодъ, я еще только начинаю жить, я не могу жить по-нищенски, пробавляясь даровыми амурами и горничными. Притомъ у меня товарищи...

Орловъ слушалъ эту отрывистую исповѣдь и удивлялся: онъ вовсе не зналъ въ послѣднее время интимной жизни своего друга.

— Но при чемъ же я во всей этой исторіи?—спросилъ онъ, наконецъ.

— О, ты можешь многое сдѣлать. У васъ какія-то иныя отношенія съ отцомъ,—сказалъ онъ не то презрительно, не то иронически.—Maman говоритъ, что отецъ тебя чтитъ, не геніемъ считаетъ и, кажется, сожалѣетъ только объ одномъ, что не онъ былъ виновникомъ твоего явленія на свѣтъ.

— Что за глупыя шутки...

— Нѣтъ, я серьезно говорю. Maman мнѣ дала совѣтъ поговорить съ тобой: она убѣждена, что отецъ тебѣ не откажетъ ни въ чемъ и послушаетъ тебя.

— Это тебѣ сказала мать?

— Ну, да, она!

Орловъ пожалъ плечами.

— Убѣди отца, что мнѣ нужны деньги, — продолжалъ князь: — что въ наши годы есть потребности, требующія расходовъ, что я стою въ такомъ положеніи, что... Ну, ты самъ знаешь, что нужно сказать... Я, право, не умѣю, чтобъ учить тебя...

Digitized by Google

— Признаюсь тебѣ, мнѣ очень тяжело исполнить твое порученіе,—сказалъ Орловъ.

— Ахъ, мнѣ, можетъ-быть, еще тяжелѣе просить объ этомъ тебя!—сорвалось съ языка князя.

— Твой отецъ не изъ тѣхъ людей, которые допускаютъ вмѣшательство постороннихъ въ свои семейныя дѣла,—продолжалъ Орловъ. — Онъ разсердится не только на меня, но и на тебя за то, что ты обратился къ посреднику... Это совсѣмъ безтактно... Неужели твоя мать не могла этого сдѣлать сама?

— О, развѣ ты не знаешь положенія maman!—воскликнулъ князь. — Отецъ такъ холоденъ съ ней, она такъ несчастна, что ей было бы страшно тяжело хлопотать обо мнѣ въ этомъ дѣлѣ... Они совсѣмъ чужіе другъ другу...

Орловъ колебался.

— Да ну же, рѣшайся скорѣе!—вдругъ съ лаской и чуть не со слезами сказалъ князь. — Вѣдь тутъ замѣшана моя честь. Пойми ты это! Это — не прихоть, клянусь тебѣ. Ну, я зарвался, дѣйствовалъ очертя голову. Но нельзя же позорить меня ради этого. Конечно, ему все равно, опозорю я себя или нѣтъ, но вѣдь тутъ все же наша фамилія будетъ замѣшана... Мнѣ нужны деньги сегодня же или завтра утромъ, нужны до зарѣзу! Вѣдь ты выхлопочешь, да?

Онъ вдругъ бросился Орлову на шею.

— Я знаю, что я дурно дѣлаю, я знаю!—говорилъ онъ, обнимая его.—Но нельзя же меня губить за это... Ну, ты поругай меня, поругай, какъ хочешь, а все же сдѣлай, во имя нашей дружбы. Или ты сердишься на меня? Я въ послѣднее время какъ будто отстранился отъ тебя, но не думай, чтобъ я разлюбилъ или забылъ тебя. Нѣтъ, голубчикъ, нѣтъ... У меня на душѣ...

Онъ неожиданно оборвалъ рѣчь и вдругъ расхохотался громкимъ, натянутымъ смѣхомъ.

— Теперь чередъ любви, и потому дружба немного отодвинута на второй планъ. Это чисто физіологическія причины. Ничего не подѣлаешь... Я же такой пустой человѣкъ.

Орловъ пожалъ плечами и коротко отвѣтилъ:

— Я попытаюсь.

— Смотри, теперь же,—дѣло не терпитъ отлагательства.

— Хорошо, хорошо.

Орловъ оставилъ своего друга и направился въ кабинетъ стараго князя, сознавая, на какой рискованный шагъ онъ рѣшается. Его лицо было блѣдно, глаза немного потемнѣли,

Digitized by Google

выраженіе лица было тревожное. Онъ не зналъ, какъ деликатнѣе приступить къ дѣлу. Впервые онъ почувствовалъ то разстояніе, которое отдѣляетъ его отъ князя. При первомъ его словѣ князь могъ указать ему на его настоящее мѣсто. Князь, сидѣвшій у письменнаго стола, ласково протянулъ ему руку и по обыкновенію взглянулъ на него.

— Что-нибудь случилось?—спросилъ онъ тревожно, пораженный выраженіемъ его лица.

Орловъ не вдругъ собрался съ духомъ, зная, что его слова будутъ прежде всего тяжелы для старика, огорчатъ его. Наконецъ, онъ отвѣтилъ:

— У Александра случилась маленькая непріятность, Александръ Владиміровичъ,—онъ немного запутался въ денежныхъ дѣлахъ.

Князь нахмурилъ брови и ничего не отвѣтилъ. Орлову стало еще тяжелѣе продолжать начатый разговоръ.

— Ему надо помочь, если возможно. Это, кажется, слишкомъ тяжело отзовется на немъ, если его не выручить, такъ какъ тутъ идетъ вопросъ о чести,—продолжалъ онъ.

Орловъ говорилъ взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ, хотя онъ со своей точки зрѣнія далеко не вполнѣ сознавалъ все значеніе своего вмѣшательства въ дѣла этихъ отца и сына. Въ его кругу подобное вмѣшательство имѣло бы далеко не такое значеніе, какъ тутъ. Князь всталъ и заходилъ по комнатѣ. Выраженіе его лица сразу измѣнилось, сдѣлалось невообразимо холоднымъ и надменнымъ, почти отталкивающимъ.

— Это онъ прислалъ тебя посредникомъ?—спросилъ онъ отрывисто.

Орловъ не хотѣлъ ни изворачиваться, ни лгать и отвѣтилъ прямо:

— Да.

Князь передернулъ съ негодованіемъ плечами.

— Громоотводъ выставляетъ, прячется за чужую спину, чтобы первый гнѣвъ стразился на другомъ, — сказалъ онъ желчно.

— Ну, послѣдняго я не думаю,—сказалъ Орловъ.—Онъ просто труситъ, какъ ребенокъ.

— Не ребенокъ, а натура трусливаго зайца, — сказалъ князь съ презрѣніемъ и наставительнымъ, почти суровымъ тономъ прибавилъ:—но, признаюсь, я не понимаю и тебя, какъ ты взялся, какъ ты могъ взяться за это порученіе. Ты — не ребенокъ, ты не глупъ и долженъ понимать все

Digitized by Google

значеніе подобнаго вмѣшательства въ чужія дѣла. Или ты думаешь, что я не откажу тебѣ, если ты станешь просить за него,—откажу ему, но не откажу *тебѣ?*

Князь произнесъ послѣднія слова съ сильнымъ удареніемъ.

— Что за мысль! Онъ мнѣ сынъ, а ты...

Князь не кончилъ и оборвалъ начатую фразу.

— О, я вовсе этого не думалъ! — горячо воскликнулъ Орловъ. — Не можете же вы любить меня больше сына. Я просто являюсь изъ двухъ школьниковъ болѣе храбрымъ: одинъ нашалилъ, а другой идетъ выгораживать его — вотъ и все. Я самъ вызвался, когда онъ сказалъ мнѣ...

— Не лги на себя и не выгораживай его. Ты самъ сказалъ, что онъ просилъ!—перебилъ его князь.

— Ну да, онъ просилъ, я предложилъ услуги, не думая о дурныхъ послѣдствіяхъ. Если бы вы были менѣе добры ко мнѣ, если бы вы меня не пріучили съ дѣтства смотрѣть на васъ, какъ на родного, какъ на отца, — повѣрьте мнѣ, я никогда не осмѣлился бы явиться къ вамъ, князь, съ такимъ порученіемъ. Если я ошибся въ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ, простите мнѣ эту ошибку и не считайте моей выходки за дерзость. Это только опрометчивость, не болѣе.

Въ голосѣ Орлова прозвучали какія-то новыя нотки вѣжливой холодности, сдержанной гордости. Онъ взялъ принесенный имъ портфель, вынулъ изъ него бумаги и письма, переписанныя и составленныя имъ дома, и, подавляя волненіе, сухимъ, немного невѣрнымъ тономъ сказалъ:

— Я, князь, написалъ все, что было нужно. Вы желали дать мнѣ на сегодня для провѣрки два отчета вашего управляющаго изъ Осиновки и Льговки. Могу я ихъ взять?

Князь посмотрѣлъ на него пристально.

— Ты это, что же, хочешь разыграть роль обиженнаго и оскорбленнаго?—спросилъ онъ насмѣшливо.

Орловъ сдѣлался еще блѣднѣе. Насмѣшка стараго барина кольнула его въ самое сердце.

— Я, князь, не желаю играть никакой роли,—съ достоинствомъ отвѣтилъ онъ.—Я всегда былъ и буду тѣмъ, что я есть! Я немножко взволнованъ, но ужъ, конечно, въ этомъ виноваты не вы, а я самъ. Вы совершенно правы, что я не имѣлъ никакого права брать на себя неподходящихъ порученій и фамильярничать тамъ, гдѣ...

Онъ не кончилъ фразы.

— Гдѣ что?—сухо спросилъ князь.

— Гдѣ будутъ меня терпѣть, конечно, только до тѣхъ

Digitized by Google

поръ, покамѣстъ я буду умѣть держать себя въ указанныхъ мнѣ моимъ положеніемъ границахъ,—ровнымъ голосомъ сказалъ Орловъ.

Князь не спускалъ съ него глазъ, и его лицо теперь слегка озарилось усмѣшкой взрослаго человѣка, смотрящаго на разсердившагося ребенка.

— А мы съ душкомъ!—проговорилъ онъ.—Съ норовомъ...

— Это понемногу, Богъ дастъ, удастся вырвать съ корнемъ,—отвѣтилъ Орловъ.—Я извиняюсь еще и еще разъ и прошу васъ не вспоминать объ этомъ печальномъ для меня обстоятельствѣ.

Онъ сѣлъ на свое обычное мѣсто и, не поднимая глазъ отъ бумагъ, принялся за дѣло. Въ его головѣ былъ какой-то хаосъ; онъ чувствовалъ, что въ эту минуту онъ какъ будто поставилъ на карту свои будущія отношенія къ князю. Или онъ сдѣлается простымъ работникомъ у князя, или онъ завоюетъ себѣ право быть вполнѣ своимъ человѣкомъ у старика. Онъ самъ не понималъ, какъ все это приняло такой оборотъ, какъ онъ вспылилъ, сказалъ больше, чѣмъ слѣдовало. Но онъ не раскаивался. Въ его душѣ была только горечь, и ему вдругъ вспомнилось, что вотъ съ Лампадовымъ у него не вышло бы никогда такой сцены; съ тѣмъ онъ имѣлъ больше правъ быть вполнѣ самимъ собою, тогда какъ здѣсь нужно быть на-сторожѣ, носить маску, глубже обдумывать каждый свой шагъ. А что если порвутся навсегда его прежнія отношенія къ князю? «Ну, и пусть, и пусть порвутся! Не пропаду я и безъ него»,—думалъ онъ, и въ то же время ему думалось, что, можетъ-быть, эти отношенія станутъ теперь еще прочнѣе. Онъ работалъ, хотя его чуть не била лихорадка. Князь продолжалъ ходить по кабинету. Его шаги становились медленнѣе и ровнѣе. На его лицѣ разглаживались морщины. Наконецъ, онъ подошелъ къ Орлову и, закрывъ рукою лежавшія передъ нимъ бумаги, сказалъ:

— Брось, ты все равно ничего не поймешь въ нихъ теперь.

Эта фраза была произнесена спокойнымъ, добродушнымъ тономъ.

Орловъ поднялся съ мѣста.

— Ты правъ, я тебя обидѣлъ,—продолжалъ князь и, обнявъ его за талію одною рукой, снова началъ ходить по кабинету уже вмѣстѣ съ нимъ.—Ты имѣлъ полное право не считать себя чужимъ и не подозрѣвать такихъ глупостей,

Digitized by Google

какъ неприличіе вмѣшательства въ дѣла мои и Александра. Да, ты у насъ свой...

Онъ вдругъ улыбнулся и шутливо спросилъ:

— Прикажешь еще извиниться?

Орловъ только прижалъ локтемъ руку князя, охватившую его талію.

Князь ласково улыбнулся.

— Сколько у него долгу?—спросилъ онъ.

Орловъ сказалъ, что онъ справится.

— Хорошо, послѣ! Я, конечно, заплачу,—сказалъ князь.— Но скажи ему, что я очень-очень недоволенъ имъ. Что онъ кутитъ — это еще не бѣда. Кутятъ, къ несчастью, всѣ, подобные ему. Но скверно то, что онъ только кутитъ. Кутили и мы, но мы и людьми были, у насъ было и что-нибудь святое, завѣтное, ради чего эти кутежи часто отходили на послѣдній планъ, когда было нужно. А они...

Князь безнадежно махнулъ рукой.

— Мнѣ съ нимъ объясняться нечего,—продолжалъ онъ.— Я уже мѣсяцъ тому назадъ говорилъ съ нимъ, но мы говоримъ на разныхъ языкахъ и не понимаемъ другъ друга... вотъ какъ ты у себя въ семьѣ... Впрочемъ, онъ, я думаю, и никого не понимаетъ, кромѣ своихъ милыхъ пріятелей. Онъ, кажется, даже съ тобою совершенно разошелся?

— О, онъ вполнѣ искренно любитъ меня,—отвѣтилъ Орловъ.

— Да, да, онъ любитъ тебя; онъ вѣдь весь міръ любитъ!— сказалъ съ горечью князь. — А любить весь міръ, значитъ, не любить никого.

— Право, Александръ Владиміровичъ, онъ добрый, — вступился Орловъ за друга.

— Ему лѣнь быть злымъ, — отвѣтилъ князь. — Это еще далеко не доброта... Ну, да что-жъ тутъ толковать! Натуры человѣка не передѣлаешь: родился горбатымъ, горбатымъ и умретъ. Для такихъ, какъ онъ, только и есть одно средство: надѣть на нихъ узду и сдерживать ихъ хотя отъ нѣкоторыхъ глупостей, если нельзя ихъ сдѣлать умными.

Орлова страшно поражало одно обстоятельство: князь говорилъ о сынѣ, какъ о чужомъ, равнодушно, спокойно, холодно. Онъ скоро перешелъ къ другой темѣ, какъ будто спѣша покончить неинтересный разговоръ, и сталъ говорить о дѣлахъ.

Орлова изумляли эти отношенія старика Русова къ его женѣ и къ сыну. Княгиня была, несмотря на свои годы, хороша собою, она была добра и привѣтлива, она была та-

Digitized by Google

кимъ живымъ и веселымъ существомъ, а между тѣмъ князь измѣнялъ ей, содержалъ любовницу, былъ холоденъ и даже невнимателенъ съ женою. Князь также холодно относился и къ сыну, мало обращая на него вниманія, иногда раздражаясь слабыми сторонами юноши, порой относясь къ нему почти несправедливо и придирчиво. И между тѣмъ этотъ же князь былъ безупречно честнымъ человѣкомъ, былъ снисходителенъ и добръ съ посторонними и былъ способенъ на такую искреннюю привязанность и нѣжность, какую онъ оказывалъ Орлову. Орловъ сознавалъ, что только любящій отецъ могъ няньчиться такъ со своимъ сыномъ, какъ нянчился съ нимъ этотъ важный старикъ. Какъ объяснить эти противорѣчія? Гдѣ найти ключъ къ разгадкѣ этой тайны человѣческаго сердца? Орловъ не могъ рѣшить этого вопроса и чувствовалъ только глубокое сожалѣніе и къ княгинѣ, и къ Александру Русову, видя, какъ холодно относится къ нимъ этотъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ.

Но останавливаться на этихъ вопросахъ не было ни охоты, ни времени. Всѣ эти мелкія огорченія и радости частной жизни уходили какъ-то сами собою на послѣдній планъ, заслоняемыя иными интересами, иными событіями. Послѣдняя книжка журнала, новая, ходившая по рукамъ, записка о положеніи крестьянъ, первая напечатанная за границей статья Герцена о Россіи, Богъ знаетъ кѣмъ и какъ завезенная въ Россію, собраніе товарищей у кого-нибудь изъ студентовъ, страстные споры вкривь и вкось объ общественныхъ дѣлахъ, все еще хранившихся покуда по большей части въ глубокой тайнѣ, толки о женскомъ вопросѣ, о равноправности женщинъ съ мужчинами—все это занимало гораздо больше молодой умъ, волновало сильнѣе молодую кровь, чѣмъ размышленія о томъ, почему въ той или другой семьѣ идетъ разладъ, почему на ту или другую личность обрушились будничныя невзгоды. Орлова не особенно волновало даже событіе, касавшееся прямо его семьи. Это событіе — отставка его отца.

Въ одинъ прекрасный день молодой человѣкъ засталъ всю семью въ слезахъ.

Леша отозвалъ его въ сторону и таинственно сообщилъ ему:

— Дядю по шапкѣ... По шапкѣ дядю, а тетя плачетъ, горько плачетъ... Аннушка тоже плачетъ.

— Какъ по шапкѣ?—спросилъ Митя, ничего не понимая.

— Такъ по шапкѣ... погнали со службы. Ѳедоръ Гаври-

Digitized by Google

лычъ пришелъ и далъ ему по шапкѣ. «Убирайся, говоритъ, старый хрѣнъ...» Дядя и убѣжалъ, а тетя — ну, плакать... ну, плакать...

Орловъ началъ разспрашивать мать, и она, рыдая, отвѣтила ему:

— За штатомъ, за штатомъ отца оставили!.. Вотъ служилъ, служилъ и выслужилъ... Новое начальство назначили, такъ старыхъ служакъ и погнали... Это за службу-то, въ благодарность-то...

Молодой человѣкъ сталъ утѣшать старушку.

— Что-жъ, отцу пора и отдохнуть, — сказалъ онъ. — Довольно послужилъ. Нельзя же вѣчно тянуть лямку.

— Да чѣмъ мы жить-то будемъ, чѣмъ жить будемъ? — восклицала Марья Ѳедоровна.

— Ну, мама, вѣдь кое-что скоплено, пенсія небольшая будетъ... Наконецъ, я теперь въ состояніи поддерживать васъ. Вы знаете, какъ князь щедро платитъ...

— Да это такъ, такъ, голубчикъ, а только за что же, за что обидѣли-то.

— Теперь нужны молодые чиновники, — сорвалось съ языка сына.

— Молодые,—съ негодованіемъ повторила мать.—Что-жъ, молодые-то лучше будутъ? Звѣздъ съ неба нахватали! Такъ ужъ лучше бы старыхъ-то прямо въ мѣшокъ, да въ воду! Легче бы было, легче бы! А то теперь осрамили. Безъ прошенія такъ прямо взяли да и вышвырнули. Да что люди-то будутъ говорить? Кто повѣритъ, что стараго человѣка, служившаго вѣрой и правдой, безъ вины отставили? Вонъ и то ужъ толкуютъ, что за взятки...

— Ну, что вамъ за дѣло, что будутъ говорить,—сказалъ нетерпѣливо Орловъ. — И говорить-то никто ничего не будетъ, потому не одного отца за штатомъ оставили, а вездѣ сокращаютъ штаты и старыхъ чиновниковъ новыми замѣняютъ.

— Ахъ, Митя, Митя, отца-то видно тебѣ не жаль! Или чужой онъ тебѣ?—не воздержалась и упрекнула сына Марья Ѳедоровна.—Онъ вотъ съ горя-то не въ своемъ видѣ пришелъ, разливается, плачетъ, такъ въ слезахъ и заснулъ. Конечно, тебѣ что? Ты—отрѣзанный ломоть!

Орловъ поблѣднѣлъ и сдержанно проговорилъ:

— Если-бъ отрѣзанный ломоть былъ, такъ не былъ бы здѣсь. Грѣхъ вамъ, мама, это говорить! И говорите вы это потому, что надо же на комъ-нибудь сорвать сердце. Одного

Digitized by Google

вы только, мама, не разсчитываете, что не весело вашимъ близкимъ, когда вы сегодня на мнѣ, завтра на сестрѣ, послѣзавтра на отцѣ срываете свое сердце. Тутъ поневолѣ убѣжишь изъ дому, станешь отрѣзаннымъ ломтемъ...

Марья Ѳедоровна вдругъ притихла, вдругъ принизилась.

— Знаю, знаю, голубчикъ, все знаю! — тихо заплакала она. — Сама не рада, сама не рада, что характеръ такой проклятый сталъ!.. Иногда, кажется, на свѣтъ не смотрѣла бы, въ могилу бы легла... Да, живется-то не легко, — охъ, какъ не легко! Тоже не отъ радости состарилась...

Она дѣйствительно была неузнаваема: похудѣла, пожелтѣла, сморщилась. Она все чаще и чаще жаловалась на біеніе сердца и одышку.

— А кому же легко-то? — тихо проговорилъ Орловъ со вздохомъ.

— Знаю, что всѣмъ не легко, всѣмъ жизнь-то каторга, да отъ знатья-то этого не легче, — продолжала плакать Орлова.

— Полноте, родная!.. Не думайте вы, кто что говоритъ будетъ; живите себѣ, какъ самимъ хочется, и все будетъ хорошо... Денегъ хватитъ,—ну, и слава Богу!..

— Да на шеѣ-то твоей не хочется сидѣть, твой-то вѣкъ заѣдать не сладко...

— Полноте! Считаться, что ли, еще грошами начнемъ?

Молодой человѣкъ поцѣловалъ мать, сказалъ еще какую-то успокаивающую фразу и ушелъ въ свою комнату. Ему было тяжело. Онъ долго въ волненіи ходилъ у себя, и странныя чувства поднимались въ его душѣ. Ему было вовсе не жаль отца за то, что тотъ потерялъ мѣсто; онъ даже почти радовался, что начали, наконецъ, хотя выметать всѣ эти старые канцелярскіе притоны,—можетъ-быть, новая метла будетъ лучше мести. Но среди этихъ размышленій его точно грызла мысль о томъ, что онъ какъ будто охладѣлъ къ семьѣ, сдѣлавшей для него все, что она могла сдѣлать. Однако, онъ помогалъ теперь этой семьѣ, онъ готовъ былъ отдать ей послѣдній грошъ,—значитъ, все-таки онъ любилъ ее? — Да. Но не была ли эта готовность помогать семьѣ просто слѣдствіемъ сознанія своего долга, слѣдствіемъ разсудочной благодарности, наконецъ, слѣдствіемъ гордаго желанія, чтобъ его близкіе не нуждались въ чужой помощи?.. Безпредѣльной любви тутъ уже не было, не было той любви, которая рыдаетъ надъ страдающимъ человѣкомъ, хотя бы его страданіемъ былъ спасенъ весь міръ. Но вѣдь именно

Digitized by Google

эта-то любовь—слѣпая, животная, безумная—и приводила къ тысячамъ бѣдствій общество: отецъ семейства грабилъ чужихъ людей ради своихъ любимыхъ дѣтей; мать готова была заморить голодомъ, обобрать постороннихъ дѣтей ради спасенія своего дѣтища; дѣти дѣлали всякія безобразія, если эти безобразія были угодны ихъ родителямъ. Не нужно ли освобождаться отъ этой любви, какъ отъ порока? И все-таки какая-то тупая боль была въ его сердцѣ. Въ немъ какъ будто боролись два чувства, два существа; внутри происходила какая-то мучительная ломка, точно разсудокъ и сердце вступили въ борьбу между собою и не могли одержать другъ надъ другомъ побѣды. Ему вдругъ вспомнились тѣ римскія и греческія матери-патріотки, которыя отправляли, какъ на пиръ, на борьбу за родину своихъ сыновей и плакали не тогда, когда ихъ дѣти падали за родину, а тогда, когда ихъ дѣти убѣгали живыми съ поля сраженія, не рѣшившись биться до конца. Ему вспоминалось стихотвореніе Гейне: «Что мнѣ жена, что дѣти мнѣ, когда императоръ въ плѣну!» Еще одинъ образъ промелькнулъ передъ нимъ, чистый образъ Христа, говорившаго, что Ему мать, сестры и братья только тѣ, кто идетъ по Его стопамъ, раздѣляетъ Его убѣжденія. Орловъ точно хотѣлъ оправдаться въ чемъ-то передъ самимъ собою, передъ тѣми воззрѣніями, которыя прививали ему съ дѣтства. Эта ломка происходила въ его душѣ въ эти памятные дни уже не въ первый и, можетъ-быть, не въ послѣдній разъ.

Но волны житейскаго моря шумѣли кругомъ все сильнѣе, и сильнѣе и рыться много въ своей душѣ было некогда. Изъ дома опять потянуло къ товарищамъ или къ работѣ, отъ размышленій о своей семьѣ тянуло къ вопросамъ дня.

II.

— Чего они ждутъ? Чего они секретничаютъ?

Эту фразу все чаще и чаще повторялъ князь Русовъ, все болѣе и болѣе рѣзко говорившій объ общественныхъ дѣлахъ. Слѣдя изо дня въ день за его настроеніемъ, не трудно было замѣтить, какъ онъ отъ самыхъ яркихъ и смѣлыхъ надеждъ постепенно дошелъ до самыхъ мрачныхъ и боязливыхъ опасеній.

Это настроеніе начинало охватывать уже не одного его.

— Засѣдаютъ, толкуютъ, ничего не рѣшаютъ и все ограничивается покуда замѣной стараго титулярнаго совѣтника новымъ титулярнымъ совѣтникомъ, — говорилъ онъ какъ-то

Digitized by Google

сидѣвшему въ его кабинетѣ Лампадову. — Хотятъ, вѣрно, чтобы снизу началось? Броженія теперь не остановишь. О крестьянскомъ вопросѣ говорятъ всѣ, и никакими канцелярскими усиліями не сдѣлаешь его секретнымъ. Устроили секретный комитетъ, а о немъ чуть не на площадяхъ толкуютъ.

— Еще бы! — съ усмѣшкой замѣтилъ старикъ. — Достаточно, чтобы двѣ-три барыни знали, что ихъ мужья ѣздятъ въ этотъ секретный комитетъ, и объ этомъ заговоритъ весь городъ. Да, наконецъ, этого и отъ какихъ-нибудь лакеевъ и камердинеровъ не скроешь, а они секретничать не станутъ.

— И кто въ комитетѣ засѣдаетъ,—сказалъ князь.—Вѣдь повѣрить трудно, что туда избраны такіе люди! Одинъ непопулярнѣе другого.

Онъ съ иронической улыбкой перечислилъ нѣсколько именъ.

— Почти всѣ люди враждебные дѣлу, — сказалъ Лампадовъ.

— Да, къ несчастію!.. И знаешь ли, кого эти господа боятся? Вотъ ихъ, — князь указалъ головой на Орлова:— профессоровъ и студентовъ. Это—фактъ!

Князь презрительно передернулъ плечами и передалъ ходившіе тогда въ городѣ слухи о томъ, что одинъ изъ членовъ секретнаго комитета, занимавшагося крестьянскимъ вопросомъ, говоря о недопущеніи въ печать статей о крѣпостномъ состояніи, замѣтилъ, что писать будутъ не помѣщики, а профессора и студенты.

— Да они тамъ почти всѣ противъ гласности въ этомъ дѣлѣ,—замѣтилъ князь.—Ну, что-жъ, и дождутся того, что ужъ не гласность, а воззванія будутъ появляться въ вольной русской типографіи. Вотъ починъ сдѣланъ.

Онъ указалъ на одну изъ брошюръ Герцена, пророча, что это дѣло разрастется, что нужно скорѣе начать все сверху, чтобы не дать ничему возможности начаться снизу.

— Обществу, чтобъ оно успокоилось, прежде всего нужна теперь ясная и опредѣленная программа будущей дѣятельности, — продолжалъ Русовъ. — Оно должно теперь твердо убѣдиться, что все пойдетъ не по-старому, а по-новому, и должно знать, какъ пойдетъ по-новому. Безъ этого, безъ ясной и опредѣленной программы, будетъ только расти смута, а горючаго матеріала накопилось уже довольно.

Князь въ послѣднее время часто раздражался и дѣлался все болѣе и болѣе желчнымъ. Орловъ очень хорошо пони-

Digitized by Google

малъ его настроеніе, потому что и въ его товарищескомъ кругу начинали смутно бродить тѣ же тревожные толки о проволочкахъ, о замедленіяхъ, объ откладываніяхъ по дѣлу одного изъ главнѣйшихъ вопросовъ. Недовольные этою нерѣшительностью не хотѣли и не могли принимать во вниманіе того, какая масса враговъ была противъ освобожденія крестьянъ, какъ трудно было совершить это дѣло разомъ, какая подпольная борьба велась противъ приверженцевъ предстоящей реформы.

Но недовольные проволочками составляли все-таки относительно небольшія группы людей среди безпечно ликующихъ и веселящихся гражданъ, вздохнувшихъ свободнѣе при вѣстяхъ о мирѣ, отпраздновавшихъ шумно дни коронаціи, отдавшихся снова театрамъ, клубамъ, баламъ, благотворительнымъ концертамъ и лотереямъ. Всѣ эти развлеченія и увеселенія теперь точно съ неба посыпались послѣ долгаго траура и продолжительной скуки. Люди, съ жадностью проголодавшихся, отдались возможности повеселиться, поразнообразить свою жизнь. Въ числѣ этихъ ликующихъ была и княгиня Русова.

Никогда еще не занималась княгиня такъ дѣятельно и оживленно благотворительностью съ музыкой, какъ теперь. Она, подобно сотнямъ другихъ такихъ же барынь, порхала и носилась вездѣ и всюду со своими аллегри, со своими концертами, со своими домашними спектаклями, сдѣлавшимися самыми модными развлеченіями. Присматриваясь теперь поближе къ ней, можно было замѣтить, что она точно ловитъ послѣдніе свѣтлые дни своей молодости и красоты, стоя на рубежѣ сорокалѣтняго возраста, этого страшнаго бабьяго вѣка. Живая по натурѣ, кокетливая, потому что ей вѣчно пѣли диѳирамбы, легкомысленная, потому что ей всегда жилось легко, она была добра и привѣтлива. Ея подвижная натура не давала ей покоя, требовала дѣятельности, но этой дѣятельности не было: не за хозяйствомъ же смотрѣть женщинѣ, имѣющей сотни тысячъ годового дохода, не дѣтей же воспитывать, когда на это есть гувернеры и гувернантки. Она отдалась благотворительности, какъ дѣти отдаются игрушкамъ и играмъ. Ее занимали засѣданія комитетовъ, разъѣзды по бѣднымъ, безконечная дѣловая переписка, благотворительные концерты, елки, балы, аллегри. Она очень любила говорить о своей усталости отъ всѣхъ этихъ хлопотъ и сознавать, что она точно устаетъ. А тысячи мелкихъ столкновеній, мелкихъ интригъ, мелкихъ романовъ и похо-

Digitized by Google

жденій, все это таинственное и запретное такъ сладко волновало и возбуждало ее. Но годы брали свое, ее начинали заслонять новыя красавицы, новыя звѣзды первой величины, и она какъ-то лихорадочно старалась отогнать отъ себя мысль, что она скоро должна сойти со сцены и начать вывозить въ свѣтъ своихъ дочерей: княжны Ольга и Софья Русовы были уже не дѣвочками. Правда, княгиню еще окружали поклонники, но эти поклонники были теперь все больше юноши, едва начинающіе жить и увлекающіеся нерѣдко женщинами именно тѣхъ лѣтъ, какихъ была княгиня. Среди этихъ поклонниковъ былъ одинъ, пробуждавшій въ ней странное чувство, — пробуждавшій уже давно, чуть не съ дѣтства. Это былъ Митя Орловъ. Онъ все попрежнему благоговѣлъ передъ нею, но годы и опытность научили его быть сдержаннѣе, рѣже высказываться, рѣже смущать ее страстными взглядами. Онъ даже и встрѣчался съ нею рѣже, и она шутливо замѣчала, что мужъ похитилъ его у нея. Но это не мѣшало ей иногда давать ему порученія по части благотворительности, приглашать его въ распорядители на великосвѣтскихъ концертахъ и въ домашнихъ спектакляхъ наравнѣ съ цѣлой массой правовѣдовъ, лицеистовъ и тому подобной молодежи, толкавшейся въ кругу дамъ-благотворительницъ.

— Ты, Митя, ужасный дикарь!—говорила она ему смѣясь.—Нельзя же вѣчно возиться съ этими скучными бумагами и не пользоваться молодостью.

Она спрашивала, сколько ему лѣтъ. «Двадцать первый годъ? Боже мой, какъ время летитъ! Давно ли онъ былъ ребенкомъ девяти лѣтъ? А теперь... теперь онъ такъ выросъ, возмужалъ». Она всматривалась въ него и снова не могла дать себѣ отчета: дуренъ ли онъ, или поразительно хорошъ собою. «Нѣтъ, онъ просто красавецъ!»—рѣшила она, всматриваясь въ эти выразительные, измѣнчивые и глубокіе глаза, въ это нервное и подвижное лицо съ темными бровями, съ мягкими свѣтлыми волосами, съ капризнымъ вихромъ на лбу. Казалось, въ каждой чертѣ этого лица дышала нервность, страстность, возбужденность.

— Ты, Митя, могъ бы быть превосходнымъ актеромъ,— сказала она ему разъ.—Твое лицо говоритъ безъ словъ.

— Не думаю. Я притворяться не умѣю и сыгралъ бы только самого себя,—отвѣтилъ онъ.

— А Чацкаго?—спросила она мелькомъ.

Digitized by Google

— Чацкаго?.. Да, можетъ-быть, Чацкаго сыгралъ бы,— отвѣтилъ онъ.

— Ну, и прекрасно, и прекрасно!—обрадовалась она.— Я ловлю тебя на словѣ и будешь играть.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога!—воскликнулъ онъ.—Я струшу, растеряюсь и убѣгу со сцены. Я вовсе не желаю потѣшать вашихъ дамъ своимъ бѣгствомъ.

— Не принимаю никакихъ отговорокъ, не слушаю ничего, и ты будешь играть для моихъ бѣдныхъ!—сказала она.—А мы впередъ разгласимъ, что у насъ будетъ лучшій Чацкій, какого когда-нибудь видѣлъ Петербургъ, что мы открыли генія!..

— И этого Чацкаго ошикаютъ и освищутъ.

— Пожалуйста, не выдумывай! Во-первыхъ, шикать и свистать у насъ не принято, а во-вторыхъ, — ты будешь восхитителенъ...

Она смѣялась и радовалась новой затѣѣ. Ей предстояло еще одно развлеченіе: устроить новый спектакль и вывести на сцену новаго артиста. У княгини все дѣлалось быстро, по щучьему велѣнью, безъ отлагательствъ и безъ отговорокъ. Орловъ былъ смущенъ, узнавъ, что княгиня серьезно хочетъ устроить спектакль съ нимъ, и даже не могъ удержаться, чтобы не пожаловаться шутливо князю.

— Помилуйте, вѣдь я ступить не умѣю на сценѣ!—говорилъ онъ.

— Ну да, а онѣ, барыни эти, понимаютъ что-нибудь?— съ улыбкой сказалъ князь. — Смазливое личико, горячая рѣчь, красивая фигура,—ну, и будутъ аплодировать.

— Нѣтъ, это предательство со стороны Марьи Львовны,— говорилъ Орловъ.

— Ну, да уже теперь поздно отказываться! — сказалъ князь. — Надо было прежде спасаться отъ этихъ барынь. Впрочемъ, что-жъ, нынче вошло въ моду комедіи разыгрывать,—и на сценѣ, и въ жизни только и дѣлаютъ, что комедію разыгрываютъ...

Орлову волей-неволей приходилось принять участіе въ домашнемъ спектаклѣ. Это его немало смущало. Въ домѣ княгини между тѣмъ пошли репетиціи, въ режиссеры былъ приглашенъ одинъ изъ выдающихся артистовъ императорскихъ театровъ, роль Софьи взяла на себя одна изъ знаменитостей, сошедшихъ со сцены, Фамусова игралъ одинъ изъ важныхъ любителей сценическаго искусства. Отъ спектакля ждали очень многаго и приготовлялись къ нему тща-

Digitized by Google

тельно. Собственно составъ актеровъ очень мало интересовалъ публику, но всѣхъ занималъ составъ зрителей, блестящій балъ послѣ спектакля, выписываемые изъ-за границы наряды. Княгиня же заботилась, главнымъ образомъ, о спектаклѣ. Она впередъ разсказывала всѣмъ, что ничего подобнаго никто не видалъ, что одни танцы въ третьемъ дѣйствіи приведутъ всѣхъ въ восторгъ, такъ какъ танцовать будутъ первыя великосвѣтскія красавицы, и танцы будутъ аганжированы извѣстнымъ балетмейстеромъ. Всѣ волновались и ждали съ нетерпѣніемъ назначеннаго вечера. Орловъ готовъ былъ провалиться сквозь землю, серьезно опасаясь, что онъ сбѣжитъ со сцены, и мысленно ругалъ себя за то, что онъ согласился играть. Репетиціи шли довольно плохо. Софья и Лиза капризничали нестерпимо. Артистка, игравшая Софью, читала небрежно давно знакомую ей роль. Лиза будировала за то, что ей нужно явиться съ гладко причесанной головой и въ простенькомъ платьѣ. Фамусовъ, пожилой и чванный баринъ, не обращалъ никакого вниманія на режиссера и относился къ Орлову свысока, едва дѣлая реплики. Орловъ конфузился и отличался только знаніемъ роли, читая ее, какъ урокъ. Режиссеръ, повидимому, вовсе не заботился о немъ и увивался около остальныхъ артистовъ, хорошо знакомыхъ ему въ качествѣ меценатовъ.

Наконецъ, назначенный день насталъ. Въ домѣ князя съѣхались сливки петербургскаго общества. Самъ этотъ домъ былъ неузнаваемъ: онъ точно обновился, точно въ немъ прибавилось цвѣтовъ и зеркалъ. Онъ весь сіялъ и блестѣлъ. Наконецъ, движеніе зрителей начало стихать, на хорахъ послышались звуки музыки, потомъ она стихла и передъ публикой поднялся занавѣсъ; раздались за сценой звуки флейты и фортепіано; красивая плутовка Лиза, заснувшая въ креслѣ, очнулась... Пьеса началась.

— Вамъ, вамъ выходить!—послышался шопотъ надъ ухомъ Орлова, и онъ быстрою, неровною походкой вышелъ на сцену.

Его сразу ослѣпилъ блескъ зрительной залы; передъ глазами мелькнули сотни незнакомыхъ и знакомыхъ лицъ, блестящихъ дамскихъ туалетовъ, военныхъ и статскихъ мундировъ; потомъ все точно исчезло въ туманѣ: ему казалось, что ему дѣлается дурно; въ его умѣ мелькнула мысль о томъ, какъ расхохочутся всѣ эти господа, если онъ вдругъ упадетъ въ обморокъ,—онъ, какой-то студентъ Орловъ, сконфузившійся передъ ихъ сіятельствами. Все это какъ-то мо-

Digitized by Google

ментально пронеслось въ его головѣ, когда онъ началъ нервно неумѣло свой монологъ. Но это замѣшательство продолжалось двѣ-три минуты и нервная желчная фраза Чацкаго вдругъ зазвучала какой-то ѣдкой иронической ноткой, точно зловѣщее шипѣнье. Съ лицъ зрителей сбѣжали улыбки, невольно набѣжавшіе на нихъ при первыхъ, едва слышныхъ фразахъ Чацкаго. Всѣ вслушивались теперь въ каждое его слово, въ каждый его звукъ и не спускали съ него глазъ, какъ будто стараясь убѣдиться, точно ли потемнѣли его глаза, дѣйствительно ли блѣднѣло и краснѣло его лицо, или это оптическій обманъ. Его голосъ становился все свободнѣе и свободнѣе, все громче и громче. И вдругъ, когда Софья проговорила про него: «не человѣкъ, змѣя!» — въ первомъ ряду креселъ тихо, но отчетливо раздалось:

— Браво, бра-во!

Всѣ слегка обернули въ этомъ направленіи головы и увидали старика-генерала, съ серьезнымъ лицомъ знатока, слѣдившаго за артистомъ. Тихій шопотъ одобренія вдругъ сталъ перебегать по залѣ, какъ будто всѣ только и ждали этого сигнала одобренія. Какая-то старуха въ первомъ ряду креселъ спрашивала уже свою сосѣдку:

— Кто это?

— Орловъ.

— Графъ Орловъ?

— Нѣтъ.

— Я его никогда не встрѣчала.

— Онъ въ первый разъ появился здѣсь...

— Но онъ поразительно хорошъ собою и совсѣмъ gentilhomme. Манеры хорошія...

Занавѣсъ не успѣлъ опуститься, какъ всѣ разомъ зааплодировали и пронеслись крики:

— Орлова, Орлова!

Все общество забыло на мигъ обычай вызывать всѣхъ, не отдавая на подобныхъ спектакляхъ никому предпочтенія, такъ какъ тутъ важны не таланты, а благія намѣренія, благотворительныя цѣли. Занавѣсъ поднялся, вышли всѣ артисты-любители. Орловъ стоялъ сзади всѣхъ и, смотря какъ-то угрюмо, сухо, едва склонилъ голову, точно онъ еще не успѣлъ сообразить, что онъ уже не Чацкій, а Орловъ.

Его успѣхъ росъ съ каждымъ дѣйствіемъ. Игры, чтенія роли не было и слѣда. На сценѣ былъ, казалось, живой человѣкъ, переживавшій всѣ ощущенія героя комедіи. Когда онъ говорилъ: «иду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному

Digitized by Google

есть чувству уголокъ», всѣмъ показалось, что къ его горлу подступили слезы, что его дѣйствительно душатъ и желчь, и злоба, и горечь.

Успѣхъ былъ полный, небывалый въ этомъ сдержанномъ обществѣ. Вызовамъ не было конца, и всѣхъ дамъ, помимо страстной игры, поражала красота этого лица, гордость его выраженія, благородство манеръ этого человѣка.

— Ну, и обругалъ же ты ихъ всѣхъ за благодарность,— сказалъ, смѣясь, князь, входя въ уборную къ Орлову и пожимая ему руку.

Орловъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ.

— Да ужъ такъ, не оправдывайся! Ты не игралъ, а высказалъ имъ словами Грибоѣдова все, что не могъ бы сказать своими словами не со сцены...

— Такъ вы находите, что я былъ дуренъ? — спросилъ Орловъ.

— Превосходенъ, превосходенъ! Но не какъ актеръ, — сказалъ князь.—Ты больше никогда и ничего не играй. Ты актеромъ никогда не будешь. А Чацкаго... да его хоть каждый день изображай, если нервовъ хватитъ.

Князь былъ очень веселъ и радовался успѣху своего любимца.

— Вотъ что умъ-то значитъ. Вездѣ спасетъ человѣка,— говорилъ онъ Лампадову.—Никакого сценическаго таланта нѣтъ у человѣка, никакой подготовки, а умъ вывезъ.

— Ну, и горячности-то у него много,—сказалъ Лампадовъ.

— Да вонъ у Лизы еще болѣе горячности, а что вышло? Только съ ногъ чуть не сбила всѣхъ, — съ улыбкой замѣтилъ князь.

— Да, ужъ нечего сказать, набѣгалась сердечная! — засмѣялся старикъ, вспомнивъ о Лизѣ, едва не уронившей даже Фамусова въ порывѣ суетливости.

Когда Орловъ вышелъ изъ уборной въ залъ, гдѣ уже начались танцы, его привѣтствовали, какъ возникающую знаменитость, въ него всматривались, обращая въ его сторону лорнеты, съ нимъ старались обмѣняться нѣсколькими любезными словами. Имъ интересовались теперь люди, никогда не обращавшіе на него вниманія, какъ они не обращали вниманія на сотни другихъ дѣтей и юношей изъ бѣдныхъ и изъ крѣпостныхъ, воспитавшихся тогда въ разныхъ барскихъ домахъ, для развлеченія барскихъ дѣтей.

Въ числѣ первыхъ подошла къ нему княгиня Марья Львовна и горячо сжала ему руку.

Digitized by Google

— Я никогда не могла себѣ представить ничего подобнаго,—сказала она.—Вы были удивительны, неподражаемы!

Его поразило, что она ему говоритъ «вы».

— Я только теперь поняла, сколько вы пережили и перестрадали!—тихо сказала она, снова сжимая ему руку.

Ея лицо сильно горѣло.

Онъ поклонился ей, отвѣчая на рукопожатіе. У него на языкѣ вертѣлся вопросъ, зачѣмъ она говоритъ ему «вы».

— Я рада была, я восхищалась, что они поняли васъ, что они не устояли передъ этой бурей страстнаго чувства и неподдѣльной горечи,—продолжала она.—Сначала я струсила за васъ, а потомъ вдругъ увидала, что вы побѣдите! И вы сами довольны, рады, не правда ли? Вѣдь это такъ отрадно, успѣхъ!

Онъ также тихо отвѣтилъ ей:

— Да. Но этотъ успѣхъ, кажется, заставилъ васъ забыть, что вы мнѣ говорили всегда «ты», а не «вы».

Она вскинула на него глаза, какъ сконфуженная институтка семнадцати лѣтъ.

— О, вы уже не мальчикъ,—прошептала она какимъ-то страстнымъ, дрогнувшимъ голосомъ.

Орловъ уловилъ едва слышный вздохъ.

Къ нимъ подошелъ кто-то, черезъ минуту княгиня была уже оттѣснена отъ Орлова. Ей всѣ говорили о немъ. Какъ онъ ловокъ и изященъ. Какъ онъ хорошъ собою. Это не та правильная и нѣсколько мертвая красота, которая встрѣчается на картинахъ и въ статуяхъ. Нѣтъ, тутъ все правильно: и черты лица, и цвѣтъ лица, и краска на лицѣ; но все это сливается въ такую гармонію при помощи внутренней жизни, отражающейся въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи этого человѣка. Кто онъ? Студентъ петербургскаго университета? Да, но онъ правая рука князя. Князь его называетъ геніальнымъ мальчикомъ. Да развѣ онъ мальчикъ? Помилуйте! Мальчики такъ не чувствуютъ. Надо было много пожить, чтобы такъ чувствовать. О, у него вѣрно были даже сердечные романы, несчастная любовь. Говорятъ, онъ пишетъ стихи? Ахъ, такъ это, можетъ-быть, нашъ будущій Пушкинъ, Лермонтовъ?..

Старая барыня, разспрашивавшая объ Орловѣ во время спектакля, говорила теперь своей сосѣдкѣ:

— Ничему я не вѣрю изъ того, что они разсказываютъ про его происхожденіе.

— Да у него живы еще отецъ и мать!

Digitized by Google

— Такъ что-жъ изъ этого. Мало ли кого люди называютъ отцомъ и матерью только потому, что имъ сказали: «вотъ ваши отецъ и мать». Сынъ какого-то канцеляриста: статочное ли это дѣло? Вы взгляните на эту фигуру, на эти руки, на это блѣдное лицо!.. Тутъ благородная раса видна.

— Но что же вы предполагаете?

— Что? А то, что у князя тоже были свои романы. И съ чего бы князю няньчится съ нимъ. Что уменъ!.. Ахъ, что вы мнѣ говорите! Да мало ли умныхъ людей на свѣтѣ, однако, князь не няньчится ни съ кѣмъ изъ нихъ! Да, наконецъ, я помню князя молодымъ и, право, мнѣ кажется, что онъ стоитъ снова предо мною въ лицѣ этого юноши.

— Вы находите между ними сходство?

— Какъ двѣ капли воды. Конечно, я давно знала князя молодымъ. Но вѣдь еще, слава Богу, память-то и у меня свѣжа... Во всякомъ случаѣ тутъ есть тайна. Иначе не можетъ быть, и, конечно, какой-нибудь сынъ канцеляриста не попалъ бы сюда. Помилуйте, да тутъ мои дочери...

Отрывки подобныхъ разсужденій долетѣли и до Орлова. Молодой Русовъ спрашивалъ у него:

— Этотъ Грибоѣдовъ еще писалъ что-нибудь? Онъ хорошо написалъ это! Мнѣ нравится, какъ этотъ Чацкій всѣмъ правду въ глаза высказалъ. Только напрасно онъ влюбился въ эту лицемѣрку. Право же, всѣ наши барышни — такія, и изъ-за нихъ не стоитъ такъ мучиться. Конечно, приходится на нихъ жениться, такъ какъ нельзя же дѣлать разныхъ mesalliances. Но обмануть — онѣ всегда обманутъ. Ахъ, я теперь все это понимаю, понимаю, какъ я часто несправедливо обвинялъ papa и другихъ.

— Отца?.. За что ты обвинялъ отца?—спросилъ Орловъ.— Что ты хочешь сказать?

— Нѣтъ, такъ, — небрежно отвѣтилъ князь. — Я только говорю, что все это въ порядкѣ вещей, что мы, nous autres, поневолѣ иногда ищемъ на сторонѣ привязанностей, обманутые дома, у себя...

Князь вздохнулъ.

— Кстати о женщинахъ. Ты имѣешь свѣдѣнія о своей сестрѣ?—спросилъ онъ.

— Я же съ ней живу въ одной квартирѣ, — отвѣтилъ Орловъ.

— Нѣтъ, я не о той, не о родной твоей сестрѣ спрашиваю, а объ этой... Ну, какъ ее звали... красавица такая?

Digitized by Google

— О Настѣ?—спросилъ Орловъ.

— Настя ее звали?—сказалъ князь и задумался. — Настя... Нѣтъ, значитъ это не она... Та—Натали... Но какое сходство, какое сходство!..

— Да что ты хочешь сказать?—уже раздражительно спросилъ Орловъ.

— Такъ какъ это не она, то я могу тебѣ сказать,—проговорилъ князь. — Видишь ли, недавно появилась одна дѣвушка... изъ простыхъ... Съ ней познакомился одинъ изъ нашихъ, Михайловскій-Несмѣльскій, и показывалъ намъ ее. Она такъ похожа, такъ похожа...

— Что за пошлости ты выдумываешь!—злобно сказалъ Орловъ.—Моя сестра живетъ работой, а не...

— Но я же не о ней говорю!—перебилъ его князь.—Я говорю о сходствѣ... Это поразительное сходство, увѣряю тебя... Та же красота... Но я былъ бы даже опечаленъ, голубчикъ, если-бъ это была твоя сестра,—очень опечаленъ, потому что я во что бы то ни стало рѣшился отбить эту дѣвочку... Чего бы это мнѣ ни стоило, а отобью... Да, впрочемъ, и самъ Михайловскій-Несмѣльскій ее броситъ.

Орловъ пожалъ плечами.

— Вы только этимъ и занимаетесь тамъ! — проговорилъ онъ.—Есть деньги—покупаете любовь, не будетъ денегъ—сами продаваться станете.

— Мы только откровенно говоримъ о томъ, что мы дѣлаемъ, а такіе господа, какъ ты... — князь иронически засмѣялся и не кончилъ фразы.—Вѣдь не повѣрю же я, чтобы ты въ твои годы уже принялъ великое постриженіе, какъ выражается Поль Зуровъ.

Онъ слегка похлопалъ по плечу Орлова и прибавилъ, понизивъ тонъ:

— Впрочемъ, если у тебя интрижка съ одной изъ свѣтскихъ дамъ, то ты благородно дѣлаешь, скрывая это. Этого правила держимся и мы.

Онъ отошелъ отъ Орлова, чтобы вмѣшаться въ группы танцующихъ.

У Орлова вдругъ сдѣлалось какъ-то скверно на душѣ. Впервые послѣ долгихъ лѣтъ онъ опять почувствовалъ себя въ этомъ домѣ точно не на своемъ мѣстѣ, хотя именно въ этотъ вечеръ онъ былъ героемъ минуты, за нимъ всѣ ухаживали. Ему вдругъ вспомнились слова князя о томъ, что онъ обругалъ эту публику, играя Чацкаго. Онъ самъ не сознавалъ этого раньше, во время игры, но теперь ему было

Digitized by Google

ясно, что это было такъ; онъ точно сердился на этихъ людей, не обращавшихъ прежде на него никакого вниманія. Потомъ въ его умѣ промелькнуло воспоминаніе о странномъ обращеніи съ нимъ княгини. Почему она стала ему говорить «вы», почему она такъ странно смотрѣла на него? Что съ ней сдѣлалось?.. Это была для него необъяснимая загадка. А Александръ? Какъ онъ спросилъ его о Настѣ? Какой пошлый тонъ! Содержанку отбиваетъ у товарища. Только этимъ и занятъ. Смотритъ на хорошенькую дѣвушку, какъ на продажную тварь. Да развѣ онъ и можетъ иначе смотрѣть на какую-нибудь Настю? Вѣдь всѣ эти Насти — голь перекатная! Стоитъ ли съ ней церемониться?.. Будь Настя дочь какой-нибудь графини, княгини, финансовой знаменитости,—Александру и въ голову не пришла бы мысль о любовной интрижкѣ, о любовной связи: на тѣхъ дѣвушекъ смотрятъ какъ на невѣсть, а на этихъ нищихъ смотрятъ какъ на продажныхъ и покупныхъ любовницъ. Ихъ не любятъ,—съ ними только тѣшатъ свои животныя страсти. За это никогда не придется отвѣчать, никогда не придется краснѣть: бѣдной дѣвушкѣ бросаютъ плату за ея ласки, и этимъ снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность. Если она или ея близкіе вздумаютъ протестовать, имъ зажмутъ рты силою, угрозами. Здѣсь полный произволъ однихъ и полное безправіе другихъ. Въ душѣ Орлова поднималась желчь. Онъ сознавалъ ясно, что онъ въ сущности ненавидитъ этихъ людей, — сознавалъ это именно въ тотъ день, когда эти люди впервые обратили на него вниманіе. За что они сегодня, такъ сказать, носили его на рукахъ? Потому, что онъ сумѣлъ расшевелить ихъ вялые нервы, потому, что они увидали въ немъ талантъ, могущій доставить имъ лишнюю минуту удовольствія, потому, что они разсмотрѣли его красоту, могущую служить украшеніемъ въ ихъ садонахъ, какъ служатъ въ нихъ украшеніемъ блестящіе мундиры, дорогія статуи, эффектныя картины. Да, онъ своими ушами слышалъ, какъ какая-то барыня такъ прямо и замѣтила: «Онъ, дѣйствительно, можетъ служить украшеніемъ любого бала!» Человѣкъ, внутренній человѣкъ для нихъ не существовалъ: честенъ ли, добръ ли, уменъ ли онъ, — до этого имъ не было дѣла. Имъ также не было до него дѣла, когда онъ былъ не болѣе какъ пригрѣтый князьями Русовыми бѣднякъ. Никто изъ этихъ людей не обращалъ на него вниманія, никто не интересовался, какъ ему живется. Если-бъ онъ вдругъ исчезъ изъ дома Русовыхъ, никто не спросилъ

Digitized by Google

бы: а что сдѣлалось съ этимъ юношей?.. Да, эти люди ему чужіе; болѣе чѣмъ чужіе, они его враги. Они, именно они, давятъ и презираютъ всѣхъ, кто бѣденъ, кто незнатенъ, кто гибнетъ подъ ярмомъ труда, въ борьбѣ съ судьбою. Но развѣ онъ не обязанъ многимъ князьямъ Русовымъ, принадлежащимъ къ этому же кругу людей? Можетъ-быть и обязанъ; но вѣдь и князья Русовы приласкали его чисто случайно: они не искали его, они не спасли его ни отъ чего, они просто сначала терпѣли его въ своемъ домѣ, какъ родственника уважаемаго ими Лампадова, потомъ заинтересовались имъ, какъ интересуются маленькой умной собачонкой, ученой обезьянкой, болтливымъ попугаемъ. И только, и только. «Неблагодаренъ, какъ рабъ», вдругъ промелькнула во головѣ Орлова гдѣ-то прочитанная имъ фраза, и на его щекахъ выступилъ даже румянецъ. О, нѣтъ, это не неблагодарность раба. Это — сознаніе независимаго человѣка, знающаго, что онъ ничѣмъ не обязанъ другому человѣку. Онъ выросъ бы и безъ князей Русовыхъ такимъ же человѣкомъ, можетъ-быть, даже лучшимъ человѣкомъ; никогда никакихъ благодѣяній не принималъ онъ отъ нихъ. Онъ вспомнилъ даже, какъ онъ еще давно, не желая быть имъ обязаннымъ, отказался разъ ѣхать съ ними на лѣто въ деревню, сказавъ, что у него есть въ Петербургѣ уроки. Но онъ получаетъ отъ князя жалованье?—Да; но вѣдь онъ работаетъ за двоихъ, и притомъ самъ князь сознаетъ и говоритъ всѣмъ и каждому, что Орловъ дѣлаетъ въ пять минутъ то, чего другой не сдѣлаетъ и въ часъ. Онъ не та бездарность, которая краснѣетъ за свою работу и стыдливо беретъ плату за трудъ, какъ милостыню. Но князья Русовы любятъ его теперь, какъ родного? Что-жъ изъ этого? Развѣ онъ не заслужилъ этой любви? Онъ ее заслужилъ и нужно бы быть совсѣмъ тупыми и безсердечными людьми, чтобы не привязаться къ человѣку, который въ столько лѣтъ успѣлъ заслужить, завоевать эту любовь. Нѣтъ и у князей Русовыхъ онъ самъ завоевалъ все, и ничего не дали ему здѣсь только во имя того, что онъ человѣкъ, и притомъ страдающій, нуждающійся въ любви и въ ласкѣ человѣкъ. И вновь ему вспомнился Ершъ, грязный, грубый Ершъ, поднявшій его на руки и утѣшавшій его, когда онъ въ дѣтствѣ разбилъ себѣ голову. Онъ плакалъ, и этого было достаточно, чтобы Ершъ приголубилъ его. О, сколько плачущихъ дѣтей видятъ князья Русовы и проходятъ мимо ихъ! Имъ, князьямъ Русовымъ, нужно отрекомендовать,

Digitized by Google

представить несчастнаго ребенка, тогда они займутся имъ, займутся не потому, что онъ несчастенъ, а потому, что это — protégé такого-то... А сколько добра могли бы они дѣлать! Но ихъ надо наталкивать на это добро, нужно указывать имъ на людскія несчастія, иначе они будутъ и глухи, и слѣпы. Да, ловкій руководитель можетъ забрать ихъ въ руки, направить ихъ по-своему, добиться при помощи ихъ извѣстныхъ цѣлей. Сила покуда всецѣло въ ихъ рукахъ: при помощи ихъ можно сдѣлать все, безъ ихъ помощи нельзя ничего добиться. И именно этихъ-то людей можно держать въ рукахъ, какъ держатъ ихъ въ рукахъ ихъ лакеи, камердинеры, горничныя, ключницы, старосты, управляющіе. О, никто лучше Орлова не знаетъ, что значитъ какой-нибудь барскій слуга въ дѣлѣ протекціи, доставленій мѣстъ, устройства подрядовъ. «Только наша братія, голь,— думалось Орлову: — знаетъ вполнѣ всѣ эти тайны лакейскихъ». Въ его горячей молодой головѣ зароились тысячи плановъ широкой плодотворной дѣятельности. Въ его умѣ слагался невольно одинъ девизъ всей будущей жизни: «Все черезъ нихъ, все не для нихъ». Да, дѣлать дѣло можно покуда только при помощи этихъ людей—угнетенныхъ и нищихъ. И снова въ этой страстной душѣ чувствовался необычайный подъемъ духа. Какой-то внутренній голосъ, надменный и самолюбивый, шепталъ ему: «Дерзай, ты можешь!» Недаромъ же, еще въ годы далекаго дѣтства, его, маленькаго Митю, посѣщали великіе замыслы о его могуществѣ и силѣ, о его благодѣяніяхъ бѣднымъ и слабымъ. Въ этомъ было какое-то предзнаменованіе, какое-то пророчество. Вѣдь сотни дѣтей росли вокругъ него, и никто изъ этихъ дѣтей не предавался такимъ мечтамъ, не предавался имъ такъ упорно. Это недаромъ. Какую-то безграничную самоувѣренность внушали эти мысли Орлову. Ему казалось, что онъ пойдетъ къ своей цѣли, какимъ бы то ни было путемъ, и добьется своего, какой бы то ни было цѣной. Въ его головѣ созрѣлъ одинъ планъ, и онъ тотчасъ же приступилъ къ его исполненію.

— А знаете ли, я хочу вступить членомъ въ ваше общество,—сказалъ Орловъ княгинѣ Русовой въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, сидя у нея за завтракомъ.—Конечно, если меня примутъ безъ особенныхъ гримасъ.

— О, наши дамы будутъ очень рады,—сказала княгиня.

— Что это, ты въ кого-нибудь изъ благотворительницъ влюбился?—спросилъ шутливо князь.

Digitized by Google

— Мнѣ хочется изучить дѣло нашей филантропіи,—отвѣтилъ коротко Орловъ.

— То-есть посмотрѣть, какъ люди въ бѣличьемъ колесѣ вертятся?—сказалъ князь.—Этого и изучать не стоитъ.

— Мы васъ тотчасъ же выберемъ въ секретари,—замѣтила княгиня, не обращая вниманія на слова мужа,—чтобы вы не думали, что это такое легкое дѣло.

— О, я буду очень радъ!—отвѣтилъ Орловъ.—Я вѣдь очень серьезно хочу заняться этимъ дѣломъ.

Княгиня не ошиблась: Орлова не только съ радостью приняли въ члены благотворительнаго общества, какъ принимали всѣхъ вносившихъ годовой членскій взносъ, но тотчасъ же предложили ему исправлять должность секретаря, такъ какъ въ этой должности никто не оставался подолгу, тяготясь ею. Про него, когда вопросъ шелъ о его вступленіи въ члены, иначе не говорили въ комитетѣ, какъ «это тотъ интересный молодой человѣкъ». Въ первое же засѣданіе комитета Орловъ явился на своемъ мѣстѣ, около княгини Русовой и любезно поблагодарилъ комитетъ за возложенную на него обязанность. Въ комитетѣ шли обычные доклады о посѣщеніи бѣдныхъ, о необходимости дать тому-то и тому-то три или четыре рубля пособія, о возложеніи на кого-нибудь изъ членовъ хлопотъ по помѣщенію какой-нибудь дѣвочки или какого-нибудь мальчика въ пріютъ. Все это было незанимательно и скучно, большинство членовъ, состоявшее изъ дамъ, шопотомъ болтало о театрахъ, балахъ, тряпкахъ. Нѣсколько оживленнѣе прошелъ вопросъ о лотереѣ, немного поспорили при вопросѣ о будущемъ домашнемъ спектаклѣ, и кто-то даже замѣтилъ любезно, что спектакль, конечно, можетъ быть удаченъ, если будутъ такіе актеры, какъ «нашъ любезный секретарь». Орлову оставалось только поблагодарить за любезность. Наконецъ, комитетъ кончился, всѣ стали разъѣзжаться. Остались только Орловъ да одна изъ родственницъ княгини Русовой. Орловъ укладывалъ на столъ въ кабинетѣ княгини бумаги.

— Ну, что вы скажете о нашемъ засѣданіи?—спросила его княгиня.

— Скучно, княгиня!—отвѣтилъ Орловъ.

— Ахъ, какъ не стыдно: былъ на одномъ засѣданіи и уже соскучился!—шутливо замѣтила хозяйка.

— Да вѣдь точно скучно!—недовольнымъ тономъ сказала родственница княгини.—Это совершенная правда, и monsieur

Digitized by Google

Orloff только громко высказалъ то, что мы всѣ испытываемъ тайно.

— Но что же дѣлать, что же дѣлать? Это жертва!—сказала княгиня.

— Я это понимаю и, ты видишь, ѣзжу на наши засѣданія,—отвѣтила родственница хозяйки.—Но не скучать на этихъ засѣданіяхъ, право, не могу.

— О, если бы только захотѣть, не было бы ни скучно, ни тяжело,—сказалъ Орловъ, стоя въ отдаленіи отъ дамъ и прислонясь къ маленькой этажеркѣ.—Скучно потому, что никто не видитъ пользы въ этой трехрублевой помощи, въ этомъ толченіи воды въ ступѣ, въ одномъ переливаніи изъ пустого въ порожнее.

— Ахъ, не говорите съ такимъ пренебреженіемъ о нашихъ пособіяхъ!—замѣтила княгиня.—Бѣдняки нуждаются иногда въ рублѣ...

— Я знаю, что они иногда и въ грошѣ нуждаются,—сказалъ Орловъ.—Но эти рубли никого ни отъ чего не спасаютъ. Взгляните на дѣло шире, создайте систему, которая прямо давала бы осязательные результаты, спасала бы бѣдняковъ отъ нищеты, породила бы между вами и ими нравственную связь, и тогда оживутъ не только они, но и вы оживитесь, будете волноваться, будете жить этимъ дѣломъ. Вы бросаете теперь подачки... кому? Какимъ-то неизвѣстнымъ людямъ, можетъ-быть, обманывающимъ васъ, можетъ-быть, пропивающимъ ваши деньги.

— Что-жъ дѣлать, если насъ обманываютъ!—сказала родственница княгини.—Это неизбѣжно.

— Не думаю,—возразилъ Орловъ.—Не нужно только разбрасываться и бросать деньги первому встрѣчному попрошайкѣ. Изберите нѣсколько человѣкъ, напримѣръ, женщинъ-работницъ, дайте имъ жилища, дайте имъ работу, устройте тутъ же школу для ихъ дѣтей, слѣдите за тѣмъ, какъ онѣ мало-по-малу воскреснутъ, какъ онѣ ободрятся, какъ станутъ развиваться эти дѣти. Это, быть-можетъ, будутъ будущіе полезные граждане, великіе люди, крупные таланты. Кто знаетъ? Когда мы ласкаемъ ребенка, когда мы пригрѣваемъ его, у насъ есть свѣтлая надежда увидѣть его честнымъ, умнымъ, здоровымъ человѣкомъ, и намъ сладки эти мечты, мы еще болѣе привязываемся къ этому существу за эти золотыя грезы. Вы знаете по опыту, княгиня, что иногда изъ облагодѣтельствованныхъ дѣтей выходятъ довольно порядочные люди,—съ улыбкой замѣтилъ Орловъ.

Digitized by Google

Княгиня разсмѣялась, понявъ его намекъ.

— Воспитывая дѣтей, можно по крайней мѣрѣ надѣяться на что-нибудь,—продолжалъ онъ.—А вамъ, при настоящемъ порядкѣ дѣлъ въ вашемъ обществѣ, и мечтать даже не о чемъ. Вы можете только сомнѣваться въ томъ, что ваши деньги пошли дѣйствительно на хлѣбъ, а не въ кабаки.

Онъ говорилъ оживленно, особымъ, свойственнымъ ему тономъ—то горячимъ, то холодно-ироническимъ, приковывая и поддерживая вниманіе слушательницъ этими переходами.

— Мнѣ часто грезится картина такого благотворительнаго общества, основаннаго на широкихъ началахъ съ тѣсною связью благодѣтелей и бѣдняковъ,—продолжалъ онъ.—Я вижу большой домъ со свѣтлыми и просторными комнатами, съ широкими коридорами, со свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ. Сюда стекаются изъ подвальныхъ угловъ, съ темныхъ чердаковъ, изстрадавшіяся, полуголодныя женщины, обремененныя дѣтьми. Онѣ находятъ здѣсь и теплый уголъ, и работу. За дешевую плату имъ готовятъ въ просторной кухнѣ обѣдъ, такъ что имъ не нужно отрываться отъ труда для кухонной стряпни. Ихъ дѣти бѣгутъ въ общій залъ—въ школу, гдѣ ихъ учатъ, развиваютъ, спасая отъ уличной грязи, отъ уличнаго разврата. Вы вѣдь не можете и представить себѣ, какое благо можетъ принести одна эта сторона дѣла. Надо вырасти въ этой средѣ, среди голи, чтобы знать, чего насмотрится, чего наслушается ребенокъ въ подвальномъ углу, на улицѣ, среди всякаго сброда и отрепья человѣчества. Я росъ въ этой средѣ, я это знаю по личному опыту. Когда кругомъ васъ царятъ развратъ и пьянство, когда кругомъ васъ одни пресмыкаются, другіе проклинаютъ,—тутъ нечего думать о дѣтской чистотѣ, о невинности, о цѣльности натуры; тутъ люди вырастаютъ искалѣченными, изломанными, испорченными, спасается изъ тысячъ одинъ, да и у этого случайно спасеннаго остается слишкомъ много горечи въ душѣ, чтобъ онъ могъ назвать себя вполнѣ счастливымъ. Я по крайней мѣрѣ сознаю, что что бы ни случилось со мною, какіе бы успѣхи не ожидали меня, въ моей душѣ навсегда останутся слѣды прошлаго, какъ у раненаго остаются рубцы зажившихъ ранъ, и, повѣрьте, у него вѣчно будутъ ныть эти раненыя мѣста передъ погодой... Отъ этого-то вы можете спасти десятки дѣтей, десятки будущихъ гражданъ.

Орловъ увлекся и увлекъ своихъ слушательницъ. Княгиня опять какъ-то странно смотрѣла на него съ разгорѣвшимся

Digitized by Google

лицомъ, съ затаеннымъ дыханіемъ. Орловъ ничего не замѣчалъ и продолжалъ развивать свой планъ, увлекаясь своимъ вдохновеніемъ.

— Все это не будетъ стоить вамъ больше, чѣмъ стоятъ ваши подачки, никого не спасающія отъ голода,—продолжалъ онъ съ жаромъ.—Вы будете давать работу женщинамъ, удерживая часть платы за квартиру и столъ, откладывая часть на школу. Бѣдняки только потому и бѣдны, что ихъ эксплоатируютъ всѣ, а они не умѣютъ соединиться вмѣстѣ, чтобы дать отпоръ эксплоататорамъ при помощи стачки. Большое помѣщеніе обойдется дешевле, чѣмъ обошлись бы сотни нанятыхъ въ разныхъ мѣстахъ угловъ; работу можно достать всегда выгодную по подрядамъ на разныя учрежденія; обѣдъ будетъ стоить дешевле, когда провизія будетъ закупаться оптомъ, а не по мелочамъ. Люди вообще слабы только потому, что они идутъ всѣ врознь и въ разбродъ. Войско не потому всегда побѣдитъ массу мужиковъ, что мужики слабѣе солдатъ, но потому уже, что солдаты идутъ плотно, сомкнутымъ строемъ, тогда какъ тѣ нападаютъ, какъ попало, разъединенною толпой. Сомкните въ одинъ строй работниковъ, и это будетъ непобѣдимая сила.

Слушательницы были въ восторгѣ отъ этихъ новыхъ для нихъ плановъ, даже и не подозрѣвая, сколько тутъ было ребяческой неопытности и молодого увлеченія несбыточными мечтами. Орловъ рисовалъ передъ ними широкими штрихами картину ихъ дѣятельности: устроить большую квартиру, мастерскую, школу, ѣздить хлопотать о заказахъ, устраивать въ пользу общества балы, спектакли и аллегри, устраивать въ самой мастерской балы, чтенія, елки—все это было такъ разнообразно! Орловъ говорилъ, что нужно будетъ наблюдать за мастерской, за обѣдами, за ученьемъ самимъ попечительницамъ, что онѣ должны будутъ все направлять, за всѣмъ смотрѣть. Это было что-то необычайное для нихъ. Передъ ними открывался какой-то новый міръ кипучей работы, обѣщавшій имъ спасеніе отъ скуки, выдвигавшій ихъ на сцену общественной дѣятельности.

Когда Орловъ удалился, родственница княгини воскликнула:

— Это просто геніальная идея!

— Онъ вообще необыкновенный человѣкъ!—сказала княгиня.—Онъ еще ребенкомъ изумлялъ меня своею страстностью...

— Онъ, вѣрно, много выстрадалъ...

Digitized by Google

— О, конечно, конечно!.. Онъ не любитъ говорить о себѣ, но я знаю отчасти его прошлое...

Княгиня задумалась.

— Ты, конечно, станешь его продюизировать?—сказала ея родственница.

— Да, да!—живо отвѣтила княгиня.

Разсказъ о планахъ Орлова разнесся на другой же день по десятку салоновъ, гдѣ успѣли побывать двѣ первыя поклонницы, двѣ первыя ученицы Орлова, уже просто-на-просто называвшія его геніемъ. Геній... Эта кличка нерѣдко такъ же легко дается людямъ, какъ названіе дурака, какъ всякое другое названіе, срывающееся съ языка у двухъ-трехъ лицъ въ минуту увлеченія или раздраженія. Когда князь Русовъ внезапно услышалъ, что его любимца называютъ геніемъ, онъ добродушно улыбнулся и замѣтилъ, что онъ, князь Русовъ, хотя и не считаетъ Орлова геніемъ, но признаетъ его очень неглупымъ человѣкомъ, а главное—видитъ въ немъ массу благородныхъ порывовъ и страстной впечатлительности. Всѣ знали, что князь остороженъ въ своихъ приговорахъ, и потому его отзывъ объ Орловѣ не охладилъ всеобщаго уваженія, а напротивъ того—какъ будто оправдалъ это увлеченіе.

Барыни только и толковали, что про Орлова.

— Самъ князь признаетъ его необыкновеннымъ человѣкомъ, а вы знаете, какой скептикъ князь.

— И что выстрадалъ этотъ молодой человѣкъ!.. Онъ выросъ среди нищеты и разврата. Необразованная мать, пьяница-отецъ, голодные братья и сестры,—о, это ужасно! Онъ чуть не съ колыбели долженъ былъ зарабатывать каждый кусокъ хлѣба, учась самоучкой всему...

— Да вѣдь стоитъ взглянуть на него, чтобы понять, сколько онъ пережилъ... На его лицѣ лежитъ печать горечи и печали.

Этимъ толкамъ не было конца. Орловъ былъ въ модѣ. Это былъ мученикъ и пророкъ.

Орловъ между тѣмъ уже выработалъ планъ новаго устройства благотворительнаго общества княгини, принявшись за дѣло со всѣмъ задоромъ увлекающейся юности, думающей пересоздать все человѣчество при помощи какой-нибудь увлекшей ее теоріи или системы. Эти увлеченія по большей части не переживаютъ свѣтлой поры нашей молодости; но кто не увлекался такъ, тотъ не знаетъ цѣлаго ряда наслажденій, чистыхъ и прекрасныхъ, какъ молодость. Орловъ

Digitized by Google

работалъ надъ развитіемъ своего плана, забывая объ отдыхѣ и снѣ, рисуя грандіозную картину будущаго, надѣясь быть создателемъ какой-то новой общины, разрастающейся, развѣтвляющейся все шире и шире, образующей своего рода государство въ государствѣ. Здѣсь, воспитываясь вмѣстѣ, дѣти выйдутъ хорошими людьми, полными чувства равенства и братства, готовыми дальше развивать ту общину, которая воспитала ихъ, которая спасла ихъ отъ гибели. Имъ уже не нужно будетъ руководителей и надзирателей; они сами пойдутъ своею дорогой, они будутъ сами знать, что имъ нужно. Иногда у Орлова духъ захватывало отъ восторга, когда онъ заглядывалъ въ лучезарную даль грядущаго.

III.

Никогда еще, быть-можетъ, не жила извѣстная часть петербургской молодежи такою шумною и разнообразною жизнью, какъ въ ту пору. Въ университетѣ уже начались сходки; въ различныхъ кружкахъ стали устраиваться безчисленные любительскіе спектакли; въ Пассажѣ, въ залѣ Руадзе, начались публичныя чтенія литературныхъ дѣятелей; зарождались частныя благотворительныя общества и школы; требовалось много новыхъ рабочихъ силъ въ области литературы для переводовъ, для отчетовъ о разныхъ засѣданіяхъ, для мелкой журнальной работы; масса людей, работавшихъ теперь по крестьянскому и другимъ поднятымъ тогда вопросамъ, искала помощниковъ, чернорабочихъ изъ среды молодежи, студентовъ. Въ Петербургѣ появилось не мало студентовъ, имена которыхъ стали дѣлаться болѣе или менѣе извѣстными, какъ талантливыхъ начинающихъ писателей, какъ актеровъ-любителей, какъ коноводовъ того или другого кружка, какъ людей, подающихъ много надеждъ. Въ числѣ ихъ были и дѣти высокопоставленныхъ лицъ, и сыновья откупщиковъ и финансовыхъ тузовъ, и богато одаренные отъ природы выходцы довольно темнаго происхожденія, выдвинувшіеся впередъ при помощи своего ума, своихъ талантовъ или своихъ знаній.

— Голь въ ходъ пошла,—говорилъ Орловъ, видя, какъ выдвигаются впередъ разные его товарищи по гимназіи и университету.

Онъ самъ былъ однимъ изъ яркихъ представителей этого нарождавшагося тогда типа дѣятельной молодежи: его знали студенты, его знали всѣ члены благотворительнаго общества княгини Русовой, его знали всѣ знакомые князя Русова,

Digitized by Google

какъ его домашняго секретаря, какъ его правую руку. Про него говорили, что онъ пробьетъ себѣ дорогу, что онъ пойдетъ далеко. Онъ самъ, болѣе чѣмъ кто-нибудь, былъ убѣжденъ въ этомъ и шелъ безъ сомнѣній, безъ страха за будущее.

— Я жилъ въ то время на улицѣ,—говаривалъ потомъ Орловъ, и онъ былъ правъ.

Дома онъ появлялся рѣдко, какъ метеоръ, преданный всецѣло своей лихорадочной дѣятельности, увлекаясь одинаково страстно и дѣлами товарищескаго кружка, и развитіемъ своихъ филантропическихъ плановъ, и усердною работой у князя, для котораго онъ по даннымъ ему матеріаламъ и инструкціямъ составлялъ теперь записки, отвѣты, отчеты по крестьянскому дѣлу. У князя завелась цѣлая домашняя канцелярія, гдѣ, кромѣ офиціальныхъ лицъ, работали и частные работники. Князь въ шутку говорилъ, что Орловъ у него теперь не секретарь, а редакторъ, такъ какъ Орловъ нерѣдко выправлялъ разныя черновыя бумаги, написанныя другими лицами для князя.

— Не слишкомъ ли сильно, однако, ты расходуешь свои силы?—говорилъ Орлову князь.

Но Орловъ удивлялся этому вопросу, не понимая, какъ можно утомиться оттого, что живешь. Это было сладкое опьяненіе молодости; отъ него не хотѣлось очнуться! Орловъ не утомился, не поблекъ среди этого опьяненія, а развился, возмужалъ, сформировался. Стройный, нервный, онъ сталъ еще красивѣе, и имъ любовались всѣ, начиная со старика Лампадова, Анны Андреевны и Марьи Ѳедоровны и кончая разными барынями-благотворительницами и въ ихъ числѣ княгиней Русовой.

Лампадовъ много слышалъ объ успѣхахъ Орлова; онъ нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ и видѣлъ, какъ развился «мальчуганъ».

— Съ неба звѣзды хватаетъ,—шутилъ старикъ.—Намъ и говорить-то съ нимъ надо подумавши, а то осрамишься,—такъ загоняетъ... Всѣмъ интересуется; обо всемъ читалъ, все старается узнать, точно въ котлѣ въ немъ все кипитъ.

Старикъ дѣлился своими свѣдѣніями объ успѣхахъ молодого человѣка, своими наблюденіями надъ его развитіемъ главнымъ образомъ съ Анной Андреевной.

Она успѣла сильно постарѣть и была точно восковая, точно прозрачная; она теперь меньше шила, такъ какъ братъ настаивалъ, чтобъ она и мать не утомляли себя работой и

Digitized by Google

жили бы на его средства. Онъ урѣзывалъ себя во всемъ, стараясь помочь имъ и удовлетворить ихъ небольшія требованія. Сестра понимала, что онъ приноситъ извѣстныя жертвы, помогая имъ, и еще болѣе боготворила его. Она любила его, какъ можно любить того, кому мы пожертвовали всѣмъ, для кого мы живемъ, кто является живымъ свидѣтельствомъ нашего самоотверженія, нашего самоотреченія. Любуясь имъ, она думала: «вотъ какимъ я его вырастила»; слушая его разговоры, она думала: «вотъ какимъ умнымъ я его сдѣлала»; когда онъ при ней говорилъ людямъ, какихъ страшныхъ усилій стоитъ спасеніе каждаго изъ «нашей братьи, голи, среди которой спасается одинъ изъ сотенъ, одинъ изъ тысячъ», она думала съ гордостью: «это я его спасла!» Да, она становилась между нимъ и матерью, когда та бывала не въ духѣ; она заслоняла отъ него собою семейныя дрязги и невзгоды; она для него убила на работу молодость; она, когда онъ цѣлые дни проводилъ у Лампадова, у князей Русовыхъ, у товарищей, ни разу не остановила его, не сказала ему, что ей тяжело быть вѣчно одной, что онъ могъ бы удѣлить и ей нѣсколько времени, что она только тогда и счастлива, когда она видитъ его, любуется имъ, слушаетъ его. Да, она все, все принесла ему въ жертву и ничего не требовала отъ него. Она этимъ гордилась, она ходила благодарить за это Бога въ церковь, она испытывала ощущеніе блаженства, когда ей удавалось вырваться на часокъ къ Лампадову и услышать желанныя слова:

— А что про нашего-то сокола говорятъ, такъ и ушамъ не вѣришь!

Она знала, что «нашъ соколъ» это ея братъ. Лампадовъ понималъ, что ее больше никто не интересуетъ. Въ этихъ бесѣдахъ проходили цѣлые часы. Аннѣ Андреевнѣ все казалось, что она еще не все выспросила, что Лампадовъ не все припомнилъ, что говорятъ объ ея братѣ. Ея лицо принимало выраженіе блаженнаго восторга, ея тусклые глаза оживлялись, расширялись и смотрѣли куда-то вдаль въ нѣмомъ экстазѣ. Она торопливо шла домой и тамъ еще разъ припоминала вслухъ все, что слышала; она не разсказывала матери, а только припоминала вслухъ при Марьѣ Ѳедоровнѣ всѣ слышанныя подробности въ какомъ-то волшебномъ бреду. Марья Ѳедоровна иногда всплескивала руками отъ удивленія, услышавъ громкія имена людей, съ которыми былъ знакомъ ея сынъ, которые хвалили ея сына. Иногда

Digitized by Google

она крестилась, бросая умильные взгляды на образа и не находя словъ для выраженія своей радости. Иногда она вдругъ задавала практическій вопросъ дочери:

— А какъ ты думаешь, Аня, ему прямо, поди, директорское мѣсто дадутъ?

Анна Андреевна не слушала этихъ вопросовъ, потому что никакія мѣста не могли въ ея глазахъ сдѣлать его выше. Она думала о братѣ, когда шила или, отдыхая отъ работы, безцѣльно глядѣла на улицу; она думала о немъ, когда отправлялась въ церковь или шла изъ церкви домой. Она не любила много говорить вообще, а съ посторонними въ особенности. Но когда ее спрашивали о здоровьи Дмитрія Андреевича, она оживлялась.

— Мой братъ, слава Богу, здоровъ. У него много дѣла, много занятій, но Богъ посылаетъ ему на все силы,—отвѣчала она.

— Подавай Господи, подавай Господи! — говорила ей какая-нибудь черносалопница.—Слухомъ-то земля полнится; слышала я отъ Пахомовскаго сынка, какіе господа съ вашимъ Дмитріемъ-то Андреевичемъ въ дружбѣ. Рукой не достанешь. А тоже честь ему дѣлаетъ, что васъ не оставляетъ и, нечего сказать, никѣмъ не гнушается, со всѣми привѣтливъ. Тоже вотъ меня намеднись встрѣтилъ: «А, говоритъ, Анфиса Мироновна, какъ живете-можете?» — «Ничего, говорю. Пока Богъ грѣхамъ терпитъ, копчу землю».— «Ну, говоритъ, и слава Богу. Тамъ-то еще всѣ належимся,— торопиться не для чего». И это за руку со мною, а взглядъ такой открытый, отважный. Нечего сказать, нечего сказать, учтливый человѣкъ!

— Ему это такое предопредѣленіе отъ Бога,—отвѣчала Анна Андреевна съ улыбкой умиленія.—Онъ, Анфиса Мироновна, еще маленькимъ совсѣмъ былъ, вотъ такой клопикъ былъ, а все говорилъ: «Буду генераломъ и всѣхъ облагодѣтельствую».

— Дай Богъ, дай Богъ! — со вздохомъ говорила черносалопница.

— Мы тогда смѣялись, думали, такъ ребенокъ болтаетъ, а вышло, что это ему отъ Бога было,—продолжала разсказывать Анна Андреевна.—Ему даже князья и графы удивляются,—такой у него умъ и ко всему способности. Другой бы, конечно, если-бъ это не отъ Бога было, возгордился, а онъ не возгордится. Онъ ко всему только и стремится, чтобы людямъ добро сдѣлать. Теперь вотъ богадѣльню для

Digitized by Google

трудящихся дѣвушекъ и вдовъ устраиваетъ, школу заводитъ для сиротъ по своему плану.

— А деньги-то, деньги-то развѣ есть? Поди тутъ какая прорва деньжищъ-то нужна,—замѣчаетъ черносалопница.

— Что деньги! Ему сказать стоитъ только князю или княгинѣ Русовымъ, или другимъ тамъ богачамъ, и сейчасъ дадутъ,—поясняла Анна Андреевна.—Онъ вѣдь это не для себя, а для бѣдныхъ и для Бога. Онъ вотъ какъ что придумаетъ, такъ всѣ такъ и ахаютъ. У иного и деньги есть, а такъ не придумаетъ, какъ онъ. Нѣтъ! «Я, говоритъ, самъ бѣдность видѣлъ, такъ знаю, какъ и что бѣднымъ людямъ нужно».

— Какъ не знать-то, какъ не знать-то! Тоже поди черствой-то коркой давился,—замѣчала черносалопница.

— Да, и не скрываетъ этого, не скрываетъ, а такъ и говоритъ: «Мы—голь перекатная—знаемъ, что значитъ голодъ да холодъ». Другой бы скрылъ, а онъ не скрываетъ этого, потому это ужъ ему такъ отъ Бога назначено. И апостолы босикомъ ходили, тоже простые да бѣдные люди были, такъ, значитъ, стыдиться тутъ нечего. Онъ такъ и мнѣ говоритъ: «Бѣдность, Аня,—не порокъ; подлость—вотъ чего надо стыдиться!» Конечно, это не всякій понимаетъ...

Но этихъ разговоровъ было мало для Анны Андреевны. Она выбирала для подобныхъ бесѣдъ самаго неустаннаго слушателя и собесѣдника, имѣвшаго способность толковать о Митѣ, не отдыхая, по цѣлымъ часамъ. Этотъ собесѣдникъ былъ Леша. Анну Андреевну не смущало и то обстоятельство, что Леша задавалъ ей иногда очень странныя и затруднительныя вопросы.

— А братецъ видѣлъ Бога?—спрашивалъ онъ скороговоркой.—Богъ къ нему самъ приходилъ?.. Богъ у насъ, сестрица, старенькій?.. А сынъ у него молодой, такъ тотъ умеръ, сестрица?..

Потомъ Лешѣ вдругъ становилось страшно за Митю, и онъ допрашивалъ Анну Андреевну.

— А если Ѳедоръ Гаврилычъ придетъ и станетъ Митю бить, сестрица?.. Митѣ больно будетъ.

— Митю, Леша, никто не смѣетъ бить,—замѣчала она.

— Онъ сильнѣе Ѳедора Гаврилыча, сестрица?

— Сильнѣе.

— А то я боюсь, сестрица, за него, очень боюсь,—жалобнымъ тономъ, нараспѣвъ, говорилъ Леша.

Даже эти бесѣды были отрадны для Анны Андреевны,

Digitized by Google

потому что онѣ касались Мити. Притомъ же Леша, съ своей стороны восхвалялъ Митю.

— Я вотъ, сестрица, теперь шить научился, потому что Митя учителя нанялъ, — говорилъ Леша. — Вонъ жилетку слесарю сшилъ, рубль далъ... Я, сестрица, гостинцевъ купилъ на гривенникъ и тетѣ далъ девять гривенъ... Митя говорилъ: «Ты вотъ выучись портняжничать и гостинцы будешь покупать».—Я и выучился... Учитель всему выучилъ... И жилетки, и панталоны могу я, сестрица, шить... Деньги за это даютъ, сестрица, а деньги нужны... Митя говорилъ, сестрица, что безъ денегъ пропасть можно... Я, сестрица, копить буду деньги, чтобы не пропасть... Да, сестрица?

— Копи, копи, голубчикъ, это не мѣшаетъ, — говорила Анна Андреевна.

Ей казалось, что Митѣ дана свыше сила даже идіотовъ превращать въ умныхъ людей. Только Андрей Ивановичъ относился повидимому безучастно къ успѣхамъ сына, почти никогда не разспрашивая о немъ; но бѣдный старикъ самъ былъ теперь въ такомъ загонѣ, что никого не интересовало, какъ онъ относится къ тому или другому. Вся семья знала, что онъ послѣ пожара сталъ покучивать, выпивать; но это хотя и мучило семью, она все-таки старалась утѣшить себя тѣмъ, что «всѣ пьютъ». Выпивки не мѣшали службѣ, не мѣшали добыванію денегъ и кончались благополучно, если только Марья Ѳедоровна сама не начинала сценъ на другой день послѣ выпивки мужа. Но оставленіе за штатомъ точно сразу подкосило Андрея Ивановича. Онъ вдругъ окончательно упалъ духомъ, принизился, опустился. Онъ такъ привыкъ въ теченіе долгихъ-долгихъ лѣтъ ежедневно ходить въ одни и тѣ же часы въ должность, дѣлать въ теченіе извѣстнаго времени одно и то же дѣло, возвращаться въ опредѣленную минуту домой на отдыхъ послѣ трудовъ дня, что въ первые дни послѣ оставленія за штатомъ онъ вставалъ въ тѣ же часы, какъ и прежде, отправлялся изъ дому по той же дорогѣ, какъ и въ былые дни, доходилъ до мѣста своего прежняго служенія и съ какой-то горькой усмѣшкой, махнувъ рукой, шелъ далѣе, куда глаза глядятъ. Разъ какъ-то въ скорбныхъ мечтахъ онъ услышалъ звуки «машины» въ маленькомъ трактирчикѣ, недалеко отъ Никольскаго рынка, наигрывавшей «Не бѣлые-то снѣги въ полѣ забѣлѣлися», и вошелъ безсознательно въ «заведеніе», спросилъ чаю, выпилъ рюмку водки и сталъ слушать, опустивъ голову на руки. Худой, изжелта сѣрый, облысѣвшій.

Digitized by Google

маленькій и сгорбленный, онъ былъ жалокъ и безпомощенъ, какъ человѣкъ, выпущенный изъ больницы не потому, что онъ выздоровѣлъ, а потому, что у него неизлѣчимая хроническая болѣзнь, съ которой нельзя держать человѣка весь вѣкъ въ больницѣ, отнимая мѣсто у другихъ больныхъ, могущихъ еще выздоровѣть. Онъ просидѣлъ за чаемъ болѣе часу, прослушалъ и «Не бѣлые снѣги», и «Лучинушку», и «Среди долины ровныя», и наконецъ вспомнилъ, что пора идти домой. На слѣдующій день онъ уже прямо направился въ заведеніе и не спросилъ чаю, а просто велѣлъ дать рюмку водки и «лимончику пососать». Черезъ недѣлю, черезъ двѣ онъ сдѣлался настолько своимъ человѣкомъ въ заведеніи, что его даже не обругали, когда онъ, къ ужасу своему, увидѣлъ, что ему нечѣмъ заплатить за водку, и объявилъ объ этомъ буфетчику. Ему любезно отвѣтили:

— Помилуйте-съ, не въ первый, не въ послѣдній разъ насъ посѣщаете... Со всякимъ бываетъ забвеніе.

Это обстоятельство послужило предлогомъ для знакомства и разговора: и буфетчикъ, и Андрей Ивановичъ скучали одинаково сильно здѣсь по утрамъ: буфетчикъ оставался здѣсь по обязанности, хотя и зналъ, что никакого посѣтителя утромъ въ заведеніи не бываетъ; Андрей Ивановичъ заходилъ сюда потому, что ему некуда было дѣваться утромъ, хотя и зналъ, что въ заведеніи легче ему не станетъ. Теперь и буфетчикъ, и Андрей Ивановичъ нашли предлогъ для разговора. Они передали другъ другу всѣ свои будничныя впечатлѣнія, всѣ свои мелкія злобы. Буфетчикъ разсказалъ, кто содержитъ ихъ заведеніе, когда и какой народъ бываетъ въ заведеніи, почему *самъ* въ пренебрежительности держитъ чистую половину и даже машины новой поставить не хочетъ, потому что «все единственно купца Мамошина трактиръ всегда будетъ чистую публику у нихъ отбивать, такъ какъ онъ къ центрѣ ближе, а ихъ заведеніе только черной половиной и существуетъ и существовать будетъ». Андрей Ивановичъ, съ своей стороны, очень подробно распространился о своей служебной карьерѣ, о своей отставкѣ, о своемъ горѣ: не знаетъ теперь онъ, куда дѣвать время, за что приняться; конечно, онъ не нищій, онъ жить и безъ дѣла можетъ... у него сынъ... И вдругъ Андрей Ивановичъ весь словно измѣнился, упомянувъ о сынѣ.

— Онъ у меня образованный человѣкъ, съ князьями и графами на равной ногѣ, — небрежнымъ тономъ сказалъ Орловъ, важно приподнимая голову. — Я образованіе ему

Digitized by Google

хорошее далъ, въ гимназіи воспитывалъ, потомъ въ университетъ пустилъ. Пусть учится. Ну, и пошелъ впередъ. Вотъ князья Русовы, на что ужъ вельможи, а онъ съ ними на «ты» и съ княземъ, и съ княжнами; на дорогѣ молодой человѣкъ стоитъ, министромъ, либо сенаторомъ кончитъ. Теперь молодежи дорога широкая открывается, времена новыя, порядки новые...

— Такъ-съ, — согласился буфетчикъ. — Съ образованіемъ-съ, конечно, все можно. Вотъ и Парамонъ Семеновичъ Пахомовъ молодца своего въ гимназію отдалъ, а теперь...

— Да вѣдь Пахомовъ-то и отдалъ мальчишку въ гимназію только потому, что я своего туда пристроилъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ.

— А вы изволили знать Парамона Семеновича?—спросилъ буфетчикъ.

— Еще бы не знать!—сказалъ Орловъ.

Разговоръ еще болѣе оживился. Оба обрадовались, что у нихъ нашелся общій знакомый. Стали толковать о Пахомовѣ и порядочно перемыли ему бока. Потомъ Орловъ снова перешелъ къ разсказамъ о своемъ сынѣ.

— Онъ мнѣ никогда ни въ чемъ не откажетъ,—говорилъ старикъ:—но я самъ никогда ничего не попрошу у сына; пусть живетъ для себя, его жизнь впереди, а я буду смотрѣть да радоваться на него. Никогда не стану я у него поперекъ дороги, никогда не обременю его своею персоною. Знаю я, самъ знаю по опыту, что значитъ жить для другихъ, работать на чужіе рты. Истреплешься, исподличаешься, потому что видишь голодные рты, да думаешь, какъ бы ихъ накормить. Человѣкъ для себя жить долженъ, только тогда онъ и дышитъ вольнымъ духомъ. А тутъ тряпкой станешь, въ грязи ползать будешь, какъ за тобой папенька да маменька голодные да холодные, а передъ тобой жена да дѣтишки, просящіе супу да молочишка. Тебѣ на ногу каждый подлецъ наступаетъ, а ты молчишь, потому у тебя семья, дѣти.

— Это справедливо,—замѣтилъ буфетчикъ.—Я вотъ свою супружницу и дѣтокъ въ деревнѣ тоже оставилъ, пусть тамъ прокармливаются, потому одному мнѣ здѣсь не въ примѣръ вольготнѣе.

Затѣмъ буфетчикъ сказалъ, что, по его разсужденію, Андрею Ивановичу вовсе не слѣдуетъ приходить въ отчаянность, такъ какъ частныхъ дѣловъ всегда найдется въ сто-

Digitized by Google

лицѣ и даже у нихъ въ трактирѣ на черной половинѣ что ни день, то какіе-нибудь люди навертываются съ дѣлами и въ управѣ, и въ судѣ, и въ палатѣ. Андрей Ивановичъ удивился,—онъ до сихъ поръ не думалъ объ этомъ, хотя и зналъ, что по трактирамъ часто ищутъ ходатаевъ по дѣламъ; онъ объявилъ, что былъ бы очень радъ, если бы буфетчикъ когда-нибудь порекомендовалъ ему кого-нибудь изъ просителей. Буфетчикъ, съ своей стороны, былъ тоже радъ услужить «знакомому человѣку» и даже замѣтилъ, что Андрей Ивановичъ самую ихъ коммерцію можетъ поддержать, если будетъ заходить къ нимъ по дѣламъ. «У купца Мамошина тоже завсегда одинъ чиновничекъ этакій бываетъ и разныя кляузныя дѣла ведетъ». Орловъ ушелъ изъ заведенія довольно поздно и въ отличномъ настроеніи, выпивъ въ кредитъ три рюмки водки.

На слѣдующій день онъ не сразу вышелъ изъ дому. Онъ долго ходилъ по квартирѣ, тяжело вздыхая и кряхтя. Наконецъ онъ взялъ фуражку и совершенно равнодушнымъ тономъ мимоходомъ спросилъ у Марьи Ѳедоровны, нѣтъ ли у нея мелкихъ, двугривеннаго или четвертака.

— Нѣтъ, отстань ты,—рѣзко отвѣтила она.—Откуда у меня быть двугривеннымъ и четвертакамъ?

Эта фраза озадачила Андрея Ивановича.

— Да вѣдь, какъ же, есть же у насъ деньги,—замѣтилъ онъ, смотря съ недоумѣніемъ на жену.

Она взглянула на него вопросительно.

— Деньги?.. Ну, есть деньги! Кто тебѣ говоритъ, что ихъ нѣтъ,—сказала она.—Да мелочи нѣтъ.

— Такъ ты дай... ну, рубль, что ли,—сказалъ онъ.

— А-а!—протянула она, какъ-то сообразивъ что-то.—Нѣтъ двугривеннаго, такъ мы и рубль пропьемъ. Я думала, тебѣ мелочь нужна на извозчика, а это, значитъ, мы и отъ рубля, и отъ десяти рублей не откажемся. Въ кабакѣ-то не разсердятся, что много принесъ...

— Марья!—сурово проговорилъ Андрей Ивановичъ.

Однако она не сробѣла.

— Ты не стращай, пожалуйста!—громко сказала она.—Теперь вѣдь пропивать станешь, такъ добыть снова негдѣ, съ сына придется тянуть,—одинъ батракъ остался. Ты-то вотъ на подножный кормъ пущенъ; у меня да у Ани глаза ослѣпли, такъ, вѣрно, хочешь на сына приналечь. Что-жъ, отчего и не завѣсть еще его вѣкъ,—крѣпостной вѣдь, не сбѣжитъ...

Digitized by Google

Андрея Ивановича что-то пришибло. Онъ мялъ въ рукахъ фуражку, не трогаясь съ мѣста, и только тихо прошепталъ:

— Грѣхъ тебѣ, Марья!

— Что грѣхъ-то?—сказала она рѣзко.—Правду говорю. Ну, пропей, прогуляй все, что скопили, откуда же тогда возьмешь? Красть станешь? Нѣтъ, съ сына драть станешь послѣднюю копейку да кабачниковъ обогащать. Онъ что же?—онъ будетъ давать, чтобы мы по-міру не ходили да его не срамили; онъ будетъ давать, чтобы ты на улицахъ да въ кабакахъ не валялся, а все по благородному съ пріятелями на пирушкахъ да на вечеринкахъ кутилъ. Какъ не давать! Въ петлю затянется, а дастъ.

Андрей Ивановичъ тихо, но твердо отвѣтилъ:

— Не бралъ я и не возьму отъ сына никогда ни полушки. Издохну скорѣе, чѣмъ отъ него возьму...

Марья Ѳедоровна даже испугалась этого тона.

— Что-жъ, попрекалъ онъ тебя, что ли?—сказала она.

— Не попрекалъ, а самъ я эту лямку протянулъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Какую это лямку?—спросила Марья Ѳедоровна.

— Семью кормилъ... Семью кормилъ,—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Кормилъ, а теперь вотъ благодарность получаю!...

Онъ понурилъ голову и тихо, мелкими шажками, какъ пришибленный, вышелъ изъ дому. Между нимъ и женою точно что-то порвалось въ эту минуту. Они договорились до послѣдняго слова. Она была для него уже не жена, а только мать, отстаивающая грудью свое дитя отъ родного отца. Онъ былъ ей уже не мужъ, а человѣкъ, который можетъ погубить, разорить, опозорить ея сына. Они оба это чувствовали уже не первый день, хотя высказали это другъ другу впервые.

Аннѣ Андреевнѣ, слышавшей этотъ разговоръ, стало жаль и отца, и мать, и она оправдывала въ душѣ обоихъ, молясь только объ одномъ, чтобы Богъ послалъ имъ силы и средства не сидѣть на шеѣ у Мити. Пусть лучше они всѣ трое умрутъ, только бы не заѣдать вѣка Мити. Ей даже страшно стало при этой мысли, и она торопливо прошептала: «Господи, прости Ты мое великое согрѣшеніе!» Вечеромъ она горячо молилась у всенощной, стоя въ уголкѣ полутемной церкви на колѣняхъ и вперивъ неподвижный взоръ въ образъ. Она молилась за брата, за его спасеніе,

Digitized by Google

за его счастіе, и горячія слезы, не замѣчаемыя ею, катились по ея щекамъ, падали на ея одежду, на полъ.

Съ этого дня Андрей Ивановичъ приходилъ домой только ночевать. Почти цѣлые дни проводилъ онъ въ заведеніи, на пирушкахъ у мелкихъ купцовъ и мѣщанъ, обдѣлывая какія-то грошевыя дѣла и составляя прошенія. У него завелся обширный кругъ новаго знакомства, съ нимъ раскланивались всѣ лавочники Никольскаго рынка, онъ любилъ бесѣдовать съ каждымъ встрѣчнымъ, говоря довольно рѣзко о существующихъ порядкахъ, о дороговизнѣ, о томъ, что теперь за умъ взялись и реформы вводятъ, молодежь впередъ дѣловую выдвигаютъ, и при этомъ разговоръ неизмѣнно сводился къ одному концу:

— Да вотъ у меня у самого сынъ, умнѣйшая голова, такъ шагаетъ впередъ, что и не догонишь... Министромъ, либо сенаторомъ кончитъ. Въ гимназіи первымъ курсъ кончилъ, теперь въ университетѣ лекціи слушаетъ, съ первыми лицами въ государствѣ свой человѣкъ...

И затѣмъ шли безконечные разсказы о сынѣ. Фактическихъ свѣдѣній о жизни Мити у Андрея Ивановича было мало, но этотъ недостатокъ дополняла его фантазія, и его разсказы о Митѣ даже превосходили разсказы Анны Андреевны о братѣ. Другою любимою темой разговоровъ старика сдѣлался вопросъ о заѣданьи человѣка семьею.

— Семья-то, какъ ржа желѣзо, человѣка ѣстъ,—говорилъ старикъ.—Не успѣетъ человѣкъ на ноги встать—корми отца и мать; чуть въ лѣта вошелъ—жена на шеѣ повисла да дѣти. Женщина у насъ что? Убейся она надъ работой, все-таки грошъ только добудетъ, да и то невѣрный, не въ срокъ, не во-время. Мы хоть мало получали, да знали, что перваго числа придешь и получай денежки. А баба? Сегодня ей заплатили, а завтра нѣтъ; сегодня ее завалили работой, а завтра клади зубы на полку. Ну, она и виситъ на мужниной шеѣ. Она и сама не рада, она плачетъ и убивается, а виситъ, заѣдаетъ его, точитъ, какъ ржа желѣзо. Покуда она еще одна—ничего, а пойдутъ дѣти, такъ тутъ, какова ни будь, приналяжетъ на мужа. Извѣстно—мать! Она дитя носила; она слышитъ, какъ оно стонетъ и плачетъ, такъ тутъ станешь пилить да точить мужа. Тоже не отъ радости это дѣлается.

Эта тема съ каждымъ днемъ развивалась Орловымъ все полнѣе и полнѣе. Это было теперь его больное мѣсто. Являясь въ свою семью, онъ дѣлался все угрюмѣе и угрюмѣе.

Digitized by Google

Марья Ѳедоровна и Анна Андреевна замѣтили, что по какимъ-то непонятнымъ причинамъ эта мрачность еще болѣе усиливалась, когда начинались при немъ толки о Митѣ.

— Точно волкъ смотритъ, когда заговоришь о сынѣ,— сказала разъ не выдержавшая Марья Ѳедоровна дочери.

— И за что онъ его ненавидитъ, за что?—воскликнула Анна Андреевна, поднимая къ небу глаза.

Она точно обрадовалась, что мать замѣтила это, что это не ей одной бросалось въ глаза.

— Видно, смотрѣть-то стыдно на сына!—рѣшила Марья Ѳедоровна.

— А я ужъ боялась, что грѣшу я, что это только мнѣ такъ кажется,—сказала Анна Андреевна.

— Чего тутъ казаться! Не со вчерашняго дня я это замѣтила,—отвѣтила Марья Ѳедоровна:—не завтра это и кончится. Сама знаешь, у отца мыслей-то немного. Какъ какая-нибудь засядетъ въ голову, такъ онъ съ нею чуть не по годамъ носится, точно курица яйцо высиживаетъ...

— Только грѣхъ ему на Митю сердиться,—со вздохомъ сказала Анна Андреевна.

— Да онъ, можетъ, и не сердится на него, а стыдъ его заѣдаетъ,—сказала мать.—Совѣсть-то тоже есть, и понятія Богъ не отнялъ,—ну, и стыдно, за себя стыдно!..

Старикъ же на другой день ораторствовалъ среди своихъ новыхъ знакомыхъ:

— И что такое отцы и матери? Поднимаютъ дѣтей, чтобы даровыхъ батраковъ имѣть, чтобы какъ воловъ запрячь ихъ и загонять до послѣдняго издыханія. Туда же толкуютъ: мы любимъ своихъ дѣтей, мы не наглядимся на нихъ! А почему? Потому, что изъ этихъ дѣтей сокъ можно будетъ выжимать потомъ, поильцевъ и кормильцевъ изъ нихъ сдѣлать можно будетъ. Пусть ихъ затягиваются въ работѣ, было бы только намъ хорошо. Да, по мнѣ, отсохни моя рука, если я ее протяну къ своему сыну за помощью. Пусть для себя живетъ, пусть не грѣшитъ, проклиная часъ, когда его мать родила на работу каторжника. Объ этомъ каждый отецъ, каждая мать подумать должны!

Этимъ разсужденіямъ Андрея Ивановича не было конца, точно онъ никакъ не могъ исчерпать всей темы о заѣданіи человѣка семьею. Марья Ѳедоровна совершенно вѣрно замѣтила, что у него было мыслей немного и что онъ по годамъ способенъ былъ носиться съ какою-нибудь одною мыслью. Какъ когда-то онъ юношею носился съ мыслью о

Digitized by Google

женитьбѣ на румяной и полной Маріѣ Ѳедоровнѣ, какъ потомъ онъ няньчился съ мыслью о постройкѣ дома, какъ, далѣе, онъ задался мыслью о возможности всего достигнуть черезъ барскихъ слугъ,—такъ теперь онъ весь погрузился въ размышленіе о томъ, что семья заѣдаетъ человѣка, что она заѣла его, что она можетъ заѣсть его сына. Эта тема разрасталась въ его головѣ, онъ находилъ новые факты, новыя доказательства для подтвержденія своей мысли и не могъ отъ нея оторваться. Иногда онъ одинъ на улицѣ вслухъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ, обращая на себя вниманіе прохожихъ.

Дмитрій Андреевичъ даже и не подозрѣвалъ всѣхъ этихъ закулисныхъ событій въ своей семьѣ. Онъ видѣлъ только иногда, что дома дѣлается что-то неладное, но не желалъ вовсе вникать въ это дѣло, зная по опыту, что разспросами можно растравить больныя мѣста, но нельзя помочь бѣдѣ. Онъ зналъ, что его отецъ постоянно исчезаетъ изъ дому и попиваетъ, и глубоко жалѣлъ старика, сознавая, что спасти его отъ загуловъ нѣтъ возможности, что этотъ исходъ былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всего пережитаго горя. Иногда при воспоминаніяхъ о семьѣ, при раздумьи объ ея положеніи, у молодого человѣка сжималось болѣзненно сердце, и поднималась желчь. Онъ болѣзненно любилъ и мать, и отца, и сестру, принесшихъ ему сотни жертвъ, и сознавалъ, что всѣ они загублены безповоротно, навсегда. Какъ человѣкъ очень нервный, впечатлительный, онъ нерѣдко лишался сна, когда ему приходилось случайно задуматься о своей семьѣ. Это было что-то въ родѣ раны, до которой стоило дотронуться, чтобы боль отозвалась во всемъ организмѣ.

Разъ какъ-то онъ возвращался вечеромъ домой. Онъ шелъ не спѣша по полутемной улицѣ, раздумывая о всемъ совершавшемся вокругъ, какъ вдругъ его вниманіе было остановлено шедшимъ передъ нимъ человѣкомъ. Это былъ невысокій ростомъ, худощавый и сутуловатый человѣкъ; онъ шелъ, слегка пошатываясь изъ стороны въ сторону. Дмитрій Андреевичъ сразу узналъ отца. Первою его мыслью было замедлить шаги и не нагонять отца, чтобы тотъ не зналъ, что сынъ видѣлъ его въ такомъ видѣ. Но не успѣлъ Дмитрій Андреевичъ пріостановиться, какъ старикъ Орловъ сильно пошатнулся и едва не свалился, придержавшись только за заборъ. Дмитрій Андреевичъ, ничего уже не думая, подъ вліяніемъ страха, что старикъ упадетъ, быстро подошелъ къ нему.

Digitized by Google

— А, это ты, Митя,—пробормоталъ старикъ-Орловъ, сконфуженнымъ голосомъ.

— Да, вотъ загулялся долго, возвращаюсь тоже домой,— сказалъ сынъ, взявъ подъ руку отца.

— И я... тоже на рожденіи былъ у пріятеля... Подгуляли немного, — сказалъ Андрей Ивановичъ, стараясь пріободриться и казаться развязнымъ.

— Ну, что-жъ, и хорошо... Иногда нужно повеселиться,— отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Какое веселье, какое веселье! — сказалъ старикъ.— Горе насъ гонитъ на это веселье, горе!... Ну, да ужъ не поправишь этого... Нѣ-тъ, никакъ не поправишь!... Вотъ тебѣ не придется съ горя веселиться... Дай Богъ, чтобы не пришлось!..

Они пошли вмѣстѣ.

— Только ты береги себя, голубчикъ, береги... О себѣ думай,—продолжалъ старикъ.—Ты о насъ не думай... Чего о насъ думать? Мы жили и отжили, отжили—и ничего намъ не надо... Новой жизни не дашь, а себя изъ-за насъ не губи... На что? Что пользы? Затянешься, какъ кляча, какъ я затянулся,—затянешься, а намъ не поможешь, потому мы старички, мы отжили, Митя... А ты жить долженъ... И такъ сидимъ у тебя на шеѣ...

— Полно, отецъ!—ласково сказалъ Дмитрій Андреевичъ, изумленный и тронутый словами старика.

— Нѣтъ, нѣтъ, сидимъ на шеѣ и заѣдаемъ твой вѣкъ,— продолжалъ старикъ.—Мать жалуется, что достатки малы... Не слушай ея!.. На нашъ вѣкъ хватитъ; а не хватитъ— и такъ обойдемся... А ты о себѣ думай,—твоя жизнь впереди... Я вотъ пью, Митя, пью... Я изъ своихъ денегъ, голубчикъ, пью, и матери приношу, и у тебя на шеѣ сидѣть не буду...

— Отецъ, да развѣ я когда-нибудь говорилъ, что вы мнѣ въ тягость?—воскликнулъ Дмитрій Андреевичъ со слезами на глазахъ.

— Не говорилъ и не скажешь, потому ты—благородная душа, а я знаю все это, знаю!—проговорилъ старикъ.

— Да я жизнь готовъ бы отдать, чтобы вы были счастливы!—горячо сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Жизнь отдать, жизнь отдать!—повторилъ старикъ.—Не надо, голубчикъ, не надо... То-то я и говорю: сами дали человѣку жизнь и сами заставляемъ его отдать намъ эту жизнь... Нѣтъ, знаю я, каково жизнь другимъ отдавать,—знаю, и потому хочу, чтобы ты зналъ, что я не хотѣлъ сидѣть у

Digitized by Google

тебя на шеѣ, не хотѣлъ тебя заѣдать... Умру—на могилу мою придешь и скажешь: «Старикъ любилъ меня не за то, что я былъ его поильцемъ и кормильцемъ,—не за то, а за то, что я его сынъ былъ»... Да, такъ и скажешь...

Старикъ вдругъ остановился и, поднявъ вверхъ руку, торжественно проговорилъ:

— Митя, это я великое слово говорю: любилъ не за то, что ты моимъ кормильцемъ и поильцемъ былъ, а за то, что ты мой сынъ былъ!... Понимаешь?..

Онъ снова пошелъ дальше и продолжалъ говорить:

— Это вонъ онѣ, бабы, такъ Бога любятъ; дай намъ, говорятъ, корову, а мы тебя любить будемъ, да кланяться тебѣ будемъ... Не годится такъ, не годится, голубчикъ!.. Заѣдаютъ вѣкъ человѣка, ѣздятъ на немъ, послѣднюю шкуру съ него деруть, а говорятъ: мы тебя любимъ... Мы умирать скорѣе должны,—вотъ что мы должны, Митя,—а не чужой вѣкъ заѣдать.

— Ну, полно, голубчикъ! Никому ты не въ тягость и умирать тебѣ еще рано,—сказалъ ласково Дмитрій Андреевичъ, передъ которымъ открылся совершенно новый міръ взглядовъ его отца.—Еще погоди, какъ поживемъ, какъ поживемъ!

Старикъ отрицательно покачалъ головой.

— Поздно, поздно!—пробормоталъ онъ.—Ты живи, а намъ умирать надо.

Они подъ руку тихими шагами дошли до дома.

Марья Ѳедоровна даже руками всплеснула, увидавъ, что сынъ пришелъ вмѣстѣ со старикомъ, и отъ ея глазъ не ускользнуло, въ какомъ видѣ пришелъ старикъ. Она встревожилась, засуетилась, прошептавъ торопливо мужу: «Ложись ужъ, ложись скорѣе!»—и прошла въ комнату къ Дмитрію Андреевичу съ испуганнымъ и смущеннымъ выраженіемъ лица.

— Прости ты его, голубчикъ, прости!—мягко заговорила она.—Срамитъ онъ тебя, срамитъ своимъ безобразіемъ...

— Полноте, мама,—отрывисто сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Что за срамъ, что старикъ выпилъ. Всѣ у насъ пьютъ. Почему же ему быть исключеніемъ?

— Да тебѣ-то каково, тебѣ-то каково?—воскликала она.—Ужъ если у меня все сердце изныло, такъ тебѣ-то и пуще того не легко.

Дмитрій Андреевичъ только рукой махнулъ.

Ему дѣйствительно было не легко, но не потому, что

Digitized by Google

отецъ пилъ, а потому, что въ головѣ молодого человѣка снова воскресли думы о томъ, что̀ пережила его семья, какія невзгоды и горе загубили всѣ эти существованія, сколько нужно было испытать для того, чтобы дойти до взглядовъ, высказанныхъ его отцомъ. Эти взгляды озарили старика-Орлова новымъ свѣтомъ въ глазахъ его сына. Они открыли передъ Дмитріемъ Андреевичемъ тотъ уголокъ человѣческой души, въ который вообще не легко заглянуть, и еще труднѣе, когда эта душа принадлежитъ такому несообщительному человѣку, какъ Андрей Ивановичъ, мало говорившій и говорившій только тогда, когда онъ что-нибудь переболѣетъ въ своей душѣ. Дмитрію Андреевичу было тяжело теперь разсуждать съ матерью объ отцѣ. Она, какъ онъ ясно понималъ, не сознавала страданій, переживаемыхъ ея мужемъ.

Марья Ѳедоровна, однако, не выходила изъ комнаты сына и какъ-то опасливо, тревожно переминалась, точно желая и въ то же время боясь начать какой-то разговоръ. Наконецъ, она съ приступами, какъ она обыкновенно говорила съ сыномъ, начала рѣчь:

— Ужъ и то вся улица только и трезвонитъ, что объ Орловыхъ. Куда ни пріди, всюду имъ, да имъ бока перемываютъ...

— Ну, мама, намъ-то что за дѣло до того, что̀ про насъ говорятъ!—сказалъ нетерпѣливо Дмитрій Андреевичъ.—За глаза и про царя говорятъ.

— Да не за глаза, не за глаза, а въ глаза насмѣхаются да издѣваются!—воскликнула Марья Ѳедоровна.—И то сказать, какъ не смѣяться, какъ не издѣваться. Самъ пьетъ, чуть по улицамъ не валяется, племянница собой торгуетъ...

Дмитрій Андреевичъ вскочилъ съ мѣста, какъ ужаленный.

— Настя?—воскликнулъ онъ.—Настя?.. Что вы говорите!

— Ничего не знаю навѣрное, ничего, а люди видѣли ее въ коляскѣ,—проговорила Марья Ѳедоровна.

Дмитрій Андреевичъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Подлыя сплетни!—рѣзко сказалъ онъ.—Охота вамъ все слушать, всему вѣрить!

— Не сплетни, голубчикъ, не сплетни, а меня предостеречь хотѣли добрые люди,—заговорила Марья Ѳедоровна.—Передаютъ, что такъ и такъ—разъ ее въ театрѣ въ ложѣ видѣли съ молодыми людьми, а потомъ въ коляскѣ проѣхала она... Ну, не утерпѣла я,—не чужая она мнѣ, слава Богу,—бросилась къ ней: дома не застала. Я другой разъ къ ней: тоже нѣтъ дома. Наказала я, чтобъ ее прислали,

Digitized by Google

говорю: «Тетенька, дескать, желаютъ видѣть, давно не видали, такъ соскучились»,—а сама, грѣшный человѣкъ, все выспрашиваю, какъ живетъ, гдѣ бываетъ, кто къ ней ходитъ... Ну, да такъ и узнаешь у этихъ мадамъ. Настя-то вѣдь теперь не въ магазинѣ живетъ, а надъ нимъ, въ меблированныхъ комнатахъ съ подругой, какъ говоритъ, комнатку снимаетъ. Ну, комнаты-то мадамъ какая-то, нѣмка, содержитъ, такая цирлихъ-манирлихъ, глазки въ землю опускаетъ. «У меня, говоритъ, все деликатные жильцы», а сама, вижу я, что бестія. Ну, говоритъ она, что фрейленъ Натали... Митя, вѣдь по-нѣмецки-то Настасья не Натали называется?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— То-то помнится, что не Натали... съ чего же это нѣмка-то Настю фрейленъ Натали величаетъ?—раздумчиво произнесла Марья Ѳедоровна, но тотчасъ же вспомнила, что надо кончить разсказъ, и перемѣнила тонъ:—ну, вотъ, говоритъ она, что фрейленъ Натали все за работой, все за работой въ магазинѣ, или развозитъ вещи по кліентамъ и заказчикамъ, и сама ни ногой въ гости и къ ней никто. Вижу я, что она вретъ и смѣется надо мной, а придраться нельзя. Такъ я и ушла, наказавъ еще, чтобы Настю непремѣнно прислали. Ну, жду день, другой; приходитъ...

— Ну, и что же?—нетерпѣливо спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Что? Извѣстно что. Пришла. Стала я ее спрашивать. Вретъ и не краснѣетъ! — сердито отвѣтила Марья Ѳедоровна. — Ты, говорю, съ кѣмъ это въ театрѣ была? — «Съ хозяйкой, говоритъ, и ея братьями». — А ты, говорю, это въ какихъ колоскахъ разъѣзжаешь? — «А это, говоритъ, заказчица экипажъ за мной прислала, чтобы заказъ у нея взять». — И сама это, точно вотъ передъ попомъ на духу, губки поджимаетъ, глазки внизъ, ручки на колѣняхъ сложила, хоть образъ съ нея пиши! Взорвало меня, начала я ее бранить, что она у насъ не бываетъ, что она ведетъ себя не путевымъ порядкомъ, а она только: «Тетя, да мнѣ некогда!.. Тетя, да что же я сдѣлала?..» И сама это и передо мной, и передъ Аннушкой лебезитъ-лебезитъ и ручки цѣлуетъ и обнимаетъ... Погибла дѣвка, погибла совсѣмъ чуетъ мое сердце!..

И вдругъ Марья Ѳедоровна, перемѣняя тонъ, въ упоръ обратилась съ вопросомъ къ сыну:

Digitized by Google

— Ну, изъ какихъ денегъ она брату помогаетъ, а?.. Изъ какихъ?

— Какому брату?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Да Николашкѣ... Я тебѣ ужъ во всемъ покаюсь, — сказала Марья Ѳедоровна. — Не хотимъ мы съ Аннушкой тебя разстраивать и уговорились съ ней ничего не говорить... Да вотъ теперь съ языка сорвалось... Николашку-то выгнали давно и изъ пріюта, и отъ портного, куда я его въ ученье пристроила, и продаетъ онъ слоновъ по улицамъ. Мальчишкѣ восемнадцать лѣтъ, а пьетъ какъ бочка. Встрѣтила я его какъ-то, говорю: побойся ты Бога, ни за тобой, ни передъ тобой ничего нѣтъ, а ты пьешь; коли на насъ надѣешься, такъ у насъ для тебя денегъ не припасено. А онъ: «Мнѣ, говоритъ, вашего и не нужно, — мнѣ сестра даетъ».—Какая сестра?—«А Настасья-то».—Да откуда у нея самой?.. Юбчонку послѣднюю отдастъ, что ли?—«Ну да, говоритъ, вы у нея въ карманѣ-то не считали, а на нашъ вѣкъ хватитъ».

Марья Ѳедоровна махнула рукой.

— Да вѣдь и Дашу она же изъ пріюта взяла, въ магазинъ помѣстила, пріодѣла, — сказала она. — Я-было не соглашалась, а она настояла на своемъ.

Передъ Дмитріемъ Андреевичемъ раскрывался цѣлый міръ новыхъ событій въ его семьѣ, о которыхъ онъ и не подозрѣвалъ. Ему стало какъ-то жутко.

— Зачѣмъ вы мнѣ раньше не сказали всего?—воскликнулъ онъ.

— Да что говорить-то! Развѣ поможешь? Только сердце твое будетъ надрываться,—сказала она.—И сегодня-то ужъ потому только начала, что опять толки въ улицѣ идутъ про Настасью. Опять видѣли ее въ парныхъ саняхъ... Ну, погибла, такъ ужъ не воротишь. Да вѣдь Даша-то при ней, тою же дорогой пойдетъ... Хоть бы ее спасти...

Дмитрій Андреевичъ заходилъ въ волненіи по комнатѣ, нахмуривъ брови и закусивъ губу.

— Я зайду къ ней,—сквозь зубы сказалъ онъ матери.

Она стала благодарить его и просить дать совѣтъ Настѣ.

— Хорошо, хорошо, мама, сдѣлаю все, что можно. Но теперь довольно, мнѣ надо отдохнуть,—сказалъ онъ отрывисто.

Мать поцѣловала его и вышла. Онъ вздохнулъ широкимъ вздохомъ, точно что-то сдавливало ему грудь.

Однако, отдохнуть ему почти не удалось. Онъ легъ, но спалъ недолго, плохо и тревожно.

Digitized by Google

Утромъ онъ отправился къ Настѣ. Когда онъ поднялся по парадной лѣстницѣ въ Большой Морской и позвонилъ у дверей квартиры, гдѣ жила Настя, къ нему вышла хозяйка квартиры, женщина лѣтъ сорока, одѣтая не безъ кокетства, скромно потупляющая лукавые глаза и говорящая вкрадчивымъ голоскомъ. Опытный наблюдатель могъ сразу угадать, смотря на эту личность, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Дмитрію Андреевичу вспомнилось невольно, что его мать назвала ее «бестіей». Онъ сказалъ, кого ему надо. Оказалось, что фрейленъ Натали нѣтъ дома. Дмитрій Андреевичъ объявилъ, что онъ желаетъ пройти въ ея комнату и тамъ подождать Настю. Хозяйка объявила, что фрейленъ Натали уноситъ ключъ отъ комнаты съ собой. Тогда онъ сказалъ, что онъ подождетъ хоть здѣсь, въ передней, такъ какъ когда-нибудь да придетъ же Настя.

— Я ея братъ, и мнѣ нужно ее видѣть,—закончилъ онъ.

Хозяйка смутилась и начала объяснять, что фрейленъ Натали никого, никого не принимаетъ, и потому она, право, не знаетъ, какъ быть.

— Я во всякомъ случаѣ не уйду и буду ждать или здѣсь въ коридорѣ, или у дверей,—сказалъ Орловъ.

— О, какъ вы горячо желаете видѣть вашу сестру!—съ улыбкой сказала хозяйка.—Вы ее очень любите? Она, впрочемъ, вполнѣ заслуживаетъ этого. Мнѣ только жаль...

Въ эту минуту вдругъ послышался голосъ Насти. Дмитрій Андреевичъ, уже не слушая хозяйку, двинулся впередъ, сказавъ рѣзко:

— Что же вы лжете, когда она дома?

Онъ быстро дошелъ до двери, откуда послышался голосъ дѣвушки, и постучалъ.

— Кто тамъ?—раздался вопросъ.—Идите!

Онъ вошелъ въ свѣтлую, мило убранную комнату.

— Митя!—раздалось восклицаніе Насти.

Она и смутилась, и обрадовалась.

— Къ тебѣ труднѣе попасть, чѣмъ къ иному министру,— сказалъ онъ, здороваясь съ нею.

— Я не велѣла никого пускать... Отъ работы отрываютъ... Я все работаю,—заговорила она торопливо и стала его усаживать.

— Я радъ, что теперь, по крайней мѣрѣ, не оторвалъ, кажется, тебя отъ дѣла,—сказалъ онъ, осматривая комнату, гдѣ не было и признаковъ работы.

— Да, я сейчасъ кончила, отослала внизъ... Ну, чѣмъ

Digitized by Google

тебя угощать?.. Вотъ-то я не ожидала, голубчикъ, что ты зайдешь... Давно мы не видались, очень давно... Была у васъ, такъ тебя не было, — быстро заговорила она, глотая концы фразъ и не зная, что говорить.

Онъ всматривался въ нее, удивленный происшедшей перемѣной. Онъ не видалъ ее мѣсяцевъ восемь. Она развилась и похорошѣла еще болѣе; теперь это была въ полномъ смыслѣ слова красавица, совершенно сформировавшаяся и перешедшая уже тотъ возрастъ, когда дѣвушка еще кажется полуребенкомъ. Но отъ его вниманія не ускользнуло и то, что выраженіе ея лица было далеко не веселое, не говорило о счастьи.

— Это ужъ не ты ли играешь на фортепіано? — спросилъ онъ, указывая на стоявшее въ ея комнатѣ фортепіано.

Она вся зарумянилась и начала путаться въ отвѣтѣ.

— Такъ... учусь... по слуху... Комната такъ отдавалась... съ фортепіанами... У меня столько, столько работы, что не до музыки... День-денской шьешь-шьешь, спины не разгибая, такъ тутъ не до музыки... Тоже не сладкая эта жизнь швеи-то... Ахъ, Митя, надо пожить этой жизнью, чтобы знать... Конечно, я...

Онъ все смотрѣлъ и смотрѣлъ на нее, слушая эту отрывистую, сбивчивую и торопливую рѣчь, и, видя, какъ молодая дѣвушка все болѣе путается, теряется, вдругъ сказалъ:

— Но ты даже и полнѣть начала отъ этой работы!

Онъ сказалъ это просто, безъ умыслу. Но Настя вдругъ поблѣднѣла и, закрывъ лицо руками, зарыдала.

— Несчастная я, несчастная! Развѣ я этого ожидала? Кто же это зналъ?—говорила она сквозь слезы.—Скоро людямъ показаться нельзя будетъ, изъ комнаты нельзя будетъ выйти...

Онъ вдругъ все разсмотрѣлъ, все сообразилъ, все понялъ. Онъ машинально провелъ рукой по своему похолодѣвшему лбу, подошелъ къ молодой дѣвушкѣ и ласково проговорилъ, наклонясь надъ ней:

— Ну, милая, перестань, перестань! Слезами теперь не поможешь. Что-жъ дѣлать. Надо только о будущемъ подумать.

Она подняла голову и порывисто, горячо обняла его.

— Митя, родной!.. Онъ вѣдь меня любитъ!—проговорила она уже безъ слезъ.—Какой хорошенькій самъ-то... И ты не думай, что изъ какихъ-нибудь... Его родители—важные

Digitized by Google

господа... Онъ самъ на какой дорогѣ стоитъ... Правовѣдъ былъ, недавно ученье кончилъ... Онъ, конечно, жениться теперь не можетъ...

— И никогда не женится, никогда! — рѣзко сказалъ Орловъ. — Поиграетъ и броситъ! Развѣ эти люди женятся на такихъ, какъ ты, на голи перекатной?..

— Ахъ, не говори! Онъ меня любитъ, — ничего, ничего для меня не жалѣетъ... У него свои капиталы... У его отца свои, а у него свои,—отъ бабушки остались... Я только не хочу, а онъ мнѣ все бы предоставилъ, потому онъ любитъ... «Мнѣ, говоритъ, товарищи завидуютъ, что ты у меня такая красавица...»

Дмитрій Андреевичъ сидѣлъ, низко опустивъ голову на руки. Ему было тяжело слушать. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Зачѣмъ же ты Дашу-то къ себѣ взяла? По той же дорожкѣ пустишь?..

— Митя! Митя! Богъ съ тобой, что ты говоришь!—воскликнула Настя.—Даша—счастливая, у нея женихъ есть, чиновничекъ молодой, тихій, тихій такой... Я ее замужъ выдамъ... Онъ бы и на мнѣ женился, да мой Коля не хотѣлъ...

Она вдругъ оборвала рѣчь, точно испугавшись, что сказала лишнее. Прошло нѣсколько минутъ въ тяжеломъ молчаніи. Наконецъ, она заговорила первая.

— Я вотъ, Митя, боюсь только, какъ тетѣ сказать о свадьбѣ Даши. Конечно, тетя будетъ рада даже, что Даша выходитъ замужъ за чиновника... Но какъ же я буду на свадьбѣ?.. Вотъ и ты замѣтилъ... Я ужъ какъ у васъ была, такъ и не снимала пальто... А на свадьбѣ замѣтитъ, непремѣнно замѣтитъ...

Дмитрій Андреевичъ махнулъ рукой.

— Мать не поѣдетъ на свадьбу... Это можно сдѣлать... Нужно думать не объ этомъ, — сказалъ онъ. — Но у меня голова идетъ кругомъ... Я не понимаю, какъ это такъ скоро все сдѣлалось: Даша только что вышла изъ пріюта, сейчасъ же познакомилась съ этимъ чиновникомъ и уже сдѣлалась невѣстой... Хорошій ли онъ человѣкъ?

— О, Коля говоритъ, что отличный... Онъ все надъ нимъ шутитъ... Онъ его Молчалинымъ зоветъ, а того совсѣмъ не Молчалинымъ, а Малоземовымъ зовутъ. А это правда, что онъ молчаливъ... Тихій, тихій совсѣмъ...

— Да при чемъ же тутъ твой Коля?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ, ничего не понимая.

Digitized by Google

Настя опять смутилась и замялась.

— Видишь ли, — начала она нерѣшительно: — я въ такомъ положеніи... Я сказала, что я ни за что, ни за что не брошу ребенка... Лучше ужъ все перенести, чѣмъ свое дитя бросить... Ну, вотъ Коля и придумалъ... Это не онъ, а отецъ его придумалъ... Отецъ его все узналъ, сердился очень... Онъ это и придумалъ... Даша, видишь ли, выйдетъ замужъ, — ну, ребенка и припишутъ законнымъ, то-есть какъ будто онъ ея ребенокъ, а не мой... Понимаешь, это чтобы онъ незаконнымъ не былъ, а дворяниномъ... Отецъ Коли хотѣлъ, чтобъ я вышла за Малоземова, но я не хочу, и Коля тогда сказалъ: «Я убью его, если онъ будетъ хоть названіе твоего мужа носить...» Коля такъ меня любитъ, такъ любитъ, что ревнуетъ...

— Негодяй!—прошепталъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ахъ, Митя, Митя, онъ ничего не жалѣетъ для меня,— вступилась за него Настя. — Отецъ Коли, конечно, не согласенъ, чтобы Коля женился на мнѣ, но Коля говоритъ, что старикъ правъ, что всѣ родные отъ нихъ отступятся, если Коля женится на мнѣ теперь... «Ты, говоритъ онъ мнѣ, Натали...»

— Съ чего это тебя величаютъ этимъ именемъ? — перебилъ ее Дмитрій Андреевичъ вопросомъ.

— Это такъ, случайно, — сказала Настя. — Видишь ли, голубчикъ, когда Коля первый разъ присталъ, то-есть увидалъ меня и спросилъ мое имя, я не хотѣла, чтобъ онъ зналъ, кто я, и сказала, что меня зовутъ Наташей... Онъ говоритъ: «Какое прелестное имя, Натали...» Ну, такъ онъ и сталъ звать меня, а тамъ ужъ мнѣ и совѣстно было сказать, что я солгала...

— Да вы, кажется, только и дѣлаете оба, что лжете другъ другу,—проговорилъ Орловъ.

Онъ поднялся съ мѣста.

— Митя, куда же ты?—спросила Настя.—Кофе не хочешь ли?

Онъ ничего не отвѣтилъ ей и проговорилъ:

— Дашу-то ты зачѣмъ губишь?

— Какъ гублю?—воскликнула Настя.—Она же замужъ выходитъ!

— За нелюбимаго человѣка, который и ея не любитъ.

— Да съ чего имъ не любить другъ друга?.. Онъ молодой, скромный, чиновникъ... И она—красавица... Мѣсто онъ черезъ нее получитъ... Тоже не вышелъ бы этотъ случай,

Digitized by Google

не сладко бы ей было. Вонъ въ пріютѣ попечитель и староста церковный, трактирщикъ Соболевъ, ее сманивалъ въ содержанки къ себѣ... Такъ съ этимъ толстопузымъ купцомъ счастье бы было? А такъ-то жить, въ горничныхъ или швеяхъ... Нѣтъ, ты, Митя, не знаешь этой жизни... Не сладка она нашей сестрѣ,—служи да работай на другихъ... Да ты что же торопишься?.. Кофе не хочешь ли?..

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Орловъ.—Я домой иду...

— Ты не говори ничего, голубчикъ, тетѣ! — заволновалась Настя. — Она скандалъ подниметъ... Я боюсь... Коля тоже пуще всего этого не любитъ... Да мнѣ самой легче петлю, чѣмъ выносить эти скандалы...

Дмитрій Андреевичъ сухо успокоилъ ее.

— Ужъ вѣдь какъ я изворачивалась и лгала, чтобы все это скрыть отъ тети,—говорила Настя.—Я тоже знаю ее! Не легко бы ей было, если-бъ она все, все знала...

Онъ не дослушалъ ея и ушелъ. Онъ даже не замѣтилъ, что она будто что-то не договаривала, что въ ея словахъ слышалась затаенная горечь, что въ ея голосѣ были слезы. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы заглянуть поглубже въ ея душу. Его точно пришибло чѣмъ-то, точно ему нанесли тяжелое оскорбленіе. Онъ былъ золъ на весь міръ. Вечеромъ нужно было работать у князя, и князь спросилъ его, что съ нимъ, увидавъ, что онъ и пожелтѣлъ, и осунулся. Дмитрій Андреевичъ коротко отвѣтилъ, что у него чисто семейныя непріятности. Князь вздохнулъ и замѣтилъ, что съ этими непріятностями не сразу свыкнешься, что нужны долгіе годы, чтобы научиться уходить отъ этихъ личныхъ печалей въ міръ общественной дѣятельности.

IV.

— Ну, что, голубчикъ, былъ ли ты у Насти?—спрашивала Марья Ѳедоровна у сына.

— Былъ,—отвѣтилъ онъ.

— Видѣлъ ее?

— Видѣлъ.

— Ну, что же?.. Разсказывай, какъ она... Говорилъ ты ей?

— Мама, оставимте Настю въ покоѣ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Помочь мы ей уже ничѣмъ не можемъ...

Марья Ѳедоровна всплеснула руками.

— Погибла, значитъ, совсѣмъ погибла!—проговорила она и заплакала.

Digitized by Google

— Этого нужно было ждать,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Другого-то исхода, пожалуй, и не могло быть...

— Что же дѣлать-то теперь, какъ спасти?

— Ничего не приходится теперь дѣлать. Потеряннаго не воротишь. Все, что бы мы ни сдѣлали теперь, вызоветъ только скандалъ и больше ничего...

Дмитрій Андреевичъ горько усмѣхнулся, вспомнивъ слова Насти о «скандалѣ».

— Она вонъ и сама это понимаетъ, и только объ одномъ и проситъ, чтобы не дѣлать скандала,—сказалъ онъ.—И она права. Жаловаться на обольстителя—что изъ этого выйдетъ? Взять ее силой въ свой домъ?.. Но къ чему это поведетъ? Она убѣжитъ отъ насъ и пойдетъ на что-нибудь худшее. Заставить ее теперь полюбить нашу жизнь мы уже не можемъ, если не сумѣли прежде этого сдѣлать. Ей здѣсь будетъ и тяжело, и скучно.

Марья Ѳедоровна тихо плакала.

— Я объ этомъ продумалъ всю ночь,—продолжалъ Дмитрій Андреевичъ:—и пришелъ къ заключенію, что намъ нечего дѣлать. Пусть будетъ, что будетъ...

— А Даша что? Ее-то хоть взять,—сказала Марья Ѳедоровна сквозь слезы.

— Дашу замужъ выдаютъ,—отвѣтилъ Орловъ.—Ну, и пусть выходитъ замужъ. Возьмемъ мы ее, но что ее ждетъ здѣсь? Бѣдность и вѣчный трудъ. Усмотримъ ли мы за нею? Убѣдимъ ли ее, что она должна жить честно? Не сманитъ ли ее, какъ Настю, первый встрѣчный негодяй? Вонъ ее и въ пріютѣ уже сманивалъ къ себѣ на содержаніе какой-то благодѣтель пріютскій, Соболевъ.

— Да, знаю я, знаю я этого стараго грѣховодника, трактиръ «Старый Китай» онъ содержитъ... Не одну дѣвушку сгубилъ, мерзавецъ,—сказала Марья Ѳедоровна.—А туда же на разные пріюты жертвуетъ, попечителемъ ихъ числится...

— Много ихъ такихъ!—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Вотъ отъ нихъ-то и не спасемъ мы Дашу, какъ не спасли Настю. Скучно ужъ очень у насъ, неприглядна ужъ очень жизнь-то наша, ну, дѣвочки и соблазняются, какъ имъ пообѣщаютъ и шелковыхъ платьевъ, и развлеченій, и музыки... Мы вѣдь ничего, ничего не можемъ имъ обѣщать, кромѣ вѣчнаго труда да сидѣнья вотъ здѣсь, въ этомъ углу.

— Да вѣдь сидѣли же мы-то въ этомъ углу... Вонъ и я, слава Богу, вѣкъ честно прожила, и Аня,—сказала Марья Ѳедоровна.

Digitized by Google

— Воспитали васъ, мама, и Аню иначе. Характеры у васъ другіе были,— отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ. — Вы вонъ и замужъ рано вышли по страстной любви, а Аня... Сами вы знаете, что Аня всю себя семьѣ посвятила, для васъ да для меня жила... Такихъ самопожертвованій нельзя отъ каждаго требовать, не каждый способенъ на нихъ. Святые-то люди рѣдко родятся...

Марья Ѳедоровна вздохнула. Она никакъ не могла помириться съ мыслью, что ей такъ и не слѣдуетъ пальца о палецъ стукнуть для спасенія племянницъ. Въ ея головѣ опять возникли мысли о томъ, что на нее сосѣди пальцами указывать будутъ, скажутъ про нее: «Хороша тетка, когда своихъ племянницъ бросила». Она сообщила эти опасенія сыну.

— Пусть говорятъ, пусть говорятъ!—отвѣтилъ онъ.—А вы ихъ спросите, что же вамъ дѣлать? Повѣрьте, никто не скажетъ, что дѣлать. Да и говорить-то много не станутъ. Даша выйдетъ замужъ, такъ тутъ и сплетничать будутъ не о чемъ, Настя же... Ну, про нее могутъ сплетничать, да тутъ вѣдь ужъ пособить ничѣмъ нельзя. Дѣло сдѣлалось, значитъ—и конецъ...

Онъ говорилъ, повидимому, спокойно, но у него у самого все переворачивалось въ душѣ отъ сознанія, что онъ совершенно безсиленъ въ этомъ дѣлѣ, что онъ не можетъ спасти сестеръ, не можетъ «наказать» обольстителя Насти, что онъ долженъ, напротивъ того, желать скорѣйшаго совершенія брака Даши и даже радоваться такому благополучному исходу дѣла, такъ какъ все могло бы кончиться и хуже. Ему было обидно и горько, что каждый его шагъ къ вмѣшательству въ это дѣло повелъ бы только къ еще болѣе дурнымъ послѣдствіямъ. Онъ обдумывалъ это дѣло со всѣхъ сторонъ и приходилъ къ одному заключенію, что въ его положеніи можно только «скандалъ сдѣлать». Объясненіе съ обольстителемъ Насти, насильное водвореніе ея въ семью, вмѣшательство въ предполагавшійся бракъ Даши, обращеніе къ суду—все это повело бы къ скандалу и ничего не поправило бы. «На дуэль развѣ выйти съ нимъ... Это ужъ будетъ самый крупный скандалъ»,—съ горечью думалъ Орловъ, и въ его душѣ поднималась желчь и злоба. Впервые въ жизни ему казалось, что онъ способенъ убить человѣка изъ-за угла, задушить его своими руками, раздавить, какъ гадину, и даже не покраснѣть, что онъ его убилъ, какъ разбойникъ. «Разбойниковъ только такъ и можно убивать,—

Digitized by Google

думалось ему:—а эти люди хуже разбойниковъ: разбойникъ хотъ подвергаетъ себя опасности, а они воруютъ чужую честь, губятъ чужую жизнь, зная, что они даже ничѣмъ не рискуютъ. Что мы, голь перекатная, судиться съ нимъ будемъ, что ли, чтобы все потерять и ничего не выиграть? Или драться на дуэли я стану, не умѣя ни стрѣлять, ни фехтовать?.. Да и что изъ дуэли выйдетъ? Онъ убьетъ меня, его накажутъ легко, а у меня голодная семья останется; я его убью —меня сошлютъ, куда Макаръ телятъ не гоняетъ, и за мною опять-таки останется та же голодная семья. Нѣтъ, нашъ братъ можетъ только изъ-за угла убивать этихъ мерзавцевъ,— убивать не краснѣя, не мучась угрызеніями совѣсти, потому что они нападаютъ на насъ первые, и притомъ нападаютъ какъ воры, какъ негодяи. Или и въ самомъ дѣлѣ, когда на васъ нападаетъ разбойникъ, вы должны сказать: «Позвольте васъ, милостивый государь, вызвать за это на дуэль». Онъ былъ возбужденъ до послѣдней степени; нѣсколько дней онъ не могъ справиться съ собой.

Именно въ это-то время ему напомнили, что на слѣдующій день было назначено собраніе комитета у княгини Русовой. Дмитрій Андреевичъ былъ не въ духѣ, въ скверномъ, желчномъ настроеніи, но ѣхать было нужно. У него былъ уже окончательно составленъ проектъ предполагавшихся измѣненій въ уставѣ благотворительнаго общества княгини, и онъ долженъ былъ прочитать этотъ проектъ. Большинство членовъ комитета уже было подготовлено къ предполагавшимся нововведеніямъ, и нечего было опасаться, что проектъ новаго устава не будетъ принятъ; предстояло только выдержать обычныя нападенія меньшинства на предложеніе, очень хорошо зная, что эти нападенія можно даже и не отражать. Комитетъ благотворительнаго общества княгини состоялъ изъ предсѣдательницы, четырнадцати членовъ и двухъ кандидатовъ въ члены комитета. Составъ былъ довольно великъ въ виду того, чтобы членамъ общества доставить больше шансовъ попасть въ комитетъ, то-есть сдѣлаться какою бы то ни было властью. Но заправляла комитетомъ, по обыкновенію всѣхъ комитетовъ, предсѣдательница со своими адептами, проводившими въ комитетъ все, что она захочетъ. Другіе члены комитета были «стадо барановъ», какъ иногда рѣзко выражалась про нихъ княгиня. Среди этого стада выдѣлялись особенно рѣзко только три члена: старикъ сенаторъ Митусъ, при каждыхъ выборахъ попадавшій въ комитетъ за свои офиціальныя связи; такой же

Digitized by Google

старикъ князь Горинъ, выбиравшійся въ комитетъ изъ года въ годъ потому, что онъ былъ членомъ всѣхъ благотворительныхъ комитетовъ и безъ него точно чего-то недоставало въ комитетѣ; наконецъ, баронесса Гиршенцвейгъ, избиравшаяся въ комитетъ потому, что она была очень богата, и всѣ, вполнѣ зная ея невообразимую жадность, все-таки ждали отъ нея щедрыхъ подачекъ на доброе дѣло, а если ужъ не при жизни, то въ духовномъ завѣщаніи. Эти три члена постоянно составляли оппозицію въ комитетѣ: Митусъ смотрѣлъ на всѣ вопросы съ точки зрѣнія религіозной, и ему всегда казалось, что въ каждомъ дѣлѣ, пожалуй, и все хорошо, но недостаточно благочестія. Когда выдавали бѣдному помощь, онъ протестовалъ, зачѣмъ выдаютъ помощь не къ празднику, такъ какъ въ праздникъ бѣднякъ могъ бы поставить свѣчку въ Божьемъ храмѣ; если кто-нибудь давалъ отчетъ о бѣдности просителя, Митусъ сердился, что не справились, бываетъ ли проситель у святого причастія, и знаютъ ли его дѣти главныя молитвы. Князь Горинъ протестовалъ потому, что, по его мнѣнію, у насъ въ благотворительныхъ обществахъ все идетъ дурно; но когда его спрашивали, какъ помочь бѣдѣ, онъ говорилъ, что онъ не знаетъ, но что все идетъ дурно. Кромѣ благотворительныхъ комитетовъ, князь засѣдалъ въ десяткахъ правительственныхъ комитетовъ, комиссій и подкомиссій и велъ себя точно такъ же и тамъ, стяжавъ себѣ названіе «Князь—дурно-дурно». Онъ обыкновенно пріѣзжалъ въ комитетъ раньше всѣхъ, послѣ самаго обѣда, и сладко дремалъ во время засѣданій, переваривая пищу; когда же обсуждавшійся вопросъ пускался на голосованіе, онъ пробуждался, медленно надѣвалъ на носъ pince-nez, уставлялся оловянными глазами въ докладчика и начиналъ возражать, иногда вовсе некстати, распространяясь вообще о дурномъ веденія дѣла и сто разъ повторяя: «это дурно, очень дурно и все дурно». Баронесса Гиршенцвейгъ смотрѣла на все съ одной точки зрѣнія—со стороны денежной, и когда она возражала, можно было подумать, что она подъ столомъ дрожащей отъ испуга рукою зажимаетъ въ кулакъ свой кошелекъ, боясь, чтобъ у нея не спросили или не отняли денегъ. Она говорила осторожно, мягко и вкрадчиво, точно боясь, что за первую рѣзкость на нее нападутъ и ограбятъ ее. Всѣ члены комитета знали впередъ, что и какъ возразятъ эти люди на каждый вопросъ, и въ то же время всѣ знали впередъ, что эти возраженія не приведутъ ни къ

Digitized by Google

чему. Сами члены вѣчной оппозиціи знали на практикѣ, что ихъ возраженія ни разу еще не были приняты во вниманіе. Но, тѣмъ не менѣе, они возражали, и съ ними спорили, такъ что иногда выходили очень бурныя сцены, приводившія неизмѣнно къ одному результату: вопросъ голосовали, и онъ рѣшался утвердительно, такъ какъ изъ пятнадцати голосовъ отрицательныхъ было три. Эта комедія разыгрывалась изъ году въ годъ, изъ засѣданія въ засѣданіе, и къ ней такъ привыкли всѣ члены комитета, что имъ было странно, когда возраженій являлось только два, когда отрицательныхъ голосовъ было только пара. Всѣ начинали справляться, какъ это случилось, не произошло ли ошибки въ счетѣ, и успокаивались, видя, что въ засѣданіе не пріѣхали Митусъ или баронесса Гиршенцвейгъ. Князь Горинъ не пропускалъ ни одного засѣданія ни въ одномъ комитетѣ и иногда въ случаѣ отсутствія сенатора или баронессы говорилъ, что надо бы отложить вопросъ, такъ какъ не дурно бы выслушать, что скажетъ сенаторъ или баронесса. Онъ замѣчалъ въ этихъ случаяхъ, что вопросъ, можетъ-быть, рѣшился бы и въ другомъ смыслѣ, если-бъ они были въ засѣданіи. Орловъ, присмотрѣвшись къ комитетскимъ дѣламъ и порядкамъ, всегда подшучивалъ въ интимномъ кружкѣ комитета надъ этими тремя заговорщиками, какъ онъ называлъ князя, баронессу, и Митуса, и въ шутку говорилъ, что они рѣшаютъ трудную задачу, желая доказать, что три больше двѣнадцати. Онъ зналъ, что они будутъ возражать и на его проектъ, представленный въ комитетъ отъ имени княгини Русовой, но, конечно, нисколько не боялся ихъ возраженій. Однако, засѣданіе вышло, противъ всякихъ ожиданій, довольно бурнымъ и нападенія были такого сорта, что именно ихъ-то и не ожидалъ Орловъ. Когда онъ прочелъ проектъ измѣненія устава, скромно заявивъ, что онъ является только выразителемъ желаній княгини Маріи Львовны и нѣкоторыхъ изъ уважаемыхъ членовъ комитета, князь Горинъ вдругъ встрепенулся, очнувшись отъ сна. Онъ вытянулся, какъ палка, на своемъ креслѣ, неторопливо надѣлъ на носъ pince-nez и пристально началъ всматриваться въ Орлова, точно до этого времени онъ никогда не видалъ секретаря комитета. Насмотрѣвшись на него вволю, онъ тряхнулъ головой, чтобы сбросить pince-nez, и, не измѣняя своей деревянной позы, вдругъ произнесъ:

— Такъ вы думаете, что у насъ въ Россіи теперь все возможно дѣлать и коммуны даже устраивать?

Digitized by Google

Такой постановки вопроса со стороны «Князя—дурно-дурно» не ожидалъ никто и менѣе всего самъ Орловъ.

— Я не понимаю, на что вы изволите намекать, князь,— сухо отвѣтилъ Орловъ.—Тутъ дѣло идетъ о благотворительномъ обществѣ, а не о коммунѣ.

— И коммуны—тоже благотворительныя общества,—съ холодной насмѣшкой въ голосѣ сказалъ старикъ.—Какъ же не благотворительныя общества: все дѣлаютъ общимъ, всѣхъ одинаково содержатъ, всѣхъ одинаково обезпечиваютъ... Фурье еще объ этомъ писалъ, а у насъ за это петрашевцевъ на каторгу сослали.

Орловъ побѣднѣлъ, но сдержалъ вспышку раздраженія и обратился къ членамъ комитета:

— Въ проектѣ, написанномъ мною по порученію княгини Маріи Львовны и нѣкоторыхъ изъ нашихъ почтенныхъ сочленовъ, предлагается нашему обществу расширить дѣятельность. Теперь мы хлопочемъ и кланяемся, чтобы нашихъ бѣдняковъ принимали въ богадѣльни, допускаемыя правительствомъ; въ проектѣ предлагается устроить кухмистерскую для удешевленія пищи бѣдняковъ, что, конечно, разрѣшается не только нашимъ, но и всякимъ, даже самымъ ретроградnымъ правительствомъ. Теперь мы не знаемъ, въ какую школу, въ какой пріютъ помѣстить ребятъ бѣдняковъ; въ проектѣ предлагается основать свою школу, полагая, что правительство никогда и ничего не имѣло ни противъ школъ, ни противъ грамотности. Теперь бѣдняки ходятъ и ищутъ работы; въ проектѣ предлагается членамъ нашего общества, имѣющимъ связи, добывать заказы этимъ бѣднякамъ и, кажется, никто не увидитъ ничего преступнаго въ томъ, что какая-нибудь больница отдастъ именно намъ подрядъ на шитье больничныхъ халатовъ и колпаковъ. Нашъ уважаемый сочленъ, князь Василій Васильевичъ Горинъ, усматриваетъ въ этомъ коммунизмъ, даже предполагаетъ, что за это всѣхъ насъ, съ княгиней Маріей Львовной во главѣ, стоитъ сослать въ Сибирь; но я съ своей стороны смѣю увѣрить его, что такой же коммунизмъ существуетъ въ каждой богадѣльнѣ, въ каждой больницѣ, въ каждой школѣ, въ каждой мастерской, и, слава Богу, почтенные основатели этихъ учрежденій еще не попали на каторгу.

— Потому, что то—благотворительныя заведенія, а тутъ предлагается коммуна,—невозмутимо сказалъ князь Горинъ, смотря широко открытыми, оловянными глазами въ упоръ

Digitized by Google

на Орлова.—Конечно, въ настоящее время многіе думаютъ, что въ Россіи всѣ возможно, все дозволительно!..

— Да я не понимаю, о чемъ тутъ споръ!—горячо перебила его княгиня Русова, ровно ничего не знавшая о коммунизмѣ.—Ну, это—коммунизмъ, и прекрасно, если имъ можно спасти сотни людей отъ нищеты, паденія и невѣжества. Что мнѣ за дѣло до названій, до средствъ...

— Да, да, цѣль оправдываетъ средства,—вставилъ князь Горинъ.—Такъ можно и убійства оправдывать, и грабежъ. У іезуитовъ такъ и говорится прямо въ ихъ книгахъ, что для достиженія извѣстныхъ цѣлей можно и убивать...

— Тутъ дѣло не объ убійствахъ идетъ, а о помощи бѣднымъ!—еще болѣе вспылила княгиня.

Орловъ спокойнымъ и ровнымъ тономъ вмѣшался въ споръ:

— Я, въ сущности, не совсѣмъ хорошо понимаю, чего собственно боится князь: того ли, что намъ не разрѣшатъ новаго устава, или того, что мы погубимъ всѣхъ этихъ бѣдняковъ? Если опасаются за первое, то не преждевременно ли предрѣшать вопросъ, какъ взглянетъ на это дѣло правительство, и не безтактно ли съ нашей стороны намъ самимъ высказывать опасенія, которыя, можетъ-быть, и не вздумаетъ высказать правительство?

— Да, я думаю, намъ даже неприлично компрометировать себя представленіемъ подобнаго устава,—сказалъ князь.

Орловъ, не слушая его и не возражая ему, продолжалъ:

— Если же опасаются за второе, то я желалъ бы знать, чѣмъ повредимъ мы бѣднымъ людямъ, давъ имъ теплый уголъ, кусокъ хлѣба, работу, возможность учить дѣтей?

— Ахъ, Боже мой, да это вопросъ рѣшенный, что надо хлопотать о разрѣшеніи новаго устава,—рѣзко сказала княгиня:—иначе мы вѣчно будемъ вертѣться въ какомъ-то бѣличьемъ колесѣ, безъ смысла и безъ цѣли! Самъ князь вѣчно жалуется, что дѣла въ нашихъ благотворительныхъ обществахъ идутъ дурно, дурно.

— И еще разъ повторю, что они идутъ дурно, дурно, очень дурно!—сказалъ князь.

— Ну, такъ мы и хотимъ, чтобы они шли лучше, мы и предлагаемъ исходъ.

— Только не такими средствами надо поправить дѣла...

— А какими же... Ну, посовѣтуйте!

— Я не знаю, какими. Это не мое дѣло. Я только могу засвидѣтельствовать, что дѣла идутъ дурно, очень дурно...

Digitized by Google

— Ахъ, это и безъ васъ всѣ знаютъ!—запальчиво сказала княгиня.

— И я утверждаю, что этими средствами нельзя поправить дѣла,—невозмутимо закончилъ князь.

— А вотъ мы увидимъ это!—сказала княгиня.

Князь Горинъ пожалъ плечами и заявилъ, что онъ остается при своемъ мнѣніи, видитъ въ новомъ проектѣ желаніе устроить коммуну и никогда не подпишется подъ прошеніемъ разрѣшить новый уставъ.

— Но позвольте вамъ предложить одинъ, одинъ только маленькій вопросъ,—слащавымъ, точно испуганнымъ голосомъ заговорила баронесса Гиршенцвейгъ.—Сколько будетъ долженъ вносить каждый членъ въ общество при новомъ уставѣ? Это очень, очень важный вопросъ.

— Членскій взносъ, баронесса, остается прежнимъ,—отвѣтилъ Орловъ.—Наши карманы не пострадаютъ ни на грошъ.

— Ахъ, благодарю, благодарю! — радостно произнесла баронесса, дѣлая сладкую улыбку.—Такіе большіе расходы и прежній членскій взносъ,—это прекрасный, прекрасный проектъ, такъ какъ мы должны дѣйствовать экономично.

— О, баронесса, подождите, тутъ много еще будетъ экономіи,—съ улыбкой сказалъ Орловъ.—Мы магазинъ дамскихъ нарядовъ еще устроимъ при нашей коммунѣ и будемъ брать за работы дешевле всѣхъ модистокъ.

— Ахъ, это очень, очень важно!—серьезно согласилась баронесса.—Значитъ, у насъ все тутъ и шить будутъ по дешевой цѣнѣ?

— Да, по самой дешевой цѣнѣ и матерій не будутъ воровать, такъ какъ наши дамы-патронессы сами будутъ наблюдать за всѣмъ...

— Это же удивительно хорошо придумано, князь! — обратилась баронесса къ князю Горину, совершенно неожиданно выступая защитницей новаго проекта.

— Да кто вамъ разрѣшитъ этотъ уставъ, кто?—сказалъ князь,

— Отчего же? Если намъ будетъ такъ выгодно? Прежній взносъ и платья будемъ дома шить, своихъ модистокъ дома имѣть будемъ...

— Да я же вамъ говорю, что это—коммуна, и этого никогда не разрѣшатъ...

— Но если это выгодно для насъ? Такъ какъ же не разрѣшатъ...

Digitized by Google

Князь началъ тихо разъяснять баронессѣ значеніе и опасность коммунъ, говоря о Фурье и сорокъ восьмомъ годѣ. Баронесса слушала, моргая глазами, и съ совершенно тупымъ выраженіемъ лица повторяла вмѣсто возраженія:

— Но если это намъ выгодно?

Князь только пожималъ плечами.

Между тѣмъ выступилъ со своими возраженіями и Митусь. Этотъ вѣчно безмолвный, вѣчно смотрящій исподлобья, волкомъ, старикъ, объявилъ коротко и рѣзко, что все же это просто разрушеніе семьи.

— Коммуна это или что другое, это все равно,—проговорилъ онъ.—Но мы разрушаемъ семью.

Всѣ обернулись въ недоумѣніи въ его сторону.

— Ну да, — шамкая и шипя, заговорилъ онъ: — всѣ будутъ жить вмѣстѣ, дѣти будутъ не при матеряхъ, а въ школѣ, распоряжаться дѣтьми будемъ мы, а не матери. Семья разрушится. Дѣти только тогда и вырастаютъ скромными и благочестивыми, когда растутъ подъ родительскимъ надзоромъ, въ своей семьѣ, принимая благія наставленія и смотря на хорошіе примѣры...

— Какъ развратничаютъ ихъ матери, и какъ пьянствуютъ ихъ отцы,—рѣзко закончилъ Орловъ, впадая въ тонъ рѣчи Митуса.—Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, вы говорите такъ потому, что вы не знаете, да и не могли, вѣроятно, знать, что такое семья бѣдняковъ, семья голодная и холодная, семья скорѣе похожая на адъ, чѣмъ на какой-то мирный уголокъ рая. Вырвать ребенка изъ этой семьи, это не только значитъ спасти его отъ тысячъ дурныхъ примѣровъ, отъ массы горькихъ непріятностей, отъ ряда возмутительныхъ несправедливостей,—нѣтъ, это значитъ дать ребенку возможность не возненавидѣть свою семью, не проклинать ее.

— Хороши дѣти, которыя ненавидятъ и проклинаютъ своихъ родителей!—вставилъ свое слово Митусь.

— Не хороши, вполнѣ согласенъ; но, къ несчастію, именно такими выходятъ дѣти бѣдняковъ. Это—фактъ, который видятъ тѣ, кто знаетъ эту среду. Вы, ваше превосходительство, высказали мнѣніе, не основанное на опытѣ или наблюденіи, а я вамъ высказываю мнѣніе, основанное на личномъ опытѣ, на личномъ наблюденіи. Я самъ сынъ бѣдняковъ.

— И ненавидите своихъ родителей?—спросилъ Митусь.

— По счастію, я сынъ добрыхъ и честныхъ бѣдняковъ,—

Digitized by Google

съ достоинствомъ отвѣтилъ Орловъ:—и потому я принадлежу къ числу немногихъ, спасшихся отъ нравственной гибели. Я, ваше превосходительство, такъ глубоко люблю своихъ отца и мать, какъ дай Богъ, чтобы дѣти вашего круга любили своихъ отцовъ и матерей... Но, въ качествѣ бѣдняка, я видѣлъ близко тѣ семейные вертепы, тѣ притоны пороковъ и разврата, гдѣ нравственно гибнуть дѣти. Вообще, я долженъ сказать, что весь этотъ проектъ новаго устава нашего общества былъ отчасти слѣдствіемъ и моего личнаго опыта, и моихъ разсказовъ въ кругу нашихъ членовъ о жизни бѣдняковъ: у меня слишкомъ много наболѣвшихъ ранъ въ душѣ, и потому я хотѣлъ, я страстно желалъ сдѣлать хоть что-нибудь, чтобъ избавить другихъ отъ тѣхъ невзгодъ, которыя я вынесъ самъ. Въ моемъ лицѣ вы видите бѣдняка, который пришелъ къ вамъ, какъ къ добрымъ и честнымъ людямъ, строго держащимся евангельской заповѣди о томъ, что вѣра безъ дѣла мертва, и этотъ бѣднякъ говоритъ откровенно все, въ чемъ онъ нуждается, чѣмъ ему можно помочь, какія страданія можно ему облегчить. Отъ васъ зависитъ, бросить ли этотъ проектъ устава въ каминъ или сдѣлать еще одну попытку протянуть руку помощи бѣднякамъ. И вѣрьте мнѣ, что прочно и разумно организованная помощь бѣднымъ людямъ не грозитъ ни правительству, ни нравственности. Люди дѣлаются преступниками чаще всего потому, что у нихъ нѣтъ ни крова, ни хлѣба, ни труда, ни умѣнья трудиться, ни нравственныхъ и просвѣщенныхъ руководителей. Устранить хоть часть этихъ бѣдствій значитъ устранить и часть пороковъ и преступленій, и ужъ, конечно, руководимые нами, спасенные нами бѣдняки искренно помолятся за тѣхъ, кто далъ имъ возможность стать нравственными и честными тружениками. Я не знаю, примите ли вы новый проектъ...

— Да, да! Это же рѣшенный вопросъ!—вдругъ взволновались дамы.—Хлопотать объ утвержденіи новаго устава! Нанять квартиру... Учительницу подыскать...

Комитетъ пришелъ въ волненіе. Никто уже не хотѣлъ слушать возраженій. Княгиня съ разгорѣвшимся лицомъ пожимала руки присутствующихъ.

— Il est charmant!—шепнулъ ей кто-то.

— Какая горячность, какой ораторскій талантъ!—говорили въ другомъ концѣ.—Это что-то въ родѣ проповѣдника-апостола!

— Да, этотъ мальчикъ, должно-быть, человѣкъ святой

Digitized by Google

жизни,—серьезно сказала одна старуха, обращаясь къ Митусу.—У него и лицо такое—худой, блѣдный, только щеки горятъ... Что-жъ, Господь и устами младенцевъ можетъ проявлять Свою волю...

Митусъ серьезно всматривался исподлобья въ Орлова, точно желая прочесть въ его душѣ, благочествъ онъ или не благочестивъ.

Кто-то сравнилъ Орлова даже съ древними христіанами, проповѣдывавшими любовь и братство. Одинъ князь Горинъ не забылъ въ этой суматохѣ своихъ обязанностей и громко спросилъ присутствующихъ:

— На чемъ же мы остановимся? На вопросѣ объ уставѣ: представлять его на общее собраніе или нѣтъ?

— Да, да, представлять! Онъ принять!—говорили голоса.

— Что такое общее собраніе? Это мы же!—сказала княгиня Русова.—Точно общее собраніе можетъ противорѣчить!

— Но мы еще не голосовали вопроса,—сказалъ князь Горинъ.

— Нанять помѣщеніе и открыть школу,—сказалъ кто-то.

— Какъ, безъ разрѣшенія новаго устава?

— Ахъ, его разрѣшатъ!

Орловъ поднялся съ мѣста и заявилъ, что нужно голосовать вопросъ: представлять ли общему собранію проектъ устава? Голосованіе было кончено, и отвѣтъ получился утвердительный и, къ удивленію всѣхъ членовъ, противъ большинства былъ только одинъ голосъ. Митусъ и баронесса впервые измѣнили князю Горину.

— Но я слышу голоса о наймѣ помѣщенія, объ открытіи школы до разрѣшенія новаго устава: это—противозаконно, и я долженъ буду сложить съ себя званіе члена комитета,—сказалъ князь Горинъ, вставая.

— Ну, и прекрасно!—сказала княгиня.—Откладывать дѣла, все-таки, мы не будемъ...

— Я съ вами желалъ бы какъ-нибудь поговорить о вопросахъ религіи,—сказалъ Митусъ, подходя къ Орлову и дотронувшись до его плеча.

— Я всегда готовъ, ваше превосходительство, къ вашимъ услугамъ,—сказалъ Орловъ.

— Если вы надѣетесь, что мы при новомъ уставѣ можемъ воспитывать бѣдняковъ въ духѣ православія, то, конечно, вашъ уставъ великое дѣло, дѣло благочестія,—продолжалъ Митусъ.—Въ виду этого я рѣшился содѣйствовать

Digitized by Google

принятію вашего проекта. Но намъ надо будетъ серьезно поговорить объ этомъ. Я не потерплю, чтобы при новомъ устройствѣ нашего общества была забыта главная цѣль нашихъ стремленій—воспитаніе богобоязненныхъ, благочестивыхъ христіанъ.

Онъ протянулъ два пальца Орлову. Орловъ пожалъ эти пальцы, вѣжливо откланявшись съ уходившимъ сенаторомъ.

— Князь говорилъ о коммунизмѣ,—сказалъ Митусъ.—Но это пустяки. Коммуны бываютъ разныя. Монастырь—тоже община. Дѣло все не въ этой формѣ, а въ благочестіи. Я не согласенъ съ княземъ относительно коммунизма, потому что коммунизмы бываютъ разные...

Онъ медленно удалялся, продолжая разговоръ уже съ самимъ собой.

Члены комитета стали между тѣмъ мало-по-малу разъѣзжаться. Княгиня Русова горячо пожала Орлову руку и прошептала:

— Останьтесь!

Его поразилъ этотъ странный шопотъ, взволнованный, страстный. Ея лицо горѣло. Онъ еще не успѣлъ опомниться, когда она подошла къ нему снова, взяла его руку и крѣпко сжала ее. Они были одни.

— Пройдемте ко мнѣ,—тихо сказала она и направилась изъ гостиной въ свой маленькій кабинетъ, весь обитый малиновымъ бархатомъ и коврами.—Я просто схожу съ ума,—продолжала она въ волненіи, опускаясь на кушетку и продолжая держать его руку.—Я думала, что все давно замерло, застыло во мнѣ, и вдругъ снова все проснулось, все ожило...

Она вдругъ закрыла лицо руками.

— О, какъ я несчастна, какъ я несчастна среди этихъ людей, если бы кто это зналъ! — воскликнула она въ волненіи.—Я вѣчно одна и одна въ этой пустой и пошлой толпѣ. Я стараюсь обмануть себя этой лихорадкой пустыхъ развлеченій, ненужной филантропіей. Я стремлюсь скрыть подъ маской веселости и оживленія томительную пустоту, разочарованіе, скуку...

Она, казалось, плакала. Онъ опустился около нея и взялъ ея руку.

— Полноте, полноте, дорогая!—задушевно проговорилъ онъ, смущенный ея горемъ.—Какъ вы взволновались! Это я разстроилъ ваши нервы...

— Да, да, ты, потому что я только теперь поняла,

Digitized by Google

узнавъ тебя, что за люди окружаютъ меня... Я не могу теперь хладнокровно смотрѣть на нихъ,—такъ гадки кажутся мнѣ они!—порывисто воскликнула она.—Знаешь ли ты, что я иногда просто готова бѣжать отсюда... Но куда? Что дѣлать? Гдѣ искать людей?.. О, я просто схожу съ ума...

Она припала къ нему. Онъ забылъ все на свѣтѣ и покрывалъ поцѣлуями ея руки, ея лицо.

— Милый мой, милый, ты любишь меня? — прошептала она.—Да, я знаю это... Я сама люблю тебя, давно люблю...

Онъ не могъ говорить. У него перехватило горло. Онъ былъ блѣденъ, но его глаза горѣли. Это была первая женщина, сказавшая ему: люблю. Онъ эту женщину боготворилъ до этой минуты. Но ему никогда и въ голову не приходило, что онъ когда-нибудь будетъ обладать ею. Теперь она сама сказала ему, что она его любитъ, она сама сжала его въ объятіяхъ. Онъ опьянѣлъ отъ счастья, отъ восторга. Всѣ непріятности, всѣ огорченія послѣднихъ дней, такъ сильно возбудившія его нервы, теперь отхлынули куда-то далеко; и онъ съ какой-то болѣзненной, горячечной страстностью отдался внезапно охватившему его счастью. Княгиня никогда не думала, что въ человѣкѣ можетъ быть столько страстности, сколько было въ этомъ человѣкѣ. Ей было и хорошо, и жутко. Она даже и не подозрѣвала, что передъ ней стоитъ юноша, еще никогда не испытавшій чувства любви, еще никогда не ощущавшій на своихъ губахъ поцѣлуевъ влюбленной женщины, и она чувствовала только, съ какой жадностью онъ ловитъ эти поцѣлуи. Въ ея душѣ вдругъ проснулось невольное чувство какого-то смутнаго страха, точно она была глазъ на глазъ съ безумнымъ сумасбродомъ, готовымъ на все, съ которымъ опасно играть въ любовь, повѣсничать отъ скуки. По ней пробѣжала дрожь, и она первая вспомнила о времени.

— Милый, пора... иди... уже поздно!—тихо, упавшимъ голосомъ сказала она.

— Ты меня гонишь?—спросилъ онъ, цѣлуя ее.

— Нѣтъ... но люди... Иди... иди!—сказала она.

Она еще разъ быстро обняла его и поднялась съ мѣста. Онъ вышелъ отъ нея, ничего не помня, ничего не сознавая, еще вполнѣ счастливый, весь сіяющій. Онъ спускался по слабо освѣщенной лѣстницѣ, ничего не видя передъ собою, едва не спотыкаясь на ступеняхъ, почти не

Digitized by Google

чувствуя, что онъ касается ихъ. У него кружилась голова, кругомъ него носился какой-то туманъ.

— А, ты только что возвращаешься отъ насъ! — неожиданно окликнулъ его знакомый голосъ.

Передъ нимъ стоялъ князь Александръ, розовый, повидимому, безпечный, должно-быть, подгулявшій на пріятельской пирушкѣ. Отъ него пахло духами и виномъ. Его роскошные волосы падали ему на разгорѣвшееся, прелестное лицо, напоминавшее скорѣе лицо дѣвочки, чѣмъ лицо молодого человѣка.

— Вѣчно занятія, все занятія,—какъ тебѣ не надоѣстъ играть эту роль?—засмѣялся князь.—Когда же жить-то начнешь? Опять съ рара трудились надъ великимъ вопросомъ объ освобожденіи милліоновъ рабовъ? О, громкія фразы? И безъ васъ эти милліоны рабовъ освободятся! Жить надо самимъ—вотъ что важнѣе всего!

Князь Александръ смѣялся, прислонившись спиною къ перилямъ лѣстницы и смотря на Орлова насмѣшливыми глазами. Орловъ застылъ на мѣстѣ и стоялъ передъ княземъ молча, точно совершенно не понимая, что ему говорятъ.

— Впрочемъ, рара такъ забралъ тебя въ руки, что ты, кажется, думаешь его головой и говоришь его словами,— продолжалъ съ ироніей Русовъ.—Великая планета и ея маленькій спутникъ! Я васъ иначе не называю.

Орловъ вдругъ какъ будто очнулся.

— Зачѣмъ ты смѣешься надъ отцомъ?—тихо, тономъ упрека, сказалъ онъ, точно безсознательно, точно въ полуснѣ.

— О, пожалуйста, безъ нравоученій!—проговорилъ князь Александръ.—Онъ первый началъ смѣяться надо мною... Впрочемъ, что же говорить объ этомъ съ тобой! Я вѣдь знаю, что ты благоговѣешь передъ старикомъ. Еще бы, еще бы, вѣдь не даромъ же онъ тебя ставитъ мнѣ въ примѣръ и говоритъ о вашемъ духовномъ родствѣ.

Орловъ въ смущеніи опустилъ голову, какъ будто ему бросили въ лицо вполнѣ заслуженное оскорбленіе, и, не говоря ни слова, медленно сталъ спускаться съ лѣстницы. Какая-то горечь начинала подниматься въ его душѣ, къ горлу подступали слезы.

— Вотъ, подожди, завтра будутъ мнѣ ставить тебя въ примѣръ, указывать, какъ долго и усердно ты работаешь на пользу общества,—продолжалъ князь Александръ.—А я...

Digitized by Google

Орловъ, какъ ужаленный, вдругъ быстро обернулся, чего-то испугавшись, и поспѣшно, глухимъ, обрывающимся голосомъ сказалъ:

— Ты ошибаешься... Я... я не работалъ... У князя сегодня... У насъ комитетъ былъ... Я у твоей матери... Ты знаешь, я членъ комитета...

Онъ сдѣладъ нѣсколько шаговъ по лѣстницѣ и прошепталъ съ тоской:

— Господи, что же это такое!.. Что я надѣлалъ?..

Онъ торопливо дошелъ до швейцарской, накинулъ кое-какъ шинель и вышелъ, какъ разбитый, почти шатаясь. Въ его головѣ теперь была одна мысль, звучало одно слово: «негодяй!» Вспышки страстнаго увлеченія, животной страсти какъ не бывало; теперь работала только голова; въ душѣ было одно сознаніе, что онъ обманулъ довѣріе стараго князя, что онъ постыдно отплатилъ за всю доброту князя, что этотъ полупьяный сынъ князя завтра можетъ смутить мать своимъ разсказомъ о поздней встрѣчѣ съ нимъ. съ Орловымъ, и навести князя на неловкіе вопросы. Такой душевной пытки онъ еще не испытывалъ никогда. До сихъ поръ онъ иногда выносилъ униженія отъ постороннихъ людей, теперь онъ самъ унизилъ, забрызгалъ себя грязью въ своихъ собственныхъ глазахъ. Онъ презиралъ себя въ эту минуту. Онъ вспоминалъ мелкія подробности недавней сцены и не могъ припомнить ихъ ясно и отчетливо. Въ его головѣ теперь все путалось. Онъ вспомнилъ, что княгиня плакала и жаловалась на судьбу. Она изливала передъ нимъ душу, какъ передъ другомъ, какъ передъ сыномъ. Это было чистое, святое чувство довѣрія къ человѣку, выросшему на ея глазахъ. Иначе не могло быть. Она всегда относилась къ нему, какъ мать. Она сдерживала его порывы, когда онъ еще мальчикомъ относился къ ней слишкомъ страстно; тогда онъ, конечно, не сознавалъ, что въ этомъ страстномъ отношеніи его къ ней проявлялись первые, еще не выяснившіеся для него самого, животные инстинкты, но она какъ будто угадывала это и останавливала его мягко, но твердо. Она и теперь заговорила съ нимъ какъ мать, какъ сестра. Вѣдь ей не съ кѣмъ подѣлиться горемъ; она не любима мужемъ, она видитъ пустоту своего сына, она сознаетъ, какіе пошлые люди окружаютъ ее. А какъ отвѣтилъ на ея довѣріе, на ея ласку, онъ, Орловъ? Животное проснулось и убило въ немъ человѣка. Стоило ей только сказать, что она любитъ его, чтобъ онъ

Digitized by Google

забылъ, что передъ нимъ стоитъ женщина, заботившаяся о немъ, какъ мать, любившая его, какъ мать, и онъ насильно превратилъ ее въ свою любовницу. Онъ заставилъ ее пасть своею необузданною страстью, своимъ безумнымъ опьянѣніемъ. Онъ помнитъ выраженіе мольбы и страха на ея лицѣ. Еще бы: передъ ней стоялъ впервые во всей своей разнузданности дикарь, звѣрь, безумецъ, но не любящій человѣкъ. И развѣ она можетъ повѣрить, что онъ ее любитъ? Развѣ онъ можетъ любить ее? Ей сорокъ лѣтъ, а онъ чуть не мальчикъ. Нѣтъ, это не любовь, это—животная страсть. Если-бъ его заставили теперь вернуться къ этой женщинѣ, онъ только опустилъ бы со стыдомъ передъ ней голову... А князь? Какъ онъ, Орловъ, взглянетъ теперь въ глаза князю? Обманывать, притворяться, лгать надо, и если князь узнаетъ все, надо будетъ сказать: «Я запятналъ вашу честь не потому, что я страстно люблю вашу жену, а потому, что она первая подвернулась мнѣ подъ руку, и я, какъ фатъ, какъ хлыщъ, не остановился передъ вопросомъ о чужой чести...» И вдругъ въ его головѣ зароились желчные упреки себѣ за то, что онъ стремится блеснуть въ обществѣ, старается рисоваться, бьетъ на эффектъ. Онъ вспомнилъ всѣ подробности изъ своего прошлаго, изъ бесѣдъ въ кругу товарищей, изъ разглагольствованій въ комитетѣ, и старался съ болѣзненнымъ озлобленіемъ уловить вездѣ признаки рисовки, и только рисовки. Каждое его стихотвореніе казалось ему теперь только плодомъ желанія порисоваться, поднять на пьедесталикъ свое *я*, заявить о себѣ, о своихъ гражданскихъ доблестяхъ, о своихъ великихъ стремленіяхъ. Ему точно было легче, когда онъ разбивалъ самого себя, разоблачалъ всю ложь и фальшь въ своемъ поведеніи.

«Тоже стыдно Настей быть, хочу, чтобы Натали называли,—промелькнуло въ его головѣ, и его лицо искривилось ироническою улыбкой.—Публичный мужчина!»

Онъ съ трудомъ добрался домой, бросился на постель и расплакался, какъ слабый ребенокъ, какъ истеричная женщина.

Когда онъ всталъ по утру, его трудно было узнать: онъ осунулся, пожелтѣлъ, глаза ввалились. Казалось, что онъ перенесъ продолжительную и опасную болѣзнь. Марья Ѳедоровна испугалась и начала его разспрашивать. Но онъ коротко замѣтилъ ей, что онъ усталъ, и просилъ не тревожить его, такъ какъ онъ хочетъ пролежать денекъ дома.

Digitized by Google

Онъ замкнулся въ своей комнатѣ, обдумывая, что дѣлать. Ему хотѣлось во всемъ сознаться князю, предложить князю какое угодно удовлетвореніе, уѣхать изъ Петербурга, покончить съ собою, написать княгинѣ, что онъ негодяй, воспользовавшійся гнусно ея минутной слабостью и беззащитностью. Все это были тѣ молодыя вспышки, которыя разбиваются тотчасъ же здравымъ смысломъ, не поправляютъ дѣла и не вносятъ въ душу спокойствія. Десятки составленныхъ имъ плановъ оказались никуда негодными; десятки начатыхъ писемъ къ княгинѣ и къ князю были разорваны. На душѣ же было все такъ же скверно, такъ же мрачно. Дмитрій Андреевичъ, измученный всей этой душевною тревогой, ослабѣвшій физически, пролежалъ дома вплоть до вечера, когда ему принесли записку отъ княгини.

«Приходи завтра. Сегодня у меня скучные гости. Завтра я одна весь вечеръ».

Вмѣсто подписи были двѣ буквы—«М. Р.». Дмитрій Андреевичъ читалъ и перечитывалъ эти строки и ничего не понималъ. Что это—продолженіе тяжелаго сна, болѣзненный бредъ? Она проситъ его не приходить сегодня, такъ какъ у нея скучные гости? Она зоветъ его къ себѣ завтра, потому что она будетъ одна? Она не упрекаетъ его, не обвиняетъ? Она — безгранично добрая женщина, она простила его?.. Нѣтъ, нѣтъ, такіе проступки не прощаются, не прощаются, по крайней мѣрѣ, на другой день послѣ ихъ совершенія! Значитъ, онъ увлекъ ее, обманулъ своею страстью, заставилъ ее думать, что это истинная любовь? О, этого еще недоставало!.. Онъ ходилъ по комнатѣ, онъ потиралъ себѣ лобъ, точно что-то давило ему голову. Гдѣ же теперь исходъ? Положеніе запуталось еще болѣе, вопросъ становился еще сложнѣе.

Наконецъ, Орловъ не выдержалъ и вышелъ изъ дому. Онъ шелъ скорыми шагами и съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица по направленію къ жилищу Лампадова.

— Дядя, мнѣ нужно переговорить съ вами!—скороговоркой сказалъ онъ, входя къ старику и торопливо пожимая его руку.

— Что съ тобой? Несчастіе случилось? Ты на себя не похожъ,—спросилъ испуганно и тревожно старикъ.

— Слушайте,—отвѣчалъ Дмитрій Андреевичъ.—Я, какъ послѣдній негодяй, обманулъ довѣріе князя Александра Владиміровича...

Старикъ широко открылъ глаза. Дмитрій Андреевичъ на-

Digitized by Google

чалъ съ лихорадочною поспѣшностью разсказывать происшедшее. Старикъ слушалъ молча, опустивъ при первыхъ же словахъ молодого человѣка голову на грудь. Когда Орловъ кончилъ, Лампадовъ покачалъ головой и со вздохомъ пробормоталъ:

— Нашла кого выбрать въ любовники, чуть не ребенка!

— О, нѣтъ, нѣтъ, дядя, тутъ я одинъ виноватъ! — съ жаромъ воскликнулъ Орловъ.—Это была грубая неожиданность, это было насиліе... Я, какъ послѣдній мерзавецъ, воспользовался...

— Что ты мнѣ говоришь! — сердито прервалъ его старикъ.—Двадцатый любовникъ — вотъ и все! Ихъ мѣняютъ, какъ старые корсеты. Ихъ держатъ при себѣ въ резервѣ и на смѣну, а онъ толкуетъ о насиліи. Двадцатый разъ совершается это насиліе въ ея будуарѣ... Бѣдный князь, бѣдный князь!

Дмитрій Андреевичъ стоялъ, какъ пораженный громомъ.

— Нужно стоять на такой нравственной высотѣ, на какой стоитъ онъ, чтобы сохранить внѣшнее спокойствіе и относиться съ холодною вѣжливостью къ такой женѣ, какъ она,—продолжалъ Лампадовъ.—Не прошло и года ихъ супружеской жизни, какъ у нея уже былъ любовникъ. Это была случайная, мимолетная связь легкомысленной женщины, но отъ этой связи родился старшій сынъ князя. Князь узналъ объ этомъ случайно. Ему стоило выгнать ее съ ребенкомъ, и она была бы опозорена. Его слишкомъ уважаютъ въ свѣтѣ, чтобы не принять его стороны. Но онъ простилъ ее и попробовалъ забыть все. Но это было только началомъ цѣлаго ряда паденій. Тогда онъ порвалъ съ ней супружескія отношенія, но онъ уже не рѣшился сдѣлать несчастными дѣтей, покрывъ позоромъ ихъ мать. А ты толкуешь о насиліи!.. Вчера былъ ты, сегодня приглашенъ другой, можетъ-быть, о тебѣ же говорятъ, смѣются надъ неопытнымъ мальчишкой...

Онъ сидѣлъ въ креслѣ, опустивъ голову на руки, и чувствовалъ, что его душатъ слезы. Старикъ услышалъ его всхлипыванье и подошелъ къ нему.

— Полно, выпей воды, — сказалъ онъ, подавая племяннику стаканъ съ водой.

— Ни-чего, ни-чего! — проговорилъ съ конвульсивной улыбкой Орловъ.—Значитъ... комедію играли, дурачокъ попался...

Онъ и плакалъ, и хохоталъ. Нервы не выдержали, и

Digitized by Google

истерическій припадокъ повторился опять. Старикъ Лампадовъ, какъ могъ, успокоилъ его.

— Вотъ причина той холодности между ними, которую ты подмѣтилъ когда-то, спрашивая меня, почему князь содержитъ любовницу,—говорилъ старикъ, когда Орловъ немного успокоился.—Это не любовница, а честная женщина, вторая жена князя, преданная ему, любящая его. Онъ счастливъ только въ той семьѣ. Къ несчастію, и тамъ у него теперь горе. У него умерло въ эти годы двое дѣтей, а теперь сама Анна Андреевна Андронова все прихварываетъ... Я вѣдь у нея свой человѣкъ и вижу, какъ она таетъ... Ей бы нужно ѣхать за границу, но она никогда не рѣшится оставить князя. Ему же, ты знаешь, нельзя теперь, въ такое время, бросить дѣла... Хоть бы скорѣе покончили этотъ крестьянскій вопросъ.

Дмитрій Андреевичъ почти не слушалъ старика и въ волненіи ходилъ по комнатѣ. Онъ терялъ голову, не зная, что ему дѣлать дальше. До этой минуты онъ, какъ мальчикъ, какъ юноша, обожалъ княгиню за ея доброту, за ея ласки, за ея несчастія. Его обожаніе разразилось страстнымъ порывомъ при первомъ любовномъ поцѣлуѣ этой женщины—первой женщины, сказавшей ему «люблю» и отдавшейся ему. Но это былъ только порывъ, а не любовь. Теперь повязка спала съ его глазъ. Передъ нимъ была просто легкомысленная женщина, ловившая послѣднія минуты, чтобы еще насладиться любовными интрижками. Онъ могъ, пожалуй, играть съ нею въ любовь, но и только; любить онъ ее не могъ, зная ея прошлое и видя въ ней уже только сладострастную, стоящую на шагъ отъ увяданья женщину. Его теперь тяготила мысль о томъ, какъ онъ будетъ смотрѣть въ глаза князю. Правда, князь уже не считаетъ ея женою; его не можетъ ни волновать, ни раздражать лишняя интрига этой женщины; онъ даже, можетъ-быть, и не узнаетъ, что Дмитрій Андреевичъ сдѣлался любовникомъ этой женщины. Но самъ-то Дмитрій Андреевичъ очень хорошо это знаетъ, и его будетъ постоянно мучить мысль, что онъ запятналъ честь князя, любящаго его, какъ сына. Вѣдь онъ увлекся въ то время, когда онъ еще не зналъ, что эта женщина вовсе не дорога князю. Орловъ никогда еще не чувствовалъ такой глубокой любви, такого безпредѣльнаго уваженія къ князю, какъ теперь.

— О, если бы князь ничего не узналъ!—невольно воскликнулъ онъ.

Digitized by Google

— Князю совершенно все равно, сколько у нея любовниковъ и кто они,—сказалъ Лампадовъ.

— Да, но ему не все равно, когда онъ узнаетъ, что даже я рѣшился обмануть его за все, что онъ сдѣлалъ для меня,—проговорилъ Орловъ.

— Ну, этого онъ, вѣроятно, и не узнаетъ, если ты сумѣешь держать себя съ тактомъ,—отвѣтилъ Лампадовъ.— Тебѣ только будетъ тяжело смотрѣть на старика, потому что, какъ бы тамъ ни было, а ты все же обманулъ его довѣріе. Ты вѣдь сходился не съ брошенной и презираемой имъ женщиной, а съ его женой...

Дмитрій Андреевичъ ушелъ домой, но у него на душѣ не было ни легче, ни свѣтлѣе. Онъ сознавалъ, что онъ всталъ въ ложное положеніе и что онъ выпутается изъ этого положенія не скоро. Княгиня не броситъ его, не оттолкнетъ его. Она увлеклась имъ со всею страстью женщины, видящей, что ея молодость уходитъ. Если онъ скажетъ даже ей, что онъ не любитъ ея, она будетъ молить его не уходить отъ нея. Пусть онъ не любитъ,—она будетъ просить его, чтобъ онъ хотя позволилъ любить себя. Онъ горько улыбнулся, и въ его головѣ промелькнула желчная мысль:

«Что-жъ, нужна же какая-нибудь любовница, вѣдь безъ нея, безъ княгини, пришлось бы въ концѣ концовъ пробавляться грязными связями... Это, по крайней мѣрѣ, если и падшая женщина, то изъ барынь, не какая-нибудь нѣмка изъ Риги или солдатская дочь изъ казармъ, требующая за любовь столько-то, по своей таксѣ.

«Но князь? О, онъ ничего не узнаетъ. Онъ, Орловъ, сдѣлаетъ все, чтобы никто не могъ и подозрѣвать, что онъ близокъ къ княгинѣ. Въ отношеніяхъ же къ князю онъ будетъ еще болѣе преданнымъ человѣкомъ; онъ искупитъ свою вину безграничной привязанностью къ старику. Наконецъ, онъ, Дмитрій Андреевичъ, въ сущности и не такъ виноватъ. Вся его вина въ томъ, что онъ еще неопытенъ въ дѣлѣ укрощенія своихъ страстныхъ порывовъ. Каждый на его мѣстѣ поступилъ бы такъ же, не устоялъ бы. Если-бъ онъ былъ гулякой, въ родѣ юнаго князя Александра, онъ бы, конечно, не увлекся такъ. Но онъ еще никогда не любилъ и потому опьянѣлъ отъ перваго признанія въ любви».

«Сдѣлки съ совѣстью начались»,—съ злобною улыбкой думалъ онъ въ то же время, и его начинала бѣсить та

Digitized by Google

двойственность, которую онъ началъ съ нѣкоторыхъ поръ подмѣчать въ себѣ.

Эта двойственность была въ немъ уже давно: онъ хотѣлъ быть независимымъ и гордымъ человѣкомъ, и между тѣмъ въ какомъ упоеніи онъ былъ, когда онъ явился въ обществѣ рядомъ съ князьями Русовыми; онъ иногда страстно увлекался, говоря о бѣднякахъ, и тутъ же подмѣчалъ въ себѣ рисовку своими личными страданіями, стремленіе преувеличить эти страданія; онъ теперь сознавалъ себя виновнымъ и въ то же время старался уже найти себѣ оправданіе, примириться съ своею совѣстью. И вездѣ, вездѣ была эта двойственность, эта изломанность, это отсутствіе цѣльности натуры.

V.

Въ жизни Дмитрія Андреевича произошелъ рѣзкій переломъ. Такіе переломы въ жизни, конечно, испыталъ и пережилъ каждый изъ насъ. Молодому человѣку вдругъ захотѣлось уйти отъ самого себя, вычеркнуть что-то изъ воспоминанія, забыться, закружиться въ омутѣ жизни. Иногда среди занятій ему вдругъ что-то вспоминалось, и по его лицу разливался румянецъ, его мысли отвлекались отъ работы, его охватывало какое-то нервное раздраженіе, онъ бросалъ книги и записки и бѣжалъ куда-нибудь къ пріятелямъ, на вечеръ, въ театръ. У Русовыхъ онъ не былъ нѣсколько дней, написавъ князю и княгинѣ, что онъ слегка заболѣлъ. Но долго спасаться отъ этой встрѣчи, долго отговариваться болѣзнью было невозможно. Нужно было собраться съ силами и идти «разыгрывать комедію», какъ мысленно, въ желчномъ настроеніи, говорилъ Орловъ. Это было не легко. Ему было стыдно смотрѣть на князя, совѣстно отвѣчать на заботливые разспросы старика о болѣзни, больно слушать его совѣты беречь здоровье, не утомляться излишнею работой. Орловъ не смѣлъ взглянуть на княгиню при князѣ. Когда же снова остался съ нею наединѣ, и она впала въ сентиментальный тонъ, его всего передернуло, и онъ вдругъ со смѣхомъ сказалъ ей:

— Полно, полно! Ну, ты любишь, я люблю, мы любимъ и конецъ. Право, скучно спрягать этотъ глаголъ, какъ школьникамъ. Будемъ веселы, будемъ счастливы и будь, что будетъ! Мнѣ теперь хочется опьянѣть, забыть всѣхъ и все и наслаждаться, наслаждаться безъ конца!

Онъ безъ всякаго умысла, безъ всякой предвзятой мысли

Digitized by Google

обращался теперь съ ней не какъ влюбленный, а какъ любовникъ. Онъ смѣялся, сальничалъ, раздражалъ и ее, и себя цинизмомъ.

— Вотъ что значитъ чуть не четверть вѣка прожить монахомъ,—смѣялся онъ. — Является ненасытная жажда наверстать потерянное! Ты меня извини. Я немножко разнуздань. Но я вѣдь не вашего круга человѣкъ,—во мнѣ есть кусочекъ животнаго...

Черезъ нѣсколько минутъ ему показалось, что кто-то ходитъ въ сосѣдней комнатѣ, и онъ прислушался.

— Что ты?—спросила она.

— Мнѣ показалось, что кто-то идетъ,—отвѣтилъ онъ.

— Сюда же никто не можетъ войти безъ спросу...

— Ну да, конечно... Мило бы было, если бы пришли... Впрочемъ, кто поручится за Александра. Онъ, безпутный, готовъ всюду ворваться. Тоже поучительно бы было...

Еще черезъ минуту, опять заслышавъ гдѣ-то шаги, онъ говорилъ ей:

— Нѣтъ, право, поѣдемъ куда-нибудь за городъ, одни, въ какой-нибудь ресторанчикъ, а здѣсь... Я просто перестану сюда ходить... Тамъ будетъ и свободнѣе, и веселѣе... Тамъ сама атмосфера располагаетъ ко всякимъ глупостямъ...

Она не оскорблялась; она не понимала, что онъ пересталъ ее уважать, что онъ просто презиралъ ее, и была счастлива, что ей больше не нужно надѣвать передъ нимъ маски жертвы и страдалицы. Это такъ скучно! Она явилась теперь передъ нимъ тѣмъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности: легкомысленной и сладострастной женщиной, не знавшей другихъ законовъ, кромѣ законовъ своего темперамента.

Такія женщины легко завладѣваютъ юношами, дѣлаются для нихъ необходимыми, втягиваютъ ихъ въ развратъ. Орловъ не могъ сказать, что онъ ее любитъ; онъ не испытывалъ съ нею чувства чистой любви; у него не было потребности окружать ее мелкими услугами и заботами, любоваться ею, засиживаться съ нею въ интимныхъ, мирныхъ бесѣдахъ; онъ не испытывалъ желанія влюбленнаго человѣка показать всѣмъ любимую женщину и сказать: «она моя»; онъ не ощущалъ чувства ревности при мысли, что еще кто-нибудь ухаживаетъ за нею, и не старался пробудить этого чувства въ ней, но онъ чувствовалъ, что она стала для него необходимой, не задумываясь въ то же время надъ вопросомъ: надолго ли? Иногда онъ бѣсился на себя, упрекалъ себя за развратъ, потому что иначе онъ не могъ въ

Digitized by Google

глубинѣ своей души назвать свои отношенія къ ней. Но тутъ же онъ говорилъ себѣ, что не она, такъ другая,—не все ли равно? А князь?—Но и для князя, если-бъ онъ даже зналъ объ отношеніяхъ его, Орлова, къ княгинѣ, не все ли равно—онъ или другой кто-нибудь состоитъ очереднымъ любовникомъ этой женщины? Въ то же время въ Орловѣ развилась крайняя щепетильность въ вопросѣ о томъ, чтобы на него не пало и тѣни подозрѣнія въ близости его къ княгинѣ, и онъ ясно сознавалъ, что онъ скрываетъ эти отношенія не изъ боязни передъ княземъ. Онъ сознавалъ это какъ-то внезапно, случайно. Былъ день его именинъ, и княгиня сдѣлала ему подарокъ. Онъ обозлился и вспылилъ:

— Что это: плата?—грубо и рѣзко спросилъ онъ, не принимая подарка.—Въ нашихъ отношеніяхъ можно только тогда дарить другъ друга, когда можно и отдаривать. Къ сожалѣнію, я не могу да и не желаю отдаривать.

Княгиня сконфузилась; она никакъ не ожидала этой выходки.

— Единственно, что оправдываетъ наши отношенія, такъ это—то, что въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ и тѣни расчетовъ и зависимости, — продолжалъ онъ. — Если у меня явится хоть тѣнь сознанія, что я обязываюсь чѣмъ-нибудь тебѣ, я буду презирать тебя и, кажется, возненавижу.

Она стала оправдываться, говоря, что она просто хотѣла подарить ему бездѣлушку, какъ дарятъ и другіе знакомые.

— Что могу я взять отъ знакомыхъ, того не могу я взять отъ тебя,—сказалъ онъ.—И эта вещь—бездѣлушка только въ твоихъ глазахъ, а не въ моихъ... Ты это очень хорошо знаешь... Если ужъ такъ хотѣлось порадовать меня подаркомъ, такъ ты бы букетъ мнѣ преподнесла. Нѣмки вонъ всегда букеты подносятъ предметамъ своего сердца. Впрочемъ, не станемъ говорить объ этомъ несчастномъ подаркѣ...

Этотъ несчастный подарокъ и вызванное имъ волненіе вдругъ пробудили въ душѣ Орлова сознаніе, что онъ усиленно скрываетъ свои отношенія къ княгинѣ именно потому, чтобъ его не заподозрили, что онъ пользуется отъ нея какими-нибудь выгодами. Его грызла и мучила мысль, что эти подозрѣнія могутъ возникать тотчасъ же, какъ только явится хоть тѣнь подозрѣнія насчетъ его отношеній къ ней. Вѣдь онъ—бѣднякъ, а она такъ богата. Изъ страха передъ этими подозрѣніями онъ относился къ ней при людяхъ сдержанно, холодно, почти невнимательно; онъ злился,

Digitized by Google

когда она останавливала на немъ свои взгляды или улыбалась ему въ обществѣ. Но, скрывая свои отношенія къ княгинѣ, свою сердечную жизнь, онъ нерѣдко прорывался желчными выходками, когда говорили про любовь.

— Что вы мнѣ толкуете про вашу «первую любовь»!— говорилъ онъ въ кружкѣ своихъ товарищей. — Первая любовь нашей братьи, столичной голи и столичныхъ богачей— это первый развратъ. Отцвѣтающія барыни, продажныя жертвы общественнаго темперамента — вотъ кто срываетъ наши первые поцѣлуи. А потомъ, когда мы развратимся, истреплемся, загрязнимся, мы отдаемъ свои изношенныя чувства невиннымъ и наивнымъ дѣвушкамъ, которыхъ дѣлаемъ своими женами. Первая любовь это почти всегда невинность съ одной стороны и развращенность съ другой И много ли тѣхъ счастливцевъ, которые вносятъ въ первую любовь одинаковую чистоту, одинаковую силу, одинаковую свѣжесть? Въ деревняхъ, въ средѣ народа—да, тамъ эти счастливцы есть, а у насъ...

Онъ безнадежно махнулъ рукою.

— Вліяніе природы, вліяніе весны, избытокъ свѣжихъ силъ—вотъ что тамъ навѣваетъ поэзію первой любви, — продолжалъ онъ, увлекаясь. — А у насъ? Духота больной атмосферы, обнаженныя плечи и руки, скабрезныя сцены и сальные разговоры, стремленіе забыть горе, или пустоту жизни въ развратцѣ — вотъ что пробуждаетъ наши животныя страсти и убиваетъ возможность узнать когда-нибудь поэзію первой любви.

Онъ сердился, онъ волновался все болѣе и болѣе, что онъ, какъ пьяница, съ наслажденіемъ, съ жадностью глотаетъ вино и проклинаетъ это вино въ минуты отрезвленія. Иногда онъ снова и снова упрекалъ себя за двойственность, не имѣя силъ оторваться отъ княгини и не удовлетворяясь въ то же время отношеніями къ ней. Онъ не могъ идеализировать ее, не могъ мечтать о ней съ замирающимъ сердцемъ, не могъ дорожить ею, боясь огорчить ее, боясь потерять ее,—не могъ даже ждать ничего отъ нея больше того, что она уже дала ему. Въ ихъ прошломъ у нихъ не было поэзіи, завѣтныхъ грёзъ другъ о другѣ, таинственныхъ встрѣчъ съ робкимъ шопотомъ первыхъ признаній, томительныхъ и сладкихъ ожиданій счастія и блаженства, а впереди—впереди была одна пошлая проза: надоѣдятъ они другъ другу, завяжутъ новыя связи—вотъ и все. Объ этомъ хотѣлось не думать, это хотѣлось забыть.

Digitized by Google

Отъ нея онъ шелъ въ товарищескіе кружки и тамъ отдавался новымъ сильнымъ ощущеніямъ, спорамъ о студенческихъ и общественныхъ вопросахъ, спорамъ смѣлымъ и оживленнымъ, возбуждавшимъ нервы, поднимавшимъ злобу, пробуждавшимъ молодую отвагу и задоръ. Ему все болѣе и болѣе хотѣлось забыться, закружиться въ этомъ обществѣ. Общественная жизнь въ то время была уже полна самыхъ жгучихъ вопросовъ, обличеній, порывовъ и тревогъ. Общество уже прочитало «Губернскіе очерки», покончило съ откупами, толковало о желѣзнодорожной горячкѣ, разсуждало о положеніи молодежи, о вопросѣ: созрѣли мы или не созрѣли? Это былъ тотъ разгаръ времени реформъ, когда обличались и зондировались старыя язвы и придумывались новыя лѣкарства. Однимъ хотѣлось, чтобы все сдѣлалось сразу; другіе были убѣждены, что какой-нибудь пластырь, положенный на зіяющую рану, будетъ вполнѣ достаточнымъ, такъ какъ онъ если и не залѣчитъ раны, то скроетъ ее отъ глазъ. Недовольство шло съ двухъ сторонъ: однимъ казалось все мало, другимъ казалось все много. Отношенія этихъ двухъ партій обострялись все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Первые кричали: нужно все взять силой; вторые шипѣли: нужно все обуздать силой. Съ одной стороны еще поэты пѣли о томъ, что мы «шагаемъ впередъ, какъ въ дни великаго Петра», что «мертвые въ гробѣ почили, дѣло настало живымъ»; съ другой уже слышались рѣзкіе звуки «Свистка» съ припѣвомъ: «мы стоимъ въ поганой лужѣ и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже всѣ себя грязнимъ». Оптимизмъ и пессимизмъ уже вели борьбу между собою, смѣнивъ беззавѣтное увлеченіе розовыми надеждами и криками: «впередъ безъ страха и сомнѣнія!» Это двойственное направленіе являлось не только въ цѣломъ обществѣ, но и въ отдѣльныхъ людяхъ, которые, какъ поэтъ Никитинъ, сегодня впадали въ мрачное отчаянье, а завтра носились орлами въ мірѣ радужныхъ грёзъ. Орловъ, вращавшійся въ обществѣ, собиравшемся въ домѣ князя Русова, лучше многихъ изъ молодежи зналъ, на что можно надѣяться, чего можно было ждать, и потому начиналъ смотрѣть на все далеко невесело. Онъ почти ежедневно слышалъ все болѣе и болѣе желчные выходки старика. Князь теперь не только занялъ довольно видный постъ въ администраціи, но и сдѣлался членомъ, какъ онъ самъ выражался, тысячи явныхъ и тайныхъ комитетовъ, комиссій и подкомиссій. Онъ не успѣвалъ почти прочитывать дѣлъ, докладовъ, записокъ, сообщеній, про-

Digitized by Google

ектовъ, поступавшихъ въ эти комитеты и комиссіи; онъ просиживалъ дни и ночи за работой и иногда говорилъ Орлову:

— Мы, кажется, скоро всѣ съ ума сойдемъ!

Въ этихъ словахъ не было преувеличенія: въ тѣ времена не одинъ изъ народныхъ дѣятелей доработался если не до сумасшествія, то до нервнаго удара. Кромѣ непомѣрной работы дѣятелямъ того времени, подобнымъ князю Русову, приходилось выносить безчисленныя непріятности, сталкиваясь съ людьми враждебныхъ лагерей, задѣвая чужія самолюбія, стараясь сдвинуть съ своей дороги упорныхъ противниковъ, всегда готовыхъ для самозащиты взяться за всякое оружіе. Клевета, доносы, личныя оскорбленія—все пускалось тогда въ ходъ противниками реформъ, которые не останавливались передъ тѣмъ, чтобы, напримѣръ, рискнуть публично въ присутственномъ мѣстѣ назвать шпіономъ Татаринова за его стремленіе ввести правильный контроль. Эта борьба хуже всякой чрезмѣрной работы разстраивала нервы и подрывала силы дѣловыхъ людей.

Князь Русовъ засѣдалъ въ комиссіяхъ, принималъ доклады отъ своихъ офиціальныхъ помощниковъ по службѣ и потомъ до поздней ночи работалъ со своимъ неизмѣннымъ домашнимъ секретаремъ, Орловымъ. Иногда князь поручалъ Орлову составить какой-нибудь докладъ по его наброскамъ, по офиціальнымъ документамъ, привезеннымъ имъ на домъ. Орловъ работалъ лихорадочно; онъ сознавалъ, что онъ вноситъ частицу своего меда въ тотъ гигантскій улей, который работалъ тогда. Его рвеніе еще болѣе привязывало къ нему князя, и старикъ только опасался, что Орловъ запуститъ лекціи. Но Орловъ, какъ и многіе другіе его товарищи-бѣдняки, дававшіе тогда уроки, писавшіе статьи, помогавшіе офиціальнымъ дѣятелямъ и выдвинувшіеся потомъ впередъ въ качествѣ писателей, присяжныхъ повѣренныхъ, профессоровъ, судей, дѣлалъ нечеловѣческія усилія надъ собою, чтобы поспѣть управиться со всѣмъ. Онъ самъ порою удивлялся себѣ, какъ онъ выдерживаетъ эту жизнь и, можетъ-быть, только при помощи сильнаго нервнаго возбужденія можно было работать столько, сколько работалъ онъ, сколько работали многіе его сверстники, потомъ завоевавшіе себѣ трудомъ довольно громкія имена. Но его поддерживала не только мысль, что онъ является главнымъ помощникомъ крупнаго общественнаго дѣятеля, но и надежда, что онъ самъ скоро выступитъ на поприще общественной

Digitized by Google

дѣятельности. Онъ не безъ волненія думалъ о томъ, что передъ нимъ предстоитъ блестящая карьера, широкое поле труда. Князь, конечно, тотчасъ же выхлопочетъ ему мѣсто, быстро двинетъ его впередъ, поставитъ его на дорогу не простой машины, а осмысленнаго работника. Иногда во время своихъ золотыхъ грёзъ о свѣтломъ будущемъ Орловъ съ улыбкою вспоминалъ о своихъ дѣтскихъ мечтахъ, когда онъ хотѣлъ облагодѣтельствовать всѣхъ, всѣхъ, и казнить купца Пахомова. Положимъ, ему было далеко до исполненія этихъ мечтаній, но онъ сознавалъ, что онъ все-таки выбивается изъ массы, стоитъ на той дорогѣ, на которой пріобрѣтется и сила, и значеніе, и имя въ обществѣ.

— Да, да, приходитъ царство Орловыхъ, Барановыхъ, Кобылиныхъ, Ивановыхъ и какъ тамъ еще зовутъ всю нашу братью, всю эту голь перекатную, двинувшуюся теперь завоевывать себѣ мѣсто въ обществѣ,—говорилъ Орловъ въ товарищескомъ кругу.—Помяните мое слово, что разночинецъ теперь въ ходъ пойдетъ. Руки вездѣ нужны, а людей нѣтъ,—ну, и становись къ дѣлу. Теперь нужно только не зѣвать, такъ непремѣнно генераломъ умрешь...

Онъ смѣялся и радовался, видя, что «разночинецъ въ ходъ пошелъ». Онъ даже съ пахомовымъ сыномъ сдружился, видя, что тотъ «парень ловкій» и «такимъ инженеромъ будетъ, что милліоны съинженеритъ».

— Это среднее сословіе, наше tiers état, создается,— говорилъ онъ съ оживленіемъ и уже пророчилъ, что это среднее сословіе завоюетъ себѣ права.—Не въ одной же Франціи люди пироги умѣютъ ѣсть. Теперь мы на очереди.

Университетскіе годы прошли быстро; онъ кончилъ курсъ отлично и тотчасъ же получилъ мѣсто черезъ князя Русова. Про него обыватели Захолустной улицы говорили:

— Въ сорочкѣ, видно, орлихинскій-то Митя родился!

Дѣйствительно, мѣста доставались вообще не такъ скоро, какъ досталось мѣсто ему. Но онъ не довольствовался тѣмъ, что онъ будетъ служить на офиціальной службѣ. Его волновали вопросы дня; ему хотѣлось такъ или иначе содѣйствовать скорѣйшему разрѣшенію этихъ вопросовъ. Въ былые дни мальчуганомъ шестнадцати-семнадцати лѣтъ онъ началъ пописывать стишки съ извѣстною яркою окраской, съ извѣстною долей громкаго фразёрства. То у него являлись строфы къ свободѣ, гдѣ онъ говорилъ:

Мила мнѣ въ лѣтній день природа,
Зимой топящійся каминъ,

Digitized by Google

Но изо всѣхъ даровъ одинъ
Всего дороже мнѣ—свобода,—
Свобода тѣхъ, кому пришлось
Терпѣть неволю въ вѣчномъ страхѣ,
И за нее сложить на плахѣ
Готовъ я голову безъ слезъ.

Въ другомъ стихотвореніи онъ говорилъ о родинѣ:

Вотъ онъ, мой край, вотъ родина святая,
Полей и нивъ необозримыхъ гладь...
Какая здѣсь таится благодать,
Когда весна придетъ, благоухая!
Вотъ та страна, гдѣ, мучась и страдая,
Своихъ цѣпей не въ силахъ разорвать,
Умѣлъ народъ геройски умирать,
Какъ Іисусъ, враговъ не проклиная.
Вотъ та страна, гдѣ я, чело склоняя,
Не въ силахъ слезъ горячихъ удержать...
Такъ смотритъ сынъ на мученицу мать,
Слѣды ея кровавыхъ ранъ лобзая.

Это были совсѣмъ молодые порывы и увлеченія въ духѣ того времени. Теперь онъ брался за перо для прозы, стремясь отозваться на животрепещущіе вопросы дня. Ему удалось напечатать нѣсколько небольшихъ статей и замѣтокъ. Онъ могъ сообщать нѣсколько новостей по крестьянскому дѣлу, къ которому очень близко стоялъ князь. Одно это уже открывало ему доступъ на столбцы газетъ. Но онъ не ограничивался сообщеніемъ сухихъ матеріаловъ по крестьянскому вопросу. Одна изъ статей касалась грамотности народа и возбудила толки своимъ остроуміемъ и язвительностью; другая касалась суда присяжныхъ въ Европѣ и прошла не безслѣдно не только потому, что это была довольно полная и трудолюбиво составленная компиляція, но и потому, что въ ней были сдѣланы бойкія и мѣткія замѣчанія о нашихъ судахъ и чиновникахъ. Никогда еще не было у насъ такого времени, когда бы читатель отыскивалъ такъ усердно въ каждой статьѣ между строкъ чего-то недосказаннаго, какъ тогда. Статьи и замѣтки Орлова отличались именно этимъ свойствомъ: онъ говорилъ о Китаѣ, и читатель понималъ, что Китай тутъ не при чемъ, что тутъ дѣло идетъ о Россіи; онъ говорилъ о католическихъ патерахъ, а читатель догадывался, что нужно читать православные попы. Онъ пользовался всѣми средствами, чтобы нападать на извѣстныя идеи и явленія и отстаивать другія, и печаталъ стишки въ «Искрѣ», мелкія замѣтки въ газетахъ, серьезныя статейки въ толстыхъ журналахъ.

Digitized by Google

— Если у меня не болѣе силъ, чѣмъ у комара, то я и тогда не перестану жалить,—говорилъ онъ шутливо.—Не даромъ же я училъ наизусть басню про комара и льва...

Слѣдя за его статьями, за его разговорами въ обществѣ, за его интимными бесѣдами съ княземъ, можно было постепенно прослѣдить, какъ бился тогда пульсъ извѣстной части нашего интеллигентнаго общества. Разочарованіе въ слишкомъ розовыхъ мечтахъ, недовольство медленностью разныхъ комиссіонныхъ работъ, жалобы на то, что новое вино вливается въ старые мѣхи, раздраженіе на злоупотребленія, продолжавшія, подобно стоглавой гидрѣ, поднимать другую голову, когда отрубали одну, желчные толки объ университетскихъ безпорядкахъ, о прекращеніи воскресныхъ школъ, потомъ, по поводу временнаго пріостановленія двухъ большихъ журналовъ, негодованіе на стѣсненія печати вообще—все это отзывалось въ его рѣчахъ. Онъ самъ не замѣчалъ, какъ на него начинали коситься нѣкоторые люди, уже съ негодованіемъ и ненавистью вычислявшіе всѣ прегрѣшенія молодежи, внося въ одинъ счетъ и сходки, и процессіи въ Колокольную улицу, и похороны Мартынова и Бозіо, и какія-то миѳическія «коммуны» и «смаргоніи», и еще болѣе миѳическіе «семиспальныя кровати», и длинные волосы юношей, и стриженные волосы дѣвицъ. Всякое лыко ставилось въ строку, и враги не хотѣли понять или дѣлали видъ, что не понимаютъ того, что дурныя стороны въ извѣстной части молодежи были вовсе не слѣдствіемъ тѣхъ или другихъ убѣжденій и взглядовъ, а просто слѣдствіемъ того, что она была плоть отъ плоти, кость отъ кости своихъ отцовъ,—что если, съ одной стороны, процвѣталъ развратецъ въ коммунахъ, то, съ другой—дебошъ, скандалъ и разные «карамболи» точно такъ же процвѣтали въ веселыхъ домахъ, трактирахъ, въ ресторанахъ, въ кафе: нравственность вездѣ и всюду была одна и та же. Пристрастное отношеніе къ извѣстной части молодежи не могло не раздражать такихъ людей, какъ Орловъ, и вызывало на рѣзкости, становившіяся уже не безопасными. Самъ князь Русовъ раза два мелькомъ замѣтилъ ему:

— Теперь нужно быть осторожнѣе!

Но старикъ самъ начиналъ смотрѣть на дѣла не менѣе мрачно. Онъ видѣлъ, какъ кругомъ сплеталась цѣлая сѣть мелкихъ интригъ. Всѣ, съ кѣмъ онъ расходился во мнѣніяхъ, дѣлались его личными врагами. Нигдѣ общественныя дѣла не сводятся такъ на личную почву, какъ у насъ, вѣчно

Digitized by Google

смѣшивающихъ казенный сундукъ со своимъ. Иногда князь вооружалъ противъ себя людей, даже и не подозрѣвая, что онъ наживаетъ себѣ враговъ, просто отзываясь хорошо или дурно о той или другой личности. Такъ онъ возбудилъ противъ себя нѣсколько человѣкъ, рѣзко отозвавшись о прошлой дѣятельности графа Клейнмихеля. Такъ онъ нажилъ еще больше враговъ, сдѣлавшись не только сторонникомъ, но и самымъ искреннимъ поклонникомъ Татаринова, съ такими нечеловѣческими усиліями совершившаго гигантское дѣло контроля. Орловъ это все зналъ и шутливо замѣчалъ князю

— Ну, не вамъ бы, Александръ Владиміровичъ, учить меня осторожности. Врачу, исцѣлися самъ, могъ бы я вамъ отвѣтить на это.

— Есть маленькая разница между нами...

— Знаю, знаю, что и сильному вихрю труднѣе справиться съ крѣпкимъ дубомъ, что легкому вѣтру съ маленькой щепкой...

— Я говорю не съ этой точки зрѣнія. Но ты начинаешь жить, а я кончаю, и мнѣ все равно, какъ умереть, на покоѣ или въ бою,—отвѣчалъ грустно князь:—тѣмъ болѣе, что и мои личныя дѣла, кажется, скоро заставятъ меня сойти со сцены...

— Ну, Богъ не выдастъ,—говорилъ Орловъ.—Да и въ чемъ такомъ я виноватъ, чтобы бояться?

А бояться было нужно: однажды Орловъ зашелъ къ одному изъ своихъ литературныхъ знакомыхъ и засталъ дома только его жену. Она въ волненіи и въ слезахъ передала Орлову, что у нихъ былъ обыскъ, что захватили бумаги ея мужа, что арестовали нѣсколько человѣкъ изъ его знакомыхъ. Орловъ поблѣднѣлъ. Въ бумагахъ этого знакомаго были и его бумаги, и письма. Въ нихъ не было ничего особенно компрометирующаго Орлова, но Орловъ хорошо зналъ, что одни сношенія съ подозрительною личностью могли навлечь на него подозрѣнія и повести къ обыску, къ допросу. Наскоро простившись съ хозяйкой, онъ помчался домой. У него были запрещенныя книги, какіе-то печатные листки нецензурнаго содержанія, «Колоколъ»,—однимъ словомъ, все то запретное, что могло тогда найтись у каждаго человѣка его круга. Главное, что его безпокоило, это было объясненіе съ матерью. Онъ долженъ былъ ее предупредить, что у нихъ будетъ или можетъ быть обыскъ. Онъ боялся не только того, что она испугается внезапнаго ночного посѣщенія, но и того, что она расплачется, будетъ унижаться передъ жан-

Digitized by Google

дармами, разыграетъ нелѣпую сцену, не понимая сущности дѣла, не сознавая, что никакія просьбы и слезы не могутъ заставить этихъ исполнителей закона уклониться отъ возложенной на нихъ обязанности. Онъ прошелъ къ себѣ въ комнату, попросивъ мать приготовить чай, заперся у себя, открылъ трубу у печки и принялся жечь бумаги, брошюры, письма. Это продолжалось недолго, и когда ему сказали, что чай готовъ, у него уже все было кончено. Онъ снова закрылъ трубу и пошелъ къ чайному столу. Онъ былъ блѣденъ, но старался казаться спокойнымъ. За чаемъ онъ заговорилъ о тревожномъ времени, о безпорядкахъ, объ обыскахъ.

— Да что же, кража, что ли, какая сдѣлалась?—спросила Марья Ѳедоровна.

— Нѣтъ, дѣло не въ кражѣ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Просто идутъ волненія; вездѣ — недовольные; одни на одно, другіе на другое жалуются. Безъ этого ужъ не можетъ обойтись: простой домъ перестраиваютъ, такъ и то тревоги не мало бываетъ, а тутъ цѣлое государство хотятъ передѣлать, такъ какъ не быть волненью и жалобамъ...

— Да какъ, батюшка, не жаловаться-то?—перебила его Марья Ѳедоровна.—Вонъ возьми хоть насъ: отца-то такъ, ни съ того, ни съ сего, вышвырнули со службы,—живи, молъ, какъ знаешь. А того не знаютъ, что старикъ-то съ горя попивать началъ, да и намъ жить было бы нечѣмъ, если бы не ты помогалъ. Пожалуешься тутъ!

Дмитрій Андреевичъ услыбнулся.

— А жаловаться-то и нельзя, мама! Васъ за это возьмутъ да и посадятъ въ кутузку,—пошутилъ онъ.

— Да я хоть самому царю это скажу!—воскликнула Марья Ѳедоровна.—Развѣ это дѣло такъ-то за службу награждать? Что-жъ, въ воры идти, что ли, если со службы чиновниковъ гонятъ? А дороговизна-то какая вездѣ началась. Купцы теперь что ходятъ, то и дерутъ съ насъ,—ни таксы на нихъ нѣтъ, ни присмотру... Обвѣшиваютъ да обмѣриваютъ, гнилье да тухлятину продаютъ, а кто смотритъ?.. Комиссія тамъ какая-то есть, да она въ лавки-то и не заглядываетъ, а если и заглянетъ, такъ за деньги все скроетъ...

— Вотъ, вотъ за эти-то рѣчи и сажаютъ людей,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, отчасти радуясь, что мать облегчила, сама того не зная, его объясненія съ ней.—И вотъ тоже такъ-то, какъ вы, говорилъ-говорилъ въ обществѣ, а теперь, пожалуй, и къ отвѣту за это потребуютъ.

Digitized by Google

— Да что ты!—воскликнула Марья Ѳедоровна, измѣняясь въ лицѣ.—Какъ къ отвѣту? За что это? За правду-то?

— Да. Не сегодня, такъ завтра, пожалуй, полиція да жандармы ночью пріѣдутъ, обыщутъ, нѣтъ ли какихъ книгъ или бумагъ запрещенныхъ, и къ допросу увезутъ на время,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Митя, да ты это вправду или такъ?—спросила проворно Орлова.

— Я не шучу. Очень можетъ случиться, что сегодня же пріѣдутъ обыскивать... Впрочемъ, вы не бойтесь, мама, все это пустяки. Это теперь чуть не каждый день дѣлается. Правительство тоже должно быть на-сторожѣ. Мнѣ ничего не сдѣлаютъ. Если только дѣйствительно возьмутъ меня къ допросу, то я оставлю Анѣ два письма, она передастъ ихъ дядѣ. А онъ уже снесетъ князю и княгинѣ. Только вы, мама, и сами будьте осторожнѣе. Теперь много жаловаться да роптать опасно.

Анна Андреевна и Марья Ѳедоровна сидѣли точно придавленныя, пришибленныя. Извѣстіе, сообщенное Дмитріемъ Андреевичемъ, поразило ихъ, какъ громъ. Въ Захолустной улицѣ еще и понятія не имѣли о томъ, что значитъ третье-отдѣленскій обыскъ.

— Но, главное, мама, не бойтесь, не теряйтесь, не плачьте,—продолжалъ Дмитрій Андреевичъ.—Вы теперь знаете, за что и почему могутъ меня взять. Я говорилъ про нынѣшніе порядки, сердился на нихъ, жаловался,—ну, за это и могу отвѣтить...

— Отвѣтить, отвѣтить! Да за что? За то, что кричишь, когда тебя за горло давять? Что же это тоже, поди, порядокъ, по-ихнему?—воскликнула Марья Ѳедоровна.—Да я, почитай, шестьдесятъ лѣтъ кричу да ругаюсь, что житья нѣтъ! Рта, батюшка, не зажмешь, коли за горло давять! Да я имъ всѣмъ въ глаза все выскажу, въ глаза наругаюсь...

— Нѣтъ, ужъ вы, мама, поостерегитесь,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Время теперь тяжелое, смутное,—надо молчать...

— Бьютъ, значитъ, и плакать не велятъ!..—сказала Марья Ѳедоровна.

— Да, пожалуй, что такъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Главное, помните, что опасности особенной нѣтъ, что нѣтъ никакого тутъ позора...

— Батюшка, да какой же позоръ въ томъ, что ты за свое право, за свое добро стоишь, да тебѣ же ротъ за-

Digitized by Google

жать хотять!—съ горечью сказала Марья Ѳедоровна.—Не понимаю я, что ли, этого? Я сама, сама, хоть ты меня на клочки рви, буду и буду говорить, что обижаютъ бѣдныхъ людей, что истомились, истерзались бѣдные люди!

— Да, мама, не разъ это всѣ мы говорили и прежде, да другія времена тогда были,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Впрочемъ, можетъ-быть, еще все и такъ обойдется...

Чай допили въ тяжеломъ настроеніи, перекидываясь только отрывочными фразами.

Среди этого тяжелаго настроенія вдругъ раздался неожиданный шопотъ Леши.

— Сестрица, это Ѳедоръ Гаврилычъ придетъ къ братцу?—спросилъ онъ Анну Андреевну.

— Молчи ужъ, молчи, Леша!—тихо отвѣтила она, дергая его за сюртукъ.

— Да, Леша, Ѳедоръ Гаврилычъ придетъ,—сказалъ съ улыбкой Дмитрій Андреевичъ.—У каждаго человѣка есть свой Ѳедоръ Гаврилычъ, вотъ онъ и ко мнѣ придетъ...

— Братецъ, я боюсь... Мнѣ, братецъ, жаль васъ,—жалобно заговорилъ Леша.—Я къ нему самъ выйду, васъ не дамъ, братецъ... Пусть меня бьетъ, пусть!

— Полно, милый, не волнуйся,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, погладивъ его по головѣ, какъ ребенка.—Это все пустяки. Ложись спать съ Богомъ.

— А вы, братецъ? Я боюсь... Я очень боюсь!

Дмитрій Андреевичъ, какъ умѣлъ, успокоилъ бѣднаго юношу. Марья Ѳедоровна тайкомъ утирала слезы. Настроеніе сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ, и Орловъ спѣшилъ допить чай.

Послѣ чаю Дмитрій Андреевичъ сказалъ сестрѣ, что онъ напишетъ письма и передастъ ихъ ей для того, чтобы они были переданы, въ случаѣ надобности, Лампадову. Орловъ снова заперся въ своей комнатѣ и только теперь почувствовалъ вполнѣ, какъ сильно подѣйствовало на него полученное имъ извѣстіе объ арестахъ знакомыхъ ему лицъ. Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ думалъ о главномъ, о своемъ положеніи, о выходѣ изъ этого положенія, а рядомъ съ этимъ въ головѣ мелькали какія-то мелкія опасенія, раздражающія, волнующія чуть ли не больше, чѣмъ думы о главной опасности. Онъ не сдѣлалъ никакихъ крупныхъ проступковъ или преступленій. Онъ былъ только знакомъ съ обвинявшимися въ разныхъ проступкахъ и преступленіяхъ лицами; онъ только читалъ, а не распространялъ

Digitized by Google

разныя преступныя книги, разные подметные листки. Онъ иногда рѣзко, даже очень рѣзко высказывалъ свои мнѣнія, но онъ не предпринималъ ничего противозаконнаго для осуществленія своихъ желаній. Но это и все. Ни въ какихъ заговорахъ онъ не принималъ участія, хотя зналъ многое. Сотни, тысячи лицъ стояли тогда въ его положеніи. Изъ всего этого можно было выйти сухимъ. Не обвинять же его за то, что онъ не доносилъ. Да, онъ выйдетъ сухимъ. Да и нужно было выйти сухимъ. Было бы горько, постыдно погибнуть изъ-за пустяковъ. И какъ это онъ не сумѣлъ быть осторожнымъ! У него на рукахъ семья, у него впереди хорошая будущность, полезная дѣятельность. Фрондерствовать вздумалъ, велъ себя какъ мальчишка!.. Ахъ, если бы мать не растерялась и не расплакалась передъ полицейскими! Выйдетъ и смѣшно, и глупо. И что это отецъ не идетъ. Придетъ, пожалуй, пьяный. Милая сцена выйдетъ! Проклятое положеніе! Чужіе, ненавистные люди будутъ не только въ твоей душѣ грязными руками рыться, но въ твою семейную жизнь вторгнутся, въ твою постель, въ постель твоихъ родныхъ заглянутъ. Но надо скорѣе писать письма. Князь и княгиня могутъ спасти его, если даже его будутъ обвинять въ чемъ-нибудь серьезномъ. Но въ чемъ же, въ чемъ?.. Что о немъ уже извѣстно и чего еще не знаютъ о немъ? Что можно скрыть и что слѣдуетъ для своей же безопасности высказать? Однако, что написать князю и княгинѣ? Онъ сѣлъ къ письменному столу и написалъ короткое, дѣловое письмо къ князю, прося его заступничества. Потомъ онъ сталъ наскоро писать къ княгинѣ. Это было странное письмо, обличавшее его настроеніе. Онъ писалъ ей:

«Мой добрый другъ! Вы какъ-то упрекали меня за то, что я ничего не прошу, ничѣмъ не хочу пользоваться. Я сказалъ, смѣясь, что я не люблю брать по мелочамъ, сотня разъ кланяясь, и что если я попрошу когда-нибудь, то попрошу многаго за разъ. День этой просьбы насталъ, и я прошу у васъ: свободы, жизни, будущаго... Но шутки въ сторону! Мнѣ не до нихъ, и я шучу сквозь слезы... Нѣтъ, нѣтъ, я лгу: я не плачу, но злюсь, желчь душитъ меня. Изъ-за пустяковъ, изъ-за шалостей, изъ-за мальчишества меня везутъ въ тюрьму, лишаютъ свободы, отравляютъ жизнь, портятъ все, все, къ чему я стремлюсь, изъ-за чего я бьюсь. Спасайте, освобождайте меня! Объѣздите всѣхъ сильныхъ міра сего, скажите имъ, что они ошибаются, что

Digitized by Google

я *их*, что я имъ пригожусь, что я—скажите имъ и это, если нужно—что я лучшій христіанинъ и ревностный поборникъ всего ретроградnаго, всего затхлаго, всего отжившаго. О, да вы сами лучше меня знаете, что сказать! Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи того, кто любитъ васъ, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ! Ей-Богу же, мнѣ скверно, скверно и скверно! Подробностей не пишу; ихъ передастъ вамъ дядя!»

Онъ перечиталъ это письмо и хотѣлъ его разорвать. Потомъ махнулъ рукой и запечаталъ его.

— Аня, вотъ письма,—сказалъ онъ сестрѣ, входя къ ней въ комнату.

Она поднялась съ колѣней.

— Молилась?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ ласково.

— Да,—отвѣтила она коротко.—Скажи, ты точно знаешь, что тебѣ ничего не сдѣлаютъ?

— Нѣтъ... Все пустяки!—отвѣтилъ онъ.

Въ эту минуту послышался стукъ въ двери и шумъ шаговъ. Анна Андреевна быстро спрятала за лифъ письма, торопливо обняла брата и вышла въ другую комнату. Туда уже входили полицейскій, жандармскій офицеръ, въ дверяхъ стоялъ какой-то унтеръ въ синемъ мундирѣ.

Дмитрій Андреевичъ слышалъ только отрывистыя фразы матери:

— Сына моего?.. Онъ вонъ тамъ живетъ, въ той комнатѣ... Пожалуйте...

Она говорила, повидимому, спокойно.

— Это тебя, Митя, зачѣмъ-то спрашиваютъ!—громко сказала она, входя въ комнату.

Дмитрій Андреевичъ не замѣтилъ ни слезинки на ея лицѣ. Онъ принялъ посѣтителей вѣжливо, холодно, немного свысока. Начался обыскъ. Конечно, не нашли ничего.

— Не угодно ли остальныя комнаты обыскать?—спросилъ сухо Дмитрій Андреевичъ съ презрительной гримасой.

— Вы вѣдь только эту комнату занимаете?—спросилъ жандармскій офицеръ.

Дмитрій Андреевичъ пожалъ плечами.

— Я могъ спрятать что-нибудь и въ другихъ комнатахъ!—проговорилъ онъ съ насмѣшкой въ голосѣ.—Я здѣсь не комнату нанимаю, а съ семьей живу.

Офицеръ любезно уклонился отъ дальнѣйшаго обыска и предложилъ Дмитрію Андреевичу собираться.

— А, арестъ!—прошепталъ Дмитрій Андреевичъ, сти-

Digitized by Google

скивая зубы, и въ его глазахъ сверкнула злоба.—Здѣсь ничего не нашли, такъ въ головѣ пороются...

Онъ обернулся къ матери и сестрѣ:

— Вотъ неожиданное приглашеніе получилъ. Нужно ѣхать.

Мать и сестра молчали, боясь расплакаться при первыхъ словахъ.

— До свиданья... Вѣроятно, не надолго,—говорилъ Дмитрій Андреевичъ, надѣвая пальто.

У него сдавливало горло. Онъ обнялъ мать и сестру, крѣпко сжавъ ихъ руками, какъ бы благодаря ихъ. Ни у кого изъ нихъ не вырвалось ни звука,—они боялись заговорить. Марья Ѳедоровна сама взяла свѣчу, чтобы посвѣтить уходившимъ посѣтителямъ и сыну. Подсвѣчникъ дрожалъ въ ея рукѣ, когда она, стоя наверху на лѣстницѣ, смотрѣла, какъ сходятъ внизъ, точно въ темную бездонную пропасть, эти люди, отнимающіе, уводящіе ея сына. Куда, зачѣмъ, за что? Развѣ она знала это?... Въ глазахъ ея начинало темнѣть. Наконецъ, бряцаніе шпоръ и сабель, шумъ шаговъ, дребезжаніе отъѣзжающей кареты—все затихло. Марья Ѳедоровна, вздрагивая плечами, качая опущенной на грудь головой, залилась слезами. Когда она машинально, передавъ кухаркѣ подсвѣчникъ и рыдая, вошла въ комнату, она увидѣла распростершуюся на полу передъ кіотомъ Анну Андреевну.

— Аня, Аня, голубушка, увезли!—проговорила, рыдая, мать.—Какъ вора, какъ мошенника, обыскали, схватили и увезли?.. Гдѣ же правда-то у Бога?

— Мама, не плачьте, милая... Святые и тѣ терпѣли,—сказала со слезами Анна Андреевна.

— Знаю, знаю, маточка, да не могу, не могу не роптать... Все во мнѣ надорвалось, все... Жизнь моя кончается... Позора этого я не вынесу...

Обѣ женщины обнялись, и ихъ горячія слезы смѣшались вмѣстѣ.

Въ то же время никѣмъ незамѣченный стоялъ въ темномъ углу, подъ лѣстницей какой-то человѣкъ. Онъ пришелъ тотчасъ вслѣдъ за полиціей, услышалъ, что полиція разспрашиваетъ о квартирѣ Дмитрія Андреевича Орлова, сразу сообразилъ все происходившее, проскользнувъ подъ лѣстницу, и переждалъ тамъ удаленія полицейскихъ. Онъ видѣлъ, какъ они сходили внизъ, какъ шелъ Дмитрій Андреевичъ, какъ свѣтила имъ Марья Ѳедоровна, и не тронулся съ мѣста, понуривъ голову, затаивъ дыханіе. Онъ

Digitized by Google

едва утерпѣлъ, чтобы не крикнуть Дмитрію Андреевичу: «прощай», но стиснулъ зубы и только сдѣлалъ въ воздухѣ дрожащею рукою крестное знаменіе вслѣдъ удалявшемуся молодому человѣку.

— Пьяный отецъ... Посрамленіе... Не надо, не надо!.. Христосъ съ тобою, Христосъ съ тобою!—бормоталъ онъ, плотно прижимаясь къ стѣнѣ и глотая слезы.

VI.

Слегка морозное, но ясное весеннее утро. Было еще очень рано, и вся Захолустная улица спала мирнымъ сномъ. Но вотъ изъ воротъ небольшого деревяннаго дома мѣщанина Ивана Трифоновича Тимофѣева выбѣжалъ въ русской рубашкѣ мальчишка, тряхнулъ волосами и перекрестился на всѣ четыре стороны. Потомъ онъ вприпрыжку побѣжалъ къ дверямъ съ красовавшеюся надъ нимъ вывѣской: «Мѣлочная и овощная лавка и мушной лабазъ», и сталъ снимать съ нихъ желѣзные засовы. Открывъ двери лавки и лабаза, онъ юркнулъ въ нихъ, снова перекрестился, обратясь лицомъ къ переднему углу, и чрезъ минуту принялся подметать вѣникомъ полъ. Изъ внутреннихъ дверей лавки вошли въ нее хозяинъ и его подручный. Они тоже перекрестились на образъ, висѣвшій въ углу, и, позѣвывая, стали приводить въ порядокъ товаръ.

— Чего это у насъ ночью сегодня разъѣздились?—проговорилъ хозяинъ.—Легъ я; только первый сонъ вижу, какъ вдругъ на улицѣ загромыхало. Подумалъ, не пожаръ ли, подошелъ къ окну, гляжу, карета остановилась сперва у Челпановскаго дома, потомъ дальше тронулась къ Сысоевскому дому и тамъ остановилась.

— Къ Орловымъ, вѣрно,—отвѣтилъ подручный.—Коли къ Сысоевскому дому, такъ каретѣ больше не къ кому, какъ къ Орловымъ.

— Полуночники! Люди спятъ, а они по городу рыщутъ...

Въ эту минуту мелкими шажками вбѣжала въ лавку какая-то старушонка въ ситцевой теплой кацавейкѣ и въ пестромъ платкѣ на головѣ.

— Здравствуйте, здравствуйте, Иванъ Трифонычъ! Вѣсового, батюшка, фунтикъ отвѣсьте!—проговорила она.—Слышали, дѣла-то у насъ какія, ночью-то?

— А что?—спросилъ хозяинъ.

— Неужто не слыхали? Да мы какъ есть всю ночь не

Digitized by Google

спали. У Орловыхъ-то жандары, полиція, солдаты сына Орлихи, Дмитрія-то Андреевича ловили.

— Чего ты, старая, брешешь! Сонъ дурной видѣла, что ли,—сказалъ хозяинъ лавки.

— Чего сонъ, когда своими глазами видѣла! Кого ни спроси, всякій подтвердитъ. Да вонъ, Иванъ Сысоевскій идетъ. Онъ все разскажетъ. Ему доподлинно все извѣстно. Самъ и проводилъ полицію къ Орлихѣ.

Въ лавку вошелъ мужикъ, дворникъ изъ дома Сысоевыхъ.

— Какіе такіе гости у васъ ночью-то были?—спросилъ хозяинъ лавки.—Вонъ старушка Божія сонъ несуразный видѣла, да намъ его разсказывать пришла...

— Полиція съ жандарами за Митріемъ Андреичемъ пріѣзжала,—отвѣтилъ апатично дворникъ.

— Ну, что? Ну, что?—воскликнула съ торжественнымъ видомъ старушонка.—Какъ сказала, такъ и есть...

— Хорошихъ, значитъ, дѣловъ надѣлалъ!—проговорилъ въ раздумьи хозяинъ, качая головой.

Подручный и мальчикъ стояли, разинувъ рты, и слушали.

— Чего же это они ночью-то за нимъ пріѣхали да еще и въ каретѣ?—спросилъ хозяинъ лавки.—Не большой, кажись, баринъ.

— А днемъ, значитъ, онъ укрывался, въ бѣгахъ былъ, только на ночь домой и приходилъ, крадучись,—начала пояснять старушонка.—Вотъ они ночью и пріѣхали, чтобы его накрыть въ каретѣ, чтобы не сбѣгъ...

— Тебѣ-то кто разсказывалъ?

— Да всѣ говорятъ. У насъ стонъ-стономъ стоитъ, все объ этихъ дѣлахъ-то...

Въ лавку вошла еще одна покупательница и первымъ ея словомъ былъ вопросъ:

— Про Орловыхъ-то слышали? Оскандалились голубчики, совсѣмъ оскандалились!

Не прошло и часу, какъ по всей Захолустной улицѣ изъ мелочной лавочки разнесся этотъ слухъ. Захолустенцы такъ и ахнули отъ удивленія. Всѣ теперь только о томъ и говорили, «что ночью жандары къ Орловымъ пріѣзжали», что «сынъ-то Орлихи въ шайкѣ какой-то попался», что «нашего-то сокола взяли», что «и то сказать, залетѣлъ больно высоко». Захолустная улица захлебнулась этими толками, и у всѣхъ только и было одно желаніе—«самое-то, Орлиху-то увидать». Тутъ было и злорадное желаніе намекнуть ей: «а ты носа впередъ не задирай, не задирай»; тутъ было и сердо-

Digitized by Google

больное стремленіе замѣтить ей слезливымъ тономъ: «да не убивайся ты, мать, не убивайся, авось, Богъ грозу-то еще мимо пронесетъ, у Бога-то милости много». Слухи между тѣмъ принимали чудовищные размѣры. Одни говорили, что Дмитрій Андреевичъ «скралъ милліонъ», другіе толковали, что онъ «противъ самого царя пошелъ», третьи опредѣляли даже мѣру наказанія за его продерзости и говорили, что онъ «подъ красную шапку угодитъ, а не то такъ и въ каторгу попадетъ». Кто, вздыхая, замѣчалъ: «вотъ ужъ вѣрно пословица-то говоритъ, что отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся»; кто не безъ ехидства говорилъ: «Владимірка-то широка, всѣмъ на ней, братцы, мѣсто будетъ, тоже за это по головкѣ не гладятъ». Опредѣленно же никто не могъ сказать, почему нельзя отказываться отъ тюрьмы, и за что именно это не гладятъ по головкѣ.

Нужно было знать такъ хорошо Захолустную улицу, какъ знали ее Орловы, чтобы вполнѣ угадать впередъ все, что ихъ ждетъ на утро. Анна Андреевна, точно преступница, тайкомъ прокралась къ Лампадову съ письмами брата, прося въ душѣ Бога только объ одномъ, чтобы никого не встрѣтить по дорогѣ. Андрей Ивановичъ ранехонько утромъ исчезъ изъ дома, тоже стараясь проскользнуть никѣмъ незамѣченнымъ. Марья Ѳедоровна долго не рѣшалась выйти изъ дому за мясомъ, вполнѣ сознавая, что въ лавкѣ отъ людей не спрячешься. Она давно уже страдала сердцебіеніемъ, а теперь, какъ она сама говорила, сердце просто выскочить хотѣло. Наконецъ она собралась съ силами, одѣлась, и, какъ всегда, не послала кухарку, а сама пошла за закупками. Она вышла изъ дому суровая, нахмуренная и неприступная, какою она бывала только въ давно минувшіе дни, когда ее звали «королемъ-бабой», когда къ ней не очень-то смѣли приступать съ глупыми разспросами. Правда, теперь она не смотрѣла дюжей, здоровой и сильной женщиной, какъ въ тѣ времена, но, пожалуй, и въ настоящее время она, исхудалая, блѣдная, съ впалыми глазами, съ посѣдѣвшими волосами, смотрѣла еще болѣе строго и неприступно. На нее съ любопытствомъ смотрѣли встрѣчавшіеся съ ней люди, которые знали ее только по виду, но никогда не говорили и не кланялись съ ней. Ихъ мучило любопытство, имъ хотѣлось заговорить съ ней, но они словно чего-то боялись. Они перешептывались между собою и указывали на нее глазами: «это Орлиха!» Она шла, не смотря по сторонамъ, сдвинувъ брови, поджавъ сурово губы. Наконецъ, она дошла до мясной лавки

Digitized by Google

и вошла въ нее. За ней шмыгнули туда тотчасъ двѣ-три бабенки. Она, не обращая ни на кого вниманія, спокойно выбрала кусокъ мяса, спросила о цѣнѣ, велѣла отвѣсить три фунта. Все это говорилось коротко, отрывисто.

— Что это народъ-то толкуетъ, Марья Ѳедоровна?—спросилъ ее мясникъ тихимъ шопотомъ.—Несчастіе у васъ?

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ,—отрывисто отвѣтила она.

— Такъ, значитъ-съ, это точно, что Дмитрія Андреевича взяли-съ?—спросилъ онъ.

— Да,—коротко отвѣтила она.

— А смѣю спросить за что?—спросилъ онъ.

— А за то, что не смѣй подлецовъ подлецами называть,—отвѣтила она уже довольно громко.

Мясникъ удивился.

— Тебя бить будутъ, а ты молчи да пресмыкайся, вотъ и не попадешься,—продолжала она, еще возвышая голосъ.—Ну, а и песъ, если ему на хвостъ наступятъ, огрызается...

Она точно отрубала фразы, коротко, рѣзко, отрывисто.

— Тэкъ-съ,—согласился мясникъ.

— Люди-то только и есть такіе, что ты ихъ сколько не колоти, они все тебѣ руки лизать будутъ,—сказала она презрительно.—Вотъ мой-то сынъ не изъ такихъ,—ну, и позвали къ отвѣту.

— Да вѣдь уже выше начальства не будешь,—замѣтилъ мясникъ.

— Каково начальство: иное начальство-то такое, что нутро поворачивается, смотря на него,—отвѣтила Марья Ѳедоровна.

Она забрала мясо и тою же ровною и степенною походкой вышла изъ лавки, не опуская головы, смотря прямо въ лицо людямъ. А сердце, ея горячее сердце такъ и билось, такъ такъ и билось, и стучало въ груди. На дорогѣ ее встрѣтила Митревна.

— Голубушка, Марья Ѳедоровна, горе-то экое надъ тобой стряслось!—воскликнула она, идя навстрѣчу къ Орловой.—Митрія-то Андреевича жандары, говорятъ, забрали, подъ судъ увезли.

— Ну?—спросила Марья Ѳедоровна, глядя на нее въ упоръ:—Ну, увезли, такъ кому до этого какое дѣло?

— Да какъ же!—воскликнула Митревна.—Чай свои люди, не чужіе.

— Свои люди!—усмѣхнулась Орлова съ горькой иронією.—Поди, чай, радуются эти свои люди, что соколу крылья свя-

Digitized by Google

зали, что орлу ноги перешибли. Свои люди!.. Это онъ-то ихъ своими людьми считалъ, а не они его, онъ-то толковалъ, что бѣдному человѣку житья нѣтъ, что бѣдный человѣкъ утѣсненъ, а они... они первые глаза ему выклевали бы, если-бъ ихъ воля надъ нимъ была. Какъ же, завидно, что выше ихъ сталъ, что въ гору пошелъ. Свои люди!.. Да я этихъ своихъ людей на порогъ къ себѣ не пущу, коли они съ разспросами да съ пересудами придутъ. Ноги я этимъ своимъ людямъ полѣньями обломаю, если ихъ языкъ при мнѣ повернется говорить о моемъ сынѣ. Наше это горе, наше, такъ до этого горя имъ и дѣла нѣтъ! Надъ ними ничего не стрясется, потому что забились въ свои норы, да имъ ни до чего и дѣла нѣтъ, хоть весь свѣтъ вверхъ дномъ перевернись. Будочнику каждому въ ноги готовы кланяться да руки у него лизать; бьютъ ихъ, жаль, мало,—не такъ бы, не такъ бы надо.

У нея захватило духъ отъ припадка сильнаго сердцебіенія. Она взялась рукой за грудь, точно стараясь придавить свое сердце, и быстро пошла своей дорогой, даже не простившись съ Митревной, даже не кивнувъ ей головой. Ей было страшно тяжело. Она никакъ не умѣла связно высказать всѣмъ захолустенцамъ, что ея сынъ—не воръ, не мошенникъ, не разбойникъ, а просто человѣкъ, у котораго наболѣло много на душѣ и который не скрываетъ этого наболѣвшаго передъ другими. Она, между тѣмъ, понимала, что теперь ей придется отгрызаться не день, не два передъ сотнею людей, что эти люди будутъ сочинять всякія небывальщины про ея сына. Они скажутъ: «Хороша семья: отецъ по кабакамъ пляется, племянница потаскушкой сдѣлалась, племянникъ—одинъ полоумный, другой—бродяга, сына—мошенникъ и воръ, полиціей изловленный». Обо всемъ этомъ будутъ говорить въ каждомъ домѣ, въ каждомъ углѣ. Это надрывало гордую душу Орловой, наполняло ее злобой. Когда Анна Андреевна пришла домой отъ Ламадова и замѣтила матери, что она пробѣжала домой «сторонкой», Марья Ѳедоровна вспылила и раздражительно замѣтила ей:

— Что-жъ, мы воры какіе-нибудь, что ли, что намъ надо отъ людей хорониться?

— Да все же,—начала-было Анна Андреевна.

— Что все же? Что все же?—перебила ее строптиво Марья Ѳедоровна.—Я всѣмъ прямо въ глаза смотрю, потому не укралъ мой сынъ ничего, не убилъ никого. А что онъ говорилъ громко про неправду всякую, такъ за это, сама же

Digitized by Google

вчера еще говорила, и святые вѣнецъ мученическій приняли,—и стыдиться тутъ нечего.

Анна Андреевна съ удивленіемъ взглянула на мать.

— Сама я такою же была, и онъ такимъ вышелъ,—продолжала Марья Ѳедоровна.—Головы наши непокорныя, непоклонныя, оттого ихъ и норовитъ каждый подлецъ силой къ землѣ пригнуть. Ну, да Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! Сама я все это извѣдала, какъ надъ тобой надругаться каждый хочетъ за то, что ты не кланяешься да рукъ ни у кого не лижешь. Тоже не мало пережила, не мало выстрадала. Если бы шею-то умѣла гнуть, такъ теперь въ своихъ экипажахъ ѣздила бы...

Старуха точно выросла, точно въ ней воскресла прежняя Марья Ѳедоровна съ строптивымъ, горячимъ сердцемъ, съ непоклонною, гордою головой. Анна Андреевна казалась передъ ней какою-то пришибленною, приниженною и мелкою личностью. Ей хотѣлось плакать и молиться, ныть и жаловаться, а у Марьи Ѳедоровны звучали только злобныя и суровыя ноты. Марья Ѳедоровна походила на бойца, закаленнаго въ житейскихъ битвахъ и не сдающагося врагу; Анна Андреевна походила на мученицу, умѣющую только прощать и молиться.

— Сердце-то вотъ мое только разрывается въ груди, дышать тяжело,—сказала Марья Ѳедоровна:—а то бы я еще поговорила съ людьми.

Она потерла себѣ лѣвую руку повыше локтя.

— Что вы, мама? Рука у васъ болитъ?—спросила Анна Андреевна.

— Ревматизмъ, вѣрно. Давно все побаливаетъ лѣвая рука. Ноетъ все...

— Помазать бы чѣмъ-нибудь...

— Ну ее, и такъ пройдетъ...

Марья Ѳедоровна принялась при помощи кухарки за стряпню въ кухнѣ.

Послѣ обѣда возвратился домой Андрей Ивановичъ и возвратился совершенно трезвымъ. Онъ смотрѣлъ серьезно и торжественно.

— Вотъ, мать, деньги,—сказалъ онъ, подавая Марьѣ Ѳедоровнѣ нѣсколько кредитныхъ билетовъ.—Поди, въ домѣ не очень-то густо.

— Ужъ гдѣ!—вздохнула Марья Ѳедоровна, удивленная этой неожиданностью.

Андрей Ивановичъ давно не приносилъ домой денегъ.

Digitized by Google

— Какъ-нибудь пробьемся, пока не выяснится дѣло,— продолжалъ Андрей Ивановичъ.—Я ужъ справлялся, гдѣ могъ. Кажется, все обойдется благополучно.

Марья Ѳедоровна оживилась.

— Ты узналъ о немъ?—воскликнула она.

— Узналъ!—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Тоже знакомые вездѣ есть... Вѣкъ переживешь, такъ и со шпіонами, и съ мазуриками не мало соли перешь...

— Точно разбойника какого схватила да засадили,—проговорила Марья Ѳедоровна.—Ни за что, ни про что срамятъ человѣка. Людямъ-то не растолкуешь, что онъ ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, что онъ добра имъ же желаетъ, а не воръ какой-нибудь, не убійца.

Андрей Ивановичъ нахмурился и спросилъ:

— Вѣрно, колотовки разныя ужъ забѣгали?

— Такъ я и пущу всякую сволочь!—сказала Марья Ѳедоровна.—А только знаю я нашу улицу. Рада чужому несчастію. Ей бы только чужіе бока перемывать.

— Гони, гони всѣхъ, кто ни придетъ!—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Не ихъ уму понимать это дѣло и судить Дмитрія. Пусть сошлютъ его, а все же не имъ судить его.

Анна Андреевна не выдержала и заплакала, услышавъ послѣднюю фразу отца. Андрей Ивановичъ нахмурился.

— Чего хнычешь? Всѣмъ не легко!—рѣзко сказалъ онъ.— Я вонъ вчера, можетъ-быть, больше васъ всѣхъ изстрадался, что родного сына обнять не смѣлъ, потому что сына арестуютъ, а подлецъ-отецъ подъ хмѣлькомъ изъ веселой компаніи идетъ. А видишь, не плачу, не хнычу! Потому теперь не плакать надо, а работать, вдвое работать, чтобы на его шеѣ не сидѣть, чтобы быть готовымъ ему самому помочь, если что съ нимъ случится. Да, я—старая крыса, я—сутяга, я—пьяница, но я отецъ. Умру, на могилу онъ ко мнѣ придетъ и скажетъ, что я отецъ ему былъ, истинный отецъ! А плакать, хныкать—на это у всякаго силъ хватитъ, ты только на это и способна...

Онъ махнулъ рукой. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, Марья Ѳедоровна набожно перекрестилась.

— Аня, Аня, видѣла ты, слышала ты?—спросила она шопотомъ.—Потрясло человѣка... Теперь онъ ночей не будетъ спать, работать будетъ... Я вѣдь его знаю, знаю... Не разъ воскресалъ онъ... Господи, подкрѣпи его!..

И опять у нея захватило духъ, такъ что пришлось присѣсть. Рука разнылась еще сильнѣе.

Digitized by Google

— Что это со мной сегодня! Совсѣмъ расклеилась,—проговорила Марья Ѳедоровна.—Охъ, старость, старость! Такою ли была когда-то! Бывало, все ни по чемъ...

Но она пересилила себя и опять принялась работать. Она упорно вступала въ борьбу съ зловѣщимъ недугомъ.

Лампадовъ между тѣмъ уже успѣлъ побывать у князей Русовыхъ. Они были очень изумлены, узнавъ объ арестѣ Дмитрія Андреевича, и, конечно, обѣщали все разузнать и похлопотать. Княгиня волновалась и наговорила цѣлую кучу либеральныхъ фразъ о гнетѣ, о несправедливостяхъ, о произволѣ. Князь только пожалъ плечами и замѣтилъ коротко: «Вѣчно все дѣлается наобумъ». Затѣмъ и мужъ, и жена поѣхали къ разнымъ знакомымъ, на содѣйствіе которыхъ можно было надѣяться, чтобы разузнать все о Дмитріи Андреевичѣ. Свѣдѣнія были очень неудовлетворительныя и смутныя: «покуда ничего нельзя сказать опредѣленнаго», «сношенія съ опасными личностями», «неосторожные разговоры», «подозрѣнія въ неблагонамѣренности» — вотъ все, что слышалось въ отвѣтъ на разспросы, и при этомъ говорилось въ утѣшеніе, что «все, разумѣется, кончится пустяками», что тутъ просто «молодая неосторожность», что, «вѣроятно, серьезнаго ничего нѣтъ». Княгиня горячилась, слыша эти отвѣты; князь выслушивалъ ихъ тоже съ видомъ неудовольствія, пожимая плечами. Было очевидно, что все вышло изъ пустяковъ, изъ неумѣнья отличить серьезнаго дѣла отъ праздной болтовни. Но эти пустяки могли отозваться очень дурно на цѣлой жизни человѣка. Вечеромъ Лампадовъ зашелъ къ князю, и князь сказалъ ему:

— Вѣроятно, онъ столько же заговорщикъ, сколько и я; но тутъ повторяется басня о пастухахъ и волкахъ; первые рѣжутъ теленка по праву, вторые дѣлаютъ преступленье, съѣдая его. Во всякомъ случаѣ, я не оставлю нашего друга.

Когда Лампадовъ выходилъ отъ князя, его остановила въ гостиной княжна Софья Александровна. Это была молоденькая, очень миловидная дѣвушка, невысокая ростомъ, съ мелкими чертами лица, съ довольно большимъ лбомъ, съ черными добрыми и задумчивыми глазами.

— Дѣдушка, неужели это правда? — тревожно спросила она старика, котораго всѣ дѣти князя называли дѣдушкой.

— Что, милая моя барышня, правда-то? О чемъ спрашиваете?—ласково сказалъ онъ, взявъ ея руку и гладя ее.

Digitized by Google

— Говорятъ, Митю взяли, арестовали?—сказала она.

— Да, да, бѣда такая случилась,—отвѣтилъ старикъ.

— Но за что же?.. Развѣ онъ—преступникъ?..

— Что вы, что вы, внучка милая!.. Такъ взяли, по недоразумѣнію,—заподозрили, что онъ злоумышленникъ...

— Злоумышленникъ?

— Ну, да, то-есть не злоумышленникъ, не злодѣй, а горячій человѣкъ...

Лампадовъ спутался и махнулъ рукой.

— Ну, заподозрили, что онъ говоритъ лишнее, чего не надо говорить. Черное чернымъ называетъ, а бѣлое бѣлымъ!—сердито закончилъ онъ.

Она тяжело вздохнула.

— Его выпустятъ?—спросила она, тревожно смотря на старика.

— Выпустятъ, выпустятъ, маточка. Вотъ похлопочутъ за него вліятельные люди, его и выпустятъ. Такъ-то бы, можетъ-быть, и не выпустили. Ну, а съ протекціей и не изъ такихъ исторій выпутываются...

Она задумчиво опустила голову.

— Ни за что взяли... Есть протекція, такъ выпустятъ,— прошептала она въ раздумьи, какъ бы про себя, и потомъ, точно очнувшись, проговорила:—спасибо вамъ, дѣдушка, что объяснили... Я такъ встревожилась... Я думала, онъ что-нибудь дурное сдѣлалъ...

— Ахъ, вы, золотое сердце, — право золотое сердце! Всѣхъ-то вамъ жаль, обо всѣхъ-то безпокоитесь, — сказалъ старикъ...

— Да вѣдь онъ же у насъ свой,—отвѣтила задушевнымъ тономъ дѣвушка.

Дмитрій Андреевичъ сидѣлъ между тѣмъ въ III отдѣленіи и ждалъ допроса. Это были мучительные дни неизвѣстности и ожиданій. Онъ не зналъ, о чемъ его будутъ допрашивать, въ чемъ его будутъ обвинять, въ чемъ придется ему оправдываться, какія лица онъ можетъ запутать своими показаніями. Поневолѣ приходилось обернуться назадъ и провѣрить свое прошлое, прослѣдить шагъ за шагомъ пройденный путь. Эта внутренняя работа началась, и какъ удивился онъ, увидавъ, что въ сущности все, о чемъ его могутъ спросить, вполнѣ невинно или незначительно, а что значительно именно то, о чемъ его и не спросятъ, но за что приходится каяться въ глубинѣ души. Онъ сознавалъ, что онъ иногда былъ неосторожевъ, что онъ часто много болталъ, что онъ

Digitized by Google

порой мальчишествовалъ, тогда какъ онъ могъ тихо и спокойно работать на плодотворномъ поприщѣ. Онъ боялся теперь, что, ради своего легкомыслія и неосторожности, онъ потеряетъ возможность быть дѣйствительно полезнымъ членомъ общества. Отставятъ, вышлютъ административнымъ порядкомъ, загонятъ въ какую-нибудь глушь, что тогда? Всѣ мечты о полезной дѣятельности рушатся, придется бездѣйствовать, медленно умирать въ какой-нибудь трущобѣ отъ нищеты и скуки. А семья? Онъ и ея участь ставилъ на карту, не умѣя воздержаться отъ либеральной болтовни, отъ неразборчиваго отношенія къ людямъ. А между тѣмъ, именно въ его положеніи и нужно было быть прежде всего осторожнымъ. Будь онъ княземъ Русовымъ — о, тогда другое дѣло! Этимъ людямъ нужно надѣлать много дѣйствительныхъ преступленій, чтобъ ихъ заподозрили въ неблагонамѣренности. Да эти люди и въ ссылкѣ не пропадутъ: у нихъ есть деньги для существованія, для дѣятельности. А что такое онъ?—голь перекатная и больше ничего. Его могутъ раздавить, потому что его физіономія не понравилась, потому что его тонъ не по вкусу пришелся. Съ такими, какъ онъ, не церемонятся. Кто заботится, кто справляется, куда исчезаютъ эти Орловы, Ивановы, Ѳедоровы? И если-бъ еще онъ говорилъ дѣйствительно, какъ заговорщикъ, какъ агитаторъ, такъ нѣтъ! Онъ просто говорилъ рѣзкія фразы, потому что иногда было досадно, какъ медленно идутъ реформы и улучшенія, какъ плохо развивается общество на пути прогресса. Онъ досадовалъ на это, хотя въ глубинѣ души вполнѣ сознавалъ, что вдругъ ничего не подѣлаешь, что авгіевы конюшни общественной жизни никакой Геркулесъ не въ силахъ вычистить разомъ, несмотря на всю искренность желанія сдѣлать это дѣло. Но какъ бы то ни было, а равнодушно говорить объ этомъ, конечно, нельзя тому, кто любитъ родину, кто желаетъ ей добра. Вотъ онъ и говорилъ, горячась и волнуясь. А у насъ каждая горячность, каждое увлеченіе, каждая рѣзкость въ подобныхъ вопросахъ считается преступленіемъ, злонамѣренностью. И между тѣмъ, именно у насъ больше всего рѣзкихъ на словахъ людей, и менѣе всего дѣйствительныхъ серьезныхъ злоумышленниковъ. Нигдѣ не платятся люди такъ часто за простое легкомысліе, за увлеченія, за неосторожность, какъ у насъ, и нигдѣ не можетъ такъ хорошо укрываться осмотрительная злонамѣренность, какъ у насъ. Стоитъ только прикидываться овцой, и тебя такъ и будутъ

Digitized by Google

считать за овцу, пока ты не впустишь въ противниковъ своихъ волчьихъ зубовъ. Такой овцой надо будетъ прикинуться хоть теперь. Въ этомъ единственное спасеніе. Первая горячность, первая рѣзкость на допросѣ—и дѣло проиграно. Надо не унижаться, не подличать, не выдавать другихъ, но спокойно и хладнокровно отрицать всякую принадлежность къ числу недовольныхъ. Надо прикинуться дѣловымъ человѣкомъ, незнающимъ другихъ интересовъ, кромѣ работы. Надо даже явиться немного хлыщомъ и ловко замѣтить, что свободные отъ занятій часы проводятся не въ пустыхъ словопреніяхъ, а въ театрахъ и на балахъ. Лгать, лгать и лгать—вотъ единственное спасеніе здѣсь. Сумѣетъ ли онъ разыграть свою роль? О, да, онъ ее исполнитъ хорошо.

— Еще съ дѣтства напускать на себя чортъ знаетъ что научился!—желчно пробормоталъ онъ.

И передъ нимъ пронеслась картина всего прошлаго. Господи, сколько его ломала жизнь, какъ ненормально она сложилась. Вотъ онъ, ребенокъ, растетъ подъ вліяніемъ сумасшедшаго старика и доходитъ до чудовищнаго развитія воображенія; вотъ онъ, бѣднякъ, узнаетъ всю прелесть роскоши и богатства, играя роль пріемыша въ чужихъ палатахъ; вотъ онъ, ненавидящій въ душѣ богачей, завидующій въ душѣ сильнымъ, любящій всѣмъ сердцемъ голь, чувствуетъ чуть не суевѣрный страхъ передъ богачами и гордится возможностью быть у нихъ своимъ человѣкомъ; вотъ онъ, облагодѣтельствованный добрымъ старымъ барономъ, обманываетъ его, развратничая съ его женой; вотъ онъ, стремящійся содѣйствовать серьезнымъ начинаніямъ правительства, великой реформаторской дѣятельности высшей власти, попадается за болтовню въ тюрьму, стоитъ на краю гибели... И сотни другихъ мелкихъ противорѣчій, недоразумѣній, ошибокъ, мучительныхъ сценъ пронеслись въ его головѣ. А онъ еще былъ самый счастливый человѣкъ изъ окружавшей его съ дѣтства голи. Другимъ жилось еще хуже, другіе падали еще ниже, у другихъ жизнь убивала все—и честь, и совѣсть, и добрые порывы. Въ немъ тоже многое было искалѣчено, но онъ сознавалъ одно великое благо: онъ не потерялъ способности ловить и обличать самого себя при каждомъ проступкѣ, при каждомъ невѣрномъ шагѣ. Въ немъ точно жило два человѣка: одинъ вѣчно падающій и согрѣшающій, другой вѣчно наблюдающій за первымъ и произносящій приговоры этому первому. Эта двойственность была мучительна, — въ ней было что-то болѣзненное, — но

Digitized by Google

Орловъ теперь смутно сознавалъ, что для него было бы страшнѣе всего потерять именно эту двойственность: когда замолкнетъ въ его душѣ этотъ неумолимый судья, — онъ, Орловъ, перестанетъ быть человѣкомъ,—онъ будетъ чиновникомъ, литераторомъ, купцомъ, чѣмъ угодно, но человѣкъ въ немъ умретъ. Что-то успокоительное, что-то отрадное повѣяло на его душу послѣ этихъ размышленій. Онъ какъ будто ободрился и уже безъ всякаго волненія ждалъ не только допроса, но и рѣшенія своей судьбы.

День допроса, наконецъ, насталъ и къ величайшему удивленію какъ самихъ допрашивающихъ, такъ и самого допрашиваемаго оказалось, что допрашивать его вовсе не о чемъ: самъ онъ не былъ ни въ чемъ не замѣшанъ серьезно, сказать же что нибудь новое о лицахъ, серьезно замѣшанныхъ въ дѣло, онъ не могъ, да у него и не стали объ этомъ спрашивать, такъ какъ все было уже выяснено, взвѣшено, обсуждено и безъ него. Вмѣсто допроса вышелъ какой-то вѣжливый разговоръ съ массой ненужныхъ любезностей и оговорокъ о тяжелыхъ временахъ, о недоразумѣніяхъ. Когда ему объявили, что онъ свободенъ, у него къ горлу подступила желчь, и на языкѣ вертѣлся одинъ вопросъ: «но почему же, для чего же его лишали свободы на нѣсколько дней?» Онъ, однако, удержался отъ этого вопроса, зная, что онъ находится именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отчетовъ не даютъ ни въ чемъ и никому. Никогда еще онъ ни испытывалъ такого прилива безсильной злости, какъ теперь. Онъ и смѣялся, и стискивалъ зубы, вспоминая объ этой трагикомедіи ареста, стоившаго столькихъ страховъ и волненій не изъ-за чего. Ему было бы легче, если-бъ его стали въ чемъ-нибудь обвинять, если-бъ ему пришлось горячо оправдываться. Ему было точно обидно, что послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ тревогъ и опасеній его считаютъ какъ будто не стоящимъ даже и допроса.

Тотчасъ же по освобожденіи онъ пріѣхалъ домой, чтобы передать все семьѣ, успокоить всѣхъ и поѣхать къ князю. Но дома его ожидала непріятная новость: онъ засталъ мать въ постели. Ея лицо осунулось, глаза впали, грудь дышала тяжело, прерывисто. Больная, казалось, не дышала, а отдувалась. Она сильно обрадовалась пріѣзду сына, но эта радость окончательно захватила ея дыханіе и лишила ее на нѣсколько минутъ возможности сказать хоть слово.

— Мама, голубушка, что съ вами?—воскликнулъ Дмитрій Андреевичъ, склонясь къ ея рукѣ.

Digitized by Google

— Сердце... сердце болитъ... Рука ноетъ... Это пройдетъ, голубчикъ, пройдетъ,—шептала отрывисто больная.

— Доктора звали?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Былъ... Порокъ какой-то сердца нашелъ... Ну, да что они знаютъ... Вотъ ты — мой докторъ... Увидала тебя — и здорова, и ожила,— съ улыбкой твердила больная, но ея губы шевелились съ трудомъ.

Анна Андреевна, когда братъ сталъ ее разспрашивать о матери, шопотомъ объявила ему, что докторъ находитъ здоровье матери въ очень плохомъ состояніи.

— Малокровіе, говоритъ, и порокъ сердца, — сказала Анна Андреевна.—Это, говоритъ, у нея давно, но, вѣроятно, какія-нибудь непріятности обострили болѣзнь... Нужно, говоритъ, полное спокойствіе... Отека легкихъ боится...

Дмитрій Андреевичъ ходилъ по комнатѣ, покусывая ногти. Въ комнату вошелъ Андрей Ивановичъ. Онъ обнялъ сына и мимоходомъ замѣтилъ Аннѣ Андреевнѣ, чтобъ она шла къ матери.

— Плохо, Митя, плохо!—заговорилъ онъ, когда они остались одни.—Видѣлъ мать-то?.. Очень плоха!..

— Но, отецъ, ты не думаешь, что она опасно больна?— спросилъ сынъ.

— Опасно, голубчикъ, очень опасно!

— Господи, это ее убилъ мой арестъ!

— Нѣтъ, Митя, нѣтъ!.. Все убило, все... Жизнь убила!.. Не вчера эта болѣзнь началась!.. Давно сердце болѣло, давно рука ныла... Это не отъ ревматизма, а отъ сердца...

Старикъ отеръ глаза.

— А мы подливали масла въ огонь, подтачивали... Я-то, я-то одинъ, окаянный, сколько дней ей отравилъ, — проговорилъ онъ.—Своими руками яму ей разрывалъ... Въ эти-то дни все вспомнилось, все пришло въ голову... Хожу теперь за ней, хожу... Сперва жизнь отравилъ, а теперь хожу за ней...

Онъ въ слезахъ опустилъ голову. Дмитрій Андреевичъ обнялъ его.

— Полно, голубчикъ, полно! Всѣ мы—изломанные люди, всѣмъ намъ многое простится, потому что перенесли мы много,—сказалъ онъ.

— Много, много, Митя... Только тяжело, какъ вспомнишь, что самъ подливалъ еще близкимъ, дорогимъ, яду... Неумышленно, видитъ Богъ неумышленно, по своей слабости, по своей неумѣлости, а все же подливалъ...

Digitized by Google

— Но хорошій ли докторъ ее лѣчитъ? Не надо ли другого позвать?—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Я позову другого для совѣта... Надо все сдѣлать, чтобы спасти ее...

Онъ прошелъ къ больной, сѣлъ къ ея постели, взялъ ее за руку. Она тихо улыбнулась ясною улыбкой.

— Вотъ я и здорова... Докторъ мой около меня, я и здорова,—шептала она.—Я и умру спокойно, если ты тутъ будешь.

— Мама, съ чего это вы о смерти говорите! — сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— А что же? Пожила довольно, довольно. Я не боюсь смерти... Чего мнѣ бояться? Богъ проститъ, а вы... Вотъ вы всѣ около меня, любите меня всѣ — и Андрей Ивановичъ, и Аня, и Леша, и ты... Всѣ любятъ... Я счастливая... Жена счастливая была и мать счастливая... Всю жизнь всѣ любили, никогда не переставали любить...

Она на минуту закрыла глаза, потомъ открыла ихъ снова.

— Митя, отца береги... Добрый онъ отецъ,—проговорила она и снова какъ будто задремала.

Дмитрій Андреевичъ тихо поднялся съ мѣста и отправился къ доктору. Его душили слезы. Докторъ сказалъ ему, что положеніе Маріи Ѳедоровны очень опасно, что она можетъ прожить еще мѣсяцы и можетъ умереть сегодня же. Докторъ боялся отека легкихъ. Орловъ спросилъ докторъ, не считаетъ ли тотъ нужнымъ пригласить еще врача; но докторъ объявилъ, что болѣзнь вполнѣ ясна, что средствъ другихъ для лѣченія нѣтъ, и что приглашеніе другого врача не поведетъ ни къ чему. Отъ доктора Дмитрій Андреевичъ проѣхалъ къ князю. Князь уже зналъ объ его освобожденіи и крѣпко обнялъ его. Но лицо старика было не весело.

— Ну, ужъ другой разъ не понадусь! — проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.—Это такъ пошло, такъ глупо вышло, что, право, я успокоиться не могу...

— А главное — это будетъ имѣть такія плачевныя послѣдствія, — сказалъ князь грустно. — Я сейчасъ былъ у министра и тамъ мнѣ сказали, что тебя надо на время убрать...

Дмитрій Андреевичъ широко открылъ глаза.

— Какъ убрать?—спросилъ Орловъ, измѣнясь въ лицѣ.

— Тебя на время переводятъ въ провинцію на службу,— отвѣтилъ князь.

— Но это невозможно! — воскликнулъ Дмитрій Андрее-

Digitized by Google

вичъ.—Я поѣду, я объясню, что тутъ недоразумѣніе, что я признанъ ни въ чемъ невиновнымъ...

— Я это все объяснилъ за тебя, и все-таки мнѣ отвѣтили, что надо удалить тебя на время, чтобъ эта исторія забылась. Теперь тяжелое время!..

— Какая исторія, какая? — горячился Дмитрій Андреевичъ. — Та, что по ошибкѣ, по недоразумѣнію взяли человѣка и потомъ, чуть не извиняясь передъ нимъ, выпустили его? За это удалять въ провинцію? Да это безчеловѣчно! Я, наконецъ, подамъ въ отставку...

Князь сощурилъ глаза.

— А если тебя и тогда удалять отсюда, но уже не на службу?—спросилъ онъ.

Дмитрій Андреевичъ испуганно взглянулъ на него.

— Это ваше предположеніе?—спросилъ онъ.

— Это мое убѣжденіе!—отвѣтилъ князь.—Тамъ на тебя сердиты. Тамъ говорятъ, что даромъ не могли взять человѣка, что, конечно, ловкій человѣкъ можетъ скрыть концы, но что за нимъ нужны глаза и глаза... Они, быть-можетъ, правы...

Онъ положилъ руку на плечо Дмитрія Андреевича и мягко сказалъ ему:

— Не протестуй, покорись, уѣзжай, а я буду хлопотать здѣсь, чтобъ изгнаніе продолжалось недолго. Теперь у всѣхъ какіе-то красные призраки въ глазахъ, можетъ-быть, и не безъ основанія, и потому не слѣдуетъ ихъ дразнить. Я дамъ тебѣ рекомендательныя письма въ провинцію. Понемногу здѣсь забудутъ твою исторію, забудутъ, что ты былъ въ подозрѣніи, и тогда ты вернешься снова... Другіе отдѣлываются не такъ легко...

Дмитрій Андреевичъ опустилъ голову. Онъ не ждалъ такого результата всей этой исторіи. Его точно что пришибло.

— Но у меня умираетъ мать,—проговорилъ онъ.

— Что ты?—съ участіемъ сказалъ князь.—Что съ нею?

Дмитрій Андреевичъ разсказалъ.

— Я не могу ее бросить,—закончилъ онъ.

— Ну, тебя не станутъ торопить. Можетъ-быть, она еще поправится, и ее можно будетъ увезти на югъ... Въ этихъ болѣзняхъ климатъ много значитъ... Не нуждаешься ли ты въ деньгахъ?..

Орловъ поблагодарилъ князя. Онъ былъ въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа. Ѣхать въ провинцію на маленькое

Digitized by Google

мѣсто ему было страшно. Протестовать и остаться здѣсь— онъ самъ начиналъ бояться послѣдствій этого протеста. Кто могъ поручиться, что его не удалятъ? Не безъ причины же князь намекнулъ на это. Да если его и не вышлютъ, то что онъ будетъ дѣлать? Заниматься частной работой у князя, давать частные уроки, писать въ журналахъ? Перебиться такъ можно, но ему хотѣлось страстно быть дѣятелемъ въ офиціальномъ мірѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что у насъ только офиціальныя лица и могутъ сильно вліять на дѣла, дѣлать дѣло. Онъ жаждалъ одного—сдѣлать карьеру и стать въ число правящихъ, а не управляемыхъ. Онъ еще молодъ, очень молодъ, годы изгнанія пройдутъ быстро, онъ вынырнетъ снова на сцену и тогда...

— Я поѣду хоть въ Сибирь, но ради Бога не забудьте, что годы уходятъ,—сказалъ онъ князю рѣшительнымъ тономъ.—Я, князь, хочу быть дѣятелемъ и буду имъ, во что бы то ни стало. Если мнѣ люди загородятъ дорогу къ офиціальной общественной дѣятельности,—имъ же хуже. Безполезнымъ прозябаньемъ я не удовлетворюсь и только поставлю на карту эту жизнь, чтобы или все потерять, или все выиграть. Да, такъ или иначе я добьюсь своего. Но мнѣ покуда нужна поддержка!

— Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь забуду тебя?—отвѣтилъ старикъ, обнимая его.

Дмитрій Андреевичъ, не заглянувъ даже на половину княгини, прошелъ отъ князя къ Лампадову, чтобы разсказать ему все, что случилось.

Старикъ сидѣлъ дома со своей сестрой. Ольга Григорьевна, все попрежнему розовая и пухленькая, но сильно посѣдѣвшая старушка, что-то разсказывала брату и замолчала при входѣ Орлова. Племянникъ и старикъ расцѣловались между собою. Орловъ разсказалъ о своемъ арестѣ и освобожденіи.

— Ну, и слава Богу, что все такъ кончилось,—сказалъ старикъ, не дослушавъ до конца.—Но вотъ дома-то у тебя не ладно, мать-то плоха...

— Докторъ говоритъ...—началъ Дмитрій Андреевичъ и не кончилъ.

Въ квартиру Лампадовыхъ быстро вошла молодая служанка Орловыхъ, Марѳа.

— Не пришелъ ли молодой баринъ?—раздался ея голосъ въ передней.—Барынѣ худо, умираетъ совсѣмъ...

Орловъ вскочилъ съ мѣста.

Digitized by Google

— Ступай, ступай!—сказала Ольга Григорьевна.—Я сейчасъ оттуда, ей худо...

Дмитрій Андреевичъ почти бѣгомъ пустился домой. Марья Ѳедоровна, поддерживаемая дочерью и мужемъ, сидѣла на постели, тяжело дыша, точно всхлипывая высоко поднимавшеюся грудью.

— Пришелъ, пришелъ,—заговорила она отрывисто, завидѣвъ сына, и заметалась.—Образъ... Благословить хоч благословить...

Ей подали образъ. Дмитрій Андреевичъ, весь похолодѣвшій, опустился на колѣни у постели. Мать дрожащими руками благословила его и въ изнеможеніи упала на подушки. Ея лицо осунулось, глаза были полузакрыты, губы обтянулись на деснахъ, грудь поднималась высоко, и изъ нея вылетали такіе звуки, какъ будто отдувался сильно запыхавшійся человѣкъ. Дмитрій Андреевичъ цѣловалъ ея руки и поминутно заглядывалъ въ ея лицо.

— Доктора, ради Бога, доктора!—шепталъ онъ молящимъ голосомъ.

— Послали, братецъ, послали за докторомъ!—отвѣтила Анна Андреевна.

Минутъ черезъ пять Марья Ѳедоровна слабо прошептала:

— Всѣ тутъ... родные!

Потомъ она снова замолчала, и ея дыханіе сдѣлалось рѣже. Полузакрытые глаза приняли холодный оттѣнокъ свинца. Въ комнатѣ послышались осторожные шаги доктора.

— Докторъ, ради Бога... Что дѣлать?—прошепталъ Дмитрій Андреевичъ.

Докторъ наклонился ухомъ къ груди больной и заглянулъ въ ея глаза, приподнявъ вѣки. Глаза не шевелились.

— Крѣпкаго кофе,—сказалъ докторъ.

Дмитрій Андреевичъ не спускалъ глазъ съ матери и, кажется, все понялъ.

— Нужно ли, докторъ?—спросилъ онъ тихо.

Докторъ махнулъ рукой. Грудь больной дышала все слабѣе и рѣже; наконецъ она вовсе перестала подниматься, изъ нея уже не вылетало ни звука; въ рукахъ Дмитрія Андреевича была мертвая рука, не отвѣчавшая на его пожатія...

Никогда не думалъ Дмитрій Андреевичъ, что смерть матери такъ потрясетъ его и отца, какъ это случилось. Онъ и его отецъ забыли всѣхъ и плакали, какъ дѣти, навзрыдъ, безутѣшно. Отецъ по десяти разъ въ сутки пробирался въ

Digitized by Google

комнату къ покойницѣ и цѣловалъ ее, какъ живую, орошая слезами ея лицо и руки. Иногда, встрѣчая около нея сына, дочь или Лешу, онъ съ конвульсивной улыбкой шепталъ сквозь слезы:

— Точно живая, точно живая лежитъ... Хорошая какая стала... Смотри, никто не боится... Всѣ приходятъ и цѣлуютъ, точно живую...

Только теперь поняли они всѣ, сколько глубокой любви было у нихъ другъ къ другу. Они сомкнулись въ тѣсный кружокъ,—для нихъ не существовало ничего, кромѣ ихъ горя и ихъ любви.

— Видѣлъ могилку-то?—говорилъ на кладбищѣ старикъ.—Зеленью выложили... Маму нашу въ зелень положатъ... Вонъ и солнышко туда заглянуло, грѣетъ ея постельку... Митя, мы тоже тутъ ляжемъ, голубчикъ... Вотъ тутъ: ты—тамъ, я—здѣсь, съ мамой рядомъ... Въ гости къ ней придемъ..

А крупныя, крупныя слезы старика такъ и лились въ эту могилу. Въ эту минуту кто-то тихо взялъ за руку Дмитрія Андреевича и мягкимъ голосомъ прошепталъ:

— Бѣдный мой, какое страшное горе!

Дмитрій Андреевичъ поднялъ глаза и увидалъ княжну Софью Александровну Русову, подошедшую къ нему подъ руку съ Лампадовымъ. Ея доброе, милое личико было орошено слезами. Дмитрій Андреевичъ крѣпко и дружески сжалъ ея руку. Его тронуло это искреннее участіе молодой дѣвушки.

— Я впервые сегодня видѣла твою мать. Какое доброе у нея было лицо,—сказала княжна.

Дмитрій Андреевичъ молча махнулъ рукой, захлебываясь отъ слезъ.

— Всю жизнь отдала семьѣ,—замѣтилъ Лампадовъ.—Святая женщина была.

Дмитрій Андреевичъ стоялъ безмолвно, а слезы такъ и лились по его щекамъ.

— Полно, добрый мой, полно!—сказала княжна.—Тебя должно утѣшить то, что и ты любилъ ее... Это такъ отрадно.

Она взяла его за руку и сказала:

— Пойдемъ въ церковь!

Онъ молча повиновался. Ему казалось, что объ руку съ нимъ идетъ добрая, нѣжная сестра. Ему было такъ отрадно это неожиданное участіе со стороны той, которую до сихъ поръ онъ считалъ только милою и ласковою дѣвочкой. Теперь она сдѣлалась ему вдругъ дорога и близка, какъ

Digitized by Google

родная. Когда они вошли въ церковь, тамъ начиналось уже отпѣваніе. Какъ прошла служба, какъ простился Дмитрій Андреевичъ съ матерью, какъ онъ донесъ гробъ до могилы—все это совершилось какъ бы во снѣ. Наконецъ все было кончено: возвышеніе свѣжей земли надъ могилой покрыли вѣнками и оставалось только ѣхать домой, гдѣ стало однимъ дорогимъ человѣкомъ меньше. Въ головѣ Дмитрія Андреевича мелькнула мысль о необходимости отъѣзда, о томъ, что въ этомъ домѣ убавится еще одинъ человѣкъ, что сестрѣ, Лешѣ, отцу готовится еще болѣе тяжелая участь, что остаться съ ними, избавить ихъ отъ горя нельзя, что чья-то чужая воля такъ или иначе вырветъ его, Орлова, изъ объятій любимой семьи. Эта мысль оскорбляла, угнетала, принижала молодого человѣка, какъ насмѣшка, какъ издѣвательство сильнаго надъ слабымъ.

Сборы Дмитрія Андреевича въ дорогу походили на вторые похороны. Онъ чуть не плакалъ, прощаясь съ близкими и знакомыми.

Онъ завернулъ наканунѣ отъѣзда къ Лампадову, просилъ дядю не оставлять Анну Андреевну, Лешу, Андрея Ивановича. Далеко за полночь бесѣдовалъ онъ со старикомъ. Онъ горько упрекалъ себя за ошибки и за увлеченія; онъ высказывалъ опасеніе за будущее; онъ сильно волновался и тревожился. Упадокъ его духа былъ полный. Но старикъ былъ серьезенъ и спокоенъ.

— Кто не дѣлалъ и не дѣлаетъ ошибокъ и промаховъ,— наконецъ сказалъ онъ:—тотъ не человѣкъ, а деревянный истуканъ. Ошибается только тотъ, кто еще стремится къ чему-нибудь, кто еще живетъ каждымъ нервомъ, и только этимъ путемъ можно дойти до чего-нибудь. Я знаю, что тебѣ теперь тяжело, что ты каешься и упрекаешь себя, но это ничего, это—хорошо, это—отрезвляетъ. Внутренняя гроза полезна, какъ и всякая другая гроза,—спертый воздухъ разрѣжаетъ. Не мало еще придется тебѣ пережить этихъ грозъ, и когда онѣ слишкомъ встревожатъ тебя, утѣшай себя тѣмъ, чѣмъ я утѣшалъ себя каждый разъ, когда дѣлалъ непоправимые промахи и ошибки,—помни въ этихъ случаяхъ, что у всѣхъ у насъ есть одно оправданіе: homo sum!

Digitized by Google

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Такъ-называемая аристократія одного изъ большихъ губернскихъ городовъ была сильно взволнована. Въ окружномъ судѣ должно было разбираться дѣло о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ, разныхъ купоновъ и другихъ тому подобныхъ мошенничествахъ, совершенныхъ цѣлою организованною шайкой злоумышленниковъ. Дѣло выходило изъ ряда обыкновенныхъ судебныхъ процессовъ, гдѣ фигурировали по большей части разные Иваны, не помнящіе родства. Въ этомъ дѣлѣ были тоже замѣшаны подобные Иваны, но коноводы шайки, втянувшіе этихъ Ивановъ въ дѣло, принадлежали именно къ тому кругу общества, гдѣ вращалась губернская аристократія. Они сорили легко наживаемыми деньгами, и потому передъ ними настежь открывались всѣ двери. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ этимъ людямъ, готовившимся теперь предстать на судѣ, пожимали руки видные губернскіе дѣятели; съ ними играли въ карты губернскіе тузы; съ ними танцовали на домашнихъ балахъ и въ общественныхъ собраніяхъ губернскія барышни, мечтавшія о нихъ, какъ о выгодныхъ женихахъ, при помощи ихъ протекцій получались мѣста. Теперь эти люди должны были явиться на скамьѣ подсудимыхъ, раскрыть всю закулисную грязь своей жизни, окончить каторгой или ссылкой въ отдаленныя мѣста свою блестящую карьеру. Тутъ было надъ чѣмъ задуматься, было отъ чего смутиться. Это дѣло давало многимъ горькій урокъ за неразборчивость въ знакомствахъ; оно указывало, на какіе пути заводитъ страсть жить шире своихъ средствъ; оно выяснило, какъ шатки у большинства понятія о честности, о нравственности, объ обязанностяхъ гражданъ. При раз-

Digitized by Google

борѣ подобныхъ дѣлъ, вспоминая пословицу: «скажи, съ кѣмъ ты знаешься,—я скажу, кто ты таковъ», приходится краснѣть не однимъ подсудимымъ, но и сотнямъ другихъ лицъ, называвшихъ этихъ подсудимыхъ своими добрыми знакомыми, своими пріятелями, своими друзьями. Это дѣло было однимъ изъ первыхъ подобныхъ дѣлъ, разбиравшихся гласно, и потому благовоспитанные люди не могли еще утѣшать себя даже и тѣмъ, что не одни они являются пріятелями подобныхъ негодяевъ, что это явленіе повторяется сплошь и рядомъ, что тысячи, повидимому, очень почтенныхъ особъ были, какъ оказывается, пріятелями и друзьями матери Митрофаніи, Овсянникова, Юханцева, Гулакъ-Артемовской и тому подобныхъ господъ. Въ то время такъ-называемое приличное общество еще не дошло до сознанія, что оно почти все состоитъ изъ подобныхъ кандидатовъ на скамью подсудимыхъ или изъ друзей и пріятелей такихъ господъ, и потому оно должно было испытывать чувство стыдливости при мысли о томъ, что господа подсудимые—его друзья. Но всѣ эти дѣйствительно серьезныя соображенія отступали на задній планъ передъ вопросомъ объ ожидавшемся на судѣ скандалѣ. Этотъ скандалъ—мелкій, ничтожный, пошлый самъ по себѣ—интересовалъ легкомысленную толпу болѣе всего, возбуждалъ ненасытное любопытство, былъ предметомъ безконечныхъ толковъ и сплетенъ. Дѣло въ томъ, что всѣ знали, что товарищъ прокурора и товарищъ предсѣдателя—«на ножахъ»; всѣ знали, что первый, во что бы то ни стало, старался потопить подсудимыхъ коноводовъ, а послѣдній, во что бы то ни стало, желалъ спасти ихъ дворянскую честь и во всякомъ случаѣ смягчить приговоръ. Мнѣнія товарища предсѣдателя высказывались явно: онъ былъ человѣкъ свѣтскій, онъ являлся въ домахъ губернской аристократіи, онъ велъ разсѣянную жизнь, съ нимъ сотни разъ говорили объ этомъ дѣлѣ вліятельныя лица, у него просили снисхожденія по этому дѣлу, да онъ и самъ говорилъ о подсудимыхъ—какъ о легкомысленныхъ и несчастныхъ людяхъ, не болѣе. Этимъ взглядамъ не могло не симпатизировать большинство губернской аристократіи, такъ какъ подсудимые все же принадлежали къ ея кругу, были связаны съ нѣкоторыми изъ ея членовъ даже узами родства, и потому никого не только не смущали взгляды на это дѣло товарища предсѣдателя,—напротивъ того, эти взгляды вызывали полное сочувствіе и убѣждали всѣхъ еще болѣе въ томъ, что онъ—милый и

Digitized by Google

любезный человѣкъ. Про его противника никто не могъ сказать того же. Товарищъ прокурора въ городѣ былъ человѣкъ чужой, пришлый, мало извѣстный кому бы то ни было среди губернскихъ властей, человѣкъ, интересовавшій всѣхъ только своею замкнутою жизнью, своимъ отчужденіемъ отъ общества, своею загадочностью. Про него знали только то, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ «удаленъ» изъ столицы въ провинцію, что у него въ прошломъ была какая-то «исторія», говорившая «о его неблагонадежности», что онъ не мало поколесилъ по провинціи, не уживаясь почти нигдѣ и попадая снова въ какія-то «исторіи», что онъ велъ себя и здѣсь какъ человѣкъ неуживчивый, съ тяжелымъ и неровнымъ характеромъ, что онъ «зубами вцѣпился» въ это дѣло о поддѣлкѣ билетовъ, точно подсудимые были его личные враги, что его хотѣли даже «устранить» отъ веденія этого дѣла, совершенно случайно попавшаго наконецъ въ его руки, но не могли. Онъ схватился за это дѣло съ такимъ рвеніемъ, что никто даже не могъ понять, почему явилось у него желаніе возиться съ этимъ запутаннымъ, далеко не легкимъ и даже не совсѣмъ безопаснымъ процессомъ. Чтобъ удержать въ своихъ рукахъ это дѣло, онъ пустилъ въ ходъ все и даже свои старыя петербургскія связи. Онъ написалъ объ этомъ дѣлѣ въ Петербургъ десятки писемъ, завелъ по поводу его какія-то кляузы, явился чуть не доносчикомъ, и все только для того, чтобъ у него не отняли этого дѣла. Его болѣе чѣмъ холодныя отношенія къ товарищу предсѣдателя сдѣлались просто враждебными съ той поры, какъ онъ взялся за это дѣло. Теперь ему приходилось встрѣтиться со своимъ врагомъ на судѣ, и кто зналъ характеръ товарища прокурора, тотъ могъ ожидать скандала изъ-за малѣйшихъ пустяковъ. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ этого турнира, какъ ждутъ перваго представленія новой оперы, новаго балета. Но никто не испыталъ такого лихорадочнаго нетерпѣнія передъ разборомъ этого дѣла, какъ самъ товарищъ прокурора. Товарищъ предсѣдателя въ шутку говорилъ про него въ обществѣ:

— Господинъ Орловъ высохъ и пожелтѣлъ надъ этимъ дѣломъ,—ему остается теперь только съ ума сойти до его окончанія.

И дѣйствительно, Дмитрій Андреевичъ Орловъ и высохъ, и пожелтѣлъ надъ этимъ дѣломъ, и порою ему самому казалось, что онъ сходитъ съ ума. Это дѣло было тою картой, на которую онъ ставилъ теперь все свое будущее. Онъ не

Digitized by Google

годъ, не два ждалъ подобнаго дѣла, скитаясь и изнывая въ провинціи. Крупное мошенничество—это всегда для прокурора и адвоката первый случай отличиться, сдѣлать имя, составить карьеру. Когда Орловъ очутился впервые въ провинціи, онъ находился въ самомъ угнетенномъ настроеніи духа. У него здѣсь не было ни связей, ни денежныхъ средствъ, ни громкаго имени. Здѣсь онъ сразу почувствовалъ всю тягость положенія голяка-чиновника, обязаннаго не только жить на скудное жалованье, но и помогать изъ этого жалованья роднымъ. Очутившись, что называется, на своихъ ногахъ, онъ вдругъ понялъ, что до сихъ поръ онъ жилъ, какъ мальчикъ, за чужой спиной, на готовыхъ хлѣбахъ. Здѣсь приходилось не только зарабатывать деньги, но и умѣть ихъ распредѣлять: умѣть вò-время сдѣлать себѣ бѣлье, заказать обѣдъ, справиться, принесла ли прачка чистую сорочку,—однимъ словомъ, подумать обо всемъ, о чемъ прежде думали за него мать, семья. Въ немъ явилось чувство какой-то безпомощности, сознаніе своей непрактичности, раздраженіе на то, что всѣ мы въ молодости чуть не всѣ науки сумѣемъ изучить, а при первомъ столкновеніи съ дѣйствительною жизнью чуть безъ сапогъ не ходимъ, не умѣя распорядиться деньгами. Ему же это умѣнье было нужнѣе, чѣмъ кому-нибудь. Каждое письмо изъ Петербурга говорило ему о томъ, какъ трудно перебиваться его семьѣ безъ его помощи. Его не просили о помощи, его не упрекали за то, что онъ мало присылаетъ, ему даже писали, чтобъ онъ не обрывалъ себя, что они, его близкіе, кое-какъ перебьются, что они снесутъ всѣ лишенія, что они могли бы вполнѣ сводить концы съ концами, если бы недавно не прихворнулъ отецъ, если бы зимою не расхворался Леша, если-бъ у Анны Андреевны не начали побаливать глаза, если бы не пришлось на зиму дѣлать новой теплой одежды... Орловъ чутьемъ угадывалъ то, что было между строками этихъ писемъ и волновался, мучился, а кругомъ не было ничего, что могло бы хоть отчасти успокоить и утѣшить его. Положеніе въ провинціи неизвѣстнаго никому чиновника безъ связей, безъ имени и безъ денежныхъ средствъ очень незавидно. Здѣсь даже и не скрываютъ, что на него смотрятъ какъ на полнѣйшее ничтожество. Тутъ отношенія проще, прямѣе, откровеннѣе и потому грубѣе. Съ первыхъ же дней своего появленія въ провинціи Дмитрій Андреевичъ понялъ, что ему нечего и думать проникнуть въ высшіе кружки общества, не имѣя денежныхъ средствъ, и что сблизиться

Digitized by Google

съ губернской аристократіей онъ можетъ только развѣ пронырствомъ, униженіями и подличаньемъ. Съ другой стороны, онъ увидалъ, какъ безцеремонно здѣсь предлагаютъ взятки и сдѣлки бѣдняку-чиновнику, не считая его даже способнымъ оскорбляться. Сотни мелкихъ, будничныхъ уколовъ самолюбія заставили Дмитрія Андреевича перемѣнить нѣсколько мѣстъ и, наконецъ, послѣ многихъ скандаловъ замкнуться въ четырехъ стѣнахъ и отдаться исключительно работѣ и работѣ. Онъ называлъ эту работу каторжною, онъ ненавидѣлъ ее, онъ проклиналъ ее, но онъ работалъ упорно, думая добиться успѣховъ своимъ рвеніемъ, своими знаніями, своею дѣловитостью. Но каждый день онъ долженъ былъ убѣждаться въ наивности этихъ надеждъ. Лучшія мѣста, крупныя награды, замѣтныя отличія доставались вовсе не за трудолюбіе, не за знанія; они доставались баловнямъ судьбы, разнымъ лицеистамъ и правовѣдамъ, сразу получавшимъ то, до чего нужно было добиваться упорнымъ трудомъ людямъ, подобнымъ Орлову. Мало того: какой-нибудь юнецъ, состоящій на побѣгушкахъ у жены того или другого губернскаго туза, имѣлъ всегда больше шансовъ выдвинуться впередъ, чѣмъ онъ. Онъ могъ работать, какъ волъ, и все-таки достаточно было какой-нибудь записочки «высокопоставленнаго» лица, чтобъ ему на голову посадили ни на что неспособнаго «protégé» того высокопоставленнаго лица. Практическое знакомство со службою раскрыло передъ Орловымъ такую картину всевозможной грязи, гнусныхъ сдѣлокъ, безсовѣстныхъ интригъ, что онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ среди всего этого люда. Иногда ему казалось, что онъ окруженъ не чиновниками, не представителями суда, а кандидатами на скамью подсудимыхъ. Только одинъ человѣкъ могъ бы помочь ему—это князь Русовъ. Но князь Русовъ, утомленный и физически, и нравственно своею общественною дѣятельностью, надломленный своими чисто семейными невзгодами, вдругъ совершенно неожиданно для посторонніхъ людей сошелъ со сцены и замкнулся сначала у себя въ деревнѣ, а потомъ за границей на водахъ съ медленно угасавшею Андроновою, тогда какъ его жена и дочери уѣхали сперва въ Парижъ, а потомъ въ Женеву. Князь самъ о себѣ писалъ Орлову, что отчасти его «вычеркнули изъ жизни другіе», что отчасти «онъ самъ созналъ необходимость стушеваться со сцены». Безпокоить князя въ такомъ положеніи мелкими просьбами было неловко, да это едва ли и повело бы къ какимъ-нибудь благимъ результа-

Digitized by Google

тамъ. У насъ ходатайства падшихъ особъ скорѣе вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу. Орловъ это понялъ и не безпокоилъ князя. Но жаловался на судьбу онъ и князю, какъ жаловался на нее и другимъ. Во все время этого тяжелаго періода жизни Орловъ писалъ сотни писемъ и въ Петербургъ, и за границу, желчно и безпощадно раздражаясь болѣзненными выходками противъ существующихъ порядковъ.

«Я только теперь понимаю, почему у насъ нѣтъ рукъ, нѣтъ головъ, нѣтъ людей,—писалъ онъ князю въ деревню.— У насъ въ большинствѣ случаевъ только привилегированное положеніе, имя, связи, богатство или пролазничество даютъ право на видныя должности, на видныя мѣста. Умъ, трудолюбіе, знаніе—все это топчется въ грязь, если нѣтъ протекцій, нѣтъ связей, нѣтъ способности къ пронырливости и низкопоклонству. Надо быть не знающимъ человѣкомъ, а правовѣдомъ или лицеистомъ, тѣмъ, кому бабушка ворожитъ, чтобы сразу занять хорошее мѣсто. При такихъ порядкахъ всѣ великія предначертанія высшей власти будутъ, конечно, всегда погибать и искажаться въ рукахъ бездарностей, въ рукахъ лѣнивцевъ, въ рукахъ шалопаевъ; ими же будутъ всегда вертѣть старые приказные, старые взяточники, старые кляузники. Всѣ эти матушкины сынки, баловни судьбы, золотые тельцы стоятъ каменною стѣной между благими стремленіями высшей власти и благомъ народа, и самыя лучшія предначертанія, пройдя черезъ эти руки, обращаются чуть не въ новый гнетъ для народныхъ массъ. Прежде я еще думалъ иногда, что ненависть къ этимъ баловнямъ судьбы вызывается въ моей душѣ чувствомъ обойденнаго судьбой плебея, но теперь... теперь я понимаю законность этого чувства, когда передо мною страдаютъ простые, темные люди только потому, что ихъ участь находится въ рукахъ какого-нибудь фата, нѣжащагося въ будуарахъ распутныхъ барынь въ то время, когда его ждутъ сотни нерѣшенныхъ дѣлъ и когда его дѣльцы-помощники деруть съ живого и съ мертваго взятки! Во мнѣ все переворачивается внутри, когда я вижу съ одной стороны эту приниженную, покорную массу, а съ другой—надменную наглость, легкомысленную небрежность, преступную бездѣятельность этихъ распорядителей судьбами тысячъ и милліоновъ людей. И о нихъ не смѣй даже и говорить... Я попробовалъ послать въ одинъ изъ петербургскихъ журналовъ статью о положеніи привилегированныхъ и непривилегированныхъ юристовъ, и мнѣ ее возвратили съ надписью: «не-

Digitized by Google

цензурно»... Что же, я противъ правительства, что ли, хотѣлъ дѣйствовать, желая ее напечатать? Развѣ не правительству вредятъ эти люди? Развѣ не ради нихъ нападаютъ на высшую власть, теряютъ довѣріе къ правительству? Развѣ, наконецъ, не они тяготятъ народъ? Но мы стоимъ въ такомъ положеніи, что правду нерѣдко считаютъ за злонамѣренность, что рѣзкое слово о какихъ-нибудь шалопаяхъ принимается чуть ли не за возмущеніе противъ правительства, что, зажимая ротъ преданнымъ слугамъ царя и отечества, заставляютъ этихъ людей поневолѣ или праздно сложить руки, или, мало-по-малу, сдѣлаться дѣйствительно опасными людьми и конспираторами».

Въ другомъ письмѣ къ князю онъ замѣчалъ между прочимъ о судѣ:

«Здѣсь истинное царство интриги, какъ, вѣроятно, и вездѣ, и всюду у насъ, на Руси. Здѣсь сошлись со всѣхъ концовъ Россіи люди разныхъ положеній, разныхъ убѣжденій, разныхъ состояній, и у всѣхъ у нихъ только одна цѣль—обогнать другъ друга. Собственно дѣла, задачи суда, общая польза—все это на самомъ заднемъ планѣ: объ этомъ никогда и никто изъ нихъ не думалъ, но каждый уже со школьной скамьи думалъ о чинахъ, объ отличіяхъ, о карьерѣ. Талантами, способностями, дѣловитостью, конечно, ничего не достигнешь, такъ какъ тамъ, въ Петербургѣ, откуда и сыплется манна небесная орденовъ, чиновъ и повышеній, никто не знаетъ, какъ кто здѣсь работаетъ. Тамъ только тогда узнаютъ о тебѣ, когда ты здѣсь забѣжишь къ мѣстной власти или тамъ найдешь «руку». Какъ же тутъ не интриговать? Если бы вы хоть день побыли въ этомъ омутѣ сплетенъ и дрязгъ, вы отвернулись бы отъ него съ омерзеніемъ... Всѣ толки здѣсь сводятся къ скандалу: «прокуроръ живетъ съ женой предсѣдателя»; «товарищъ предсѣдателя еще со школьной скамьи связанъ какими-то грязными отношеніями съ однимъ изъ вліятельныхъ лицъ въ министерствѣ»; «такой-то членъ суда занимается шпіонствомъ и наушничаетъ обо всемъ въ Петербургъ»; «такому-то товарищу прокурора дали плюху, и за это его повысили»... Вотъ все, чѣмъ мы живемъ, чѣмъ мы занимаемся. Не думайте, что я преувеличиваю или описываю исключительное явленіе,—нѣтъ, этотъ порядокъ существуетъ вездѣ и всюду. Я уже довольно поколесилъ по Россіи, чтобъ имѣть право утверждать это».

Къ княгинѣ, покуда она была еще въ Петербургѣ, онъ писалъ:

Digitized by Google

«Вы очень ошибаетесь, мой добрый другъ, насчетъ моего положенія. Вы говорите о моихъ способностяхъ, умѣ, ловкости, но все это здѣсь служитъ только къ моему вреду. Каждый старый взяточникъ и каждый молодой хлыщъ смотрятъ на меня враждебно. «А, ты изъ новыхъ, изъ выскочекъ, изъ задорныхъ,—ну, такъ вотъ мы и покажемъ, какъ мы умѣемъ такимъ-то обшибать крылья». И обшибаютъ. На каждомъ шагу—непріятности, на каждомъ шагу—сознаніе своего безсилія въ борьбѣ съ этой саранчою стараго чиновничества и молодыхъ хищниковъ. Если еще такъ протянется годъ или два, я, кажется, совсѣмъ погибну. Одно мое спасеніе—переводъ въ Петербургъ. Я могъ бы теперь же бросить службу и ѣхать въ Петербургъ; но если меня даже и не вышлютъ, что очень сомнительно въ нынѣшнее тревожное время. то вѣдь я—голь, нищій, я не могу пріѣхать въ Петербургъ, не имѣя почвы подъ ногами. Здѣсь я хоть сытъ, а тамъ первое время нужно будетъ голодать или бѣгать за случайною работой,—жить, не зная, чѣмъ прокормишься завтра. Мнѣ нуженъ переводъ въ Петербургъ, во что бы то ни стало. Вы—женщина, вы можете бить тревогу по этому дѣлу. Поднимите на ноги всѣхъ, толкуйте о несправедливости, изображайте меня мученикомъ, но вырвите, вырвите отсюда. Мнѣ иногда и горько, и смѣшно до слезъ, что мнѣ приходится, какъ нищему, просить о томъ, что я заслужилъ упорнымъ трудомъ, чего я достоинъ по своимъ способностямъ. Не бездарность же я, не лѣнтяй же я, не стоящій того, чтобъ ему открыли путь къ дѣятельности. Что я сдѣлалъ, чѣмъ я провинился? Былъ знакомъ съ вредными и опасными людьми?—Да кто же застрахованъ отъ встрѣчи съ подобными людьми? Ярлыки, что ли, есть на лбу у людей, говорящіе сразу, что они опасны и вредны?.. И за это-то меня держатъ здѣсь, губятъ мои лучшіе годы... О, употребите всѣ средства для моего избавленія отъ этой нелѣпой опалы! Если бы вы меня увидали, вы поняли бы безъ словъ, что я пережилъ и переживаю».

Къ одному изъ своихъ вліятельныхъ друзей въ министерствѣ онъ писалъ:

«Хлопочи о моемъ переводѣ въ министерство въ Питеръ—писаремъ, сторожемъ, чѣмъ хочешь, но только въ Питеръ. Здѣсь я не могу жить: я или сдѣлаю скандалъ, или издохну. У меня нѣтъ того вѣса, который открываетъ широкій путь въ провинціи; у меня нѣтъ той подлости, съ которой можно пролѣзть всюду въ провинціи. Вслѣдствіе этого я могу только

Digitized by Google

задохнуться въ этомъ омутѣ интригъ, крючкотворства, волокитничества и плутней, не имѣя никакихъ шансовъ подняться на видную ступень. Кто думаетъ, что новые суды создали новыхъ людей, тотъ, конечно, жестоко ошибается: новыя учрежденія не могутъ сразу создать новыхъ людей, а ветхіе люди всегда сумѣютъ въ значительной степени передѣлать на свой ладъ всякое новое учрежденіе. Въ нашихъ новыхъ судахъ существуютъ уже почти всѣ недостатки старыхъ судовъ, и горе каждому, кто вступаетъ въ борьбу съ этими порядками. Я это испыталъ на себѣ, и кто же не знаетъ меня теперь, какъ человѣка несноснаго, неуживчиваго, нетерпимаго и вздорнаго!.. Меня даже шопотомъ называютъ не только кляузникомъ, но и доносчикомъ, такъ какъ я считаю своимъ долгомъ раскапывать всякую грязь, выводить на свѣтъ Божій всѣ темныя продѣлки. Поговори при случаѣ съ патрономъ, представь ему резоны, скажи, что смѣшно держать меня здѣсь ни за что, ни про что, не давая мнѣ серьезнаго повышенія, не возвращая меня въ столицу. Чего они боятся или за что мстятъ? Можетъ-быть, они просто забыли обо мнѣ, такъ какъ гдѣ же имъ помнить разныхъ Ивановыхъ, Кобылиныхъ, Барановыхъ, Орловыхъ! Въ такомъ случаѣ, имъ нужно напомнить, нужно напоминать каждый часъ, пока я не буду тамъ у васъ».

Этихъ писемъ—желчныхъ, раздражительныхъ, проклинающихъ или ноющихъ—было написано безчисленное множество, и отвѣтъ, въ концѣ концовъ, получался одинъ:

«Надо подождать. Возвратить въ столицу покуда не находятъ удобнымъ. Лучше не напоминать о себѣ, чтобы все успѣло забыться. Говоря по правдѣ, ты еще счастливо отдѣлался. Другія за такія же связи, какъ твои знакомства, поплатились административною ссылкой и даже хуже. А ты просто переведенъ на службу въ провинцію, тебя даже повышаютъ понемногу. Напоминая о себѣ, ты можешь заставить вспомнить, что съ тобой обошлись только ради князя Русова слишкомъ милостиво. Муравьевы такъ не взглянутъ».

Орловъ выходилъ изъ себя, бѣсновался, доходилъ до малодушія. Особенно бѣсила его фраза о томъ, что «нужно ждать, чтобы все успѣло забыться». Что должно забыться? Что было помнить-то? Какія преступленія совершилъ онъ? Не былъ ли онъ жертвой недоразумѣнія и произвола одного или двухъ-трехъ лицъ? Эти мысли приводили его въ отчаяніе. Иногда онъ плакалъ отъ безсильной злобы; иногда съ горя

Digitized by Google

напивался у себя въ четырехъ стѣнахъ до безчувствія. Но ни слезы, ни вино не ослабляли жгучей боли, напротивъ того, эта боль еще усиливалась чувствомъ стыда за свою слабость. Пьянство всегда пробуждало въ Дмитріи Андреевичѣ чувство гадливости, омерзенія. Къ пьяному человѣку онъ относился съ нервною брезгливостью. Никогда еще онъ не чувствовалъ такого сильнаго прилива самолюбія, какъ теперь. Онъ походилъ на льва, запертаго въ тѣсную клѣтку, которую онъ тщетно пробуетъ изломать, измять, время отъ времени ударяя по ея рѣшеткамъ и потрясая ихъ мимоходомъ. Но рѣшетки были крѣпки и не поддавались его попыткамъ разбить ихъ, и онъ безсильно скрежеталъ зубами, срывалъ свой гнѣвъ на первомъ встрѣчномъ. Бывали дни, когда ему въ минуту отчаянья приходила въ голову мысль о женитьбѣ на какой-нибудь богатой купчихѣ. Хоть вѣдьму взять да съ деньгами. Съ деньгами все можно сдѣлать, черезъ всѣ преграды перешагнуть. Нигдѣ не уважаются такъ деньги, какъ у насъ. Эти мечты на мгновенье увлекали его. Но это были только мимолетныя мечты, разлетавшіяся при мысли, что подобная женитьба свяжетъ его навсегда Богъ знаетъ съ кѣмъ. Онъ съ омерзеніемъ отвертывался отъ этихъ плановъ и только изумлялся, сколько подлыхъ инстинктовъ таится въ человѣкѣ, гдѣ-то на днѣ души. Эти инстинкты въ ясные дни жизни до поры до времени скрываются въ какихъ-то темныхъ уголкахъ души и, какъ гады, въ эпоху житейскаго ненастья выползаютъ на свѣтъ Божій, какъ бы глумясь надъ человѣкомъ и указывая ему, на какія мерзости способенъ онъ. Иногда въ эти минуты Орловъ вспоминалъ былое, то время, когда онъ, дитя, мечталъ всѣхъ облагодѣтельствовать, всѣхъ спасти. Какъ далеко была эта пора! Теперь онъ думалъ только о себѣ, только о своемъ спасеніи, и сознавалъ, что иначе и быть не можетъ. Онъ говорилъ себѣ: «что же я могу сдѣлать, покуда я не вырвусь отсюда? Быть честнымъ прокуроромъ?.. Но развѣ я вѣрю въ пользу этой дѣятельности? Развѣ я могу принести существенную пользу обществу этою дѣятельностью? Только тогда, когда мнѣ скажутъ: «ты можешь идти на всѣ четыре стороны»,— только тогда я могу начать дѣлать то, что принесетъ пользу не мнѣ одному». Но, несмотря на эти успокоительныя думы, въ его душу закрадывались горечь на судьбу, тоска по тѣмъ дѣтскимъ возвышеннымъ грезамъ, опасеніе за то, что среди этой борьбы за свое существованіе онъ, мало-по-малу, очерствѣетъ, сузитъ свои стремленія, превратится въ одного изъ

Digitized by Google

тѣхъ героевъ карьеры и наживы, какими кругомъ него уже кишитъ все общество. Вѣдь и изъ нихъ многіе вступили на жизненный путь съ широкими мечтами о благѣ человѣчества.

Въ этотъ страшный для Орлова періодъ жизни, когда онъ сознавалъ, что внутри его происходитъ какая-то роковая ломка, грозящая не добрымъ концомъ, случай столкнулъ его съ однимъ изъ университетскихъ товарищей, съ Никаноромъ Благолѣповымъ. Благолѣповъ былъ изъ поповичей. Въ университетѣ на сходкахъ онъ умѣлъ перекричать всѣхъ и потому былъ своего рода извѣстностью, чуть не вожакомъ и рѣшителемъ разныхъ вопросовъ. Это былъ какой-то неуклюжій медвѣдь, созданный, что называется «изъ вольнаго лѣса», не складно, но плотно, широко, размашисто. Взглянувъ на него мелькомъ, можно было подумать: «не дай Богъ встрѣтиться съ нимъ ночью въ лѣсу»; присмотрѣвшись къ нему поближе, можно было сказать: «и создаетъ же Богъ такихъ большихъ младенцевъ». Орловъ встрѣтился съ нимъ неожиданно у буфета гостиницы.

— Ба-ба-ба! Кого вижу!—воскликнулъ громкимъ голосомъ Благолѣповъ, поворачивая свою косматую голову въ сторону Орлова. — Правда, что только гора съ горой не сходится. Въ Питерѣ разстались, — въ этой палестинѣ встрѣтились. Ну, выпьемъ на радостяхъ!

Онъ раскрылъ Орлову широкія объятія, точно готовясь задушить на своей могучей груди исхудалую, тщедушную фигуру Орлова.

— Ты какъ сюда попалъ? — спросилъ Орловъ, расцѣловавшись съ нимъ.

— Я—на родинѣ. Водворенъ, какъ блудный сынъ, подъ отчимъ кровомъ,—шутливо отвѣтилъ Благолѣповъ.—Водворенъ и отданъ подъ бдительный надзоръ для исправленія нрава. А ты?.. Ты, кажется, въ петербургской Коломнѣ родился, такъ какой же лѣшій занесъ тебя сюда, въ эту трущобу? Сюда вѣдь только всякая дрянь стекается и съ сѣвера, и съ юга матушки Россіи.

— Я служу. Переведенъ сюда товарищемъ прокурора,— сказалъ Орловъ.

— Ишь ты какая птица! То-то я слышалъ, что у насъ товарищъ прокурора Орловымъ прозывается. Ну, да мнѣ было и невдомекъ, что это ты. Мало ли Орловыхъ да Воробьевыхъ на Руси! А это ты-то и есть товарищъ проку-

Digitized by Google

рора. Ну, поздравляю! Дай тебѣ Богъ хоть оберъ-прокуроромъ быть, а выпить все-таки слѣдуетъ.

— Да, да. Пройдемъ въ отдѣльный номеръ, — сказалъ Орловъ.

— А здѣсь-то тѣсно, что ли?..

— Не тѣсно, а чортъ знаетъ кто бываетъ.

— Неприлично, если увидятъ, что господинъ товарищъ прокурора заливаетъ?

— Неудобно говорить, особенно когда у человѣка такое горло, какъ твое.

— Ну, пойдемъ, — мнѣ все единственно, гдѣ пить. Я вездѣ пью...

Они прошли въ отдѣльную комнату.

Отношенія Орлова къ Благолѣпову въ былые дни были просто пріятельскія отношенія, никогда не переходившія ни въ особенную близость, ни въ прочную дружбу. Но Орловъ обрадовался этой встрѣчѣ, точно онъ сошелся послѣ долгой разлуки съ самымъ лучшимъ, съ самымъ дорогимъ другомъ. Среди чужого города, среди чужихъ людей, это былъ представитель родной стороны, родныхъ людей, родныхъ воспоминаній. У него можно было спрашивать объ общихъ знакомыхъ; ему можно было разсказывать о своихъ личныхъ дѣлахъ. Въ жизни среди чужихъ людей, среди новыхъ знакомыхъ, тяжелѣе всего то, что васъ не связываетъ съ ними прошлое, вмѣстѣ пережитое; вы начинаете имъ разсказывать о какомъ-нибудь дорогомъ вамъ періодѣ жизни и сконфуженно обрываете свою рѣчь, видя, что они не понимаютъ именно сущности того, что вы имъ передаете; они, въ свою очередь, начинаютъ вамъ восхвалять и описывать какое-нибудь дорогое имъ лицо, а вы едва удерживаете зѣвоту, такъ какъ вамъ вовсе не интересно знать доблести какого-нибудь никогда невиданнаго вами Петра Ивановича или Ивана Петровича. Съ людьми, пережившими съ вами частицу вашего прошлаго, вы сознаете сразу связь. Именно это ощущалъ теперь Орловъ, услышавъ нѣсколько вопросовъ Благолѣпова и, разспросивъ его въ свою очередь о знакомыхъ личностяхъ.

— Ты это за что же подъ надзоръ попалъ? — спросилъ, наконецъ, Орловъ у Благолѣпова сидя за бутылкой вина.

— А, должно-быть, за широкое горло. Оралъ много. Ну, взяли меня, поразспросили, зачѣмъ ору, увидали, что ничего—человѣкъ, какъ человѣкъ—и послали подъ надзоръ, чтобы не оралъ больше. А какъ мнѣ не орать, когда у меня

Digitized by Google

здѣсь и дѣла другого нѣтъ, какъ оранье. Ни меня на коронную службу не принимаютъ; ни меня въ частные учителя не берутъ. Извѣстно—прокаженный! Ну, да мнѣ наплевать! У меня дядя здѣсь архіерей,—у него на прокормъ хватитъ. Вотъ и живу на подножномъ корму, химію да сельское хозяйство на досугѣ изучаю. Имъ же хуже, что такого борова кормить даромъ надо. А ты знаешь, у меня натура широкая, — мнѣ мало не давай, мнѣ много нужно. На что мой архіерей — толстая мошна, а и тотъ иногда кряхтитъ. Лѣнивъ, а все-таки хлопочетъ, чтобы меня изъ-подъ надзора освободили, да въ общее стадо загнали.

Орловъ улыбнулся, такъ какъ онъ очень хорошо зналъ, что называетъ широкими потребностями Благолѣповъ, одинъ изъ нетребовательнѣйшихъ смертныхъ.

— Ну, да что обо мнѣ толковать, — продолжалъ Благолѣповъ.—Ты-то какъ дѣлишки обдѣлываешь? Идешь въ гору?

— Да, въ гору... Сижу у моря, да жду погоды, —отвѣтилъ Орловъ.

— Что такъ? Развѣ мѣстомъ не доволенъ? Товарищъ прокурора—персона.

— Здѣсь-то?

— Ну, здѣсь плохо,—переведешься въ столицы.

— То-то и бѣда, что неблагонадеженъ тоже для столицы.

— Вонъ оно что!.. Значитъ—тоже въ опалѣ?

— Да, въ опалѣ. Смѣшно даже: преступниковъ обвиняю, а самъ чуть не подъ надзоромъ... Вотъ который годъ слоняюсь по провинціи, да бьюсь, чтобы получить право перебраться въ Петербургъ, да все говорятъ: «подожди!» Хорошо говорить: «подожди, да подожди», а годы-то уходятъ, силы тратятся даромъ, тогда какъ другіе свободно выбираютъ себѣ дорогу, идутъ впередъ...

— А честолюбіе-то такъ и сосетъ, такъ и сосетъ, какъ червякъ какой,—благодушно замѣтилъ Благолѣповъ.

— Да, я и не скрываю, что я честолюбивъ,—горячо сказалъ Орловъ, чутко уловивъ что-то въ родѣ насмѣшки въ тонѣ товарища. — Человѣкъ безъ честолюбія — это лежачій камень. Куда его броситъ судьба, тамъ онъ и порастетъ мхомъ, никуда не стремясь, ничего не желая. Если его и сдвинутъ съ мѣста люди, такъ потому, что онъ у нихъ поперекъ дороги лежитъ. Самъ онъ не сдвинется ни для своей пользы, ни для блага другихъ.

— Что говорить, подлецъ человѣкъ безъ честолюбія!— вставилъ Благолѣповъ.

Digitized by Google

— Я этого не говорю,— поторопился сказать Орловъ, боясь, что онъ задѣлъ за живое товарища.

— Нѣтъ, нѣтъ, подлецъ человѣкъ безъ честолюбія... Да и съ честолюбіемъ тоже подлецъ, потому что онъ ради честолюбія на все готовъ... Какъ, братъ, не кинь — все клинъ. И такъ, и этакъ переверни человѣка, а все подлецъ въ немъ сидитъ.

Благолѣповъ махнулъ рукой, налилъ стаканъ вина, выпилъ его, какъ воду, большими глотками, и вдругъ спросилъ у Орлова:

— Что, поди, и малодушествовать началъ?

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобы началъ,—уклончиво сказалъ Орловъ.

— Пить-то началъ, спрашиваю я тебя?—рѣзко спросилъ Благолѣповъ, перебивъ его.

— Пить?

— Ну да, малодушеству этому предаваться началъ съ горя?

Орловъ машинально отодвинулъ отъ себя стаканъ и сконфузился, точно пойманный въ тайной шалости школьникъ.

— Мнѣ некогда пить,—отвѣтилъ онъ нѣсколько сухо.

— Отговорка тоже! Пить всегда есть время! Въ твоемъ положеніи всегда заливаютъ. Червякъ-то сосетъ, сосетъ,— ну, и зальешь. Что-жъ, это ничего, это дѣло обыкновенное. Я вонъ тоже пью, отъ бездѣлья пью.

— Да ты, пожалуй, если-бъ и работалъ, такъ пилъ бы,— съ улыбкой сказалъ Орловъ.

— Еще бы!.. Какъ же это съ большой работы-то не пить? Это ужъ всегда такъ: лежитъ мужикъ на печи— съ бездѣлья пьетъ; въ работѣ надсаживается—отъ усталости пьетъ... Я, братъ, вотъ теперь на свободѣ предаюсь философствованіямъ о нашей жизни. Какъ это она такъ, подлая, сложилась-то. Сидишь ты сложа руки—чужой хлѣбъ заѣдаешь; примешься за практическое дѣло—сейчасъ эксплуатировать кого-нибудь станешь и опять чужой хлѣбъ заѣдаешь. Лѣнтяй ты безпардонный — подлецомъ зовутъ; дѣлецъ ты отъявленный — тоже подлецомъ, въ концѣ концовъ, прослывешь. Себя позволишь обижать—плохо дѣло; не позволишь себя обижать, такъ тебя оборвутъ, да въ бараній рогъ тебя согнутъ— тоже плохо дѣло. Такъ и во всемъ, куда ни взглянешь: одинъ подлецъ въ одну сторону, а другой подлецъ въ другую сторону.

— Нечего сказать, хорошіе философскіе выводы! — со смѣхомъ проговорилъ Орловъ.

Digitized by Google

— Да я еще до конца не додумался, середины вотъ все ищу,—сказалъ Благолѣповъ.—Какъ найду средину, такъ и скажу: «нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ»...

— Юродствуешь ты просто, какъ посмотрю я на тебя,—замѣтилъ Орловъ.

— Что-жъ, я промежду себя, въ дружеской компаніи юродствую, а вы вонъ тамъ публично, въ судѣ-то, юродствуете,—сказалъ Благолѣповъ.

— Мы?

— Ну, да. Вѣдь вотъ ты товарищъ прокурора, значитъ тамъ говоришь: «вотъ, господа присяжные, человѣкъ, укравшій пятиалтынный со взломомъ заржавленнаго замка, засадите его въ тюрьму,—непремѣнно засадите,—хоть я вамъ и не могу точно объяснить, что бы онъ долженъ былъ дѣлать съ голоду,—безъ работы, безъ помощи, и еще менѣе могу сказать, почему его, голодавшаго на волѣ, нужно посадить за наказаніе на казенные хлѣба, и вовсе не понимаю, какую пользу принесетъ обществу отправленіе его, неопытнаго воришки, въ высшую школу всякаго мошенничества и разбоя,—но все-таки засадите его, господа присяжные засѣдатели, засадите!» Это ли не юродство?

Орловъ разсмѣялся.

— Ты-то въ присяжные повѣренные пошелъ бы?

— Я-то?.. Никуда бы я не пошелъ, — хмуро отвѣтилъ Благолѣповъ, опершись локтями въ колѣни и опустивъ на ладони лицо.— Тѣ тоже юродствуютъ: «воръ, говорятъ, укралъ съ голоду, и вы сжальтесь надъ нимъ, вспомните, что милосердіе должно царствовать въ судахъ, и отпустите его, чтобъ онъ еще стянулъ что-нибудь съ смертоубійствомъ, такъ какъ тогда мы его упечемъ уже прямо на каторгу»... Нѣтъ, братъ, я никуда теперь ужъ не пойду, если только середины не найду...

Благолѣповъ налилъ себѣ еще стаканъ вина.

Орлову становилось не по себѣ. Имъ овладѣвало уныніе.

— А не пора ли намъ и по домамъ?—сказалъ онъ.

— Ты, что-жъ, боишься, что я нарѣжусь, да тебя оскандалю?- спросилъ Благолѣповъ.—Не бойся. Въ эту прорву сколько ни лей, на меня не дѣйствуетъ. Я всегда такой: маковой росинки во рту нѣтъ, а люди думаютъ: «да что онъ спьяна это болтаетъ, что ли»; пьянѣе вина напьюсь, а взгляну на людей и думается: «да что они спьяна, что ли, шиворотъ на выворотъ и думаютъ, и говорятъ, и дѣйствуютъ».

Digitized by Google

Онъ налилъ себѣ еще вина.

— Ты вотъ теперь глядишь на меня и думаешь: этакою свиньей сталъ человѣкъ, ничего не дѣлаетъ и пьетъ,—продолжалъ Благолѣповъ.—А ты подожди судить: самъ запьешь, непремѣнно запьешь, если только не повалитъ тебѣ вдругъ счастье,—станешь думать, думать и запьешь, чтобы только не думать больше. Знаешь, кто у насъ не пьетъ? — Тотъ, кто никогда не думалъ ни о своей жизни, ни о жизни другихъ людей, а жилъ такъ... зря, — шелъ, потому что ноги есть,—работалъ, потому что руки судьба привѣсила,—говорилъ, потому что языкъ во рту болтается. А кто хоть разъ сталъ залумываться о нашей жизни, тотъ запьетъ, или спеціалистомъ сдѣлается, допотопныя какія-нибудь кости станетъ собирать, какія-нибудь древне-русскія полотенца, да вышивки станетъ разыскивать...

Орловъ молчалъ и рисовалъ по столу узоры разлитымъ виномъ.

— Чего ты добиваешься?—настойчиво продолжалъ Благолѣповъ развивать свои мысли.—Карьеры и богатства, чтобы получить возможность приносить пользу обществу, потому что безъ власти и безъ денегъ, по твоему убѣжденію, нельзя приносить пользы? А когда ты этого добьешься? — Когда сѣдъ станешь, когда изъ ума, можетъ-быть, выживешь. Да если и раньше добьешься, то убѣжденъ ли ты, что принесенную тобою пользу не испакостятъ сотни подлецовъ? Вѣдь тебѣ-то нечего разсказывать, что у насъ на одного честнаго сотни мошенниковъ найдутся. Да этого мало: до какихъ чиновъ ты ни дойди, а все-таки вся твоя судьба будетъ зависѣть отъ расположенія какой-нибудь одной личности, ступенью повыше тебя; не понравится твоя физія и — полетишь ты, голубчикъ, кувыркомъ, кувыркомъ, хоть семи пядей во лбу будь. Это вѣрно. Устойчивости у насъ нѣтъ, почвы твердой никто подъ ногами не чувствуетъ. У насъ ни кружковъ, ни партій, ни единомышленниковъ нѣтъ, а всѣ идутъ въ одиночку, да въ свою дудку свистятъ, стараясь другихъ пересвистать, оттого и уходятъ всѣ наши силы на однѣ интриги, для кляузы. Пробивается, пробивается человѣкъ впередъ, а когда пробьется — глядишь, смерть за спиной стоитъ. Безъ вѣры въ прочность своего дѣла трудно отдаться всею душой этому дѣлу, а этой вѣры-то у насъ и не можетъ быть, потому что она только тогда является, когда ты сознаешь стоящую за тобой и за тебя массу, когда ты знаешь, что, умирая, ты можешь передать

Digitized by Google

свое дѣло своимъ же людямъ. На Западѣ, за каждымъ Тьеромъ Тьерики стоятъ; каждаго Пальмерстона свои Пальмерстончики окружаютъ. А у насъ вчера реализмъ поддерживали, сегодня классицизмъ ввели, завтра же, можетъ-быть, за славянщину примутся. Почему? Вкусы большинства, что ли, такъ ужъ перемѣнчивы у насъ? Условія и потребности жизни у насъ такъ быстро измѣняются, что ли? Флюгеры мы такіе, что ли, что ни одинъ французъ флюгарнѣе быть не можетъ?—Ничуть не бывало! Личный вкусъ двухъ-трехъ лицъ все измѣняетъ. Намъ нужны именно теперь-то и доктора, и инженеры, и механики, и сельскіе хозяева, а намъ именно теперь-то и сказали: не смѣйте и думать объ естественныхъ наукахъ, а зубрите латынь,—ну, и зубримъ. На что, кому она нужна? Кто доказалъ ея пользу? Кто убѣдился въ ея необходимости? Послѣ дождичка въ четвергъ до отвѣтовъ на это додумаешься!.. И во всемъ такъ, — во всемъ, куда ни взглянешь... Вотъ и вѣрь тутъ въ прочность своихъ начинаній. Поневолѣ запьешь съ горя, махнувъ рукой на все...

Орловъ посмотрѣлъ на часы. На него нашло тоскливое расположеніе духа. Онъ слушалъ только наполовину то, что говорилъ Благолѣповъ, но въ его головѣ, какъ удары молота, повторялась фраза: «и ты запьешь, непремѣнно запьешь!» Ему было и горько, и досадно сознаніе, что онъ дѣйствительно пробовалъ иногда «запивать». Тоже нашелъ исходъ!.. Ничего еще не сдѣлалъ, ничего не добился, а ужъ упалъ духомъ. Нѣтъ, надо собрать всѣ силы и биться, биться съ ожесточеніемъ, чтобы достигнуть хоть чего-нибудь. Онъ поднялся съ мѣста.

— А знаешь, въ чемъ главное наше несчастіе? —проговорилъ онъ Благолѣпову, дружески ударивъ его по плечу.

— Ну?

— Говоримъ мы—государства цѣлыя пересоздаемъ; дойдетъ до дѣла—щепки мы съ мѣста не сдвинемъ...

— Потому что все равно другіе сейчасъ же се на старое мѣсто положатъ...

— А ты все-таки сдвигай ее, авось и другіе призадумаются надъ тѣмъ, отчего это человѣкъ такъ упорно сдвигаетъ эту щепку съ мѣста,—есть же у него своя цѣль... Можетъ-быть, до чего-нибудь и додумаются... Я, братъ, глубоко вѣрю въ то, что если лбомъ стѣны и не прошибешь, то все же нужно о нее биться: разобьется объ нее сотня лбовъ, и наведетъ это людей на мысль, съ чего это люди

Digitized by Google

лбы объ стѣну разбиваютъ, нельзя ли найти другой способъ разбить ее, — и найдутъ... А не станешь о нее лба разбивать, такъ она и будетъ стоять,—такъ и будутъ убѣждены люди, что ей тутъ и нужно стоять...

Орловъ въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Иногда и самъ не ожидаешь, какіе крупные результаты дастъ твоя дѣятельность. Вотъ мнѣ теперь вспоминается одинъ фактъ изъ моей жизни. Еще въ Питерѣ задумалъ я написать рядъ статей о положеніи русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ и началъ собирать исподволь матеріалъ. Офиціальныя свѣдѣнія оказались недостаточными, я какъ-то и придумалъ собрать кое-какія свѣдѣнія черезъ молодежь, разъѣзжающуюся лѣтомъ на каникулы по домамъ и на кондиціи въ провинцію. Написалъ я вопросные пункты и роздалъ знакомымъ студіозусамъ эти листки, прося ихъ раздать эти листки и ихъ товарищамъ. Ну-съ, затѣмъ меня попросили освободить отъ себя Питеръ. Отвѣтовъ на сто заданныхъ мною вопросныхъ пунктовъ я не получилъ и былъ убѣжденъ, что мое предпріятіе такъ прахомъ и разлетѣлось. Прошло не мало времени, какъ вдругъ недавно встрѣчаю я одного изъ бывшихъ студентовъ, получившаго отъ меня тоже листокъ съ вопросами. Разговорились мы. Съ первыхъ же словъ вижу я, что передо мной стоитъ ярый народникъ, весь поглощенный мыслью о благѣ народа, о средствахъ помочь народу. Прежде я въ немъ и не замѣчалъ этого направленія. Я ему высказалъ свое удивленіе. Онъ засмѣялся. «А вопросные-то пункты помните?—говоритъ.—Это они меня съ народными нуждами познакомили. Они у васъ наскоро, поверхностно были написаны,—много пробѣловъ въ нихъ пришлось пополнить,—да это ничего, на первый разъ и ихъ было достаточно»...

— Ишь подлецъ, ты же ему пользу принесъ, а онъ же тебѣ шпильку подставилъ,—замѣтилъ съ усмѣшкой Благолѣповъ.

— «Ну, говоритъ, я ихъ дополнилъ потомъ,—продолжалъ разсказъ Орловъ, не обращая вниманія на замѣчаніе Благолѣпова: — да еще кое-кому роздалъ. Это школа хорошая. Молодежь-то или плохо знаетъ народную жизнь, или просто не задумывается надъ этою жизнью, а тутъ, какъ нужно все по пунктамъ разспросить, да разузнать, такъ поневолѣ и вникнешь въ дѣло. Я, знаете, какъ впервые-то сталъ все обслѣдовать, да разспрашивать, такъ меня слеза прошибла. Помните, молодъ я тогда еще очень былъ... Да, да, наши

Digitized by Google

пунктики принесли пользу нашей партіи. Пожалуй, что съ нихъ и началось хожденіе въ народъ».

Орловъ вдругъ оборвалъ рѣчь и прямо обратился къ Благолѣпову:

— Нѣтъ, братъ, сѣять нужно... Десять всходовъ погибнутъ, сотни ихъ погибнутъ, а все-таки хоть одинъ дастъ, наконецъ, желанную жатву... Вся бѣда наша въ томъ, что мы даже не пробуемъ ни пахать, ни сѣять, боясь разныхъ случайностей, сомнѣваясь въ успѣхѣ, и только сѣтуемъ, что жатва не является сама собою...

— Нѣтъ, братъ, я съ тобой не согласенъ,—серьезно сказалъ Благолѣповъ, поднимая голову.—Вопросъ весь сводится къ тому, что сѣять. Что ты своей статьей хотѣлъ сѣять и своими пунктиками посѣялъ, то и всѣ мы сѣемъ, и само оно сѣется. А кромѣ этого, въ настоящее время ничего и сѣять не стоитъ, потому все другое прахомъ пойдетъ.

— Да ты о чемъ говоришь?

— О недовольствѣ. Недовольство сѣять— это я понимаю: его всѣ сѣютъ, потому всѣ недовольны настоящимъ; оно само въ воздухѣ носится, его никакими компромиссами не заглушишь; оно только и дастъ плоды. А все другое... Да ты самъ, положа руку на сердце, скажи, вѣришь ли ты въ плодотворность всего другого? Ну, говори, въ земство, въ новые суды, въ городскія управленія, что ли, ты вѣришь безъ свободы личности, безъ свободы слова? Вѣришь ли ты, что какіе-нибудь законы спасутъ насъ отъ казнокрадства, взяточничества, міроѣдства, когда ты не можешь разоблачать этихъ язвъ, не имѣя свободы слова и не будучи увѣренъ, что тебя не отправятъ туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ? Я тебѣ вотъ что скажу: работаютъ теперь люди до поту въ лицѣ ради личной наживы, ради своей собственной карьеры, но такихъ людей, которые, если они не олухи Царя небеснаго и если они видятъ дальше своего носа, работали бы, какъ волы, съ твердою вѣрой въ общественную пользу своего дѣла,—такихъ людей нѣтъ, потому что мы переживаемъ переходную эпоху, и все, что мы теперь строимъ, строится только на время и должно перестроиться въ будущемъ. Вонъ я читалъ гдѣ-то въ журналѣ обвиненіе современнымъ людямъ, что ими руководитъ въ работѣ одно стремленіе — «жрать надо». А самъ-то этотъ писака почему толчетъ въ своихъ статьяхъ воду въ ступѣ, во имя чего? — Во имя того только, что ему тоже «жрать надо». Другой пользы изъ его писаній не выйдетъ, потому

Digitized by Google

что онъ пишетъ не о томъ, о чемъ, по его мнѣнію, надо писать, о чемъ, по его мнѣнію, полезно писать, а о томъ, о чемъ можно писать, — пишетъ онъ, сознавая, что онъ и вопросъ не такъ ставитъ, какъ слѣдуетъ, и выводы дѣлаетъ не такіе, какіе нужно бы сдѣлать. Онъ, положимъ, пишетъ о гигіеническихъ условіяхъ жизни; расписываетъ и размазываетъ, какъ полезны гигіеническое устройство городовъ, строгій надзоръ за пищею, созданіе хорошихъ условій жизни для рабочаго люда. Да прахъ его побери,—мы и безъ него знаемъ, что хорошее хорошо, а дурное дурно!.. А отчего же онъ не скажетъ намъ, почему у насъ многое дурно и какъ сдѣлать это лучше? Пользы-то для общества отъ такого предпринятаго ради жратвы писанія и нѣтъ, а если и есть польза, такъ она только въ одномъ замѣчается — въ сѣяньи недовольства существующимъ. И вездѣ, на всякомъ поприщѣ, дѣлаютъ люди только то, что можно дѣлать, а не то, что нужно дѣлать,—и дѣлаютъ, разумѣется, кое-какъ, зная, что завтра сдѣланное ими кто-нибудь, можетъ-быть, передѣлывать будетъ, а нѣтъ, такъ и просто разрушать станетъ.

Благолѣповъ усмѣхнулся горькой усмѣшкой.

— Я вонъ такъ ученичковъ разныхъ изъ латыни и греческаго учу. «Вы, говорю, зазубрите это для экзаменовъ,— послѣ-то вамъ эта накость не понадобится. Только до экзамена старайтесь въ памяти удержать». Ну, разумѣется, знаніе-то и выходитъ формальное, а не серьезное. Но вѣдь иначе и быть не можетъ, когда я самъ не вѣрю ни въ пользу, ни въ прочность классицизма въ православной Россіи. При такомъ сознаніи можно выдѣлывать удивительныя штуки по части классической гимнастики, но только во имя того, что жрать нужно, а не во имя убѣжденія, что этимъ ты приносишь пользу обществу. И во всемъ теперь такъ. Пользу приноситъ только одно—сѣяніе недовольства, потому что оно, и только оно, приведетъ тебя къ исполненію твоей завѣтной мечты.

— Какой?—отрывисто спросилъ Орловъ.

— А положимъ, чтобы никто не могъ тебя послать безъ суда на житье въ такую трущобу, какъ наша, да чтобы никто не могъ зажать тебѣ произвольно рта, когда ты говорить хочешь.

Орловъ, взволнованный и блѣдный, молча прошелся по комнатѣ.

— Да, такъ ты вотъ до чего додумался! — сквозь зубы проговорилъ онъ.

Digitized by Google

— До того же, до чего и ты додумался,—отвѣтилъ Благолѣповъ.

Эта встрѣча, эта бесѣда «по душѣ» съ Благолѣповымъ точно озарили яркимъ свѣтомъ передъ Орловымъ и его завѣтныя стремленія, и страшную пропасть, зіявшую у его ногъ. Онъ увидалъ, что онъ былъ близокъ къ отчаянію, къ малодушному унынію, къ холодной апатіи, къ тому душевному настроенію, которое дѣлаетъ человѣка работающей машиной, заставляетъ его плыть, спустя рукава, по теченію, толкаетъ его искать забвенья въ картахъ, въ винѣ, въ развратѣ. Ему стало страшно, тяжело, обидно сознаніе, что и онъ можетъ стушеваться въ этой тысячеголовой безличной толпѣ пассивныхъ исполнителей чужой воли, дѣлающихъ все, что имъ прикажутъ. Ему точно кто-то далъ толчокъ. Въ немъ снова пробудилась энергія, страстное желаніе не сдаться малодушно враждебнымъ обстоятельствамъ.

II.

Свѣтлымъ лучомъ въ эти годы жизни Орлова въ провинціи являлись только письма Софьи Александровны Русовой, уѣхавшей съ матерью и сестрой за границу. Эта дѣвушка никогда прежде не играла никакой видной роли въ жизни Орлова. Онъ когда-то носилъ ее на рукахъ, когда она была ребенкомъ; потомъ онъ нерѣдко игралъ и болталъ съ ней, какъ съ милой и ласковой дѣвочкой, далѣе онъ видѣлъ въ ней очень привѣтливую и кроткую барышню, смотрѣвшую на него, какъ на брата,—и только. Въ его воспоминаніяхъ о ней сохранилось одно представленіе, а именно то, что это кроткое созданіе любили всѣ окружавшіе, начиная съ прислуги и кончая княземъ Русовымъ. Ее и нельзя было не любить, такъ какъ она сама шла навстрѣчу каждому съ мягкою и привѣтливою улыбкой. Добродушіе было вообще въ характерѣ Русовыхъ, не имѣвшихъ никакихъ поводовъ для мелочного раздраженія, для угрюмой озлобленности; но у этого слабаго и хрупкаго ребенка оно проявлялось иногда какъ-то болѣзненно. Достаточно было ей увидать на чьемъ-нибудь лицѣ выраженіе грусти, чтобъ она тотчасъ же явилась съ вопросами, почему человѣкъ грустенъ, не случилось ли чего-нибудь съ нимъ, не нуждается ли онъ въ чемъ-нибудь.

— Ты, папа, здоровъ?—тихо спрашивала она князя, заглядывая въ его глаза, когда онъ былъ невеселъ.

Digitized by Google

— Здоровъ, крошка! А что?—спрашивалъ князь, поднимая ее на руки.

— Такъ. Ты скучный сегодня,—говорила она, цѣлуя его.—Ты на меня не сердишься?

— За что же я могу на тебя сердиться?

— Я не знаю, но можетъ-быть... Ты скажи, если сердишься...

Она ласкала князя, и онъ гладилъ ее нѣжно по головкѣ. Она не любила только свою гувернантку-англичанку—сухую и холодную женщину, старавшуюся только выдрессировать маленькихъ княженъ. Но княжна Софья была долго тщедушнымъ и слабымъ ребенкомъ и потому находилась чаще на рукахъ старой русской няньки изъ крѣпостныхъ, чѣмъ подъ надзоромъ гувернантки. Эта нянька, Ольга Родіоновна, не долюбливала англичанку и постоянно говорила:

— Развѣ онѣ знаютъ, какъ русское дитя воспитывать надо? Что ей наши дѣти?—чужія. Ей только бы онѣ въ струнку держались... А дѣтямъ ласка нужна, родная душа нужна.

Княжна страстно любила старушку, любила разсказы старушки, успокаивавшіе ребенка въ безсонныя ночи во время его недуговъ. Ольга Родіоновна была княжнѣ ближе матери, дороже матери. Княгиня Марья Львовна, вѣчно смѣющаяся, видѣлась съ дѣтьми только на минуту; Ольга Родіоновна оставалась съ болѣзненною княжной Софьей по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ ночамъ. Серьезная и степенная старушка, смотрѣвшая скорѣе старой барыней, чѣмъ слугой, слегка пощелкивая спицами за вязаньемъ шарфа, говорила съ княжной о деревнѣ, о мужикахъ, о родѣ и родѣ князей Русовыхъ, о семейныхъ преданіяхъ. Отъ нея узнала дѣвочка, что народъ бѣденъ, что народу тяжело жить, что народъ одинъ плательщикъ за всѣхъ, но что русовскіе крестьяне самые счастливые, потому что князья Русовы на всю Россію споконъ вѣка извѣстны, какъ самые добрые господа.

— Такихъ-то другихъ господъ, можетъ-быть, и нѣтъ,—серьезно говорила старушка. — Всегда были печальниками за народъ. Одна тетенька твоя, княжна Софья Владиміровна, сколько добра народу сдѣлала; сама и замужъ не вышла, и въ монастырь ушла жить, а для другихъ все была отдать готова.

Княжнѣ очень нравилось выраженіе «печальники за народъ»; ее очень интересовала личность тетки.

Digitized by Google

— Тетя жива еще или умерла?—спрашивала княжна.

— Жива, слава тебѣ, Господи, жива, только изъ монастыря никогда теперь не выѣзжаетъ. Тебя и назвали въ честь ея Софьей. Да ты на нее и похожа. Такая же она росла маленькая, да хворенькая, а сердце ангельское.

— А ея нельзя увидѣть?—допрашивала княжна.

— Вотъ, можетъ-быть, въ деревню соберемся, тогда свозятъ въ монастырь. Княгиня-то Марья Львовна только не любитъ деревни, потому все здѣсь въ Павловскѣ, да Петергофѣ и чахнемъ, а ужъ чего бы лучше въ деревнѣ.

— Отчего же мама не любитъ деревню? — спросила княжна.

— Не нашего она рода,—сухо отвѣчала старушка, поджимая губы.

Старушка всегда говорила о княгинѣ Маріѣ Львовнѣ сдержанно, холодно и какъ бы презрительно.

Княжнѣ очень хотѣлось увидѣть и деревню, гдѣ такъ любятъ князей Русовыхъ, и тетку, отдавшую всю жизнь на благо ближнихъ. Наконецъ, желанія княжны сбылись, и князья Русовы провели одно лѣто въ деревнѣ. Съ перваго же раза деревня произвела неизгладимое впечатлѣніе на княжну, когда она увидѣла цѣлую толпу молодыхъ и старыхъ мужиковъ, вышедшихъ съ открытыми головами встрѣтить господъ съ хлѣбомъ-солью. Эти мужики, цѣловавшіе ея руки, называвшіе ее «нашей барышней», сразу представились ей близкими, родными, своей семьей. Это былъ тотъ народъ, печальниками за который были Русовы. Въ деревнѣ княжна совсѣмъ отбилась отъ рукъ англичанки, посѣщая съ Ольгой Родіоновной избы мужиковъ, принося бѣднымъ и больнымъ пособія и подарки, и миссъ Пирсъ даже пожаловалась княгинѣ Маріѣ Львовнѣ на Ольгу Родіоновну за то, что та самовольничаетъ и держитъ ребенка постоянно при себѣ, таскаетъ ее по мужичьимъ избамъ. Княгиня сдѣлала осторожно замѣчаніе старушкѣ. Старушка выслушала выговоръ безмолвно, но ея лицо приняло строгое и суровое выраженіе. Вечеромъ она улучила минуту, когда по залѣ проходилъ князь, и обратилась къ нему.

— Жаловаться, батюшка, пришла къ тебѣ,—проговорила она тѣмъ фамильярнымъ тономъ, какимъ говорила въ домѣ со всѣми только она. — Пирша-то нашла, наемница-то, Сониччу отъ меня отбиваетъ. Дитя—слабое, хрупкое, нѣжное, такъ зачѣмъ же его на изморъ отдавать ей? И развѣ она знаетъ, какъ Русовыхъ-то воспитывали? Слава тебѣ, Господи,

Digitized by Google

безъ нихъ, безъ наемницъ, и покойная Ольга Владиміровна, и Софья Владиміровна выросли,—крѣпостной глазъ оберегъ отъ всякой напасти. Соничка-то вотъ плачетъ съ нею, а она на нее кричитъ, точно на холопку какую. Это ужъ совсѣмъ не резонъ.

Князь съ улыбкой смотрѣлъ на старуху.

— Кто же вамъ мѣшаетъ, Ольга Родіоновна, по своему-то сдѣлать, не жалуясь мнѣ? — спросилъ онъ, глядя ей въ глаза.—Кажется, вы — надъ дѣтьми командирша, а не кто другой.

— Знаю, знаю! Только не мнѣ бы командовать, а тебѣ. Ну, да на тебя-то, видно, рукой махнуть приходится. Огбился ты совсѣмъ отъ семьи.

Князь усмѣхнулся.

— Да вотъ княгиня Марья Львовна приказала мнѣ сегодня сдать Соничку на руки Пиршѣ,—сказала старушка:— такъ я и не смѣла ослушаться. Княгиня Марья Львовна не нашего рода, такъ она, конечно, и не знаетъ, что Соничка совсѣмъ заблекнетъ у какой-нибудь наемницы, оттого она и сдѣлала такое распоряженіе. А ты-то, батюшка, ужъ вели, чтобы все по-старому было.

— Да дѣлайте, какъ знаете,—сказалъ князь.— Если будутъ что возражать, скажите, что я такъ приказалъ.

Ольга Родіоновна кивнула головой.

— Я Соничку-то хочу завтра въ монастырь къ Софьѣ Владиміровнѣ свезти,—сказала она.—Пусть старушка полюбуется на дитя. Вѣдь Соничка-то вся въ нее, вся въ нее.

— Вы находите, Ольга Родіоновна?

— Еще бы! Какъ двѣ капли воды похожи. Одна въ нашъ родъ...

Князь сдвинулъ брови при этомъ щекотливомъ для него замѣчаніи.

— Отъ тебя-то, батюшка, будетъ какой-нибудь наказъ къ сестрицѣ?—спросила старушка.

— Я былъ уже у нея сегодня,—сказалъ князь.— Слаба становится, похудѣла... Вы кстати ѣдете къ ней,—она просила, чтобы вы заѣхали на цѣлый день...

— Такъ что-жъ ты, батюшка, не сказалъ мнѣ? Память-то, видно, дѣвичья тоже стала, — сказала старуха, укоризненно качая головой. — Ей-Богу, просто не узнаю тебя, — не тѣмъ человѣкомъ ты сталъ. Бранить бы тебя надо, — ну, да ужъ Богъ съ тобой.

Князь разсмѣялся и поцѣловалъ старушку въ лобъ.

Digitized by Google

— Ворчунья вы!

— Ну да, не ворчи на тебя, такъ ты и совсѣмъ отобьешься отъ дому. Тоже хорошо: его просятъ сказать, чтобъ я пріѣхала въ монастырь, а онъ молчитъ... Завтра же, завтра же поѣду туда съ Соничкой...

— А Олю не возьмете?

— Соскучится она тамъ,—сухо отвѣтила старуха, очень холодно смотрѣвшая на бойкую и живую княжну Ольгу.

Она пошла на дѣтскую половину.

На другой день княжна Софья поѣхала съ Ольгой Родіоновной въ монастырь къ теткѣ. Ихъ провели по длинному пустынному коридору къ кельѣ матери Серафимы, бывшей княжны Софьи Владиміровны Русовой. Когда двери кельи растворились, посѣтительницъ, находившихся въ полутемномъ коридорѣ, облило яркимъ свѣтомъ солнца, заставившимъ ихъ на мгновеніе зажмурить глаза, и на нихъ пахнуло ароматомъ цвѣтущихъ розъ, левкоевъ и жасминовъ. Въ комнатѣ звенѣли голоса канареекъ, и одна изъ нихъ вспорхнула съ руки старушки, сидѣвшей у затянутаго газомъ открытаго окна. Старушка поднялась съ мѣста навстрѣчу гостямъ, и ея морщинистое лицо озарилось свѣтлою улыбкой. Это было изящное, маленькое, худенькое, слабое существо съ кроткими глазами, смотрѣвшими неопредѣленно вдаль. Она нѣжно обняла Ольгу Родіоновну, подругу своего дѣтства, и обласкала племянницу. Дѣвочка горячо прильнула губенками къ ея худенькой рукѣ.

— А я думала, она испугается меня,—мягкимъ голосомъ сказала монахиня.

— Что это ты выдумала, мать! Она тебя любитъ,—сказала Ольга Родіоновна, цѣлуя старушку.

— Любитъ?.. Но она же меня еще вовсе не знаетъ?

— Тетку-то родную не знаетъ?—произнесла съ упрекомъ Ольга Родіоновна.—Да что это ты? Развѣ я изъ нея какого-нибудь Ивана, не помнящаго родства, рощу? Слава тебѣ, Господи, тоже княжна Русова.

— Я знаю, тетя, тебя. Я на тебя похожа, — сказалъ ребенокъ.

— Да, да, одна изъ нашего рода, — сказала Ольга Родіоновна.

Мать Серафима тяжело вздохнула, приподнявъ глаза къ небу.

— Точно она похожа на меня. Ты, Ольга, это вѣрно замѣтила.

Digitized by Google

— Еще бы! Одна только и похожа! Дай Богъ, чтобы во всемъ была похожа.

— Я, тетя, и въ монахини пойду,—сказала дѣвочка.

— Зачѣмъ, дружокъ? Не всѣ же добрые люди должны идти въ монашество,—сказала ласково тетка, гладя ее по щекѣ.

— А ты, тетя, вотъ пошла,—сказала дѣвочка.

Старушка вздохнула, но ничего не отвѣтила на это.

— А тамъ все тоже, все тоже,—сказала тихо монахиня, обращаясь къ Ольгѣ Родіоновнѣ. — Я не разспрашивала Александра, но я все поняла сразу. Бѣдный!..

— Самъ виноватъ, самъ виноватъ... Твердости мало! — сказала Ольга Родіоновна.

— Мнѣ тяжело, что онъ отчасти подъ моимъ вліяніемъ понесъ эти вериги,—проговорила монахиня.

— Ну, да вѣдь иначе же было нельзя,—замѣтила Ольга Родіоновна.—Для дѣтей жертва.

Мать Серафима позвала молоденькую послушницу и попросила ее показать Сонѣ церковь, садъ, кладбище. Ей хотѣлось остаться наединѣ съ Ольгой Родіоновной, чтобы поговорить о семейныхъ дѣлахъ.

Соня снова очутилась въ безмолвномъ коридорѣ, гдѣ иногда, какъ тѣни, безшумно проходили женщины въ черномъ. Тишина келій, цвѣтущій садъ, кротость тетки, ласки молодыхъ послушницъ, собравшихся вокругъ ребенка, когда въ монастырѣ разнеслась вѣсть, что этотъ ребенокъ «княжна Русова»,—все это повѣяло такъ успокоительно на душу дѣвочки, что ей не хотѣлось ѣхать домой. Ей нравились и чинные поклоны монахинь, и однообразная черная одежда этихъ женщинъ, и отсутствіе всякой суетливости и тревоги. Здѣсь ничто не раздражало, а, напротивъ того, все успокаивало болѣзненно развитые нервы ребенка. Въ теченіе лѣта княжна часто уговаривала Ольгу Родіоновну съѣздить въ монастырь и каждый разъ возвращалась оттуда въ какомъ-то тихомъ и свѣтломъ настроеніи, какъ будто ей удалось крѣпко уснуть и увидѣть сладкій сонъ. Разъ она спросила Ольгу Родіоновну, почему тетка пошла въ монастырь.

— Свадьба когда разстроилась, она и пошла въ монастырь,—коротко отвѣтила Ольга Родіоновна.

— Какая свадьба?

— Женихъ у тетеньки Софьи Владиміровны былъ, а когда его не стало, она и пошла въ монастырь.

— Онъ умеръ, няня?

— Нѣтъ, голубчикъ, не умеръ... Услали его далеко-далеко.

Digitized by Google

— Какъ, няня, услали?

— Мала ты еще, не поймешь теперь этого, — коротко сказала Ольга Родіоновна.

Какъ часто приходилось Сонѣ слышать этотъ несносный отвѣтъ. Ей или прямо говорили: «мала ты, послѣ узнаешь», или просто уклонялись отъ отвѣтовъ, оставляя ее въ недоумѣніи. Такое недоумѣніе пробудилъ въ ней, напримѣръ, одинъ случай. Проходя однажды по портретной галлереѣ, Соня спросила Ольгу Родіоновну:

— Это ты, няня?

Она указала на одинъ изъ старинныхъ портретовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ.

— Нѣтъ, это твоего папеньки сестра старшая, покойная княжна Ольга Владиміровна Русова,—отвѣтила нянька.

Дѣвочка съ недоумѣніемъ смотрѣла на портретъ и, кажется, не вѣрила, что это не портретъ ея няньки.

— А его съ тебя рисовали? — наивно спросила княжна.

— Что это, Соничка, какія глупости ты говоришь!—сказала Ольга Родіоновна наставительно. — Это ея портретъ, значитъ, съ нея и рисовали его.

— Такъ отчего же онъ на тебя похожъ?

— Мало ли кто на кого похожъ... Всѣ люди по образу Божьему созданы.

Княжна недоумѣвала.

Потомъ она узнала многое и многое угадала. Она узнала, что женихъ тетки былъ декабристъ, товарищъ князя Александра Владиміровича, сосланный въ Сибирь. Невѣста хотѣла сперва слѣдовать за нимъ, а потомъ вдругъ она узнала о его смерти, почти все отдала въ пользу своихъ крестьянъ и пошла въ монастырь. Эти свѣдѣнія, добытыя дѣвочкой отрывочно, произвели на нее глубокое впечатлѣніе, надолго заставивъ ея мозгъ работать надъ размышленіями объ этихъ фактахъ, о томъ, почему и за что людей ссылаютъ, дурные ли это люди или хорошіе. Додумалась она впослѣдствіи, не разъ стоя передъ портретомъ княжны Ольги Владиміровны, и до того, что Ольга Родіоновна должна быть изъ ихъ рода. Она какъ-то услышала отъ отца шутливое замѣчаніе, что «Толстыхъ по длинному носу, а Русовыхъ по большому лбу сейчасъ узнаешь», и сообразила, что не даромъ у Ольги Родіоновны совсѣмъ русовскій лобъ. Но какъ же она имъ родня, если изъ крѣпостныхъ? И почему ее такъ всѣ уважаютъ, даже сама княгиня Марья Львовна? Отчего она держитъ себя такъ фамильярно съ отцомъ? Тутъ

Digitized by Google

есть какая-то тайна, недоступная дѣтскому уму. Впослѣдствіи все выяснилось, все понялось. Для этихъ думъ и размышленій было много свободнаго времени въ часы частыхъ недуговъ; на нихъ наталкивала та скука, отъ которой княгиня искала спасенія въ любовныхъ интригахъ, князь Александръ—въ кутежахъ, старшая сестра Сони—на балахъ и въ театрахъ. Когда княжнѣ Софьѣ было пятнадцать лѣтъ, она вступила въ дѣятельную переписку съ теткой монахиней, стала спрашивать у той совѣтовъ, просить у нея отвѣтовъ на волновавшіе молодую душу вопросы. Письма тетки—спокойныя, ласковыя, кроткія—говорили только одно: «Тебѣ Богъ послалъ богатство, — старайся употреблять его на пользу тѣхъ, кого обдѣлила судьба. Самое высшее счастье человѣка—въ сознаніи, что онъ всегда былъ другомъ и помощникомъ ближнихъ, потому что кто поможетъ слабому, кто накормитъ голоднаго, тотъ дѣлаетъ это для самого Бога. Наше личное счастье не прочно; прочно только свѣтлое сознаніе, что мы исполняли заповѣди Божіи и любили ближняго, какъ самихъ себя. У кого есть это сознаніе, тотъ перенесетъ все — и невзгоды, и горе, и вражду. Безъ этого сознанія и при самой счастливой жизни внутри насъ когда-нибудь да проснется совѣсть и будетъ мучить насъ. Страшнѣе упрековъ совѣсти нѣтъ на свѣтѣ казни; у кого спокойна совѣсть, тотъ съ улыбкой можетъ вынести всѣ муки за правду, какъ ихъ выносили первые христіане, погибавшіе за ближнихъ, за человѣчество». Подобныхъ совѣтовъ и наставленій въ письмахъ тетки было немало. Мать Серафима любила и умѣла писать, стараясь поддерживать въ людяхъ добрыя чувства и видя все спасеніе человѣчества въ нравственной чистотѣ, въ духѣ кротости и любви. Ея корреспонденція была очень обширна и подъ вліяніемъ ея писемъ не разъ созрѣвали такія рѣшенія, какъ рѣшеніе князя Александра Владиміровича Русова щадить свою жену ради дѣтей. Кроткая по натурѣ, по темпераменту, молоденькая княжна стала подъ вліяніемъ совѣтовъ тетки еще мягче въ отношеніяхъ къ людямъ. Она болѣе всего боялась когонибудь огорчить или обидѣть. Орловъ очень хорошо помнилъ, какъ разъ, увидавъ ее на домашнемъ балу, гдѣ она впервые появилась въ длинномъ платьѣ, онъ сказалъ ей «вы».

Она встревожилась.

— Митя, ты сердишься за что-нибудь на меня? — спросила она.

— Я?

Digitized by Google

— Да.

— За что же? Съ чего это вамъ пришло въ голову?

— Но ты говоришь мнѣ: «вы».

— Ахъ, Богъ мой!.. Вы уже теперь не дѣвочка, и было бы неловко... это непринято...

— Митя!—проговорила она ласково.—Я же считаю тебя за брата... Нѣтъ, ты говори мнѣ попрежнему: «ты», а то я буду всегда думать, что ты разлюбилъ меня.

Она крѣпко сжала его руку. Въ этотъ вечеръ впервые въ его сердцѣ отозвалось какою-то тяжелою болью опасеніе, что это милое дитя можетъ когда-нибудь узнать его отношенія къ ея матери. Эти «проклятыя», какъ называлъ онъ ихъ, отношенія тогда начинали уже сильно тревожить его. Глядя на княжну, онъ какъ бы стыдился за себя: онъ боялся, что она можетъ все узнать: онъ смущался при мысли, что княгиня Марья Львовна можетъ его приревновать къ дочери. Еще болѣе теплыя, болѣе глубокія отношенія къ княжнѣ возникли въ немъ въ тотъ день, когда она подошла къ нему со словами участія на могилѣ его матери. Онъ увидалъ въ этой дѣвушкѣ своего истиннаго друга, свою любимую сестру. Первое письмо, пришедшее къ нему отъ нея, влило въ его душу отраду. Впервые въ эти дни одиночества онъ долго думалъ о княжнѣ, припоминалъ черты этого кроткаго, задумчиваго личика съ серьезными и въ то же время ласковыми глазами.

Она писала ему:

«Кругомъ меня все цвѣтетъ, все благоухаетъ, изъ окна виднѣется синѣющее Женевское озеро, по дорогѣ мелькаютъ праздничныя лица гуляющихъ, а у меня на душѣ какъ-то пусто, какъ-то тяжело, какъ-то безотчетно грустно. Мнѣ хотѣлось бы быть тамъ—у насъ на родинѣ, въ нашей родной глуши, среди нашего родного народа. Меня точно давитъ здѣсь все—и эти горы, обступившія кругомъ Женеву и за которыя мнѣ хотѣлось бы унестись, и эти самодовольныя лица праздныхъ людей, чье счастье такъ же чуждо мнѣ, какъ чужды имъ мои печали, и этотъ блескъ южной природы, противорѣчащій моему душевному настроенію. Я сижу здѣсь, а мои мысли носятся далеко-далеко. Мнѣ грезится няня: что-то дѣлаетъ въ деревнѣ безъ меня моя старушка; я думаю, скучаетъ и ворчитъ на тѣхъ, кто Богъ знаетъ зачѣмъ и для чего отъ роднаго угла бѣжитъ за границу и увозитъ туда насильно дѣтей. А папа? Тебѣ нечего говорить о его несчастіяхъ. Ты, конечно, знаешь всю его

Digitized by Google

внутреннюю жизнь лучше меня. Я ее, къ сожалѣнію, узнала только недавно, только случайно. Бѣдный, бѣдный, какъ онъ долженъ былъ страдать всю жизнь, притворяясь и нося маску поневолѣ, когда его натура такъ пряма, такъ откровенна, такъ честна! Вспоминаешься мнѣ и ты. Тебѣ тоже не легко. Я случайно прочла твое письмо къ моей матери. Сколько у тебя непріятностей. Какъ бы хорошо было тебѣ, если бы мы всѣ были ближе къ тебѣ».

Орловъ долго раздумывалъ надъ этими строками: ему такъ ясно, ясно представлялось милое, задумчивое личико княжны; ему казалось, что онъ видитъ на бумагѣ слѣды ея слезъ... Это она плачетъ и о немъ. О, какъ бы горячо онъ обнялъ ее теперь, если-бъ она вдругъ явилась здѣсь передъ нимъ! У ея ногъ онъ излилъ бы всю свою душу, разсказалъ бы ей всѣ свои невзгоды... И вдругъ его смутила мысль: «Она читала мое письмо къ ея матери... Что я писалъ въ этомъ письмѣ? Не было ли тамъ какой-нибудь пошлости? Не могла ли она догадаться по тону этого письма о моихъ отношеніяхъ къ княгинѣ?» Онъ тревожно припоминалъ содержаніе всѣхъ своихъ писемъ къ княгинѣ. Нѣтъ, его письма были сдержанны и приличны. Его отношенія къ княгинѣ давно уже приняли характеръ простой пріязни. Его давно уже смѣнили тамъ другіе любовники. Если-бъ его письмо пробудило хоть тѣнь подозрѣнія въ душѣ княжны, она не писала бы ему такъ дружески, такъ тепло. Она слишкомъ сильно любитъ отца, чтобы быть ласковой съ любовникомъ своей матери.

Отъ княжны же приходили еще письма.

«Я здѣсь учусь педагогикѣ,—писала она.—Мнѣ хотѣлось бы изучить основательно этотъ предметъ. Можетъ-быть, хоть когда-нибудь сбудется моя мечта, и я устрою въ одной изъ нашихъ деревень большую школу и пріютъ для сиротъ. Въ послѣднее время мнѣ пришлось много слышать о народѣ, о его положеніи, о его нуждахъ. Насъ посѣщаетъ много молодыхъ людей. Maman либеральничаетъ съ ними, вторитъ ихъ рѣзкимъ фразамъ, играетъ какую-то новую роль недовольной, не сознавая того, что она-то не имѣетъ даже права быть чѣмъ бы то ни было недовольной. Надъ ней, кажется, смѣются эти люди, но они нуждаются въ ея деньгахъ, въ ея связяхъ и потому наружно ухаживаютъ за ней. Многіе изъ нихъ очень не нравятся мнѣ; они не лучше товарищей Александра; они принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые проповѣдуютъ воду и пьютъ вино, такъ что слово у нихъ идетъ

Digitized by Google

въ разрѣзъ съ дѣломъ; но я все-таки благодарна нѣкоторымъ изъ нихъ, такъ какъ они на многое открыли мнѣ глаза. Я всегда любила народъ, благодаря нянѣ, благодаря тебѣ, благодаря отцу, но я все же мало понимала сущность положенія народа. Теперь многое мнѣ стало ясно. Здѣшняя молодежь проповѣдуетъ разныя крайнія мѣры, составляетъ заговоры, толкуетъ о рѣзнѣ и крови; но, Боже мой, развѣ можно путемъ насилія и убійства водворить миръ и любовь? Впрочемъ, лично я думаю, что вообще никакія мѣры не принесутъ желанныхъ плодовъ, покуда народъ будетъ вполнѣ невѣжественъ: впотьмахъ мы сами можемъ постоянно заблуждаться; впотьмахъ насъ могутъ обманывать на каждомъ шагу другіе. Прежде всего нужно вывести народъ изъ этой тьмы, нужно позаботиться о его грамотности, о его развитіи, и на это дѣло я, кажется, отдала бы всю жизнь. Я пришла къ этимъ взглядамъ, можетъ-быть, потому, что я сознаю, что я по натурѣ создана для учительства. Сидѣть вдали отъ всякой суеты и гама среди дѣтей и учить ихъ— это такая доля, которая манитъ меня болѣе всего. Какъ пріятно, какъ сладко видѣть ребенка, мало-по-малу усваивающаго твои мысли, твои понятія, постепенно развертывающаго свои способности, свои таланты! За право жить такъ я отдала бы все».

Орловъ въ этихъ строкахъ узналъ знакомое ему «золотое сердце княжны», и ему казалось, что на него смотрятъ ея кроткіе и ласковые глаза. Его очаровывала эта цѣльность натуры, эта дѣвическая чистота его дорогой подруги. Нерѣдко онъ мечталъ теперь о ней, какъ влюбленный, и у него на душѣ становилось свѣтлѣе и легче, когда въ его душу закрадывалась надежда на встрѣчу съ княжною. Онъ упрекалъ себя иногда за то, что онъ не сблизился прежде тѣснѣе съ нею, что онъ такъ долго смотрѣлъ на нее только какъ на милаго ребенка. Теперь это былъ уже далеко не ребенокъ, а, вѣроятно, прелестная дѣвушка.

Да, ребенокъ не могъ бы написать ему того, что писала она ему въ послѣднемъ письмѣ изъ-за границы:

«Странныя чувства волнуютъ меня въ настоящую минуту. Мнѣ и тяжело, и весело; мнѣ хочется и плакать, и смѣяться. Я ѣду въ Россію, я ѣду въ деревню, я ѣду туда навсегда. Но какой цѣной это купилось? Ты знаешь несчастіе отца: онъ потерялъ дорогое ему существо. Это сразу подкосило его, и мы нашли его за границей, куда онъ ѣздилъ, чтобы спасти дорогую ему женщину, разбитаго параличомъ. Ме-

Digitized by Google

дицинская помощь спасла ему жизнь, но это уже не прежній твердый и сильный старикъ, а слабое, безпомощное созданіе, нуждающееся въ уходѣ любящихъ людей. Я провела у его постели не мало безсонныхъ ночей, и чѣмъ больше я отдавалась уходу за нимъ, тѣмъ яснѣе становилось въ моей душѣ сознаніе, что это не только святой долгъ, но что это сладкая обязанность. Я сознавала, что я дѣйствую безкорыстно; я сознавала, что онъ благодаритъ меня въ душѣ за каждую услугу; я сознавала, что онъ ищетъ постоянно глазами меня, и только меня, и впервые испытала, что значитъ счастье. Когда ему стало легче, я сказала ему: «Поѣдемъ домой, тамъ будетъ лучше, тамъ у тебя буду не одна я, но будетъ и Ольга Родіоновна». Онъ молча протянулъ къ губамъ мою руку, и на его глазахъ сверкнули слезы. Я поспѣшила сказать ему, чтобъ онъ не думалъ о какой-нибудь жертвѣ съ моей стороны, что мнѣ тамъ будетъ тоже лучше, что я буду учить крестьянскихъ ребятишекъ, что здѣсь мнѣ не хорошо. Онъ тихо прошепталъ мнѣ: «Да, здѣсь тебѣ не хорошо!» Я сознавала, что мы оба поняли другъ друга. Да, мнѣ нужно было порвать съ этою жизнью, порвать съ матерью и сестрой — безъ ссоръ, безъ сценъ, потому что мы — чужія, вполнѣ чужія другъ другу, по образу жизни, по взглядамъ, по стремленіямъ. Чѣмъ онѣ гордятся, того я стыжусь; чѣмъ онѣ радуются, то будитъ во мнѣ тоску. И вотъ мои мечты сбываются: я ѣду домой. Вчера, когда уже все было готово къ отъѣзду, я пошла прощаться—не съ матерью, не съ сестрой, а съ одинокою могилой, съ могилой той, которая одна умѣла озарить хотя слабымъ лучомъ счастія жизнь моего отца. Я поклонилась до земли передъ свѣжей насыпью этой могилы, передъ прахомъ этой женщины, спасавшей своею любовью моего отца».

Перечитывая это письмо и вспоминая все прошлое, Орловъ точно видѣлъ, какъ передъ его глазами росла и развивалась физически и нравственно эта дѣвушка, подобно прекрасной статуѣ, мало-по-малу формирующейся подъ рѣзцомъ художника изъ безформенной глыбы мрамора. «И красавицей, должно-быть, стала»,—думалось ему въ эти минуты. Ему страстно хотѣлось увидать ее, и онъ забылъ все—и службу, и дѣла, и личныя непріятности, когда къ нему неожиданно долетѣла записка:

«Мы пріѣхали и остановились въ гостиницѣ Европа. Отцу нужно отдохнуть съ дороги и кстати до отъѣзда въ деревню посовѣтоваться съ здѣшними медицинскими знаме-

Digitized by Google

нитостями. Приходи скорѣй. Я и отецъ хотимъ поскорѣй повидаться съ тобою».

Онъ земли не чувствовалъ подъ собой, торопясь къ князю, къ ней...

Доѣхавъ до гостиницы, онъ сбросилъ пальто и быстро пошелъ по коридору къ помѣщенію, занятому княземъ. Едва успѣлъ онъ отворить дверь, какъ къ нему навстрѣчу бросилась княжна.

— Митя, голубчикъ, сколько лѣтъ!—раздались ея отрывочныя восклицанія и, прежде чѣмъ Орловъ успѣлъ опомниться, она обняла и поцѣловала его, какъ любимаго брата.

Онъ цѣловалъ ея руки и не могъ насмотрѣться на нее. Какъ она выросла, какъ похорошѣла. Вся въ черномъ, съ гладко зачесанными волосами, безъ всякихъ золотыхъ бездѣлушекъ и украшеній, она поражала простотой и строгостью своей красоты. Это было то же хрупкое, стройное и граціозное созданіе съ мелкими чертами лица, съ тонкими темными бровями, съ большимъ спокойнымъ лбомъ; только ея щурившіеся, какъ у близорукихъ, глаза сдѣлались серьезнѣе, строже, да совершенно исчезло съ лица дѣтское выраженіе чего-то неопредѣленнаго, выраженіе наивности и недоумѣнія, почти постоянно появлявшееся на этомъ личикѣ въ былые годы, когда княжна о чемъ-нибудь разспрашивала, чѣмъ-нибудь смущалась. Теперь Орловъ сразу подмѣтилъ на этомъ лицѣ выраженіе задумчивости, сосредоточенности и грусти,—выраженіе, не исчезавшее даже и тогда, когда по ея лицу скользила улыбка.

— Пойдемъ къ отцу, онъ будетъ тебѣ радъ. Бѣдный, онъ не покидаетъ почти кресла,—говорила она.—Ты его не узнаешь: состарѣлся, посѣдѣлъ...

Орловъ прошелъ съ нею къ князю. Князь дѣйствительно былъ неузнаваемъ: онъ постарѣлъ на десятки лѣтъ. Длинные, сѣдые волоса падали ему на плечи, на лбу прорѣзались крупныя морщины, сѣдая борода опускалась на грудь, полнота стала рыхлой, болѣзненной. Онъ сидѣлъ въ креслѣ съ окутанными теплымъ пледомъ ногами. Услыхавъ шаги, онъ поднялъ голову и привѣтливо улыбнулся при видѣ Орлова.

— Вотъ, братъ, какую развалину пришлось увидать,—сказалъ онъ, обнимая и цѣлуя Дмитрія Андреевича.—Умирать собирался, да вотъ она приказываетъ жить.

Князь указалъ на Софью Александровну, и все его лицо озарилось свѣтлымъ выраженіемъ любви. Она нагнулась и поцѣловала его руку.

Digitized by Google

— А и онъ-то, Соня, измѣнился, сильно измѣнился,— сказалъ князь дочери, указывая на Орлова.—Похудѣлъ, пожелтѣлъ...

— Кого же, папа, жизнь краситъ,—со вздохомъ сказала княжна.—Тебѣ, Митя, тоже пришлось немало испытать въ эти годы,—обратилась она къ Орлову.

— Да, не весело прожилъ, много всего насмотрѣлся и натерпѣлся,—отвѣтилъ Орловъ.—Въ Петербургѣ было худо въ послѣднее время, а здѣсь еще хуже: интриги, сплетни, дрязги—вотъ и вся здѣшняя жизнь. На первомъ планѣ вездѣ не общественное дѣло, не общественные интересы, а личныя отношенія. Ради личныхъ столкновеній и дрязгъ люди готовы погубить каждое дѣло. Кто вздумаетъ честно относиться къ исполненію своего долга, тотъ непремѣнно почувствуетъ себя безсильнымъ, одинокимъ, опуститъ руки и придетъ къ заключенію, что одинъ въ полѣ не воинъ.

— У насъ и вездѣ такъ, не въ одной провинціи,—сказалъ князь.

— Да; но въ провинціи это сильнѣе сознается. И нельзя сказать, чтобы честныхъ людей не было вовсе, но именно эти люди и являются самыми плохими практиками, и потому они безсильны. Впрочемъ, что же я вамъ разсказываю: возьмите любой нумеръ газеты, и вы увидите, какъ идутъ думскія дѣла, каковы дѣянія желѣзнодорожныхъ дѣятелей, что дѣлается въ акціонерныхъ обществахъ, въ земствѣ. Если о правительственныхъ учрежденіяхъ нѣтъ такихъ же свѣдѣній, то только потому, что объ этомъ не смѣютъ писать.

— Считаютъ нецензурнымъ обличеніе тѣхъ, кто подрываетъ своими мошенничествами авторитетъ правительства,— съ ироніей сказалъ князь.

— Все та же старая пѣсня вѣчныхъ недоразумѣній, Александръ Владимірович,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ и сталъ распространяться о всякихъ злобахъ дня.

Княжна слушала съ сосредоточеннымъ вниманіемъ разсказы о томъ, какъ плохо идутъ дѣла, и, наконецъ, тихо проговорила:

— И все это отзывается на народѣ.

— Да, да, и опять та же старая пѣсня, тотъ же припѣвъ: людей нѣтъ,—сказалъ князь.

— Теперь это вѣрно еще болѣе, чѣмъ прежде, потому что людей нужно гораздо больше, чѣмъ прежде,—замѣтилъ Орловъ.—Россіи правительство за послѣдніе годы дало

Digitized by Google

сильный толчокъ,—она сильно развила свою дѣятельность во всѣхъ отношеніяхъ,—а людей, подготовленныхъ къ этой дѣятельности, далеко не достаточно. Мы теперь какъ разъ переживаемъ переходную эпоху и, если можно такъ выразиться, стоимъ ниже существующихъ житейскихъ условій.

— Да, у насъ это всегда такъ было: съ одной стороны—великіе планы Петра, а съ другой—его исполнители, которыхъ нужно было бить дубинкою, чтобъ они дѣло дѣлали, какъ слѣдуетъ, какъ желаетъ царь,—сказалъ князь.

— Только теперь хуже уже потому, что всѣхъ не перебьешь одною дубинкой: жизнь сложнѣе стала,—замѣтилъ Орловъ.

— Гласность—вотъ дубинка, которою еще можно бы многое сдѣлать,—проговорилъ князь.

— Если-бъ она была,—замѣтилъ Орловъ.

Потомъ разговоръ перешелъ на разспросы Орлова о томъ, долго ли пробудетъ князь въ городѣ, какихъ докторовъ онъ хочетъ пригласить. Не касались только одного—вопроса о прошломъ, о семьѣ, о недавнихъ личныхъ событіяхъ. Орловъ угадывалъ, что князю было бы тяжело говорить о женѣ, объ утратѣ Андроновой, о причинѣ, побудившей княжну уѣхать съ нимъ изъ-за границы отъ матери. Мало-по-малу князь задремалъ, свѣсивъ голову на грудь.

— Пройдемъ въ другую комнату. Онъ позвонитъ, когда проснется. Теперь онъ часто такъ засыпаетъ днемъ,—тихо проговорила княжна.

Они вышли въ большую гостиную.

— Если бы ты зналъ, какъ я счастлива, что я здѣсь!—сказала княжна Орлову.—Тамъ, за границей, мнѣ все чужое; тамъ на каждомъ шагу я сознавала, что я—лишняя, ненужная. Здѣсь хоть что-нибудь, да буду дѣлать.

— Ты непремѣнно школу хочешь открыть?—спросилъ Орловъ.

— Я ни на что больше не способна,—просто отвѣтила княжна.—Это же дѣло полезное, хорошее.

— И не легкое,—замѣтилъ Орловъ.

— Не думаю,—сказала княжна.—Правда, бѣдной учительницѣ, работающей изъ-за куска хлѣба чуть не въ курной избѣ, трудно, а мнѣ... Я же могу хорошо обставить школу, я буду сыта, одѣта... Нѣтъ, мнѣ будетъ легко. Впрочемъ, я не боюсь, если-бъ и было трудно. Другого выбора нѣтъ: въ филантропію, какой у насъ занимались, я не вѣрю...

— Кстати,—сказалъ Орловъ:—ты совсѣмъ порвала съ матерью?

Digitized by Google

— Да.

Онъ вдругъ точно испугался случайно сорвавшагося съ его языка вопроса и не продолжалъ далѣе разговора на эту щекотливую для него тему; но княжна сказала:

— Я рада, что мы разстались. Я перестала ее уважать, а жить съ матерью и не питать къ ней уваженія—это невыносимо. Я уже далеко не дѣвочка, я уже чуть не старая дѣва, и мнѣ просто становилось тамъ неловко...

Орловъ молчалъ, задумчиво ходя съ княжной по комнатѣ.

— Ты, конечно, знаешь причину, зналъ все и прежде. Я же только недавно узнала все, все...—продолжала княжна.

Орловъ поблѣднѣлъ. Въ его головѣ вдругъ промелькнула мысль: «Неужели она знаетъ все и... обо мнѣ?»

— Бѣдный отецъ!—со вздохомъ продолжала она.—Я его полюбила теперь еще болѣе, когда мнѣ все стало ясно. Терпѣть и молчать столько лѣтъ, зная, что надъ нимъ, можетъ-быть, смѣются разные негодяи—это подвигъ, это жертва, принесенная ради дѣтей, ради насъ.

Орловъ чувствовалъ, что у него замираетъ сердце, точно онъ ожидаетъ, что вотъ-вотъ все раскроется, что онъ самъ проговорится, сознается ей, и она съ презрѣніемъ скажетъ ему: «А, такъ и ты былъ въ числѣ этихъ негодяевъ?»

— Жизнь калѣчитъ сотни тысячъ людей съ колыбели, она сгубила и твою мать,—тихо проговорилъ онъ, чтобы только не молчать.

— Я ея не обвиняю,—сказала княжна.—Я вообще не понимаю возможности обвинять людей,—я только считаю нужнымъ сторониться отъ тѣхъ, кого не могу любить и уважать...

Она сдвинула брови, и ея лицо сдѣлалось совсѣмъ строгимъ.

— Я вычеркиваю такихъ людей изъ своей жизни, изъ своей памяти,—проговорила она:—вотъ и все.

Въ ея голосѣ была какая-то холодность, сухость.

Ему вдругъ инстинктивно захотѣлось вступиться за княгиню, точно, отстаивая ее, онъ хотѣлъ отстоять отчасти и себя.

— Иногда надо прощать и примиряться,—сказалъ онъ.—Паденіе—тоже несчастіе.

— Да; но мнѣ кажется, что люди ужъ слишкомъ часто мирятся. Прощать—это я понимаю, потому что и не обвиняю никого; но мириться...—нѣтъ, я на это неспособна...

Потомъ она помолчала, смотря впередъ передъ собою прищуренными глазами, точно всматриваясь въ даль. На-

Digitized by Google

конецъ, она вздрогнула, слегка встряхнула головой, какъ бы отгоняя какія-то тяжелыя мысли, и совсѣмъ измѣнившимся, ласковымъ тономъ сказала:

— Но какъ, должно-быть, трудно тебѣ-то являться публичнымъ обвинителемъ несчастныхъ людей! Понимать, что они не виноваты, что они—загубленные обстоятельствами страдальцы и обвинять! Ты радъ бы, я думаю, освободиться отъ этой обязанности?..

— Я только къ тому и стремлюсь,—сказалъ Орловъ.

— Это ужасно—вѣчно идти не по тому пути, который нравится, вѣчно подчиняться чьей-то чужой волѣ. Ты думаешь, что тебѣ дѣйствительно еще нельзя пріѣхать въ Петербургъ?

Они заговорили о дѣлахъ, касавшихся Орлова. Она выслушивала его жалобы и надежды съ участіемъ сестры, разспрашивала подробно, какъ онъ живетъ, съ кѣмъ онъ близокъ.

— Я здѣсь совершенно одинокъ, и если бы не Благолѣповъ, я, кажется, съ ума сошелъ бы отъ тоски,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Да, ты мнѣ писалъ о немъ. Ты насъ познакомишь?

— Хорошо. Это добрый малый, большая, но едва ли не окончательно свихнувшаяся сила. Коптитъ тоже здѣсь небо, потому что всѣ пути отрѣзаны къ дѣятельности. Впрочемъ, у насъ вездѣ такъ: одинъ опускаетъ крылья въ неравной борьбѣ, другому связали крылья при первомъ ихъ взмахѣ, и всѣ только жалуются и брюжжатъ. Вотъ поживешь здѣсь, на родинѣ,—увидишь, какъ все безрадостно, и, можетъ-быть, пожалѣешь о прежней жизни. Здѣсь иногда, кажется, бросилъ бы все и бѣжалъ бы...

— Куда?—коротко спросила она.

Онъ не нашелся, что отвѣтить. Онъ никакъ не ожидалъ этого простого вопроса. Она, какъ бы въ раздумьи, какъ бы про себя сказала:

— Этого чувства я, вѣроятно, никогда не испытаю. Ты говоришь, что кругомъ все безрадостно,—какъ же можетъ явиться мысль о бѣгствѣ, куда бы то ни было?

— Я думаю, и всегда бѣгутъ отъ горя, а не отъ радости,—замѣтилъ онъ.

Но она, не отвѣчая на это замѣчаніе,—продолжала тѣмъ же тономъ:

— Вотъ тамъ, за границей, когда кругомъ пили пиры, пикники и катанья, мнѣ все хотѣлось бѣжать и бѣжать.

Digitized by Google

Но когда я увидала больного отца, мнѣ вдругъ сразу захотѣлось быть при немъ, и только при немъ, не покидая его ни на минуту. Тамъ я чувствовала себя ненужной, лишней, а тутъ... Боже мой, тутъ каждое движеніе, каждый взглядъ говорятъ мнѣ, что я нужна, что я вношу отраду въ чужую жизнь. Нѣтъ, жить съ тѣми, кто страдаетъ, и хоть чѣмъ-нибудь облегчать страданія—выше этого нѣтъ ничего на свѣтѣ, потому что только это пробуждаетъ сознаніе, что ты не лишній.

— Ты осталась все такою же, какой была въ дѣтствѣ: тебѣ надо вѣчно кого-нибудь утѣшать, кого-нибудь пригрѣвать, о комъ-нибудь заботиться.

Она улыбнулась.

— Ты знаешь, какъ меня за это называлъ дѣдушка?

— Лампадовъ?

— Да.

— Нѣтъ, не знаю.

— «Властолюбивой принцессой». «Непремѣнно, — говорилъ онъ:—хочетъ она, чтобы каждый-то щенокъ былъ именно ей обязанъ своимъ спасеніемъ». Милѣйшій ворчунъ!.. Ты знаешь, онъ вѣдь меня очень любилъ и, кажется, радовался именно тому, что я росла «властолюбивой принцессой». Но я понимаю, что онъ отчасти правъ: я люблю больше всего тѣхъ, кому я нужна... Можетъ-быть, если-бъ я была очень здоровымъ и крѣпкимъ человѣкомъ, выдающейся красавицей, или отличалась бы какими-нибудь особенными талантами, мое самолюбіе направилось бы въ другую сторону, какъ у сестры, вѣчно одерживающей побѣды надъ разными поклонниками,—ну, а теперь... теперь утѣшаюсь только тѣмъ, что я могу быть кому-нибудь нужна...

Она опять улыбнулась.

— Однако, я точно рекомендуюсь тебѣ,—сказала она:— и хочу сразу выложить передъ тобою всю душу. Впрочемъ, мы такъ давно не видались, и надо же знать, чѣмъ мы стали...

Въ его головѣ промелькнула мысль, что онъ-то, къ сожалѣнію, не можетъ передъ нею «выложить всю душу». А какъ бы ему хотѣлось это сдѣлать! Какъ бы ему хотѣлось разсказать ей все, все и выпросить у нея прощенье за мелкія ошибки во имя того добраго и честнаго, что еще уцѣлѣло въ немъ!.. Но можно ли сознаться именно передъ ней въ своихъ ошибкахъ, заблужденіяхъ и паденіяхъ? Ему вспомнились ея слова: «прощать—это я понимаю, потому

Digitized by Google

что и не обвиняю никого; но примиряться... нѣтъ, на это я неспособна». Да, она изъ тѣхъ, которыя примиряются только тогда, когда страсть заставляетъ ихъ забыть все. Ея же любовь къ нему—не страсть, а тихая привязанность сестры къ брату. Это онъ понялъ сразу. Чего бы онъ не далъ теперь, чтобы вызвать въ ней иное, болѣе сильное, болѣе горячее чувство! Тогда онъ все, все высказалъ бы ей, и она не только простила бы, но примирилась бы...

III.

Князю посовѣтовали пробыть нѣсколько дней въ городѣ. Княжна и Орловъ были очень рады этому обстоятельству. Они видѣлись каждый день и нерѣдко ходили вмѣстѣ на прогулку, пользуясь первыми теплыми весенними днями. Княжна уже не боялась оставлять отца, такъ какъ онъ былъ теперь не одинъ. Ольга Родіоновна не утерпѣла и пріѣхала въ городъ, чтобы поскорѣе увидать своихъ любимцевъ. Старушка отчасти заподозрила, что отъ нея скрываютъ опасность нездоровья князя, когда ей прислали телеграмму о томъ, что князь прибылъ въ городъ и останется тамъ на нѣкоторое время для отдыха и совѣтовъ съ докторами. Она была рада, что ея опасенія не оправдались, и что князь хотя и страдалъ довольно сильно, но все же находился не въ опасномъ положеніи. Тотчасъ же по пріѣздѣ она вступила въ роль домоправительницы и часто замѣняла княжну около больного. Орловъ очень былъ радъ возможности почаще бывать съ глазу на глазъ съ княжною.

Разъ, гуляя съ нею, Дмитрій Андреевичъ встрѣтилъ Благолѣпова. Тотъ поклонился Орлову и хотѣлъ поскорѣй ускользнуть. Онъ вообще дичился женщинъ, тутъ же сконфузился еще болѣе, сразу угадавъ, что Орловъ идетъ съ княжной.

— Постой, постой! Познакомить надо... Никаноръ Ивановичъ Благолѣповъ! Софья Александровна Русова!—сказалъ Орловъ, удерживая пріятеля.—Вы оба уже отчасти знакомы, такъ какъ слышали отъ меня другъ о другѣ.

— Слышать-то обо мнѣ нечего,—хмуро отвѣтилъ Благолѣповъ, сдвинувъ угрюмо брови.

Княжна дружески протянула руку.

— Я очень рада. Митя такъ много писалъ о васъ,—сказала она.

— Да чего обо мнѣ писать?..

Digitized by Google

— Что вы единственный добрый человѣкъ около него,— сказала она.

— Что-жъ, и на томъ спасибо, что хоть только за дурака считаетъ,—отвѣтилъ Благолѣповъ. — Добрые-то вѣдь всегда либо дураки, либо блаженные..

— Да ты ужъ не юродствуй,—проговорилъ шутливо Орловъ, потрепавъ его по плечу.—Софья Александровна не кусается.

— Это онъ, изволите ли видѣть, ободряетъ меня!—укоризненно сказалъ Благолѣповъ съ тяжелымъ вздохомъ.— Знаетъ, что мальчикъ-то застѣнчивъ,—ну, и ободряетъ его!

— Ахъ, я-то ужъ это знаю, какъ можно растеряться въ обществѣ,—весело замѣтила княжна.—Я на одной свадьбѣ шоколадъ на столъ пролила и батистовымъ платкомъ вытерла,—а спрятать-то платокъ и некуда... Очень ужъ я жалка была, должно-быть...

Благолѣповъ махнулъ рукой.

— Я въ грязныхъ калошахъ и въ шапкѣ въ залу проперъ къ одному генералу отъ самой этой застѣнчивости... Встрѣтилъ его въ передней; заговорилъ онъ, смутился я,— ну, такъ и поперъ за нимъ во всемъ облаченіи...

Княжна улыбнулась.

— Ну, поворачивай-ка и пойдемъ лучше съ нами, чѣмъ такъ-то стоять,—сказалъ Орловъ.

Благолѣповъ пожалъ плечами, точно хотѣлъ сказать: «да чего вы ко мнѣ пристали», но все же пошелъ съ Орловымъ и княжною.

— Онъ вѣдь все равно гранитъ мостовую и ничего не дѣлаетъ,—проговорилъ Орловъ, обращаясь къ княжнѣ.

— Извѣстно, паршивая овца,—сказалъ Благолѣповъ.

— Это вы сами о себѣ такого мнѣнія?—спросила княжна.

— Велѣли такимъ считаться,—ну, и считаюсь,—отрывисто отвѣтилъ Благолѣповъ.

— И не пробуете сдѣлаться чѣмъ-нибудь другимъ?— спросила она.

— Попробуешь тутъ, какъ состоишь подъ надзоромъ!

— Я все-таки попробовала бы.

— Ничего вы не понимаете въ этомъ, барышня!—отрывисто сказалъ Благолѣповъ.—Что-жъ, въ бѣга, что ли, пуститься?

— Отчего же и нѣтъ, если-бъ этимъ можно было спастись отъ бездѣйствія? Вѣдь такъ-то, должно-быть, ужъ очень тяжело и обидно жить ни для чего.

Digitized by Google

— Кто говоритъ, что сладко!

— Да; но вѣдь ты забываешь, что его найдутъ, если онъ и уйдетъ отсюда, и тогда будетъ еще хуже,—сказалъ Орловъ, обращаясь къ княжнѣ.

— А развѣ есть надежда, что его скоро выпустятъ изъ-подъ надзора?—спросила она.

— Какія тамъ надежды!—угрюмо отвѣтилъ Благолѣповъ, безнадежно махнувъ рукой.

— Такъ что же можетъ быть худшее?—спросила княжна, смотря съ выраженіемъ недоумѣнія на него и на Орлова.

Благолѣповъ тоже съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Орлова, какъ бы вызывая его на отвѣтъ, и усмѣхнулся.

— Вострая барышня...—съ наивнымъ простодушіемъ сказалъ онъ.—Сейчасъ сообразила, что худшаго ничего изъ этого не выйдетъ: изловятъ и водворятъ опять подъ надзоръ—вотъ и все. Развѣ только посѣвернѣе водворятъ.

— Ну, положимъ, что худшаго ничего и не выйдетъ, да бѣжать-то для чего? Чтобы бездѣйствовать въ другомъ мѣстѣ?—загорячился Орловъ.

— А развѣ, Митя, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ онъ не могъ бы быть сельскимъ учителемъ, волостнымъ писаремъ, мало ли чѣмъ?—сказала она въ видѣ вопроса.

— Ну, это вы, барышня, сплоховали, не сообразили!—замѣтилъ Благолѣповъ.—Нигдѣ меня, во-первыхъ, съ вѣтру не возьмутъ, а во-вторыхъ, вездѣ узнаютъ, что я подъ надзоромъ.

Княжна передернула плечами.

— Я не знаю законовъ и не знаю вашего положенія, но я все-таки стала бы пробовать, пытаться, достигла бы чего-нибудь. Вы вотъ такой здоровый, бодрый, сильный—и ничего не дѣлать—это ужасно, ужасно обидно!

— Что-жъ, прикажите фальшивый паспортъ, что ли, выправить, уголовщину сотворить, чтобы какимъ-нибудь волостнымъ писаремъ быть?—сказалъ Благолѣповъ съ ироніей.

— Если-бъ этимъ путемъ можно было освободиться отъ бездѣйствія, я бы пошла и на то! Да лучше поплатиться,—дорого поплатиться за это,—но только бы не сознавать, что пальца о палецъ не стукнешь для пользы ближнихъ. Вѣдь въ вашемъ положеніи до отчаянія дойти можно, до сумасшествія, до...

— До пьянства люди доходятъ этакъ-то, сложа руки сидя,—угрюмо вставилъ Благолѣповъ.

Digitized by Google

— А съ фальшивыми паспортами до Сибири,—закончилъ Орловъ.

— Ну, и что-жъ? Ну, и что-жъ?—горячо возразила княжна.—Съ чистою совѣстью въ Сибири, вѣроятно, гораздо легче жить, чѣмъ здѣсь съ вѣчными угрызеніями совѣсти, съ вѣчнымъ сознаніемъ, что ты—ненужный, лишній, тунеядецъ...

Она вдругъ смолкла и измѣнившимся голосомъ, совсѣмъ сконфузившись, прибавила:

— Извините, пожалуйста... Я это говорю вообще, а совсѣмъ не о васъ... Я вовсе не хотѣла...

— Да ничего, ничего, валяйте! — сказалъ добродушно Благолѣповъ.—И не такихъ комплиментовъ наслушались.

Княжна сконфуженно молчала. Ей было ужасно больно сознавать, что она оскорбила Благолѣпова.

— Вы не сердитесь?—проговорила она ласково, спустя минуту, и стараясь заглянуть въ его глаза.—Я, право, лично о васъ самаго, самаго хорошаго мнѣнія! Митя такъ хвалилъ всегда васъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы не сердились на меня...

Она протянула ему руку. Онъ неуклюже сжалъ ее и сильно потрясъ.

— Въ доказательство того, что вы не сердитесь, заходите вечеромъ къ намъ съ Митей,—сказала она.

— Да съ чего вы взяли, что я разсердился!—сказалъ Благолѣповъ.—Я и не такъ еще самъ себя ругаю.

— Такъ придете?

— Ну, вечеромъ-то сегодня...—началъ Благолѣповъ, неловко подыскивая предлогъ для отказа и почесывая за ухомъ.

— Что ты, какъ это можно! Онъ и тебя, и князя боится,—проговорилъ Орловъ.—Вы вѣдь аристократы!

— Убирайся ты! Никого я не боюсь, а только что же вамъ во мнѣ?—сказалъ Благолѣповъ.—Такъ развѣ отъ скуки побаловаться...

Княжну точно что-то больно кольнуло при послѣднихъ словахъ Благолѣпова. Она вдругъ словно сжалась, словно ушла въ какую-то раковину.

— Ну, какъ хотите,—коротко проговорила.

Они дошли до гостиницы «Европа», и княжна наскоро простилась съ Орловымъ и Благолѣповымъ.

Оба товарища медленно пошли въ обратный путь. Благолѣповъ хмурился и не отвѣчалъ на вопросы Орлова. Наконецъ, онъ плюнулъ и отрывисто проговорилъ.

Digitized by Google

— Свинья, такъ свинья и есть!

— Ты это кого?—спросилъ Орловъ.

— Кого же, какъ не себя,— отвѣтилъ Благолѣповъ.— Мнѣ человѣкъ руку протягиваетъ, а я свое свиное рыло въ сторону ворочу.

Орловъ громко разсмѣялся.

— Какъ ты думаешь,—спросилъ Благолѣповъ, спустя минуту:—теперь-то ловко будетъ, если я явлюсь вечеромъ?

— Да вѣдь она же звала,— отвѣтилъ Орловъ.

— А ты оглохъ, что ли, что не слыхалъ, какъ я отрѣзалъ?—сказалъ Благолѣповъ.

— Ну, теперь отказался, а вечеромъ нашелъ возможность придти—вотъ и все. Да ты чего это, не думаешь ли съ нею церемониться? Не начни сдуру ей говорить: «ваше сіятельство». Она, братъ, простой, сердечный человѣкъ.

— Ну да, всѣ глупѣе тебя, ничего сами не раскусятъ, если ты не разжуешь, да въ ротъ не положишь,—проговорилъ Благолѣповъ.

Вечеромъ Орловъ едва удержался отъ смѣха, когда за нимъ зашелъ Благолѣповъ, чтобы идти къ Русовымъ. Благолѣповъ былъ дѣйствительно смѣшонъ: на немъ былъ синій галстукъ съ бѣлыми горошинами, завязанный въ два банта; его большая, довольно красивая голова подпиралась невообразимо туго накрахмаленнымъ высокимъ воротничкомъ, вѣроятно, взятымъ у кого-нибудь на время, такъ какъ онъ былъ, повидимому, слишкомъ тѣсенъ для Благолѣпова; его волосы, всегда стоявшіе какой-то разметанной вѣтромъ копной, были густо напомажены очень пахучей помадой и тщательно приглажены. Онъ напоминалъ теперь не то мелкаго лакеишку, не то мѣщанина сидѣльца въ праздничномъ туалетѣ. Онъ старался смотрѣть чинно и серьезно, точно приготовлялся къ какому-то торжеству. Но чинность и серьезность смѣнялись все сильнѣе и сильнѣе тревогой, по мѣрѣ приближенія друзей къ гостиницѣ. Благолѣповъ былъ точно на иголкахъ и даже отеръ съ лица потъ.

— Что это, ты и платокъ надушилъ,— шутливо спросилъ Орловъ.

— Вотъ выдумалъ,—отрывисто отвѣтилъ Благолѣповъ.— Просто одеколонцемъ его намазалъ....

Почти у подъѣзда гостиницы онъ сквозь зубы проворчалъ.

— Вернуться, что ли?

— Чего ты?— спросилъ Орловъ.

Digitized by Google

— Да вотъ князь тамъ этотъ, старый хрѣнъ... Еще кого-нибудь встрѣтишь...

— Да, да, смотри, носъ откусятъ!

— Тебѣ хорошо зубы-то скалить, коли ты привыкъ передъ публикой у себя въ судѣ прохвостничать, а я...

— А ты не ругайся и иди, если пошелъ,—сказалъ Орловъ.

Они вошли въ гостиницу и прошли къ Русовымъ. Не прошло и получаса, какъ князь уже добродушно улыбался, слушая грубовато-шутливыя выходки и своеобразную рѣчь «молодого дикаря», какъ онъ называлъ потомъ Благолѣпова. Никаноръ Ивановичъ, уже нисколько не стѣсняясь, развязно разсказывалъ о себѣ, о своихъ похожденіяхъ, придавая самымъ горестнымъ воспоминаніямъ изъ своего прошлаго комическій оттѣнокъ. Вопросъ коснулся того, какъ и почему попался Благолѣповъ подъ арестъ и потомъ подъ полицейскій надзоръ, какъ неблагонадежный человѣкъ.

— Извѣстно, какъ. Это какъ дорвались мы до вопросовъ, ну, и стали орать. Орали, орали, насъ и сцапали, голубчиковъ. Вотъ и все!—пояснилъ Благолѣповъ.

— Я васъ немного не понимаю,—замѣтилъ съ улыбкой князь.—Вы говорите: «дорвались до вопросовъ». Что вы хотите этимъ сказать.

— Да, вотъ-съ, я замъ эту эпопею, ваше сіятельство, разскажу по порядку,—сказалъ Благолѣповъ.—Вы видите, я обломъ. А какъ же мнѣ не быть обломомъ, если объ меня всѣ ухваты въ дѣтствѣ обломалъ дядя, уча меня уму-разуму. Попивалъ человѣкъ съ горя,—ну, ему и нужно было на комъ-нибудь душу отвести. Бывало, колотитъ, колотитъ, даже притомится. А тетка-старушка плачетъ: «Варваръ, разбойникъ, измучилъ дядю родного, жалости-то въ тебѣ къ старику нѣтъ, душегубецъ!..» Извѣстно, жаль тоже ей было старика. Ну, такъ и росъ я обломомъ. Потомъ въ семинаріи одни драли, а другіе водку учили пить. При такомъ-то воспитаніи, ваше сіятельство, конечно, не только манерамъ какимъ-нибудь свѣтскимъ не научишься, но и о жизни-то дѣйствительной понятія какія-то несуразныя составишь, точно на лунѣ чуть не десять лѣтъ прокилъ. Потомъ пришлось мнѣ, воспылавшему скоропостижнымъ рвеніемъ къ наукѣ, чуть не Христовымъ именемъ побираясь, пѣшкомъ съ обозами проперетъ до Питера и тутъ ужъ коммуна началась. Сошлось насъ такихъ-то гояковъ да обломовъ, какъ я, головъ семь, и помѣстились

Digitized by Google

мы всѣ въ одной комнатѣ въ Гавани. Двѣ выходныя пары платья у всѣхъ-то семерыхъ были; бывало, кто раздобудетъ деньги, на того счетъ и живемъ, пока опять кто-нибудь другой не достанетъ деньжищъ малую толику. Совсѣмъ коммунисты были: ничего своего, все—общее. Пристроились мы въ университетъ и стали работишки частной искать; съ одной стороны съ профессорами и студентами сошлись, а съ другой—съ практической общественной жизнью столкнулись носъ къ носу. Тутъ-то и начались у насъ, князь, вопросы: и на лекціяхъ профессора ихъ поднимаютъ, и студенты ихъ треплютъ, вкривь и вкось ихъ разрѣшая, и сама жизнь ихъ подсказываетъ, потому что тутъ тебя на урокахъ да на перепискѣ обочтутъ, тамъ передъ тобой какая-нибудь юница на притѣсненія родительскія плачется, въ третьемъ мѣстѣ на скандалъ какой-нибудь семейный напрешься. Ну, какъ дорвались мы, съ луны-то на землю упавшіе люди, до этихъ вопросовъ и пошли галдить, да орать. Это ужъ, батенька, всегда такъ: припустите голоднаго къ ѣдѣ, сейчасъ облопается. Это вѣрно. Ну, такъ-то вотъ и мы тогда этими вопросами облопались. Я, если бы мнѣ тогда волю дали, все государство въ одинъ мигъ перестроилъ бы: и женщинамъ права далъ бы, и закрытыя заведенія уничтожилъ бы, и латынь разную вывелъ бы, и коммуны устроилъ бы. Все ужъ такъ-то ясно я вдругъ понялъ, точно до меня люди никогда ни о чемъ и не думали, а я посмотрѣлъ на все своими ясными очами—да все сразу и сообразилъ. Тутъ-то я и сталъ горло драть... Ну, и остановили: «кто ты такой? Почему орать смѣешь? Развѣ это по твоему званію полагается?»... Оно вѣдь и точно, не въ такихъ я чинахъ былъ, чтобъ орать.

— Ну, а если бы не остановили?—спросилъ князь.

— Титулярнымъ, а то надворнымъ совѣтникомъ былъ бы теперь,—благодушно отвѣтилъ Благолѣповъ.

Княжна со вздохомъ замѣтила:

— Много же вы перенесли въ жизни!

— Много-то много, милая барышня, да жаль, что глупо какъ-то переносить все заставляли,—обратился къ ней Благолѣповъ.—За что надо было бить, за то не били. Чему надо было учить, тому не учили. Чему научили, то пришлось забывать, да переучивать. Да вотъ и теперь: считаютъ человѣка опаснымъ, а велятъ сидѣть сложа руки,—ну, человѣку-то и лѣзутъ всякія грѣховныя мысли въ голову. Такъ-то я, можетъ-быть, смиреннымъ учителемъ

Digitized by Google

физики или химіи сдѣлался бы, а теперь вотъ все злоумышляю отъ нечего дѣлать. Да это и во всемъ такъ: вонъ хоть, напримѣръ, засадятъ для исправленія мальчугана-воришку между опытными ворами въ тюрьму,—ну, глядишь, изъ него и выработается крупный артистъ по мошеннической части.

Разговоръ перешелъ на тему о разныхъ житейскихъ противорѣчіяхъ, о такихъ несообразностяхъ, какъ введеніе въ Россіи классицизма, когда страна нуждается въ развитіи промышленности, сельскаго хозяйства, желѣзныхъ дорогъ, горнаго дѣла,—однимъ словомъ, во всемъ такомъ, что можетъ процвѣтать только при помощи естествознанія и чего не двинутъ впередъ никакіе классическіе языки.

— Народъ бѣдствуетъ, государство въ долгу, все въ застоѣ, правительству люди нужны, а мы и ухомъ не ведемъ, учимъ себѣ дѣтей латыни, точно въ ней-то и спасеніе Россіи,—уже совсѣмъ серьезно говорилъ Благолѣповъ.—Что-жъ мудренаго, что на насъ нѣмецъ насѣлъ, да жидъ изъ насъ соки высасываетъ. Мы вѣдь точно младенцы безпомощные. Куда ни обернешься, вездѣ все другіе выдумываютъ, вездѣ все другіе устраиваютъ, да всѣмъ руководятъ. Вы посмотрите, кто управляетъ большими сельскими хозяйствами баръ—нѣмецъ, кто ворочаетъ фабричнымъ и заводскимъ дѣломъ—нѣмецъ; да однихъ врачей станешь считать такъ на двухъ Ивановыхъ, да Михайловыхъ десять Бауеровъ, да Кениговъ насчитаешь. Ну, а намъ и горя мало, зубримъ себѣ латынь, чтобъ отъ вольнаго духа, да безбожія спастись. Ей-Богу, иногда кажется, что какіе-то враги отечества подсказываютъ намъ, что дѣлать, чтобъ окончательно погубить родину.

— Не мудрено, что васъ выслали, если вы всегда такъ выражались,—вставилъ замѣчаніе князь.

— Ну-у! Вѣдь это же всѣ теперь говорятъ, всѣ ругаютъ эту классическую систему,—проговорилъ Благолѣповъ, удивленный замѣчаніемъ князя.

— Да дѣло не въ томъ, а въ тонѣ,—сказалъ князь.— Можно многое порицать, да умѣть это дѣлать.

— Ну, ужъ этого отъ него, Александръ Владиміровичъ, не требуйте,—шутливо замѣтилъ Орловъ. — Порицать и критиковать онъ не умѣетъ, а ругаться—на это онъ мастеръ.

— Что-жъ, извѣстно насъ приличіямъ, да манерамъ въ семинаріи не учили,—сказалъ Благолѣповъ.—Вонъ мужики

Digitized by Google

еще хуже ругаются, такъ за это нельзя же ихъ считать злоумышленниками...

— Кто говоритъ,—сказалъ шутливо князь:—у каждаго свой façon de parler.

— Именно, ваше сіятельство, такъ! Вотъ вѣрное слово сказали. У каждаго свой фасонъ. Всѣхъ на одну колодку не передѣлаешь,—согласился Благолѣповъ.

Часовъ въ десять князь, по обыкновенію, задремалъ. Молодые люди перешли въ другую комнату и проболтали тамъ еще съ часъ. Благолѣповъ самъ себѣ удивлялся, какъ онъ развернулся, и былъ очень доволенъ собою. Разсказывая княжнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ, Благолѣповъ мелькомъ, съ обычной шутливостью, замѣтилъ:

— Иногда просто тошно становится; только и отрады, что махнешь на все рукой, да и запьешь.

Княжна горячо замѣтила.

— Какъ это вы можете шутить такими вещами! Что можетъ быть отвратительнѣе пьянства.

— Вѣрно, боитесь, милая барышня, пьяныхъ?—пошутилъ Благолѣповъ.

— Вовсе не боюсь! Но что же можетъ быть хуже пьянства? Это добровольное помѣшательство. Пьяному нельзя ни въ чемъ довѣриться, за пьянаго никогда нельзя поручиться. Я просто не понимаю, какъ можетъ большинство мужчинъ, даже неглупыхъ и честныхъ, такъ хладнокровно относиться къ этому.

— Это потому, что всѣ у насъ пьютъ,—сказалъ Благолѣповъ.

— Хорошо оправданіе!.. У насъ и взятки почти всѣ берутъ, значитъ надо и на взяточничество хладнокровно смотрѣть.

— Ишь какая вы строгая!—пошутилъ Благолѣповъ.

— Да полноте балаганить! — раздражительно сказала княжна.—Есть вещи, которыми не шутятъ! Неужели вы ко всему такъ легко относитесь? Въ такомъ случаѣ, за что же вы ругаете тѣхъ, кто стоитъ выше васъ въ общественномъ положеніи?.. За то только, что они больше васъ могутъ пропивать, да безобразничать?

— Да я, можетъ-быть, за это ихъ вовсе и не ругаю.

— Такъ за что же?.. За то, что они плохо свои обязанности исполняютъ. Такъ вы и вовсе ничего не дѣлайте.

Руки связаны...

— А вы развязать-то ихъ пробовали?

Digitized by Google

— Можетъ-быть, и пробовалъ, — сказалъ Благолѣповъ неохотно.

Княжна прямо взглянула ему въ глаза и покачала головой.

— Не къ лицу вамъ ложь, Никаноръ Ивановичъ,—сказала она грустнымъ тономъ.

Благолѣповъ вдругъ разсердился, на что, какъ всегда казалось Орлову, онъ былъ вовсе неспособенъ.

— Ну, не пробовалъ, не пробовалъ!—сказалъ онъ грубо.—Да вамъ-то что?.. Ну, да, пью я, и баклушничаю, и даромъ землю копчу, и не пробую развязать руки,—а вамъ-то что?

Княжна серьезно и пристально смотрѣла на него.

— Мнѣ что? Мнѣ вовсе нѣтъ до этого дѣла, если это дѣйствительно такъ,—отвѣтила она спокойно.—Мало ли людей ведетъ такую жизнь, всѣ почти такъ живутъ, иные еще и воруютъ, и взятки берутъ, и народъ обираютъ...

Она говорила такъ холодно и равнодушно, что Благолѣповъ вспылилъ еще болѣе.

— Что же, это вы хотите сказать, что, молъ, если ты такой же подлецъ, какъ и всѣ, такъ съ тобой и говорить нечего?...

— Напрасно вы сердитесь,—сказала княжна.—Вы сказали, что мнѣ нѣтъ дѣла до того, какъ вы живете, и я соглашаюсь съ этимъ—вотъ и все.

— А въ душѣ подлецомъ называете...

— Да вамъ-то до этого какое дѣло?—съ улыбкой спросила княжна.

Благолѣповъ вытащилъ изъ кармана платокъ и отеръ себѣ лобъ.

— Въ потъ вогнали!—сказалъ онъ уже своимъ обычнымъ тономъ.—Ну, полноте ругаться и помиритесь!

— Да мы еще не ссорились, Никаноръ Ивановичъ,—съ улыбкой отвѣтила она.—Вотъ поближе познакомимся, тогда будемъ и серьезно ссориться.

— Ты, братъ, съ ней держи ухо востро: она—строгая, ничего не прощаетъ,—проговорилъ Орловъ.

— Ну да, легко вамъ строгой-то быть, когда безгрѣшной выросли, потому что въ кружевныхъ пеленкахъ, сытою, обутою, да одѣтою росли,—сказалъ Благолѣповъ княжнѣ. Экое диво, что человѣкъ воромъ не сдѣлался, когда своихъ деньжищъ не знаетъ куда дѣвать.

— А развѣ только изъ богачей и выходятъ хорошіе люди?—спросила княжна.

— Что выдумали!

Digitized by Google

— Да вы же сами сказали, что я выросла безгрѣшной потому, что росла среди довольства.

— А любите же вы, барышня, ловушки разставлять.

Она перемѣнила тонъ и серьезно замѣтила:

— Нѣтъ, Никаноръ Ивановичъ, долго будетъ, если станемъ добираться, почему одинъ хорошимъ выросъ, а другой дурнымъ, да это ни къ чему и не ведетъ. Ужъ лучше, не вникая въ причины, просто смотрѣть, хорошій или дурной человѣкъ стоитъ передъ нами, и съ хорошимъ сходиться, а отъ дурного отходить въ сторону, ограждать себя и другихъ отъ него.

— Паршивая, молъ, овца, такъ и пусть ее безъ призору гибнетъ...

— А было бы лучше, если-бъ оставлять гибнуть здоровыхъ овецъ, а паршивыхъ спасать?

— Да здоровыя-то и безъ насъ не погибнутъ...

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы о народѣ-то, о его благѣ, о работѣ на пользу его толкуете? Или народъ въ вашихъ глазахъ—паршивая, а не здоровая овца?

— Да, да, суровая моралистка, — проговорилъ Орловъ, вмѣшиваясь въ разговоръ: — а попадись тебѣ навстрѣчу какая-нибудь умирающая отъ нищеты дѣвушка, и ты начнешь няньчиться съ нею, хотя бы это было совершенно падшее созданіе.

— Ахъ, чувство жалости! Да развѣ отъ него можно отдѣлаться?—сказала княжна. — Но я никогда не задумалась бы въ выборѣ, кому помочь: десятку падшихъ нравственно или десятку честныхъ людей, если бы нужно было сдѣлать этотъ выборъ. А во имя жалости... я вотъ разъ какого-то совсѣмъ облѣзлаго щенка цѣлый мѣсяцъ лѣчила...

Благолѣповъ вдругъ разразился добродушнымъ смѣхомъ.

— Да вотъ и теперь желаете опять исцѣлить облѣзлаго щенка...

— Теперь?

— Ну да, не даромъ же мнѣ наставленія читали.

Княжна покачала головой.

— Да васъ точно надо бы вылѣчить... отъ всего напускного,—серьезно сказала она.

Благолѣповъ ушелъ отъ Русовыхъ въ сильно возбужденномъ и веселомъ настроеніи.

— Совсѣмъ точно свой товарищъ, — говорилъ онъ про княжну дорогою. — Бабы совсѣмъ въ ней не чувствуешь. Счастливецъ ты, право, Митька!

Digitized by Google

— Счастливецъ?.. Почему? — съ удивленіемъ спросилъ Орловъ.

— Да вотъ поженитесь...

Орловъ даже слегка покраснѣлъ.

— Что ты выдумалъ!

— Что выдумалъ! Извѣстно, женишься. Вѣдь, поди, влюбленъ въ нее?

Орловъ молчалъ. До этой минуты ему и въ голову не приходило, что онъ давно любитъ княжну гораздо болѣе, чѣмъ сестру. Онъ теперь ходилъ къ ней каждый день, онъ думалъ о ней всѣ эти дни, онъ забывалъ съ нею все, что было невеселаго въ его жизни; но онъ ни разу не задалъ себѣ прямого вопроса, почему она ему такъ дорога, къ чему ведетъ это сближеніе. Теперь вдругъ въ его головѣ мелькнула мысль: «Да, я могъ бы отдать ей всю жизнь». И тотчасъ же онъ точно чего-то испугался. А связь съ княгиней? Что сказала бы княжна, если-бъ она узнала это? Да каково было бы и ему сознавать, что онъ жилъ съ матерью и потомъ женился на дочери? Какъ взглянулъ бы онъ въ глаза женѣ, когда пріѣхала бы ея мать? Еще будь княжна инымъ человѣкомъ, это было бы позволительно, а съ нею... Нѣтъ, нѣтъ, она слишкомъ чистое созданіе.

— Чего языкъ-то прикусилъ? — сказалъ Благолѣповъ, хлопнувъ его по плечу.—Сердчишко-то, чай, заговорило...

Дмитрій Андреевичъ очнулся.

— Нѣтъ, братъ, не такого ей мужа нужно, — грустно отвѣтилъ онъ и махнулъ рукой.

— Да что ты?—спросилъ заботливо Благолѣповъ.—Чѣмъ ты ей не мужъ? Годы подходящіе, красивъ еще, на дорогѣ стоишь, любитъ она тебя...

— Любитъ, потому что не знаетъ...

— Тебя-то?

— Не спрашивай, все равно ничего не узнаешь, — сказалъ отрывисто Орловъ.—Скажу тебѣ только одно, что никогда не бывать мнѣ ея мужемъ... Гдѣ намъ!

И въ то же время въ его головѣ мелькнула мысль: «А чего бы я ни сдѣлалъ, какой жертвы ни принесъ бы, чтобы быть ея мужемъ!»

Онъ вернулся домой въ тяжеломъ настроеніи, съ опущенной головой. Образъ княжны теперь вставалъ въ его воображеніи съ такой поразительной отчетливостью. Какъ она хороша въ своей дѣвической чистотѣ, со своею кроткою любовью, со своимъ спокойнымъ и серьезнымъ взглядомъ

Digitized by Google

на жизнь! Онъ вспомнилъ, какъ когда-то она нѣжно обратилась къ нему на могилѣ его матери, какъ она встрѣтила его съ открытыми объятіями здѣсь въ городѣ, какъ она ухаживаетъ за отцомъ, какъ она обращается съ Ольгой Родіоновной. Сколько женственности, сколько искренности во всемъ этомъ! Такая жена можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ своею любовью. Кромѣ того у нея честные взгляды, желаніе добра ближнимъ; съ такою женой можно быть нравственнымъ и полезнымъ обществу человѣкомъ,— она можетъ будить, подталкивать къ дѣятельности. Ему представилась картина тихой семейной жизни въ деревенской глуши съ княжною, съ княземъ, среди дѣтей; онъ сталъ бы заниматься хозяйствомъ, служить въ земствѣ; она наблюдала бы за школой; они ввели много бы полезнаго въ своихъ имѣніяхъ, они были бы счастливы лично и приносили бы посильную пользу обществу. И вдругъ какъ-нибудь случайно, внезапно, она узнала бы все... Онъ сознавалъ, съ какимъ отвращеніемъ она взглянула бы на него. Да развѣ и могъ бы онъ лгать ей всю жизнь, скрывать передъ нею вѣчно тайну? Она—воплощенная искренность, съ ней и стыдно, и больно лицемѣрить. Если-бъ отыскать въ ней хоть какую-нибудь слабость, какой-нибудь недостатокъ, ему было бы легче, а то... Охъ, ужъ эти люди не отъ міра сего! Жутко становится съ ними простому смертному. Нѣтъ, нѣтъ, бракъ съ нею невозможенъ! А если бы?..

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней Орловъ зашелъ по обыкновенію къ Русовымъ и не засталъ дома княжны, уѣхавшей къ доктору. Заглянувъ къ князю, Орловъ увидалъ, что старикъ спитъ, и прошелъ въ гостиной въ открытую дверь на балконъ. Тамъ сидѣла Ольга Родіоновна и по обыкновенію вязала одинъ изъ тысячи связанныхъ ею шарфовъ. Онъ поздоровался съ нею и присѣлъ тутъ же. Узнавъ отъ старушки, что княжна уѣхала къ доктору разспросить о положеніи князя, онъ замѣтилъ, закуривая папиросу:

— Сказала бы мнѣ, а то ей не такъ ловко.

— Что-жъ, не дѣвочка пятнадцатилѣтняя она,—сказала Ольга Родіоновна.—Ей же за отцомъ придется въ деревнѣ ходить, такъ надо все знать, какъ и что дѣлать. Тутъ доктора-то не нашему деревенскому чета. Нашъ еще ошибокъ какихъ-нибудь надѣлаетъ.

Орловъ слушалъ разсѣянно, и въ головѣ его повторялась только одна фраза, что княжна уже не пятнадцатилѣтняя дѣвочка.

Digitized by Google

— Да, да, совсѣмъ невѣста,—сказалъ онъ безсознательно, точно думая вслухъ.

— Ну, Соничка-то, вѣроятно, и не выйдетъ замужъ,—сказала старушка.—У насъ въ родѣ дѣвушки-то почти всѣ такъ и оставались незамужницами. Да и не радость тоже замужество-то. Сама хороша—мужъ негодяй, сама негодяйка—мужа, смотришь, хорошаго загубитъ. Какъ въ лотереѣ, въ бракѣ-то: тысяча проигрышей, а выигрышъ одинъ...

— Ну, такъ разсуждать, Ольга Родіоновна, такъ и никому нельзя ни жениться, ни выходить замужъ,—сказалъ Орловъ.

— Отъ судьбы не уйдешь, а тоже такъ-то, зря, броситься на шею первому встрѣчному тоже не радость. Кому нужно, тѣ и выходи; кто и такъ можетъ прожить, лучше не рискуй. Вонъ у пея и женихи были, да, слава Богу, не пошла.

Ольга Родіоновна опустила на колѣни вязанье и повернулась лицомъ къ Орлову.

— Помнишь графа Николая Аркадьевича Грузина?—спросила она.

Орловъ утвердительно кивнулъ головой.

— Тоже имѣлъ наглость предложить руку. Какъ жилъ-то, я думаю, знаешь? Кутилъ, кутилъ, истрепался весь, такъ и вздумалъ жениться. Я даже испугалась, когда онъ сдѣлалъ предложеніе Соничкѣ. Хорошо, что сама она не любила его и отказала, а то не хотѣлось мнѣ, а пришлось бы разсказать...

— А что?—спросилъ Орловъ, немного смущаясь.

Онъ зналъ, что графъ Грузинъ былъ однимъ изъ его предшественниковъ у княгини.

— Такъ, хорошій ужъ очень человѣкъ!—сухо сказала старушка, принимаясь снова за вязанье.—Стыда и совѣсти нынче у людей нѣтъ. Святого ничего нѣтъ. Имъ все ни по чемъ. Сватаются за молодую дѣвушку, а на себя, назадъ-то, не оглянутся, съ какими глазами передъ Божьимъ алтаремъ предстанутъ. Безбожники!..

— Княжна принадлежитъ къ такому кругу, гдѣ вся молодежь кутитъ,—проговорилъ нерѣшительно Орловъ.—На это, Ольга Родіоновна, не приходится обращать вниманія, или, лучше сказать, не приходится смотрѣть слишкомъ строго, лишь бы можно было надѣяться, что въ будущемъ человѣкъ остепенится, исправится.

— Кутежъ кутежу рознь, — сказала Ольга Родіоновна сухо.—А иной негодяй сватается за дѣвушку, когда и въ глаза-то ей, кажется, должно бы было стыдно смотрѣть.

Digitized by Google

«Знаешь ты обо мнѣ что-нибудь или нѣтъ?»—вертѣлось въ головѣ у Орлова, всматривавшагося въ лицо старухи. Ему было не по себѣ отъ ея суроваго и рѣзкаго тона, точно она намекала ему на его собственное положеніе. «Если знаетъ, все разскажетъ Сонѣ при первой моей попыткѣ жениться»,—продолжало мелькать въ его головѣ. Онъ еще пристальнѣе всматривался въ это строгое и серьезное лицо, точно стараясь прочитать въ ея душѣ. Но это было вовсе не такъ легко, какъ казалось,—Ольга Родіоновна была опытнымъ дипломатомъ, выросшимъ въ строгой школѣ стараго барскаго дома и умѣвшимъ скрывать свои антипатіи и симпатіи. Она ни разу, ни однимъ намекомъ, напримѣръ, не подала Орлову повода думать, что она смотритъ на него сверху внизъ, какъ на пригрѣтаго князьями изъ прихоти голяка, хотя въ душѣ она именно такъ смотрѣла на него. Орловъ никогда не слыхалъ отъ нея дурного слова, не подмѣтилъ ни одного недоброжелательнаго взгляда, но теперь въ его головѣ почему-то настойчиво мелькала мысль:—«Меня-то ужъ ты не пощадишь!» Онъ точно вдругъ понялъ эту старуху. Ему вдругъ показалось, что она навѣрное знаетъ про него все и презираетъ его.

Въ эту минуту вернулась княжна. Она заглянула въ комнату отца и тоже пришла на балконъ. Поздоровавшись съ Орловымъ и перекинувшись нѣсколькими словами съ Ольгой Родіоновной, она присѣла на стулъ. Ольга Родіоновна вышла, и молодые люди остались вдвоемъ.

— А мнѣ Ольга Родіоновна разсказала, что за тебя графъ Грузинъ сватался,—сказалъ Орловъ.—Ты мнѣ этого не говорила.

— Да что же объ этомъ было и говорить? Мало ли кто сватался! Я же довольно выгодная невѣста,—разсѣянно отвѣтила княжна, вынимая изъ бумаги купленныя ею по дорогѣ книги.

— Ну, не всѣ же ради выгоды могли предлагать тебѣ руку.

— Можетъ-быть... Я, Митя, по правдѣ сказать, вовсе и не задумываюсь надъ этимъ вопросомъ,—отвѣтила она равнодушно, поднимая на него свои глаза. — Я ихъ не любила, что же мнѣ было думать, почему и за что они любятъ меня? Изъ этого все равно ничего не вышло бы...

— Но вѣдь не думаешь же ты весь вѣкъ остаться въ дѣвушкахъ?—настойчиво допрашивалъ онъ.

— Объ этомъ, Митя, нечего впередъ думать и загады-

Digitized by Google

вать. Что будетъ, то и будетъ. Я знаю только, что безъ любви я не выйду замужъ...

— И ты никого не любила?

Она точно вдругъ испугалась этого разговора, точно чутьемъ угадала, до чего онъ можетъ довести, и торопливо отвѣтила:

— Нѣтъ, нѣтъ, не любила, не люблю... Мнѣ только всегда дѣлалось тяжело и грустно, когда мнѣ предлагали руку... Зачѣмъ они дѣлали это и шли на непріятный и для меня, и для нихъ отказъ?.. Когда любовь взаимна, все дѣлается само собою, безъ объясненій, безъ предложеній, угадывается чутьемъ... Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется.

Она сразу круто оборвала и перемѣнила разговоръ, и Орлову показалось, что она старалась быть съ нимъ какъ можно ласковѣе, какъ можно нѣжнѣе, точно ей хотѣлось изгладить въ немъ какое-то непріятное впечатлѣніе. Орловъ опечалился; онъ смутно сознавалъ, что она угадала его мысли, его намѣреніе и отклонила даже возможность объясненія съ его стороны. Какое-то горькое чувство пробудилось въ душѣ Дмитрія Андреевича: онъ досадовалъ даже на себя за то, что онъ началъ этотъ разговоръ. «Страстный вздыхатель рекогносцировки вздумалъ дѣлать!»—съ ироніей думалъ онъ, и его лицо искажалось недоброй, насмѣшливой улыбкой. Княжна, между тѣмъ, стала говорить о скоромъ отъѣздѣ, о своихъ планахъ, о школѣ. Во время этой бесѣды на балконъ снова вернулась Ольга Родіоновна.

— А мы вотъ бесѣдуемъ о вашей будущей деревенской жизни,—сказалъ ей Орловъ.—Завидую я вамъ. Хорошо у васъ тамъ, тихо. Вотъ Соня заведетъ школу. Ужъ не просить ли мнѣ князя взять меня въ управители,—шутливо добавилъ онъ.

— Ну, тебѣ еще въ люди надо прежде выйти, чиновъ нахватать,—сказала Ольга Родіоновна.

— А безъ чиновъ-то развѣ нельзя, Ольга Родіоновна?

— Ну да, не будешь же такъ весь вѣкъ разночинцемъ болтаться,—отвѣтила старушка.

— Да развѣ я разночинецъ? Я ужъ и теперь тоже не кто-нибудь, а товарищъ прокурора...

— Великая тоже птица!

Орлова точно раздразнило это пренебреженіе.

— Великая не великая, а съ меня этого довольно,—сказалъ онъ.

— Не возрадовался бы тоже, батюшка, если бы такъ и

Digitized by Google

пришлось всю жизнь отставшимъ товарищемъ прокурора остаться.

— Такъ вы думаете, что я за чинами гонюсь?

— Каждый гонится за тѣмъ, чего у него нѣтъ.

«Такъ вотъ ты какъ на меня смотришь»,—подумалъ Дмитрій Андреевичъ и почти съ ненавистью взглянулъ на Ольгу Родіоновну. Между нимъ и ею вдругъ точно пропасть легла. Ему опять пришла въ голову мысль о томъ, что онато его не пощадитъ, если онъ присватается за княжну. Но знаетъ ли она что-нибудь? Да развѣ она можетъ не знать чего-нибудь, что дѣлалось въ домѣ князей Русовыхъ? Это—Церберъ, это—Аргусъ, это—всевидящее око князей Русовыхъ. А, можетъ-быть, она просмотрѣла его отношенія къ княгинѣ?.. Впрочемъ, что ему за дѣло до того, знаетъ ли она что-нибудь или нѣтъ? Его дѣло и такъ проиграно, по крайней мѣрѣ, покуда. А въ будущемъ?.. Развѣ можно ручаться за будущее?

IV.

— Что, братъ, прошли праздники, насталъ опять великій постъ?—говорилъ Благолѣповъ, входя къ Орлову.—Уѣхала наша барышня и оставила насъ однихъ, сиротъ горемычныхъ. Даже я, ужъ на что обломъ безчувственный, такъ привыкъ къ ней, что теперь точно чего-то недостаетъ. А вѣдь, кажется, что въ ней такого особеннаго? Ровно ничего. Распекала только меня хорошо, каждый разъ подъ ребро умѣла задѣть.

Дмитрій Андреевичъ молча ходилъ по комнатѣ. Ему было не по себѣ послѣ отъѣзда княжны, точно у него порвались послѣднія надежды. Благолѣповъ усѣлся въ своей любимой позѣ, облокотившись на колѣни и опустивъ подбородокъ на ладони, и продолжалъ разсуждать въ раздумьи:

— Вчера еще заходилъ къ ней. «Что, говоритъ, бранить надо?» — Да за что же, говорю, бранить? Видите, къ вамъ хожу, значитъ исправляюсь. Не исправился бы—не ходилъ бы.—«Жаль, говоритъ, что я не могу здѣсь остаться, тогда, можетъ-быть, и совсѣмъ бы исправились».

— Да ты къ чему мнѣ это разсказываешь?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ, мелькомъ взглянувъ на него.

— А потому, что я точно исправился бы, если-бъ она тутъ была, непремѣнно исправился бы.

— Влюбился, что ли?—съ насмѣшкой спросилъ Орловъ.

— Куда намъ съ суконнымъ рыломъ,—отвѣтилъ Благо-

Digitized by Google

лѣповъ.—Развѣ только, если-бъ ей очень ужъ скучно стало, попробовалъ бы объясниться въ любви, чтобы посмѣялась.

— Ну, этимъ ее не заставишь смѣяться, а только оттолкнешь. Не любитъ она разговоровъ о любви.

— Да тутъ и разговаривать-то не къ чему,—сказалъ Благолѣповъ.

Дмитрій Андреевичъ какъ-то искоса взглянулъ на него, и какое-то непріязненное чувство шевельнулось въ его душѣ. Ему было непріятно, что Благолѣповъ высказалъ взглядъ на любовь, высказанный княжною. Ему было непріятно сознавать, что именно къ такой любви, страстной, безумной, не требующей словъ и объясненій, въ его душѣ какъ будто не было уже способности.

Они молчали.

— Архіерей-то мой опять сталъ хлопотать о снятіи съ меня эпитиміи,—сказалъ Благолѣповъ.

— Что такъ?

— Я просилъ. Надоѣло мнѣ баклуши бить. Въ самомъ дѣлѣ свинство такъ-то жить.

— Несмысленочекъ какой, прежде-то не могъ до этого додуматься.

— Додумываться-то додумывался, да никто не подталкивалъ, а теперь...

Благолѣповъ приподнялъ голову.

— Вонъ вчера стала прощаться и говоритъ: «Вотъ если бы вы свободны-то были, пригласила бы васъ въ деревню, а теперь, можетъ-быть, и не встрѣтимся никогда»... Въ самомъ дѣлѣ, чортъ знаетъ, что за жизнь: ни себѣ удовольствія, ни другимъ пользы!

— Какъ, другимъ пользы не приносишь?.. А недовольство-то сѣешь?—съ ироніей сказалъ Орловъ.

— Да, кстати, я съ ней и объ этомъ. А она сейчасъ и поставила вопросъ ребромъ: «А многіе, говоритъ, вамъ-то вѣрятъ?» Да потомъ и отколола штуку: «Вотъ, говоритъ, папѣ посовѣтовали разъ гомеопатіей лѣчиться. Пришелъ къ нему докторъ желтый, худой, изможденный. Папа взглянулъ на него и спрашиваетъ: «Вы, докторъ, и сами тоже гомеопатіей лѣчись?»—«Да», говоритъ. «Папа промолчалъ, а на другой день и написалъ ему, что онъ раздумалъ лѣчиться у гомеопатовъ». Это, братъ, значитъ: исцѣлися самъ, а потомъ и лѣчи другихъ.

— Безъ нея-то этихъ великихъ истинъ не понималъ?

— Понимать-то понималъ и ругалъ себя, да слабъ чело-

Digitized by Google

вѣкъ; безъ поддержки, безъ толчковъ одинъ не скоро справишься съ собою. А она подталкивать умѣетъ.

Благолѣповъ продолжалъ говорить о княжнѣ, а Орлову становилось все болѣе и болѣе не по себѣ. Ему вдругъ стало какъ будто досадно, что его пріятель хвалилъ княжну, точно бередилъ умышленно его рану. Онъ остановился передъ Благолѣповымъ и похлопалъ его по плечу.

— Эхъ, ты простота, простота! — проговорилъ онъ.— Увлекся сразу и няньчишься съ ней. А знаешь, что ее ждетъ? Въ концѣ концовъ уйдетъ она въ монастырь, какъ ея тетка, или отдастся вся беззавѣтно какому-нибудь краснорѣчивому фразеру, который покоритъ ее своей страстностью или физическою силой,—вотъ и все.

— Ну?!—воскликнулъ съ удивленіемъ Благолѣповъ.

— Да ужъ такъ! Я знаю эти натуры. Неопытность, идеализмъ, доброе сердце и большое самолюбіе. Ей нужны подвиги и герои. Будничной прозаическою жизнью, будничной прозаическою личностью она не увлечется. Ей нужно приносить кому-нибудь жертвы, кому-нибудь посвящать себя на служеніе, и кто поразитъ ее еще большимъ самоотреченіемъ, только тотъ и покоритъ, только за тѣмъ она и пойдетъ. Нашего брата она можетъ, пожалуй, и любить, но только такъ, какъ вотъ она облѣзлаго щенка любила. Мы въ ея глазахъ тѣ же искалѣченные, ветхіе люди, какъ и всѣ другіе. Мы не можемъ вызвать въ ней энтузіазма, восторга, поклоненія, а безъ этого... безъ этого она, жаждущая служить человѣчеству, не отдастся одному человѣку, пожертвовавъ своею самостоятельностью, своею свободою, своею волею...

— Да, такъ ты вотъ какъ ее понимаешь... Ну, теперь мнѣ ясно, почему ты говорилъ, что тебѣ нельзя на ней жениться...

Орловъ молчалъ и снова уже ходилъ по комнатѣ. Онъ не разувѣрялъ Благолѣпова, что онъ вовсе не потому тогда считалъ невозможнымъ жениться на ней. Тогда?.. Развѣ же теперь тѣ причины устранены?.. Да, теперь онъ вовсе не думалъ уже о княгинѣ, о своихъ прошлыхъ отношеніяхъ къ ней. Этой помѣхи къ женитьбѣ на княжнѣ теперь точно вовсе не существовало для него; теперь передъ нимъ встали новыя, болѣе непреодолимыя преграды, теперь его только грызло одно все яснѣе и яснѣе возникавшее въ немъ сознаніе: онъ сознавалъ, что онъ въ глазахъ княжны слишкомъ блѣдная, слишкомъ будничная, слишкомъ обыденная личность, что княжна смотритъ на него скорѣе сверху внизъ,

Digitized by Google

чѣмъ наоборотъ, что она любитъ его, «какъ облѣзлаго щенка». Да, онъ и точно въ послѣднее время какъ-то опустился, принизился, обезличился въ этой будничной борьбѣ исключительно за свое существованіе. Что это—начало конца? Но онъ еще ничего не сдѣлалъ, ничего не достигъ, а между тѣмъ на немъ, на всей его дѣятельности, на всѣхъ его поступкахъ уже лежитъ печать той сѣренькой заурядности, которою отмѣчены и всѣ окружающія его личности. Онъ началъ припоминать всю свою переписку съ княжною, всѣ свои разговоры съ ней. Чѣмъ онъ являлся въ нихъ? Чиновникомъ съ неудавшейся карьерой, и только, и только! Гдѣ, когда и въ чемъ сказались его грезы дѣтства о служеніи бѣдному люду, о служеніи народу, родинѣ, о геройскихъ подвигахъ? Но вѣдь это было ребячество! Нельзя же весь вѣкъ мечтать о спасеніи человѣчества! И вдругъ, Богъ знаетъ почему, ему вспомнился Сенъ-Симонъ, котораго слуга долженъ былъ будить словами: «Вставайте, графъ, вы должны дѣлать великія дѣла!» Онъ иронически усмѣхнулся. Полусумасшедшій сумасбродъ! Да?.. Но такіе сумасброды ведутъ за собой тысячи, милліоны людей. Ему вспомнилась пѣсня Беранже «Les foux». И въ его головѣ одинъ за другимъ затѣснились образы этихъ историческихъ безумцевъ: вотъ они, босоногіе, почти нищіе, беззащитные, наивные, возстаютъ противъ великой религіи избраннаго Богомъ народа и противъ могущественной носительницы древней цивилизаціи, и передъ ихъ проповѣдью падаютъ всѣ происки еврейскихъ книжниковъ и фарисеевъ и оказываются безсильными всѣ оружія, всѣ тюрьмы, всѣ арены съ дикими звѣрями Римской имперіи. Вотъ такіе же безумцы, скромные монахи, ученые профессора и школьные учителя идутъ съ Библіей и Евангеліемъ провозглашать новое ученье, противное вѣковымъ догматамъ, обрядамъ и обычаямъ католицизма, и этотъ католицизмъ, поддерживаемый сотнями правителей, тысячами штыковъ, страшными пытками и кострами инквизиціи, безчисленными полчищами шпіоновъ и доносчиковъ, мало-по-малу, сдается на уступки, расшатывается, дѣлается отживающею религіей. А какими богатствами, какими связями, какими войсками обладали эти Вильгельмы Телли, которымъ обязана своею свободой Швейцарія? Не были ли эти люди безумцами, когда они чуть не безоружными шли противъ сильнаго и надменнаго врага?.. Въ головѣ Орлова ясно возникла одна сцена изъ его жизни, когда онъ, счастливый, возвращаясь отъ князя Русова домой и проходя среди ла-

Digitized by Google

чуть родного захолустья, давалъ обѣтъ служить на пользу той голи, среди которой онъ выросъ, которой онъ былъ обязанъ всѣмъ. О, какъ далеко было это время! Теперь онъ бѣсится только за то, что его не повышаютъ, не переводятъ въ Петербургъ, а кругомъ его голь и голодаетъ, и холодаетъ, и жалуется, и стонетъ...

— Да, видно, безъ фальшиваго паспорта ничего не подѣлаешь,—вдругъ раздался голосъ поднявшагося съ мѣста Благолѣпова.

Этотъ голосъ Орловъ услышалъ точно гдѣ-то далеко. Онъ очнулся.

— Безъ какого фальшиваго паспорта?—спросилъ онъ.

— Да вотъ для меня... Что же въ самомъ дѣлѣ такъ-то киснуть...

— Въ Сибирь захотѣлъ,—громко сказалъ Орловъ.

— Ну, еще это какъ тамъ случится, бабушка тоже надвое сказала, а такъ-то ужъ и точно совсѣмъ скотомъ станешь... Положимъ, я и учусь, и работаю, и... Благолѣповъ не кончилъ фразы и проговорилъ, махнувъ рукою: — Да толку-то что? Годы уходятъ, а сила и знаніе не примѣняются къ дѣлу...

Онъ взялся за фуражку, потянулся и сталъ прощаться съ Орловымъ. Орлова какъ-то неожиданно поразила мощная фигура Благолѣпова, точно онъ его впервые разсмотрѣлъ въ эту минуту.

—Героемъ тоже вздумалъ сдѣлаться! — какъ-то особенно ядовито и желчно проговорилъ онъ.

Благолѣповъ не замѣтилъ этой непріязненной нотки и просто отвѣтилъ:

— Какимъ тамъ героемъ! Говорю тебѣ, что такъ-то совсѣмъ скотомъ станешь на подножномъ кормѣ.

Онъ простился съ пріятелемъ и вышелъ. Дмитрій Андреевичъ уже въ душѣ ругалъ себя. За что это онъ вдругъ такъ враждебно взглянулъ на Благолѣпова? Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ его положеніе безысходно, скверно. Тутъ поневолѣ задумаешься и о фальшивомъ паспортѣ, только бы крылья развязать. Можетъ-быть, и онъ, Орловъ, на его мѣстѣ сдѣлалъ бы то же. Онъ и не въ положеніи Благолѣпова стоитъ, а чего бы онъ не сдѣлалъ, только бы вырваться отсюда, только бы попасть въ Петербургъ. Мысль о Петербургѣ какъ бы вернула Орлова къ дѣйствительности, къ мелкимъ дрязгамъ въ окружавшемъ его муравейникѣ, къ столкновеніямъ съ товарищемъ предсѣдателя.

Digitized by Google

Столкновенія съ товарищемъ предсѣдателя длились у него уже не день, не два. Орловъ только что принялся въ городѣ за дѣятельность товарища прокурора, какъ сюда явился новый товарищъ предсѣдателя. Это былъ Николай Николаевичъ Михайловскій-Несмѣльскій. Когда эта новость дошла до Орлова, съ нимъ чуть не сдѣлался обморокъ. Онъ ненавидѣлъ этого человѣка не за одно то, что тотъ, какъ и многіе другіе привилегированные юристы, обогналъ его по службѣ, но главнымъ образомъ за то, что этотъ человѣкъ первый внесъ безчестье въ его семью, соблазнивъ Настю. Это былъ его личный врагъ. Ему было трудно переломить себя, чтобы не растеряться при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ. Къ несчастью, Михайловскій-Несмѣльскій, повидимому, даже забылъ, гдѣ онъ отъ кого-то слышалъ объ Орловѣ, и помнилъ только, что онъ слышалъ о немъ. Это дало ему поводъ сказать Орлову любезнымъ тономъ:

— Мнѣ кажется, что мы гдѣ-то встрѣчались, или я отъ кого-то слышалъ о васъ. Право, не могу припомнить...

— Самое лучшее вовсе и не вспоминать объ этомъ, такъ какъ это, можетъ-быть, будетъ не особенно пріятно какъ для васъ, такъ и для меня,—рѣзко сказалъ Орловъ, стоя передъ нимъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

Михайловскій-Несмѣльскій поднялъ съ какимъ-то удивленнымъ видомъ брови и не могъ понять, чѣмъ вызванъ этотъ грубый и запальчивый отвѣтъ.

— Мнѣ кажется, личныхъ непріятныхъ столкновеній между нами не могло быть, — сказалъ онъ, равнодушно пожимая плечами:—такъ какъ знакомымъ съ вами я во всякомъ случаѣ не могъ быть, иначе...

— Да, вы со мной не были знакомы, но я-то зналъ васъ, — отвѣтилъ такъ же рѣзко Орловъ.

Михайловскій-Несмѣльскій вдругъ все вспомнилъ и закусилъ губу. «Ея двоюродный братъ!»—какъ молнія промелькнула въ его головѣ мысль, и онъ быстро отошелъ отъ Орлова. Ему было ужасно досадно, что онъ вспомнилъ это только теперь, а не минутою раньше,—вспомнилъ и эту фамилію, и то, что объ Орловѣ уже говорили ему, какъ о protégé Русова, и то, что именно двоюродный братъ Насти воспитывался у Русовыхъ. Если-бъ онъ раньше это вспомнилъ, онъ избѣжалъ бы щекотливаго столкновенія, а теперь поправить дѣло было уже невозможно. Эта встрѣча была послѣднею каплей, переполнившею чашу горечи въ душѣ Орлова. Онъ теперь готовъ былъ на все, чтобы насолить

Digitized by Google

этому человѣку и скорѣй вырваться отсюда. Съ этой минуты начался рядъ безтактностей съ обѣихъ сторонъ. Михайловскій-Несмѣльскій гдѣ-то проговорился, что «у него есть личные счеты съ господиномъ Орловымъ»; Орловъ замѣтилъ кому-то, что «эти хлыщи сами должны бы на скамьѣ подсудимыхъ сидѣть, а не судить другихъ». Вражда сдѣлалась открытой, и жадная до скандаловъ публика губернскаго города начала интересоваться новымъ товарищемъ прокурора, ловя даже въ его обвинительныхъ рѣчахъ намеки на товарища предсѣдателя. Одна изъ этихъ рѣчей, сказанная Орловымъ по поводу одного дѣтоубійства, превратилась изъ обвинительной рѣчи противъ дѣвушки-дѣтоубійцы въ обвинительную страстную рѣчь противъ безсовѣстныхъ соблазнителей подобныхъ дѣвушекъ, и всѣ ясно поняли, что всѣ эти обвиненія и желчныя выходки направлены противъ товарища предсѣдателя. Самъ товарищъ предсѣдателя во время этой рѣчи сидѣлъ какъ на горячихъ угольяхъ и думалъ вовсе не объ участи подсудимой, не объ обстоятельствахъ этого дѣтоубійства, а о томъ, что онъ охотно бы задушилъ собственными руками этого «мерзавца». Провинціальныя барыни тотчасъ же собрали самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Михайловскій-Несмѣльскій похитилъ родную сестру Орлова, что онъ прижилъ съ нею ребенка, что этотъ ребенокъ умеръ сейчасъ же послѣ рожденія, что дѣвушку подозрѣвали въ дѣтоубійствѣ, что скандалъ потушили только при помощи денегъ и протекцій, что Орловъ вызывалъ на дуэль Михайловскаго-Несмѣльскаго, но тотъ отказался драться и получилъ пощечину. Однимъ словомъ, свѣдѣнія были самыя подробныя и полученныя изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ. Скандалъ былъ полный, громкій, разлетѣвшійся по всему городу. Эти два представителя судебной власти являлись въ судѣ точно не для суда, а для личной войны. Такой же личною войной должно было быть дѣло о поддѣлывателяхъ кредитныхъ билетовъ. Орловъ въ первую минуту, когда ему случайно попалось въ руки это дѣло, былъ радъ, что въ это дѣло были замѣшаны лица того круга, гдѣ вращался Михайловскій-Несмѣльскій, ему хотѣлось отыскать среди виновныхъ близкихъ знакомыхъ, друзей, родныхъ Михайловскаго-Несмѣльскаго, ему хотѣлось дать нравственную пощечину Михайловскому-Несмѣльскому, и онъ съ жаромъ взялся за распутыванье этого дѣла. Но чѣмъ глубже онъ вникалъ въ него, тѣмъ дальше отходила на второй, на задній планъ его личная ненависть, и тѣмъ болѣе его за-

Digitized by Google

интересовывали самая сущность дѣла и его общественное значеніе. Передъ нимъ открывался такой омутъ всякихъ мерзостей, злоупотребленій и злодѣяній, что его личная вражда мало-по-малу угасла передъ картиной неурядицъ, опутывавшихъ цѣлое общество. Онъ отдался этому дѣлу всецѣло, не спалъ ночей, вникая во всѣ подробности этой исторіи, и иныя чувства начали шевелиться въ немъ; онъ сознавалъ, что чѣмъ подробнѣе разберетъ онъ это дѣло, тѣмъ большую пользу онъ принесетъ обществу.

«Если бы мнѣ нужно было отдать полжизни на разоблаченіе всего этого дѣла,—писалъ онъ своему другу въ Петербургъ:—я и тогда не отступился бы отъ него, потому что я сознаю, какую пользу я принесу краю, уничтоживъ съ корнемъ эту шайку, разоблачивъ ея закулисную дѣятельность. Я, можетъ-быть, яснѣе, чѣмъ кто-нибудь, понимаю, что никакіе суды и наказанія не исправляютъ старыхъ злодѣевъ и не запугиваютъ новыхъ, но я сознаю, что обществу полезно указывать, надъ какою пропастью оно стоитъ, и если общество не приметъ своихъ мѣръ для огражденія себя отъ повторенія подобныхъ явленій, то его можно только пожалѣть. Во всякомъ случаѣ найдутся же люди, которые задумаются серьезно надъ этимъ явленіемъ и сдѣлаютъ свои выводы. Я буду доволенъ и этимъ результатомъ своего далеко нелегкаго и даже небезопаснаго труда. Что онъ не безопасенъ, это ты поймешь изъ этого, что одинъ судебный слѣдователь былъ отравленъ во время слѣдствія, что десятки лицъ были удалены съ мѣстъ ради этого дѣла, что тутъ есть и пропавшіе безъ вѣсти свидѣтели, и скоропостижныя смерти. Но даже эта опасность веденія подобнаго дѣла подстрекаетъ, бодритъ меня. Я вѣдь и взялъ его съ бою. Такіе лакомые куски не легко уступаются людьми; изъ-за нихъ прокуроры вцѣпляются другъ въ друга зубами. Но я побѣдилъ и теперь, точно на войнѣ окруженный непріятелями воинъ, стою постоянно насторожѣ и стараюсь не дремать. Довольно распутать два-три такихъ дѣла и указать ясно и категорически обществу на ихъ значеніе, чтобы сознавать въ душѣ, что и ты жилъ не совсѣмъ даромъ, что и ты успѣлъ дать обществу поучительные уроки. Воспользуется ли общество ими или нѣтъ — это его дѣло. Для учителя важно только сознаніе, что онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ его поученія были направлены къ добру и пользѣ поучаемыхъ».

Слѣдствіе приходило къ концу, когда объ этомъ дѣлѣ

Digitized by Google

вдругъ сильно заговорили въ газетахъ. Въ корреспонденціяхъ, въ столичныхъ газетахъ говорилось, какъ запутано это дѣло, какъ оно важно для общества, какихъ усилій стоило судебнымъ слѣдователямъ распутать его, какъ энергично дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ товарищъ прокурора Орловъ, извѣстный довольно многими статьями, касающимися современныхъ вопросовъ общественной жизни. Объ Орловѣ корреспонденты писали, что это возникающій талантъ, уже извѣстный въ судебной практикѣ по такимъ-то и по такимъ-то дѣламъ, что главное его качество—это умѣнье точно и подробно вникнуть во всѣ мелочи процесса, не зная усталости, не зная отдыха. Въ отзывахъ объ Орловѣ сходились органы прессы самыхъ противоположныхъ направленій. Среди губернской публики эти замѣтки и статьи производили немалое впечатлѣніе: всѣ точно вдругъ начали сознавать, что ихъ товарищъ прокурора дѣлается знаменитостью, стали удивляться, что такой талантливый человѣкъ живетъ такою замкнутою жизнью, смотритъ всегда такъ серьезно и скромно, скорѣе становится въ тѣнь, чѣмъ рисуется. Провинціальная жизнь такъ-называемаго образованнаго общества еще болѣе безсодержательна, чѣмъ столичная, и это общество всегда ищетъ и ждетъ темы для развлеченія: пріѣзда великаго Росси или представленій дрессированныхъ блохъ, скандала въ благородномъ семействѣ или загадочной личности, которую надо разгадать. Теперь всѣ разгадывали Орлова. Онъ сдѣлался героемъ дня. О немъ толковали, что онъ извѣстный писатель, пишущій подъ разными псевдонимами и чуть ли не писавшій «Горе отъ ума», о немъ разсказывали, что у него въ прошломъ была несчастная любовь къ одной «нигилисткѣ», что ради этой любви онъ замѣшался въ политическую исторію; кто-то разсказывалъ даже, что онъ былъ женатъ, и что жена его бѣжала съ гусаромъ. Орловъ же держался въ сторонѣ отъ общества болѣе чѣмъ когда-нибудь. Но онъ былъ сильно возбужденъ, точно чего-то ждалъ нетерпѣливо, болѣзненно, не находя себѣ покоя.

Слухи о немъ не миновали и ушей Благолѣпова, и Благолѣпокъ очень обрадовался, что въ обществѣ заговорили объ его пріятелѣ. Онъ самъ съ грубымъ добродушіемъ и съ наивною гордостью трубилъ гдѣ могъ объ Орловѣ, изображая въ самыхъ яркихъ краскахъ его умъ и способности, и, при разсказахъ о разныхъ романическихъ похожденіяхъ Орлова, привирая не безъ юмора всякія нелѣпости о небывалыхъ подвигахъ пріятеля. Разъ онъ, сіяющій, пришелъ

Digitized by Google

къ Орлову и крѣпко сжалъ его руку въ своей медвѣжьей лапѣ.

— А ты, братъ, въ гору лѣзть начинаешь?—сказалъ онъ весело.

— А что?—спросилъ Орловъ.

— Ну да, еще спрашиваешь: «а что?» Точно самъ не знаешь, о чемъ говорю, — воскликнулъ Благолѣповъ. — Газеты-то, чай, читалъ тоже. Какъ расписали: «нашъ талантливый и дѣятельный товарищъ прокурора...», «опасности претерпѣлъ...», «неутомимый дѣятель...», «гигантскій трудъ...». Поди, какъ читалъ, такъ сердечко-то такъ и прыгало, точно у институтки, когда ей въ первый разъ офицерикъ въ любви изъясняется... Что-жъ, это хорошее чувство, это отрадно...

Орловъ ходилъ, иронически улыбаясь, по комнатѣ.

— Да ты не конфузься! Я это понимаю, — добродушно сказалъ Благолѣповъ. — Тоже пріятно, когда по головкѣ передъ всѣмъ обществомъ, передъ цѣлой, такъ сказать, Россіей гладятъ. Я, братъ, это чувствую. Тоже амбиція и у меня есть. Ну, и къ матеріальнымъ выгодамъ ведетъ это, и тамъ, какъ это вы называете, къ широкому поприщу общественной дѣятельности. Да, я на твоемъ мѣстѣ тоже былъ бы польщенъ, ей-Богу... Только гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить!..

Орловъ продолжалъ улыбаться, но это улыбку была невеселая, горькая. Когда Благолѣповъ кончилъ, онъ подошелъ къ нему и дружески похлопалъ его по плечу.

— Эхъ, ты, простота, простота! — проговорилъ онъ. — Лестно! Сердце прыгаетъ отъ радости! Замѣтили! По головкѣ погладили!.. Кто это насъ съ тобой, голь-то перекатную, замѣтитъ, кто погладитъ по головкѣ?..

— Да вотъ же замѣтили, пишутъ!..

— Это я самъ о себѣ пишу! — отрывисто и рѣзко оборвалъ его рѣчь Орловъ.

Широкое лицо Благолѣпова приняло невообразимо-смѣшное выраженіе недоумѣнія. Онъ даже не нашелся, что сказать или спросить, и во всѣ глаза смотрѣлъ на Орлова. Орловъ уже снова ходилъ по комнатѣ.

— Ну, да, самъ пишу! — говорилъ онъ. — И не то еще напишу. Про Александра Дюма-отца говорили, что онъ готовъ стать на запятки у своей кареты, чтобы люди подумали, что онъ держитъ въ услуженіи негра. Я это понимаю. И тоже на это способенъ. Чтобы пустить пыль въ глаза?

Digitized by Google

Вовсе нѣтъ! А ради того, чтобы пробить себѣ дорогу, стать въ то положеніе, когда перестаешь быть рабомъ, безсловеснымъ животнымъ, машиной, когда получаешь возможность приносить людямъ дѣйствительную пользу. Этого только тогда и добьешься, когда о тебѣ станутъ говорить, когда ты надѣлаешь шуму. Вонъ Эмиль Жирарденъ ребенкомъ потребовалъ, чтобъ ему нацѣпили шпоры. «Зачѣмъ?»—спросили его.—«Для шуму!»—отвѣтилъ онъ. Ну да, человѣку нужно шумѣть шпорами, чтобъ его замѣтили, выдвинули. Если же не замѣтятъ, не выдвинутъ,—такъ и погибнешь, такъ и погибнешь. Эта мысль леденитъ мнѣ кровь. Когда я вижу, что золотые тельцы, матушкины сынки, привилегированные олухи обгоняютъ меня, я самъ не могу дать себѣ яснаго отчета, чего во мнѣ больше—простого ли честолюбія, ненависти ли къ нимъ, или любви къ той забитой толпѣ, которой я желаю служить. Ты, конечно, не поймешь этого...

— Чего не понять-то!—угрюмо проговорилъ Благолѣповъ, опершись локтями на колѣни и грустно опустивъ на ладони свое широкое лицо.

— Ну да, поймешь, но опять скажешь: «подлецъ человѣкъ».

— Это что! по моей философіи выходитъ, что и всѣ подлецы,—сказалъ Благолѣповъ.—А насчетъ прохвостовъ ты это вѣрно говоришь. Я тоже иногда, когда эдакій прохвостъ мимо меня промчится, да грязью обдастъ, такъ бы и закатилъ ему плюху... А проѣдетъ онъ, плюну ему въ догонку и заверну куда-нибудь въ увеселительное заведеніе. Малодушество меня одолѣло.

Благолѣповъ замолчалъ. Орловъ ходилъ въ раздумьи по комнатѣ. Прошло нѣсколько минутъ. Благолѣповъ вдругъ словно очнулся.

— А ты далеко пойдешь, — проговорилъ онъ. — Ты не пей, Митя, не пей, потому пить станешь — никуда не уйдешь. Водка съ ногъ свалитъ. Это я по себѣ знаю. Косая сажень въ плечахъ, а тряпкой человѣкъ сталъ. Ну, да что съ возу упало, пиши — пропало. Обо мнѣ что говорить! А что ты думаешь дальше дѣлать?

Орловъ началъ распространяться о своихъ завѣтныхъ мечтахъ—перебраться въ Петербургъ: тамъ широкое поприще для дѣятельности; дѣятелемъ можно сдѣлаться, только имѣя власть и деньги; голь перекатная можетъ только вертѣться въ бѣличьемъ колесѣ, не вліяя или мало вліяя на общественныя дѣла, или составлять заговоры. Но, кромѣ

Digitized by Google

того, ему, Орлову, надо, во что бы то ни стало вырваться, именно отсюда, такъ какъ товарищъ предсѣдателя — его личный врагъ. Орловъ разсказалъ свои отношенія къ Михайловскому-Несмѣльскому и отношенія послѣдняго къ Настѣ.

— Ты понимаешь, что я способенъ убить его, — закончилъ онъ разсказъ.

— Во всякомъ случаѣ такихъ подлецовъ бить надо,— сказалъ Благолѣповъ.—Я еще удивляюсь тебѣ, что ты рожи ему не своротилъ на сторону.

— Чтобы самому въ тюрьмѣ насидѣться?

— А я все-таки своротилъ бы.

Орловъ сдвинулъ брови.

— Надо добиваться того, чтобы не ему, а всѣмъ такимъ свернуть шею!—отрывисто сказалъ онъ.—Станешь ихъ отдѣльно бить—руки устанутъ... Я теперь рѣшился, что надо дѣйствовать тысячами путей: на одномъ потерпишь неудачу, на другомъ выгоритъ дѣло. Тутъ надо дѣйствовать, что называется, и золотомъ, и молотомъ, достигнуть своего не мытьемъ, такъ катаньемъ... Вонъ теперь обо мнѣ начали писать и, какъ ты говоришь, это мнѣ имя составитъ въ столицѣ. Если меня даже и не переведутъ, я рискну самъ туда перебраться,—авось, не вышлютъ, а тамъ безъ мѣста я явлюсь прямо пострадавшей личностью и привлеку на свою сторону симпатію людей извѣстнаго направленія,— голодать и не придется на первое время. Ну, а ужъ только бы перебиться первые дни, а тамъ не пропаду...

Благолѣповъ слушалъ, ухмыляясь широкой улыбкой.

— И вѣдь какъ посмотришь на тебя, въ чемъ душа держится, а ей-Богу десятокъ такихъ медвѣдей, какъ я, задушишь,—проговорилъ онъ.

— Нервы тоже сила,—отвѣтилъ Орловъ.

Съ этого дня Благолѣповъ еще болѣе проникся наивнымъ уваженіемъ и любовью къ Орлову. Онъ говорилъ ему съ добродушною шутливостью:

— Не знаю я, братъ, что ты совершишь тамъ, а что ты многимъ подлецамъ напакостишь—это ужъ вѣрно!

Орловъ смѣялся и шутливо называлъ Благолѣпова своимъ «единственнымъ поклонникомъ». Но онъ самъ не сознавалъ, какъ ободряетъ его это поклоненіе. Никогда онъ не нуждался такъ сильно въ чьемъ-нибудь сочувствіи, какъ теперь. Въ его душѣ послѣ отъѣзда княжны, послѣ выясненія того, какъ она смотритъ на него, пробудился страхъ, вышло

Digitized by Google

комый женщинамъ и дѣтямъ, затерявшимся въ толпѣ и сознающимъ, что ихъ не видятъ, не замѣчаютъ свои близкіе, родные. Ему хотѣлось приподняться, закричать, сдѣлать что-нибудь такое, чтобъ его замѣтили. И какъ же онъ былъ радъ, когда его замѣтили.

Однажды Благолѣповъ зашелъ къ Орлову и засталъ его въ отличномъ расположеніи духа. Передъ Орловымъ лежала на столѣ развернутая газета.

— Что новаго пишутъ? — спросилъ Благолѣповъ, замѣтивъ, что его пріятель читалъ газету.

— Да ничего... Все, кажется, идетъ по-старому, — отвѣтилъ Орловъ, подавляя волненіе и стараясь казаться равнодушнымъ. — Вотъ опять о нашемъ дѣлѣ пишутъ, такъ заинтересовался...

— Самъ настрочилъ? — равнодушнымъ тономъ спросилъ Благолѣповъ.

— Нѣтъ... Въ томъ-то и дѣло, что не самъ...

— Ой ли?

— Да право же, нѣтъ! Ей-Богу, не я. Чего мнѣ врать!

— И про тебя что-нибудь есть? — полюбопытствовалъ Благолѣповъ.

Орловъ даже покраснѣлъ.

— Да... такъ... нѣсколько фразъ...

Потомъ онъ не выдержалъ и горячо сказалъ:

— А хотѣлъ бы я знать, кто это пишетъ... Ну, положимъ, это не выраженіе общественнаго мнѣнія, это мнѣніе отдѣльной личности, — а все же это отголосокъ общества...

— Да ругаютъ тебя тамъ, что ли?

— Какое! Хвалятъ... Такъ тепло, такъ искренно написано...

Орловъ всталъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Какъ это глупо, какъ это глупо! — тихо проговорилъ онъ.

Благолѣповъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ и уловилъ, что Орловъ тихонько смахнулъ рукою съ рѣсницы слезу.

— Изнервничался я, — проговорилъ Орловъ, замѣтивъ взглядъ товарища и точно оправдываясь.—Совсѣмъ изнервничался, точно женщина. Лѣчиться мнѣ нужно, серьезно лѣчиться. Какъ женщина, готовъ отъ всякаго теплаго слова расчувствоваться, первому встрѣчному на шею кинуться. Тѣчортъ знаетъ что такое! Я думаю, тебѣ смотрѣть на общественно...

Digitized by Google

— Чего мнѣ смѣяться! Я вонъ, какъ баба, расплакался, да всю душу женщинѣ разъ отдалъ за то, что она одна меня пожалѣла, да приласкала, когда другіе только на смѣхъ поднимали или шпыняли меня,—добродушно сказалъ Благолѣповъ. — Я вѣдь тоже русскій человѣкъ: ты меня только погладь, да поласкай, а потомъ и дой, сколько хочешь... Ну, да что мы философствуемъ-то, надо бы на радостяхъ выпить за твою славу.

Орловъ велѣлъ подать вина и вплоть до поздней ночи, не умолкая, весело бесѣдовалъ съ Благолѣповымъ. Благолѣповъ тоже былъ въ ударѣ и безпощадно острилъ, отпускалъ каламбуры, говорилъ двусмысленности, въ то же время добродушно подсмѣиваясь надъ самимъ собою. Прощаясь съ Орловымъ, онъ крѣпко обнялъ его и сказалъ, что онъ очень, очень радъ, что тотъ хоть немного повеселѣлъ.

— Мы, братъ, Митя, не по одной дорогѣ пойдемъ, но къ одной цѣли,— проговорилъ онъ. — Дороги что: самъ не знаешь, которая скорѣе приведетъ,— наугадъ идешь. Цѣль важна. Она—главное.

— Конечно, конечно!—соглашался Орловъ.—И вѣрь мнѣ, какой бы дорогой я ни пошелъ, а въ сторону отъ нашей цѣли не сверну, подлецомъ не сдѣлаюсь...

Они расцѣловались въ самомъ радужномъ настроеніи. Въ сущности Благолѣповъ былъ счастливѣе самого Орлова. Возвращаясь домой, онъ все продолжалъ улыбаться, вслухъ говоря себѣ:

— Молодецъ, Никанорка, не проболтался... Тоже хитритъ, подлецъ, научился... Ну, пусть его думаетъ, что другіе о немъ пишутъ... Тоже тяжко человѣку, когда его не замѣчаютъ... очень тяжко... А кто насъ, голь перекатную, замѣтитъ?.. Вонъ меня моя Лина когда-то приласкала, такъ вѣдь и то потому, что сама изстрадавшаяся, всего насмотрѣвшаяся была... Да, а скажи я ему, что это я статейку-то тиснулъ... Тсъ, подлецъ, не смѣй... никогда не смѣй!.. Пусть думаетъ, что другіе... «Это, говоритъ, конечно, не общественное мнѣніе, но все же это отголосокъ»... Толкуй: отголосокъ! Это Никанорка, за своихъ вступившись, заоралъ на всю Россію.

V.

Губернская «публика», собравшаяся въ залу суда въ день разбирательства надѣлавшаго не мало шуму дѣла, была сильно разочарована: скандала въ засѣданіи не вышло

Digitized by Google

никакого, а скуки было очень много. Дмитрій Андреевичъ Орловъ явился на своемъ мѣстѣ исхудалый и блѣдный, но онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы казаться спокойнымъ, чтобы говорить холоднымъ и равнодушнымъ тономъ. Онъ сразу замѣтилъ, что въ его сторону обращено нѣсколько дамскихъ лорнетовъ и даже биноклей, но дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого, придавъ лицу дѣловое, строгое выраженіе. Ему вдругъ захотѣлось обозлить эту праздную толпу городскихъ сплетниковъ и сплетницъ, заставивъ ихъ проскучать въ засѣданіи суда. «На театральное представленіе собрались,— мелькало въ его головѣ: — слушать, какъ приговариваютъ къ каторгѣ попавшихся въ томъ, въ чемъ ихъ еще не изловили». Съ первыхъ же словъ допроса подсудимыхъ и свидѣтелей, онъ вошелъ въ свою роль и началъ усердно выяснять все дѣло передъ присяжными засѣдателями. Онъ съ упорной настойчивостью опытнаго прокурора старался пролить свѣтъ на всѣ мелочи сущности дѣла, характера подсудимыхъ, степени ихъ преступности. Казалось, онъ добивался того, чтобы присяжные засѣдатели ни одной минуты не могли сомнѣваться ни насчетъ значенія этого преступленія, ни насчетъ того, что подсудимые не были побуждены къ нему нуждой, безвыходнымъ положеніемъ, недомысліемъ,—насчетъ того, что они случайно или только легкомысленно запутали въ это дѣло второстепенныхъ, не понимавшихъ ясно своихъ дѣяній, преступниковъ изъ простолюдиновъ. Его вопросы, его разслѣдованія, доходившіе до самыхъ послѣднихъ мелочей, сильно затянули эту часть судебнаго засѣданія и разочаровали многихъ дамъ, заставивъ ихъ порядкомъ поскучать. Зато присяжные засѣдатели при помощи его настойчивыхъ допросовъ такъ ясно поняли суть дѣла, что можно было впередъ сказать, что никакія адвокатскія рѣчи не поколеблютъ ихъ взглядовъ на это дѣло. Орловъ только этого и добивался. Какъ ловкій и умный стратегъ, онъ, окончивъ подготовительную работу, успокоился, сознавая, что его рѣчь можетъ быть теперь даже слабою и незначительною, что ея сила или слабость не будутъ имѣть никакого рѣшительнаго значенія.

— Господа присяжные,—началъ онъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ на третій день, когда пришелъ его чередъ говорить: — вы выслушали судебное слѣдствіе и ждете отъ меня строгой обвинительной рѣчи. Если-бъ обязанностью прокурора было только обвиненіе, то мнѣ почти нечего было бы говорить. Я сказалъ бы вамъ: «вы выслушали су-

Digitized by Google

дбное слѣдствіе, разсматриваемое вами преступленіе совершенно выяснено, добавлять къ тому, что было сказано здѣсь, мнѣ рѣшительно нечего,—изрекайте свой приговоръ». Этой краткой рѣчи было бы вполнѣ достаточно, чтобы ваше рѣшеніе было строго и неумолимо. Но обязанность прокурора заключается не въ одномъ обвиненіи, во что бы то ни стало. Что такое прокуроръ? — Еще въ прошедшемъ столѣтіи укоренилась идея, что интересы государства и законность дѣйствій обезпечиваются правильными способами и средствами надзора. Вотъ въ этихъ-то видахъ въ 1711 году была учреждена должность фискаловъ. Что лежало на обязанности фискаловъ?—Они должны были тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, тако-жъ въ дѣлахъ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, того передъ судъ поставить и тамъ уличать. Они обязаны были возбуждать дѣла о преступленіяхъ, по которымъ нѣтъ челобитчиковъ; они были, такъ сказать, публичными обвинителями, но дѣйствовали тайными и скрытыми средствами. Они тайно провѣдывали, они тайно надсматривали. Понятно, что подобная должность по свойству и характеру своему должна была возбуждать всеобщее неудовольствіе. И вотъ въ 1722 году была учреждена должность прокурора. Члены прокурорскаго надзора стали дѣйствовать открытыми средствами, средствами явными, закономъ установленными. Они должны были противодѣйствовать безпорядкамъ и незаконнымъ рѣшеніямъ. Ихъ главная обязанность заключалась въ томъ, что они должны были накрѣпко смотрѣть, чтобы дѣла не только на столѣ вершились, но и самымъ дѣйствіемъ чинились по указамъ. Чинъ сей яко око наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ. Про фискаловъ же сказано, что чинъ сей зѣло ненавидимъ. Такъ былъ намѣченъ типъ прокурора въ прошедшемъ столѣтіи. Чѣмъ является прокуроръ нынче?— Прокуроръ есть обличитель преступленія во имя закона, видамъ котораго еще болѣе противно осужденіе невиннаго, чѣмъ оправданіе виновнаго. Цѣлями прокурора должно быть раскрытіе истины, въ чемъ бы она ни состояла — въ виновности или въ невиновности подсудимаго. Прокуроръ, правда, поддерживаетъ на судѣ обвиненіе, но не домогается осужденія во что бы то ни стало. Онъ раскрываетъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ, предоставляя тѣмъ самымъ возможность подсудимому представить полное оправданіе. По 740 статьѣ устава уголовнаго судопроизводства прокуроръ можетъ даже отказаться отъ обвиненія, если признаетъ

Digitized by Google

объясненія обвиняемаго заслуживающими уваженія. Итакъ, вы видите, что въ гербѣ прокурорской власти — законы правды, а не произволъ и клевета. Во имя этихъ-то законовъ правды, прежде чѣмъ обвинять подсудимыхъ, прокуроръ обязанъ представить вамъ всесторонне дѣло этихъ подсудимыхъ, обстоятельства, при которыхъ оно совершено, ту среду, которая создала этихъ подсудимыхъ и повліяла на нихъ. Прежде чѣмъ обвинять, позвольте мнѣ во имя правды сдѣлаться на время отчасти историкомъ, отчасти романистомъ и набросать передъ вами картину того дѣла, разбирать которое мы явились сюда.

Орловъ на минуту прервалъ свою рѣчь. Въ публикѣ, собравшейся на этотъ разъ въ судъ уже въ меньшемъ числѣ, начали покашливать и сморкаться. Повидимому, всѣ были недовольны этимъ сухимъ и неинтереснымъ вступленіемъ. Легкое волненіе и шумъ еще не успѣли утихнуть, когда снова послышался голосъ Орлова, но это былъ уже не дѣловой, не сухой тонъ чиновника, а небрежный тонъ салоннаго болтуна. Орловъ крупными штрихами изложилъ сущность дѣла, перешелъ къ подробностямъ преступленія, повторилъ главныя свидѣтельскія показанія, выяснилъ степень преступности каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, дѣлая все это наскоро, съ умышленной сжатостью и неожиданно быстро окончилъ свою чисто фактическую рѣчь, еще разъ упомянувъ, что онъ могъ бы обойтись безъ всякой рѣчи, такъ какъ преступленіе выяснено вполнѣ и безъ того. Всѣ остались недовольны этою рѣчью: публикѣ, такъ нетерпѣливо и долго ожидавшей этого дѣла, показалось, что товарищъ прокурора просто посмѣялся надъ ней. Но адвокаты были еще менѣе довольны: имъ приходилось тратить свое краснорѣчіе въ отвѣтъ на эту вовсе не краснорѣчивую прокурорскую рѣчь и сознавать, что это краснорѣчіе потратится совершенно даромъ, что товарищъ прокурора, сказавшій такъ мало, въ сущности не оставилъ для нихъ никакой лазейки, такъ какъ за него было судебное слѣдствіе, за него были неотразимые факты и никакое кричащее краснорѣчіе не могло подкопаться ни подъ одинъ изъ этихъ фактовъ. Послѣ рѣчи Орлова былъ снова сдѣланъ перерывъ. Затѣмъ начались рѣчи адвокатовъ, послѣднія слова подсудимыхъ. Орловъ во все это время сидѣлъ на своемъ мѣстѣ съ скучающимъ видомъ человѣка, сознающаго, что около него идетъ совсѣмъ ненужная, ни къ чему не ведущая болтовня. Впрочемъ, противъ ожиданія, и рѣчи адвокатовъ вышли

Digitized by Google

довольно безцвѣтными. Всѣ предвидѣли, что повліять на рѣшеніе присяжныхъ почти невозможно, такъ какъ слѣдствіе слишкомъ ярко и опредѣленно выяснило все дѣло. Публика, значительно порѣдѣвшая, сильно утомленная, нетерпѣливо ждала только послѣднихъ словъ товарища предсѣдателя, полагая, что хоть онъ доставитъ ей какое-нибудь развлеченіе въ награду за нѣсколько дней скуки. Но и конецъ послѣдняго дня не оправдалъ этихъ ожиданій: Михайловскій-Несмѣльскій чувствовалъ себя какъ-то неловко и сказалъ смутную и сбивчивую рѣчь, совершенно не кстати замѣтивъ что-то о значеніи милосердія и снисходительности, о безпристрастіи и хладнокровіи, необходимыхъ при рѣшеніи каждаго дѣла. Быть-можетъ, его рѣчь была бы болѣе пристрастной, болѣе склонилась бы въ пользу подсудимыхъ, если бы рѣчь товарища прокурора хотя намекомъ задѣла его лично, раздражала его, какъ когда-то раздражила его прокурорская рѣчь по дѣлу дѣтоубійцы. Но въ настоящемъ случаѣ Орловъ, противъ ожиданія, не затронулъ его, не сказалъ ничего, что могло бы особенно сильно возбудить его. Публика была совсѣмъ разочарована: никакого скандала въ сущности не вышло. Присяжные засѣдатели удалились для совѣщаній и черезъ два часа вынесли обвинительный приговоръ всѣмъ коноводамъ дѣла; крестьяне были почти всѣ оправданы или получили право на снисхожденіе. Орловъ улыбался самодовольною улыбкой. Михайловскій-Несмѣльскій былъ мраченъ и раздраженъ. Въ коридорѣ суда около Орлова собралась кучка судебныхъ властей и присяжныхъ повѣренныхъ. Ему было сказано нѣсколько комплиментовъ, такъ какъ люди близкіе къ суду очень хорошо понимали, какъ онъ ловко провелъ это дѣло. Орловъ громко смѣялся.

— Что, господа, не ожидали вы такого результата такихъ безцвѣтныхъ рѣчей?—говорилъ онъ.—Мы вѣдь всѣ отличились, точно сквозь сонъ говорили, а кончилось-то круто для господъ подсудимыхъ. Факты-то оказываются посильнѣе краснобайства. Судебное слѣдствіе такъ было направлено, что даже никакія воззванія къ снисходительности и милосердію не могли уже поколебать убѣжденій присяжныхъ засѣдателей. Знаете ли, я хотѣлъ даже такую штуку выкинуть: сказать фразъ десять, да и кончить тѣмъ рѣчь. До того я былъ убѣжденъ, что одно судебное слѣдствіе заставитъ присяжныхъ засѣдателей вынести обвинительный приговоръ. А потомъ посмотрѣлъ я на этихъ дамъ, чортъ знаетъ зачѣмъ шляющихся по судамъ, — ну, и рѣшился

Digitized by Google

сказать всю рѣчь и проморить ихъ до-нельзя. Ничего, остались, я думаю, довольны.

Кто-то изъ присутствующихъ взялъ Орлова подъ руку и пошелъ съ нимъ по коридору.

— Послушайте, что же это такое?—замѣтилъ Орлову его собесѣдникъ: — развѣ это безпристрастное резюмированье всего говореннаго на судѣ?..

— Вы о предсѣдателѣ? — спросилъ Орловъ, сощуривъ глаза.

— Ну да, это просто мерзость, подлость! — горячо сказалъ его собесѣдникъ.

— Нѣтъ, не говорите этого... Это просто отсутствіе всякаго дарованія, — проговорилъ Орловъ. — Но вѣдь таланты отъ Бога, и человѣкъ не виноватъ, если онъ глупъ и бездаренъ. Онъ не понялъ ничего, что говорилось мною и защитниками, и ему не оставалось ничего, какъ пробормотать что-то о милосердіи и снисходительности.

Затѣмъ Орловъ засмѣялся и веселымъ тономъ замѣтилъ:

— Но я его очень люблю, какъ дѣти любятъ бумажнаго паяца; у него тоже есть веревочки, находящіяся въ моихъ рукахъ, и я могу, когда захочу, заставить его и обозлиться, и растеряться, и покраснѣть, и поблѣднѣть, а это, право, не малое наслажденіе...

Въ тотъ же день вечеромъ въ городѣ шли толки о только что кончившемся дѣлѣ: мужчины серьезно толковали, какъ удивительно ловко было произведено слѣдствіе при помощи Орлова, и называли его настоящимъ дѣльцомъ, не нуждающимся въ краснобайствѣ; дамы хотя и были разочарованы его рѣчью, но находили у него утомленный и страдальческій видъ и говорили, что сейчасъ видно, сколько онъ перенесъ. Особенно выдвинулся впередъ Орловъ, когда одна изъ большихъ петербургскихъ газетъ принесла фельетонъ, гдѣ разъяснилось значеніе только что конченнаго дѣла. Въ фельетонѣ писали:

«Лѣтъ девять тому назадъ въ нашемъ городѣ въ домахъ лучшаго общества, въ нашихъ собраніяхъ, на нашихъ балахъ появилась интересная личность безпечнаго и щедраго кутилы, носившаго старую, уважаемую фамилію, имѣвшаго большія связи въ столицѣ, обладавшаго значительными денежными средствами. Мы, конечно, обрадовались этому новому лицу и приняли его съ распростертыми объятіями въ свой кругъ—лишній ловкій танцоръ на балу, лишній богатый партнеръ за карточнымъ столомъ, лишній остроумный

Digitized by Google

болтунъ въ салонѣ—это всегда такая дорогая находка для скучающаго отъ вѣчнаго бездѣлья люда. Какова закулисная дѣятельность, какова нравственность, каковы убѣжденія этой личности, объ этомъ никто не справлялся: одѣвался онъ, какъ принято, говорилъ онъ, какъ принято, держалъ себя, какъ принято, — этого съ насъ довольно. Мы вѣдь всегда готовы не допустить къ себѣ самого Христа, если Онъ явится къ намъ не въ модномъ фракѣ, и готовы обнять разбойника, если онъ одѣтъ по послѣдней модной картинкѣ извѣстнымъ портнымъ. Мы хлопочемъ только о внѣшней изысканности и не заботимся о томъ, какая нравственная нечистоплотность прикрывается ею. Только благодаря этому обстоятельству, пріѣхавшій въ нашъ городъ господинъ могъ спокойно и хладнокровно начать приводить въ исполненіе свои преступные планы, завлекая въ свои сѣти сообщниковъ, организуя цѣлую шайку преступниковъ, вербуя въ ея члены людей хорошихъ фамилій. Вербовка должна была пойти удачно, такъ какъ вербовщикъ умѣлъ затронуть самую слабую струну большинства людей: онъ обѣщалъ имъ богатство, а кто не стремится у насъ къ обогащенію, когда всѣ бѣгутъ отъ труда и всѣ хотятъ жить широко. Онъ самъ по себѣ зналъ, что значитъ быть разореннымъ барином и страстно жаждать безпечальнаго житья, безпутной роскоши, безумныхъ кутежей». Затѣмъ въ фельетонѣ шла обрисовка главнаго организатора мошеннической шайки, только что осужденной на судѣ, и бойкими чертами былъ набросанъ образъ этой личности. Барское воспитаніе, отсутствіе какихъ бы то ни было нравственныхъ идеаловъ и серьезныхъ задачъ въ жизни, молодые кутежи празднаго гуляки, разореніе и неутомимая жажда денегъ, во что бы то ни стало, вотъ что привело эту личность къ мысли о преступленіяхъ съ цѣлью наживы. «Планъ былъ составленъ преступникомъ ловко, смѣло и широко,—говорилъ фельетонистъ.—Сообщниковъ было найти не трудно, такъ какъ, при нашемъ небрежномъ воспитаніи, при отсутствіи нравственныхъ принциповъ, при жаждѣ наживы, легко увлечь юношей на какой угодно путь. Расчетъ былъ вѣренъ, и дѣйствительно сообщники нашлись. Имъ не было дѣла, что они занятнаютъ честныя имена своихъ отцовъ, такъ какъ мы не умѣемъ внушать своимъ дѣтямъ уваженія и любви къ родной семьѣ. Имъ было тогда все равно, какъ печально отзовутся ихъ продѣлки на дѣлахъ ихъ родины, потому что мы не умѣемъ воспитывать изъ своихъ дѣтей гражданъ и

Digitized by Google

патріотовъ; нашъ патріотизмъ не идетъ дальше пренебреженія къ иностранцамъ и похвальбы своею силой и удалью; мы можемъ обругать «сухопараго нѣмца» и заявить, что «мы всѣхъ шапками закидаемъ», но на этомъ и останавливается нашъ патріотизмъ. Говорить о родинѣ громкія фразы—это мы можемъ; но неуклонно исполнять свой гражданскій долгъ, неусыпно служить родинѣ, вѣчно заботиться только о ея благѣ, посвящая ей всѣ свои силы—о, это немногимъ изъ насъ по плечу. Гдѣ можно, тамъ мы расхищаемъ казну, кривимъ душою, пускаемъ въ ходъ незаконныя средства, дѣлаемъ проступки и преступленія, потому что своя рубашка къ тѣлу ближе, а родина—это для насъ что-то постороннее, чужое, чуть не враждебное. Вотъ передъ нами стоятъ десятки людей, изъ которыхъ, вѣроятно, каждый готовъ сказать, что онъ—«русскій человѣкъ», что онъ никогда не былъ измѣнникомъ своей родинѣ, что онъ никогда не сдѣлался бы ея предателемъ. А между тѣмъ вся дѣятельность этихъ людей была направлена не ко вреду какой-нибудь отдѣльной личности, а ко вреду именно той родины, сынами которой они осмѣливаются называть себя». Затѣмъ фельетонистъ подробно, до послѣднихъ мелочей и не безъ ловкости, съ отчетливостью и ясностью развивалъ всю исторію дѣятельности этой шайки, показавъ, какою сѣтью она опутала общество, всегда легкомысленное и чрезчуръ довѣрчивое. «Правда,—замѣчалъ онъ:—имъ и легко было дѣйствовать. Съ одной стороны, они вращаются въ хорошемъ обществѣ, они прилично одѣваются, они прилично держатъ себя, они живутъ широко и открыто,—какъ смѣть ихъ заподозрить въ мошенничествѣ. Съ другой стороны, когда являлись тайные слухи или доносы противъ нихъ и къ нимъ заѣзжали господа становые, исправники и другія власти, они устраивали завтраки, обѣды и ужины, и все разслѣдованіе кончалось веселымъ пиркомъ, а подгулявшіе гости сами же выбалтывали хозяевамъ, какіе слухи ходятъ о нихъ. При такомъ положеніи дѣлъ можно было дѣйствовать съ возмутительною наглостью, можно было организовать дѣло довольно прочно. Они катались, какъ сыръ въ маслѣ, не стѣсняясь ничѣмъ, не боясь никого. Но кромѣ насъ, представителей интеллигенціи, въ нашемъ отечествѣ есть еще темная, бѣдная, приниженная масса, проливающая потъ и кровь въ неустанномъ трудѣ, выносящая тягостное бремя лишеній и нуждъ, несущая на алтарь отечества свою лепту податей и повинностей; эта темная масса—

Digitized by Google

народъ. Она бредетъ во мракѣ, ее почти еще не коснулось просвѣщеніе, она только еще чутьемъ можетъ отличить правду отъ неправды, добро отъ зла, законность отъ беззаконія, и ею легче всего воспользоваться злоумышленникамъ, ее легче всего сдѣлать слѣпымъ орудіемъ преступленій, обѣщая ей, голодной, кусокъ хлѣба, обѣщая ей, приниженной, выходъ къ независимому положенію. И людьми-то этой массы воспользовались злоумышленники, сдѣлавъ многихъ изъ ея членовъ членами своей шайки. На скамьѣ подсудимыхъ рядомъ съ блестящими представителями образованныхъ классовъ общества явились едва грамотные мужички: эти мужички явились жертвами болѣе образованныхъ людей». Въ статьѣ рисовалась печальная картина положенія нашего мужика очень яркими красками. Напирая сильно на преступность дѣйствій образованной части преступниковъ, фельетонистъ говорилъ о преступникахъ-мужикахъ, что эти люди «не вѣдаютъ, что творятъ». Вовлеченіе этихъ темныхъ людей въ преступленія онъ ставилъ въ вину коноводамъ этого дѣла, сравнивая ихъ съ тѣми взрослыми мошенниками, которые мало того что воруютъ сами, но еще устраиваютъ школу воровства, пріучая къ преступленіямъ дѣтей. Требуя обвиненія для этихъ интеллигентныхъ злоумышленниковъ, нельзя говорить объ этой темной массѣ безъ теплаго участія, и если не просить для нея полнаго прощенія, то все же нужно склонять въ ея пользу судей. Далѣе въ фельетонѣ говорилось, что именно въ этомъ духѣ направилъ дѣло и провелъ его товарищъ прокурора Орловъ, что всѣ симпатіи публики были не на сторонѣ защитниковъ, а на сторонѣ обвинителя, когда онъ говорилъ: «Вы скажете, что моя рѣчь вся состояла изъ отступленій, изъ уклоненій отъ главнаго предмета—отъ обвиненія подсудимыхъ, что она состояла изъ бѣглыхъ замѣтокъ о нашей общественной жизни,— замѣтокъ, сдѣланныхъ по поводу этого процесса. Вы ошибаетесь. Мнѣ было бы очень легко обвинить предстоящихъ передъ вами подсудимыхъ; я могъ бы сказать: «вотъ люди, обвиняемые въ томъ-то и томъ-то преступленіи,—осуждайте ихъ, выносите имъ обвинительный приговоръ, такъ какъ всѣ улики ихъ преступленій передъ вами налицо». Но въ такомъ случаѣ вы взглянули бы на дѣло легко, вы отнеслись бы къ нему не вполнѣ сознательно. Я избралъ другой путь. Я указалъ вамъ все общественное значеніе этого дѣла, я нарисовалъ вамъ картину, какъ совершаются подобныя дѣла, я ука-

Digitized by Google

залъ вамъ, къ чему они ведетъ. Теперь вы видите, что имѣете дѣло не съ случайнымъ преступленіемъ, совершаемымъ въ порывѣ возбужденія, въ минуту увлеченія, а съ тою язвой, которая разъѣдаетъ, подтачиваетъ подъ корень наше общество послѣдовательно, медленно, упорно. Для коноводовъ этого дѣла нѣтъ снисхожденія, нѣтъ смягчающихъ обстоятельствъ, нѣтъ милосердія. Мы стоимъ лицомъ къ лицу не съ простыми преступниками, а съ врагами нашего общества, нашей родины». Эта статья, служившая въ сущности перефразировкой рѣчи Орлова, возбудила тѣмъ болѣе толковъ, что она заканчивалась предательскою строкой: «Въ виду всего этого мы не понимаемъ нравственнаго кругозора тѣхъ, кто рѣшается въ подобныхъ дѣлахъ говорить о снисхожденіи и милосердіи». Всѣ поняли, въ чей огородъ былъ брошенъ этотъ камень, и всѣ догадывались, кѣмъ онъ былъ брошенъ. Среди всѣхъ этихъ толковъ въ общество откуда-то залетѣла фраза «о бумажномъ паяцѣ и его веревочкахъ, подергиваемыхъ Орловымъ».

— Неужели *онъ* такъ и сказалъ?

— Да, да! Я, говоритъ, держу эти веревочки въ своихъ рукахъ.

— Это про *него*-то?

— Да.

— Это прелестно, прелестно!

— Но я удивляюсь терпѣнію *того*.

— Значитъ, есть же что-нибудь такое, чего *онъ* боится.

— Неужели вы думаете, что дѣйствительно была какая-нибудь уголовщина?

— Уголовщина — не уголовщина, а вѣрно рыльце въ пушку.

Этимъ толкамъ не было конца. Праздному люду, повидимому, хотѣлось, во что бы то ни стало, раздуть вражду между Орловымъ и Михайловскимъ-Несмѣльскимъ и отравить обоимъ жизнь. И дѣйствительно, эти два человѣка чувствовали, что они не могутъ служить вмѣстѣ. Въ городѣ уже подробно разузнали въ новой редакціи всю исторію, послужившую причиной ненависти между этими двумя личностями, и толковали о ней вкривь и вкось. Михайловскій-Несмѣльскій въ одномъ обществѣ, когда зашла въ довольно ехидномъ тонѣ рѣчь о золотой молодежи, соблазняющей невинныхъ дѣвушекъ, замѣтилъ:

— Да, но эти невинныя жертвы иногда оказываются настолько практичными, что чуть не пускаютъ съ сумою сво-

Digitized by Google

ихъ соблазнителей. Вѣдь у каждой изъ этихъ жертвъ есть практики и дѣльцы—дяденьки, братцы, кузены.

Въ другомъ кружкѣ во время разговора на ту же тему Орловъ сказалъ:

— И что же вы станете дѣлать съ подобными хлыщами? Подставлять лобъ подъ ихъ же пули на дуэли или убивать ихъ, какъ собакъ, и нести за это наказаніе? Они знаютъ, какъ это невыгодно, и пользуются своимъ положеніемъ. Одно наказаніе существуетъ для нихъ — это названіе негодяевъ; но кто же изъ нихъ не утратилъ способности краснѣть?

Отношенія этихъ двухъ людей становились настолько невыносимыми, что самъ Михайловскій-Несмѣльскій писалъ въ Петербургъ письмо за письмомъ съ одной и тою же фразой:

«Уберите его отъ меня... Это какая-то бѣшеная собака, вцѣпившаяся въ меня зубами, — писалъ онъ. — Я могъ бы его игнорировать, если бы мы не сталкивались ежедневно на служебномъ поприщѣ. Нѣтъ ни одного дѣла, которое онъ не поставилъ бы такъ, чтобъ не насолить мнѣ, чтобы не взбѣсить меня. Наконецъ, я просто считаю его вреднымъ, такъ какъ онъ направляетъ дѣла, сообразуясь только съ однимъ правиломъ: привилегированный подсудимый или нѣтъ? Если да, то надо его утопить во что бы то ни стало; если нѣтъ, то надо его выгородить во что бы то ни стало. Въ послѣднее время онъ сталъ очень усердно разрабатывать вопросъ объ умопомѣшанныхъ, отыскивая разныя злоупотребленія въ дѣлахъ признанія сумасшедшими разныхъ субъектовъ, которые, по его мнѣнію, находятся въ здравомъ разсудкѣ и засажены въ сумасшедшій домъ только ради корыстныхъ видовъ родни. Онъ поднялъ нѣсколько такихъ дѣлъ, чтобы только напакостить людямъ извѣстнаго круга и произвести возможно большее число скандаловъ. И въ то же время, когда на скамьѣ подсудимыхъ является какая-нибудь баба-убійца, онъ направляетъ дѣло такъ, чтобы было признано, что она совершила преступленіе въ состояніи невмѣняемости. Въ обществѣ имъ крайне недовольны, видя въ немъ краснаго, демократа и нигилиста. Эти толки, быть-можетъ, не имѣютъ серьезнаго основанія, но во всякомъ случаѣ онъ самъ виноватъ въ нихъ: съ одной стороны, онъ каждый разъ считаетъ своимъ долгомъ на судѣ нападать на привилегированные классы, а съ другой — якшается съ какими-то темными личностями,

Digitized by Google

находящимися подъ надзоромъ полиціи. Чѣмъ скорѣе вы уберете его, тѣмъ лучше. У васъ тамъ на глазахъ онъ будетъ менѣе опасенъ и вреденъ».

Петербургскій другъ Дмитрія Андреевича, наконецъ, написалъ ему:

«Тебя рѣшились перевести въ Москву, и этимъ ты обязанъ Михайловскому-Несмѣльскому: онъ добился-таки того, что тебя рѣшились «убрать» оттуда. Теперь ты будешь на шагъ отъ Питера».

Дмитрій Андреевичъ скомкалъ это письмо, стиснувъ зубы отъ бѣшенства. Онъ просился въ Петербургъ, онъ бился изъ-за этого столько лѣтъ, онъ сдѣлалъ въ послѣднее время все, чтобы добиться этого, и вдругъ его хотятъ перевести въ Москву. А куда пошлютъ оттуда? Когда пошлютъ? Онъ не могъ даже хладнокровно разсуждать, что, дѣйствительно, Москва находится на шагъ отъ Петербурга, что переводъ въ Москву — естественное повышеніе, что въ Москвѣ онъ можетъ пробыть какой-нибудь годъ, а тамъ и въ Петербургъ переведутъ. Онъ только сознавалъ одно то, что его не хотятъ переводить въ Петербургъ, что онъ опять потерпѣлъ неудачу, что его обходятъ и будутъ вѣчно обходить, что къ нему относятся, какъ къ врагу, и что ему остается только платить тою же монетой.

Когда въ этотъ день къ нему зашелъ Благолѣповъ, онъ не узналъ Орлова.

— Да, что съ тобой, ты зеленый совсѣмъ?—сказалъ Никаноръ Ивановичъ.

— Въ Москву хотятъ перевести а? Хорошо?—воскликнулъ Орловъ.

— Ну, и слава тебѣ, Господи! Все же ближе къ Питеру!

— Что ты понимаешь! Что ты понимаешь! Ближе къ Питеру!.. Да кто мнѣ поручится, что они оттуда, изъ Москвы, не ушлютъ меня прокуроромъ въ Кіевъ, въ Орелъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Что я—пѣшка у нихъ въ рукахъ, чтобъ мной играли? Мнѣ нужно быть въ Петербургѣ, и я буду... Я выхожу въ отставку... Вотъ вчера получилъ письмо отъ сестры: жалуется на тяжелое положеніе; пишетъ, что дядя Лампадовъ не можетъ успокоиться послѣ смерти своей сестры и самъ близокъ къ смерти, въ каждой строкѣ слышатся слезы. Мнѣ надо тамъ быть, не могу я оставаться бездомникомъ...

Онъ большими шагами ходилъ по комнатѣ.

— Въ Москву переводятъ!.. Привыкай опять къ новымъ

Digitized by Google

людямъ, заводи новыя знакомства, подлаживайся къ новому складу жизни, а тамъ опять толкнутъ куда-нибудь... Для меня Петербургъ все: тамъ родня, знакомые, связи, возможность литературной дѣятельности, возможность осѣдлой жизни... Мнѣ надоѣли эти голыя стѣны, эта мебель отъ хозяевъ, эта холостая безалаберщина, эти цыганскія кочевки... Какимъ-то Иваномъ, не помнящимъ родства, дѣлаешься: сегодня здѣсь, завтра тамъ,—нигдѣ прочной связи, прочныхъ отношеній, все заводишь на время до новой перекочевки; и люди, и вещи, и мѣста—все становится не дорого, потому все это твое только на время... Я понимаю, что въ такомъ положеніи можно сдѣлаться человѣкомъ, которому все трынъ-трава, у котораго нѣтъ ничего святого и завѣтнаго, который равнодушно встрѣчается и равнодушно разстается съ людьми, проходящими передъ нимъ, какъ китайскія тѣни... Я не созданъ быть богемой и никогда не буду имъ. Мнѣ нужна твердая почва подъ ногами, мнѣ нуженъ тотъ клокъ земли, который бы я полилъ потомъ и кровью съ сознаніемъ, что это — мой клокъ земли, что это клокъ земли моихъ дѣтей, моихъ близкихъ, моихъ друзей... Довольно съ меня этой цыганщины, оставляющей въ душѣ только пустоту и равнодушіе!

Орловъ прошелся по комнатѣ.

— Да и не это главное, а главное то, что у меня здѣсь руки связаны, языкъ припечатанъ, — продолжалъ онъ въ волненіи.—Мы живемъ въ такое время, когда нужно отстаивать и проводить свои идеи всѣми путями — въ частныхъ кружкахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, въ печати. А здѣсь молчать приходится. Знаешь ли ты, что я отсюда даже писать не могу. Я пишу здѣсь статью и посылаю въ Петербургъ, а мнѣ пишутъ: «какъ жаль, что вы не прислали вашу статью раньше недѣлей; три дня тому назадъ вышло секретное предписаніе не касаться этого вопроса въ печати». И вѣдь это не разъ, не два случалось, а десятки разъ. Поневолѣ тутъ крылья опустишь, какимъ-то Пигасовымъ сдѣлаешься, который брюзжитъ, потому что ему брюзжать пріятно.

Благолѣповъ сидѣлъ, опершись локтями въ колѣни и опустивъ на ладони голову. Онъ хотѣлъ сказать Орлову, что вотъ онъ, Благолѣповъ, тоже, наконецъ, рѣшился уѣхать изъ города, завтра же уѣхать и притомъ навсегда, но промолчалъ. Онъ только спросилъ Орлова, когда тотъ уѣзжаетъ.

Digitized by Google

— На-дняхъ, черезъ недѣлю, черезъ двѣ, — отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, значитъ, еще разокъ увидимся,—сказалъ Благолѣповъ.

— И не разъ еще увидимся...

— Нѣтъ, мнѣ тоже надо на время уѣхать...

— Разрѣшили?

Благолѣповъ немного замялся и потомъ коротко сказалъ:

— Я на время...

— Смотри, не попадись...

— Ну, вотъ еще!..

Потомъ Благолѣповъ заговорилъ объ Орловѣ, объ его отъѣздѣ. Они разстались. На другой день Благолѣповъ на минуту зашелъ проститься съ Орловымъ. Онъ крѣпко обнялъ Дмитрія Андреевича и сказалъ:

— Не поминай лихомъ. Авось еще встрѣтимся гдѣ-нибудь.

— Смотри, чтобы не пришлось встрѣтиться на судѣ.

— Экъ выдумалъ что!

— Да вѣдь я тебя знаю. Тоже головушка-то буйная.

— Ну, что-жъ, попадусь,—защищать будешь!

Благолѣповъ вышелъ отъ Орлова и медленно пошелъ по направленію за городъ по пыльной дорогѣ. Онъ миновалъ послѣднія лачуги и пустыри городской окраины, вышелъ на большую дорогу и, что-то беззаботно насвистывая, побрелъ неспѣшно въ голубую даль среди полей и нивъ, тянувшихся за городомъ. Онъ, казалось, просто прогуливался, и никто не сказалъ бы, увидавъ его, что этотъ человѣкъ—«бѣглецъ».

Орловъ, между тѣмъ, торопливо сдавалъ дѣла и тоже собирался въ отъѣздъ. Черезъ двѣ-три недѣли онъ уже сидѣлъ въ вагонѣ второго класса и ѣхалъ въ Петербургъ.

На дворѣ стояли послѣдніе теплые дни, кругомъ все еще было зелено, сіяло на солнцѣ. На поляхъ шла спѣшная работа крестьянъ. Въ вагонѣ было и душно, и безлюдно, а тамъ, по сторонамъ полотна желѣзной дороги, разстилались нивы, тянулись зеленые холмы, синѣли лѣса въ безбрежномъ пространствѣ. У Орлова на душѣ было тяжело и скверно; его теперь угнетала даже мысль о томъ, что онъ, какъ батракъ, долженъ вѣчно работать, биться, не имѣя даже возможности отдохнуть и забыться въ этой зеленой глуши, на лонѣ всеоживляющей природы. Ему вспоминалось его скорбное дѣтство, когда онъ знакомился съ природой въ тощемъ Екатерингофскомъ саду, въ жалкихъ церковныхъ оградахъ, на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. Тутъ ли было

Digitized by Google

развернуться здоровой и широкой натурѣ, тутъ ли было создаться цѣльному человѣку? А онъ еще былъ, быть-можетъ, самымъ счастливымъ изъ городской голи, изъ городскихъ пролетаріевъ, гибнущихъ въ духотѣ и пыли, увядающихъ, какъ увядаютъ чахлыя деревья городскихъ садовъ, лишенныя простора, чистаго воздуха и солнца.

— Станція Русовка!—раздалось у окна вагона.

Орловъ вскочилъ точно отъ электрическаго удара. Русовка!.. Это въ четырехъ, въ пяти верстахъ отъ села Русова, отъ *нея*. Какъ же онъ забылъ объ этомъ! Зачѣмъ онъ взялъ билетъ до Москвы? Убѣжать туда къ ней, забыться тамъ, вздохнуть свободно на вольномъ воздухѣ... Онъ схватилъ свой ручной чемоданчикъ и вышелъ, почти выбѣжалъ изъ вагона. Раздался звонокъ на станціи, но Орловъ уже бѣжалъ, завидѣвъ какую-то телѣгу близъ станціи. Черезъ двѣ-три минуты онъ уже сидѣлъ въ этой телѣгѣ и ѣхалъ по направленію къ Русову. Но у него былъ билетъ до Москвы? У него былъ багажъ въ багажномъ вагонѣ? Что за глупости. Стоитъ ли объ этомъ думать! Соскочилъ съ поѣзда и удралъ!.. Онъ смѣялся, какъ школьникъ, неожиданно убѣжавшій отъ гувернера въ лѣсъ, въ поле. Онъ даже обернулся на уносившійся вдаль поѣздъ и улыбнулся, точно говоря: «Что взялъ?.. Вотъ захотѣлъ и сбѣжалъ». За пять минутъ тому назадъ онъ и не подозрѣвалъ, что онъ способенъ на такое школьничество. Какъ онъ былъ радъ, что это такъ сдѣлалось! Какъ княжна удивится его пріѣзду, какъ она удивится его рѣшенію выйти въ отставку. Онъ проведетъ здѣсь день, другой, вдвоемъ съ нею, впервые съ нею въ этой благодатной глуши. Они будутъ гулять въ тихомъ паркѣ, въ лѣсу, среди полей; будутъ говорить безъ умолку, школьничать, какъ говорятъ и школьничаютъ только вдали отъ городовъ, вдали отъ гостиныхъ; кто знаетъ, можетъ-быть... Она говорила, что любящіе люди чутьемъ угадываютъ любовь, не объясняясь, не сватаясь... Можетъ быть, онъ, счастливый, сіяющій, замирающій отъ восторга, уловитъ это мгновеніе и тогда... Что ему карьера, что Петербургъ! Съ нею онъ будетъ вездѣ счастливъ! Она богата, но ему нужно не ея богатство: ему теперь нужнѣе всего женская ласка, тихій отдыхъ отъ мелкихъ дрязгъ, жизнь вдали отъ пошлыхъ людей. А мечты о крупной и широкой дѣятельности?—О, Богъ съ нею. Хоть бы мелкое дѣло дѣлать, но дѣлать его послѣдовательно, съ увѣренностью въ прочность, самостоятельно.. А вотъ и село.

Digitized by Google

— Это Русово?

— Да,—отвѣтилъ мужикъ, везшій Орлова.

— Гдѣ же господскій домъ?

— А вотъ тутъ свернемъ направо, а тамъ поворотимъ налѣво...

— Поѣзжай, поѣзжай, на водку дамъ!—заторопилъ Орловъ мужика.

Тотъ нахлесталъ лошаденку, телѣга запрыгала по мягкой, кочковатой дорогѣ, свернула направо, повернула налѣво.

— Вонъ господскій садъ!

— Стой, стой! Я черезъ садъ пойду!.. Ты свезешь чемоданъ во дворъ.

Орловъ выскочилъ изъ телѣги, расплатился и пошелъ по направленію къ саду. Это былъ старинный барскій садъ, съ широкой просѣкой на проѣзжую дорогу. Орловъ попробовалъ калитку чугунныхъ рѣшетчатыхъ воротъ: она была не заперта; онъ вошелъ въ нее и пошелъ просѣкой или главной аллеей къ дому. Вотъ и домъ виденъ, большой старинный домъ екатерининскихъ временъ; на широкой террасѣ, обставленной многолѣтними деревьями въ кадкахъ, съ каменными львами около нижнихъ ступеней, подъ бѣлыми спущенными маркизами, сидитъ въ креслахъ князь; въ сторонѣ на ступеняхъ террасы Ольга Родіоновна вяжетъ вѣчный шерстяной шарфъ; съ другого боку сидитъ она, княжна, и, по обыкновенію, неопредѣленно смотритъ куда-то вдаль, точно всматривается въ него, въ Орлова. Но кто же это тутъ еще сидитъ, повернувшись широкою спиной къ нему, къ Орлову? Орловъ еще не успѣлъ ничего сообразить, какъ княжна завидѣла его и бросилась ему навстрѣчу.

— Митя, какими судьбами!—воскликнула она и, сжимая ему руку, быстро проговорила тревожнымъ шопотомъ:— здѣсь Никаноръ Ивановичъ... Теперь его зовутъ Никаноровымъ.

Орлова точно холодной водой облили. Ему вдругъ какъ будто желчь подступила къ горлу. Ему вдругъ захотѣлось разразиться неудержимымъ злобнымъ хохотомъ надъ собой, надъ ними, надъ всѣми, кто подвернется подъ руку. Это было что-то невольное, безсознательное, непреодолимое...

— Заговорщики! — съ недоброй усмѣшкой прошепталъ онъ ей и направился къ террасѣ.

Князь, Ольга Родіоновна, Никаноръ Ивановичъ — всѣ удивились неожиданному пріѣзду Дмитрія Андреевича.

— Да вотъ пустился въ погоню за нимъ въ качествѣ

Digitized by Google

товарища прокурора,—сказалъ онъ, указывая на Благолѣпова. — Господинъ Никаноровъ сбѣжалъ вѣдь отъ насъ, укрывается. Надо же было прослѣдить.

Ему хотѣлось съ какимъ-то злорадствомъ напомнить о томъ, что Никаноръ Ивановичъ—поднадзорный.

— Ну, братъ, опоздалъ, опоздалъ!—добродушно сказалъ князь.—Съ него сняли надзоръ полиціи. Да и пустякъ это все было. Я такъ и полагалъ... Нѣтъ, а я-то хорошъ. Онъ прибылъ сюда, а я съ чего-то вообразилъ, что онъ носитъ другую совсѣмъ фамилію. Какъ я его, Соня, назвалъ-то?

— Благовѣщенскимъ, кажется, — отвѣтила княжна, подавляя смущеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, не такъ,—сказалъ князь.—Тоже память-то у тебя дѣвичья.

— Благолѣповымъ!—подсказала Ольга Родіоновна.

— Да, да, Благолѣповымъ!—сказалъ князь.—И съ чего это я? И какъ это пришло мнѣ въ голову?

— И благолѣпія-то во мнѣ никакого нѣтъ, — сказалъ шутливо Благолѣповъ, уже оправившись отъ смущенія.

— Ну, пойдетъ теперь самого себя выпучивать! — проговорилъ князь, махнувъ рукой, и обратился къ Орлову:— Ну, а ты какъ, что? Разсказывай все!

Всѣ усѣлись. Орловъ началъ разсказывать, что случилось за послѣднее время. Онъ говорилъ остроумно, ѣдко, саркастически. Казалось, въ этотъ мигъ ему все представлялось съ смѣшной, съ нелѣпой, съ глупой стороны. Надъ всѣмъ хотѣлось глумиться, издѣваться и прежде всего надъ самимъ собой. Онъ даже разсказалъ въ самомъ смѣшномъ видѣ, какъ онъ удралъ съ поѣзда сюда, какъ онъ чуть ли не языкъ показалъ кондукторамъ и пассажирамъ, удирая на телѣгѣ и уговаривая мужика нахлестывать лошадь.

— Ужъ очень горѣлъ нетерпѣніемъ увидать хоть на минуту, какъ это люди живутъ на землѣ въ раю,—закончилъ онъ съ ироніей свой разсказъ.

— Да, здѣсь Палестина!—проговорилъ Благолѣповъ.

— Ты тоже знаешь, гдѣ раки зимуютъ!—вскользь замѣтилъ Орловъ.

Онъ обернулся къ Ольгѣ Родіоновнѣ и сказалъ ей шутливымъ тономъ.

— Вотъ и я, Ольга Родіоновна, какъ уже говорилъ вамъ, мѣста хочу искать здѣсь сельскаго учителя или волостного писаря.

Digitized by Google

— Ну, а я тебѣ онять скажу, что тебѣ еще надо въ чины выйти,—сказала старушка, продолжая вязать шарфъ.

— Ахъ, вы опять старое повторяете. А я вотъ рѣшился крестьянскимъ ребятишкамъ носы вытирать... то бишь, учить ихъ складамъ, да сложенію и вычитанію...

— И совсѣмъ это ты глупости говоришь, и не къ лицу это тебѣ,—наставительно сказала старушка.

— Что это—глупости-то говорить?.. Это всѣмъ къ лицу!

— Нѣтъ, крестьянскихъ дѣтей учить не къ лицу тебѣ...

Орловъ почему-то вспылилъ.

— А Софьѣ Александровнѣ къ лицу?—спросилъ онъ.

— Разумѣется, къ лицу, если это доставляетъ ей удовольствіе и развлеченіе, а для другихъ доброе дѣло.

Орловъ засмѣялся.

— А, значитъ, отъ бездѣлья и то рукодѣлье!.. Такъ вы вотъ какъ смотрите, Ольга Родіоновна! Такъ и будемъ знать...

Онъ начиналъ уже бѣситься на себя за этотъ разговоръ и не могъ отъ него удержаться, не могъ перемѣнить тона, чувствуя всю пошлость своего положенія, своего тона. Ольга Родіоновна, какъ на зло, продолжала: ...

— Тебя бы на мѣсяцъ здѣсь запереть, такъ ты бы сбѣжалъ отсюда, потому привыкли вы тамъ, столичные-то, по баламъ, да по театрамъ порхать, а здѣсь человѣкъ самъ съ собой долженъ жить.

— Какъ это такъ самъ съ собой?

— Извѣстно, какъ. Тамъ ты работу кончилъ, да и полетѣлъ сегодня на балъ, завтра въ театръ, тамъ въ собраніе... Такъ вся жизнь и проходитъ подъ музыку. Ну, а здѣсь, какъ приходится сегодня, да завтра одному остаться, такъ и привыкнешь самъ съ собой жить, въ себя всматриваться...

— Съ круга спиваться,—закончилъ въ тонъ ей Орловъ.

— Да кому какъ. Одни съ круга спиваются, другіе людьми становятся...

Старушка опустила вязанье и начала его свертывать.

— Въ деревнѣ, какъ въ монастырѣ, либо совсѣмъ никуда негоднымъ человѣкомъ станешь, либо подвижникомъ сдѣлаешься,—сказала она.

— Да и въ городѣ, Ольга Родіоновна, тоже: либо подлецъ, либо честный,—сказалъ Орловъ, смѣясь.

Она посмотрѣла на него серьезнымъ взглядомъ.

— Ну, нѣтъ, ты этого не говори. Въ городѣ подъ одну

Digitized by Google

краєку всѣ себя подгоняютъ. Тамъ человѣкъ не самъ идетъ, а вѣтеръ его гонитъ.

Она поднялась съ мѣста.

— Тамъ иному-то и въ годъ ни разу не удастся себѣ въ душу-то заглянуть: сегодня у самого гости, завтра самъ въ гостяхъ; тутъ подпоили, тамъ протанцовалъ до бѣла дня. Послѣ такой-то жизни деревня—адъ: тутъ вѣдь безъ этой музыки работать надо.

Ольга Родіоновна неторопливо ушла съ террасы. Въ головѣ Орлова опять мелькнула мысль: «а, такъ ты вотъ какъ на меня смотришь! Музыка мнѣ нужна для работы». Князь уже уснулъ, и Дмитрій Андреевичъ остался съ глазу на глазъ съ княжной и Благолѣповымъ.

— Ну-съ, такъ вы заговоръ здѣсь устраиваете? — сказалъ онъ.

— Какой заговоръ?—спросила княжна.

— Да какъ же: человѣкъ съ фальшивымъ паспортомъ!..

— Я же мимоходомъ зашелъ, — сказалъ Благолѣповъ, какъ бы извиняясь.—Хотѣлъ барышню повидать...

— Я вамъ сказала, что я васъ не отпущу, — замѣтила княжна, обернувшись къ нему. — Отецъ готовъ взять васъ въ управляющіе въ Русово. А то такъ въ волостные писаря поступите. Съ его рекомендаціей возьмутъ. Но лучше первое. Вы естественникъ, вы много читали по части сельскаго хозяйства и будете не безполезны...

— Да, я, пожалуй,—нерѣшительно замѣтилъ Благолѣповъ.

— Да вы, господа, точно младенцы разсуждаете, — сказалъ Орловъ.—Обо всемъ говорите, а паспортъ забываете...

— Да паспортъ въ порядкѣ. Какой чортъ узнаетъ, кто я—Благолѣповъ, Зломраковъ или Чортъ Ивановъ?—нетерпѣливо замѣтилъ Благолѣповъ.

— А если, милый мой, узнаютъ? Похвалятъ васъ за это? Одобрятъ Софью Александровну? Поблагодарятъ князя?

— О, папа стоитъ выше всякихъ подозрѣній, и я...

— Полагаешь, что ты такъ отъ всего и застрахована, потому что ты — княжна Русова?.. Конечно, смотря такъ на дѣло, отчего же и не пошалить...

Княжна вспыхнула.

— Тутъ дѣло не въ шалостяхъ вовсе. Я сама совѣтовала Никанору Ивановичу воспользоваться этимъ выходомъ. Можетъ-быть, это было необдуманно, опрометчиво, но онъ послушался, и я обязана теперь предложить ему мѣсто здѣсь, потому что здѣсь безопаснѣе.

Digitized by Google

— Да вы не безпокойтесь, — началъ Благолѣповъ, но она перебила его:

— И кромѣ того, я рада, что здѣсь будетъ человѣкъ, который будетъ дѣлать дѣло со мною, будетъ помогать мнѣ. Мнѣ еще нужны указанія, совѣты...

— Какъ учить дѣтей азбукѣ? Это даже старые дьячки умѣли дѣлать.

— Что это, Митя, какой ты сегодня странный?—грустнымъ тономъ спросила княжна.

Дмитрій Андреевичъ вспылилъ. Въ сущности, онъ не могъ дать себѣ отчета, на кого онъ теперь сердится: на себя, на нее, на Благолѣпова, — но сдержаться онъ былъ не въ состояніи.

— Да вѣдь это смѣшно, Соня!—воскликнулъ онъ.—Хочешь ты учить отъ скуки ребятишекъ; онъ хочетъ, чтобы не болтаться даромъ, поступить въ управляющіе, а говорите вы объ этомъ такимъ тономъ, точно міръ спасать намѣрены...

Княжна широко открыла глаза и въ недоумѣніи взглянула сперва на Благолѣпова, чертившаго что-то по землѣ палкою, потомъ на Орлова.

— Онъ, кажется, ничего не говорилъ, а я сказала, что онъ мнѣ можетъ помочь, вотъ и все,— просто сказала она.— Гдѣ же тутъ рѣчи о спасеніи міра? Я должна здѣсь жить, значитъ и приходится задуматься надъ вопросомъ, что дѣлать здѣсь. Онъ — ему тоже удобнѣе здѣсь жить, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ,—значитъ и онъ долженъ думать, что дѣлать ему здѣсь. Если я говорю, что мнѣ хотѣлось бы сдѣлать здѣсь что-нибудь хорошее, принести какую-нибудь пользу людямъ, то я думаю, что тутъ нѣтъ ничего смѣшного, ничего страннаго. Гранпасьянсы раскладывать намъ ѣще рано, сидѣть сложа руки—скучно, а придумывать, какъ бы насолить ближнимъ, — ты, вѣрно, о насъ не такого дурного мнѣнія.

«Мы», «насъ», «намъ»! Съ какой стати она употребляетъ эти выраженія? Что онъ ей? Что между ними общаго? Влюбилась? Нечего сказать, есть въ кого! Обломъ, неотесанный медвѣдь, бурсакъ! И зачѣмъ пріѣхалъ сюда онъ, Орловъ? На что онъ надѣялся? Развѣ онъ не понялъ княжну? Ей нужны или падшіе, чтобъ ихъ спасать, или герои, чтобы создать изъ нихъ идоловъ. «Властолюбивая принцесса»... Да, дядя Лампадовъ угадалъ ее: непомѣрное самолюбіе избалованной барышни-аристократки и фантазерство начи-

Digitized by Google

тавшейся романовъ и наслушавшейся громкихъ фразъ дѣвочки». Эти мысли вихремъ пронеслись въ головѣ Орлова, и онъ не замѣчалъ даже неловкаго молчанія, воцарившагося въ ихъ группѣ.

— Какъ ты думаешь, Митя, устроиться въ Петербургѣ?— спросила его княжна, желая прервать его молчаніе.

Въ головѣ Орлова мелькнула мысль: «Выживаетъ. Она была бы очень рада, если-бъ я сейчасъ же уѣхалъ».

— Почему я знаю?—отвѣтилъ онъ.—Войду въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ...

— Да, кстати, объ этомъ сегодня уже есть въ газетахъ,— сказалъ Благолѣповъ.

Дмитрія Андреевича всего передернуло. Онъ самъ сообщилъ объ этомъ въ Петербургъ, и его взбѣсило замѣчаніе товарища, точно онъ подозрѣвалъ, что Благолѣповъ хотѣлъ сказать ему: «А ты ужъ успѣлъ и напечатать объ этомъ».

— Вѣчно услужать не кстати! — отрывисто сказалъ Орловъ.—Очень можетъ быть, что я вовсе и не выйду въ отставку... Наконецъ, вопросъ объ адвокатурѣ вовсе еще не рѣшенъ мною,—можетъ-быть, я изберу карьеру ученаго... Слава Богу, не старъ еще, не отупѣлъ, не клиномъ свѣтъ передо мной сошелся...

— Тебѣ тяжело будетъ первое время,—замѣтила княжна.

— Въ матеріальномъ отношеніи?—спросилъ онъ.—Что-жъ, я не въ кружевныхъ пеленкахъ выросъ и никогда не жилъ въ роскоши. Мнѣ даромъ ничего не давалось, и если у меня когда былъ кусокъ хлѣба, такъ я зарабатывалъ его самъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Слава Богу, все могли отнять люди, все, только это право и оставили—право гордиться тѣмъ, что дармоѣдомъ не былъ и подлостью не зарабатывалъ хлѣба...

Онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и, разсѣянно оглядываясь кругомъ, равнодушнымъ голосомъ замѣтилъ:

— А хорошо у васъ тутъ, только, должно-быть, скучно зимой... Ольга Родіоновна права,—я не ужился бы тутъ. Мнѣ все казалось бы, что я въ тюрьмѣ, связанный по рукамъ и по ногамъ.

Ему не возражали.

— Ты тоже въ концѣ концовъ соскучишься,—сказалъ онъ княжнѣ.

— Потому-то я и хочу придумать дѣло себѣ,—отвѣтила она.

Digitized by Google

— Учить дѣтей? Лѣчить больныхъ?.. Мелко все это, мой другъ, очень мелко, и потому скоро надоѣсть. Убѣдишься ты, что, уча дѣтей, ты только отбиваешь хлѣбъ у той бѣдной учительницы, которую ты могла бы нанять вмѣсто себя; занимаясь лѣченьемъ, ты убѣдишься, что докторъ сдѣлалъ бы это гораздо основательнѣе, и что ты сдѣлала бы гораздо лучше, нанявъ его, а не дѣлая за него того, что тебѣ мало знакомо. Вѣдь, какъ ты ни поворачивай вопроса, а все, что ты можешь сдѣлать здѣсь, будетъ тою же филантропіей, которой занимались и занимаются сотни другихъ барынь, и которая выражается простою формулой: возьми съ мужика-работника рубль и раздай изъ этого рубля десять копеекъ десяти тунеядцамъ—и прославятъ матушкой-барыней, матерью сиротъ и защитницей слабыхъ...

— Да, я тоже часто объ этомъ думаю,—коротко согласилась княжна.

Орлова опять взбѣсило, что она не противорѣчитъ, что онъ не можетъ вступить съ ней въ горячій споръ и разбить ея доводы.

— Думаешь, и все-таки хочешь заняться этимъ дѣломъ?— сказалъ онъ съ ироніей.

— Но, вѣдь, покуда живъ отецъ, что же я могу здѣсь дѣлать?—спросила она.

— Ахъ, такъ это покуда? Серьезное дѣло еще впереди... А послѣ что станешь дѣлать?

— Я боюсь, Митя, даже думать о смерти отца,—тихо, почти съ упрекомъ, сказала княжна.

Орловъ сконфузился и извинился.

— А я вчера получила письмо отъ Александра,—замѣтила княжна, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Кутежи свои описываетъ?—съ усмѣшкой спросилъ Орловъ.

— Кутежи?—почти съ удивленіемъ сказала княжна.— Ахъ, да, ты вѣдь давно ничего о немъ не слыхалъ и потому не знаешь... Онъ совершенно измѣнился, серьезно занимается, учится.

— Тоже въ сельскіе учителя готовится?

— Нѣтъ, онъ готовится къ земской дѣятельности.

— Вотъ какъ!.. Что-жъ, когда наслѣдственныя имѣнія есть, можно надѣяться сдѣлаться воротилой въ земствѣ.

Разговоръ опять оборвался.

Этотъ день тянулся для Орлова безконечно долго. На утро онъ хотѣлъ ѣхать обратно. Онъ уѣхалъ бы раньше.

Digitized by Google

но до утра не было поѣздовъ. Вечеромъ онъ простился съ княжной и съ княземъ, такъ какъ по утру онъ намѣренъ былъ выѣхать рано, чтобы не опоздать къ поѣзду. Князь, между прочимъ, говоря съ нимъ наединѣ, замѣтилъ ему, чтобъ онъ не стѣснялся и въ случаѣ нужды обратился бы къ нему. Старикъ сдѣлалъ это предложеніе теплымъ тономъ, въ осторожныхъ выраженіяхъ. Но Орлова точно укололо это предложеніе.

— Вы знаете, Александръ Владиміровичъ, что я въ этомъ отношеніи неисправимъ,—отвѣтилъ онъ.—Чѣмъ больше я люблю человѣка, тѣмъ тяжелѣе мнѣ нарушать эти отношенія денежными одолженіями, матеріальною зависимостью. Впрочемъ, мнѣ, вѣроятно, даже и не придется нуждаться,—не совсѣмъ же я безталанный и лѣнивый работникъ...

Проходя въ отведенную ему комнату, онъ долженъ былъ идти съ Благолѣповымъ, такъ какъ тотъ спалъ рядомъ. Они впервые остались въ этотъ день съ глазу на глазъ. Орловъ почти не говорилъ съ нимъ днемъ, и когда Благолѣповъ заговаривалъ съ нимъ, онъ сухо отвѣчалъ на его вопросы. Теперь ему было досадно даже и то, что Благолѣповъ, а не лакей, велъ его въ отведенную ему комнату. «Точно у себя дома, думалось ему. Что-жъ, «у попа завидущіе глаза», не даромъ пословица говоритъ. Хорошій кусокъ урвать здѣсь можетъ».

— Вотъ твое логово,—сказалъ Благолѣповъ, вводя Орлова въ комнату.—Я тутъ же рядомъ. Постучу завтра, когда нужно будетъ ѣхать...

— Да что, здѣсь слугъ нѣтъ, что ли, чтобы разбудить?

— Вонъ выдумалъ! Полкъ цѣлой дворни... А я потому, что я все равно тутъ рядомъ сплю и встаю рано.

— Давно ты здѣсь?—не утерпѣлъ Орловъ, чтобы не спросить...

— Съ недѣлю или больше,—отвѣтилъ Благолѣповъ.—Вотъ какъ былъ тогда у тебя, такъ сюда и проперъ...

— Съ чего это таинственность-то напустилъ? Не сказалъ, что сюда идешь...

— Да что же болтать?.. Ты въ такомъ положеніи стоишь...

— Что это ты? Думалъ, что донесу?

— Ну!—проговорилъ не безъ удивленія Благолѣповъ.—Просто тебя путать въ это дѣло не хотѣлъ... Ты—человѣкъ служащій, самъ на дурномъ счету... Оно лучше, когда съ чистой совѣстью можешь сказать, что знать не зналъ и вѣдать не вѣдалъ...

Digitized by Google

— А ее путать въ это дѣло ничего?

Благолѣповъ замялся.

— Она что-жъ?.. Я мимоходомъ зашелъ... Она сама настояла, чтобъ остался... Да я и не запутаю ея, коли что случится... Скажу, что искалъ мѣста, что взяли они, а кто я дѣйствительно—того не знали... Выдать некому...

— Не такія, братъ, вещи раскапывали!..

Благолѣповъ нахмурился и махнулъ рукой.

— Что будетъ, то будетъ, а уйти я не могу... Да и она не пуститъ...

— Вотъ какъ! Она не пуститъ!..

— Ну да, не пустить человѣка бѣжать только ради того, что, можетъ-быть, изъ-за него когда-нибудь непріятности выйдутъ... Не такой она человѣкъ!

— Ты ужъ не влюбленъ ли въ нее? Не жениться ли на ней задумалъ?—спросилъ Орловъ и самъ устыдился этого вопроса.

Благолѣповъ серьезно взглянулъ ему въ лицо.

— Что-жъ ты не продолжаешь?—проговорилъ онъ.—Сказалъ бы еще, что она—выгодная невѣста, а мнѣ, молъ, голяку, это и на руку. Обойду ее, силой сдѣлаю любовницей,—ну, а потомъ придется за меня и замужъ идти... Эхъ, Дмитрій, Дмитрій, совсѣмъ тебя изломала жизнь!

Благолѣповъ махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

— Послушай... Ты извини!—крикнулъ ему сконфуженный Дмитрій Андреевичъ.

Благолѣповъ не отозвался. Дмитрій Андреевичъ слышалъ, какъ щелкнулъ замокъ въ его комнатѣ, какъ Благолѣповъ грузно легъ на постель и задулъ свѣчу.

Орлову не спалось. Онъ внутренно бранилъ себя за свою выходку, за свои разговоры въ этотъ день, за свою поѣздку сюда. Онъ чувствовалъ, что у него навсегда порвалась прежняя связь и съ княжной, и съ Благолѣповымъ. А съ кѣмъ же у него не порвана внутренняя связь? У кого вообще не порваны внутреннія связи съ ближними? Не есть ли этотъ всеобщій внутренній разладъ—знаменіе нашего времени?.. Онъ остановился на вопросѣ, была ли у него и прежде, до сегодняшняго дня, прочная внутренняя связь съ княжной и Благолѣповымъ?—Нѣтъ, ихъ сближеніе было чисто внѣшнее, случайное, безъ твердой вѣры другъ въ друга; оно должно было рано или поздно порваться, и порвалось изъ-за пустяковъ; если бы не случилось этого теперь, это случилось бы потомъ; даже хуже: потомъ на-

Digitized by Google

ступило бы просто полное охлажденіе. Они держались другъ за друга, покуда имъ было нужно дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими горестями и сомнѣніями. Но не потому ли онъ порвалъ съ ними, что въ немъ пробудилась ревность?— Нѣтъ, это была только послѣдняя капля, переполнившая чашу. Съ первой встрѣчи Благолѣпова и княжны съ нимъ, съ Орловымъ, можно было угадать, что между ними все порвано, или, вѣрнѣе, что прочной связи между ними и не было никогда, хотя они всѣ трое одинаково называли бѣлое бѣлымъ и черное чернымъ. Но они смотрѣли другъ на друга свысока, когда рѣчь шла о дѣятельности. Развѣ Благолѣповъ и княжна не видѣли въ стремленіяхъ Орлова одного стремленія къ карьерѣ и, быть-можетъ, только къ карьерѣ ради карьеры? А развѣ онъ не смотрѣлъ на мечты княжны о школѣ для народа, какъ на честныя, но очень мало имѣвшія затѣи доброй барышни? Не видѣлъ ли онъ, Орловъ, въ Благолѣповѣ силу, но свихнувшуюся, загубленную, способную растратиться, подъ вліяніемъ возбужденія, на какіе-нибудь грандіозные заговоры, но не способную на мелкій и упорный будничный трудъ? Онъ, можетъ-быть, даже еще ниже цѣнилъ Благолѣпова, видя въ немъ будущаго Пигасова или Ноздрева. Теперь все это вдругъ стало ему ясно: онъ внезапно вспомнилъ разные полунамеки, недосказанныя фразы, ироническія улыбки— все то, въ чемъ сквозила ихъ внутренняя рознь и что, повидимому, проходило прежде незамѣченнымъ, безслѣднымъ; онъ, точно озаренный какимъ-то новымъ свѣтомъ, понялъ ясно, почему между ними могло все такъ скоро, такъ разомъ порваться. Иначе и не можетъ быть, когда между людьми существуетъ связь чисто внѣшняя, безъ твердой вѣры другъ въ друга, безъ сознанія необходимости ихъ другъ для друга,—связь, основанная только на томъ, что они бранятъ одно и то же. Это повторяется у насъ вездѣ и всюду. Люди наживы, карьеры, узкаго эгоизма, по самому характеру своихъ жизненныхъ задачъ, глядятъ на окружающихъ—какъ враги на враговъ, стараясь урвать себѣ все и не дать ничего другимъ. Ихъ рознь съ ближними понятна сама собою. Но и люди, такъ или иначе любящіе родину, стремящіеся принести ей пользу, желающіе служить ей, расходятся во взглядахъ на пути и средства для достиженія желанной цѣли, не умѣютъ придти ни къ какому соглашенію съ единомышленниками, не умѣютъ дѣлать мелкихъ уступокъ другъ другу для того, чтобы сплотиться.

Digitized by Google

Это фактъ; но можетъ ли и быть иначе? Эти люди, съ одной стороны, по умственному развитію, по положенію въ свѣтѣ, по воспитанію принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ категоріямъ, не имѣя ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ ничего общаго между собою; а съ другой стороны, они не имѣютъ даже возможности спѣться: говоря много и часто о томъ, что дурно, о томъ, что нужно передѣлать, они говорятъ о цѣляхъ и средствахъ только урывками, полусловами, намеками, тайкомъ, точно воры и злоумышленники, и потому въ ихъ средѣ что человѣкъ—то партія. Вотъ въ чемъ трагизмъ нашей жизни, жизни современнаго человѣка. Онъ сознаетъ, что дѣти разошлись съ отцами; но это еще не значитъ, чтобы дѣти нашли возможность создать что-нибудь новое, и не создадутъ они-ничего новаго, покуда у нихъ не явится возможности сплотиться между собою, договориться громко и ясно до цѣлей и средствъ и размежеваться между собою на сплоченные кружки и партіи. Покуда не будетъ этого, наше поколѣніе будетъ хандрить, жаловаться, враждовать, сѣять недовольство—и только, и только. Безъ этого не будетъ ни у кого вѣры въ серьезность и въ прочность начатаго имъ дѣла, избраннаго имъ пути,—будетъ только толченіе воды въ ступѣ, выражающееся сегодня въ стремленіи княжны Софьи Александровны прежде всего обучить крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, завтра—въ поползновеніи Никанора Благолѣпова, въ качествѣ управляющаго, волостного писаря или чего-нибудь подобнаго, наставить, развить и оберечь отъ несправедливой власти мужиковъ, послѣзавтра—въ опасной пропагандѣ и подбрасываніи прокламацій какимъ-нибудь одинокимъ юнцомъ, а тамъ—годы тюрьмы за нѣсколько не принесшихъ никакой существенной пользы глупыхъ попытокъ, разочарованіе въ дѣятельности всей жизни, ссылка на каторгу, самоубійство въ припадкѣ отчаянья и сознанія своего безсилія или, что еще страшнѣе, ренегатство. Что же и ждать другого, когда желаніе блага народу, родинѣ покуда по необходимости слагается въ формы какихъ-то тайныхъ сообществъ, заговоровъ, преступленій—когда не умѣютъ открыто, всесторонне, серьезно и спокойно обсудить всѣхъ язвъ, разъѣдающихъ общество, вредящихъ его естественному росту, губящихъ производительныя силы? При такомъ положеніи, когда кромѣ высказыванья общихъ мѣстъ о честности своихъ стремленій, на что способенъ и каждый подлецъ, нельзя никому произнести громко свой

Digitized by Google

символъ вѣры,—не мудрено, если на каждаго будутъ смотрѣть подозрительно даже его единомышленники, если каждый будетъ чувствовать себя одинокимъ, не связаннымъ прочно ни съ кѣмъ. Да, въ настоящее время у всѣхъ или нѣтъ вѣры въ свое дѣло, или нѣтъ вѣры въ ближнихъ. Это сознается всѣми, но это сознаніе нисколько не облегчаетъ... Всѣ эти мысли всю ночь не давали покоя Орлову, и чѣмъ дальше развивались онѣ, тѣмъ яснѣе и яснѣе онъ сознавалъ, что надо бороться, бороться всѣми средствами, всѣми путями прежде всего за одно: за свободу слова, за свободу личности. Пока не будетъ этого, будетъ страшная рознь, страшная подозрительность, страшное принимание своихъ за враговъ и враговъ за своихъ и та вѣчная ловля рыбы въ мутной водѣ со стороны аферистовъ, казнокрадовъ, взяточниковъ, міроѣдовъ, заговорщиковъ, всего того люда, которому на руки всякія недоразумѣнія.

Подъ утро Орловъ открылъ окно. На него пахнуло изъ сада прохладнымъ, бодрящимъ воздухомъ. Онъ постоялъ нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ пѣнію и щебетанью птицъ, къ шелесту листьевъ, вдыхая свѣжесть утра. Ему стало вдругъ какъ-то легко, на душѣ все точно улеглось и затихло. Въ ней не было ни озлобленія, ни сожалѣній. Ему захотѣлось вырваться поскорѣй изъ этого спящаго дома, пройтись пѣшкомъ. Онъ прошелъ въ коридоръ, нашелъ и разбудилъ слугу, сказалъ, чтобы прислали на станцію его дорожный чемоданчикъ, и вышелъ изъ дому.

— А какъ же вы, баринъ?—спросилъ лакей.

— Что-жъ, дойду и одинъ,—отвѣтилъ Орловъ.

Къ чему относились эти слова: къ вопросу лакея или къ думамъ о томъ пути, которому еще не видѣлось конца, и который называется жизнью? Дойду и одинъ!.. Одному труднѣе, чѣмъ вмѣстѣ... Но на нѣтъ и суда нѣтъ... Одному легче сбиться съ пути, легче упасть. Нужно быть постоянно настороже, слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ. Вотъ Ольга Родіоновна говорила, что въ деревнѣ людямъ приходится жить съ самими собою. А тамъ, въ омутѣ столицы, развѣ ему, Орлову, не придется жить только съ самимъ собою?

Digitized by Google

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

Вечерній поѣздъ николаевской желѣзной дороги съ пыхтѣньемъ и свистомъ, скрипя заторможенными колесами, вошелъ подъ навѣсъ петербургскаго дебаркадера.

На платформѣ, довольно слабо освѣщенной газовыми фонарями, группы людей ожидали пріѣзжихъ. Нѣсколько темныхъ личностей сновало тутъ же, наперебой предлагая пассажирамъ, выходившимъ изъ вагоновъ, «гостиницы», «номера» и «меблированныя комнаты». Носильщики уже суетились у отгороженнаго деревянною рѣшеткой мѣста около багажнаго вагона. Среди толпы, торопливо выходившей изъ вагоновъ второго класса, только одинъ человѣкъ терпѣливо переждалъ, когда будетъ немного посвободнѣе выйти, и сталъ пробираться къ тому мѣсту, гдѣ выдавали багажъ. Его блѣдное, исхудалое лицо казалось усталымъ; онъ шелъ тихо, медленно, не всматриваясь въ лица окружающихъ его людей, не обращая вниманія на предложенія «номеровъ» и «комнатъ». Повидимому, онъ никуда не спѣшилъ, не ожидалъ никакой встрѣчи съ знакомыми или близкими, не нуждался въ наймѣ квартиры. Получивъ свой багажъ, онъ велѣлъ нести его за собой носильщику, вышелъ на боковой подъѣздъ дебаркадера и крикнулъ извозчика:

— Въ Захолустную улицу!—проговорилъ онъ и, не торопясь, сѣлъ на поданныя дрожки, расплатившись съ носильщикомъ багажа.

Дрожки тронулись, задребезжали колесами, проѣхали подъ аркой воротъ, и путникъ очутился на Знаменской площади. Его со всѣхъ сторонъ охватили тьма дождливой осенней ночи, немолчный стукъ колесъ, крики извозчиковъ, говоръ пѣшеходовъ, какой-то смутный гулъ звуковъ, похожій на

Digitized by Google

немолчный ропотъ бушующаго моря. Ему стало какъ-то жутко, точно страшно. Онъ родился въ Петербургѣ, онъ жилъ здѣсь безвыѣздно десятки лѣтъ, но никогда не испытывалъ онъ прежде этого ощущенія, охватившаго его теперь, когда онъ снова возвратился въ столицу послѣ долгаго пребыванія въ провинціи. Онъ сознавалъ, что и тутъ онъ всѣмъ чужой, и всѣ чужды ему, что тутъ его ждетъ борьба на жизнь и смерть, что тутъ вся задача жизни заключается въ стремленіи обогнать другого, перешагнуть черезъ другого, задавить другого. Какая-то щегольская карета пронеслась около его дрожекъ и обдала его съ ногъ до головы брызгами жидкой грязи.

— Чего ты спишь-то!—раздражительно проговорилъ онъ извозчику.—И не торгуешься съ вами, а все-таки, точно за покойникомъ ѣдете!

Онъ вынулъ платокъ и отеръ забрызганное грязью лицо. Но въ эту минуту пронесся еще экипажъ, и опять обдало его грязью.

— Черти, черти, точно на пожаръ скачутъ!—проворчалъ онъ и сердитымъ тономъ приказалъ извозчику:—Сверни куда-нибудь въ улицу,—по Невскому только грязи наглотаешься. И для чего не повезъ по Лиговкѣ?

— Дорога тамъ плоха,—отвѣтилъ извозчикъ и свернулъ въ Николаевскую улицу.

Чѣмъ дальше они отъѣзжали отъ Невскаго, тѣмъ тише становился шумъ, тѣмъ менѣе встрѣчалось народу, тѣмъ темнѣе становилось кругомъ.

Наконецъ, по сторонамъ начали появляться деревянные дома, потянулись заборы, фонари стали рѣже, шумъ умолкъ совершенно.

«А... вотъ и начало родного захолустья!»—промелькнула въ головѣ путника мысль, и по его лицу пробѣжала горькая, ироническая улыбка.

Еще два-три поворота изъ одной улицы въ другую—и дрожки въѣхали въ Захолустную улицу, увязая въ грязи. Путникъ указалъ извозчику, гдѣ остановиться. Онъ хорошо еще помнилъ всѣ дома въ этой улицѣ. Онъ расплатился, подъѣхавъ къ воротамъ указаннаго дома, взялъ чемоданъ и вошелъ во дворъ небольшого деревяннаго строенія, поднялся по темной лѣстницѣ, ощупью нашелъ дверь...

— Митя, голубчикъ!

— Братецъ!

— Дмитрій, здравствуй!

Digitized by Google

Дмитрій Андреевичъ Орловъ сразу узналъ голоса сестры, Леши и отца, и десятки поцѣлуевъ зазвучали въ квартирѣ Орловыхъ.

— Сейчасъ самоваръ подадимъ! Раздѣвайся, голубчикъ; отдохни съ дороги, усталъ, я думаю; тоже не шутка, сколько проѣхалъ! И какъ похудѣлъ-то, какъ измѣнился-то!— заговорила Анна Андреевна, засуетившись около брата.

Она была въ узкомъ черномъ платьѣ, худая и блѣдная, точно испостившаяся монахиня.

— Да, да, братъ, похудѣлъ, сильно похудѣлъ!—говорилъ Андрей Ивановичъ, смотря на сына.

— Вы теперь, братецъ, совсѣмъ къ намъ пріѣхали?— спросилъ Леша.—Я, братецъ, много плакалъ объ васъ... Вы тоже, братецъ, плакали?.. Худой вы теперь, худой... Прежде вы, братецъ, не были худымъ...

Анна Андреевна тихо вздохнула, и по этому тихому вздоху было ясно, что ей было тяжело увидѣть такую перемѣну въ братѣ. А онъ смотрѣлъ на нихъ, и ему казалось, что они все тѣ же, что вокругъ нихъ все то же, что они говорятъ все такъ же, точно они провели эти годы разлуки въ заколдованномъ царствѣ вѣчнаго сна. Онъ всматривался въ нихъ и не могъ сообразить, произошла ли въ нихъ хоть какая-нибудь перемѣна въ пролетѣвшіе надъ ними годы. Была ли сестра его тогда такъ же желта, или она пожелтѣла только за это время? Былъ ли Леша тогда такимъ же румянымъ и толстымъ, какъ теперь, или это онъ раздобрѣлъ такъ только во дни разлуки? А отецъ... Дмитрій Андреевичъ никакъ не могъ вспомнить, былъ ли совершенно лысымъ тогда отецъ или нѣтъ. Ему даже хотѣлось спросить объ этомъ отца, но стало какъ будто совѣстно. Да нѣтъ, отецъ и тогда былъ такимъ же лысымъ, иначе эта перемѣна сразу бросилась бы въ глаза ему, Дмитрію Андреевичу.

— А что дядя Лампадовъ?—спросилъ онъ.—Живъ еще?

— Что дядя! Живъ-то живъ, да совсѣмъ изъ ума выживаетъ послѣ смерти Ольги Григорьевны,—отвѣтила Анна Андреевна.—Совсѣмъ почти изъ дому не выходитъ, а и выйдетъ, такъ за нимъ, какъ за ребенкомъ, присмотрѣть надо. То безъ галстука уйдетъ, то безъ калошъ. Если бы не его Магдалина, такъ просто посмѣшищемъ бы сталъ. Она еще и пріодѣнетъ его, и оправитъ... А теперь уже и совсѣмъ плохъ, выходить пересталъ, не сегодня, завтра умретъ...

— Бѣдняга!—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ задумчиво.—Еще слава Богу, что Магдалина такая преданная...

Digitized by Google

— Говорятъ, братецъ, что и нажилась зато она у него,— сказала Анна Андреевна.—Тоже онъ, я думаю, и самъ не помнитъ, что у него есть. И не одна она наживается около него. Ей-то и Богъ велѣлъ,—тоже бѣдная женщина,—а то другіе... Осѣтили его разные крестники, да посаженныя дѣти покойной Ольги Григорьевны и его—точно вороны около падали, прости, Господи, мое согрѣшеніе! Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ по кусочкамъ его добро.

Анна Андреевна вдругъ понизила тонъ.

— Слава Богу, что вы во-время пріѣхали, братецъ,— сказала она таинственно.—Вѣдь родныхъ-то только у старика и есть, что мы. Я потому и писала вамъ, просила пріѣхать... Мамаша всегда говорила, что кромѣ насъ никого у него нѣтъ наслѣдниковъ. Если умретъ, жаль все на вѣтеръ бросить. Не богачи мы какіе, чтобы наслѣдствомъ пренебрегать. У старика скоплено, скоплено,—это всѣ говорятъ.

— Ну, Богъ съ нимъ, съ чужимъ добромъ,—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Какъ, братецъ, Богъ съ нимъ?—воскликнула Анна Андреевна.—Что же, въ казну отдавать развѣ? Казна, голубчикъ, и безъ насъ богата. Сама со всѣхъ береть. Спасибо она намъ не скажетъ за то, что все ей отдадимъ на разграбленіе. А не возьмемъ мы, кто же имѣетъ право взять, кромѣ казны? Крестники—не наслѣдники. Да и не возьмете вы, братецъ, такъ вамъ же хоронить придется на свой счетъ,—чужіе хоронить не станутъ. А нынче времена-то какія, братецъ: все дорожаетъ, ни къ чему приступу нѣтъ...

И снова услышалъ Дмитрій Андреевичъ длинную исторію о томъ, какъ нынче трудно жить, какъ дерутъ купцы за все, какъ и правительство не думаетъ о бѣдныхъ людяхъ, какъ никто ни за чѣмъ не смотритъ, и всѣ грабятъ. Дмитрію Андреевичу казалось, что онъ только вчера слышалъ эти самые толки, желчные, вырывавшіеся изъ глубины души, вызванные тяжелымъ жизненнымъ гнетомъ. Его не удивляли эти толки, но его удивляло то, что онъ слышитъ ихъ уже не отъ покойной матери, а отъ сестры Ани, отъ этого человѣка не отъ міра сего.

— И ты, Аня, то же говоришь, что когда-то мама говорила,—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Я теперь хозяйничаю, братецъ,—коротко отвѣтила Анна Андреевна, заваривая чай.

Digitized by Google

— Да, да, братецъ, хозяйка она у насъ, — сказалъ Андрей Ивановичъ. — Такая экономка, что не приведи, Господи!

— Надо же концы съ концами сводить,—сухо проговорила Анна Андреевна.—Изъ дому-то всѣ умѣютъ тащить, а въ домъ что-то мало несутъ. А не хватитъ денегъ, никто не дастъ. Богатый пойди занимать, всѣ дадутъ, а приди съ голоду просить, всѣ откажутъ.

И опять послышались знакомыя фразы, знакомыя истины. Дмитрій Андреевичъ обвелъ глазами комнату; въ ней было все по-старому: та же неуклюжая старая мебель тусклаго краснаго дерева съ ситцевой обивкой, тѣ же жалкіе цвѣты на окнахъ, тѣ же фольговые образа въ кіотѣ въ углу, тотъ же крашенный, протертый ногами, полъ, тотъ же низенькій придавливающій, какъ крыша гроба, потолокъ. Онъ чувствовалъ, что въ комнатѣ былъ тотъ же знакомый ему запахъ—запахъ не то сырости, не то грязнаго бѣлья, не то человѣческаго пота, съ примѣсью деревяннаго масла и кислыхъ щей,—запахъ тѣснаго жилища въ старомъ деревянномъ домѣ. Здѣсь было тепло, но это было прѣлое тепло передбанника; въ немъ недоставало воздуха, свѣжести. Дмитрія Андреевича точно что-то придавило, принизило. Въ его головѣ, помимо его воли, вертѣлась мысль о томъ, что онъ не могъ бы теперь долго такъ жить, что онъ долженъ будетъ переѣхать, что ему придется, въ концѣ концовъ, разстаться съ семьей. Жить здѣсь, это значитъ видѣть ежедневно приниженныя физіономіи, заплаканные глаза и печальныя лица, слышать постоянно жалобы или ропотъ, опускаться все ниже и ниже въ тину мелкихъ будничныхъ заботъ и интересовъ. Онъ любилъ свою семью, онъ зналъ хорошо ея нужды, онъ сочувствовалъ ея горю, но слышать изо дня въ день, изъ часа въ часъ эти жалобы ему было теперь нестерпимо. Онъ отвыкъ отъ этого. Онъ сознавалъ съ горечью, что онъ не могъ настолько улучшить положеніе семьи, чтобъ она перестала жаловаться,—не могъ, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ. Ему вдругъ вспомнилась Настя, бѣжавшая тоже отъ этой скуки нищенской жизни. Онъ спросилъ Анну Андреевну о ней. Анна Андреевна безнадежно вздохнула.

— Изъ виду, голубчикъ, пропала!—сказала она.—Сестру выдала за чиновника. Слышали мы, что у той родился ребенокъ скоро; толковали, что будто этотъ ребенокъ не ея, Настинъ. Потомъ говорили, что Настя на содержаніе

Digitized by Google

попала къ новому благодѣтелю. Богъ съ ней, пусть живетъ, какъ знаетъ...

— Вы и не встрѣчаетесь, значитъ, съ ней?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ,—что же сердце свое надрывать. Ея не исправишь, а только себя смутишь,—отвѣтила Анна Андреевна.— Не сладко тоже знать, что такая близкая родственница торгуетъ собой. Горько тоже въ своей семьѣ развратъ видѣть,—видѣть, какъ люди сами себя соблюдать не умѣютъ, какъ другихъ позорятъ своею грязью...

Въ тонѣ Анны Андреевны послышались какія-то шипящія, новыя для Дмитрія Андреевича, нотки. О комъ это она говоритъ? На что намекаетъ?

Андрей Ивановичъ, почти все время молчавшій въ продолженіе чаепитія, вдругъ поднялся съ мѣста и, какъ-то кисло, точно конфузливо улыбаясь, похлопалъ по плечу Дмитрія Андреевича, замѣтивъ ему:

— Такъ-то, братъ, у насъ все горе, да горе! Слова радостнаго не услышишь! Бѣжалъ бы, да некуда бѣжать отъ этого горя—по пятамъ оно само за тобою идетъ, вездѣ тебя преслѣдуетъ...

Въ голосѣ старика сынъ тоже уловилъ безконечную горечь, что-то въ родѣ жалобы. Спустя минуту старикъ рѣзко спросилъ у сына:

— Ты гдѣ квартирку будешь искать? Поближе отъ суда, я думаю? Отсюда...

— Господи, не успѣлъ братецъ пріѣхать, а вы его ужъ и выживаете,—тономъ упрека замѣтила отцу Анна Андреевна.—Помѣшаетъ онъ здѣсь кому, что ли? Братецъ— не чужой, тоже не взыщетъ, если что...

— Не выживаю, а нельзя же ему въ нашемъ захолустьѣ жить,—перебилъ ее сурово Андрей Ивановичъ.—Отсюда и въ часъ до суда не дотащишься.

Дмитрій Андреевичъ нерѣшительно отвѣтилъ:

— Да, конечно, отсюда далеко.

— А я-то радовалась, братецъ, думала: вотъ поживетъ онъ съ нами,—сказала Анна Андреевна.—Впрочемъ, и то сказать, неудобно вамъ въ нашей трущобѣ было бы,—тоже нужныхъ людей принимать придется, а ужъ здѣсь гдѣ!.. И радости-то тоже немного дома дождетесь. Это мы-то только здѣсь заржавѣли, такъ со всякими безобразіями свыклись...

И опять въ голосѣ Анны Андреевны послышались желчныя нотки, точно она кого-то упрекала.

Digitized by Google

— Какъ-нибудь послѣ вмѣстѣ устроимся,—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ, братъ, это пустяки!—рѣшительно сказалъ Андрей Ивановичъ, махнувъ рукою.—Мы обжились здѣсь, а тебѣ здѣсь не мѣсто. Намъ въ другомъ мѣстѣ не весело будетъ. Здѣсь все хоть среди своихъ точно: выйдешь на улицу, всѣ тебя знаютъ, оно точно и легче, а тамъ... чучелъ словно на выставку туда перевезешь насъ.

— Да, ужъ тамъ нельзя тоже жить такъ, какъ здѣсь, сдержаться надо,—шипящимъ тономъ вставила Анна Андреевна. Потомъ она перемѣнила тонъ и обратилась къ брату:—Вы, голубчикъ, къ дядѣ-то завтра же зайдите. Поговорите съ нимъ. Пусть духовную, что ли, напишетъ. Вѣдь часы его сочтены.

— Да лѣчитъ его кто-нибудь?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Нѣтъ. Да что доктора!.. Доктора тутъ не помогутъ. Старъ ужъ онъ очень. Надо вотъ только настоять насчетъ духовной, да насчетъ священника. Исповѣдываться не хочетъ. Я ужъ намекала ему, не разъ намекала, а онъ и слышать не хочетъ.

— Зачѣмъ же настаивать?..

— Братецъ!.. какъ зачѣмъ? А если вдругъ такъ-то умретъ, въ грѣхахъ не покаявшись?—почти съ ужасомъ воскликнула Анна Андреевна.—Такой старый человѣкъ и вдругъ умретъ безъ покаянія...

— Но если онъ не хочетъ, Аня...

— Я ужъ и не знаю, что это вы такое говорите! Мало ли чего человѣкъ не хочетъ...

— Вотъ, братъ, и я тоже говорю,—вмѣшался Андрей Ивановичъ.—Зачѣмъ раздражать старика, зачѣмъ?

— Ахъ, да вы-то что сустесь!—воскликнула Анна Андреевна.—Знаю я, есть люди, которымъ и каяться-то въ грѣхахъ стыдно, и высказывать-то стыдно, что на душѣ лежитъ. Ну, дядя не изъ такихъ,—дядя святой жизни былъ человѣкъ...

— Такъ въ чемъ же ему, и каяться? — проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.—Вообще, Аня, нечего намъ въ чужую душу залѣзать...

— Ну, ужъ нѣтъ, братецъ, въ этомъ я никогда, никогда не соглашусь съ вами.

Дмитрій Андреевичъ поднялся съ мѣста, чтобъ идти спать.

Digitized by Google

— Братецъ, вы сапоги выставьте... Я вамъ, братецъ, ихъ вычищу, самъ вычищу,—сказалъ Леша.

— Зачѣмъ же?.. Марѳа вычиститъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.—Вѣдь она у насъ еще живетъ?.. Кстати, я ея еще не видалъ...

Анна Андреевна мрачно потупилась. Андрей Ивановичъ тревожными глазами глянулъ куда-то въ сторону.

— Мы, братецъ, теперь не держимъ служанки,—дорого очень,—сухо проговорила Анна Андреевна.—Я и Леша—мы сами все дѣлаемъ... Полы мыть и бѣлье стирать поденщица ходитъ...

Дмитрія Андреевича точно что-то кольнуло въ сердце при этомъ отвѣтѣ. Онъ поблѣднѣлъ еще болѣе.

— Напрасно, Аня, ты такъ экономничаешь,—сдержанно замѣтилъ онъ.—Марѳа вѣдь брала что-то дешево, чуть ли не за три рубля служила... Зачѣмъ было отпускать?.. Женщина хорошая... Не такъ же мы бѣдны, не нищіе же мы...

Анна Андреевна промолчала и глянула въ сторону. Андрей Ивановичъ торопливо проговорилъ:

— Ничего, Митя, ничего, вѣдь у насъ хозяйство-то грошовое, и такъ обойдемся, и такъ обойдемся... А постелька-то тебѣ постлана ли?.. Не надо ли чего?

Онъ заторопился, засуетился, провожая сына въ отведенную ему комнату. Когда онъ вышелъ отъ сына, къ Дмитрію Андреевичу вошелъ за сапогами Леша. Онъ справился, хорошо ли «братцу» будетъ на диванѣ спать, не надо ли ему воды на ночь, въ какомъ часу его разбудить, и потомъ, боязливо оглядѣвшись по сторонамъ, заговорилъ таинственнымъ, тревожнымъ шопотомъ, наклонившись къ уху Орлова:

— Вы, братецъ, о Марѳѣ не спрашивайте!..

— Отчего это не спрашивать о Марѳѣ?—не безъ удивленія спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

Леша испуганно замахалъ руками.

— Тише, тише! Услышатъ еще!—сказалъ онъ въ волненіи.—Сестрица все дядю пилитъ за Марѳу, а дядя или разсердится, скажетъ: «Я уйду, я уйду, брошу васъ и погибайте вы тутъ», или плачетъ... Дядя всегда плачетъ, когда выпивши... Только онъ теперь рѣдко пьетъ, очень рѣдко, совсѣмъ рѣдко, а все больше сердитый, сердитый... Вы, братецъ, ради Бога, не говорите только, что я вамъ о Марѳѣ сказалъ,—сестрица наказывала мнѣ строго-настрого, чтобъ я вамъ не говорилъ... «Ты, говоритъ, не смѣй огорчать

Digitized by Google

братца, не смѣй!.. Подготовить, говоритъ, его надо!..» А мнѣ дядю жаль, потому вы о Марѳѣ заговорили, а сестрица такъ и смотритъ на дядю, точно съѣсть его хочетъ... Сестрица, братецъ, очень сердитая стала,—жалобнымъ тономъ заключилъ Леша.

Дмитрій Андреевичъ ничего не понималъ, но онъ сильно взволновался. Ему вдругъ стало уже вполнѣ ясно, что въ его семьѣ исчезъ даже миръ, исчезло даже согласіе. И здѣсь былъ разладъ, и здѣсь была рознь. Онъ не хотѣлъ дальше разспрашивать Лешу и простился съ нимъ, поцѣловавъ его.

На слѣдующій день Дмитрій Андреевичъ просилъ разбудить его попозже. Ему хотѣлось отдохнуть и провести день дома, посѣтивъ только Лампадова. Но, несмотря на усталость, онъ долго не могъ уснуть. Онъ думалъ и о семьѣ, и о предстоящей жизни, и какъ-то невольно задумался, наконецъ, о Лампадовѣ. Дѣйствительно ли у старика что-нибудь скоплено? Неужели въ самомъ дѣлѣ отдать все это въ казну, когда они сами нуждаются? Зачѣмъ? Эти деньги, если онѣ есть, принадлежатъ по праву его семьѣ. И какъ кстати были бы онѣ теперь ему. Но гдѣ доказательства ихъ родственныхъ связей? Какъ добыть метрическія свидѣтельства, когда онъ не знаетъ даже, гдѣ родилась его бабка, двоюродная сестра Лампадова? Надо добыть метрическія свидѣтельства, не зная, гдѣ ихъ добыть. Это невозможно. Конечно, Лампадовъ могъ бы сдѣлать духовное завѣщаніе. Но нельзя же говорить ему объ этомъ. Неловко настаивать. А между тѣмъ въ наслѣдствѣ Лампадова можетъ быть спасеніе всей семьи Орлова отъ недостатковъ, отъ труда, отъ лишеній. Кто знаетъ, сколько скопилъ старикъ. Самъ онъ, Дмитрій Андреевичъ, могъ бы отлично устроить свои дѣла, получивъ наслѣдство: ему только бы имѣть обезпеченіе хоть на годъ, на два, а тамъ литературныя занятія, адвокатура откроютъ ему путь къ благосостоянію; нужно только имѣть средства переждать извѣстное время. И что это старики такъ боятся духовныхъ завѣщаній. Сдѣлать духовное завѣщаніе—это въ сущности долгъ каждаго порядочнаго человѣка. Дмитрія Андреевича вдругъ точно передернуло. Онъ досадливо пожалъ плечами, сердясь на себя за то, что думаетъ о смерти Лампадова, о наслѣдствѣ. Въ его головѣ мелькали мысли:

— Вѣчно въ какую-нибудь лотерею выиграть хочется: на лотерейный билетъ домъ пріобрѣсти, въ карты большой кушъ сорвать, на богатой жениться, наслѣдство получить!..

Digitized by Google

Этакая проклятая жизнь! Работай - работай весь вѣкъ, какъ волъ, а спастись надѣйся только при помощи манны съ неба...

Онъ перевернулся на другой бокъ, закрылъ глаза и заснулъ тяжелымъ сномъ. Его душилъ страшный кошмаръ. Онъ видѣлъ, что онъ лежитъ въ гробу, и на него медленно сверху спускается тяжелая крышка. Ему душно и тяжело, а въ душѣ такъ ясно пробуждается сознаніе, что онъ одинъ, что помощи ждать не откуда. Вотъ-вотъ сейчасъ крышка опустится совсѣмъ, придавитъ его, въ груди замретъ дыханіе и—конецъ, конецъ. А ему такъ хочется жить... Онъ сдѣлалъ усиліе, онъ поднялъ руки, чтобы сбросить эту крышку, и проснулся, увидавъ, что онъ лежитъ, прижавшись лицомъ къ клеенчатой спинкѣ дивана. Онъ перевернулся на спину и вздохнулъ широкимъ вздохомъ. На дворѣ ужъ было свѣтло. Онъ всталъ съ утомленнымъ видомъ, въ тяжеломъ настроеніи. Въ квартирѣ Орловыхъ царствовала тишина: Андрея Ивановича уже не было дома. Леша, поджавъ по-портняжески ноги, что-то шилъ, заунывно мурлыча себѣ подъ носъ пѣсню: «Я у Бога сирота, отворяю ворота». Анна Андреевна, шушукаясь съ какой-то странницей, возилась въ кухнѣ. Дмитрій Андреевичъ напился чаю и вышелъ изъ дому.

Онъ уже подходилъ къ знакомому дому, гдѣ прошли лучшіе дни его дѣтства, какъ вдругъ кто-то громко окликнулъ его. Онъ повернулъ голову и увидалъ передъ собою отца.

— А я вотъ шелъ, думалъ, не у дяди ли ты, и вижу идешь ты,—ну, и окликнулъ, и окликнулъ!—сказалъ старикъ, очевидно поджидавшій сына на улицѣ.—Поговорить еще не удалось... Тоже давно не видались,—надо поговорить...

Дмитрій Андреевичъ взялъ отца подъ руку.

— Ты къ дядѣ теперь шелъ?—спросилъ старикъ.

— Да... Я думаю, онъ проснулся?

— Ну да, ну да, повидать нужно старика, нужно,—перебилъ его отецъ.—Да еще успѣешь,—теперь еще рано... Поболтать бы часокъ... Вотъ зайдемъ... Тутъ трактирчикъ. Чайку напьемся, поговоримъ...

— А дома?—не безъ удивленія спросилъ сынъ.

— Дома, знаешь, не одни... Хочется по душѣ, а тамъ не одни,—проговорилъ старикъ, смущаясь.—Тоже не чужіе,—ну, а тамъ Леша, Аннушка... Тяжелый у нея характеръ

Digitized by Google

сталъ, Митя,—у Аннушки-то, говорю я,—очень тяжелый характеръ... Извѣстно, въ дѣвушкахъ весь вѣкъ просидѣла, для другихъ жила... Тутъ, Митя, поневолѣ озлобишься,—ахъ, какъ озлобишься! Для другихъ жить, да радости не видать—тяжело, очень тяжело... Я ее и не виню, я это только къ слову сказалъ о ея характерѣ, Митя... Она-то этого не замѣчаетъ, а со стороны видно, всякому видно... Такъ какъ же, въ трактирчикъ-то зайдешь?..

— Отчего же нѣтъ, если хочешь,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, пораженный суетливостью и растерянностью отца.

— У насъ тутъ поблизости трактирчикъ завелся... Тоже прогрессъ и цивилизація... Хе-хе-хе!.. Потѣха!—старикъ тихо захихикалъ, махнувъ рукою.

Отецъ и сынъ вошли въ трактиръ. Тамъ было совершенно безлюдно въ просторныхъ комнатахъ съ яркими пестрыми обоями, со столиками, накрытыми бѣлыми скатертями, съ темными масляными картинами въ золоченыхъ рамахъ.

— Чаю!—скомандовалъ старикъ и усѣлся съ сыномъ въ дальній уголъ.—Видишь, ничего, чистенько тоже,—обратился онъ къ Дмитрію Андреевичу, указывая на скатерть.—Тоже, видишь, машину поставили, изъ оперъ играетъ... Дешевенькая, знаешь, а ничего, играетъ... И хорошо, что никого нѣтъ,—точно у себя дома можно поговорить...

Половой съ закинутой подъ мышку салфеткой подалъ порцію чаю. Старикъ сталъ разливать.

— Тебѣ наши-то ничего не говорили?—таинственно спросилъ онъ, понизивъ тонъ и видимо стѣсняясь.

Онъ искоса взглянулъ на сына.

— Нѣтъ, ничего особеннаго... Я еще и не успѣлъ...

— Ну, да, да, не говорили, а потомъ будутъ говорить... разскажутъ... Вдругъ-то только не хотятъ, а то разскажутъ непремѣнно... Ужъ никакъ не утерпятъ,—торопливо перебилъ старикъ, и въ его голосѣ зазвучала горькая иронія.—Гдѣ же утерпѣть, если человѣкъ погибаетъ, и его на путь истинный наставить надо, спасти надо!.. У насъ вѣдь, Митя, ладу нѣтъ въ семьѣ, раздоры идутъ—вотъ оно что!.. Я, конечно, самъ виноватъ, но вѣдь я—человѣкъ, Митя, слабый человѣкъ... Казнить-то меня ежедневно, ежечасно за что?.. Поѣдомъ-то меня, старика, ѣсть за что?

— Что случилось-то, отецъ?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

Старикъ заерзалъ на стулѣ и совсѣмъ тихо, немного нагнувшись къ сыну, сказалъ:

Digitized by Google

— Ты меня не суди, а выслушай. Ты мужчина,—ты это поймешь... Аннушка не понимаетъ этого, потому она не мужчина; она даже и не женщина, Митя, а старая дѣвушка... Ей трудно, ей совсѣмъ даже невозможно понять,—ну, она и сердится... Помнишь, ты вчера о Марѳѣ спросилъ, такъ какъ она зашипѣла?.. Я вѣдь тебя знаю, ты понялъ, что она шипитъ,—понялъ непремѣнно... И правъ ты, правъ, Митя, потому у насъ съ Марѳы все это шипѣнье и началось. Ты, Митя, помнишь, когда мать умерла, въ какомъ я положеніи былъ? Изстрадался я еще прежде, а тутъ тебя взяли, она захворала, потомъ ея смерть, отъѣздъ твой. Въ такомъ положеніи люди съ ума сходятъ, руки на себя налагаютъ... Вотъ это положеніе-то какое!..

Старикъ на минуту перевелъ духъ, смахнулъ съ рѣсницъ слезу и заговорилъ снова.

— Я, Митя, слабый человѣкъ, забитый человѣкъ, говорить много я не умѣю, а все внутри себя выношу, долго выношу... Такъ, вотъ, когда это все случилось, остался я одинъ, и стало это мнѣ все прошлое вспоминаться—и какъ я не довольно берегъ Машу, и какъ огорчалъ ее своими слабостями, и какъ я мало тебѣ ласки выказывалъ...

— Отецъ!—перебилъ его Дмитрій Андреевичъ ласковымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... ты постой!.. Я любилъ тебя, всегда любилъ, какъ, можетъ-быть, другіе-то отцы и любить не умѣютъ. Это и я знаю, и ты знаешь. А выказать это—на это у меня умѣнья никогда не было. Что-жъ, я простой человѣкъ, говорить красно не умѣлъ, работать, да молчать привыкъ, ласки... Какія же это у меня такія ласки могли быть? По головкѣ-то, бывало, мимоходомъ тебя поглажу—вотъ и все... Ну, вотъ сталъ я это все вспоминать, да обдумывать и просто на себя сталъ не похожъ, хожу, какъ тѣнь, плачу, а дома... Тяжело, Митя, у насъ дома стало!.. Аннушка,—ты вѣдь ее знаешь,—молчитъ и вздыхаетъ; Леша—Леша Божій человѣкъ, глупенькій—начнетъ говорить, такъ ужъ лучше бы молчалъ, а то только пуще сердце надрываетъ, душу выматываетъ... Въ это-то время, когда я чуть петли на шею съ тоски не надѣлъ, когда я на шагъ отъ грѣха великаго былъ, и случилось это дѣло...

Старикъ тяжело вздохнулъ и перевелъ духъ.

— И самъ я не помню, какъ это было, и самъ я, видитъ Богъ, не желалъ этого,—съ разстановкой продолжалъ онъ.— Сидѣлъ я это одинъ,—Аннушка ушла куда-то съ Лешей,—

Digitized by Google

подступило мнѣ къ сердцу, опустилъ я голову на грудь, расплакался я, въ головѣ черныя мысли бродятъ, кто-то точно нашептываетъ, подталкиваетъ покончить съ собой, а тутъ и вошла Марѳа. «Полноте, говоритъ, родной вы мой, убиваться-то: на васъ глядючи, голубчикъ, сама я изныла». А у самой, Митя, слезы, слезы...

Старикъ самъ захлебнулся отъ слезъ и отеръ рукой глаза.

— Вотъ вѣдь, вотъ глупый, съ собой не умѣю справиться, плачу,—съ жалобной улыбкой проговорилъ онъ. —Ты не смотри, это такъ отъ старости...

Онъ высморкался, прошелся по комнатѣ, обмахиваясь платкомъ, и снова присѣлъ къ столу.

— Такъ, Митя, я и поддался этой ласкѣ, этому слову доброму,—проговорилъ онъ, махнувъ рукой. — Вѣдь человѣкъ же я, Митя! Вѣдь нельзя же человѣку безъ ласки жить! Старикъ я, ты скажешь. Ну да, старикъ, старикъ!.. Да развѣ мнѣ любовница была нужна? Ласковое слово мнѣ было нужно, нужно было, чтобы кто-нибудь приголубилъ,— ну, рукой тамъ по старой головѣ провелъ съ ласкою, что ли, присѣлъ бы рядомъ, да разспросилъ бы, что со мной, да какъ, а то... Митя, вѣдь песъ, песъ дворной—и тотъ спину тебѣ подставляетъ, чтобы ты ее погладилъ, а я, Митя, все же человѣкъ, человѣкъ еще...

Старикъ опять тихо плакалъ. Дмитрій Андреевичъ со слезами на глазахъ обнялъ его и крѣпко поцѣловалъ.

— Ну, спасибо, спасибо! Вотъ мнѣ и легче стало, и на душѣ просвѣтлѣло! — говорилъ старикъ, стараясь улыбнуться.—Это ничего, Митя, это я такъ... Вспомнилъ все,— ну, и всплакнулъ... Это я отъ старости... И тоже пилъ прежде... Теперь почти не пью, а прежде много пилъ, Митя,—глаза стали слабы: пустякъ какой-нибудь, а глядишь—на глазахъ ужъ и слезы... Книжку иногда читаю, пустяшную самую книжку, а самъ плачу...

— Ты успокойся немного, голубчикъ, погоди разсказывать,—ласково сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—А главное— не волнуйся, думая, что я тебя могу осудить. За что? Какое преступленіе ты сдѣлалъ? Развѣ мы, мужчины, не всѣ такъ сходимся съ женщинами и развѣ это можетъ иначе быть?..

— Да, да... Но я такъ скоро послѣ смерти матери, и тамъ, въ домѣ у себя,—началъ старикъ.—Это нехорошо, нехорошо... Я самъ, Митя, потомъ каялся, каждый день на могилку къ Машѣ ходилъ, плакалъ... Да, Маша проститъ,

Digitized by Google

она и простила, а вотъ Аннушка... Аннушка, Митя, мнѣ никогда этого не простить, никогда!

Онъ опустилъ голову на грудь.

— Если бы ты слышалъ, что у насъ было, когда она все подсмотрѣла, подслушала, точно шпіонка какая!..

Онъ махнулъ рукой.

— Позоръ, позоръ, одно слово—позоръ! Лешу она не пощадила! Онъ хоть и взрослый, а этого ничего не понимаетъ, потому что какой же онъ мужчина!.. Дитя онъ большое, а не мужчина,—и вдругъ при немъ она, дѣвушка, упрекать начала меня, старика!.. А вѣдь я для нихъ же тружусь, ихъ же кормлю. Если она тебѣ писала, что у насъ недостатки, такъ это потому, что она все монахамъ, да въ церковь попамъ тащитъ, панихиды служитъ, свѣчи ставитъ, на богомолья ходитъ... Средствъ же у насъ достанетъ, Митя, на нашу жизнь, потому я хоть старъ, но я дѣлецъ... Я, Митя, законы знаю и дѣлъ у меня у однихъ мировыхъ судей всегда на прокормъ хватитъ... А на монаховъ, да на странницъ, на панихиды, да на заупокойныя обѣдни—на это, Митя, денегъ не напасешься... Да этимъ, Митя, души и не спасешь. Честностью и добротой, Митя, угодишь Богу, а подкупить Бога нельзя,—нѣтъ, нельзя!.. Я на нее не сержусь, не обвиняю ея, потому я знаю, что и почему на свѣтѣ дѣлается; но больно мнѣ, что съ родною дочерью мы, какъ два медвѣдя въ одной берлогѣ, ужиться не можемъ... Не будь Леши, она, можетъ-быть, въ монастырь бы ушла, а теперь Леша на рукахъ... Ему тоже не сладко... Она и сама не замѣчаетъ, что она и его тиранитъ; пилитъ и точитъ она его, это я знаю... Онъ-то только, Божья душа, все терпитъ, да еще ей же угождаетъ, о ней плачетъ...

Дмитрій Андреевичъ задумался.

— Нельзя ли будетъ это какъ-нибудь устроить?—сказалъ онъ въ раздумьи.—Вотъ теперь я здѣсь. Не сказать ли ей, что я Лешу возьму къ себѣ...

— Что ты, что ты!—почти испугавшись, сказалъ старикъ.—Гдѣ тебѣ съ нимъ еще возиться! Нѣтъ, ты живи для себя. Мы доживемъ кое-какъ... Я не къ тому началъ, совсѣмъ не къ тому.

— Да я могу его и не брать къ себѣ, а просто скажу ей, что возьму его къ себѣ, тогда она, можетъ-быть, и выскажетъ свое желаніе идти въ монастырь, если только она точно думаетъ объ этомъ...

Старикъ покачалъ головой.

Digitized by Google

— Не пойдетъ она, пожалуй,—потому не пойдетъ, что за меня будетъ опасаться,—сказалъ онъ въ смущеніи.— Понимаешь, подумаетъ, что *та* въ домѣ поселится... Что-жъ, ужъ началъ говорить, такъ надо все говорить!.. Она, Митя, меня вѣдь на каждомъ шагу усовѣщиваетъ... Она монашекъ подсылаетъ обращать меня на путь истинный,—меня-то, старика-то!.. Говорятъ мнѣ: «Пожалѣйте дочь-то свою,— изстрадалась она... Что вы душу-то свою губите, дьявола-то тѣшите...» Это она, Митя, спасти меня хочетъ,—боится, что Господь Богъ меня отвергнетъ за мои прегрѣшенія...

Дмитрій Андреевичъ невольно усмѣхнулся. Старикъ это замѣтилъ.

— Да, да, Митя, смѣшно вотъ это намъ съ тобой, а ей это—мука... Я самъ знаю, что мука, да вѣдь человѣкъ я...

— Ну, это мы еще уладимъ какъ-нибудь,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.—Нужно же, чтобы кто-нибудь и при тебѣ былъ. Не жить же тебѣ съ однимъ Лешей...

Старикъ оживился.

— Вотъ и я тоже говорю... И не при мнѣ одномъ, а и при Лешѣ человѣкъ добрый нуженъ... Аннушка насъ зашла... Вѣдь мы, точно воры, съ Лешей къ Марѳѣ теперь бѣгаемъ.

— И Леша?

— Еще бы! Хитрить научился бѣдняга. Извѣстно, у Марѳы тамъ и смѣхъ, и свѣтъ... Ну, варенья, да сласти она ему даетъ,—онъ и бѣгаетъ къ ней. Марѳа — простой, добрый человѣкъ, живетъ какъ Богъ на душу положилъ, разныхъ этихъ воздыханій, да покаяній не зная,—мальчику тамъ и весело, и уютно... Онъ тамъ и на человѣка походитъ, Ѳедора Гаврилыча своего поминать пересталъ, — потому ему ласка нужна, нужно, чтобъ его не пугали, — а у Аннушки все адъ, да адъ... Успѣемъ еще въ аду-то тамъ всего натерпѣться, — для чего же изъ этой-то жизни еще другой адъ дѣлать?.. И такъ не сладко...

Потомъ старикъ, перемѣнивъ топъ, спросилъ сына:

— Такъ ты думаешь, что все уладить можно? Намъ тяжело съ ней, Митя, вѣрь Богу, тяжело! Грѣшимъ мы только вмѣстѣ, ненависть какая-то въ душу закрадывается, къ родной дочери, къ святой дѣвушкѣ ненависть... А какъ же иначе и быть?.. Вѣдь вотъ какъ ты думаешь, отчего у насъ служанки нѣтъ?.. Думаешь, средствъ не хватаетъ?—Нѣтъ, это, видишь, меня Аннушка отъ соблазна спасаетъ!.. Я, видишь, сейчасъ шашни заведу... Ну, вотъ и не держитъ слу-

Digitized by Google

жанки, и сама все дѣлаетъ, и Лешу все дѣлать заставляетъ, и мнѣ даетъ понять, что это все изъ-за меня они мучатся, изъ-за меня надрываются... Это, Митя, тяжело.

Дмитрій Андреевичъ успокоилъ отца. Они еще разъ крѣпко обнялись и расцѣловались.

— А мы врознь пойдемъ домой, — пусть не знаетъ, что мы заговоръ-то устроили, — проговорилъ старикъ. — А то житья не будетъ, житья не будетъ...

— Я пройду къ дядѣ,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ну, и отлично, и отлично! Не узнаешь его,—не тотъ человѣкъ сталъ... Бодриться старается все еще, книжки, да газеты читаетъ,—да нѣтъ, гдѣ ужъ!.. Вотъ она, старость-то, что значитъ...

Дмитрій Андреевичъ направился къ жилищу Лампадова. Давно онъ не былъ подъ этимъ дорогимъ для него кровомъ. Отворивъ дверь въ переднюю и поздоровавшись наскоро съ Магдалиной, Орловъ направился въ комнату Лампадова.

— Дядя, голубчикъ, здравствуй! — громко проговорилъ онъ, готовясь обнять Лампадова.

— А, ты... мальчуганъ... на развалины смотрѣть пріѣхалъ!—послышалось ему въ отвѣтъ.

Навстрѣчу Орлову въ волненіи поднялся съ кресла и въ то же мгновенье, едва переводя духъ, снова опустился на это кресло сѣдой, какъ лунь, желтый, какъ пергаментъ, исхудалый старикъ. Это точно была развалина. Орловъ невольно остановился передъ старикомъ: едва дышащій, сгорбившійся, съ опущенной на грудь головой, сидѣлъ теперь Лампадовъ на обитомъ кожей вольтеровскомъ креслѣ, глубоко прислонившись къ спинкѣ и тяжело переводя духъ. Его крупныя, но худыя и блѣдныя, точно восковыя, руки съ плоскими пальцами покоились на ручкахъ кресла, какъ бы застывъ въ этомъ положеніи.

— Ты боленъ, дядя?—проговорилъ Орловъ въ волненіи.

— Да, старость—болѣзнь... Нѣтъ, хуже: это—смерть заживо!..—отрывисто сказалъ Лампадовъ, дыша съ трудомъ.

Онъ поднялъ голову и взглянулъ на Орлова.

— Не доживай, мальчуганъ, до старости, не доживай,— проговорилъ онъ.—И скучно, и тяжело, и не нужно, — никому, ни себѣ, ни другимъ, не нужно... И хуже всего то, что чувствуешь это, а живешь, потому что и храбрости, и силъ нѣтъ покончить все разомъ... Ну, вотъ и живешь, когда кругомъ всѣ только и ждутъ, когда ты уголъ очистишь...

Digitized by Google

— Что за мрачныя мысли, дядя!—воскликнулъ Орловъ.— Кому ты-то можешь мѣшать?

— Не мѣшаю, не мѣшаю, а все же, можетъ-быть, наслѣдство оставлю. Какъ же не ждать моей смерти!

Въ голосѣ старика звучала незнакомая Орлову нотка горечи.

— Ужъ очень мнѣ надоѣли эти напоминанія о смерти,— продолжалъ старикъ. — Самъ я знаю, что пора умирать, самъ хочу умереть, да торопить-то меня зачѣмъ? Вѣдь ужъ какъ не торопи, а проживу до тѣхъ поръ, пока не умру...

Онъ усмѣхнулся.

— Впрочемъ, люди не только о моемъ наслѣдствѣ заботятся, а и о спасеніи моей души,—сказалъ онъ. — Вотъ Аннушка.

Онъ перевелъ духъ и спросилъ Дмитрія Андреевича:

— Ты вѣдь уже видѣлся съ отцомъ, говорилъ съ нимъ?

— Да,—отвѣтилъ Орловъ.

— Значитъ, старикъ все разсказалъ о себѣ?

Дмитрій Андреевичъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головою.

— Ну, такъ вотъ Аннушка и его хочетъ спасти, и меня. Ты не повѣришь, до чего это мнѣ тошно. Сегодня одни придутъ, высматриваютъ, что у меня есть, выспрашиваютъ намеками, кому я все оставлю; завтра Аннушка придетъ, начнетъ говорить, какъ ужасно умереть человѣку безъ покаянія...

Старикъ опять усмѣхнулся.

— Они, Митя, того и не понимаютъ, что я, старикъ, все знаю и понимаю лучше ихъ, что я читаю въ ихъ сердцахъ, какъ въ открытой книгѣ.

Онъ помолчалъ и грустно вздохнулъ.

— Да, горько то, что, уходя отъ людей, прощаясь съ ними, уносишь въ душѣ только одно презрѣніе къ этимъ мелкимъ и пошлымъ душонкамъ рабовъ... Право, иногда не знаешь, чего въ нихъ больше—злобы или глупости. Вотъ я разскажу два случая изъ жизни покойной сестры. Ты помнишь, что это за человѣкъ былъ: для другихъ жила! И что же?—Ты знаешь, она все апельсинчики да пирожки собирала въ свой мѣшокъ для разныхъ голодныхъ ребятъ; сама не съѣстъ, а взять возьметъ, чтобы бѣднякамъ снести. Ну, вотъ, не задолго до ея смерти была она въ одномъ богатомъ домѣ, у людей близкихъ, хорошо знавшихъ ее, и все же нашлись тамъ шутники и остроумцы. Сговорились

Digitized by Google

они пошутить надъ ней: одинъ изъ нихъ какъ будто случайно сѣлъ на ея мѣшокъ, а тамъ апельсины были. Можешь представить, какая смѣшная сцена вышла... Правда, сестра расплакалась отъ этой шутки,—ну, а эти молодые шутники зато повеселились..Надъ побирушкой, видишь ли, потѣшиться можно! Побирушка!.. Да они ея мизинца не стоили, дармоѣды!.. Это вотъ у богатыхъ случилось, а у бѣдныхъ... Одинъ изъ крестниковъ, смиренникъ такой, ласковый такой, ухаживавшій за Ольгой, какъ за матерью, одинъ разъ подсмотрѣлъ со своею женой, что у Ольги въ ея мѣшкѣ деньги, такъ какъ она ему же и вынула изъ нихъ въ видѣ помощи двадцать пять рублей,—ну, подсмотрѣлъ, да и выкралъ деньги. Десятки лѣтъ жилъ со всей семьей на ея пособія, по ея стараніямъ мѣсто получилъ, ни разу не обмолвился словомъ противъ нея и все-таки, въ концѣ концовъ, ее же обокралъ... Ты скажешь, это—исключительные случаи? Нѣтъ, Митя, это правило, а исключеніе—это добрые и честные люди. Вотъ почему иногда просто гадко, омерзительно смотрѣть на людишекъ...

Дмитрій Андреевичъ замѣчалъ, какъ передъ нимъ мало-по-малу оживлялся и точно воскресалъ этотъ старикъ, упорно боровшійся со смертью и точно желавшій отстоять себя отъ ея разрушительнаго вліянія.

— Ну, да Богъ съ ними, чортъ ихъ возьми! — проговорилъ Лампадовъ. — Разсказывай о себѣ, говори, что пережилъ?

Дмитрій Андреевичъ началъ разсказывать и изумился, увидавъ, что Лампадовъ слѣдитъ за всѣми событіями, читаетъ книги, просматриваетъ газеты. Въ то же время Орлову бросились въ глаза извѣстная старческая неряшливость, забывчивость, слабость. На старикѣ сюртукъ былъ весь залитъ чѣмъ-то жирнымъ, — вѣроятно, супами и соусами; брюки были спереди не застегнуты; галстукъ повязанъ на шеѣ не сверхъ воротничка сорочки, а подъ воротничкомъ...

— Да что же это я и забылъ распорядиться чаемъ-то тебя угостить,—сказалъ, наконецъ, Лампадовъ.—Надо сказать домоправительницѣ...

— Ты не безпокойся, дядя,—замѣтилъ ему Орловъ.—Я...

— Ну, ты думаешь, я ужъ и чай пересталъ пить съ горя, что постарѣлъ,—шутливо перебилъ его Лампадовъ.— Это я только какъ взволнуюсь, такъ силы падаютъ... Въ сердцѣ, братъ, клапанъ не въ порядкѣ, такъ вотъ иногда

Digitized by Google

кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ умру. Начнутся эти осѣчки, дышать трудно, силъ нѣтъ, а потомъ и обойдется... Рука только лѣвая ноетъ... Сперва думалъ, ревматизмъ, да нѣтъ, это отъ сердца... Вотъ, какъ у твоей покойной матери... Ее только скрутило, а я живучъ... У меня вотъ тутъ вода,— указалъ онъ на грудь:—а живу, отстаиваю себя отъ смерти, заставляю людей ждать наслѣдства...

Онъ довольно бодро поднялся съ кресла и пошелъ въ кухню, незамѣтно придерживаясь на ходу за столы и стулья. Орловъ оглядѣлся. Его поразилъ видъ квартиры дяди. Въ ней была почти та же обстановка, но онъ не нашелъ цѣлой массы цѣнныхъ вещей, украшавшихъ когда-то это жилище. Куда дѣвались эти вещи? Неужели старикъ разстался съ ними? Онъ такъ дорожилъ ими, что трудно и повѣрить, чтобъ онъ могъ продать ихъ. Старикъ скоро снова вернулся въ комнату и заговорилъ съ Орловымъ.

— Да, такъ не сладко прошли для тебя эти годы,—сказалъ онъ.—Да и то сказать, кому нынче покойно живется?.. Всѣ точно изъ колеи выбиты. Съ кѣмъ ни встрѣтишься, всѣ жалуются, не въ своей тарелкѣ. Смотрю я на людей и все мнѣ кажется, что всѣ они въ новый домъ переѣхали; онъ и лучше, и просторнѣе, пожалуй, старой лачуги, а удобствъ, привычки къ нему покуда нѣтъ. Тамъ, глядишь, мебели и украшеній не хватаетъ, — и стѣны голыми кажутся; тутъ человѣкъ путается въ лабиринтѣ новыхъ комнатъ, не успѣвъ привыкнуть къ ихъ расположенію; въ третьемъ мѣстѣ тяготится человѣкъ, что въ новыхъ зеркалахъ отражается его невзрачная одежда, и хлопочетъ о новомъ одѣяніи; иной... да, ей-Богу, иного мучитъ даже и то, что онъ на новосельѣ и клоповъ-то еще не успѣлъ завести, и своего жилого промозглаго запаха не слышитъ.

Орловъ улыбнулся.

— Оно, конечно, со временемъ обживутся и клоповъ заведутъ, и промозглый запахъ напустятъ въ новый домъ,— продолжалъ Лампадовъ:—ну, а покуда никто не обжился въ новомъ домѣ, и всѣ недовольны. Ужъ чего, я здѣсь, въ захолустьѣ, почти безвыходно сижу, а и здѣсь то тотъ, то другой приходитъ съ жалобами. Помѣщикъ говоритъ, что его по-міру пустили, отнявъ крестьянъ и землю, и совсѣмъ забываетъ, что и ему Богъ руки для работы привѣсилъ. Мужикъ жалуется, что земли мало дали, что кабаковъ много съ дешевкой развели, что лѣсу нѣтъ у него дарового, что воля выгнала въ поле, и безъ управительской палки словно

Digitized by Google

вдругъ разучился онъ работать, а безъ барской опеки отвыкъ сводить концы съ концами. Съ однимъ поговоришь: плачутся они, что мѣстъ нѣтъ, что работы найти не могутъ, что вездѣ большія требованія къ служащимъ предъявляютъ или только по протекціи принимаютъ на службу. Другихъ послушаешь, говорятъ: «Рукъ нѣтъ, дѣло стоитъ, взяться не за кого». Молодежь стариковъ ругаетъ крѣпостниками, да взяточниками, а старики глядятъ, какъ она, молодежь-то эта самая, дѣлишки обдѣлываетъ, да притовариваютъ: «Мы были хороши, а эти непустрѣе насъ будутъ». Порядки-то вездѣ новые, а люди-то—люди вездѣ старые.

Старикъ дотронулся до руки Орлова и заговорилъ какъ бы въ раздумьи:

— Знаешь ли, что хуже всего у насъ? То, что никто изъ насъ не умѣетъ стоять на высотѣ своего положенія и проникаться задачами времени. У насъ законы, постановленія, порядки—это одна сторона, а исполненіе—это особая статья. Куда насъ ни поставь, что намъ ни вели дѣлать, вездѣ мы со своимъ «кое-какъ» явимся, вездѣ спустя рукава черезъ пень-колоду валить станемъ. Гражданскаго чувства у насъ еще недостаетъ, честности еще и въ заводѣ нѣтъ, патріотизма... даже и слова-то мы такого не знаемъ, если не считать патріотизмомъ способности кричать: «мы шапками всѣхъ закидаемъ». Да, русопеты у насъ, пожалуй, найдутся, а патріотовъ что-то не видно. Если бы мы дѣло-то умѣли дѣлать, такъ не то бы у насъ было. Ты посравни англійскаго или нѣмецкаго земледѣльца и русскаго: вѣдь это — небо и земля. Ты скажешь, что нашъ народъ только что всталъ на свои ноги, и ему трудно было сразу научиться самостоятельно и хорошо работать. Согласенъ. Ну, а бери выше: какъ нашъ мастеровой работаетъ и какъ работаетъ французскій рабочій? Какъ нашъ купецъ торговлю ведетъ или фабрикантъ фабрику устраиваетъ и—какъ какой-нибудь парижскій или американскій торговый домъ или фабрика работаютъ? А городскія управленія? А комиссаріатъ? А устройство флота? А порядки гдѣ-нибудь на почтѣ или въ полиціи?.. Да за что ты ни возьмись, вездѣ мы сами оказываемся и ротозѣями, и тунеядцами, и неряхами. Мы все на правительство. Да что такое правительство? Мы—правительство, мы—сами!.. Покажи мнѣ такое частное учрежденіе, совершенно независимое отъ правительства, гдѣ бы шли хорошо дѣла. Не устройство ли желѣзныхъ дорогъ, не банки ли, не фабрики ли, не благотворительные

Digitized by Google

ли пріюты, не частныя ли школы?.. Нѣтъ, правительство тутъ винить грѣхъ... Вонъ я—русскій человѣкъ, а всю жизнь шведу сапоги заказывалъ, а не русскому.

Онъ усмѣхнулся.

— Да мы же и плачемся, что насъ иностранцы обираютъ: тамъ жидъ обидѣлъ, тутъ нѣмецъ насѣлъ, въ третьемъ мѣстѣ французъ загонялъ. Экіе малолѣтки, что отъ всѣхъ оберегать, да опекать насъ нужно!.. Ей-Богу, злость меня разбираетъ, когда читаю въ газетахъ іереміады о томъ, какъ насъ какіе-нибудь жиды притѣсняютъ. Такъ и хочется сказать: «Стыдитесь, господа, говорить громко о своей глупости, да неумѣлости; защищайтесь сами, если на васъ нападаютъ; если же не можете защититься,—ну, такъ и погибайте, туда вамъ и дорога; ужъ если мы такіе глупые, да неумѣлые, что насъ каждый перехитрить, да притѣснить можетъ, такъ лучше и не жить намъ, не коптить неба, не стоять поперекъ дороги у другихъ людей».

— Долго, дядя, подъ опекой жили, вотъ въ чемъ вся и бѣда,—замѣтилъ Орловъ.

— Нѣтъ, братъ, бѣда въ томъ, что насъ такъ легко могли взять подъ опеку, да такъ долго держать подъ ней, не слыша отъ насъ серьезнаго протеста,—сказалъ Лампадовъ.—Скверно то, что не знаешь, опека ли вызвала въ насъ апатію, или апатія наша привела насъ къ опекѣ. Вотъ что скверно.

Старикъ махнулъ безнадежно рукой и потомъ заговорилъ снова:

— Теперь вотъ ко мнѣ много разныхъ бѣдняковъ ходитъ... Ольга покойная накрестила, да навѣнчала,—ну, да и самъ я, Господь знаетъ, какъ развелъ этихъ разныхъ крестниковъ. Такъ, Господи, что за народъ это! Или это—грабители, да хищники будущіе, или какія-то безпомощныя овцы, которыхъ только лѣнивый не будетъ стричь...

Орловъ усмѣхнулся.

— Да вѣдь это не мнѣ одному счастіе на такихъ крестниковъ,—продолжалъ старикъ.—А всѣ мы таковы: либо мы грабимъ, либо насъ грабятъ...

Орлову вдругъ вспомнился Благолѣповъ съ его исканіями «средины».

— Ну, дядя, нельзя же такъ рѣзко дѣлить людей,—сказалъ онъ.—Есть же и середина. Да вотъ ты самъ...

— Я, братецъ, былъ и остался человѣкомъ не отъ міра сего... ну, идеалистомъ, теоретикомъ, дуракомъ, что ли, какъ это теперь у васъ тамъ называется,—сказалъ старикъ, мах-

Digitized by Google

нувъ рукой. Такихъ-то, вѣрно, у насъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ государствѣ найдется,—непочатый ихъ уголъ у насъ,—да этихъ людей и вовсе со счетовъ нужно сбросить...

Магдалина, между тѣмъ, подала чай. Старикъ засуетился.

— Постой, постой, у меня англійское печенье есть, а то какъ же такъ безъ булокъ, — сказалъ онъ и досталъ изъ шкапа большой жестяной ящикъ.

Онъ дрожащими руками сталъ отпирывать крышку.

— Позволь я открою,—сказалъ Орловъ и открылъ крышку.

Изъ ящика поднялась пыль, и вылетѣло нѣсколько молей. Старикъ смутился и сконфузился. Онъ вдругъ точно опустился и дрожащимъ голосомъ заговорилъ:

— Извини... Давно, видишь, не открывалъ... Странно, не зналъ, что въ этомъ можетъ моль завестись...

Онъ опустилъ голову и, совсѣмъ хмурый, впалъ въ раздумье. Орловъ, видя смущеніе старика, поспѣшилъ взять стаканъ и началъ посторонній разговоръ.

— Какъ у Плюшкина, — тихо и грустно сказалъ старикъ.—Со стороны, должно-быть, смѣшно...

— Полно, дядя!—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ.

Старикъ мрачно махнулъ рукою.

— Умирать пора,—сказалъ онъ.—Винты не всѣ въ порядкѣ...

Какъ ни пробовалъ Орловъ оживить снова старика, тотъ уже не оживлялся, а былъ мраченъ и нѣсколько желченъ. На прощаньи онъ сказалъ Дмитрію Андреевичу:

— Ну, заходи, да, пожалуйста, успокой сестру: скажи, что я умру не скоро, что совѣсть у меня въ порядкѣ, что о душѣ моей заботиться нечего... Очень ужъ раздражаютъ меня эти заботы!

— Да я и не солгу, дядя, что и жизни въ тебѣ много, и грѣховъ на тебѣ нѣтъ,—отвѣтилъ Орловъ. — Вотъ я посидѣлъ у тебя и снова, какъ въ былые годы, забылъ, что у меня, можетъ-быть, дыра на сапогѣ...

Старикъ улыбнулся.

— Да вѣдь отъ этой дыры, голубчикъ, никто и ничто и не пострадаетъ, такъ о ней особенно много и думать нечего,—отвѣтилъ онъ.—Именно то-то и худо, что люди всю свою душу полагаютъ въ заботы о дырѣ на своихъ собственныхъ сапогахъ.

Орловъ вышелъ отъ Лампадова, и за нимъ послѣдовала на крыльцо Магдалина.

Digitized by Google

— Ну, какъ вы нашли, батюшка, нашего Ѳеопемпта Григорьевича?—спросила она.

— Плохъ онъ,—сказалъ Орловъ.

— Моритъ онъ самъ себя,—сказала старушка. — Почти ничего не велитъ готовить; чѣмъ питается, я и не знаю. «Чего, говоритъ, мнѣ, старику, лакомиться, да даромъ деньги бросать!» А вѣдь въ его положеніи только пищей хорошей и можно поддержать себя. Нельзя же ужъ тоже такъ надъ каждой копейкой для себя трястись...

— Да дядя же прежде никогда не былъ скупъ, — замѣтилъ Орловъ.

— Господь съ вами, батюшка, Господь съ вами! Развѣ это скупость?—сказала Магдалина.—На себя, говорю я вамъ, ничего не хочетъ тратить, а другіе его обираютъ...

Она махнула рукой.

— Вороны точно, ей-Богу, точно вороны! — заговорила старушка со слезами въ голосѣ. — Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ съ него все. Пробовала я не пускать ихъ къ нему,— письмами одолѣваютъ, на меня жалуются. Ну, сердится, коритъ, скаредомъ меня называетъ. «Что, говоритъ, старая, тебѣ жалко, что ли, что я бѣднымъ грошъ дамъ? Мало тебѣ, что ли, старая? Сама помрешь скоро. Въ могилу ничего не возьмешь». А развѣ я для себя? Мнѣ на савванъ хватитъ. Я вѣдь для него же, да для вашей семьи...

— Намъ ничего не надо! — быстро проговорилъ Орловъ.

— Что вы, батюшка! Вотъ сестрица тоже разсказывала, какія нужды терпите. А вѣдь вы его единственные наслѣдники. Анна Андреевна вонъ намеднись плакала. «Все, говоритъ, растащутъ, а свои родные чуть не по міру идутъ»...

— Глупости она говоритъ! Я вамъ повторяю, что намъ ничего не нужно,—сказалъ Орловъ.

Ему было и тяжело, и больно. Онъ сознавалъ, что ему нужно будетъ серьезно поговорить съ сестрой насчетъ Лампадова, и что этотъ разговоръ будетъ не изъ пріятныхъ.

II.

— Ну, вотъ я и свободенъ!—говорилъ Дмитрій Андреевичъ, получивъ отставку, и его охватило радостное чувство. Теперь ему никто не предпишетъ: «переводится товарищемъ прокурора туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ», «назначается прокуроромъ туда, куда воронъ костей не заноситъ». Его не заставятъ обвинять Ивановъ, не помнящихъ родства, за то, что они крадутъ съ голода и уби-

Digitized by Google

ваютъ съ горя, не принудятъ подчиняться личностямъ, вставшимъ выше его иногда только потому, что эти лица успѣшнѣе его умѣли ловить рыбу въ мутной водѣ и пользоваться ворожбой бабушекъ. Но это была только одна сторона медали,—подъ этою свѣтлою стороной была другая, болѣе темная сторона. Онъ принадлежалъ по своему положенію, по своей подготовкѣ, по своему развитію и прошлымъ стремленіямъ къ числу людей, въ сущности не имѣющихъ возможности выбирать родъ дѣятельности: онъ могъ быть чиновникомъ, адвокатомъ, писателемъ, профессоромъ, человѣкомъ кабинетной работы, но и только. Онъ былъ чистѣйшимъ представителемъ мыслящаго пролетаріата, выросшаго на почвѣ петербургской жизни,—кабинетнымъ работникомъ, теоретикомъ и бѣднякомъ. Сдѣлайте его управляющимъ большимъ имѣніемъ, дайте ему въ руки большую фабрику, заставьте его вести большое торговое дѣло—и онъ окажется на каждомъ шагу несостоятельнымъ, его загоняетъ первый неграмотный староста, простой машинистъ-самоучка, совсѣмъ неразвитой приказчикъ. Правда, именно изъ людей съ подобною подготовкой и выходили и выходятъ такъ-называемые заправилы, ворочающіе чуть не цѣлыми отдѣлами общественнаго механизма, но зато что же и происходило изъ этого: канцелярскія отношенія, канцелярскія предписанія, канцелярская переписка безъ конца и идущая въ разрѣзъ съ этою перепискою практика. Классику приходилось судить, годны или не годны въ дѣло рельсы новой желѣзной дороги, юристу приходилось изобрѣтать средства поднять народное хозяйство; выросшему съ пеленокъ въ столицѣ человѣку приходилось канцелярски точно и однообразно рѣшать, гдѣ насадить народныя школы, и каковы должны быть эти школы, когда онъ даже и представить себѣ не могъ тѣхъ деревень, гдѣ живутъ такіе-то Пилы и Сысойки, будто бы нуждающіеся въ его проектахъ для своихъ школъ, когда онъ даже приблизительно не зналъ, похожи ли эти Пилы и Сысойки, напримѣръ, на шустраго ярославца-полового изъ трактира Палкина, или на извозчика «пьяную Калугу», сумѣвшаго со своими земляками взять верхъ надъ всѣми другими извозчиками, или на оборваннаго профессіональнаго нищаго «изъ витебскихъ», ходящаго десятки лѣтъ съ протянутою рукой, прося «на погорѣльцевъ». Можетъ-быть, со временемъ и онъ, Орловъ, будетъ управлять чѣмъ-нибудь, положимъ, во флотѣ или устраивать механическіе заводы, но покуда онъ былъ еще настолько добро-

Digitized by Google

совѣстенъ, что не взялся бы и за большія деньги строить броненосныя суда, и былъ настолько пролетаріемъ, что никто бы и не предложилъ ему даже какого-нибудь мѣстишка капитана на самомъ маленькомъ пароходикѣ. Его свобода была понятіемъ очень условнымъ, и онъ былъ едва ли не менѣе свободенъ въ выборѣ профессіи, чѣмъ какой-нибудь сапожникъ: этотъ сапожникъ, потерпѣвъ неудачу въ своемъ ремеслѣ, могъ превратиться и въ лавочника, и въ извозчика, и въ лакея, и въ банщика, и въ артельщика, и если при томъ же онъ былъ изъ крестьянъ-собственниковъ, то за нимъ всегда стояли изба, нива, какъ мѣсто отступленія съ поля битвы городской жизни. Люди же, подобные Орлову, возвращаются послѣ неудачъ въ родное гнѣздо съ однимъ сознаніемъ, что это гнѣздо—наемный уголъ, не дающій хлѣба и требующій ежемѣсячной платы. Многіе изъ такъ-называемыхъ образованныхъ людей у насъ находятся въ такомъ положеніи: воспитаніе и образованіе юношества поставлено такъ, какъ будто Россія нуждается только въ канцелярскихъ дѣятеляхъ; знакомство съ роднымъ краемъ и его потребностями является почти исключительно книжнымъ; всѣ стремленія и идеи усваиваются чисто-теоретическимъ путемъ; способности къ практической дѣятельности въ широкомъ смыслѣ почти не развиваются, и потому вся практичность сводится къ умѣнью выслужиться, выкланяться, поддѣлать вексель, обокрасть общество, взять взятки или обсчитать ближняго. Всѣ эти недостатки должны были сказаться рѣзко и ярко именно въ то время, когда правительство и обстоятельства дали сильный толчокъ русскому обществу, призвавъ его къ болѣе разносторонней дѣятельности. Такое время именно и было тогда.

Съ перваго же взгляда на Петербургъ, Орловъ не узналъ въ немъ прежняго Петербурга. Въ годы его отсутствія городъ точно выросъ и принарядился: только что начавшаяся горячка домостроительства была въ полномъ разгарѣ; вездѣ воздвигались новые дома съ украшеніями кондитерскихъ пироговъ, вездѣ надстраивали этажи и прилѣпляли колонки, балкончики, арабески. Казалось, что весь городъ передѣлывается заново. Цѣлая масса новыхъ магазиновъ ослѣпляла своими вывѣсками и выставками товаровъ, всюду красовались новыя вывѣски банковъ, банкирскихъ конторъ, правленій акціонерныхъ обществъ. Кто зналъ Петербургъ въ предыдущее царствованіе или въ самомъ началѣ царствованія, тотъ не узналъ бы его теперь, когда уже терялся

Digitized by Google

счетъ разнымъ предпріятіямъ биржевиковъ и промышленниковъ. Слѣды наживы и гоньбы за наживой ярко бросались въ глаза человѣку, долго не видавшему столицы. Большая Морская, Невскій проспектъ точно принарядились въ парадныя платья. Особенно ярко бросилось это въ глаза Орлову, когда онъ попалъ впервые снова на эти улицы въ четвертомъ часу дня. По этимъ улицамъ неслись, точно на скачкѣ, обгоняя другъ друга, экипажи, блестящіе, легкіе, съ нарядными женщинами. Подкрашенныя лица, одноцвѣтные бѣлокурые парики, слишкомъ изысканные и бросающіеся въ глаза наряды, особыя позы этихъ полулежавшихъ въ коляскахъ дамъ ясно говорили, кто эти дамы. Ихъ обгоняли на эгоисткахъ щегольски одѣтые мужчины съ моноклями или pince-nez, похожіе на вывѣски парикмахеровъ или на модныя картинки. Орловъ смутно узнавалъ нѣкоторыя лица и не вѣрилъ глазамъ. Да, это его товарищи по университету, это вчерашіе бѣдняки, а теперь... Онъ вспомнилъ слышанные имъ разсказы: такой-то женился на богатой, такой-то нажилъ адвокатурой въ годъ состояніе, такой-то пріютился въ акціонерномъ обществѣ, такой-то просто живетъ на содержаніи. Ему вспомнились саркастическія слова одного его пріятеля:

— Если мы далеки отъ царства Ивановъ, не помнящихъ родства, то мы все же переживаемъ царство Ивановыхъ!

Да, всѣ эти богачи — какіе-то Ивановы, Барановы, Козловы, Кобылины; эта вчерашняя голь вдругъ пошла въ гору и рвала зубами выпавшую ей на долю добычу въ новыхъ учрежденіяхъ, въ акціонерныхъ компаніяхъ и комитетахъ. Новыя учрежденія потребовали цѣлыя полчища новыхъ людей. Этихъ людей пришлось поневолѣ вербовать не среди привилегированныхъ классовъ, захватывавшихъ прежде все только въ свои руки, а гдѣ попало, среди мѣщанъ, среди недоучекъ, среди голяковъ. Изъ этихъ людей сразу создался новый классъ разночинцевъ; ихъ, можетъ-быть, неловко было спрашивать о ихъ происхожденіи, о степени ихъ образованія, но ихъ нельзя было не принимать въ лучшихъ кружкахъ, потому что они ворочали дѣлами, потому что они имѣли денежныя средства и въ сущности были не лучше и не хуже своихъ предшественниковъ. Десятокъ лѣтъ тому назадъ ихъ отцы были крѣпостными, приказными, ростовщиками-евреями, а теперь они сидѣли въ первыхъ рядахъ партера въ итальянской оперѣ, они были почетными членами благотворительныхъ обществъ, они оказывали протек-

Digitized by Google

ціи ищущимъ мѣстъ юнцамъ, они ссужали деньгами золотую молодежь. Но эти новые дѣятели были дѣтьми своихъ отцовъ и предшественниковъ, кость отъ кости, плоть отъ плоти этихъ людей: ихъ число только возросло, ихъ способы наживы стали только разнообразнѣе, они брали только больше, такъ какъ во всемъ былъ прогрессъ,—всѣмъ захотѣлось жить такъ же широко, какъ прежде жила ограниченная кучка людей, высасывавшихъ все, что можно, главнымъ образомъ, изъ своихъ крестьянъ. Вчерашній обтерханный студентъ изъ мѣщанъ — сегодняшній знаменитый присяжный повѣренный, вчерашній забитый Ицка — сегодняшній желѣзнодорожный тузъ, вчерашній мелкій инженерикъ — сегодняшній желѣзнодорожный строитель, [всѣ эти люди хотѣли и должны были жить согласно своему положенію въ обществѣ, примѣняя и къ себѣ правило noblesse oblige и не руководствуясь больше ничѣмъ. Грабежъ сдѣлался только общимъ, болѣе повальнымъ. Ничего иного нельзя было и ожидать. Такъ всегда бываетъ во время сильнаго прогрессивнаго переворота. Реформы преобразованія, новыя учрежденія создаются смѣлыми реформаторами легко и скоро, а новыхъ людей, при всемъ желаніи, однимъ почеркомъ пера не создашь. Нужно прибавить къ этому, что никогда не поднимали такъ высоко головы всякіе рыцари наживы, какъ теперь, уже и потому, что лучшіе люди какъ будто вдругъ ушли въ свои раковины, затворились въ четырехъ стѣнахъ, засѣли за работу въ тишинѣ. Это было именно то время, когда общество приходило все въ большее и большее смятеніе послѣ польскаго возстанія, каракозовскаго выстрѣла, смутныхъ слуховъ о новыхъ заговорахъ и арестахъ. У большинства людей срывались съ языка вопросы: «Чего хотятъ? Во имя какой программы дѣйствуютъ? Куда мы идемъ? Что будетъ завтра? Можно ли идти впередъ во время такой сумятицы? Не лучше ли погодить?..» У людей же наживы вмѣсто этихъ тревожныхъ вопросовъ созрѣвало одно убѣжденіе, что «нужно ковать желѣзо, пока оно горячо», что «въ мутной-то водѣ и ловить рыбу», что новая заповѣдь гласитъ: «не зѣвай!».

Всѣ эти мысли длинною вереницей проходили въ головѣ Орлова, когда онъ шелъ, отыскивая тотъ домъ, гдѣ жилъ одинъ изъ его старыхъ пріятелей, Андреевъ. Орловъ встрѣтилъ Андреева въ министерствѣ, куда завернулъ по своимъ дѣламъ и Андреевъ настойчиво взялъ съ него слово, что онъ обѣдаетъ у него, такъ какъ это «его день»: по четвер-

Digitized by Google

гамъ у него всегда обѣдаютъ пріятели. Орлову нужно было потолковать съ Андреевымъ, такъ какъ послѣдній былъ присяжнымъ повѣреннымъ и могъ ему разсказать многое о разныхъ закулисныхъ сторонахъ петербургскаго суда. Орловъ отыскалъ домъ, гдѣ жилъ Андреевъ, и поднялся по парадной лѣстницѣ. Ему открылъ двери лакей во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и провелъ его въ гостиную. По лицу Орлова скользнула невольная усмѣшка при видѣ убранства этой гостиной: шелковая мебель, бронза, картины. Все это было точно сейчасъ принесено изъ магазиновъ, и притомъ изъ разныхъ магазиновъ: изящные французскіе шкапики съ фарфоровыми и бронзовыми вставками не гармонировали съ такъ-называемыми подсвѣчниками въ русскомъ вкусѣ, поражавшими грубостью работы и бросавшимися въ глаза; роскошныя рамы писанныхъ масляными красками картинъ привлекали вниманіе гораздо сильнѣе, чѣмъ сами эти картины вѣнской рыночной фабрикаціи. Тутъ не было ни вкуса, ни пониманія, тутъ было одно желаніе разубрать гостиную всякаго рода вещами, случайно попавшимися на глаза и почему-нибудь понравившимися покупателю. Переступивъ порогъ гостиной, Орловъ услышалъ множество голосовъ, басовитый смѣхъ мужчинъ, визгливый хохотъ женщинъ въ сосѣднихъ комнатахъ. Черезъ минуту къ гостю вышелъ хозяинъ въ коротенькой бархатной визиткѣ, въ бѣломъ галстукѣ, завязанномъ большими бантами.

— Ну, спасибо, спасибо, что сдержалъ слово!—проговорилъ онъ, пожимая руку Орлова: — право, разсердился бы, если бы обманулъ. Пойдемъ въ кабинетъ. Мы уже думали, что ты не придешь.

Они прошли въ просторный кабинетъ съ мягкою мебелью, съ мягкими коврами, наполненный гостями. Начались представленія.

— Наше восходящее свѣтило на поприщѣ адвокатуры!— шутливо говорилъ хозяинъ, представляя Орлова гостямъ.— А это Александръ Ивановичъ Щепятовъ. Ты, конечно, уже знакомъ съ его литературными произведеніями, подписанными псевдонимомъ Горева. А это вотъ усладитель нашего слуха, Иванъ Денисовичъ Николаевъ—нашъ незамѣнимый Рауль...

Орловъ даже смутился,—столько знаменитостей представили ему и, всего хуже, онъ не зналъ почти ни одной изъ этихъ знаменитостей. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ знаменитостей были знаменитостями будущаго, а нѣкоторыя зна-

Digitized by Google

менитостями прошлаго, третьи же были знаменитыми талантами довольно страннаго свойства: такъ, какой-то господинъ Кисъ или Рисъ,—Орлову даже потомъ показалось, что эту знаменитость звали господиномъ Бисъ, — отличался тѣмъ, что рисовалъ чѣмъ угодно и на чемъ угодно: пальцемъ на тарелкѣ, тряпкой на бумагѣ, употребляя при этомъ вмѣсто карандашей и красокъ уголь, мѣлъ, соусъ изъ-подъ жаркого, остатки кофе на блюдечкѣ и т. п. При этомъ господинъ Кисъ или Рисъ умѣлъ занимать гостей длинными рѣчами на всѣхъ европейскихъ нарѣчіяхъ, изъ которыхъ онъ зналъ въ дѣйствительности только два, что не мѣшало ему съ пафосомъ произносить, напримѣръ, по-итальянски: «O santo Lucia, Napoli, macaroni, Milano, Garibalbi, tedesco» и т. д. Выходило что-то похожее на итальянскую рѣчь. Кромѣ того, не имѣя голоса, онъ пѣлъ комическіе куплеты больше жестами и гримасами, а когда бывалъ очень пьянъ, то даже плясалъ національные танцы. Всѣ эти знаменитости, видимо, скучали, слонялись изъ угла въ уголъ въ ожиданіи обѣда.

— Разсаживайся! Не хочешь ли сигару? Обѣдъ сейчасъ подадутъ! — говорилъ хозяинъ, придвигая Орлову кресло и указывая на сигары.

Орловъ закурилъ папиросу, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ, онъ увидалъ, что всѣ знаменитости, мало-помалу, улизнули изъ кабинета.

— Я, кажется, помѣшалъ,—проговорилъ онъ съ улыбкой.

— Кому это? Имъ-то?—сказалъ Андреевъ.—Просто слоняются со скуки, пока не пропустятъ рюмки, другой. Къ бабью теперь, вѣрно, направились. Всѣ тоже юбочники. Да что имъ и дѣлать: таланты!

Онъ захохоталъ.

— Нѣтъ, вотъ нашему брату, талантами не отличающемуся, юбки-то не всегда на умъ лѣзутъ, тоже поработать приходится.

Орловъ улыбнулся.

— А я думалъ, что вы здѣсь всѣ не работаете, а наслѣдства отъ дядюшекъ изъ Америки получили.

— А что?

— Да я вотъ сегодня только и дѣлаю, что удивляюсь,— сказалъ Орловъ.—Встрѣтилъ Парамонова... Помнишь чумазаго Парамошку изъ нашей гимназіи?...

— Еще бы, онъ теперь въ правленіи царевококшайской желѣзной дороги служитъ,—замѣтилъ Андреевъ.

Digitized by Google

— То-то онъ на рысакахъ и ѣздитъ,—сказалъ Орловъ.— Потомъ встрѣтилъ Анучина, въ собственной коляскѣ ѣдетъ... Ты тоже, кажется, какъ сыръ въ маслѣ катаешься. Нѣтъ, право, у васъ, вѣрно, дядюшки въ Америкѣ были.

Андреевъ опять расхохотался.

— Да, теперь, братъ, иначе жить нельзя, если хочешь идти впередъ,—объяснилъ онъ.—Докторъ ты—тебѣ гроши будутъ платить, покуда не заведешь обстановочки; адвокатъ ты—къ тебѣ и ходить никто не будетъ, если ты не живешь бариномъ, потому, значитъ, ты—дрянь-адвокатъ, если и денегъ не нажилъ; служишь ты въ банкѣ, да биржевыя дѣла ведешь—безъ обстановки у тебя ни кредита не будетъ, ни связей. Кто живетъ теперь скромно, тотъ впередъ далеко не уйдетъ, многаго не получитъ. Теперь ужъ вѣкъ такой. Прежде, бывало, рекомендуется человѣкъ: помѣщикъ такой-то губерніи, графъ такой-то,—ну, ты и знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. А теперь говорятъ: «господинъ Андреевъ пришелъ». А чортъ его знаетъ, этого Андреева, что онъ такое: нищій-попрошайка, или человѣкъ порядочный и приличный господинъ? Ну, и надо, чтобы сразу какой-нибудь перстень брилліантовый или цѣпь во весь животъ заявили, что молъ господинъ Андреевъ знакомиться съ вами пришелъ, а не грабить васъ. И платить прежде знали сколько какому-нибудь дѣйствительному статскому совѣтнику или какому-нибудь князю, а Андрееву платятъ лишь столько, насколько внушительна обстановка Андреева. Да вонъ какой-нибудь Кисъ... Ты его сейчасъ видѣлъ, черномазый такой, онъ тутъ вертѣлся, когда ты вошелъ... Такъ и тому что его фокусы да куншткки приносили бы, если-бъ онъ не умѣлъ прилично пріодѣться да артистическія кудри на головѣ взбить? Такъ-то вѣдь цѣна человѣку грошъ, а погляди, какъ наживается. Къ французскому посланнику на вечеръ приглашали прохвоста баляснчать!..

— Ахъ, вы, барышники, барышники!—проговорилъ Орловъ, слушая эту рѣчь.

— Ну, да. А чѣмъ прикажешь быть, какъ не барышникомъ, когда жить хочется? А жизнь-то стала—ой-ой-ой, какъ дорога!—сказалъ Андреевъ.—Вѣрь ты мнѣ, что съ голоду ты подохнешь, дѣятелемъ никогда не будешь, дѣлами государства заправлять во вѣки не будешь, если барышникомъ не будешь. Кто теперь все въ рукахъ держитъ? Банкиры, желѣзнодорожники, биржевики. Черезъ нихъ только и пролѣзешь въ люди, черезъ нихъ только и сдѣлаешься

Digitized by Google

дѣльцомъ, не лишнею спицей въ колесницѣ, а эти цари изъ Чухломы и Бердичева на порогъ тебя не пустятъ, если ты явишься къ нимъ обтерханнымъ, да оборванымъ. Знаешь ли ты, кто теперь мѣста предоставляетъ, протекціи оказываетъ?.. Нѣтъ. Ну, такъ я тебѣ скажу. Вонъ въ балетѣ есть такая долгоногая балерина Двойкина, лошадью ее еще въ школѣ звали: черезъ нее можешь какое хочешь теплое мѣсто добыть, воротилой сдѣлаться, потому она—содержанка вліятельной особы. А попробуй къ этой дщери кучера и прачки безъ денегъ придти: дверей тебѣ не откроютъ. Да развѣ одна она изъ такихъ-то? А Эмма Ѳедоровна, а княгиня Дарья Андреевна Пустозерова? Вѣдь это тоже дѣльцы изъ кокотокъ, только разныхъ полюсовъ: одна—обогатившаяся перновская мѣщанка, другая—обѣднѣвшая русская аристократка, а деньги за протекціи обѣ берутъ одинаковыя...

Андреевъ вздохнулъ.

— Да, нашему брату не легко карьеру сдѣлать,—продолжалъ онъ.—Тоже остроуміе и сообразительность нужны для этого... Вотъ я тебѣ приведу одинъ примѣръ. Помнишь Ганьку Жербина?

— Какъ же, это сынъ лавочника. Селедкой еще звали его въ гимназіи...

— Ну, ну, онъ самый! Теперь, братъ, это модный докторъ. А какъ думаешь, почему въ люди вышелъ? У Коптилова, особы изъ лапотниковъ, сынишку годового онъ лѣчилъ и на рецептахъ прописывалъ «его превосходительству Александру Ивановичу Коптилову». Это годовой-то мальчишка его превосходительство! Такъ вотъ такъ это понравилось madame Коптиловой, что она Ганьку и ввела за уважительность въ моду...

Лакей вошелъ и объяснилъ, что обѣдъ поданъ. Пріятели вошли въ столовую, гдѣ гости, мужчины и дамы, уже поѣдали съ ожесточеніемъ голодныхъ волковъ закуску, а у обѣденнаго стола стояла щегольски одѣтая молодая женщина.

— Надежда Петровна,—небрежно отрекомендовалъ Андреевъ, представляя Орлова этой молодой дамѣ.

— Мой мужъ мнѣ уже говорилъ о васъ сегодня,—сказала хозяйка, протягивая руку Орлову.—Вы у насъ, вѣроятно, будете присяжнымъ повѣреннымъ? Непремѣнно поѣду васъ слушать!

Орловъ раскланялся и сказалъ, что онъ еще ничего не

Digitized by Google

рѣшилъ. Хозяйка поражала красотой, роскошными волосами, модным, нѣсколько вычурным, костюмомъ. Орловъ быстро разглядѣлъ, что у нея подкрашенныя щеки, брови, глаза, слишкомъ много чужихъ волосъ. Ея манеры были слащаво-жеманны и черезчуръ кокетливы. Голосъ былъ слишкомъ искусственно пѣвучъ и мягокъ. Черезъ двѣ-три минуты всѣ усѣлись за столъ. Дамамъ Орлова не представляли, и только изъ разговоровъ за столомъ онъ узналъ ихъ имена и фамиліи.

— Я ужасно люблю ѣздить въ судъ,—это такъ прекрасно!—сказала хозяйка, разливая супъ и занимая разговоромъ Орлова.—И особенно люблю, когда Коля говоритъ Онъ всегда до слезъ тронетъ, и самъ плачетъ.

Орловъ съ улыбкой взглянулъ на хозяина.

— Ты... плачешь?—спросилъ онъ.

— Да, это же особенность моего таланта,—отвѣтилъ Андреевъ, принимаясь за супъ.

— Онъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!—вставилъ Кисъ свое словцо.

— Да, да, онъ всегда плачетъ и заставляетъ плакать,—подтвердила хозяйка.—Вотъ Симоновича я просто слушать не могу, тотъ точно ругается, все язвитъ, язвитъ, и все такимъ птичьимъ голосомъ выкрикиваетъ, а самъ все почесывается. Совсѣмъ неприлично!.. Ахъ, но кто удивительно защищаетъ, такъ это Груздевъ: когда его слушаешь, то это точно музыка переливается, и все такія картины, картины, точно въ романѣ, а самъ весь блѣдный...

Хозяйка какъ-то особенно выговорила слово романъ, сильно напирая на букву о и закатывая глаза.

«Дура»,—промелькнуло въ головѣ Орлова.

— Она у меня съ сантиментами,—сказалъ небрежно Андреевъ.—Впрочемъ, мы съ нею чаще бываемъ у Берга, чѣмъ въ судѣ. Она вѣдь у меня сама актерствуетъ: въ клубѣ въ живыхъ картинахъ Елену Прекрасную изображала съ Монаховымъ.

— И вамъ нравится театръ Берга?—спросилъ Орловъ.

— Ахъ, это прелесть, прелесть! Я всегда хохочу до упаду!—воскликнула она съ увлеченіемъ.—Театры—это моя жизнь...

И вдругъ Орловъ услышалъ самые подробные разсказы о спектакляхъ у Берга, о канканѣ, о шансонеткахъ. Хозяйка чуть не пѣла, чуть не канканировала.

— Это восторгъ, восторгъ! — заключила она свой разсказъ.—Это опьяняетъ и кружитъ голову...

Digitized by Google

— Она, братъ, у меня на всѣ руки молодецъ!—сказалъ Андреевъ.

Орловъ совсѣмъ терялся, не зная, какъ говорить съ хозяйкой, чтобъ не обидѣть хозяина. Но остальные гости бесѣдовали съ ней очень развязно. Чѣмъ дальше шелъ обѣдъ, тѣмъ обильнѣе лились съ языковъ собесѣдниковъ сальности и двусмысленности, не уступавшія своимъ цинизмомъ холостымъ бесѣдамъ армейскихъ офицеровъ и золотой молодежи. Кисъ уже рисовалъ на тарелкахъ скарбезныя картинки и объяснялъ ихъ содержаніе съ невообразимою безцеремонностью. Дамы не уступали въ распущенности мужчинамъ и шептались, хихикая, съ сосѣдями. Орловъ совершенно терялся въ догадкахъ, что за люди были передъ нимъ, изъ какого сословія, какого положенія въ обществѣ. Обѣдъ еще не кончился, какъ трое изъ мужчинъ встали и сказали, что они пойдутъ доигрывать пульку до театра. Хозяинъ замѣтилъ, что они играютъ у него уже вторыя сутки. Онъ взялъ подъ руку Орлова и пошелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Ихъ вѣдь вплоть до театра отъ бутылокъ не отгонишь,—сказалъ онъ Орлову про своихъ гостей.—Мы вѣдь по четвергамъ вечеромъ всегда ѣдемъ или въ циркъ, или къ Бергу, такъ какъ въ клубѣ ничего нѣтъ, потомъ на тройкахъ иногда закатимся куда-нибудь съ барышнями... Скучища вѣдь дьявольская у насъ, въ Питерѣ,—не знаешь, въ какой кабакъ кинуться....

— А твоя жена?—началъ Орловъ.

— Надежда Петровна? О, она у меня бабенка лихая... И ничего—рожица смазливая...

Орловъ не зналъ, что отвѣтить на эту оригинальную рекомендацію.

— Да вотъ, смотри, изъ простыхъ мѣщанокъ города Казани вышла, а ничего, отшлифовалась,—продолжалъ хозяинъ, развалившись на диванѣ и ковыряя перомъ въ зубахъ.— Скверно такъ одному жить, а жениться еще средствъ нѣтъ, да и невѣсты подходящей не нарывается,—ну, вотъ и содержу покуда ее, все юбка во всякое время въ домѣ есть и живешь не на холостую ногу, а это много значитъ для дѣловаго человѣка...

— Такъ ты не женатъ на ней?—спросилъ Орловъ.

Андреевъ расхохотался.

— Да за кого ты меня считаешь? Ты же видишь, она и не далека, и не воспитана... Наконецъ, она и старше

Digitized by Google

меня,—моложава только... Просто въ гражданскомъ бракѣ обрѣтаемся... Я ее у одного литератора отбилъ... Онъ ее увезъ отъ ея мужа изъ Харькова, кажется...

Орловъ нервно передернулъ плечами отъ этой откровенности.

— Она вотъ подруга той барыньки, что съ Кисомъ рядомъ сидѣла. Та у Филиппова, который противъ тебя сидѣлъ, на содержаніи живетъ. Я у нея съ Надеждой Петровной и познакомился. Потомъ въ клубѣ встрѣчались, ея литераторъ ей понадоѣлъ,—ну, у насъ дѣло и склеилось.

— А этотъ литераторъ... какъ ты его назвалъ, Щенкомъ, что ли?

— Щепятовъ. Прохвостъ первѣйшій... И какой онъ къ чорту литераторъ!.. Репортерствуетъ гдѣ-то о томъ, чего никто не читаетъ, вотъ и все...

— Это онъ съ женою тутъ былъ?

— Съ женою! Только она живетъ не съ нимъ, а ее содержитъ присяжный повѣренный Комаровъ. У этого борзописца-то гроша за душой нѣтъ... Вѣдь кромѣ театральныхъ рецензій ничего и измыслить не можетъ...

— Позволь, позволь, но вѣдь тутъ и мадамъ Комарову мнѣ представляли за обѣдомъ.

Андреевъ залился смѣхомъ.

— Ну, такъ что-жъ? Мадамъ Комарова эта самая ужъ десятаго любовника мѣняетъ. У насъ въ клубѣ такіе скандалы съ нею бывали...

Андреевъ, развалясь на диванѣ, началъ распространяться о клубныхъ скандалахъ, о томъ, кто съ кѣмъ живетъ, кто у кого отбиваетъ жену или любовницу. Онъ говорилъ съ циничной откровенностью, ставя точки на і, напирая на подробности, точно это доставляло ему особенное удовольствіе.

Орловъ поднялся съ мѣста. Ему хотѣлось поскорѣй выбраться на воздухъ, на улицу. Онъ сталъ прощаться.

«Пакостники!»—вертѣлось въ его головѣ. Ему было и скверно, и скучно.—«Знаешь вотъ, что всякой гадины на свѣтѣ много, а попадаетъ подъ руку мокрица и—передернетъ всего»,—думалъ онъ, уходя отъ Андреева.

И чѣмъ ближе вглядывался Орловъ въ петербургскую жизнь такъ-называемаго образованнаго средняго класса, тѣмъ яснѣе видѣлъ онъ, что у большинства она идетъ именно такимъ порядкомъ, какъ у Андреева. Клубы, карты, Берги, загородные рестораны, любительскіе спектакли съ оргіями и развратцемъ—все это повторялось вездѣ и всюду, и всѣхъ

Digitized by Google

грызла скука, вездѣ замѣчалась какая-то безцѣльность жизни. Эти люди въ сущности только повторяли то, что дѣлалось и прежде, только теперь всѣ кутежи были съ одной стороны мельче, пошлѣе, а съ другой—ихъ число возросло, такъ какъ возросло и число людей, имѣвшихъ средства такъ жить. Прежде весь Петербургъ пальцемъ указывалъ на Яковлевыхъ, Волковыхъ, Пономаревыхъ и тому подобныхъ представителей разгула, теперь подобнымъ господамъ и счета не было.

Большинство людей, гнавшихся только за карьерой и за богатствомъ и такъ или иначе выдвинувшихся впередъ, точно опьянѣло отъ неожиданныхъ успѣховъ и въ сущности не знало, что съ собою дѣлать, какъ вести себя, какъ распорядиться выпавшими внезапно имъ на долю средствами. Въ каждомъ разговорѣ слышался только одинъ мотивъ: нажива и кутежъ. Это былъ лозунгъ большинства. Всѣ, казалось, стремились урвать у перваго встрѣчнаго только кусокъ мяса для себя, и чѣмъ легче доставалась пожива при помощи концессій, биржевой игры, банковыхъ операцій, повальнаго грабительства во всѣхъ частныхъ учрежденіяхъ, во всѣхъ вѣдомствахъ, тѣмъ шире развертывался разгулъ. Орловъ видѣлъ и въ провинціи безпечальное житье, но тамъ еще только начиналась эта эпоха «хлѣба и зрѣлищъ», бывшая уже во всемъ разгарѣ въ столицѣ. Орловъ не былъ ни аскетомъ, ни пуританиномъ, ни красной дѣвушкой, но ему на первыхъ же порахъ стало тошно смотрѣть на эти пошлыя, мелкія и грязныя вакханаліи, на эти неизбѣжныя, но все же печальныя явленія переходной эпохи отъ стараго къ новому.

Когда Орловъ случайно столкнулся съ дальнимъ родственникомъ князя Русова, Ивинымъ, однимъ изъ представителей золотой молодежи,—онъ увидалъ, что и здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, происходитъ почти то же, что въ кругу какихъ-нибудь Андреевыхъ,—отсутствіе какихъ бы то ни было серьезныхъ интересовъ и нравственное ничтожество. Ивинъ насильно затащилъ Орлова къ Дюссо.

— Ты помнишь Павла Хрущевскаго? Мы для него мальчишникъ справляемъ,—говорилъ Ивинъ.—На-дняхъ онъ женится на дочери коммерціи совѣтника Позднякова. Рожа невообразимая, глупа феноменально, но приданаго пятьсотъ тысячъ деньгами,—какъ же не жениться? Хрущевскій вѣдь все промоталъ, и если бы не этотъ бракъ, ему пришлось бы петлю надѣть на шею.

Digitized by Google

— И потому онъ идетъ въ крѣпостную зависимость къ дочери коммерціи совѣтника?—съ усмѣшкой сказалъ Орловъ.

— Ну, кто кого заѣстъ—это еще вопросъ!—засмѣялся Ивинъ безпечнымъ смѣхомъ.—Ей тоже будетъ не сладко. Хрущевскій—не такой мальчикъ, чтобъ его легко объѣздить. А впрочемъ, можетъ-быть, его ждетъ то же, что князя Щербинскаго. Помнишь гусаръ... у Русовыхъ часто бывалъ...

— Ну что же съ нимъ случилось?—спросилъ Орловъ.

— Женили его при помощи одного высокопоставленнаго лица прямо изъ долгового отдѣленія на семидесятилѣтней старухѣ, Броиниковой, а ея родные обозлились и, какъ ходятъ слухи, отравили его,—отвѣтилъ Ивинъ.—Фактъ только тотъ, что онъ умеръ черезъ два-три мѣсяца послѣ свадьбы. Конечно, ея роднѣ была невыгодна эта женитьба, такъ какъ старуха могла передать все свое имущество по завѣщанію мужу, а между тѣмъ у нея были милліоны...

— И у васъ здѣсь такъ каждый день убиваютъ люди другъ друга изъ-за денегъ?—съ усмѣшкой спросилъ Орловъ.

— Ну, выдумалъ!—засмѣялся Ивинъ.—Но правда, теперь многимъ приходится изыскивать средства къ жизни, потому тратъ много, а доходовъ у всѣхъ меньше, то-есть меньше у тѣхъ, у кого прежде было больше. Крестьянская реформа подорвала многія благосостоянія. Къ хозяйству на новыхъ началахъ не вдругъ привыкнешь. Прежнихъ казенныхъ ссудъ подъ имѣнія не даютъ. Ну, средства къ жизни и уменьшились, а жизнь-то стала и шире, и дороже. Что-жъ мудренаго, что многіе изъ нашихъ уже фальшивые векселя стали выдавать. Жить вѣдь хочется. Ты знаешь ли, я теперь иногда едва-едва свожу концы съ концами, а между тѣмъ я—не бѣднякъ...

— Ну, да милліоны можно за окно выбросить,—сказалъ Орловъ.

— Нѣтъ, ты не говори этого. Я даже скупъ. Но все дорого стоитъ. Однѣ женщины... Ахъ, если бы ты зналъ, что онѣ нынче стоятъ!

— Точно о лошадяхъ говоришь.

— Да вѣдь я же говорю объ *этихъ* дамахъ.

— У васъ тутъ, кажется, идетъ какая-то вальпургіева ночь,—перебилъ Орловъ.—Я уже чуть ли не отъ десятаго человѣка слышу, что ему нужно денегъ, денегъ и денегъ, и что все стоитъ дорого и дорого. А что это все? Оказываются кутежи, женщины, рысаки, карты...

— А вотъ погоди, когда всѣ прокутимся, тогда посыплемъ

Digitized by Google

пепломъ главы, запремся въ монастыри и начнемъ поститься,— шутливо сказалъ Ивинъ.—Ты не знаешь нашей настоящей жизни. Это—какой-то вихрь, который кружитъ всѣхъ и не даетъ опомниться. И ты не думай, что всѣ теперь проживаются. Нѣтъ, въ нашемъ кругу начинаютъ каждый день появляться люди, у которыхъ вдругъ выросли милліонныя состоянія. Тотъ на желѣзную дорогу взялъ концессію и вышелъ съ капиталомъ, другой основалъ банкъ и ловкой аферой пріобрѣлъ сотни тысячъ въ одинъ день, третій... чортъ знаетъ, иногда кажется, что третій просто укралъ гдѣ-то сотни тысячъ, но тѣмъ не менѣе надо признать, что онъ богатъ, и пожимать ему руки. Всѣ эти люди бутятъ, входятъ въ высшій кругъ, соперничаютъ съ барами... О, ты не узнаешь теперь свѣтскихъ салоновъ... Помнишь княгиню Евдокію Кирилловну Долгополову? Она ли не недоступный идолъ была, а теперь у этой старой блюстительницы аристократической спѣси возсѣдаетъ жидъ баронъ Гиршбергъ въ салонѣ, и она, вздыхая, объясняетъ, что она приноситъ эту жертву для своихъ бѣдныхъ, и прибавляетъ: «Впрочемъ, онъ премилый». А старый князь Горинъ, противникъ разночинцевъ, либераловъ и прогрессистовъ, играетъ въ вистъ съ бывшимъ крѣпостнымъ графа Шереметева, съ вчерашнимъ откупщикомъ, съ нынѣшнимъ желѣзнодорожникомъ Кикинымъ, и все потому, что князь Горинъ пропустилъ все между рукъ, а Кикинъ прибралъ все къ рукамъ: теперь Кикинъ даетъ Горину деньги, а Горинъ выхлопатываетъ ему концессіи, чины, ордена.

Они подъѣхали къ ресторану Дюссо и черезъ минуту были въ отдѣльномъ помѣщеніи, гдѣ уже собралось нѣсколько человѣкъ изъ пріятелей и сослуживцевъ Ивина.

— Дмитрій Андреевичъ Орловъ, — отрекомендовалъ Ивинъ. — Вѣроятно, большинство изъ васъ помнитъ, знакомы... Притащилъ его силой...

Къ Орлову протянулось нѣсколько рукъ. Послышались восклицанія, замѣчанія и вопросы.

— Какими судьбами? Откуда? Давно ли? Васъ трудно узнать!

Но уже черезъ двѣ-три минуты разговоръ за завтракомъ принялъ обычное направленіе.

— Я тебѣ говорю, что Султанъ ни одного приза не возьметъ,—говорилъ какой-то гусаръ своему собесѣднику кирасиру.—Превосходныя статьи, и только у него.

— Онъ на Дюранъ похожъ: у нея тоже превосходныя

Digitized by Google

статьи, а дальше и нѣтъ ничего,—замѣтилъ кто-то черезъ столъ.

— Ну, ты про Дюранъ этого не говори! Она дорого обходится, зато и женщина!—отвѣтилъ гусаръ, чмокнувъ кончики пальцевъ.

Какой-то статскій, весь въ дорогихъ кольцахъ, доказывалъ, что брилліанты синей воды самые лучшіе, и что онъ нигдѣ не видалъ такихъ брилліантовъ, какіе продаются у одного француза-комиссіонера по торговлѣ рѣдкостями.

— Я вовсе не понимаю, что хорошаго находятъ въ черныхъ брилліантахъ,—съ апломбомъ знатока говорилъ онъ.—Ну, да, это оригинально, это рѣдко; но, клянусь же, не все оригинальное и рѣдкое хорошо. Горбатая любовница тоже, пожалуй, оригинальность и рѣдкость, но благодарю за такое пріобрѣтеніе.

— А, нѣтъ, ты развѣ не читалъ у Казановы?—перебилъ его другой статскій.

— У какого Казановы?—спросилъ господинъ, говорившій о брилліантахъ.

— У извѣстнаго Казановы, написавшаго свои mémoires,—отвѣтилъ собесѣдникъ.

— Я, мой милый, ни извѣстныхъ, ни неизвѣстныхъ книгъ не читаю, потому что и тѣ, и другія нагоняютъ сонъ, а я сплю и такъ отлично!—сказалъ любитель брилліантовъ.

— Протестую, протестую за Казанову!—вмѣшался въ разговоръ совсѣмъ юный офицерикъ.—Это... это... что-то такое,—ну, шампанское, возбуждающее тамъ, такія картины...

Любитель брилліантовъ снисходительно улыбнулся.

— Я предпочитаю натуру картинамъ и практику теоріи,—отвѣтилъ онъ.

Раздался смѣхъ; кто-то крикнулъ:

— Браво, браво!

Кто-то громко зѣвнулъ.

Несмотря въ лившееся въ стаканы вино, несмотря на сальничанья, всѣ въ сущности скучали. Никто не зналъ, о чемъ говорить. Ничто никого серьезно не интересовало. Только кирасиръ настойчиво допрашивалъ гусара:

— Нѣтъ, я все-таки не понимаю, что ты имѣешь противъ Султана. Я видѣлъ его, я читалъ его аттестатъ и, право, я въ восторгѣ отъ него.

— Да ты подожди,—говорилъ гусаръ.—Поѣдемъ вмѣстѣ.

Digitized by Google

и я тебѣ докажу по пальцамъ, что онъ гроша не стоитъ. Стоять въ конюшнѣ—да, такъ; но для скачки—его мой столѣтній Меркурій загоняетъ. Ты повѣрь моей опытности, я тебѣ по ниточкѣ всѣ недостатки и достоинства каждой лошади разберу.

— Розовые брилліанты безспорно тоже хороши, но этотъ отливъ непроченъ,—продолжалъ любитель брилліантовъ.

Его, кажется, никто уже не слушалъ, такъ какъ юный офицерикъ, захлебываясь отъ избытка чувствъ, передавалъ отрывки изъ записокъ Казановы.

Орловъ въ полголоса бесѣдовалъ съ Ивинымъ. Онъ разспрашивалъ его о князѣ Александрѣ Александровичѣ Русовѣ.

— Я его отыскивалъ, но мнѣ сказали, что у него нѣтъ квартиры въ Петербургѣ,—сказалъ Орловъ.

— Да, это отчасти правда,—отвѣтилъ Ивинъ.—Числится, что онъ живетъ въ Царскомъ Селѣ, по мѣсту службы, но въ сущности онъ почти безвыѣздно здѣсь, только не въ своемъ домѣ...

— Что это, отъ долговъ скрывается?—спросилъ Орловъ.

— Ну, вотъ еще? Какіе у него теперь долги. Онъ просто отшатнулся отъ общества, заперся съ своей дульцинеей. Вообще съ нимъ произошло что-то странное. У него никто не бываетъ изъ нашихъ.

— Да, я мелькомъ слышалъ отъ его сестры, что онъ измѣнился... Хандритъ, вѣроятно; вѣдь это случалось съ нимъ и прежде, хоть и не мѣшало ему кутить...

— Какъ тебѣ сказать... Едва ли можно сказать, что онъ когда-нибудь кутилъ. На его деньги, правда, кутили многіе, а онъ... Баба онъ какая-то, кислый всегда былъ, трусилъ выпить лишнее... Ты помнишь, его всѣ и дома дѣвчонкой звали...

Кто-то изъ присутствовавшихъ, услышавъ разговоръ о князѣ, замѣтилъ:

— Ну, да, потому его и взяла подъ башмакъ его Настя...

Орловъ вздрогнулъ при этомъ имени.

— Теперь онъ живетъ совершеннымъ отшельникомъ; говорятъ, учится чему-то, что-то изучаетъ, хочетъ выйти въ отставку,—продолжалъ разсказывать Ивинъ.—Это продолжается не годъ, не два...

Но Орловъ уже не слушалъ его и прислушивался къ толкамъ собесѣдниковъ, заговорившихъ теперь о Настѣ, точно обрадовавшись новой темѣ для разговора.

— У нихъ это должно быть фамильное: его отецъ жилъ

Digitized by Google

съ Андроновой лучше, чѣмъ съ женой. Александръ, вѣроятно, въ концѣ концовъ, женится на этой Настѣ,—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Ну, его Настя вовсе не то, что была Андронова,—замѣтилъ другой.—Всѣ эти балетчицы—кокотки, и больше ничего, а эта...

— У нея манеры есть, мягкости много,—перебилъ кто-то тономъ знатока.—И притомъ буквально красавица.

— Не мудрено, вѣдь она изъ порядочной семьи,—отвѣтилъ первый.—Мнѣ про нее разсказывали, что она помнитъ себя въ дѣтствѣ въ роскошныхъ палатахъ, среди золота и бархата. Потомъ вдругъ все это исчезло, какъ сонъ, и она очутилась ребенкомъ безъ средствъ, одна. Вѣроятно, какая-нибудь fille naturelle кого-нибудь изъ нашего круга...

— Это сказки все!—небрежно замѣтилъ второй изъ собесѣдниковъ.—Эти дамы всегда происходятъ отъ царствующихъ лицъ, если ихъ послушать. Надо же придумать какую-нибудь таинственную исторію или романъ, чтобы быть интересной. Она вѣдь прежде и не Настасьей, а Натали была. Звучнѣе!.. Впрочемъ, сказки про нее распускалъ для чего-то сначала Михайловскій-Несмѣльскій, а потомъ онъ самъ въ припадкѣ откровенности говорилъ мнѣ, что она просто дитя улицы и подвала. Онъ, впрочемъ, едва раздѣлался съ нею, такъ какъ она приняла эту связь за что-то серьезное.

Орловъ сталъ блѣденъ, какъ полотно, точно кто-то его ужалилъ. Его сомнѣнія были разсѣяны. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы подавить смущеніе, и спросилъ равнодушнымъ тономъ:

— И давно съ ней живетъ Александръ?

— Да съ тѣхъ поръ, какъ ее бросилъ Михайловскій-Несмѣльскій,—отвѣтили ему.

— Вотъ какъ, я и не зналъ... Я тогда еще былъ, значитъ, въ Петербургѣ...

— Да, но онъ вообще скрывалъ эту связь... Тутъ много непонятнаго...

— Впрочемъ, мы въ послѣднее время съ нимъ такъ рѣдко видѣлись,—коротко сказалъ Орловъ.

Эта новость страшно непріятно подѣйствовала на него. Опять было задѣто его самолюбіе, опять вспомнилось многое изъ прошлаго. Въ его душѣ шевельнулось враждебное чувство къ князю, ко всей этой кутящей молодежи, покупающей женскія ласки, безчестящей бѣдныхъ дѣвушекъ. Ему

Digitized by Google

на минуту стало какъ будто стыдно при мысли, что можетъ-быть, кто-нибудь изъ этихъ господъ уже знаетъ, что эта Настя приходится двоюродною сестрой ему, Орлову. Михайловскій-Несмѣльскій если и не разгласилъ еще этого, то, конечно, постарается разгласить объ этомъ при первомъ удобномъ случаѣ. Надо будетъ какъ-нибудь опровергнуть эти слухи. А впрочемъ, стоитъ ли? Что за дѣло ему, Орлову, до того, что̀ станутъ говорить про него разные хлыщи и фаты? Не дѣтей ему съ ними крестить! И зачѣмъ онъ пошелъ въ ихъ компанію? Зачѣмъ онъ вообще ходитъ чортъ знаетъ къ кому? Не лучше ли затвориться отъ всѣхъ, жить особнякомъ? Въ трактирахъ, въ кабакахъ, на публичныхъ площадяхъ нечего искать хорошихъ и честныхъ людей; съ дрянью же нечего и сходиться. Хорошіе, честные люди дѣлаютъ свое дѣло въ сторонѣ, въ тишинѣ: съ ними можно столкнуться на общей работѣ, на общихъ интересахъ, на общихъ стремленіяхъ, но не на этихъ оргіяхъ, кутежахъ и попойкахъ. Да и ему ли кутить, когда прежде нужно зарабатывать на хлѣбъ? Орлова потянуло въ свой утолокъ, къ труду, къ затишью, и мало-по-малу онъ почти безвыходно заперся у себя надъ литературною работой, надъ приготовленіемъ магистерской диссертаціи.

Возвращеніе въ убогую квартиру родной семьи послѣ долгой разлуки, скорбныя встрѣчи и разговоры съ родными, непріятныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ столкновеній съ пріятелями—все это странно повліяло на Дмитрія Андреевича. Онъ почувствовалъ не слабость, не уныніе, не приниженность,—въ немъ просто пробудилось сознаніе, что онъ долженъ стоять насторожѣ, слѣдить за собою, чтобы лавировать въ этомъ жизненномъ омутѣ и не дать затянуть себя въ какое-нибудь болото. Рядомъ съ этимъ онъ какъ бы почуялъ, что въ немъ началъ воскресать прежній Митя, страстный, ненавидящій и любящій Митя, желавшій спасти бѣдняковъ и казнить Пахомова. Покуда онъ жилъ въ разлукѣ съ семьею, въ немъ какъ будто замерли и эта любовь къ бѣднякамъ, и эта ненависть къ ихъ врагамъ, и было только одно страстное желаніе встать самому на ноги, спастись самому—чувство, знакомое утопающимъ, забывающимъ въ минуту опасности всѣхъ и все. А теперь... Вотъ онъ сидитъ дома за обѣдомъ, и случайно рѣчь заходитъ о матери: онъ какъ-то невольно взглянулъ въ передній уголъ, и ему показалось, что онъ видитъ ея гробъ, видитъ ея исхудалое мертвое лицо, слышитъ надорванный голосъ отца.

Digitized by Google

«Точно живая лежитъ, Митя, точно живая!» Ему вдругъ вспомнились и ея страданія, и ея послѣднія слова о томъ, чтобъ онъ берегъ отца: «добрый онъ отецъ, добрый»,— и онъ мысленно даетъ клятву беречь старика. Вотъ что-то началъ говорить Леша, глупое и несообразное, и Дмитрій Андреевичъ припомнилъ, какія мѵки довели Лешу до идіотизма: Ѳедоръ Гаврилычъ, пріютъ, убѣжище для калѣкъ, все, загубившее этого несчастнаго идіота, вспомнилось Дмитрію Андреевичу, и онъ проклинаетъ снова все это, губящее сотни тысячъ людей. «Скучно у насъ братцу, скучно», сказалъ Леша, а въ головѣ Дмитрія Андреевича уже зароились мысли о Настѣ, бѣжавшей отъ этой скуки, обольщенной первымъ встрѣчнымъ хлыщемъ, опозоренной, брошенной имъ. Его что-то точно кольнуло при мысли о томъ, что и онъ самъ забылъ Настю, что онъ ничего не сдѣлалъ для ея спасенія, что если она и спаслась, то это—случай. Да и спаслась ли? Что такое ея таинственная связь съ княземъ? Новое паденіе и только. А онъ, Дмитрій Андреевичъ, не протянулъ ей даже руки для спасенія. Съ мечтами о принесеніи пользы всему человѣчеству носился, а рядомъ гибло дорогое существо! Каждый уголъ, каждое слово теперь говорили Дмитрію Андреевичу о томъ, что терпитъ та голь, изъ среды которой вышелъ онъ и съ которой онъ связанъ всѣми симпатіями души. Онъ впервые послѣ долгихъ лѣтъ снова убѣждался, что онъ любитъ эту голь не напускною, не разсудочною любовью, а сердцемъ, болѣзненно, страстно, какъ частицу самого себя. Не будь эта голь съ нимъ органически связана, развѣ онъ взволновался бы, напримѣръ, при разсказѣ отца? Вѣдь со стороны все это только комично и мученія его отца, и страданія его сестры, а для него тутъ представляется драма, и въ этой драмѣ онъ такъ или иначе приметъ активное участіе, не успокоится до тѣхъ поръ, пока не дождется того или другого ея конца. Никакія книги, никакія теоріи не могутъ замѣнить этой органической связи. Но онъ не только любитъ эту голь, онъ чувствуетъ къ ней теперь безконечную благодарность за то, что она научила его любить вообще бѣдняковъ, страдающихъ, народъ, и ненавидѣть враговъ всего обойденнаго, униженнаго, оскорбленнаго. Эту любовь и эту ненависть онъ всосалъ съ молокомъ матери. И эта любовь, и эта ненависть ни на минуту не оставляли его. Даже тогда, когда онъ исполнялъ поневолѣ ненавистныя ему прокурорскія обязанности, всѣ знали, чью сторону онъ

Digitized by Google

держитъ. Недаромъ же его звали «плебеемъ», «демократомъ», «нигилистомъ», «народолюбцемъ». Да, этимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Въ его жизни было много ошибокъ, заблужденій, проступковъ, но ни разу онъ не поступился именно этими чувствами и не поступится ими. Въ рѣшительную минуту, когда нужно будетъ встать на сторону слабаго или сильнаго, бѣднаго или богатаго, оскорбляемаго или оскорбляющаго, онъ встанетъ на сторону первыхъ, и теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, потому что въ немъ точно разбередились, точно заныли всѣ старыя раны; страданія членовъ его семьи, близкія его сердцу, какъ бы напоминали ему о страданіяхъ тысячъ и тысячъ такихъ же бѣдняковъ. Онъ чувствовалъ подъемъ духа, подобный тому, который ощущаютъ въ себѣ солдаты, попавъ на поле сраженія: за минуту до того на своемъ привалѣ они знали, что ихъ собратья сражаются съ врагомъ, но они смотрѣли довольно вяло и апатично, отдаваясь заботамъ о будничныхъ нуждахъ; но вотъ ихъ вывели на поле битвы, они увидали раненыхъ собратьевъ, они увидали лицомъ къ лицу врага—и духъ энергіи, храбрости и задора сразу проснулся въ нихъ.

III.

Однако, какъ ни бодрился Дмитрій Андреевичъ, но его не могли не тревожить два обстоятельства: какъ онъ уладитъ дѣло отца и какъ устроитъ свои собственныя дѣла. Свобода—дѣло прекрасное, но прежде всего нужно ѣсть. Годы службы не дали ему возможности отложить грошъ на черный день, а безъ этого гроша нечего было и думать сразу заполучить хорошую адвокатскую практику. Орловъ сознавалъ, что Андреевъ былъ правъ, говоря объ обстановкѣ. Присяжный повѣренный, живущій въ Захолустной улицѣ, въ жалкомъ деревянномъ домишкѣ, вообще не сразу найдетъ богатыхъ кліентовъ, къ тому же Орловъ былъ новичкомъ въ Петербургѣ и очень хорошо понималъ, что выгодныя дѣла у него всегда сумѣютъ вырвать изъ рукъ его старѣйшіе собратья. Надо было, прежде чѣмъ мечтать о крупныхъ кушахъ, пройти тяжелый искусъ, защищая разныхъ воришекъ и сторожа какое-нибудь громкое уголовное дѣло, гдѣ можно бы было развернуть свое краснорѣчіе, составить себѣ имя. И что такое «выгодныя дѣла»? Большая часть этихъ выгодныхъ дѣлъ—продажа своей совѣсти, сдѣлка съ своею совѣстью. Выгодныя дѣла, не заставляющія кривить душой, очень рѣдки, и особенно

Digitized by Google

рѣдки они въ рукахъ присяжныхъ повѣренныхъ, не стяжавшихъ еще громкаго имени, не извѣстныхъ всѣмъ и каждому во всѣхъ концахъ не только Петербурга, но и всей Россіи. Орловъ все это сознавалъ очень хорошо; онъ сознавалъ и то, что извѣстность присяжнаго повѣреннаго пріобрѣтается не одной ловкою защитой. Нѣтъ, онъ, такъ сказать, долженъ намозолить глаза публикѣ. Его должны встрѣчать вездѣ и всюду, его имя должно появляться по тому или другому поводу на страницахъ газетъ, онъ долженъ, подобно кокоткамъ, дойти до того, чтобы, встрѣчая его, всѣ говорили: «это Орловъ!» Тогда можно хоть ничего не дѣлать, а дѣла будутъ. Путь предстоялъ не легкій, и Орловъ прежде всего поспѣшилъ пристроиться постояннымъ сотрудникомъ въ одну изъ большихъ газетъ, чтобы заработать этимъ путемъ кусокъ насущнаго хлѣба. Съ первыхъ же дней газетной работы онъ увидалъ, что и на этомъ поприщѣ далеко не такъ легко развернуть свои силы. Какимъ-то тяжелымъ гнетомъ въ то прошлое смутное время лежало здѣсь надо всѣми одно сознаніе: «объ этомъ нельзя говорить». Это «нельзя говорить» тѣснило всѣхъ, заставляло изыскивать способы какихъ-то иносказаній, какого-то писанья съ намеками между строкъ, и иногда доводило до толченія воды въ ступѣ, до наполненія страницъ какими-то никому ненужными разсужденіями о томъ, что бѣлое бѣло, а черное черно, до безсодержательнаго фразерства. Орловъ сразу понялъ, что этотъ трудъ въ колодкахъ и подъ надзоромъ можетъ въ концѣ концовъ только обезличить человѣка и сдѣлать изъ него, какъ онъ выражался, «водовоза». Но выбора не оставалось, и волей-неволей нужно было работать именно въ этихъ условіяхъ. Рядомъ съ литературною работой Орловъ принялся за магистерскую диссертацію. Въ судѣ онъ появлялся рѣдко, и нѣкоторые изъ его товарищей удивлялись, что онъ, повидимому, совсѣмъ не заботится о расширеніи своей практики. Но Орловъ сознавалъ, что онъ идетъ къ своей цѣли, и шелъ къ ней твердо намѣченнымъ путемъ. Его имя снова появилось въ литературѣ, онъ самъ появился сначала въ кругу богатыхъ людей, старыхъ знакомыхъ князя Русова, потомъ въ отчетахъ двухъ-трехъ аристократическихъ благотворительныхъ обществъ проскользнули упоминанія о «предложеніяхъ и проектахъ», «объ энергической дѣятельности» члена этихъ обществъ, Орлова, и Богъ знаетъ, кто первый началъ говорить въ разныхъ гостиныхъ о томъ,

Digitized by Google

что у насъ не умѣютъ дорожить талантливыми людьми, даровитыми дѣятелями, при чемъ приводили въ примѣръ оставшагося безъ мѣста товарища прокурора Орлова и замѣчали, что это возмутительно, что человѣка гнали ни за что, что вся его вина состояла въ неимѣніи протекцій. Еще два-три года такой жизни, и Орловъ долженъ былъ добиться того, что когда онъ войдетъ въ партеръ театра, то тамъ и тутъ послышится шопотъ: «вонъ Орловъ!» Онъ сознавалъ это, онъ стремился къ этому, но на него нападали минуты мрачнаго настроенія, и онъ спрашивалъ иногда себя: «Въ чемъ кроется причина стремленія именно къ этому? Неужели его толкаютъ къ этому одно непомѣрное честолюбіе, одно самолюбивое желаніе сдѣлаться извѣстнымъ, одно стремленіе нажиться при помощи этой извѣстности?»— Нѣтъ. Съ одной стороны, оставшись не у дѣлъ и отдавшись литературной работѣ, онъ чувствовалъ, что его, полнаго энергіи и силы, не можетъ удовлетворить эта работа въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какихъ она поневолѣ должна была заключаться. Эта работа могла его кое-какъ кормить, но и только; при ней оставалась въ душѣ какая-то пустота, неудовлетворенность, потребность развернуться гдѣ-нибудь въ другой сферѣ. Вотъ почему онъ бросался и въ благотворительные комитеты, и въ ученыя собранія, и въ какія-то общества изслѣдователей шекспировскихъ драмъ, хотя и это все нерѣдко пробуждало въ немъ сознаніе, что и тутъ переливаютъ изъ пустого въ порожнее, что и тутъ шумятъ, шумятъ, и только. Съ другой стороны, онъ горькимъ опытомъ убѣдился, что ему, бѣдняку, плебею, добиться чего-нибудь можно только при помощи раздуванья своей собственной репутаціи, при помощи тѣхъ шпоръ, которыя нужны были «для шума» ребенку Жирардену, при помощи стоянія на запяткахъ собственной кареты, на что былъ способенъ Дюма, чтобы говорили, что онъ держитъ негра, при помощи тѣхъ телеграммъ о самомъ себѣ, какія, какъ хорошо зналъ Орловъ, посылаютъ сотни и сотни ему подобныхъ въ газеты, чтобы добиться извѣстности. Все это поднимало въ немъ желчь, и съ каждымъ днемъ онъ все чаще и чаще разражался рѣзкими выходками то въ томъ, то въ другомъ кружкѣ.

Какъ-то при немъ зашелъ разговоръ объ одномъ изъ героевъ-ташкентцевъ, посылавшемъ въ газеты реляціи и описанія своихъ собственныхъ подвиговъ.

— Это просто кокотка!—замѣтилъ кто-то,

Digitized by Google

— Да если-бъ онъ не былъ кокоткой, онъ такъ и пропалъ бы въ неизвѣстности, а теперь это — идолъ и потому сила, — желчно замѣтилъ Орловъ. — Въ обществѣ, гдѣ дѣйствительныя заслуги, умъ, таланты, энергія ставятся ни во что, каждому общественному дѣятелю приходится быть подобной кокоткой или погибнуть.

Онъ усмѣхнулся.

— Мнѣ вотъ вспоминается одинъ анекдотъ, разсказанный Гейне,—продолжалъ онъ.—Листъ какъ-то давалъ концерты съ знаменитымъ пѣвцомъ Рубини, и вездѣ при громѣ рукоплесканій имъ подносили букеты и вѣнки, вѣнки и букеты. Когда концерты кончились и были поданы счеты приходовъ и расходовъ, Рубини съ ужасомъ увидалъ, что громадныя деньги истрачены на аплодисменты, цвѣты и лавры. «А вы думали, что кто-нибудь станетъ намъ отъ себя хлопать и подносить вѣнки, если мы этого не купимъ?»—сказалъ Листъ.—Это превосходная иллюстрація къ описанію положенія современныхъ знаменитостей вообще, а у насъ въ особенности. Быть геніемъ—это еще не значитъ обезпечить себѣ кусокъ хлѣба и возможность дѣятельности,—нѣтъ, прежде всего нужно позаботиться о пріобрѣтеніи клакеровъ, о покупкѣ для себя лавровъ, о патентѣ на право считаться геніемъ, и только тогда можно спокойно примѣнять свои способности къ дѣлу.

— То-есть прежде всего нужно быть не геніемъ, а шарлатаномъ,—замѣтилъ ему кто-то.

— Да, шарлатаномъ, потому что чаще всего приходится имѣть дѣло съ дураками или подлецами,— отвѣтилъ онъ.— Скажите откровенно, гдѣ вы найдете такой «порядочный» кругъ людей, такое «образованное» общество, куда не пустили бы на порогъ какого-нибудь желѣзнодорожнаго туза изъ первѣйшихъ мошенниковъ, какого-нибудь милліонера-банкира изъ первѣйшихъ ростовщиковъ и куда приняли бы съ почетомъ честнѣйшаго труженика въ лохмотьяхъ, безъ титуловъ, безъ связей? Такихъ кружковъ, такихъ обществъ нѣтъ. Всѣ эти фарисействующіе печальники о бѣднякахъ и матушки-благодѣтельницы льнутъ только къ капиталу, къ титуламъ, къ знаменитостямъ, а приди къ нимъ самъ Христосъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ жилъ на землѣ, лакеи выгонятъ его съ крыльца этихъ друзей меньшей братіи. Нужно пройти вѣкамъ, чтобы мы признали бѣдняка за генія, за святого, за реформатора, а покуда онъ живъ, повторяется то же, что случилось съ Гейне: въ коммунистѣ

Digitized by Google

Вейтлингѣ онъ прежде всего брезгливо увидалъ, что это— портной, хранящій на себѣ слѣды чернорабочаго пота и грязи, а передъ другимъ портнымъ, передъ Іоанномъ Лейденскимъ, онъ былъ готовъ склонить колѣни, потому что этотъ портной умеръ нѣсколько вѣковъ тому назадъ.

Незамѣтно для себя самого онъ все чаще и чаще прорывался желчными выходками противъ фарисейства въ обществѣ, толкующемъ очень чувствительно о меньшей братіи, а въ сущности презирающемъ, угнетающемъ и оскорбляющемъ эту меньшую братію на каждомъ шагу. Ему иногда становилось душно и гадко среди людей, начинавшихъ заискивать въ немъ, не потому, что они видѣли въ немъ какія-нибудь достоинства, а потому, что онъ тоже умѣетъ быть ловкимъ шарлатаномъ. Это желчное настроеніе усиливалось тѣмъ болѣе, что и сама дѣятельность далеко не удовлетворяла его. Въ воздухѣ въ то время носились не вѣянія реформъ, а неизбѣжныя опасенія, сдерживанія, стѣсненія, вызванныя цѣлымъ рядомъ грустныхъ событій, недоразумѣній, смутъ. Чѣмъ ближе присматривался онъ къ общественной жизни, чѣмъ тѣснѣе сближался съ литературными кружками, тѣмъ яснѣе онъ видѣлъ, что покуда въ сущности нельзя ни о чемъ свободно говорить, ни на что серьезно надѣяться, что живутъ болѣе или менѣе счастливо и спокойно только люди, заботящіеся объ одной наживѣ и карьерѣ, объ одной своей утробѣ и своемъ гнѣздѣ. Онъ испытывалъ какое-то злорадное наслажденіе, когда ему приходилось тутъ или тамъ доказать людямъ, что они толкутъ воду въ ступѣ, мечутся и работаютъ, не принося никому пользы, совершаютъ трудъ бѣлки въ колесѣ. Эти почти мальчишескія выходки иногда бѣсили людей, но онъ не воздерживался отъ нихъ и радовался, видя, что на него злятся. Какъ-то при немъ зашли толки о театрахъ, и кто-то сталъ жаловаться на постепенное паденіе русской и французской трушъ.

— Да сколько вы ни толкуйте, а лучше не будетъ,— замѣтилъ онъ.

— Но объ этомъ уже начинаютъ въ газетахъ писать,— отвѣтили ему.—Это общее мнѣніе.

— И пусть на здоровье пишутъ, а лучше все-таки не будетъ,— сказалъ онъ.— Вотъ подождите, баронъ Кистеръ еще худшихъ артистовъ пригласитъ. Каждый, кто можетъ, свою любовницу на театръ пристроитъ, свою горничную въ труппу помѣститъ, тысячи назначитъ имъ въ жалованье, а вы будете смотрѣть и ничего не подѣлаете.

Digitized by Google

— Ну, всему есть предѣлъ!

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что нѣтъ предѣла. И совершенно напрасно это люди пѣтушатся у себя въ четырехъ стѣнахъ или въ газетахъ сыплютъ громы и молніи,—никто на нихъ и вниманія не обращаетъ. Захотятъ, чтобы собачью комедію смотрѣли — и будете только собачью комедію смотрѣть, потому что другого ничего вамъ смотрѣть не позволятъ. Это, впрочемъ, и прекрасно. Если общество ничего лучшаго не стоитъ, такъ не зачѣмъ и заботиться ему давать что-нибудь лучшее.

— То-есть какъ же это — общество не стоитъ ничего лучшаго?

— Да такъ же: если не даютъ,—значитъ, считаютъ, что оно не стоитъ.

— Но это все зависитъ отъ неудачнаго выбора завѣдующаго.

— А вы думаете, что болѣе удачный выборъ будетъ сдѣланъ ради толковъ въ обществѣ и въ литературѣ?

— Да... но такъ же нельзя...

— А выходитъ, что можно.

Онъ начиналъ ловить людей на этихъ мелочахъ, допекать ихъ разспросами, лучше ли пошло то или другое дѣло вслѣдствіе несочувствія къ нему общества, произвело ли какую-нибудь перемѣну въ дѣлѣ настроеніе общественнаго мнѣнія. Особенное нерасположеніе начали вызывать тогда, какъ всякая новизна, преподаваніе древнихъ языковъ и вызовъ для этого учителей-чеховъ. Орловъ иногда выводилъ изъ терпѣнія матерей и отцовъ, жаловавшихся на это въ тревогѣ за участь своихъ дѣтей.

— Что-жъ, нужно принудительныя мѣры употреблять, чтобы заставить дѣтей учиться, — съ серьезнымъ видомъ говорилъ онъ.

— Да, но вы поймите, что мы сами сознаемъ безплодность древнихъ языковъ и кромѣ того, при такихъ учителяхъ трудно учиться.

— Ну, да вѣдь этихъ языковъ для вашихъ дѣтей не отмѣнятъ, учителей лучшихъ не заведутъ, дипломы же вашимъ дѣтямъ нужны,—значитъ, и надо пристращать дѣтей и заставить ихъ хорошо учиться, во что бы то ни стало. А то вѣдь или выйдутъ изъ нихъ недоучившіеся агитаторы, или съ горя пулю они пустятъ въ лобъ себѣ, сорвавшись на экзаменахъ.

— Хладнокровно вы объ этомъ разсуждаете, потому что у васъ дѣтей нѣтъ.

Digitized by Google

— Ну, а вы что думаете сдѣлать? — насмѣшливо спрашивалъ Орловъ.

Отвѣта не находилось.

Эта желчность усилилась еще болѣе, когда въ одинъ прекрасный день Орлова позвали въ III отдѣленіе. Это было совершенно неожиданно.

— Митя, тебя спрашиваетъ какой-то жандармъ-солдатъ,— съ испугомъ проговорила Анна Андреевна, входя въ его комнату.

Дмитрій Андреевичъ вздрогнулъ. Жандармъ? Зачѣмъ? Онъ вышелъ въ кухню. Солдатъ подалъ ему повѣстку. Его приглашали въ III отдѣленіе. Въ повѣсткѣ не значилось ничего, что объясняло бы приглашеніе.

— Митя, это опять арестъ? — спросила пугливо Анна Андреевна.

— Нѣтъ... Какой-нибудь вздоръ... Но что имъ надо? Что случилось?—произнесъ Дмитрій Андреевичъ, разсматривая ничего не объяснившую бумажку.—Ты не безпокойся, Аня, это какіе-нибудь пустяки. Но надо ѣхать.

Онъ одѣлся и поѣхалъ. У воротъ противъ церкви Пантелеймона ему указали, куда идти. Пройдя дворъ, онъ вошелъ въ небольшой подъѣздъ, поднялся по лѣстницѣ въ узкій коридоръ и остановился. Тутъ было пусто. Черезъ нѣсколько минутъ онъ увидалъ какого-то солдата и спросилъ снова, куда идти. Его провели въ одну изъ дверей, и онъ очутился въ небольшой комнатѣ съ однимъ окномъ и тремя дверями. Передъ окномъ стоялъ большой покрытый сукномъ столъ. Прошло еще двѣ-три минуты, и къ нему вышелъ изъ дверей слѣва отъ окна, жандармскій офицеръ.

— Г. Орловъ?—спросилъ онъ.

— Да.

— Присядьте!

Офицеръ скрылся въ дверяхъ направо отъ окна. Прошла томительно четверть часа. Боковая дверь съ правой стороны снова отворилась, и въ комнату вошли два человѣка: тотъ же офицеръ и статскій. Статскій господинъ повторилъ вопросъ офицера.

— Какія у васъ были отношенія къ студенту Иванову?— спросилъ статскій.

— Къ какому Иванову? Я зналъ многихъ Ивановыхъ.

— Къ Аркадію...—статскій остановился и заглянулъ въ бумагу, бывшую у него въ рукахъ,—къ Аркадію Ардальоновичу Иванову,—сказалъ онъ.

Digitized by Google

— Никакихъ,—отвѣтилъ Орловъ.
— Нѣтъ, вы были знакомы.
— Можетъ-быть, встрѣчались, но и только.
— Припомните получше.
— Право, ничего не могу припомнить...
— У него нашли бумагу, писанную вашей рукой.
— Какую?
— Ну, ужъ будто вы не можете вспомнить!

Статскій господинъ пожалъ плечами. Орловъ отвѣтилъ отрицательно.

— У него была бумага, гдѣ вы спрашивали о положеніи рабочихъ.

— А! — воскликнулъ Орловъ, понявъ, въ чемъ дѣло. — Это просто программа для доставленія мнѣ свѣдѣній о рабочихъ. Я задумывалъ большой трудъ по этому предмету и просилъ Иванова во время лѣтнихъ вакацій собрать мнѣ отвѣты на мои вопросы.

— Но у него нашлось два экземпляра этихъ вопросовъ.

— Могло найтись и три, и четыре... Не одинъ же Ивановъ долженъ былъ собрать мнѣ свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ...

— А дальнѣйшія ваши сношенія съ Ивановымъ?
— Дальнѣйшихъ не было.
— Припомните.
— Чего же мнѣ припоминать, когда ихъ не было. Онъ даже не возвратилъ мнѣ не только отвѣтовъ, но и моихъ листковъ...
— Да?

Статскій господинъ взялъ листъ бумаги и положилъ его на столъ.

— Потрудитесь все это изложить здѣсь письменно,— сказалъ онъ.

Жандармскій офицеръ и статскій удалились. Орловъ остался одинъ. Онъ сѣлъ къ столу и наскоро написалъ показаніе. Писанье было давно кончено, а между тѣмъ никто не являлся. Кругомъ царствовала томящая тишина, точно кругомъ все вымерло. Минуты тянулись невообразимо медленно. Наконецъ дверь снова отворилась, и вошли тѣ же лица. Статскій господинъ взялъ исписанный Орловымъ листъ, прочелъ написанное, еще разъ спросилъ Орлова, все ли это, что онъ знаетъ, и наконецъ произнесъ:

— Теперь вы свободны!
— Я думаю!—сорвалось съ языка у Дмитрія Андреевича.

Digitized by Google

Статскій господинъ нахмурилъ брови.

— Да, но это вовсе не значитъ, что васъ не потребуютъ для очной ставки...

— Я думаю, это вовсе не нужно, такъ какъ господинъ Ивановъ не могъ же сказать ничего другого, кромѣ того, что сказалъ я, а мы, кажется, сговориться не могли.

— Да... но ужъ позвольте намъ знать, что нужно и что не нужно,—сухо сказалъ статскій господинъ и отдалъ кому-то приказаніе отворить выходную дверь.

Орловъ вздохнулъ свободнѣе, вырвавшись въ коридоръ, далъ зачѣмъ-то полтинникъ на чай сторожу, подавшему ему пальто, и безъ оглядки помчался домой. Дѣло было пустое, ничтожное, но этотъ визитъ оставилъ тяжелый слѣдъ въ душѣ. Его не забыли! Его могутъ еще позвать! А что если этихъ Ивановыхъ найдется не два, не три, а десятки? Какъ тогда взглянутъ на эти листки съ вопросными пунктами? Что если вдругъ опять... Онъ боялся договаривать эту мысль о новомъ удаленіи изъ Петербурга, сознавая, что теперь удаленіе будетъ окончательною гибелью для него. Теперь удалятъ не на мѣсто. Теперь удалятъ не въ большой городъ, не на югъ, а куда-нибудь въ трущобу на сѣверъ. И по дѣломъ, и жаловаться нельзя! Всѣ эти мысли вовсе не способствовали успокоенію, а напротивъ того еще больше поднимали желчь.

Въ такомъ настроеніи застало его событіе, отвлекшее его на время отъ общественныхъ интересовъ. Это событіе нужно было давно предвидѣть, но именно о немъ-то почти и не думалъ Орловъ. Старикъ Лампадовъ быстрыми шагами приближался къ могилѣ, попрежнему упорно отказываясь отъ призыва докторовъ и священника. Орловъ нерѣдко посѣщалъ старика, но какъ-то не всматривался въ него, не обращалъ вниманія на измѣненія въ больномъ, все еще старавшемся бодриться. Зато Анна Андреевна была насторожѣ, подмѣчала перемѣны въ больномъ, отмѣчала каждую новую морщинку на его лицѣ и устроила съ Магдалиной заговоръ противъ брата.

— Пусть братецъ говоритъ, что хочетъ, а нельзя же, Магдалинушка, такъ оставить человѣка умереть безъ покаянія и бросить его имущество казнѣ,—говорила она, шушукаясь тайкомъ съ вѣрною домоправительницей Лампадова.

— Что говорить, что говорить!—соглашалась добродушная и простоватая Магдалина.—Я и Дмитрію Андреевичу это говорила, такъ и слушать не захотѣлъ.

Digitized by Google

— Ну, да, братецъ тамъ какъ-то странно на это смотритъ, я и не пойму, какъ... Но мы и безъ него обойдемся, если иначе нельзя.

Анна Андреевна вздыхала: ей было тяжело сознавать, что братъ ея сильно измѣнился, что онъ не такъ смотритъ на вещи, какъ она, что онъ не долюбливаетъ ея монахинь и странницъ, что онъ скорѣе заодно съ отцомъ, чѣмъ съ ней. Еще ни разу не высказался Дмитрій Андреевичъ въ этомъ духѣ, но она это угадывала чутьемъ, по отрывочнымъ фразамъ, по досадливымъ восклицаніямъ брата:

— И что это къ намъ нынче эти плакальщицы шляются!

Анна Андреевна молчаливо выносила эти замѣчанія, извѣдавъ по опыту, что объясненія по поводу разныхъ монахинь могутъ привести къ плачевнымъ результатамъ. Она какъ-то разъ попробовала вступиться за нихъ.

— Братецъ, надо же намъ и о душѣ подумать!—сказала она.

— А онѣ оттого-то, вѣрно, и думаютъ о чужихъ карманахъ, что о своихъ душахъ имъ ужъ нечего думать,—отвѣчалъ братъ и довольно рѣзко добавилъ:—Спасая душу, ты бы лучше подумала о тѣхъ, кто гнетъ спину, добывая деньги: отцу пора бы и отдохнуть.

— Ахъ, братецъ,—воскликнула она:—вы не знаете...

Онъ перебилъ ее тономъ, не терпящимъ возраженія:

— Я знаю только то, что отецъ несетъ въ домъ деньги не для того, чтобы ты ихъ тратила на эту саранчу. И въ одинъ прекрасный день ты дождешься того, что онъ броситъ домъ и уйдетъ.

— Отъ него и этого можно ждать!—съ горечью сказала она.

— Да и отлично сдѣлаетъ, потому что потакать твоимъ желаніямъ—кормить эту орду—ему не приходится. Если бы ты, Аня, побольше о душѣ думала, такъ ты бы больше заботилась о старикѣ, чаще бы вспоминала предсмертныя слова матери о томъ, что мы должны беречь отца.

Анна Андреевна заплакала.

— Не я забыла маму, не я!—воскликнула она.—Вы не знаете, братецъ...

— Я знаю все и лучше всего знаю то, что старикъ никогда не слыхалъ отъ тебя ласковаго слова и все-таки кормитъ тебя,—твердо сказалъ Дмитрій Андреевичъ, не желая слышать отъ сестры никакихъ сплетенъ объ отцѣ.

Анна Андреевна какъ будто испугалась этого тона и молящимъ голосомъ проговорила:

Digitized by Google

— Если бы вы, братецъ, выслушали, что я разскажу про него...

— И вѣрно что-нибудь дурное, скверное?

— Да... вотъ послушайте...

— Стыдись, Аня! Не дочери разсказывать про отца и не сыну это слушать,—перебилъ ее Дмитрій Андреевичъ.— Въ какихъ это священныхъ книгахъ ты вычитала, что ты, дочь, смѣешь судить отца? Да если ты сотни лѣтъ будешь молиться, такъ Богъ тебѣ не проститъ именно того, что ты была дурною, очень дурною дочерью.

Анна Андреевна, вся взволнованная, со слезами на глазахъ, не ожидала такого оборота рѣчи и слушала брата съ широко открытыми глазами.

— И знай, Аня, что первое дурное слово объ отцѣ, которое ты мнѣ скажешь, заставитъ меня забыть все, все прошлое,—продолжалъ братъ.—Я многимъ обязанъ тебѣ; но если мнѣ придется выбирать между тобой и отцомъ, я, конечно, стану на его сторону, хоть бы тебѣ пришлось погибнуть. Слышишь? Я живу здѣсь, я не переѣзжаю отсюда только потому, что я вижу твои отношенія къ отцу и хочу хоть немного оградить старика отъ вѣчныхъ шпынѣній и нападокъ. Ты думаешь, я слѣпъ? Ты думаешь, я не увидалъ съ перваго раза, что ты заѣдаешь его жизнь? Святоша, отъ которой родной отецъ готовъ петлю надѣть на шею! Не за это ли Богъ наградитъ тебя?

Анна Андреевна, задѣтая за самыя чувствительныя мѣста, разразилась рыданіями. Не обращая на нее вниманія, братъ вышелъ изъ комнаты. Она долго не могла придти въ себя и хоть немного успокоиться.

«Я же о нихъ, только о нихъ забочусь и убиваюсь, и они же всѣ на меня возстаютъ!—думала она.—Что-жъ, пусть, пусть! И святыя мученицы терпѣли. И ихъ гнали и мучили люди за то, что онѣ имъ же добра желали. Я, конечно, знаю, что и отцу, и брату не легко добывать деньги,— сама добывала, всю молодость, всю жизнь на это убила. Но развѣ можно жалѣть на церковь, на то, чтобы за насъ молились? Да я послѣднее съ себя оборву, во всемъ себѣ откажу, чтобы свою душу и ихъ души спасти! Они-то этого не понимаютъ, о земномъ только думаютъ, оттого имъ и жаль денегъ на святое дѣло. Конечно, если бы дядя Лампадовъ оставилъ намъ все, намъ бы легче было. И за его душу, и за свою было бы изъ чего приношенія дѣлать. Вотъ братецъ тоже и объ этомъ думать запрещаетъ. А куда

Digitized by Google

деньги старика пойдутъ? Развѣ казна станетъ молиться за него? Тысячи возьмутъ, а ни одной панихиды не отслужатъ, безбожники! Тоже и причаститься старикъ не хочетъ, такъ въ грѣхахъ и умретъ, если не настоять. Конечно, изъ ума выживаетъ, обдумать не можетъ, что его ждетъ. Такъ развѣ на это можно близкому-то человѣку равнодушно смотрѣть? У меня нутро все переворачивается, какъ я вспомню о старикѣ».

Эти думы все сильнѣе и сильнѣе развивались въ ея головѣ. Она раздумывала: «Скоплено, скоплено у Лампадова. Можетъ-быть, и выигрышные билеты есть. Тоже, имѣя билетъ, выиграть можно. Двѣсти тысячъ можно выиграть на одинъ билетъ! Господи, сколько бы можно вкладовъ сдѣлать въ храмы Божіи изъ двухсотъ тысячъ! Вѣчно, вѣчно поминали бы, и ко святымъ мѣстамъ можно бы съѣздить, въ Кіевъ, въ Соловки... Въ Іерусалимъ при такихъ деньгахъ-то можно бы съѣздить! А у дяди есть... Не даромъ же всѣ его крестники и крестницы и она сама никогда не получали отъ него отказа. То двадцать пять рублей сунетъ, то и пятьдесятъ. Не имѣя отложенныхъ денегъ, не станешь давать,—не изъ чего. Но гдѣ у него деньги? Если бы причастить его, можно бы уговорить священника, чтобъ онъ посовѣтовалъ старику сдѣлать духовную или такъ передать деньги изъ рукъ въ руки имъ, Орловымъ. Безъ духовной все можетъ пропасть: придетъ полиція, опечатаетъ. А получись наслѣдство, стало бы и имъ легче: братъ могъ бы и не давать денегъ на семью; отецъ... ну, пусть бы тогда несъ на сторону деньги,—она, Анна Андреевна, обошлась бы тогда и безъ его денегъ и замолила бы его грѣхи.

Старику Лампадову между тѣмъ становилось все хуже, и Анна Андреевна, несмотря на его волненіе и раздражительные отвѣты, часто приставала къ нему съ предложеніями позвать священника. Старикъ не сдавался, сердился и запретилъ ей говорить объ этомъ. Но она не выдержала. Въ одно прекрасное утро она рано вышла изъ дому къ ранней обѣднѣ; послѣ обѣдни она повидалась съ своимъ духовникомъ, отцомъ Павломъ, и потомъ пришла къ Лампадову. Старикъ былъ очень плохъ и сдѣлалъ недовольную гримасу при видѣ Анны Андреевны.

— Ну, какъ вы себя чувствуете?—заискивающимъ тономъ спросила она, цѣлуя его руку.

— А ты докторомъ сдѣлалась, Аннушка?—насмѣшливо спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, но...

— Ну, а не докторъ, такъ и толку мало выйдетъ изъ того, что я скажу тебѣ, какъ я себя чувствую,—отрывисто проговорилъ онъ и закрылъ глаза.

Она помолчала, не зная, какъ приступить къ дѣлу. Она все утро на колѣняхъ молилась о томъ, чтобы Богъ вразумилъ ее насчетъ этого дѣла; она совѣтовалась объ этомъ и съ отцомъ Павломъ, но тѣмъ не менѣе ее охватывало смущеніе при видѣ суроваго старика.

— Вамъ бы могло гораздо лучше сдѣлаться,—начала она не смѣло.

— А ты думаешь, что я очень желаю, чтобы мнѣ лучше стало?—тѣмъ же насмѣшливымъ, слегка раздражительнымъ тономъ спросилъ старикъ, на мгновенье открывъ глаза.

— То-есть вы бы спокойнѣе стали, дядя, гораздо спокойнѣе, если бы пригласить батюшку, — сказала Анна Андреевна.

— Ты что же это меня, Аннушка, опять сердить пришла?—сурово сказалъ старикъ, уже волнуясь и тяжело дыша.—Я, Аннушка, не дитя и знаю лучше тебя, что мнѣ нужно и отъ чего мнѣ лучше и спокойнѣе. Можетъ-быть, мнѣ именно только то и нужно, чтобы ты не безпокоила меня.

— Дядя, голубчикъ, не сердитесь!.. Я для васъ же...

Она со слезами на глазахъ нагнулась поцѣловать его руку. Онъ слегка сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Оставь! Мнѣ поцѣлуи не нужны!.. Точно ребенка... раздразнятъ, а потомъ приголубливаютъ,—проговорилъ онъ.

— Да отчего же вы не хотите, дядя?

— Что я тебѣ стану объяснять? Не поймешь меня, все равно. Ну, не хочу, потому что для меня это дѣло не шутка, не игра. Вы вонъ накуралесите и къ попу бѣжите каяться,—думаете, что грѣхи-то, какъ съ гуся вода, съ васъ сойдутъ... Вѣришь въ это, такъ нужно къ этому съ благоговѣніемъ приступать, приготовиться... А такъ-то, какъ вы, это кощунство одно.

— Дядя, да вѣдь нельзя же безъ покаянія.

— Передъ кѣмъ каяться?.. Я, можетъ-быть, каждый день въ каждомъ грѣхѣ каюсь передъ Богомъ... А звать священника, игравшаго со мной въ картишки да ссорившагося изъ-за нихъ... Нѣтъ, Аннушка, ты не поймешь все равно этого... Никогда не поймешь...

Онъ нетерпѣливо махнулъ рукой, оборвавъ рѣчь. Ему было трудно говорить.

Digitized by Google

Но она рѣшилась идти къ своей цѣли.

— Вѣдь это не я одна говорю, дядя!—продолжала она.—Конечно, меня вы считаете глупой и неученой, но вѣдь это же говорятъ и почтенные люди, которыхъ нельзя не уважать...

— Аннушка!—чуть не съ угрозой произнесъ больной, постучавъ по ручкѣ креселъ.

— Вотъ мнѣ отецъ Павелъ попался сегодня...

— А, такъ ты и къ священнику уже забѣгала?!—воскликнулъ старикъ обрывающимся голосомъ.

— Онъ, дядя, мнѣ попался...

— Не лги, не лги!—крикнулъ Лампадовъ.—Какъ тебѣ не стыдно... лгать умирающему!.. Въ Бога-то вы не вѣрите, въ обряды одни вѣрите...

Онъ былъ внѣ себя отъ волненія. У него перехватывало дыханіе.

— Дядя, голубчикъ, не сердитесь! Я для васъ же, для вашей души!—со слезами воскликнула Анна Андреевна.

— Ступай, ступай!—махнувъ ей рукою, сказалъ старикъ.

Но она не уходила: ей нужно было кончить начатое дѣло, такъ какъ послѣ поздней обѣдни долженъ былъ придти къ Лампадову отецъ Павелъ.

— Вѣдь отъ этого вамъ не будетъ хуже, милый, дорогой!—заговорила она молящимъ тономъ.—Отецъ Павелъ умный человѣкъ,—ну, придетъ онъ...

Старикъ поднялъ голову.

— А, такъ ты ужъ и распорядилась? Да какъ ты смѣла, какъ смѣла?..

— Все же и распоряженіе сдѣлаете,—невольно сорвалось съ ея языка.

Старикъ съ расширенными зрачками вдругъ поднялся съ мѣста.

— Хищники и фарисеи!—хрипло крикнулъ онъ.—Вонъ, вонъ отъ меня!.. Слы-шишь?.. Слы-шишь?..

Онъ зашатался и грузно, задыхаясь, схватившись рукой за воротъ рубашки, упалъ снова въ кресло. Анна Андреевна бросилась къ нему. Онъ съ трудомъ дышалъ, одна рука судорожно сжимала ручку креселъ, другая трепетала около шеи, точно безсознательно ища воротъ рубашки, пуговицу у этого ворота, душившаго шею. Анну Андреевну охватилъ ужасъ. Она въ тревогѣ, какимъ-то глухимъ крикомъ, позвала Магдалину. Служанка вбѣжала изъ кухни. Старикъ вдругъ запрокинулъ назадъ голову и едва внятно прошепталъ:

Digitized by Google

— Господи, прости мои согрѣшенія...

Потомъ изъ его груди вылетѣлъ широкій полный вздохъ, рука скатилась отъ шеи на колѣни, и голова снова упала на грудь. Растерявшіяся женщины засуетились, схватили графинъ съ водою и стаканъ, стали ощупывать и тормошить старика: онъ былъ уже мертвъ.

— Умеръ, умеръ!—пронеслись воплемъ ихъ восклицанія.— Надо дворника позвать... Въ полицію дать знать... Господи, все опишутъ, все разграбятъ...

Стукъ сброшенныхъ на полъ въ кухнѣ дровъ заставилъ ихъ очнуться. Онѣ выбѣжали въ кухню; тамъ дворникъ укладывалъ дрова въ деревянный ящикъ.

— Случилось что-нибудь?—спросилъ онъ, увидавъ женщинъ въ такой тревогѣ, въ слезахъ.

— Умеръ, умеръ Феопемптъ Григорьевичъ!—воскликнула Магдалина.

— Надо полиціи дать знать,—сказалъ дворникъ.

— Господи, сейчасъ придутъ... опишутъ!—воскликнула Анна Андреевна.

Дворникъ вышелъ. Черезъ минуту въ кухню уже вбѣжала какая-то баба-сосѣдка, услыхавшая новость. Начались разспросы.

— Опишутъ, опишутъ все! Разграбятъ грабители!—кричала почти безсознательно Анна Андреевна, хватаясь за голову и мечась по кухнѣ.

— Да вѣдь вы одни наслѣдники,—замѣтила женщина.

— Одни, одни; никѣмъ никого нѣтъ больше,—сказала Магдалина.

— И хоронить намъ придется, а все въ казну, въ казну заберутъ,—плакала Анна Андреевна.

— Да ты посмотри, мать, что спасти можно! Не отдавать же такъ зря всего,—посовѣтовала баба.

— Онъ изъ бюра деньги доставалъ, тамъ бумажникъ, да портфель, да ящичекъ у него,—сказала Магдалина.

— Осмотрѣть нужно!—посовѣтовала сосѣдка.

Женщины бросились въ комнату покойника и столпились у бюро. У нихъ дрожали руки и ноги, и ключи не сразу попадали въ замки. Начались обыскъ и осмотръ всего, торопливое доставанье бумажниковъ, портфелей,—всего, въ чемъ можно было предполагать деньги.

— Бери, бери, мать, покуда не пришли! Что казна-то ему—сестра родная, что ли, что ей отдавать!—говорила сосѣдка.

Digitized by Google

— Хоронить-то они же будутъ, а не казна,—замѣтила Магдалина.

— Охъ, тошно мнѣ! Охъ, тошно!—рыдала Анна Андреевна, забирая вещи.

А покойникъ все еще покоился въ креслѣ съ опущенною внизъ головой и, казалось, улыбаясь холодною улыбкой, смотрѣлъ полуоткрытыми стеклянными глазами на этотъ грабежъ.

— Бѣги, бѣги, пока не пришли грабители-то!—говорила Аннѣ Андреевнѣ сосѣдка.

— А какъ же обмыть-то, положить на столъ,—сказала Анна Андреевна, взглянувъ невольно на покойника и почувствовавъ вдругъ, что у нея пробѣгаетъ по спинѣ холодъ. Полуоткрытые тусклые глаза, казалось, смотрѣли прямо на нее.

— Сдѣлаемъ все, безъ тебя сдѣлаемъ... Уноси только!—сказала сосѣдка, уже распоряжавшаяся и говорившая, какъ власть имѣющій человѣкъ.

Когда Анна Андресена, пряча подъ верхней одеждой забранное имущество, ушла домой, сосѣдка проговорила:

— Слава тебѣ, Господи, хоть деньги-то спасли. Пусть рухлядь-то описываютъ. Тоже бѣдные люди, что осталось—пригодится...

Она и Магдалина принялись за покойника. Онъ уже остылъ.

Прошло нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ явился приставъ для описи. Онъ прежде всего спросилъ, кто былъ во время смерти старика, все ли въ цѣлости. Магдалина, сосѣдка и возвратившаяся въ квартиру Лампадова Анна Андреевна объявили, что въ минуту смерти были въ квартирѣ только онѣ, и что все находится въ цѣлости. Ихъ заставили расписаться. Сосѣдка-баба вдругъ заговорила жалобнымъ и плачущимъ тономъ, объявляя, что она, «вотъ-те Христосъ, неграмотная, пера въ рукахъ никогда отродясь не держала»; за нее расписался дворникъ и все время, покуда онъ расписывался, она крестилась и охала. Магдалина, когда пришла ея очередь, тоже не безъ страха взялась за перо и нацарапала дрожащею рукой очень неразборчиво свое имя и свою фамилію. Послѣ нея взяла въ руки перо Анна Андреевна и дрогнула. Ей стало вдругъ такъ жутко, такъ тяжело расписываться въ томъ, что было очевидною ложью. Она какъ-то растерянно поглядѣла въ уголъ, гдѣ лежалъ покойникъ, на мгновеніе отложила перо, перекрестилась дрожащею рукой и, снова взявъ перо, начала выводить какія-то кара-

Digitized by Google

кули на бумагѣ. Ее била лихорадка. Внезапно у нея исчезло сознаніе, что она была въ правѣ такъ поступить, что безъ этого все взяла бы казна, что нужно же было хоть для того взять, чтобы схоронить старика; въ головѣ стучало, какъ молотъ, одно слово: «ограбили, ограбили!» И ей казалось, что всѣ уже это знаютъ, что приставъ глядитъ ей въ глаза какъ-то подозрительно и недовѣрчиво, что дворникъ недаромъ какъ-то многозначительно почесываетъ въ затылкѣ и вздыхаетъ. Всѣ страхи передъ полиціей, передъ судомъ, привитые къ ней уже съ дѣтства, вдругъ воскресли въ ея душѣ, и кто-то точно нашептывалъ ей знакомыя бѣднякамъ слова: «затаскаютъ, засудятъ, какъ липку оберутъ, съ полиціей только свяжись; отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся!» А покойникъ глядитъ на нее съ холодной улыбкой презрѣнія, точно хочетъ упрекнуть ее за то, что она глазъ ему не закрыла родственною рукой, принявшись за грабежъ, что она ради этого грабежа въ могилу его свела, на нѣсколько часовъ или дней сократила его жизнь. Она вернулась домой точно пришибленная, точно разбитая, съ помутившимися глазами...

Когда вечеромъ Дмитрій Андреевичъ вернулся домой и засталъ Анну Андреевну съ отцомъ еще не спящими, онъ чуть не вскрикнулъ. Сестра была неузнаваема. Она постарѣла на нѣсколько лѣтъ.

— Что съ тобой, Аня?—спросилъ онъ.

Андрей Ивановичъ махнулъ рукой.

— Дядя Лампадовъ приказалъ долго жить!—сказалъ онъ.

— Что ты? Ахъ, бѣдняга, бѣдняга!—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ взволнованнымъ голосомъ.—Когда?.. Разскажите, какъ...

Онъ присѣлъ къ столу. Андрей Ивановичъ коротко сообщилъ, что знялъ о смерти старика. Анна Андреевна тихо всхлипывала.

— Полно, Аня!—сказалъ ласково Дмитрій Андреевичъ.—Этого надо было ждать... Наконецъ, надо же было нашему доброму старику и успокоиться... Зачѣмъ себя разстраивать этою смертью: онъ самъ только ея и желалъ,—тоже не легко ему было жить въ послѣднее время одинокому, больному.

Анна Андреевна продолжала безмолвно плакать, не смѣя проронить ни слова. Она сознавала теперь вполнѣ, какія чувства взволнуютъ брата, когда онъ узнаетъ все и о ея грабежѣ, и о ложной подписѣ...

— Митя,—сказалъ серьезно Андрей Ивановичъ.—Аннушка

Digitized by Google

не о томъ плачетъ... Ты не сердись и выслушай... Она женщина и человѣкъ простой,—ни законовъ тамъ разныхъ не знаетъ, ничего...

— Отецъ, что случилось-то? — спросилъ нетерпѣливо Дмитрій Андреевичъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Да ты не волнуйся и не горячись,—сказалъ ласково Андрей Ивановичъ.—Какъ вотъ умеръ старикъ, прибѣжала тутъ какая-то сосѣдка,—извѣстно, всегда эти вороны вовремя слетятся,—стала она съ Магдалиной ахать да охать, убиваться, что какъ, молъ, это духовной старикъ не оставилъ... Ихъ тоже это дѣло!.. Ну, и сунули Аннушкѣ, Аннушкѣ-то нашей, какіе-то бумажники и портфели, гдѣ у старика деньги были... Ну, Аннушка растерялась... Да какъ, Митя, и не растеряться... И мы бы съ тобой растерялись,—вѣдь старикъ-то такъ вдругъ умеръ у нея на глазахъ...

Дмитрій Андреевичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Андрей Ивановичъ положилъ свою руку на его руку, какъ бы желая успокоить и остановить его на первомъ словѣ.

— Аннушка-то, говорю я, растерялась и принесла все это домой,—продолжалъ старикъ.—Меня не было, къ несчастью, дома не было, а то я разъяснилъ бы... Ну, а тутъ за ней прислали, такъ какъ приставъ пришелъ туда... Или нѣтъ, сама она пошла туда и застала тамъ пристава... Ну, онъ опросилъ, все ли въ цѣлости, не бралъ ли кто чего, кто былъ при смерти, и заставилъ расписаться всѣхъ, что все въ цѣлости находится... Аннушка не знала, что ее могутъ заставить дать эту расписку... Оно пустяки, но знаешь, женщины-то—трусихи: боится, что взяла, а расписалась, что не брала...

Дмитрій Андреевичъ не могъ ни слова выговорить. Въ его ушахъ звучалъ такой мягкій голосъ старика, его руку сжимала старческая рука отца, какъ будто прося молчать, не горячиться, не выговаривать несчастной дѣвушкѣ. Анна Андреевна сидѣла, не шевелясь и тихо плача, какъ бы ожидая что вотъ-вотъ братъ крикнетъ на нее. Дмитрій Андреевичъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Надо перебрать эти бумаги,—сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Награбленное сосчитать! — рѣзко произнесъ Дмитрій Андреевичъ.

Анна Андреевна сильнѣе залилась слезами.

— Лежачаго, Митя, не бьютъ, голубчикъ... Не хорошо это,—сказалъ старикъ, покачавъ головою.—Считать много не

Digitized by Google

придется,—у старика-то если есть пятидесяти-рублевка, так и то слава Богу... Я-то вѣдь видѣлъ, какъ онъ вещи продавалъ, чтобы людямъ помочь... Говаривалъ онъ мнѣ тоже часто, что у него ничего нѣтъ... Бабье разное, родственники разные не вѣрили этому, а я-то зналъ старика, зналъ... Не лгалъ онъ никогда... Я и вѣрилъ ему, и всѣхъ убѣждалъ, что у него точно ничего нѣтъ... Ну, да люди самому Христу не повѣрятъ, когда дѣло идетъ о деньгахъ...

Онъ взялъ сына подъ руку и вывелъ въ другую комнату, гдѣ лежали вещи, принесенныя отъ Лампадова, черный потертый портфель, красный облупившійся бумажникъ съ выцвѣтшей вышивкой, какая-то шкатулка безъ ключа, пара завернутыхъ въ бумагу тетрадей и т. п. Взглянувъ на эти вещи, занимавшія очень немного мѣста, Дмитрій Андреевичъ вдругъ что-то сообразилъ и спросилъ отца:

— Но вѣдь приставъ, вѣрно, не дѣлалъ еще описи?

— Не дѣлалъ... Что же при покойникѣ-то опись дѣлать...

— Такъ отнести все это назадъ!.. Никто и не замѣтитъ. Не надо намъ этого...

Старикъ усмѣхнулся.

— Митя, Митя,—проговорилъ онъ:—это и сжечь можно,—намъ потери не будетъ и казнѣ убытка не будетъ... Хламъ это... Толковъ не выжжешь, изъ совѣсти сознанія не выжжешь у человѣка, что онъ о покойникѣ забылъ, а о грабежѣ думалъ... Вотъ, Митя, чего не поправишь...

Старикъ взялъ сына за руку и посадилъ рядомъ съ собою на диванъ.

— Не узналъ и я Аннушку, когда я сегодня домой пришелъ,—заговорилъ онъ тихо, держа Дмитрія Андреевича за руку.—Не узналъ! Немного часовъ прошло, а въ эти часы она десять лѣтъ пережила,—нѣтъ, больше, Митя, вѣка пережила... Сгоряча она все похватала, потому что ужъ очень бѣдность-то ее пришибла, очень хотѣлось наслѣдство получить на разныя богомолья, а какъ пришлось ей расписаться, что никто ничего не бралъ, какъ пришлось передъ людьми ложь написать да увидать, что и эти люди, и Богъ—всѣ знаютъ, что она лжетъ... Да какъ увидала она мертваго старика, забытаго ею въ минуту его смерти ради денегъ, тутъ, Митя, все перевернулось въ душѣ, все позабылось, все отпало, кромѣ грѣха... Я вотъ, Митя, когда пришелъ домой да рухнулась она къ ногамъ моимъ, стала мнѣ руки да ноги цѣловать, все понялъ... Четыре часа мы съ ней говорили, и понялъ я все, и все простилъ, Митя...

Digitized by Google

Старикъ положилъ на колѣни сына руку и продолжалъ:

— Вотъ я тебѣ говорилъ, почему я сошелся съ Марѳой... Вѣдь со стороны взглянешь—и дурно это, и смѣшно это, не по моимъ лѣтамъ; а вникни во все—и увидишь, что изстрадался человѣкъ и въ забвеніи на грѣхъ пошелъ... Такъ и она Аннушка-то наша, тоже изстрадавшійся человѣкъ... Нуждалась она, изъ чужихъ рукъ всю жизнь смотрѣла,—то у матери, то у меня, то у тебя должна была гроши выпрашивать, съ самой колыбели, до старости выпрашивать, и то выпрашивать, что даже и заработала сама,—а тутъ вдругъ—возможность разбогатѣть, и это богатство вотъ-вотъ и вырвутъ чужіе люди изъ рукъ,—ну, и согрѣшила, согрѣшила, забывъ всѣхъ и все... Согрѣшила въ минуту забвенія, а каяться... она, Митя, она до самой смерти каяться будетъ... Теперь каждая сосѣдка ей будетъ напоминать о грѣхѣ; теперь, Митя, если мы дядю плохо похоронимъ, ей будутъ говорить: «Ограбить-то ограбили, а похоронить-то порядочно не могли...» И еще тяжелѣе ей будетъ то, что тутъ ничего нѣтъ,—Андрей Ивановичъ указалъ на вещи Лампадова,—а мы, ея родные, близкіе разоряться должны, чтобы только ее не корили тѣмъ, что изъ награбленнаго и похоронить порядочно не хотѣли старика...

Старикъ поднялся съ мѣста и дѣловымъ тономъ сказалъ:

— Да, да, надо похоронить поприличнѣе, порастрястись... Тутъ-то, вѣрно, немного найдется...

Онъ подошелъ къ вещамъ Лампадова и сталъ разбирать ихъ. Денегъ нашлось около сорока рублей. Но зато тутъ было нѣсколько квитанцій на заложенныя вещи, нѣсколько расписокъ, говорившихъ, что у Лампадова куплены такія-то и такія вещи. Дмитрій Андреевичъ неохотно приступилъ къ разбору этихъ бумагъ, записокъ, тетрадей, но, мало-по-малу, его заинтересовали невольно всѣ эти бумаги. Вотъ квитанція, помѣченная числомъ мѣсяца и года, говорившая о залогѣ въ пятидесяти рубляхъ дорогой старинной вещи. А вотъ тѣмъ же числомъ помѣчено самимъ Лампадовымъ: «Слава Богу, удалось спасти Мишу. Голодаетъ съ семьею бѣдняга. Досадно только, что больше пятидесяти рублей не дали за часы, а вещь-то сотни рублей на охотника стоитъ». Въ другомъ мѣстѣ старикъ записалъ: «Аннушкѣ сунулъ деньжонокъ. Знаю, что на поповъ да на монашекъ истратитъ,—ну, да что-жъ, если это ее утѣшаетъ. Самъ перебьюсь какъ-нибудь, завтра оборотъ сдѣлаю». А на слѣдующій день тутъ же было написано: «Вотъ и опять съ деньгами я. Продалъ

Digitized by Google

подсвѣчники. Жаль было, вещи памятныя. Ну, да въ могилу, что ли, ихъ съ собой возьму. На что мнѣ». И этотъ списокъ продажъ и залоговъ, пособій и подарковъ тянулся безконечно. Кто зналъ, какую цѣну имѣли всѣ эти предметы въ глазахъ Лампадова, тотъ—и только тотъ—могъ вполнѣ понять значеніе всѣхъ этихъ продажъ и залоговъ того, съ чѣмъ связано было столько свѣтлыхъ воспоминаній въ душѣ старика. Въ одной изъ записныхъ тетрадей уже въ самомъ концѣ было написано: «Чувствую, что скоро умру. Всѣ напоминаютъ насчетъ духовной. Что завѣщать-то? Ничего нѣтъ. И для чего дѣлить оставшійся хламъ? Будутъ только ругать, что одного забылъ, другого обидѣлъ. Никому ничего не оставлю, можетъ-быть, лучше будетъ: сообразятъ, что и оставлять-то нечего было. А хоронить—Магдалинѣ сказано, чтобы дала знать, какъ умру, Петру Васильевичу Хрущову. Слава Богу, никому въ тягость и послѣ смерти не буду». Эти строки поразили Дмитрія Андреевича, и онъ быстро обернулся къ отцу:

— Вы не знаете, дала знать Магдалина Хрущову о смерти дяди? Онъ пишетъ тутъ.

— Не знаю!.. Такъ мы растерялись, что и не былъ я тамъ еще... Теперь поздно... Завтра ужъ спросимъ...

До поздней ночи просидѣли отецъ и сынъ надъ пожелтѣвшими отъ времени бумагами старика Лампадова, пересматривая трогательныя записочки, сухіе цвѣты, какія-то ленточки и незнакомые портреты, все то, что имѣло, быть-можетъ, такое глубокое значеніе для покойнаго и что теперь потеряло уже весь смыслъ для живыхъ людей. За вечернимъ чаемъ Анна Андреевна появилась безмолвною, подавленною, но воздерживавшеюся отъ слезъ. Андрей Ивановичъ былъ съ ней ласковъ и мягокъ. Дмитрій Андреевичъ тоже не прорвался ни словомъ упрека. На слѣдующій день рано утромъ отецъ и сынъ были уже въ квартирѣ Лампадова. Они спросили Магдалину, дала ли она знать Хрущову о смерти Лампадова. Магдалина такъ и ахнула:

— Изъ ума вонъ! Изъ ума вонъ!—воскликнула она.—А вотъ и записочка у образа на память положена. Строго-настрого баринъ приказывалъ идти по адресу. Да, обезумѣла старая, совсѣмъ обезумѣла...

Дмитрій Андреевичъ рѣшился самъ ѣхать къ Хрущову. Черезъ полчаса онъ былъ уже въ гостиной барской квартиры и къ нему, застегивая на ходу форменный сюртукъ, вышелъ скорой, молодцеватою походкой генералъ, не очень еще старый на видъ, живой и бойкій по манерамъ.

Digitized by Google

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ любезно и пригласилъ рукою Дмитрія Андреевича занять мѣсто.

— Мой дядя Ѳеопемптъ Григорьевичъ Лампадовъ скончался,—началъ Дмитрій Андреевичъ.

— Что вы!—воскликнулъ генералъ и перекрестился.—Эхъ, дня три вотъ собирался къ нему да все дѣла проклятыя... Ну, какъ, раскажите, тихо умеръ, уснулъ, я думаю?..

— Да, въ такіе годы всегда такъ умираютъ... Я каждый день его видѣлъ и все-таки не ждалъ еще наканунѣ этой смерти...

— Да, да, преклонные годы... Я уже почти старикъ, а онъ меня училъ... Какъ же, какъ же, любимый учитель былъ... Ну, честно прожилъ, такіе люди рѣдки... очень рѣдки... Когда вы хороните его? Панихиды когда? Надо дать знать его знакомымъ! Вы, конечно, не всѣхъ изъ его старыхъ учениковъ знаете, такъ это ужъ я распоряжусь... Ахъ, да, я-то хорошъ, говорю о похоронахъ, а главное и забылъ... Извините, я сію минуту вернусь.

Онъ поспѣшно всталъ и той же молодцеватою походкой вышелъ изъ гостиной въ свой кабинетъ. Дмитрій Андреевичъ услышалъ щелканье замка, шуршанье денегъ и какъ-то безотчетно, въ волненіи, поднялся съ мѣста. Кровь хлынула ему къ сердцу.

— Вотъ деньги. Тутъ полторы тысячи,—послышался голосъ хозяина, подававшаго Дмитрію Андреевичу деньги.

— Я... не за помощью,—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ, запинаясь.

Генералъ разсмѣялся.

— Я ее и не предлагаю,—отвѣтилъ онъ любезно.—Вы, вѣроятно, не знали, что у меня хранились деньги нашего покойнаго друга именно на этотъ случай...

Дмитрій Андреевичъ колебался. Ему показалось, что это была просто свѣтская любезность богача. Хрущовъ замѣтилъ это и любезно взялъ подъ руку Орлова.

— И я хорошъ! Даю деньги безъ расписокъ. Совсѣмъ обѣтреный генералъ!.. Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ.

Онъ провелъ Орлова въ свой просторный кабинетъ, вынулъ изъ стола большую шнуровую книгу и началъ ее перелистывать.

— Вотъ,—проговорилъ онъ, указывая на страницу.—Потрудитесь расписаться въ полученіи.

Дмитрій Андреевичъ прочелъ указанную ему на страницѣ строчку:

Digitized by Google

«Принято отъ Ѳеопемпта Григорьевича Лампадова тысяча пятьсотъ рублей (1,500 р.): выдать въ случаѣ его смерти Дмитрію Андреевичу Орлову или кому онъ прикажетъ».

У Дмитрія Андреевича точно тяжелый камень отвалился отъ сердца.

— Вы видите, что поддѣлать этого было нельзя. Да у меня имѣется кромѣ того и письмо нашего покойнаго друга объ этихъ деньгахъ,—сказалъ генералъ.—Онъ ихъ, какъ видите, давно оставилъ у меня. Въ послѣднее время онъ, правда, хотѣлъ было взять. Очень ужъ щедро онъ помогалъ направо и налѣво. Но я, признаюсь, наотрѣзъ отказался ихъ выдать, увѣривъ, что онѣ у меня въ дѣлѣ.

Генералъ разсмѣялся.

— Онъ такъ и былъ убѣжденъ, что я спекулирую на биржѣ на его капиталъ...

— И потому, когда ему было нужно, выдавали ему большіе проценты,—сказалъ Орловъ, вспомнивъ, что среди другихъ записей онъ видѣлъ и запись: «получилъ проценты отъ Петра Васильевича».

— Ну, у насъ были свои счеты, и кто у кого въ долгу остался, сочтемся на томъ свѣтѣ,—сказалъ серьезно Хрущовъ.

IV.

Маленькая квартирка Лампадова захлебнулась народомъ. Чиновные господа и важныя барыни, смиренные крестники и крестницы, захолустенскіе обитатели и обитательницы, попы и пѣвчіе—все это приходитъ и уходитъ, вздыхаетъ и охаетъ, философствуетъ и судачитъ вокругъ темнаго бархатнаго гроба, покрытаго тяжеловѣснымъ парчевымъ покровомъ. Старикъ лежитъ, какъ живой, съ покойною улыбкой на исхудаломъ, пожелтѣвшемъ лицѣ, точно видя и слыша все, что происходитъ вокругъ него среди этихъ «людишекъ». Но людишкамъ нѣтъ никакого дѣла до того, слышитъ ли онъ ихъ или не слышитъ, и продолжаютъ они свои толки и судаченья, разсматриваютъ они и гробъ, и покровъ, оцѣниваютъ, во что обойдутся похороны, разсуждаютъ о томъ, кто хоронитъ и изъ какихъ средствъ.

— Извѣстно, Орловы хоронятъ! Кому же больше. Другой родни нѣтъ.

— Ну, и вскочитъ же имъ въ копеечку! У самихъ-то не густо тоже. Сынокъ-то, какъ видно, высоко разлетѣлся, да низко сѣлъ. Что-то особыхъ капиталовъ не проявляетъ.

Digitized by Google

Вотъ сынокъ-то Пахомова второй домъ возводитъ, а этотъ полеталъ, полеталъ да на старый нашестъ сѣлъ.

— Видно, отъ покойника заполучили малую толику! Не раскошелились бы изъ своихъ-то денегъ.

— Гдѣ ужъ изъ своихъ! Видно, кое-что прибагорили. Тоже люди не промахъ,—охулки на руку не положатъ...

— Дѣло темное, а ужъ конечно не безъ того. Такъ-то бы съ чего имъ пыжиться.

— Молодой-то Орловъ, Дмитрій-то Андреевичъ, призвалъ это гробовщика и говоритъ: «Дѣлайте все, какъ для покойной сестры Ѳеопемпта Григорьевича дѣлали». И что стоить будетъ не спросилъ. «Какъ, говоритъ, тогда дѣлали, такъ и теперь тѣмъ же манеромъ и по тѣмъ же счетамъ дѣлайте».

— Ишь форситъ тоже!

— Не изъ своего-то можно!

— Это что говорить! Завсегда можно!

Кумушки начинаютъ шептаться о слухахъ, что Анна Андреевна успѣла кое-что взять.

— Много ли, мало ли — неизвѣстно, а взяла. Это ужъ вѣрно! Конечно, и она, и Магдалина, и Назарьевна,—вотъ та, что рядомъ со старикомъ-то живетъ,—расписку дали, что ничего не взято, да вѣдь бумага-то все терпитъ. Давай, что хочешь подписать, — подпишемъ. Совѣсть-то въ карманъ спрятать можно. Но высунется оттуда.

Къ Дмитрію Андреевичу подходитъ какая-то обтерханная, не первой молодости, женщина съ претензіями на благородство, выражающееся истрепаннымъ перомъ на шляпѣ и потрескавшимися отъ времени перчатками съ распоровшимися и развороченными концами пальцевъ на рукахъ. Она жеманно и слащаво проситъ не оставить ее.

— Папаша крестный всегда помогалъ мнѣ и говорилъ, что его наслѣдники и послѣ его смерти меня не оставятъ,— лжетъ она, не смущаясь, такъ какъ обличить ее ужъ некому.—Конечно, я не имѣю никакихъ правъ на наслѣдство, но я надѣюсь, что вы мнѣ поможете изъ того, что вамъ осталось.

— Мнѣ ровно ничего не осталось,—сухо отвѣчаетъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ну, все же... Вы такой близкій родственникъ... Папаша крестный и умеръ на рукахъ вашей сестры... Мы очень хорошо знаемъ, что у папаши крестнаго были средства,—онъ всѣмъ намъ никогда не отказывалъ, никогда...

Digitized by Google

— То-есть кому это вамъ?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Мнѣ и брату моему... Мой братъ говоритъ: «Мы, Вѣра, конечно, по закону не имѣемъ права чего-нибудь требовать, — законъ не за насъ; но Дмитрій Андреевичъ тоже благородный человѣкъ и поможетъ намъ, если ужъ все ему досталось, если папашу крестнаго отговорили сдѣлать формальное духовное завѣщаніе, гдѣ нашлось бы и намъ мѣстечко». Папаша крестный вѣдь всегда говорилъ мнѣ: «Вѣра, я тебя въ духовной не забуду».

— Мнѣ очень грустно, что вашъ братъ ошибся: я ничего не наслѣдовалъ и ничего не могу дать, — отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Это даже довольно странно слышать отъ васъ, когда всѣ говорятъ совсѣмъ противное, — проговорила благородная дама.

— Я могу только посовѣтовать вамъ не вѣрить всѣмъ слухамъ.

Дмитрія Андреевича начинало это бѣсить и тревожить. Онъ не зналъ, что дѣлать: сунуть что-нибудь этой попрошайкѣ—это значило заявить ей прямо, что онъ что-то получилъ послѣ дяди; не дать ей ничего—это значило раздражить ее и вызвать злыя сплетни. Его коробило при мысли, что онъ впутался по милости сестры въ очень непріятную исторію.

Андрей Ивановичъ тоже совершенно случайно уловилъ разговоръ двухъ неизвѣстныхъ ему лицъ, говорившихъ очевидно о наслѣдствѣ Лампадова.

— Да вотъ аукціонъ будетъ, все окажется. Я всѣ вещи его знаю. Изъ краснаго бумажника всегда деньги доставалъ...

— Да у него и книжка была, куда все записывалъ. Распутать-то все можно, какъ ни скрывай концы.

— Говорятъ, приставъ снялъ показаніе, что ничего не трогали...

— Ну, знаемъ эти показанія! Постращать старушекъ-то Божіихъ, такъ всю подноготную выложатъ.

— Это что говорить! Шила въ мѣшкѣ не утаишь! А не похвалятъ за это.

— Ужъ чего хвалить за грабежъ-то...

— Ссылаютъ за это...

— Еще какъ отлично!..

Андрей Ивановичъ, вечеромъ, тихонько позвалъ Дмитрія Андреевича въ его комнату, притворивъ за собою тщи-

Digitized by Google

ственно двери, чтобъ его не слыхали ни Леша, ни Анна Андреевна, и шопотомъ сказалъ сыну, что онъ снесетъ всѣ взятыя вещи Лампадова обратно въ квартиру старика.

— Осторожность, Митя, не мѣшаетъ, — замѣтилъ старикъ. — Я слышалъ сегодня такой разговоръ, что нужно быть осторожнымъ...

— Да ужъ и я наслушался... Заварила Аня кашу!—раздражительно сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ничего, ничего, Митя... Все это пустяки... Ей-то, бѣдной, только тяжело... Не говори ей ничего, не намекай,— и такъ убита... Бояться намъ нечего... У покойнаго каждая копейка записывалась, такъ все дѣло-то, какъ на ладони, ясно... Ну, а снести вещи надо, чтобы при описи все было на своемъ мѣстѣ... Толковъ, конечно, теперь ничѣмъ не прекратишь... Ну, да вѣдь и такъ, и эдакъ сдѣлай, а люди все толковать будутъ по-своему...

Старикъ грустно усмѣхнулся.

— Вотъ мы говорили, что если бѣдно станемъ хоронить старика, скажутъ, что ограбили, да и хоронить порядочно не хотятъ... А теперь хоронимъ хорошо,—что, видно, много загребли денегъ, если такъ пыжатся... Ахъ, люди, люди, бѣднота горемычная!..

Старикъ началъ забирать лампадовскія вещи, еще разъ прося сына не говорить ничего Аннѣ Андреевнѣ, убитой горемъ.

И точно, Анна Андреевна была убита горемъ. Ни отецъ, ни братъ не намекали ей ни на что непріятное, но она какъ будто все слышала, все чутьемъ угадывала. Мало того, что она, въ суевѣрномъ ужасѣ, не могла смотрѣть на покойника, точно боясь прочитать на его лицѣ упрекъ за то, что въ послѣднюю минуту его жизни она думала не о немъ, добромъ своемъ покровителѣ, а о деньгахъ. Мало того, что она упрекала себя за то, что она какъ будто ускорила его смерть своими приставаніями насчетъ исповѣди,—она слышала вокругъ себя толки злыхъ языковъ о наслѣдствѣ, о томъ, что, слава Богу, ей удалось хоть что-нибудь спасти. Какъ простая женщина, не знающая законовъ, она рисовала въ своемъ воображеніи страшные ужасы. Ей казалось, что ее, брата и отца притянутъ къ суду за кражу имущества, что ихъ засадятъ въ тюрьму, затаскаютъ по судамъ, засудятъ и сошлютъ, какъ воровъ, въ Сибирь. Она сознавала теперь, что не только своего грѣха не отмолитъ никогда, но и погубитъ всю свою семью. Всю жизнь они прожили честно

Digitized by Google

и вдругъ по ея милости они сдѣлались ворами. И ничѣмъ, ничѣмъ теперь нельзя было помочь. Стали бы они хоронить Лампадова кое-какъ, — злые языки начали бы толковать, что они ограбили да еще и хоронить порядочно не хотятъ; хоронятъ они теперь хорошо старика, злые языки говорятъ, что, видно, порядочно хапнули, если такіе похороны устраиваютъ. Хуже всего для нея было то, что она боялась говорить объ этомъ съ отцомъ и братомъ, боялась ихъ упрековъ. А тутъ еще, какъ на зло, Назарьевна охаетъ и такъ длинно, длинно разсказываетъ ей, какъ у нея, у Назарьевны, и рученьки, и ноженьки отнялись, какъ у нея лихоманка сдѣлалась, когда ей приказалъ приставъ расписаться. Грѣхъ-то какой она, Назарьевна, взяла на душу; конечно, своему человѣку помочь хотѣла, не худа желала, а все же гдѣ рука, тамъ и отвѣтъ. Тоже на старости лѣтъ не сладко, если разузнаютъ. Она ужъ и молчитъ о томъ, какъ что было. Только одной своей товаркѣ, какъ на исповѣди, все разсказала, сердце облегчить хотѣла, а то умирать будетъ— попу на духу не скажетъ. Это была такая душевная пытка для Анны Андреевны, какой никогда въ жизни не выносила еще несчастная дѣвушка. Нервы были разстроены до послѣдней степени, а тутъ еще эти панихиды, заунывное пѣніе, монотонное чтеніе читальщика, жалкія и страшныя слова,—однимъ словомъ, все то, что точно нарочно придумано именно такъ, чтобъ окончательно измучить и безъ того измученную утратою и горемъ душу. Какіе-нибудь два дня до похоронъ показались несчастной дѣвушкѣ вѣчностью.

Наконецъ, похороны кончились и Аннѣ Андреевнѣ стало какъ будто немножко легче,—она, по крайней мѣрѣ, не видѣла теперь передъ собою этого мертваго человѣка, не слышала толковъ этихъ живыхъ людей, въ ея ушахъ не раздавалось тоскливаго пѣнія. Но облегченіе явилось только на время: она не могла подавить упрековъ совѣсти и не могла запретить людямъ врываться въ домъ къ ея семьѣ. Нѣсколько ночей подъ рядъ она просыпалась въ холодномъ поту отъ одного и того же сна: къ ней приходилъ Лампадовъ, такой страшный, съ такой насмѣшливой улыбкой, садился около нея и будилъ ее словами: «Аннушка, я вѣдь ещё живъ!» Она плакала и молилась, и чѣмъ сильнѣе было ея нервное возбужденіе, тѣмъ чаще повторялось это страшное однообразное сновидѣніе. Оно пугало, оно доводило до ужаса именно своимъ однообразіемъ. Ложась спать, она уже съ

Digitized by Google

ужасомъ ждала, что вотъ-вотъ она закроетъ глаза, задремлетъ и тотчасъ же явится къ ней Лампадовъ, подойдетъ такъ близко-близко, сядетъ подлѣ нея, и опять услышитъ она тихій, протяжный голосъ: «Аннушка, я вѣдь еще живъ!» А днемъ—то какая-нибудь посаженая дочь старика, то какая-нибудь его крестница, то какой-нибудь его воспитанникъ являлись къ Орловымъ и просили помощи и помощи, дѣлая намеки на то, что Орловы получили наслѣдство, что Орловы въ своихъ интересахъ помѣшали старику написать завѣщаніе, что во всякомъ случаѣ дѣло сдѣлано нехорошее и незаконное. Одни говорили нагло, грозили доносомъ, бранились; другіе хныкали, упрекали, нокющимъ тономъ повторяли на всѣ лады: «Богъ вамъ судья! Богъ вамъ судья!» Трудно сказать, которые изъ этихъ людей больше терзали Анну Андреевну; ей были тяжелы объясненія и съ тѣми, и съ другими, а объясняться было нужно. Она боялась допускать этихъ людей до отца и брата, чтобы не подлить масла въ огонь, но сама она не умѣла говорить съ ними; она ныла и плакала при нихъ; она въ чемъ-то оправдывалась и путалась. И чѣмъ больше она путалась, тѣмъ наглѣе становились эти люди. У нихъ не было никакихъ правъ, но они пробовали половить рыбу въ мутной водѣ, они пробовали сорвать хоть что-нибудь при помощи застращиванія. Наконецъ, Анна Андреевна не выдержала, и въ одинъ прекрасный день Андрей Ивановичъ былъ сильно изумленъ и взволнованъ ею, когда она вдругъ бросилась къ нему съ рыданіями на грудь.

— Папа, голубчикъ, не могу я больше, не могу такъ жить!—зарыдала она.—Въ монастырь я хочу... Грѣхи свои замолить нужно... Грѣшница я окаянная... Всю жизнь была грѣшницей... Только о деньгахъ думала... Людей не любила...

Это были чисто-истерическія восклицанія и слезы.

— Аннушка, полно, полно, голубушка! — уговаривалъ ее смущенный старикъ.—Зачѣмъ же въ монастырь? Отдохнешь немного, успокоишься...

— Нѣтъ, нѣтъ, не отдохну, не успокоюсь я здѣсь... Молиться мнѣ нужно... Дядя все приходитъ, каждую ночь приходитъ... «Живъ я еще»,—говоритъ, и грозитъ, и грозитъ... Съ ума я сойду!..

Старикъ перекрестился и покачалъ головой.

— Все это суевѣрія, Аннушка, воображеніе и мечта только,—говорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — восклицала Анна Андреевна, плача:—

Digitized by Google

это онъ меня укоряетъ за то, что умеръ безъ покаянія... Самъ говорилъ мнѣ, что къ этому приготовиться надо. А я торопила... раздражала его, — въ сердцахъ онъ и умеръ... Грѣхъ этотъ мнѣ замолить надо... Знаю я, что люди будутъ говорить: «Вотъ старика отца бросила»... Да не могу я, голубчикъ, не могу здѣсь оставаться... И вамъ лучше будетъ. Я знаю, что Марѳа...

— Ну, что ты о Марѳѣ! — почти испуганно сказалъ старикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и передъ ней я много виновата... Я теперь передъ всѣми виновата и каюсь во всемъ...

Старикъ не возражалъ. Онъ даже не радовался теперь возможности поселиться съ Марѳой, возможности не слыхать упрековъ дочери. Все это замерло въ немъ, отошло куда-то въ далекое прошлое при видѣ ея мученій и ея душевной скорби. Ему вспоминалось только то, что она пережила, и онъ вовсе не думалъ о томъ, что онъ пережилъ изъ-за нея. Вечеромъ онъ сообщилъ о ея рѣшеніи Дмитрію Андреевичу и даже прослезился.

— Что-жъ, отецъ, пусть идетъ, тебѣ легче будетъ,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Что обо мнѣ говорить! Я о себѣ и думать забылъ,— отвѣтилъ старикъ.—Ее заживо хоронимъ, а вѣдь тоже для насъ жила.

— Знаю, отецъ, знаю,—проговорилъ Дмитрій Андреевичъ, тронутый словами старика.—И вѣрь мнѣ, что многое бы я сдѣлалъ, чтобы все сложилось иначе, да...

— Не говори, не говори, Митя!.. Развѣ я не понимаю, что ты тоже для насъ живешь... Слава Богу, что бы между нами ни было, какіе бы черные дни мы ни переживали, а любить другъ друга любили, дѣлали другъ для друга все, что могли... Потому-то и тяжело хоронить ее заживо...

Далеко за полночь бесѣдовали отецъ и сынъ объ Аннѣ Андреевнѣ. Имъ хотѣлось по возможности устроить получше ее въ монастырѣ, если ужъ нельзя было удержать ее дома. Они боялись, что ей будетъ тяжело на первыхъ порахъ быть чернорабочей въ монастырѣ, и именно отъ этого-то чернаго труда нужно было ее избавить, сдѣлавъ за нее вкладъ въ монастырь.

Но у Анны Андреевны точно камень съ души спалъ, когда она пришла къ этому рѣшенію, и ее вовсе не страшила мысль о томъ, что ее ждетъ грубая монастырская работа. Ей вдругъ стало легко. Ее охватило чувство сми-

Digitized by Google

ренія. Ей захотѣлось примириться со всѣми, вымолить у всѣхъ прощеніе. Теперь ее простятъ люди, а тамъ постомъ и молитвой загладитъ она свои грѣхи и передъ Богомъ. Если они простятъ, проститъ и Онъ. Онъ — сама любовь, сама благость. Она приготовлялась къ монашеству, какъ приготовляются къ смерти. Андрей Ивановичъ со слезами на глазахъ разсказывалъ Дмитрію Андреевичу, какъ Анна Андреевна посѣтила Марѳу и просила у той прощенія, просила ее беречь его, Андрея Ивановича.

— Руки цѣловала у нея, у Марѳы-то, руки цѣловала, Митя,—говорилъ онъ.—Просила меня беречь, Лешу беречь... А Марѳа... Марѳа простой человѣкъ, тоже плачетъ, — жаль ей Аннушку...

Съ тѣмъ же смиреніемъ просила Анна Андреевна прощенія у Леши, у отца, у брата. Она отыскала даже Настю и покаялась передъ той. И чѣмъ больше она каялась передъ ближними, чѣмъ больше смирялась передъ ними и унижала себя, тѣмъ яснѣе становилось у ней на душѣ, какъ будто отъ нея отпадало все житейское, всѣ мелочи, всѣ дрязги, всѣ грѣховные помыслы міра.

Когда она, затихшая, спокойная, удалялась изъ родного дома, удалялась навсегда, Дмитрій Андреевичъ невольно позавидовалъ ей. Кто такъ вѣритъ, тотъ имѣетъ еще въ жизни спасительную пристань отъ бурь и невзгодъ, тотъ можетъ хоть чѣмъ-нибудь наполнить въ душѣ пустоту, оставшуюся послѣ обманутыхъ надеждъ и разочарованій. А гдѣ эта спасительная пристань у тѣхъ, кто давно утратилъ эту вѣру? Гдѣ эта спасительная пристань у него? Кругомъ все идетъ скверно, всѣ надежды обманываются на каждомъ шагу, дѣятельность не даетъ никакихъ видимыхъ благотворныхъ результатовъ, въ душѣ зарождаются раздражительность, унынie, отчаянье, апатія и наступаетъ ощущеніе какой-то пустоты, желаніе куда-то бѣжать, бѣжать. Но куда бѣжать? Убѣжать можно отъ окружающихъ событій, отъ близкихъ людей, но нельзя убѣжать отъ себя, отъ сознанія, что ты ничего не могъ сдѣлать, что ты оказался лишнимъ, что ты только вычеркнулъ себя изъ жизни, но не принесъ пользы ни другимъ, ни себѣ, ни своимъ трудомъ, ни своимъ бѣгствомъ. А она и ей подобные бѣгутъ отъ жизни съ твердою вѣрой, что именно теперь-то они и спасутъ и себя, и ближнихъ постомъ и молитвой, какими-нибудь великими подвигами и самопожертвованіями. Это — самообманъ. Да, самообманъ для тѣхъ, кто не вѣритъ, но не для того, кто

Digitized by Google

вѣрить. Да что же, по большей части, какъ не самообманъ— и всѣ другія упованія и вѣрованія? Дмитрію Андреевичу вдругъ вспомнилась княжна: по странному сочетанію идей, она часто вспоминалась ему, когда онъ думалъ о сестрѣ, и наоборотъ, думая о княжнѣ, онъ часто вспоминалъ сестру, точно обѣ эти личности имѣли что-то общее между собою, родились для подвижничества и внѣ этого подвижничества не могли жить, не понимали смысла въ жизни. Развѣ княжна, бѣжавшая отъ свѣтской жизни, отдавшаяся обученію крестьянскихъ ребятишекъ и посильнымъ заботамъ объ окружавшемъ ее народѣ, пожертвовавшая этому дѣлу всѣми свѣтскими удовольствіями, всѣмъ личнымъ спокойствіемъ, всѣми удобствами праздной жизни богатой барышни, не была счастлива именно потому, что у нея была эта вѣра, эта способность къ самообману?

Именно этого не было у него, у Орлова, и потому онъ чувствовалъ, что онъ несчастнѣе этихъ людей. Онъ былъ трезвѣе ихъ, а трезвость, какъ говорятъ недаромъ поэты, есть уже начало несчастія. Хорошо живется на Руси только пьяному... Да нѣтъ, и вообще на свѣтѣ, по выраженію Бодлера, если хочешь быть счастливымъ, то долженъ чѣмъ-нибудь опьяняться. Онъ, Орловъ, работалъ, онъ лихорадочно брался за всякое дѣло, а внутри его какой-то злой духъ, казалось, нашептывалъ ему: «Опять въ бѣличье колесо залѣзъ, опять топчешься на одномъ мѣстѣ». Въ этомъ былъ трагизмъ его жизни и, можетъ-быть, трагизмъ сотенъ тысячъ людей, утратившихъ всякую вѣру, но еще не дошедшихъ до той грани, за которою люди говорятъ: «Было бы только мнѣ хорошо».

Что-то странное произошло въ семьѣ Орловыхъ съ отъѣздомъ Анны Андреевны. Дмитрій Андреевичъ сразу затормошился тоже устроиться по-новому, на отдѣльной квартирѣ, а Андрей Ивановичъ сразу понялъ, что теперь сынъ долженъ устроиться иначе, и что такъ будетъ лучше, хотя они еще не обмѣнялись по поводу этого ни словомъ, ни намекомъ. Оба какъ-то безсознательно, чутьемъ, угадывали, что старикъ стѣснится поселить въ своей квартирѣ Марѳу при сынѣ, а если и поселитъ, то отношенія будутъ неловкія, натянутыя; между тѣмъ, безъ Марѳы старику было уже трудно жить, и Дмитрій Андреевичъ сознавалъ, что она теперь его отцу гораздо нужнѣе, чѣмъ онъ, что онъ можетъ только дать средства отцу для безбѣднаго существованія, но и только, тогда какъ Марѳа создастъ для старика снова

Digitized by Google

домашній очагъ, семью. Но, сознавая это, Дмитрій Андреевичъ и Андрей Ивановичъ долго избѣгали начать объ этомъ разговоръ, какъ будто боясь, что ихъ толки объ этомъ будутъ невѣрно поняты, неловко перетолкованы. Наконецъ, Дмитрій Андреевичъ рѣшился коснуться этого вопроса первый.

— Ну, теперь мнѣ можно при случаѣ перебраться и поближе къ суду,—замѣтилъ онъ разъ вскользь, какъ бы мимоходомъ, точно говоря о пустякахъ.

— Да, да, очень далеко отсюда до суда, Митя, очень далеко,—согласился съ нимъ старикъ и началъ серьезно распространяться о практической, матеріальной части вопроса.

— Конечно, сразу на первую попавшуюся квартиру нечего бросаться,—замѣтилъ Дмитрій Андреевичъ. — Торопиться нечего...

— Конечно, конечно. Чего торопиться!—согласился старикъ.—Слава Богу, уголъ есть. А подыщется хорошенькая квартирка въ тѣхъ краяхъ, упускать не слѣдуетъ... Живя въ нашей трущобѣ, безъ практики насидишься... Я-то ужъ тутъ обжился, Митя, дотяну вѣкъ въ захолустьи, а тебѣ тоже не очень-то выгодно захолустенскимъ адвокатомъ быть... Хе-хе-хе, захолустенскій адвокатъ—тоже не важная птица.

Онъ засмѣялся старческимъ смѣхомъ. Услышавъ этотъ смѣхъ, Дмитрій Андреевичъ внезапно тоже повеселѣлъ, точно ему легче стало.

— Я къ тебѣ, отецъ, часто забѣгать стану,—сказалъ онъ.

— Приходи, приходи, голубчикъ... Не чужіе, слава Богу!.. Вотъ и я заверну посмотрѣть, какъ устроишься... Ты у меня смотри, заправскимъ адвокатомъ устройся, чтобъ это бронза, ковры вездѣ... Хе-хе-хе!

— Ну, да, бронза, ковры... А пироги-то все-таки къ тебѣ придется ходить ѣсть...

— Ну, насчетъ пироговъ — на это ужъ мы, захолустенцы,—спеціалисты... У насъ вѣдь съ чѣмъ угодно—и съ соленными груздями да съ кислой капустой, и съ сигомъ да съ вязигой,—одно слово, спеціалисты по пирожной части... А тамъ у васъ вѣдь все больше насчетъ устрицъ, да шампанскаго,—тоже не Богъ знаетъ какая сытость отъ этого...

Старикъ обернулся къ Лешѣ и потрепалъ его по плечу.

— Вотъ и молодецъ нашъ иногда спровѣдать тебя забѣжитъ...

— Я, братецъ, забѣгу, непремѣнно забѣгу... Я, братецъ, вездѣ дороги знаю, — скороговоркой отозвался Леша.—И скоро, скоро я хожу, братецъ!.. Мигомъ!

Digitized by Google

— Все, знаешь, легче, когда, вѣсточку получишь, какъ и что,—продолжалъ старикъ.—Свои люди, свои... Одному-то тебѣ, конечно, скучновато будетъ, да что дѣлать?—служба, дѣла... Такъ-то, безъ дѣлъ-то, безъ службы-то мы и все бы обнявшись сидѣли, а при службѣ нельзя... На, а тамъ, можетъ-быть, Богъ дастъ, и женишься, своей семьей обзаведешься... Твоя жизнь впереди...

— Ну, да, танцовать на свадьбѣ будешь, такъ женюсь, а то не хочу,—шутилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ахъ, шутникъ! Ахъ, шутникъ! Да ты только женись, а тамъ—вѣдь танцы-то послѣ вѣнчанья бываютъ,—ну, и не развѣнчаешься, если скажу, что ноженьки больше не пляшутъ...

Старикъ перемѣнилъ шутливый тонъ на серьезный:

— Нѣтъ, точно, Митя, плохо бобылемъ жить, плохо! Уголъ свой, гнѣздышко свое—вотъ что нужно человѣку... Что ты тамъ ни толкуй о дѣлахъ, о службѣ, объ обществѣ, а все же нѣтъ-нѣтъ да и скажется на душѣ, что бобыль ты, что и много у тебя заботъ, и много у тебя друзей, а все же одинъ и одинъ ты...

— Знаю, отецъ, знаю,—со вздохомъ отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ:—да спустя лѣто по малину не ходятъ!

— Ну вотъ, ну вотъ выдумалъ! Скажите перестарокъ какой!.. Ахъ, ты проказникъ! Да въ твои годы какъ разъ пора жениться!.. Да за тебя любая съ ногами и съ рубами пойдетъ...

Повидимому, все сложилось отлично.

И все же тоскливое чувство охватило Дмитрія Андреевича, когда онъ вдругъ очутился одинъ въ новой квартирѣ. «Ну, вотъ, и пошла жизнь бобыля»,—невольно мелькнуло въ его головѣ. Онъ былъ одинокъ и въ провинціи, но тогда онъ еще рвался въ Петербургъ, къ семьѣ, мечталъ о женитьбѣ. Тогда у него были еще кое-какія иллюзіи. Теперь ничего этого не было. Онъ понималъ, что отъ своей семьи онъ отрѣзанъ, что для него умерла сестра, что отцу и Лешѣ лучше и удобнѣе безъ него подъ крыломъ и опекой простой деревенской женщины, что женитьба... онъ даже не могъ мечтать о ней, потому что изъ окружавшихъ его теперь женщинъ еще ни на одной не остановилось его вниманіе, ни къ одной онъ не чувствовалъ даже той чисто братской симпатіи, какую пробуждала въ немъ княжна. Годы той юности, когда человѣкъ способенъ на безумную страсть, на всевозможныя, самыя невообразимыя глупости, для него,

Digitized by Google

казалось, давно прошли. Вмѣстѣ съ этой юностью въ душѣ его давно исчезла чистота чувства въ сношеніяхъ съ женщинами и явилась извѣстная доля скептицизма и даже цинизма, подсказывавшаго, подобно злому демону, что вотъ эта женщина хочетъ себя продать повыгоднѣе, что вотъ ту женщину хотятъ продать ея ближніе, что одна выставляетъ, какъ приманку, на показъ свои таланты, знанія и умъ, подлавливая жениховъ, что другая для тѣхъ же цѣлей декольтируетъ свои плечи и грудь, щеголяетъ своими роскошными волосами и кокетничаетъ съ каждымъ встрѣчнымъ, такъ какъ среди этихъ встрѣчныхъ можетъ навернуться и женихъ. И чѣмъ удачнѣе шли его дѣла, чѣмъ громче дѣлалось его имя, чѣмъ извѣстнѣе становился онъ, тѣмъ болѣе скептически начиналъ онъ относиться къ женщинамъ и къ людямъ вообще. Онъ сознавалъ, что потому, что онъ входитъ въ моду, за нимъ начинаютъ ухаживать матери взрослыхъ дочерей, взрослыя дѣвушки начинаютъ кокетничать съ нимъ, чужія жены только того и ждутъ, чтобъ онъ соблазнилъ ихъ и увлекъ на адюльтеръ. Эти легкіе успѣхи не наполняютъ душевной пустоты, но подрываютъ въ душѣ послѣдніе остатки уваженія къ женщинамъ. Еще недовѣрчивѣе относился онъ къ массѣ людей, напрашивавшихся къ нему въ друзья, въ пріятели, въ товарищи. Явились у него вдругъ какіе-то товарищи по гимназіи, памятные ему только потому, что они насмѣхались въ гимназіи надъ его заплатанными сапогами, надъ розовою помадой на его головѣ и надъ заносимыми имъ въ классы клопами; отыскались у него и университетскіе пріятели, глядѣвшіе на него въ университетѣ свысока сквозь pince-nez и монокли, потому что онъ былъ просто Орловъ, а они—графы какіе-то и князья сякіе-то. Теперь эти люди по тѣмъ или другимъ причинамъ вдругъ оказались его лучшими друзьями. Они вспоминали свѣтлые годы юношеской пріязни, они разсказывали ему о какихъ-то трогательныхъ сценахъ изъ ихъ школьной дружбы и въ концѣ концовъ просили взаймы денегъ или совѣта, какъ бы вывернуться изъ грязнаго дѣльца чистенькими и сухенькими. И чѣмъ больше становилось число этихъ женщинъ, стремившихся съѣздить съ нимъ изъ маскарада къ Доротту, гдѣ вчера они были съ другимъ мужчиной, чѣмъ больше было этихъ друзей дѣтства и юности, старавшихся, обнимая его, нащупать бумажникъ въ его карманѣ, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ одиночество и тоску. Ни литературная работа, стѣсненная внѣшними, условіями, ни адвокат-

Digitized by Google

...ска, ... съ ... вѣчными безплодными защитами го... оправдываемыхъ для того, чтобы снова ... на скамью подсудимыхъ, и съ гражданскими дѣлами, ...щимися только ради гроша, безъ сознанія ч... ... правильности иска, — ничто не могло наполнить ...вую пустоту, и Орловъ все чаще и чаще заходилъ ... поѣсть пироговъ Мареы Ивановны, посмѣяться и ...балагурить съ отцомъ и Лешей, отвести душу въ кругу ...ихъ совсѣмъ простыхъ людей.

Въ это время онъ все тѣснѣе и тѣснѣе сталъ сближаться съ княземъ Александромъ Александровичемъ Русовымъ и съ Настей.

V.

Прошло болѣе полугода съ того дня, когда Дмитрій Андреевичъ вернулся снова въ Петербургъ, но онъ все еще не могъ выбрать минуты, чтобъ отыскать князя Русова и Настю. Онъ нѣсколько разъ назначалъ себѣ день для этого, но когда этотъ день наставалъ, у Орлова являлись вдругъ неотложныя дѣла, другіе неизбѣжные визиты, и день свиданія съ княземъ и Настей откладывался снова. Орловъ самъ не сознавался передъ собою, что онъ словно боится этого свиданія, словно избѣгаетъ его. Можетъ-быть, этого свиданія и вовсе не произошло бы, если бы не случай. Какъ-то разъ Дмитрій Андреевичъ зашелъ въ одинъ изъ голландскихъ магазиновъ въ Гостиномъ дворѣ купить кое-какія-то мелочи, носовые платки, кашне, галстукъ. Покуда онъ пересматривалъ поданныя ему вещи, сзади него раздался мягкій женскій голосъ. Онъ невольно быстро обернулся, узнавъ сразу этотъ голосъ, и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Настей. Она была одѣта вся въ сѣрое, скромно, просто, но изящно, со вкусомъ. У обоихъ разомъ вырвались восклицанія: «Настя!»... «Митя!»—и въ ту же минуту оба какъ будто сконфузились, точно испугались. Онъ сжалъ ея руку, пробормоталъ что-то о неожиданной встрѣчѣ, и оба купили не то, что имъ было нужно, торопясь вырваться изъ магазина, уйти отъ любопытныхъ взглядовъ, отъ случайныхъ свидѣтелей ихъ встрѣчи. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, чѣмъ-то безотчетнымъ.

— Митя, я только на-дняхъ узнала, что ты давно уже пріѣхалъ,—сказала она, выходя изъ магазина.—Я думала, ...шься...

—...ъ, помилуй, за что же! — отвѣтилъ онъ, досадуя

на свое смущеніе. — Не могъ отыскать тебя... И времени не было—столько хлопотъ.

— Ты зайдешь ко мнѣ?—спросила она.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! Я такъ радъ...— проговорилъ онъ.

— Саша... мой мужъ... сказалъ мнѣ, что онъ разыщетъ тебя,—проговорила она. — Онъ тоже хотѣлъ тебя видѣть... Онъ немного удивился, что ты не разыскалъ его...

— Развѣ ты замужемъ?—спросилъ Орловъ, немного удивленный ея словами.

— Мы еще не обвѣнчаны, но я считаю его своимъ мужемъ, да и всѣ видятъ въ насъ мужа и жену... Покуда Сашѣ нельзя жениться,—ради отца нельзя...

— Такъ же, какъ и Михайловскому!—сорвалось невольно съ языка Дмитрія Андреевича.

Настя вся вспыхнула при этой фразѣ, совершенно неожиданно сорвавшейся съ языка Орлова, въ ту же минуту раскаявшагося въ душѣ за это восклицаніе.

— Митя, какъ тебѣ не грѣхъ попрекать прошлымъ! — проговорила она, и въ ея голосѣ послышались слезы.—Если Саша простилъ мнѣ прошлое, то кто же можетъ попрекать меня этимъ?

— Я и не попрекаю прошлымъ, но вѣдь и настоящее не лучше, кажется,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, и лицо его стало блѣднымъ.—И тотъ, и этотъ...

Она не дала ему договорить.

— Да развѣ можно ставить ихъ на одну доску? — воскликнула она. — Развѣ можно? Тотъ опозорилъ, погубилъ меня, а этотъ... Господи, что бы со мною было безъ него! Вспомнить теперь страшно... Никогда, никогда не забуду я, отъ чего онъ меня спасъ!

Она вся вздрогнула при воспоминаніи о прошломъ.

— Не большая заслуга, Настя, подобныя спасенія, когда люди дѣлаютъ это ради...

Она снова перебила его, и въ ея голосѣ зазвучала нотка горькаго и строгаго упрека.

— Митя, другіе и вовсе не подумали спасти меня...

— Ты это хочешь сказать про меня?—горячо перебилъ онъ ее.

— Да, Митя!—твердо отвѣтила она. — Я тебя не упрекаю, но согласись, что ты даже не вспомнилъ обо мнѣ, когда я могла умереть съ голода. Не такъ же я была грѣшна, чтобы сказать: «И по дѣломъ ей, пусть гибнетъ!»

Digitized by Google

Дмитрій Андреевичъ побѣднѣлъ и еще болѣе смутился. Онъ искоса взглянулъ на нее; она шла съ нимъ рядомъ такая серьезная, строгая, что въ ней трудно было узнать прежнюю Настю.

— Я, — началъ онъ, подыскивая и не находя оправданія: — я...

— Я тебя не упрекаю, не обвиняю, я только говорю, что не тебѣ судить того, кто такъ или иначе спасъ меня отъ голодной смерти или отъ позора, когда всѣ отшатнулись отъ меня... Да этого мало: онъ сдѣлалъ изъ меня другого человѣка...

Они подошли къ дому, гдѣ жила Настя.

— Вотъ я и дома,—сказала она и протянула руку Дмитрію Андреевичу.

— Что же, ты сердишься и не приглашаешь уже меня?— спросилъ онъ, видя протянувшуюся къ нему на прощанье руку.

— Ты такъ смотришь на мое положеніе, ты такъ относишься къ Сашѣ, что...—начала она и какимъ-то оборвавшимся голосомъ заключила:—что же тебѣ въ насъ?

— Полно, Настя! — сказалъ мягко Орловъ, сконфуженный и задѣтый за живое.—Въ прошломъ я каюсь: я виноватъ, можетъ-быть, болѣе всѣхъ; а въ настоящемъ... развѣ я знаю твое настоящее, развѣ я могу судить о немъ?

Онъ взялъ ея руку и дружески пожалъ ее.

— Такъ можно зайти?

— О, сдѣлай одолженіе!—сказала она.

Она держала себя съ достоинствомъ, съ тактомъ, какъ-то необыкновенно спокойно и ровно. Нужно было многое испытать, многое пережить, чтобы такъ преобразиться. Орловъ это понялъ сразу. Она поднялась съ нимъ въ первый этажъ и позвонила у дверей. Двери отворила горничная.

— Дѣти дома, Маша?—спросила Настя.

— Нѣтъ, Настасья Даниловна, они гуляютъ съ Петромъ.

— А баринъ еще не пріѣзжалъ?

— Нѣтъ-съ.

Настя, сбрасывая верхнюю одежду, обратилась къ Дмитрію Андреевичу:

— Я хотѣла тебѣ показать дѣтокъ... Ну, да посидишь, увидишь...

— У тебя дѣти?—спросилъ онъ.

— Да, мой Коля и воспитанникъ. Взяли, чтобы Колѣ было не скучно, бѣднаго сироту. Милый мальчикъ вышелъ,

Digitized by Google

и я рада за Колю и за него. Саша ихъ такъ любитъ. У насъ у самихъ были свои дѣти, но не живутъ, — добавила она со вздохомъ.

Они вошли въ небольшую уютную гостиную съ скромной мебелью, обитой сѣрой шерстяной матеріей. Вся роскошь этой комнаты заключалась въ прекрасномъ роялѣ и въ массѣ цвѣтовъ на окнахъ и у оконъ. Въ комнатѣ царствовала замѣчательная чистота, былъ удивительный порядокъ. На всемъ лежали слѣды заботливости домовитой хозяйки. Орловъ присѣлъ въ кресло у стула. Настя подошла къ цвѣтамъ, пощупала землю и оборвала нѣсколько желтыхъ листьевъ.

— Ужасно только тяжело Сашѣ было справиться съ Малоземовымъ, — сказала Настя, продолжая говорить о дѣтяхъ.—Ты вѣдь знаешь, что, по милости отца моего Коли, Коля считается сыномъ моей сестры и Малоземова. Малоземовъ — это мелкій плутъ, стремящійся обирать меня и Сашу, имѣя право на Колю. Онъ двадцать разъ грозилъ отнять у насъ мальчика и требовалъ отступного, зная, конечно, что мы дадимъ, сколько ему угодно, лишь бы оставить Колю у себя. Много денегъ стоило это Сашѣ, и только въ послѣднее время Малоземовъ замолчалъ совершенно, когда Саша ему написалъ: «Пришлите кого-нибудь за своимъ сыномъ, такъ какъ одного его нельзя отправить къ вамъ на Кавказъ, а я вовсе не желаю тратиться на содержаніе или отправленіе чужого ребенка». Малоземовъ, къ счастію, струсилъ и уже самъ сталъ просить насъ содержать «его сына». Только надолго ли будетъ такъ — Богъ вѣсть. Это меня страшно мучитъ.

Она вздохнула.

— Да, прошлыхъ ошибокъ не исправишь, и хорошо еще, что Саша все прощаетъ, все терпитъ,—сказала она.—Ахъ, если бы ты зналъ, что это за безконечная доброта! Я не знаю, можно ли не любить такого человѣка, можно ли не благоговѣть передъ нимъ. Повѣришь ли ты, я ни разу не слыхала отъ него ни одного упрека, ни одного рѣзкаго слова...

— Вѣрно ты и не заслуживаешь этого,—замѣтилъ Орловъ.

— Да что же я?.. Правда, я стараюсь дѣлать то, что ему нравится, забочусь, чтобы все было такъ, какъ онъ любитъ, стремлюсь къ тому, чтобы меня не за что было упрекнуть. Но я же, Митя, не такая умная, не такая образованная, чтобы все предусмотрѣть, чтобъ онъ могъ дорожить мной. Если во мнѣ и есть что-нибудь хорошее, то

Digitized by Google

этимъ я обязана ему одному. Скажутъ: «хорошенькая я». Но вѣдь я старше его, и есть много женщинъ гораздо красивѣе меня... Да, наконецъ, кто я?.. А мое прошлое, проклятое прошлое?.. Вѣдь онъ не можетъ на мнѣ жениться, не бросивъ службы. Вѣдь онъ меня не можетъ ввести въ дома своей родни... Для меня онъ долженъ бросить все—и службу, и родныхъ, и прежнихъ друзей...

Она опять вздохнула.

— Я знаю, что это не мало мучило его прежде... Бывало, пріѣдетъ онъ иногда мрачный-мрачный, покусываетъ ногти, молчитъ... Тогда, Митя, на меня нападалъ ужасъ. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ онъ меня броситъ... А онъ для меня былъ все, все, и кромѣ его не было у меня никого на свѣтѣ... Не думай, что я дорожила имъ за то, что онъ кормилъ меня и Колю... Нѣтъ, не деньги его мнѣ были нужны, а жить я не могла больше безъ его ласки, безъ его добраго слова, безъ его мягкаго взгляда, потому что только съ нимъ я узнала, что я могу быть честной женщиной, женой, матерью, любимымъ человѣкомъ, а не любовницей, къ которой заходятъ на полчаса, ночью, въ пьяномъ видѣ...

Въ ея глазахъ засверкали слезы, и она отвернулась, чтобы скрыть ихъ.

— Теперь все это прошло,—продолжала она черезъ минуту:—теперь мы оба счастливы и спокойны, у насъ есть добрые знакомые, ко мнѣ ѣздятъ порядочныя женщины. Я никого не обманываю, но во мнѣ никто не видитъ любовницы Саши...

Дмитрій Андреевичъ слушалъ ее внимательно и удивился перемѣнѣ, происшедшей въ ней.

— Извини, Настя, за нескромный вопросъ,—мягко сказалъ онъ.—Ты училась въ эти годы?

— Да вѣдь я же ничего прежде не знала,—просто отвѣтила она.—Нельзя же было такъ оставаться. Саша сдѣлалъ все, что могъ, чтобы поднять меня до себя...

Орлову какъ будто становилось совѣстно, что Русовъ далъ этой дѣвушкѣ все, тогда какъ онъ, Орловъ, ея двоюродный братъ, нѣжно любимый ею въ дѣтствѣ человѣкъ, оставилъ ее на жертву голоду, паденью, позору. Въ его памяти вдругъ воскресли картины прошлаго, воспоминанія о томъ, какъ она, эта добрая Настя, заботилась о немъ, осматривала его платье, чистила его мундирчики, жила его радостями и его скорбями. И чѣмъ онъ отплатилъ за все это?

Digitized by Google

Правда, Русовъ дѣйствовалъ не безкорыстно, онъ готовилъ себѣ изъ этой красавицы-содержанки жену, но это не оправданіе для Орлова.

Дмитрій Андреевичъ хотѣлъ что-то сказать Настѣ, но прежде чѣмъ онъ раскрылъ ротъ, въ передней послышался звонокъ и черезъ двѣ-три минуты въ гостиную вошелъ князь. Онъ былъ попрежнему очень моложавъ и только немного похудѣлъ. Орловъ сразу узналъ бы его среди какой угодно толпы.

— А, Дмитрій!—проговорилъ онъ, увидавъ Орлова, и къ Дмитрію Андреевичу протянулись двѣ руки, крѣпко сжавшія его руки. — Очень мило сдѣлалъ, что разыскалъ. Я только что на-дняхъ получилъ письмо отъ сестры изъ деревни, гдѣ говорилось о смерти Лампадова и упоминалось, что объ этомъ сообщилъ ты изъ Петербурга. Я хотѣлъ тебя разыскать.

— Да?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ, прямо взглянувъ ему въ глаза и какъ бы желая узнать, правду ли онъ говоритъ.

Дмитрія Андреевича немного смутила встрѣча съ княземъ, встрѣча безъ объятій, безъ поцѣлуевъ.

— Еще бы! — отвѣтилъ князь. — Старый другъ все же лучше новыхъ двухъ.

Настя, поцѣловавъ въ голову усѣвшагося въ кресло Русова, вышла распорядиться обѣдомъ.

— Въ послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ мнѣ казалось, что между нами пробѣжала какая-то сѣрая кошка,—сказалъ Орловъ.

— Причинъ было много,—коротко отвѣтилъ князь.

— Теперь-то я все понимаю,—сказалъ Орловъ:—а тогда...

— То-есть почему же теперь?—сказалъ Русовъ.

— Ты стѣснялся своими отношеніями къ Настѣ...

— А-а! — проговорилъ князь и покачалъ отрицательно головой.—Это менѣе всего стѣсняло меня, и если стѣсняло, то очень недолго. Я скоро понялъ, что за это упрекать меня менѣе всего можешь именно ты...

Орловъ вопросительно взглянулъ на него. Князь спокойно, дружески положилъ ему на колѣно руку и серьезнымъ тономъ проговорилъ:

— Правда, я отыскалъ ее, я сошелся съ нею, какъ сходятся обыкновенно съ хорошенькими дѣвушками люди, подобные мнѣ или, лучше сказать, подобные тому, какимъ я былъ тогда. Но легкомысленное увлеченіе хорошенькимъ

Digitized by Google

личикомъ скоро перешло въ серьезное чувство къ доброй и хорошей душѣ, и съ этой минуты я пересталъ уже считать себя виноватымъ передъ кѣмъ-нибудь за свои отношенія къ ней, передъ тобой же менѣе всего. Согласись, Дмитрій, что если передъ Настей кто-нибудь виноватъ, то ужъ, конечно, не я, а ты...

Дмитрій Андреевичъ молчалъ. Ему вспомнилось, что были минуты, когда онъ въ душѣ упрекалъ себя за Настю, и эти упреки еще громче стали раздаваться въ его душѣ теперь.

— Положимъ, я спасъ ее чисто случайно, безъ всякихъ благородныхъ побужденій, поддавшись прежде всего чисто животному чувству, но ты... ты вѣдь ничего не сдѣлалъ, чтобы даже справиться о ней, узнать, что съ ней сталось. Какъ же я могъ чувствовать себя виноватымъ за нее передъ тобой?

Князь говорилъ ровно, спокойно, не волнуясь. Въ его голосѣ было много прежней мягкости, но и слышалось что-то новое, твердость характера, выдержанность, серьезность. Всмотрѣвшись въ него попристальнѣе, Дмитрій Андреевичъ нашелъ теперь, что онъ дѣйствительно попрежнему моложавъ, но его брови немного сдвинулись, между ними залегла складка, взглядъ былъ сосредоточенъ, строгъ, нѣсколько холоденъ. Во всѣхъ его движеніяхъ, въ манерѣ говорить, въ выраженіи лица было много выдержанности, благородства, сознанія своего собственнаго достоинства.

— Ты не сердись на меня за горькую правду,—продолжалъ князь. — Я столько пережилъ, столько передумалъ за эти годы, что сталъ менѣе всего способнымъ упрекать и обвинять людей. Правда, тогда, прежде, я очень негодовалъ на тебя за то, что ты бросилъ свою сестру, за то, что, можетъ-быть, она дѣйствительно погибла бы, если бы не подвернулся я; но вѣдь тогда бывали минуты, когда я чувствовалъ чуть не ненависть именно къ тебѣ...

— Ненависть?.. Ко мнѣ? — воскликнулъ Орловъ весь блѣдный.

Князь снова дотронулся рукой до его колѣна, какъ бы желая остановить его порывъ, и спокойно сказалъ:

— Теперь все улеглось, все отошло и осталось сознаніе, что всѣ мы и заблуждаемся, и падаемъ, и наносимъ огорченія другимъ чаще всего по неопытности, по легкомыслію, по необдуманности.

— Но я тебя не понимаю. Чѣмъ я, именно я, виноватъ передъ тобой?—невольно воскликнулъ Орловъ.

Digitized by Google

— Ты?

Князь усмѣхнулся.

— Да, можетъ-быть, виноватъ тѣмъ, что стоялъ гораздо выше меня...

Орловъ хотѣлъ что-то возразить, но князь не далъ ему выговорить ни слова и тѣмъ же ровнымъ голосомъ продолжалъ:

— Или, вѣрнѣе сказать, тѣмъ, что давалъ мнѣ на каждомъ шагу чувствовать, что ты стоишь выше меня—давалъ чувствовать *это* и *больше ничего*.

— Но...

— И потомъ, когда это стало понятно всѣмъ и болѣе всего моему отцу, презиравшему меня, я вдругъ увидалъ, что ты, можетъ-быть, умнѣе меня, но не выше, что мнѣ стоитъ проронить слово и ты упадешь въ глазахъ отца, — нѣтъ, больше, не будешь вовсе существовать для него. Была минута, когда я и хотѣлъ это сдѣлать, но... тяжелое это было время!.. я махнулъ на все рукой и попробовалъ забыться въ кутежахъ, какъ глупый мальчикъ...

Орловъ былъ смущенъ и встревоженъ. Онъ понималъ теперь все, чего даже и не подозрѣвалъ въ былые годы, и какъ-то смутно, чутьемъ, угадывалъ, что вотъ-вотъ князь выскажетъ ему еще и еще новыя горькія истины. Въ эту минуту въ комнату вбѣжали два плотные и здоровые мальчугана и бросились къ князю. Онъ горячо расцѣловалъ ихъ и обратился къ Дмитрію Андреевичу:

— Взгляни, какіе молодцы! Что же вы не раскланиваетесь? Это вашъ дядя Митя. Онъ недавно пріѣхалъ въ Петербургъ.

Мальчуганы расшаркались передъ Орловымъ, глядя ему съ любопытствомъ прямо въ лицо. Онъ пожалъ имъ руки, все еще взволнованный и смущенный, не умѣвшій, можетъ-быть, впервые въ жизни овладѣть вполнѣ собою.

— Обѣдъ скоро?—спросилъ князь у мальчугановъ.

— Да, накрываютъ,—отвѣтили они.

— Ну, идите, торопите,—сказалъ князь.—Скажите, что папа и дядя хотятъ ѣсть.

Когда мальчуганы вышли, князь сказалъ, обращаясь къ Дмитрію Андреевичу.

— Я, впрочемъ, радъ, что многое перенесъ: это школа хорошая. Безъ этой школы я вотъ не понялъ бы, что мало усыновить, оставить у себя дома ребенка, но что нужно еще и любить его, и заботиться о немъ; я увѣренъ, что

Digitized by Google

эти дѣти никогда не упрекнутъ меня за то, что я имъ какъ какимъ-нибудь щенкамъ далъ уголъ, но не счелъ нужнымъ отдать свое сердце.

Князь всталъ. Орловъ тоже поднялся съ мѣста.

— Послушай,—какимъ-то глухимъ голосомъ сказалъ онъ князю:—ты задалъ вопросы, которые нужно или выяснить, или... между нами ляжетъ еще болѣе глубокая пропасть...

— Хорошо, послѣ... Теперь же пойдемъ обѣдать...

Князь обнялъ одною рукой Орлова за талію и сказалъ:

— Вѣрь только одному, что я не сержусь ни на кого и менѣе всего на тебя.

Они вошли въ небольшую столовую и усѣлись за скромно, но хорошо сервированный столъ. За столомъ прислуживалъ молодой лакей. У Орлова пропалъ аппетитъ,—ему хотѣлось поскорѣй объясниться вполнѣ съ княземъ. Настя замѣтила смущеніе брата и немного встревоженно взглянула на князя. Но князь былъ и спокоенъ, и мягокъ, какъ всегда. Онъ шутилъ съ дѣтьми, разспрашивалъ ихъ о прогулкѣ въ кунсткамеру, о томъ, что они видѣли.

— Съ ними занимается одинъ студентъ,—замѣтилъ онъ, обращаясь къ Орлову. — Такое счастіе для нихъ, что они могутъ развиваться подъ руководствомъ честнаго и добраго человѣка. Грустно будетъ, если когда-нибудь придется разстаться съ такимъ учителемъ. Они подъ его руководствомъ такими естественниками и латинистами стали, что, право, мнѣ завидно. Больше меня знаютъ. И то сказать, насъ вѣдь ничему не учили въ конской школѣ.

Дѣти во время обѣда болтали безъ умолку, но Орловъ ничего не понималъ, что дѣлалось вокругъ него. Онъ ждалъ только конца обѣда. Наконецъ, обѣдъ кончился. Дѣти ушли съ Настей. Князь прошелъ съ Дмитріемъ Андреевичемъ въ свой кабинетъ. Эта небольшая комната съ зеленымъ турецкимъ диваномъ, съ нѣсколькими мягкими креслами и съ письменнымъ столомъ была заставлена шкапами и этажерками съ книгами. На стѣнахъ не было никакихъ украшеній, и только надъ диваномъ висѣлъ небольшой портретъ Насти. При первомъ взглядѣ на эту комнату видно было, что ея хозяинъ позаботился, чтобы тутъ не было ничего лишняго, но чтобы въ то же время въ ней было удобно и уютно. Этотъ характеръ, какъ потомъ замѣтилъ Орловъ, былъ и во всѣхъ остальныхъ комнатахъ квартиры, во всей домашней жизни князя. Русовъ и Орловъ сѣли на диванъ и закурили папиросы. Имъ подали кофе.

Digitized by Google

— Ты, конечно, удивляешься всему, что видишь, — сказалъ Русовъ, замѣтя, что Орловъ мелькомъ взглянулъ на шкапы съ книгами, и впервые въ этотъ день Орловъ уловилъ въ его голосѣ горечь и иронію. — Легкомысленный князь Александръ Русовъ толкуетъ серьезно, недалекій князь Александръ Русовъ, повидимому, читаетъ книги, безпутный и пустой вѣтренникъ князь Александръ заявляетъ претензію на что-то въ родѣ характера,—какъ тутъ не удивляться?

— Я...—началъ-было Орловъ.

— Ты, какъ и всѣ другіе, смотрѣлъ на меня именно такъ,—неторопливо перебилъ его князь.—Но ты перестанешь удивляться, когда узнаешь все,—а тебѣ можно говорить даже о томъ, о чемъ я не могу говорить ни съ кѣмъ. Для тебя нѣтъ у меня семейныхъ тайнъ, потому что ты-то ихъ узналъ чуть ли не раньше меня... Ты, вѣроятно, помнишь ту ночь, когда я еще ребенокъ, въ слезахъ, жаловался тебѣ на свои несчастія, на скуку одиночества, на вѣчные разъѣзды матери, на развратъ окружавшихъ меня, на отца, имѣвшаго любовницу, когда у него была такая добрая, такая красивая жена?.. Это были дѣтскія жалобы, но онѣ вполнѣ выражали все то, что томило меня очень сильно, очень долго, и не ребенкомъ, а юношей. Что я былъ такое? Для гувернера—сентиментальная дѣвчонка, для отца—безхарактерный мальчишка, для такихъ, какъ ты, — добрый, но недалекій малый, капризный барченокъ, для Ольги Родіоновны—выродокъ не въ русовскій родъ, для друзей вообще — туго набитый кошелекъ, къ которому судьба пристегнула на что-то вялаго и скучнаго хозяина, хандрившаго даже во время кутежей. Слабый по натурѣ, я вслѣдствіе всего этого сталъ еще болѣе безхарактернымъ, слезливымъ, хандрящимъ человѣкомъ. Невниманіе и насмѣшки окружающихъ оскорбляли мое самолюбіе, и въ то же время я падалъ духомъ, сознавая, что я не могу ничего сдѣлать, чтобы поставить себя иначе. Не знаю почему — вслѣдствіе ли малыхъ способностей или вслѣдствіе небрежнаго воспитанія — я дѣйствительно былъ какимъ-то безпомощнымъ существомъ. Я сознавалъ это и, конечно, мучился еще больше. Но этихъ несчастій было мало. Въ одинъ прекрасный день меня поразилъ новый нравственный ударъ. Я случайно узналъ жизнь моей матери, узналъ только намекомъ. Но меня это поразило, потому что мать была послѣдней святыней, которой я еще молился, въ которую я еще вѣрилъ. Я какъ-то болѣзненно постарался разузнать все, и все узналъ, все оза-

Digitized by Google

рилъ свѣтомъ. Мнѣ было страшно тяжело, но въ то время я точно хотѣлъ выпить чашу до дна, точно хотѣлъ нанести себѣ послѣдній ударъ. Во мнѣ произошло что-то странное. «Такъ вотъ они — эти святыя женщины, эти безупречные люди!» — думалось мнѣ, и я горько смѣялся надъ своими дѣтскими слезами о несчастіяхъ матери. Въ это время меня уже окружала наша кутящая молодежь, и я закутилъ съ нею—безобразно, пошло, постыдно...

Князь Русовъ всталъ и началъ по привычкѣ, разговаривая, ходить по комнатѣ. Орловъ, взволнованный началомъ разсказа, тоже послѣдовалъ его примѣру. Онъ не прерывалъ его ни словомъ, весь поглощенный этою исповѣдью.

— Ты помнишь, какъ я сталъ относиться въ это время къ тебѣ?—продолжалъ князь.—Небрежно, насмѣшливо, свысока. Я презиралъ тебя болѣе, чѣмъ кого-нибудь... Смотря на тебя, я часто думалъ: «И этотъ-то человѣкъ относится ко мнѣ покровительственно, и этого-то человѣка любитъ и ставитъ мнѣ въ примѣръ отецъ, а мнѣ стоитъ сказать слово—и онъ будетъ раздавленъ, уничтоженъ».

Орловъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы порываясь что-то сказать. Князь движеніемъ руки остановилъ его и такъ же ровно продолжалъ свой разсказъ.

— Это время давно прошло, эти чувства давно прошли, но тогда мнѣ казалось, что я головой выше тебя, что если я и кучу, то я не обманываю никого, не втираюсь въ спальни къ чужимъ женамъ. Не знаю, чѣмъ бы я кончилъ, если-бъ я былъ болѣе здоровымъ и сильнымъ человѣкомъ, а не слабой натуришкой. Кутежи съ первыхъ же дней отозвались на моемъ здоровьѣ, и я испугался, сталъ воздерживаться отъ нихъ. Тутъ не было никакихъ высокихъ причинъ, никакихъ возвышенныхъ побужденій, а просто трусость богатаго юноши, не хотѣвшаго умирать. Прибавь къ этому, что въ это время я увлекся Настей, и она, сама того не зная, спасла меня. Да, когда я начинаю разбирать наши тогдашнія отношенія, — я, право, не могу дать себѣ отчета, кто изъ насъ кого больше спасъ: я ее или она меня. Переставъ кутить, я не могъ сразу перестать давать средства для кутежей своимъ товарищамъ и волей-неволей, почти трезвый, присутствовалъ на ихъ попойкахъ и оргіяхъ, за которыя платилъ я. Спартанцы были совершенно правы, показывая своимъ трезвымъ сыновьямъ пьяныхъ илотовъ. Дѣйствительно, нѣтъ ничего омерзительнѣе, какъ трезвому смотрѣть на пьяныхъ. Это я узналъ по опыту. Кромѣ того

Digitized by Google

мнѣ не хотѣлось возить Настю на эти попойки, въ общество гулякъ и кокотокъ. Тутъ опять-таки руководили мною не нравственныя побужденія, а что-то въ родѣ желанія сохранить ее для себя одного. Она, испуганная перспективой нищеты, перенесшая много позорныхъ сценъ, много униженій отъ негодяя, погубившаго ее, отдалась мнѣ съ такою кроткою любовью, съ такою благодарностью, съ такою почти рабскою покорностью, что я впервые почувствовалъ, что я кому-нибудь нуженъ. Ты едва ли поймешь весь смыслъ, все значеніе этого сознанія. Но для меня это сознаніе было очень важно. До этой поры я даже представить себѣ не могъ, что я могу быть кому-нибудь настолько нуженъ, что этотъ человѣкъ станетъ угадывать мои желанія, станетъ читать въ моихъ глазахъ мысли, станетъ переносить отъ меня всѣ мои капризы, мои недостатки,—однимъ словомъ, будетъ расцвѣтать отъ моей улыбки, плакать отъ моего малѣйшаго неудовольствія. И я нашелъ такого человѣка въ ней, потому что я спасъ ее отъ голода, отъ позора, отъ нравственныхъ оскорбленій, спасъ ради животнаго чувства, ради развратныхъ побужденій, но все же спасъ... И вотъ, переставъ кутить и тяготясь присутствіемъ на чужихъ кутежахъ, я уходилъ все чаще и чаще къ ней, въ нашъ тихій уголокъ, въ то гнѣздышко гдѣ никто не оскорблялъ, не унижалъ меня.

Князь на минуту смолкъ. Въ головѣ Дмитрія Андреевича вдругъ промелькнуло воспоминаніе о словахъ отца: «Митя, вѣдь песъ, песъ цѣпной—и тотъ спину подставляетъ, чтобъ ее погладили, а я—человѣкъ». У него точно защимило что-то на сердце.

— Я не психологъ,—продолжалъ, между тѣмъ, князь свою исповѣдь:—и не сумѣю тебѣ передать вполнѣ ясно того, что и почему произошло въ моей душѣ, но могу только сказать одно, что здѣсь, въ этой квартирѣ, во мнѣ произошелъ серьезный переворотъ. Можетъ-быть, потому-то мы съ Настей такъ и дорожимъ ею. Она намъ теперь немного тѣсна, но здѣсь я сталъ человѣкомъ, и мнѣ было бы тяжело оставить этотъ уголокъ. Какъ-то разъ вечеромъ я пріѣхалъ сюда и неслышно прошелъ черезъ столовую въ комнату, гдѣ спалъ обыкновенно сынъ Насти. Дверь была не закрыта, и я невольно остановился на порогѣ, увидавъ Настю присѣвшею на полъ около крошечнаго ребенка, стоявшаго на колѣняхъ передъ образомъ, висѣвшимъ въ углу и озареннымъ свѣтомъ лампады. «Скажи теперь,—тихо говорила она:—по-

Digitized by Google

милуй, Господи, папу Сашу и дай ему здоровья». Ребенокъ дѣтскимъ языкомъ лепеталъ подсказываемыя ему слова и серьезно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ... «Гдѣ и кто еще молится за меня?—мелькнуло въ моей головѣ.—За кого молюсь я самъ? И стою ли я этихъ молитвъ? Дѣйствительно ли чисты мои помыслы и хороши мои дѣла? Что я такое? Добродушный, слабый, но пустой и праздный человѣкъ. Отчего?» Я тихо отошелъ отъ дверей, прошелъ вотъ сюда, заперся здѣсь и—я помню до сихъ поръ эту ночь, безсонную, долгую, полную слезъ и сомнѣній, но все же лучшую ночь въ моей жизни. Въ эту ночь я какъ будто вдругъ все понялъ, со всѣмъ примирился, все разрѣшилъ... Къ неожиданнымъ выводамъ приходитъ иногда человѣкъ, вдумавшись поглубже въ жизнь. Когда впервые я узналъ о прошломъ моей матери, я проникся уваженіемъ къ моему отцу: я понялъ, что онъ принесъ большую жертву, не опозоривъ нашу мать, не отказавшись отъ меня, отъ покойныхъ моихъ братьевъ и сестеръ, отъ сестры Ольги,—однимъ словомъ, отъ всѣхъ дѣтей, вышедшихъ, какъ выражалась Ольга Ѳіоновна, не въ русовскій родъ. Ты вѣдь знаешь, что въ русовскій родъ вышла одна Соня. Я чувствовалъ и благодарность, и уваженіе къ отцу за эту жертву, удивлялся даже ему, что онъ нашелъ силы принести ее. Но въ эту ночь, перебирая все, сдѣлавшее меня такимъ ничтожнымъ, слабымъ, пустымъ, я обвинилъ именно этого человѣка. Онъ не опозорилъ ни нашу мать, ни насъ; онъ не выбросилъ насъ изъ дома; онъ дозволилъ намъ быть князьями; онъ далъ намъ средства жить въ богатствѣ и почетѣ. Почему?.. Я не стану разбирать, было ли это сдѣлано просто изъ нелюбви къ скандаламъ, изъ барской брезгливости или вслѣдствіе какихъ-нибудь другихъ побужденій. Но, позволивъ намъ носить свое имя, признавъ насъ своими дѣтьми, онъ не далъ намъ своего сердца, своей любви. Онъ презиралъ насъ, по крайней мѣрѣ меня, за то, что я былъ не въ Русовыхъ, за то, что я былъ слабъ, за то, однимъ словомъ, что я не его сынъ. Онъ не обращалъ на меня вниманія, онъ не заботился о моемъ воспитаніи, онъ не скрывалъ отъ меня, что онъ не любитъ меня, что я чуждъ ему. Не думай, что я хочу этими словами набросить на него тѣнь. Нѣтъ, каждый дѣлаетъ, что можетъ, даетъ, что имѣетъ. Но, додумавшись тогда до этого, я, во-первыхъ, далъ себѣ слово не брать болѣе у отца денегъ и жить на свои средства, доставшіяся мнѣ отъ тетки моей матери. Эти средства были

Digitized by Google

относительно не велики, но я рѣшился жить на нихъ, и только на нихъ. Думая о своемъ воспитаніи, думая о будущемъ, я пришелъ къ заключенію, что я ничего не знаю, ни на что не гожусь, что мнѣ нужно начать съ азбуки, если я желаю сдѣлаться человѣкомъ... Но хватитъ ли у меня силъ и способностей?—спрашивалъ я себя. Я—такое ничтожество! Недаромъ же меня всѣ считаютъ безсильнымъ, неразвитымъ, недалекимъ. Но если это точно такъ, то неужели же я не могу быть порядочнымъ человѣкомъ, руководствуясь, по крайней мѣрѣ, добрыми чувствами, честными стремленіями? До сихъ поръ, топча меня въ грязь, люди все-таки признавали, что я добръ и честенъ. Правда, отецъ говорилъ, что я добръ потому, что мнѣ лѣнь быть злымъ. Другіе говорили, что я честенъ потому, что мнѣ не нужно подличать. Ну, что-жъ, все-таки они не отрицали во мнѣ ни доброты, ни честности. Можетъ-быть, Господь поможетъ мнѣ сдѣлать хоть что-нибудь, руководствуясь этими чувствами и инстинктами. И я горячо молился, чтобы стать инымъ человѣкомъ. Никогда я не чувствовалъ въ своей душѣ такого смиренія, какъ въ ту ночь; это не было ни отчаяніе, ни уныніе, ни безнадежность,—нѣтъ; это было смиреніе передъ судьбой; я думалъ, что я примирюсь со всякой долей, лишь бы остаться добрымъ и честнымъ человѣкомъ; я не замышлялъ ни о чемъ крупномъ и широкомъ, я хотѣлъ подготовить себя на самую скромную роль, только бы исполнить ее безупречно, безъ угрызеній совѣсти, безъ краски стыда за свои поступки, и это смиреніе спасло меня.

Князь заговорилъ какъ бы въ раздумьи.

— Можетъ-быть, я ошибаюсь, какъ ошибаются и всѣ люди. Но дѣло не въ томъ. Для человѣка важно увѣровать хоть во что-нибудь, остановиться твердо хоть на чемъ-нибудь. Безъ этого невозможно спокойствіе души. Это спокойствіе я почувствовалъ въ себѣ въ ту ночь, когда я рѣшился не гнаться ни за какимъ блескомъ, ни за какими успѣхами, а просто подготовить себя къ какому-нибудь скромному труду и дѣлать избранное дѣло такъ, какъ я только могу дѣлать, слѣдя въ то же время за каждымъ своимъ шагомъ, ни на минуту не обольщаясь мыслью, что я безупреченъ, что я не могу дѣлать промаховъ. Мнѣ казалось, что только тотъ, кто признаетъ внутри себя свою личность слабой и заблуждающейся, нуждающейся въ вѣчной повѣркѣ своихъ дѣйствій и въ наблюденіи за собой, только тотъ можетъ стать сколько-нибудь хорошимъ человѣкомъ. Мнѣ ка-

Digitized by Google

залось, что и всякія исканія однихъ великихъ подвиговъ и крупной дѣятельности чаще всего ведутъ только къ фразерству, къ бездѣлью, къ недовольству собою и людьми. Къ этому убѣжденію привели меня два обстоятельства. Съ одной стороны, сознаніе, что я дѣйствительно слабый, не особенно способный, плохо подготовленный человѣкъ, которому подъ силу только небольшое дѣло. Съ другой стороны, я убѣдился, что не все то золото, что блеститъ: мнѣ вспомнился мой отецъ, совершившій чуть не подвигъ, пощадивъ свою жену, пощадивъ насъ, а между тѣмъ эта возвышенная жертва не повела ни къ чему, такъ какъ у него не хватило силы довести дѣло до конца и спасти насъ своею любовью. Мнѣ вспомнился ты, блестящій, чуть не признанный геніемъ, человѣкъ, смотрѣвшій свысока, покровительственно на такихъ людей, какъ я, а между тѣмъ именно ты, потерявъ голову среди успѣховъ, не стоя насторожѣ у своей личности, сдѣлалъ проступокъ скверный, низкій,—обманулъ того, кто любилъ тебя больше, чѣмъ сына... Мнѣ вспоминалось множество людей, которые ничего не дѣлали только потому, что у нихъ не было крупнаго дѣла, не представлялось случаевъ совершать подвиги. Подвиги, великія дѣла!.. Развѣ люди въ большинствѣ случаевъ призваны именно для нихъ, а не для будничнаго, мелкаго, чернаго дѣла? Стремиться только къ нимъ—это значитъ обречь себя на бездѣлье, на праздность, когда кругомъ столько мелкаго дѣла, безъ котораго нельзя жить, нельзя добиться чего-нибудь. Прежде, чѣмъ какая-нибудь геніальная мысль распространится по свѣту, нужно, чтобы нашлись простые работники для приготовленія бумаги, шрифта, набора книги. Прежде, чѣмъ вырастетъ самъ этотъ геній, нужна нянька для него, сапожники и портные для него, земледѣльцы и учителя для него. Я говорю тебѣ эти прописныя истины потому, что жажда подвиговъ и великихъ дѣлъ и отвращеніе отъ чернаго труда—эта болѣзнь вѣка и особенно въ Россіи: все интеллигентное съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе заражается этою болѣзнью. Не быть всю жизнь упорнымъ и честнымъ работникомъ, но сдѣлаться въ одну минуту героемъ, не быть серьезнымъ ученымъ, но дѣлать открытія, назвавъ своимъ именемъ какую-нибудь бабочку, комету, новое лѣкарство, не сочинять, не писать бумагъ, но предписывать и подписывать—вотъ стремленіе большинства такъ-называемыхъ развитыхъ людей и въ этомъ, быть-можетъ, главное несчастіе общества, главная причина бездѣятельности, главная причина скуки жизни.

Digitized by Google

Мнѣ трудно передать тебѣ все, что я передумалъ тогда, потому что передумалось много. Мнѣ тогда казалось, что передо мной вдругъ открылся новый міръ, что со мной совершилось какое-то чудо. Ты, конечно, поймешь, что этотъ новый міръ въ сущности открылся не вдругъ и никакого чуда тутъ не было, а просто въ эту ночь я подвелъ итоги всему тому, что бродило уже въ моей головѣ отрывочно, смутно и какъ бы безслѣдно раньше. Но ты поймешь также и то, что на другой день я проснулся человѣкомъ съ болѣе или менѣе опредѣлившимися взглядами, но не другимъ человѣкомъ: додуматься легко до многаго, но измѣнить себя на новый ладъ далеко не легко. Эта ломка продолжалась долго, и тутъ мнѣ помогла любовь Насти, терпѣливо и кротко сносившей неровности моего характера, помогли учиться студенты и профессора,—тѣ новые люди, съ которыми я сошелся, рѣшившись учиться и учиться.

Князь улыбнулся.

— Ломка была тоже не легкая. Нужно было, съ одной стороны, оградить себя и Настю отъ прежнихъ моихъ друзей, нужно было заставить новыхъ друзей увидать во мнѣ мало развитого, мало знающаго, но все же искренно стремящагося къ лучшему, человѣка; наконецъ, нужно было оставаться волей-неволей на службѣ и откладывать осуществленіе завѣтной мечты поселиться въ деревнѣ, сдѣлаться земскимъ дѣятелемъ... Да, я тебѣ еще не сказалъ, какой родъ дѣятельности я выбралъ... До разныхъ теоретическихъ выводовъ додуматься я могъ, но опредѣлить, что я могу дѣлать—это было далеко не такъ легко при моемъ тогдашнемъ развитіи и незнаніи нашей жизни. Только при помощи толковъ и споровъ съ болѣе развитыми, болѣе передовыми людьми я понялъ, что мнѣ, землевладѣльцу, другого выхода нѣтъ, какъ идти туда, къ народу, и работать тамъ вмѣстѣ съ нимъ. Къ этому дѣлу я сталъ приготовлять себя и особенно благодаренъ я одному изъ профессоровъ, упорно, основательно и горячо развившему мнѣ всѣ стороны этого вопроса. Къ несчастію, я покуда принимаю только пассивное участіе въ дѣлахъ своего имѣнія, являясь туда наѣздомъ. Везти туда навсегда Настю не женою я не хочу, выйти же въ отставку и жениться на Настѣ я не могу, покуда живъ отецъ: его дни сочтены, и я не хочу отравлять ему послѣднія минуты, не хочу объясняться съ нимъ. Ты, конечно, не знаешь, что было между нами въ эти годы, такъ какъ семейныхъ сценъ ни онъ, ни Соня не могли передать тебѣ. Дѣло въ томъ,

Digitized by Google

что, рѣшившись жить иначе, чѣмъ жилъ, я пересталъ брать у отца деньги. Старикъ это замѣтилъ и точно оскорбился или встревожился. Разъ онъ меня спросилъ, по обыкновенію, сухо и холодно, изъ какихъ средствъ я живу. Я сказалъ, что изъ своихъ. Онъ замѣтилъ мнѣ: «Но этого мало?»— «Не много; но если больше нѣтъ, то надо жить и на это»,— отвѣтилъ я. — «Это что-то новое, — насмѣшливо замѣтилъ онъ. — Прежде ты, кажется, не находилъ этого возможнымъ!»—«То было прежде, а теперь на многое приходится смотрѣть иначе»,—отвѣтилъ я. Но отвѣтъ не успокоилъ отца, и тутъ произошло памятное мнѣ прискорбное объясненіе. Онъ сдвинулъ брови и непріятнымъ, кольнувшимъ меня въ сердце тономъ замѣтилъ мнѣ: «Правда, теперь ты совершеннолѣтній, и тебѣ каждый ростовщикъ повѣритъ въ долгъ. Ты вѣдь и прежде имѣлъ милую привычку выдавать векселя, а теперь можешь и подавно дѣлать это». Я вспыхнулъ и сухо отвѣтилъ ему: «Я дѣлалъ долги, покуда мнѣ казалось, что за меня должны платить; но теперь я ихъ не дѣлаю, потому что знаю, что никто не обязанъ платить чужихъ долговъ. а у меня у самого для уплаты ихъ и нѣтъ, и, можетъ-быть, не будетъ средствъ». Я не знаю самъ, но, вѣроятно, тонъ моихъ словъ былъ жестокъ, рѣзокъ,—вѣроятно, я слишкомъ грубо подчеркнулъ слово «чужихъ». Отецъ поблѣднѣлъ и какъ-то глухо проговорилъ мнѣ: «А, такъ ты вотъ какъ смотришь на наши отношенія! Долги сына—чужіе долги; для уплаты ихъ въ будущемъ, можетъ-быть, не найдется средствъ, то-есть, значитъ, умирая, отецъ можетъ лишить тебя наслѣдства». Я почувствовалъ, что онъ все попрежнему презираетъ меня, смотритъ на меня сверху внизъ, и не сдержался: «Мнѣ такъ рѣдко давали чувствовать, что я—сынъ, что я не разсчитываю, не хочу разсчитывать ни на что,—отвѣтилъ я.—И если чего-нибудь желаю, такъ только одного, чтобы вы сознали когда-нибудь, что вашу доброту и нѣжность могъ чувствовать больше послѣдній слуга, чѣмъ я. Вы не любили меня, прежде чѣмъ не заслужилъ нелюбовь». Отецъ поднялся съ мѣста, грозный, готовый, кажется, раздавить меня ногой. Я никогда не видалъ его такимъ, не думалъ, что и въ немъ сидитъ звѣрь. «Молчи!»—глухо проговорилъ онъ и указалъ мнѣ на дверь.— «Вы не хотите даже объясняться, потому что это объясненіе *вамъ* не нужно, а до *меня*... вамъ никогда не было дѣла до *меня*»,—отвѣтилъ я и вышелъ изъ кабинета, черезъ порогъ котораго я уже не переступалъ больше... Потомъ я понялъ,

Digitized by Google

что я былъ виноватъ передъ нимъ, что я не имѣлъ права упрекать его за то, что онъ мнѣ не далъ того, чего не могъ дать,—любви. Мнѣ еще тяжелѣе стало это сознаніе, когда я узналъ потомъ, что этотъ разговоръ онъ началъ со со мною въ минуту добраго ко мнѣ расположенія: онъ узналъ, что я не кучу, что я учусь, что я живу какъ-то странно затворникомъ, что я не беру даже положеннаго мнѣ содержанія изъ домовой конторы, и ему захотѣлось убѣдиться, точно ли я исправляюсь, не начинаетъ ли изъ меня выходить порядочный человѣкъ. Но разговоръ съ первыхъ же словъ получилъ такой оборотъ, что мы разошлись. Потомъ еще разъ на минуту мы остались съ глазу на глазъ. Отецъ былъ боленъ за границей, и меня вызвали туда. Первыми нашими словами при встрѣчѣ были слова: «Я много виноватъ передъ тобой!» Эти слова сорвались съ языка и у него, и у меня, но на этомъ и кончилось все: онъ, кажется, ждалъ, что я попрошу его о деньгахъ, о помощи, опять обращусь къ нему, какъ къ отцу, а я боялся подать малѣйшій поводъ къ подозрѣнію, что я жду отъ него чего-нибудь, что мнѣ нужны его деньги, что я пріѣхалъ примириться, чтобы за примиреніе получить права на наслѣдство. Можетъ-быть, мною руководило ложное чувство, но иначе я не могъ поступить, хотя я чувствовалъ, видѣлъ, что ему принесла бы безмѣрную радость первая моя просьба о деньгахъ. Но сдѣлать это было выше моихъ силъ. Когда я уѣзжалъ, онъ уже немного оправился и на прощаніи сказалъ мнѣ врѣзавшуюся мнѣ въ память фразу: «Спасибо, что пріѣхалъ. Я знаю, что есть вещи, которыя не забываются, и потому благодарю тебя, что ты, все-таки, пріѣхалъ». Мы разстались не какъ отецъ и сынъ, а какъ примирившіеся друзья. И все-таки я почти не переписываюсь съ нимъ, не хочу сообщать ему о своихъ планахъ, не хочу выйти въ отставку до его смерти, не хочу жениться до его смерти. Объясняться съ нимъ я не могу: я не знаю, пойметъ ли онъ меня,—не знаю, не вспыхнетъ ли при объясненіи все то, что теперь покрыто пепломъ, но, можетъ-быть, далеко не угасло.

Передъ Дмитріемъ Андреевичемъ открылъ свою душу совсѣмъ новый человѣкъ, не похожій на прежняго Александра Русова. Въ этой исповѣди было много такого, что кольнуло въ сердце Дмитрія Андреевича. Онъ нѣсколько разъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, то порывался что-то возразить, но князь легкимъ жестомъ руки, мимолетнымъ взглядомъ останавливалъ эти порывы. Были двѣ-три фразы, которыхъ Орловъ

Digitized by Google

не пропустилъ бы безнаказанно никому. Но князь говорилъ такъ, какъ будто рѣчь шла не объ Орловѣ, но о какомъ-то третьемъ безразличномъ для нихъ обоихъ человѣкѣ, какъ будто онъ желалъ только констатировать факты, а не бросать человѣку въ лицо упрекъ или обиду. Въ его рѣчахъ замѣчалась удивительная способность смотрѣть на вещи объективно, въ нихъ чувствовалось умѣнье быть сдержаннымъ. Такъ могъ говорить только человѣкъ, выросшій при такихъ условіяхъ и въ такой средѣ, гдѣ приходилось прежде всего запастись умѣньемъ владѣть собой, не выдавать ничѣмъ своихъ завѣтныхъ чувствъ и мыслей. Особенно поразили Орлова слова князя о томъ, что мы, развитые люди, ужасно много судимъ и рядимъ обо всемъ и ужасно рѣдко заглядываемъ въ собственную свою душу, провѣряемъ себя, творимъ надъ собою судъ...

— А безъ этого мы никогда не выработаемъ ни нравственности, ни характера, ни устойчивости въ себѣ, а между тѣмъ только тогда мы и станемъ силой, когда воспитаемъ самихъ себя,—замѣтилъ Русовъ.—Къ несчастью, въ насъ менѣе всего развиваютъ именно эту способность къ внутреннему анализу своихъ чувствъ, дѣйствій, словъ. Намъ нужно много ударовъ судьбы, много толчковъ, чтобы мы, наконецъ, опомнились и смиренно взглянули въ себя, тогда какъ быть безпощаднымъ судьею другихъ изъ насъ умѣетъ каждый чуть не съ пеленокъ.

Орлову невольно вспомнилось, что и онъ, Орловъ, сталъ заглядывать въ себя только послѣ сотенъ и сотенъ толчковъ, данныхъ ему судьбой, и судилъ на каждомъ шагу другихъ. Въ его памяти вдругъ воскресли даже такія мелочи, какъ его недавнее раздраженіе на сестру за то, что она взяла вещи Лампадова, хотя онъ, Орловъ, не могъ поручиться за себя, что онъ не сдѣлалъ бы того же, если бы былъ тогда на ея мѣстѣ.

— Можетъ-быть, именно это значеніе имѣетъ рѣзкая фраза о томъ, что иногда нужна человѣку публично данная пощечина,—продолжалъ князь.—Дѣйствительно, у насъ только тѣ еще и вдумываются въ свои дѣла, кому судьба даетъ эти пощечины; а покуда мы счастливы, покуда насъ балуютъ успѣхи, покуда насъ носятъ на рукахъ, мы чуть не святые въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Орловъ удивлялся, какъ ясно, какъ полно, какъ цѣльно сложились всѣ взгляды князя. Съ нимъ можно было не соглашаться, можно было спорить, но въ то же время можно

Digitized by Google

было впередъ понять, что подорвать въ немъ вѣру въ правильность этихъ взглядовъ, пошатнуть его убѣжденія было уже невозможно. Онъ нашелъ въ этихъ взглядахъ разрѣшеніе всѣхъ мучившихъ его вопросовъ; онъ при помощи этихъ взглядовъ нашелъ путь къ обновленію; онъ, руководясь этими взглядами, могъ работать, сознавая пользу этой работы, не тяготясь ею, не порываясь отъ чернаго труда куда-то къ мечтательнымъ великимъ подвигамъ; при этихъ взглядахъ онъ сознавалъ, что будничный трудъ и черная работа вовсе не исключаютъ способности къ великимъ подвигамъ, что сегодняшній чернорабочій можетъ быть завтра героемъ, что онъ только стоитъ за одно—за то, чтобы люди не сидѣли, сложа руки, въ ожиданіи, когда явится возможность для широкой дѣятельности и для геройскихъ подвиговъ. «То-есть отъ бездѣлья и то рукодѣлье!»—вспомнились Орлову его собственныя слова, сказанныя имъ княжнѣ, по поводу ея мечтаній о школѣ, и тутъ же ему вспомнилось, какъ образно выразился на этотъ счетъ князь Александръ.

— Битвы не каждый день даются, — замѣтилъ онъ: — и въ ожиданіи битвы все же нужно и кормить солдатъ, и чистить ружья, и готовить заряды, и заботиться обо всемъ томъ, безъ чего нельзя выиграть никакого самаго ничтожнаго сраженія. Вотъ этой-то работы и боятся, и бѣгутъ у насъ всѣ, кто не народъ, точно только народъ обязанъ нести бремя чернаго труда, а всѣ остальные люди должны только пожинать блестящіе лавры славы...

Если общіе взгляды и отвлеченныя мысли князя поражали Орлова своею стройностью, то еще болѣе поразили его частности и примѣры, приведенные княземъ въ подтвержденіе высказанныхъ имъ взглядовъ, — поразили уже потому, что вызывали боль въ сердцѣ Орлова. Такъ, князь, говоря о томъ, какія послѣдствія иногда вызываютъ наше неумѣніе или нежеланіе слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, наше вѣчное витаніе среди однихъ какихъ-то широкихъ замысловъ и плановъ, замѣтилъ между прочимъ:

— Ты вотъ былъ далеко не глупымъ, не близорукимъ и не злымъ человѣкомъ, а между тѣмъ задумался ли ты, положимъ, надъ вопросомъ, что выйдетъ изъ того, что сестру Настю выдадутъ за какого-то наемнаго негодяя-жениха и припишутъ ребенка Насти къ этой семьѣ? Если бы ты хоть на минуту остановился надъ этимъ вопросомъ, — ты спасъ бы отъ многихъ огорченій Настю и избавилъ бы ея маль-

Digitized by Google

чика отъ очень печальной участи быть сыномъ негодяя-отца, имѣющаго всѣ законныя права на этого сына.

— Я тогда совершенно потерялъ голову, — проговорилъ Орловъ.

— Полно, мой другъ! Ты самъ не вѣришь, конечно, въ свое оправданіе, — сказалъ князь. — Ты просто умылъ въ этомъ дѣлѣ руки—вотъ и все. А между тѣмъ, тебѣ стоило только вдуматься въ дѣло, обсудить его, и ты объяснилъ бы Настѣ, что ей вовсе не нужно выдавать замужъ сестру, что для ребенка будетъ меньшимъ несчастіемъ быть незаконнорожденнымъ, чѣмъ сыномъ какого-то мерзавца, что если она и будетъ брошена, то ты найдешь лишній грошъ для воспитанія ея ребенка.

Орловъ молчалъ, вспомнивъ, что, узнавъ о паденіи Насти, онъ прежде всего думалъ, какъ наказать Михайловскаго-Несмѣльскаго, и только. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обличеній, всѣхъ этихъ воспоминаній, Орловъ точно упалъ духомъ, точно растерялся, и у него какъ-то невольно сорвался съ языка вопросъ:

— Скажи, пожалуйста, какъ ты послѣ всего этого на меня смотришь?

— Я тебя попрежнему люблю,—отвѣтилъ князь.

Орловъ вопросительно взглянулъ на него.

— Любишь?

— Съ воспоминаніемъ о тебѣ у меня всегда связываются воспоминанія о самыхъ свѣтлыхъ минутахъ дѣтства. Ты первый далъ мнѣ возможность узнать чувство раздѣленной, взаимной любви.

— И послѣ нанесъ сотни мелкихъ уколовъ...

— Да кто же изъ насъ не вливалъ своей капли яда въ жизнь ближнихъ? Мудрецы и святые рѣдки...

Князь грустно улыбнулся.

— Я не говорю о своемъ прошломъ, о прошломъ безпутнаго кутилы-князька, когда дѣлались такія вещи, отъ воспоминанія о которыхъ не только краснѣешь теперь, но иногда чувствуешь боль въ сердце. Нѣтъ, что прошлое! Для него есть оправданіе въ незнаніи, въ неразвитости, въ испорченности. А теперь? Вотъ я, напримѣръ, знаю, что я отравляю жизнь человѣку, близкому мнѣ человѣку, которому я все-таки обязанъ всѣмъ, а между тѣмъ, поступить иначе— это свыше моихъ силъ покуда.

— Ты говоришь объ отцѣ?—спросилъ Орловъ.

— Да,—отвѣтилъ князь.—Я знаю, что его мучитъ раз-

Digitized by Google

ладъ со мною. Это сквозитъ въ каждомъ письмѣ сестры. Она пишетъ: «Отецъ все вспоминаетъ о тебѣ. Зачѣмъ ты ему пишешь такія сухія, такія офиціальныя письма? Зачѣмъ ты не говоришь съ нимъ откровенно о томъ, что ты дѣлаешь, какъ ты живешь? Вѣдь ты же не чужой ему!» И все-таки я не могу переломить себя и изгладить изъ его души раскаяніе, упреки за прошлое. Это не злопамятство, это не мелочное упрямство, а что-то такое, чего я не могу объяснить себѣ, и что выше меня.

Далеко за полночь продолжалась бесѣда Орлова съ княземъ, и они разстались друзьями. Князь на прощаньи обнялъ его и ласково проговорилъ:

— Вычеркнемъ изъ своей дружбы все, кромѣ воспоминаній дѣтства.

VI.

Орловъ ушелъ отъ князя въ странномъ настроеніи. Въ его умѣ вертѣлись только слова князя, что надо смириться и заглянуть въ себя съ безпристрастіемъ и строгостью судьи. Дмитрію Андреевичу вспоминалось теперь, что и у него бывали въ послѣднее время минуты, когда, негодуя на всѣхъ и все, онъ вдругъ на мгновенье останавливался на мысли: «а каковъ я самъ». Эта нотка повторялась въ его душѣ все чаще и чаще. Онъ начиналъ ее подмѣчать и въ другихъ. Что это такое? Слѣдствіе чисто русской склонности къ самобиченію, къ самообличенію? Или это только знаменіе времени, того тяжелаго времени, когда всѣ сколько-нибудь развитые люди сознали, что кругомъ все скверно, что скверны и дѣла, и дѣятели, что нѣтъ такого уголка, гдѣ бы люди стояли на высотѣ своего положенія,—и разбивъ всѣхъ своихъ кумировъ, втоптавъ въ грязь все и всѣхъ, не находя во внѣшнемъ мірѣ ни одной свѣтлой и твердой точки опоры, попробовали уйти въ свой внутренній міръ и взглянуть на собственное я?.. «Какъ сестра Аня»,—вдругъ закончилъ Дмитрій Андреевичъ, и эта мысль бросила какой-то новый для него свѣтъ на этотъ вопросъ. Да, и Анна Андреевна всю жизнь хлопотала о другихъ, судила другихъ, старалась обратить на путь истины другихъ, но подъ ударами обстоятельствъ, когда всѣ ея надежды были разбиты, она вдругъ заглянула въ себя, и надъ ней громомъ грянулъ голосъ совѣсти:—«Прежде покайся сама!» «Въ грѣхахъ потонула и другихъ чуть не погубила своими грѣхами»,—смиренно созналась она и пошла на подвигъ покаянія. Это было бо-

Digitized by Google

лѣзненное явленіе, но развѣ наше время—не время больныхъ людей? Развѣ въ наше время не начинаетъ совершаться болѣзненный переломъ—переходъ отъ жизни внѣшними интересами къ жизни интересами внутренними? Эпоха преобразованій и движенія впередъ застала насъ ветхими людьми, не имѣвшими ни силъ, ни средствъ, ни времени подготовиться къ исполненію великой миссіи. Герои для подвиговъ нашлись, а честныхъ чернорабочихъ для упорнаго будничнаго труда не было. Первыхъ создаетъ минута, а вторые вырабатываются десятками лѣтъ. Но дѣло не ждало; руки были нужны; разбирать, какія руки предлагали услуги, было некогда. И вотъ закипѣла работа на новыхъ путяхъ по старымъ традиціямъ и сразу отовсюду послышались крики негодованія на хищничество, на грабежъ, на мошенничество, на неспособность, на недобросовѣстность, на искаженіе великихъ предначертаній. Негодовали даже и тѣ, кто самъ ничего не дѣлалъ, кто самъ портилъ всякое дѣло, кто самъ злоупотреблялъ въ ту или въ другую сторону. Эта эпоха повальныхъ недоразумѣній и повальнаго недовольства должна была кончиться, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ лицъ, такъ или иначе измученныхъ жизнью, невольнымъ желаніемъ уйти въ самихъ себя, заглянуть въ свою собственную душу, переставъ рыться въ чужихъ душахъ, въ чужихъ дѣлахъ. Всѣ эти мысли прошли въ головѣ Дмитрія Андреевича послѣ его перваго разговора съ княземъ, и его охватило мрачное настроеніе. Онъ взвѣшивалъ мысленно, сколько онъ сдѣлалъ въ жизни ошибокъ и сколько принесъ дѣйствительной пользы. Какъ много было первыхъ, и какъ ничтожны были плоды послѣдней. Но что же онъ могъ сдѣлать въ его положеніи? У него были, такъ сказать, связаны руки, связанъ языкъ. Хорошо князю мечтать о плодотворной земской дѣятельности, когда у него есть средства подготовиться къ этой дѣятельности, выйти на это поле битвы во всеоружіи, сдѣлаться сразу видною личностью въ этой сферѣ, имѣя за собою наслѣдственныя земли, родовитое имя, значеніе въ томъ уголкѣ, къ которому онъ прикрѣпленъ своею землей. Да, этимъ людямъ можно позавидовать, потому что у нихъ и, можетъ-быть, только у нихъ, да у народа, уже есть подъ ногами твердая почва: ея границы покуда не широки, стѣсненій у нихъ много, но все же у нихъ есть на что опереться твердою ногой. А у него, у Орлова, имѣющаго одно оружіе для борьбы—слово, гдѣ твердый оплотъ? О чемъ можетъ говорить, въ какихъ предѣлахъ онъ можетъ

Digitized by Google

говорить, чего онъ имѣетъ право желать? Всѣ эти думы были не веселы; онѣ какъ будто принизили, придавили его, а его настроеніе вслѣдствіе его семейныхъ дѣлъ было и такъ не особенно отрадно. Не мудрено, что онъ шелъ отдохнуть и забыться и къ отцу, и къ князю.

Онъ тѣсно сблизился съ Русовымъ, съ Настей. У нихъ дышалось легко и свободно, какъ у людей, вполнѣ спѣвшихся между собою, не имѣющихъ нужды раздражаться мелкими заботами о грошѣ, не волнующихся какими-нибудь честолюбивыми стремленіями и завистливыми чувствами передъ успѣхами ближнихъ. Судьба въ сущности дала имъ больше, чѣмъ имъ было нужно для счастья. Въ князѣ все поражало послѣдовательностью, цѣльностью, ясностью. Такой душевный строй Дмитрій Андреевичъ встрѣчалъ не у многихъ, между прочимъ у княжны, когда та ѣхала въ деревню съ рѣшимостью отдать себя всю крестьянской школѣ, у сестры Ани, когда та рѣшилась идти въ монастырь. Въ скромной квартиркѣ князя Орловъ отдыхалъ отъ мелкихъ дрязгъ, отъ мелкихъ неудачъ. Присматриваясь ближе къ князю, онъ увидалъ, что этотъ человѣкъ, мало говорившій вообще о себѣ, дѣлалъ свое дѣло упорно и настойчиво. Въ его имѣніи была заведена одна изъ лучшихъ школъ, тамъ было ссудо-сберегательное товарищество, тамъ были вечерніе классы для дѣвушекъ, обучавшихся рукодѣльямъ, необходимымъ для нихъ, вязанью фуфаекъ и шарфовъ, шитью и т. п. Онъ выписывалъ для хозяйства и ссужалъ кому угодно изъ крестьянъ разныя болѣе или менѣе простыя машины. Онъ завелъ образцовыя сыроварни и пробовалъ распространить ихъ среди крестьянъ. Все, что можно было получить съ имѣнія, шло на это же имѣніе. Онъ самъ жилъ процентами съ небольшого капитала, доставшагося ему вмѣстѣ съ имѣніемъ по завѣщанію одной изъ родственницъ со стороны матери. Самъ онъ покуда являлся въ имѣніе хотя и часто, но только на побывки, но у него тамъ были довѣренныя лица, управляющій и школьный учитель, орудовавшіе всѣмъ. Орловъ раза два видѣлъ у князя этихъ молодыхъ людей и сразу угадалъ, что это—люди готовые положить душу за народъ, горячія головы, страстно преданныя дѣлу и менѣе всего заботящіяся о себѣ. Иногда Орлову дѣлалось какъ-то тоскливо, когда онъ слушалъ оживленные толки этихъ людей: они были полны такой молодой энергіи, такъ вѣрили въ свое дѣло, такъ равнодушно относились къ своимъ личнымъ неудачамъ. Онъ сознавалъ, какъ-то чутьемъ угадывалъ, что

Digitized by Google

ихъ не сегодня, такъ завтра сдержатъ, остановятъ; но они-то вовсе и не думали объ этомъ «завтра» и въ этомъ было ихъ великое счастье. Орловъ сравнивалъ ихъ положеніе съ своимъ: они дѣлали дѣло, не заботясь, что̀ можетъ навлечь оно на нихъ, а онъ, принимаясь за перо, прежде всего думалъ о цензорѣ; они могли дѣлать дѣло, оставаясь «въ черномъ тѣлѣ», а онъ прежде, чѣмъ явиться на защиту въ судъ, на засѣданіе какого-нибудь комитета, долженъ былъ думать о фракѣ, о приличномъ видѣ, объ обстановкѣ. Иногда въ его душѣ пробѣгала какая-то тѣнь, что-то въ родѣ зависти къ этимъ людямъ даже и потому, что они были бобыли или умѣли отрѣшиться отъ семьи, а онъ какъ-то такъ сросся съ семьей, что его грызла мысль и о томъ, не нуждается ли Аня въ чемъ-нибудь въ монастырѣ, и о томъ, что отецъ можетъ нуждаться безъ его помощи, и о томъ, что Леша пропадетъ безъ его поддержки. Ему вспомнились великія слова, что, кто хочетъ служить провозвѣстникомъ истины, тотъ долженъ оставить и отца, и мать, и сестеръ, и братьевъ. О, это далеко не такъ легко, какъ кажется, когда человѣкъ хочетъ сдѣлать рискованный шагъ, а у его ногъ лежатъ въ слезахъ, любимыя имъ, взлелѣявшія его лица и дрожащимъ шопотомъ молятъ его: «Останься съ нами!» Но эти думы были только мимолетными тучками, и ему снова слышался мягкій и ровный голосъ князя:

— Полно, Дмитрій! Тебѣ-то ужъ стыдно жаловаться. Ты вышелъ изъ той среды, гдѣ спасается изъ тысячъ одинъ... Значитъ, приходится благодарить судьбу, что она тебя не загубила ни физически, ни нравственно и дала возможность приносить людямъ хоть какую-нибудь пользу. Право, братъ, все, на что мы жалуемся лично—такія пустяки, такія царапины, что и няньчиться-то съ ними стыдно.

При князѣ Дмитрій Андреевичъ не могъ даже особенно жаловаться на общественныя дѣла,—князь всегда полушутливо, полусерьезно замѣчалъ въ этихъ случаяхъ:

— Ну, ну, не навинчивайся!

Какъ-то Дмитрій Андреевичъ горячо высказалъ ему по поводу этого замѣчанія, что князь, повидимому, равнодушно относится ко всякимъ общественнымъ неурядицамъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Русовъ.—Но вѣдь ты знаешь всѣ эт неурядицы, и я ихъ всѣ знаю,—что же мы будемъ, как траписты, повторять это momento mori, расходовать свои силы на охи и вздохи, на брань и проклятья въ четырехъ стѣнахъ? Найдешь средство помочь какому-нибудь злу,—

Digitized by Google

ну, и труби тогда объ этомъ алѣ, объ этомъ средствѣ, а такъ-то что же это за разговоръ о томъ, что бѣлое бѣло, а черное черно?..

— Значитъ, такъ и не раскапывать разныхъ золъ, покуда не найдется средствъ для ихъ уничтоженія?—сказалъ Орловъ.

— Нѣтъ, ты меня не понялъ: въ литературѣ, въ книгахъ, среди неопытныхъ новичковъ, все это имѣетъ свое значеніе но... вѣдь ты вѣрно давно пересталъ читать статейки,—ну, положимъ, о распространеніи пьянства въ народѣ, о развитіи извѣстныхъ болѣзней по деревнямъ, о дурномъ состояніи на фабрикахъ,—потому что ты-то знаешь все это отлично и безъ новыхъ подтвержденій... Такъ для чего же мы съ тобой будемъ изъ нашихъ разговоровъ именно такія статьи дѣлать, которыхъ мы и въ газетахъ не читаемъ? Право, многое въ жизни такъ гадко, что навинчивать себя на озлобленіе болтовней вовсе не надо...

И точно, жизнь князя сложилась такъ, какъ, можетъ-быть, должна бы слагаться жизнь каждаго работника: онъ много занимался, читалъ, учился, переписывался съ своими деревенскими друзьями, принималъ людей, приходившихъ къ нему отъ этихъ друзей, а въ свободные часы онъ превращался въ веселаго хозяина-семьянина, игралъ съ дѣтьми, занимался музыкой и пѣніемъ съ Настей, балагурилъ, погружался съ Настей въ разныя соображенія насчетъ устройства свадьбы ихъ горничной и лакея, насчетъ крестинъ у ихъ деревенскаго конторщика, и т. п. Отъ этой жизни вѣяло бодростью и здоровьемъ, и Орловъ не разъ завидовалъ этому счастью, купленному долголѣтней внутреннею ломкой, серьезной работой надъ собою. Но эта жизнь дѣйствовала заразительно: Орловъ втянулся въ нее. Его какъ будто стало утомлять слушаніе разныхъ разсказовъ о томъ, что случился еще такой-то и такой-то новый фактъ крупныхъ злоупотребленій, что тамъ-то и тамъ-то произведены грабежъ, подлогъ, казнокрадство, несправедливость. Окончивъ работу, онъ стремился въ уютный уголокъ Русовыхъ. Его стали интересовать друзья Русова съ ихъ молодыми планами и проектами. Онъ почувствовалъ потребность снова завязать сношенія съ Благолѣповымъ и княжною, чутьемъ угадывая, что и оттуда повѣетъ на него тою же бодростью. На первое же его письмо послѣдовалъ дружескій отвѣтъ, а спустя мѣсяцъ или полгода отъ Благолѣпова явился къ Орлову какой-то здоровый, загорѣлый юноша съ лакониче-

Digitized by Google

скою запиской отъ Никанора Ивановича: «Податель нуждается въ твоихъ совѣтахъ. Сдѣлай, что можно. Онъ изъ нашихъ». Изъ нашихъ?.. Орловъ началъ толковать съ подателемъ записки и узналъ, что это бывшій артиллерійскій офицеръ, потомъ студентъ лѣсного института, а теперь простой рабочій на механическомъ заводѣ. Онъ пришелъ по дѣлу заводскихъ рабочихъ, у которыхъ неправильно оттягали землю. Нужно было дать совѣтъ, что можно тутъ сдѣлать и какъ начать дѣло. Орловъ разсмотрѣлъ бумаги, сообразилъ, что можно сдѣлать, и предложилъ свои услуги.

— Вы, конечно, понимаете, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о большомъ вознагражденіи,—сказалъ податель записки отъ Благолѣпова.

Орлова точно что-то кольнуло.

— Я вовсе не имѣю въ виду никакихъ вознагражденій за подобное дѣло,—отвѣтилъ онъ.

Посѣтитель уловилъ въ отвѣтѣ нотку обидчивости и замѣтилъ:

— Я вамъ потому сказалъ объ этомъ, что я знаю, что вы вовсе не такъ богаты, чтобы разъѣзжать на свой счетъ по чужому дѣлу.

Орловъ улыбнулся.

— Вы, вѣроятно, еще бѣднѣе меня, однакоже, колесите по Россіи по этому же дѣлу.

— Я дѣло другое, втянулся въ эту лямку,—отвѣтилъ посѣтитель.

Они стали говорить о положеніи народа, о положеніи рабочихъ.

— Но вамъ, должно-быть, не легко на заводѣ?—сказалъ Орловъ.

— Не труднѣе, чѣмъ другимъ. Даже, если хотите, легче. У меня есть всегда возможность отступленія, а у тѣхъ, у настоящихъ рабочихъ, нѣтъ даже и этого. Правда, здѣсь на родинѣ, и у меня уже сожжены корабли за собою, но вѣдь если бы ничто не удалось здѣсь, если бы стало ужъ очень тошно, такъ міръ-то широкъ. Я знаю три иностранныхъ языка, я хорошій механикъ и тоже, какъ видите, мускулы есть.

Дѣйствительно, это былъ атлетъ.

— А у меня есть къ вамъ еще просьба, чисто личная,—сказалъ посѣтитель на прощаньи, видимо стѣсняясь.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ Орловъ.

— Можетъ-быть, я не успѣю убраться сегодня отсюда

Digitized by Google

п... видите ли вы, мнѣ не особенно ловко переночевать у товарищей,—окончилъ молодой человѣкъ.

— Моя квартира къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ Орловъ.

— Благодарю.

Вечеромъ онъ дѣйствительно явился къ Орлову и переночевалъ у него.

Съ этого дня у Дмитрія Андреевича вдругъ завелись новыя связи, новыя дѣла и эти дѣла были уже дѣйствительно чѣмъ-то такимъ, чему онъ радовался, чѣмъ онъ гордился, такъ какъ это уже были не гражданскія дѣла богачей, обдѣлываемыя исключительно ради гроша, ради наживы.

Говоря откровенно съ княземъ Русовымъ объ всемъ, что онъ дѣлалъ, Орловъ не скрылъ отъ князя и посѣщенія рекомендованнаго ему, Орлову, Благолѣповымъ лица. Князь выслушалъ его разсказъ и замѣтилъ:

— Отлично, что взялся помочь бѣднякамъ. Такія дѣла пріятно вести... Но ты немного смутилъ меня своимъ разсказомъ объ этомъ господинѣ. Это, очевидно, человѣкъ, скрывающійся подъ другою фамиліей, замѣшанный въ какое-нибудь политическое дѣло. Ты говоришь, что его рекомендовалъ Благолѣповъ. Значитъ, у нихъ есть сношенія. Не попались бы они. Соня можетъ пострадать.

Онъ закусилъ нижнюю губу и заходилъ въ раздумьи по комнатѣ.

— Ты знаешь, я не обвиняю этихъ людей, не отношусь къ нимъ со злобой, очень хорошо понимая, что они дошли роковымъ образомъ до своихъ убѣжденій. Но я противъ всѣхъ этихъ нелегательныхъ путей, такъ какъ не вижу возможности сдѣлать что-нибудь, идя въ этомъ направленіи. Тутъ неизбѣжно тратится громадное количество силъ на пустяки, на непроизводительныя хлопоты, въ родѣ добыванія фальшивыхъ паспортовъ, скрыванія отъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ шпіоновъ, на попытки въ томъ или другомъ мѣстѣ сдѣлать что-нибудь, кончающіяся полнымъ фіаско, на сидѣнье въ тюрьмахъ. Но дѣло не въ томъ. Я боюсь, что Соня втянется именно въ этого рода дѣятельность. Женщинѣ, въ положеніи Сони, вообще трудно что-нибудь дѣлать, если она не хочетъ или не можетъ оставаться просто барышней-бѣлоручкой. Ну, за что ей приняться?.. За филантропію, сознавая ея безполезность? За какую-нибудь работу, чтобъ отбивать эту работу у нуждающихся?.. Право, и придумать трудно, чѣмъ она можетъ наполнить

Digitized by Google

пустоту своей жизни. Въ такомъ положеніи, живя въ деревнѣ и имѣя подъ рукой такого наставника, какъ Благолѣповъ, легко затянуться въ дѣло политической агитаціи.

— Ну, Благолѣповъ, можетъ-быть, замѣшается и замѣшался во все самъ, но онъ настолько честный человѣкъ, что не подведетъ Соню,—сказалъ Орловъ.

— Да тутъ вовсе не нужно быть безчестнымъ, чтобы подвести ее,—отвѣтилъ князь.—Не можетъ же Благолѣповъ не говорить съ ней о томъ, что онъ думаетъ, въ чемъ онъ убѣжденъ. Не можетъ же онъ опекать ее и удерживать, если она пойдетъ за нимъ по его дорогѣ. Въ жизни, братъ, все такъ просто слагается, что даже иногда становится жутко отъ этой простоты: малѣйшая несмотрительность, малѣйшая небрежность и—гибнетъ въ одну минуту то, что создавалось въ теченіе десятковъ лѣтъ.

Пріятели долго разсуждали о княжнѣ Софьѣ Александровнѣ и Благолѣповѣ, и имъ обоимъ стало какъ-то безотчетно тоскливо. Въ это время получилась изъ Русовки телеграмма, извѣщавшая объ опасномъ положеніи стараго князя. Русовъ рѣшился взять съ собою Настю и пригласилъ Орлова ѣхать съ ними въ деревню. Орловъ могъ пригодиться князю въ случаѣ смерти Александра Владиміровича, и кромѣ того самъ Орловъ былъ радъ провѣтриться, повидаться съ княжной и Благолѣповымъ.

Онъ съ удовольствіемъ покидалъ Петербургъ, гдѣ уже прожилъ три зимы...

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Два съ половиной года въ Русовѣ шла мирная, тихая жизнь, походившая немного на жизнь отшельниковъ. Больной князь, старушка Ольга Родіоновна, княжна и Благолѣповъ, окруженные доживающими вѣкъ слугами, затворились въ барскомъ домѣ и были точно отрѣзаны отъ міра, сталкиваясь по дѣламъ почти исключительно съ крестьянами. Княжна и Благолѣповъ были очень довольны этою жизнью и, казалось, попали вполнѣ въ свою сферу, дѣлая свое будничное дѣло безъ шума, безъ фразъ. Это дѣло было скромное, не особенно широкое, но они были убѣждены въ его полезности и не порывались ни къ чему болѣе крупному. Благолѣповъ шутливо замѣчалъ, что ему среди сельскохозяйственныхъ заботъ, среди мужиковъ, привольно, какъ рыбѣ въ водѣ, и еще болѣе привольно было ему въ домѣ Русовыхъ, гдѣ всѣ быстро сжились съ нимъ, какъ съ своимъ человѣкомъ. Ломовая лошадь въ трудѣ, покладистый и не требовательный простякъ въ домашней жизни, онъ легко могъ ужиться вездѣ, а здѣсь онъ сталъ просто необходимъ: безъ него князю и княжнѣ казалось скучно, безъ него они были какъ безъ рукъ. У него были и практическій смыслъ, и неисчерпаемый источникъ бодрости, и умѣнье говорить съ мужиками, и много настойчивости въ проведеніи тѣхъ или другихъ, казавшихся ему полезными, плановъ. У князя было много имѣній и заводовъ. Всѣ они управлялись разными мѣстными управляющими, постоянно отдававшими письменные отчеты лично князю. Онъ неутомимо слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ этихъ имѣніяхъ и на этихъ заводахъ, отъ времени до времени посылая въ то или другое имѣніе для ревизіи ихъ разныхъ довѣренныхъ

Digitized by Google

лицъ. Въ давно былые дни ему помогалъ въ просмотрѣ отчетовъ управляющихъ и въ перепискѣ съ этими лицами Орловъ, какъ частный секретарь князя. Потомъ Орлова замѣнили другія лица. Только въ послѣднее время болѣзнь Андроновой, ея смерть и болѣзнь самого князя измѣнили обычное теченіе дѣлъ. Князь запустилъ всякія провѣрки, всякую переписку съ управляющими, предоставивъ все это домовой конторѣ въ Петербургѣ. Благолѣповъ явился въ Русово какъ разъ во-время: князь нашелъ въ немъ новаго секретаря и, присмотрѣвшись немного къ нему, понялъ, что этотъ смѣтливый и довольно хорошо знакомый теоретически съ дѣломъ человѣкъ можетъ при случаѣ съѣздить въ то или другое имѣніе и провѣрить на мѣстѣ то, что излагалось на бумагѣ мѣстными управляющими. Князь воспользовался способностями Никанора Ивановича, и первая же поѣздка послѣдняго въ одно изъ имѣній показала, что князь имѣетъ дѣло съ расторопнымъ и дѣловымъ человѣкомъ. Въ то же время первый отчетъ Благолѣпова показалъ князю, насколько были запущены дѣла въ послѣднее время. Надо было употребить не мало усилій, чтобы привести ихъ снова въ порядокъ, и Благолѣпову пришлось не мало поработать, чтобъ открыть въ томъ или другомъ мѣстѣ злоупотребленія и промахи. Но это дѣло было ему по душѣ, и онъ самъ сознавалъ, какъ онъ втягивается въ него, какъ онъ съ каждымъ днемъ начинаетъ понимать все яснѣе и яснѣе сущность этого дѣла. Сначала онъ какъ будто оробѣлъ, и въ его головѣ вертѣлась мысль: «Какой же я ревизоръ и управляющій, когда я ни разу не занимался практически этимъ дѣломъ?» Но, присмотрѣвшись къ дѣлу, Никаноръ Ивановичъ понялъ, что онъ въ сущности головой выше большинства управителей князя да и другихъ господъ, берущихся за подобныя дѣла. Какіе-то малограмотные неудачники, какіе-то едва говорящіе по-русски нѣмцы, какіе-то отставные военные и прокутившіеся помѣщики играли роль управляющихъ и часто удивляли Благолѣпова своимъ крайнимъ невѣжествомъ, а между тѣмъ они успѣли сдѣлать себѣ даже имя своею дѣятельностью. Онъ хоть теоретически зналъ то, о чемъ они не имѣли часто и понятія, ведя дѣло спустя рукава, наобумъ, по разъ заведенному порядку. Князь, правда, получалъ доходы, но эти доходы были крайне ничтожны сравнительно съ тѣмъ, что можно бы было извлекать изъ имѣній, и цѣлая масса несообразностей въ управленіи

Digitized by Google

этими имѣніями бросилась въ глаза даже малоопытному человѣку. Такъ, напримѣръ, въ двухъ смежныхъ имѣніяхъ князя было два конскихъ завода, тогда какъ одинъ конскій заводъ при половинныхъ затратахъ могъ бы давать тѣ же результаты, какіе получались съ двухъ. Такихъ промаховъ было не мало. Благолѣповъ изъ первой же поѣздки привезъ довольно неутѣшительныя свѣдѣнія и указалъ князю на необходимость измѣнить ходъ дѣлъ, взять другихъ людей. Слушая его, князь жаловался на недостатокъ добросовѣстныхъ людей и съ горечью замѣтилъ, что онъ считаетъ величайшимъ своимъ несчастіемъ то, что самъ онъ теперь не можетъ дѣятельно заниматься дѣломъ, а сынъ его...

— Мой Александръ, какъ видно, вовсе не интересуется положеніемъ нашихъ дѣлъ,—со вздохомъ замѣтилъ онъ.

— Папа, отчего ты не предложишь ему самъ взяться за это дѣло?—замѣтила княжна.

Князь махнулъ рукой.

— Нѣтъ, что же предлагать теперь... Скоро поневолѣ придется ему приняться за это дѣло,—грустно проговорилъ онъ.

Воспоминаніе о сынѣ пробуждалось въ князѣ каждый разъ, когда ему приходилось благодарить Благолѣпова за тѣ или другія услуги, какъ будто каждый разъ ему приходило въ голову, что все это могъ бы дѣлать вмѣсто чужого человѣка его сынъ. Эта мысль сильно мучила и угнетала старика, онъ нерѣдко высказывался въ этомъ смыслѣ,— онъ не могъ переломить себя и признаться откровенно передъ княземъ Александромъ, что онъ виноватъ. Онъ, подобно своему сыну, могъ сказать, что это «выше его». Волей-неволей приходилось довольствоваться услугами Благолѣпова и послѣдній являлся усердным слугой. Чѣмъ больше у Благолѣпова, съ теченіемъ времени, накоплялось работы, чѣмъ сложнѣе становились его попытки и предпріятія, направленныя къ пользѣ окружавшей его массы, къ пользѣ народа, рабочихъ, тѣмъ менѣе, онъ походилъ на прежняго Благолѣпова. Онъ самъ на своемъ оригинальномъ языкѣ говорилъ про себя:

— Со мной вонъ то же случилось, что съ колесомъ иногда бываетъ на скверной дорогѣ: скачетъ оно, трещитъ, то туда, то сюда гнется, а вдругъ попадетъ въ колею—и покатится, какъ по маслу. Я вонъ тоже попалъ въ колею, такъ теперь на мнѣ хоть въ Сибирь поѣзжай.

Онъ бросилъ и «малодушество»; съ него, какъ онъ вы-

Digitized by Google

ражался, «многое соскочило», все напускное, все, вызывавшееся безсильною желчью, затаеннымъ недовольствомъ судьбою, праздным шатаніемъ, теперь отпало мало-помалу, и онъ самъ шутливо говорилъ, что «нѣкогда теперь бобы-то разводить». Дѣйствительно, работа его, подобно снѣжному кому, увеличивалась, усложнялась по мѣрѣ того, какъ онъ забиралъ въ руки дѣло, открывая все новые и новые источники для расширенія мѣстной производительности то въ томъ, то въ другомъ имѣніи князя, вояя все сильнѣе и сильнѣе съ разнымъ кулачествомъ и міроѣдствомъ. Только теперь онъ началъ понимать, что̀ значитъ быть теоретикомъ и что̀ значитъ быть практикомъ. На первыхъ же шагахъ онъ увидалъ, что въ практическомъ отношеніи его загоняетъ первый наметавшійся въ своемъ дѣлѣ мужикъ, что многое, казавшееся ему въ теоріи такимъ легкимъ, въ дѣйствительности было и сложнѣе, и труднѣе. Только при помощи чисто русской смѣтливости онъ успѣлъ набить руку, присмотрѣться ко всему довольно быстро, и сообразилъ, какъ и что можно было дѣлать. «Подтянуться-таки порядочно пришлось»,—говаривалъ онъ, шутя. Мужики, имѣвшіе съ нимъ дѣло, считали его умной головой, знали очень хорошо, что никто не дастъ имъ лучшаго совѣта, чѣмъ Никаноръ Ивановичъ, что Никаноръ Ивановичъ и прошеніе какое-нибудь сумѣетъ составить, и указать, куда нужно идти хлопотать по тому или другому дѣлу, что онъ никогда не тяготится разговорами съ ними, и шли къ нему. «Извѣстное дѣло, простой человѣкъ»,—говорили про него. Къ князю и княжнѣ онъ привязался искренно и откровенно, безъ всякихъ заднихъ мыслей и соображеній.

— Мы всѣ точно спѣлись,—шутилъ онъ и никогда даже не задумывался надъ вопросомъ, почему это такъ вышло.— Что-жъ, люди простые, дѣлить нечего, вотъ и все, — замѣчалъ онъ.

Онъ не задумывался даже и надъ тѣмъ, вслѣдствіе какихъ чувствъ онъ однажды вышелъ изъ себя и грубо, рѣзко напалъ на княжну, увидавъ ее выходящею изъ избы, гдѣ была оспа.

— Съ ума вы сошли! Да какъ вамъ не стыдно играть съ опасностью! Спасете вы ихъ, что ли, тѣмъ, что посмотрите на нихъ? Нѣтъ, вѣдь, а идете! Любопытство одно бабье и больше ничего! Это ни на что не похоже! Вотъ я, право, князю пожалуюсь, чтобъ запретилъ вамъ это,— горячо выговаривалъ онъ ей, не замѣчая даже того, что онъ вол-

Digitized by Google

нуется черезчуръ сильно и что ему никто не давалъ права на подобныя выходки.

Этихъ мимолетныхъ, проходившихъ незамѣтно, чертъ, говорившихъ о привязанности Благолѣпова къ княжнѣ, было не мало, но ни онъ, ни она не задумывались ни разу надъ вопросомъ: что это—слѣдствіе пріязни, дружбы или любви? Какое-то тяжелое, гнетущее чувство овладѣло Благолѣповымъ, когда внезапно умерла Ольга Родіоновна. Эта смерть страшно повліяла на князя, какъ вообще вліяютъ на больныхъ, приближающихся къ могилѣ, стариковъ всякія извѣстія о смерти знакомыхъ или близкихъ лицъ. Благолѣповъ почти ни минуты не тужилъ собственно о старушкѣ, не боялся онъ даже за старика, но онъ весь былъ охваченъ одною мыслью, мыслью о томъ, что княжна «изводится» теперь уходомъ за отцомъ. Въ его головѣ мелькали злыя думы о томъ, какъ слагается жизнь: тутъ старики томятся долгою болѣзнью, а рядомъ съ ними приходится блекнуть молодости въ уходѣ за ними, и отдыхъ для этой молодости настанетъ только тогда, когда, наконецъ, смерть убьетъ эту старость; тутъ ничѣмъ нельзя помочь, ничего нельзя совѣтовать, нельзя даже желать неизбѣжнаго исхода, такъ какъ это желаніе равносильно желанію смерти одному человѣку для блага другого. Въ эти дни болѣзни князя Благолѣповъ настойчиво отсылалъ княжну отдохнуть, и самъ просиживалъ ночи около старика. Когда княжна замѣчала ему, что онъ и безъ того устаетъ за день за работой, и что ему тяжело проводить еще безъ сна и ночи, онъ лаконически замѣчалъ:

— Что мнѣ, этакому-то быку, сдѣлается? Себя-то лучше берегите!

Князь же буквально таялъ, какъ воскъ. Быть-можетъ, это постепенное, медленное угасаніе, немного ускоренное смертью Ольги Родіоновны, продлилось бы нѣсколько дольше если бы не произошло еще одно небольшое событіе, встревожившее князя.

Въ Русовѣ случился пожаръ. Было часовъ семь вечера, когда вспыхнула одна изъ избъ и все село огласилось криками: «Пожаръ, горимъ!» Благолѣповъ сидѣлъ у князя въ кабинетѣ, когда его вызвалъ въ другую комнату камердинеръ князя. Князь спросилъ у дочери, зачѣмъ позвали Благолѣпова; она вышла справиться и черезъ минуту вернулась къ отцу, блѣдная и встревоженная. Она хотѣла скрыть отъ старика настоящую причину тревоги, но это ей не удалось: страхъ за участь крестьянъ, боязнь, что Благолѣповъ,

Digitized by Google

всегда слишкомъ горячій и неосторожный, самъ бросится тушить огонь, наконецъ томительное чувство неизвѣстности насчетъ того, что дѣлается тамъ, совсѣмъ подавили княжну и ей волей-неволей пришлось объяснить отцу, въ чемъ дѣло.

— Надо распорядиться... надо распорядиться,—взволнованнымъ голосомъ сказалъ князь.—Иди туда...

— Тамъ уже Никаноръ Ивановичъ,— отвѣтила княжна.

— Ну да, ну да, онъ будетъ заботиться о тушеніи... Народъ всегда въ этихъ случаяхъ теряется... Но тамъ ребятишки, семьи безъ крова... Надо приготовить пустые флигеля дворовыхъ, размѣстить... Не по міру же идти народу, не на улицѣ ночевать... Иди!.. Кому же, какъ не тебѣ, быть тамъ... Будь осторожна только... Къ огню, Соня, не подходи...

— Какъ же ты?—сказала нерѣшительно княжна.

— Что я?.. Трупъ живой!.. И что мнѣ сдѣлается?.. Иди, иди, Соня!

Князь поцѣловалъ дочь, перекрестилъ ее и махнулъ рукою.

— Ну, иди, иди!

Княжна позвала къ отцу его камердинера и, накинувъ на голову пуховый платокъ, быстро отправилась на село. Пожаръ былъ въ полной силѣ и, какъ всѣ деревенскіе пожары, свирѣпствовалъ страшно. Пожарныя трубы изъ барскаго дома и съ завода князя работали хорошо, но справиться съ огнемъ было не особенно легко. Никаноръ Ивановичъ распоряжался и командовалъ со всею энергіей, помогая мужикамъ и бросаясь то туда, то сюда, чтобъ оградить отъ огня еще не загорѣвшіяся строенія. Онъ, повидимому, позабылъ объ опасности и, осыпаемый искрами, увлекалъ за собою заводскихъ парней на трудный бой съ всепожирающимъ пламенемъ.

— Куда ты, Никаноръ Ивановичъ! Сгорѣть, что-ль, хочешь!.. Берегись, крыша-то придавитъ, не встанешь!—кричали ему молодые заводскіе парни, сами не сознававшіе, что они подвергаютъ себя еще большей опасности и работаютъ еще энергичнѣе, чѣмъ онъ.

Княжна въ это время уже прошла къ группѣ плакавшихъ и завывавшихъ бабъ и ребятишекъ и, утѣшая ихъ, распоряжалась о переводѣ ихъ во флигеля дворни, стоявшіе почти пустыми.

— Ничего, ничего, все построимъ, все поправимъ,— говорила она.—Лѣсъ, слава Богу, есть... Ребятишекъ-то только уводите...

Оказалось, что нѣкоторыя изъ бабъ и дѣтей выскочили

Digitized by Google

изъ избъ почти безъ одежды, въ однѣхъ рубашкахъ. Нужно было хоть чѣмъ-нибудь снабдить ихъ на время, пока все не придетъ въ порядокъ. Въ барскомъ домѣ вся дворня поднялась на ноги. На селѣ ни одинъ человѣкъ не остался безъ дѣла. Хлопотъ и заботъ было не мало и среди бѣготни, работы и суеты никто въ сущности не отдавалъ себѣ отчета, насколько онъ набѣгался, насколько онъ измучился, насколько онъ былъ героемъ въ эти минуты всеобщаго бѣдствія, заставляющаго человѣка хоть на время забыть о себѣ и отдаться всецѣло ближнимъ. Случайными зрителями этой картины были только два пожилыхъ купца, проѣзжавшіе въ это время по почтовой дорогѣ мимо Русова и остановившіеся взглянуть на пожаръ. Любуясь этимъ зловѣщимъ зрѣлищемъ, они глубокомысленно разсуждали, сколько сгоритъ: все село или половина села,—дойдетъ ли огонь вотъ до той избы или остановятъ его на этой избѣ...

— Нѣтъ, много-то не выгоритъ, — вонъ какъ заводскіе приналегли, тоже народъ ловкій. Да и Никаноръ Иванычъ коли за что возьмется, такъ отстоитъ, — сказалъ ямщикъ.

— Какой Никаноръ Иванычъ? — спросилъ одинъ изъ купцовъ.

— Да управитель-то русовскій. Вонъ какъ работаетъ!— ямщикъ указалъ кнутовищемъ на Благолѣпова.

— Да, да! Я и не призналъ его съ перваго-то разу,—отвѣтилъ одинъ изъ купцовъ и обратился къ своему спутнику:—Силища тоже человѣкъ. Я его еще у преосвященнаго нашего Филоѳея видалъ. Племянникомъ онъ старику-то приходится. Молодецъ, право, молодецъ!

— Гляди, гляди, такъ въ огонь и лѣзетъ! Въ азартѣ-то не видитъ, что тутъ того и гляди балкой зашибетъ. Вонъ, вонъ!.. Эхъ, сейчасъ тарарахнетъ!

Купцы на минуту смолкли, ожидая, какъ тарарахнетъ Благолѣпова балкой. Раздался сильный трескъ и разбираемая горящая изба рухнула.

— Вывернулся... Ну, молодецъ!—воскликнулъ купецъ.

— Молодецъ-то молодецъ, а видно досталось тоже... Смотри, заводскіе что-то завозились около него.

— Ничего! Видно, по рукѣ смазало головней. До свадьбы заживетъ! А вонъ того-то парнишку, видно, получше пришлепнуло. Ишь присѣлъ сердешный...

— Присядешь, какъ прямо по головѣ свиснетъ,—сказалъ ямщикъ.

— А нешто по головѣ попало?

Digitized by Google

— По головѣ и есть.

— Вонъ Никаноръ-то осматриваетъ.

— Э-э, поднимаютъ,—видно, и идти не можетъ.

— Въ мозги, значитъ, попало.

— А пожаръ-то стихъ... Кажись, ужъ больше не разгорится...

— Чего разгорится, если путь пресѣкли! Не разбери они эти двѣ избы, все село смело бы.

— Ну, что-жъ, пора и въ дорогу.

Пожаръ дѣйствительно утихалъ, и картина перестала представлять интересъ. Купцы снова усѣлись и поѣхали дальше.

Въ селѣ продолжалась суета, но уже всѣ пришли въ себя, видя, что всякая опасность миновала. Десятокъ сгорѣвшихъ избъ превратился въ груды головней, догоравшихъ и дымившихся на землѣ. На мѣстѣ сгорѣвшихъ построекъ виднѣлись только печи, закоптѣвшія отъ дыма. Теперь хлопоты шли въ барскомъ домѣ, куда княжна перевела бабъ, ребятишекъ и стариковъ, да въ больницѣ, куда перенесли зашибленнаго въ голову заводскаго парня. Никаноръ Ивановичъ тоже вернулся домой, и здѣсь оказалось, что ему нужно было перевязать лѣвую руку. Она была слегка обожжена и ранена. Онъ смотрѣлъ на это дѣло какъ на пустяки и шутливо замѣтилъ, что «вѣдь это — лѣвая рука, такъ на что она ему». Княжна молча сжала ему руку, и въ ея глазахъ засвѣтилось такое хорошее, ласковое выраженіе. Внезапно онъ сталъ какъ будто и ближе, и дороже ей, чѣмъ прежде. Но останавливаться, задумываться надъ этимъ чувствомъ было не время. Съ одной стороны, теперь нужно было обсудить, какъ помочь погорѣльцамъ, а съ другой—на слѣдующій же день пришлось убѣдиться, что князь очень плохъ. Княжна боялась и думать, что это начало конца. Благолѣповъ тоже ничего не говорилъ. Но и онъ, и она ощущали какую-то щемящую боль. Они искренно любили старика, и кромѣ того, его потеря была существенно важна для обоихъ. Наслѣдникомъ былъ въ сущности князь Александръ Александровичъ. Княжна знала, что братъ сильно измѣнился къ лучшему. Но насколько? Какъ онъ распорядится? Останется ли она въ Русовѣ? Это имѣніе должно перейти къ ея брату. Эти мысли у нея промелькнули въ головѣ какъ-то безсознательно, мимолетно, но у Благолѣпова это былъ вопросъ существенный. Не придется ли ему опять удалиться отсюда. Куда? За что приняться? Во всякомъ случаѣ со смертью старика кругъ его дѣятельности сузится, онъ не

Digitized by Google

будетъ болѣе правою рукой хозяина, онъ, можетъ-быть, даже не сойдется съ молодымъ княземъ. «Хвалятъ его, а чортъ его знаетъ, что онъ такое! Никто его не знаетъ... Но, можетъ-быть, старикъ еще не умретъ. Надо спросить у доктора его мнѣніе». Докторъ объявилъ Благолѣпову, что часы старика сочтены. Старикъ, кажется, сознавалъ это самъ. Почувствовавъ себя худо, онъ позвалъ Благолѣпова и приказалъ телеграфировать сыну.

— Только ему?—спросилъ Благолѣповъ, вспомнивъ о женѣ и дочери князя, бывшихъ за границей.

— Только ему,—отвѣтилъ князь.—Торопите его пріѣздомъ.

Потомъ онъ призвалъ дочь.

— Худо мнѣ, Соня, очень худо,—сказалъ онъ слабымъ голосомъ.—Если-бъ Александръ поспѣлъ пріѣхать.

— Папа! — воскликнула княжна со слезами на глазахъ.

— Пора, Соня, пора!—проговорилъ князь.—Не плачь, не волнуйся! Сто лѣтъ нельзя жить и не нужно... Но я хотѣлъ съ тобой поговорить... Я могъ бы сдѣлать завѣщаніе, но есть причины, по которымъ я его не дѣлаю... Ты — не дѣвочка, ты знаешь все, и тебѣ можно говорить все... Я не хочу ни лгать, ни мстить передъ смертью, вотъ почему я не дѣлаю завѣщанія... Отказывать что-нибудь тѣмъ, кто чуждъ мнѣ, кого я не люблю, это значитъ фарисействовать... Лишать ихъ всего—это значитъ мстить... Пусть все сдѣлается по закону...

Онъ перевелъ духъ.

— Кромѣ того, я виноватъ передъ Александромъ, много виноватъ... Если я сдѣлаю завѣщаніе, я обижу его... Это будетъ имѣть видъ недовѣрія къ нему... Онъ—главный наслѣдникъ, и пусть онъ самъ распоряжается... Я хочу, чтобы онъ зналъ, что я довѣряю ему... Русово пусть отдастъ тебѣ... Ты его любишь... Александръ и отдастъ, я знаю.

Княжна не могла говорить, съ трудомъ сдерживая рыданія. Больной потиралъ грудь, точно его душило, и покачивалъ головой, видимо тревожась мыслью о близкой смерти.

— Во-время бы пріѣхалъ, скорѣй бы... Примириться нужно!—шепталъ онъ черезъ силу.—Есть вещи, которыхъ забыть нельзя, но можно простить...

Мало-по-малу, онъ впалъ въ забытье. Прошло съ часъ времени. Князь открылъ глаза.

— Соня, ты тутъ?—спросилъ онъ.

— Да, папа,—отвѣтила она.

— Который часъ?

Digitized by Google

— Два сейчасъ пробило.

— Поѣзда въ этотъ часъ нѣтъ изъ Москвы?

— Нѣтъ, папа.

Князь закрылъ глаза.

— Экстренный можно взять... Нужно поторопиться... Отецъ умираетъ,—шепталъ онъ полусознательно.

Онъ опять задремалъ на часъ, на два, и опять княжна услышала тѣ же вопросы. Наконецъ, прошелъ этотъ томительный день, настала тревожная ночь. Больной не могъ лежать и спалъ, сидя въ креслѣ, то немного бредя во снѣ, то вдругъ просыпаясь и спрашивая:

— Пріѣхалъ?.. Кто пріѣхалъ?

И прежде, чѣмъ успѣвали отвѣчать, онъ дремалъ уже снова. Только подъ утро сонъ его сталъ ровнѣе и крѣпче. По утру первый вопросъ князя былъ о сынѣ. Сынъ еще не пріѣзжалъ.

— Да, пока отпускъ получитъ... Но вдругъ это... опоздаетъ,—говорилъ князь.

Разъ, отлучившись на нѣсколько минутъ изъ комнаты отца къ завтраку, Софья Александровна застала отца въ слезахъ при возвращеніи ея въ спальню.

— Папа, что съ тобой? — воскликнула она, склоняясь къ нему.

— Опоздаетъ!—жалобно проговорилъ старикъ, тихо, почти по-дѣтски, плача.

У Софьи Александровны стѣснило грудь. Князю становилось все хуже и хуже. Его нетерпѣніе увидѣть сына, его страхъ при мысли умереть раньше пріѣзда сына возрастали съ каждымъ днемъ, и онъ иногда болѣзненно метался на своемъ креслѣ, томимый отчаяніемъ. Наконецъ, онъ потерялъ всякую надежду на пріѣздъ сына во-время.

— Священника, Соня, священника мнѣ! — проговорилъ онъ какъ-то по утру.

Тотчасъ же распорядились насчетъ приглашенія старика-священника, много лѣтъ уже служившаго въ Русовѣ. Отецъ Никита явился быстро, захвативъ съ собою св. дары. Онъ вошелъ въ домъ, сказалъ пару словъ княжнѣ и прошелъ къ больному. Больной и обрадовался, и взволновался.

— Умираю, батюшка, совсѣмъ умираю!—сказалъ князь.

— Никто, какъ Богъ!—отвѣтилъ отецъ Никита.—Не всѣ болѣзни къ смерти...

— Нѣтъ, я знаю... Мнѣ нужно сказать многое... Сына ждалъ, думалъ, что доживу до его пріѣзда, но нѣтъ... Вы

Digitized by Google

ему все передайте... Виноватъ я передъ нимъ, много виноватъ...

Отецъ Никита приготовился исповѣдывать больного.

— Вы знаете всю мою жизнь, отъ васъ никогда не было тайнъ,—началъ больной.—Вы знаете мои отношенія къ женѣ...

Отецъ Никита вздохнулъ.

— Я былъ обманутъ съ первыхъ же дней... Когда я узналъ, я готовъ былъ разстаться съ нею. Но она уже была матерью... Сестра Софья, покойная Ольга Родіоновна и, наконецъ, я самъ—всѣ мы поняли, что, наказывая мать, я накажу и ребенка... Да и она плакала, просила прощенья, каялась... Я простилъ... Потомъ мы жили долго сносною жизнью... Мнѣ даже казалось, что я если не особенно счастливъ, то все же и не несчастнѣе другихъ мужей изъ нашего круга... Вдругъ случай открылъ мнѣ глаза, поздно открылъ... У насъ уже былъ не одинъ ребенокъ, много дѣтей и... изъ всѣхъ этихъ дѣтей, можетъ-быть, только Соня была моею дочерью... Тогда я порвалъ всѣ отношенія къ женѣ и только оставилъ ее жить въ своемъ домѣ, только не отвергалъ дѣтей...

Больной перевелъ духъ.

— Я ихъ не отвергалъ, но я имъ не былъ отцомъ и никогда не любилъ ихъ,—продолжалъ онъ.—Только Соня видѣла мои ласки, и то не я обратился съ ними къ ней, а она завоевала ихъ... съ бою взяла... Александръ—не то... Онъ росъ безъ моей любви... Мало того, я мелочно придирался къ нему... Я не былъ мелочнымъ человѣкомъ, но онъ напоминалъ мнѣ другую ненавистную мнѣ личность... Онъ напоминалъ мнѣ, что ради него, да, только ради него, я пощадилъ эту женщину... Онъ казался мнѣ какимъ-то ничтожнымъ, безхарактернымъ, мелкимъ человѣкомъ...

Князь тяжело вздохнулъ.

— Я пренебрегъ его воспитаніемъ и раздражалъ его своимъ пренебреженіемъ... Въ этомъ великій мой грѣхъ... Безсознательно я мстилъ ребенку за мать... Богъ наказалъ меня за это... Изъ того, кого я хотѣлъ затоптать въ грязь, Онъ сдѣлалъ хорошаго человѣка...

Отецъ Никита, безмолвно слушавшій князя, тихо замѣтилъ ему:

— Это не наказаніе, а милосердіе Божіе.

— Да, да, я не такъ выразился... Да, это милосердіе Божіе... Наказаніе мнѣ было бы то, если бы онъ погибъ изъ-за меня... Но я не о томъ хотѣлъ поговорить... Дѣло

Digitized by Google

въ томъ, что Александръ узналъ все и все понялъ... Онъ исправился и сталъ хорошимъ человѣкомъ, но отъ меня онъ отстранился... Онъ меня не упрекалъ, но я знаю, что онъ чувствуетъ ко мнѣ... Онъ помнитъ, онъ вѣчно будетъ помнить, что я своимъ отношеніемъ къ нему могъ довести его до гибели... Многихъ дѣтей изъ нашего круга такія отношенія отцовъ погубили... Этого онъ не забудетъ...

— Значитъ, вы все еще не вполнѣ вѣрите, что онъ сталъ хорошимъ человѣкомъ?—спросилъ отецъ Никита.

Больной взволновался.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вѣрю, вѣрю... Но онъ, можетъ-быть, не вполнѣ сознаетъ, что я раскаялся, что я все понялъ, что я считаю себя виновнымъ... Я не хочу, чтобъ онъ думалъ, что я сталъ только снисходительнымъ къ нему, увидавъ, что онъ исправился, — я хочу, чтобъ онъ зналъ, что я считаю себя виноватымъ передъ нимъ... Тогда онъ, если не забудетъ всего, то проститъ... Тяжело умирать, сознавая, что ты не примирился съ обиженнымъ тобою невиннымъ человѣкомъ; еще тяжелѣе жить, затаивъ навсегда въ душѣ враждебное чувство къ тому, кого называлъ когда-то отцомъ... Передайте ему все это, скажите, что я исповѣдывался въ этомъ передъ вами, готовясь предстать передъ Богомъ...

Онъ вздохнулъ широкимъ вздохомъ, точно ему легче стало послѣ этихъ признаній.

— И еще я долженъ покаяться передъ вами,—продолжалъ онъ.—Высокомѣрія, гордости во мнѣ еще было много до этого часа. Изъ гордости я откладывалъ и священный долгъ, медлилъ исповѣдью... Все надѣялся, что пріѣдетъ онъ, и тогда мнѣ ненужно будетъ сознаваться въ томъ, въ чемъ я сознаюсь теперь... Это великій мой грѣхъ, грѣхъ всей жизни, и за него Богъ меня наказываетъ.

— Это не наказаніе, а милосердіе Божіе,—снова повторилъ отецъ Никита.

— Да, да, милосердіе... Я понимаю, Богъ далъ мнѣ силы, далъ возможность примириться со своею совѣстью,— прошепталъ больной.

Онъ поникъ головой и тихо слушалъ успокоительныя слова священника, читавшаго молитву.

Тяжелое, гнетущее чувство охватываетъ близкихъ людей, когда мимо нихъ проходитъ въ комнату больного священникъ съ св. дарами, когда передъ ними плотно затворяются двери комнаты умирающаго и тамъ происходитъ послѣдняя

Digitized by Google

исповѣдь, послѣдній расчетъ за грѣхи и ошибки всей жизни. До этой минуты въ сердцахъ окружающихъ все еще теплится искра надежды; въ эту минуту она вдругъ погасаетъ, и невольно кажется, что тамъ, за этой запертою дверью, уже происходитъ таинство смерти. Княжна не могла подавить своихъ слезъ, когда отецъ Никитъ прошелъ къ князю, когда за нимъ затворились двери, когда началось печальное таинство исповѣди. Она подошла къ окну и, тихо плача, замерла на мѣстѣ. Она не шевелилась и только по ея вздрагивавшимъ плечамъ можно было угадать, что она беззвучно рыдаетъ. Къ ней подошелъ Благолѣповъ и тихо взялъ ее за талію.

— Полноте, милая моя, полноте! — мягкимъ, ласковымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Очень мнѣ тяжело, Никаноръ Ивановичъ, — тихо отвѣтила она.

— Знаю, знаю, да что же дѣлать!.. Берегите себя... Ваша жизнь нужна...

Онъ безсознательно прижалъ ее къ себѣ, она также безсознательно опустила къ нему на грудь голову. Онъ гладилъ ея волосы, какъ гладятъ по головѣ, успокаивая расплакавшагося ребенка.

— Надо быть бодрѣе! Ваши слезы еще болѣе взволнуютъ старика. Это вѣдь неизбѣжный конецъ. Слава Богу еще, что вамъ не за что упрекать себя. Тяжело, когда теряешь человѣка, да еще сознаешь, что не все исполнилъ въ отношеніи его. А вы были хорошею дочерью. Всю себя отдали на служеніе ему.

Онъ, какъ добрая нянька, усадилъ княжну, принесъ ей воды.

— Освѣжитесь, пусть старикъ не видитъ вашихъ заплаканныхъ глазъ. Исповѣдь его успокоитъ, и вамъ не должно нарушать это спокойствіе своими слезами. Если уже ему суждено умереть, пусть умретъ съ ясною улыбкой...

Исповѣдь между тѣмъ кончилась, старикъ пріобщился и тотчасъ же тихо заснулъ. Онъ спалъ довольно долго и когда онъ открылъ снова глаза, княжну изумило выраженіе его лица,—такое выраженіе встрѣчается у больныхъ дѣтей, полное тихой, безмятежной грусти, съ томной улыбкой, съ утомленными глазами, словно только на минуту полуоткрывшимися въ отвѣтъ на ласки близкихъ и готовыми снова сомкнуться, быть-можетъ, на вѣчный сонъ, на вѣчный покой. Князь почти не говорилъ, не спрашивалъ уже о сынѣ; его

Digitized by Google

голова безсильно склонялась на плечо, глаза по большей части были закрыты, даже когда онъ не спалъ. Именно въ такомъ положеніи засталъ отца Александръ Александровичъ Русовъ. Онъ, наскоро поздоровавшись съ сестрою, вошелъ къ отцу. Лицо старика озарилось ясной полусознательною улыбкой, онъ мягко взглянулъ на сына, приподнялъ слабую руку.

Князь Александръ опустился передъ нимъ на колѣни.

— Милый... мальчикъ... Сынишка мой, — едва слышно прошепталъ больной.—Вотъ и помирились... и все простили, забыли...

Князь Александръ въ слезахъ цѣловалъ руки отца... Старикъ продолжалъ улыбаться, продолжалъ пожимать руку сына, все слабѣе. Наконецъ, онъ слабо вздохнулъ, закрылъ глаза, и все было кончено: рука замерла, голова свѣсилась на плечо, грудь перестала подниматься, только спокойная улыбка продолжала оживлять это лицо съ закрывшимися навсегда глазами. Всѣ, стоявшіе на колѣняхъ около кресла князя—сынъ и дочь, подошедшіе къ нему Орловъ и Благолѣповъ — точно замерли на минуту около этого старика, склонившаго свою голову съ сѣдыми длинными волосами. Они точно вдругъ всѣ сплотились вмѣстѣ въ одну, тѣсно связанную между собою семью. А весеннее солнце, косыми лучами взглянувъ въ окно, заливало комнату прощальнымъ блескомъ. День кончался; наступалъ вечеръ.

Орловъ живо запомнилъ эту минуту, и часто вспоминалась она ему. Когда все стало вполнѣ понятно всѣмъ присутствующимъ, когда рыданія княжны стали громче, онъ и Благолѣповъ подняли ее и увели въ другую комнату. Они ухаживали за ней, какъ братья, и ни на минуту въ Орловѣ уже не проснулось чувство ревности, чувство вражды къ Благолѣпову, когда тотъ тихо шепталъ княжнѣ:

— Полно, милая, полно! Надо беречь себя!..

II.

Со смерти князя прошло уже не мало дней, недѣль, мѣсяцевъ. Много событій произошло въ это время, и всѣ эти событія оставили неизгладимые слѣды въ сердцахъ всего кружка, тѣсно сплотившагося въ Русовѣ около гроба князя. Когда всѣ эти событія, пронесшіяся вихремъ надъ семьей князя, надъ Благолѣповымъ, надъ Орловымъ, стали дѣломъ прошлаго, Дмитрій Андреевичъ, отдыхая отъ тревогъ и опасеній пережитыхъ дней, перебирая въ своей квартирѣ

Digitized by Google

старыя бумаги, письма, телеграммы, невольно вспомнилъ все это недавнее прошлое и какъ бы пережилъ, переболѣлъ его снова.

Навсегда запали въ память Орлову всѣ дни и вечера, проведенные имъ въ Русовѣ тотчасъ послѣ смерти князя, кружокъ друзей тѣсно сплотился, какъ будто между всѣми этими людьми не было никогда никакихъ недоразумѣній, какъ будто всѣ они вдругъ инстинктивно поняли, что такъ или иначе они всѣ идутъ, или, по крайней мѣрѣ, могутъ идти къ одной цѣли. Правда, они всѣ шли разными путями, надѣясь на совершенно различныя средства, но они не спорили объ этихъ путяхъ и средствахъ, угадавъ чутьемъ, что эти споры не поведутъ ни къ чему, что каждый изъ нихъ на другомъ мѣстѣ, въ другой роли чувствовалъ бы себя неловко, что сама жизнь подсказала имъ, какъ и что долженъ былъ дѣлать каждый изъ нихъ. Новичкомъ въ ихъ кружкѣ была одна только личность — Настя. Но княжна сразу поняла, какое значеніе имѣла въ жизни ея брата эта женщина, не претендовавшая ни на какую роль, кромѣ роли подруги своего мужа, опоры своего мужа, помощницы своего мужа,—и встрѣтила ее съ распростертыми объятіями, какъ добрую подругу. Настя была тронута добротой княжны и сразу прямо объявила ей, что она давно полюбила княжну уже за то, что та «такая же простая, какъ князь».

— Мы такъ спѣлись, что хоть коммуну изъ насъ составляй!—шутливо замѣтилъ какъ-то Благолѣповъ.

И онъ былъ правъ: они спѣлись. Одинъ вопросъ только немного смущалъ и какъ будто страшилъ всѣхъ — вопросъ о княгинѣ Маріи Львовнѣ Русовой. И на этомъ вопросѣ сходились всѣ, хотя и не касались его въ разговорахъ. Ее не хотѣлось видѣть ни княжнѣ, ни князю, ни Орлову, ни Благолѣпову, ни Настѣ. Всѣ сознавали, что эта женщина будетъ лишнею въ ихъ кружкѣ, будетъ лишнею у гроба старика. Но дать ей знать о смерти мужа все-таки было нужно,—этого требовало приличіе,—это было необходимо и по дѣлу наслѣдства. Ей послали телеграмму за границу, и въ душѣ всѣ надѣялись, что телеграмма не найдетъ ее, такъ какъ княгиня жила то въ Парижѣ, то въ Римѣ, то въ Женевѣ. Надежды эти сбылись только отчасти: телеграмма дошла до княгини, но княгиня отвѣтила, что она не можетъ поспѣть къ похоронамъ, а что дочь ея, вышедшая замужъ въ Парижѣ, не пріѣдетъ вовсе, такъ какъ ея положеніе не позволяетъ ей пускаться въ далекій путь,

Digitized by Google

Отсрочка пріѣзда княгини какъ бы дала возможность этимъ людямъ передохнуть, подготовиться къ непріятной встрѣчѣ. Чѣмъ болѣе приближался день этой встрѣчи, тѣмъ тяжелѣе становилось на душѣ у всѣхъ.

Всѣ тайно спрашивали себя: «И зачѣмъ она пріѣдетъ? Разыграть ненужную комедію на могилѣ мужа? Разыграть комедію материнской любви въ отношеніи дѣтей?.. Для этого можно бы и не пріѣзжать». Орлову хотѣлось уѣхать до ея пріѣзда, чтобы не встать въ ложное положеніе, чтобы не напомнить никому о прошломъ. Настя тоже какъ будто трусила встрѣчи съ нею, хотя и князь, и княжна давно уже рѣшили въ душѣ, что они отрекомендуютъ Настю, какъ жену князя; Благолѣповъ ругалъ мысленно извѣстную ему только по слухамъ княгиню, сознавая, что она взглянетъ на него или свысока, какъ на «какого-то» поповича-управляющаго, или, чего добраго, еще заподозритъ его отношенія къ княжнѣ.

И вотъ вспомнилось теперь Орлову, какъ вдругъ все неожиданно измѣнилось, какъ всякіе расчеты были спутаны, какъ всѣ были сбиты съ толку и совсѣмъ не тѣмъ, чего ждали. Какой-то ужасъ охватилъ всѣхъ въ одинъ прекрасный день, когда совершенно неожиданно въ Русово пріѣхали изъ города власти арестовать Благолѣпова и сдѣлали тщательный обыскъ въ занимаемомъ имъ помѣщеніи. Орловъ помнитъ мертвенно-блѣдное лицо Благолѣпова съ недобрымъ выраженіемъ въ глазахъ; онъ помнитъ, какъ, забывъ всѣхъ и все, княжна бросилась на грудь Никанора Ивановича и словно замерла, сжимая его въ объятіяхъ и какъ бы рѣшившись не выдавать, не уступать его никому; какъ князь сдержанно и съ достоинствомъ объяснялъ, что это все, вѣроятно, одно недоразумѣніе, простая ошибка; какъ Настя со слезами на глазахъ увела потомъ изъ комнаты Благолѣпова княжну и просидѣла у нея всю ночь, ухаживая за ней, какъ за больнымъ ребенкомъ. Всѣ они, казалось, потеряли головы,—такъ непредвидѣнно было это событіе.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало дней, недѣль, мѣсяцевъ, и теперь Орловъ зналъ уже всю закулисную сторону этой страшной катастрофы и понималъ, что ея нужно было ожидать съ часу на часъ; онъ распуталъ, въ качествѣ защитника Благолѣпова, всѣ нити этого происшествія и добрался до начала, до причины этой бѣды. Чѣмъ глубже вникалъ онъ въ это дѣло, тѣмъ яснѣе представали передъ нимъ образъ Благолѣпова и образъ княжны.

Digitized by Google

Когда Благолѣповъ былъ водворенъ на родинѣ подъ надзоръ полиціи, онъ остался безъ дѣла, безъ средствъ добывать хлѣбъ, безъ надежды выйти изъ этого положенія. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о душевномъ спокойствіи, объ умиротвореніи человѣка. Благолѣпову приходилось сидѣть сложа руки или заняться чемъ-нибудь безъ надежды на практическіе результаты этихъ занятій, на примѣненіе ихъ къ дѣлу. Онъ сталъ продолжать изученіе химіи и сельскаго хозяйства — предметовъ, любимыхъ имъ и прежде. Но какъ ни любилъ онъ ихъ, они не могли вполнѣ удовлетворить его въ его положеніи. Мало этого, у него подъ руками часто не было даже необходимыхъ книгъ, не было лабораторіи, не было руководителей. На каждомъ шагу онъ наталкивался на сознаніе, что при другихъ условіяхъ, при другой обстановкѣ онъ могъ бы не такъ работать. На душѣ начала накипать желчь. Дѣлиться ею приходилось поневолѣ съ людьми, такъ же выброшенными за бортъ изъ жизни, такъ же волновавшимися, какъ онъ. Не могъ же онъ ждать сочувствія къ себѣ отъ своего дяди-архіерея, отъ какихъ-нибудь находившихся при мѣстахъ «совѣтниковъ», отъ какихъ-нибудь занятыхъ своею коммерціей купцовъ. Участіе и пониманіе встрѣтилось въ иной средѣ, родственной съ нимъ по развитію, по взглядамъ, по участи. Въ это время только что начиналась эпоха хожденія въ народъ, только что начали появляться люди, взявшіеся за пропаганду извѣстныхъ идей, за распространеніе въ народѣ разныхъ книжечекъ и брошюръ съ извѣстнымъ направленіемъ. Нѣкоторые изъ этихъ людей были старыми знакомыми Благолѣпова; другіе сами нашли его, потому что видѣли въ немъ подходящій элементъ. Когда Орловъ, впервые послѣ разлуки въ Петербургѣ, встрѣтился съ Благолѣповымъ въ провинціи, Благолѣповъ былъ уже въ сношеніяхъ со многими опасными людьми. Самъ Благолѣповъ не видѣлъ особенной пользы въ хожденіи въ народъ для распространенія разныхъ книжекъ, онъ горячо спорилъ по этому поводу съ пріятелями, но онъ не видѣлъ ни нужды, ни цѣли разрывать связь съ ними, такъ какъ онъ видѣлъ въ цихъ людей, раздѣлявшихъ его главныя убѣжденія, думавшихъ о народѣ, любившихъ народъ. Можно сказать даже больше: иногда бездѣятельная жизнь становилась ему такъ противна, что онъ былъ самъ готовъ идти въ народъ, только бы дѣлать что-нибудь. Мускульная сила, избытокъ здоровья, молодая кровь — все это требовало дѣятельности,

Digitized by Google

свободы, простора. Въ это время онъ нерѣдко запивалъ или, какъ онъ выражался, «малодушествовалъ и напускалъ на себя». Каково было состояніе его души, этого никто не зналъ тогда, и только послѣ мелькомъ онъ какъ-то замѣтилъ: «Что же было разсказывать, что не разъ башкой объ стѣну колотился, да волосы свои рвалъ. Помочь-то никто не помогъ бы, а только посмѣялся бы, что такой большой и такъ реветъ, какъ баба». Бывали въ это время такія минуты, когда Благолѣповъ чаще и глубже начиналъ задумываться надъ вопросомъ «о чистой отставкѣ», какъ онъ называлъ самоубійство. Столкновеніе съ княжной, разговоръ съ нею указали ему исходъ: онъ могъ попробовать свои силы въ качествѣ волостного писаря, управляющаго, конторщика, учителя, — однимъ словомъ, лица, могущаго стоять близко къ народу и приносить послѣднему посильную пользу, указывая мужику на его практическіе интересы, разъясняя его законныя права, давая тѣ или другіе совѣты вообще. Придумать этотъ исходъ было не хитро; о такой дѣятельности не разъ серьезно думалъ Благолѣповъ и до встрѣчи съ княжною; но княжна дала ему толчокъ, какъ-то сразу заставила рѣшиться. Ему стала улыбаться перспектива этой дѣятельности: онъ зналъ отлично народъ, выросши среди народа; онъ долго изучалъ естественныя науки, сельское хозяйство, а теперь ему говорили о возможности приложить знанія къ практикѣ,—говорили именно въ то время, когда имъ начинало овладѣвать отчаяніе. Но этотъ шагъ можно было сдѣлать только съ фальшивымъ паспортомъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Сначала онъ не хотѣлъ оставаться въ Русовѣ, но княжна уговорила его. Да какъ было и не согласиться? Здѣсь просторъ для дѣятельности былъ полный, подъ руками были большое хозяйство, заводы, школы, больницы. Здѣсь были и лѣсъ, и рѣка, и желѣзная дорога подъ бокомъ. Здѣсь могъ быть сбытъ для всякой кустарной, заводской или фабричной производительности. Благолѣповъ остался здѣсь и энергично принялся за работу. Но Русово не на лунѣ. Въ Русово не запрещены входъ и въѣздъ никому. Что дѣлается въ Русовѣ, то не остается тайной для сосѣдей. И вотъ къ Благолѣпову нашли дорогу пріятели; въ его комнатѣ не разъ происходили крупные споры; къ нему не разъ долетали запрещенные листки, брошюры, книги, все, что было вовсе ненужно и что было опасно. Съ другой стороны, ни для кого не было тайной, что въ Русовѣ происходили какія-то вечернія чтенія для взрослыхъ

Digitized by Google

въ школѣ, что въ Русовѣ безъ разрѣшенія правительства устроилось что-то въ родѣ формальнаго техническаго училища при заводѣ, что въ Русовѣ завелась ссудо-сберегательная касса, что въ Русовѣ подняли заработную плату, что въ Русовѣ крестьяне могли выжидать съ продажею хлѣба при помощи ссудъ изъ кармана князя и могли въ случаѣ недостатка хлѣба покупать его по болѣе дешевой цѣнѣ, при помощи опять-таки тѣхъ же ссудъ. Какъ растетъ, катаясь, комъ снѣга, такъ росли съ одной стороны преступныя сношенія съ пріятелями, а съ другой—враждебныя отношенія съ окружающими лавочниками, кулаками, арендаторами, землевладѣльцами. И съ обѣихъ сторонъ шли преувеличенія: одни преувеличивали таинственное значеніе своихъ злоумышленныхъ плановъ; другіе преувеличивали реформаторскія попытки въ сущности еще не успѣвшаго ничего сдѣлать Благолѣпова. Его искали давно, уже у нѣсколькихъ арестованныхъ нашли его письма, уже въ немъ видѣли опаснаго агитатора, хотя сущность его дѣятельности и участія въ агитаціи и была еще не выяснена, но находить его не находили. Не нашли бы его, быть-можетъ, и еще нѣсколько лѣтъ, не нашли бы, быть-можетъ, и вовсе, если бы чисто случай не привелъ къ открытію его убѣжища.

Въ одинъ изъ храмовыхъ праздниковъ въ родномъ городѣ Благолѣпова преосвященный Филоѳей самъ служилъ обѣдню въ соборѣ. Народу въ церкви набралась масса; всѣ были въ праздничномъ настроеніи, всѣ восхищались архіерейскими пѣвчими и басомъ гиганта-дьякона. Среди извѣстной части купечества, тѣснившагося около свѣчной выручки, между крестными знаменьями и шопотомъ молитвъ, какъ это всегда бываетъ въ большія храмовыя торжества, шли толки и о преосвященномъ, и о пѣвчихъ, и о дьяконѣ. Какой-то старикъ-купецъ замѣтилъ между прочимъ:

— Вотъ, жаль, не пошелъ въ духовное званіе Ипкапоръ-то Ивановичъ, племянникъ-то его преосвященства. То-то знатный бы дьяконъ былъ. Косая сажень въ плечахъ. Намеднись видѣлъ я, какъ онъ на пожарѣ въ Русовѣ работалъ, такъ что это за махина человѣкъ!

— Да что же онъ въ Русовѣ дѣлаетъ?.. При должности какой, что ли?—спросилъ кто-то.

— Управитель, кажись, у князя или секретарь,—отвѣтилъ купецъ.—Я еще вотъ преосвященному-то не говорилъ. Хотѣлъ все молодца-то похвалить. Ямщикъ разсказывалъ, что такой-то славный парень изъ него сдѣлался. Мужички не нахвалятся.

Digitized by Google

— Заливать-то, вѣрно, пересталъ?

— Ужъ вѣрно, если князь при себѣ держитъ.

Купецъ сталъ распространяться о Никанорѣ Ивановичѣ, о своихъ отношеніяхъ къ преосвященному. Ему было очень пріятно даже прилгать, чтобы только всѣ знали, что онъ «свой человѣкъ у преосвященнаго» и чуть не на «ты» съ нимъ.

Кто слушалъ этотъ разсказъ? Кто передалъ о немъ, кому слѣдовало знать объ этомъ? Все это осталось неизвѣстнымъ. Извѣстно было только то, что Благолѣпова нашли, и онъ увидалъ при допросѣ, что противъ него имѣется цѣлая масса обвиненій, да такихъ, какихъ онъ и придумать не могъ бы самъ, заглянувъ въ свое прошлое. У него ночевалъ когда-то такой-то, ходившій въ народъ, пріятель,—его подозрѣвали, что у него былъ притонъ злоумышленниковъ. У него оставили двое знакомыхъ народниковъ двѣ-три однородныхъ брошюры, — его подозрѣвали въ томъ, что у него былъ «складъ запрещенныхъ сочиненій», что онъ намѣренъ былъ ихъ распространять. Откуда-то всплыли толки сосѣдей о томъ, что онъ вооружалъ народъ, побуждалъ къ стачкѣ рабочихъ, — и его подозрѣвали въ подстрекательствѣ. Все это было очень естественно, очень понятно. То была пора, когда дѣла подобнаго рода были чѣмъ-то совершенно новымъ, когда никто вообще—ни въ той, ни въ другой партіи—не составилъ себѣ яснаго понятія о нихъ, о ихъ размѣрахъ, о ихъ цѣляхъ, когда только видѣли, что тутъ роются преступные замыслы; но въ какой мѣрѣ преступны эти замыслы, какое участіе принимаютъ въ этихъ замыслахъ тѣ или другія лица, кто изъ этихъ лицъ дѣйствительно раздѣляетъ эти замыслы и кто только виноватъ тѣмъ, что не доносилъ на виновныхъ — всего этого тогда никто еще не зналъ. Всѣ точно растерялись. Изъ первыхъ же допросовъ Благолѣповъ понялъ, что противъ него нѣтъ никакихъ крупныхъ уликъ; но тѣмъ не менѣе, онъ сознавалъ, что его не выпустятъ на всѣ четыре стороны, что слѣдователи будутъ докапываться настойчиво и упорно, чтобъ узнать, нѣтъ ли за нимъ чего-нибудь такого, что ускользало покуда отъ ихъ глазъ. Онъ понималъ, что его могутъ держать въ тюрьмѣ уже за одно то, что онъ бѣжалъ отъ надзора полиціи съ фальшивымъ паспортомъ. Отрицать этого было нельзя, оправдать себя въ этомъ поступкѣ было невозможно. Наконецъ, у него нашли нѣсколько записокъ, написанныхъ рукою захваченныхъ, замѣшанныхъ въ дѣло людей. Записки были пустыя, незначительныя, но онѣ говорили о сношеніяхъ

Digitized by Google

Зачѣмъ онъ хранилъ ихъ? Конечно, только потому, что не придавалъ имъ значенія, забылъ о нихъ, не бросилъ ихъ тотчасъ же по полученіи. А между тѣмъ, онѣ-то и являлись уликами. Положеніе было безвыходное, впереди можно было ожидать только дурного. Но чаша горечи была бы далеко не полна, если-бъ могли оставить въ покоѣ княжну. Самъ Благолѣповъ готовъ былъ мужественно перенести все, сознавая, что онъ платился все-таки за что-нибудь — за неосторожность, за легкомысліе, за проступокъ; но когда онъ узналъ, что захватили и княжну,— онъ пришелъ въ отчаяніе. «Ее-то за что? Чѣмъ она виновата? Въ чемъ ее подозрѣваютъ? Какъ дошли до мысли объ ея арестѣ? Вѣдь за то, что онъ жилъ въ домѣ князя, взять ее было невозможно. Она могла и не знать, что у него фальшивый паспортъ, что у него были преступныя связи. Ея арестъ — крайняя несправедливость». Благолѣповъ проклиналъ тотъ день, когда онъ согласился вступить въ Русово управляющимъ, когда онъ согласился остаться въ княжескомъ домѣ. Онъ боялся даже и думать, что дѣлается съ княжною, какъ она переноситъ тюремное заключеніе. Каково было это заключеніе, онъ зналъ уже по опыту. Онъ, человѣкъ простой, не брезгливый, съ трудомъ мирился съ грязью, съ ѣдою, съ воздухомъ провинціальной тюрьмы. А она?.. Что она теперь чувствуетъ къ нему, Благолѣпову, виновнику всего этого несчастія? Вѣдь онъ былъ опытнѣе ея, онъ зналъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ знать, къ чему ведутъ сношенія съ опасными людьми; онъ игралъ съ огнемъ, забывая, что этотъ огонь можетъ испепелить другую, дорогую для него жизнь.

Въ Русовѣ шла не меньшая тревога, хотя совсѣмъ въ другомъ родѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не переживу этого позора! — звучали теперь въ ушахъ Орлова восклицанія пріѣхавшей въ деревню княгини.—Я всегда ожидала, что она кончитъ какъ-нибудь не такъ, какъ всѣ, но этого не ждала... Она была противъ всѣхъ этихъ революціонеровъ за границей, она спорила съ ними, она отзывалась о нихъ съ неуваженіемъ и — вдругъ сошлась здѣсь съ какимъ-то бѣглымъ!.. Александръ, мнѣ совѣстно, я боюсь выговорить это, но скажи мнѣ откровенно... Я — мать, я должна знать все, приготовиться ко всему!.. Этотъ человѣкъ... какъ его, Никаноръ?.. что, онъ въ связи съ нею?

Русовъ холодно взглянулъ на мать и сухо отвѣтилъ ей:

Digitized by Google

— Соня настолько чистое созданіе, что странно даже дѣлать подобные вопросы.

— Да, но вѣдь я — мать, я — мать!.. Она носитъ наше имя... Это можетъ все огласиться, запятнать...

— Ахъ, полноте, мало ли кто таскалъ въ грязи нашъ княжескій гербъ! Теперь надо заботиться не объ имени, а о человѣкѣ... Ее спасти надо...

— Да развѣ это возможно? Я знаю, что за люди эти агитаторы, эти негодяи, желающіе затопить въ крови Россію. Я близко узнала ихъ за границею. Это — изверги, безъ сердца, безъ чести...

И княгиня разразилась цѣлымъ потокомъ громкихъ фразъ о тѣхъ, съ кѣмъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ она кокетничала, играя роль недовольной чѣмъ-то и кѣмъ-то, воображая себя госпожею Роланъ.

— Да, это все послѣдствія матерьялизма, послѣдствія безбожія!—продолжала ораторствовать княгиня, вспоминая разныя вычитанныя ею гдѣ-то фразы.—Когда люди забываютъ о Богѣ, когда они не вѣрятъ ни во что, когда у нихъ нѣтъ ничего святого,—они, конечно, готовы на все, на грабежъ, на убійство...

Княгиня теперь давно уже бросилась въ новую крайность и бредила католическими патерами, какими-то чудесами, какими-то знаменіями. Католическіе патеры явились ей послѣдними утѣшителями и друзьями, и она такъ же повторяла теперь ихъ слова, какъ не особенно давно повторяла слова русскихъ эмигрантовъ, какъ прежде повторяла слова своихъ великосвѣтскихъ любовниковъ.

— Мнѣ кажется, вамъ лучше бы всего для своего спокойствія поселиться гдѣ-нибудь за границей,—спокойнымъ, но твердымъ тономъ посовѣтовалъ ей князь. — Здѣсь вамъ будетъ слишкомъ тяжело постоянно слышать о Сонѣ.

— Но развѣ я могу уѣхать, когда моя дочь... — начала княгиня.

Сынъ перебилъ ее.

— Вы все равно не видите ея, — сказалъ онъ. — Наконецъ, для чего вамъ и видѣть ее? Любить ее вы уже не можете, облегчить ея участь вы не можете, передѣлать ее вы не можете. Вы только напрасно будете отказывать себѣ въ удовольствіи жить тамъ, куда васъ тянетъ все...

Онъ былъ сухъ и холоденъ съ матерью, но сдержанъ и вѣжливъ. Но эта холодность смѣнилась въ его душѣ почти враждебнымъ чувствомъ къ ней, когда она какъ-то свысока

Digitized by Google

взглянула на Настю, услыхавъ отъ сына, что это его жена, что она приходится двоюродною сестрой Орлову. Княгиня, услыхавъ отъ сына, что онъ женился недавно, что онъ не писалъ объ этомъ, такъ какъ свадьба была тихая, скромная, сразу, чутьемъ угадала, что сынъ сдѣлалъ mésalliance, что его жена какая-то мѣщанка, что, можетъ-быть, это даже и не жена вовсе.

— Мнѣ кажется, все-таки можно бы было написать объ этомъ мнѣ!—сказала княгиня сыну.

— Мнѣ казалось, что это дѣло касается только меня и моей невѣсты,—коротко отвѣтилъ князь.

— Но я—мать!

Не отвѣчая на это восклицаніе, слишкомъ уже часто повторявшееся въ эти дни, князь спокойно сказалъ:

— Къ тому же я даже не имѣлъ отъ васъ извѣстій о томъ, гдѣ вы находитесь въ извѣстную минуту, и думалъ, что одного этого довольно, чтобы не безпокоить васъ своими письмами.

— Что это, упрекъ?—спросила она.

— Нѣтъ, я просто объясняю причину, почему я не писалъ. Сводить же старые счеты — это будетъ очень длинно и едва ли поведетъ къ чему-нибудь,—отвѣтилъ онъ.

Между матерью и сыномъ было все порвано, и оба они сознавали это. Княгиня начала даже какъ будто побаиваться сына. Ее не испугала бы его раздражительность или запальчивость, но ее пугала его холодная сдержанность. Она инстинктивно угадывала, что этотъ человѣкъ въ случаѣ необходимости не пощадитъ своего врага и сумѣетъ раздавить его желѣзною рукой. Были двѣ-три минуты, двѣ-три фразы, когда княгиня невольно подумала, что онъ видитъ именно въ ней такого врага и что въ случаѣ крайности не пощадитъ ея.

Еще холоднѣе, еще официальнѣе были отношенія между княгиней и Орловымъ. Онъ начиналъ чувствовать къ ней почти ненависть, по мѣрѣ того, какъ передъ нимъ раскрывалась теперь вся мелочность, вся пустота, вся пошлость, вся дрянность этой натуры. Онъ ненавидѣлъ ее за то, что она унижала его въ его собственныхъ глазахъ, напоминая ему собою, что онъ могъ когда-то преклоняться передъ этой женщиной, могъ любить ее. Она была ходячимъ свидѣтельствомъ его ошибокъ, заблужденій, недальновидности. Онъ бы не ощущалъ этой ненависти, если бы могъ хоть на минуту увѣрить себя, что онъ сошелся съ нею только какъ съ падшей женщиной.

Digitized by Google

Но она была когда-то его кумиромъ, и онъ бѣсился, что онъ могъ хоть когда-то благоговѣть передъ тѣмъ, что стоило только презрѣнія. Княгиня сразу угадала, что онъ презираетъ ее, и подняла передъ нимъ голову, едва отвѣчая на его поклоны и не обращая вниманія на его замѣчанія во время разговоровъ. Впрочемъ, никому въ сущности не было и дѣла до нея, такъ какъ теперь всѣ помыслы были обращены на одно—на стремленіе спасти и выгородить Благолѣпова и княжну.

— Не жалѣй ничего, ни денегъ, ни хлопотъ,—говорилъ Александръ Александровичъ Орлову:—но постарайся спасти ихъ обоихъ, обоихъ потому, что спасти одну сестру — это значитъ поправить дѣло только наполовину...

— Даже вовсе не поправить его, такъ какъ она пойдетъ теперь всюду за Никаноромъ,—отвѣтилъ Орловъ.

— Да, да, это вѣрно... Иначе и быть не можетъ! — согласился князь.

— Да кстати. Ты знаешь, что я хотѣлъ разузнать, нельзя ли при помощи протекцій и взноса денегъ взять Соню на поруки,—сказалъ Орловъ.—Я имѣлъ глупость сказать ей это, и она отказалась наотрѣзъ.

— Ты, вѣрно, не сказалъ, что мы будемъ хлопотать о томъ же и для Благолѣпова,—замѣтилъ князь.

— Я и это сказалъ. Но она спросила меня: «А другихъ тоже выпустятъ? Если нѣтъ, то я не воспользуюсь никакими льготами».

Князь задумчиво ходилъ по комнатѣ.

— Да, этого и нужно было ждать,—проговорилъ онъ.— Теперь все, что было въ ней только молодымъ броженіемъ, молодыми вспышками, войдетъ ей въ плоть и кровь, сдѣлается глубокимъ убѣжденіемъ, освященнымъ страданіями.

И вотъ Орловъ засѣлъ за это дѣло. Съ преданностью друга, съ умѣньемъ опытнаго дѣльца онъ слѣдилъ за ходомъ допросовъ, за характеромъ уликъ, за всѣми тѣми мелочами, которыя нужно было имѣть въ виду въ рѣшительную минуту. А дѣло все разрасталось и расширялось, такъ какъ къ нему припутывались десятки лицъ.

Для Орлова настала пора горячей дѣятельности. Кромѣ дѣла княжны и Благолѣпова на его рукахъ было теперь дѣло семьи Русовыхъ по вводу во владѣніе, по дѣлежу наслѣдства. Князь, вышедшій въ отставку и обвѣнчавшійся въ уѣздномъ городишкѣ съ Настею, занялся чисто хозяйственными дѣлами, перебравшись въ Русово, всѣ же судеб-

Digitized by Google

ныя и официальныя сношенія предоставилъ вполнѣ Орлову. Наслѣдство покойнаго князя представляло очень крупную цифру, имѣнія его были разбросаны въ нѣсколькихъ губерніяхъ, и потому возни было съ этимъ дѣломъ не мало. Александръ Александровичъ Русовъ предложилъ Орлову общепринятую плату за эти хлопоты, и цифра вышла довольно крупная. Орловъ стѣснялся, но князь просто замѣтилъ ему:

— Что же, ты хочешь, чтобы кто-нибудь другой взялъ еще больше и не сдѣлалъ бы почти ничего или затянулъ бы дѣло?

— Но мы съ тобой стоимъ въ такихъ отношеніяхъ, — началъ Орловъ.

— Что я знаю, что ты человѣкъ не богатый, и что ты ради меня теперь бросилъ всѣ другія дѣла,—докончилъ князь.

Орловъ очень хорошо понималъ, что дѣлать дѣло нельзя даромъ, что дѣйствительно изъ одной дружбы нельзя было бросить всѣ дѣла и отдаться дѣламъ князя, но его какъ-то досадливо смущало одно неотвязчивое сознаніе, что первое его очень крупное по доходу дѣло — было дѣло друга, что первая его яркая защита — будетъ защита друзей въ политическомъ процессѣ. Онъ мысленно сравнивалъ это съ чѣмъ-то въ родѣ того, что человѣкъ черезъ трупъ ближняго переступаетъ къ счастью.

— Мы, какъ доктора, аптекаря и гробовщики,—говорилъ онъ съ грустной улыбкой: — когда говоримъ объ удачѣ, о хорошихъ дѣлишкахъ, это значитъ, что Богъ далъ хоть маленькую холеру...

— Да вѣдь и въ большинствѣ случаевъ такъ бываетъ,— по крайней мѣрѣ, покуда, — сказалъ князь. Кто-нибудь умретъ, и у кого-нибудь развязались руки, кому-нибудь очистилось мѣсто, кто-нибудь получилъ наслѣдство...

Онъ вздохнулъ.

— Вотъ и я въ отставкѣ, женатъ, живу здѣсь, потому что умеръ отецъ... А сколько іезуитовъ будетъ ликовать, узнавъ объ этой смерти отъ матери!.. Теперь она можетъ щедрою рукой разсыпать направо и налѣво свои собственныя деньги... Сдержать болѣе некому.

Всѣ эти событія, сцены, разговоры приходили на память Орлову, когда онъ приготовлялся къ защитѣ княжны и Благолѣпова.

Толкуя съ защитниками другихъ подсудимыхъ, долженствовавшихъ судиться въ одной группѣ съ княжной и Благолѣповымъ, онъ ясно сознавалъ, что его кліенты будутъ

Digitized by Google

оправданы, что если ихъ и постигнетъ какое-нибудь наказаніе, такъ это въ крайнемъ случаѣ водвореніе куда-нибудь на жительство подъ надзоръ полиціи, да и то эта участь могла постигнуть развѣ Благолѣпова, если ему не вмѣнять въ наказаніе долговременное содержаніе въ тюрьмѣ. Онъ сознавалъ, что ему, прослѣдившему ихъ дѣло до послѣднихъ мелочей, защита будетъ далеко не трудна, что онъ можетъ не только оправдывать своихъ кліентовъ, но только опровергать обвиненія, но даже можетъ напасть на тѣхъ, кто впуталъ въ это дѣло его кліентовъ, какъ подсудимыхъ, тогда какъ они если бы и могли фигурировать въ этомъ процессѣ, то развѣ только какъ свидѣтели и не болѣе. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ обвинять за разговоры, которыхъ никто даже хорошо не помнитъ, или за держаніе двухъ-трехъ запрещенныхъ книжекъ, которымъ не придаютъ никакого значенія, или даже за знакомство съ опасными людьми, за дѣятельность которыхъ странно отвѣчать постороннимъ и которые могутъ попасться намъ навстрѣчу на каждомъ шагу. Главная вина его кліентовъ въ томъ, что они не доносили на опасныхъ людей и не задерживали этихъ людей, но нельзя же ставить въ обязанность каждому гражданину исполнять роль доносчика и полицейскаго. Въ то же время, приготовляя свои рѣчи, Орловъ старался употребить всѣ усилія, чтобы защищать съ достоинствомъ и не ронять своихъ кліентовъ, сваливая ихъ поступки на легкомысліе, на необдуманность, на недомысліе. Онъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой, зналъ, что дѣла сложились тутъ просто роковымъ образомъ, и что вовсе не легкомысліе заставило Благолѣпова уйти съ фальшивымъ паспортомъ работать, когда съ настоящимъ паспортомъ пришлось бы надѣть петлю на шею или спиться съ круга отъ бездѣйствія. Не при чемъ было легкомысліе и въ поступкахъ княжны, когда она, добрая, готовая помочь каждому, давала деньги на голодныхъ и холодныхъ людей, заброшенныхъ Богъ знаетъ куда безъ работы, безъ средствъ, безъ поддержки; если бы тогда было хоть какое-нибудь правильно организованное общество для вспомоществованія административно-сосланнымъ, то, конечно, тайная помощь имъ могла бы еще считаться слѣдствіемъ какихъ-нибудь преступныхъ сношеній съ этими людьми, но въ данномъ случаѣ эта помощь была просто добрымъ дѣломъ; за нее обвинять можно было настолько же, насколько можно обвинять въ соучастіи съ ворами и убійцами, въ сочувствіи къ ворамъ и убійцамъ тѣхъ, кто подаетъ идущимъ на каторгу

Digitized by Google

милостыню. А кто же изъ русскихъ людей не подастъ гроша «несчастненькимъ», заключеннымъ? Ужъ, конечно, какія-нибудь купчихи, развозящія калачи, сайки и пироги по острогамъ, вовсе не выражаютъ этимъ желанія, чтобы воровъ и грабителей развилось побольше въ ихъ городѣ. Орловъ радовался и тому, что личности именно его кліентовъ являлись безупречными въ нравственномъ отношеніи, что ихъ нельзя было упрекнуть за развратъ, что въ ихъ прошломъ не было безчестныхъ поступковъ, что ихъ нельзя было назвать даже недоучками. Несмотря на все это, несмотря на убѣжденіе въ невинности княжны и Благолѣпова, Орловъ провелъ тяжелую ночь наканунѣ начала ихъ процесса. Это былъ одинъ изъ первыхъ политическихъ процессовъ, гдѣ обвинялась за разъ цѣлая большая группа лицъ, гдѣ высказались первые намеки на «организацію», на «общество». Не безъ волненія вошелъ онъ въ залу, гдѣ долженъ былъ засѣдать судъ, гдѣ уже все было полно народомъ, гдѣ царствовали какой-то зловѣщій шопотъ, какая-то зловѣщая суета, какое-то зловѣщее нетерпѣніе, однимъ словомъ все то, что предшествуетъ роковымъ возгласамъ среди внезапно наступающей тишины: «судъ идетъ», «введите подсудимыхъ», «прочтите обвинительный актъ», «признаете ли вы себя виновнымъ» и т. д. безъ конца. Шаги жандармовъ, появленіе взволнованныхъ лицъ подсудимыхъ, приводъ къ присягѣ свидѣтелей, короткіе вопросы и сбивчивые отвѣты, перешептываньс защитниковъ съ ихъ кліентами, все это дѣйствуетъ на нервы, особенно когда вдругъ раздается вопросъ прокурора, обращенный къ свидѣтелю, и кажется, что вотъ-вотъ свидѣтель спутается, заговорится, преувеличитъ показанія, дастъ новый мотивъ къ обвиненію, наброситъ новую тѣнь на то или другое лицо. Но вотъ конченъ долго тянувшійся мучительный допросъ свидѣтелей, вотъ поднимается прокуроръ, вотъ раздаются его первыя фразы, банальныя общія мѣста о томъ, что преступленіе есть преступленіе. Прокурору очень трудно говорить: несмотря на долгое слѣдствіе, несмотря на массу уликъ въ преступности тѣхъ или другихъ подсудимыхъ, онъ, прокуроръ, сознаетъ, что суть дѣла все еще остается не вполнѣ выясненною, что конечныя цѣли организаціи этого преступнаго сообщества ускользнули отъ глазъ правосудія, что волей-неволей приходится связывать живыми нитками всѣхъ этихъ подсудимыхъ въ одну группу, что слѣдствіе велось неумѣло. Орловъ это понимаетъ и не ждетъ отъ прокурор-

Digitized by Google

ской рѣчи ничего особенно сильнаго, такъ какъ въ данномъ случаѣ въ рукахъ у прокурора находится менѣе боевыхъ снарядовъ, чѣмъ у защитниковъ. Но что же это? Мало того, что прокуроръ обвиняетъ преступниковъ за ихъ преступленія, онъ говоритъ, что всѣ они безъ исключенія въ частной жизни развратны, что всѣ они желаютъ только зла и гибели отечеству, что всѣ они безсердечны, грубы и невѣжественны, что всѣ они достойны не одного наказанія, но и позора. Орловъ чувствуетъ на минуту, что у него поднимается желчь. Но прокуроръ продолжаетъ говорить гладко и ровно, немного цвѣтисто и театрально. Орловъ подъ звуки этой рѣчи мало-по-малу остываетъ и сознаетъ, что сердиться на прокурора вовсе не за что. Ему кажется даже, что онъ ждалъ именно этого оборота рѣчи, что онъ зналъ, что иначе не можетъ и быть. Самъ вѣдь былъ прокуроромъ! Это просто пріемы обвиненія, такіе же банальные, какъ бываютъ и пріемы защиты, разглагольствующей о невмѣняемости, дѣлающей изъ преступника-убійцы—жертву, а изъ павшаго подъ его ножомъ—злодѣя-убійцу. Таково уже положеніе прокурора и защитника, что имъ вообще приходится накладывать краски нѣсколько гуще и въ особенности тогда, когда у нихъ въ рукахъ мало фактовъ, когда у нихъ нѣтъ подъ ногами твердой почвы: ихъ рѣчь не есть сама истина, сама правда, а только пристрастный, односторонній взглядъ на дѣло; потому-то и приходится выслушивать ихъ обоихъ и осторожно, осмотрительно взвѣшивать, въ чемъ заключается правда, гдѣ истина. Но вотъ Орловъ слышитъ надъ собою шопотъ, онъ поднимаетъ голову и къ нему склоняется исхудалое, блѣдное женское лицо съ воспаленными глазами.

— Вѣдь мнѣ дадутъ, Митя, послѣднее слово?—слышится тихій голосъ княжны.

— Конечно!—отвѣчаетъ онъ.

— Ну, значитъ, я отвѣчу ему...

— Что ты хочешь сказать?

— О, зачѣмъ же онъ топчетъ въ грязь!

И Орловъ видитъ, что глаза княжны, устремленные куда-то вдаль, можетъ-быть, на образъ, висящій напротивъ, блестятъ какимъ-то лихорядочнымъ блескомъ. И точно, кончилась рѣчь прокурора, начались и кончились рѣчи защитниковъ, начали говорить подсудимые, заговорила и княжна. Что же это? Она не оправдывается отъ взводимыхъ на нее преступленій: она утверждаетъ, что она знала и о фальшивомъ

Digitized by Google

паспортѣ Благолѣпова, и видѣла приходившихъ къ нему людей, и давала деньги на высланныхъ, и сочувствовала тѣмъ-то и тѣмъ-то идеямъ. Боже мой, да вѣдь она губитъ себя, губитъ впечатлѣніе, произведенное защитительной рѣчью. Ея каждое слово чуть не новое преступленіе. Хоть бы ее остановили, лишили слова! Но нѣтъ, ее останавливаютъ, ей грозятъ лишеніемъ слова, а она, точно подталкиваемая какой-то сверхестественной силой, точно забывая всѣхъ и все, горячо, съ увлеченіемъ, съ яркимъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ защищаетъ свою нравственную чистоту, свое сердце, свою жажду добра и только добра. Ее хотятъ опять прервать, но она все-таки громко, отчетливо досказываетъ свое послѣднее слово:

— Пусть насъ обвиняютъ за незаконныя средства, но кто же можетъ топтать въ грязь наши цѣли.

— Наши! наши!—мысленно восклицаетъ Орловъ, чувствуя, что ему стало какъ-то жутко. — Чьи это наши? Твои или ихъ? Зачѣмъ ты заставляешь смѣшать себя вмѣстѣ со всѣми!

Орловъ уже не слышитъ, кто и что теперь говоритъ; онъ весь охваченъ страхомъ за участь княжны и, кажется, не за ея участь теперь, а за ея участь послѣ. А кругомъ вдругъ все стихаетъ точно въ комнатѣ умирающаго. Настаетъ именно тотъ роковой моментъ, когда уже нельзя ничего прибавить къ обвиненію, ничего присовокупить къ защитѣ. За минуту тутъ еще можно было топтать въ грязь этихъ людей и можно было ставить ихъ на пьедесталъ; за минуту тутъ шла простая борьба обвиненія и защиты, теперь тутъ ждутъ только рѣшенія участи; за минуту тутъ были только подсудимые, сейчасъ здѣсь будутъ преступники, осужденные, лишенные всѣхъ правъ, не люди, а только нумера. У Орлова захватывало духъ въ ожиданіи резолюціи суда. Для него дѣло шло не объ оправданіи или обвиненіи его кліентовъ, а объ участи его друзей, сдѣлавшихся ему за эти мѣсяцы, за эти годы почти родными. Онъ могъ не раздѣлять вполнѣ всѣхъ ихъ убѣжденій, ихъ взглядовъ, ихъ поступковъ, но онъ не могъ не болѣть за нихъ душой, зная изо дня въ день ихъ жизнь въ тюрьмѣ, ту жизнь одиночнаго заключенія, когда люди начинаютъ говорить съ мышонкомъ, прикармливать паука, учить таракана возить бумажныя телѣжки. Мало того, онъ пересталъ уже видѣть въ нихъ не только преступниковъ или виноватыхъ, но даже заблуждающихся людей, а видѣлъ только людей, много перестрадавшихъ, искалѣченныхъ, можетъ-быть, на всю жизнь.

Digitized by Google

съ потрясеннымъ организмомъ, съ больными нервами. Такъ близкіе родные смотрятъ на больного со слезами на глазахъ и ухаживаютъ за нимъ, не спрашивая, не думая вовсе о томъ, отчего онъ стоитъ на краю могилы, отъ разгула, отъ безпутной жизни, отъ пороковъ: передъ ними уже лежитъ больной, умирающій, а не грѣшникъ и подсудимый. Кто не способенъ такъ относиться къ ближнимъ, тотъ уже не человѣкъ. Но, Господи, какъ долго длится совѣщаніе! Но вотъ судъ идетъ. Вотъ начинается чтеніе...

— Оправданы! оправданы! поздравляю!

У Орлова на глазахъ слезы, у него духъ захватываетъ. Вотъ и князь Александръ, и Настя подносятъ платки къ глазамъ, и въ то же время ихъ лица сіяютъ радостью.

Орловъ не забылъ ни одной мелочи изъ всѣхъ этихъ событій, кончившихся только наканунѣ. Онъ отдыхалъ отъ нихъ дома. Но ему не сидѣлось дома, ему хотѣлось быть тамъ, въ ихъ кругу, узнать, что они намѣрены дѣлать далѣе, какъ устроится ихъ участь. Онъ взглянулъ на часы, было семь часовъ вечера.

Онъ всталъ, одѣлся и поѣхалъ въ домъ Русовыхъ, гдѣ надѣялся застать въ сборѣ всѣхъ своихъ друзей.

III.

Послѣ долгихъ лѣтъ впервые Орловъ снова поднимался по лѣстницѣ барскаго дома Русовыхъ. Едва переступилъ онъ порогъ дверей, едва успѣлъ очутиться передъ широкою лѣстницей этихъ палатъ, какъ вдругъ въ немъ проснулось все давно минувшее прошлое и воспоминанія охватили его всего. Онъ вспомнилъ, какъ когда-то впервые робко входилъ онъ, дитя Захолустной улицы, по этимъ бѣлымъ мраморнымъ ступенямъ, какъ здѣсь красивѣлъ онъ, встрѣчая лакеевъ, ходившихъ въ гости къ его роднымъ, какъ на этой самой лѣстницѣ не разъ обнималъ и цѣловалъ его прелестный мальчикъ, его другъ, и какъ тутъ же онъ, Орловъ, впервые смутился до глубины души и назвалъ себя негодяемъ, встрѣтивъ этого же друга, уже юношу, и не имѣя силъ сознаться, что онъ только что вышелъ изъ будуара матери этого друга еще пьяный отъ ея жгучихъ ласкъ и поцѣлуевъ. О, сколько тутъ пережилось и свѣтлыхъ, и мрачныхъ, и полныхъ надежд, и полныхъ отчаянья дней! Да, полно, тѣ ли это палаты? Развѣ тогда освѣщалась такъ убого эта лѣстница? Развѣ были тогда такъ запылены эти статуи? Развѣ тогда тутъ не стояло массы цвѣтовъ? Теперь

Digitized by Google

здѣсь было какое-то запустѣнье, заброшенность. Орлову вспомнилось, что этотъ домъ продается. «И Богъ съ нимъ», промелькнуло въ его головѣ.—Едва ли кто-нибудь изъ Русовыхъ пожалѣетъ, что у нихъ не станетъ этого гнѣзда, гдѣ было много внѣшняго блеска и внутреннихъ терзаній, гдѣ всѣ хорошія отношенія были полны только лицемѣріемъ и прикрывались только маской приличія.

Дмитрій Андреевичъ поднялся по лѣстницѣ, прошелъ по слабо освѣщенной бѣлой залѣ, по гостиной, и ему стало жутко. Эта мебель подъ чехлами, эти люстры въ коленкоровыхъ мѣшкахъ, эти затянутыя кисеей картины походили на мертвецовъ въ саванахъ, а его гулко раздававшіеся въ пустынныхъ комнатахъ шаги точно говорили ему, что онъ идетъ по плитамъ катакомбъ. Да это и точно была могила стараго барства. Не сегодня, такъ завтра эти палаты купитъ какой-нибудь разбогатѣвшій царекъ изъ Чухломы или Бердичева, и здѣсь начнется новая, не похожая на прежнюю жизнь. Уже не мало такихъ барскихъ домовъ перешло въ новыя руки. Орлову нужно было пройти не мало комнатъ, чтобы добраться до «дѣтскихъ», гдѣ, какъ сказалъ ему швейцаръ, помѣстились господа. Наконецъ, онъ услышалъ голоса и отворилъ дверь въ комнату. Онъ сразу вспомнилъ, что въ этой комнатѣ онъ впервые узналъ, что и у князей Русовыхъ можетъ быть горе: именно здѣсь маленькій Саша въ тишинѣ ночи плакалъ передъ нимъ, говоря о своихъ несчастіяхъ. Онъ не успѣлъ еще осмотрѣться, какъ навстрѣчу ему поднялись княжна, Благолѣповъ, Настя. Онъ обнялся и перецѣловался со всѣми.

— А Александръ?—спросилъ онъ.

— Уѣхалъ по дѣламъ,—отвѣтила княжна.

— За меня хлопотать поѣхалъ,—сказалъ Благолѣповъ.

— А что?—встревоженно спросилъ Орловъ.

— Да подъ надзоръ опять ссылаютъ,—отвѣтилъ Никаноръ Ивановичъ.

— Я такъ и зналъ, я предсказывалъ это. Куда же? Опять на родину.

— Въ томъ-то и бѣда, что не на родину! Тамъ жить—это еще половина бѣды, а плыть на сѣверъ—это ужъ совсѣмъ бѣда.

Орловъ покачалъ головой.

— Куда же поѣхалъ Александръ? Теперь поздно...

— Ему устроили свиданіе на одномъ обѣдѣ съ нужнымъ человѣкомъ,—сказалъ Благолѣповъ.

Digitized by Google

— Ну, дай-то Богъ, чтобы какой-нибудь толкъ вышелъ,— сказалъ Орловъ.

Всѣ снова усѣлись. Разговоръ не вязался. Благолѣповъ что-то безсознательно чертилъ карандашомъ на бумагѣ. Княжна, плохо оправившаяся, слабая, полулежала на диванѣ, прислонившись щекой къ подушкѣ; во всемъ ея существѣ чувствовалась слабость. Настя что-то вышивала, и по временамъ у нея невольно вырывались тяжелые вздохи. Повидимому, она работала какъ-то наобумъ, вовсе не думая о работѣ и принявшись за нее только для того, чтобы разсѣяться хоть чѣмъ-нибудь.

— Что, Настасья Даниловна, чай, не разъ деревня-то вспомнится? — спросилъ ее Благолѣповъ, затушевывая нетерпѣливо что-то написанное имъ на бумагѣ.— Велики эти хоромы, а тоже словно тюрьма...

— Могила какая-то,— тихо прошептала княжна.

— Да, не уютно стало тутъ,— замѣтилъ Орловъ, осматриваясь.

— И всегда было не уютно, всегда было тяжело,— сказала княжна.

— Ну, вѣдь это мы здѣсь на недѣлю, не больше,—отвѣтила Настя, стараясь быть бодрой.— Саша хотѣлъ остановиться въ гостиницѣ, но... тамъ еще хуже: любопытные взгляды, кругомъ все слышно... Тутъ все же мы одни...

— Одни съ воспоминаніями, — задумчиво произнесъ Орловъ.

Княжна бросила мелькомъ взглядъ на него и кивнула утвердительно головой.

— Чортъ возьми, что же это онъ не ѣдетъ! Какъ задержали!—воскликнулъ Благолѣповъ и, бросивъ карандашъ, нетерпѣливо заходилъ по комнатѣ.

Орлова вдругъ поразили два обстоятельства: онъ увидалъ, что Благолѣповъ сталъ за это время сутуловатымъ и ходилъ какъ-то зигзагами, заплетая немного ногами. Это были слѣды долгаго одиночнаго заключенія въ тѣсной кельѣ, гдѣ нельзя было размашисто расходиться, кружась почти на одномъ мѣстѣ, гдѣ въ постоянныхъ одинокихъ думахъ невольно какъ-то сгибалась спина, опускалась на грудь голова... А князь все не ѣхалъ. Орловъ ждалъ его тоже нетерпѣливо, какъ и всѣ присутствовавшіе здѣсь, но онъ былъ увѣренъ, что хлопоты князя будутъ безуспѣшны. Дмитрій Андреевичъ хорошо зналъ, въ какое время они жили; онъ зналъ, что оправданіемъ Благолѣпова вовсе не разсѣяны ни опасенія,

Digitized by Google

ни подозрѣнія насчетъ Благолѣпова, что Благолѣповъ не можетъ быть признанъ благонамѣреннымъ человѣкомъ и отпущенъ на всѣ четыре стороны. Онъ не ошибся.

Князь Александръ Александровичъ долженъ былъ въ этотъ день встрѣтиться на обѣдѣ у одной изъ своихъ высокопоставленныхъ двоюродныхъ тетокъ съ особой, отъ которой зависѣла вся участь Благолѣпова.

Это ворочавшее дѣлами лицо было въ очень хорошихъ отношеніяхъ со всей родней Русовыхъ, было когда-то даже связано по-пріятельски съ покойнымъ княземъ Александромъ Владиміровичемъ Русовымъ. Молодой князь, какъ ему казалось, могъ разсчитывать на успѣхъ своего заступничества за Никанора Ивановича. Но онъ глубоко ошибся. Выбравъ удобную минуту, онъ объяснилъ старому пріятелю своего отца, что онъ имѣетъ къ нему просьбу, и разсказалъ, въ чемъ дѣло. Эта просьба нѣсколько удивила старика. Почему князь хлопочетъ о какомъ-то Благолѣповѣ! Князь объяснилъ, что Благолѣповъ долго служилъ у нихъ, превосходно управляя дѣлами покойнаго отца князя.

— А да, да! Я совсѣмъ забылъ эту фамилію! — сказалъ по-французски старикъ. — Вѣдь онъ и замѣшалъ вашу сестру... Признаюсь откровенно, для него я ничего не могу сдѣлать.

Князь съ несвойственнымъ ему видимымъ волненіемъ сталъ настаивать по своей просьбѣ.

— Я прошу о немъ, наконецъ, потому что это женихъ моей сестры,—заключилъ онъ.

— Женихъ вашей сестры?—съ удивленіемъ, протяжно проговорилъ старикъ и вздохнулъ, пожавъ плечами. — Да, счастливъ вашъ отецъ, что умеръ во-время. Это былъ бы для него жестокій ударъ.

— Отецъ глубоко уважалъ способности и честность этого человѣка.

— Не предвидя, конечно, что этотъ человѣкъ будетъ на скамьѣ подсудимыхъ,—докончилъ старикъ.

— Онъ попался невинно; судъ оправдалъ его...

Старикъ усмѣхнулся какой-то недоброй, холодной усмѣшкой.

— Да,—сказалъ онъ пророческимъ тономъ:—оправданъ, нынѣшніе суды относятся къ дѣламъ этого рода съ позволительнымъ легкомысліемъ и только готовятъ намъ своими оправданіями двойную работу въ будущемъ... Повѣрьте моей опытности, что всѣ эти оправданные—только кандидаты на

Digitized by Google

новые процессы. Впрочемъ, tel maître — tel valet! Какъ относится общество къ этимъ господамъ, такъ относятся къ нимъ и суды. Общество смотритъ на все легкомысленно, сквозь пальцы, умываетъ руки въ дѣяніяхъ этихъ господъ, даже рисуется при случаѣ близостью съ ними, чего-то ждетъ для себя отъ ихъ преступной дѣятельности, и, можетъ-быть, не безъ основанія. Вѣдь эти господа должны подкопаться подъ прочно стоящее зданіе, а подкопаются— тогда и можно будетъ вылѣзть изъ щелей разнымъ мошкамъ и букашкамъ. Расчетъ вѣренъ. Вы, конечно, слышали рѣчи ихъ защитниковъ? Какъ вы думаете, что такое представляютъ изъ себя эти господа адвокаты? Только болѣе ловкихъ единомышленниковъ этихъ подсудимыхъ. Они не что иное, какъ главный штабъ этихъ застрѣльщиковъ и охотниковъ. А наши писатели, газетчики, наши учителя и профессора...

Старикъ вдругъ совершенно неожиданно рѣзко оборвалъ рѣчь и холоднымъ тономъ замѣтилъ князю:

— Если ваша сестра дѣйствительно желаетъ выйти замужъ за этого господина, то ей надо торопиться свадьбой... Я, конечно, не имѣю ни права, ни желанія вмѣшиваться въ это дѣло и ужъ, разумѣется, не стану разлучать молодыхъ супруговъ...

— То-есть, тогда Благолѣповъ можетъ жить въ имѣніи моей сестры?—торопливо спросилъ князь.

Старикъ усмѣхнулся.

— О, нѣтъ! Она можетъ жить тамъ, гдѣ водворятъ его... Я только потому говорю, что нужно торопиться свадьбой, что этого господина нельзя оставить здѣсь долго...

Князь поблѣднѣлъ. Впервые послѣ многихъ лѣтъ онъ чувствовалъ, что его душитъ злоба. Онъ началъ горячо объяснять старику, что именно это водвореніе Благолѣпова въ пустынномъ уѣздномъ городѣ натолкнетъ Благолѣпова на всякіе злые умыслы, что въ имѣніи жены онъ занялся бы хозяйствомъ, что мало-по-малу онъ увидалъ бы хорошія стороны легальной дѣятельности, могъ бы вступить въ земство.

— Я самъ отдаю себя всего земской дѣятельности и надѣюсь, что мой примѣръ благотворно повліяетъ на этого человѣка, — сказалъ князь. — Онъ, наконецъ, самъ всегда любилъ именно этого рода дѣятельность, онъ...

— Да, вотъ видите ли, — перебилъ его рѣчь старикъ:— если дозволять подобнымъ господамъ жить, гдѣ имъ угодно,

Digitized by Google

то нужно держать цѣлые полки полиціи по деревнямъ. Въ городѣ онъ, все-таки, будетъ на виду, а тамъ, въ имѣніи, да еще въ своемъ имѣніи... Нѣтъ-съ, это невозможно. Притомъ же онъ не одинъ стоитъ въ такомъ положеніи, нельзя же дѣлать для него почему-то послабленія...

Тонъ старика становился все болѣе и болѣе сухимъ и офиціальнымъ. Князь уже хотѣлъ откланяться, когда старикъ замѣтилъ ему интимнымъ тономъ:

— Я увѣренъ, что вы не раздѣляете убѣжденій подобныхъ господъ и потому видите, надъ какою пропастью стоитъ ваша сестра. Какъ братъ, какъ порядочный человѣкъ, употребите все свое вліяніе, чтобы помѣшать ея браку съ этимъ господиномъ. Это будетъ, конечно, трудно сдѣлать, но это необходимо сдѣлать. Конечно, она потужитъ, поскучаетъ, но отъ несчастной любви не умираютъ въ ея годы. Она вѣдь уже не дѣвочка. Я даю вамъ этотъ совѣтъ, какъ старый другъ вашей семьи. Я очень жалѣю, что я не распорядился высылкой этого господина тотчасъ же послѣ окончанія суда, вчера же. Это, можетъ-быть, спасло бы вашу сестру и избавило бы отъ новыхъ огорченій вашу несчастную мать.

Князь поблѣднѣлъ и глухо спросилъ:

— Мою мать?

— Да, она, проѣзжая послѣ смерти вашего отца черезъ Петербургъ, видалась со мной. Отъ нея я и узналъ, какую змѣю отогрѣлъ вашъ отецъ въ лицѣ этого господина...

Князю оставалось только откланяться.

Когда, возвратившись домой, онъ отворилъ дверь въ комнату, гдѣ собрался весь дружескій кружокъ, всѣ сразу угадали по его лицу, какой отвѣтъ онъ принесъ. Всѣмъ стало жутко, и никто не рѣшался первый предложить вертѣвшійся у всѣхъ на языкѣ вопросъ. Князь самъ положилъ конецъ этому тяжелому положенію, коротко сказавъ, что «ничего не удалось». Благолѣповъ снова уже чертилъ что-то на бумагѣ, опустивъ низко голову.

— Куда же насъ отправятъ?—спросила коротко княжна.

Благолѣповъ какъ-то безсознательно поднялъ голову и взглянулъ на княжну.

— Въ Шенкурскъ, кажется... впрочемъ, не знаю навѣрное... Надо будетъ еще похлопотать, нельзя ли хоть въ Вятку или... Я право, не знаю куда, — отрывисто сказалъ князь.

Княжна вздохнула.

Digitized by Google

— Зачѣмъ же?.. Не все ли равно, гдѣ жить, если ужъ нельзя жить въ Русовѣ...

Благолѣповъ все еще слушалъ ея слова съ какимъ-то страннымъ видомъ. Наконецъ, она поднялась съ мѣста, подошла къ Благолѣпову и, взявъ его за голову, поцѣловала его въ лобъ.

— Что-жъ, милый, попробуемъ... можетъ-быть, выдержимъ!

Онъ вдругъ порывисто всталъ и сжалъ княжну въ объятіяхъ. До этой минуты она ни разу еще не заикнулась ему о свадьбѣ. Ничего не разспрашивая, ничего не разъясняя, князь спросилъ ихъ:

— Когда же свадьба?

Орловъ замѣтилъ:

— Надо торопиться...

Княжна и Благолѣповъ отвѣтили, что они готовы хоть сейчасъ подъ вѣнецъ.

— Формальности разныя можно обдѣлать живо,—сказалъ Орловъ.—Я берусь за это.

Княжна подошла къ нему и обняла его.

— Вотъ, Митя, думалъ ли ты, что ты будешь устраивать мою свадьбу и при такихъ обстоятельствахъ?—проговорила она, ласково улыбаясь.

— Не этого я не думалъ, а не думалъ я никогда, что я тебя когда-нибудь буду такъ горячо любить, какъ теперь, и — ревновать не буду, — задушевно сказалъ онъ. — Вотъ чего я не воображалъ и не могъ бы вообразить.

Всѣ вдругъ точно обрадовались новой темѣ для разговора и наперерывъ стали вспоминать прошлое, свои взаимныя отношенія, недоразумѣнія, въ родѣ исторіи между Орловымъ и Благолѣповымъ. Орловъ изъ всѣхъ силъ старался какъ можно комичнѣе изобразить, какъ онъ тогда бѣжалъ со станціи желѣзной дороги въ Русово, какъ онъ нѣтушился и придирался къ княжнѣ и къ Благолѣпову, увидавъ въ нихъ жениха и невѣсту, какъ онъ ночью рылся въ своей душѣ и наконецъ утромъ, когда лакей спросилъ его, какъ онъ дойдетъ до желѣзной дороги, мелодраматически отвѣтилъ: «Что-жъ, дойду и одинъ», то-есть дойдетъ одинъ до могилы, отверженный всѣми герой. Комизмъ разсказа былъ натянутъ, краски были слишкомъ густы, но всѣ старались улыбаться, даже княжна. Благолѣповъ тоже пустился въ разсказы о себѣ и опять-таки билъ на смѣшную сторону прошлыхъ событій, стараясь развеселиться и развеселить всѣхъ. Имъ хотѣлось обмануть себя, обмануть,

Digitized by Google

во что бы то ни стало, придумывая остроты, смѣясь надъ тѣмъ, что вовсе не было смѣшно, изобрѣтая что-то такое, что заставило бы ихъ убѣжать отъ самихъ себя. Настя торопливо хлопотала около чайнаго стола и тоже шутила, глотая слезы. Князь весело замѣтилъ, что такъ какъ послѣ свадьбы они всѣ тотчасъ же уѣдутъ, то свадебный пиръ устраивается сегодня. Онъ присѣлъ къ піанино и заигралъ какой-то бурный вальсъ. Благолѣповъ замѣтилъ, что онъ очень жалѣетъ, что, медвѣдь этакій, не научился откалывать вальсъ. Кто-то, кажется, Орловъ, попросилъ князя что-нибудь спѣть. Князь позвалъ жену, и они вдвоемъ запѣли какую-то развеселую цыганскую пѣсню, потомъ еще и еще пѣсню, и, наконецъ, раздались звуки «Пловцовъ»:

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна,
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина...

Звуки пѣсни лились широко и стройно; два молодыхъ свѣжихъ голоса удивительно хорошо сливались между собою, точно пѣли не двое, а одинъ человѣкъ. Орловъ и Благолѣповъ подошли къ піанино и заслушались пѣнія. Вдругъ въ комнатѣ, позади группы, образовавшейся около піанино, послышались какіе-то странные звуки, похожія на тихія, глухія, подавленныя всхлипыванія. Друзья разомъ обернулись назадъ: княжна лежала на диванѣ, припавъ лицомъ къ подушкѣ, и все ея тѣло истерически вздрагивало. Пѣніе оборвалось на полусловѣ. Благолѣповъ бросился къ княжнѣ. За нимъ рванулись Орловъ и князь, но Настя удержала ихъ за руки и тихо шепнула имъ:

— Оставимъ ихъ однихъ!

Они все трое тихо вышли изъ комнаты.

Далеко за полночь проходили князь и Орловъ по пустынной столовой, бесѣдуя о княжнѣ и Благолѣповѣ.

— Ты и представить себѣ не можешь, какой страхъ охватываетъ меня за нихъ, — говорилъ князь. — Вплоть до сегодняшняго вечера я все еще надѣялся спасти ихъ. Я думалъ: поселятся они въ Русовѣ, волей-неволей займутся на первыхъ порахъ хозяйствомъ, школой, больницей, а тамъ пойдутъ у нихъ дѣти и ставить на невѣрную карту свою участь станетъ уже трудно, потому что въ случаѣ проигрыша поплатятся не одни они, а и тѣ, чьей участью играть они не имѣютъ права... А теперь, теперь я уже ни на что не надѣюсь. Я не знаю, что съ ними будетъ, но

Digitized by Google

хорошаго ждать нечего. Поселятся они въ маленькомъ городишкѣ безъ знакомыхъ, безъ занятій, безъ цѣли въ жизни, придетъ сознаніе, что одною любовью нельзя наполнить всего существованія, и что станется съ ними тогда, это страшный вопросъ, остающійся покуда безъ отвѣта.

— Надо будетъ употребить всѣ средства, чтобы добиться поскорѣе снятія опалы,—сказалъ Орловъ.

— Да, но хорошо, если они сами сумѣютъ до снятія опалы быть своими тюремщиками, своими зоркими стражами, если они сумѣютъ воздержаться отъ всего, что можетъ набросить на нихъ новую тѣнь, а если нѣтъ, тогда нечего и думать о спасеніи. Вѣдь теперь достаточно какого-нибудь донесенія о ихъ неблагонадежности со стороны властей, чтобы ихъ участи не облегчили уже никогда. А развѣ мало найдется причинъ быть недовольными ими. Это уже люди, которые лишены даже возможности носить маску. Достаточно взглянуть на нихъ, достаточно немного поговорить съ ними, чтобы понять, что дѣлается въ ихъ душѣ, а въ ней уже никогда не будетъ ни свѣта, ни мира, ни покоя.

Князь грустно улыбнулся.

— Эти люди уже не будутъ изъ практическихъ расчетовъ играть въ картишки съ исправникомъ, пожимать руки жандармскимъ офицерамъ, дѣлать въ видѣ взятокъ подарки женамъ и дочерямъ полицейскихъ, ну, а безъ этого не зарекомендуешь себя благонамѣреннымъ гражданиномъ тамъ, въ какой-нибудь трущобѣ. Я увѣренъ, что они сразу станутъ во враждебныя отношенія къ властямъ и сразу явятся волей-неволей центромъ всѣхъ поднадзорныхъ въ городѣ, которые придутъ къ нимъ уже потому, что будутъ нуждаться въ помощи. Достаточно будетъ двухъ-трехъ дѣйствительно нуждающихся личностей, нѣсколько ихъ разсказовъ о несправедливостяхъ, немногихъ столкновеній съ полицейскими властями, чтобы масло подлилось въ огонь...

Вся бесѣда двухъ друзей шла на эту тему, и оба они не могли отыскать ничего, за что бы можно было ухватиться, какъ за якорь спасенія. Передъ ними погибали ихъ близкіе, а они не могли даже протянуть руки для ихъ спасенія. Они могли говорить успокоительныя фразы, но и только, — говорить эти фразы и знать, что этимъ спасти людей нельзя. Они разстались въ тяжеломъ, гнетущемъ настроеніи, точно въ домѣ былъ опасно больной, безповоротно приговоренный къ смерти. Это была послѣдняя интимная

Digitized by Google

бесѣда князя съ Орловымъ въ этомъ домѣ. Черезъ нѣсколько дней этотъ домъ долженъ былъ опустѣть, чтобы никогда нога кого-нибудь изъ Русовыхъ не переступала этого порога. Домъ было рѣшено продать.

Не прошло и недѣли, какъ въ одной изъ небольшихъ церквей на окраинѣ Петербурга скромно, безъ гостей, только въ присутствіи трехъ свидѣтелей было совершено бракосочетаніе княжны Русовой съ Благолѣповымъ. Въ тотъ же день молодые отправились въ маленькій уѣздный городишко. Съ ними вмѣстѣ уѣзжали князь Александръ Александровичъ и его жена, спѣшившіе въ свое имѣніе. Орловъ проводилъ друзей на дебаркадеръ николаевской желѣзной дороги, и когда поѣздъ тронулся, онъ долго, долго стоялъ на платформѣ и слѣдилъ глазами за исчезающею цѣпью вагоновъ. Когда онъ очнулся, онъ былъ совершенно одинъ подъ темнымъ навѣсомъ дебаркадера.

IV.

«Нашъ талантливый публицистъ», «нашъ извѣстный присяжный повѣренный», «одинъ изъ нашихъ выдающихся дѣятелей по тюремному вопросу», «энергичный членъ комитета вспомоществованія неимущимъ классамъ столичнаго населенія», — всѣ эти эпитеты, всѣ эти титулы давно уже стали неизмѣнно сопровождать имя Дмитрія Андреевича Орлова, и въ газетахъ появлялись слухи о выборѣ его то въ гласные думы, то въ почетные мировые судьи, то въ члены того или другого ученаго общества, того или другого комитета, того или другого акціонернаго общества. Его имя повторялось въ печати и въ обществѣ очень часто, даже слишкомъ часто, и теперь ему уже почти не надо было посылать самому о себѣ замѣтокъ, статей и телеграммъ въ газеты. Его матеріальное положеніе за время его пребыванія въ Петербургѣ значительно улучшилось. Кромѣ большого вознагражденія отъ князя онъ заполучилъ значительныя суммы еще по двумъ, по тремъ дѣламъ и, стремясь служить по выборамъ въ столицѣ, купилъ себѣ домъ, гдѣ и помѣстилъ отца, Мароу и Лешу. Андрей Ивановичъ былъ въ восторгѣ, что онъ живетъ теперь въ домѣ своего сына, въ «нашемъ домѣ», какъ онъ говорилъ всѣмъ и каждому изъ своихъ захолустенскихъ знакомыхъ, объясняя имъ въ то же время, что сынъ его не живетъ въ своемъ дому потому, что ему далеко отсюда до суда, а купилъ онъ домъ именно здѣсь, а не въ центрѣ города собственно потому,

Digitized by Google

что онъ, отецъ Дмитрія Андреевича, привыкъ къ этимъ мѣстамъ.

— Все обо мнѣ, все обо мнѣ, старикѣ, заботится! — говорилъ Андрей Ивановичъ.—А чего мнѣ еще нужно?.. Какъ сыръ въ маслѣ катаюсь... Птичьяго молока развѣ только недостаетъ!..

И болѣе всего утѣшало старика то, что Дмитрій Андреевичъ нѣтъ-нѣтъ да и завернетъ къ нему въ воскресный или праздничный день въ гости.

— Отдохнуть къ тебѣ, отецъ, заѣхалъ, — говорилъ онъ, обнимая отца.—Пирогомъ накормишь?

— Ахъ, вотъ вѣдь бѣда-то какая, Митя! Пирога-то сегодня и не пекли!—съ лукавой усмѣшкой говорилъ старикъ.

— Что ты! Какъ же это я такъ безъ пирога останусь? — говорилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Можно изъ трактира, братецъ, принести, — серьезно замѣчалъ Леша.

— Ну да, слушайте ихъ!—отзывалась Мароа Ивановна.— Два дня ужъ покою никому не давалъ Андрей Ивановичъ, все напоминалъ, чтобъ въ воскресенье непремѣнно пирогъ съ морковью былъ. Безъ него, видите, забыли бы...

Дмитрій Андреевичъ грозилъ пальцемъ старику и Лешѣ, усаживался въ кресло, начинались толки о житьѣ-бытьѣ, о домѣ, о томъ, что къ веснѣ надо бы кое-что поправить и ремонтировать. Андрей Ивановичъ пускался въ глубокія соображенія, какой краской окрасить лѣтомъ домъ, оставить ли его желтымъ или «изъ-зелена-бѣлымъ цвѣтомъ пустить», Дмитрій Андреевичъ предоставлялъ это на его вкусъ, соглашаясь, что и «изъ-зелена-бѣлый цвѣтъ» недуренъ, но что и желтый тоже хорошъ. Иногда всѣмъ вдругъ припадала охота утѣшить Лешу и поиграть въ «Акульку». Леша ничего не любилъ такъ, какъ эту игру въ карты. Эти дни оставляли въ душѣ Андрея Ивановича надолго свѣтлые слѣды. Онъ послѣ посѣщенія сына разсказывалъ всѣмъ и каждому, что вотъ у него какой сынъ: «съ аристократами свой братъ, во дворецъ даже ѣздитъ, а душу отвести никуда не поѣдетъ, какъ къ нему, къ отцу».

Старикъ былъ правъ: Дмитрій Андреевичъ, если и не ѣздилъ во дворецъ, то уже давно вращался въ высшихъ кружкахъ общества и былъ тамъ своимъ человѣкомъ. Важныя барыни, представляя его своимъ знакомымъ или говоря о немъ, выражались не иначе, какъ «нашъ милѣйшій», «нашъ добрѣйшій», «нашъ дорогой» Дмитрій Андреевичъ,

Digitized by Google

не считая даже нужнымъ прибавлять его фамилію. Одна высокопоставленная патронесса благотворительныхъ заведеній, услыхавъ, какъ читаетъ Орловъ, обратилась къ нему съ просьбой прочесть у нея въ интимномъ кружкѣ что-нибудь, и съ этой минуты онъ сталъ и у нея своимъ человѣкомъ, читая ей разныя новыя произведенія русскихъ писателей и при случаѣ добиваясь черезъ нее разныхъ милостей для разныхъ своихъ protégés изъ нуждающейся братіи. Онъ мало-по-малу вошелъ въ моду, и ему уже прощались и небрежные туалеты, и разные выходки, и даже приливы хандры и сплина, когда онъ являлся въ общество больше за тѣмъ, чтобы помолчать, чѣмъ для того, чтобы потѣшить это общество своимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ. Вставъ, такъ сказать, на обѣ ноги, онъ сталъ смѣлѣе, независимѣе. Онъ не пряталъ своихъ взглядовъ и убѣжденій, и вполнѣ понималъ, что теперь онъ можетъ говорить довольно открыто, не навлекая на себя сильныхъ подозрѣній въ неблагонадежности.

— Въ моемъ положеніи очень легко быть храбрымъ,—шутливо замѣчалъ онъ.

Особенно горячо онъ отстаивалъ молодежь. При немъ старались говорить о молодежи, попадавшейся въ разныхъ проступкахъ, осторожно, такъ какъ знали, что каждая рѣзкая фраза о ней найдетъ у него горячій отпоръ. Правда, этотъ отпоръ давался иногда иносказательно, большей частью, въ немъ слышались варіаціи на защитительныя слова княжны, но все же отпоръ давался.

— Можно не сочувствовать средствамъ этихъ людей, избранному ими пути, но кто же станетъ отрицать, что народу живется плохо?—говорилъ онъ.— Объ этомъ знаютъ и говорятъ всѣ, и такъ или иначе мы стоимъ наканунѣ именно той эпохи, когда народные интересы выдвинутся правительствомъ на первый планъ. Это духъ времени, это въ воздухѣ носится.

Когда же ему замѣчали о разрушительныхъ планахъ политическихъ преступниковъ, онъ говорилъ:

— Знаете ли что, вотъ у меня болитъ печень, разстроены нервы, и бываютъ минуты, когда хочется что-нибудь сломать, карандашъ, линейку, перо. Я знаю, что это не лѣкарство отъ печени, отъ нервовъ, и все-таки чувствую облегченіе, когда что-нибудь сломаю. Вѣдь и вино не поправляетъ плохихъ обстоятельствъ, но въ немъ иногда люди ищутъ забвенія. Нѣтъ, устраните причины болѣзненныхъ

Digitized by Google

явленій, дайте возможность людямъ вырасти здоровымъ, откройте этимъ здоровымъ силамъ путь для плодотворной дѣятельности, а такъ... сегодня погибнетъ безъ пути, безъ толку десять, завтра народится двадцать такихъ же агитаторовъ.

Онъ нерѣдко говорилъ въ этихъ случаяхъ:

— Наша величайшая ошибка въ томъ, что мы только кричимъ и ругаемся, тогда какъ надо вникнуть въ дѣло и разобрать всѣ причины явленія. Скажите, пожалуйста, много ли выздоравливало бы людей, если бы доктора не лѣчили, а только кричали на больныхъ, да били бы ихъ за то, что эти больные хвораютъ, отъ чего бы то ни было, отъ недомыслія, отъ неосторожности, отъ дурной обстановки, отъ ненормальной жизни, однимъ словомъ, отъ всѣхъ причинъ, производящихъ всяческія болѣзни? Вы скажете, что это злоумышленники, что они опасны? Но что такое злоумышленникъ въ глазахъ незлоумышленника? Нравственно-больной человѣкъ, нравственно-испорченный человѣкъ и только. Значитъ, его нужно лѣчить, а не бить, и еще нужнѣе создать такую обстановку, при которой нравственныя недуги были бы немыслимы въ будущемъ. Теперь вѣдь всѣ знаютъ въ медицинѣ, что важно не лѣченіе, а гигіена. Вы говорите: «но они опасны». Да, но почему же вы не запираете въ тюрьмы, не ругаете, не бьете всѣхъ страдающихъ заразными болѣзнями, почему вы ихъ лѣчите и стараетесь создать такую обстановку, чтобы зараза не повторялась? А вѣдь и они опасны.

Бывали нерѣдко случаи, когда онъ прямо замѣчалъ:

— Да и многіе ли изъ насъ, выросшихъ и развившихся въ послѣднія пятнадцать-двадцать шесть лѣтъ, могутъ, положа руку на сердце, сказать, что они никогда не стояли на шагъ отъ того, чтобы попасть подъ надзоръ полиціи, подвергнуться обыску, быть административно выславными?

И, принимая шутливый тонъ, онъ прибавлялъ:

— Дайте мнѣ власть, и я прежде всего сошлю всѣхъ полицейскихъ и всѣхъ жандармовъ, такъ какъ я вамъ могу привести десятки примѣровъ, что эти господа одно богатое лицо предупреждали впередъ, что у него завтра будетъ обыскъ, у другого тоже не бѣднаго лица дѣлали очень поверхностно обыскъ, чтобы его не скомпрометировать, третьему бѣдному лицу доставляли тайкомъ необходимую корреспонденцію въ крѣпость и даже—увы!—во время владычества Муравьева. Это не фразы, не анекдотическіе слухи, а

Digitized by Google

факты. И все это дѣлалось за деньги, за взятки. Я самъ подарилъ отъ имени одного моихъ знакомыхъ костюмъ дочери жандармскаго офицера за его незаконныя услуги. Какъ же не сказать, что даже эти господа у насъ кандидаты въ поднадзорные?

Въ обществѣ ходили слухи, что нѣкоторые изъ политическихъ преступниковъ изъ нелегальныхъ находили на время пріютъ у Орлова. Вслѣдствіе этого у него нѣсколько разъ дѣлались обыски, нѣсколько разъ его призывали къ допросу по разнымъ дѣламъ въ III отдѣленіе. Но онъ держалъ себя въ этихъ случаяхъ немножко свысока, немножко насмѣшливо, рисуясь.

— Помилуйте, я слишкомъ дорожу комфортомъ, я слишкомъ буржуа, чтобы рисковать собою,—съ иронією говорилъ онъ.—Люди моихъ лѣтъ, получающіе десятокъ тысячъ въ годъ, плохіе заговорщики. Правда, я знаю большую часть этихъ господъ, идущихъ на вѣрную гибель, но вѣдь мнѣ уже не первый годъ приходится толкаться по тюрьмамъ, защищать разныхъ подсудимыхъ чуть не по два, не по три раза, что же мудренаго, что я ихъ знаю, какъ докторъ своихъ паціентовъ. Вѣдь нельзя же сказать, что докторъ самъ непремѣнно страдаетъ тифомъ, потому что онъ находится въ сношеніяхъ съ тифозными.

И точно, онъ былъ отчасти правъ. Гдѣ быть человѣку агитаторомъ въ духѣ большинства нашихъ политическихъ преступниковъ, когда у него спереди на головѣ уже значительно поредѣли волосы, когда у него уже сказывалась наклонность къ полнотѣ, когда у него на лицѣ уже были прорѣзаны морщины, кожа потеряла молодую упругость, губы стали менѣе ярки и нѣсколько вытянулись, а углы рта опустились, когда на этомъ лицѣ если и вспыхивалъ румянецъ, то его могло вызвать развѣ только вино, выпитое на пріятельской пирушкѣ. Онъ чувствовалъ, что еще годъ, два—и онъ совсѣмъ опустится, состарится. Состарится? А когда же онъ былъ вполнѣ молодъ? Онъ вѣдь даже ни разу не любилъ! Вѣдь не животная же мимолетная страсть къ княгинѣ была поэзіей молодости? Или чисто разсудочная привязанность къ княжнѣ, только показавшаяся ему любовью, была тѣмъ чувствомъ, которое краситъ жизнь? Нѣтъ, жизнь прошла безъ поэзіи—то въ черномъ трудѣ, то въ борьбѣ за право на свободу, то въ какихъ то похоронныхъ хлопотахъ,—прошла, какъ проходятъ у насъ тысячи жизней, однообразныхъ, сѣренькихъ, скучныхъ. Но какое

Digitized by Google

горькое чувство испытываетъ человѣкъ, когда онъ говоритъ себѣ: «жизнь прошла!» Прошла и принесла только матеріальное довольство и больше ничего. Одно утѣшеніе доставила она—сознаніе, что подъ старость не придется голодать, не придется умерть на улицѣ. Онъ испытывалъ чувство зависти, думая о семейной жизни князя Александра, осчастливленнаго, наконецъ, рожденіемъ ребенка, оставшагося въ живыхъ. Онъ завидовалъ даже Благолѣпову, страстно любимому женой. Вопросъ о семьѣ, о домашнемъ очагѣ сталъ мало-по-малу больнымъ мѣстомъ Орлова. Когда его спрашивали, отчего онъ не женился, онъ замѣчалъ:

— Не до женитьбы было въ молодости, когда приходилось думать о кускѣ насущнаго хлѣба. Поэзія любви—это роскошь богачей, это—гибель бѣдняковъ. Тяжело сознавать, что молодость прошла безъ этой поэзіи; но какъ разсудишь хладнокровно, такъ, право, нужно радоваться, что не наплодилъ нищихъ или не продалъ совѣсти для прокормленія дѣтей. У насъ вѣдь всегда такъ: бѣднякъ или пускаетъ по міру свою семью, или оправдываетъ всѣ свои грязные поступки однимъ мотивомъ «у меня жена, дѣти».

Когда его спрашивали, почему онъ не женится теперь, онъ говорилъ:

— Спустя лѣто, нечего по малину ходить. Моя пора прошла: на пожившей, на пожилой я не женюсь, а молодая сама за меня не пойдетъ,—по крайней мѣрѣ, не пойдетъ по любви,—по расчету же, пожалуй, пойдетъ и молодая, но избави Богъ отъ такого брака. Да, наконецъ, жизнь такъ дурна, мы живемъ въ такое время, когда трудно ждать чего-нибудь хорошаго въ близкомъ будущемъ, когда то и дѣло слышишь о самоубійствахъ съ мотивами «надоѣло жить», «невыносимо жить», когда каждый изъ насъ готовъ сказать, что лучше бы вовсе не родиться,—такъ имѣемъ ли мы право обрекать на испытаніе подобной жизни новыхъ членовъ общества, своихъ дѣтей?

Онъ такъ часто высказывалъ эти мысли, что одни привыкли къ этимъ фразамъ, другіе обвиняли его за нихъ въ рисовкѣ. Но какъ бы ни были иногда кудреваты эти фразы, какъ бы ни было въ нихъ много риторики, онъ все-таки высказывалъ ихъ искренно, страдая не на шутку своимъ одиночествомъ. Это одиночество еще сильнѣе почувствовалось имъ, когда совершенно неожиданно умеръ Андрей Ивановичъ. Это случилось поздно вечеромъ. За Дмитріемъ Андреевичемъ прикатилъ Леша, растерявшійся и взволнованный.

Digitized by Google

— Братецъ, братецъ, скорѣе!.. Дядѣ очень худо!—заговорилъ онъ, вбѣгая въ кабинетъ Дмитрія Андреевича.

Орловъ вскочилъ съ мѣста.

— Что случилось? Захворалъ? Вдругъ?—отрывисто спрашивалъ онъ, поспѣшно одѣваясь.

— Совсѣмъ худо, совсѣмъ худо!.. Онъ не приказывалъ васъ безпокоить... Говоритъ: пройдетъ!.. А я, братецъ, вижу, что не пройдетъ... Совсѣмъ покойникъ онъ, братецъ!..

— За докторомъ послали?

— Былъ, былъ, да что докторъ!.. Ему ужъ не встать, братецъ!

Дмитрій Андреевичъ уже ѣхалъ съ Лешей къ отцу и все торопилъ извозчика.

— Господи, что за лошадь попалась!—то и дѣло восклицалъ онъ и уговаривалъ извозчика ѣхать скорѣе.—Пожалуйста, торопись... Заплачу за все, только гони лошадь... Да онъ живъ еще?—обращался онъ къ Лешѣ.—Ты говори прямо, не скрывай.

— Живъ, братецъ, живъ!—увѣрялъ его Леша.

Наконецъ, они доѣхали. Дмитрій Андреевичъ бѣгомъ поднялся по лѣстницѣ, сбросилъ въ передней пальто на полъ и прошелъ къ отцу. Андрей Ивановичъ сидѣлъ въ халатѣ на диванѣ, совсѣмъ скорчившись отъ боли. Увидавъ сына, онъ быстро распрямился, торопливо сталъ запахивать халатъ и, болѣзненно улыбаясь, проговорилъ:

— Вотъ вѣдь... встревожили-таки!.. Ахъ, какіе, право! Ну, чего всполошились... Такъ прихворнулъ... Не въ первый разъ...

Страшная боль заставила его смолкнуть, и онъ невольно схватился руками за грудь. Дмитрій Андреевичъ торопливо разспрашивалъ Марѳу Ивановну, что велѣлъ дѣлать докторъ. Потомъ онъ быстро приказалъ отправить дворника снова за докторомъ. Между тѣмъ, Марѳа Ивановна и служанка дѣлали уже компрессы.

— Ахъ, сколько хлопотъ надѣлалъ, сколько хлопотъ! — шепталъ Андрей Ивановичъ. — Просто на людей смотрѣть совѣстно... Всѣ ужъ, поди, спятъ, а тутъ около меня возиться надо... Тебя-то, Митя, съ постели, чай, подняли!

— Нѣтъ, я еще не спалъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ну, слава Богу... А то это со сна подняли бы такъ человѣка... Напугаютъ тоже... Вотъ тоже у насъ домъ загорѣлся, нашего мальчика, сынка нашего, съ постели подняли, испугали... Маленькій мальчикъ былъ,—умереть тоже могъ со страху...

Digitized by Google

Онъ начиналъ бредить.

— Ты лягъ, отецъ, тебѣ легче будетъ,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, укладывая старика.

— Да, да, лечь надо, лечь... Только хлопотъ-то сколько... Ты не сердись, Митя... А тамъ расходы опять, опять расходы... большіе... Похороны опять...

Дмитрій Андреевичъ наклонился къ старику.

— Да ты не волнуйся, не тревожься. Это главное!—сказалъ онъ и, взявъ его руку, поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Старикъ впалъ въ забытье. На слѣдующій день его уже не стало.

Напрасно утѣшалъ себя Дмитрій Андреевичъ, что старикъ довольно пожилъ, что ему, Дмитрію Андреевичу, было легче потерять отца, чѣмъ было бы отцу похоронить его, что отецъ умеръ, проживъ хоть послѣдній годъ въ полномъ довольствѣ, ни въ чемъ не нуждаясь, на рукахъ преданныхъ людей. Но всѣ эти разсудочныя утѣшенія отходили на задній планъ, забывались при мысли о томъ, что теперь онъ, Орловъ, одинъ, одинъ, совершенно одинъ. Не явись онъ завтра въ обществѣ, не явись послѣзавтра, кто спроситъ о немъ? Развѣ только случайно какъ-нибудь замѣтятъ, почему его давно нигдѣ не видать. «Да онъ умеръ»,—послышится отвѣтъ.—«Неужели?»—удивятся люди. Поразспросятъ, какъ и отчего умеръ, и успокоятся. Вѣдь онъ имъ чужой. Имъ ни тепло, ни холодно отъ того, что онъ живетъ. Умеръ онъ, на его мѣсто явятся другіе хорошіе собесѣдники, добрые пріятели, хорошіе адвокаты. Какое-то болѣзненное чувство пробуждалось въ немъ каждый разъ, когда кто-нибуть при немъ спѣшилъ домой, говоря, что его ждутъ жена, дѣти, мать, сестры. Его, Орлова, дома никто не ждалъ! Подобно большинству холостяковъ, онъ сталъ ощущать припадки мнительности. Каждая легкая болѣзнь начинала тревожить его, точно въ тишинѣ своей спальни онъ прислушивался къ біенію своего пульса, къ трепетанію своего сердца, къ дыханію своихъ легкихъ. Самъ не замѣчая того, онъ сталъ раздражительнѣе, въ характерѣ появились неровности, явилось какое-то желаніе забыться въ холостыхъ кутежахъ и въ то же время отвращеніе къ этимъ кутежамъ. Никогда прежде не игравшій въ карты, онъ теперь иногда садился играть и непремѣнно «по большой», чтобы возбудить свои нервы, разгорячить себя, хоть на минуту очнуться отъ апатіи. Онъ пробовалъ даже играть на биржѣ. Но, къ величайшей его досадѣ, ему везло и въ

Digitized by Google

картахъ, и въ биржевой игрѣ, а нервы попрежнему не возбуждались.

Иногда ему становилось такъ невыносимо скучно и тяжело, что онъ какъ бы безсознательно, какъ бы машинально отправлялся подышать воздухомъ, шелъ безцѣльно впередъ, доходилъ до своего дома, поднимался въ квартиру покойнаго отца и говорилъ.

— Леша, пойдемъ къ отцу и къ мамѣ!

— Я, братецъ, сейчасъ... Я радъ,—оживленно говорилъ Леша.—Я третьяго дня тамъ съ Маѳоой Ивановной былъ, новые вѣнки мы снесли туда, братецъ...

И они шли на Митрофаньевское кладбище, отмыкали дверь чугунной рѣшетки, поднимались по ступенямъ въ ограду, окружавшую могилы отца и матери Орлова.

— Вотъ, Леша, и мы тутъ ляжемъ. Это нашъ домъ,— говорилъ задумчиво Орловъ, садясь на скамью и смотря на мраморныя плиты съ надписями: «Марья Ѳедоровна Орлова», «Андрей Ивановичъ Орловъ».

— Вы, братецъ, меня куда положите: подлѣ дяди или подлѣ тети?—спрашивалъ Леша.

— Гдѣ хочешь, голубчикъ... Прежде меня придется положить... Это ужъ ты съ Маѳоой Ивановной распорядишься,— отвѣчалъ Орловъ.

— Я не хочу, я не хочу, братецъ, чтобы вы прежде... Не надо, братецъ!... Я—глупый, мнѣ можно, а вамъ нельзя еще, братецъ... Вонъ Маѳа Ивановна все молится за васъ, говоритъ, если бы не вы, голодать бы намъ пришлось...

У Орлова подступали къ глазамъ слезы. Онъ вдругъ поднимался съ мѣста. Ему становилось еще тяжелѣе. Безмолвныя могилы не давали ни утѣшенія, ни успокоенія.

Онъ не выдержалъ и передъ Пасхой уѣхалъ къ князю Александру въ имѣніе. Его пріѣздъ обрадовалъ всѣхъ, и на Орлова точно пахнуло свѣжимъ воздухомъ. Онъ вдругъ почувствовалъ, что онъ хоть здѣсь «свой»—такой же свой, какъ въ родной семьѣ. Его до глубины души тронули восклицанія юношей: «дядя Митя, дядя Митя пріѣхалъ!» Онъ сразу понялъ, что тутъ, за вечернимъ чаемъ, въ своемъ кружкѣ, говорятъ о немъ, говорятъ тепло, не какъ о чужомъ, а именно какъ о дядѣ Митѣ. Настя провела его въ дѣтскую и подвела къ маленькой кроваткѣ.

— А вотъ и твой крестникъ,—сказала она.—Мы вѣдь записали крестнымъ отцомъ тебя, а крестною матерью Соню.

Дмитрій Андреевичъ горячо пожалъ руку сестры. Есть

Digitized by Google

неуловимыя мелочи, по которымъ человѣкъ угадываетъ симпатіи къ нему его ближнихъ, и эти мелочи проявились здѣсь во всемъ, сразу подкупивъ Орлова. Но, кромѣ того, въ домѣ князя и вообще дышалось легко. Здѣсь замѣчалось, какъ и въ петербургской квартирѣ князя, стремленіе избѣжать всего лишняго и устроить все необходимое для удобства и комфорта. Во всемъ домѣ не было почти никакихъ украшеній, никакихъ дорогихъ, но ни на что не годныхъ безделушекъ, никакихъ картинъ, обыкновенно надоѣдающихъ самимъ хозяевамъ и накупаемыхъ только на показъ. Но въ то же время сразу можно было угадать, что этотъ домъ принадлежитъ людямъ богатымъ, далеко не скупымъ и не лишающимъ себя удовольствій: рояль и піанино, масса книгъ и нотъ, выхоленные цвѣты, превосходный залъ съ гимнастическими принадлежностями, бильярдъ, мастерская съ токарнымъ станкомъ, съ принадлежностями химической лабораторіи, съ большимъ верстакомъ — все это говорило о вкусахъ хозяевъ. Орловъ сразу почувствовалъ, что здѣсь живется уютно, весело и мирно.

— Ну, ты, кажется, вполнѣ доволенъ своею жизнью?— спросилъ онъ у князя за вечернимъ чаемъ.

— Нужно удивляться, какъ люди въ моемъ положеніи не умѣютъ сдѣлать свою жизнь счастливою, — отвѣтилъ князь.

— Да, это правда, — сказалъ Орловъ. — Ты не испытываешь главнаго несчастія жизни—мелкой борьбы съ людьми изъ-за гроша. Это иногда дѣлаетъ человѣка трусомъ и мелочнымъ, и даже подлецомъ... Ну, а твоя дѣятельность!

— Какъ тебѣ сказать, — говорилъ князь. — И тутъ не мудрено мнѣ быть ею довольнымъ. Ты знаешь мои денежныя дѣла. Я получаю, при всемъ желаніи не быть кулакомъ и эксплуататоромъ, столько, что этихъ доходовъ хватило бы на десятокъ не бѣдныхъ семействъ. При такомъ положеніи можно многое дѣлать, многое осуществлять изъ того, что кажется полезнымъ. Ты знаешь мои взгляды: я не вижу возможности дѣйствовать нелегально, такъ какъ это, по моему мнѣнію, стоитъ многихъ жертвъ и даетъ самые печальные результаты. Да, наконецъ, и не человѣку въ моемъ положеніи прибѣгать къ этимъ средствамъ. Вслѣдствіе этого мнѣ часто приходится убѣждаться, какъ узки права земскихъ дѣятелей съ одной стороны и какъ, можетъ-быть, именно потому плохи сами эти дѣятели. Это сознаніе, конечно, портитъ много крови, но, однако, не настолько, чтобъ

Digitized by Google

опускались руки, чтобы всякое дѣло валилось изъ рукъ. У меня такъ много своихъ собственныхъ земель, заводовъ, школъ, больницъ, разныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ на рукахъ, попечительствъ о бѣдныхъ, что если заниматься только всѣмъ этимъ, какъ слѣдуетъ, то и тогда едва достанетъ времени. А не забудь, что мнѣ, какъ и всякому другому, еще хочется удѣлить хоть часокъ въ день лично на себя, на мою команду.

Онъ, улыбаясь, взглянулъ на жену и дѣтей.

— Положимъ, она научилась уже помогать мнѣ въ работѣ чтобы только быть около меня,—замѣтилъ онъ: ну, а эти баши-бузуки никакъ не могутъ понять, какъ это я цѣлый день не являюсь къ нимъ посмотрѣть, какъ они безчинствуютъ...

Онъ ласково погладилъ по головамъ своихъ «баши-бузуковъ», и было видно, какъ нѣжно, какъ искренно любитъ онъ ихъ. Ходя потомъ съ Орловымъ по залѣ, онъ говорилъ ему:

— Да, я вполнѣ счастливъ. Намъ удалось такъ сплотиться вмѣстѣ, что мы испугались бы и мысли о томъ, что мы можемъ жить порознь, разойтись. Но чѣмъ свѣтлѣе моя собственная жизнь, тѣмъ грустнѣе мнѣ думать о жизни Сони...

— Да, кстати, — сказалъ Орловъ. — Я получаю иногда письма отъ Сони и Никанора, но эти письма, дружескія, ласковыя, всегда какъ-то лаконичны, коротки, сдержанны. Я пробовалъ разузнавать о жизни Сони и Никанора, но слухи такъ странны...

— И дѣйствительность еще страннѣе, - закончилъ князь:— страннѣе, правда, для постороннихъ, а не для насъ, знающихъ хорошо этихъ людей...

— Ты знаешь подробности?

— Да.

Князь началъ разсказывать, что онъ зналъ о жизни Благолѣповыхъ. Пріѣхавъ въ маленькій захолустный городишко, Благолѣповы сразу столкнулись, какъ и слѣдовало ожидать, съ другими высланными подъ надзоръ полиціи и сразу Софью Александровну, еще не окрѣпшую, еще не успокоившуюся послѣ тюрьмы, поразила нищета, безпомощность, безвыходное положеніе этихъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ жили въ углахъ, едва кормились, ходили въ лохмотьяхъ. Былъ одинъ изъ нихъ, молодой мѣщанинъ, страдавшій чахоткой, у котораго не было вовсе одежды, такъ что, если бы

Digitized by Google

даже немного поправился, то все-таки не могъ бы выйти изъ дома. О работѣ въ такомъ городѣ нечего было и думать. Продолжать учиться и развиваться — это было тоже немыслимо здѣсь. Подъ руками не было ни книгъ, ни библіотеки, ни развитого общества. Нѣкоторые изъ сосланныхъ сюда, особенно изъ живущихъ тутъ давно, сильно запивали. Другіе, сосланные сюда еще недавно, мечтали только о бѣгствѣ, жили исключительно этою надеждою. Картина жизни этихъ людей произвела потрясающее впечатлѣніе на Софью Александровну. Молодая женщина спрашивала, неужели административно сосланные вездѣ такъ живутъ? Ей отвѣчали, что почти вездѣ, такъ какъ ссылаются большею частью бѣдняки, ссылаются почти всегда въ глухіе города. Не въ столицахъ же ихъ держать? Не пенсіи же имъ за ихъ вины назначить? «Вездѣ такъ живутъ? Всѣ такъ живутъ! А вотъ она, Софья Александровна, можетъ жить со своимъ мужемъ иначе, можетъ цѣлый домъ нанять, лошадей завести! Еще бы! Она привилегированный человѣкъ, у нея наслѣдственное есть, ей легко было рисковать и играть въ заговоры, зная, что съ богатствомъ вездѣ рай. Начни она жить здѣсь широко—къ ней первыя власти городскія, первые богачи станутъ ѣздить!» И ей стало какъ-то тяжело, какъ-то неловко отъ этихъ думъ. Ей вдругъ показалось, что она наняла съ мужемъ слишкомъ большую квартиру, что сосланные смотрятъ какъ-то странно на удобства этой квартиры. Она рѣшилась перемѣнить помѣщеніе и поселиться въ двухъ комнатахъ. «Да, иначе ей нельзя жить. Всякія ея излишества будутъ оскорбительны для бѣдняковъ, окружающихъ ее». Разъ она проснулась и увидала въ окно, что Никаноръ Ивановичъ раскалываетъ на дворѣ дрова. Она спросила его, что ему вздумалось это дѣлать. Онъ отвѣтилъ коротко, что «не баринъ же онъ», что и «надоѣло, наконецъ, сидѣть сложа руки, да ждать, когда поднесутъ все готовое». Странно, она тоже давно думала объ этомъ: они оба ничего не дѣлаютъ, только читаютъ, гуляютъ, разсуждаютъ, да наслаждаются любовью, а кругомъ люди надрываются въ черномъ трудѣ изъ-за куска хлѣба. Она сообщила объ этихъ думахъ мужу; онъ сказалъ, что и онъ давно началъ задумываться объ этомъ.

«Раздай имѣніе и иди за Мной», вспоминались ей еще въ дѣтствѣ поражавшія ее великія слова любви. Она стала помогать служанкѣ въ работѣ, и, наконецъ, когда эта служанка лѣтомъ ушла въ деревню на полевыя работы, при-

Digitized by Google

пялась дѣлать все сама. Никаноръ Ивановичъ не протестовалъ: напротивъ того, онъ уже давно самъ кололъ дрова, приносилъ изъ колодца воду. Его мускулы просто требовали работы, дѣятельности. Онъ понималъ, что его жену за работой не будутъ такъ грызть тоска и скука. Большая часть получаемыхъ Благолѣповыми доходовъ пошла на помощи, таинственно отдавалась, неизвѣстно кому и на что. Иногда они горячо разсуждали вдвоемъ, какъ хорошо было бы, если бы имъ позволили открыть въ городѣ школу, библіотеку, мастерскую, что-нибудь, однимъ словомъ, что дало бы имъ занятіе и принесло бы пользу городу. Но имъ не позволяли и заикнуться объ этомъ, не могли позволить этого, а, напротивъ того, косились на нихъ за то, что они жили «не по-людски», что у нихъ исчезали куда-то получаемыя ими деньги. Имъ ставили въ вину и то, что они жили, какъ простые люди, исполняя черную работу, и то, что они обращались за панибрата съ простымъ народомъ, и то, что они отклонили отъ себя знакомство съ семьей исправника. Вѣдь это и точно было ненормально. Князь попробовалъ похлопотать о переводѣ ихъ въ лучшій городъ, но ему отвѣтили, что ихъ положеніе нельзя улучшить, что еще на-днихъ за за ними удвоенъ надзоръ.

— Все это вполнѣ понятно и естественно и тутъ некого обвинять,—сказалъ князь.—Они сами роютъ себѣ пропасть. Но отъ этого нисколько не легче... Дней пять тому назадъ я получилъ отъ нихъ письмо, и въ немъ есть что-то зловѣщее...

Князь досталъ изъ кармана это письмо и подалъ Орлову. Оно было написано рукою Софьи Александровны; но въ немъ вездѣ говорилось «мы», то-есть она и ея мужъ. Она писала между прочимъ:

«Трудно тебѣ описать наше положеніе. Мы, какъ прокаженные, отрѣзаны отъ всего остального міра, отрѣзаны отъ всякой дѣятельности. Мы не можемъ даже обмануть себя какимъ-нибудь трудомъ, какой-нибудь работой бѣлки въ колесѣ, такъ какъ намъ закрытъ путь ко всему. Мы сознаемъ, мы чувствуемъ, что за каждымъ нашимъ шагомъ слѣдятъ. Каждое наше письмо прочитывается, каждая, присылаемая къ намъ, строчка просматривается. Это общая участь ссыльныхъ подъ надзоръ. Но наша участь въ десять разъ хуже участи другихъ. Наши письма не просто просматриваются по обязанности, но ихъ перечитываютъ, въ нихъ вчитываются съ злостнымъ желаніемъ открыть что то

Digitized by Google

Говорятъ, что мы сами виноваты во всемъ, что именно мы могли бы быть поставлены иначе, могли бы чуть не первыми лицами быть въ городѣ. Можетъ-быть, это и правда. Но есть вещи, есть чувства выше насъ. Мы не можемъ сказать, что мы не *желали* войти въ сдѣлки съ нашими надсмотрщиками, надѣть улыбающіяся маски въ сношеніяхъ съ ними; нѣтъ, мы не *могли*, не въ силахъ были этого сдѣлать. Намъ нужно было переродиться, чтобы поступать иначе. Да, мы не предвидѣли тогда, что надо поступать именно такъ, а теперь поздно... Да, теперь поздно переламывать себя, учиться хитрости и лицемѣрію, поздно уже потому, что теперь намъ и не повѣрятъ. А продолжать жить въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ мы живемъ, уже нѣтъ силъ. Мы чувствуемъ, что въ насъ надламывается все: и энергія, и здоровье, и даже то, что было намъ всего дороже, любовь къ нашей семейной жизни. Мы любимъ, горячо любимъ другъ друга, но иногда бываютъ минуты, когда думается, что порознь мы были бы свободнѣе, что порознь мы были бы смѣлѣе, что порознь легче бы было, ну, хоть руки на себя наложить... Мы знаемъ, что эти мысли просто слѣдствіе разстроенныхъ нервовъ, болѣзненнаго состоянія мозга, но тѣмъ не менѣе эти мысли приходятъ... Да, такъ жить дольше нельзя. Это нужно какъ-нибудь кончить, поставить на одну карту все, — или окончательно погибнуть, или спастись... Что бы ни случилось—не обвиняй насъ, не суди насъ, потому что нужно все это пережить, чтобы имѣть право судить тѣхъ, кто не вынесъ этого».

Все письмо Софьи Александровны было написано въ этомъ тонѣ, отрывочно, болѣзненно, похожее на какой-то глухой стонъ. Орловъ прочелъ его и машинально взглянулъ на число.

— Ты говоришь, что ты получилъ его дней пять тому назадъ, а оно написано назадъ тому три недѣли,—сказалъ онъ князю, указавъ на число.

— Да? Я на это какъ-то не обратилъ вниманія, — сказалъ князь, смотря на помѣтку.

Эта помѣтка дѣйствительно была едва замѣтна, такъ какъ тутъ значилось только «12 м.», что, вѣроятно, должно было обозначать 12 марта.

— Впрочемъ, и не мудрено, что письмо дошло поздно. Оно было прислано не по почтѣ, а черезъ одно лицо, заѣзжавшее къ сестрѣ,—проговорилъ князь.—Ты видишь, что это письмо дышитъ чѣмъ-то зловѣщимъ, намекаетъ на что-то, на какое-то рѣшеніе. Что они задумали?

Digitized by Google

— Бѣжать, — отвѣтилъ Орловъ.

— Бѣжать, бѣжать... но куда? Остаться въ Россіи—это значитъ быть каждую минуту въ опасности, вѣчно бояться ареста, ничего не выиграть и потерять даже право на свой уголъ... За границу?.. Но я даже боюсь и думать объ этомъ...

Орловъ вопросительно взглянулъ на князя.

— Развѣ ты не знаешь Соню и Никанора,—сказалъ князь.—Развѣ они способны именно теперь удовлетвориться одною спокойною семейною жизнью тамъ? Развѣ они не возьмутся за дѣло, не изобрѣтутъ себѣ этого дѣла? А что же могутъ они изобрѣсти тамъ, чѣмъ могутъ они удовлетвориться тамъ, не порываясь сюда?

Онъ махнулъ рукою.

— Нѣтъ, лучше не заглядывать впередъ, не загадывать ничего.

Опять какое-то гнетущее чувство охватило и князя, и Орлова. Они чувствовали, что гдѣ-то тамъ, далеко, съ дорогими имъ людьми, можетъ-быть, въ эту минуту совершается роковая драма. Недаромъ же она, Софья Александровна, писала: «но жить такъ дальше нельзя». И вдругъ всѣ опасенія, всѣ гаданія, всѣ сомнѣнія разрѣшились, когда, на третій день Пасхи, юноши вбѣжали въ кабинетъ князя съ криками:

— Папа, папа, письмо изъ-за границы! Мама сказала, что это отъ тети Сони...

Князь торопливо разорвалъ конвертъ и развернулъ коротенькую записку:

«Христосъ воскресъ, Саша, Настя! Обнимаемъ васъ и поздравляемъ съ свѣтлымъ праздникомъ. Поздравьте съ нимъ и насъ. Мы въ Женевѣ. Не знаемъ, что будетъ. Но прежде всего, намъ нуженъ отдыхъ, отдыхъ и отдыхъ. Писать подробно будемъ послѣ. Адресъ: Женева, до востребованія. С. и Н. Б.».

Князь опустилъ письмо и вздохнулъ широкимъ вздохомъ.

— Свободны! На долго ли?

Съ тяжелымъ чувствомъ грусти покидалъ Дмитрій Андреевичъ семью князя, точно разставался съ родной семьей.

— Да, завидую я тебѣ, Александръ, — говорилъ Дмитрій Андреевичъ.—Какъ бы ни было невелико твое дѣло, но это уже дѣйствительно дѣло. Ты можешь работать съ народомъ и для народа. Пусть рамки дѣятельности тѣсны и узки, но и въ нихъ можно что-нибудь сдѣлать человѣку, искренне

Digitized by Google

преданному народу. Я скажу больше, я завидую даже такимъ людямъ, какъ Никаноръ и Соня. Пусть это маніаки, фанатики, столпники, но у нихъ есть уже вѣра въ то, что они дѣлаютъ. Для нихъ даже отрѣзанъ путь къ общему стаду, какъ говорилъ Никаноръ. А я?..

Онъ усмѣхнулся.

— Платоническій любовникъ свободы слова и личности, ждущій всю жизнь появленія своей возлюбленной! Я работаю и чувствую, что у меня подъ ногами нѣтъ твердой почвы; я говорю и не вѣрю въ то, что я говорю, потому что мнѣ приходится говорить половину истины, приходится высказывать истину, когда уже ее не нужно высказывать, когда ее уже поздно высказывать.

Онъ на минуту смолкъ и потомъ продолжалъ:

— Я часто возвращаюсь къ одной мысли, поразившей меня еще въ юности. Когда окончилась севастопольская война, когда мы уже все безвозвратно проиграли,—множество лицъ попало подъ судъ, и въ литературѣ начались обличенія разныхъ злоупотребленій, совершенныхъ во время этой войны. Я слѣдилъ тогда уже за газетами и журналами, и мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: «какая польза въ томъ, что теперь судятъ и обличаютъ этихъ людей?» Ну, ихъ обвинятъ, опозорятъ, накажутъ. Но воротятъ ли украденные милліоны? Поправятъ ли военныя ошибки? Воскресятъ ли погибшихъ отъ этихъ злоупотребленій людей? Пойдетъ ли все въ будущемъ лучше, ради того, что были раскрыты злоупотребленія и мошенничества предшествовавшихъ дѣятелей? Тогда у меня не нашлось положительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы. Но время показало мнѣ, что у насъ вообще раскрываютъ истину только тогда, когда зло уже сдѣлано, и что это запоздалое раскрытіе истины не предупреждаетъ будущихъ золъ, такъ какъ они снова творятся подъ покровомъ непроницаемой тайны. Это сознаніе не покидало меня ни на минуту и парализовало мои силы. Я зналъ всегда, что если мнѣ можно касаться какой-нибудь язвы, то это значитъ, что эта язва уже принесла свои страшные плоды и отболѣла. Я знаю, что найдется много людей, которые скажутъ, что я не пробовалъ говорить, что я въ сущности трусилъ, что я былъ человѣкомъ-тряпкой? Я отвѣчу имъ вопросомъ: а вы... какое зло раскопали вы во-время? Вы тоже критиковали дѣятелей, когда они слетали съ мѣстъ; вы тоже обличали интендантовъ, когда они уже были обвинены судомъ; вы тоже указывали на хищничество, когда

Digitized by Google

все уже было разграблено. Я знаю, что настанетъ день, когда станутъ смѣло обличать всѣ злоупотребленія нашего времени, но это будетъ тогда, когда наше время пройдетъ, когда вредъ будетъ принесенъ, когда злоупотребленія примутъ уже новую форму... Вотъ что грызло и грызетъ меня всю жизнь.

Въ его голосѣ слышались желчныя ноты.

— Я знаю, что есть счастливцы, стоящіе въ такомъ же положеніи, какъ я, и обманывающіе сами себя. Они высказываютъ запоздалую правду съ апломбомъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что они даютъ урокъ обществу, что они поднимаютъ нравственность, объясняя дѣтямъ, что ихъ отцы были воры, и что воровать не хорошо. Къ сожалѣнію, я не принадлежу къ числу такихъ людей. Я знаю, что «Ябеда» Капниста была написана давно, что потомъ о томъ же писалъ Гоголь, что дальше то же повторялъ Щедринъ, а взятки и казнокрадство процвѣтаютъ у насъ и донынѣ, такъ какъ обличать если и можно все это, то только въ отвлеченной формѣ или въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о мелкихъ воришкахъ, гласнаго же контроля,—контроля во-время надъ болѣе крупными дѣльцами по этой части нѣтъ и не можетъ быть покуда.

Князь замѣтилъ ему:

— Но ты берешь только одну сторону своей дѣятельности—публицистическую...

Орловъ повернулъ къ нему голову.

— А ты думаешь, что я дорожу какими-нибудь другими сторонами своей дѣятельности?—спросилъ онъ.—Не защитой ли двухъ-трехъ бѣдняковъ? Не гражданскими ли дѣлами?.. Тутъ—или мелкая филантропія, или нажива и—только! Правда, я членъ такихъ-то и такихъ-то обществъ вспомоществованія кому-то и разработки чего-то. Но, милый мой, этого, конечно, и ты не считаешь за что-нибудь серьезное. Такой-то дѣятельности моей и въ годъ не перечтешь. Я вонъ даже написалъ изслѣдованіе о количествѣ риемованныхъ строкъ у Шекспира и о томъ, гдѣ и когда появляются у него риемы, и какой характеръ носятъ преимущественно тѣ его строки, гдѣ есть риемы... Знаешь ли, одного этого достаточно, чтобы понять, что я иногда дохожу до отчаянья. Писать объ этомъ въ странѣ, гдѣ голодаютъ сотни тысячъ людей, гдѣ живутъ чуть не въ нищетѣ милліоны, гдѣ нужны для всякаго чернаго дѣла и руки, и головы,—это вѣдь прямо похоже на то, если бы врачъ въ зачумленной странѣ сталъ

Digitized by Google

разучивать арію изъ итальянской оперы. Но если-бъ онъ дѣйствительно сталъ тратить время именно на это, а не на лѣченіе больныхъ, то это значило бы—если онъ не пустой и не ничтожный человѣкъ, что онъ отчаивается въ силѣ своихъ медицинскихъ средствъ. Это отчаяніе часто охватываетъ меня. Будь у меня земля, будь я воспитанъ ремесленникомъ, купцомъ, не будь я мыслящимъ пролетаріемъ,—о, я дѣлалъ бы свое скромное дѣло! Но, къ сожалѣнію, обстоятельства поставили меня въ ряды тѣхъ людей, гдѣ все сильнѣе и сильнѣе развивается одно сознаніе, что безъ свободы слова и безъ свободы личности мы не двинемся ни на шагъ впередъ, что подъ кровомъ тайны будутъ искажаться всѣ великіе планы правительства, что само правительство будетъ постоянно неувѣрено въ томъ, дѣйствительно ли дѣлается то, что оно желаетъ, или его желанія остаются только одною мертвою буквою.

Онъ вдругъ что-то вспомнилъ и разсмѣялся.

— Хочешь я тебѣ передамъ одинъ курьезъ, какъ иллюстрацію къ тому, какъ все дѣлается у насъ. Это не анекдотъ, а фактъ. Въ одномъ изъ нашихъ министерствъ открыли злоупотребленія въ какой-то школѣ, гдѣ директоръ чуть ли не заставляетъ учителей служить у него за лакеевъ. Началось дѣло. Оно тянулось уже десятокъ лѣтъ и все еще было не кончено, когда назначили ревизію. Увидали, что по этому дѣлу исписано уже до тридцати тысячъ—да, *до тридцати тысячъ*!—листовъ... Лѣтъ черезъ десять оно, вѣроятно, заняло бы тысячъ сорокъ листовъ и все же не кончилось бы. Ну, какъ ты думаешь: возможно ли было бы что-нибудь подобное при существованіи гласности? Безъ нея же такіе факты повторяются на каждомъ шагу. Подобные факты и создали изъ меня главнымъ образомъ маніака.

Князь вопросительно взглянулъ на Орлова.

— Ну, да вѣдь каждый человѣкъ помѣшанъ на той или другой идеѣ,—сказалъ Орловъ.—Можетъ-быть, и моя мысль о томъ, что безъ свободы слова и безъ свободы личности мы не на шагъ не двинемся впередъ, несмотря на всѣ усилія, есть точка помѣшательства, своего рода маніачество. Но оно развилось очень естественнымъ путемъ. Я росъ именно въ той средѣ, гдѣ ежедневно говорилось о всевозможныхъ злоупотребленіяхъ, гдѣ ежедневно появлялись люди, совершившіе злоупотребленія, гдѣ, наконецъ, ежедневно слышался одинъ припѣвъ: «а попробуй-ка раскрыть всю подноготную, такъ заплютъ туда, куда Макаръ телятъ не го-

Digitized by Google

няетъ». Я всосалъ все это въ плоть и кровь, когда ты, напримѣръ, даже и не подозрѣвалъ еще, что у насъ все идетъ такъ скверно, что у насъ воръ вора погоняетъ, что у насъ идетъ повальный грабежъ, взяточничество, казнокрадство. Можетъ-быть, первыя фразы, врѣзавшіяся мнѣ въ память, были фразы о томъ, что бѣдныхъ людей вездѣ притѣсняютъ, что бѣднымъ людямъ житья нѣтъ, что истомились бѣдные люди. Что-жъ мудренаго, что я ребенкомъ, оставаясь одинъ въ нашей квартирѣ, вскакивалъ на стулъ и говорилъ воображаемымъ слушателямъ рѣчи, какъ христопродавецъ Пахомовъ, мой тогдашній злѣйшій врагъ, всѣхъ грабитъ и какъ полиція за купцами не смотритъ, какъ бѣднымъ людямъ приходится кланяться и кошкѣ въ ножки, какъ подлостью и мошенничествомъ въ люди пролѣзть можно, какъ я буду казнить всѣхъ злыхъ и спасать всѣхъ добрыхъ. А потомъ, когда я сталъ взрослымъ, когда я созналъ, что я могу сказать многое, когда у меня нашлись бы и слушатели, я вдругъ сознался, что у меня нѣтъ главнаго права— права свободнаго слова. Въ этомъ былъ весь трагизмъ моей жизни... жизни цѣлой массы людей изъ нашего поколѣнія.

Онъ обернулся къ князю.

— Вотъ ты какъ-то замѣтилъ мнѣ, что у насъ большинство образованныхъ людей много говоритъ и мало дѣлаетъ. Этотъ упрекъ повторяется часто. И я не разъ въ увлеченіи говорилъ то же. Теперь это время прошло. Я теперь понимаю, что дѣлать дѣло можно только тогда, когда твердо вѣришь въ его благіе результаты. А гдѣ у насъ эта вѣра. Возьми въ примѣръ доктора. Его призываютъ къ больному и говорятъ: «Помогите ему!» Онъ хочетъ прежде всего естественно сдѣлать діагнозъ болѣзни, но ему говорятъ: «Этого вы не дѣлайте!» Скажи, можно ли винить доктора, если онъ станетъ лѣчить больного кое-какъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, уже потому, что онъ самъ не убѣжденъ, точно ли онъ понялъ болѣзнь, точно ли хороши его средства. А мы стоимъ въ такомъ положеніи. И кто понялъ это, тотъ или работаетъ изъ однихъ корыстныхъ видовъ, или работаетъ плохо, нерадиво, безъ вѣры въ свою работу.

V.

Вернувшись въ Петербургъ отъ князя Русова, Дмитрій Андреевичъ захандрилъ еще болѣе, почувствовавъ себя еще болѣе одинокимъ. Въ его головѣ уже начинала серьезно возникать мысль послѣдовать совѣту князя Русова, купить

Digitized by Google

клочокъ земли по сосѣдству съ Русовыми и поселиться въ деревнѣ. Князь, шутя, замѣтилъ Орлову, что онъ и Настя приготовятъ ему невѣсту. Дѣйствительно, тамъ, въ деревнѣ, около Русовыхъ, онъ все-таки будетъ чувствовать себя не такъ одиноко. И что у него здѣсь дорого?—Однѣ могилы?.. А Леша?—Что-жъ, Леша будетъ вполнѣ счастливъ, если его взять въ деревню. Кстати и Марѳа Ивановна можетъ туда перебраться, экономкой у него будетъ... А дѣятельность? А всѣ мелкіе и крупные успѣхи, сопровождающіе его дѣятельность, льстящіе его самолюбію?—Что ему въ нихъ? Да онъ и въ провинціи не затеряется, можетъ наслаждаться такими же успѣхами... Да, да, надо будетъ рѣшиться, а то и печень начинаетъ болѣть въ этомъ проклятомъ климатѣ, среди этой безпутной столичной сутолоки, начинающейся чуть не въ пять часовъ утра. Въ этомъ духѣ онъ началъ высказываться все чаще и чаще.

— Нѣтъ, батенька, встряхнуться вамъ просто нужно, за границу, что ли, съѣздить,—говорилъ въ отвѣтъ на это нѣкто Лопатинъ.—Засидѣлись вы въ Питерѣ, расхандрились, вотъ и все. Деревня васъ не спасетъ. Знаю я деревню, самъ изъ нея бѣжалъ. Экую сладость нашли жить въ берлогѣ съ медвѣдями!

Николай Николаевичъ Лопатинъ принадлежалъ къ числу цѣлой массы дѣльцовъ, прошедшихъ огонь и воду и мѣдныя трубы. Онъ былъ когда-то кулакомъ-помѣщикомъ, гусаромъ-ремонтеромъ, какимъ-то чиновникомъ на новомъ мѣстѣ и, наконецъ, попалъ, при помощи связей и ловкости, въ директора одного изъ акціонерныхъ обществъ. Вѣчно сіяющій, вѣчно лоснящійся, тучный, но крайне подвижной, смѣющійся громкимъ смѣхомъ надъ своими мнимыми остротами, довольный всѣмъ и всѣми и прежде всего самимъ собой, онъ былъ въ сущности человѣкомъ себѣ на умѣ, порядочнымъ сутягой и очень любилъ говорить про себя добродушнымъ тономъ: «Мы что, ротозѣи, все мимо рукъ пропускаемъ». Съ Орловымъ онъ познакомился года три тому назадъ и ухаживалъ за нимъ, какъ за нужнымъ человѣкомъ, такъ какъ этотъ человѣкъ, по знакомству, глядишь, и даромъ совѣтъ дастъ.

— Право, махните за границу,—настаивалъ онъ.

— Подняться трудно... Да, наконецъ, тамъ-то что я буду дѣлать?—лѣниво отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, вотъ еще! Себя показать, людей посмотрѣть—вотъ что дѣлать.

Digitized by Google

— Стоитъ ли подниматься изъ-за этого?

— Да въ какомъ это уголкѣ въ васъ Обломовъ-то засѣлъ? Гоните его, гоните въ три шеи!—шутливо проговорилъ Лопатинъ, трепля по плечу Орлова.—Ну, лѣнь одному подняться, поѣзжайте съ нами. Я съ цѣлымъ войскомъ ѣду.

— Надо подумать.

— А вотъ заѣзжайте послѣзавтра отобѣдать, тогда и потолкуемъ.

Орловъ далъ слово, но уже на слѣдующій день началъ колеться въ этомъ. Что онъ будетъ дѣлать за границей? Ѣхать съ чужой семьей, чтобы смотрѣть на ея семейное счастье? Наконецъ, кто поѣдетъ изъ семьи Лопатина: самъ Лопатинъ съ женой, дочь ихъ Маша съ мужемъ? Ну, а если еще ребятишекъ этой Маши заберутъ? Отъ одного рева убѣжишь. Нѣтъ, надо отказаться отъ предложенія, во что бы то ни стало. Твердо рѣшившись на это, онъ отправился къ Лопатинымъ. Лопатинъ жилъ богато, на широкую ногу, нѣсколько по-купечески. Сбросивъ у швейцара пальто, Орловъ поднялся по лѣстницѣ, вошелъ прямо въ переднюю, такъ какъ дверь была открыта, и остановился. На полу сидѣла дѣвушка лѣтъ семнадцати или восемнадцати и раздѣвала сидѣвшаго на стулѣ ребенка, закутаннаго въ разные шарфы, теплыя рукавички и теплые сапожки. Орловъ не сразу узналъ эту дѣвушку, но она тотчасъ же узнала его.

— Здравствуйте! — проговорила она привѣтливо, приподнимая голову.—Взгляните, какой пупсикъ! Это кузины Маши сынъ.

Она ухватила мальчугана за обѣ щеки и чмокнула его въ губы.

— Ты пупсикъ?

— Пу-псикъ!—повторилъ ребенокъ.

— Это его такъ тетя зоветъ,—объяснила дѣвушка, стараясь стащить съ ребенка сапожки.

Это ей не удавалось.

— Помогите, милый Дмитрій Андреевичъ! — обратилась она къ Орлову.—Не могу справиться.

Орловъ опустился на полъ и сталъ помогать дѣвушкѣ снимать сапоги съ мальчугана. Она вдругъ засмѣялась.

— Вотъ, если бы кто вошелъ, увидалъ бы картину. Усѣлись на полъ и возимся вдвоемъ надъ однимъ сапогомъ. Ай,—вдругъ воскликнула она какимъ-то плачевнымъ тономъ:—вы въ свѣтло-сѣрыхъ перчаткахъ! Какъ же это вы ихъ не сняли! Теперь совсѣмъ испортили!

Digitized by Google

Она взяла руку Орлова и начала разсматривать его перчатки, съ сожалѣніемъ качая головой. Орловъ успокоилъ ее, что это ничего.

— Ну, тетя узнала бы, такъ задала бы мнѣ гонку!—сказала дѣвушка.—Да вѣдь я не виновата, что я не могла справиться одна. А вотъ лакею все-таки не дала раздѣть пупсика.

Она опять съ любовью поцѣловала мальчугана.

— Вы очень любите дѣтей?—спросилъ Орловъ.

— Да развѣ ихъ можно не любить?.. Вы вѣдь тоже, вѣрно, любите?—спросила она.

— Да.

— А у васъ уже есть дѣти?

— Я еще не женатъ...

— Отчего же?

— Ни одна дѣвушка не хотѣла замужъ выйти,—шутливо отвѣтилъ Орловъ.

— За васъ-то?.. Полноте!

Въ эти минуту въ дверяхъ изъ залы въ переднюю показалась довольно полная и щегольски одѣтая женщина лѣтъ пятидесяти. Увидавъ эту группу, она остановилась въ дверяхъ, покачала головой и укоризненнымъ тономъ проговорила:

— Вѣра, Вѣра!

Дѣвушка обернулась. Орловъ быстро поднялся и раскланялся съ хозяйкой дома, наскоро смахнувъ пыль съ колѣней.

— Какъ это тебѣ не стыдно заставлять Дмитрія Андреевича возиться съ пупсикомъ!—продолжала хозяйка и обратилась къ Дмитрію Андреевичу.—Вы ее извините, она у насъ совсѣмъ... ребенкомъ осталась. Дѣтство, знаете, провела съ отцомъ въ деревнѣ, на вольной волѣ, потомъ пробыла въ институтѣ четыре года и вотъ только что вышла оттуда на-дняхъ. Совсѣмъ еще не умѣетъ себя держать...

Молодая дѣвушка потупилась и, незамѣтно дернувъ за сюртукъ Орлова, проговорила скороговоркой:

— Это, тетя, не я, право, не я... Это онъ самъ предложилъ услуги!

Дмитрій Андреевичъ невольно разсмѣялся.

— Ну, да, не ты!.. Заставляешь возиться съ пупсикомъ незнакомаго тебѣ человѣка... Вы вѣдь, вѣроятно, ея даже и не помните!

— Нѣтъ... да,—смѣшался Орловъ.

— Года два тому назадъ встрѣчали ее у насъ,—объяс-

Digitized by Google

нила хозяйка.— Помните, вы только что кончили тогда защиту этой княжны... Вѣра бредила тогда вами... Извѣстно, дѣвочка еще совсѣмъ была... Вы еще тогда много смѣялись, когда она разъ вдругъ назвала васъ «душкой»...

Молодая дѣвушка дергала теперь за платье тетку, умоляя ее взглядами не продолжать этого разговора. Всѣ направились въ залъ.

— А вѣдь я и точно не сразу узналъ Вѣру... Вѣру...— Орловъ подыскивалъ отчество.

— Ахъ, зовите просто Вѣрочкой, — сказала хозяйка и потомъ прибавила: — она сильно выросла за послѣдніе два года...

— Похорошѣла,—прибавилъ Орловъ и невольно быстрымъ взглядомъ окинулъ дѣвушку.

Прежде всего ему бросились въ глаза горѣвшія яркимъ румянцемъ щеки, свѣжій смѣющійся ротикъ, молодыя, только что вполнѣ развившіяся формы этого дѣвственнаго стана, обрисовывавшіяся подъ гладкимъ, простенькимъ, но сшитымъ по модѣ, платьемъ. Сколько во всемъ этомъ было молодости, свѣжести и здоровья.

Столъ былъ накрытъ, и поджидали только Орлова, чтобы сѣсть за обѣдъ. Всѣ усѣлись за столъ, и разговоръ начался о путешествіи. Лопатинъ, сіяющій и лоснящійся, ѣлъ, говорилъ и смѣялся за троихъ. Онъ объяснилъ Орлову, что онъ и его жена ѣдутъ «отъ животовъ» лѣчиться. Хозяйка дома пришла въ ужасъ отъ этого выраженія и укоризненно покачала головой мужу, сдѣлавъ въ то же время строгіе глаза Вѣрѣ, засмѣявшейся громкимъ смѣхомъ при словахъ дяди.

— Что-жъ, матушка, скрывать!—сказалъ Лопатинъ.— Этого не скроешь. Да и долженъ же знать Дмитрій Андреевичъ, для чего мы ѣдемъ за границу и отъ чего будемъ лѣчиться, если онъ поѣдетъ съ нами. Ну, да, ѣдемъ мы жиру спустить тамъ, въ чужихъ-то краяхъ. Что-жъ тутъ предосудительнаго? Или только тѣ и имѣютъ право ѣздить туда, кому нагулять животы нужно?

— Ахъ, да что ты затвердилъ: животы, да животы,— сказала хозяйка.—Онъ у меня, Дмитрій Андреевичъ, всегда такъ: понравится ему какое-нибудь словцо, онъ его и твердитъ сто разъ въ день, и непремѣнно вульгарное что-нибудь выберетъ.

— А она стыдится!—замѣтилъ хозяинъ.—Все боится, чтобы насъ за неотесанныхъ мужиковъ не сочли... Не бойся,

Digitized by Google

матушка, и гербы, и грамоты, и все такое дворянское не вчера пріобрѣли; бояться нечего, что за іерусалимскихъ царей или сивопапыхъ коммерціи совѣтниковъ сочтутъ.

— Такъ вы, значитъ, на воды куда-нибудь думаете проѣхать?—сказалъ Орловъ.

— Да, пожалуй, и на воды, а то и такъ протрястись гдѣ-нибудь можно, на ослахъ тамъ, что ли, по горамъ проперетъ до облаковъ, на морѣ прополоскаться морской болѣзнью. Это все одно. Да тамъ одной ѣдой такъ доканаютъ, что десять жировъ спустишь. Отличныя страны... Да вы рѣшайтесь,—ей-Богу же весело будетъ. Вотъ мы поѣдемъ, да Маша съ мужемъ.

— Я подумаю,—отвѣтилъ Орловъ.

— Эхъ, вы! Говорю я, что Обломовъ въ васъ гдѣ-то уголокъ себѣ нанялъ. Погодите, разопретъ его въ васъ тамъ, что и не такимъ, какъ я, станете, а вотъ какимъ...

Хозяинъ показалъ, какимъ толстякомъ станетъ Орловъ.

— Ну, такого-то на балаганахъ показывать станутъ.

— И станутъ, и станутъ!.. И по дѣломъ,—не сидите на одномъ мѣстѣ! Да мало, что за деньги показывать станутъ,—даромъ, даромъ, каждый уличный мальчишка въ васъ пальцемъ тыкать станетъ. Да такъ и надо!

— Да не пугайте, и такъ страшно,—шутливо отвѣтилъ Орловъ.—А подумать все-таки надо.

Потомъ онъ любезно обратился къ дочери хозяевъ:

— А ваши милыя дѣтки тоже ѣдутъ?

Хозяинъ разразился гомерическимъ смѣхомъ.

— Такъ вотъ онъ чего боялся! А, теперь понимаю, понимаю!

— Да вы ошибаетесь!—оправдывался Орловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, батенька, понимаю! Такъ нѣтъ же, не бойтесь! Милыя дѣтки не ѣдутъ, не ѣдутъ. Ну, ихъ!

— Да, право же, я вовсе и не думалъ,—говорилъ Орловъ.—Но есть масса препятствій...

— Ахъ, ты, Господи, что за нерѣшительный человѣкъ!—воскликнулъ Лопатинъ.—Да вы этакъ мохомъ порастете, плѣсенью покроетесь здѣсь, ей-Богу!

Сколько, однако, ни говорили за обѣдомъ, ничего все-таки не рѣшили. Послѣ обѣда всѣ вышли въ гостиную пить кофе. Вѣра прошла въ залу и сѣла за рояль.

— Это играетъ Вѣра... Вѣра?—началъ Орловъ и опять запнулся, не зная ея отчества.

— Да, Вѣрочка! Она у насъ музыкантша,—отвѣтила хозяйка.

Digitized by Google

Дѣйствительно, молодая дѣвушка играла хорошо, съ чувствомъ, со смысломъ. Орлову ужасно захотѣлось послушать ее поближе, посмотрѣть на нее за роялемъ. Онъ разсѣянно слушалъ разговоры и отвѣчалъ невпопадъ на вопросы. Наконецъ, воспользовавшись удобною минутой, когда разговоръ сдѣлался общимъ, онъ вышелъ въ залу и подошелъ къ роялю.

— Вы, однако, настоящая піанистка,—сказалъ онъ Вѣрѣ.

— Я люблю музыку,—коротко отвѣтила она. — А вы играете?

— Къ несчастью, нѣтъ! Это большое лишеніе, такъ какъ бываютъ минуты, когда хотѣлось бы отдохнуть за музыкой, за живописью.

— Да, я это понимаю. Когда мнѣ скучно, я всегда играю... Забудешься, по крайней мѣрѣ.

— Значитъ, вамъ и теперь скучно?

— Какъ вамъ сказать? Не скучно, а не по себѣ.

— Что такъ?

— Да вотъ за обѣдомъ говорили объ этой поѣздкѣ за границу. Всѣ уѣдутъ, а вѣдь меня пошлютъ съ дѣтьми къ бабушкѣ... Я очень, очень люблю дѣтей, но дѣти будутъ подъ надзоромъ няни, а я... съ бабушкой мнѣ придется быть...

— Развѣ вы не ѣдете за границу?

— Нѣтъ... Вѣдь дядѣ и безъ того дорого обойдется везти всѣхъ...

— А вамъ очень хотѣлось бы ѣхать?

— Что же вы спрашиваете! Развѣ можетъ не хотѣться, когда я ничего, ничего еще не видѣла въ жизни...

Потомъ она спросила его:

— А вы, вѣрно, много, много путешествовали, вездѣ, вездѣ?

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что вы отказываетесь ѣхать... Вамъ, должно-быть, ужъ наскучило путешествовать.

— О, нѣтъ! Я просто боюсь соскучиться среди веселыхъ людей. На чужомъ пиру одиночество еще тяжелѣе, чѣмъ въ работѣ...

— Дмитрій Андреевичъ, что это вы, батенька, пропали? Въ картишки не хотите ли перекинуться?—крикнулъ Лопатинъ, входя въ залу.

«Чтобы чортъ побралъ тебя съ твоими картишками»,— промелькнуло въ головѣ Дмитрія Андреевича, и онъ какъ-то сконфузился и началъ объяснять, что ему надо ѣхать.

Digitized by Google

— Я вотъ тутъ шляпу оставилъ, пришелъ за ней и заболтался,—объяснилъ онъ.—Мнѣ пора...

— Ну, да, въ какой-нибудь клубъ или на кутежъ!—сказалъ Лопатинъ.

Дмитрій Андреевичъ началъ горячо увѣрять хозяина, что у него дѣла, что онъ никуда не ѣздитъ почти, что онъ домосѣдъ, а въ головѣ его мелькали мысли: «И съ чего это я ему вру, сказки разсказываю! Съ чего смутился?» Онъ взялся за шляпу.

— Ну, такъ и есть, что жена была права! «Не тревожь, говоритъ, Дмитрія Андреевича, онъ музыку любитъ!» Вотъ потревожилъ и уходите!—сказалъ Лопатинъ.

Дмитрій Андреевичъ почти разсердился.

— Помилуйте, я очень радъ, что вы мнѣ напомнили о томъ, что мнѣ пора ѣхать,—сказалъ онъ и пошелъ откланиваться дамамъ.

Онъ пріѣхалъ домой, повертѣлъ въ рукахъ нѣсколько полученныхъ безъ него писемъ, бросилъ ихъ, не распечатывая, на столъ и прилегъ на диванъ. Его томили скука, хандра, безотчетное раздраженіе. «Точно въ могилѣ тихо и пусто»,—думалось ему, и онъ закрылъ глаза, чтобы ничего не видѣть, чтобы задремать. А передъ нимъ носился образъ такой милый, такой живой образъ этой дѣвушки, наивно болтавшей съ нимъ, какъ съ другомъ. «Какъ это я могъ забыть ее,—думалъ онъ.—Правда, въ эти два года она такъ похорошѣла... Какъ это тогда случилось, что она назвала меня душкой за защиту княжны?» Онъ сталъ припоминать всѣ мелочи этой полузабытой имъ сцены. Онъ вспомнилъ все, онъ былъ тогда очень ласковъ съ Вѣрой, но онъ смотрѣлъ на нее, какъ на дѣвочку. А теперь... Сколько ей лѣтъ? Семнадцать?—Нѣтъ, должно-быть, немного больше, и даже не немного, а можетъ-быть на цѣлый годъ. Да, ей непремѣнно минуло уже восемнадцать лѣтъ... Ему почему-то хотѣлось, чтобъ ей было даже больше восемнадцати лѣтъ... Вотъ если-бъ она была тутъ, опять сѣла бы за рояль, начала бы играть, онъ успокоился бы, онъ всталъ бы и подошелъ бы къ ней, тихо наклонился бы къ ней, она обернула бы къ нему личико. «Митя, ты скучаешь?»—Съ тобой-то, милая крошка? Развѣ можно скучать съ тобой?..—«Фу, какъ это глупо!—пробормоталъ Дмитрій Андреевичъ, очнувшись.—Лысина на головѣ начинаетъ появляться, а въ голову амуры лѣзутъ! Самъ съ собою діалоги веду! Чортъ знаетъ, что за пошлость!» Ему вдругъ вспомнились

Digitized by Google

слова Лопатина о томъ, что госпожа Лопатина совѣтовала не мѣшать Дмитрію Андреевичу, такъ какъ онъ «музыку любитъ». «Хитрая баба, подмѣтила, вѣрно, что я нюни распустилъ, и женишка хочетъ прибагорить! — проворчалъ онъ.—Не съ этою ли цѣлью приказано было и музыку завести? Нѣтъ-съ, на эту удочку не клюнетъ!» И опять ему стало скверно при этой мысли. «Удочка», «женишка прибагорить», «музыку завести», «нюни распустилъ»—выраженія какія пошлыя лѣзутъ въ голову! Ни къ чему не можешь отнестись просто, безъ задней мысли, безъ подозрительности. Ну, пусть это—удочка, пусть госпожа Лопатина женишка хочетъ поймать, да ему-то, Дмитрію Андреевичу, что до этого, если ему точно нравится эта дѣвушка? Вѣдь не потому она ему понравилась, что его умышленно свели съ нею,—онъ засматривался на нее и прежде. Да никто и и не сводилъ его съ нею,—такъ какъ-то самъ сошелся». Ему такъ живо, такъ ясно представилось, какъ они рядомъ сидѣли на полу, раздѣвая пупсика, такъ близко, близко наклонившись къ нему, чуть не касаясь щеками другъ друга. «А что, если-бъ онъ тогда вздумалъ ее поцѣловать?» И опять его мечты перенесли эту дѣвушку сюда, въ его кабинетъ. Вотъ она присѣла къ нему на кушетку, онъ обнимаетъ ея талію, она наклоняется къ нему близко, близко и цѣлуетъ его... Онъ вскочилъ, раздраженный, желчный, и заходилъ по комнатѣ. «Нѣтъ, хорошъ, должно-быть, былъ я,— мысленно говорилъ онъ.—Всѣ сидятъ въ гостиной, всѣ разговариваютъ, а я на цыпочкахъ, крадучись, ухожу въ залъ, какъ гимназистъ влюбленный, смотрѣть, какъ дѣвушка играетъ на фортепіано, переворачивать ноты, млѣть въ созерцаніи дѣвственной красоты. Рожа, должно-быть, хорошо выглядѣла. Вѣдь всѣ это замѣтили, переглядывались, я думаю, между собою. Прелестно! Недоставало, чтобъ я ей скамеечку подъ ноги подставилъ, платокъ ей съ полу поднялъ...» Онъ, передернувъ плечами, опустился на кресло у письменнаго стола и началъ разбирать письма, бумаги. Но голова работала плохо, мысли возвращались все къ одной и той же темѣ. Это начинало просто утомлять. Напившись рано чаю, Дмитрій Андреевичъ улегся спать съ твердымъ рѣшеніемъ написать завтра Лопатину, что онъ не ѣдетъ за границу, и мысленно прибавилъ: «И Богъ съ ними, пусть ѣдутъ, я не загляну больше къ нимъ. И давно пора порвать съ ними. Онъ—первостепенный плутъ, она—продувная баба, зять—балбесъ, состоящій на посылкахъ у

Digitized by Google

жены, у тестя, у тещи, у всѣхъ жениныхъ родственниковъ, хочь хочетъ разыгрывать... Да что мнѣ до нихъ за дѣло? Разыгрывай они, что имъ угодно, мнѣ-то что до этого?» Утромъ первою мыслью его было новое соображеніе о томъ, что ему все-таки не для чего обижать людей, что онъ долженъ соблюсти приличіе и самому поѣхать къ Лопатинымъ, объяснить, что онъ не можетъ ѣхать, хотя и желалъ бы,— однимъ словомъ, не подать имъ повода думать, что онъ точно бѣжалъ отъ нихъ. Это уже нужно потому, чтобы не сдѣлаться смѣшнымъ въ ихъ глазахъ. Да, наконецъ, порвать сношенія съ ними такъ вдругъ и невозможно. У него есть общіе съ ними знакомые. Встрѣчи съ ними не избѣжишь. Онъ поѣхалъ къ Лопатинымъ и, только поднимаясь по лѣстницѣ, вспомнилъ, что именно въ этотъ часъ Лопатинъ никогда не бываетъ дома. Онъ очень удивился такой непростительной съ его стороны забывчивости. «Ну, что-жъ, подожду его. Не ѣхать же домой!» Онъ вошелъ въ квартиру Лопатиныхъ и встрѣтился въ залѣ съ Вѣрой.

— Ахъ, это вы!—воскликнула она.—А я сегодня въ горѣ! Тетя за завтракомъ окончательно рѣшила, что на будущей недѣлѣ меня начнутъ укладывать.

Дмитрій Андреевичъ невольно улыбнулся.

— Укладывать? Да развѣ вы вещь?—сказалъ онъ.

— Ну, вотъ, вы смѣетесь, а мнѣ, право не до смѣха,— проговорила она.—Да, тетя такъ и сказала. Это, значитъ,— вещи, багажъ мой будутъ приготовлять. Къ бабушкѣ повлюты! Я бабушку совсѣмъ не знаю. Да она и не мнѣ бабушка. Она бабушка Машѣ, тетина мать. Какая же она мнѣ бабушка?

Дмитрій Андреевичъ взялъ ее за руку.

— Не могу ли я похлопотать за васъ?—ласково сказалъ онъ.—Можетъ-быть, мнѣ удастся убѣдить взять васъ за границу.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—проговорила она торопливо.—Не надо! Мнѣ теперь скучно, даже...—ну, да что же тутъ скрывать...—даже завидно; но вѣдь я понимаю, что это даже хорошо, что меня не берутъ за границу.

— Отчего же это хорошо?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Тамъ весело, тамъ такъ шумно, я могу привыкнуть къ этому, а потомъ мнѣ будетъ еще тяжелѣе жить гдѣ-нибудь въ деревнѣ въ гувернанткахъ. Тетя недаромъ мнѣ говоритъ, что бѣдной дѣвушкѣ не слѣдуетъ привыкать къ удовольствіямъ, къ роскоши...

Digitized by Google

Дмитрій Андреевичъ вспылилъ.

— Да, только имъ нужно наслаждаться жизнью, только имъ нужно весь вѣкъ на пиру быть! Могли бы, кажется, кое-что удѣлить и на вашу долю, на долю еще не жившаго человѣка!

Она покачала отрицательно головой.

— Мнѣ чужого не надо!.. Покойный папа всегда говорилъ: «Мы, Вѣрочка, съ тобой не богаты, зато чужого хлѣба не ѣдимъ...» Ахъ, Дмитрій Андреевичъ, какъ мнѣ тяжело, что папа умеръ... Какъ славно мы жили съ нимъ въ деревнѣ!.. Дядя его чудакомъ и сумасбродомъ звалъ, а онъ не былъ ни чудакомъ, ни сумасбродомъ, а просто былъ добрый и честный старикъ. Онъ самъ училъ меня въ дѣтствѣ всему, всему... Онъ такъ много зналъ! Онъ вѣдь генераломъ былъ въ артиллеріи, и всѣ говорили, что онъ ученый, а не строевой генералъ былъ... Я это помню, потому я вѣдь въ институтъ поздно поступила и недолго была тамъ. Папа бы и не отдалъ меня въ институтъ, такъ какъ онъ всегда говорилъ, что институтки больше ничего, какъ дуры. Ну, а дядя, когда папа умеръ, взялъ и отдалъ меня въ институтъ... Какъ я тамъ плакала, долго, долго...

Она вдругъ покраснѣла и сконфуженно пробормотала:

— Впрочемъ, что же это я вамъ разсказываю. Вамъ это, должно-быть, вовсе не интересно.

— Милое вы созданье, вы и не знаете, какъ меня интересуетъ каждое ваше слово, каждый вашъ взглядъ,—прошепталъ онъ, сжимая ей руки.

Она взглянула на него вопросительнымъ взглядомъ. Онъ нѣжно смотрѣлъ ей въ глаза.

— Вы, должно-быть, очень, очень добрый человѣкъ!— проговорила она.

— Да?.. Вы думаете?

— Да... Васъ и папа считалъ хорошимъ человѣкомъ.

— Вашъ отецъ? Я не былъ знакомъ съ вашимъ отцомъ.

— Ахъ, да вѣдь вы писали въ газетахъ... Папа читалъ двѣ ваши статьи и потомъ долго говорилъ о нихъ, что именно такъ должны смотрѣть на народъ честные люди... Да развѣ я вамъ не говорила этого, когда два года тому назадъ я въ первый разъ увидѣла васъ?.. Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ! Я тогда и говорить боялась съ вами. Я вѣдь тогда на васъ, какъ на писателя смотрѣла. Я только исподтишка смотрѣла на васъ и слушала, что вы скажете... А вы тогда такъ хорошо говорили объ этой княжнѣ Русовой, которую

Digitized by Google

вы тогда защищали... Я потомъ долго-долго думала, зачѣмъ я не такая...

— То-есть какъ не такая?

— Да, вотъ она всѣмъ, всѣмъ готова была пожертвовать, чтобы другимъ было хорошо... Если бы папа былъ живъ, я, можетъ-быть, тоже не такой... институткой была бы... Вы знаете, папа что дѣлалъ. Онъ передъ Рождествомъ, передъ Пасхой, передъ моими именинами спрашивалъ всегда: «Вѣра, что ты хочешь: чтобъ я тебѣ сдѣлалъ подарокъ, или чтобъ я тебѣ позволилъ отдать эти деньги вотъ той бѣдной крестьянкѣ, у которой больны мужъ и дѣти?..» Я не брала подарковъ... Но вѣдь это что же... Я знала, что у меня и такъ все будетъ, что я въ сущности не жертвую ничѣмъ... Это было совсѣмъ не то, что дѣлала эта княжна... А знаете, что я думала, когда вы говорили о ней?.. Я думала, что вы женитесь на ней.

— Гдѣ же мнѣ!—со вздохомъ отвѣтилъ Орловъ.—Она уже любила другого... Давно любила его... Я вообще давно пересталъ мечтать о женитьбѣ...

— Отчего же?

Орловъ хотѣлъ отвѣчать, но она сдѣлала серьезное лицо и проговорила ласковымъ тономъ:

— Вы не разсердитесь, если я вамъ что-то скажу?

— Говорите.

— Зачѣмъ вы ведете дурную жизнь?

— Дурную жизнь?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Да. Дядя говоритъ... Ради Бога не думайте, что я наушничаю... Нѣтъ я такъ люблю васъ, что мнѣ больно, когда васъ бранятъ... Дядя говоритъ вотъ, что вы потому не ѣдете и за границу, что вы безпутничать здѣсь привыкли... Я не знаю, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но все же... для чего вы такъ живете, что васъ могутъ осуждать? Когда знаешь, что человѣкъ хорошій и про него при тебѣ...

Въ передней раздался рѣзкій звонокъ. Орловъ точно очнулся отъ сладкаго сна: онъ быстро поднялся съ мѣста, какое-то досадливое чувство передернуло всего его, и онъ, точно сердясь на себя, точно издѣваясь надъ собою, съ ироніей проговорилъ:

— Должно-быть, ужасно смѣшно смотрѣть со стороны, когда человѣкъ моихъ лѣтъ расчувствуется, какъ я теперь... Когда-нибудь, вспоминая сегодняшній день, вы еще посмѣетесь надо мной...

Она глядѣла на него широко раскрытыми удивленными

Digitized by Google

глазами. Передъ ней стоялъ точно другой человѣкъ. Въ залу вошла хозяйка дома.

— А, дорогой Дмитрій Андреевичъ, очень мило, что не уѣхали и дождались! Сейчасъ пріѣдетъ и Nicolas,—прогоговорила она, крѣпко пожимая руку Орлова.—Сумѣла ли молодая хозяйка занять?

— О, мы тутъ исповѣдывались другъ передъ другомъ!—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ съ усмѣшкой.—Я даже хочу покаяться во грѣхахъ и постричься въ монахи, чтобы покончить съ безобразіями холостой жизни.

— Зачѣмъ же въ монахи? Не лучше ли найти другой исходъ?—сказала Лопатина, не безъ лукавства глядя ему въ глаза.

— Старъ слишкомъ для другихъ-то исходовъ! Обращать-то на путь истинный многіе готовы, а спасти—никто не спасетъ! Вѣдь проповѣдовать легко, а помочь спастись — это совсѣмъ другое дѣло!

— Да вы просили ли о помощи?

— Избави Богъ! Въ жизни и безъ того много дается щелчковъ! Это вѣдь такъ забавно — подшутить надъ ближнимъ!

— Ой, да вы ужъ очень трусите!—засмѣялась хозяйка.

— А вамъ очень хотѣлось бы, чтобъ я былъ храбрѣе?—спросилъ онъ почти дерзко.

Онъ говорилъ и злился на себя за этотъ разговоръ, за этотъ тонъ. Онъ понималъ всю пошлость этой сцены. Его бѣсило все это еще болѣе потому, что онъ видѣлъ, какъ на него смотрѣли удивленные, недоумѣвающіе глаза молодой дѣвушки. Лопатина попросила извиненія, что она на минуту удалится, чтобы сбросить шляпу. Когда она вышла, онъ снова остался съ глазу на глазъ съ молодой дѣвушкой, и ему стало точно совѣстно поднять на нее глаза. Она стояла уже у рояля спиной къ нему и безцѣльно перебирала ноты.

Онъ приблизился къ ней.

— Вы сердитесь на меня?—спросилъ онъ тихо.

Она подняла на него глаза. Въ нихъ были слезы.

— Да, вы что-то нехорошее говорили,—такъ же тихо отвѣтила она.

— Нехорошее, нехорошее!.. А развѣ было бы лучше, если-бъ я сталъ увѣрять вашу тетушку, что я безъ ума отъ васъ, что я люблю васъ, что я жить не могу безъ васъ, и вызвалъ бы...

Digitized by Google

Она подняла на него глаза и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Зачѣмъ вы такъ шутите... надо мной шутите?..

Она повернулась и вышла изъ залы.

— Вѣра!.. Вѣрочка!.. — порывисто крикнулъ Дмитрій Андреевичъ, сдѣлавъ шагъ за нею.

И въ ту же минуту онъ послалъ «ко всѣмъ чертямъ» хозяйку и хозяина дома, входившихъ въ залъ изъ двухъ противоположныхъ дверей. «И какъ все это пошло слагается! Точно сатиры какіе-то около нимфы! Одинъ бѣгаетъ и заигрываетъ, другіе сторожатъ и подсматриваютъ»,—мелькало въ головѣ Дмитрія Андреевича. И вдругъ онъ почувствовалъ какую-то рѣшимость, смѣлость, необходимость кончить все вдругъ, разомъ, не раздумывая. Это была такая же минута, какъ тогда, какъ онъ соскочилъ съ поѣзда на станціи Русовка.

— Извините, мнѣ нужно поговорить съ Вѣрочкой,—рѣзко сказалъ онъ Лопатинымъ и быстро прошелъ за молодой дѣвушкой.

Онъ настигъ ее въ столовой и круто, безъ приступовъ, обратился къ ней.

— Вѣра, скажите: да или нѣтъ? Я или останусь съ вами навсегда, или никогда не обезпокою васъ своими глупыми...

Она взяла его за руки и, точно желая укрыться подъ грѣющимъ крыломъ, прижалась къ его груди, не проронивъ ни слова. Онъ уже цѣловалъ ея руки, ея голову, ея губы. Онъ не могъ говорить, не могъ оторваться отъ нея. Минуты шли за минутами, а хозяева въ недоумѣніи бродили по залѣ и ждали Дмитрія Андреевича. Они какъ-будто растерялись.

— Я ее не предупредила... Пожалуй, откажетъ! — тихо сказала Лопатина.—Глупа еще... Покажется ей что-нибудь... Не молодъ, скажетъ, не красавецъ...

— Да, наконецъ, онъ-то не знаетъ, что за ней ничего нѣтъ! Тоже, чудакъ, не справился! Можетъ-быть, разсчитываетъ на насъ!—проговорилъ Лопатинъ.—Живемъ широко,—ну, и можетъ думать...

— Ахъ, это глупости! Я боюсь за нее... вотъ что страшно!

— Да, а тоже хорошо, если она согласится, а онъ потомъ станетъ требовать отчетовъ... Тоже скандалъ! Я вѣдь онскунъ...

Въ столовой, наконецъ, послышался громкій смѣхъ. Это смѣялись Вѣра и Дмитрій Андреевичъ, вспомнивъ, что Лопатины все еще ждутъ ихъ въ залѣ. Они быстро пошли,

Digitized by Google

почти побѣжали объявлять о результатѣ своей долгой бесѣды,—оба раскраснѣвшіеся, оба счастливые, оба чувствовавшіе потребность пошкольничать...

— Такъ вотъ вы о чемъ объяснялись!—воскликнула хозяйка.—Ай-да, Дмитрій Андреевичъ, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

— Да, въ мои годы людей или женятъ, или нужно, чтобы они... скоропостижно женились,—пошутилъ Дмитрій Андреевичъ. — А то, мы, старые холостяки, всегда, если начнемъ думать, такъ, какъ гоголевскій женихъ, въ окно выскочимъ.

— Зачѣмъ вы говорите, что вы старый холостякъ?—сказала Лопатина.

— Да, да, теперь ужъ не старый холостякъ, а молодой женихъ,—весело отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, полно вамъ пустяки городить! Пойдемте, поговоримъ о дѣлѣ!—озабоченно сказалъ Лопатинъ.

— Ахъ, мнѣ теперь не до дѣлъ! Ничего я въ нихъ не пойму,—отвѣтилъ Орловъ.

— А все же пойдемте! Иначе и поздравлять не буду!—настаивалъ хозяинъ.

Орловъ ушелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Дмитрій Андреевичъ,—дѣловымъ тономъ началъ хозяинъ:—я очень радъ за Вѣру. Вы такой завидный женихъ. Вѣдь она мнѣ родная племянница. Отца я ей замѣняю, сиротѣ...

Лопатинъ жирнымъ пальцемъ отеръ сухой глазъ.

— Но прежде, чѣмъ объявить васъ женихомъ,—продолжалъ онъ:—я долженъ вамъ разъяснить ея положеніе. Вы видите, что Вѣра живетъ у насъ, ни въ чемъ не нуждается; но знаете ли вы ея средства?

— О деньгахъ хотите говорить?—перебилъ его Орловъ.—Я не покупаю, не сдѣлку дѣлаю...

— Постойте, постойте! Я ея опекунъ и потому долженъ буду отдать вамъ отчетъ.

Дмитрій Андреевичъ махнулъ рукой.

— Ну васъ, съ отчетомъ!

— Экій сумасшедшій! Поймите, что это мой долгъ. У Вѣрочки ничего нѣтъ!

— И не надо ничего!

— Ея отецъ, мой покойный братъ, былъ артиллерійскій генералъ. Люди въ его положеніи наживали сотни тысячъ...

— А онъ былъ старый сумасбродъ и ничего не нажилъ!

Digitized by Google

— Да.

— Ну, и отлично!

— Да погодите! У него остались кое-какія крохи, очень, очень немного, но намъ стоило...

— Ея воспитаніе, да? И все ушло на это?.. Ну, и слава Богу!

— Тьфу ты пропасть! Ошалѣлъ совсѣмъ человѣкъ! Да отчетъ-то я долженъ же дать. Вѣдь я опекунъ!

— Голубчикъ, давайте вы кому хотите отчетъ, но не мучайте меня! Отступныхъ вамъ, что ли, надо? Приплатить я долженъ что-нибудь за воспитаніе ея? Ну, приплачу!

Лопатинъ только руками развелъ. Потомъ, вдругъ все сообразивъ, расхохотался жирнымъ смѣхомъ и бросился душить въ объятіяхъ Орлова.

— Ну, и точно, къ чорту отчеты, къ чорту! Чего я въ самомъ дѣлѣ пристадъ!—говорилъ онъ, цѣлуя сальными губами Орлова. — Ступайте, цѣлуйтесь съ ней, сколько душѣ угодно!

Онъ смѣялся и потиралъ руки. Малая толика денегъ Вѣры пристала къ этимъ жирнымъ рукамъ и осталась въ нихъ навсегда. Онъ никакъ не думалъ, что Орловъ можетъ такъ «опростоволоситься». Тоже вѣдь сталъ бы толковать, поприжалъ бы, пришлось бы кое-что дать. Такъ нѣтъ, голову потерялъ отъ любви. Вотъ они, молодые-то, новые-то, нѣтъ-нѣтъ, да и попадутся на ту или другую удочку. То изъ любви сумасбродничаютъ, то великодушіе выказываютъ, то изъ-за брезгливости многое между рукъ пропустятъ. Ну, да какъ бы тамъ ни было, а все же слава Богу, что такъ все кончилось къ обоюдному удовольствію.

Орловъ никакъ не воображалъ, что онъ еще способенъ на разныя молодыя глупости, свойственныя всѣмъ влюбленнымъ. Онъ накупалъ разныхъ подарковъ невѣстѣ, возилъ ей ежедневно для чего-то конфеты, писалъ сумасбродныя письма о своемъ счастіи и князю, и Настѣ, и Благолѣпову, и Софьѣ Александровнѣ, заѣзжалъ къ Маріѣ Ивановнѣ и Лешѣ, чтобы разсказать имъ о своемъ благополучіи, возилъ дорогіе вѣнки на могилу отца и матери и торопился свадьбой, точно боясь, что что-нибудь ей помѣшаетъ. По просьбамъ и настоянію Лопатиныхъ, свадьба должна была состояться въ день отъѣзда за границу, такъ чтобы черезъ два часа послѣ вѣнчанія вся семья могла отправиться въ путь. Отдѣлаться отъ сопутствія Лопатиныхъ было нельзя, и Орловъ вдругъ передумалъ вѣнчаться въ Петербургѣ. «И

Digitized by Google

какъ это я буду вѣнчаться на глазахъ у всѣхъ, точно на выставкѣ стоять буду? Не звать же никого неловко. Да, наконецъ, очень весело жениться и ѣхать съ этими сатирами. Нѣтъ, ужъ лучше подождать, лучше гдѣ-нибудь въ Берлинѣ, въ Висбаденѣ обвѣнчаться и удрать отъ милыхъ родныхъ». Онъ сообщилъ объ этомъ Вѣрѣ, и она вполнѣ согласилась съ нимъ, что такъ будетъ лучше. Женихъ и невѣста шопотомъ, смѣясь и дурачась, уговорились, что они «сбѣгутъ» отъ Лопатиныхъ на дорогѣ тотчасъ послѣ свадьбы и умчатся въ Италію вдвоемъ, не говоря никому ни слова о томъ, куда они ѣдутъ, гдѣ спрячутся на время отъ всѣхъ родныхъ, друзей и знакомыхъ.

Наконецъ, насталъ желанный день.

Орловъ уѣзжалъ изъ Россіи за границу. Съ нимъ ѣхало семейство его будущихъ родственниковъ: Вѣра, Лопатинъ, его жена, ихъ дочь Маша, ея мужъ. Они заняли цѣлое купэ въ вагонѣ перваго класса, смѣясь и безпечно болтая. Прошло нѣсколько минутъ, раздался послѣдній звонокъ, пронесся свистъ оберъ-кондуктора, запыхтѣлъ локомотивъ, заскрипѣли колеса, и поѣздъ двинулся впередъ... Вотъ съ правой стороны тянется Митрофаньевское кладбище, съ лѣвой виднѣется Дѣвичій монастырь тоже съ кладбищемъ, какая-то часовня показалась вдали, а тамъ потянулись тощія поля, однообразныя равнины съ жидкими кустами, съ болотистыми ямами и кочками, покрытыми мхомъ.

— Экая картина-то, глазу не на чѣмъ остановиться,— сказалъ Лопатинъ, видя, что Дмитрій Андреевичъ засмотрѣлся на окрестные виды.

— Да, и такъ вплоть до Вильны, — отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Да, тамъ уже природа лучше; чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ лучше,—проговорилъ Лопатинъ.

Дмитрій Андреевичъ не отвѣчалъ. Его вдругъ охватили невеселыя думы. Въ головѣ мелькали какія-то отрывочныя воспоминанія. То вспоминались некрасовскія строки:

Лѣсъ ли начнется—сосна, да осина...
Не весела ты, родная картина!

То приходили на умъ слова Тютчева:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа.

А тамъ вспоминались мать, отецъ, сестра Аня, тетка

Digitized by Google

Дарья, Леша, Настя, разные много страдавшіе, много терпѣвшіе люди. Какъ немного спаслось изъ нихъ и сколько погибло!.. Да и тѣ, кто спасся, спаслись чисто случайно, какъ спаслась Настя. Вотъ встали передъ нимъ и другіе образы: княжна, Благолѣповъ, князь Александръ, онъ самъ со всею своей будничною дѣятельностью. Что они сдѣлали?.. Они всѣ, каждый по-своему, желали добра ближнимъ, народу, родинѣ. Они всѣ были полны добрыхъ намѣреній. Но что они сдѣлали? Вотъ княжна, не подготовленная своею средой ни къ чему полезному, вотъ Благолѣповъ, выбитый изъ обычной колеи случайностями. А князь Александръ?.. Полжизни—даже, можетъ-быть, больше, чѣмъ полъ-жизни—ушло у него на самоисправленіе, на саморазвитіе, на выработку самостоятельныхъ взглядовъ. Какіе же эти взгляды?—Все прошлое привело его къ тому заключенію, что прежде всего человѣку нужно исправить самого себя, дойти до послѣднихъ тонкостей въ анализѣ своихъ поступковъ. Къ этому его привело сознаніе, что его отецъ, всѣми прославляемый за честность и доброту, совершившій чуть не подвигъ, признавъ чужихъ дѣтей своими, едва не погубилъ его, Александра, именно тѣмъ, что мало всматривался въ свои отношенія къ сыну, успокоившись на томъ, что сынъ признанъ имъ, какъ-будто въ этомъ и заключалось все; къ этимъ же взглядамъ должно было привести отношеніе къ Настѣ его, Орлова, признаваемаго всѣми чуть не за генія по уму, чуть не за рыцаря по благородству стремленій, такъ какъ эти отношенія шли прямо въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что говорилъ Орловъ: онъ пылалъ любовью къ голи, къ бѣднякамъ, а между, тѣмъ на его глазахъ едва не погибла Настя, его двоюродная сестра, подруга дѣтства, и онъ пальца о палецъ не стукнулъ для ея спасенія, не изъ злобы, не изъ холодности, а по легкомыслію, по небрежному отношенію къ своимъ поступкамъ; наконецъ, именно эти взгляды должны были выработаться въ князѣ, когда онъ оглянулся на свою собственную жизнь. И вотъ князь Александръ проповѣдуетъ этотъ, и только этотъ, путь, говоря что-ничего не измѣнится, покуда мы сами не измѣнимъ себя. Сообразно съ этими взглядами онъ считаетъ нужнымъ добиваться всего легальнымъ путемъ, стоя на стражѣ закона, стараясь пресѣчь злоупотребленія, воюя съ недобросовѣстными людьми, воспитывая людей. Онъ бьется, борется, но то, чего онъ добьется сегодня, то, можетъ-быть, завтра передѣлается иначе другими. Правда, онъ радуется, что около

Digitized by Google

него уже стоятъ два-три единомышленника, но противъ нихъ тучей поднимается саранча противниковъ. Къ какимъ результатамъ приведетъ этотъ путь? Когда онъ приведетъ къ благимъ результатамъ? Не сведется ли вся дѣятельность князя на простую филантропію? Отвѣта нѣтъ. «Нѣтъ, безъ свободы слова, безъ свободы личности ничего не подѣлаешь!»— мелькаетъ въ головѣ Орлова, и что-то точно сжимаетъ ему сердце. Всю жизнь, — да, всю жизнь, — повторялъ онъ эту фразу, повторялъ съ твердымъ убѣжденіемъ въ справедливости этой мысли, повторялъ искренно, какъ свой символъ вѣры, а жизнь шла все дальше и дальше, шла въ работѣ для насущнаго хлѣба, для денегъ, для личныхъ потребностей, замыслы же о трудѣ на пользу общества, о широкой дѣятельности на благо родинѣ такъ и оставались замыслами.

— О чемъ размечтались?—спросилъ Лопатинъ, дотронувшись рукою до колѣна.

— Итоги подвожу,—коротко отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, батенька, рано начали! Порастрясите-ка мошну за границей, да тогда ужъ и сводите итоги!

— Ахъ, вы все о деньгахъ!

— А то о чемъ же? Какіе такіе еще итоги?

— Да вотъ подумалъ, что сдѣлано... Больше полжизни прожито, а что сдѣлано?

Лопатинъ смотрѣлъ на него, широко открывъ глаза и ровно ничего не понимая.

— Да вы же успѣли-таки кое-что скопить, сколотили деньги?

— Да, да, за верченье въ бѣличьемъ колесѣ нажилъ капиталъ... Да я не о себѣ! Я о томъ, что вотъ прошло столько лѣтъ съ начала реформъ, а поглядишь на эти полуразвалившіяся избы, на эти болота и тощія поля, и кажется, точно ничто не коснулось этого края...

— Это изъ вагона такъ кажется,—равнодушно замѣтилъ Лопатинъ.—Гдѣ же такъ-то, когда несешься сломя голову впередъ, все разсмотрѣть...

Орловъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ смотрѣть въ окно.

— Вы вѣдь изъ недовольныхъ тоже,—продолжалъ Лопатинъ.—Вамъ какія реформы ни дай, все мало. Крестьянъ освободили — сѣтуете, что мало земли дали. Земскія учрежденія завели, такъ вамъ подавай сразу мѣстные парламенты. Свободу печати дали, такъ зачѣмъ не позволяютъ

Digitized by Google

революцію на площадяхъ проповѣдывать? Суды новые устроили, — кажется, ужъ совсѣмъ хорошо, — такъ нѣтъ и тутъ сѣтуете, что правительство не нарожало для этихъ судовъ новыхъ царей Соломоновъ.

Орловъ слушалъ только наполовину.

— Я не стану спорить противъ того, что многое у насъ не такъ вышло, какъ думали, что многое затормозилось,— продолжалъ Лопатинъ, давно уже соскучившійся сидѣть молча и обрадовавшійся возможности поговорить. — Ну, да вѣдь, батенька, одинъ Богъ безъ грѣха. А люди вездѣ— люди, и ошибаться имъ свойственно. По-латыни даже могу сказать это: ерраре гуманумъ есть. Да-съ, такъ-то! Тоже обернитесь на себя, — не мало, чай, глупостей натворили на своемъ вѣку. Ну, а вѣдь, и общество, и правительство изъ тѣхъ же людей, какъ вы, состоятъ. Одни сразу закусили на радостяхъ удила и рванулись очертя голову впередъ; другіе отъ страху сразу попятились назадъ, точно на краю пропасти себя увидали. Ну, сумбуръ и пошелъ. Одни кричатъ: «Валяй, валяй впередъ!» Другіе орутъ: «Стой, стой, назадъ!» Кто правъ, кто виноватъ—первые или вторые, теперь, пожалуй, и не разберешь даже, кто первый крикнулъ; вѣрно только, что и тѣ, и другіе испугались,—ну, и пошла сумятица, сиверка какая-то настала: не знаешь, откуда вѣтеръ дуетъ; не разберешь, снѣгъ или дождь идетъ, съ земли ли туманъ поднимается или на землю онъ падаетъ,—и всѣмъ жутко, всѣмъ кажется, что не туда другіе тянутъ, не туда ѣдутъ, куда слѣдуетъ.

Орловъ грустно усмѣхнулся.

— И потому никто ни съ мѣста,—проговорилъ онъ.

Лопатинъ опять дотронулся до его колѣна.

— Это вы, батюшка, потому такъ говорите, что сиверка и васъ съ толку сбила,—сказалъ онъ.—И всѣхъ она сбила съ толку. Въ сиверку, въ непогодь этакую всегда такъ: ѣдешь, ѣдешь, ничего кругомъ не видать, кругомъ все точно кружитъ, мокрый снѣгъ глаза слѣпитъ,—ну, и кажется, что кружишься на одномъ мѣстѣ. А вы вотъ обратите вниманіе на духъ-то общества, на духъ его, тогда и увидите, что сдѣлано-то много, что далеко мы уѣхали отъ прежней-то станціи.

Онъ вдругъ громко разсмѣялся своимъ жирнымъ, утробнымъ смѣхомъ.

— Да вотъ на меня взгляните,—сказалъ онъ.—Ну, какой чортъ дернулъ бы меня въ старые-то годы съ вами бесѣ-

Digitized by Google

довать объ этихъ матеріяхъ важныхъ? Какой толкъ видѣлъ я въ этихъ вопросахъ? А теперь, батенька, я тоже и земецъ, и гласный, и въ почетные мировые судьи норовлю, такъ эти общественные-то вопросы—своя шкура. Теперь всякій послѣдній лавочникъ въ политику, да въ критику носъ суетъ. «Финанцы, говоритъ, у насъ разстроены», «рубъ, говоритъ, нашъ совсѣмъ въ цѣнѣ упамши». Да-съ, каждая бестія теперь такъ и норовитъ въ министры финансовъ попасть. А положеніе народа? Вонъ вы, вѣдь, народолюбецъ,—ну, такъ вы мнѣ скажите, какія такія мѣры и крайности съ той или другой стороны заставятъ теперь забыть о народѣ, устранить его, такъ сказать, съ пути прогресса?

Онъ наклонился къ Орлову.

— Я вамъ вотъ что даже скажу,—проговорилъ онъ даже раздражительно, съ какимъ-то ожесточеніемъ:—надоѣлъ мнѣ вашъ народъ,—да, надоѣлъ! То его освобождаютъ, то люди въ народъ съ просвѣщеніемъ, да прокламаціями идутъ, то Некрасовъ вашъ тамъ донимаетъ меня плачемъ о народѣ, то какіе-то Рѣшетниковы, Успенскіе, Марки Вовчки и... какъ ихъ тамъ еще называютъ—за него распинаются, да грязныя онучи мнѣ подъ носъ подносятъ, то вы, ораторы судейскіе, въ своихъ рѣчахъ тычете въ глаза каждымъ его горемъ, то земскіе врачи изъ либераловъ толками о его недугахъ аппетитъ мнѣ портятъ... И бѣжалъ бы, бѣжалъ бы я отъ всего этого, да бѣжать-то ужъ некуда, потому что приперли насъ къ стѣнѣ и кричатъ: или по-міру ступай, или позаботься о народѣ. И забочусь, забочусь, потому что духъ времени требуетъ, чтобъ я заботился о народѣ, хоть мнѣ самому и плевать на него, на вашъ народъ-то! Вонъ голодъ былъ—въ комитетъ я записался, сборы между знакомыми дѣлалъ, хлѣбъ закупалъ, дочку отпустилъ въ спектаклѣ въ пользу голодающихъ горничную какую-то изображать. Прежде-то этого вашего народа я и знать не хотѣлъ, потому имѣлъ я дѣло со своими Филатками и Евгешками, которыхъ я на конюшнѣ драллъ, а теперь... теперь вонъ меня этотъ народъ-то вашъ недавно къ мировому тянулъ за то, что я какому-то сиволапому сгоряча въ зубы легонько потыкалъ... Да я въ глаза насмѣялся бы тому, кто въ былое время мнѣ сказалъ бы, что я буду на одной доскѣ съ своими холопами передъ закономъ стоять, да еще печатные реприманды читать за то, что я мало о народѣ забочусь... Вотъ что сдѣлано! А вы говорите, ничего не сдѣлано.

Digitized by Google

Лопатинъ еще долго въ желчномъ одушевленіи ораторствовалъ на эту тему, на что-то жалуясь, на что-то сердясь. Но Орловъ уже не слушалъ его. Онъ думалъ о томъ, когда и какъ кончится эта сиверка преступныхъ смутъ и недоразумѣній. Среди этихъ мыслей все яснѣе становилось сознаніе, что сколько бы не продлилась эта непогода, а все-таки «новаго духа» она дѣйствительно не убьетъ. Этотъ «новый духъ» создали обстоятельства, реформы и нововведенія; его развили люди, стоявшіе умѣло или не умѣло, по мѣрѣ силъ и способностей, за народъ. Да, теперь сознаютъ всѣ, бранясь или радуясь, что народъ нужно поднять, что безъ его благосостоянія немыслимо никакое дальнѣйшее развитіе, что онъ—все. Правда, покуда намѣчена только главная цѣль для всѣхъ, болѣе или менѣе плодотворныхъ работъ и усилій, во взглядахъ же на средства для достиженія этой цѣли замѣчаются еще рознь, несогласіе, вражда. Много силъ тратится даромъ, погибаетъ безплодно, приноситъ даже вредъ вмѣсто пользы только потому, что эти средства для достиженія цѣли далеко еще не опредѣлились. Но не можетъ же долго такъ продолжаться... На душѣ Орлова становилось какъ-то легче, какъ-то свѣтлѣе. Наконецъ, по его уже довольно полному лицу скользнула самодовольная буржуазная улыбка, онъ поднялъ голову, потянулся всласть, какъ потягивается сытый человѣкъ, и проговорилъ:

— Да, вы правы, время сдѣлало свое дѣло, и будущность наша.

Лопатинъ сердито махнулъ головой.

— Не ваша, а этого хамова отродья!—проворчалъ онъ.

Digitized by Google

НА ПУТИ КЪ ИЗВѢСТНОСТИ.

РАЗСКАЗЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

НА ПУТИ КЪ ИЗВѢСТНОСТИ.

I.

По широкой парадной лѣстницѣ, устланной мягкимъ ковромъ, поднимался очень молодой человѣкъ. На немъ было рваное пальто; изъ пальто виднѣлись клочья грязной, свернувшейся въ комки ваты. Широкія порыжѣвшія панталоны напоминали своимъ покроемъ портныхъ провинціи и толкучки; они оканчивались внизу бахромками и были слишкомъ коротки, точно они съежились отъ старости или просто ихъ обладатель переросъ ихъ во время ихъ долголѣтняго служенія. Изъ-подъ нихъ виднѣлись давно нечищенные, расползшіеся въ стороны сапоги; одинъ сапогъ уже успѣлъ лопнуть въ двухъ мѣстахъ и нескромно показывалъ клочки далеко нечистаго носка.

Молодой человѣкъ шелъ нетвердою, робкою походкою, какъ подходятъ очень незначительные, пришибленные судьбою людишки къ высокопоставленнымъ лицамъ. Онъ какъ-то съежился и казался ниже своего роста, когда его рука несмѣло прикоснулась къ бронзовой ручкѣ колокольчика у дверей бель-этажа.

Была минута, когда онъ боялся, что его примутъ за нищаго, за бродягу, за вора и вытолкнутъ вонъ, или пригрозятъ полиціей. Подобные случаи нерѣдко бывали въ жизни даже очень геніальныхъ людей, еще не успѣвшихъ сшить себѣ порядочнаго платья.

Лакей отперъ передъ юношею-оборванцемъ дверь и пропустилъ его въ просторную, свѣтлую переднюю, не сказавъ ни слова. Повидимому, лакей не впервые видѣлъ подобныхъ оборванцевъ въ этой передней.

Digitized by Google

Едва ли когда-нибудь у этого молодого человѣка было такое платье, какое было надѣто на этомъ лакеѣ и, вѣроятно, онъ счелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, если бы ему отвели такое помѣщеніе, какъ эта передняя.

Посѣтитель торопливо и неуклюже, какъ человѣкъ, сильно сконфузившійся за себя, снялъ свое пальто, чтобы не дать времени лакею разсмотрѣть эти лохмотья, и поспѣшно прошелъ въ открытую дверь пріемной.

Этотъ молодой человѣкъ былъ я, Александръ Николаевичъ Аристидовъ. Я шелъ не за милостыней, я шелъ не съ просьбою о тепломъ мѣстечкѣ, я шелъ не къ какому-нибудь начальнику или высокопоставленному лицу. Я просто несъ въ редакцію первую часть написаннаго мною романа и входилъ въ квартиру такого же писателя, какъ я, Ивана Ивановича Терешина. Этотъ человѣкъ когда-то такъ же, какъ я, ходилъ съ прорванными локтями. Теперь у него были десятки тысячъ, модные экипажи, кровные рысаки, богатая мебель, дорогіе ковры. Быть-можетъ, это были плоды его трудовъ, его ловкости, его изворотливости, его плутовства. Быть-можетъ, это были плоды безсонныхъ ночей, плоды тяжелыхъ усилій сотенъ и тысячъ такихъ же оборванцевъ, какъ я, продавшихъ ему «на корню» свои произведенія, которыя онъ пускалъ потомъ въ оборотъ. Я понималъ все это и, повидимому, могъ бы войти съ поднятой головой, съ яснымъ взглядомъ въ эту пріемную, куда я несъ продать на выгодныхъ для покупщика условіяхъ свой трудъ. Но все же я ежился и робѣлъ: богатство, какимъ бы путемъ оно ни было пріобрѣтено, постоянно принижаетъ, подавляетъ бѣдняка.

Въ пріемной, когда я вошелъ въ нее, за столомъ, заваленнымъ рукописями, бумагами, газетами и счетными книгами, сидѣлъ какой-то господинъ,—очень жирное, красное, угреватое созданіе, съ самодовольнымъ и въ то же время озабоченнымъ выраженіемъ лица. Такое выраженіе нерѣдко встрѣчается у секретарей, адъютантовъ, управителей, чиновниковъ по особымъ порученіямъ и тому подобныхъ господъ, заполучившихъ хорошія мѣстечки подъ крыломъ какой-нибудь «особы» и дѣлающихъ видъ, что у нихъ «дѣлъ по горло». Должно-быть, онъ пилъ хорошее вино, былъ любителемъ сыровъ и устрицъ, имѣлъ даръ сальничать съ легкими барынями и гнуться въ дугу передъ своимъ патрономъ.

Передъ нимъ стоялъ хилый и дряблый старичокъ съ облѣзлыми сѣдыми волосами и растерянным полупомѣшан-

Digitized by Google

нымъ взглядомъ. Старичокъ, весь красный, съ проступавшимъ потомъ на лбу, жалко улыбался, какъ улыбаются запуганныя дѣти передъ учителемъ, и поминутно засовывалъ дрожащую, костлявую и красную руку въ боковой карманъ своего лоснящагося отъ ветхости и частой чистки сюртука съ прорванными петлями. Онъ то вынималъ изъ кармана, то засовывалъ туда какія-то аккуратно сложенныя вчетверо бумаги и что-то усиленно и торопливо разжевывалъ,—должно-быть, свой послѣдній уже шатающійся зубъ.

— Вотъ еще-съ... Опера «Джальма или обращенный богоотступникъ» въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ въ аду и эпилогомъ на небесахъ... На музыку хочу положить, если найдется композиторъ,—боязливой и просительной скороговоркой пояснилъ старичокъ.

— Мы оперъ не принимаемъ,—отвѣчалъ угреватый господинъ, озабоченно роясь въ бумагахъ и не глядя на старика, переминавшагося съ ноги на ногу.

Такъ всегда дѣлаютъ приказные, когда хотятъ показать, что у нихъ по горло работы, и что они маленькой взятки не берутъ.

— Такъ-съ, такъ-съ!.. А она и цензурой пропущена, только вотъ четыре стиха зачеркнуто. Я ихъ здѣсь карандашикомъ отмѣтилъ съ обоихъ сторонъ... Для наборщиковъ, знаете.

— Я вамъ говорю, что мы оперъ не принимаемъ,—сухо повторилъ угреватый господинъ.

— Жаль, жаль!—вздохнулъ старичокъ.—Прекрасная вещь. Многія вліятельныя особы одобряли... Это въ дидактическомъ духѣ-съ... Жаль!.. А вотъ... кажется, я захватилъ съ собою... «Ода на побѣды Александра Невскаго или размышленіе о премудрости Творца, проявляемой положеніемъ Невы». Это здѣсь, кажется... со мною...

Старичокъ началъ торопливо рыться въ своемъ карманѣ, еще усиленнѣе разжевывая свой зубъ.

— Господинъ Шванвичъ-Родзевичъ, вы напрасно, кажется, безпокоитесь,—рѣзко произнесъ угреватый господинъ, выходя изъ терпѣнія.—Мы завалены стихами и...

— У меня и проза, и проза есть!.. Прихватилъ съ собою,—поторопился перебить его старичокъ.—«Разоблаченный матеріализмъ» или...

— И вообще ваши произведенія не подходятъ подъ направленіе нашего журнала,—продолжалъ угреватый господинъ.

Старичокъ въ недоумѣніи взглянулъ на него своими выцвѣтшими, слезящимися глазами.

Digitized by Google

— Въ чемъ-съ?.. Вы, пожалуйста, объясните. Я могу во всѣхъ направленіяхъ изобразить... это не трудно-съ!.. Теперь я легко пишу, руку набилъ, знаете,—пояснялъ старичокъ.

— Извините, меня ждутъ,—отрѣзалъ угреватый господинъ, нетерпѣливо пожимая плечами, и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: —Что вамъ угодно?

Старичокъ тоскливо поникъ головой и остался ждать, кажется, рѣшившись въ эту свободную минуту покончить со своимъ зубомъ.

— Позвольте васъ спросить,—пробормоталъ я, конфузясь и путаясь:—не могу ли я видѣть редактора?

— Вамъ что?—оглядѣлъ меня съ ногъ до головы угреватый господинъ довольно нахальнымъ взглядомъ и снова принялся рыться въ бумагахъ.

Вопросъ былъ сдѣланъ такъ грубо, взглядъ, брошенный на меня, былъ такъ наглъ, что я невольно подумалъ: «Это, навѣрно, не геній, но ужъ во всякомъ случаѣ лицо, имѣющее немалый чинъ». Я подошелъ поближе къ столу, стараясь встать такъ, чтобы угреватый господинъ видѣлъ какъ можно менѣе мою одежду и совсѣмъ не видалъ носка моей лѣвой ноги, откуда совершенно некстати все болѣе и болѣе выглядывалъ большой палецъ.

— У меня рукопись,—промолвилъ я.

— Оставьте! Отвѣтъ черезъ двѣ недѣли,—коротко пробормоталъ угреватый господинъ, окончательно рѣшившійся переворотить всѣ до одной бумаги.

— Нельзя ли поскорѣй... Рукопись не велика, а мнѣ...—началъ я.

Я чуть-чуть не сказалъ, что мнѣ «нечего жрать».

— У насъ правило-съ!—рѣзко перебилъ меня угреватый господинъ внушительнымъ тономъ.

— Мы не можемъ-съ дѣлать ни для кого исключеній!

Кровь бросилась мнѣ въ лицо отъ этого наглаго, канцелярскаго тона.

— А-а! у васъ, значитъ, насчетъ этого строго!—усмѣхнулся я.—Но мнѣ нужно бы поговорить съ редакторомъ.

— Редакторъ занятъ...

— Да вѣдь сегодня пріемный день?

— Придите за отвѣтомъ черезъ двѣ недѣли, тогда и переговорите.

— Да тогда мнѣ и переговариваться будетъ не о чемъ...

— Это не мое дѣло.

Я начиналъ сердиться.

Digitized by Google

— А позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?— спросилъ я довольно рѣзко.

— Я секретарь редакціи.

— А-а!— протянулъ я, подумавъ: «не велика птичка, да коготокъ востеръ,—далеко пойдетъ», и добавилъ вслухъ: — Я такъ и думалъ, что говорю не съ писателемъ, а съ служащимъ въ редакторской канцеляріи...

Угреватый господинъ побагровѣлъ и вскочилъ.

— Вы намѣрены дерзости дѣлать!—почти крикнулъ онъ.— Идите вонъ!

Кровь бросилась мнѣ въ голову, и на минуту я забылъ, что я нищій.

— Что это вы въ газетную замѣтку попасть хотите, что ли?—усмѣхнулся я, глядя на него въ упоръ.

Онъ мгновенно утихъ и перемѣнилъ тонъ. Онъ, вѣроятно, только теперь замѣтилъ и мой ростъ, и мои широкія плечи, и мои бурсацкіе кулаки.

— Но согласитесь сами,—началъ онъ гораздо тише.

— Ну, до соглашенія-то съ вами я, вѣрно, никогда не дойду,—сухо перебилъ я.—А вы будьте повѣжливѣе, вѣдь, можетъ-быть, еще встрѣчаться придется. Неловко будетъ...

Я повернулся къ нему спиною и пошелъ изъ пріемной, слыша, какъ старичокъ, все время заботливо снимавшій съ сюртука едва замѣтныя пушинки, снова заговорилъ съ секретаремъ редакціи.

— Вы мнѣ объясните только, въ какомъ духѣ нужно вамъ, а я ужъ постараюсь,—слышались его слова, произносимыя вкрадчивымъ, молящимъ тономъ.

— Да когда вы насъ оставите въ покоѣ?—почти кричалъ секретарь редакціи.—Силу, что ли, съ вами употреблять.

Мнѣ стало жаль полупомѣшаннаго старика, и въ моей головѣ вдругъ промелькнула мысль: «а что если и я?..» Я не кончилъ фразы и торопливо сталъ натягивать на себя дырявое пальто. Рука же, какъ нарочно, попадала не въ рукавъ, а въ прорѣху между подкладкою и покрышкой пальто.

Возясь со своимъ несчастнымъ пальто, я случайно поднялъ глаза и увидалъ предъ собою отраженіе какой-то невообразимо-красной, покрытой потомъ физіономіи, какъ-то жалко и глупо улыбавшейся передо мною.

Я давно уже не любовался этою физіономіею за неимѣніемъ зеркала, но я тотчасъ же узналъ ее: это былъ мой большой открытый лобъ, мои добродушные, нѣсколько насмѣшливые голубые глаза, мои курчавые русые волосы,

Digitized by Google

шалкой лежавшіе на большой головѣ. Три года тому назадъ на это лицо засматривались всѣ барышни, всѣ купчихи провинціальнаго города, когда оно появлялось на клиросѣ собора. Теперь самъ обладатель этого лица поспѣшно отвернулся отъ зеркала, чтобы не видать своей такъ жалко, такъ запуганно выглядѣвшей физіономіи.

Негодованіе на грубый пріемъ, страхъ за участь своего произведенія, стыдъ за свои лохмотья, все это перемѣшивалось вмѣстѣ и придавало мнѣ такой комически-жалкій видъ, что, глядя на меня, могъ не улыбнуться развѣ только какой-нибудь «видѣвшій виды» петербургскій лакей, въ родѣ лакея Терешина. Этотъ лакей холодно равнодушно выжидалъ, когда я справляюсь со своимъ пальто и не спѣшилъ облегчить мой трудъ. Онъ снималъ пальто и шубы только «съ господъ», а я былъ не болѣе, какъ «начинающій писатель». Но я не могъ справиться со своимъ пальто, я торопливо выдернулъ руку изъ прорѣхи и, накинувъ пальто на плечи, быстро скрылся за дверью.

А что Терешинъ, вспоминаетъ ли онъ когда-нибудь, что и онъ перешелъ по этому пути?..

II.

Я выбѣжалъ на улицу, точно за мной гнались въ погоню и хотѣли обыскать, не унесъ ли я чего-нибудь изъ этой роскошной квартиры.

«А вѣдь сробѣй я еще немного, и онъ обругалъ бы меня,— вертѣлось въ моей головѣ, при воспоминаніи о секретарѣ редакціи.—Онъ говоритъ, что у нихъ правило давать отвѣтъ черезъ двѣ недѣли. Но неужели у нихъ также принято за правило быть грубыми?.. Впрочемъ, это съ одной стороны и недурно... По виду я, пожалуй, принялъ бы и его за литературнаго дѣятеля и не подумалъ бы, что это одинъ изъ писцовъ издательской канцеляріи, одинъ изъ барскихъ холоповъ. Теперь хоть нѣтъ возможности ошибиться, съ кѣмъ имѣлъ несчастіе говорить. И чего я сробѣлъ сначала?.. Устыдился своего рубища, точно ребенокъ, не понимающій, что одежды смѣшно стыдиться... И вѣдь всему виною наша забитость, приниженность... Стоишь передъ раззолоченнымъ болваномъ и знаешь, что онъ болванъ, а все-таки краснѣешь за свои лохмотья... Еще хорошо, что онъ раззадорилъ меня своимъ наглымъ, писарскимъ тономъ, а то онъ такъ и остался бы въ полномъ убѣжденіи, что имѣлъ удовольствіе осадить своею наглостью глупенькаго простачка, не пони-

Digitized by Google

мающаго сути вещей... Вѣдь онъ навѣрное смотритъ на приносящихъ рукописи, какъ на просителей, и до конца жизни не спроситъ себя, какую роль играли многіе изъ этихъ людей въ созданіи богатства его патрона, въ созданіи того положенія, при которомъ и онъ можетъ занимать мѣсто за этимъ канцелярскимъ столомъ... А вѣдь, должно-быть, ему нерѣдко достаются головомойки отъ патрона... Люди, не слышавшіе распеканій, рѣдко распекаютъ другихъ. Нужно быть самому чьимъ-нибудь холопомъ, чтобы считать своими холопами другихъ... А дорожку себѣ все-таки пробьетъ, такіе далеко идутъ».

Я начиналъ успокаиваться и шелъ болѣе ровнымъ, болѣе мѣрнымъ шагомъ. Я приходилъ постоянно въ веселое расположеніе духа, когда мнѣ удавалось уловить комическую сторону той или другой человѣческой личности, того или другого жизненнаго явленія. Я улыбался теперь даже при воспоминаніи о томъ, какъ я возился со своимъ пальто въ передней, краснѣя передъ лакеемъ.

«И вѣдь стоило только погрубѣе сказать: возьми-ка пальто, да подержи, я его надѣну,—и проходимецъ превратился бы въ барина въ лакейскихъ глазахъ»,—думалось мнѣ.

И передо мною ярко нарисовалась смѣшная картина, какъ угрюмо сталъ бы мнѣ подавать мое рваное пальто этотъ нарядный лакей.

«Лоску нѣтъ, нахальства нѣтъ!—разсуждалъ я.—А безъ этого далеко не уйдешь... Въ свѣтѣ нужно кричать или выслушивать крики другихъ, грозить кулаками или подставлять свою спину подъ чужіе кулаки... Однако, что же я буду жрать въ теченіе этихъ двухъ недѣль?»—вдругъ промелькнуло въ моей головѣ (я чуть-чуть не написалъ: «въ моемъ желудкѣ», такъ какъ собственно голова старалась думать обо всемъ, но только не объ ѣдѣ, и послѣдней мыслью она была обязана единственно желудку, напомнившему ей о своемъ печальномъ существованіи).

Онъ былъ очень голоденъ...

Двѣ недѣли до славы — это очень недолго; двѣ недѣли безъ хлѣба—это цѣлая вѣчность. Можетъ-быть, черезъ двѣ недѣли плату за мой романъ можно будетъ употребить только на памятникъ умершаго съ голода автора этого романа.

А вѣдь это будетъ очень злая продѣлка со стороны судьбы, если я дѣйствительно умру въ эти двѣ недѣли, когда значительная часть романа кончена, переписана, сдана въ редакцію. Шутка будетъ тѣмъ злѣе, что прожилъ же я эти

Digitized by Google

три года, когда обдумывался и писался романъ, когда плодъ моихъ думъ и трудовъ былъ еще такъ незрѣлъ, когда еще нельзя было опредѣлить дня жатвы...

А вопросъ: отчего бы судьбѣ и не подшутить въ послѣдній разъ надо мною? Вѣдь шутила же прежде!

III.

Когда я начинаю думать о моемъ прошломъ, то оно мнѣ представляется сплошною шуткой судьбы, точно она понимала, что я очень люблю шутки, и тѣшила своего баловня.

Мой отецъ былъ дьякономъ при церкви села «Холодные Ключи» и долженъ бы былъ по своему званію подавать примѣръ терпѣнія, смиренія, воздержанія и любви, а между тѣмъ, онъ проклиналъ судьбу за свое вдовство, дрался съ ближними, пилъ безъ просыпу и любилъ одно вино. Я самъ росъ сорванцомъ, головорѣзомъ, буяномъ, а между тѣмъ меня отдали въ старую дореформенную бурсу, чтобы приготовить изъ меня духовнаго пастыря. Меня сѣкли, сѣкли, сѣкли и именно въ то время, когда изъ меня подъ розгами начали исчезать послѣдніе остатки буйныхъ наклонностей, когда я сталъ дѣлаться «смиренъ сердцемъ и кротокъ духомъ», когда я научился трепетать иежиться предъ каждымъ, кто считалъ себя выше меня, меня исключили за неуспѣхи въ латинскомъ языкѣ и, главнымъ образомъ, за излишнее пристрастіе къ свѣтскимъ книгамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ семинарскою наукою, да за одну безыменную газетную статейку, имѣвшую уже слишкомъ много общаго съ семинарскою жизнью.

Легко сказать: исключили. Но каково было мнѣ, семнадцатилѣтнему юношѣ, когда я очутился на улицѣ и вполнѣ понялъ, что на всемъ земномъ шарѣ, за исключеніемъ одной бѣдной старухи, приходившейся мнѣ теткой, нѣтъ ни одной души, которая почему бы то ни было могла подумать о судьбѣ Александра Николаевича Аристидова. И вѣдь, какъ нарочно, въ это время въ моей головѣ уже сидѣло столько географическихъ свѣдѣній, что я могъ сообразить всю необъятность земли, всю массу обитающихъ на ней людей и весь ужасъ положенія человѣка, который никому не нуженъ, который является не болѣе, какъ червякомъ, букашкой, плею на громадномъ пространствѣ земного шара.

Но прежде всего мнѣ хотѣлось «жрать».

Я прежде никогда не думалъ объ этомъ вопросѣ и, вѣроятно, еще долго пребывалъ бы въ полнѣйшемъ невѣдѣ-

Digitized by Google

ніи на этотъ счетъ, если бы не было на свѣтѣ латинскаго языка, непризнанныхъ семинаріею свѣтскихъ книгъ и обличительной статейки, авторомъ которой признали меня. Безъ этихъ губителей я, вѣроятно, сдѣлался бы духовнымъ пастыремъ овецъ и пасъ бы, по мѣрѣ возможности, свое стадо. Латинскій языкъ, объявленный главною причиною моего исключенія, долженъ былъ познакомить меня съ чистѣйшею классическою поэзіей и безукоризненно возвышенными идеями, а между тѣмъ дѣло вышло иначе, и, по милости этого языка, я познакомился съ чистѣйшею прозою и очень невозвышенными идеями. Мнѣ пришлось гранить мостовую, жить въ грязи, думать только объ ѣдѣ и придти къ тому заключенію, что человѣкъ во всякомъ случаѣ долженъ самъ отыскивать себѣ хлѣбъ. Попробуйте поискать его съ волчьимъ билетомъ, зная очень хорошо богословіе, философію, творенія св. отцовъ, но совсѣмъ не зная твореній новѣйшихъ ученыхъ.

Въ батраки не берутъ, потому что не мужикъ и крестьянскаго дѣла не знаешь.

Въ сидѣльцы не принимаютъ, потому что къ торговлѣ нужно «съ измальства» понавыкнуть, да и своихъ «дармоѣдовъ и лоботрясовъ» не знаютъ куда дѣвать.

Въ лакеи не возьмутъ, потому что все же изъ духовныхъ и образованный, да и всѣ «бурсаки пьяницы».

Въ ремесленники нельзя идти, потому что никакому ремеслу не учили.

Въ писцы куда-нибудь можно было поступить, чтобы прослужить мѣсяцевъ пять на испытаніи, а потомъ спиться съ круга на пятирублевомъ жалованьи.

Въ служители на желѣзную дорогу было бы, пожалуй, можно попасть, если бы въ нашемъ городѣ была въ тѣ годы желѣзная дорога и если бы былъ кто-нибудь, кто бы оказалъ протекцію и далъ рекомендательное письмо къ ея властямъ.

Приходилось стать «вольнымъ художникомъ», — то-есть идти на бѣлыную дорогу или сдѣлаться наставникомъ людей,—идти въ учителя или въ писатели.

Мои воззрѣнія подъ вліяніемъ окружающей среды сложились именно такимъ образомъ, что я не могъ безъ ужаса думать о себѣ въ роли вора или разбойника, но въ то же время я, не безъ радостнаго волненія, думалъ о томъ, что мнѣ удастся сдѣлаться учителемъ или писателемъ, однимъ словомъ, наставлять людей въ томъ, чего я самъ не знаю, и такимъ образомъ, быть убійцей ихъ умовъ.

Digitized by Google

Очевидно, судьба шутила со мной...

IV.

Сначала я сдѣлался наставникомъ дѣтей, то-есть учителемъ. Это легче, чѣмъ сдѣлаться наставникомъ взрослыхъ, то-есть писателемъ, такъ какъ тутъ не нужно тратить времени на подготовку, на процессъ писанія статьи.

Правда, я писалъ съ большими ошибками, очень превратно зналъ исторію, почти совсѣмъ не понималъ литературы. Но родители моихъ учениковъ знали еще меньше, такъ какъ исторія, грамматика и литература не входила въ число «входящихъ» и «исходящихъ» бумагъ ихъ департаментовъ, въ число «приходныхъ» и «расходныхъ» книгъ ихъ лавочекъ. Родительницы же малютокъ подъ исторіей подразумѣвали исторіи съ кухарками, при словѣ грамматика только повторяли со смѣхомъ оставшуюся для меня тайною остроту, что это «два солдатика, а третій барабанщикъ», при словѣ же литература замѣчали съ гримасой: «ахъ, эти писатели такіе критиканы!» Вслѣдствіе этого они считали меня очень ученымъ человѣкомъ; когда же я съ голода согласился взять невообразимо малую плату за уроки, тогда они признали меня не только ученымъ человѣкомъ, но и рѣдкимъ педагогомъ. Самая лучшая рекомендація работника въ глазахъ нанимателя—это дешевыя условія.

Мои ученики были удивительныя дѣти, обѣщавшія очень много въ будущемъ. Когда я объяснялъ имъ склоненіе, они сидѣли, тупо тараща на меня глаза; когда я съ жаромъ разсказывалъ имъ исторію Спарты, они сидѣли, еще болѣе тараща на меня глаза; когда я имъ разсказывалъ, какъ Моисей превращалъ палки въ змѣй, они уже совсѣмъ превращались въ окаменѣвшія статуи. Собираясь отвѣчать урокъ, они прежде всего засовывали указательный палецъ въ ротъ и поднимали глаза къ потолку, надѣясь, что свыше имъ подскажутъ первое слово урока; обыкновенно оно подсказывалось не свыше, а снизу кѣмъ-нибудь изъ ихъ братьевъ и сестеръ, и затѣмъ урокъ лился, какъ вино изъ опрокинутой бутылки, если только я не прерывалъ ихъ на полусловѣ. За перерывомъ слѣдовало снова положеніе пальца въ ротъ и отыскиваніе перваго слова въ потолкѣ.

— Что это вы не пріучитесь своими словами говорить?— спрашивалъ я.

— Какими своими словами? — спрашивали геніальныя дѣти и послѣ долгихъ объясненій съ моей стороны, нако-

Digitized by Google

нецъ, вполнѣ усваивали мое желаніе и... начинали попрежнему рапортовать урокъ въ зубрежку.

По окончаніи классовъ они проникались любовью ко мнѣ, вѣшались мнѣ на руки, кувыркались передо мной и наперерывъ спѣшили мнѣ повѣрять свои невинныя дѣтскія радости и надежды.

— Мамася сегодня за косу насу Акульку оттаскала и подбила ей глазъ!—въ восторгѣ разсказывалъ одинъ.

— Папаса пустяковское дѣло концилъ, и намъ сегодня култочки заказали,—съ оживленіемъ передавалъ другой.—Папаса говолитъ, что если бы падлецъ Пустяковъ заалтачился и денегъ не далъ, то ему и по глобъ не забыть бы того, какъ его объеголили бы...

Несмотря на то, что это были необыкновенныя дѣти, что они подавали блестящія надежды, что я могъ бы прославиться впослѣдствіи, какъ первый наставникъ этихъ геніевъ, — они мнѣ не нравились. Я чувствовалъ, что изъ этихъ дѣтей я ничего не сдѣлаю, что они такъ и останутся такими геніями, какими создала ихъ окружающая среда...

Эти ученики были не по мнѣ...

Наконецъ судьба послала мнѣ еще одного ученика. Это былъ девятилѣтній мальчикъ, съ большими черными, какъ бы бархатными глазами, задумчиво смотрѣвшими изъ-подъ рѣсницъ. Тонкій носикъ, мягкіе длинные волосы, бѣлизна и нѣжность кожи, прекрасно очерченный ротъ, ровные, ослѣпительно бѣлые зубы, меланхолическое выраженіе глазъ и ласковая улыбка, все это сразу привлекало къ ребенку. Я залюбовался имъ, какъ картиной. Я былъ въ восторгѣ, когда онъ слушалъ меня, впиваясь въ меня искрившимися въ эти минуты глазенками, когда онъ, по окончаніи урока, спрашивалъ съ удивленіемъ, почти съ сожалѣніемъ:

— Развѣ вы уже уходите?

«Вотъ этотъ ученикъ по мнѣ,—говорилъ я съ радостью, возвращаясь съ перваго урока.—Такого ребенка весело учить».

На второй урокъ я шелъ уже, какъ на праздникъ, какъ на свиданіе съ другомъ. Я даже не замѣчалъ, что накрапывалъ дождь, что въ воздухѣ сверкаетъ молнія, и слышится громъ. Я вошелъ въ комнату моего новаго ученика, онъ стоялъ у окна и бросился ко мнѣ навстрѣчу.

— А я все любовался тучами,—сказалъ онъ.

— Отчего это бываетъ молнія, Александръ Николаевичъ?

— Это электричество накопляется,—отвѣтилъ я, почему-то смутившись.

Digitized by Google

— Э-ле-ктри-чество,—протяжно повторилъ онъ.—А что такое электричество?

— Это... это... сила, — отвѣтилъ я, окончательно растерявшись.

— Сила!—протянулъ онъ.—Сила—электричество,—какъ бы про себя разсуждалъ онъ въ недоумѣніи.

— Нѣтъ, Миша, началъ я въ смущеніи, не всякая сила электричество, но само оно есть сила...

Онъ посмотрѣлъ на меня своими большими выразительными глазами. Я былъ красенъ, какъ ракъ.

— Вы, вѣрно, не знаете этого, Александръ Николаевичъ?—ласковымъ и мягкимъ тономъ спросилъ онъ, какъ бы жалѣя меня.

— Нѣтъ, Миша, не то...—забормоталъ я.—Я-то знаю... Но видите ли... видите ли... вы не поймете этого.

Я лгалъ и чувствовалъ, что Миша, мой милый Миша понималъ, что я лгу. Я былъ готовъ расплакаться, провалиться сквозь землю, убѣжать, когда онъ молча взглянулъ на меня, вздохнулъ и пошелъ къ столу, за которымъ мы занимались. Но объяснить ему понятнымъ для него образомъ заинтересовавшее его явленіе я не могъ, потому что объяснить ребенку можно только то, что самъ знаешь очень и очень хорошо. Я же не зналъ ничего...

«Такъ что же: это по тебѣ ученикъ? А? какъ ты думаешь, милѣйшій Александръ Николаевичъ? — спрашивалъ я себя, возвращаясь домой.—Ужъ гдѣ тебѣ, выгнанному семинаристу, учить подобныхъ дѣтей! Радовался бы, что есть еще на свѣтѣ непочатый уголъ дѣтей, «подающихъ большія надежды», въ родѣ твоихъ остальныхъ учениковъ. Вѣдь этотъ Миша-то не только неучемъ, но и лгуномъ тебя считаетъ».

Я чувствовалъ, что судьба снова смѣется надо мной: я могъ учить только тѣхъ дѣтей, которыя дальше зубренья не шли.

Но эти дѣти были мнѣ гадки. Я обрадовался возможности учить ребенка, интересовавшагося всѣмъ, что происходитъ вокругъ него. Оказывалось, что я не могъ отвѣчать на его вопросы. Съ одними я не могъ быть товарищемъ по излишней ширинѣ своихъ стремленій; съ другимъ я не могъ быть товарищемъ по ограниченности своихъ знаній.

— Учиться! учиться!—говорилъ я себѣ.—Куплю книгъ, засяду дома...

Тьфу! Это чортъ знаетъ, что такое! Проклятый голодъ не далъ даже обдумать засѣвшаго въ головѣ плана: пришлось

Digitized by Google

бѣжать на урокъ, выпросить впередъ два рубля серебромъ и купить чаю, сахару и колбасы. Покупку книгъ нужно было отложить до той поры, когда будетъ заплачено за квартиру, когда будутъ куплены сапоги и калоши, когда будетъ пріобрѣтено осеннее пальто... Сдѣлавъ все это, можно будетъ купить книги и засѣсть дома, если только что-нибудь останется изъ слѣдующихъ заработковъ, послѣ отдачи за квартиру и за столъ.

Какая скверная это штука, что у человѣка два желудка: одинъ въ головѣ, другой въ брюхѣ. Въ этомъ отношеніи звѣри гораздо счастливѣе и думаютъ только объ одномъ желудкѣ, находящемся въ брюхѣ. Человѣку же приходится насыщать оба: чтобы быть сытымъ, нужно запастись знаніемъ; чтобы запастись знаніемъ, нужно быть сытымъ.

Порою мнѣ кажется, что судьба шутитъ не со мною однимъ, а со всѣмъ человѣчествомъ...

V.

Я купилъ сапоги, купилъ калоши, купилъ пальто, а на книги денегъ все еще не было. Миша же съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе осаждалъ меня вопросами изъ жизни, изъ химіи, изъ ботаники. Онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что я ничего не знаю. Мнѣ было тяжело сознавать, что, наконецъ, онъ потеряетъ ко мнѣ всякое уваженіе, перестанетъ любить меня и станетъ, можетъ-быть, тупо и безучастно слушать, что я ему говорю о склоненіяхъ, спряженіяхъ и тому подобной сухой части первоначальныхъ знаній. Я рѣшился отказаться давать уроки единственному ученику, котораго я любилъ. Я не имѣлъ силы сказать объ этомъ лично родителямъ Миши и написалъ имъ письмо. Я думалъ, что этимъ все и кончится, но я ошибся. Ко мнѣ пришелъ отецъ Миши. Это былъ уже немолодой человѣкъ, жившій не по своей охотѣ, а по необходимости, въ нашемъ захолустьѣ.

— Что это вы, Александръ Николаевичъ, съ нами дѣласте? — довольно ласково проговорилъ онъ. — Вы вѣрно чѣмъ-нибудь недовольны?

— Нѣтъ-съ, я очень, очень доволенъ вами, — началъ я въ смущеніи.

— Ну, ужъ вѣрно недовольны, если отказываетесь, — перебилъ меня отецъ Миши. — Если вамъ мала плата за уроки, я готовъ ее увеличить, хотя мнѣ это будетъ трудно...

— Зачѣмъ же. Плата достаточная-съ, — заговорилъ я. — Но я не могу-съ учить у васъ, у меня времени нѣтъ...

Digitized by Google

У меня языкъ не поворачивался сказать правду, и я лгалъ.

Отецъ Миши нахмурилъ брови.

— Эхъ, Александръ Николаевичъ, нехорошо вы поступаете, — сказалъ онъ, и въ тонѣ его упрека послышалось что-то задушевное.—Надо было сначала обдумать, будетъ ли у васъ время или не будетъ для занятій съ Мишей. Вы знаете, онъ у меня единственное сокровище. Приглашая васъ въ учителя, я надѣялся, что вы подготовите его въ гимназію, что потомъ вы будете помогать ему въ приготовленіи уроковъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ росъ подъ молодымъ, свѣжимъ вліяніемъ *одного* человѣка.

Я совсѣмъ растерялся. Этотъ человѣкъ высказалъ взгляды, которые еще такъ недавно лелѣялъ и я самъ.

— Вѣдь учителя не сапоги, не тряпки, которые можно мѣнять и бросать по прихоти,—продолжалъ онъ.—Если бы вы были отцомъ, то вы вѣрно серьезнѣе взглянули бы на дѣло и поняли бы, какое зло заключается въ смѣнѣ учителей. Ужъ я не говорю о томъ, что Мишѣ трудно будетъ подлаживаться подъ характеръ, подъ методу новаго учителя, привыкнувъ къ вашему характеру и къ вашей методѣ,—это еще пустяки! Сдѣлаетъ усиліе—привыкнетъ! Но какъ я объясню ему, почему вы отказываетесь отъ уроковъ? Потому что плата мала -это наброситъ тѣнь въ его взглядѣ на учителей; потому что вы недовольны нами — это заронитъ въ него сомнѣніе въ отношеніи къ намъ; потому что вы недовольны имъ—это заставитъ его упасть духомъ.

Его слова раздавались, какъ полновѣсные удары, сыпавшіеся на меня.

— Скажите... скажите, что я уѣзжаю,— пробормоталъ я, и мои глаза забѣгали въ стороны.

— А черезъ недѣлю онъ встрѣтитъ васъ на улицѣ, онъ узнаетъ, что вы учите дѣтей нашего сосѣда?—горько усмѣхнулся отецъ Миши.—Послушайте,—задушевно произнесъ онъ, взявъ меня за руку:—скажите откровенно, почему вы отказываетесь. Мнѣ не хочется думать, что вы рѣшаетесь на это по простому капризу, по вѣтренности...

Я опустилъ глаза, я горѣлъ, какъ въ огнѣ; мнѣ было совѣстно сознаться въ честномъ поступкѣ и въ то же время мнѣ было тяжело, что меня будетъ подозрѣвать въ глупости или безчестности этотъ человѣкъ. Я колебался.

— Видите ли что,—почти шопотомъ началъ я, красный до ушей.—Вашъ сынъ удивительно умное, удивительно добо-

Digitized by Google

знательное дитя... Ему нуженъ учитель, который бы зналъ очень много... Я... я... мое образованіе слишкомъ ограничено.

Я чуть не расплакался, сдѣлавъ это признаніе. Я былъ еще очень молодъ. Отецъ Миши молчаливо слушалъ меня. Когда я кончилъ, онъ прошелся по моей комнатѣ, что-то обдумывая.

— Это ничего, что вы мало знаете, — остановился онъ, наконецъ, передо мною. — Продолжайте его учить. Лучше малознающій честный человѣкъ, чѣмъ глубокоученый подлецъ.

— Нѣтъ, я не могу,—горячо заговорилъ я.—Я не могу, потому что это пытка для меня. Вы поймите, что я каждый разъ горю со стыда, когда я не могу отвѣтить ему. Мнѣ тяжело, что онъ постепенно теряетъ довѣріе ко мнѣ. Я очень полюбилъ вашего сына...

Отецъ Миши опять походилъ по комнатѣ въ безмолвномъ раздумьѣ.

— Ну, прощайте,—со вздохомъ промолвилъ онъ.—Если вы когда-нибудь встрѣтите Мишу, скажите, что у васъ нѣтъ времени давать уроки, что вы только по необходимости оканчиваете подготовку дѣтей къ гимназіи въ домѣ нашего сосѣда.

Добрый человѣкъ протянулъ мнѣ руку.

— Вы, вѣрно, зайдете къ намъ? Не забудете насъ? Я хотѣлъ бы, чтобы Миша и вы остались попрежнему друзьями'

Онъ говорилъ тепло, онъ относился и ко мнѣ, какъ къ сыну. Я горячо сжалъ его руку, поблагодарилъ его за приглашеніе, за радушіе.

VI.

«Кто поступаетъ честно, тотъ спокоенъ»,—сказалъ какой-то мудрствовавшій дуракъ, не знавшій ни жизни, ни человѣческаго сердца, а главное, никогда не голодавшій.

Я впервые сознавалъ ясно, что я поступилъ вполнѣ честно, а между тѣмъ никогда я не былъ въ такомъ тревожномъ состояніи, какъ теперь. Чтобы остаться честнымъ, мнѣ пришлось вырвать изъ своего сердца единственное утѣшеніе, пришлось отказаться отъ воспитанія единственнаго дорогого и милаго мнѣ маленькаго созданія.

На слѣдующій день у моего квартирнаго хозяина, портного «Трифонова изъ Парижа», была пирушка. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ.

— Не побрезгайте нашей компаніей, выпейте, батюшка

Digitized by Google

Александра Николаевичъ,—упорно предлагала мнѣ супруга Трифонова рюмку подлѣйшей мадеры.

Отказаться было нельзя.

— А махните-ка лучше съ нами, Александра Николаевичъ, нашего родного «ерофеича», — съ большею развязностью, чѣмъ жена, предложилъ Трифоновъ.

Отказаться было трудно.

— Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ
Сизый селезень плыветъ...
Ишь ты, подишь ты,
Что-жъ ты говоришь ты,
Сизый селезень плыветъ.
Вдоль да по бережку, вдоль да по крутому
Добрый молодецъ идетъ.
Ишь ты, подишь ты,
Что-жъ ты говоришь ты,
Добрый молодецъ идетъ...

заливалось въ углу чье-то широко разстегнутое горло и гудѣла гармоника.

— Да что ты, Александра Николаевичъ, мракъ-то на себя понѣ напустилъ?—уже совсѣмъ развязно говорилъ мнѣ Трифоновъ, переходя на «ты». — Ты вотъ все съ книгами возишься. А книга что? Отъ нея люди съ ума сходятъ. Зачитается это человѣкъ, зачитается, да и спятитъ съ ума-то, значитъ... Да, нѣтъ, ты прежде выпей. Это облегчаетъ, форсу придаетъ!

Отказаться было совсѣмъ невозможно.

— Онъ со русыми, онъ со кудрями
Разговариваетъ.
Ишь ты, подишь ты,
Что-жъ ты говоришь ты,
Разговариваетъ.
Кому мои кудри, кому мои русы
Достанутся расчесать?
Ишь ты, подишь ты,
Что-жъ ты говоришь ты,
Достанутся расчесать...

заливался пѣвецъ въ углу, неистово передергивая гармонникой и притопывая ногами.

— Ну, тоже самое и эти уроки,— продолжалъ Трифоновъ: къ чему они ведутъ-то? Ни самъ ты съ нихъ не разжирѣешь, ни путнаго ничего не сдѣлаешь. Только этихъ приказныхъ крысъ, стрекулятниковъ расплодишь... И что это за народъ, братецъ ты мой, плодющій! Никакимъ зельемъ ты его не вытравишь...

Digitized by Google

— Извѣстно, крапивное сѣмя!—глубокомысленно вставилъ кто-то.

— Это ты правду! — согласился портной Трифоновъ.— Точно, что крапивное сѣмя! Да ты, Александра, пей! Что ты на штофъ-то смотришь? Ты думаешь, у насъ другого штофа нѣтъ? Отъ вина не отказывайся!

Я даже вовсе и не думалъ отказываться.

— Достался кудри, достался русы
Старой бабѣ расчесать.
Ишь ты, подишь ты,
Что-жъ ты говоришь ты,
Старой бабѣ расчесать.
Какъ она ни чешетъ, какъ она ни гладитъ,
Только волосы деретъ.
Ишь ты, подишь ты,
Что-жъ ты говоришь ты,
Только волосы деретъ...

продолжала изо всѣхъ силъ надсаживаться гармоника, заглушая всѣхъ и все своимъ воемъ и визгомъ.

— Ну тебя къ лѣшему съ кудрями твоими, — крикнулъ Трифоновъ. — Ишь у самого на головѣ плѣшина мѣсяцемъ свѣтится, а онъ о кудряхъ поетъ. Видно кудри-то твои старая баба расчесывала... Играй трепака! Плясать будемъ... Ты-то, братъ Сашка, пляшешь?

— Не умѣю,—отвѣтилъ я, дѣлая глупѣйшую улыбку.

— Ну плевать, и одни попляшемъ. А ты пей!..

Въ комнатѣ начался плясъ, топотъ, подъ ногами пляшущихъ то и дѣло щелкала скорлупа отъ орѣховъ.

— Лихо!—закончилъ Трифоновъ.—Теперь выпить можно! А ты умѣешь пѣть, Сашутка?

— Умѣю, — безсознательно проговорилъ я.

— Ну, спой что-нибудь!

— Спѣ-ѣть,— промычалъ я, глупо усмѣхаясь.

— Да, чего ломаешься? Пой, коли велятъ, просфора желѣзная!

Я, совсѣмъ съежившись, сидѣлъ на стулѣ. Я не раздѣлялъ веселья портного, и въ моей головѣ гвоздемъ засѣла мысль о томъ, что портной очень дурно обращается со мной, что онъ мною командуетъ.

— Ахъ, ты шутъ гороховой, чего осовѣлъ! — кричалъ портной.—Пей!

— Нѣтъ, ты... меня не смѣй... шутомъ называть. Я не шутъ,—началъ я заплетающимся языкомъ съ горькой обидой въ сердцѣ.

Digitized by Google

— А то кто же ты такой есть?—захохоталъ портной.— Какой такой націи? Шутъ ты, такъ шутъ и есть? Ишь какъ раскисъ!

— Нѣтъ, ты не смѣй... Это мнѣ больно... обидно...—бормоталъ я.

— Ну, и плевать!

— Нѣтъ, я не позволю... обидно!

— Такъ тебя и спросятъ о позволеніи!

— Нѣтъ... ты пойми, что мнѣ больно... очень больно...

Я горько заплакалъ, свѣснивъ, какъ тряпку, свою львиную голову. Волоса свалились мнѣ на лицо.

— Баба ты! Вотъ ты что!

— Обидѣлъ ты меня, очень обидѣлъ!—бормоталъ я, всхлипывая.

— Плевать я хотѣлъ на твою обиду! Вотъ что!

Я плакалъ еще болѣе горько...

Потомъ я съ кѣмъ-то обнимался, кто-то цѣловалъ меня, потомъ меня свалили спать на какую-то кровать...

VII.

Говорятъ, «что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ»,— думалъ я на другой день. Неужели же въ самомъ дѣлѣ въ моемъ характерѣ столько тряпичности, плаксивости, бабьяго безсилія? Неужели бурса, нищета и безпріютность успѣли уже убить во мнѣ весь буйный задоръ, все дикое своеволіе моего дѣтства, моего бурсачества? О, мое дѣтство, мое свободное, гдѣ твоя отвага, твоя непокорность, твоя удаль! Неужели все это прошло безвозвратно и осталась одна способность хныкать подъ ударами судьбы? Нѣтъ, нѣтъ, къ чорту покорность, къ чорту слезы! Буду твердъ, буду снова грызться съ людьми, воевать съ судьбою! А какъ голова-то трещитъ! Неужели послѣ каждой попойки люди находятся въ такомъ состояніи? Или и тутъ виновата моя разбитая, изморившаяся въ старой бурсѣ, въ нищетѣ натура?

Я лежалъ почти въ теченіе всего дня, страдая головною болью. Я уже не думалъ о Мишѣ, не думалъ о прошломъ, я только придумывалъ, какъ устроить свое будущее. Я размышлялъ о немъ, размышлялъ о томъ, какъ мнѣ трудно пробить себѣ дорогу, размышлялъ, какъ часто вообще гибнутъ безпомощные люди на первыхъ шагахъ по жизненному пути. Въ моей головѣ роились вопросы: можетъ ли быть иначе? виноваты ли эти бѣдняки? дѣйствительно ли общество

Digitized by Google

теряетъ въ лицѣ ихъ полезныя силы? Въ моей головѣ замелькали образы видѣнныхъ мною людей.

Вотъ гигантская фигура моего отца, кажущаяся еще выше въ своей длиннополой одеждѣ, прошла передо мною: я увидалъ эти могучія руки, занятыя обработкой скупой земли, отдающія навозомъ, покрытыя мозолями; я видѣлъ это широкое лицо въ поту, загорѣлое, съ потрескавшеюся отъ лѣтняго зноя кожею.

— Это цѣлые романы, это цѣлыя драмы! — воскликнулъ я, и въ моемъ воображеніи, какъ молнія, промелькнула: «а что если я нарисую эту картину?»

— Что будетъ?—спрашивалъ я себя, но я не могъ ни отвѣчать на этотъ вопросъ, ни думать о немъ, потому что знакомые образы и картины уже охватили меня, оторвали отъ настоящаго, отъ будущаго, и унесли въ свое далекое, далекое прошлое...

Ярко озаренныя солнцемъ поля, мужики и бабы въ полѣ, полунагіе крестьянскіе ребятишки на пыльной дорогѣ, покосившіяся, крытыя соломой избы, возы съ сѣномъ, цѣлое море ржи, ветхая церковь съ кладбищемъ, гдѣ подъ низенькими убогими березами виднѣются покосившіеся кресты, все это разстилалось вокругъ меня и вѣяло свѣжимъ воздухомъ, тепломъ и миромъ. «Писать, писать! Схватить и передать на бумагу всю эту яркую въ своемъ убожествѣ жизнь!»— вихремъ неслась въ моей головѣ мысль.

Я, какъ пьяный, взялся за карандашъ и бумагу; я писалъ быстро, безостановочно; моя голова горѣла. Я не слышалъ ничего, ничего не видѣлъ, я писалъ какъ бы наобумъ.

Наконецъ физическія силы ослабѣли, я началъ писать тише, спокойнѣе. Я долженъ былъ остановиться. Когда я оглядѣлся кругомъ, было уже ясное утро. Я прописалъ всю ночь. Не поднимаясь съ постели, я уснулъ сладкимъ сномъ; во снѣ мнѣ снилось опять мое дѣтство.

Когда я проснулся, пообѣдалъ, сходилъ на уроки и вечеромъ пришелъ домой,—я вздумалъ прочитать написанное: это была яркая лирическая поэзія въ прозѣ, это были картины, образы, воплощенные въ яркихъ словахъ, въ мѣткихъ выраженіяхъ... Тутъ не было содержанія, того содержанія, которое выражается описаніемъ любви Ивана Ивановича къ Марьѣ Ивановнѣ или объясненіемъ, какъ Николай Николаевичъ затѣялъ облагодѣтельствовать родину своими либеральными проектами. Тутъ не было вовсе героевъ и

Digitized by Google

героинь, завязки и развязки. Это была просто пѣсня о родномъ гнѣздѣ занесенной на чужбину птицы...

— Или у меня талантъ, или я потерялъ всякую способность отличать дурное отъ хорошаго,—говорилъ я. — Да нѣтъ, не можетъ быть, я еще не настолько испорченъ! Буду писать — что будетъ, то будетъ. Можетъ-быть, мнѣ удастся создать что-нибудь недюжинное. Тогда...

Въ моей головѣ зароились планы будущаго: дѣятельность, слава, богатство. Это были опьяняющія мечты.

— Но къ дѣлу, къ дѣлу прежде всего! —говорилъ я себѣ и принялся снова за работу...

Это было самое счастливое время въ моей жизни. Я стоически переносилъ голодъ, я спокойно смотрѣлъ на вытаращенные глаза моихъ геніальныхъ учениковъ, я не обращалъ вниманія на свои продырявившіеся сапоги, на свое заплатанное платье, я жилъ весь въ прошломъ и постепенно рисовалъ одну за другою его картины, испытывая приливы любви и ненависти, умиленія и горечи.

Я помню живо тѣ минуты, когда, рисуя страданія маленькаго мальчика, дорогого мнѣ мальчика, я долженъ былъ останавливаться на нѣсколько минутъ и отирать тихія слезы, слезы объ этомъ маленькомъ, дорогомъ мнѣ дикарѣ...

Я не знаю, плакали ли потомъ читатели надъ этими страницами, но слѣды моихъ слезъ видны между строками этихъ страницъ.

Романъ зашелъ уже за половину, но конецъ былъ еще далекъ, а нужда, между тѣмъ, давала себя чувствовать все сильнѣе. Я начиналъ бояться, что она сломитъ меня окончательно, сломитъ въ то время, когда мой трудъ уже началъ обѣщать мнѣ счастливое будущее.

Однажды, настроенный на грустный ладъ, я задумался о судьбѣ многихъ изъ моихъ погибшихъ друзей, и передо мной ослѣпительно ярко воскресъ образъ одного крестьянскаго мальчугана, забитаго нуждой и родными.

— Это тоже цѣлый романъ,—подумалъ я.—Не написать ли маленькій разсказъ объ этой поэтической личности? Это можно скоро сдѣлать, а, между тѣмъ, плата за этотъ разсказъ дастъ мнѣ возможность пріѣхать въ Петербургъ и кончить мое большое произведеніе.

Я рѣшился привести въ исполненіе свой планъ и горячо принялся за разсказъ. Въ три недѣли онъ былъ конченъ, переписанъ, отосланъ въ Петербургъ. Я подписался подъ разсказомъ «Ѳемистокловымъ» и написалъ въ редакцію из-

Digitized by Google

бранаго мною журнала, что у меня есть еще романъ, который я передамъ въ редакцію тогда, когда увижу напечатаннымъ свой разсказъ! Я не написалъ ни своего адреса, ни своей настоящей фамиліи,—я сдѣлалъ это изъ трусости, изъ стыдливости, изъ самолюбія: я боялся получить отказъ, боялся, что люди будутъ знать, что такой-то дрянной разсказъ принадлежитъ именно мнѣ, Александру Аристидову, боялся, что первая неудача можетъ повредить успѣху моего романа.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ и лихорадочною дрожью взялъ я въ руки нумеръ журнала, полученный черезъ мѣсяцъ послѣ отсылки моего разсказа въ одномъ изъ домовъ, гдѣ я давалъ уроки. Я десять разъ прочелъ оглавленіе книжки. Просмотрѣлъ объявленія, какую-то замѣтку отъ редакціи, перечиталъ все это нѣсколько разъ и съ грустью отложилъ книгу. О моемъ разсказѣ не было нигдѣ и помину. Прошелъ еще мѣсяцъ; получилась еще одна книжка журнала,—о разсказѣ ни слуху, ни духу.

— Ну, и чортъ съ нимъ!—рѣшилъ я.—Буду дописывать романъ. Допишу, пѣшкомъ пойду въ Питеръ...

Время, между тѣмъ, подходило къ осени. Это была уже третья осень послѣ моего изгнанія изъ семинаріи. У меня уже окончились уроки, мои ученики поступили въ гимназію. Уроковъ болѣе не было. Приходилось снова искать работы. Но я уже не искалъ ея. Я рѣшился идти въ Петербургъ.

Легко сказать: «идти въ Петербургъ», а каково сдѣлать это. Я могъ идти на Москву и отсюда ѣхать по желѣзной дорогѣ, но за проѣздъ нужно было заплатить четыре рубля изъ скопленныхъ мною девятнадцати рублей. Это было невозможно. Мнѣ нужно было имѣть хоть что-нибудь на первое время пребыванія въ Петербургѣ. Я рѣшился идти пѣшкомъ, идти не по московскому тракту, не прямо, а по тѣмъ дорогамъ, гдѣ найдутся попутчики, обозы. Этотъ способъ путешествія былъ дешевле. Я шелъ отъ деревни до деревни; я присталъ къ обозамъ; я ночевалъ въ избахъ мужиковъ.

Да благословитъ небо всѣхъ этихъ темныхъ людей, давшихъ возможность будущему русскому «просвѣтителю» не погибнуть съ голоду и добраться до желанной цѣли. Я съ своей стороны, ничѣмъ не могъ и ничѣмъ не могу отплатить имъ за то, что они дѣлили со мною послѣдніе куски хлѣба, послѣдніе крынки молока, за то, что они позволяли мнѣ приваливаться на возъ, когда мои до крови истертыя

Digitized by Google

ноги отказывались идти, за то, что они не считали меня, оборваннаго, выгнаннаго семинариста, за вора, за грабителя, и пускали въ свои избы въ темныя, ненастныя осеннія ночи.

Я пришелъ въ Петербургъ въ понедѣльникъ вечеромъ. Моя новая жизнь начиналась въ тяжелый день. Во вторникъ я сходилъ въ баню, купилъ сапоги на толкучемъ, купилъ бѣлую манишку, бѣлый воротничокъ и отправился въ редакцію съ первою частью моего романа. Лакей отворилъ передо мною дверь и грубо спросилъ меня:

— Что вамъ?

— Я рукопись принесъ.

— Сегодня нѣтъ пріема. По субботамъ принимаютъ.

Дверь захлопнулась, и я въ недоумѣніи стоялъ передъ нею, раздумывая, что дѣлать. Денегъ у меня почти уже не было, между тѣмъ нумеръ, гдѣ я остановился, стоилъ 50 коп. въ день; обѣдъ, который я ѣлъ, стоилъ 25 копеекъ. Это было не по карману... Я рѣшился идти искать другого помѣщенія...

Оно, наконецъ, нашлось.

Пять копеекъ за ночь—ночлегъ на нарахъ, три копейки за обѣдъ—щи пополамъ съ грязью... Кругомъ меня были оборванные, грязныя, подозрительныя личности; онѣ говорили на совершенно непонятномъ мнѣ языкѣ, болѣе странномъ, чѣмъ языкъ бурсаковъ; онѣ, подзывая другъ друга, тихо посвистывали, какъ свищутъ лошадямъ, когда ихъ поятъ; онѣ смотрѣли на меня сыскоса, недовѣрчиво. Это были спившіеся съ круга, праздношатающіеся воры и мазурики. Что-жъ, отчего же и не жить съ ними будущему русскому писателю? Онъ безопасно можетъ спать здѣсь, такъ какъ у него нечего украсть.

Я былъ на своемъ мѣстѣ.

VIII.

Когда я возвратился въ ночлежный пріютъ послѣ разговора съ секретаремъ редакціи, у меня страшно трещала голова. Я былъ какъ изломанный.

До сихъ поръ я не чувствовалъ утомленія послѣ дороги, я былъ все это время въ возбужденномъ состояніи, жилъ надеждою. Теперь ко мнѣ вдругъ возвратилось то тяпичное настроеніе духа, которое я испыталъ на пирушкѣ портного. Я готовъ былъ плакать, готовъ былъ лечь, чтобы заснуть навсегда, не видать ничего, не слыхать ничего.

Когда я вошелъ въ вертепъ, служившій мнѣ пріютомъ,

Digitized by Google

въ немъ раздавалось храпѣнье его погибшихъ дѣтей. Свалившись на нары и подъ нары, въ своихъ лохмотьяхъ, эти люди, — отребье столицы, — спали мертвымъ сномъ. Въ комнатѣ царилъ полусвѣтъ, атмосфера была тяжела, въ ней пахло плѣсенью, водкой, потомъ, грязью.

Я легъ на свое мѣсто, перешагнувъ черезъ нѣсколькихъ изъ своихъ собратьевъ по жилищу, по судьбѣ, можетъ-быть, по развитію, по уму, по характеру.

Я не могъ спать.

Я вынулъ лоскутки бумаги, находившіеся постоянно при мнѣ, и сталъ писать.

Я писалъ долго въ полутьмѣ, едва разбирая написанное. По мѣрѣ того, какъ я записывалъ пережитое, моя головная боль утихала, мои нервы успокаивались, или вѣрнѣе сказать, ослабѣвали. Воспоминанія о пережитомъ снова спасли меня отъ отчаянія.

Уже было совсѣмъ темно, когда мои собратья начали потягиваться и громко зѣвать. Я спряталъ свои бумаги и лежалъ, глядя безцѣльно на поднимавшійся людъ.

— Ну что, преподобный строчило-мученикъ, не выгорѣло?—спросилъ меня мой сосѣдъ, сынъ какой-то мѣщанки и какого-то... впрочемъ, онъ не могъ сказать навѣрное, кто былъ его отецъ. Онъ учился года два въ гимназіи, получилъ похвальный листъ за прилежаніе и потомъ остался между небомъ и землею, безъ крова, безъ родныхъ, безъ работы.

— Не знаю,—отвѣтилъ я.

— Видно дѣла, какъ сажа бѣла!—зѣвнулъ онъ, потягиваясь на нарахъ.

— Носикъ изволили повѣсить, господинъ писатель, — съ усмѣшкой замѣтилъ другой сосѣдъ, проклятый сынъ богатаго купца-раскольника.

— А знаешь что, Васька, выпить бы теперь не мѣшало,—рѣшилъ мѣщанинъ.

— За компанію не угодно ли?—предложилъ мнѣ купеческій сынокъ.

У мошенниковъ иногда бываютъ геніальныя мысли. Я, дѣйствительно, долженъ былъ выпить. У меня начинался ознобъ.

— А я тоже выпью, благодѣтели?—жалобнымъ и дребезжащимъ топомъ спросилъ какой-то снившійся съ круга старый чиновникъ, высовывая изъ-подъ наръ свою сѣдую и облѣзлую голову.

— Ишь ты, крыса приказная, слухъ-то какой тонкій!—

Digitized by Google

засмѣялся молодой мѣщанинъ, котораго всѣ называли «гимназистомъ».

— Раздавлю!—грозно крикнулъ купчикъ, принимая тонъ буйствующаго коммерсанта и спустилъ ногу съ нары надъ самой головой чиновника.

Сѣдая голова спряталась подъ нары. Въ вертепѣ раздался хохотъ.

— Шутники-съ, шутники-съ!—бормоталъ чиновникъ изъ-подъ нары.—Мнѣ стаканчикъ, одинъ стаканчикъ!

— Изобразишь медвѣдя?—спросилъ купчикъ.

— Это отчего же не изобразить, это можно,—осклабляясь, опять высунулъ голову чиновникъ.

— Ишь ты—крыса, а медвѣдя изображать хочетъ!

— Хе-хе-хе! Все шутите-съ!

Мы отправились въ другое отдѣленіе вертепа въ подвалѣ. Тамъ уже была въ сборѣ цѣлая коллекція самыхъ разнообразнѣйшихъ субъектовъ. Все это пило, ѣло, хохотало, перешептывалось. Полъ, столы и стулья, все было залито виномъ, чаемъ, запачкано огуречнымъ разсоломъ, селедками. Полъ былъ не виденъ подъ слоемъ грязи. Въ этой комнатѣ слабый человѣкъ могъ охмелѣть отъ спиртного запаху и угорѣть, опалѣть отъ запаху махорки, турецкаго и жуковскаго табаку. Здѣсь всѣ были пьяны безъ вина, безъ дурмана; здѣсь забывался весь остальной міръ, отъ котораго были плотно завѣшаны окна; здѣсь въ волнахъ дыма и чада люди походили на призраки, на выходцевъ изъ могилы. Ихъ лохмотья казались какими-то фантастическими нарядами. Ихъ лица казались сѣрыми, зеленоватыми.

Приказная крыса изображала медвѣдя. Купчикъ представлялъ кутящихъ батюшкиныхъ сынковъ. Отставной гимназистъ-мѣщанинъ отпускалъ французскія фразы. Я пилъ...

— Не забудь, братъ, и насъ, когда комедь какую напишешь,—говорилъ купчикъ.—Хлопать будемъ изъ рая.

— Мнѣ ста-ка-шикъ, одинъ ста-ка-шикъ,—жалобно просилъ чиновникъ.

Я обѣщалъ исполнить желаніе своихъ друзей.

IX.

«Что же это будетъ? Что будетъ? Неужели я такъ и погибну?»—спрашивалъ я себя, просыпаясь на слѣдующій день и мутными глазами осматривая спящую кругомъ меня компанію своихъ братьевъ по судьбѣ.

Я хотѣлъ подняться, голова была тяжела, во рту былъ

Digitized by Google

скверный вкусъ. Надо выпить. Сошелъ въ подвалъ, выпилъ, съѣлъ огурецъ. Стало легче.

«По торной дорожкѣ пошелъ!» — скорбно мелькнуло въ моей головѣ.

Я пригорюнился, сѣлъ у грязнаго стола. Передо мной лежали два нумера газетъ. Это были запачканные, полуоборванные нумера, валявшіеся и ходившіе по рукамъ уже съ недѣлю. Углы ихъ были оторваны, вѣроятно, для закуриванія папиросъ. Я началъ машинально перечитывать ихъ. Прочелъ о балѣ у Наполеона, о вѣчно продолжающейся печали овдовѣвшей королевы Викторіи, телеграмму о рожденіи седьмой дочери у какой-то нѣмецкой принцессы, перешелъ къ извѣстіямъ о грабежѣ въ Рязани, о диспутѣ въ московскомъ университетѣ, о доисторическихъ формахъ правленія въ Сиракузахъ, прочелъ полемику какого-то господина съ другимъ какимъ-то господиномъ о недоданныхъ трехъ рубляхъ за объявленія, перешелъ къ объявленіямъ Кача и вдругъ остановился.

Передъ моими глазами значилось крупное объявленіе о выходѣ новой книжки того журнала, куда я носилъ первую часть своего романа. Я читалъ и перечитывалъ это объявленіе и не вѣрилъ глазамъ. Мнѣ казалось, что у меня начинаются галлюцинаціи. Первая статья, помѣщенная въ этомъ нумерѣ журнала, какъ значилось въ объявленіи, называлась «Аксенъ, очеркъ А. Ѳемистоклова». Это мой Аксенъ, это я — А. Ѳемистокловъ, то-есть не я, а мой псевдонимъ.

Я вскочилъ и, нахлобучивъ фуражку, бросился бѣжать.

X.

Я, не переводя духа, добрался до редакціи, подошелъ къ дверямъ и уже готовился позвонить, когда мнѣ бросилась въ глаза надпись:

«Лица, желающія объясняться съ редакціей, могутъ являться по субботамъ, отъ 11 до 3 часовъ».

Меня какъ водой облило. Я даже улыбнулся, какъ-то глупо, растерянно улыбнулся, какъ улыбался мой товарищъ по ночлежному пріюту, спившійся съ круга чиновникъ, когда у него отнимали поднесенную ко рту рюмку водки. Я постоялъ съ минуту въ раздумьи передъ этой надписью и побрелъ обратно.

Когда я пришелъ въ свой вертепъ и легъ на постель,— я былъ отчасти даже радъ, что мнѣ не удалось попасть въ редакцію. Я былъ слишкомъ растрепанъ, отъ меня пахло

Digitized by Google

водкой. Я рѣшился выспаться и на слѣдующій день хотя нѣсколько обчистить свою покрытую пылью и грязью одежду. Болѣе всего меня безпокоили мои петербургскіе сапоги, лопнувшіе на другой же день послѣ покупки. Мнѣ было совѣстно опять показаться въ нихъ передъ этимъ самодовольнымъ секретаремъ, передъ своими, еще не знакомыми мнѣ, собратьями. Но дѣлать было нечего—нужно было предстать передъ ними во всей красотѣ нищеты.

Слѣдующіе дни прошли какъ-то лихорадочно. Я почти не могъ спать отъ внутренняго волненія и сильно обрадовался, когда, наконецъ, пробило одиннадцать часовъ утра въ пріемный день редакціи. Я пошелъ на свиданіе съ редакторомъ.

Входя въ пріемную редакціи, я увидѣлъ на вѣшалкѣ нѣсколько шубъ. Повидимому, редакція была въ полномъ сборѣ. Я вошелъ въ пріемную комнату, въ ней было довольно много народу. Какіе-то два господина съ бородами и съ pince-nez на носахъ громко спорили о политикѣ. Какой-то низенькій толстякъ читалъ газету. Еще нѣсколько личностей сгруппировались въ разныхъ углахъ комнаты. Я замѣтилъ, что всѣ они бросили на меня искоса любопытные взгляды, выражавшіе мысль: «что ему надо?» Я пробрался къ угреватому секретарю. Онъ взглянулъ на меня и нахмурился.

— Вѣдь я вамъ сказалъ-съ, что черезъ двѣ недѣли нужно придти,—грубо проговорилъ онъ.

— Мнѣ нужно редактора видѣть,—отвѣтилъ я уже безъ всякой робости и въ упоръ глядя на угри этой канцелярской душонки.—Я хочу деньги получить за разсказъ.

— За какой разсказъ?—съ удивленіемъ спросилъ секретарь.

— Мой разсказъ: «Аксенъ» помѣщенъ въ ны...

— Господинъ Ѳемистокловъ?—быстро перебилъ меня секретарь, вскакивая съ мѣста и улыбаясь любезною улыбкою гостинодворскаго приказчика.

Я утвердительно кивнулъ головой.

Секретарь ловко повернулся на каблукахъ, однимъ движеніемъ руки подвернулъ подъ меня свободный стулъ и съ предупредительностью барскаго лакея, принимающаго дорогого хозяйскаго гостя, промолвилъ:

— Садитесь, садитесь, пожалуйста! Иванъ Ивановичъ сейчасъ выйдетъ. Онъ такъ желалъ васъ видѣть... Иванъ Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ,—крикнулъ онъ, просунувъ голову въ дверь, ведущую въ кабинетъ редактора.—Господинъ Ѳемистокловъ здѣсь!

Digitized by Google

Все общество смолкло и съ любопытствомъ устремило на меня глаза. Я былъ похожъ по одеждѣ на нищаго, попавшаго въ собраніе богачей. Но я не думаю, что я былъ похожъ на дурака со своею открытою физіономіей, со своими густыми русыми кудрями и своимъ большимъ лбомъ. И все-таки я былъ смущенъ, взволнованъ, красенъ и желалъ бы лучше провалиться подъ землю, чѣмъ чувствовать на себѣ эти взгляды.

«Вотъ вѣдь будь ловкость, — думалось мнѣ:—подошелъ бы къ нимъ развязною походкою и со смѣхомъ разсказалъ бы небывалую исторію, какъ меня обокрали въ Петербургѣ, или какъ на другой день послѣ моего пріѣзда сгорѣли мои деньги и мое платье. Можно бы прибавить, что на послѣднія деньги послалъ телеграмму о присылкѣ изъ дому капитала... Повѣрили бы и не стали бы обращать вниманія на мои заплаты... Только бы духу хватило врать и, смѣясь, указывать на свои прорѣхи и заплаты, прибавляя, что ужъ никакъ не думалъ явиться къ нимъ въ такомъ костюмѣ...»

Черезъ минуту изъ таинственной двери показалось обрюзглое, желтоватое лицо Ивана Ивановича Терешина. Онъ былъ одѣтъ въ утренній легкій нарядъ, на его шеѣ былъ небрежно повязанъ широкій черный галстукъ, но во всей его одеждѣ былъ замѣтенъ извѣстный шикъ—это была простота и небрежность богача, привыкшаго къ комфорту. Онъ немного прихрамывалъ на лѣвую ногу и шелъ, ковыляя, неторопливою походкою, точно выражая этимъ: «некуда торопиться, подождутъ».

— Наконецъ-то, батенька, явились, наконецъ-то! Очень радъ, очень радъ! — заговорилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто онъ встрѣчалъ родного брата послѣ долгой разлуки.— И что это вы своего адреса не написали. Вѣдь я въ теченіе пяти мѣсяцевъ хлопоталъ о напечатаніи вашего разсказа, а вы, поди, думали, что я имъ давно каминъ подпалилъ.

Онъ покровительственно засмѣялся и поощрительно прикоснулся къ моему плечу. Его голосъ былъ сиплый, глухой, хотя Терешинъ и старался придать этому голосу мягкій и ласковый тонъ.

— Развѣ мой разсказъ такъ трудно было напечатать? — спросилъ я, не зная, что говорить.

— Да еще какъ трудно-то было! Ну, да все-таки удалось. А ужъ я было и носъ повѣсилъ. Вѣдь такіе разсказы, батенька, не часто появляются въ нашей распутной литературѣ. Нынѣшніе-съ литераторы, батенька, все дѣланное,

Digitized by Google

все высиженное представляютъ въ печать. Свѣжести нѣтъ, искренности нѣтъ, взмаха широкаго нѣтъ. Петербуржцы все въ клубахъ нравы изучаютъ, во французскихъ романахъ интригу отыскиваютъ для своихъ повѣстушекъ...

Я слушалъ эти рѣчи, и въ моей головѣ мелькала мысль: «А, должно-быть, не очень пріятно слушать эти рѣчи тому изъ присутствующихъ господъ, кто пишетъ романы и повѣсти».

Впрочемъ, рѣчь Терешина польстила моему самолюбію. Еще болѣе былъ бы я польщенъ, если бы зналъ, что мой разсказъ не печатался не вслѣдствіе внѣшнихъ затрудненій, а вслѣдствіе желанія Терешина напечатать это произведеніе въ осенней книжкѣ, передъ подпиской на журналъ. Правда, это было невыгодно для моего желудка, но выгодно для моей славы. Въ лѣтнія книжки сбывается то, что плохо.

— Вы еще что-нибудь принесли?—спросилъ Терешинъ.

— Я еще въ субботу отдалъ въ редакцію первую часть романа.

— Ѳедоръ Степановичъ, что же это вы, батенька, мнѣ не сказали?—брюзгливо обратился Терешинъ къ секретарю, нахмуривъ брови.—Такъ-съ нельзя! Я ждалъ, ждалъ господина Ѳемистоклова, какъ свѣтлаго праздника, а вы мнѣ даже и не сказали, что онъ принесъ рукопись, приходилъ сюда.

Секретарь какъ-то испуганно заерзалъ на своемъ мѣстѣ, хлопая глазами и дѣлаясь еще болѣе краснымъ.

— Я не зналъ-съ, Иванъ Ивановичъ, началъ оправдываться онъ съ лакейскою трусостью.—Они не сказали своей...

Но Терешинъ уже не слушалъ его оправданій и смотрѣлъ съ выраженіемъ холоднаго пренебреженія какъ-то черезъ голову секретаря.

— Кому же вы отдали эту рукопись?—спросилъ онъ сухимъ тономъ.

— Я... я,—началъ окончательно растерявшійся секретарь:—не успѣлъ еще ее передать никому... Она здѣсь...

Я вспыхнулъ и зорко взглянулъ на секретаря, понимая, что онъ хотѣлъ отплатить мнѣ за мою дерзость и оставить рукопись безъ прочтенія.

— Подъ зеленое-съ сукно,—дрожащимъ отъ злобы голосомъ промолвилъ я и иронически усмѣхнулся.

Секретарь закусилъ губы и сталъ рыться въ бумагахъ. Онъ понялъ меня такъ же хорошо, какъ я его.

Иванъ Ивановичъ вдругъ измѣнился въ лицѣ: его губы отвисли, глаза, блестѣвшіе до этой минуты нѣкоторымъ

Digitized by Google

оживленіемъ, вдругъ потускнѣли, потухли, онъ весь какъ бы опустился.

— Я все боленъ, я все боленъ, — началъ онъ говорить мнѣ брюзжащимъ и сиплымъ голосомъ, поворачиваясь спиною къ секретарю:—не могу самъ слѣдить за всѣмъ. А положиться ни на кого нельзя. Еще хорошо, что не отдали вамъ назадъ романа. У насъ и это часто дѣлается: отдадутъ назадъ безъ прочтенія, а, глядишь, потомъ произведеніе и явится въ журналѣ нашихъ враговъ... Вы извините меня, батенька, что я не могъ васъ принять въ ту субботу; мнѣ даже и не сказали о васъ... Фу, какъ холодно здѣсь!— вдругъ вздрогнулъ Терешинъ.—Пойдемте-ка ко мнѣ въ кабинетъ, потолкуемъ по душѣ... Совсѣмъ ослабѣлъ я, совсѣмъ ослабѣлъ... Умирать, видно, пора...

Иванъ Ивановичъ взялъ меня подъ руку и уже совсѣмъ старческой, разслабленной походкой, сильнѣе прихрамывая на лѣвую ногу, поплелся въ кабинетъ.

Мы очутились въ погруженной въ мягкій полусвѣтъ, роскошно убранной комнатѣ съ коврами, турецкими диванами, каминомъ, бархатными подушками на полу для ногъ. Закрывъ за собою дверь, Иванъ Ивановичъ подошелъ къ камину и пригласилъ меня сѣсть на одно изъ стоявшихъ тутъ затѣйливыхъ креселъ.

— Это все, батенька, подлецы! Конкурентовъ боятся. Таланта нѣтъ, а писать хотятъ. Ну, имъ и страшно появленіе свѣжей силы, — брюзжалъ онъ, подавая мнѣ дорогую сигару.—Боленъ я, все боленъ, умру скоро, а то я очистилъ бы литературу отъ этой тли, отъ этихъ торгашей въ святомъ храмѣ искусства... Нѣтъ, видно, не намъ увидать лучшую пору въ русской литературѣ. Со стороны напираютъ, ногу подставляютъ, общество холодно относится, свои грызутся, какъ собаки, братъ брата съѣсть хочетъ, чинами литературными считаются, въ генералы отъ литературы лѣзутъ. А мысль, а искусство, все это попрано ногами, все это служитъ только маскою, подъ которою легко скрывать свою подлую душонку!

Въ его голосѣ слышалось какое-то дрожаніе, въ его глазахъ сверкали слезы. Онъ опустилъ голову на грудь и задумался. Быть-можетъ, онъ думалъ о своемъ прошломъ, думалъ о томъ, какъ и ему трудно было пробить себѣ путь въ литературу, когда онъ явился съ плохой повѣстушкой.

Незамѣченный почти никѣмъ, мало талантливый, мало образованный, онъ три года писалъ очерки, разсказы, ком-

Digitized by Google

пиляціи, и только упорная настойчивость дала ему возможность сдѣлаться сначала секретаремъ, потомъ помощникомъ, наконецъ, компаньономъ издателя и редакторомъ одного изъ тѣхъ изданій, гдѣ онъ былъ чернорабочимъ, послѣдней спицей въ колесницѣ. Много нужно было терпѣнія, ловкости, выносливости, быть-можетъ, пронырства и холопства, чтобы пройти этотъ путь и дойти до богатства, до благосостоянія. Конечно, двѣ незамѣченныя никѣмъ повѣстушки и три компилятивныя статейки были тутъ не при чемъ. Это былъ въ сущности не литераторъ, это былъ предприниматель, аферистъ, но онъ любилъ литературу, любилъ ее искренно и горячо, хотя по-своему, со своей точки зрѣнія. И какъ ему было не любить ее: съ ея легкой руки онъ жить пошелъ! Изъ недоучившагося, обнищавшаго барчонка, онъ превратился въ лицо, направляющее общественную мысль; изъ нищаго онъ превратился въ богача; изъ недалекаго, но смѣтливаго практика въ глубокомысленнаго мыслителя, молчаніе котораго заставляло многихъ думать, что онъ проницаетъ въ томъ или другомъ явленіи такія стороны, которыя ускользаютъ отъ обыкновенныхъ смертныхъ.

— Вы о чемъ въ романѣ-то пишете? — спросилъ меня Терешинъ минутъ черезъ пять.

Я сказалъ.

— Такъ, такъ! Выводите на сцену эту бѣдноту, эту голь-перекатную, эту черноземную силу земли русской,—задумчиво промолвилъ онъ.—Дай вамъ Богъ всякаго успѣха! Въ васъ, батенька, талантъ, громадный талантъ. Это не сахаръ, распущенный въ о-де-лавандѣ... Отъ него лѣсомъ пахнетъ, степью безграничною вѣетъ!.. Вы изъ бурсы?

— Да, былъ въ семинаріи.

— Такъ, такъ! Оттуда идутъ теперь силы. Прошла пора, когда почти одни дворяне-помѣщики захватывали въ свои руки литературу. Черноземная сила стала подниматься...

Терешинъ помолчалъ, опустивъ голову на грудь.

— Теперь вотъ хочу приготовиться въ университетъ,— промолвилъ я.

— Что вы, что вы, батенька! Да это значитъ убивать себя! Талантъ убивать! — воскликнулъ Терешинъ и снова оживился.—Ну, что вы тамъ дѣлать будете? Юристику изучать? Да знаете ли вы, что эта за наука? Она учитъ, какъ лишать человѣка по закону всѣхъ человѣческихъ правъ и жизни. Или станете надъ разными козявками, водородами и углеродами сохнуть, въ разной дряни копаться, чтобы

Digitized by Google

новый родъ грибовъ отыскать? Много человѣчество выиграетъ!.. Или будете заниматься вопросомъ о значеніи юсовъ?.. Да вѣдь вы засохнете, зачерствѣете, какъ вотъ эти департаментскіе сторожа и архивныя крысы,—Терешинъ указалъ на дверь, которая вела въ пріемную комнату.—Таланту нужна живая почва, природа, живой человѣкъ. Идите по Руси, по деревнямъ и селамъ—вотъ наука, вотъ необъятный университетъ русскаго писателя!

Онъ иногда говорилъ красиво.

— Я это вполнѣ понимаю, но знанія, выработанныя западной Европой...—началъ я.

— Чепуха, батенька, чепуха! Западная Европа сгнила и допѣла свою пѣсню,—живо перебилъ меня Терешинъ.—Не ей учить насъ! Наша жизнь сложилась иначе; нашъ народъ не тупоумный нѣмецъ, не легкомысленный французъ, не кулакъ англичанинъ. Это сердечный, смѣтливый и великодушный народъ, геройски переносившій язву крѣпостного права, взяточничества, невѣжества и младенчески незлобиво прощавшій тѣмъ, кого онъ имѣлъ право проклинать. Герой и дитя—вотъ опредѣленіе нашего народа. Передъ нимъ долженъ до земли поклониться русскій романистъ и, не заражая своей души никакою грязью западно-европейскихъ измышленій, филистерскихъ взглядовъ, сервилизованныхъ махинацій, романистъ долженъ описывать этотъ народъ съ такимъ же непосредственнымъ чувствомъ, какъ непосредственно развитіе этой великой массы. Да благословитъ васъ Богъ на этотъ великій подвигъ!

Терешинъ говорилъ горячо и, кажется, искренно. Перекинувшись еще нѣсколькими словами съ нимъ, я всталъ.

— Да, тамъ вамъ надо получить гонораръ, — произнесъ Терешинъ, снова упавшимъ, разслабленнымъ голосомъ и съ мгновенно потухшими глазами.—Вотъ записка, пусть секретарь выдастъ...

Онъ написалъ записку. Я съ замираніемъ въ сердцѣ увидалъ цифру 120 рублей. Мой разсказъ былъ въ три листа. Я вышелъ изъ кабинета и подошелъ къ секретарю.

— А я вашъ романъ прочту сегодня же, — промолвилъ какой-то господинъ съ pince-nez на носу.

— Господинъ Шепелевъ! — поспѣшно отрекомендовалъ мнѣ его секретарь. Я поклонился.

— По сколько?—небрежно спросилъ Шепелевъ у секретаря, щуря глаза и заглядывая въ записку Терешина.

— По сорока,—отвѣтилъ секретарь.

Digitized by Google

— Не расщедрился за великое-то произведеніе!—насмѣшливо промолвилъ Шепелевъ.—Вы-съ торгуйтесь,—обратился онъ ко мнѣ съ ироніей въ голосѣ.—Эти эксплоататоры рады за грошъ купить цѣлый романъ, а сами загребаютъ тысячи... Онъ вѣдь у насъ до того скупъ, что...

Впрочемъ, нѣтъ, я не могу повторить остроты Шепелева насчетъ скупости Терешина, такъ какъ все остроуміе Шепелева выражалось постоянно въ такихъ словахъ, которыхъ нѣтъ въ лексиконѣ.

Получивъ деньги, пожавъ руки новымъ знакомымъ, я поспѣшно вышелъ изъ пріемной. Я вышелъ въ переднюю. Должно-быть, мое лицо очень сіяло, по крайней мѣрѣ, я замѣтилъ, что лакей посмотрѣлъ на меня очень недоброжелательно, какъ смотритъ обыкновенно прислуга на нищихъ, успѣвшихъ выпросить у нихъ господъ подачку. Онъ, вѣроятно, думалъ, смотря на меня, что вотъ еще явился одинъ голякъ, который будетъ обирать его барина. Нельзя же требовать, чтобы онъ понималъ, что все благосостояніе его барина и составлено именно такими голяками, какъ я. Онъ видѣлъ, что эти голяки послѣ нѣсколькихъ визитовъ къ его барину, пріодѣвались, и ненавидѣлъ ихъ, какъ прихлебателей его господина.

Надѣвая пальто, я замѣтилъ уже знакомаго мнѣ старичка Шванвича-Родзевича. Онъ стоялъ у зеркала и тщательно оправлялъ свой потертый сюртучокъ и свои коленкоровые воротнички. Замѣтивъ меня, онъ вѣжливо поклонился и съ участіемъ спросилъ:

— Ну, какъ ваши дѣла?

— Ничего, идутъ по-маленку,—весело замѣтилъ я.—За разсказъ деньги получилъ.

— Ска-ажите!—протянулъ старичокъ не то съ удивленіемъ, не то съ горечью.—Повезло вамъ... А вотъ я все еще не могу добиться... Двадцать лѣтъ вѣдь пишу... двадцать лѣтъ! Шутка ли!

— И ничего еще не напечатали?—спросилъ я.

— Ничего, ничего покуда,—горько произнесъ старикъ.—Не говорятъ, въ какомъ имъ духѣ надо. Вы въ какомъ изволили написать?

Я замялся.

— Такъ, очеркъ съ натуры,—отвѣтилъ я.

— Да вѣдь и я съ натуры... Вотъ величіе Невы, побѣды Александра Невскаго... Не исходитъ, говорятъ... Вотъ те-

Digitized by Google

перь несу размышленіе въ Лѣтнемъ саду о премудрости Петра Великаго... Тоже съ натуры написалъ...

— То-есть какъ же это съ натуры?—изумился я.

— Да такъ... Вѣдь это я свои собственныя размышленія описываю, ну, и Лѣтній садъ,—пояснилъ Шванвичъ-Родзевичъ.

Я не могъ удержаться отъ улыбки.

— А тоже, пожалуй, скажутъ не подходитъ... А вѣдь вотъ какъ тяжело, совѣстно это, знаете, при всѣхъ слышать, какъ говорятъ: не годится...

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Вы бы бросили, если не удается,—посовѣтовалъ я.

Старичокъ оживился.

— Что вы! Да какъ же это можно,—началъ онъ скороговоркою.—Вѣдь я двадцать лѣтъ пишу! Тоже это не легко досталось... Прежде хатка у меня была около Чернигова... Служилъ я тогда... Глушь тамъ, невѣжество, безобразія, сплетни... Опостыло мнѣ это... Я все бросилъ, все продалъ для литературы... вѣдь это великое, святое дѣло! И вотъ двадцать лѣтъ бьюсь... Гдѣ день, гдѣ ночь, тоже не сладко... Обносился весь... Всѣ подозрительно смотрятъ... Тоже разъ къ допросу звали... Извѣстно, видятъ, что человѣкъ пріюта не имѣетъ, все съ бумагами возится, ну, и заподозрили, за кляузника-злоумышленника сочли... Да-съ, не легко мнѣ этотъ трудъ достался... А вы говорите: бросить! Да теперь это у меня единственная надежда... Я теперь руку набилъ, мнѣ легко достается... Мнѣ теперь только бы направленіе ихъ узнать, только бы сказали, въ какомъ духѣ надо... Я теперь могу... Какъ же можно бросить? Вѣдь мои произведенія самъ Василій Андреевичъ Жуковскій читалъ...

— И одобрилъ?—спросилъ я.

— Не могу сказать,—проговорилъ онъ въ смущеніи.—Не знаю... Я по почтѣ ему посылалъ... Не смѣлъ потомъ справиться о мнѣніи... Тогда еще не привыкъ мнѣнія выслушивать... Конфузно было... Оно, знаете, и теперь вотъ хожу, справляюсь, а вы не повѣрите, какъ больно, какъ больно, когда это говорятъ, что не подходитъ подъ направленіе, или...

Старичокъ опять усиленно зажевалъ свой зубъ.

— Или скажутъ, что... нехорошо,—шопотомъ добавилъ онъ, наклоняясь къ моему уху и искоса взглянувъ на лакея.—Вѣдь вы понимаете, это плоды ума, безсонныхъ ночей, долгаго труда... И если бы еще приговоръ-то произнесъ Державинъ, Пушкинъ, Жуковскій, а то вѣдь... Те-

Digitized by Google

перь что за литераторы! Возвышеннаго ничего у нихъ нѣтъ, простонародный духъ ихъ обуялъ. Для райка, для черни они пишутъ, низкихъ предметовъ все касаются... съ Гоголя... Оно, конечно, это легче, тутъ ни вдохновенія, ни глубокомыслія, ни чистоты душевной не нужно—увидалъ, какъ два мужика изъ кабака вышли и подрались—ну, и описывай... А какая же мораль? Все пьяницъ какихъ-то описываютъ, все какихъ-то подлецовъ изображаютъ—это безнравственно... Развѣ Россія какая-нибудь шайка пьяницъ и мошенниковъ? И чему научится юношество, читая эти сцены? Только тому, какъ въ кабакахъ пьютъ, да какъ ближнихъ грабятъ.

Старичокъ помолчалъ съ минуту, пожевавъ свой зубъ. Потомъ онъ началъ снова, нѣсколько понизивъ голосъ:

— Я и министру, знаете, проектъ представлялъ, чтобы цензура запретила всякія описанія кабачныхъ сценъ, мошенничества, взяточничества и разврата, такъ какъ въ этомъ-то и заключается первая школа, гдѣ портятся дѣти... Подобныхъ писателей я судить предлагалъ, какъ людей, оскорбляющихъ нравственность и развратителей...

— Ну, и что же?—полюбопытствовалъ я.

— Отвѣта не было, до сихъ поръ не было!—печально произнесъ Шваявичъ-Родзевичъ.—Извѣстно, у министра дѣлъ много... государственный человѣкъ...

— А давно вы послали свой проектъ?

— Вотъ уже девятый годъ пошелъ,—вздохнулъ старичокъ.

Онъ говорилъ объ этомъ незлобиво, просто, точно дѣло шло о какихъ-нибудь десяти дняхъ. Я поклонился ему и вышелъ изъ передней.

У меня впервые была въ рукахъ такая масса денегъ, какъ теперь. Я думалъ, что я богаче всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ людей. Прежде всего я отправился на рынокъ купить себѣ пальто и прочую одежду. Потомъ пошелъ нанимать себѣ квартиру: я уже не довѣрялъ своимъ пріятелямъ...

Удивительно быстро портятъ человѣка деньги!

XI.

Я нанялъ себѣ комнату отъ жильцовъ, пообѣдалъ въ порядочномъ трактирѣ и впервые легъ спать въ какомъ-то блаженномъ состояніи благодушія, спокойствія и полной увѣренности, что мое будущее обезпечено, что мнѣ остается только работать и работать, чтобы стать въ лучшее положеніе, чѣмъ то, въ которомъ я находился до сихъ поръ.

Digitized by Google

Какъ сладко я спалъ, какъ радостно я осмотрѣлъ свою низенькую комнату, когда проснулся по утру. Я не сразу повѣрилъ, что я дѣйствительно не сплю, что эта комната не обманчивый сонъ, а дѣйствительность.

Я лежалъ и мечталъ, какъ я окончу вторую часть романа, напечатаю свое любимое произведеніе, заручусь деньгами и стану приготовляться въ университетъ. Я не раздѣлялъ мнѣнія Терешина о безплодности университетскаго образованія. Я видѣлъ, что мнѣ многое и многое нужно узнать, чтобы не хлопать безсмысленными глазами, когда люди толкуютъ о научныхъ предметахъ.

Мнѣ не сидѣлось дома, мнѣ хотѣлось ходить, говорить съ кѣмъ-нибудь. Я вспомнилъ, что у меня галстука нѣтъ и придрался къ случаю, вышелъ изъ дому. Я купилъ галстукъ, потомъ мнѣ очень понравились запонки—большія такія, въ видѣ колесъ. Я ихъ пристально разсматривалъ и думалъ, что онѣ рублей десять стоятъ, но лавочникъ вывелъ меня изъ недоумѣнія, предложивъ посмотрѣть ихъ поближе, и объяснилъ, что это «французское золото» и что онѣ стоятъ два рубля. Я совсѣмъ растаялъ и даже торговаться не могъ, а онъ сейчасъ же мнѣ предложилъ такія же запонки для манишки. Я и тѣ купилъ. Потомъ я вспомнилъ, что не худо бы мнѣ осмотрѣть достопримѣчательности Петербурга, и направился въ Исаакіевскій соборъ, затѣмъ прошелъ въ Эрмитажъ, потомъ пообѣдалъ и пришелъ домой.

Я тотчасъ же надѣлъ свои запонки и долго, долго поворачивалъ руку передъ зеркаломъ, любуясь, какъ блестятъ мои золотыя колеса.

«Не сѣсть ли за работу?»—подумалось мнѣ.

Но нѣтъ, я былъ не въ состояніи сосредоточиться, писать. Мнѣ нужно было движеніе.

— Эхъ, если бы теперь старые пріятели были!—почти вслухъ проговорилъ я.—Разсказалъ бы все...

Да, именно пріятелей недоставало мнѣ, недоставало ушей, которыя внимательно выслушали бы всю исторію моихъ похожденій, моей радости, моего счастья! Я еще понимаю, что горе можно выносить молча, одиноко, но выносить радость, счастіе безмолвно, въ пустомъ углѣ,—нѣтъ, это свыше силъ, тутъ человѣкъ готовъ броситься въ объятія первой торговкѣ печенкою, передать свои впечатлѣнія первому кабачному засѣдателю.

Я вдругъ вспомнилъ, что и въ этомъ городѣ были люди,

Digitized by Google

принявшіе во мнѣ участіе, хотя и очень своеобразное, но все же участіе. Эти люди были мои пріятели по почлежному вертепу. Я обѣщалъ имъ задать угощеніе въ случаѣ успѣха. Надо было исполнить это. Къ этому побуждало меня и желаніе передать хоть кому-нибудь вѣсть о своемъ внезапномъ счастіи, и то непонятно сладкое чувство, которое заставляетъ узника, вырвавшагося на свободу, взглянуть снова на свою старую тюрьму... А впрочемъ, можетъ-быть, просто на радостяхъ хотѣлъ выпить. Побудительныя причины къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ всегда такъ сложны, такъ запутаны. Я не хочу скрывать возможности существованія и этой причины, потому что я хочу рисовать себя не лучше, не хуже, чѣмъ я являюсь на самомъ дѣлѣ.

Я вошелъ въ вертепъ.

Компанія была въ полномъ сборѣ.

— Наше вамъ почтеніе!—закричалъ мнѣ навстрѣчу купчикъ.—Гдѣ пропадать изволили?

Я объяснилъ, что перебрался на новую квартиру.

— Ужъ не попалъ ли, въ самомъ дѣлѣ, въ писатели?—спросилъ съ недовѣріемъ отставной гимназистъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Что-жъ, это мѣсто доходное,—замѣтилъ старый чиновникъ.—Стакашикъ... вспрыснуть-съ,—жалобно говорилъ онъ.

— Я затѣмъ и пришелъ,—улыбнулся я.

— Это хорошо-съ, что старыхъ пріятелевъ не забыли-съ!—одобрилъ купчикъ.

Одинъ отставной гимназистъ хмурилъ брови.

Мы сошли въ подвалъ для выпивки. На столѣ появилось вино. Купчикъ расходился, «приказная крыса» потѣшала компанію, выдѣлывая различныя штуки, выпивая цѣлые стаканы вина, не прикоснувшись къ нимъ руками. Только отставной гимназистъ попрежнему смотрѣлъ угрюмо и пилъ стаканъ за стаканомъ, не произнося ни слова. Отъ времени до времени онъ ерошилъ свои густые, черные волосы.

— Чего ты бахвалишься-то!—вдругъ крикнулъ онъ мнѣ.—Удалось... Думаешь,—и важная птица! Писатель! Видали мы такихъ-то, въ однихъ кабакахъ пивали!

— Чего ты ругаешься-то!—спросилъ я уже нетвердымъ голосомъ.

— Чортъ побери!—крикнулъ онъ, стукнувъ по столу кулакомъ.—Мы сами писатели! Да!

— Ста-тей-ки тоже пописывасть,—замѣтилъ шопотомъ чиновникъ, подло подмигивая мнѣ глазомъ.

Digitized by Google

— Да... статейки! Обличу... Хочешь, тебя сейчасъ обличу, какъ ты по кабакамъ шляешься? А! Струснлъ... Мы все можемъ!

— Это онъ на-дняхъ такъ отлупцовалъ трактиръ Антонова, что тотъ говоритъ, лучше ты у меня задаромъ пей, что хочешь, а только марали этой про меня не пущай, будто у меня грязь и вонь въ трактирѣ,—захохоталъ купчикъ.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на новаго своего собрата по ремеслу.

— Да ты чего глаза-то на меня выпялилъ!—кричалъ расходившійся гимназистъ.—Узоры на мнѣ написаны, что ли? Ты думаешь, мы только и умѣемъ, что Антоновыхъ обличать... Врешь, братъ, врешь! Башка-то тоже у насъ не малая... Мозги-то есть! Умѣемъ имп ворочать! Можетъ-быть, почище тебя вышли бы... Эхъ, кабы не судьба!

— Ну, поѣхалъ,—безнадежно махнулъ рукой купчикъ.—А ты пей.

Онъ налилъ стаканъ и поднесъ его къ губамъ поникшаго головой гимназиста; тотъ оттолкнулъ стаканъ и пролилъ вино.

— Чего даръ-то Божій лить,—жалобно замѣтилъ чиновникъ.—Мнѣ бы лучше велѣли выпить.

— Судьба! — мрачно проговорилъ гимназистъ.— Судьба загубила... А знаешь ли ты судьбу-то мою?—вдругъ спросилъ онъ и заговорилъ съ оживленіемъ:

Въ смрадномъ омутѣ подвала
Въ міръ явился я, какъ тать,
И съ стыдомъ меня скрывала
Опозоренная мать.
Я былъ сытъ, но хлѣбъ мой черный
Мнѣ давался съ первыхъ дней
За развратъ, за трудъ упорный
Бѣдной матери моей.
Дорогой цѣной страданья
Пробивался мнѣ тогда
Путь для жизни, путь для знанья,
Путь для честнаго труда.
Каждый шагъ купился кровью
Этой женщины,—но ей
Отплатился не любовью
Страшный подвигъ жизни всей.
Помню я, въ предсмертной мукѣ,
Зная страшный жребій мой,
Мать въ слезахъ ломала руки,
Съ безнадежною мольбой.
Не услышались моленья:
Мать засыпали землей,
Сына предали забвенью

Digitized by Google

На холодной мостовой!
Шелъ я, выкидышъ подвала,
За работой...

Гимназистъ вдругъ махнулъ рукой и умолкъ. Я слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, у меня словно замеръ духъ, по тѣлу пробѣжали мурашки.

— Ну, ну, дальше, дальше!—пробормоталъ я.

— Дальше нѣтъ,—мрачно отвѣтилъ гимназистъ.

— Потѣха, братъ,—захохоталъ купчикъ.—Началъ онъ писать эту стишину и плачетъ, ревмя ревetъ... Въ подпитіи былъ наканунѣ, а опохмелиться-то было и не изъ чего... Ужъ потѣшились мы, глядя на него... Да ужъ жаль стало, дали выпить...

— Ну?—спросилъ я.

— Чего нукаешь—не запрягъ еще! — засмѣялся купчикъ.—Напоили, вотъ и все...

— А стиховъ-то такъ и не кончилъ?—спросилъ я у гимназиста.

— Когда-нибудь кончу,—угрюмо проговорилъ онъ.

— Да у него ихъ много-съ,—замѣтилъ чиновникъ.

— Что же, прочти,—попросилъ я.

— Ну, ихъ!..

— Да не ломайся!—толкнулъ его купчикъ.

Гимназистъ началъ неохотно.

Прошла камель!
О люди, люди-братья,
Ей вслѣдъ вы будете ужель,
Какъ прежде, посылать проклятья
И покупать, какъ дѣлали досель,
Ея продажныя объятья!
Прошла камель!.. Она...

Я не выдержалъ и невольно расхохотался. Гимназистъ умолкъ и сконфузился. Онъ быстро налилъ себѣ вина и выпилъ.

— Чего ты, читай дальше!—кричалъ купчикъ.

Гимназистъ махнулъ рукой.

— Необразованность ты!—пробормоталъ онъ.

— А у тебя талантъ есть,—замѣтилъ я въ утѣшеніе гимназисту.

— Свой-то талантъ въ здѣшнемъ кабакѣ въ закладъ не оставь!—угрюмо отвѣтилъ онъ.—Ной пѣтухомъ!—крикнулъ онъ чиновнику.—Скуку нагнали!.. Придутъ, да важничаютъ, словно безъ нихъ тутъ плакали!

Онъ, видимо, злился на меня. Я притихъ, мнѣ стало жаль

Digitized by Google

его. Выпивъ еще немного вина, я простился съ пріятелями и ушелъ.

Мнѣ было тяжело и горько. Шванвичъ-Родзевичъ и отставной гимназистъ были мои первые литературные знакомые.

«Что же это—предостереженіе или предзнаменованіе?»—думалось мнѣ, и я опять упалъ духомъ, былъ такою же тряпкой, мокрою курицей, какъ на пирушкѣ портного.

«Спьяна вѣрно,—разсуждалъ я.—Подлая ужъ такая натуришка. А можетъ, и не спьяна... Можетъ, и есть отчего падать духомъ?.. Нѣтъ же, ты увидишь, ты увидишь... я не то, что онъ... не то, бра-тъ!»

Я силился и никакъ не могъ объяснить, что я. Впрочемъ, можетъ-быть, я и объяснилъ, но мой слушатель или ничего не понялъ, или не хотѣлъ отвѣчать. Это меня оскорбило, и я началъ плакать и обнимать своего слушателя, но онъ оставался холоденъ и къ моимъ объятіямъ. Тогда я рѣшился поколотить его и плюнуть на это безчувственное животное.

— Держи крѣпче, не то убѣжитъ!—кто-то насмѣшливо крикнулъ мнѣ.

Я отшатнулся и увидѣлъ, какъ сквозь какой-то туманъ, что я стою у уличнаго фонаря, съ которымъ я, должно-быть, бесѣдовалъ довольно долго о горькой участи русскаго писателя.

XII.

— Довольно, Александръ Николаевичъ, довольно. Пора тебѣ и остепениться, пора приняться за работу... Деньги уплываютъ, какъ вода, время летитъ стрѣлою, а ты еще и за перо не брался... Время успокоиться, засѣсть дома, засѣсть одному, въ тишинѣ... И тебѣ ли не работать теперь? У тебя тепло, свѣтло, ты сытъ, ты одѣтъ... Вспомни, удавалось ли тебѣ хоть когда-нибудь жить въ такомъ раю?.. При такихъ ли условіяхъ началъ ты работать?..

Такъ увѣщевалъ я себя, посѣтивъ и вертепъ, и галлерею Александринки, и галлереи Эрмитажа, и Эльдорадо и... Да мало ли какія мѣста посѣтилъ я, поддавшись массѣ новыхъ впечатлѣній и гонимый наплывомъ внутренняго блаженства въ объятія людей. А такъ какъ въ столицѣ у меня не было никого знакомыхъ, такъ какъ къ «порядочнымъ» людямъ не войдешь прямо въ домъ и не скажешь, что, молъ, я счастливъ и хочу васъ обнять, расцѣловать, подѣлиться съ вами своимъ блаженствомъ, то приходилось идти къ «непо-

Digitized by Google

рядочнымъ» людямъ, а если нельзя было имъ разсказывать о своемъ счастьи, то можно было съ ними пить, обниматься и цѣловаться. Мы, бурсаки, вообще любимъ товарищество, любимъ быть съ людьми на распашку, любимъ дѣлиться съ ближнимъ горемъ, и радостью. Хороша или нѣтъ эта черта— не знаю, то она прививается къ намъ среди затворнической жизни, среди холодно относящагося къ намъ остального общества, среди бѣдъ и лишеній, испытываемыхъ нами, и такъ или иначе мы рвемся къ людямъ, съ которыми можно бы отвести душу. Одиночество, невозможность сообщить свои чувства ближнимъ нагоняетъ на нашего брата ту мертвящую тоску, то похоронное настроеніе, при которыхъ люди дѣлаются нерѣдко пьяницами, мрачными и неизлѣчимыми пьяницами; эти люди пьютъ, не развеселяясь, пьютъ, не останавливаясь, рюмку за рюмкой до безпамятства, послѣ котораго тотчасъ же начинаютъ снова пить.

Я боялся этого пьянства. Въ теченіе трехъ лѣтъ моей нищенской жизни, я уже два раза предавался подобному пьянству. Тогда я говорилъ: «Ну и пусть сопьюсь, пусть сопьюсь, однимъ будетъ меньше!» Теперь оно пугало меня, теперь мнѣ улыбалось будущее: я стоялъ «на пути къ извѣстности». Я зналъ, что трудъ, дорогой и любимый трудъ, спасетъ меня отъ этой щемящей тоски одиночества, а потомъ— потомъ обзаведусь близкими пріятелями, честными людьми-тружениками, и поплетемся мы вмѣстѣ впередъ, дѣлясь и надеждами, и печалями, и промелькнутъ мои студенческіе годы, какъ птицы, а можетъ-быть, еще попадется навстрѣчу женщина, молодая, добрая, умная... Да, да, мнѣ нужна хорошая и умная подруга. Я до сихъ поръ скитался среди погибшихъ людей, я только сталкивался съ неразвитыми, съ падшими, жалкими женщинами. Я не могъ ихъ любить, онѣ мнѣ были то жалки, то гадки. Иногда мнѣ было совѣстно, что и я иду къ нимъ, понимая всю гнусность этихъ отношеній, продажи и покупки человѣческой личности. Отбиться же отъ этихъ отношеній, столкнуться съ иными женщинами можно только при помощи упорнаго труда, когда моя жизнь пойдетъ правильнѣе, когда я буду въ состояніи, не краснѣя за себя, войти въ порядочныя семьи, въ честные дома.

За работу, за работу!..

XIII.

Я принялся за вторую часть моего романа...

Digitized by Google

Работа шла гораздо хуже, чѣмъ я ожидалъ. Что это? Неужели талантъ измѣняетъ? Или есть какія-нибудь постороннія причины.

Я началъ ихъ искать, онѣ нашлись...

Комната, нанятая мною, находилась между хозяйскимъ помѣщеніемъ и комнатою какой-то одинокой швеи. За комнатою швеи находилось помѣщеніе двухъ молоденькихъ братьевъ Сизовыхъ, мелкихъ чиновниковъ. Рано утромъ будили меня однообразные звуки машинки, на которой шила швея; этимъ звукамъ вторила голосистая канарейка. Ужъ въ первые дни работы меня очень сердило это обстоятельство, потому что приходилось вставать ранѣе обыкновеннаго, что было особенно непріятно, такъ какъ я въ эти дни возвращался довольно поздно домой или, сидя дома, засиживался за полночь надъ второй частью романа, которую безплодно торопился окончить. Но это было не одно неудобство моей комнаты. Въ первый же день изъ спокойныхъ дней, когда я не былъ ни въ вертепѣ, ни въ Эльдорадо, ни въ театрѣ, ни въ Эрмитажѣ, я познакомился и съ жизнью въ хозяйскомъ помѣщеніи. Около пятаго часа за стѣной въ хозяйской комнатѣ послышался дѣтскій голосокъ, торопливо и безостановочно повторявшій: «З'емъ, тю емъ, иль емъ, ну земонъ, ву земе, иль зомъ». Затѣмъ снова шло: «З'емъ, тю емъ, иль емъ» и т. д., не прерываясь, не останавливаясь. Это была своего рода машинка. Черезъ нѣсколько минутъ къ голосу дѣвочки присоединился голосъ мальчика.

— Ну, чего локти-то, сорока, распустила, весь столъ заняла! Пусти! Приготовлять уроки надо,—сердито проговорилъ онъ.

— Мало лазвѣ тебѣ мѣста, чего толкаешься,—обидчиво произнесла дѣвочка, на минуту переставъ спрягать несчастный глаголъ, и потомъ снова залепетала: «З'емъ, тю емъ».

Съ минуту было слышно, какъ шумно усаживался мальчикъ, швыряя на столъ книги.

— Mensa, mensae, mensae, mensam,—послышался его голосъ и слился съ голосомъ дѣвочки.

Раздался чей-то продолжительный зѣвокъ и заскрипѣла кровать.

— Очухался!—сердито проворчалъ грубый женскій голосъ.

— Славно соснулъ,—послышался мужской голосъ, сопровождаемый новымъ зѣвкомъ.

— Тебѣ бы только спать: и днемъ спишь, и ночь дрыхнешь...

— Поздно ложусь...

Digitized by Google

— Ну да, поздно ложишься, зато днемъ спишь!

Наступило молчаніе, прерываемое звуками: «з'емъ, тю емъ», «mensa, mensae»...

Вдругъ неожиданно за стѣной что-то взвизгнуло, точно пробкой провели по стеклу, потомъ пронеслось что-то похожее не то на плачъ грудного ребенка, не то на мяуканье кошки, и чрезъ минуту я уже ясно различалъ, что кто-то пробуетъ скрипку, скверную разбитую скрипку. Это были рѣжущіе ухо, доводящіе до нервнаго раздраженія дисгармоническіе звуки. Они раздавались медленно, изумляя неожиданностью. Дѣтскіе голоса сдѣлались громче: они, казалось, хотѣли заглушить эти звуки, вѣроятно, мѣшавшіе имъ заниматься.

— Ты чего пилишь-то безъ нужды? Сыгралъ бы хоть что-нибудь,—промолвилъ женскій голосъ.

— Настроить надо,—отвѣтилъ мужской голосъ.

— Только и умѣешь, что настраивать...

Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ настраиванья скрипки, сопровождаемаго спряженіемъ французскаго глагола и склоненіемъ латинскаго имени существительнаго. Наконецъ, настраиванье кончилось и раздались звуки «Лучины». Дѣти уже не лепетали, а кричали свои «з'емъ» и «mensa». А «Лучинушка» все ныла и ныла, точно за душу тянула, наконецъ, она, должно-быть, окончательно растрогала женщину, и я ясно разслышалъ, какъ сиповатый женскій голосъ началъ подтягивать:

Бе-ре-зо-вая!

Квартетъ выходилъ убійственный. Вдругъ за стѣной, отдѣлявшей меня отъ швеи, раздавался знакомый мнѣ стукъ: «ту-ту-ту!», кто-то часто-часто и ровно колотилъ маленькимъ молоточкомъ по столу. Я вскочилъ съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

«Это чортъ знаетъ, что такое!.. Какая же есть тутъ возможность работать,—думалъ я въ волненіи.—Да тутъ никакой геній ни одной строки не напишетъ...»

А за стѣной все тукаетъ машинка, все слышится: «з'емъ» и «mensa», и все тянется!

Во-дой за-ли-ла...

— Нѣтъ! завтра же отыщу новую квартиру! Тутъ совсѣмъ пропадешь!.. Нужно выйти, провѣтриться!..

Я поспѣшно одѣлся и вышелъ. Въ театръ идти было уже поздно, и я началъ бродить по улицѣ. Тоска страшная. Ни

Digitized by Google

одного лица знакомаго. Ни одного дома, съ которымъ были бы связаны воспоминанія, все чужое. И эти высокіе дома смотрятъ такъ важно и холодно, точно чиновныя лица. Нѣтъ ни одного какого-нибудь присѣвшаго на бокъ, словно подпившаго домишка, нѣтъ ни одного размалеваннаго по провинціальному дома, смѣшного, какъ разряженная купчиха. Все солидно, чинно, холодно, сухо.

— Мое почтенье-съ!—вдругъ раздалось надъ моимъ ухомъ. Я посмотрѣлъ на молодыхъ людей, стоявшихъ передо мною, и узналъ своихъ сосѣдей, братьевъ Сизовыхъ.

Я раскланялся.

— Прогуляться вышли-съ?—спросили они.

— Да, надоѣло дома сидѣть...

— Мы вотъ тоже-съ... на барышень вышли посмотрѣть... Это ужасть, сколько ихъ тутъ по Невскому вечеромъ шляется,—говорилъ старшій Сизовъ, Иванъ Ивановичъ.

— Иная ужъ пьяна совсѣмъ, а идетъ,—подхватилъ младшій Сизовъ, Николай Ивановичъ.

— Посмотрите, посмотрите, по холодку-то въ одномъ легонькомъ платьицѣ...

— Душка!—обернулся Иванъ Ивановичъ къ дамѣ въ «легонькомъ платьицѣ».

— Скажите, какіе комплименты разводитъ! — отозвался сиплый голосъ женщины.

— Статскій, дай папироску!—произнесла другая женская фигура, подходя ко мнѣ.

Я далъ ей папироску и обратился къ братьямъ:

— Я домой, до свиданья...

— Да что, и мы идемъ!.. Не стоитъ даромъ-то шляться... Мы пошли.

— Мы теперь, знаете, не при деньгахъ... Конецъ мѣсяца...—объяснилъ младшій изъ братьевъ.

— А съ сосѣдкой нашей познакомились?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— Ничего, дѣвочка хорошенькая-съ! Вонъ братъ Иванъ съ нею ужъ близокъ, счастливецъ!—захлебываясь, проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Вольно же тебѣ робѣть,—презрительно отозвался Иванъ Ивановичъ.—Удивительно онъ, знаете, у меня робокъ. Его и въ Гатчинѣ у насъ дѣвочкой звали. Во время экзаменовъ у него всегда, бывало, лихорадка. Такъ отъ этой самой робости и не кончилъ ученья... А съ женщинами нужна

Digitized by Google

смѣлость. Вѣдь только разъ побѣди, и конецъ, тамъ совсѣмъ ручная сдѣлается...

— А жаль, вчера васъ вечеромъ дома не было, вотъ-то потѣха-съ!.. Вора въ домѣ поймали!..—замѣтилъ младшій братъ.—Весь домъ сбѣжался... зрѣлище, знаете...

— Гдѣ же его поймали?—спросилъ я.

— На лѣстницѣ у насъ тутъ чуланчикъ, знаете, такъ онъ въ этотъ самый чуланчикъ и забрался... Хозяйка туда зачѣмъ-то пошла и задѣла за его ноги. Огня-то не было, темно... Видитъ она, что дѣло плохо: она къ намъ. Вѣдь мужъ-то ея по вечерамъ у Берга и въ Эльдорадо на скрипкѣ играетъ. Только мы изъ мужчинъ и остаемся въ квартирѣ. Мы это вышли и сейчасъ же чуланчикъ на замокъ, а хозяйку откомандировали къ дворнику. Ну, конечно, она это покуда бѣжала да охала,—вся лѣстница узнала о ворѣ. Народу навалило страсть! Едва протискались дворники. И что-жъ вы думаете, онъ-то, воръ-то этотъ самый, притворился спящимъ. Храпитъ себѣ во весь носъ. Стали его будить, не могутъ добудиться. Наконецъ, ужъ дворникъ догадался, началъ его за волосы таскать,—тогда только очухался. Прикинулся пьянымъ; бормочетъ: «Не тронь, спать хочу!» Ужъ было же и смѣху. Дворникъ это его тащитъ, а онъ отбивается. «Пусти, спать хочу», вотъ и все.

— Братъ и гусара ему въ носъ запущалъ,—стерпѣлъ, не открылъ глазъ,—вставилъ младшій братъ.

— Мы послѣ этого, знаете, всю ночь не спали. Всѣмъ это мерещится, что кто-то ходитъ у насъ въ коридорѣ... Никого нѣтъ, а мерещится...

— Да, а каково мнѣ-то было? Я одинъ остался, потому швея уснуть не могла. «Боюсь, говоритъ, одна въ комнатѣ быть», ну братъ и пошелъ къ ней. Я тоже хотѣлъ идти.

— Такъ бы я тебя и пустилъ къ ней! Такихъ-то случаевъ не скоро дождешься! Только ради этого случая я и познакомился, а то только вздыхаешь, какъ встрѣтишь ее, а она потупится, да на томъ и кончалось все...

Мы помолчали.

— А вы на службу опредѣлиться пріѣхали?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, въ университетъ на будущій годъ поступаю.

— Такъ вы еще учиться будете?.. Да вамъ сколько же лѣтъ?—съ изумленіемъ спросилъ Николай Ивановичъ.

— Двадцать два.

— О! Ну я бы, кажется, если бы мнѣ денегъ дали те-

Digitized by Google

перь, не сталъ бы учиться,—воскликнулъ Николай Ивановичъ.—Отвѣчать это профессорамъ, экзамены держать,—а вдругъ нуль получишь или выговоръ какой дадутъ тамъ, со стыда сгоришь...

— Можно и не получать нулей и выговоровъ не заслуживать,—замѣтилъ я.

— Онъ, знаете, въ Гатчинѣ, бывало, чуть спросятъ его что, сейчасъ въ слезы... Такъ за него старшіе все и дѣлали... Любили его, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Да вѣдь, пожалуй, вамъ въ гимназіи экзаменъ держать?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Да!

— Ну, нѣтъ! Ужъ я бы ни за что не сѣлъ на скамью съ мальчиками!.. Стыдно!

— Учиться никогда не стыдно,—отвѣтилъ я прописной истиной.

— Нѣтъ, ужъ какъ хотите, а стыдно, ей-Богу стыдно... Вѣдь въ наши лѣта иной своихъ дѣтей имѣетъ и вдругъ съ мальчиками сѣсть, отвѣчать, какъ это учитель спроситъ изъ ариѳметики тамъ или грамматики... Нѣтъ, право, это со стыда сгорѣть нужно!.. И что вамъ учиться, поступали бы на службу... Вотъ у насъ оклады хорошіе...

— Ну, взгляды у всѣхъ различные! Вамъ учиться стыдно, а мнѣ было бы невыносимо служить, переписывать бумаги и слушать выговоры какихъ-нибудь столоначальниковъ.

— Такъ этакъ и совсѣмъ жить нельзя: вѣдь старшіе-то вездѣ есть. Безъ выговоровъ не проживешь! А потомъ и самъ столоначальникомъ будешь, подчиненные будутъ... Нѣтъ, ужъ безъ начальства нельзя...

— Ну, а мнѣ хочется именно такъ прожить, независимо, идти тѣмъ путемъ, который мнѣ нравится...

— Да, оно, конечно, можно, если есть капиталъ,—согласился Николай Сизовъ.—Будь-ка у насъ капиталы, мы бы показали себя! Уѣхали бы за границу, въ Парижъ это, и въ усъ бы никому не дули!.. Мы и то иногда мечтаемъ съ братомъ... Знаете, когда денегъ это нѣтъ, поневолѣ сидишь дома, ну и придумываешь... Братъ вотъ разъ разсуждалъ, что бы было, если бы его главнокомандующимъ сдѣлали...

— Да и онъ тоже выдумалъ,—обратился ко мнѣ старшій братъ.—Что бы, говоритъ, было, если бы я былъ дѣвушкой?.. Самое лучшее, говоритъ, быть хорошенькой дѣвушкой, потому что ничего не дѣлай, а все тебѣ принесутъ...

Мы дошли до дому и приходилось взбираться на темную

Digitized by Google

лѣстницу, отложивъ разговоръ о мечтахъ братьевъ Сизовыхъ. Въ квартирѣ царствовала мертвая тишина. Распростившись съ братьями Сизовыми, я прошелъ въ свою комнату и зажегъ свѣчу, чтобы работать.

«Да,—подумалось мнѣ:—эти господа отчасти правы: мнѣ тяжело будетъ держать экзаменъ въ гимназіи. Вѣдь понимаешь, что глупо стыдиться того, что учишься, а все-таки... Отвыкъ я отъ ученическихъ отношеній къ учителямъ... Ну, да надо, надо будетъ побѣдить, переломить этотъ ложный стыдъ... Только бы кончить романъ... И что это онъ какъ туго теперь пишется?.. Какъ легко писалась первая часть!.. Квартира здѣсь скверная! Шумятъ кругомъ...»

«Нѣтъ, здѣсь нельзя жить! Тутъ ничего не напишешь»,—думалъ я.

XIV.

Я все ходилъ и ходилъ. Я старался думать о романѣ, а между тѣмъ, мои думы все вертѣлись около моей квартиры, я думалъ о судьбѣ этого трактирнаго музыканта, который цѣлыми днями спитъ, заработавъ вечеромъ и ночью своею игрою нѣсколько копеекъ, о хозяйкѣ, которая бьется, какъ рыба объ ледъ, содержа квартиру и отпуская столъ, о ея дѣтяхъ, которыхъ отдали въ гимназіи, и которыя или не доучатся потому, что у матери не хватитъ средствъ, или потому, что имъ трудно учиться подъ этотъ хаосъ, царствующій въ квартирѣ, о швеѣ, которая такъ неожиданно сошлась съ Иваномъ Ивановичемъ, по случаю забравшагося въ чуланъ вора, и такъ же неожиданно будетъ брошена своимъ обожателемъ, когда она ему надоѣстъ, или когда у нея будетъ ребенокъ, о глуповатыхъ братьяхъ Сизовыхъ, которые покуда не пьютъ и пробавляются легкимъ развратцемъ «подъ рукою» и которые послѣ будутъ и пить, и гулять напропалую—съ горя, со скуки, не дослужившись до 25 рублеваго жалованья.

«Все погибшіе люди,—думалъ я.—Неужели и меня ждетъ то же? Нужно писать и писать... Не должно зарывать своего таланта, онъ, и только онъ, можетъ еще спасти меня... Вотъ, только бы перемѣнить квартиру...»

И вдругъ въ моей головѣ промелькнулъ вопросъ:

«Да что же я все на квартиру сваливаю? Когда же я жилъ лучше? Не у портного ли? не въ семинаріи ли?.. Развѣ тамъ тише, спокойнѣе было, а вѣдь, писалъ же... Да, писалъ! Уже не началъ ли изсякать мой талантъ?.. Что это

Digitized by Google

ы! Да развѣ это возможно... Развѣ я не ловлю на лету смыслъ совершающихся передо мною явленій... Вотъ я могу, хоть сейчасъ, нѣсколькими штрихами, изобразить жизнь всѣхъ моихъ сосѣдей, передать всѣ ихъ характеры, уловить тонкіе оттѣнки ихъ рѣчи, складъ ихъ ума... Талантъ изслякъ! Глупости, глупости! Просто, я усталъ немного отъ новыхъ впечатлѣній, не осмотрѣлся въ новомъ положеніи... Нужно подкрѣпиться!... Нужно быть бодрѣе, смѣлѣе!..

Я подошелъ къ углу, гдѣ у меня стояла бутылка мадеры, и налилъ себѣ полстакана вина. Мои нервы нѣсколько возбудились, и я какъ будто сталъ спокойнѣе, сосредоточеннѣе. Я взялъ тетрадь и началъ писать. Писанье пошло довольно быстро. Мнѣ стало веселѣе. Рука едва успѣвала передавать мысли, образы и картины, мелькавшіе въ головѣ. Иногда я самъ такъ былъ доволенъ написаннымъ, что улыбался или потиралъ руки. Наконецъ, рука начала уставать, я съ трудомъ выводилъ буквы, глаза не видѣли, что я пишу.

Поздно утромъ проснулся я подъ звуки швейной машины. Я лежалъ въ одеждѣ на постели, съ карандашомъ въ рукѣ; около меня лежали листы исписанной бумаги, на столѣ стоялъ подсвѣчникъ съ догорѣвшей свѣчей и пустая бутылка.

«Фью! да я вчера, значитъ, порядочно подвыпилъ,—подумалъ я.—Въ писаньи-то и не замѣтилъ... Надо прочесть, что написалъ-то...

Я умылся, велѣлъ подать самоваръ, собралъ исписанные листы и, прихлебывая чай, сталъ перечитывать написанное. Это были лихорадочныя, страстныя страницы, въ которыхъ мой герой, послѣ долгихъ скитаній, порывался къ честной и плодотворной дѣятельности, прибывъ изъ уѣзднаго города въ столицу. Романъ этого героя—былъ мой романъ. Вся первая часть была, въ сущности, моею автобіографіею. Начало второй было, пожалуй, тоже моей автобіографіей и состояло изъ описанія поисковъ работы. Я только прибавилъ, ради завязки, женскую, свѣтлую личность, которая, бѣжавъ отъ родственниковъ, тоже искала въ столицѣ труда. Написанныя мною вчера страницы заключали именно ту минуту, когда мой герой и моя героиня встрѣтились въ столичномъ омутѣ, въ жалкой квартиренкѣ, нанимаемой героинею отъ жильцовъ. Перечитывая сцену встрѣчи, я инстинктивно почувствовалъ фальшь въ рѣчахъ героя и героини. Это были страстныя, горячія рѣчи,—но, признаюсь, я не слыхалъ, чтобы такъ говорили люди въ жизни. До сихъ поръ, мой герой—это былъ я. Теперь я не узнавалъ въ

Digitized by Google

немъ себя- это уже просто былъ «герой романа», дѣланный, фразистый. Героиня—это уже не была та свѣтлая личность, которую я, когда-то, мелькомъ, видѣлъ въ семьѣ моего любимаго ученика, нѣтъ, это была какая-то дѣва идеальная, какое-то неопшбающееся созданіе, съ затверженными, возвышенными фразами. Въ ней недоставало того недомыслія, да, именно, того *недомыслія*, которое постоянно встрѣчается въ жизни у малоразвитыхъ и только еще стремящихся на лучшій путь людей: она была слишкомъ умна, она говорила такъ, какъ будто всю жизнь посвятила чтенію всеможныхъ тенденціозныхъ романовъ и популярныхъ трактатовъ научнаго содержанія. Это былъ, скорѣе, «критикъ жизни» въ юбкѣ, чѣмъ юная и неопытная провинціалка. Но рядомъ съ этими дѣланными героями стояли—хозяйка квартиры, братья Зайчиковы, сосѣди героини, скрипачъ изъ трактира и это были живыя, дышащія юморомъ, лица. Да, это были живые типы, это были живые люди, я въ нихъ тотчасъ же узналъ своихъ сожителей.

Но что же я буду дѣлать теперь? Мнѣ остается самая трудная часть работы. я долженъ пристроить своихъ—героя и героиню. Сначала, задумывая романъ, я хотѣлъ сдѣлать героя и героиню честными и свѣтлыми дѣятелями, мнѣ, правда, туманно, въ общихъ чертахъ представлялась картина ихъ честной, трудовой и плодотворной жизни. Теперь, когда я подошелъ поближе къ этой части романа, когда меня неотразимо преслѣдовалъ вопросъ: «что же дальше?» когда нужно было отвѣчать на этотъ вопросъ прямо, безъ уловокъ, безъ недомолвокъ,—я сталъ втупикъ. Гдѣ честная и плодотворная дѣятельность? Не сдѣлать ли героя писателемъ? Но гдѣ же, выходящіе изъ одной среды съ моимъ героемъ, писатели, которые могли бы быть названы вполнѣ дѣятелями, а не работниками—изъ-за куска хлѣба? Да, гдѣ же и типы, знакомые мнѣ, съ которыхъ я могъ бы нарисовать этотъ образъ? Я не зналъ еще литературной среды. Не заставить ли героя сдѣлаться новаторомъ, разочаровавшимся въ будничной дѣятельности? Но гдѣ эти новаторы? Каковы они? И какъ же мой герой сдѣлается дѣятелемъ-писателемъ или дѣятелемъ-новаторомъ, когда онъ въ первой части является неподготовленнымъ и только стремящимся къ чему-то лучшему юношей? У меня есть юмористическая жилка, и я сразу почувствовалъ весь комизмъ этого недоучившагося героя, въ качествѣ дѣятеля-писателя или дѣятеля-новатора. Я понялъ, что его «срѣжутъ» на первыхъ

Digitized by Google

его словахъ, что онъ будетъ говорить сумбурныя фразы или, что еще хуже, совсѣмъ не будетъ ничего говорить, а я буду туманно разсказывать, что онъ написалъ великолѣпную статью или устроилъ какое-нибудь «общество, на новыхъ основаніяхъ», умалчивая о томъ, въ чемъ заключалось великолѣпіе его статьи и новость основаній его общества. Но что же дальше? дальше-то что? Ужъ не опредѣлить ли его чиновникомъ въ департаментъ, какъ карателя взяточниковъ... Нѣтъ, Львовъ и графъ Сологубъ предупредили меня.

— Къ вамъ письмо мужикъ принесъ,— послышался голосъ хозяйки.

Я взялъ письмо и велѣлъ подождать посланному.

Письмо было отъ Шепелева. Онъ писалъ мнѣ:

«Многоуважаемый Александръ Николаевичъ!

«Безъ лести говоря, ваше новое произведеніе превосходно. Это не то, что мертвечина нашихъ разлагающихся мышиныхъ жеребчиковъ или потуги нашихъ недодѣланныхъ проповѣдниковъ-молокососовъ. Тутъ жизнь бьетъ въ глаза. Спѣшите представить вторую часть. Первая набрана. Торопимся выпускать слѣдующую книжку. Пришлите, если можно, хоть клочокъ второй части или завезите послѣзавтра свою вторую часть. Премного обяжете.

Преданный Вамъ

Шепелевъ».

— Что же я буду дѣлать?— взволновался я.—Что отвѣчать?.. Надо написать, что послѣзавтра доставлю, что еще не переписалъ, что прихворнулъ.

Я написалъ въ этомъ духѣ отвѣтъ.

Нужно было работать, не отдыхая работать. Я сѣлъ... Писалось вяло... Десять разъ я бросалъ перо, десять разъ передѣлывалъ сцены. Мой герой уже открывалъ третью школу, моя героиня уже проектировала пятую мастерскую, а романъ все не двигался впередъ. И школы, и мастерскія были разорваны и валялись на полу, какъ будто напоминая мнѣ о непрочности у насъ подобныхъ начинаній.

А машинка швеи все стучитъ и стучитъ.

— Хоть бы ушла куда-нибудь къ чертямъ! проворчалъ я.—Вѣдь этакъ совсѣмъ писать нельзя, мысли путаются... И вѣдь, поди, тоже довольна своей судьбою, ждетъ своего Ваню къ вечеру... Нѣтъ, нужно пройтись, освѣжиться...

Я схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ дому. На углу у насъ въ улицѣ винный погребокъ. Я зашелъ въ него, выпилъ рюмку водки и захватилъ двѣ бутылки мадеры.

Digitized by Google

Теперь за работу... И чего я напрягаюсь представить героя и героиню! Какіе они герои? Да и гдѣ эти герои? Гдѣ я ихъ видѣлъ? Просто двумъ молодымъ людямъ побаловаться захотѣлось, ну, и поѣхали въ Питеръ безъ всякой основательной подготовки... Свести ихъ вмѣстѣ, заставить по «любвѣ» пройтись, а затѣмъ и показать, какъ они хнычутъ среди голода и холода, неспособные ни къ какой серьезной дѣятельности. Пусть онъ тише воды, ниже травы сдѣлается, а она дѣтей рожать начнетъ незаконнымъ образомъ... Теперь и нужны не описанія героевъ, а отрицательное отношеніе къ людямъ. Нужно тряпку-человѣка изобразить тряпкой, пусть видятъ, въ какомъ омутѣ стоятъ подобные люди. Пусть они ни на что не надѣются, пусть до отчаянія дойдутъ, глядя на всю пошлость и тряпичность свою, — тогда, авось, что-нибудь и выйдетъ. Съ отчаянія или въ воду бросаются, или героями дѣлаются. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, это великая истина.

Предо мной вдругъ воскресъ цѣлый рядъ погибшихъ личностей, стремившихся когда-то къ чему-то и потомъ тихо спившихся съ круга, отупѣвшихъ въ затхлой атмосферѣ мелкихъ семейныхъ дрязгъ, исподличившихся подъ гнетомъ грошовыхъ нуждъ, очерствѣвшихъ среди голода и холода, среди ежедневныхъ слезъ и криковъ.

— Прочь старое названіе: «На зарѣ!»—мысленно говорилъ я.—Назову свой романъ: «На погостѣ». Это вѣрнѣе... Это мрачнѣе... И какой смыслъ получатъ тогда мои смѣхотворныя сцены! Это будетъ не праздный смѣхъ зубоскала, это будетъ демоническій хохотъ, за которымъ слышны слезы и стоны!.. Да, такова жизнь, будемъ же ее изображать такою.

Я нервно, болѣзненно принялся писать. Я со смѣхомъ, съ болѣзненнымъ смѣхомъ писалъ, какъ герой высокопарно говоритъ героинѣ:

— Будемъ трудиться! Наша жизнь вся въ будущемъ! Мы будемъ сильнѣе вдвоемъ! Мы пойдемъ рука объ руку честнымъ, тернистымъ путемъ и не уступимъ врагамъ ни пяди...

И въ то же время я заставлялъ братьевъ Зайчиковыхъ, съ затаеннымъ дыханіемъ и съ сальными намеками, подсматривать въ щелку на объясненія героя и героини.

— Наша-то неприступная!—хохочетъ одинъ братъ Зайчиковъ.

— Да пусти, ты мѣшаешь!—толкаетъ его другой братъ.—Насмотрѣлся ужъ!..

Digitized by Google

А герой продолжалъ въ томъ же высокопарномъ тонѣ, все съ восклицательными знаками:

— Не бойся, милая! Мы сумѣемъ отдать не даромъ свою жизнь, мы сумѣемъ выйти изъ этой тины раззолоченныхъ тунеядцевъ, непойманныхъ воровъ, забитыхъ тружениковъ и безмолвныхъ рабынь! Выйдемъ побѣдителями, или умремъ честно, не наложивъ на себя ни одного пятна!

— Цѣлуются! — шепчетъ съ сердечнымъ замираніемъ одинъ изъ братьевъ Зайчиковыхъ.

Да, да, нужно обличить это фразерство, нужно свести съ пьедестала и опошлить этихъ недозрѣлыхъ болтуновъ, считающихъ волненія своего девятнадцатилѣтняго сердчишка, сводящіяся на амурныя сцены, за какія-то высшія стремленія! Я писалъ и жадно глоталъ стаканъ за стакановъ. Я былъ веселъ, счастливъ, золъ,—да, радостно золъ: я топталъ въ грязь и героя, и героиню, какъ будто это были мои личные враги... А что же: развѣ и не такъ? Развѣ этотъ герой не я? Развѣ я безсознательно и смутно не ненавидѣлъ себя за неумѣнье иначе развязать свой романъ, развѣ я не проклиналъ еще вчера узкость своего кругозора? Да, я бичевалъ въ своемъ героѣ себя...

А тамъ—какъ мнѣ казалось, гдѣ-то далеко, далеко—ныла скрипка, кто-то сиплымъ женскимъ голосомъ завывалъ: «не брани ме-ня, ро-дна-я», гдѣ-то дѣтскіе голоса зубрили, «з'емъ, тю емъ»... кто-то постучалъ машинкою, тутъ же слышался мужской голосъ, напѣвавшій: «обойми, поцѣлуй». Да, все это было далеко, далеко, дальше той шарманки, которая наигрывала на концѣ двора: «подъ вечеръ осени ненастной», дальше той собаки, которая жалобно и уныло подвывала подъ музыку разбитой шарманки...

Я заканчивалъ вторую часть моего романа.

— За что я любить-то тебя буду?—говорила моя героиня герою. — Другія женщины, какъ сыръ въ маслѣ катаются, въ бархатѣ ходятъ, а я... У насъ жрать нечего!

— Погоди, нельзя же вдругъ,—отвѣчалъ ей мой герой.— Вотъ вчера хотѣлъ сорвать взятку съ купца Синегубова, такъ говоритъ: «Еще мелко плаваете, не по чину брать хотите»... Потерпи, настанетъ и на нашей улицѣ праздникъ!..

Я дописывалъ эти строки и плакалъ, плакалъ неудержимыми слезами, точно въ это мгновенье я самъ, своими собственными руками, срывалъ чистыя, свѣтлыя одежды съ своихъ лучшихъ друзей, забрасывалъ ихъ грязью, оплевывалъ, топталъ ихъ ногами.

Digitized by Google

А впрочемъ, можетъ-быть, я плакалъ потому, что я подвыпилъ...

XV.

Не безъ волненія понесъ я оконченную мною вторую часть романа въ редакцію, точно я боялся, что ее станутъ тутъ же при мнѣ читать и возвратятъ назадъ, какъ вещь никуда негодную. Шепелевъ и Терешинъ, сидѣвшіе въ пріемной, встрѣтили меня очень радостно. Я пожималъ ихъ руки, какъ напроказничавшій школьникъ, и поспѣшилъ заявить, что я все хворалъ, что Петербургъ скверно отозвался на моемъ здоровьи. Я вралъ для того, чтобы оправдать себя за пять дней, просроченныхъ мною въ дѣлѣ доставленія рукописи. Отчасти этою ложью я надѣялся оправдать себя впослѣдствіи, если найдутъ рукопись плохою. «Въ этомъ случаѣ,—думалъ я:—можно будетъ сослаться на болѣзнь, сказать, что не могъ отдѣлать своего произведенія, какъ слѣдуетъ». Не знаю, замѣтили ли Терешинъ и Шепелевъ мое смущеніе, замѣтили ли они, что я слишкомъ усердно смѣялся при ихъ остротахъ, замѣтили ли они, что я самъ напускалъ на себя веселость и старался смѣшить ихъ, но я самъ чувствовалъ, что въ этотъ разъ, несмотря на свою франтоватость и развязность, я выглядѣлъ гораздо фатальнѣе, чѣмъ тогда, когда я стоялъ впервые въ лохмотьяхъ въ этой самой пріемной комнатѣ.

— А о вашемъ разсказѣ есть уже замѣтка, — замѣтилъ мнѣ Терешинъ.—Левчинскій погладилъ по головкѣ!..

Я покраснѣлъ, точно меня дѣйствительно по головѣ погладили.

— Гдѣ это? — спросилъ я, не зная, кто такой Левчинскій, и гдѣ онъ пишетъ.

— Въ «Трутнѣ», онъ тамъ подъ именемъ «Новаго критика» пишетъ.

— А вы еще не знаете этого господина? — спросилъ Шепелевъ. — Этотъ человѣкъ философскій камень открылъ. *Изъ ничего* золото дѣлаетъ.

Шепелевъ не сказалъ *изъ ничего*, а выразился, по своему обыкновенію, болѣе сильно, хотя и менѣе прилично.

— Да, батюшка, вся-то цѣна человѣку грошъ,—съ пренебреженіемъ, почти съ омерзеніемъ замѣтилъ Терешинъ: — а онъ деньгу зашибаетъ и капиталы наживетъ, помяните мое слово, наживетъ!

— Еще бы! Ему ото всего доходъ, — замѣтилъ съ ядо-

Digitized by Google

витой усмѣшкой Шепелевъ.—Въ театръ жену и ребятишекъ свозить — сейчасъ статья о театрѣ, актеровъ разругаетъ, автора отхлещетъ — глядишь, ложа и окупилась. На дачу переѣдетъ — сейчасъ фельетонъ о дачѣ, дачниковъ продернетъ, владѣльцамъ дачъ нотацію прочтетъ, смотришь, за дачу деньги и добыты. Книжка журнала выйдетъ, и то хлѣбъ: лѣнь ему ее читать всю, прочтетъ одинъ романъ, разскажетъ его своими словами, ругнетъ въ концѣ автора, и гонораръ получитъ; не хочется романа читать, разворотитъ каждую статью, гдѣ попало, выудитъ нѣсколько фразъ отовсюду, приправитъ выписки поученіями или шуточками, и опять за гонораромъ руку протягиваетъ.

— А вѣдь смотрѣть не на что, — замѣтилъ Терешинъ: — лбишка сплюснутый, узенькій, пошлая рожица такая, ни одной мыслишки въ головѣ нѣтъ...

— Да на что ему умъ, онъ по трафарету пишетъ,—съ комической серьезностью замѣтилъ Шепелевъ.—У него ужъ на пять мѣсяцевъ, говорятъ, статей заготовлено, только пустыя мѣста оставлены для вставокъ. Вставки-то ужъ безъ него дѣти дѣлаютъ. Вырѣжутъ эти разныя мѣста изъ журналовъ и вставляютъ. Ничего, забавно выходитъ...

Всѣ засмѣялись, и угреватый секретарь редакціи громче всѣхъ.

— Да, батенька, это совсѣмъ новый сортъ честныхъ дѣятелей,— мрачно и не безъ злобы произнесъ Терешинъ. — Это не Булгарины, это не Вонйковы, это не Сенковскіе,— это литературные жиды. Дала имъ мать-природа крохотный умишка и сказала: будь на этотъ умишка и сытъ, и одѣтъ, и богатъ, и дѣтямъ состояніе составь. Ну, они и пускаютъ въ оборотъ этотъ умишко, ловко пускаютъ, не обременяя его ничѣмъ: ни злостью, ни любовью, ни сомнѣніями, ни надеждами. Онъ у нихъ вѣчно ясенъ, вѣчно спокоенъ. Сегодня онъ можетъ за прогрессистовъ стоять, завтра за ретроградовъ. Все это для него только денежные обороты. И вѣдь эти люди не разбойники, которые рѣзать пойдутъ на большую дорогу, это не подлецы, которые такъ прямо продадутъ себя за деньги, нѣтъ, это честные оборотливые жиды. Обругаютъ васъ, и вамъ же жмутъ потомъ руку: вѣдь мы не васъ ругали, а ваше произведеніе, мы не человѣка порицали, а литератора — это просто дѣло коммерческое.

— У него вонъ и дѣти ужъ знаютъ, что папаша живетъ журналами и газетами, — съ обычной ѣдкой серьезностью замѣтилъ Шепелевъ.—Былъ я какъ-то у него, слышу, ма-

Digitized by Google

ленькая его дочь говоритъ брату: «Ты что газеты лѣешь, папаша ихъ почитаетъ и сляпку мнѣ новую купитъ»...

Я смѣялся.

— Сплетникъ онъ, хуже всякой черносалопницы,—вскользь замѣтилъ, нахмуривъ брови, Терешинъ и всталъ.—Вамъ, батенька, деньги не нужны ли?—спросилъ онъ болѣзненнымъ тономъ.

— Нѣтъ, я подожду до выхода книги,—въ смущеніи отвѣтилъ я.

— Чего ждать-то? Книга не завтра, такъ послѣзавтра выйдетъ, а вамъ только лишній разъ идти за деньгами придется. Получайте-ка!

Мнѣ выдали около 160 рублей. Эти деньги были кстати, такъ какъ мнѣ нужно было теплое пальто, нужно было отдать за квартиру, нужно было добавить бѣлья, а денегъ уже не было. Я вышелъ изъ редакціи въ веселомъ настроеніи: у меня были деньги, обо мнѣ написали похвальную замѣтку. Я уже почти пересталъ бояться даже за вторую часть романа. Закупивъ, что было нужно, я поспѣшилъ обзавестись необходимыми книгами; заглянувъ въ эти книги, я увидалъ, что я порядкомъ таки перезабылъ даже и то немногое, чему учился въ семинаріи. Нужно было порядочно приналечь на ученье. Дня четыре я провелъ дома, только по вечерамъ иногда посѣщая галлерею Александринки. На пятый день я получилъ коротенькое письмо отъ Терешина, приглашавшаго меня къ себѣ на обѣдъ. Я отвѣтилъ, что буду. На слѣдующій день, прифрантившись, то-есть, напомадивъ волосы сильно пахучей помадой, надѣвъ свои «колеса французскаго золота», нѣсколько уже полинявшія, и повязавъ на шею купленный въ Пассажѣ пестрый галстукъ, я отправился къ Терешину. Мнѣ казалось, что я одѣтъ щегольски. У Терешина еще никого не было. Я не зналъ, что въ Петербургѣ порядочные люди обѣдаютъ поздно, и что гости, приглашенные на обѣдъ, не забираются слишкомъ рано туда, куда ихъ приглашаютъ, а стараются какъ можно позже доставить хозяевамъ неудовольствіе своимъ присутствіемъ. Терешинъ принялъ меня радушно и весело. Онъ былъ въ ударѣ, какъ это всегда бывало въ тѣ дни, когда у него были гости. Онъ словно помолодѣлъ на десятокъ лѣтъ. Онъ отрекомендовалъ меня своей женѣ, хорошенькой молоденькой институткѣ, походившей на фарфоровую куклу, на этажерочное украшеніе. Она замѣтила, что она читала исторію de ce pauvre Аксенъ и даже плакала.

Digitized by Google

— Но зачѣмъ у васъ тамъ любви нѣтъ?—наивно спросила она.

— А потому же, матушка, почему у тебя сѣдыхъ волосъ нѣтъ,—довольно грубо отвѣтилъ за меня Терешинъ.—Она у меня все французскіе романы изучаетъ,—махнулъ онъ рукою и заговорилъ со мною о новыхъ литературныхъ явленіяхъ, не обращая никакого вниманія на жену.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ своею твердою, деревянною походкою Шепелевъ, закинулъ назадъ голову, съ pince-nez на носу, глядя на всѣхъ какъ-то черезъ голову, и за нимъ сѣменила ногами какая-то мизерная фигурка не то съ злою, не то съ холопскою улыбкой. Фигурка что-то съ жаромъ объясняла Шепелеву; онъ слушалъ ее, поднявъ высоко брови. Съ перваго раза можно было подумать, что эти были директоръ департамента и его секретаришка.

— Левчинскій,—тихо шепнулъ мнѣ Терешинъ и, переваливаясь, заковылялъ навстрѣчу пришедшимъ.

Онъ пожалъ руку Шепелеву и проговорилъ Левчинскому:

— А, батенька, здравствуйте! Какъ живете-можете?

— Ничего-съ, понемногу!.. Вотъ мы сейчасъ разговаривали съ Василіемъ Ѳедоровичемъ...

— То-есть, это онъ разговаривалъ, а я слушалъ,—грубо вставилъ Шепелевъ.

Левчинскій усмѣхнулся.

— Точность любитъ,—не безъ ядовитости замѣтилъ онъ, дѣлая какой-то жестъ красивой, тонкой рукой.

Онъ постоянно называлъ Шепелева въ глаза «директоромъ литературнаго департамента».

— Объ чемъ вы это разсказывали?—спросилъ Терешинъ.

— О новомъ романѣ Зимина. Это Богъ знаетъ, что такое! Развѣ это люди? Гдѣ онъ такихъ людей видѣлъ? Гдѣ такъ говорятъ?

Левчинскій пожималъ плечами и возводилъ своими красивыми руками, сильно рисуясь и горяча себя.

— Да, насиженное,—замѣтилъ Терешинъ.—А вѣдь талантъ былъ, большой талантъ былъ. И какой честный человѣкъ! Исковеркали только его,—обратился ко мнѣ Терешинъ и отрекомендовалъ меня Левчинскому.

Левчинскій небрежно пожалъ мнѣ руку и промолвилъ:

— Мы уже отчасти знакомы: я писалъ о господинѣ Аристидовѣ. Вы очень недурно очертили типъ деревенскаго мальчугана,—замѣтилъ онъ мнѣ совсѣмъ не тѣмъ заискивающимъ тономъ, какимъ говорилъ съ Шепелевымъ и Тере-

Digitized by Google

нинымъ.—Даже лиризмъ у васъ тутъ вышелъ кстати,—закончилъ онъ съ нѣсколько презрительною усмѣшкою.

Онъ поощрялъ меня нѣсколько свысока, и я совсѣмъ сконфузился.

— Вы читали произведенія-то Зимина?—спросилъ меня Терешинъ, кажется, замѣтивъ, что мнѣ неловко слушать покровительственныя похвалы Левчинскаго.

— Да, читалъ,—отвѣтилъ я.—Есть мѣста, выхваченныя изъ жизни, есть страницы, написанныя искренно и задушевно...

— Все это надуманное,—вставилъ небрежно Левчинскій, готовый всегда ругать Зимина у Терешина въ домѣ, такъ какъ Зиминъ не работалъ у Терешина въ журналѣ.

Но Терешинъ не обращалъ вниманія на замѣчанія Левчинскаго и продолжалъ говорить со мною.

— Да, да, есть искры таланта и теперь,—говорилъ онъ.—А что могло бы выйти, если бы онъ велъ иную жизнь! Что могло бы выйти!.. Вѣдь вы только то подумайте, батенька, что этотъ человѣкъ пять лѣтъ изъ своего угла не выходитъ. Заперся со своею женою, никого не видитъ, ничего не читаетъ, никуда не выѣзжаетъ.

— На свѣтъ сердится,—вставилъ съ ядовитой усмѣшкой Левчинскій, вздергивая плечами.

— Непосредственная натура,—замѣтилъ угрюмо Шепелевъ.—Сердится и сидитъ дома, а тутъ-то бы и нужно идти лизать руки у свѣта, или въ его карманъ грабительскую лапу запускать. Чувствуй, молъ, я сердитъ на тебя.

— Это положительно идеалистъ новаго рода,—продолжалъ Терешинъ объяснять мнѣ.—Онъ ясно видитъ пороки людей, ясно сознаетъ нелѣпость, глупость существующихъ отношеній, и хочетъ нарисовать картину лучшей жизни, сидя въ своей кельѣ на Гороховой улицѣ. Ну, конечно, порскито, которые онъ описываетъ на память, выходятъ у него такіе мелкіе да жалкіе, что его злодѣи скорѣе смѣшны, чѣмъ страшны, а новая-то жизнь, нарисованная въ отшельничествѣ, происходитъ какъ будто внѣ времени и пространства, между добродѣтельными героями, на которыхъ не вліяютъ ни голодъ, ни холодъ, ни будочники, ни исправники, ни охраняющіе порядокъ законы. Ему ничего не значитъ устроить разводъ жены съ мужемъ, заставить жену жить своимъ трудомъ, да еще помогать изъ трудовыхъ денегъ ближнимъ, устраивать великія предпріятія, никогда не родятся у нея дѣти, покуда она не сочетается вторымъ за-

Digitized by Google

конным бракомъ, или покуда не будетъ въ состояніи содержать и воспитать ихъ.

— Это просто подло поощрять людей къ борьбѣ, рисуя борьбу такой легкой,—началъ, сильно жестикулируя, Левчинскій.

— Ну, батенька, загорячились вы. Кто говоритъ искренно, тотъ не подлецъ! Онъ, можетъ-быть, ошибается,— перебилъ его Терешинъ.

— Вотъ вы и объяснили бы его ошибку,—замѣтилъ насмурно Шепелевъ:—вмѣсто того, чтобы ругать его.

— Блудному сыну не въ пользу богатство: сколько ни объясняй не пойметъ,—пренебрежительно пожалъ плечами Левчинскій.

— Да развѣ вы лично для него пишете?—спросилъ Терешинъ.—Кто желаетъ бороться противъ извѣстныхъ идей, тотъ долженъ противопоставлять имъ свои идеи, которыя онъ считаетъ болѣе вѣрными, болѣе полезными.

— Не выгодно, труда много,—замѣтилъ Шепелевъ:—да еще и впросакъ попасть можно, какъ вдругъ станешь спорить, что Рейнъ течетъ не въ Африкѣ, и укажешь, что онъ протекаетъ въ южной Америкѣ.

— Это выйдетъ въ родѣ того,—вставилъ я:—какъ при мнѣ франтоватая писарьша спрашивала солдатика, гдѣ онъ стоитъ. Въ Рамбовѣ,—отвѣтилъ солдатикъ.—А-а! въ Арембамѣ,—поправила писарьша.

Всѣ усмѣхнулись. Въ это время начали прибывать другіе гости, и скоро всѣ усѣлись за столъ. Общество состояло изъ литераторовъ и нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, знакомыхъ хозяина. Повидимому, связи между этими людьми не было никакой, и обѣдъ походилъ сначала на какіе-то поминки. Всѣ говорили шопотомъ съ своими сосѣдями, общей темы разговора не было. Только послѣ третьяго блюда, когда было выпито изрядное количество вина, Шепелевъ и Терешинъ начали разсказывать разные анекдоты, вызывавшіе смѣхъ присутствующихъ, а Левчинскій сталъ сообщать какую-то ходившую по городу сплетню объ одномъ отсутствующемъ лицѣ—это заняло общество еще болѣе, и каждый спѣшилъ вставить свое замѣчаніе насчетъ того, какъ и почему случился грязненькій фактъ съ тѣмъ лицомъ, о которомъ говорили. Потомъ истощилась и эта тема, и гости опять начали разговаривать съ своими сосѣдями, но уже не шопотомъ, а вслухъ, шумно споря и жестикулируя руками. Я искренно скучалъ, такъ какъ у меня не было знакомыхъ, и ко мнѣ, собственно, никто не обращался съ разговорами. Изъ всѣхъ

Digitized by Google

гостей со мной перебросился нѣсколькими фразами только Аркадій Ѳедоровичъ Ивановъ, занимавшійся библіографическими замѣтками въ журналѣ Терешина. Это былъ тучный, обрюзгшій господинъ, державшій собя очень сдержанно и холодно въ началѣ обѣда и говорившій почти исключительно со мною. Его большая и красивая голова, съ остатками вьющихся волосъ, блестѣвшихъ легкой просѣдью, сразу остановила мое вниманіе. Въ ней было что-то патріархальное. Большой открытый лобъ, губокая морщина между сдвинутыми густыми бровями, отечески строгое и въ то же время добродушное выраженіе уже потускнѣвшихъ глазъ, все въ этомъ крупномъ лицѣ было крайне симпатично. Мнѣ сразу понравилось въ Ивановѣ даже и то, что по его лицу не проскользнуло ни одной улыбки, когда Терешинъ и Шепелевъ вызывали всеобщій смѣхъ своими остротами. Къ концу обѣда онъ началъ все чаще и чаще подливать себѣ и мнѣ вина и, между прочимъ, замѣтилъ:

— Не люблю я этихъ офиціальныхъ обѣдовъ. Всѣ враждебно смотрятъ другъ на друга, всѣ скучаютъ, а между тѣмъ всѣ стараются казаться веселыми и поддѣлываются къ хозяину.

Какъ только кончился обѣдъ, я поспѣшилъ уйти. Мнѣ было несносно среди этого чуждаго мнѣ общества. Ивановъ тоже взялся за свою широкополую, измятую шляпу, напоминавшую фасономъ шляпы итальянскихъ бандитовъ. Онъ немного пошатывался въ стороны.

— Намъ по дорогѣ,—сказалъ онъ мнѣ.

— Я живу въ Николаевской,—замѣтилъ я

— Все равно, по дорогѣ,—отвѣтилъ онъ нетвердо, но настойчиво.—Мнѣ теперь вездѣ по дорогѣ.

Онъ махнулъ рукой и усмѣхнулся какой-то добродушной, но невеселой улыбкой. Мы пошли.

XVI.

— Зайдемте,— промолвилъ Ивановъ, указывая на трактиръ, мимо котораго мы шли.—Въ горлѣ что-то пересохло... Вѣчно на этихъ обѣдахъ выпьешь столько, что потомъ нужно допить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ... И зачѣмъ это насъ-то приглашаютъ, развѣ мы имъ нужны?..

Я машинально послѣдовалъ за нимъ. Трактирная прислуга низко раскланялась съ Ивановымъ.

— Меня здѣсь всѣ знаютъ... Какъ дома тутъ,—не безъ грустной иронiи замѣтилъ онъ, сбрасывая пальто. — Митя, шартрезки,—обратился онъ къ половому.

Digitized by Google

— Бутылочку-съ?—спросилъ половой.

— А ты думалъ: наперсточекъ? — усмѣхнулся Ивановъ и, пошатываясь, прошелъ со мною въ комнату, гдѣ былъ органъ. Тамъ было совершенно пусто. Мы сѣли на диванъ и закурили папиросы. Намъ подали шартрезъ.

Братья-писатели, въ вашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое!

продекламировалъ Ивановъ, наливая рюмки.—Это, братъ, напъ великій Некрасовъ сказалъ!—промолвилъ онъ торжественно.

Его начиналъ-въ теплѣ, послѣ мороза, разбирать хмель.

— Только вретъ онъ. Политической экономіи онъ не знаетъ—вотъ что! Не въ нашей судьбѣ лежитъ что-то роковое, а въ судьбѣ каждаго неподготовленнаго къ дѣлу труженика,—проговорилъ онъ.—Да, писатель—это тоже работникъ, но самый несчастный работникъ, не прошедшій школы у мастера, и пьетъ онъ, подлецъ, какъ бочка, пьетъ съ горя...

Онъ помолчалъ и дотянулъ рюмку.

— Пей! Еще налью! — обратился онъ ко мнѣ, вдругъ перешедши со мною на «ты». — Затрудненія, нападки общества. Да это что! Внутри разладъ — вотъ что скверно. Литература—это фабрики, лавочки... Хозяева конкурируютъ, работники конкурируютъ... Перешелъ ты къ новому хозяину — старый тебя марать начинаетъ, его холопы-работники косятся на тебя. Въ своемъ кружкѣ подкапываются подъ тебя, если ты много занимаешь мѣста своими статьями, если ты болѣе искусный работникъ и грозишь сдѣлаться руководителемъ... Не сошелся ты съ кѣмъ-нибудь изъ собратьевъ, онъ на тебя клевещетъ, онъ тебя хочетъ съ лица земли стереть... И вѣдь это не за кулисами гдѣ-нибудь, не въ своемъ муравейникѣ, а публично... Другіе работники поѣдаютъ другъ друга, въ своемъ кружкѣ, а тутъ несется все въ публику, на всю Россію... Читалъ ты, какъ Некрасова и Тургенева ругали когда-то? И кто ругалъ?.. Не враги, нѣтъ, тѣ, которые долго съ ними работали... И за что? За перемѣну убѣжденій въ ихъ статьяхъ? Нѣтъ, изъ-за личныхъ дрязгъ... А Гоголя-то, Гоголя-то нашего въ грязь какъ топтали!.. Или возьми ты Бѣлинскаго, плакали о немъ потомъ, а кто плакалъ? Тѣ самые негодяи, которые мѣшали его съ грязью... И не стыдятся, не краснѣютъ — изъ-за куска хлѣба все, ради мелкаго самолюбьишка все... Это взяточники и кулаки въ области мысли... Выпьемъ!

Выпили.

Digitized by Google

— И какіе мы работники,—продолжалъ онъ.—Слесарь, сапожникъ, столяръ — мальчишками обучаются своему мастерству, а какъ мы подготовляемся къ дѣятельности? Не кончилъ курса гдѣ-нибудь въ низшемъ училищѣ, остался за штатомъ въ департаментѣ, случайно нацарапалъ три стишины—ну, и вали въ литературу—и литераторъ, и писатель, и проповѣдникъ!.. Вѣдь иные правильно писать не умѣютъ, иные ни одного языка не знаютъ, кромѣ русскаго, иные изъ Питера не выѣзжали и не знаютъ Россіи, иные книгъ даже не читаютъ... Вотъ причины внутренней неурядицы... Невѣжество всегда самонадѣянно, невѣжество всегда интригуетъ, боясь за свою участь... Только Фаустъ могъ откровенно сознаться, что онъ не знаетъ ничего, потому что онъ изучилъ все, потому что онъ прошелъ тяжелую школу науки... Зато онъ и не станетъ обрывать Вагнера, онъ видитъ въ немъ труженика, онъ понимаетъ, какъ тяжело этому труженику добиваться истины... Онъ и не боится этого труженика, потому что Фаусту вездѣ будетъ мѣсто... Да... Ты посмотри, съ какимъ уваженіемъ смотритъ спеціалистъ на своихъ начинающихъ собратьевъ, ты посмотри, какъ онъ старается ободрять ихъ въ ихъ первыхъ попыткахъ чему-нибудь научиться, сдѣлать новый шагъ въ ихъ спеціальности... Вотъ отчего между учеными меньше раздоровъ, чѣмъ у насъ... Они коли спорятъ, то спорятъ объ идеяхъ, объ убѣжденіяхъ, а не ругаются другъ съ другомъ изъ-за личностей... Развѣ какой-нибудь Брока отнесется съ бранью къ Дарвину, или какой-нибудь Гексли обругалъ Ляйелля? А ты посмотри на плохого работника, на плохого мастерового, не знающаго ничего,—онъ первый интригуетъ, онъ первый кляузничаетъ, потому что боится потерять мѣсто. Умѣлый работникъ найдетъ мѣсто, ты, братъ, не безпокойся, онъ найдетъ мѣсто, это ужъ помяни мое слово, а неумѣлый, неучъ не найдетъ—нѣтъ, не найдетъ... Да пей, чего ты не пьешь!..

Выпили еще.

— А въ литературу-то и идутъ неумѣлые. Ты думаешь, какой-нибудь фельетонистъ строчилъ бы фельетоны, если бы у него была возможность сдѣлаться директоромъ акціонерной компаніи, съ шести-тысячнымъ жалованьемъ, или жениться на богатой купчихѣ, или получить концессію, или... Ну, понимаешь, если бы у него было умѣнье получать шесть, семь тысячъ въ годъ дохода? Фью, шутишь!.. Пятки бы онъ показалъ литературѣ, а нѣтъ этого умѣнья, ну, и ли-

Digitized by Google

тераторствуетъ... Поучаетъ людей... А чему поучаетъ? Подготовился ли онъ къ этому? Умнѣе ли онъ, чѣмъ другіе? Читалъ ли онъ больше, чѣмъ поучаемые?

Ивановъ выпилъ, уже не приглашая меня.

— Вотъ и ты... Вѣдь ты ничего не знаешь, — вдругъ произнесъ онъ, безцеремонно ударивъ меня по плечу, такъ что я вздрогнулъ.—Талантъ у тебя, талантъ... А на что его станетъ... Сценки подсмотрѣнныя описывать можешь... Слова подслушанныя изображать умѣешь... А дальше-то что? Много ли этихъ сценокъ-то, этихъ словъ-то ты подслушаешь? Кругъ-то наблюденій твоихъ широкъ ли?.. Ну, кого ты знаешь? Поповъ своихъ сельскихъ, мелкихъ чиновниковъ уѣзднаго городишка, купечество провинціальное... Да еще знаешь ли? Можетъ, такъ на улицахъ ихъ видѣлъ... Нѣтъ, чтобы описать ихъ, нужно въ ихъ спальнѣ пожить, въ ихъ кухнѣ потереться, въ ихъ дѣтскихъ присутствовать, съ ними дѣло дѣлать... А вѣдь ты бобыль? А? Бобыль?

Мнѣ вдругъ стало очень грустно, должно-быть, отъ монашескаго напитка.

— Бобыль!—слезливо отвѣтилъ я.

— Ну, вотъ видишь ли! Бобыль!.. И бѣденъ ты... Не отвѣчай! Вижу, что бѣденъ... Ну, такъ гдѣ же ты могъ бывать, гдѣ могъ быть своимъ человѣкомъ, кто могъ пустить тебя залѣзть въ его душу... Не душу ты людей знаешь, а тѣлеса ихъ описывать можешь, одежду ихъ смѣхотворно изобразить можешь, рѣчи ихъ коверканныя передать на потѣху можешь... Смѣяться будутъ! Дураковъ много! «Ишь, забавно какъ пишетъ»,—скажутъ. Шутъ гороховый!.. Ну, а толку-то что? Глубь-то, причины-то безобразій понялъ ли ты?.. Безъ науки-то, безъ знанія-то чужой души могъ ли понять ты эти причины? Нѣтъ, другъ ты мой, не понялъ ты ихъ и не поймешь ихъ... Это ужъ ты такъ и знай, что не поймешь!.. Ты, пожалуй, и смѣшнѣе Гоголя что-нибудь напишешь и Островскаго за поясъ заткнешь звукоподражаніями... А что толку? Тебя-то будутъ читать твои герои и надрывать животики будутъ... А Чичиковы, читая Гоголя, скрежетали зубами... Титъ Титычи изъ смышленыхъ злились на Островскаго. Потому, что эти люди въ душу Чичиковыхъ и Титъ Титычей залѣзли, все смердящее ихъ нутро наружу вывороти ли... А ты только такъ, поверхность схватилъ, да и глумишься надъ нею...

Онъ неожиданно обернулся ко мнѣ и, толкнувъ меня въ плечо, спросилъ:

Digitized by Google

— Ты отчего литераторствовать началъ? Потому что тебѣ жрать нечего? Да? Хорошо! Что же тебѣ дастъ литература? Ну, напишешь ты повѣсть, двѣ повѣсти, а дальше-то что? Гдѣ у тебя матеріалъ для писанія, матеріалъ гдѣ? Нѣтъ его у тебя, и не будетъ его у тебя. Чтобы заработать на хлѣбъ, долженъ ты будешь сидѣть въ своемъ углу, да строчить безъ отдыха повѣстушки, а на наблюденія, на развитіе у тебя и времени не будетъ. Да и что ты можешь наблюдать? Куда тебя, отставного бурсака, примутъ? Въ высшее общество, въ кругъ биржевыхъ тузовъ, въ высшія административныя сферы? Шалишь! Мы не въ Англіи, не во Франціи, гдѣ титулъ писателя—высокій чинъ, у насъ писатель не въ авантажѣ обрѣтается, если онъ не богатъ, не аристократъ, не чиновное лицо, а нищій семинаръ, вонъ въ такомъ пестромъ галстукѣ, въ какой ты нарядился. Ты вѣдь и сѣсть-то въ высшемъ обществѣ не сумѣешь, съежишься, а не то, что наблюдать будешь. Открыты тебѣ только двери разной мелкоты, которую и описывать-то нечего, потому что и весь смыслъ ея жизни — бѣдность да невѣжество. Немного она дастъ тебѣ матеріала для писанья. Ну, а когда исчерпаешь ты этотъ матеріалъ, что тогда? Избирать другую дорогу будетъ поздно, добиваться успѣховъ на другомъ поприщѣ будетъ трудно, и сдѣлаешься ты презрѣнной литературной богемой...

Послѣдній эпитетъ задѣлъ меня за живое, и я чуть не расплакался, подозрѣвая, что «богема» что-то такое очень оскорбительное.

— Богемой?—повторилъ я слезливо.

— Ну да, богемой,—произнесъ Ивановъ, допивая рюмку шартреза. — Ты, поди, и не знаешь, что такое значитъ литературная богема? А литературная богема значитъ литературное цыганство. Чтобы избѣжать его, нужно стать твердо на ноги, прежде, чѣмъ сдѣлаться писателемъ, нужно всесторонне подготовиться къ усиленной литературной дѣятельности, нужно сдѣлаться литературнымъ работникомъ съ спеціальнымъ образованіемъ. Что ждетъ того человѣка, который, никогда не бравъ кисти въ руки, никогда не учившись рисованію, принесъ бы на выставку свою картину и вздумалъ бы жить этимъ трудомъ? Гибель! Что ждетъ того, кто вздумалъ бы, для пріобрѣтенія хлѣба, заняться постройкой домовъ, не имѣя никакого понятія объ архитектурѣ? Гибель! Да что я говорю о высшихъ сферахъ дѣятельности! Возьми ты человѣка, который вздумалъ бы

Digitized by Google

жить сапожнымъ мастерствомъ, не бравъ никогда въ руки шила, не бывши въ ученикахъ у сапожника, не зная ни достоинства кожи, ни цѣнъ на нее,—до чего онъ добился бы? До того, что ему никто не сталъ бы заказывать сапогъ, и погибъ бы онъ съ голоду. А ты писателемъ хочешь быть, литературой хочешь жить, едва научившись грамотѣ! Малаго захотѣлъ! Это не только глупо, это подло, подло!

Я опустилъ въ отчаяніи голову на руки.

— Да ты не сердись, что я тебя ругаю,—сказалъ Ивановъ, толкнувъ меня.—Не ты первый, не ты послѣдній такъ смотришь на писательство, что, молъ, захотѣлъ сдѣлаться писателемъ и пиши. Всѣ и всегда, и вездѣ такъ смотрѣли, только теперь у насъ положеніе-то дѣла измѣнилось. Кто прежде шелъ въ писатели? Богатые дворяне, крупные землевладѣльцы. Такъ они могли идти въ писатели на двадцатомъ году жизни, потому что они и образованы европейски были, и въ дѣдовскихъ библіотекахъ дѣтьми прочли и Вольтеровъ, и энциклопедистовъ, и Байроновъ. Пушкины, Жуковскіе, Лермонтовы, Тургеневы, Герцены, — всѣ эти люди на пятнадцатомъ году знали больше, чѣмъ ты будешь знать на тридцатомъ. У нихъ была подготовительная школа. Да и ремесла они изъ литературы не дѣлали, не для хлѣба насущнаго работали. А теперь не то, теперь идетъ въ литературу ваша братья, голь перекатная, идетъ, чтобы жить литературой, и плохо ей придется безъ всесторонняго образованія, да съ необходимостью писать, писать и писать безъ устали, чтобы не сдохнуть съ голоду. И въ европейской литературѣ голь разная лѣзетъ въ писатели, такъ тамъ другое дѣло. Тамъ образованность — достояніе всѣхъ, тамъ на мѣдные гроши можно всесторонне развиться, потому что тамъ и школа, и книга дешевы. Да что я говорю: тамъ каждая улица, каждая площадь—школа. Тамъ ты въ каждомъ соборѣ исторіи учишься, тамъ каждое историческое зданіе служитъ тебѣ школою искусства, тамъ каждая библіотека—открытая всѣмъ сокровищница знанія. А у насъ? Мы народъ молодой, мы еще не обстроились. Что ты видѣлъ въ своей трущобѣ? Знаешь ты, что значитъ готическая архитектура? что создали въ искусствѣ вѣка Возрожденія? что внесли великіе геніи музыки? что создали Рафаэли, Рембрандты, Теньеры? Ничего ты не видалъ, не слыхалъ, ни надъ чѣмъ ты не задумывался изъ того, что создали вѣка исторической жизни, что было дѣломъ человѣчества. Вотъ, братъ, почему говорю я, что ваша братія, голь пере-

Digitized by Google

катная, проторяющая по грязи изъ какого-нибудь Царевококшайска путь къ извѣстности, проторяетъ путь къ своей гибели и, что еще хуже, къ униженію литературы, къ развращенію общества. Да ты съ твоимъ развитіемъ, съ твоей подготовкой, будь хоть семи пядей во лбу, будешь только лгать обществу, будешь запутывать его понятія, будешь прививать къ нему ложные взгляды. Возьми нашего великаго генія — Бѣлинскаго. Не тебѣ чета человѣкъ былъ, а въ чемъ состояла вся его дѣятельность? Въ отрицаніи того, что онъ говорилъ вчера. Вотъ что сгубило, сожгло его! Началъ съ того, что называлъ Жоржъ-Зандъ вредной писательницей, а кончилъ тѣмъ, что призналъ ее геніальной проповѣдницей великихъ идей; началъ онъ Бородинской годовщиной, а потомъ съ омерзеніемъ открещивался отъ этой статьи. Жизнь человѣкъ провелъ въ томъ, что отрицалъ то, что самъ же прививалъ къ обществу. Этого одного достаточно, чтобы извелся преждевременно человѣкъ. А какой вредъ можетъ принести онъ обществу, отрицая сегодня то, что проповѣдывалъ вчера! Писатель—это духовный врачъ, а врачъ имѣетъ право приняться за свое дѣло, когда онъ знаетъ организмъ человѣка и силу тѣхъ или другихъ медицинскихъ средствъ, если онъ начнетъ свою практику безъ этихъ знаній — онъ будетъ знахаремъ, грабителемъ, отравителемъ, убійцей, чѣмъ угодно, но не врачомъ.

Долго еще говорилъ Ивановъ въ этомъ духѣ, въ его голосѣ слышались и желчь, и слезы. Я уже не слышалъ половины его рѣчей, я уже отчасти не понималъ ихъ смысла. Но я плакалъ, и, Богъ знаетъ, были ли это слезы подвыпившаго человѣка, или слезы человѣка, передъ которымъ открыли страшную картину его будущаго. Я только сознавалъ, что я вдругъ проникся уваженіемъ къ Иванову, полюбилъ его за его страстную преданность литературѣ. Я понималъ, или, лучше сказать, угадывалъ, что онъ говоритъ такъ не спьяна, а что эта горячая любовь къ литературѣ одушевляетъ его всегда и во всемъ, и что самъ онъ тяжелымъ опытомъ дошелъ до сознанія, какая участь ждетъ такихъ писателей, какъ я. И какъ же мрачно, какъ тяжело отозвались въ моемъ сердцѣ его послѣднія слова, сказанныя мнѣ имъ, когда мы прощались:

— Смотри же, подумай хорошенько, прежде чѣмъ одѣлаться цеховымъ писателемъ, и горе тебѣ, если ты сдѣлаешься литературнымъ цыганомъ!

Такъ вступилъ я на путь къ извѣстности...

Digitized by Google

Оглавленіе

VIII ТОМА.

	стр.
Голь. Романъ въ 6 книгахъ.	
Книга первая	5
Книга вторая	64
Книга третья	140
Книга четвертая	254
Книга пятая	348
Книга шестая	453
На пути къ извѣстности. Разсказъ	531

Digitized by Google

Digitized by Google

Книга 21.

Сборникъ „Нивы" за 1905 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ VIII.

Изданіе
А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

☞ **При каждомъ № „НИВЫ“**, независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ**, а новые подписчики, выписывающіе также (за 2 р. 50 к., съ перес. за 3 р.,) **первыя 20 книгъ Шеллера-Михайлова за 1904 г.**, получатъ ихъ при первомъ № „Нивы“ 1905 г. ☜

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1905 ГОДЪ
(36-й годъ изданія)
на еженедѣльный иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

НИВА.

СПЕЦІАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ НА ТЕАТРѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ: академикъ **Н. С. Самокишъ**, художникъ **В. А. Табурнцъ**, фотографъ **В. К. Булла.**

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1905 года:

52 **№№** художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1200 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 **КНИГЪ** „Сборника Нивы“ (каждая отъ 10—15 листовъ, въ общемъ около 8.000 страницъ), отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ПЕРВЫЯ **10** КНИГЪ **М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

(„Губернск. очерки“, „Помпадуры и помпадурши“, „Господа Головлевы“, „Исторія одного города“ и друг.)
(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ пересылкой 21 руб.).
Съ портретомъ автора и „Матеріалами для біографіи“, **К. К. Арсеньева.**

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ОСТАЛЬНЫЯ **30** КНИГЪ **А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА**

(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ пересылкой 27 руб.).
Подъ редакціею и со вступительною статьею **А. М. Скабичевскаго.**

12 **КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“**, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ иллюстраціями.

12 **№№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“**, выходящихъ ежемѣсячно. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 **ЛИСТОВЪ** рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, вышивальныхъ работъ и для выжиганія и до 300 человѣческихъ выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

1 „ОТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1905 годъ, отпечатанный въ 10 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе **„НИВЫ“** со всѣми приложеніями: **БЕЗЪ ДОСТАВКИ:** 1) въ С.-Петербургѣ—**6 р. 50 к.**; 2) **въ Москвѣ** въ конт. Н. Печковской (Петровск. лин.)—**7 р. 25 к.**; 3) **въ Одессѣ** въ кн. маг. **„Образованіе“** (Ришельевская, 12)—**7 р. 50 к. СЪ ДОСТАВКОЮ** въ С.-Петербургѣ—**7 р. 50 к. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ ГОРОДА И МѢСТНОСТИ РОССІИ—8 р.**
За границу — **12 р.**

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

☞ Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1905 со всѣми ея приложеніями, еще **ПЕРВЫЯ 20 книгъ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА за 1904 г.**, доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ С.-Петербургѣ—**2 руб. 50 коп.**, безъ дост. въ Москвѣ и Одессѣ—**2 р. 75 к.**; съ дост. въ СПБ. и съ пересылкой иногороднимъ и за границу—**3 руб.** ☜

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается **безплатно.**

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

Digitized by Google

Книга 22.

Сборникъ „Нивы“ за 1905 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ VIII.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Контора „Нивы“ считаетъ долгомъ обратить вниманіе гг. подписчиковъ на то, что на изготовленныхъ нашею переплетною крышкахъ къ соч. Шеллера, Гейне и Горбунова вытиснена надпись: „Рисунокъ утвержденъ правительствомъ“, и что нашего изготовленія являются только переплеты съ указанной надписью и только того рисунка, который изображенъ на помѣщенныхъ здѣсь снимкахъ. Съ своей стороны, Контора будетъ преслѣдовать законнымъ порядкомъ всякую подѣлку.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

КРЫШКИ НА ПРИЛОЖЕНІЯ „Нивы“ 1904 г.,

изготовленныя изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ красивыми тисненіями золотомъ и краской по рисункамъ художника В. А. Табурина:

7 КРЫШЕКЪ

на 20 первыхъ книгъ полн. собр. сочиненій

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА

(по одной крышкѣ на каждыя 2—3 книги).

Цѣна всѣмъ 7 крышкамъ 1 руб. 75 коп., съ перес. 2 руб. 25 коп.

6 КРЫШЕКЪ

на 16 кн. полн. собр. сочиненій

Г. ГЕЙНЕ

(по 1 крышкѣ на 2—3 книги).

Цѣна 6 крышк. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.

2 КРЫШКИ

на 4 кн. полн. собр. сочиненій

ГОРБУНОВА

(по 1 крышкѣ на 2 книги).

Цѣна 2 крышкамъ 50 к. съ пересылкою 75 к.

Имѣются также въ продажѣ:

1 КРЫШКА НА журналъ „НИВА“ 1904 г.

Цѣна этому переплету на полный томъ журнала за весь годъ—75 к., съ перес. 1 р.

3 КРЫШКИ НА 12 КНИГЪ „Литературныхъ Приложеній“ за 1904 г.

(по 1 крышкѣ на 4 книги).

Цѣна 3 крышкамъ 75 к., съ перес. 1 р.

Выписывающіе **одновременно** крышки на соч. Шеллера, Гейне, Горбунова, на „Ниву“ и „Литературн. приложенія“ платятъ за совмѣстную пересылку лишь **1 руб.**

КРЫШКИ НА „НИВУ“ И ПРИЛОЖЕНІЯ прошлыхъ лѣтъ:

Соч. Чехова
Соч. Гоголя
Соч. Григоровича
Соч. Боборыкина

Цѣна 6 крышкамъ для полнаго собр. сочиненій каждаго изъ означенныхъ 4 авторовъ 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

Соч. Данилевскаго
Соч. Гончарова
Соч. Тургенева

Цѣна 7 крышкамъ для полн. собранія сочиненій каждаго изъ означенныхъ 3-хъ авторовъ—1 р. 75 к., съ перес.—2 р. 25 к.

Соч. Лѣскова
Соч. Достоевскаго

Цѣна 12 крышкамъ для полн. собр. соч. каждаго изъ этихъ 2-хъ авторовъ 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

Соч. Жуковскаго

Цѣна 3 крышкамъ на полное собр. сочиненій 75 к., съ перес. 1 руб.

Цѣна 1 крышки на полный томъ журн. „Нива“ за каждый изъ прошлыхъ годовъ—75 к., съ перес. 1 руб. Цѣна одному комплекту крышекъ на 12 книгъ Ежем. Литер. Приложенія за каждый изъ прошлыхъ годовъ—75 коп., съ пересылкою 1 руб.

Требованія адресовать въ **Контору журнала „НИВА“, СПБ., ул. Гоголя, 22.**

Книга 23.

Сборникъ „Нивы“ за 1905 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ VIII.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., улица Гоголя, 22.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1902 годъ.

Къ тому „НИВЫ“ 1902 г. приложено:

ПЕРВЫЯ 12 томовъ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **Н. С. ЛѢСКОВА,**

(Томы I–XII).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 12 томахъ. **В. А. ЖУКОВСКАГО.**

12 книгъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, содержащихъ: романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ. До 2000 столбцовъ текста.

ЦѢНА тому „НИВЫ“ за 1902 г. со всѣми приложеніями безъ перес. 5 руб., съ перес. (въ Европ. Россію) — 7 руб. Для Аз. Россіи пересылка по почтѣ — за 30 фунтовъ или по жел. дорогѣ. За ящикъ для упаковки 75 коп.

Желающіе имѣть изданіе въ коленкор. переплетахъ благоволятъ сверхъ того прилагать: за переплетъ тома „НИВЫ“—1 руб. 25 коп., за 4 перепл. на 12 книгъ соч. Лѣскова—1 р. 60 к., за 3 перепл. на 12 книгъ соч. Жуковскаго—1 р. 20 к. и за 3 перепл. на 12 вып. „Литерат. Приложеній“—1 руб.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1903 годъ.

Въ нумерахъ „Нивы“ 1903 г. читатель найдетъ обширный литературный матеріалъ (болѣе 2.000 столбцовъ текста), состоящій изъ беллетристическихъ произведеній популярно-научныхъ статей, біографій выдающихся дѣятелей и проч. Искусство нашло себѣ отраженіе на страницахъ „Нивы“ въ видѣ множества оригинальныхъ рисунковъ и художественно-исполненныхъ гравюръ—копій съ картинъ извѣстнѣйшихъ художниковъ; кромѣ того, помѣщено множество снимковъ, иллюстрирующихъ текущія событія.

Къ тому „НИВЫ“ 1903 г. приложено:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 16 томахъ. **Антъ. П. ЧЕХОВА.**

отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ.

ОСТАЛЬНЫЕ 24 тома ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **Н. С. ЛѢСКОВА.**

(Томы XIII—XXXVI).

12 книгъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ Литературныхъ и популярно-научныхъ Приложеній“, въ которыхъ помѣщены: романы, повѣсти, разсказы, очерки и проч. До 2.000 столбцовъ текста.

ЦѢНА тому „НИВЫ“ за 1903 г. со всѣми приложеніями безъ перес. 7 руб., съ перес. (въ Европ. Россію)—9 руб. Для Аз. Россіи пересылка по почтѣ за 32 фунта или по жел. дорогѣ. За ящикъ для упаковки—75 коп.

Желающіе имѣть изданіе въ коленкор. переплетахъ благоволятъ сверхъ того прилагать: за переплетъ тома „НИВЫ“—1 р. 25 к., за 6 перепл. на 16 книгъ соч. Чехова—2 р. 40 к., за 8 перепл. на 24 книги соч. Лѣскова—3 р. 20 к. и за 3 перепл. на 12 вып. „Литерат. и популярно-научн. Приложеній“—1 руб.

Digitized by Google

Контора „Нивы" считаетъ долгомъ обратить вниманіе гг. подписчиковъ на то, что на изготовленныхъ нашею переплетною крышкахъ къ соч. Шеллера, Гейне и Горбунова вытиснена надпись: **„Рисунокъ утвержденъ правительствомъ"**, и что нашего изготовленія являются только переплеты съ указанной надписью **и только того рисунка, который изображенъ на помѣщенныхъ здѣсь снимкахъ.** Съ своей стороны, **Контора будетъ преслѣдовать** законнымъ порядкомъ всякую поддѣлку.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

КРЫШКИ НА ПРИЛОЖЕНІЯ „Нивы" 1904 г.,

изготовленныя изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ красивыми тисненіями золотомъ и краскою по рисункамъ художника В. А. Табурина:

7 КРЫШЕКЪ

на 20 первыхъ книгъ полн. собр. сочиненій

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА

(по одной крышкѣ на каждыя 2—3 книги).

Цѣна всѣмъ 7 крышкамъ 1 руб. 75 коп., съ перес. 2 руб. 25 коп.

6 КРЫШЕКЪ

на 16 кн. полн. собр. сочиненій

Г. ГЕЙНЕ

(по 1 крышкѣ на 2—3 книги).

Цѣна 6 крышк. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.

2 КРЫШКИ

на 4 кн. полн. собр. сочиненій

ГОРБУНОВА

(по 1 крышкѣ на 2 книги).

Цѣна 2 крышкамъ 50 к. съ пересылкою 75 к.

Имѣются также въ продажѣ:

1 крышка на журналъ „НИВА" 1904 г.

Цѣна этому переплету на полный томъ журнала за весь годъ—**75 к.**, съ перес. **1 р.**

3 крышки на 12 книгъ „Литературныхъ Приложеній" за 1904 г.

(по 1 крышкѣ на 4 книги).

Цѣна 3 крышкамъ **75 к.**, съ перес. **1 р.**

Выписывающіе **одновременно** крышки на соч. Шеллера, Гейне, Горбунова, на „Ниву" и „Литературн. приложенія" платятъ за совмѣстную пересылку лишь **1 руб.**

КРЫШКИ НА „НИВУ" И ПРИЛОЖЕНІЯ прошлыхъ лѣтъ:

Соч. Чехова
Соч. Гоголя
Соч. Григоровича
Соч. Боборыкина

Цѣна 6 крышкамъ для полнаго собр. сочиненій каждаго изъ означенныхъ 4 авторовъ **1 р. 50 к.**, съ перес. **2 руб.**

Соч. Данилевскаго
Соч. Гончарова
Соч. Тургенева

Цѣна 7 крышкамъ для полн. собранія сочиненій каждаго изъ означенныхъ 3-хъ авторовъ—**1 р. 75 к.**, съ перес.—**2 р. 25 к.**

Соч. Лѣскова
Соч. Достоевскаго

Цѣна 12 крышкамъ для полн. собр. соч. каждаго изъ этихъ 2-хъ авторовъ **3 руб.**, съ перес. **3 р. 50 к.**

Соч. Жуковскаго **Цѣна** 3 крышкамъ на полное собр. сочиненій **75 к.**, съ перес. **1 руб.**

Цѣна 1 крышки на полный томъ журн. „Нива" за каждый изъ прошлыхъ годовъ—75 к., съ перес. **1 руб. Цѣна одному комплекту крышекъ на 12 книгъ Ежем. Литер. Приложеній** за каждый изъ прошлыхъ годовъ—**75 коп.**, съ пересылкою **1 руб.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ.

Ежемѣсячный журналъ съ иллюстраціями

„Защита Животныхъ"

Изданіе Главнаго Правленія Россійскаго Общества Покровительства Животнымъ.

Журналъ содержитъ слѣдующіе Отдѣлы: 1) Извѣстія о дѣятельности Общества, 2) Научное Обозрѣніе, 3) Беллетристическій Отдѣлъ, 4) Поученія и бесѣды, 5) Обзоръ спеціальной литературы, 6) Разныя извѣстія, 7) Корреспонденція, 8) Вопросы и отвѣты, 9) Для юныхъ читателей, 10) Совѣты сельскимъ хозяевамъ.

Подписная плата съ доставкою и пересылкою 2 р. въ годъ со всѣми приложеніями (за границу 3 руб).

Подписка принимается: въ Канцеляріи Главнаго Правленія Общества Покровительства Животнымъ, Надеждинская, 15, зданіе Главнаго Управленія Государственнаго Коннозаводства, во всѣхъ Отдѣлахъ Общества и въ книжныхъ магазинахъ.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

и продается въ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

КАЛЕНДАРЬ „СИНЯГО КРЕСТА"

на 1905 г.

Календарь издается на усиленіе средствъ при надлежащей къ составу Общества попеченія бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ дѣтской столово въ память чуднаго событія 17 октября 1888 г.

Въ Календарѣ „Синяго Креста", кромѣ пос третовъ ИМПЕРАТОРСКАГО ДОМА по новѣй шимъ снимкамъ и разнообразныхъ свѣдѣній и частямъ:

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ,	СУДЕБНОЙ,
ПОЧТОВОЙ,	ТЕЛЕГРАФНОЙ,
ТЕЛЕФОННОЙ,	ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЙ,
ФИНАНСОВОЙ и	ВРАЧЕБНОЙ,

помѣщены еще, въ виду выдающагося интереса который представляетъ Русско-Японская война портреты выдающихся военныхъ дѣятелей и иллюстраціи, до настоящей войны относящіяся

Цѣна въ изящномъ переплетѣ — 2 р. съ экземпляръ.

Иногороднымъ, съ наложеннымъ платежомъ,—2 р. 30 к.

20% съ вырученной отъ продажи суммы поступятъ въ пользу семействъ столичныхъ рабочихъ отправленныхъ въ Портъ-Артуръ и нынѣ призванныхъ изъ запаса для отбыванія воинской повинности въ дѣйствующей арміи.

Складъ изданія въ РЕДАКЦІИ КАЛЕНДАРЯ „СИНЯГО КРЕСТА" (С.-Петербургъ, Моховая, 33).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛІОТЕКУ НИВЫ" на 1905 годъ,

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРОЙ ВОЙДЕТЪ НОВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ:

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

проф. ОСКАРА ІЕГЕРА,

въ 12-ти **ежемѣсячныхъ** выпускахъ, которые составятъ четыре большихъ тома, заключающихъ въ себѣ около 2.600 страницъ текста большого 8°, около 1000 художественно-исполненныхъ гравюръ, 80 отдѣльныхъ приложеній, отпечатанныхъ золотомъ, серебромъ, черною и цвѣтными красками, и около 40 историческихъ картъ и плановъ. Первые три тома—въ переводѣ и съ дополненіями (во русской исторіи) **П. Н. Полевого** вновь пересмотрѣны и исправлены **Л. З. Слонимскимъ** по **послѣднему нѣмецкому изданію.** Четвертый томъ — въ новомъ переводѣ подъ редакціею и съ дополненіями **Л. З. Слонимскаго.—Изложеніе событій доведено до 1905 г.,** и включеніемъ иллюстрирован. **очерка русско-японской войны.**

„Всеобщая исторія" проф. Оскара Іегера представляетъ собою трудъ, замѣчательный по своимъ научнымъ достоинствамъ и еще болѣе по чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала, которымъ авторъ владѣетъ въ совершенствѣ, а потому и передаетъ его въ удивительно простой, ясной и доступной формѣ. Одно изъ важныхъ достоинствъ труда О. Іегера составляетъ чрезвычайное обиліе строго согласованныхъ съ текстомъ иллюстрацій, воспроизведенныхъ по памятникамъ и живописующихъ эпоху, къ которой онѣ относятся.

„Всеобщая исторія" въ первомъ изданіи была: 1) допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія, средн. и старш. возрастовъ, библіотеки средне-учебн. заведеній; 2) разсмотрѣна Военно-Учен. Комит., и о выходѣ ея объявлено въ цирк. Главн. Штаба 17 окт. 1896 г. № 284.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе: Безъ доставки: въ С.-Петербургѣ—12 руб. **Съ дост. въ СПБ. и съ перес. во всѣ мѣста Россіи—14 р.** За границу—16 руб.

Разсрочка платежа въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ.

Для ознакомленія съ изданіемъ, ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО и высылается иногороднымъ за ОДИНЪ РУБЛЬ.

Подробное иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Гончарная, № 22.

Digitized by Google

Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google